Кир БУЛЫЧЁВ

ВЕЛИКИЙ ГУСЛЯР

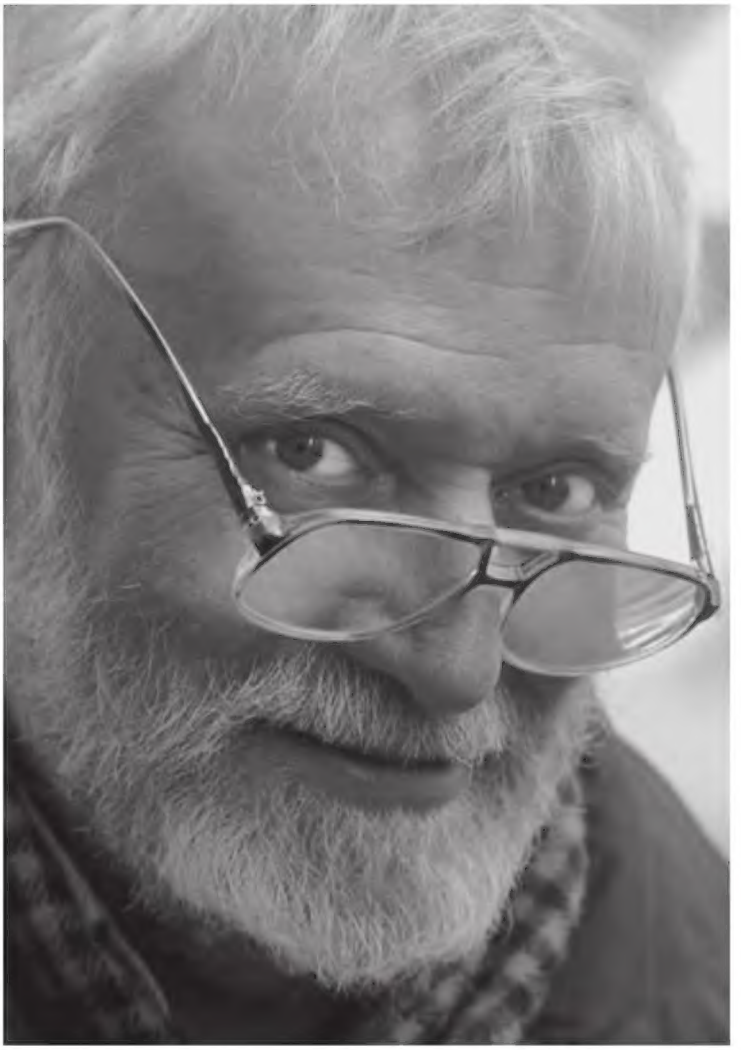
Том I

Свыше ста иллюстраций
Евгения Мигунова и Виктора Минеева
к первому тому полного цикла
рассказов и повестей
«Великий Гусляр»

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БМЛ

Кир Булычев



Кир Булычёв
(1934–2003)

Кир Булычёв

Великий Гусляр

Сборник рассказов

ТОМ I

Иллюстрации
Евгения Мигунова
Киры Сошинской
Виктора Минеева

Алькор

Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплетной компании
ООО «Творческое объединение «Алькор»

Санкт-Петербург
СЗКЭО

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Б90

Первые 100 пронумерованных экземпляров
от общего тиража данного издания переплетены мастерами
ручного переплета ООО «Творческое объединение «Алькор»

Классический переплет выполнен
из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.
Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.
Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.
6 бинтов на корешке ручной обработки.
Использовано шелковое лясе, золоченый каптал из натуральной кожи,
форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги
с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока
с трех сторон методом механического торшонирования
с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.
Оформление обложки пронумерованных экземпляров
разработано в ООО «Творческое объединение «Алькор»

Б90 **Булычёв К. Великий Гусляр. Том I.** — Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2024. — 1072 с.: ил.

Кир Булычёв (1934–2003) — советский и российский писатель, переводчик, сценарист и учёный-востоковед. В данное издание вошла первая часть его сочинений о необыкновенном городе Великий Гусляр — шестьдесят рассказов и три повести. Великий Гусляр то и дело становится эпицентром фантастических происшествий, которые не дают заскучать его самобытным жителям. Чудесные иллюстрации к текстам сборника выполнили талантливые художники Евгений Тихонович Мигунов (1921–2004) и Виктор Михайлович Минеев.

ISBN 978-5-9603-1150-2 (7БЦ)
ISBN 978-5-9603-1151-9 (Кожаный переплет)

© СЗКЭО, 2024
© К. Булычёв, наследники, 2024
© Е. Т. Мигунов, наследники, 2024
© В. Минеев, иллюстрации, 2024

ТОМ I

ОТ АВТОРА

Теперь, по прошествии стольких лет, интересно вспомнить момент и место рождения как самого города, так и первых гуслярских историй, которых уже накопилось около сотни.

Я не могу утверждать, что Великий Гусляр полностью возник в моем воображении. Не такое уж у меня богатое воображение, чтобы родить целый город, включая баню и автостанцию. Поэтому можно утверждать, что первоначально существовал прототип города, а уж потом город этот был отражен в изящной словесности.

Прототип города назывался Великим Устюгом. Я попал туда в середине шестидесятых годов и прожил там несколько дней – гостевание в Великом Устюге было частью неспешного путешествия в Вологду, Кириллово-Белозерск и Ферапонтово.

Великий Устюг меня очаровал, особенно если учесть, что в те, дотуристические времена он существовал сам по себе и никто коллективно не ахал, глядя на сохранившиеся после бурной разрушительной деятельности советской власти маковки церквей и фасады купеческих особняков.

Хоть в те дни я еще не знал, что стану писателем, а тем более не подозревал, что буду писать фантастику, Великий Устюг открывал мне больше, чем являл случайному наблюдателю.

Его относительно оторванное от великих свершений социализма существование, тишина и простор его длинной, украшенной белыми фасадами особняков и стройными церквами набережной, голубизна широкой реки, леса, подбирающиеся к самым окраинам, приземистая уверенность в себе гостиных рядов и нелепое вторжение сборных пятиэтажек... – ощутимость истории и провинциальная тишина так и подмывали столкнуть подобный мир с миром космическим, мир Устюга и мир Альдебарана. Я помню, как, поддавшись обаянию города, я посетил Елену Сергеевну, бывшую директоршу музея. Помню чистоту небогатого интеллигентного домика на окраине, помню ее внука и саму Елену Сергеевну – но, хоть убей, не вспомню, почему же я туда попал и о чем мы говорили.

Почему-то мне, от возникшей в те прозрачные дни обостренности чувств, стали интересны люди, встречавшиеся ежедневно. Провизор в аптеке, странный лохматый веселый гражданин с воздушным змеем под

мышкой, старик, с которым я разговорился в столовой и который утверждал, что в Устюге под каждой улицей подземные ходы и клады... И я непроизвольно принялся строить биографии этим незнакомцам и вводить их в некие, несколько ирреальные, но на вид обычные отношения. Я не знал, как их зовут, и это меня смущало. Я не считал себя вправе придумывать им имена и не смел спросить их о настоящих – впрочем, последнее меня и не привлекало. Мне ведь нужны были не слепки с живущих рядом, а образы, происшедшие от них, но им не идентичные.

Помогла Елена Сергеевна, которая подарила тонкую «Адресную книгу г. Вологды за 1913 годъ». И там, среди объявлений, я отыскал все нужные мне имена и наградил ими людей, виденных на улицах Великого Устюга двадцать пять лет назад.

В книге был Корнелий Удалов – владелец магазина скобяных товаров. Но мне не хотелось, чтобы Корнелий Удалов, которого я встречал каждое утро, когда он спешил до службы отвести в школу столь похожего на него сынишку, занимался и в этой жизни скобяными товарами. И я сделал его начальником стройконторы. Правда, это случилось позже. Александр Грубин, также имевший в адресной книге торговое занятие стал изобретателем, соседом Удалова по дому, также там поселился Николай Ложкин, превратившийся в пенсионера... Потом я уехал из Великого Устюга и постепенно забыл о своих размышлениях и вмешательстве в биографии его обитателей, которые, к счастью, об этом так и не догадались. Осталось лишь трогательное воспоминание о днях, проведенных там.

Вскоре я написал первый фантастический рассказ. Рассказ был детским и назывался «Девочка, с которой ничего не случится». Его напечатали в «Мире приключений». Затем я принялся за приключенческую повесть для детей, действие которой происходило в Бирме. Повесть именовалась «Меч генерала Бандулы».

Так что, оказавшись в ноябре 1967 года в Болгарии, я имел некоторое право именоваться «Молодым писателем из Москвы», а мои знакомые в Болгарии, желая сделать мне приятное, даже познакомили меня с настоящими болгарскими писателями и редакторами. Один из них – редактор журнала «Космос» Славко Славчев, после того как мы выпили с ним несколько рюмок коньяка «Плиска» и обсудили проблемы фантастики, вежливо спросил меня, не испытываю ли я нужды в деньгах. Нужду в деньгах я испытывал, в чем признался болгарскому коллеге.

– Ты едешь в Боровец, – сказал тогда Славко. – Там все пишут. Ты напишешь для нашего журнала рассказ, мы его напечатаем, а тебе заплатим гонорар.

Я приехал в Боровец и написал там первый гуслярский рассказ.

Конечно, в одной фразе это сообщение звучит буднично и никак не отражает моих терзаний и творческих мук.

В комнате было очень большое, во всю переднюю стену, окно, которое выходило на зеленый склон горы. По склону, к соснам, росшим чуть ниже, проходили овечьи отары. Овцы позвякивали колокольчиками, а пастухи лениво покрикивали на них. В холле первого этажа был большой камин, возле которого болгарские писатели за творческими беседами проводили вечера. Кормили там сказочно вкусной форелью, а неподалеку, в центре этого курорта, был ресторан, на веранде которого отдыхающие вкушали прохладное пиво.

Очень хотелось гулять по лесу, пить пиво, есть форель, разговаривать о жизни, куда меньше хотелось работать.

Я сидел за столом, глядел на горы и понимал, что я никогда в жизни не напишу никакого рассказа.

Но потом наступил час, когда все сложилось вместе – и время, и звон колокольчиков, и шум сосен, и лесная дорога.

В рассказе сразу же сошлись основные герои гуслярских историй, и сам город, и даже дом на Пушкинской, в котором моим героям предстоит прожить много лет.

Славко Славчев с трудом прочел написанный карандашом текст и, на мое счастье, будучи человеком слова, принял мой опус к публикации; мне выдали в кассе сто левов, что было по тем временам значительной суммой, позволившей благополучно довести до завершения визит в Болгарию.

А еще через несколько месяцев из Софии пришел пакет с номером «Космоса», в котором был напечатан рассказ «Связи личного характера». Так что, зародившись в Великом Устюге, город Великий Гусляр материализовался в Болгарии.

К тому времени у меня на столе лежало уже несколько гуслярских историй. Видно, найденный ход и интонация соответствовали моим собственным тогдашним настроениям и моему пониманию фантастики. Мне важно было для самого себя понять возможности взаимоотношений фантастического и реального. Мне хотелось отыскать

возможности для того, чтобы ирония чувствовала себя естественно и свободно в фантастической атмосфере. Я не претендовал на новые ходы и открытия в фантастическом сюжете или идее. Но мне хотелось поглядеть на испытанные мотивы под «гуслярским» углом зрения. И мне даже казалось, что в этом есть определенная новизна: я брал нашего провинциального современника, совершенно не приспособленного для космических подвигов, и пытался доказать, что на самом деле он может воспринимать марсианина без внутреннего трепета – дай ему немного привыкнуть. Где великое, где смешное, а где – банальное? Разве все это не перемешалось в нашей жизни? И если сделать шаг за пределы ее ненормальной нормальности – не попадем ли в совершенно нормальный Великий Гусляр и не увидим ли мы сами себя в несколько изогнутом зеркале?

Через года два гуслярских рассказов накопилось уже столько, что они потребовали определенного обобщения. Поэтому для сборника, половину которого занимал «гуслярский» цикл, я написал вступление, в котором попытался на основе доступных науке данных рассказать все, что известно о Великом Гусляре.

ВСТУПЛЕНИЕ

Иногда приходится слышать: почему пришельцы из космоса, избравшие Землю целью своего путешествия, опускаются не в Тихом океане, не на горах Памира, не в пустыне Такла-Макан, наконец, не в Осаке и Конотопе, а в городе Великий Гусляр? Почему некоторые странные происшествия, научного истолкования которым до сих пор не удалось найти, имеют место в Великом Гусляре?

Этот вопрос задавали себе многочисленные учёные и любители астрономии, о нём говорили участники симпозиума в Аддис-Абебе, об этом прошла дискуссия в «Литературной газете».

Недавно с новой гипотезой выступил академик Спичкин. Наблюдая за траекториями метеорологических спутников Земли, он пришёл к выводу, что город Великий Гусляр стоит на земной выпуклости, совершенно незаметной для окружающих, но очевидной при взгляде на Землю с соседних звёзд. Эту выпуклость никак нельзя путать с горами, холмами и другими геологическими образованиями, потому что ничего подобного в окрестностях Гусляра нет. Появление действующего вулкана у озера

Копенгаген относится к 1982 году и к ранним появлениям пришельцев отношения не имеет.

Город Великий Гусляр расположен на равнине. Он окружён колхозными полями и густыми лесами. Реки, текущие в тех краях, отличаются чистой водой и медленным течением. Весной случаются наводнения, спадающие нескоро и оставляющие на берегах ил и коряги. Зимой бывают снежные заносы, отрезающие город от соседних населённых пунктов. Летом стоит умеренная жара и часты грозы. Осень здесь ласковая, многоцветная, к концу октября начинаются холодные дожди. В 1876 году старожилы наблюдали северное сияние, а за тринадцать лет до этого – тройное солнце. Самая низкая температура января достигала сорока восьми градусов ниже нуля (18 января 1923 года).

Раньше в лесах водились медведи, косули, кабаны, еноты, бобры, лисицы, росомахи и волки. Они встречаются в лесах и сегодня. В 1952 году была сделана попытка акклиматизировать под Великим Гусляром зубробизона. Зубробизоны расплодились в Воробьёвском заказнике, естественным образом скрестились с лосями и приобрели в дополнение к грозному облику могучие рога и спокойный, миролюбивый нрав. Реки и озёра богаты дичью. Не так давно в реку Гусь завезены гамбузия и белый амур. Неизвестно как за последние годы там же расплодился рак бразильский, ближайший родственник омара. Рыбаки по достоинству оценили его вкусовые качества. В местной печати сообщалось о появлении в окрестностях города мухи цеце, однако случаев сонной болезни не отмечено.

Население Великого Гусляра достигает восемнадцати тысяч человек. В нём проживают люди шестнадцати национальностей. В деревне Морошки обитают четыре семьи кожухов. Кожухи – малый лесной народ угрофинской группы, говорящий на своеобразном, до сих пор не до конца разгаданном наукой языке. Письменность кожухов на основе латинской была разработана в 1926 году гуслярским учителем Ивановым, который составил букварь. В наши дни лишь три кожуха – Иван Семёнов, Иван Мудрик и Александра Филипповна Малова – владеют кожухским языком.

История города Великий Гусляр насчитывает семьсот пятьдесят лет. Впервые упоминание о нём встречается в Андриановской летописи, где говорится, что потёмкинский князь Гавриил Незлобивый «пришех и истребих» непокорных обитателей городка Гусляр. Это случилось в 1222 году.

Город быстро рос, будучи удобно расположен на перекрёстке торговых путей, ведущих на Урал и в Сибирь, а также в южные и западные области Руси. Его пощадило монгольское иго, так как испуганные густотой и дикостью северных лесов татарские баскаки ограничивались присылкой списка требуемой дани, однако жители города эту дань платили редко и нерегулярно. Возникшее в XIV веке соперничество за Гусляр между Москвой и Новгородом закончилось окончательной победой Москвы лишь к середине XV века. В ходе соперничества город был трижды сожжён и дважды разграблен. Один раз новгородская дружина воеводы Лепёхи сровняла город с землёй. В последующие годы Гусляр подвергался чуме, наводнению, мору и гладу. Ежегодно бушевали пожары. После каждой эпидемии и пожара город вновь отстраивался и украшался белокаменными соборами, живописно раскинувшимися по берегу реки Гусь.

Из числа землепроходцев, пустившихся навстречу солнцу, более трети оказались уроженцами Великого Гусляра, который в XVI веке превратился в процветающий город, стал соперником Вологде, Устюгу и Нижнему Новгороду. Достаточно вспомнить Тимофея Бархатова, открывшего Аляску, Симона Трусова, с пятьюдесятью казаками вышедшего к реке Камчатке, Федьку Меркартова, первым добравшегося до Новой Земли, открывателей Курил, Калифорнии и Антарктиды. Все они возвращались на старости лет в родной город и строили двухэтажные каменные дома на Торговой улице, в Синем переулке и на Говяжьем спуске. Именно в те годы Гусляр стал зваться Великим.

Кстати, по сей день среди учёных не выработалось единого мнения: почему Гусляр зовётся Гусляром? Если профессор Третьяковский в своей монографии «Освоение Севера» полагает, что источником слова служит «гусляр» или даже «гусли» (гипотеза Райзмана), ибо производство этих музыкальных инструментов было широко развито в этих краях, то Илонен и другие зарубежные историки склоняются к мысли, что название городу дала река Гусь, на берегу которой он расположен. Однако существует версия Тихонравовой, полагающей, что в этих лесных краях нашли убежище бежавшие от габсбургского ига сподвижники чешского реформатора Яна Гуса. Наконец, нельзя не упомянуть о точке зрения Иванова, выводящего слово «Гусляр» от кожухского «хусля», означающего «задняя нога большого медведя, живущего на горе». Среди кожухов и поныне бытует легенда о богатыре Дёме, убившем в этих местах медведя и съевшем его заднюю ногу.

В конце XIX века в связи с тем, что железная дорога прошла стороной, Великий Гусляр перестал играть важную роль в торговле и превратился в заштатный уездный город и пристань на реке Гусь.

За последние годы в Гусляре развивается местная промышленность. Работает пивоваренный завод, освоено производство пуговиц и канцелярских кнопок на фабрике «Заря». Также имеются лесопилка, молочный комбинат и бондарные мастерские. В городе работают речной техникум, несколько средних школ, три библиотеки, два кинотеатра, клуб речников и музей. В число памятников архитектуры, охраняемых государством, входят Спасо-Трофимовский монастырь, церковь Параскевы Пятницы (XVI век) и Дмитровский собор. Гостиный двор и несколько церквей были снесены в 1930 году при разбивке сквера имени Землепроходцев.

Великий Гусляр – город областного подчинения и является центром Великогуслярского района, где выращиваются лён, рожь, гречиха, имеются скотоводство и лесной промысел. В распоряжении туристов, облюбовавших город в летние месяцы, находится гостиница «Великий Гусляр» с рестораном «Гусь», Дом колхозника и баржа-общежитие. В городе за последние годы снимался ряд исторических фильмов, в частности «Стенька Разин», «Землепроходец Бархатов», «Садко» и «Гуслярская баллада».

Главная улица, Пушкинская, тянется параллельно набережной. На ней расположены универмаг, книжный и зоологический магазины. Одним концом улица упирается в мост через реку Грязнуху, делящую город на традиционные город и слободу, с другой стороны улица заканчивается у городского парка, где находятся эстрада, тир и карусель, а также летняя читальня.

Сообщение с Вологдой автобусом (шесть часов) или самолётом (один час). С Архангельском – самолётом (полтора часа) или пароходом через Устюг и Котлас – четверо суток.

Космические пришельцы начали появляться в городе начиная с 1967 года. Более ранние следы их не обнаружены.

ОТ АВТОРА 2

Сейчас я проглядел это вступление и понял, что кое-что в нем пора бы изменить. Но это было бы неэтично по отношению к тому времени, когда вступление было напечатано. Так что, предлагая вниманию читателя вступление к гуслярским рассказам образца 1972 года и не

изменив в нем ни слова, я оставляю за собой право написать предуведомления к некоторым рассказам, где и отразить перемены, имевшие место в Великом Гусляре за последнюю четверть века.

Несколько лет назад в журнале «Уральский следопыт» была опубликована карта города Великий Гусляр и его окрестностей. Карта была интересна для меня самого – ее автор предпринял немалые усилия для того, чтобы совместить порой противоречивые сведения, почерпнутые в рассказах и повестях, и преуспел. Я же внутренне с картографом не соглашался, потому что во мне живет другая карта, в значительной степени определенная планом Великого Устюга. Что, разумеется, неправильно.

Одновременно с макропланом Гусляра для меня важен и микрокосм дома № 16 по Пушкинской улице.

Сам дом № 16 – лишь оболочка двора, который он ограждает с трех сторон двухэтажными строениями. Четвертая сторона занята сараями. Двор этот, где и происходит большинство событий, был идеально отыскан режиссером Александром Майоровым для его фильма «Золотые рыбки». Затем он снимал его в фильме «Шанс» по повести «Марсианское зелье». Двор этот расположен в старой части Калуги, в тихом переулке, недалеко от музея.

Двор – место встреч, бесед, конфликтов и примирений. Там же играют в домино, для чего во дворе стоит крепкий стол.

Что касается жильцов дома № 16, то уже в первом рассказе в качестве героя появился Корнелий Удалов. Что касается остальных персонажей рассказа «Связи личного характера», то кое-кто из них остался жить в доме № 16, другие разъехались. Почему некоторые из героев захотели переходить из рассказа в рассказ, а другим эти рассказы показались неинтересными, я не знаю. В частности, из Гусляра уехало первое поколение доминошников – в последние годы мне не приходилось там встречать друзей-алкашей Каца и Погосяна, а также Василь Васильича. Мне кажется, что профессор Минц въехал как раз в квартиру Погосяна, тогда как остальные жильцы улучшили свои жилищные условия. Что касается матери-одиночки Гавриловой и ее сына, то они тоже приехали в Гусляр после 1977 года, но они поменялись с безымянной бабушкой, уехавшей к дочке в Саратов.

Наконец, возникшая уже в первом рассказе деталь внедрилась в последующие опусы – это частое присутствие в Гусляре пришельцев из космоса.

СВЯЗИ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА

Сидели во дворе, играли в домино. Дело было летом, после дождя, в хорошую погоду. Облака, вытряся воду, плыли над головой пышные и умиротворённые, лужи сохли быстро, от них поднимался невидимый пар, скоро идти ужинать, игра малость приелась, и пришло время побеседовать о разных вещах.

– Устал я сегодня чего-то, – сказал Василь Васильич, принюхиваясь к сложным ароматам, слетавшим вниз, к игрокам, из двенадцати кухонь дома.

– Жарко было, – согласился Валентин Кац, размешал костяшки и спросил товарищей: – Ещё одну «рыбу» забьём?

И в этот момент во двор вошёл Корнелий Удалов. Был он потен, светлые волосики завились, штаны грязные, пиджак через плечо, в руках, вся в белых потёках, банка из-под белил. В ней болтается малярная кисть.

– Корнелий-то, – сказал Погосян, – Корнелий стал маляром, да?

– Дурачьё, – сказал Удалов, покосился на свои окна, не наблюдает ли за ним жена его Ксения, и, поставив банку посреди двора, уселся на скамью. – История со мной случилась. Фантастическая.

– Всегда с тобой что-нибудь случается, – сказал Валентин. – Может, всё-таки забьём ещё одну «рыбу»?

– Что за история, а? – спросил Погосян.

Удалов, которому очень хотелось поговорить, сразу ответил:

– Дорогу на Грязнуху знаете? К санаторию?

– Ну.

– Там вот всё и произошло. Не было сегодня дороги.

– Куда же она, болезная, делась?

– Даже не знаю, что на это ответить, – сказал Удалов. – Рано человечеству об этом знать.

– Ты, Корнелий, не крути, – обиделся Василь Васильич. – Ты всегда в истории попадаешь. И придаёшь им космическое значение.

– Вот именно что космическое. Не менее чем космическое.

– Ясно, – сказал из открытого окна своей комнатки Грубин, который весь этот разговор отлично слышал – занимался работой скучной, но творческой: вырезал на рисовом зерне «Песнь о вещем Оле-

ге». – Ясно, американцы с Луны камень везли, обронили на полпути и по Корнелиевой дороге угодили.

– Циник ты, Грубин, – сказал с тоской Корнелий Удалов.

И видно всем было, что и в самом деле очень ему хочется рассказать, но пока не решается. На выступающих частях его пухлого лица показались капельки пота.

– Циник ты, Грубин, и самое удивительное, что почти угадал, хотя не можешь себе представить всей глубины такого события. Я же слово дал, почти подписку, что не разглашу.

– Ну и не разглашай, – отозвался Грубин.

– Ну и не разглашу, – повторил Удалов.

– Нужны нам твои истории, – сказал Грубин, который, несмотря на эти резкие слова, был лучшим другом Удалова.

– Так что с дорогой приключилось? – спросил Валя Кац. – А то меня сейчас жена ужинать позовёт.

– Не поверите, – сказал Удалов.

– Не поверим, – согласился из окна Грубин.

Но Удалов уже решился на рассказ, не слышал грубинских слов, глаза у него помутнели и приобрели отсутствующее выражение, с каким былинные сказители в отдалённые времена вынимали гусли из торбы, обращали лицо к самому князю и начинали разворачивать длинное, увлекательное повествование, правдоподобное для слушателей и совсем невероятное для потомков.

– Я сегодня до Грязнухи пешком пошёл, – сказал Удалов. – До маслозавода автобусом, а там пешком. Нам через месяц нужно будет в санатории крышу перекрывать. Вот и пошёл посмотреть.

– А как же твой, Корнелий, персональный грузовик? – спросил Грубин.

– Машина в Тотьму за генератором ушла. А я в санаторий отправился. А куда мне спешить, я спрашиваю. Куда мне спешить, если дорога лесом, местами над самым берегом, птицы поют, вокруг никакого движения и даже отдыхающих не видно.

– А это правда, что санаторий прикрыли? – спросил Василь Васильич.

– Временно, – сказал Удалов. – Временно грязевой источник иссяк. Будем, наверно, нарзан возить. Это как решим. Вот я их и встретил.

– Отдыхающих?

– Каких отдыхающих? Людей на «москвиче». Целая семья. Туристы, наверное. На крыше всё привязано: и палатка, и матрац, и детская коляска. Потому я к ним и не подсел – пять человек в машине.

– Зачем тебе к ним подсаживаться?

– Как зачем? Чтобы до санатория подбросили.

– Так они же тебе навстречу ехали.

– Нет, Валентин, ты всё путаешь. Сначала они меня обогнали. И я к ним не подсел. Куда спешить? А потом они обратно поехали. Навстречу. Он сам, который за рулём сидит, бледный весь, детишки плачут, высунулся из машины и машет рукой – давай, в смысле, обратно. Вот, думаю, чудак. Не знал я ещё, что меня ждёт за поворотом.

– За поворотом Корнелия ждал холодный труп, – произнёс Грубин.

– Не перебивай, – возмутился Погосян. – Человек рассказывает, понимаешь, а ты перебиваешь.

– За поворотом меня знак ждал. «Идут дорожные работы», знаете такой знак? Треугольный, а в нём человек с лопатой. Я даже удивился: какие такие дорожные работы без ведома стройконторы? Город наш небольшой, и не может быть неизвестных работ. И ещё меня удивило, что знак странный. Плохо выполнен с точки зрения художественного образа. У рабочего три ноги.

– А кто у нас знаки делает?

– Знаки из Вологды присылают. Знаки – дело милицейское. Да не в этом дело. Плохой ли знак, хороший, но что характерно – три ноги.

– Хулиганство, – сказала старуха Ложкина, которая своего мужа покормила и теперь высунулась в просвет между аквариумом и канареечной клеткой, чтобы послушать интересную историю.

– И я так подумал, – согласился Удалов. – И меня ещё люди в «москвиче» обеспокоили. Чего они испугались?

– Хулиганство, ясное дело, хулиганство, – повторила старуха Ложкина.

– Знак, значит, стоит, закопан в землю, а из-за поворота слышны звон металла и всевозможные звуки строительных работ. Делаю ещё десять шагов, признаюсь, что делаю их со всей осторожностью. Вижу: поперёк дороги барьер. И на нём надпись чёрными буквами: «Проезд воспрещён». А прямо за барьером разворачивается бульдозер странного вида, а на бульдозере сидит, вы мне не поверите, инопланетный пришелец из космоса, и у него четыре руки и три глаза.

– Во даёт, – сказал Погосян, который ничему не поверил.

– Валентин, еда стынет! – крикнула жена Каца из окошка.

– Погоди, – ответил Кац. – Дослушаю и приду.

– Вы только подумайте, что делается, – сказала жена Каца через весь двор старухе Ложкиной. – Валентин не бежит, когда его зовут кушать!

– На голове у него был прозрачный шлем, как у космонавтов, – продолжал Удалов, прикрыв глаза, чтобы яснее представить эту картину. – Из шлема торчат проводочки, а костюм на нём оранжевого

цвета. Он меня увидел, вида не подал, заглушил мотор, соскочил на землю, и вижу я, что ног у него минимум три, и что характерно – все в различной обуви. Я поздоровался, потому что был в состоянии шока, и он мне тоже говорит: «Здравствуйте».

– Во даёт! – сказал Погосян. – «Здравствуйте», значит, на межпланетном языке, а Корнелий, ясное дело, ему обучен, да?

– С детства, – согласился с шуткой Грубин, который оставил своё дело и ни слова из сказанного не пропускал.

– Он мне сказал по-русски, – возразил Удалов. – Ну и я ему ответил: «Кто дал указание работы проводить?»

– Конечно, – сказал Грубин. – Видим мы человека на трёх ногах, гостя из далёких звёздных миров, и вместо «добро пожаловать» сразу ему ляпаем: «Кто дал указание?»

– Я перепугался, – проговорил Удалов. – В другом случае я бы ему всё как надо сказал. А тут с перепугу взял быка за рога.

– А у него и рога были? – удивилась старуха Ложкина.

– Это он фигурально, – пояснил Василь Васильич.

– Я пошёл, – сказал Погосян. – Я пошёл, а то он меня вместо ужина, понимаешь, баснями кормит.

Но Погосян никуда не ушёл. Ему хотелось, чтобы его стали останавливать, говорить, что всё это шутка, но никто не останавливал и не говорил. Все знали, что, хотя у Удалова сильно развито воображение, хотя он человек нервный, он крайне правдив.

– Я его спрашиваю, – продолжал между тем Удалов, – а он машет своими ручонками и говорит: «Скандал, безобразие получается».

– Крупные они, пришельцы? – спросил Василь Васильич.

– Нет, не крупные, с третьеклассника.

– Я так и думал, – сказал Василь Васильич. – Откуда им быть крупными?

– Я хотел под шлагбаум подлезть, а он сначала не пускал, на надпись показывал, лопотал, что вход воспрещён. Ну, я ему и указал, что являюсь начальником стройконторы города Великий Гусляр, на окраине которого он ведёт неизвестные работы.

– И не испугался?

– Испугался я потом, – признался Удалов. – А сначала меня взяло возмущение. Ездит тут на бульдозере, не пускает, людей пугает, и, что характерно, бульдозер также не нашей марки. Тогда пришелец этот

оробел и говорит мне: «Извините, не будете ли так любезны проследовать за мной, поговорить с нашим руководством?»

Жена Каца высунулась из окошка по талию и чуть не свалилась вниз.

– И ты пошёл?

– А чего же? Пошёл. Подлез под шлагбаум, завернул за поворот, а там за холмиком открылось мне удивительное зрелище. И тогда я внутренне всё осознал. Метров на тридцать дорога там была полностью разрушена, будто по ней громадным молотком стукнули или лавину обрушили сверху. Но я-то сразу понял, в чём фокус, – пониже на склоне лежала накренившись их летающая тарелочка.

– А какие опознавательные знаки были? – спросил подозрительно Погосян.

– Без опознавательных знаков. Им это не нужно. Лежала эта тарелочка, вокруг неё масса пришельцев. Одни тарелочку чинят, другие на дороге возятся. Техника, приспособления, дорожные машины – удивительно даже, сколько добра в этой тарелочке поместилось.

Грубин вылез из окна – ноги сначала, сам потом – и подошёл поближе.

– Я их спрашиваю: «Вынужденная посадка?». Из толпы ко мне один подходит, тоже на трёх ногах, и отвечает: «Безобразная посадка. Хулиганская посадка. Я, скажу честно, сделал штурману строгое предупреждение». Я спрашиваю: «Зачем же так строго?». И тогда он отвечает...

В этот момент Удалов прервал свои речи, ибо почувствовал, как Шехерезада, что слушатели полностью захвачены повествованием.

Удалов повернулся к своему окну и строго спросил:

– Ксения, скоро ужинать?

Ксения ничего не ответила.

– Успеешь ещё, поужинаешь, – остановил его Кац. – Ты сначала свою байку доскажи.

– Кому байка, а кому действительность, – сказал Удалов, и никто не засмеялся.

– Давай дальше, – поторопил Василь Васильич. – Прохладно становится.

– Я спрашиваю, значит, – продолжал Удалов, закуривши, – «Почему так строго?» А мне главный пришелец отвечает: «А что делать?

Представьте, – говорит, – себя на нашем месте. Прилетаем мы на чужую планету. Имеем, – говорит, – строгий приказ в контакты не входить, а лишь проводить визуальные наблюдения. Туземные, – говорит, – цивилизации должны развиваться по своим законам».

– Это кто такие туземные цивилизации? – спросил Погосян.

– Мы, – ответил за Удалова Грубин.

– Мы не туземная, – сказал Погосян. – Это оскорбительное слово. Мы что, получается, голыми бегаем? Голые, да?

– Не оскорбляйся, – сказал Грубин.

А Удалов между тем продолжал:

– «Избираем, – говорит мне главный пришелец, – тихое место на окраине мелкого городка...»

– Это кто такой мелкий городок? – опять перебил Погосян. – Великий Гусляр – мелкий городок, да?

– «Избираем мелкий, тихий городок, хотим сесть неподалёку, чтобы собрать образцы растительной флоры и сделать всякие снимки. И вот по вине этого головотяпа штурмана совершается катастрофа!»

– И правильно, – сказала старуха Ложкина. – Правильно, что строго предупредил штурмана. Если пустили в космос, так работай, а не ушами хлопай.

– Может, он увидел сверху, какая прекрасная наша Земля в окрестностях Великого Гусляра, – сказала жена Каца, – и рука у него дрогнула?

– А что, ихние предупреждения, они с изоляцией или как? – спросил Василь Васильич.

– Не знаю, не спрашивал, – ответил Удалов. – Если кому неинтересно, уходите. Не мешайте. Развели дискуссию.

Находясь в центре внимания, Удалов заметно обнаглел, и в тоне его появились металлические нотки. Слушатели замолкли.

– Вокруг нас роботы суетятся, машины, космонавты, спешат, чтобы их позор не стал достоянием земной общественности. Начальник шлемом качает, вздыхает по-своему и говорит далее: «А каково нам будет, если Галактика узнает, что наш корабль разрушил дорогу на Земле, в окрестностях Великого Гусляра? А представляете себе, как будут хохотать над нами нахальные акарили с планеты Цук? Как будут мяукать в припадке издевательства низменные душой тумсы? Как

будут качать всеми своими головами мудрые йыкики? Ведь нас же предупредят на всю Галактику...»

– Нет, не иначе как у них предупреждение со строгой изоляцией, – сказал Василь Васильич.

– И как это ты, Корнелий, запомнил все эти имена? – спросил Грубин.

– Они знали, с кем на Земле встречаться, – ответил с достоинством Корнелий. – «Представляете моё состояние», – говорит этот пришелец, и я, конечно, выражаю ему сочувствие. И тут подходит к нам ещё один, в полосатом комбинезончике, чёрненький, с глазками врозь. И что-то по-своему лопочет. Я пока осматриваюсь, полагаю, что им с дорогой и ремонтом тарелочки придётся до ночи провозиться. Даже с ихней хвалёной техникой. «Не знаю, – переходит тем временем на русский язык главный пришелец. – Но надеюсь, что сама судьба послала нам разумного и доброго туземца».

– Так и сказал – туземец? – спросил Погосян.

– Так и сказал.

– Тут бы я ему ответил, – произнёс Погосян. – Поставил бы его на место. Ведь ты же не голый был!

– Не голый, в пиджаке, – сказал Удалов. – Только я об этом не думал. Они со мной как с братом по разуму разговаривали. Зачем же междупланетные отношения обострять без надобности?

– Правильно, – сказал Василь Васильич, – а то они бы тебя предупредили, только мы тебя и видели.

– Ой! – сказала жена Каца. – Какая опасность.

– Ничего, – успокоил её Удалов. – Я им сразу ответил: если есть просьба или поручение, люди Земли и Великого Гусляра в моём лице готовы прийти им на помощь.

– Молодец! – одобрил Василь Васильич. – По-нашему ответил.

– И тогда он мне говорит, что есть просьба. Дорогу они починят, следов не останется, тарелочку свою уберут на околоземную орбиту. Но вот белил у них нету.

– Чего?

– Белил. Масляных. Они по обочине дороги вывернули столбики, в труху превратили. А столбики должны быть окрашены в белый цвет во избежание аварии движущегося транспорта. Он меня и просит: принеси, дорогой брат по разуму, нам банку белил. Мы тебя по-цар-

ски отблагодарим. Я ему отвечаю: не надо мне наград, всегда готов. А он мне отвечает, что Галактика моей скромной услуги никогда не забудет. Ну и побежал я обратно в город...

Слушатели с минуту сидели в молчании, осознавали, то ли Удалов свой рассказ завершил, то ли будет продолжение. Солнце клонилось к реке, тени стали длиннее, прохладный ветерок потянул из-за леса. У Кацев пригорел ужин, но жена Валентина этого не замечала.

– И всё? – спросил наконец Грубин.

– Почти что, – ответил Удалов. Его праздник кончался. Кончался вместе с рассказом. – Я целый час эту банку искал. И кисть тоже. Хозяйственный закрыт, на складе сторож обедать ушёл, и так далее. Потом прибежал всё-таки к ним, нельзя же людей подводить. Прибежал, а знака дорожного нету. И ничего нету. Ни тарелочки, ни машин, ни роботов. Пустота.

– А дорога?

– Дорога полностью починена.

– И ты домой пришёл?

– Нет, – сказал Удалов. – Сначала я своё обещание выполнил. Я столбики покрасил.

– А они некрашеные были?

– Некрашеные. Четыре столбика. Новенькие, но некрашеные. И около одного записка лежала. Показать?

– Конечно.

– Глядите.

Удалов достал из кармана сложенную вчетверо записку. Развернул, разгладил на столе. И прочёл вслух. Остальные склонились к столу и читали, повторяли за ним слово в слово. Вот что написано было в записке. Печатными буквами, чёрными чернилами:

«Заранее благодарны за помощь. Столбики к вашим услугам. Ваша помощь не будет забыта. Просьба о происшедшем не распространяться».

– И без подписи, – сказал Погосян.

– И правильно, что без подписи, – сказал Василь Васильич. – Только ты, Удалов, доверия не оправдал, и будет тебе при первом же случае серьёзное предупреждение с последствиями.

– Это почему же? – вскинулся Удалов.

– Просили не разглашать. А ты разгласил. Знаешь, что за это бывает?

– Ничего подобного! – сказал Удалов с обидой. – Они тоже хороши. Я бы молчал, а они улетели – и никаких следов. Может, мне хотелось им вопросы задать? Может, мне хотелось с ними о будущем посоветоваться? Может, они из благодарности могли не записочку оставить, а хоть какой бульдозер ихней марки для нашей конторы? Разве не правильно я говорю?

И все согласились, что правильно.

– Я даже адреса их не спросил, с какой планеты они прилетели, даже не узнал, что они будут делать, если агрессоры развяжут на Земле ядерную войну. Разве так себя ведут настоящие пришельцы?

И все согласились, что настоящие пришельцы себя так не ведут.

Потом опять все немного помолчали, переваривая серьёзное событие. И Погосян спросил:

– А доказательства у тебя, Удалов, есть?

– Какие ещё доказательства?

– А доказательства, что ты сегодня с пришельцами виделся?

– Ну, знаете! – возмутился Удалов. – Ну, знаете! А банка эта, которая на виду у вас посреди двора стоит? Из-под белил. Сегодня же брал на складе. За наличный расчёт. Зачем мне белила? Зачем мне, спрашиваю, белила? Вы же в курсе, что состою на руководящей работе.

– Правильно говорит, – сказал Василь Васильич. – Зачем ему про белила было врать?

– И завтра же, в воскресенье, – сказал Удалов нервно, – пойдём все вместе на ту дорогу. И вы эти столбики увидите, свежепокрашенные. И такие эти столбики гладкие и ровные, что нашим плотникам никогда не сделать. Словно импортная мебель. И краска на четырёх ещё свежая.

– Кор-не-лий! – крикнула из окна Ксения Удалова, которая была не в курсе и потому к Удалову уважения не ощущала. – Мне что, третий раз суп греть?

– Иду, Ксюша, иду, – ответил Удалов. – До завтра, – сказал он друзьям и соседям.

– Чего уж там, – сказал ему вслед Василь Васильич, – почему не верить человеку? Конечно, мы ему поверим.

И все поверили. И не поехали на следующий день на ту дорогу, хоть Удалов и уговаривал. Что толку на столбики смотреть?

С тех пор в Великом Гусляре ждали нового прилёта братьев по разуму. Потому что уже какие-никакие связи налажены. Связи личного характера.

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ

Зоомагазин в городе Великий Гусляр делит скромное помещение с магазином канцпринадлежностей. На двух прилавках под стеклом лежат шариковые авторучки, ученические тетради в клетку, альбом с белой чайкой на синей обложке, кисти щетинковые, охра тёмная в тюбиках, точилки для карандашей и контурные карты. Третий прилавок, слева от двери, деревянный. На нём пакеты с расфасованным по полкило кормом для канареек, клетка с колесом для белки и небольшие сооружения из камней и цемента с вкрапленными ракушками. Эти сооружения имеют отдалённое сходство с развалинами средневековых замков и ставятся в аквариум, чтобы рыбки чувствовали себя в своей стихии.

Магазин канцпринадлежностей всегда выполняет план. Особенно во время учебного года. Зоомагазину хуже. Зоомагазин живёт надеждой на цыплят, инкубаторных цыплят, которых привозят раз в квартал, и тогда очередь за ними выстраивается до самого рынка. В остальные дни у прилавка пусто. И если приходят мальчишки поглазеть на гуппи и мечехвостов в освещённом лампочкой аквариуме в углу, то они этих мечехвостов здесь не покупают. Они покупают их у Кольки Длинного, который по субботам дежурит у входа и раскачивает на длинной верёвке литровую банку с мальками. В другой руке у него кулёк с мотылём.

– Опять он здесь, – говорит Зиночка Вере Яковлевне, продавщице в канцелярском магазине, и пишет требование в область, чтобы прислали мотыля и породистых голубей.

Нельзя сказать, что у Зиночки совсем нет покупателей. Есть несколько человек. Провизор Савич держит канарейку и приходит раз в неделю в конце дня, по пути домой из аптеки. Покупает полкило корма. Забегает иногда Грубин, изобретатель и неудавшийся человек.

Он интересуется всякой живностью и лелеет надежду, что рано или поздно в магазин поступит амазонский попугай ара, которого нетрудно научить человеческой речи.

Есть ещё один человек, не покупатель, совсем особый случай. Бывший пожарник, инвалид Эрик. Он приходит тихо, встаёт в углу за аквариумом, пустой рукав заткнут за пояс, обожжённая сторона лица отвёрнута к стенке. Эрика все в городе знают. В позапрошлом году одна бабушка утюг забыла выключить, спать легла. Эрик первым в дом успел, тащил бабушку на свежий воздух, но опоздал – балка сверху рухнула. Вот и стал инвалидом. В двадцать три года. Много было сочувствия со стороны граждан, пенсию Эрику дали по инвалидности, но старую работу пришлось бросить. Он, правда, остался в пожарной команде, сторожем при гараже. Учится левой рукой писать, но слабость у него большая и стеснительность. Даже на улицу выходить не любит.

Эрик приходит в магазин после работы, чаще, если плохая погода, прихрамывает (нога у него тоже повреждена), забивается в уголок за аквариум и глядит на Зиночку, в которую он влюблён без взаимности. Да и какая может быть взаимность, если Зиночка хороша собой, пользуется вниманием многих ребят в речном техникуме и сама вздыхает по учителю биологии в первой средней школе. Но Зиночка никогда Эрику плохого слова не скажет.

Третий квартал кончался. Осень на дворе. Зиночка очень надеялась получить хороший товар, потому что в области тоже должны понимать: план сорвётся, по головке не погладят.

Зина угадала. 26 сентября день выдался ровный, безветренный. От магазина виден спуск к реке, даже лес на том берегу. По реке – лазурной, в цвет неба, но гуще – тянутся баржи, плоты, катера. Облака медленно плывут по небу, чтобы каждым в отдельности можно было полюбоваться. Зиночка товар с ночи получила, самолётом прислали, Ан-2, пришла на работу пораньше, полюбовалась облаками и вывесила объявление у двери:

«Поступили в продажу золотые рыбки».

Вернулась в магазин. Рыбки за ночь в большом аквариуме ожили, плавали важно, чуть шевелили хвостами. Было их много, десятка два, и они собой являли исключительное зрелище. Ростом невелики, сантиметров десять-пятнадцать, спинки ярко-золотые, а к брюшку розо-

веют, словно начищенные самоварчики. Глаза крупные, чёрного цвета, плавники ярко-красные.

И ещё прислали из области бидон с мотылём. Зиночка выложила его в ванночку для фотопечати. Мотыль кишел тёмно-красной массой и всё норовил выползти наверх по скользкой белой эмали.

– Ах, – сказала Вера Яковлевна, придя на работу и увидев рыбок. – Такое чудо, даже жалко продавать. Я бы оставила их как инвентарь.

– Все двадцать?

– Ну не все, а половину. Сегодня у тебя большой день намечается.

И тут хлопнула дверь и вошёл старик Ложкин, любящий всех поучать. Он прошёл прямо к прилавку, постоял, пошевелил губами, взял двумя пальцами щепоть мотыля и сказал:

– Мотыль столичный. Достойный мотыль.

– А как рыбки? – спросила Зиночка.

– Обыкновенный товар, – ответил Ложкин, сохраняя гордую позу. – Китайского происхождения. В Китае эти рыбки в любом бассейне содержатся из декоративных соображений. Миллионами.

– Ну уж не говорите, – обиделась Вера Яковлевна. – Миллионами!

– Литературу специальную надо читать, – сказал старик Ложкин. – Погляди в накладную. Там всё сказано.

Зиночка достала накладную.

– Смотрите сами, – сказала она. – Я уж проверяла. Не сказано там ничего про китайское их происхождение. Наши рыбки. Два сорок штука.

– Дороговато, – определил Ложкин, надевая старинное пенсне. – Дай самому убедиться.

Вошёл Грубин. Был он высок ростом, растрёпан, стремителен и быстр в суждениях.

– Доброе утро, Зиночка, – сказал он. – Доброе утро, Вера Яковлевна. У вас новости?

– Да, – сказала Зиночка.

– А как насчёт попугая? Не выполнили моего заказа?

– Нет ещё – ищут, наверное.

По правде говоря, Зиночка бразильского попугая ара и не заказывала. Подозревала, что засмеют её в области с таким заказом.

– Любопытные рыбки, – сказал Грубин. – Характерный золотистый оттенок.

– Для чего характерный? – строго спросил старик Ложкин.

– Для этих, – ответил Грубин. – Ну, я пошёл.

– Пустяковый человек, – сказал ему вслед Ложкин. – Нет в накладной их латинского названия.

В магазин заглянул Колька Длинный. Длинным его прозвали, наверное, в насмешку. Был он маленького роста, волосы на лице, несмотря на сорокалетний возраст, у него не росли, и был он похож на большого грудного младенца. В обычные дни Зиночка его в магазин не допускала, выгоняла криком и угрозами. Но сегодня, как увидала в дверях, восторжествовала и громко произнесла:

– Заходи, частный сектор.

Коля подходил к прилавку осторожно, чувствуя подвох. Пакет с мотылём он зажал под мышкой, а банку с мальками спрятал за спину.

– Я на золотых рыбок только посмотреть, – проговорил он тихо.

– Смотри, жалко, что ли?

Но Коля смотрел не на рыбок. Он смотрел на ванночку с мотылём. Ложкин этот взгляд заметил и сказал:

– Вчетверо меньше государственная цена, чем у кровососов. И мотыль качественнее.

– Ну, насчёт качественнее – это мы посмотрим, – ответил Коля. И стал пятиться к двери, где налетел спиной на депутацию школьников, сбежавших с урока, лишь слух о золотых рыбках разнёсся по городу.

Старик Ложкин покинул магазин через пять минут, сходил домой за банкой и тремя рублями, купил золотую рыбку, а на остальные деньги мотыля. К этому времени приковылял и Эрик. Принёс букетик астр и подложил под аквариум – боялся, что Зиночка заметит дар и засмеёт. Школьники глазели на рыбок, переговаривались и планировали купить одну рыбку на всех – для живого уголка. Зиночка закинула в аквариум сачок, и Ложкин, пригнувшись, прижав пенсне к стеклу, управлял её действиями, выбирая лучшую из рыбок.

– Не ту, – говорил он. – Мне такой товар не подсовывайте. Я в рыбах крайне начитан. Левее заноси, левее. Дай-ка я сам.

– Нет уж, – сказала Зиночка. Сегодня она была полной хозяйкой положения. – Вы мне говорите, а я найду, выловлю.

– Нет уж, я сам, – отвечал на это старик Ложкин и тянул к себе сачок за проволочную ручку.

– Перестаньте, гражданин, – вмешался Эрик. – Для вас же стараются.

– Молчать! – обиделся Ложкин. – От больно умного слышу. Кому бы учить, да не тебе.

Старик был несправедлив и говорил обидно. Эрик хотел было возразить, но раздумал и отвернулся к стене.

– Такому человеку я бы вообще рыбок не давала, – возмутилась с другого конца помещения Вера Яковлевна.

Вера Яковлевна держала в руке рейсшину, занеся её словно для удара наотмашь.

Старик сник, больше не спорил, подставил банку, рыбка осторожно соскользнула в неё с сачка и уткнулась золотым рылом в стекло.

Зиночка отвешивала Ложкину мотыля в молчании, в молчании же приняла деньги и выдала две копейки сдачи, которые старик попытался было оставить на прилавке, но был возвращён от двери громким голосом, подобрал сдачу и ещё более сник.

Когда Ложкин вышел на улицу и солнечный луч попал в банку с рыбкой, из банки вылетел встречный луч, ещё более яркий, заиграл зайчиками по стёклам домов, и окна стали открываться, и люди стали выглядывать наружу, спрашивая, что случилось. Рыбка плеснула хвостом, водяные брызги полетели на тротуар, и каждая капля тоже сверкала.

Резко затормозил рядом автобус, водитель высунулся наружу и крикнул:

– Что дают, дед?

Ложкин погладил пакетиком мотыля выбритый морщинистый подбородок и ответил с достоинством:

– Только для любителей, для тех, кто понимает.

Ложкин шёл домой, смущала его некоторая неловкость от грубости, учинённой им в магазине, но неловкость понемногу исчезала, потому что за Ложкиным шли, сами того не замечая, взволнованные люди, перебрасывались удивлёнными словами и восхищались золотой красавицей в банке.

– Принёс чего? – спросила супруга Ложкина из кухни, не замечая, как светло стало в комнате у неё за спиной. – Небось пол-литра принёс?

– Пол-литра чистой воды, – согласился старик. – Пол-литра в банке, и вам того же желаю.

– Нет, – сказала старуха, не оборачиваясь. – Там, на улице, и принял.

– Почему это?

– Чушь несёшь.

Старик спорить не стал, раздвинул кактусы на подоконнике, подмигнул канарейкам, которые защебетали ошеломлённо, увидев банку, достал запасной аквариум и понёс его к крану, на кухню.

– Подвинься, – сказал он супруге. – Дай воды набрать.

Тут супруга поняла, что муж её не пьяный, и, вытерев руки передником, заглянула в комнату.

– Батюшки! – воскликнула она. – Нам ещё золотой рыбки не хватало!

Супруга нагнулась над банкой, а рыбка высунула ей навстречу острое рыльце, приоткрыла рот, будто задыхалась, и сказала негромко:

– Отпустили бы вы меня, товарищи, в речку.

– Чего? – спросила супруга.

– Воздействуйте на мужа, – объяснила рыбка почти шёпотом. – Он меня без вашего влияния никогда не отпустит.

– Чего-чего? – спросила супруга.

– Ты с кем это? – удивился старик, возвращаясь в комнату с полным аквариумом.

– И не знаю, – сказала жена. – Не знаю.

– Красивая? – спросил Ложкин.

– Даже и не знаю, – повторила жена. Подумала чуть-чуть и добавила: – Отпустил бы ты её в речку. Беды не оберёшься.

– Ты чего, с ума сошла? Ей же цена два рубля сорок копеек в государственном магазине.

– В государственном? – спросила жена. – Уже дают?

– Дают, да никто не берёт. Не понимают. Цена велика. Да разве два сорок для такого сказочного чуда большая цена?

– Коля, – сказала супруга, – я тебе три рубля дам. Четыре и закуски куплю. Ты только отпусти её. Боюсь я.

– Сумасшедшая баба, – уверился старик. – Сейчас мы её в аквариум пересадим.

– Отпусти.

– И не подумаю. Я, может быть, её всю жизнь жду. С Москвой переписывался. Два сорок уплатил.

– Ну, как хочешь. – Старуха заплакала и пошла на кухню.

В этот момент нервы у рыбки не выдержали.

– Не уходи! – крикнула она пронзительно. – Ещё не все аргументы исчерпаны. Если отпустите, три желания выполню.

Старик был человек крепкий, сухой, но аквариум при этих словах уронил, разбил и стоял по щиколотку в воде.

– Не надо нам ничего! – ответила старуха из кухни. – Ничего не надо. Убирайся в свою реку! От тебя одни неприятности.

– Не-ет, – сказал старик медленно. – Не-е-ет. Это что же получается, разговоры?

– Это я говорю, – ответила рыбка. – И моё слово твёрдое.

– А как же это может быть? – спросил старик, поджимая промокшую ногу. – Рыбы не говорят.

– Я гибридная, – сообщила рыбка. – Долго рассказывать.

– Изотопы?

– И изотопы тоже.

– Выкинь её, – настаивала старуха.

– Погоди. Мы сейчас испытаем. Ну-ка, восстанови аквариум в прежнем виде, и чтобы на окне стоял, а в комнате сухо.

– А отпустишь, не обманешь?

– Честное слово, отпущу. Тебя на три желания хватает?

– На три.

– Тогда ты мне аквариум восстанови – если получится, сбегаю в магазин, ещё десяток таких куплю. Или, может, ты одна говорящая?

– Нет, все, – призналась рыбка.

– Тогда ставь аквариум.

В комнате произошло мгновенное помутнение воздуха, шум, будто от пролетевшей мимо большой птицы, и тут же на окне возник целый, небитый, полный воды аквариум.

– Идёт, – сказал старик. – Нормально.

– Два желания осталось, – напомнила рыбка.

– Тогда мне этот аквариум мал. Приказать, что ли, новый изобразить? Столитровый, с водорослями, а?

Старуха подошла между тем к старику, всё ещё находясь в состоянии смятения. Теперь же к смятению прибавился новый страх – старик легкомысленный, истратит все желания рыбки, а что, если врёт она? Если она такая единственная?

– Стой! – сказала она старику. – Ты сначала других испытай. Других рыбок. Они и в малом аквариуме проживут. Ей же аквариумы строить плёвое дело. Нам новый дом с палисадником куда нужнее.

– Ага, – согласился старик. – Это дело, доставай деньги из шкафа, ведро неси. Пока я буду в отлучке, глаз с неё не спускай.

– Так большой аквариум делать или как? – спросила рыбка без особой надежды.

– И не мечтай! – озлился старик. – Хитра больно. В коллективе работать будешь. У меня желаний много – не смотри, что пожилой человек.

Ксения Удалова, соседка, зашла за пять минут до этих слов к Ложкиным за солью. Соль вышла вся. Дверь открыта, соседи – свои люди, чего ж не зайти. И незамеченная весь тот разговор услышала. Старики к ней спиной стояли, а рыбка если её и заметила, то виду не подала. Ксения Удалова, мать двоих детей, жена начальника стройконторы, отличалась живым умом и ничему не удивлялась. Как тихо вошла, так тихо и ушла, подсчитала, что Ложкиным время понадобится, чтобы ведро с водой взять, деньги достать, выбежала на двор, где Корнелий Удалов, её муж, по случаю субботы в домино играл под опадающей липой, и крикнула ему командирским голосом:

– Корнелий, ко мне!

– Прости, – сказал Корнелий напарнику. – Отзывают.

– Это конечно, – ответил напарник. – Ты побыстрей только.

– Я сейчас!

Ксения Удалова протянула мужу плохо отмытую банку с наклейкой «Баклажаны», пятёрку денег и сказала громким шёпотом:

– Беги со всех ног в зоомагазин, покупай двух золотых рыбок!

– Кого покупать? – переспросил Корнелий, послушно беря банку.

– Зо-ло-тых рыбок. И бери покрупнее.

– Зачем?

– Не спрашивать! Бегом – одна нога здесь, другая там, никому ни слова. Воду не расплескай. Ну! А я их задержу.

– Кого?

– Ложкиных.

– Ксаночка, я ровным счётом ничего не понимаю, – сказал Корнелий, и его носик-пуговка сразу вспотел.

– Потом поймёшь!

Ксения услышала шаги внутри дома и метнулась туда.

– Куда это тебя? – спросил Саша Грубин, сосед. – Проводить, дружище?

– Проводи, – ответил Удалов, всё ещё в смятении. – Проводи до зоомагазина. Золотых рыбок пойду покупать.

– Быть того не может, – сказал Погосян, партнёр по домино. – Твоя Ксения в жизни ничего подобного не совершала. Если только пожарить.

– А ведь и вправду, может, пожарить, – несколько успокоился Удалов. – Пошли.

Они покинули с Грубиным двор, а игроки весело рассмеялись, потому что хорошо знали и Ксению, и мужа её Корнелия.

Не успели шаги друзей затихнуть в переулке, как в дверях дома вновь показалась Ксения Удалова. Выходила она из них спиной вперёд, объёмистая спина колыхалась, выдерживала большой напор. И уже видно было, что напор этот производят супруги Ложкины. Ложкин тащил ведро с водой, а старуха помогала ему толкать Ксению.

– И куда это вы так спешите, соседи дорогие? – распевала, ворковала Ксения.

– Пусти, – настаивал старик. – По воду иду.

– По какую же по воду, когда дома водопровод провели?

– Пусти! – кричал старик. – За квасом иду!

– С полным-то ведром? А я хотела у вас соли одолжить.

– И одалживай, меня только пропусти.

– А уж не в зоомагазин ли спешите? – спросила ехидно Ксения.

– Хоть и в зоомагазин, – ответила старуха. – Только нет у тебя права нас задерживать.

– Откуда знаешь? – возмутился старик. – Откуда знаешь? Подслушивала?

– А что подслушивала? Чего подслушивать?

Старик извернулся, чуть не сшиб Ксению и бросился к воротам. Старуха повисла на Удаловой, чтобы остановить её, метнувшуюся было вслед.

– Ой-ой, – произнёс Погосян. – Он тоже за золотой рыбкой побежал. Зачем побежал?

– Жили без золотых рыбок, – ответил ему Кац, – и проживём, мешай кости.

– Ой-ой, – сказал Погосян. – Ксения Удалова настолько хитрая баба, что ужас иногда берёт. Смотри-ка, тоже побежала. И старуха Ложкина за ней. Играйте без меня. Я, пожалуй, понимаешь, пойду по городу погуляю.

– Валентин! – крикнула Кацу жена со второго этажа. Она услышала шум на дворе и внимательно к нему прислушивалась. – Валентин, у тебя есть деньги? Дойди до зоомагазина и посмотри, что дают. Может, нам уже не достанется.

Через полторы минуты весь дом в составе тридцати-сорока человек бежал по Пушкинской улице к зоомагазину, кто с банками, кто с бутылками, кто с пластиковыми пакетами, кто просто так, полюбопытствовать.

Когда первые из них подбежали к зоомагазину, перед дверью с надписью «Поступили в продажу золотые рыбки» стояла толпа.

Город Великий Гусляр невелик, и жизнь в нём движется по привычным и установившимся путям. Люди ходят в кино, на работу, в техникум, в библиотеку, и в том нет ничего удивительного. Но стоит случиться чему-то необычайному, как по городу прокатывается волна тревоги и возбуждения. Совсем как в муравейнике, где вести проносятся по всем ходам за долю секунды, потому что у муравьёв есть на этот счет шестое чувство. Так вот, Великий Гусляр тоже пронизан

шестым чувством. Шестое чувство привело многочисленных любопытных поглядеть на золотых рыбок. Шестое же чувство разрешило их сомнения – покупать или не покупать. Покупать, поняли граждане Гусляра в тот момент, когда в магазин влетели, не совсем ещё понимая, зачем они это делают, Удалов с Грубиным, и Удалов, запыхавшись, сунул Зиночке пять рублей и сказал:

– Две рыбки золотые заверните, пожалуйста.

– Это вы, Корнелий Иванович? – удивилась Зиночка, которая жила на той же улице, что и Удалов. – Вам Ложкин посоветовал? Вам самца с самочкой?

– Зиночка, не продавай им рыбок, – сказал из-за аквариума инвалид Эрик, который всё никак не мог собраться с силами, чтобы покинуть магазин.

– Молодой человек, – прервал его Грубин. – Только из уважения к вашему героическому прошлому я воздерживаюсь от ответа. Зиночка, вот банка, кладите товар.

У Зиночки на глазах были слезы. Она взяла сачок и сунула его в аквариум. Рыбки бросились от него врассыпную.

– Тоже понимают, – проговорил кто-то.

В дверях возникло шевеление – старик Ложкин пытался с ведром пробиться поближе к прилавку.

– Вы не церемоньтесь с ними, – сказал Удалов. – Всё равно поджарим.

– Мне дайте, мне! – кричал от двери Ложкин. – Я любитель. Я их жарить не буду!

В общем шуме потонули отдельные возгласы. К Зиночке тянулись руки с зажатыми рублями, и, желая оградить её от мятежа, Эрик приподнял костыль, стукнул им об пол и крикнул:

– Тишина! Соблюдайте порядок!

И наступила тишина.

И в этой тишине все услышали, что рыбка, высунувшая голову из аквариума, сказала:

– Это совершенное безумие нас жарить. Всё равно что уничтожать куриц, несущих золотые яйца. Мы будем жаловаться.

Тишина завладела магазином.

Вторая рыбка подплыла к первой и произнесла:

– Мы должны получить гарантии.

– Какие? – спросил Грубин тонким голосом.

– Три желания на каждую. И ни слова больше. Потом – на свободу.

Наступила пауза.

Потом медленное движение к прилавку, ибо любопытство – сильное чувство, и желание посмотреть на настоящих говорящих рыбок влекло людей, как магнит.

Через пять минут всё было кончено. В пустом магазине на пустом прилавке стоял пустой аквариум. Вода в нём ещё покачивалась. Зиночка тихо плакала, пересчитывая выручку. Эрик всё так же стоял в углу и потирал здоровой рукой помятый бок. Потом нагнулся, поднял с пола почти не пострадавший букетик цветов и вновь положил на прилавок.

– Не расстраивайтесь, Зиночка. Может, в следующем квартале снова пришлют. Я только жалею, что мне не досталось. Я бы вам свою отдал.

– Я не об этом, – всхлипнула Зиночка. – Какая-то жадность в людях проснулась. Даже стыдно. И старик Ложкин кричит: мне десять штук, и вообще.

– Я очень жалею, что не смог для вас взять, – повторил Эрик. – До свидания.

Он ушёл. Вера Яковлевна, дожидавшаяся, пока никого в магазине не останется, подошла к Зиночке, держа в руке палехскую шкатулку. В шкатулке еле умещались две рыбки.

– Я всё-таки купила, – сообщила она. – Ты ведь и не заметила. Я поняла, что, если стоять и ждать, пока это столпотворение продолжается, ничего не достанется. Ведь ты не догадалась хотя бы две-три штуки отложить.

– Куда там, – сказала Зиночка. – Я очень рада, что вы успели. А я и не заметила. Такая свалка – я только деньги принимала и рыбок вылавливала.

– Одна твоя. Деньги мне с получки отдашь.

– Не надо мне, – отказалась Зиночка. – Я и права не имею их взять.

– Тогда я тебе дарю. На день рождения. И не сходи с ума. Кто от счастья отказывается? У тебя даже шубки нет, а зима на носу.

– Нет, нет, ни за что! – И Зиночка заплакала ещё горше.

– Чего уж там, – сказала из шкатулки рыбка. – Всё равно одному человеку больше трёх желаний нельзя загадать. Хоть бы у него сто рыбок было. А шубу тебе надо – я сделаю. Ты какую хочешь – норковую или каракуль?

– Вот и отлично, – проговорила Вера Яковлевна. – Где сачок? Мы её тебе пересадим. Я очень рада.

– Ну как же можно! – сопротивлялась Зиночка.

В дверь заглянула незнакомая женщина и спросила:

– Рыбки ещё остались?

– Кончились, – ответила Вера Яковлевна, прикрывая крышку палехской шкатулки. – Теперь они будут приходить. Закроем магазин? Всё равно – какая сегодня торговля?

– Я должна в область, в управление торговли отчёт написать, – сказала Зиночка. – Я очень боюсь, что нам товар по ошибке отгрузили.

– Вот и напишешь дома. Пошли.

Зиночка послушалась. Сняла объявление с двери, заперла её, спрятала выручку. Вера Яковлевна достала ещё одну шкатулку и отсадила в неё рыбку для Зиночки. Продавщицы вышли из магазина через заднюю дверь.

– А ты хоть помнишь кого-нибудь, кто рыбок покупал? – спросила Вера Яковлевна.

– Мало кого помню. Ну, сначала, ещё до всей этой истории, Ложкин был. И кружок юннатов из средней школы. Потом снова Ложкин. И Савич. И этот длинный из горздрава, и Удалов с Грубиным по штуке. А остальных разве припомнишь?

– Боюсь, – сказала на это Вера Яковлевна, – боюсь, что поздно гадать – результаты скоро будут налицо.

– То есть как так?

– Ты думаешь, что за желания будут?

– Не знаю. Разные. Ну, может, денег попросят.

– Денег нельзя. Только ограниченные суммы, – вмешалась из коробочки рыбка. Голос её был глух и с трудом проникал сквозь лаковую крышку.

– Ой! – вскрикнула Зиночка.

Они вышли в переулок, утром ещё пыльный и неровный. Переулок был покрыт сверкающим ровным бетоном. Бетон расстилался во всю

его ширину, лишь по обочинам вместо утренних канав тянулись аккуратные полосы тротуара. Заборы вдоль переулка были выкрашены в приятный глазу зелёный цвет, а в палисадниках благоухали герани.

– Ничего особенного, – сказала Вера Яковлевна, морально готовая к чудесам. – Наверно, кто-то из горсовета рыбку купил. Вот и выполнил годовой план по благоустройству.

– Что же будет?.. – спросила Зиночка, осторожно ступая на тротуар.

– Я так полагаю, – ответила Вера Яковлевна, по-солдатски печатая шаг по асфальту, – я так полагаю, что надо получить отдельную квартиру. Впрочем, ты, рыбка, не спеши, я ещё подумаю.

Дома Зиночка достала большую банку. Выплеснула туда рыбку из шкатулки и понесла на кухню, чтобы долить водой.

– Сейчас будет тебе чистая вода, – сказала она. – Потерпи минутку.

Зиночка открыла кран, и прозрачная жидкость хлынула в банку.

– Стой! – крикнула рыбка. – Стой, ты с ума сошла! Ты меня погубить хочешь? Закрой кран! Вынь меня сейчас же! Ой-ой-ой!

Зиночка испугалась, выхватила рыбку, сжала в кулаке. По кухне распространялся волнами едкий запах водки.

– Что такое? – удивилась Зиночка. – Что случилось?

– Воды! – прошептала рыбка. – Воды... умираю.

Зиночка метнулась по кухне, нашла чайник. На счастье, в нём была вода. Рыбка ожила. Струйка водки всё текла из крана, дурманом заполняя кухню.

– Откуда же водка? – поразилась Зиночка.

– Понимать надо, – сказала рыбка. – Какой-то идиот проверить захотел – приказал, чтобы вместо воды в водопроводе водка текла. Видно, на молодую рыбку попал, на неопытную. Я бы на её месте отказалась. Категорически. Это не желание, а вредительство и головотяпство.

– А где же вода теперь?

– Я так полагаю, что водка скоро кончится. Кто-нибудь другой обратное желание загадает.

– А если нет?

– Если нет – терпи. А вообще-то, это безобразие! Водка попадает в трубы канализации. Оттуда, возможно, в водоёмы – так всю живность

перевести можно. Вот что, Зиночка, у меня к тебе личная просьба. Преврати водку в воду. Используй желание. Мы тебе за это уникальную шубу придумаем.

– Мне уникальной не нужно, – сказала Зиночка. – На что мне уникальная. Я бы очень хотела дублёнку. Болгарскую. У моей тётки в Вологде такая есть.

– Значит, тратим сразу два желания, да?

– Тратим, – согласилась Зиночка и немного пожалела, что останется лишь одно.

Шуба материализовалась на спинке стула. Шуба была светло-коричневого, нежного, тёплого цвета. Её украшал меховой белый воротник.

– Прости, но я её подбила норкой, – призналась рыбка. – Приятно услужить хорошему человеку. Третье желание будем сейчас делать или подождём?

– Можно подождать немного? – попросила Зиночка. – Я подумаю.

– Думай, думай. Пообедай пока. И мне крошек насыпь. Ведь я как-никак живое существо.

– Простите, ради бога. Я совсем забыла.

Удалов с Ложкиным вместе вошли в дом. Грубин во дворе задержался, чтобы поделиться впечатлениями с соседями. Удалов с Ложкиным по лестнице поднимались вместе, были недовольны друг другом. Удалов укорял Ложкина:

– Хотели по секрету всё сделать? Всё себе?

Ложкин не отвечал.

– Чтобы, значит, весь город как раньше, один вы будете жить как миллионер Рокфеллер? Стыдно просто ужасно.

– А твоя жена шпионила, – сказал Ложкин резко и юркнул в дверь, за которой уже стояла, приложив к ней ухо, его супруга.

Удалов хотел было ответить нечто обидное, но и его супруга выбежала из комнаты, выхватила из рук банку и огорчилась:

– Почему только одна? Я же на две деньги давала.

– Вторую Грубин взял, – ответил Удалов. – Мы с ним вместе ходили.

– Сам бы покупал себе, – обиделась Ксения. – У тебя же дети. А он холостой.

– Ну ладно уж. Тебе что, трёх желаний не хватит?

– Было бы шесть. У Ложкиных-то шесть.

– Не огорчайтесь, гражданка, – успокоила золотая рыбка. – Больше трёх все равно нельзя, сколько бы рыбок ни было.

– На человека?

– На человека, или на семью, или на коллектив – всё равно.

– Так значит, Ложкин зря за второй рыбкой бегал? Зря хотел десяток купить?

– Зря. Вы не могли бы поспешить с желаниями? И отпустили бы меня подобру-поздорову.

– Потерпишь, – решительно произнесла Ксения. – А ты, Корнелий, иди руки мой и обедать садись. Всё остыло.

Корнелий подчинился, хотя и опасался, что жена в его отсутствие загадает всякую чепуху.

У умывальника Удалова ждал приятный сюрприз. Кто-то догадался заменить воду в водопроводе водкой. Удалов не стал поднимать шума. Умылся водкой, хоть и щипало глаза, потом напился из ладошек, без закуски, и ещё налил полную кастрюлю.

– Ты куда пропал? – нетерпеливо крикнула жена из комнаты.

– Сейчас, – ответил Удалов, язык которого уже чуть заплетался.

На кухню, полотенце через плечо, пришёл Ложкин. Смотрел волком. Потянул носом и зыркнул глазом на кастрюлю с водкой. Удалов прижал кастрюлю к животу и быстро ушёл в комнату.

– Вот, – сказал он жене. – Готовь закуску. Не моё желание, чужое.

Ксения сразу поняла, разлила по пустым бутылкам и закупорила.

– Какой человек! Какая государственная голова! – хвалил неизвестного доброжелателя Удалов. – Нет чтобы себе только заказать. Всему городу радость. То-то Ложкин удивится, на меня подумает!

– А вдруг он сам!

– Никогда. Он эгоист.

– А если он на тебя подумает и сообщит куда следует, что отравляешь воду в городе, – по головке не погладят.

– Пусть докажут. То ведь не я, а золотая рыбка.

Со двора грянула песня.

– Вот, – сказал Удалов. – Слышишь? Народ уже использует.

А Ложкин тем временем принялся умываться водкой, удивился, отплевался, потом сообразил, в чём дело, побежал с женой советоваться, а когда та пришла с посудой, вместо водки текла уже вода – результат Зиночкиного пожелания. Старуха изругала Ложкина за неповоротли-

вость, и они стали думать, как им использовать пять желаний – два от первой рыбки да три от второй.

Грубин основное желание выполнил тут же, во дворе.

– Мне, – сказал он в присутствии многочисленных свидетелей, – желательно от тебя, золотая рыбка, получить бразильского попугая ара, который может научиться человеческой речи.

– Это несложно, – оценила рыбка. – Я сама обладаю человеческой речью.

– Согласен. – Грубин поставил банку с рыбкой на скамейку, вынул гребешок и пригладил в ожидании торжественного момента густые непослушные вихры. – Чего же ты мешкаешь?

– Одну минутку. Из Бразилии путь долог. Три, четыре, пять.

Роскошный, громадный, многоцветный, гордый попугай ара сидел на ветке дерева над головой Грубина и, чуть склонив набок голову, смотрел на собравшихся внизу обитателей двора.

Грубин задрал голову и позвал:

– Цып-цып, иди сюда, дорогая птица.

Попугай раздумывал, спуститься или нет к протянутой руке Грубина, и в этот момент во двор вышли, обнявшись и распевая громкую песню, Погосян с Кацем, также обладатели золотых рыбок. Как потом выяснилось, именно они независимо друг от друга превратили всю питьевую воду в городе в водку и, довольные результатами опыта и сходством желаний, шли теперь к людям возвестить о начале новой эры.

– Кар-рамба! – проговорил попугай, тяжело снялся с ветки дерева и взлетел выше крыш. Там он сделал круг, распугивая ворон, и крылья его переливались радугой. – Каррамба! – крикнул он снова и взял курс на запад, в родную Бразилию.

– Верни его! – крикнул Грубин. – Верни его немедленно!

– Это второе желание? – спросила ехидно рыбка.

– Первое! Ты же его не выполнила!

– Ты заказывал попугая, товарищ Грубин?

– Заказывал. Так где же он, золотая рыбка?

– Улетел.

– Вот я и говорю.

– Но он был.

– И улетел. Почему не в клетке?

– Потому что ты, товарищ Грубин, клетку не заказывал.

Грубин задумался. Он был человеком, в принципе, справедливым. Рыбка была права. Клетки он не заказывал.

– Хорошо, – согласился он. Попугая ему очень хотелось. – Пусть будет попугай ара в клетке.

Так Грубин истратил второе желание и потому, взяв клетку в одну руку, банку с рыбкой в другую, пошёл к дому. И тут-то во двор вошёл инвалид Эрик.

Эрик обошёл уже полгорода. Он искал рыбку для Зиночки, не подозревая, что та получила её в подарок от Веры Яковлевны.

– Здравствуйте, – сказал он. – Нет ли у кого-нибудь лишней золотой рыбки?

Грубин сгорбился и тихо пошёл к двери со своей ношей. У него оставалось всего одно желание и множество потребностей. Погосян помог Кацу повернуть обратно к двери. У них рыбки были также частично использованы.

Окна в комнатах Удалова и Ложкина захлопнулись.

– Я не для себя! – крикнул в пустоту Эрик.

Никто не ответил.

Эрик поправил пустой рукав и поплёлся хромая со двора.

– Нам необходимо тщательно продумать, что будем просить, – говорила в это время Ксения Удалова мужу.

– Мне велосипед надо, – сказал их сын Максимка.

– Молчать! – повторила Ксения. – Иди погуляй. Без тебя найдём, чего пожелать.

– Вы бы там поскорее, – поторопила золотая рыбка. – К вечеру нам бы хотелось в реке уже быть. До холодов нужно попасть в Саргассово море.

– Смотри-ка, – удивился Удалов. – Тоже ведь на родину тянутся.

– Икру метать, – объяснила рыбка.

– Хочу велосипед! – крикнул со двора Максимка.

– Ну угодили бы парнишке, в самом деле хочет велосипед, – сказала рыбка.

– А может, и в самом деле? – спросил Удалов.

– Я больше не могу! – возмутилась Ксения. – Все подсказывают, все мешают, все чего-то требуют...

Грубин поставил клетку с попугаем на стол и залюбовался птицей.

– Ты чудо, – сказал он ей.

Попугай не ответил.

– Так он что, не умеет, что ли? – спросил Грубин.

– Не умеет, – ответила рыбка.

– Так чего же? Ведь вроде только что «каррамба» говорил.

– Это другой был, ручной, из бразильской состоятельной семьи. А второго пришлось дикого брать.

– И чего же делать?

– Хочешь – третье желание загадай. Я его мигом обучу.

– Да? – Грубин подумал немного. – Нет уж. Сам обучу.

– Может, ты и прав, – согласилась рыбка. – И что же дальше делать будем? Хочешь электронный микроскоп?

Первым своим желанием члены биологического кружка первой средней школы – коллективный владелец одной из рыбок – создали на заднем дворе школы зоопарк с тигрятами, моржом и множеством кроликов.

Вторым желанием сделали так, чтобы им целую неделю не задавали ничего на дом.

С третьим желанием вышла заминка, споры, сильный шум. Споры затянулись почти до вечера.

Провизор Савич дошёл до самого своего дома, перебирая в мыслях множество вариантов. У самых ворот его догнал незнакомый человек в очень большой плоской кепке.

– Послушай, – сказал ему человек, – ты десять тысяч хочешь?

– Почему? – спросил Савич.

– Десять тысяч даю – рыбка моя, деньги твои. Мне, понимаешь, не досталось. На базаре стоял, фруктами торговал, опоздал, понимаешь.

– А зачем вам рыбка? – спросил провизор.

– Не твоё дело. Хочешь деньги? Сегодня же телеграфом.

– Так вы объясните, в конце концов, – повторил Савич, – зачем вам рыбка? Ведь я тоже, наверное, могу с её помощью получить много денег.

– Нет, – объяснил человек в кепке. – Рыбка много денег не может.

– Он прав, – подтвердила рыбка. – Много денег я не могу сделать.

– Пятнадцать тысяч, – сказал человек в кепке и протянул руку к банке с рыбкой. – Больше никто не даст.

– Нет, – произнёс Савич твёрдо.

Человек шёл за ним, тянул руку и набавлял по тысяче. Когда он добрался до двадцати, Савич совсем озлился.

– Это безобразие! – воскликнул он. – Я иду домой, никому не мешаю. Ко мне пристают, предлагают какую-то сомнительную сделку. Рыбка-то стоит два рубля сорок копеек.

– Я тебе и два рубля тоже дам, – обрадовался человек в кепке. – И ещё двадцать тысяч дам. Двадцать одну!

– Так скажите, зачем вам?

Человек в кепке приблизил губы к уху Савича.

– Машину «Волга» покупать буду.

– Так покупайте, если у вас столько денег.

– Нетрудовые доходы, – признался человек в кепке. – А так фининспектор придёт, я ему рыбку покажу, вот, пожалуйста. Вы только мне квитанцию дайте, расписку, что два сорок уплатил.

– Уходите немедленно! – возмутился Савич. – Вы жулик!

– Зачем так грубо? Двадцать три тысячи даю. Хорошие деньги. Голый по миру пойду.

– Гони его, – сказала рыбка. – Он мне тоже неприятен.

– Вот видите, – сказал Савич.

– Двадцать четыре тысячи!

– Вот что, – решил Савич. – Чтобы этот человек немедленно улетел отсюда к себе домой. Чтобы и следа его не было. Я больше не могу.

– Исполнять? – спросила рыбка.

– Немедленно!

И человек закрутился в смерчике и пропал. Лишь кепка осталась на мостовой.

– Спасибо, – сказал Савич рыбке. – Вы не представляете, как он мне надоел. Теперь пойдёмте ко мне домой, и мы с честью используем оставшиеся желания.

В тот день в городе произошло ещё много чудес. Некоторые остались достоянием частных лиц и их семей, некоторые стали известны всему Великому Гусляру. Тут и детский зоопарк, который поныне одна из достопримечательностей города, и история с водкой в водопроводе, и замощённый переулок, и появление в универмаге большого количества французских духов, загадочное и необъяснённое, и грузо-

вик, полный белых грибов, виденный многими у дома Сенькиных, и даже типун на языке одной скандальной особы, три свадьбы, неожиданные для окружающих, и ещё, и ещё, и ещё.

К вечеру, к сроку, когда рыбок надо было нести к реке, большинство желаний было исчерпано.

По Пушкинской, по направлению к набережной, двигался народ. Это были и владельцы рыбок, и просто любопытные.

Шли Удаловы всем семейством. Впереди Максим на велосипеде. За ним остальная семья. Ксения сжимала в руке тряпочку, которой незадолго перед тем стирала пыль с нового рояля фирмы «Беккер».

Шёл Грубин. Нёс не только банку с рыбкой, но и клетку с попугаем. Хотел, чтобы все видели – мечта его сбылась.

Шли Ложкины. Был старик в новом костюме из шевиота, и ещё восемь неплохих костюмов осталось в шкафу.

Шли, обнявшись, Погосян с Кацем. Несли вдвоём бутыль. Чтобы не оставлять на завтра.

Шла Зиночка.

Шёл Савич.

Шли все другие.

Остановились на берегу.

– Минутку, – сказала одна из золотых рыбок. – Мы благодарны вам, обитатели этого чудесного города. Желания ваши, хоть и были зачастую скороспелы, порадовали нас разнообразием.

– Не все, – возразили ей рыбки из банки Погосяна – Каца.

– Не все, – согласилась рыбка. – Завтра многие из вас начнут мучиться. Корить себя за то, что не потребовали золотых чертогов. Не надо. Мы говорим вам: завтра никто не почувствует разочарования. Так мы хотим, и это наше коллективное рыбье желание. Понятно?

– Понятно, – ответили жители города.

– Дур-раки, – сказал попугай ара, который оказался способным к обучению и уже знал несколько слов.

– Теперь нас можно опускать в воду, – произнесла рыбка.

– Стойте! – раздался крик сверху.

Все обернулись в сторону города и оцепенели от ужаса. Ибо зрелище, представшее глазам, было необычайно и трагично.

К берегу бежал человек о десяти ногах, о множестве рук, и он махал этими руками одновременно.

И когда человек подбежал ближе, его узнали.

– Эрик! – сказал кто-то.

– Эрик, – повторяли люди, расступаясь.

– Что со мной случилось? – кричал Эрик. – Что со мной случилось? Кто виноват? Зачем это?

Лицо его было чистым, без следов ожога, волосы встрёпаны.

– Я по городу бегал, рыбку просил, – продолжал страшный Эрик, жестикулируя двадцатью руками, из которых одна была слева, а остальные справа. – Я отдохнуть прилёг, а проснулся – и вот что со мной случилось!

– Ой, – сказала Зиночка. – Я во всём виновата. Что я наделала. Но я хотела как лучше, я загадала, чтобы у Эрика новая рука была, чтобы новая нога стала и лицо вылечилось. Я думала как лучше – ведь у меня желание оставалось.

– Я виноват, – добавил Ложкин. – Я подумал: зря человека обижаем. Я ему тоже руку пожелал.

– И я, – произнёс Грубин.

– И я, – сказал Савич.

И всего в этом созналось восемнадцать человек. Кто-то нервно хихикнул в наступившей тишине. И Савич спросил свою рыбку:

– Вы нам помочь не можете?

– Нет, к сожалению, – ответила рыбка. – Все желания исчерпаны. Придётся его в Москву везти, отрезать лишние конечности.

– Да, история, – сказал Грубин. – В общем, если нужно, то берите обратно моего чёртова попугая.

– Дур-рак, – сказал попугай.

– Не поможет, – ответила рыбка. – Обратной силы желания не имеют.

И тут на сцене появились юннаты из первой средней школы.

– Кому нужно лишнее желание? – спросил один из них. – Мы два использовали, а на одном не сговорились.

Тут дети увидели Эрика и испугались.

– Не бойтесь, дети, – успокоила их золотая рыбка. – Если вы не возражаете, мы приведём в человеческий вид пожарника Эрика.

– Мы не возражаем, – сказали юннаты.

– А вы, жители города?

– Нет, – ответили люди рыбкам.

В тот же момент произошло помутнение воздуха, и Эрик вернулся в своё естественное, здоровое состояние. И оказался, кстати, вполне красивым и привлекательным парнем.

– Оп-ля! – воскликнули рыбки хором, выпрыгнули из банок, аквариумов и прочей посуды и золотыми молниями исчезли в реке.

Они очень спешили в Саргассово море метать икру.

ОТВЕТНОЕ ЧУВСТВО

Мише Стендалю было стыдно таиться под окнами Алёны Вишняк, но он ничего не мог с собой поделать. Уже взошла луна и беззвучно кралась над Великим Гусляром, ныряя в полупрозрачные облака, отбрасывая их назад, словно шлейф, и представая перед миром в серебряной наготе. Перекликались собаки. Рядом, по другую сторону забора, мерно дышала Антарктида, злобная сука, принадлежащая Алёниной тётке. Антарктида не лаяла. Она пыталась просунуть морду в штакетник и откусить Мише руку.

Окно отбрасывало на кусты тревожный оранжевый свет. Причиной тому был абажур, висевший низко над столом. Тётка сидела спиной к окну и пила чай. Алёна читала. Когда она переворачивала страницу,

то поправляла упавшую на лоб прядь волос, и Миша любовался движением руки и цветом пряди. Один раз Алёна задумчиво обернулась к окну, и Мише показалось, что глаза их встретились. Он сразу ослаб и ухватился за забор. Но успел отдёрнуть руку – Антарктида лишь щёлкнула зубами.

Тётка зашевелила головой. Видно, сказала что-то Алёне. Алёна провела ладонью по книге, чтобы не закрылась, поднялась и пошла к двери. Миша отступил на шаг. Хлопнула дверь, Алёна вышла на крыльцо и звякнула ручкой ведра. Антарктида взвыла и в три прыжка очутилась у крыльца. В собачьем подвывании Миша различил сплетню и жалобу. Но Алёна не поняла. Она сказала:

– Пойдёшь со мной до колонки?

Глядя на силуэт Алёны, Миша связывал себя с ней крепкими нитями горячего чувства. Он понял даже, что в настроении его наступил настолько критический момент, что он готов подойти и объясниться. Мешала злая собака, от которой трудно избавиться.

И пока Миша размышлял таким образом, Алёна подошла к калитке, отодвинула щеколду, и тень её обозначилась в прямоугольнике оранжевого света. Антарктида, не дожидаясь, пока калитка растворится, выскочила на улицу, в прыжок достигла Стендаля и, схватив за рукав, подтащила к Алёне. Собака урчала сквозь тесно сдвинутые зубы. Миша сопротивлялся. Алёна сказала, рассмотрев, кого привела Антарктида:

– Это вы, Миша? Я чуть было не испугалась. Что вы делаете здесь в такое позднее время?

Миша счёл неудобным открыто бороться с собакой. Он ответил, подёргивая рукой так, чтобы не разорвать пиджак:

– Я проходил мимо.

Собака заурчала громче, обличая Мишу во лжи.

– Куда же вы ходили? – спросила Алёна.

– Тут, в соседний дом. Я просто гулял.

– Отпусти его, Анка, – сказала Алёна собаке. – Он просто гулял.

Алёна пошла к колонке. Собака не отпускала Мишу, а повела за хозяйкой. Тогда Миша решил продолжить разговор.

– Я хотел вас увидеть, – признался он. – Я остановился под вашими окнами.

– Вы же ведёте себя неприлично, – заявила Алёна. – Вы и вчера днём меня смущали своими взглядами.

– Извините. Я не нарочно. Я не мог глаз отвести.

– Я не давала вам никакого повода, – сказала Алёна. Она повесила ведро на крюк колонки и принялась качать воду.

– Разрешите, я помогу вам, – предложил Миша, забыв про собаку.

– Как хотите.

Алёна выпрямилась, уступая Мише место. Миша качал воду, а собака мешала ему, повисая на руке, так что приходилось качать и воду, и собаку. Алёна смотрела на луну.

– Вы хотели бы попасть туда? – спросила она.

– Скажите, пожалуйста, собаке, чтобы она меня отпустила.

– Ой, как смешно, – сказала Алёна. – Анка, сколько раз тебе надо повторять одно и то же? Видите, она меня не слушается. Придётся мне закончить за вас.

– Ведро уже давно полное. Я качаю, чтобы вы не уходили домой.

– Чудак, – сказала Алёна. – Спокойной ночи. И, пожалуйста, ко мне не приставайте. Если тётя узнает, она добьётся, чтобы вас сняли с работы.

– Пустяки. Я думаю не об этом.

Они шли обратно к калитке. В одной руке Миша нёс ведро, на другой висела собака.

– Ещё раз спокойной ночи, – сказала Алёна. – И запомните, что хоть Анка и дворняга, у неё мёртвая хватка. В следующий раз она может схватить вас за горло.

– Мне грустно без вас, – ответил Стендаль.

Собака отпустила Мишу и юркнула в калитку.

Миша подождал, пока Алёна не скрылась в двери, и пошёл домой. Он решил, что немедленно пойдёт к Глумушке.

Глумушка жила за лесопилкой, на краю старой вырубки, в доме, который когда-то, до революции, принадлежал леснику. С годами лесник вслед за лесом переехал километров на десять от города, и в доме менялись случайные хозяева, пока не бросили его на произвол судьбы. И тогда в нём поселилась Глумушка.

Откуда она пришла, что делала раньше, никто не знал. Жила она в развалюхе второй год, питалась скудно, в церковь, на кладбище не ходила, подбирала бутылки, оставленные в лесочке после субботних пикников, и сдавала их в пункт на базаре.

Вначале на Глумушку никто не обращал внимания. Как-то зашла женщина из собеса узнать о пенсии, но оснований для пенсии у Глумушки не было, и Глумушка сказала, что ежемесячно получает переводы из Вологды, от племянницы, что было неправдой. Глумушка любила бродить по лесу, забиралась далеко, за Конопатовку и даже на Сидоровские болота. Собирала травы и грибы. Однажды вылечила Миловидовым корову, от которой уже отступился ветеринар. Потом был такой случай, что она пришла в контору лесопилки и сказала сторожу, что ночью будет сделана попытка вывезти на грузовике доски. Сторож не поверил, но всё-таки немного взволновался, не спал и полуторку с досками задержал. За это он получил благодарность, а про Глумушку рассказал жене, и та как-то, встретив Глумушку на дороге, спросила её, кто родится у дочери – сын или дочь. Глумушка попросила два дня сроку для ответа и сказала, что сын. Сына назвали Юрой, а жена сторожа отнесла Глумушке десяток яиц.

Так росла слава. Слава была неровной и ненадёжной, ибо с поклонниками Глумушкиного таланта умножались и враги, завистники и скептики. Особенно усилились противоречия, когда Глумушка, по слухам, склонила к браку со Столыпиным приезжую женщину, имевшую в Архангельске жениха. Столыпин, шофёр с лесопилки, отрицал, что получил от Глумушки приворотное зелье, и чем более он отрицал, тем менее ему верили. А молодая жена была от него без ума.

К Глумушке бегали девчата из универмага, школьники десятого класса, отдельные старухи и домашние хозяйки. Под покровом ночи в окошко к ней стучались мужчины. Глумушка понемногу опутала город

Великий Гусляр своим тайным колдовством, но поймать её с поличным не удавалось никому. Когда к старухе пришли два активиста из атеистического кружка и потребовали, чтобы Глумушка приготовила им за вознаграждение средство избавиться от местного священника, она ответила им так:

– Зря стараетесь. Я не волшебница и тем более не знахарка. Даже стыдно слышать такие предложения от внешне культурных людей. Идите, а то я сообщу о вас по месту работы.

Активистам пришлось уйти.

Миша Стендаль, естественно, относился к рассказам о способностях старухи скептически. Он даже как-то обратился к редактору городской газеты с предложением сделать разоблачительный материал о шарлатанке, но редактор поднял над столом красивую массивную голову и отсоветовал. Объяснил, что социальной опасности старуха не несёт, а газета не может опускаться до разбора бабьих сплетен. Влекомый любознательностью, Миша опросил по-дружески знакомых и даже встретился с одной женщиной средних лет, которая уверяла, что Глумушка помирила её с мужем. Женщина работала библиотекарем в речном техникуме, и её нельзя было заподозрить в излишних суевериях.

Глумушка забылась. Отошла в глубь сознания. И может быть, Миша Стендаль, литсотрудник газеты, не скоро бы вспомнил снова о ней, если бы в гости к тётке не приехала Алёна Вишняк, мастер спорта по теннису, финалистка первенства Союза в женском парном разряде, блондинка с карими глазами, в которую Стендаль быстро и безнадёжно влюбился. Стендаль был неспортивным мужчиной и даже не любил ходить на пляж, потому что стеснялся своей белой кожи и мягкого белого живота. Кроме того, он носил очки и был похож на молодого Грибоедова.

Миша сделал несколько попыток приблизиться к Алёне Вишняк, даже прочёл книгу о теннисе и подписался на журнал «Теннис». Миша взял у Алёны интервью, которое в газете не прошло, потому что надвигались прополка и косовица, а также первенство мира по футболу. Миша преследовал Алёну на улицах и в общественных местах, плохо ел и путал очевидные факты в своих корреспонденциях.

Миша, человек интеллигентный, выпускник Ленинградского университета, лишённый всяких потусторонних мыслей, исписал толстую

тетрадь плохими стихами, исхудал, пришёл в отчаяние и решил, наконец, пойти к Глумушке, понимая, насколько это стыдно и нелогично. Но в жизни наступает такой момент, когда соображения разума отступают. У Миши они отступили.

В последний раз обернувшись на оранжевое окно, Миша снял очки, протёр их платком, нервно оглянулся и пошёл к лесопилке, делая вид, что гуляет, и подогревая себя воспоминаниями о лице Алёны, озарённом серебряным светом луны. По лицу пробегали тени облаков, глаза казались чёрными и бездонными, а зубы светились, будто были сделаны из лунного света.

У самой лесопилки кончился асфальт, и далее дорога была неровной, с глубокими, ещё весной, в дожди, пробитыми колеями. В них застыла вода, и в каждой луже поблёскивала луна. Крайние домики города уже спали и слепо таращились тёмными окнами на путника. Фонари были далеко расставлены один от другого, и тень Миши вырастала до немыслимой длины, затем двоилась, переворачивалась и сокращалась по мере того, как он приближался к следующему фонарю. Собаки просыпались за заборами, брехали яростно, провожая Мишу до границ своей территории. Было чуть жутко, и не столько от одиночества, сколько от возможной случайной встречи в это время в этом месте с кем-то из дневных, обычных знакомых.

За последними домами пришлось свернуть с дороги к соснам. Луна всё не заходила, тропинка к дому Глумушки была видна отчётливо, и Миша каждый раз успевал перешагнуть через корень, подставленный деревом. Незаметно для себя Миша прибавил шаг и последние метры перед избушкой колдуньи протрусил, словно за тронувшимся поездом. И остановился.

Он стоял на прогалине. Дом Глумушки покосился и осел на один угол. Дранка на крыше, седая от старости, поблёскивала под луной. Забор из неровных кольев казался рядом копий, оставленных улёгшимися спать дружинниками. Ставни были закрыты, но сквозь них пробивался тусклый свет. Глумушка не спала. Но примет ли она его? А вдруг у неё клиент? Мише представилось даже, что клиентом может оказаться некто из редакции. И тогда последствия будут ужасны. Миша переступил на месте, как переступает прыгун в высоту, прежде чем выверенными шагами, наращивая скорость, броситься к планке.

Но он не бросился, а пошёл на цыпочках, желая вначале заглянуть в щель ставни, убедиться, что войти можно.

У окна рос густой бурьян, крапива, под ногами оглушительно хрустнула палка, затем Миша провалился по колено в невидимую яму и застыл в неудобной позе. Дверь открылась.

– Заходите, – сказал голос. – Зачем стоять под окном?

Миша выбрался из бурьяна и вступил на крыльцо. Чувствовал он себя препогано. В конце концов, почему он должен шастать ночью у подозрительной избушки? Кто его заставляет? И чувство это было постыдным, потому что задевало чистоту его стремлений к Алёне Вишняк.

За приоткрытой дверью никого не было. Лишь низкие пустые сени, слабо освещённые голой лампочкой под потолком.

– Вытирайте ноги, – сказал голос.

Миша послушно потёр подошвами о половик.

Больше указаний не последовало, и Миша толкнул дверь в горницу. Дверь растворилась мягко и беззвучно. Оттуда ударил в лицо яркий свет медицинского учреждения. Миша очутился в сравнительно большой комнате с белыми аккуратными стенами и скамейками вдоль них. На скамейках сидели люди, обернувшиеся при виде вновь пришедшего.

– Добрый вечер, – сказал человек с завязанной щекой, в котором Миша узнал Корнелия Удалова, начальника стройконторы. – Какими судьбами? Садитесь рядом, тут место есть. У вас какая очередь?

– Я... у меня никакой. Я, наверно, пойду. Я завтра зайду.

– И не мечтайте, – сказал Удалов. – Завтра не принимают. Я и так три дня стоял по записи.

Удалов раскрыл ладонь, на которой химическим карандашом был изображён крупный номер «двадцать восемь».

– Садитесь, – сказал он. – Если дверь была открыта, то примут. Нас уже мало осталось.

И так как Стендаль был последним и никому из присутствовавших не был конкурентом, то к Удалову присоединились прочие пациенты.

– Садитесь, – неслось со скамеек. – Она быстро принимает.

И Миша сел на край скамейки.

В приёмной Миша насчитал шесть человек. Были они различны, и, видно, различны были причины, приведшие их сюда.

У Удалова болел зуб.

– У вас тоже? – спросил Удалов Мишу.

– Нет, – сказал Миша.

– А я три ночи не спал. Пошёл в поликлинику, а врачиха говорит – надо удалять. А жена мне тогда сказала: «Корнелий, Глумушка может заговорить. Она Погосяну в нашем дворе заговорила. И нерв даже извлекать не пришлось». Вот я и пришёл.

– А что с этим? – спросил Миша тихо.

– Не узнаёте? С метеостанции.

– С метеостанции?

– Чего шепчетесь? – сказал человек напротив в низко надвинутой шляпе и плаще с поднятым воротником. – Я попрошу без разглашения.

– Ясное дело, – согласился Удалов. – Мы здесь все без разглашения. Какой дурак сознается? Просто мой знакомый вами заинтересовался. Я и говорю, что вы с метеостанции. Даже фамилию не назвал.

– Ваш знакомый работает в городской газете и, возможно, пришёл сюда по заданию, – ответил человек в надвинутой шляпе. – Мы ему доверять не можем.

– Из газеты? – спросил толстяк с козлом на поводке. – Вы лучше тогда уйдите. Нам в фельетон попадать не с руки. И без вас горя много. У меня репутация.

Козёл задрал бородатую морду к толстяку, легко приподнял передние ноги, упёрся копытом в колени и лизнул толстяка в подбородок.

– Пусть уходит, – поддержала его маленькая женщина в сером платке, пока толстяк отталкивал козла.

– Я не от газеты, – сказал тогда Стендаль. – Даю честное слово. Я по собственной инициативе.

Обитая чёрной клеёнкой дверь в горницу распахнулась, и оттуда вышел бородатый мужчина с рюкзаком за плечами. Он счастливо улыбался, не замечая окружающих.

Человек с метеостанции вскочил, засуетился, подбежал к двери и спросил:

– Можно заходить, или вы пригласите?

– Снимите шляпу, – сказал в ответ из горницы старушечий голос. – И заходите. Не могу же я до утра вас принимать.

– Так что же он? – спросил снова Миша Удалова, как только в приёмной наступила тишина.

– Прогноз делает, – ответил Удалов. – Он уже жаловался. Десять ошибок за две недели. Климат в настоящее время жутко испортился – никакой надёжности, несмотря на метеорологические спутники.

– А она при чём?

– Говорят, может. А то у него никакой надежды. Его крестьянство замучило – косить или подождать? А что он может ответить?

– Странно, – сказал Миша.

– А всё-таки, – настаивал Удалов, – у вас-то какое дело? Не задание, надеюсь, чтобы разоблачить?

– У меня личное дело. И сильно зуб болит?

– Сейчас ничего. У меня всегда, как приду в поликлинику, боль унимается.

– Это нервы, – сказал человек с козлом. Козёл тянул за поводок, хотел уйти на улицу.

– А зубы вообще нервная болезнь, – поддержала его женщина в сером платке. – Язва тоже.

– А у вас язва? – спросил Миша.

– Нет, – сказала женщина. – У меня дочка замуж собралась. А ему в армию осенью уходить. Какая уж там семья! Так вы не из газеты?

– Вообще-то из газеты, но сейчас не из газеты, – объяснил Миша.

– Если вам нужно приворотное зелье, – сказал человек с козлом, – то советую быть крайне осторожным.

– Нет, что вы.

Миша покраснел.

– Ясно, что не от газеты, – сказал молчавший до того мужчина с выгоревшими бровями и ресницами, в высоких охотничьих сапогах и ватнике. – Влюбился. Смотри, Иван, он влюбился.

Сосед его, пожарный, дремавший, прислонивши каску к бадье с фикусом, проснулся и согласился.

– Спокойный, чёрт, – сказал мужчина в ватнике про пожарного. – Пятый раз приходит. Привык уже. А я вот нет, не могу.

– Пятый раз? – подивился Удалов. – А что такое, что такое?

– Шланг потерял, – сказал мужчина в ватнике. – Часто теряет всякие предметы пожарного обихода.

– И она находит?

– Обязательно, – ответил мужчина в ватнике. – В прошлый раз три огнетушителя ему отыскала. Хороший она человек. Душевный. А меня браконьеры замучили. Тропу знают. Вот и хочу старуху про тропу спросить. Из рыбоохраны я.

Вышел метеоролог, быстрыми движениями свёртывая в рулон синоптическую карту.

– Ну как? – спросил его человек в ватнике.

– С завтрашнего дня без осадков! И до конца недели. Что я им говорил! – Шляпа у метеоролога перекочевала со лба на затылок, лицо его блестело от пота. – Сегейда антициклон у Антильских не учитывал. Я ему говорил – заденет. А он – далеко. А надо было учесть!

Следующей исчезла за дверью женщина в сером платке. И лишь скрылась, как из кабинета донеслось бормотание, быстро повысив-

шееся до отдельных резких возгласов. За дверью ссорились, спорили. Через минуту женщина выскочила наружу, прижимая к груди узелок с дарами Глумушке.

– И не приставайте ко мне с непристойными предложениями! – кричала ей вслед колдунья. – Вы хотите лишить людей счастья? Да? Так вам это не удастся.

– Я мать! – крикнула женщина, уходя. – Я буду жаловаться.

– Следующий, – пригласила Глумушка.

Мише никак не удавалось увидеть её – дверь раскрывалась в его сторону, и лишь сварливый голос доносился до него.

– Иван, тебе, – сказал человек в ватнике.

– Что потерял? – спросила Глумушка, не закрывая двери.

– Шланг куда-то задевался. Лейтенант говорит: «Ты, Сидоренков, последним шланг в руке держал. Ты, – говорит, – и отыскивай».

– Завтра зайдёшь до восьми тридцати, – велела Глумушка. – Следующий.

– Ну, тогда моя очередь, – сказал человек в ватнике.

Пожарный снова задремал у фикуса.

Неожиданность увиденных сцен отвлекла Стендаля от мыслей о возлюбленной. Вместо тёмной избушки, чёрного кота на печке, тяжёлого и пряного запаха снадобий была приёмная с фикусом. И синоптик. И Иван со шлангом. Уходя к колдунье, Стендаль презирал себя и клял Алёну, заставившую его опуститься до отчаянных действий. Но именно порочность, неестественность похода к колдунье сливались в его сознании с безответной любовью, у которой не было выхода. А здесь была поликлиника. Неофициальная, но будничная, отличавшаяся от районной только жалобами пациентов. И, к ужасу своему, Стендаль вдруг понял, что ему могут здесь помочь, и он уже не знал, хочет ли, чтобы ему помогли.

– И тогда я ей говорю, – донеслись до Стендаля слова толстяка с козлом. – Или она меня полюбит, или я буду вынужден обратиться в суд. Безвыходное положение.

– Да, – сказал Удалов. – Положение безвыходное.

– Я получаю от неё приворотное зелье.

– Наконец-то, – вырвалось у Стендаля.

– Что?

– Я так, про себя.

Стендаль думал: наконец-то нашёлся человек, который не терял шланга, не интересуется путями циклонов и не ловит браконьеров. Человек, который полюбил и ждёт взаимности.

– Получаю я от неё приворотное зелье – и сразу туда. А она меня уже ждёт с угрозами. Тогда встаёт проблема, как мне её этим зельем напоить.

Из двери вышел человек в ватнике, задумчиво насвистывая песню. Растолкал пожарного, они ушли, а их место в кабинете занял Удалов. У толстяка не осталось слушателей, кроме Стендаля, и он обратился к Мише с вопросом:

– Продолжать ли моё повествование?

– Да, конечно, – сказал Миша. – У меня такая же проблема.

– Тоже она?

– Тоже. Только я не слышал начала вашей истории. И если вы не возражаете...

– Конечно я повторю. Тем более если у вас та же беда. Уйди! Уйди в сторонку! Не терплю!

Последние слова относились к козлу, который по-собачьи тёрся о колени толстяка.

– Значит, есть у меня соседка. Аида. Стерва, каких свет не видывал. Старая дева, сухая, как палка, и тому подобное. Ненавижу её, а меня довести до ненависти не так легко. Дважды за последний месяц ломала общий забор, помои выплёскивает только под моими окнами и ещё изводит меня презрением. Змея.

– Так вы о ней? – спросил Стендаль.

– Конечно о ней, пропади она пропадом. Я понял: ещё день таких измывательств, и я или попадаю в сумасшедший дом, или подаю на неё в суд, или даже иду на физические действия. И к тому же этот проклятый козёл!

Толстяк указал пальцем на козла, и козёл ухитрился изогнуть шею и длинным шершавым языком ласково лизнуть указательный палец.

– Этот козёл регулярно, будучи подпускаем в мой огород, съедает все плоды моего досуга. Все. Причём в первую очередь слабые, нежные ростки ценных растений. И тогда я иду к этой Глумушке и получаю от неё приворотное зелье. Возвращаюсь домой и думаю, как бы мне соседку приворотным зельем накормить, заставить относиться к себе по-человечески и кончить этим долгую распрю.

Из двери вышел Корнелий Удалов, сжимая в руке повязку, из которой вываливалась смятая вата.

– Спасибо, доктор, – сказал он колдунье. – Я боялся, что придётся рвать. А у меня и так уже три моста.

Вслед за Корнелием Удаловым в приёмную вышла маленькая сморщенная старушка в сером домотканом платье и шлёпанцах. Старушка держалась прямо, и острые глаза её блестели ярко и целенаправленно. Седые волосы были убраны под голубой платочек.

– Двое осталось?

– Двое, – ответил Миша, холодея от ближайшего будущего.

– Тогда оба и заходите. Проблема у вас схожая, – сказала Глумушка.

– Я тебя здесь, Миша, подожду, – сказал Удалов вслед. – Мне не к спеху, а то идти одному скучно.

Первым в горницу вошёл козёл, за ним толстяк. Потом Миша.

– Садитесь, – сказала старушка. – Уморилась я за сегодняшний день. Скоро доберётся до меня фининспектор. Вот до чего доброта доводит.

Колдунья села за старый канцелярский стол, измазанный чернилами, с нацарапанными на крышке различными словами и узорами. Толстяк занял место напротив, усевшись на стул. Миша пока примостился у печки.

Горница была чисто выметена и почти пуста. Лишь потёртый половик пересекал её наискось да окно загораживали два горшка с геранью. У окна стоял шкафчик с застеклёнными дверцами. В шкафчике были банки, бутылки с наклеенными бумажными этикетками. На печке сушились травы.

– Вы у меня, друг милый, уже были на днях, – сказала Глумушка. – Чего, не так вышло?

– Не так, – сознался толстяк.

– Рассказывайте, – приказала Глумушка. – Только короче.

– Я домой пришёл. А она меня уже поджидает. С криками, будто я её нижнее бельё с верёвки украл. Я думаю: ну как мне выдержать такое нервное напряжение, как мне ей в пищу подсунуть приворотное зелье? И не вижу пути. А она неистовствует. Я до вечера промытарился...

– Короче, – сказала Глумушка.

Козёл топнул ногой. Ему не понравился тон колдуньи.

– Я короче. Я, как стемнело, к её окну подкрался и тогда ей в чайник для заварки зелье выплеснул. Чайник на подоконнике стоял. А потом вижу, она собралась чай пить, открыла крышку, понюхала и говорит вслух: «Чай-то старый, спитой, надо новый заварить». Ну вот, она всё зелье в ведро с помоями выплеснула, а ведро на улицу выставила. Прежде чем я принять меры успел, будучи в полном отчаянии, её вредный и ненавидящий меня козёл к этому ведру подошёл и помоев похлебал. А утром уже у моей двери меня поджидал, чтобы любовь выказать. Вот с тех пор и ходит за мной как привязанный. Я уж от него скрыться пытался, на автобусе ездил, запирался в доме, а он через окно лезет, а Аида кричит на всю улицу, а я... Господи, ну что я за несчастный человек!

– Любопытно, – удивилась старушка. – Говорите, козёл вас полюбил?

– А разве не видно?

– У него метаболизм другой, – сказала колдунья. – И не знаю уж, чем вам помочь. А вы, молодой человек, перестаньте хихикать. Ничего смешного нет. Человеку не повезло.

– Я не хихикаю, – ответил Миша, не в силах согнать с лица идиотскую улыбку. – Это нервное.

– Нет, я понимаю, я смешон, – произнёс толстяк со слезами в голосе. – Мне нужна была любовь этой женщины не ради корысти, а ради покоя и сохранности слабых ростков на моём огороде.

– Росткам теперь ничего не угрожает. Козёл вас не обидит.

– Ах, ещё этот козёл! – В горле толстяка забулькало, и он положил голову на канцелярский стол.

«Действует, – думал Миша. – Действует приворотное зелье! И я завтра его испробую». Было страшно и весело. И снова виделось лицо Алёны таким, как было под лунным светом. Но губы её шептали нечто ласковое, и пока Стендаль пытался разобраться в видении, мимо протопал толстяк с припрыгивающим восторженно козлом, и Глумушка обратилась к Мише с вопросом:

– Вы в кого влюбились, молодой человек?

– В девушку, – сказал Миша. – В Алёну. Она к нам приехала, у тётки своей живёт. Вы извините, пожалуйста, за беспокойство.

– Ничего, ничего, это мой долг, – ответила Глумушка. – Вы что кончали?

– Ленинградский университет. Филологический факультет. А тут в газете работаю литсотрудником, имею благодарность.

– Очень приятно. А не стыдно вам, молодой человек, ходить за снадобьем к отсталой старухе? Вы пересядьте сюда, за стол, а то через всю горницу разговаривать приходится.

Миша пересел и от близости старушечьих пронзительных глаз чувствовал себя неловко, словно на экзамене или в отделе кадров.

– Вы похожи на молодого Грибоедова, – сказала задумчиво старушка.

– Мне говорили, – согласился Стендаль.

– Страсть вас схватила неожиданно или была подготовлена какими-то событиями?

– Пожалуй, неожиданно, – сказал Стендаль. – Я её увидел – и всё.

– Я хочу предупредить вас. Ответное чувство, вызванное искусственными средствами, может со временем изгладиться, что приведёт к трагическим результатам.

– Я понимаю. Но не могу более выдерживать презрения и невнимания. Вы, наверное, никогда сами не влюблялись.

– Я? Влюблялась, – ответила Глумушка.

– Извините. Я не хотел вас обидеть.

– И всё-таки, может быть, вы обратитесь к более консервативным средствам? – сказала колдунья. – Может, вы будете проявлять к девушке внимание, заботу, проявите себя мужественным, честным человеком? И она вас полюбит.

– Когда? – возразил Стендаль. – Через десять дней она уезжает на сборы в Калугу. И я её больше не увижу.

– Воля ваша, – сказала Глумушка. – Я предупредила. Для начала придётся вас сфотографировать и сделать анализ крови.

– Нет, не надо формальностей. Дайте мне приворотное зелье.

– Ох-ох-ох, – вздохнула старушка. – Неужели вы, культурный человек, верите в такую чепуху?

– А то как же! Ведь я видел результаты.

– Чепуху мелете, Стендаль. Вы что, хотите сказать, что в двух километрах от города Великий Гусляр живёт действующая колдунья, ведьма, другими словами?

– А как же вас ещё назвать?

– Как хотите – экспериментатором, филантропом, гостем из соседней звёздной системы, отставшим от своего корабля, наконец, лауреатом Нобелевской премии по генетике.

– Но вы же не отрицаете, что вы, Глумушка, колдунья?

– Я ни на что не претендовала. Встаньте к стенке, сейчас я включу освещение. Вот так, чуть левее. Я ни на что не претендовала. Тихо жила, вела отдельные наблюдения, собирала в лесу пустые бутылки и сдавала их по двенадцать копеек за штуку. Дальнейшее произошло совершенно случайно. Всё, можете садиться. Дайте мне левую руку, мизинец. Куда спирт запропастился? Вы не знаете, в аптеку вату не подвезли? Да, на чём я остановилась? Так вот, дальнейшее произошло совершенно случайно. Я полюбила жителей этого города. И не смогла отказать им в некоторых маленьких услугах. Если я знаю больше их, умею больше их, могу помочь в беде, неужели я имею моральное право отказаться? Не дёргайте пальцем. Я вынуждена буду вас уколоть ещё раз. Как не стыдно, взрослый человек, влюбился безнадёжно, а боится простой иглы.

– И зачем вам моя кровь? – спросил Стендаль.

Колдунья отжала несколько капель в пробирку, заткнула пробирку ватой и потрясла, глядя на просвет.

– Вторая группа, – определила она. – Вторая группа и повышенный лейкоцитоз.

– Ничего не понимаю, – сказал Стендаль.

– И не надо ничего понимать. Люди поверили, что я тёмная личность, ведьма, может быть. Я не стала спорить. А кровь ваша мне нужна для того, чтобы изготовить то, что вы называете приворотным зельем. Зелье это, несущее в себе ваши генетические характеристики, будучи подмешано в пищу объекту ваших притязаний, перестроит несколько его нервную систему. Другими словами, вы станете в чём-то единокровными близнецами – нет, неточная формулировка. Вы станете близки по духу. У вас, то есть у неё возникнет к вам симпатия того же рода, что и вы испытываете к ней. Я бы могла объяснить это подробнее, с помощью формул, но вы в них ни черта не поймёте с вашим гуманитарным образованием. Боже мой, как я истосковалась по интеллигентному, образованному человеку! Даже перед вами начинаю открывать душу. Нет, пора мне отсюда уходить. Пора.

– Так это всё-таки волшебство?

– Вот те раз. Объясняешь ему, объясняешь, а он опять за своё. Волшебства нет и не бывает. Это химия. Хи-ми-я. А почему у вас лейкоцитоз повышен? Зубы не беспокоят?

– Почти нет. Ну а как же история с ворами на лесопилке? Или поиски вещей пожарного? Или зуб Удалова? Как же это? Тоже химия?

– Вы мне не верите. Конечно, не верите. С пожарными обычный детектор. Он у меня на печке стоит. С ворами – телепатический локатор. Он, правда, уже сломался. Нет запчастей. Всё это так просто, что даже разговаривать стыдно. Кстати, без телепатолокатора труднее работать. Я взяла себе за правило помогать лишь тем, чьи намерения чисты и благородны. До определённой степени. А как я могу быть уверена, что не ошибусь без локатора?

– Но у меня самые чистые намерения.

– Сомнительно. Хотите замутить голову невинной девушке. Ну ладно, я всё равно от вас уеду.

Глумушка расставила на столе различного размера и вида пузырьки, смешивала что-то, вызывала в пузырьках шипение и изменение цвета.

– Я бы заставила вас ещё разок прийти, да, боюсь, вы не посмеете. Застыдились. Вы ведь не ожидали увидеть у меня такую клиентуру? Не беспокойтесь. Получите средство через пять минут.

Почти до самого дома Мишу провожал Удалов, боявшийся в одиночестве идти по ночному городу. Удалов был одержим болтливостью человека, нежданно избавившегося от неприятностей.

– А этот, с козлом, – говорил он. – Ну просто удивительно. Такая любовь со стороны вонючего животного. А она мне даже в рот не залезала, а только что-то к щеке приложила и говорит – канал прочищен, полоскайте рот два раза в день тёплой водой с содой. Понимаешь, с содой, говорит, а я соду совершенно не выношу. У меня воображение богатое.

Луна зашла, фонари горели вполнакала. Когда они проходили мимо дома Алёны, Стендаль старался не смотреть на её окна. Бутылку с приворотным зельем он сжимал в кармане потной рукой, чтобы случайно не вывалилась или не разлилась.

– Вот, – продолжал между тем Удалов, заглядывая снизу в лицо Стендаля. – Удивительная история, что обитаем мы во второй поло-

вине двадцатого века, в период ракет и электроники. И тут же рядом, словно остаток далёкого прошлого, живёт старушка, которая может творить подобные чудеса. Никогда бы не поверил, если бы сам не посетил. С одной стороны, суеверие, а с другой – ещё не объяснимые явления человеческой психики. Ведь не зря люди верили в колдовство. В прошлом, при царской власти. И теперь ещё некоторые верят. В век электроники.

– Может, она вас с помощью электроники и вылечила, – сказал Миша.

– Ха-ха, смешно. С помощью электроники. И вам приворотное зелье дала? Я-то понимаю. И козла тоже с помощью электроники?

– Во что только это выльется? – сказал Стендаль.

– Вы про себя? Полюбит. Как миленькая полюбит. Уже есть несколько случаев.

– Я про старушку. Ей не место в нашем городе.

– Вот тебе и благодарность, – обиделся за колдунью Удалов. – Фельетон писать будете?

– Какой уж там фельетон.

– То-то. Вот и ваш дом. Желаю счастья в любви.

Удалов поспешил к своему дому, кварталом дальше. Стендаль осторожно достал свободной рукой ключ и медленно сунул его в замочную скважину, чтобы не разбудить хозяйку квартиры, где он снимал комнату.

Ночь он провёл тревожно, часто просыпался, мучился кошмарами, в которых Глумушка заставляла его пить всякую дрянь и угрожала персональным делом.

Утро выдалось солнечным, ясным, и Стендаль долго смотрел на бутылочку с зельем, прежде чем все подробности ночного визита восстановились в памяти.

– Быть того не может, ибо это нереально и похоже на бред, – сказал он вслух и намеревался уже выбросить бутылочку за окно, но тут внезапно взглянул в окно и увидел Алёну, идущую к рынку с хозяйственной сумкой в руке. Алёна источала такое сияние, что Стендаль сжал бутылочку в руке и бросился в закуток к умывальнику, чтобы скорее покончить с утренними формальностями туалета и поспешить на рынок вслед за Алёной.

Он разминулся с ней, проискал её по улицам, отчаялся, собрался уже ринуться к её дому, рискуя встретить злую Антарктиду, но тут силуэт Алёны мелькнул за витриной продовольственного магазина. Стендаль влетел в магазин и оробел.

Больше всего народу стояло в винном отделе. Стендаль метнулся туда, затесался в очередь и, прячась за спиной какого-то большого человека, подобрался к самому прилавку. Алёна тем временем покупала сыр и масло и Стендаля не замечала.

– Вам что, молодой человек? – спросила продавщица.

– Банку мангового сока, – сказал Стендаль.

– Во фруктовом отделе, – ответила продавщица с удивлением. – Не видите, что ли, торгую алкогольными напитками, будь они прокляты.

– Да, да, вижу. Отлично вижу.

Алёна поглядела в его сторону, и Стендаль чуть присел.

– Ненормальный какой-то, – сказали сзади в очереди.

– Нормальнее вас, – ответила с неожиданным раздражением продавщица. – Потому что хочет пить натуральный продукт.

Стендаль на полусогнутых ногах перекочевал к фруктовому отделу. Алёна вышла из магазина, и ему удалось наконец купить манговый сок без осложнений.

Стакан Стендаль украл в столовой самообслуживания, спрятал его под рубашку, и, как назло, в этот момент к нему приблизился с утренним приветствием сослуживец по редакции из отдела писем. Рубашка оттопыривалась на животе, и сослуживец здороваться не стал. Вздохнул сочувственно и деликатно отвернулся.

«Ну вот, – подумал сокрушённо Стендаль, спеша к выходу, лавируя между подносами, – ко всему прочему мне ещё не хватало, чтобы на работе распространился слух, что я алкоголик да ещё нечист на руку».

И тут, на улице, Стендаль понял, что все его усилия пропали даром: Алёны нигде не было видно. Да и почему бы она должна его ждать?

Стендаль метнулся вверх по Пушкинской, заглянул на Красноармейскую, прижался на мгновение к витрине книжного магазина. Алёна как сквозь землю провалилась.

И тогда Стендаль, сжимая в одной руке банку мангового сока, в другой украденный стакан, пошёл куда глаза глядят.

Ноги сами привели его в городской парк. Утренние аллеи были залиты солнцем, исчерчены тенями старых лип и пустынны. Стендаль отыскал лавочку под раскидистым деревом, уселся на неё и закручинился. Так всё хорошо начиналось и так бесславно кончилось. Надо было идти в столовую и возвращать стакан, рискуя встретить там ещё одного сослуживца.

Хотя нет, сначала следует его использовать по назначению. Всё равно пить хочется.

Стендаль достал из кармана перочинный ножик, проткнул в банке две дырочки и только собрался напоить себя экзотическим соком, как услышал шаги. Он поднял голову.

К скамейке подходила Алёна Вишняк. Она легко несла тяжёлую сумку с продуктами и глядела на Стендаля карими спокойными глазами.

– Пить захотелось? – спросила она, и рука Стендаля попыталась спрятаться за спину вместе с банкой, будто его поймали на чём-то постыдном. – Что же вы?

Алёна возвышалась над Стендалем, словно греческая богиня, и солнечные лучи пронзали её пышные волосы, золотили пушок на щеках. И тут к Стендалю вернулось самообладание. Он понял, что не боится прекрасной Алёны, что сегодня же она перестанет над ним издеваться, смотреть на него свысока.

– Я сумку поставлю на скамейку, – сказала Алёна. – А где вы взяли стакан? Принесли из дома?

– Украл.

– Как нехорошо, – заметила Алёна. – Вы угостите меня соком? Жутко умоталась.

– Конечно, – обрадовался Стендаль. Добыча сама шла в руки. – Я вас ведь и ждал.

– Да?

Наступило неловкое молчание. Алёна, прищурившись, смотрела на солнце, будто в любой момент могла встать и уйти, но не находила сил, таким добрым и ласковым было утро. Стендаль забыл о снадобье, он глядел на очаровательный профиль и не дышал.

– Пожалуй, я пойду, – сказала вдруг Алёна. – Вы обо мне забыли.

– Погодите! – воскликнул Стендаль. – Почему? Я о вас помню.

– Тогда выполняйте своё обещание.

– Обещание?

– Послушайте, Стендаль. Вы ведёте себя странно. Я хочу пить, а вы держите банку в руке, словно жалеете для меня глоток самого обыкновенного мангового сока.

– Да-да, – сказал Стендаль и наклонил банку. Жёлтая густая струя пролетела мимо стакана, и Алёна протянула руку, помогла Стендалю. Рука у неё была тёплая.

Стендаль вспомнил о снадобье. Надо было налить его в стакан. Чтобы Алёна не заметила.

– Ну хватит, – остановила его Алёна. – Мне хватит. А то вам ничего не останется.

– Сейчас, – сказал Стендаль, ставя банку с соком на скамейку и отводя руку со стаканом подальше от Алёны. Освободившейся рукой он старался в кармане открыть пузырёк.

Глядя на его неловкие движения, Алёна расхохоталась, и весь парк зазвенел серебряными колокольчиками.

– Глядите! – сказал Стендаль, глядя поверх её плеча. – Скорее!

Алёна обернулась.

Стендаль выхватил пузырёк и опрокинул его над стаканом.

– Что случилось? – Алёна снова посмотрела на Стендаля. Но пузырёк уже улетел за спинку скамейки. Стендаль перевёл дух.

– Очень смешной голубь, – сказал он. – Уже улетел.

Напившись, Алёна передала стакан Стендалю. Он долил в стакан остаток сока и пил, не спуская глаз с Алёны. Сок стекал на рубашку, но он не замечал этого, он спешил, он боялся, что Алёна уйдет, обидится и тогда не подействует средство, в которое Стендаль уже не верил.

– Хватит, – сказала Алёна. – Сюда идут. Вы молодец, Миша. Только не бойтесь меня. Я к вам отношусь совсем не так, как вы думаете.

«Началось», – с сотрясением в сердце подумал Стендаль.

– Я в душе очень стеснительная. Только теперь набралась смелости сказать вам. Я, когда вы вчера ушли, написала вам письмо. Вы не рассердитесь?

– Вчера? – глупо спросил Миша.

– А почему вы удивляетесь?

– Вчера, – тупо повторил Миша.

– Я вдруг подумала. Дайте мне ещё сока. Я веду себя как девчонка.

Алёна допила сок, поставила стакан на скамейку. Стендаль подвинулся, банка упала, и остатки сока вылились на землю.

– Возьмите, – сказала Алёна, протягивая Мише голубой конверт.

Она схватила сумку и убежала по аллее. Миша раскрыл конверт.

«Миша, извините, что я беспокою вас, но, наверное, я глупая и слишком откровенная. Такие вещи нельзя писать малознакомым мужчинам. Но когда я вас увидела в первый раз, такого умного и похожего на молодого Грибоедова, я вдруг поняла, что уже несколько лет именно вас хотела увидеть... Вы не сердитесь, что я вела себя с вами так грубо и даже пренебрежительно, но я стеснялась, что вы догадаетесь о моих истинных чувствах...»

Миша читал письмо, покрываясь мурашками и даже вздрагивая от счастья и стыда. Слепой болван!.. Воробьи и другие птицы стайкой собрались у ног Стендаля и подбирали остатки пролитого сока. Миша сказал себе: «А вдруг плюс на плюс даст минус? И она после этого сока меня разлюбит?»

Миша вскочил со скамейки и бросился бежать по аллее, стараясь догнать Алёну и во всём признаться. Он бежал так быстро, что люди на улицах шарахались в разные стороны и укоряли его громкими голосами, а птицы, уже влюблённые в Мишу, резвились над его головой и старались сесть на плечи, чтобы выразить чувства.

Миша догнал Алёну у самого её дома, у колонки. Они долго стояли там, и собака Антарктида бесновалась за забором. Её раздражал не только Миша, но и птицы, одурманенные соком и любовью. Миша говорил и говорил. Алёна смотрела на него добрыми карими глазами, забыв, как тяжела сумка в её руке.

Вечером Миша уговорил Алёну пойти погулять за лесопилку. Его, словно убийцу, тянуло на место преступления. И хоть Алёна знала о ночном походе Стендаля к колдунье, она не обижалась, смеялась и пугала Мишу тем, что он, тоже выпив сока с зельем, полюбит себя больше, чем всех остальных, включая Алёну. Миша отрицал такую возможность и отчаянно боролся с любовью к самому себе. Любовь эта была, она крепла и звала приблизиться к зеркалу и посмотреть на своё приятное лицо.

– Ничего, – сказала Алёна, – по крайней мере, вы теперь не будете таким робким, как раньше. Это вам поможет в жизни.

– В нашей жизни, – поправил её Стендаль.

Они пошли в лесок за лесопилкой. Снова светила луна, и снова лицо Алёны казалось втрое прекрасней и загадочней.

– Вот и избушка, – сказал Стендаль. – Там, наверно, опять очередь. Надо бы поблагодарить Глумушку.

– За что? – удивилась Алёна.

– За всё. За доброту. Вы могли бы меня и не заметить.

– Негодяй, – произнесла Алёна без особой злости. – Хотели украсть мои чувства, одурманить меня волшебным ядом.

Нет, она не сердилась. Ей даже было лестно, что молодой журналист ради неё ходил к колдунье.

– Что-то не видно света, – сказал Стендаль. – Неужели она не принимает?

Они стояли на краю полянки, в тени сосен. Дверь бесшумно раскрылась, и Глумушка всё в том же платье и платочке выскользнула наружу и резво побежала направо, к речке.

Стендаль открыл было рот, чтобы окликнуть старуху, но Алёна толкнула его локтем.

– Молчи, – прошептала она.

Колдунья остановилась на берегу, вынула из-за пазухи чёрный предмет, и острый луч света ушёл в небо.

– Странная бабушка, – прошептала Алёна.

Прошла минута, вторая. Что-то вспыхнуло в небе, и оттуда мягко снизилась громадная летающая тарелка. Она зависла над землёй. Из люка внизу вывалилась, раскручиваясь, верёвочная лестница.

Глумушка сбросила с себя платье, платочек и парик, превратилась в двуногое изящное существо, точно такое же, как и те, что уже спускались по верёвочной лестнице на землю.

– Наконец-то! – сказала Глумушка.

Пришельцы затарабанили что-то в ответ, торопя её погрузиться в корабль.

– Нет.

Глумушка показала в направлении домика. Двуногие существа побежали туда и помогли Глумушке перенести к кораблю несколько ящиков и свёртков.

– Спасибо, – сказал Глумушке один из пришельцев. Язык их не был схож ни с одним из земных языков, но Алёна с Мишей отлично понимали его: слова звучали внутри головы. – Спасибо. Оказавшись

в тяжёлых условиях, одна на чужой планете, вы не забыли об интересах науки. И за два года собрали неоценимый этнографический материал. Надеюсь, вы никому не выдали своей действительной сущности? Ничем не проявили своих сверхчеловеческих способностей и знаний?

Глумушка ответила не сразу. Но ответила твёрдо:

– Нет, капитан.

Корабль улетел к своей звезде так же беззвучно, как и появился. Алёна взяла Мишу за руку, и они пошли обратно к городу.

КЛАДЕЗЬ МУДРОСТИ

Явился Корнелию Удалову во сне пришелец.

– Корнелий, послушай, – сказал пришелец. – Мы, в Галактике, знаем, что ты очень расположен к космической дружбе.

– Да, – согласился Корнелий. – Верю в возможность контактов и по мере сил...

– Погоди, – перебил его пришелец. – Времени у меня в обрез.

Пришелец был окружён чем-то голубым, и за сиянием трудно было различить его формы. Корнелий понимал, что встреча происходит во сне, но просыпаться не торопился: любил поговорить с новым человеком.

– Мы в Галактике посоветовались, – продолжал пришелец, подлетая ближе и заключая Удалова в пределы своего сияния, – и решили, что ты нам подходишь. Сам понимаешь.

– Понимаю, – сказал Удалов.

– И вот в благодарность за твои прошлые и будущие заслуги мы тебе даём дар. Космического масштаба. Одновременно должен тебя предупредить, дар этот – испытание всей планете, всему человечеству. Сможешь подарком распорядиться – значит, человечество доросло. Нет – придётся подождать.

– А почему ваш выбор пал на меня? – спросил Удалов из скромности.

– Я же сказал – за заслуги. И к тому же ты самый что ни на есть средний и обычный человек в Гусляре.

– Я-то? – спросил Удалов с некоторой обидой.

– Не важно, – ответил пришелец. – Спешу я. Энергия на исходе. За то время, пока я с тобой нахожусь в телепатической связи, пришлось выключить свет на двадцати трёх планетах. Так что принимай дар – и до свидания. В случае, если не справишься, только скажи вслух: «Игра закончена». И всё вернётся на свои места.

Не успел Удалов ничего ответить, не успел даже руки протянуть за даром, как сверкнула молния, и Удалов проснулся.

Было раннее утро. За окном шёл дождь. Рядом спала Ксения и вздыхала во сне. «Интересно, – подумал Удалов, – она наш разговор слышала?» Где-то за тремя стенами зазвонил будильник. Пять тридцать, старик Ложкин встаёт делать зарядку и кормить птичек. А может, сон как сон? Может, и не было пришельца?

Удалов выпростал из-под одеяла руки. Руки были пусты. Никакого дара.

– Чепуха, – сказал Удалов и снова заснул.

Вторично он раскрыл глаза в половине восьмого. Сын Максим собирался в школу, Ксения хлопотала на кухне.

– Уроки выучил? – спросила она сына. – Опять вчера с Сашкой мяч гонял до темноты?

– А нам ничего не задали, – ответил Максим Удалов, очень похожий на своего отца курносым носом, цветом пшеничных волос и склонностью к излишнему фантазированию.

– Как так не задали? – сердилась Ксения. – Я в дневник смотрела. По истории про бунт стрельцов кому задавали?

– Я про бунт знаю, – сказал Максим.

– Господи, если бы я проверить могла, – говорила Ксения, – я бы тебя по урокам гоняла как сидорову козу. Всё дела, хозяйство.

– Ксения, разбудила ты меня, – произнёс Удалов. – Мне сегодня только к одиннадцати в контору. Вчера говорил.

– Всё равно вставай, – ответила Ксения, которая легко переносила своё раздражение с одного члена семейства на другого. – Сколько раз просила – почини замок в прихожей. В один прекрасный день всех нас унесут, ты даже не заметишь. Сын опять уроков не выучил. Опять двойку принесёт. Про стрелецкий бунт ничего не знает.

– Ничего не знаю, да больше вас, – ответил грубо Максимка. – Если вам сказать, что Суворов его подавлял, даже не удивитесь.

– Историю я крепко подзабыл, – сознался Удалов.

И тут что-то щёлкнуло у него в мозгу. Будто открытая страница учебника возникла перед глазами. Удалов просмотрел страницу и сказал совершенно спокойно:

– Плохо вас учат, сынок, если Суворов стрелецкое восстание подавлял. Особенно если учесть, что за спинами стрельцов стояла царица Софья, старшая сестра Петра Первого, и князь Голицын, её основной полководец. Суворов, кстати, родившийся лишь в 1730 году, никакого участия в этом принимать не мог.

Сказав так, Удалов спустил ноги с постели, нащупал шлёпанцы и поднялся во весь рост. Сын Максимка как стоял у двери, так и замер. Ксения выглянула из кухни с крышкой от кастрюли в руке и спросила:

– Ты это сам или заглянул куда?

– Сам, – ответил Удалов. – Спеши, Максимка, в школу и в будущем не обманывай папу. Скажет тоже, Суворов.

– Иди к столу, – сказала Ксения, подобрев. – Каша остынет.

– Сон я удивительный видел, – начал Удалов, заливая кашу молоком. – Будто явился ко мне космический пришелец и говорит: «Получай, товарищ Корнелий Удалов, за твои передовые дела необыкновенный подарок».

– Рехнёшься ты со своими пришельцами, Корнюша, – пожалела его Ксения. – А подарок какой?

– Вот в том и беда, что не знаю. Проснулся я, а подарка нет.

– То-то и оно. Мне вчера, например, танк приснился. А на нём соседское бельё висит. Тоже, наверное, чего-нибудь значит.

– Наверное, – произнёс Удалов разочарованно. Ему было жалко такого редкого сна.

– Между прочим, – продолжала Ксения, – вчера нам счета принесли. Опять за электричество два сорок два. Это надо только подумать, сколько энергии холодильник жрёт!

– Два сорок три, – автоматически поправил её Удалов. – А пришельцу, для того чтобы к моему разуму проникнуть, пришлось без света несколько планет оставить.

– Два сорок два, – сказала Ксения. – Я смотрела.

– Ну да, два сорок три.

– Ты что, шутить со мной вздумал? Ведь я как счёт получила, сразу его в шкатулку спрятала. Когда залезть успел?

– Не видел я твоего счёта, – искренне обиделся Удалов. – Просто так показалось мне, что два сорок три.

– Ну уж погоди.

Ксения вынула из комода под зеркалом расписную шкатулку федоскинской работы с изображением тачанки, подаренную к свадьбе удаловскими соучениками по школе, раскрыла её и сверху достала голубой листок – счёт за электроэнергию.

– Вот. Полюбуйся.

Но листок мужу не отдала, потому что увидела, что на нём написано: «2 руб. 43 коп.»

– Лазил, – сказала она убеждённо.

– Не лазил, а догадался, – ответил Удалов.

– Лазил. Ревнуешь, проверяешь, где письма храню.

– Нужна ты кому-то.

– Вот-вот, была нужна, Семенской мне какие предложения делал!

– Так этот Семенской тебя двадцать лет как забыл.

– А почему забыл? Потому что я лучшие годы на тебя потратила. Всё тебе отдала, что было во мне свежего, нераспустившегося. Как берёзка в весеннем наряде.

Ксения провела руками по широким бёдрам и заплакала.

– Ну-ну, – сказал Удалов, собираясь на службу. – Ну не надо, чего уж там.

Удалов шёл на работу не спеша. Пришлось покинуть дом раньше, чем рассчитывал, и он выбрал дальний путь – по набережной, мимо собора, мимо дома купцов Анучиных восемнадцатого века, через рынок, сентябрьский, разнообразный, весёлый.

По пути Удалов думал о событиях, приведших к власти Петра Первого. Раньше ему об этом думать не приходилось, всё недосуг. А сейчас он понял, что, к сожалению, знает мало, крайне мало, в объёме школьного учебника. И очень хотелось разобраться в роли боярина Шакловитого, но учебник об этой роли сообщал крайне мало.

Впереди Удалова спешили в школу дети. Корнелий догнал одну девочку, поглядел на её тонкий блестящий портфельчик из искусственной кожи и произнёс вслух:

– Афта морнинг ти ай гоу ту скул.

Причём произнёс с более-менее правильным произношением.

– Что? – спросила девочка, обернувшись. – Вы тоже этот урок проходите?

– Прохожу, – признался Удалов. И покраснел от нечаянной лжи. В школе он учил немецкий, а потом языками не занимался. И странно было не то, что он сказал английскую фразу и знал притом, что она английская. Фразу можно было случайно подслушать и запомнить. Беда заключалась в другом: Удалов знал весь учебник английского языка для пятого класса средней школы. Весь, целиком, и мог по первому требованию процитировать любую страницу, включая выходные данные книги, помещённые на последней странице: тираж, имя корректора и дату сдачи учебника в печать.

Потом, думая о событиях, Удалов даже удивлялся, как он не догадался к тому времени, что это и есть космический дар. Но он не догадался. Удивился и пошёл дальше.

На скамейке у техникума сидели будущие речники и зубрили тригонометрию. В голову Удалова хлынули тангенсы и прочие функции и тут же перемешались с исчерпывающими сведениями о приготовлении мучных блюд, потому что из соседнего дома вышла крайне толстая женщина с поваренной книгой в руке.

«Дела, – подумал Удалов. – Чего только не взбредёт на ум».

У входа на рынок на шатком столике лежала стопка белых книжек. Рядом – мелочь в розовой мыльнице. На белой книжке была изображена древняя царица и имелась надпись: «Тайна золотого гроба». Многие люди, выходя с рынка, останавливались у столика и приобретали книжку, надеясь, что она про шпионов. Знакомый Удалову работник местной газеты Миша Стендаль тоже купил книжку про золотой гроб и, поздоровавшись с Корнелием, спросил:

– А вы чего же?

– Я археологией не интересуюсь, – громко ответил Удалов. – Скучновато изложено.

– Граждане! – перебила Удалова продавщица. – Покупайте новый роман о тайнах Египта! Кто убил Нефертити? Загадка старого дома на берегу африканской реки Нил!

– Вот, – сказал поучительно Стендаль. – Мало читаете, Корнелий Иваныч.

– Читаю, сколько могу, – произнёс Удалов с достоинством. – Не меньше других. А этот труд имеет специальный характер. Для специалистов.

– Он знать не может, – возразила продавщица. – Мы эту книгу сегодня в ночь получили. Да и стою я здесь всего минут пятнадцать.

Бывают же люди, придумывают что угодно, только чтобы настроение испортить.

– Ах так! – возмутился Удалов, теряя контроль над собой. – Откройте вашу тайну на странице... допустим, на странице сто тридцать. Открыли? Начинаю с одиннадцатой строчки сверху.

Стендаль шелестел страницами. Вокруг останавливались любопытные.

– «Тут же, на севере столицы, – полуприкрыв глаза, барабанил Удалов, – были найдены украшения с именами других царей и цариц: в ограниченном количестве Амен-хотпа IV, в большом количестве Семнех-ке-рэ, далее его жены Ми-йот, Тут-анх-йота, его жены Анхсэмп-йот. Однако вместе со щитками Нефр-эт...»

– Стой! – вскричал Стендаль. – Вы фокусник?

– Миша, – ответил Удалов укоризненно. – Вы же меня знаете. Меня каждая собака в городе знает.

Удалов обернулся за поддержкой к населению. Многочисленные люди стояли вокруг, держа в руках раскрытые на сто тридцатой странице белые книжки, и шевелили губами, проверяя Удалова.

– А ну-ка, – сказал лысый дядя в гимнастёрке. – Ты читай нам со страницы сто двадцатой. И с самого верха. Может, ты сто тридцатую специально заучил.

– Сколько угодно, – сказал Удалов. – Только дело не в том.

– Читай-читай.

Люди принялись искать сто двадцатую страницу.

– Вы бы за книжки платили, а то обложка белая, хватают все, кто потом купит? – говорила продавщица, но её не слушали.

– «Го», – сказал Удалов. – Это перенос со страницы сто девятнадцать. «Го для Рэ... Кийа» с добавлением многолетия «жива она!».

– Правильно, так тебе перетак! – пришёл в восторг человек в гимнастёрке, достал из кармана галифе большое красное яблоко и протянул Удалову. – Ешь, не стесняйся. С твоими талантами учиться надо.

– Спасибо, – сказал Удалов, застеснявшись.

Ему вдруг представился собственный вид со стороны. Стоит начальник стройконторы у входа на рынок и бормочет про Древний Египет. Стало стыдно.

– Корнелий Иваныч, – сказал Стендаль, догоняя кинувшегося наутёк Удалова, – мне с вами надо поговорить.

Вслед нёсся голос опомнившейся продавщицы:

– Покупайте новый детектив о тайнах саркофагов! Кто убил Нефертити и её мужа! Сегодня получено из Москвы!

Стендаль не успел схватить Удалова за локоть, как новые события отвлекли его внимание. По улице, задрав единодушно головы к маковкам церкви Параскевы Пятницы, шла группа иностранных туристов, довольно редких в Великом Гусляре. Группа состояла по большей части из пожилых дам с хорошо завитыми седыми буклями, в шляпках, украшенных бумажными и нейлоновыми цветами. Мужья этих женщин, заокеанские пенсионеры, были увешаны фотоаппаратами «Полароид» и «Кэнон» и имели бодрый вид.

Туристы оживлённо переговаривались друг с другом. Удалов ел красное яблоко и не мог сдвинуться с места, потому что всё понимал. До последнего слова. И даже знал слово в слово содержание англо-русских разговорников в руках интуристов.

Туристы говорили между собой с восклицательными знаками:

– Это же чёрт знает что за порядки!

– Великолепная варварская архитектура!

– Боже мой, какая сырость в этом городишке!

– Это похоже на Тадж-Махал!

– Миссис Генри, вы только посмотрите на этого туземца с яблоком во рту. Как он уморителен! Какая славянская непосредственность!

– Чёрт знает что за порядки! Пора завтракать, а переводчица куда-то делась!

– Эта церковь изумительно бы гляделась на фоне Нотр-Дам-де-Пари!

– Что за безобразие! Мы платим полнокровную валюту, а переводчица куда-то делась!

– Вы только посмотрите на этого туземца с яблоком во рту!

Тут Удалов понял, что туземец – это он. Тогда его охватило негодование, смешанное с жалостью к этим далеко оторвавшимся от родины людям, потерявшим переводчицу и завтрак. Он сделал шаг вперёд и сказал с приятным бруклинским акцентом:

– Извините необразованного туземца, но, очевидно, вам следует сейчас повернуть налево, и вы выйдете непосредственно к гостинице «Великий Гусляр».

– Ах! – удивилась миссис Генри. – Простите, что вы сказали?

– Джентльмен выразился ясно, – сказал её муж. – Послушаемся его и пойдём налево. Простите, сэр.

Вся группа туристов послушно повернулась за мужем миссис Генри, и лишь небольшого роста турист с напомаженными курчавыми волосами остался на месте.

– А вы чего стоите? – спросил его по-английски Удалов. – Ах да, конечно, вы пуэрториканец и не всё поняли.

Удалов небрежно перешёл на испанский язык и повторил инструкции на родном языке пуэрториканца.

– О, спасибо, сеньор! – воскликнул турист. – Я не всегда понимаю, когда говорят по-английски так быстро, как вы.

И, взмахнув фалдами длинного песочного цвета пиджачка, турист бросился догонять спутников.

Миссис Генри, сворачивая за угол, сказала мужу в надежде, что Удалов не услышит:

– Здесь прохода нет от агентов ГПУ. По-моему, я видела его около «Националя» в форме генерал-лейтенанта.

Удалов услышал и улыбнулся горькой, снисходительной улыбкой.

Наконец Стендаль пришёл в себя настолько, что смог открыть рот и спросить:

– Корнелий Иванович, почему вы никогда не говорили?

– А что тут говорить... – Удалов махнул рукой и быстро зашагал к конторе, чтобы в пути обдумать события и принять решение.

Быстрое воображение уже представило его, Корнелия, главным интуристским переводчиком. Вот он встречает самолёт на Шереметьевском аэродроме, и оттуда выходят высокие негры.

«Здравствуйте», – говорит им Удалов на языке суахили.

За неграми следуют жители республики Мальдивских островов.

«Добро пожаловать», – приветствует их Удалов на родном языке островов.

Сбегают по трапу японские дети с белыми журавликами в ручках.

«С прибытием вас», – говорит им Удалов на языке Страны восходящего солнца.

А сзади уже бежит большой начальник из международного отдела.

«Товарищ Удалов! – кричит он не своим голосом. – Товарищ Удалов. Вот ваш дипломатический паспорт. Срочно садитесь на самолет. Вы нужны в Аддис-Абебе. Там найдена надпись на непонятном науке языке. Организация Объединённых Наций настаивает на вашей кандидатуре».

Летит Удалов к Аддис-Абебе. Чёрная Африка разворачивается под крылом. Слоны, носороги поднимают любопытные взоры и провожают самолёт мычанием и дружественными криками. А на аэродроме ждут эфиопские академики.

«Как долетели?» – спрашивают они Корнелия.

«Спасибо», – отвечает он на безукоризненном эфиопском языке.

А там назначение послом или даже советником в одну африканскую страну, национального языка которой не знает никто, кроме Удалова...

«Диметилфталат – восемь граммов, – появилась мысль в мозгу Удалова, – водный раствор аммиака...» Нет, при чём здесь водный раствор аммиака?

Удалов поднял глаза и увидел в открытом окне аптеки провизора Савича, писавшего что-то в толстом провизорском блокноте.

– Лекарства изобретаете? – спросил Удалов.

– Да, вспоминаю кое-что.

– А водный раствор аммиака, – пошутил Удалов, – это как по-нашему?

– Нашатырный спирт, – сообщил Савич, и глаза его стали круглыми от удивления. – Я что, вслух разговаривал?

– Как сказать, – ответил Удалов и поспешил дальше.

К тому времени голова его была полна знаниями, приобретёнными походя, за два часа. И Корнелий уже начал понимать, что его личная память здесь совершенно ни при чём. Ситуация складывалась куда более сложная. По какой-то причине он обрёл способность моментально впитывать, как губка, любую письменную информацию, возле которой он оказывался. И для этого ему совсем не надо было раскрывать книгу или заглядывать в чужие блокноты. Можно было, к примеру, положить возле себя несколько учебников или справочников, и через секунду Удалов знал, что в них написано, до последней запятой.

– Любопытная чертовщина, – сказал Удалов. – А если голова лопнет?

К счастью, в этот момент Удалов прошёл мимо киоска Союзпечати.

Он вобрал в себя содержание всех газет и журналов, даже старых, что лежали на прилавке и были развешаны по бокам. В том числе и того самого номера «Здоровье», где говорилось, что нормальный человек использует свой мозг, дай бог, на один процент. Остальные клетки лежат без движения и дармоедствуют, зря потребляют пищу и витамины.

– Ага, – сообразил Удалов и остановился посреди улицы. – Всё понятно. Это и есть дар. Значит, был не сон, а фантастическая очевидность. Как же я с моими новыми способностями до такой очевидной штуки не додумался? Это стыд и позор.

А если сияющий пришелец сказал правду, то подарком надо уметь распорядиться. Его надо направить на пользу человечеству и способствовать таким образом межзвёздной дружбе и взаимопониманию.

Какой следующий шаг должен предпринять разумный человек, который, если захочет, завтра станет академиком или по крайней мере членом-корреспондентом Академии наук? Пойти в библиотеку? Нет, не стоит. Там нечаянно впитаешь столько всякой чепухи, что даже

девяносто девять процентов мозга не справятся. Отдать себя в руки медицины? Жалко свободы.

А ноги между тем независимо от мыслей несли и несли Удалова вперёд и привели к дверям стройконторы. Руки сами собой открыли дверь, а язык сам по себе поздоровался с присутствующими сотрудниками. А так как голова Удалова была занята посторонними мыслями, то в ответ на вопрос бухгалтера, закрывать ли ведомости третьему участку, Удалов ответил туманно: «Академии наук виднее», – и проследовал за перегородку, в кабинет.

Там он опустился на стул, положил локти на кипу сводок и, всё ещё не сознавая, где находится, продолжал размышлять.

Прельщала дипломатическая карьера. Чёрная машина «Волга» у подъезда резиденции, уважительные иностранцы с коктейлями из виски в холёных пальцах и их секретарши в платьях декольте. Хотелось также попробовать себя в космической программе. «Только вы, профессор Удалов, можете подсказать нам, стоит ли подключать к этой ракете третью ступень». А вокруг стоят герои-космонавты и ждут ответа. Ведь от решения Удалова зависит, лететь им на Марс или погодить. Или ещё можно разгадать тайны древних цивилизаций и узнать, была ли Атлантида или только померещилось. Такой путь вёл к тихому академическому кабинету и бесплатным путёвкам в дом отдыха для ведущих мыслителей. Ну и, конечно, к международным конгрессам...

«Нет, – решил наконец Удалов. – Спешить с опубликованием не будем. Не исключено, что завтра всё пройдёт и окажешься в дураках. В обеденный перерыв зайду в техникум и впитаю в себя высшую математику. Никогда не помешает. Потом в музей, узнаю, что там есть про Петра Первого. Вот так-то».

– Вы ко мне? – спросил он, поднимая голову.

– Мы уж пятнадцать минут стараемся добиться вашего внимания, Корнелий Иванович, – сказал мужчина с шоколадными глазами, боксёрским носом и жёлтым импортным портфелем.

– Даже больше, – поддержал его маленький старичок.

Старичок был в очках, и линзы очков были такими толстыми и сильными, что в них помещался лишь вдесятеро увеличенный зрачок голубого цвета с прожилками. Старичок тоже держал в руках жёлтый импортный портфель.

– Ага, явились, – сказал Удалов. И в тот же момент он знал до последней строчки содержимое толстых портфелей. Там лежали в основном ведомости, справки, накладные и чистые бланки артели, поставлявшей стройконторе скобянку, замки, ключи и всякую мелочь.

Гости уселись напротив Удалова, и мужчина с боксёрским носом произнёс:

– День сегодня хороший, Корнелий Иванович.

День был плохой, ветреный, сумрачный, пасмурный. Слава богу, что хоть дождь перестал. Удалов молча согласился с гостем и изучил между тем все бумаги, лежавшие у того в карманах. И понял, что может стать величайшим ревизором современности, исключительным ревизором, которого ввиду знания языков будут приглашать в командировки в союзные республики, страны социалистического содружества, может, даже на Запад. И на двери его кабинета будет скромная табличка: «Комиссар милиции первого ранга, заведующий специальным отделом по особо важным ревизиям К. И. Удалов».

– Да, день неплохой, – сказал старичок, и увеличенные жилки под очками заметно покраснели. – А вы на нас, говорят, в претензии. Незаслуженно и обидно.

– Так, – проговорил Удалов загадочно и постучал пальцами по столу.

– Нет, Корнелий Иванович, так дальше не пойдёт, – сказал мужчина с боксёрским носом и повёл широкими плечами. – Артель старается, выполняет и перевыполняет план, бесперебойно снабжает вашу контору высококачественным товаром, а в ответ никакой благодарности. Я дойду до горсовета.

– А хоть до Вологды, – отрезал Удалов. Содержание одной из бумажек в правом верхнем кармане пиджака человека с боксёрским носом его очень заинтересовало. Подчистка на накладной была сделана грубо, невооружённым глазом видно.

– Зачем так, товарищ Удалов, – огорчился старичок. – У нас все документы с собой. Лучший металл мы пустили на те задвижки. Опытных мастеров привлекли. Дней и ночей не спали. И всё, получается, впустую?

– Погоди, – прервал его спутник. – Если чем недоволен – зачем по официальным каналам? Скажи мне, я скажу Порфирьичу, Порфирьич сделает.

– Сделаю, – сказал старичок. – Всегда полюбовно.

– А задвижки от ветра гнутся, – сказал Удалов. – Замки вилкой вскрыть нетрудно. Строительство дома отдыха сорвано. А товар вы налево пустили. Разве не так?

– Не так, – убеждённо возразил Порфирьич.

– А три тысячи восемьсот нечестных рублей поделили между собой?

– Какие деньги? – возмутился старичок.

А у его спутника неожиданно выступил пот на лбу.

– Сколько? – спросил он.

– Три тысячи восемьсот как одна копеечка. Ведь до сих пор все ваши преступные расчёты у вас в кармане лежат. Карандашом написано: «Порфирьичу выделить семьсот двадцать. Шурову – триста. Удалову, если будет артачиться, сто в зубы». Разве не правда?

Человек с шоколадными глазами потерял присутствие духа. Он вскочил со стула, схватился толстыми дрожащими пальцами за карман.

– Продали! – воскликнул он.

Порфирьич со стула не встал. Порфирьич побледнел. Даже глаза побледнели.

– Три тысячи восемьсот? А мне семьсот двадцать? Так. Не будет тебе, бесчестный жулик, никакой пощады от народа ни на этом, ни на том свете, – сказал он тонким суровым голоском.

– И заявление в милицию напишем сейчас же, – закончил Удалов, куя железо, пока горячо.

– Я ничего не знаю, – сказал человек с боксёрским носом, пытаясь сжевать вытащенную из кармана записку.

Записка была на хорошей толстой бумаге и не жевалась.

– Не поможет, – заметил Удалов. – В правом верхнем кармане пиджака Порфирьича лежит подчищенная накладная на листовую сталь.

– Лежит, – подтвердил Порфирьич. – Лучше я сам сяду как невинный сообщник, но эту змею на много лет укатаю.

– Правильно, – одобрил Удалов. – Он вас и раньше за нос водил.

– Фи не шмеете! – прокричал с набитым ртом директор артели. – Я путу шалофаться!

– Жалуйся, жалуйся, – сказал мстительно Порфирьич.

– Некуда ему деваться, – согласился Удалов. – У вас же в портфеле неотразимая бухгалтерия.

И видя, что надо нанести последний удар и повергнуть противника в нокаут, Удалов постарался вспомнить, что говорят в таких случаях следователи в кино. Недавно слышанные слова крутились в голове. «Ваша ставка бита!» Нет, не то. «Руки вверх!». Нет. Близко, совсем близко. Ага! И Удалов произнёс страшным голосом, так что у самого встали дыбом на затылке редкие золотистые волосы:

– Игра закончена! Садитесь и пишите заявление. Чистосердечное покаяние – вот единственное, что может облегчить вашу участь!

Сверкнула молния, запахло озоном, бледный как полотно директор артели опустился на стул, достал шариковую ручку и с помощью Порфирьича стал писать признание.

А Удалов вдруг ощутил страшную пустоту в голове. Первозданную, нелепую пустоту. Он не помнил содержания ни единой из бумажек, лежавших в портфелях у артельщиков. Он забыл английский и испанский языки, он не мог вспомнить ни одной тригонометрической функции. Он даже запамятовал чеканные рифмы поэмы, напечатанной в последнем номере журнала «Огонёк».

– Но почему? – воскликнул он. – За что?

Артельщики метнули на него перепуганные взоры и ещё быстрее стали писать признание.

– Сами отнесёте в милицию, – приказал им Удалов и, более не сознавая ничего, бросился к выходу.

Снова крапал дождик по пожелтевшим листьям. Было тихо и обыкновенно. И с ясностью отдалённого ночного грома прозвучали в ушах Удалова слова пришельца: «В случае, если не справишься, скажи вслух: „Игра закончена“, и всё вернётся на свои места».

– Я же не хотел! – взмолился, простирая к небу руки, Корнелий Удалов. – Это ошибка. Это случайная ошибка!

Удалов вернулся домой и до вечера не промолвил ни слова. Он отказался говорить с Мишей Стендалем, который поджидал его у ворот, он не стал есть любимого супа с клёцками. Он лежал на диване в брюках и переживал свою оплошность, не только закрывшую перед ним путь к дипломатическому будущему, но и лишившую всё человечество немедленной дружбы с развитой Галактикой. И лишь вечером, выпив для успокоения сто граммов перцовки и сказав непонятные домаш-

ним слова: «Может, разберутся, отменят решение», Удалов подошёл к столику сына и спросил его:

– Где у тебя учебник истории?

– А что, папа? У нас завтра истории нет. Не задавали.

– Глупый, – ответил отец. – Я просто хочу почитать про Петра Первого. И тригонометрию не прячь. Век живи, век учись. В Галактике с нашей серостью появляться стыдно.

КАК ЕГО УЗНАТЬ?

Над городом Великий Гусляр гремели громкоговорители, исполняя жизнерадостные песни. Солнце прорывалось сквозь облака. Пионеры в белых рубашонках пробегали туда и сюда. Горожане потоками текли под транспарантами и лозунгами, натянутыми поперёк улиц. Автобусы из-под приезжих гостей выстроились в ряд на площади, где раньше стояли торговые ряды, а теперь сквер и покрытый брезентом памятник землепроходцам. Сегодня, в день семисотпятидесятилетия города, памятник будет торжественно открыт.

Жильцы дома шестнадцать сидели во дворе вокруг стола, расшатанного игрой в домино, поджидали, пока жёны кончат прихорашиваться, беседовали о прошлом и настоящем.

Корнелий Удалов, в белой рубашке и синем галстуке, причёсанный на косой пробор, чтобы прикрыть лысину, оспаривал мнение Погосяна, что есть города лучше Гусляра.

– Например, Ереван, – говорил Погосян. – Две тысячи лет! Три тысячи лет! Пять тысяч лет на одном месте!

– Не в цифрах дело, – возражал Удалов. – Иван Грозный чуть было сюда столицу из Москвы не перевёл.

– Неглупый человек был, – упорствовал Погосян. – Передумал.

– Опричники помешали.

– Я и говорю – разве опричники глупые были?

– Трудно с тобой разговаривать, – сознался Удалов. – Плохой ты патриот нашего родного города.

Старик Ложкин, в чёрном костюме, грудь в медалях и значках, согласился с Удаловым. Он обвёл рукой вокруг и сказал:

– Недаром наши предки назвали Гусляр Великим.

– Сами жили, сами и назвали. Ереван никто великим не называл. Зачем называть? Каждая собака знает, – нашёлся Погосян.

Разговор перешёл на частности. Саша Грубин, который по случаю праздника причесался и побрился, слушал их, слушал и наконец вроде бы без отношения к разговору сказал:

– А славно бы заснуть и проснуться через двести лет. И поглядеть на наш Гусляр в отдалённом будущем.

Соседи прервали спор, подумали и согласились с Грубиным.

– С другой стороны, – добавил Удалов, – на двести лет назад тоже неплохо.

– Бери уж все семьсот, – сказал на это Василь Васильич. – Прибыл в древность, вокруг люди с копьями и стрелами, платят налоги древнему городу Киеву.

– Или татаро-монгольским захватчикам, – поправил Ложкин.

– Пускай захватчикам. Медведи вокруг бродят, олени, кабаны, бой-туры. Самогон из мёда гонят.

– Так бы тебе и дали попробовать медового самогона, – возразил Грубин. – Они бы тебя сразу узнали.

– Как? – удивился Василь Васильич.

Все засмеялись, а Ложкин ответил:

– По одежде бы узнали. И по акценту. Они же на другом языке говорили, на древнеславянском.

– И вместо мёда получил бы мечом по шее, – подытожил Грубин.

– Ладно, ладно! – не сдался Василь Васильич. – Неужели полагаете, что я к ним без подготовки отправлюсь? Сначала я в Академию наук. Дайте, скажу, мне консультантов по древнеславянскому языку. Подчитаем, подработаем. Выдадут мне также из музея форму одежды. Тогда не отличат.

Василь Васильичу не поверили. Заговорили о путешествиях во времени. Кое-кто читал об этом в фантастической литературе. Кое-кто не читал, но слышал.

Вдруг Удалова посетила интересная идея.

– Пройдёт каких-нибудь сто лет, – сказал он, – и станет такое путешествие обычной возможностью. Ведь для науки нет никаких преград. Туристы будут ездить, учёные, возникнет массовое передвижение, жизнь пойдёт настолько интересная, что нам даже не снилось. Нужно, допустим, школьникам узнать, как жили в Древнем Египте. Учитель

нажимает на кнопку – и вот мы уже в гостях у царицы Клеопатры. Изучайте, дети, наше тяжёлое прошлое.

– Вполне вероятно, – ответил Ложкин. – Только надо будет строго соблюдать правила движения. Я читал, что происходит, если нарушишь. Однажды в мезозойскую эру бабочку задавили, а в результате в Америке не того президента выбрали.

Помолчали. Подумали. Потом Грубин сказал:

– Это не вызывает сомнений. Если бы таких правил не соблюдали, то мы этих гостей из будущего уже не раз бы встречали. Как ни маскируйся, натура выдаст. Воспитание подведёт, незнание какой-то мелочи, которая всем остальным известна. Откуда ему, к примеру, знать, какое место занимает наша команда в первенстве области по футболу?

– Шестое, – ответили хором Погосян, Удалов и Василь Васильич.

– Вот видите, – обрадовался Грубин. – Вас не поймаешь. А он бы не знал, потому что уже через сто лет соответствующие документы будут потеряны.

– И я не знаю, – сказал Ложкин. – Я даже не знаю, кто первое занимает.

– Сердобольский «Металлист», – пояснили Погосян, Удалов и Василь Васильич.

– А я не знаю, – упорствовал Ложкин. – Я, значит, тоже путешественник во времени?

– Может быть, – сказал Погосян и посмотрел на Ложкина сурово. – Никому в этих вопросах доверять нельзя.

– Не беспокойся, Ложкин, – вмешался добрый Грубин. – Мы тебя знаем. В случае подтвердим где надо.

– Если кто не наш человек, так это жена погосяновская, Берта, – сказал на это Удалов. – Вчера моего Максимку за ухо драла. Свой человек так делать не будет.

– За дело, – сказал Погосян. – Стекло разбил. Не будет хулиганить.

– Если бы я пришельца из будущего встретил, – сказал Грубин, – я бы ему сразу задал два-три вопроса.

– Не видать тебе пришельца, – сказал Погосян. – Что может заинтересовать культурного человека в нашем городишке?

– Какое заблуждение! – воскликнул Ложкин. – На сегодняшний день наш город представляет общесоюзный интерес. С одной сторо-

ны, семьсот пятьдесят лет. С другой – открытие памятника, то есть отдали должное нашему славному прошлому. Гости со всех сторон. По радио из Москвы передавали. Я бы на месте потомков не сомневался, куда устроить экскурсию.

– Корнелий! – позвала из окна Ксения Удалова. – Мы готовы. Плащ брать будешь?

– Не буду.

– Дождя не намечается, – сказал старик Ложкин. – Я в газете читал. Там же написано, что писатель Пацхверия на торжество прибыл. С Камчатки делегация. Ткачиха Фёдорова-Давыдова. Ждут одного космонавта, но фамилию пока не сообщают. Это не считая туристов.

– Подумаешь, – сказал презрительно Погосян, чтобы оставить за собой последнее слово. В действительности он был пламенным патриотом Великого Гусляра, но об этом знали только его родственники в Ереване.

Старуха Ложкина спустилась во двор и спросила:

– Вечно будем прохлаждаться? Без нас начнут.

– Иду, чижик, – ответил Ложкин. – Мы тут беседу провели.

Они вышли со двора первыми. За ними потянулись остальные. Соседи сразу забыли о разговоре, лишь у Удалова он не шёл из головы. И настолько его поразила возможность встретить на улице гостя из будущего, что он начал с подозрением приглядываться к людям. И в людях обнаруживал странные черты, которых раньше не замечал и которые могли указывать на чужеродность, на маскировку.

Шёл навстречу провизор Савич с женой, директором универмага. Казалось бы, давно знает Удалов Савичей, но сегодня лысина Савича блестела не по-нашему, и как-то неестественно держал он жену под руку. Может, Савича заслали? Но тут же Удалов сказал себе: нет. Вряд ли из-за одного праздника им стоило направлять резидента в Великий Гусляр. Ведь если Савича не подменили, то Удалов знает его лет двадцать. Подумав так, Удалов сказал:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – ответили Савичи.

Прошли четыре физкультурника в голубой одежде. Физкультурники спешили на парад. Удалов понял, что гость из будущего может укрыться среди физкультурников и тогда его трудно будет отыскать.

Потом отбросил эту мысль. Сложно будет им в будущем подыскать такой костюм. А все настоящие костюмы на учёте.

С каждым шагом Удалов всё более убеждался – пришелец из будущего проник в Гусляр. И необходимо его отыскать, побеседовать по душам. Подумать только, никто до Удалова не выходил на улицу с целью обнаружить путешественника во времени среди самых обычных людей. А новый, хоть и простой подход к проблеме может таить в себе открытие.

– Что с тобой, Корнелий? – спросила Ксения. – Ты чего отстаёшь?

Корнелий посмотрел новыми глазами на Ксению и сына Максимку.

В них сомневаться вроде бы не приходилось. С ними всё в порядке. Но Удалов ощутил, что между ним и семьёй вырастает стена отчуждения. Мужчина, имеющий перед собой возвышенную цель, вынужден отдалиться от обыденных забот и интересов. На всякий случай Удалов спросил жену:

– Ксюша, ты не знаешь случайно, какое место занимает наша команда в первенстве области по футболу?

– Спятил, – сказала уверенно Ксения.

– Шестое, папа, а что? – поинтересовался шустрый сын Максимка.

– Молодец, сынок, – одобрил Корнелий. И устыдился своих сомнений.

– Всё-таки что с тобой происходит? – спросила Ксения.

– Я думаю, – сказал Удалов.

– Что-то я за тобой этого давно не замечала, – ответила Ксения. – Под ноги смотри, спотыкнёшься.

На краю площади стояли киоски с прохладительными напитками и сигаретами. Свежесколоченная трибуна возвышалась перед памятником, покрытым брезентом. Ксения задержалась, увидев Раису Семёновну, лечащего врача. Ей захотелось в неофициальной обстановке посоветоваться о последних анализах. Раиса Семёновна обиженно щурилась под очками, но на вопросы отвечала, потому что была связана клятвой Гиппократа. Удалов, пока суд да дело, купил бутылку пива и сел за столик с верхом из голубого пластика. Столики эти, вынесенные из столовой, образовали кафе на открытом воздухе.

За столиком сидели два шофёра из автобусов, на которых приехали туристы. Шофёры ругали какого-то старшину на сто десятом кило-

метре. Удалов угостил шофёров сигаретами и тоже немного поругал старшину, которого в глаза не видел.

Но лишь малая часть сознания Удалова была занята беседой с шофёрами. Глаза рыскали по площади, перескакивая с одной группы людей на другую, потому что времени терять было нельзя. Упустишь пришельца сегодня – никогда больше не поймаешь.

В проходе между столиками возник немолодой мужчина. Он держал в руке бутылку и стакан, двигался неуверенно, не мог найти, куда сесть. Что-то острое кольнуло Удалова в сердце. Шестое, седьмое, восьмое чувства приказали ему: «Удалов, спокойно, это он».

– Садись к нам, – будто угадав мысли Удалова, сказал один из шофёров, которого звали Колей.

– Сердечно благодарю, – ответил с расстановкой мужчина и опустился на стул рядом с Удаловым.

И тут же маленькая, ничтожная, незаметная для других деталь бросилась Корнелию в глаза. Мужчина, садясь, не подтянул брюк, как делает каждый человек, хранящий на брюках складку.

Лицо мужчины было слишком обычным. Не гладкое и не морщинистое. Словно маска. Под мышкой у мужчины был чёрный потрескавшийся портфель с медным замочком. Из портфеля торчал рукав красного свитера или кофты. Брюки были коротковаты, будто достались не по размеру. А между верхом высоких ботинок и низом штанин проглядывали клетчатые носки. Глаза прятались за дымчатыми очками.

Мужчина мог оказаться единственным шансом Удалова. Корнелий смотрел на его обычные бритые щёки и ждал: что скажет пришелец? Ведь не обратишься к человеку с вопросом: «Вы из какого века нашей эры?».

Турист пил пиво маленькими глотками и молчал.

– Ну как пиво? – спросил его шофёр Коля.

– Гуслярское «Жигулёвское», – добавил Удалов. – С дореволюционных времён известно.

– Знаю, – ответил коротко мужчина и улыбнулся застенчиво. – Давно собирался попробовать.

– А вы откуда будете? – спросил шофёр Коля.

– Из Москвы. Специально приехал.

«Правильно, – подумал Удалов. – Вологду ему опасно упоминать. Могут найтись свидетели. А Москва большая».

– Едут же люди, – сказал шофёр постарше. – Что вам, в Москве своих памятников мало?

«Молодец, – подумал Удалов о шофёре. – Играет на руку».

– Памятники бывают разные, товарищ, – объяснил мужчина. – Я много лет изучаю историю русского Севера, освоение Урала и Сибири. Этот памятник говорит о многом. Я давно ждал его открытия. Но никак раньше выбраться не удавалось.

– А выбрались бы – памятника не увидели бы.

Но путешественника во времени нелегко было застать врасплох. Он ответил сразу и почти без акцента:

– Я бы и раньше увидел памятник, потому что его должны были установить много лет назад. Так что в моём воображении он уже существовал.

– Увлечённость – дело хорошее, – сказал старший шофёр. – Я пойду ещё пива возьму. Наша группа здесь на ночь останется. Так что старшина нипочём.

– Спасибо, мне больше пива не надо, – отказался пришелец, но по глазам шофёра понял, что намерения у них твёрдые, и достал из кармана десятку.

Он ещё только сунул руку в карман, а Удалов уже знал, какой будет эта десятка – новенькой, без единой морщинки. А если взять бумагу на анализ, окажется, что изготовлена она не сегодня, а послезавтра.

Шофёр денег с путешественника во времени, разумеется, не взял, принёс полдюжины бутылок, и пришлось путешественнику, когда пиво кончилось, сходить к киоску и принести ещё четыре бутылки.

– Ну и как? – спросил Удалов, когда, покачиваясь от выпитого, мужчина вернулся к столику. – Продавщица ничего не заметила?

– А что она должна была заметить? – Мужчина вперился в Удалова пронзительными глазами из-под очков.

Удалов смешался.

– Я так, – сказал он. – Пошутил.

– На какую тему вы изволили шутить?

«Ну и характер у этих людей будущего», – подумал про себя Удалов, но вслух ничего не высказал, а отшутился:

– Анекдот такой есть. Будто решили двое фальшивые деньги делать. Сделали четырёхрублевую бумажку. Думали, где бы разменять, пошли к соседу. Он им и дал взамен две бумажки по два рубля.

Никто не засмеялся. Только шофёр постарше спросил:

– Разве по четыре рубля бумажки бывают?

– Нет, – твёрдо ответил путешественник во времени. – Я точно знаю, что советское казначейство не выпускало и не выпускает купюр по два и четыре рубля.

– За здоровье министра финансов! – предложил Коля. – Чтоб он и дальше нас не путал, выдавал зарплату десятками.

– Новенькими, – вставил Удалов.

– Нам что новенькими, что старенькими, – ответил Коля.

– Ах вот вы о чём? – сообразил мужчина. – У меня новеньких бумажек много. Перед отъездом премию получил.

Он вынул из кармана пачку денег. Бумажек двадцать, свежих, блестящих.

– Мне вот такими выдали.

– Где? – быстро проговорил Удалов.

Но ответить помешали шофёры.

– Чего к человеку привязался? – спросил Коля. – Где надо, там и выдали. Не наше дело.

Пришелец из будущего смотрел на Удалова с неприязнью, хмурился. Разоблачения ему не нравились. «Ничего, припрём тебя к стенке, – думал Удалов. – Найдём аргументы».

На трибуне перед памятником появились руководители города и почётные гости. Товарищ Батыев подошёл к микрофону. Люди прислушались.

– Я пойду. Спасибо, – поднялся пришелец.

– Я с вами, – сказал Удалов.

– Обойдусь без вашей компании, – ответил мужчина, блеснул очками и стал бочком, как краб, протискиваться поближе к трибуне.

– Отстань ты от него, – сказал шофёр Коля. – Пускай себе гуляет.

– Надо, – отрезал Удалов. – Не наш он человек.

И тут же пожалел, что проговорился. Шофёры сразу заинтересовались.

– В каком смысле не наш? – спросил старший. – Ты, брат, не темни, откройся.

– Есть у меня подозрения, – сказал Удалов и нырнул в толпу вслед за пришельцем. В голове ощущался звон от выпитого пива, хотелось прилечь на травку, но сделать этого было нельзя, потому что до полного разоблачения оставался один шаг.

– Корнелий! – крикнула Ксения, разглядев в толпе его лысину. – Ты куда?

К счастью, товарищ Батыев взмахнул рукой, грянул духовой оркестр, рухнул брезент, обнаружив под собой бронзовую фигуру землепроходца.

Удалов ввинчивался в толпу, стараясь не потерять направления, в котором скрылся упрямый гость из будущего.

И вдруг Удалов упёрся в спину пришельца. Тот не заметил приближения преследователя, потому что был занят. Записывал сведения в

книжечку. Удалов деликатно ждал, пока мужчина кончит записывать, потому что бежать тому было некуда.

Наконец начались речи, пришелец спрятал книжечку в портфель, и тут Удалов легонько тронул его за плечо.

– Вы здесь? – удивился мужчина. – Что вам нужно?

– Чтобы вы во всём сознались, – прямо сказал Удалов.

– Вы меня удивляете, – ответил пришелец и попытался углубиться в толпу.

Но Удалов крепко держал его за полу пиджака.

– Поймите, – объяснил Удалов. – Вы там должны быть гуманными и разумными. Так что раз попался, поговорим.

– С чего вы решили, что мы там гуманные и разумные? – удивился пришелец. – Где вы об этом прочитали?

– Предполагаю, – ответил Удалов. – Иначе нету смысла жить на свете.

– Благородный образ мыслей, – согласился пришелец. – Но ко мне это не относится. Я эгоистичный человек, проживший без пользы большую часть жизни, любящий деньги и не любящий собственную жену. Уверяю вас, это чистая правда.

– Ладно, ладно, везде бывают моральные уроды. В порядке исключения, – сказал Удалов. – Хотел бы я к вам приехать.

– Ну и приезжайте.

– Ну и приеду.

– Поселиться? – спросил пришелец.

– Да. Или на время.

– Многие хотят, – сказал пришелец.

Произошла пауза. Удалову хотелось ещё что-нибудь сказать, проявить гостеприимство, наладить отношения.

– А у нас здесь тоже места хорошие, – сказал Удалов. – Окрестности просто изумительные. Лес, холмы, охота на тетерева.

– Охота – жестокое занятие, – сказал гость из будущего. – Животных надо охранять, стремиться к пониманию, а не истреблять.

– Правильно, – поддержал его Удалов, который на прошлой неделе собрался было на охоту, да проспал, без него охотники ушли. – Совершенно с вами согласен. Вот только если с удочкой посидеть...

– А какая разница? – строго спросил пришелец. – Рыбе разве не хочется жить?

– Ой как хочется, – ответил Удалов.

Наступила пауза. Контакт не получался. Мужчина рассеянно прислушивался к речам и поводил взглядом вокруг, будто разыскивал в толпе разрежённость, хотелось сбежать.

– Но многие порядочные люди, – нашёлся наконец Удалов, – были страстными охотниками. Возьмите, к примеру, Тургенева. Это писатель прошлого века, автор книги «Записки охотника».

– Читал, – сказал пришелец. – И всё-таки хладнокровное убийство живого существа аморально.

– Верующий он, что ли? – раздался голос за спиной Удалова.

Обернувшись, Удалов увидел шофёра Колю, который, движимый любопытством и желанием помочь Корнелию в охоте на постороннего человека, пробился к трибуне и слышал весь разговор.

Пришелец блеснул очками на Колю и сказал с обидой:

– Если вы хотите узнать, есть ли у меня идеалы, отвечу, что нет.

– Сам, наверное, свиную отбивную уважает, – сказал Коля Удалову, достал пачку «Беломора», закурил. – А возражает против животноводства.

Бороться с двумя соперниками зараз пришельцу из будущего было не под силу. Он извернулся с ловкостью, неожиданной для такого пожилого человека, проскочил под локтем у соседа и замелькал в толпе, удаляясь к краю площади. Удалов рванулся было за ним, но шофёр Коля, перебравший пива, пыхнул дымом в лицо Корнелию и потребовал:

– Ты не крути, не рвись за человеком. Ты лучше объясни, что в нём такого? Я сам чувствую – не то, а сформулировать не могу.

– Да это так, личное, – попытался уйти от ответа Удалов.

– Нет, не пойдёт, – ответил Коля. – Выкладывай.

Он крепко держал Удалова за грудки, люди вокруг стали оглядываться, и тогда, опасаясь скандала, Удалов сказал:

– Выйдем отсюда.

– Выйдем, – согласился Коля.

Они выбрались из толпы. Пиво булькало в голове.

Пришельца не было видно. Погоня за человеком из будущего не удалась. И Удалов, взяв у Коли папиросу, рассказал ему честно, как на духу, о своих подозрениях.

Коля оказался неглупым парнем. Он основную идею понял, хотя отнёсся к ней критически. Возражения у него были, как у Погосяна:

– С чего это из будущего являться в Гусляр, хоть и в праздник?

– Ничего не понимаешь, – сказал Удалов, прислоняясь к широкой, чуть пахнущей бензином груди шофёра. – Хоть ты мне и друг, но не понимаешь, какой мы с тобой сегодня шанс упустили. Мы бы у него всё узнали.

Коля посмотрел на Удалова сочувственно, столкнул на затылок эстонскую восьмиугольную фуражку, сплюнул окурок и произнёс:

– А ты, друг, не расстраивайся. Если нужно, твой Коля всегда кого надо к стенке прижмёт. Он тебя обидел? Обидел, не возражай. Мы его найдём и припрём. Ты только Николаю скажи, и припрём. Пошли поймаем этого шпиона.

Друг Николай шёл впереди не очень уверенными широкими шагами. Удалов семенил сзади и бормотал:

– Ты не так понял, Коля. Он меня не обидел. С ним так нельзя.

– Не отставай, – сказал Коля. – Его давно разыскивают. В книжечку записывал, а мяса не ест. Сейчас мы у него всё узнаем. Не отвертится.

Пришелец из будущего убежал к реке, к большому собору. Там присел на зелёную скамейку в сквере и снова раскрыл записную книжку. Отсюда площадь была не видна, лишь глухой гул и отдельные слова ораторов, усиленные динамиками, доносились до кустов. Пришелец чувствовал себя в безопасности. Но непрямой путь, наугад выбранный Колей и Удаловым, привёл их в скверик. Именно к этой скамейке.

При виде преследователей пришелец затолкал в карман записную книжку, подхватил портфель и хотел было бежать. Но Коля узнал его.

– Стой! – крикнул он. – Руки вверх! Не пытайся от нас скрыться!

– И не подумаю, – ответил с достоинством пришелец. – Если вам нужны деньги, возьмите, сколько нужно. У меня скромные запросы.

Он попытался вытащить свои новенькие червонцы, но Удалов жестом остановил его.

– Мы не грабители. Вы не так поняли.

– Мы не грабители, – сказал Коля. – От нас не откупишься. Мы тебя раскололи. Ты к нам из будущего явился. Сознавайся.

Удалов взглянул на Колю с укоризной. Прямота могла всё испортить.

– Это неправда, – возразил пришелец. – Вы этого никогда не докажете.

– А нам доказывать не надо, – сказал Коля. – Сейчас тебя осмотрим и найдём при тебе фальшивые документы.

– У меня нет с собой документов. Они в гостинице остались.

– Они с собой документов не берут, – согласился Удалов. – Это вполне даже разумно. А может, тогда и не будет документов.

– Всё? – спросил пришелец. – Я могу идти?

– Сознаешься – пойдёшь, – сказал Коля.

– В конце концов, – убеждал Удалов, – мы тратим время, вы тратите время. А у нас к вам только научный интерес. Никакого другого.

– Точно, – сказал Коля. – Нас тугриками не подкупишь.

Пришелец нахмурился, размышляя. Видно, понял, что ему уже не скрыться и лучше на самом деле покаяться. И уйти восвояси.

– Ну, – торопил его Удалов. – Из какого вы века?

Пришелец глубоко вздохнул. Под очками блеснули слёзы. И в этот момент две девушки в брючках и разноцветных кофточках возникли на ступенях собора.

– Ах, – сказала одна из них, не замечая драматической сцены. – Какие изумительные фрески семнадцатого века. Какая экспрессия!

– А изразцовая печь? Ты видела, Нелли, изразцовую печь?

– Видела. Смотри, кто там, внизу?

Девушки сбежали по ступеням и устремились к мужчинам.

– Сергей Петрович! – верещали они наперебой. – Вы были совершенно, абсолютно правы! Страшный суд расположен не канонически! Гуслярская школа существовала! Рапопорт посрамлён!

«Вызвал подкрепление с помощью телепатии, – подумал Удалов. – Теперь их трое, а нас только двое. И эти девушки, может, даже не девушки, а будущие милиционеры».

– Какое счастье! – воскликнул пришелец. – А я уж не надеялся вас увидеть!

– Вам угрожают? – спросила подозрительно одна из девушек, обжигая взглядом Удалова.

– Ни в коем случае, – сказал шофёр Коля и потянул Удалова за рукав.

– Сейчас все наши придут, – пригрозила девушка.

«Сколько их здесь? – подумал Удалов. – Ведь меня могут ликвидировать, если покажусь опасным».

И в самом деле, словно услышав девушку, в дверях храма показалось человек десять, с фотоаппаратами, блокнотами и кинокамерами, высокие и низкие, молодые и старые, с ними Елена Сергеевна из городского музея.

– А, вот и вы, профессор! – воскликнул один из них. – Сектор истории искусств рад приветствовать своего шефа у этих древних стен.

– Сергей Петрович!

– Сергей Петрович! – неслись возгласы.

– Уважаете своего профессора? – поинтересовался Коля.

– Ещё бы, – ответила девушка. – Он нас всех воспитал! Его весь мир знает!

Уходя в окружении учеников и сотрудников, профессор оглянулся и подмигнул Удалову. Доволен был, что отделался от психов.

Корнелий опустился на скамейку, понурив голову. Коля сел рядом, снова закурил и сказал:

– Не повезло нам, друг Корнелий. Хоть идея у тебя была богатая!

– Забыть бы о ней. Ты уж, попрошу, никому ни слова.

– Мне что – я за баранку, только меня и видели. А ты на что рассчитывал? Если бы он и в самом деле оттуда?

– Ну, чтобы рассказал нам о светлом будущем.

– М-да, дела. Я пошёл. Ты парень хороший, только кавардак у тебя в чердаке. Ещё в школе учили, что таких путешествий быть не может. Держи на память! – Он сунул что-то Корнелию в наружный карман пиджака и ушёл. Обернулся, помахал рукой и улыбнулся дружески.

Удалов не спешил возвращаться на площадь. Охоту за профессором мог заметить кто-нибудь из знакомых. Нехорошо. Удалов залез себе в карман, поглядел, что за подарок оставил шофёр. Оказалось – карточка, календарик размером с игральную карту, какие предусмотрительные люди носят в бумажниках. На нём было написано золотыми буквами:

«Календарь на 2075 год».

На обороте картинка – город с длинными домами, над ним парят летательные аппараты и светит солнце. Картинка была объёмной, и

микроскопические листочки на деревьях чуть шелестели под ветром будущего.

– Стой! – крикнул Удалов в пустоту. Потом сказал: – Эх, Коля!

НАДО ПОМОЧЬ

Корнелий Удалов сидел дома один, смотрел телевизор. Погода стояла паршивая, дождь, ветер, мокрые листья носятся по улицам, хороший хозяин собаку не выгонит. Жена Ксения взяла сына, ушла через улицу, к подруге, а Удалов отказался. Передача была скучная, хоть выключай и иди спать. Но выключать было лень. И когда Удалов собрался всё-таки с духом, нажал на кнопку, в комнате возникло существо с тремя ногами, красными глазами и в очках.

– Здравствуйте, – сказало существо с сильным акцентом. – Извините мой произношение. Я учил ваш язык в спешке. Не беспокойтесь моим внешний вид. Я можно сесть?

– Садитесь, – предложил Удалов. – Как на улице, ещё моросит?

– Я прямо из космос, – ответило существо. – Летел в силовое поле, и дождь не попадает.

– И чего пожаловали? – спросил Удалов.

– Я вам есть помешал?

– Нет, всё равно делать нечего. Рассказывайте. Чай пить будете?

– Это для меня есть быстродействующий яд. Нет, спасибо.

– Ничего, если вредно, то не пейте.

– Я умирать от чай в судорогах, – признался гость.

– Ладно, обойдёмся без чая.

Существо подобрало все три ноги под себя, забралось в кресло и вытянуло вперёд лапку с сорока коготочками.

– Удалов, – сказало оно с чувством, – надо помочь.

– Хорошо. Чем можем, будем полезны. Только чтобы на улицу не выходить.

– Придётся выходить на улицу, – ответило существо.

– Жалко.

– Я прошу извинений, но сначала давайте нас слушать. – Существо выпустило изо рта клуб розового, остро пахнущего дыма. – Простуда, – сказало оно. – Очень есть далёкий путь. Три тысяча световой

год и восемьсот лет туда-обратно. Большой неприятность. Помирай крупики.

– Жалко, – произнёс Удалов. – Родственниками вам приходятся?

– Я объясняю? – спросило существо.

Удалов кивнул, взял лист бумаги, шариковую ручку, чтобы, если надо, записывать.

– У меня есть восемь минута. Меня зовут Фыва. Я есть с одна планета в констеласьон весьма отдалённый, ваш астроном знает, а вы не знает.

Удалов согласился.

– Мы есть давно прилетали к вам на Земля, брали опыты и экземпляры. Немножко помогай строить пирамиды Хеопса и писал «Махабхарата», индийский эпос. Очень относились с уважением, чужой не трогали. Один раз взяли ваши крупики и повезли на нашу планету.

– Погодите, – прервал его Удалов. – Кто такие крупики?

– Я забывай ваш слово. Маленький, серый, с ушами, сидит под ёлочкой, прыгает. Крупики.

– Заяц? – спросил Удалов.

– Нет, – возразило существо. – Заяц я знай, кролик знай, кенгуру знай. Другой зверь. Не очень важно. Генетика пробовали, большого вырастили, новую породу. Вся планета в крупиках. Очень важно в хозяйстве. Крупики подохли – начинается экономический кризис. Каждый день кушаем крупика.

«Кто же такие крупики? – мучился Удалов. – Может, тушканчики?»

– Нет, – ответило существо на мысль Удалова. – Тушканчики нет. Много лет проходит, три день назад крупики начинают болеть. И подыхать. Все учёные делают опыт, средство нет. Средство только у вас, на Земле. Сегодня утром меня вызывают и сказать – лети, Фыва, спаси наш цивилизация. Я понятно сказал?

– Понятно, – ответил Удалов. – Только вопрос: когда, говорите, к нам полетели?

– Сегодня. Завтрак кушай и полетел.

– И сколько, говорите, пролетели?

– Три тысячи световой год.

– Чепуха, – сказал Удалов. – Таких скоростей наука не знает.

– Если прямо лететь – не знает, – согласился гость. – Только другой принцип: я лечу во времени.

– Ну-ка, расскажите, – попросил Удалов. Он был очень любопытен и тянулся к новому.

– Одна минута рассказал, очень коротко. Время мало. Мы путешествуем во времени. Одно мгновение тысячу лет назад.

– Ну и приземлитесь на своей планете тысячу лет назад.

– Какой наивность! Не смей читать фантастическая книжка! Фантастический писатель наука не знает, друг у друга списывает. Неужели твой Земля на месте стоит?

– Нет, летает вокруг Солнца.

– А Солнце?

– Тоже летит.

– Вот, простой директор стройконтора, а знает. Писатель Уэллс не знает, писатель Парнов не знает. Какой стыд! Ты прыгни в завтра, прыгни в один час вперёд – выскочил из камеры – нет под тобой никакой Земли – ты уже в космос, а Земля улетел дальше – из-под тебя улетел. Так просто. А если я на сто лет вперёд или назад прыгну, Земля за это время далеко-далеко улетел. А другой планета или звезда на то место прилетел. Ты выскочил – уже на другой планете. Только надо считать. Очень много расчёт делать. А то промахнулся – и задвижка.

– Крышка, – поправил гостя Удалов. Ему понравилось, что он оказался умнее известных писателей. – И вперёд тоже прыгать можно?

– Нет, – ответило существо. – Время как океан. Что было – есть, чего не было – ещё нет. Ты можешь в океан прыгай, ныряй, снова вынаряй. Очень хорошо считал – на сто лет назад прыгай – одна планета. Ещё пятьдесят лет в другой сторону – ещё планета. Три раза прыгай – вынырнул на верх океана, уже на Земля. Только очень сложно. Каждый день нельзя прыгай. Иногда раз в сто лет совпадёт. Иногда три раза в один час. У меня три минуты остался. А то не смогу домой идти.

– Ладно. Всё мне ясно. А крупики – может, это мыши?

– Нет, мыши нет, – сказал гость. – Помогать будешь?

– Обязательно, – ответил Удалов.

– В твой город есть один средство. Красный цветок. Растёт на окно одна бабочка.

– Бабушка?

– Бабушка. Дом три, улица Меркартова. Цветок надо сорвал и давал мне. Я сказал спасибо от имени вся планета. Крупики тоже живут. Тоже спасибо. Один час время у тебя есть. Я обратно лечу и цветок взял.

– А чего же сам не купил цветок?

– Нельзя, бабушка очень пугайт. Три нога из меня расти. Не получайт. На тебя вся надежда есть...

И тут пришелец растворился в воздухе, потому что его время истекло. И он, видно, начал свои прыжки во времени, чтобы вернуться домой и там доложить, что нащупал контакт с Корнелием Удаловым, и Корнелий согласился помочь.

Удалов протёр глаза, посмотрел ещё на кресло, в котором только что беседовал пришелец. Кресло сохранило примятость в середине. Всё это не было сном, а раз так, то придётся помочь братьям по разуму. Но кто же такие крупики? Может, лисица? Или песец?

Удалов застегнул плащ, взял зонт и вышел на улицу. Пришельцу хорошо было в его силовом поле. А на Удалова обрушились бешеный ветер, дождевые брызги и скрип деревьев. Под ногами таились чёрные лужи, а путь на Меркартовскую улицу, хоть и не очень далёк, пролегает в стороне от центра Великого Гусляра.

Пока Удалов добрался до дома три, он изрядно промок, в ботинках хлюпало, затекло за уши и под воротник. Домик был мал, выходил на улицу двумя окошками, в заборе виднелась калитка. Но прежде чем войти во двор, Удалов деликатно постучал в освещённое окно. Занавеска отодвинулась в сторону, и круглое румяное старушечье лицо приблизилось к окну. Удалов улыбнулся ему и пошёл к калитке. Открыл мокрый холодный крючок и прислушался. В доме было тихо. В соседнем дворе забрехала отчаянно собачонка. Удалов подошёл к шаткому крыльцу и поднялся на три ступеньки. Собачонка суетилась у забора, захлёбывалась, словно охраняла два дома по совместительству.

Удалов толкнул дверь, и та отошла тяжело, со вздохом и скрипением.

– Есть кто живой? – спросил Удалов вежливо и шагнул в темноту. В тот же момент что-то тяжёлое упало ему на голову и отключило его сознание. Последней мыслью Удалова было: «Наверное, крупики – это белки».

Удалов пришёл в себя в горнице. Здесь было светло. Он сидел на скамье, прислонясь спиной к печке, чуть тёплой, топленной утром. Напротив стоял грузный человек в пижаме и ватнике.

В руке у человека была скалка. У человека были красный нос и грустные глаза.

«Всё-таки крупики – это белки», – подумал Удалов, возвращаясь к действительности, и пощупал затылок. На затылке была шишка.

– Вы простите, если что не так, – сказал мужчина. – Меня тётя Нюша на помощь позвала. Я думал, что тот самый возвратился. В чёрных очках. Пристал, в окно стучится, угрожает: отдай, говорит, цветок. Иностранец, наверно. Бандит. А в дом не вошёл. Тётя Нюша его шуганула, а меня на помощь позвала. Всё-таки мужчина в доме. Я её сосед, из соседнего дома.

Тут Удалов, разогнав из глаз разноцветные круги, заметил в стороне смущённую бабушку с румяными щеками.

– Я женщина одинокая, – объяснила бабушка. – Меня просто и ограбить можно.

– Правильно, – ответил Удалов и разозлился на скрытного пришельца.

Значит, тот не сразу к Удалову, а сначала побывал здесь, попытался цветок раздобыть. И всё испортил. Ну хоть бы проинформировал Удалова об этом заранее. Теперь голова болеть будет. Может, даже сотрясение мозга. Это бывает. От скалки.

– Воды, – сказал Удалов.

– Нюша, дай воды.

Мужчина положил скалку на стол.

– А ты, Иннокентий, смотри за ним, – сказала Нюша, уходя в сени, где стала греметь кружкой, зачёрпывая воды.

– Вы её извините. Женщина одинокая, подозрительная. Я-то знаю, что взять у неё нечего. А она думает, что представляет интерес.

Удалов покосился на окно. Там стояли горшки с цветами. Одно из растений было осыпано красными бутонами.

– Вот-вот, – заметил его взгляд мужчина. – Из-за этих ничего не стоящих цветов вся катавасия вышла.

Бабушка принесла кружку с водой. Пока Удалов пил, она оглядела его с головы до промокших ног, и неизвестно, осталась ли довольна осмотром. В глазах её не пропадало подозрение.

– Зачем пожаловали, батюшка? – спросила она Удалова.

В ином случае Удалов оставил бы разговор до завтра. Не время было приобретать цветок. Но теперь, судя по часам, до возвращения пришельца оставалось чуть больше получаса. Из них пятнадцать минут уйдёт на обратную дорогу.

– Я мимо проходил. Заглянул в окошко и решил зайти.

– Зачем? – спросила бабушка.

– Ну, я пойду, тётя Нюша, – сказал грузный мужчина.

– Нет, Иннокентий, погоди, – возразила бабушка, – меня одну не оставляй.

Мужчина вздохнул, развёл руками, словно извиняясь перед Удаловым.

– Чудесные цветы вы разводите, – сказал тогда Удалов.

– Опять? – спросила бабушка.

– Так разве я виноват, что такое совпадение получилось?

– Может, и виноват.

– Жена у меня любительница растений, – заспешил Удалов. Время шло. Пришелец уже торопится обратно, минуя звёздные скопления и облетая метеорные потоки. – У неё день рождения завтра. Вот я и решил – куплю ей что-нибудь необычное. Как-никак шестнадцать лет вместе прожили. Ксенией мою жену зовут. Ксения Удалова. Я здесь, в Гусляре, работаю, директором стройконторы.

– Как же, слышал, – сказал мужчина. – В случае чего поможет тебе, тётя Нюша, стройматериалами.

– Если в пределах законности, помогу, – подтвердил Удалов.

Тётя Нюша чуть оттаяла.

– И шифер есть? – спросила она.

– И шифер, – сказал Удалов, хотя с шифером были трудности.

– А цветок не продаётся. Вы к моей соседке сходите. У неё герань чудесная.

– Герань у меня самого есть, – объяснил Удалов. – Три горшка.

– Да чего ты человека мучаешь, – сказал мужчина. – Продай ему цветок. Он не забудет.

– Не забуду, – сказал Удалов. – Вот этот красный цветок продайте. Сколько нужно – заплачу. Ведь не зря я по голове скалкой получил. Ведь тоже увечье. Пожаловаться можно.

– Жаловаться он имеет право, – сказал грузный мужчина. – У него шишка, не меньше, на затылке.

– Есть шишка.

– А ведь я, тётя Нюша, твоё задание выполнял. Тебя защищал. – Грузному мужчине хотелось поскорее домой.

Тётя Нюша пригорюнилась.

– Вот, думала, помру, буду перед смертью цветком любоваться. Он у меня единственный, больше такого во всём городе нету. А кроме того, я к дочке собиралась съездить. В Архангельск. Дорога не дешёвая.

– Дорогу оплачу, – сказал Удалов. – Сколько надо?

– Сто рублей, – произнесла бабушка и зажмурилась. Ждала, что скажет Удалов на такую наглость.

– Сто рублей нельзя, – ответил Удалов.

– Тётя Нюша, постыдись, – произнёс сосед.

– Лучше я отсюда прямо в дежурную поликлинику, – сказал Удалов. – Пусть меня медицински освидетельствуют, что мне нанесены побои.

– Тридцать пять, и ни копейки меньше, – сбавила цену бабушка.

– Ой, ты же, тётя Нюша, самоубийца.

– Придётся идти, – решил Удалов.

– А сколько дашь? – спросила быстро бабушка.

– Десять рублей дам.

– Десять мало. Десять один горшок стоит.

– А я горшок оставлю.

– А мне горшок без цветка не нужен.

– Двенадцать рублей – больше у меня денег с собой нету.

– А в поликлинику не пойдёшь?

– Не пойду.

– А шифер достанешь?

– Постараюсь.

Тётя Нюша вздохнула:

– Бери, бог с тобой.

Удалов вытащил из кармана деньги. Хорошо ещё, что захватил с собой. Отсчитал две пятёрки, рубль и девяносто копеек мелочью. Тётя Нюша взяла с него обещание занести завтра гривенник, и Удалов обхватил пыльный тяжёлый горшок.

Вышли во двор вместе с соседом. Сосед кутался в ватник, подбирал по-птичьи ноги в шлёпанцах. Проводил Удалова до калитки, отворил её. Бабушка загремела в сенях щеколдой.

– Послушай, – сказал грузный мужчина на прощанье, – ты про жену всё врал. Почему двенадцать рублей за простой цветок отдал? Скажи, я никому ни слова.

– Да что там, – ответил Удалов, отклоняя головой ветви, чтобы не мешали смотреть вперёд. – Всё равно не поверите. На одной планете крупики дохнут. Их вылечить можно только этим цветком. Так что ко мне обратились за помощью.

– Ага, – сказал мужчина. – Вот это уже больше похоже на правду.

И когда Удалов уже отошёл, ступая в лужи, он крикнул:

– А кто такие крупики?

– Не знаю! – крикнул в ответ Удалов. – Серые, говорят, пушистые, сидят под кустом.

– Наверное, кролики, – сказал мужчина.

– Может быть, – ответил Удалов и поспешил к дому, скользя по глине и прижимая к груди тяжёлый горшок.

Пришелец ждал его возле дома, на улице, под деревом.

– Достал? – спросил он, выходя из тени. – Спасибо тебе огромного размера. Давай сюда. Домой я не мог. Твой жена пришёл.

Удалов поставил горшок с цветком на землю.

– Не узнали там у себя, кто такие крупики? – спросил он.

– Нет, не успел, – ответил пришелец. – Такой трагедия. На нас с вами весь надежда.

Он принялся быстро обрывать с веток красные бутоны.

– А весь горшок брать не будете?

– С горшком мне сквозь пространственно-временной континуум не прорваться. Нет такая возможность.

– Я бы знал, сам оборвал. А скажите, крупики – это не белки?

– Нет. Я полетел. Большой спасибо. Знаете что, наш планета будет ставить вам один большой памятник. В три роста. Я уже делал фотографий. Вы идёте сквозь дождь и буря, а в руке у вас красный цветок.

– Спасибо. Одна деталь только, если вы не возражаете. Понимаете, какая история получилась: я все свои деньги на этот цветок истратил, а мне завтра взносы платить.

– Ой, какой есть позор для наша планета! Конечно, все деньги я тебе давай. Совсем забыл. Вот, держи. Доллар. Три тысячи доллар.

– Да вы с ума сошли, – возразил Удалов. – На что мне доллары? Мне нужно двенадцать рублей. Точнее, одиннадцать рублей и девяносто копеек. Если считаете, что я много заплатил за цветок, сами понимаете – такая срочность. А красная цена ему – рубля четыре с горшком.

– Красный цена ему – сто миллион ваши рублей.

– Мне лишнего не надо. Мне хотя бы рублей восемь.

– Бери доллары, – суетился пришелец. – Другой деньги со мной нет. Через три года снова удачный положение планеты, и я приеду и тебе даю рублей. А сегодня бери доллар.

Удалов хотел было возразить, но пришелец сунул ему в руку пачку хрустящих бумажек, крикнул:

– Спасибо! Фотографий памятник привезу со следующий визит!

И исчез.

Удалов вздохнул и пошёл домой.

Ксения ждала его, не ложилась спать. Она встретила его упрёками и не дала раздеться, требовала, чтобы сознался, с кем ходил на свидание.

– Да не было никакого свидания, – сказал Удалов, думая при этом: «А может, крупики – это вовсе слоны или леопарды? Ведь неизвестно, под каким деревом этот серенький ушастенький сидит. Может, под баобабом?»

– Стоит из дому уйти, – волновалась Ксения, – тебя уж и след простыл.

– Не волнуйся, – ответил Удалов, всё ещё думая о крупиках.

– А что у тебя в руке? – спросила Ксения, глядя на пачку долларов.

– Это так, доллары.

Удалов протянул жене деньги.

– Дожили, – сказала Ксения и заплакала.

НЕДОСТОЙНЫЙ БОГАТЫРЬ

Иван Дегустатов шёл по весеннему лесу. Листья берёз ещё не раскрылись и острыми концами свисали к земле, словно подвешенные куколки бабочек. Из тёмной лежалой хвои выглядывали яркие три-

листники заячьей капусты. На концах еловых ветвей топорщились тугие, почти жёлтые кулачки. Сорвёшь один, помнёшь в пальцах – окажется, что он составлен из мягких душистых иголочек. Птицы суетились и пели, привыкали к теплу и солнцу.

– Эх, – сказал Дегустатов скворцу, поющему на ветке. – Пользуешься тем, что работники дома отдыха сделали тебе скворечник. Отдыхаешь. – Потом хитро улыбнулся и пошутил: – Вместо песен взялся бы и соорудил гнездо для товарища, которому скворечника не досталось.

Скворец склонил голову, поглядел на Дегустатова с сомнением.

– Я шучу, – сказал Дегустатов. – Пой. Ты птица, значит, твоя задача – петь и развлекать.

Дегустатов свернул с дорожки, нахоженной отдыхающими. Дорожка была забросана бурыми листьями, и, если бы отдыхающие в этом году не приехали, на ней выросла бы трава. Но отдыхающие приедут. Скоро. Через неделю начнётся первый заезд, на автобусе будут прибывать трудящиеся из недалёкого Великого Гусляра, чтобы вкусить заслуженный отдых, и тогда Дегустатов вплотную примется за свои директорские обязанности. Будет следить, чтобы у всех были чистые простыни, чтобы не проносили в столовую спиртные напитки, чтобы вытирали ноги при входе и не приглашали знакомых с ночёвкой.

Дегустатов нагнулся, подобрал консервную банку, что осталась с прошлого года. Банка была ржавой, на ней сохранилась поблёкшая этикетка – «Частик в томате». Рядом должна валяться бутылка. Бутылки часто встречаются рядом с такими банками, если люди, которые ели и пили, не взяли бутылку с собой, сдать. Бутылка нашлась. В неё набрались вода и ржавая хвоя. Банку Дегустатов спрятал под куст, чтобы не портить пейзаж, а пустую бутылку засунул в карман брюк. Его долг заключался в том, чтобы хранить окружающую экологию в чистоте.

Лес шёл гуще. Здесь, за низиной, начинались холмы, поросшие елями. Назывались они Гуслярской Швейцарией. Таких мест вокруг города немало. У холмов иногда отдыхали туристы. Там тоже могли встретиться разные вещи. Дегустатов не считал себя жадным, но был бережлив, ценил копейку, потому что её надо заработать. Если нужно, он не задумываясь выкинул бы три рубля, чтобы посидеть с человеком, но для собственного удовольствия такого не допускал.

Дегустатов продрался сквозь черёмуху, всю в бутонах, перешёл ручей по гнилому бревну. В ручье встретилась ещё одна бутылка, но она была со щербинкой, и пришлось кинуть её в черёмуху. По узкой тропинке Дегустатов взобрался на холм. Воздух был свежий, с запахами, и на сердце у Дегустатова стало легко, и захотелось запустить найденной бутылкой прямо в небо.

Через тропинку лежало дерево. Большое и корявое, Дегустатов помнил его. Оно росло всегда на склоне холма и превосходило прочие деревья в лесу своими размерами.

– Ой-ой-ой, – произнёс Дегустатов вслух. – Вот тебе и конец пришёл. Не думал, что тебя так скоро подмоет вешними водами.

Дерево, видно, упало только-только – даже молодые листья не успели завянуть. Если был бы трактор, да была бы хорошая проезжая дорога к самому дереву, то можно бы перетащить дерево на территорию дома отдыха. И Дегустатов решил упросить лесника, когда дерево будут пилить, чтобы пень достался дому отдыха. Из него можно сделать стол на множество посадочных мест.

Неспешно размышляя таким образом, Дегустатов поднимался вдоль ствола, машинально считая шаги, досчитал до восьмидесяти трёх, запыхался и увидел наконец вывороченные кверху громадные корни.

Корни были так разлаписты, что, стоя рядом с комлем, Дегустатов не мог заглянуть на ту сторону, узнать, какая получилась яма. Осторожно, чтобы не измараться, он продвинулся в сторону и заглянул в просвет между корнями.

Яма была велика. Дна не было видно. Как будто дерево росло над пещерой, прикрывая её от атмосферных осадков.

Дегустатов обогнул корни и нагнулся над дырой. Она полого уходила в холм, а там могли таиться археологические находки и даже клады. Ведь в этих местах, у большой дороги, водились когда-то разбойники.

Дегустатов достал из кармана зажигалку и засветил её. Были, правда, некоторые опасения, что в пещере может скрываться хищный зверь или ядовитая змея, но шансов к тому было немного. Ведь за последние сотни лет доступного входа в пещеру не наблюдалось. А то бы отдыхающие давно заметили его и использовали.

– Эй! – крикнул Дегустатов негромко в пещеру. – Есть кто живой?

Никто не откликнулся. Дегустатов наклонился и вошёл в пещеру. Зажигалка давала мало света, и Дегустатов прикрывал её ладонью от себя, чтобы огонёк не мешал смотреть вперёд. Пол в пещере оказался гладким, без бугров, и потолок вскоре повысился настолько, что удалось поднять голову. Дегустатов держал свободную руку над шляпой, чтобы невзначай не случилось сотрясения мозга.

Пещера всё расширялась и уводила в глубь земли. В ней было зябко и сыро. Дегустатов остановился, застегнул пиджак. Потом оглянулся – светлое неровное отверстие казалось далёким, и хотелось к нему вернуться. Ну, несколько шагов, сказал себе Дегустатов. И обратно.

Скорее угадав, чем увидев препятствие под ногами, Дегустатов замер. Впереди виднелось что-то белое. Дегустатов поднёс к белому зажигалку, и обнаружилось, что это череп с пустыми глазницами. За черепом валялись кости, прикрытые истлевшей одеждой. Другой скелет сидел у стены, опершись о ржавое копьё.

Дегустатов очнулся на свежем воздухе, шагах в пятидесяти вниз по склону. Как выскочил из пещеры, как добежал – не помнил. Здесь он заставил себя остановиться, осмотреться в мирной благодати и звуках весеннего леса. Никто его не преследовал и не убивал. Зажигалка погасла, но грела ладонь.

Можно было убежать дальше и позвать на помощь. Сообщить в музей. Но тут же пришла в голову мысль: скелет держал в руке копьё, и это значило, что он в пещере много лет, с дореволюционных времён. Может, даже с тех, когда никакого дерева не было и в пещеру легко было войти любому. Люди, которые туда забрались и остались, вполне могли оказаться именно охранниками клада. В литературе рассказывается, что разбойники убивали своих товарищей, которые много знали. И их вид впоследствии отпугивал охотников до чужого. Шансы на клад увеличивались. И бояться было нечего. Скелеты не кусаются. Дегустатов понял, что его долг – снова забраться в пещеру и посмотреть, нет ли ценностей. И он вернулся в темноту и сырость.

За скелетами было несколько метров гладкого пола. Потом обнаружился ещё один скелет. На этот раз не человеческий. У скелета было три головы, черепа которых напоминали коровьи, но превосходили их массивностью, длиной и обладали рядом крупных заострённых зубов. Когда-то умершее животное обладало также чешуйчатым телом, и отдельные чешуи, рассыпанные по полу, костяные и тёмные, достигали

У скелета было три головы, черепа которых напоминали коровьи, но превосходили их массивностью, длиной и обладали рядом крупных заострённых зубов.

длины в полметра. Громоздкий позвоночник заканчивался хвостом с носорожьими рогами на конце. Останки принадлежали ископаемому, и Дегустатов даже пожалел, что плохо учил биологию и никого из ископаемых, кроме мамонта, не помнит. Скелет вымершего животного подтвердил, что пещера старая. А то бы такие крокодилы и сейчас водились в лесах, пугали людей. Дегустатов осторожно промерил длину скелета, и получилось более двенадцати метров. Он решил взять на память рог с хвоста, а остальное сдать в музей.

Под ногами звякнуло. Дегустатов посветил зажигалкой и обнаружил толстую цепь. Каждое звено килограммов на пять. Цепь была одним концом прикована к стене. Другим охватывала ископаемую ногу. Дегустатов подивился тому, какие цепи умели делать наши пещерные предки и как они не боялись первобытных крокодилов. И пошёл дальше.

Впереди, как ни странно, снова замаячил свет. Будто другой вход в пещеру. Но свет этот был неживым, не солнечным и шёл из непонятного источника. Пещера расширилась до размеров зала, и дальний конец её, освещённый наиболее ярко, был окутан туманом. Дегустатов кинул взгляд под ноги, обнаружил, что под ногами пол из плиток, как в бане, и смело пошёл вперёд. Сердце его забилось сильнее, и он подумал, что весь клад сдавать не будет. Государству и так много достанется, а он имеет моральное право передать в своё личное пользование несколько сувениров.

С таким твёрдым решением Дегустатов пересёк высокий зал и оказался перед тюлевой занавеской, висевшей неизвестно на чём. Дегустатов раздвинул занавеску и замер, поражённый представшим его взору зрелищем.

На самом высоком месте находился стеклянный или пластиковый гроб, в котором кто-то лежал. Вокруг сидели и стояли в странных позах люди в древних одеждах, словно изображали исторический спектакль. Дегустатов даже повертел головой, думая увидеть где-то кинокамеру и кинооператоров. Но никого, кроме него, здесь не оказалось.

– Эй, товарищи! – сказал им Дегустатов, который к тому времени совсем осмелел. – Что происходит?

Никто не ответил.

Манекены, куклы в натуральный рост – понял Дегустатов и взошёл на возвышение. Он приблизился к одному из манекенов и приглядел-ся. Манекен был крайне похож на человека. Глаза его были закрыты, длинные космы сделаны из натуральных волос, на бледном лице проглядывались жилки и щетина. На ощупь манекен оказался даже чуть тёплым, мягким и податливым.

Чертовщина какая-то. Дегустатов перешёл к другому манекену. Манекен изображал собой толстую женщину в длинном узорном платье и головном уборе, как в ансамбле народной песни. Женщина тоже была как живая. Приподняв её вялую руку, Дегустатов с удивлением обнаружил в ней редкий и слабый пульс. Захотелось уйти. Но хотелось поискать клад. Дегустатов отодвинул женщину, и та мягко упала на пол, явственно вздохнула, подложила руку под щёку и замерла.

Дегустатов переступил через неё, подошёл к следующему, к старику. Старика Дегустатов легонько толкнул. Старик покачнулся, но сохранил равновесие. Дегустатов толкнул посильнее. Старик согнулся пополам и рухнул к его ногам. Если бы Дегустатов знал, что эти люди настоящие, он толкаться бы не стал. Но люди были ненастоящие и мешали пройти наверх, к стеклянному гробу.

В гробу кто-то лежал, но сразу рассмотреть было трудно, потому что крышка была толстая, не совсем ровная, отражала свет и мешала глядеть внутрь.

Дегустатов попробовал приподнять крышку, но сделать это оказалось нелегко, пришлось долго тужиться, отобрать копьё у одного из людей и крышку своротить. Крышка съехала на пол, ударилась углом и разбилась. Дегустатов крышку пожалел. Крышка могла стоить больших денег.

Но тут же забыл о крышке.

В гробу лежала девушка ослепительной красоты. Она спала или была мёртвой. Глаза её были прикрыты длинными чёрными ресницами, щёки были бледными, в голубизну, лобик чистый, высокий, коса золотая, тонкие пальчики сложены на груди, а на пальцах драгоценные кольца. Полные розовые губы были приоткрыты, и из-под них, словно цепочка жемчужинок, виднелись зубы.

Такой красоты Дегустатову видеть не приходилось даже в кино. Несколько тысяч женщин побывали в доме отдыха; среди них не было ни одной, хоть слегка похожей на эту. Дегустатов почувствовал ущем-

ление сердца, наклонился пониже, чтобы насладиться видом прекрасного лица, потом снял с пальца драгоценное изумрудное кольцо и положил его в карман, где уже лежала бутылка. Девушка не сопротивлялась.

Дегустатов понимал, что пора уходить. Собрать, что можно, из интересных сувениров и уходить. Всё равно здесь нужна медицина, а не он. И уже перед самым уходом, не в силах побороть странное волнение, наклонился он над девушкой и поцеловал её в тёплые розовые губы. Поцелуй был сладок, и прекратить его Дегустатов не смог, потому что почувствовал, как девичьи губы дрогнули, ответили ему, и поцелуй получился вполне настоящий и взаимный.

– Да-а, – сказал Дегустатов в волнении, отрываясь от розовых губ.

– Ой! – воскликнула девушка, открыла глаза и увидела Дегустатова. – Здравствуйте. Я долго спала?

Сзади началось шевеление. Потягивались и поднимались прочие люди. Звенели оружием, откашливались, сморкались, оправляли платья и обменивались удивлёнными возгласами.

– Что случилось? – поинтересовался Дегустатов. – Почему такое изменение?

Закряхтел старик, которого Дегустатов уронил на пол, и сказал:

– Похоже, у меня растяжение жил.

– Спасибо тебе, храбрый богатырь, – произнесла девушка, садясь в гробу. – Всю спину отлежала. Даже больно.

– Спинка у царевны болит, – обеспокоилась женщина позади Дегустатова. – Царевна спинку отлежала.

Началась суета, подкладывание подушек, а один из воинов подставил свою спину, чтобы царевне удобнее было покинуть стеклянный гроб.

– Не беспокойтесь, – сказала царевна. Глаза её, теперь открытые, напоминали зелёные омуты, и в них, как пескари в глубине, проплывали золотые искры. – Оставьте эту суету. Мой богатырь поможет мне. Возьми меня, князь, в сильные руки и поставь на пол.

Дегустатов повиновался. Действовал он словно в оцепенении. Ничего не соображал.

Царевна оказалась невелика ростом, Дегустатову по плечо, тонка станом и очень молода.

– Сколько вам лет? – спросил Дегустатов, ставя её на пол.

– Царевне шестнадцатая весна пошла, – ответила толстая баба. – Замуж пора. А мы тебя, богатырь, ждали, не дождались. Сколько лет прошло...

– А сколько?

– Небось много, – предположил старик, потирая ушибленные места. – Очень ты не по-нашему выглядишь.

– Так вы что здесь делали?

Мешала память о поцелуе, который он столь незаконно сорвал с губ царевны. Он надеялся, что никто, кроме него и царевны, об этом не знает. Ну, добро бы царевне было лет двадцать пять – тридцать. А то шестнадцатый год, в школу ходить надо, а не целоваться со взрослыми мужчинами. Может выйти скандал.

– Мы спали, – объяснила царевна.

И все эти люди, окружив Дегустатова, стали наперебой рассказывать о своих неприятностях, о том, почему они все, в странных одеждах, находятся в лесу, в пещере на территории дома отдыха.

Оказывается, случилось это давно, несколько сотен лет назад. Эта девушка по имени Лена была дочкой местного феодала, царя. На какой-то день рождения или иной придворный праздник пригласили всех окружающих феодалов и гостей из-за рубежа, но забыли позвать одну вредную женщину, которая потом, через много лет, подсунула Лене ядовитое яблочко, ввиду чего и она, и все окружающие погрузились в глубокий сон.

А другая женщина, отдалённая родственница, узнав о таком несчастье, предсказала, что Лена проснётся, если найдётся рыцарь, который сможет проникнуть в пещеру и поцеловать царевну в губы.

И когда вся эта неправдоподобная история была рассказана Дегустатову, тот почувствовал себя выше ростом, поправил шляпу, приосанился и отряхнул с пиджака крошки земли.

– А как ты дракона одолел? – спросил старик.

– Дракона? – переспросил Дегустатов. – Дракона не знаю.

– Да он же вход в пещеру охранял и уничтожал недостойных.

– Не было дракона, – сказал окончательно Дегустатов. – Я бы заметил.

– С ума сойти, – возмутилась толстая женщина по имени княгиня Пустовойт. – Он же мне много лет спать мешал, хрипел и фыркал. А ты его уничтожил и даже не заметил. Герой.

– Да, – согласился Дегустатов, занятый своими мыслями. – Значит, у вас паспортов нет, никаких документов, места жительства нет, ничего нет?

– Как же, – обиделась царевна. – Здесь где-то неподалёку должен стоять дворец моего батюшки. Может, он немного обветшал, но дворец хороший, с хоромами, переходами, кельями и светёлками.

– Нет этого, – ответил Дегустатов. – Дворца не знаю. Наверное, снесли, когда я ещё здесь не работал. Тут один дворец – мой. Неподалёку. Если его, извините, дворцом назвать можно. Правда, с электричеством. Сосновый бор, бильярд, пинг-понг.

– Послушайте, ваше высочество, – обратился к нему старик, которого, оказывается, звали спальником Ерёмой. – Как же так, нет ли ошибки какой? Царство наше было велико, простиралось оно до самого синего моря. Нам многие дань платили... И берендеи, и шкерборей, и черемисы, и вятичи.

– Молчи, старый, – перебила его царевна. – А то велю голову отрубить. Если мой жених говорит – нет, значит, нет. Теперь он нас в свой дворец проводит.

– А там и свадебку сыграем, – обрадовалась княгиня Пустовойт. – Детки пойдут.

Царевна зарделась от этих слов, слуги засуетились, стали скатывать ковры и связывать в тюки платья и занавески.

– А где моё любимое колечко? – закричала вдруг царевна. – Где моё любимое, волшебное изумрудное кольцо? Кто его украл, пока я почивала?

Никто в этом не признался, тем более Дегустатов, который никак не мог придумать, как ему поступать дальше. Похоже было, что эта девушка собиралась выйти за него замуж. Этого допускать нельзя. Во-первых, потому, что она несовершеннолетняя и можно заработать большие неприятности. Во-вторых, у Дегустатова уже была жена, и проживала она в Архангельске с сыном Петькой. Им Дегустатов, хоть и не был в разводе, посылал алименты – двадцать пять процентов с твёрдой зарплаты, без приработков. Наконец, непонятно, как можно ему, директору дома отдыха, показаться в городе в окружении персон, которые появились неизвестно откуда. Но бросать людей здесь нельзя. Негуманно. Придётся, пока суд да дело, перевести их в дом отдыха.

– Давай, царевна, – предложила княгиня Пустовойт, – обыщем всех без исключения, потому что такое редкое кольцо никак нельзя оставлять в неумелых руках.

– Нет-нет, – сказал на это Дегустатов. – Нам пора идти. Потом разберёмся.

– Если бой-тура опасаетесь или единорога, – вмешался молодой солдатик с топором на длинной рукоятке, – мы за вас постоим.

– Нет, бой-тура не будет, – резко ответил Дегустатов. – Бой-туров не держим.

– Наверное, разбойников много развелось, – предположил старик Ерёма.

– На это есть милиция. Слушайте меня внимательно, времена теперь изменились, титулы и почитания отменены. Так что будете меня слушаться. Пойдёте, куда скажу, останетесь, где скажу. А там разберёмся. Зовите меня просто – Иван Юрьевич.

– А свадьба? – спросила лукаво одна из придворных, женщина в самом соку, чернобровая и смуглая, что выдавало её шамаханское происхождение.

– Свадьба в своё время.

Дегустатов шёл впереди, и, когда свет из пещеры иссяк, он засветил зажигалку. За ним шагали два солдата с топорами и дышали ему в затылок. Затем шуршали юбками царевна, её дамы и девки. Сзади опять шли солдаты, несли тюки и узлы с барахлом, и старик Ерёма. В таком порядке добрались до скелетов.

– Это мой богатырь сделал, – произнесла царевна с гордостью, когда увидела при скудном свете зажигалки остов ископаемого животного. – Даже мясо с него содрал.

– Нет, царевна, – ответил ей старик Ерёма. – Более похоже, что дракон умер своей смертью со скуки или задохнулся от недостатка воздуха.

– А может, и от старости, – добавила княгиня Пустовойт.

– Может, и от старости, – согласился старик. – Хотя драконы долго живут.

– Я недовольна, – сказала царевна. – Я вам говорю, что это дело рук моего суженого, а вы мне прекословите. Это гадко и противно. Если бы был жив мой папа, он бы вас всех повесил. Но ещё не поздно. Друг мой, рыцарь, отруби им головы. Они мне надоели.

– Помилуйте, царевна, – взмолились придворные, падая в ноги ей и Дегустатову. – Не велите казнить, велите слово вымолвить.

– Без этих штучек, – строго проговорил Дегустатов. – Никого казнить не будем. Не время. Потом разберёмся. А если вы, Леночка, полагаете, что это и есть дракон, то я думал, что это ископаемое животное типа мамонта или крокодила. И думал, что оно представляет интерес для науки. А раз это дракон из вашей компании, то оставим его как есть. Он ни для нас, ни для науки интереса не представляет.

– Правильно, – одобрила царевна. – Ты у меня умный.

– Гордый принц, – прошептал уважительно один из стражников.

Через несколько шагов натолкнулись на скелеты людей. Снова задержались.

Спальник Ерёма заметил медяшку на рёбрах одного из скелетов и сказал:

– По этому образку я его признал. Помните, царевна, богемский витязь к вам сватался? Тогда ещё говорил – голову положу, а с царевной ничего плохого не случится.

– Не помню, – ответила равнодушно царевна. – Много их было.

Она взяла Дегустатова под руку. Дегустатов чуть отстранился, чтобы она невзначай не нащупала в кармане пустую бутылку и взятое без спросу кольцо.

– Тебя в темноте плохо видно, – говорила Дегустатову царевна, – но твой богатырский облик мне снился много лет.

– Спасибо, – сказал Дегустатов. – Вылезайте осторожно, по одному, вперёд не кидайтесь, без моей команды никуда не отходить.

Сам встал в сторонке, щурясь от яркого света. На свежем воздухе новые знакомые Дегустатова не производили такого странного и волшебного впечатления, как под землёй. Были они бледны от длительного пребывания при искусственном освещении, одежда покрыта пылью, дряхла, требовала чистки и штопки. На оружии стражников обнаружилась ржавчина, и от неё подтекло на старинные мундиры. Пудра и румяна на лицах женщин также производили грустное впечатление. А сама царевна казалась уж совсем ребёнком, максимум восьмиклассницей.

Дегустатов приглядывался к людям, и ему хотелось достать из кармана изумрудное кольцо и проверить, чистой ли оно воды, хотя в изумрудах, честно говоря, Дегустатов не разбирался.

Спасённые жмурились, покачивались с непривычки, закрывали лица руками, и Дегустатов, хоть и спешил, чтобы отвести их в безопасное место, пожалел и не торопил. Пусть немного освоятся. А то потеряются по дороге и подведут спасителя под монастырь.

– У тебя кафтан странный, – произнесла царевна, робко касаясь дегустатовского пиджака.

– Какой есть, – ответил Дегустатов.

Из пещеры вылез последний стражник и положил на землю сундучок с царевниным приданым. Дегустатов присматривался к сундучку с интересом. Сундучок был окован медными полосами, на нём висел крепкий замок.

– Давай помогу, – предложил Дегустатов и сделал шаг к сундучку. Хотел проверить вес.

– Государь, вы себя унижаете, – одёрнула его княгиня Пустовойт. – В вашем положении можно победить дракона или вызвать на смертный бой другого богатыря, из хазаров или половцев. Но носить тяжести вам не к лицу.

– Правильно, милый, – поддержала царевна. – Тебе к лицу меч, а не сундук.

А спальник Ерёма, проморгавшись к тому времени, поглядел на спасителя проницательным стариковским взглядом, вздохнул и сказал стражнику:

– Сундук никому не передавать. Неизвестно, что за народ здесь обитает.

«Вот гад подозрительный», – подумал про старика Ерёму Дегустатов.

– Ну, все в сборе? – спросил он. – Тогда следуйте за мной.

Вниз по склону спускались медленно, будто учились ходить, а когда подошли к ручью, то остановились умыться, привести себя в порядок. Тут чуть было не представился случай взять сундучок и попрощаться. Пролетал над лесом самолёт. Рейсовый. Самый обычный. И при шуме моторов и виде его обтекаемого фюзеляжа все люди из пещеры вдруг попадали на траву, в грязь и стали громко причитать. Оказалось, по отсталости приняли самолёт за летающего дракона. Дегустатов громко смеялся над ними, обмахиваясь шляпой, и оттого их уважение к нему ещё более выросло.

Дом отдыха, двухэтажное здание с колоннами, когда-то принадлежавшее купцам Анучкиным, а после революции достроенное и расширенное, красиво стоял на пригорке, откуда шёл спуск к реке. Остальные корпуса и службы частично скрывались за растительностью.

– Ах! – сказала чернобровая придворная шамаханка. – И это ваш дворец?

Дегустатов не понял, ирония здесь или восхищение, и ответил:

– Какой есть.

– Он куда лучше, чем у батюшки-царя, – оценила чернобровая.

– Вас как зовут? – спросил её Дегустатов.

– Анфиса Магометовна, – ответила придворная.

– Анфиской её звать, – поправила княгиня Пустовойт.

– Можно Анфиской, – согласилась придворная и повела плечами, разминаясь.

От свежего воздуха и солнца она порозовела, щёки обрели видимую упругость, и в глазах был блеск. Дегустатов вздохнул, сравнил её мысленно с царевной и повёл группу дальше, к флигелю № 2, который прятался глубоко в кустах сирени.

– Ноги вытирайте, – велел людям Дегустатов. Люди послушно вытирали ноги о резиновый пупырчатый половик, и всё им было в диковинку: стёкла в окнах, да и величина самих окон, крашеная крыша, водосточная труба и даже обычный асфальт на дорожке.

А когда оказались на скрипучей застеклённой веранде, где стоял бильярдный стол и откуда сквозь открытую дверь был виден коридор с дверями по обе стороны, царевна подошла снова к Дегустатову и сказала:

– Ты, видать, могучий царь, наш спаситель.

– Ага, – согласился Дегустатов. – Погодите здесь. Я посмотрю, в каких вас комнатах разместить.

Анфиса провела ладонью по зелёному сукну.

– А полога-то на кровати нету, – отметила она.

– Какого полога? – обернулся Дегустатов.

Анфиса, коварная бестия, втайне двоюродная племянница той колдуньи, что всех усыпила, с улыбкой, ямочки на щеках, показала на бильярдный стол и добавила:

– А перину, государь, где хранишь?

– Ошибаетесь, – улыбнулся ей Дегустатов, – это не кровать, а игра бильярд. Шары гоняем.

Он заглянул в одну из спален. Там стояли четыре ещё не застеленные кровати. «Здесь мы стражу разместим, – подумал он. – В следующей – баб и княгинь. Для них придётся ещё одну комнату оставить. Старику Ерёме и пятому солдату – маленькую, подальше от царевны. Царевне выделим двухкоечный номер. Остаётся ещё одна комната. Надо бы отдать её Анфисе. Но неизвестно, вдруг начнутся трения. Строй у них феодальный. А сундучок и барахло сложить бы в кладовку у туалета. Ещё неизвестно, умеют ли они туалетом пользоваться – в пещере ничего подобного не заметил».

Дегустатов задержался в туалете. Кафель сверкал под лучами проникшего сквозь матовое стекло солнца. Можно было махнуть на всё рукой и вызвать директора музея. И дело с концом. Останутся изумрудное колечко и заметка в местной печати. Дегустатов достал из кармана колечко. Колечко было массивным, на вид золотое, а камень испускал зелёное сияние. Нет, придётся проверить, что в сундучке. И было оправдание: раз велят жениться на царевне, которую целовал, то с этой ситуацией надо распутаться деликатно.

Дегустатов строил планы и машинально крутил кольцо на мизинце. Кольцо крутилось с трудом. Дегустатов даже поднатужился, стараясь повернуть его так, чтобы увидеть снова блестящий камушек. И лишь успел это сделать, как в туалете рядом с ним образовался конь вороной масти. Коню было тесно. Он упирался хвостом в стену и воротил морду кверху, чтобы не задеть Дегустатова.

– Ещё чего не хватало, – сказал Дегустатов с раздражением.

– Что прикажешь, доблестный богатырь? – спросил конь человеческим голосом. – Если Кощея победить или ещё для какого подвига – я готов. Так ты и есть жених моей дорогой царевны?

– Потише, люди услышат, – сказал Дегустатов с раздражением.

– Пусть слышат, – ответил конь. – Даже лучше, что услышат. Пусть все знают, что я, конь Ветерок, твой слуга. Пусть враги твои трепещут.

Дегустатов поглядел на коня и мысленно пересчитал врагов. Во врагах он считал директора стройконторы Удалова, который тянет с ремонтом, соседа по дому и ещё многих. В борьбе с ними нужнее были чернила, чем говорящие лошади.

– Мои враги, – произнёс Дегустатов дипломатично, – от меня пешего трепещут. Так что в услугах не нуждаемся.

– Ну не нуждаешься, так не нуждайся, – сказал конь. – Поверни кольцо вокруг пальца, и я снова исчезну. А меч-кладенец тебе достать?

– И не думай, – ответил Дегустатов. – Ещё порежешь кого.

– Что-то ты мне, богатырь, не показался, – проговорил конь, постукивая копытом по плиткам туалета. – Чего-то в тебе не хватает. Как бы царевна не отказалась замуж за тебя пойти.

– Я её не заставляю, – сказал Дегустатов и, пока конь вновь не пустился в рассуждения, повернул кольцо вокруг пальца – и конь Ветерок исчез, будто его и не было. Лишь запах конского пота остался в воздухе.

Дегустатов даже подошёл к форточке и растворил её. Кольцо спрятал во внутренний карман пиджака. Бутылку поставил на подоконник. А с конём надо будет обдумать. Но не сейчас, не сейчас. Сейчас надо народ с веранды убрать. А то кто-нибудь забредёт в дом отдыха, тогда начнётся представление!

Дегустатов поспешил на веранду.

– Живы ещё? – произнёс он бодро.

– Живы, – ответили гости.

– А есть опасность? – поинтересовалась княгиня Пустовойт.

– Да. У меня много врагов.

– А где твои слуги? – спросила царевна. – Где охрана?

– Мои слуги отпущены, Леночка, – сообщил вежливо Дегустатов. – Частично их заменяют различные невидимые духи, а частично они не здесь.

– Они в походе, – сказал один из стражников.

– Правильно, – подтвердил Дегустатов. – Пока устроимся в этом доме. Вести себя ниже травы и тише воды, понятно?

– Странно как-то, – заметила княгиня Пустовойт. – Сам спасает и сам пугает. Мы думали, будет пир и веселье. А привёл нас в пустой дом.

– Потом спасибо скажете, – ответил Дегустатов.

– Мы голодные, Иван, – напомнила царевна.

– У меня отчество есть, – поправил царевну Дегустатов, – Иван Юрьевич.

Царевна покраснела, обиделась.

– Какое красивое имя-отчество, – польстила Анфиса.

И Дегустатову от этой похвалы стало приятно. Княгиня Пустовойт заметила обмен взглядами и сурово дёрнула Анфису за косу. Анфиса взвизгнула, а Дегустатов сказал:

– Вы, княгиня, без этих старорежимных штучек. Может быть, Анфиса как личность даст вам десять очков вперёд.

– Чего даст?

– Ничего я ей не дам, – сказала Анфиса.

– Так держать, – приободрил её Дегустатов. – Сейчас, товарищи, разместитесь, устроитесь, я на склад сбегаю, бельё чистое выдам, ничего не жалко. Мой долг – о вас позаботиться. Насчёт расплаты не беспокойтесь, уладим. Свет включается здесь вот и здесь, сюда – охрану, сюда – руководство. Леночка поживёт пока в двухкоечном номере. Если вопросов больше нет, я на несколько минут вас оставлю. Всё самому приходится делать, поймите меня правильно.

– А до ветру куда? – шепнул Дегустатову старик Ерёма.

– По коридору последняя дверь направо.

Дегустатов вспомнил, как топотал в туалете сказочный конь, и решил старика туда не провожать. Пускай сам догадывается, что к чему. И в этом было даже некоторое злорадство.

На прощание Дегустатов щёлкнул два раза выключателем. Продемонстрировал электричество. Ожидал, что снова они повалятся в ноги. Но в ноги не повалились, наверное, потому, что лампочки в коридоре и комнатах были слабые, по пятнадцать свечей.

Уборщицу тётю Шуру и сестру-хозяйку Александру Евгеньевну Дегустатов разыскал в дежурке. Они пили чай из электросамовара.

– Где-то вы гуляли, Иван Юрьевич? – поинтересовалась Александра Евгеньевна, завидя в дверях крепкую, широкую в плечах и бёдрах фигуру директора. – Владения проверяли? А мы уж думали, забыл, что чай стынет.

– Новости есть? – спросил Дегустатов.

– Нет. Звонил Удалов из стройконторы, спрашивал, не возражаем ли против шиферу?

– Мне хоть шифер, хоть солома – только чтоб не текло. Из города к нам никто не собирается?

– Нет, не звонили.

– Тогда вот что: достань-ка мне двенадцать комплектов белья и одеял.

– Зачем же? Заезда ещё не было.

– Был заезд. Проспала, Александра Евгеньевна.

– Да я безвылазно здесь сижу с самого утра, – обиделась сестра-хозяйка и опустила подбородок на мягкие складки шеи.

– Киногруппа приехала, – соврал Дегустатов. – На автобусе. Ворота были открыты. Я их сам во втором корпусе разместил. Исторический фильм снимать будут. В трёх сериях. Про восстание Степана Разина.

– Ой, – обрадовалась уборщица Шура. – А артистка Соловей приехала?

– Я их в лицо не всех знаю, – признался Дегустатов. – Может, и Соловей.

– И Папанов?

– Папанова нет, – уверенно сказал Дегустатов. – Пошли за бельём. Неудобно, люди ждут. С дороги устали. Из Москвы ехали. Расплачиваться будут по безналичному. И попрошу артистов не беспокоить. С вопросами не соваться, и так далее. Среди них есть иностранцы.

– И иностранцы?

– Да. Русский язык знают, но нашей действительности не понимают. Несите всё добро во второй корпус. Я там ждать буду.

Дегустатов покинул дежурку и уже снаружи, заглянув в окно, крикнул тёте Шуре:

– Самовар долей. Чаем гостей угостим.

Тётя Шура быстро закивала головой. Она и сама уже об этом подумала.

Тётя Шура с Александрой Евгеньевной притащили ворох простыней и наволочек к веранде второго корпуса и хотели было заправить постели, а заодно и посмотреть на артистов, но Дегустатов уже сторожил у входа.

– Здесь складывайте, – велел он. – Внутрь ни шагу.

– Конечно, конечно, – согласились женщины, хотя заглянуть внутрь хотелось хоть одним глазком.

Они пошли вокруг корпуса, дальней дорогой, издали косясь на закрытые окна, за которыми были шевеление и яркие одежды. И уж совсем отчаялись увидеть что-нибудь, как одно из окон растворилось,

и чернобровая женщина выглянула наружу и сделала круглые глаза. Это была Анфиса, которую в самое сердце поразили одежды обслуживающего персонала, надо сказать, самые обычные, без претензий, юбки чуть ниже колен и волосы не в косу, а забранные в пучок на затылке у Александры Евгеньевны и довольно коротко остриженные у тёти Шуры.

– А-ба-ба-ба, – проговорила актриса и остановилась с открытым ртом.

– Вы, гражданка, в каких фильмах снимались? – вежливо спросила тётя Шура, большая любительница киноискусства.

– А-ба-ба, – повторила Анфиса и перекрестилась двумя перстами.

– Иностранный язык, – вздохнула Александра Евгеньевна. – Страшно уважаю людей, знающих иностранные языки.

Больше разговора не получилось. Из-за спины Анфисы выдвинулся суровый Дегустатов, погрозил пальцем и захлопнул окно.

– Заметила? – сказала тётя Шура. – В кокошнике и древнем сарафане. Совместная постановка.

Они пошли дальше по дорожке, обсуждая новость, а Анфиса подвернула юбку до колена, прошлась по комнате, показывая крепкие, ладные ноги, и спросила Дегустатова:

– Так у тебя в царстве юбки носят?

– И ещё короче, – сознался Дегустатов. Хотел было показать на Анфисиной юбке, как короче, но в дверях появилась княгиня Пустовойт, оценила обстановку и произнесла:

– Может, государь, в твоём царстве все бабы ходят простоволосыми и бесстыдно ноги заголяют, но учти, что царевне такого знать не можно. Так что прикажи своим служанкам подолы опустить. И до свадьбы вокруг Анфиски не вейся.

Когда тётя Шура и Александра Евгеньевна вернулись в дежурку, чтобы заварить чай, там уже сидел гость. Гость не гость, пожарник Эрик. Он сидел у поющего самовара, читал книжку, готовился к экзамену в педагогический институт.

– Ты чего к нам? – поинтересовалась тётя Шура, поздоровавшись. – Всё у тебя в порядке?

– Всё в порядке, – ответил Эрик. – Пришёл по долгу службы. Перед началом сезона оборудование проверить. Как тут огнетушители, лопаты, крюки, щиты пожарные, всё ли на месте.

– До директора не доберёшься, – бросила Александра Евгеньевна.

– Уехал?

– Нет, никуда не уехал. Но окружён московскими красавицами.

– Приехала к нам киногруппа, – сообщила тётя Шура. – Снимает исторический фильм про Пугачёва. Расплачиваться будут по безналичному расчёту.

– Странно, – сказал Эрик. – Неужели они через Гусляр проехали и никто не заметил?

– Значит, проехали.

– И надолго?

– Пока не снимут.

– Пойду посмотрю, – решил Эрик, откладывая книжку.

– И не думай, – сказала тётя Шура. – Дегустатов тебя на месте убьёт. Ты же знаешь, какой он въедливый. Всё по нему не так.

– Пойду. Ничего он со мной не сделает. Мне огнетушители проверить надо.

По пути ко второму корпусу Эрик проверил красный пожарный щит у волейбольной площадки. Огнетушители с него были сняты, но одна лопата сохранилась. Из-за того что пришлось сделать круг, Эрик подошёл к дому не со стороны веранды, а сзади, где были умывалка и туалет. Оттуда доносились голоса, спорили. И так громко, что Эрику пришлось подслушать.

– Послушай, боярин, – произнёс молодой голос. Принадлежал он стражнику, но Эрик об этом, конечно, не знал. – Где ты видел такое царство, чтобы две бесстыдницы, заголившись, гуляли и больше никого? Ни людей, ни коней. А у богатыря колпак на голове посерёдке продавленный. Может, он вовсе не Иван-царевич, а Иван-дурак?

– За такие речи языки рвут, – ответил наставительно старческий голос. – Боюсь только, что дураков здесь нет. Какие свечи у него!

– Видал. С потолка висят, а воск не капает.

– Вот я и говорю. А кровати на железных ногах. Крыша железом крыта. Зуб во рту золотой. Как бы не попали мы в плен к нечистой силе. Я-то старый, помирать скоро. Вас, молодых, жалко. Вам бы жить и жить.

– Господи, с нами крестная сила, – напугался молодой голос. – А ответь мне, дед Ерёма, были ли в старых книгах намёки на такое колдовство?

– Были. Антихрист на железной колеснице истребит всё живое. Может, уже и истребил своих, пусто в его дворцах. Теперь за нас принялся. Я старому царю страшную клятву давал дочь его от всех зол сберегать. В ту роковую минуту успел ей на палец надеть изумрудное кольцо-перстень. Повернёшь его – придёт на помощь конь Ветерок и унесёт Алёнушку куда следует. А где кольцо? Пропало. Уж не Иван ли кольцо схоронил? А если так – кто ему подсказал? Враг рода человеческого...

Голоса зазвучали потише, будто говорившие отвернулись от окна.

Репетируют, подумал Эрик. И как естественно у них получается. Снова до него донёсся молодой голос:

– Иван сказал, что здесь отхожее место. Так ведь сказал?

– Так. И соврал, не иначе. Здесь все стены белым камнем выложены, словно во дворце. И чаши из белого камня. И вода хрустальная льётся. Хотел, наверное, чтобы мы это чистое место загадили, чтобы потом нас казни предать.

– Ох и мудрый ты, дед Ерёма, – сказал молодой голос. – Пойдём на двор. Обманем злодея.

Звякнул крючок на задней двери, и два человека вышли из дома. Первым шёл прямой ещё старик со впалыми щеками и седой бородой. На голове у старика высокая шапка-кубанка, а рукава длинного тяжёлого плаща разрезаны спереди. Из-под плаща при каждом шаге появлялись острые носки загнутых кверху красных сапог. Второй человек, нестарый, был одет похоже на старика. Только на голове шлем, плащ покороче, в талию, рукава обыкновенные, бородка острая, короткая, и усы закручены кверху. Молодой тащил за собой топор на длинной ручке.

И тут же учебник истории вспомнился Эрику. Одежда была древнерусской, допетровской эпохи, если не ранее. И было в одежде нечто странное – естественность, будто вышла она не из костюмерной мастерской, а была сшита для ежедневного ношения.

Актёры направились к кустам, за которыми стоял Эрик, и прятаться ему было поздно.

«Что вы здесь делаете, молодой человек? – спросит сейчас старик, может быть, народный артист республики. – Вы подслушиваете под окном туалета наш шутливый разговор?» Эрик в растерянности надел на голову каску – не мог не надеть. Дело в том, что пришёл он в

дом отдыха не в форме, а в свитере и джинсах. Только каску захватил с собой. И то случайно. Каска была старая, блестящая, с гребнем поверху. Такие уже сняты с вооружения пожарников. Он нашёл её утром на чердаке пожарной команды, когда начальник послал его туда посмотреть, не завалялся ли там обрывок шланга. Каска понравилась, оставлять её на чердаке было жалко, носить на выездах нельзя – у всех армейские, зелёные. Решил тогда Эрик отнести её домой, да не успел. Вот и шёл по дому отдыха, размахивая каской, словно лукошком для грибов. А тут, перед встречей с киноработниками, непроизвольно надел на голову – чтобы самого себя убедить в том, что он здесь не просто так, а по заданию руководства. И в таком виде – в медной каске, сером свитере и джинсах – выступил из-за кустов.

Старик от неожиданности и сверкания каски осел, ноги подогнулись, а второй не растерялся, взмахнул топориком, но топор длинной рукояткой запутался в ветвях сирени, и молодой парень рвал его, дёргал, но оказался безоружным.

– Извините, – сказал Эрик. – Я, наверное, вас напугал. Извините.

– Не напугал, – сказал старик, приходя в себя. Держался он с достоинством и, когда первый испуг прошёл, вновь приобрёл осанку народного артиста.

Молодой парень выпростал наконец топор из куста и поставил к ноге. Помолчали. Потом Эрик поинтересовался, чтобы поддержать разговор:

– Вы что здесь снимаете?

– Как? – спросил старик.

– Какую картину снимаете?

Старик с молодым переглянулись и не ответили.

– Вы не думайте, – успокоил Эрик. – Я здесь по долгу службы. Проверяю. Инвентарь, оборудование, огнетушители. Служба. – И Эрик улыбнулся чуть заискивающе. Уж очень неловкой получилась беседа.

– Значит, ты нездешний? – сказал старик.

– Нет, я из Гусляра.

– Непонятно говоришь. А Ивану-царевичу ты кем приходишься?

– Кому?

– Ивану-царевичу, который царевну поцеловал и нас сюда привёл? Главному в этих местах. Ивану свет Юрьевичу.

Молодой парень выпростал наконец топор из куста и поставил к ноге.

– Так вы Дегустатова имеете в виду, – рассмеялся, поняв наконец шутку, Эрик. – Я ему никем не прихожусь. Я из независимой организации.

– А чего же тогда по его владениям ходишь? – спросил подозрительно старик.

– Мне можно. Я пожарник.

– Так, – сказал старик. – Вижу я, нет в тебе опасения пред страшной мощью и властью Ивана Юрьевича.

– Нету, – сознался Эрик и совсем развеселился. – Это у вас здорово получается. Просто как на самом деле. И одежда, кафтаны просто замечательные. И топор. Как настоящий.

– Чего? – обиделся молодой человек. – Как настоящий? Да я тебя сейчас этим как настоящим огрею, тогда узнаешь, как славное боевое оружие хулить.

– Ну, умора просто, – только и смог вымолвить Эрик. – Мне сказали, что вы делаете историческую картину. А я теперь понимаю, что комедию. Меня к себе возьмёте?

– А у тебя, что ли, своего господина нету?

– Господин у меня есть, – поддержал его игру Эрик. – У него таких, как я, двадцать рыцарей. Все в шлемах боевых, с топорами в руках, зовутся пожарной командой, огонь нам не страшен и вода. И медные трубы.

– Славная дружина, – вежливо одобрил дед Ерёма.

– Конечно, славная. Первое место в районе по пожаротушениям.

– А как твоего господина зовут? – спросил старик Ерёма. Так, будто надеялся встретить старого знакомого.

– Брандмейстер, – схитрил Эрик.

– Немец?

– Слово немецкое. А сам молдаванин.

– Как же, – подтвердил Ерёма. – Слышал. Достойный человек.

Молодой стражник посмотрел на него с уважением. Старик Ерёма много знал.

– А не обижает ли твоего господина Иван Юрьевич? – задал следующий вопрос старик. – Не беспокоит своей колдовской силой?

– Во даёт! – восхитился Эрик. И разъяснил: – Если бы и захотел, на него сразу управа найдётся. Чуть что – мы в райсовет. И отнимут у

него домотдыховское царство, отправят работать банщиком. Как вам такой вариант нравится?

– Не знаю, – серьёзно ответил старик. – Не знаю. Может, к лучшему, а может, и к худшему. Царевна наша с ним обручена. И если бросит он её – позор и расстройство. И если женится, тоже добра не жду.

– А царевну кто играет?

– Про царевну так, отрок, говорить нельзя, – ответил старик. – Царевна тебе – не игрушка.

– А поглядеть на царевну можно? Или подождём, пока съёмки начнутся?

– Мы не сарацины, которые девкам лица закрывают. Гляди.

Старик провёл Эрика по прошлогодней листве и молоденьким иголочкам новой травы к окну, занавешенному изнутри, и постучал по стеклу согнутым пальцем.

Занавеска отъехала в сторону, и за стеклом показалось неясное девичье лицо.

– Отвори, – попросил старик. – Слово сказать надобно.

Окно распахнулось. Девушка обозначилась в нём, словно старинный портрет в простенькой раме, отчего несказанная красота её выигрывала втрое.

Девушка держала в руке зеркало на длинной ручке и, видно, только что расчёсывала свои длинные золотые волосы, не успела даже забрать их в пучок, поддерживала, чтобы не рассыпались. В окружении чёрных ресниц горели зелёным огнём глаза, и в них был вопрос – зачем и кто меня, такую прекрасную, беспокоит? Кто этот неизвестный рыцарь в золотом шлеме?

Эрику следовало бы представиться, сообщить, кто он такой, почему такой смелый. Сказать, что уважает киноискусство и особенно любит фильмы с участием этой самой кинозвезды.

Но Эрик не смог вспомнить ни одного фильма с участием этой поразительной красавицы. Но если бы он и смотрел пятнадцать фильмов с её участием, всё равно бы не посмел открыть рта. Эрик влюбился. С первого взгляда. На всю жизнь. И чувства его отразились в глазах и странной бледности лица.

Спальник Ерёма, всю эту сцену наблюдавший и довольный её исходом, так как он был старым политиканом, пережившим трёх государей и многих других придворных, сказал:

– Поражён, отрок?

Эрик кивнул и проглотил слюну. Язык у него отсох.

– Добро, – сказал старик Ерёма. – И вот такую раскрасавицу отдаём мы за Ивана свет Юрьевича.

Старик ожидал взрыва негодования, начала междоусобицы, выгодной для него, но в ответ Эрик, принявший эти слова за злую шутку, резко повернулся и отошёл в сторону, потому что понял, как велика пропасть между ним, рядовым пожарником, и московской кинозвездой, которой звонят по телефону известные поэты, чтобы прочесть ей новые, для неё написанные стихи и поэмы. Как непреодолима пропасть между будущим заочником педагогического института и красавицей, регулярно выезжающей в Канн на международный кинофестиваль. А о Дегустатове Эрик и не подумал.

Но сам Дегустатов, услышав голоса, ворвался в комнату, оттолкнул от окна царевну, глядящую сочувственно на стройного юношу в шлеме, и со злостью крикнул:

– Ты что здесь делаешь?

Эрик обернулся на голос директора и грустно ответил:

– Я противопожарное оборудование проверяю. Акт составить нужно.

Царевна, которую толкнул Дегустатов и которой было не столько больно от толчка, сколько обидно, потому что, кроме папы-государя, никто не смел прикоснуться к царской особе, заплакала. Старик Ерёма сказал, чтобы не уронить гордости:

– Негоже так поступать, Иван Юрьевич.

– Надоели вы мне, – вырвалось у Дегустатова. – Сдам вас в музей, и дело с концом.

– Куда-куда? – угрожающе спросил старик, всё ещё недовольный тоном и поступками своего спасителя.

– Не важно, – вздохнул Дегустатов, понимая, что объяснить им ничего не объяснишь. Надо было форсировать действия, чтобы заглянуть в сундучок и потом отделаться от всей этой подозрительной компании.

– Государь, – проговорила, появляясь из-за спины Дегустатова и прикасаясь к его плечу, Анфиса. – Вы устали. Вы в горести. Пойдём отсюда.

– Ага, – согласился Дегустатов и увидел тётю Шуру и Александру Евгеньевну, выплывающих из-за кустов.

Тётя Шура несла шипящий самовар, а Александра Евгеньевна – картонный ящик, в котором были чашки, блюдца, пачки с вафлями, сахар-рафинад, чайные ложки и конфеты «Сливочная помадка».

Они шли, широко улыбаясь и всем своим видом стараясь подчеркнуть гостеприимную радость по поводу прибытия столь дорогих гостей.

– Сейчас чайку попьём, – ласковым голосом сказала Александра Евгеньевна.

– Я сам, – предупредил Дегустатов, протягивая руки из окна, чтобы принять самовар.

– Не беспокойтесь, Иван Юрьевич, – сказала Александра Евгеньевна, а тётя Шура даже сделала шаг назад, чтобы не отдавать самовара.

– Давай я тебе помогу, тётя, – предложил Эрик, забрал самовар и, не слушая дальнейших разговоров, прошёл на веранду.

Александра Евгеньевна достала из картонного ящика белую скатерть и ловко расстелила её на бильярдном столе.

– Вот и чайком побалуемся, погреем свои старые кости, – обрадовался старик Ерёма, входя на веранду вслед за Эриком. – Сколько лет росинки в рот не брал.

– Воздерживаетесь? – спросил Эрик.

– Ага, – согласился старик с непонятным словом.

Из коридора вышла, уже в кокошнике, царевна Леночка в сопровождении княгини Пустовойт. Глаза её распухли от слёз. Потом потянулись стражники и слуги. Столпились вокруг бильярдного стола, глядя с жадностью, как тётя Шура с Александрой Евгеньевной расставляют чашки и распаковывают пачки с вафлями. Старик Ерёма даже взял кусок обёртки, помял в руках и сказал для всеобщего сведения:

– Такое я встречал. Пергамен зовётся, привозят из заморских стран. Книги писать.

Эрик женщинам не помогал. Стоял, не снимая каски, и глазел на царевну. Царевна смущалась и отводила глаза.

– Проголодались? – пожалела её тётя Шура. – Такая молоденькая, а уже на кочевом образе жизни.

– На кочевом образе язычники, – произнёс строго дед Ерёма, – а мы в Бога веруем. Мы оседлые.

– Бога нет, – сообщил Эрик.

– Куда же это мы попали? – сказала в сердцах княгиня Пустовойт. – Хоть обратно в пещеру.

– Проживём, проживём как-нибудь, – поддержал её молодой стражник. – Как раньше жили, так и проживём. Другого богатыря ждать будем. Настоящего.

– А может, теперь настоящих и не осталось? – спросил на это старик Ерёма и покосился на Эрика с надеждой.

Старика мучил прострел, и он готов был на любую интригу, только бы не возвращаться в сырость.

Эрик слушал этот удивительный разговор, никак не понятный в устах московских киноартистов, и в нём бурлили подозрения. Про тётю Шуру и Александру Евгеньевну говорить не приходится. Они застыли у стола, забыв, что пора разливать чай, и только хлопали глазами.

Царевна выслушала мнение придворных и снова заплакала.

– Не могу я назад идти, – говорила она. – Неужели это непонятно? Я же обручена. С Иваном обручена. И нет мне пути назад. Что я, девка, что ли, гулящая?

Царевна закрылась платочком. Эрик думал о том, что ни автобуса, ни кинокамер, ни прожекторов – ничего такого он не видел. И сколько времени, скажите вы мне, можно ходить в театральной одежде, не переодеваясь?

– Остаётся мне одно, – продолжала царевна сквозь слёзы, – найти берег покруче и с него в реку кинуться. А вы уж как хотите. Вы свободны. Всем волю даю.

– Такая молоденькая, а так убивается, – посочувствовала тётя Шура, которая была женщина добрая и отзывчивая. – Не иначе как у наших дорогих товарищей случилась неприятность.

– Слышишь, Шура, Иван Юрьевич на ней жениться обещал и обманул, – сказала Александра Евгеньевна.

– Как же он мог? – возмутилась тётя Шура. – У него жена неразведённая в Архангельске живёт.

– Чего? – возопил дед Ерёма. – Жена, говоришь?

– Кстати, где он сам? – спросил Эрик, ещё не разобравшийся в своих чувствах, но кипящий желанием сначала помочь прекрасной девушке, а потом уж разбираться.

– Да, где он? – поддержала княгиня Пустовойт.

– Где он?! – вскричал старик Ерёма. – Где обманщик?! Целовал, а сам женатый!

Толкаясь в узких дверях и забыв о чае, все бросились обратно в коридор. И остановились как вкопанные. Перед распахнутой дверью в комнату, где хранился сундук с невестиным приданым, лежал связанный стражник с кляпом во рту. Он бешено вращал глазами и корчился как червяк.

Комната была пуста. Ни сундука, ни Дегустатова.

– Может, он где-нибудь ещё? – предположила тётя Шура, понявшая, что гостей обокрали, но болевшая за репутацию дома отдыха.

– Дегустатов! – крикнул Эрик.

И в ответ по асфальтовой дорожке у окна грянули копыта, из-под них брызнули искры до сосновых вершин, и чёрный конь, взмахнув длинным хвостом, рванул с места к темнеющему лесу. На коне сидел Дегустатов, под мышкой тяжёлый сундук, а сзади, обхватив его живот гладкими руками, Анфиса.

– Спелись, – сказал стражник.

– Держи вора! – воскликнула княгиня Пустовойт, а мудрый старик Ерёма ответил на это скорбно:

– Не догонишь. Это же Ветерок. Конь Ветерок, волшебное животное. Ни одна тварь на свете его не обгонит.

– Значит, Иван моё кольцо украл?

– Он самый, больше некому. Конь Ветерок только хозяина кольца слушается.

– Значит, он меня во сне, ещё не поцеловавши, обокрал? – настаивала царевна.

– Так, Елена, так, – повторил старик.

Тут терпению Эрика пришёл конец. Он встал в дверях и произнёс громко:

– Вы вовсе не те, за кого себя выдаёте. Никакая вы не киногруппа. Рассказывайте, кто вы на самом деле, почему здесь оказались. Тогда примем меры.

– Достойный разговор, – сказала Александра Евгеньевна. – Давно по Дегустатову Уголовный кодекс плачет.

– Мы себя ни за кого не выдаём, – ответил старик Ерёма. – Не то что ваш друг Иван Юрьевич.

– Не друг он нам, – поправил Эрик. – Попрошу перейти к делу.

В Эрике появились серьёзность и собранность, как на пожаре. Впереди языки пламени, опасность для жизни, в руках лестница, и надо приставить её к многоэтажному зданию и лезть наверх, спасать женщин, стариков и детей.

– Так вот, – сказал старик, оценив серьёзный вид отрока в золотом шлеме. – Мы родом из тридевятого царства, тридесятого государства. Случилось так, что на рождение царевны Алёны вредная колдунья, Анфисина притом двоюродная бабушка, приглашения не получила. И поклялась она страшной клятвой нашу царевну со света свести. Но другая колдунья, близкая нашему царю, царство ему небесное, на это так сказала: «Не будет смерти Алёне прекрасной при её совершеннолетии, а заснёт она глубоким сном, и спасёт её один рыцарь, который полюбит её навечно, поцелует в хрустальном гробу и разбудит. Её и всех придворных людей».

– Спящая царевна! – воскликнула Александра Евгеньевна.

– Она самая, – согласился старик Ерёма. – А ты откуда знаешь?

– Так о вашем приключении сохранилась память в художественной литературе.

– И в устном творчестве, – добавил Эрик, не сводя глаз со Спящей царевны.

«Алёна, – шептали беззвучно его губы, – Алёнушка». И царевна, хоть момент был очень тревожный, на взгляд ответила и потупилась.

– О вас, – продолжала Александра Евгеньевна, – множество сказок написано. Фильм снят. И даже мультипликация, про иностранный вариант. С гномами.

– Такого не знаем, – сказал старик. – Значит, заснули мы, как и было приказано, в день Леночкина совершеннолетия. Что дальше было – не помним. Дракон нас охранял, чтобы случайный человек не польстился на наше беспомощное состояние. Потом, видно, пещера заросла, пути к ней потерялись, и дракон помер. Так и случилось – проснулись мы от постороннего присутствия. Видим – незнакомый

витязь в странной одежде нашу царевну в губы целует. Значит, кончилось наше затворничество и будет свадьба.

– Конечно, – подтвердила Александра Евгеньевна. – Как сейчас помню. Потом была свадьба, и сказке конец.

– Да не сказка это, – ответила царевна, сморщив носик. – Я в самом деле все эти годы в хрустальном гробу пролежала. На пуховой перине.

– Мы поверили, пошли за вашим Иваном Юрьевичем. Он нас сюда привёл, а дальше сами знаете.

– Он про вас сказал, что вы артисты.

– Кто-кто?

– Артисты.

– Таких не знаем. Ошибся он.

– Ряженые, – подсказал Эрик. – Так раньше назывались скоморохи.

– Да за такое... За такое... – У старика слов не нашлось, и он сплюнул на пол в негодовании.

– Я чистых голубых кровей, – топнула ножкой царевна и посмотрела на Эрика.

– Это нам всё равно, – заметила тётя Шура, которая до этого молчала. – Нам бы человек был хороший, не жулик.

– Тоже бывает, – согласился старик Ерёма. – А всё-таки царевна.

– Царевна, – вздохнула Александра Евгеньевна. – Люди на Луну летают, реки от химии спасают, телевизор смотрят, а тут на тебе, царевна...

– Ладно, потом разберёмся, – сказал Эрик. – Помочь надо.

– Нет, – ответил старик Ерёма. – Помочь ничем нельзя. Ветерка не догнать. Они сейчас в другое царство ускакали.

– До другого царства не доскакать, – ответил Эрик, улыбнувшись. – До другого царства много дней скакать. Да и границу ему на коне не переехать.

– Стража? – спросил с надеждой Ерёма.

– Пограничники. Пошли позвоним в город.

– В колокола звонить будет, – объяснил старик остальным. – Народ поднимать.

– Нет, – возразил Эрик. – Я своему начальнику позвоню. Может, придумаем что. Есть у меня одна идея.

– Брандмейстеру? Молдаванину?

Память у старика была хорошая.

– Ему самому.

– Зачем ему? – удивилась тётя Шура. – В милицию звонить надо.

– В милиции не поверят. Что я им, сказку о Спящей царевне по телефону расскажу? Товарищи, скажу, в сказке возникли осложнения?

– А начальнику?

– Начальнику я знаю, что сказать.

Эрик оставил зарёванную царевну с её обслугой в домике, приказал стражникам никого близко не подпускать: чуть что – в топоры. Им придал для усиления Александру Евгеньевну. И поспешил в главный корпус. Тётя Шура и старик Ерёма отправились за ним.

День клонился к вечеру. Небо загустело, тени просвечивали золотом, и в воздухе стояла удивительная прозрачность, так что за несколько километров долетел гудок электрички.

– Знаю, куда он поскакал, – сообщил Эрик. – К железнодорожной станции. К Дальнебродной.

– Очень возможно, – согласилась тётя Шура.

– И ещё неизвестно, когда поезд. Далеко не каждый в Дальнебродной останавливается.

Старик Ерёма не вмешивался в разговор, а представлял себе в воображении железную дорогу – накатанную, блестящую, с неглубокими сверкающими колеями, и была она знаком страшного богатства и могущества этих людей. Ему нравилась деловитость отрока в золотом шлеме и внушала некоторые надежды. Но, конечно, больше всего он рассчитывал на помощь князя Брандмейстера. Если Брандмейстер не поможет, то страшный позор обрушится на царский род, вымерший почти начисто много веков назад.

В дежурке стоял серый телефон. Эрик снял трубку.

– Девушка, мне ноль-один. Пожарную.

Ерёма присел на просиженный диван. На стене висели листки с буквами и картинки, но икон в красном углу не оказалось. Вместо икон обнаружилась картинка «Мойте руки перед едой». Там же была изображена страшная муха, таких крупных старику ещё видеть не приходилось. Старик зажмурился. Если у них такие мухи, то какие же коровы?

– Ноль-один, – повторил Эрик. – Срочно.

Старик вытянул ноги в красных сапожках, раскидал по груди седую бороду и глубоко задумался. Поздно проснулись. Что стоило какому-нибудь рыцарю проникнуть в пещеру лет пятьсот назад?

Эрик дозвонился до пожарной команды, обрадовался и сказал дежурному:

– Это я, Эрик. Узнаёшь? Докладываю, пожар в доме отдыха на восьмом километре. Одной машины будет достаточно. Небольшую пошли. У неё скорость.

– Влетит тебе от начальства, – сказала тётя Шура.

– Ничего, разберёмся. Поймут. У нас в пожарной команде на первом месте гуманность, а стоимость бензина я из зарплаты погашу. Через десять минут здесь будут.

Старик зашевелился на диване, поморгал и спросил:

– Князь Брандмейстер к нам будет?

– Нет, – ответил Эрик. – Будут его славные дружинники. Пойдём к нашим, предупредим. А то испугаются с непривычки.

У второго корпуса были суматоха и мелькание людей.

Княгиня Пустовойт бежала навстречу и причитала:

– Царевна себя жизни лишила! Позора не вынесла.

– При чём тут позор! – воскликнул Эрик. Каска на голове стала тяжёлой, и в ногах появилась слабость.

– Не беспокойтесь, товарищи, – сказала из окошка Александра Евгеньевна. – Я её валерьянкой отпаиваю. Леночка только погрозилась повеситься, поясок сняла, в комнатку к себе побежала, да не знала, к чему поясок крепить.

– Я всё равно повешусь. Или утоплюсь, – заявила царевна, высовывая встрёпанную голову из-под руки Александры Евгеньевны. – Лучше умереть, чем позориться. Мне же теперь ворота дёгтем измажут.

Тут она увидела расстроенного Эрика и добавила, глядя на него в упор:

– Потому что я, опозоренная, никому не нужна.

– Вы нам всем нужны! – крикнул Эрик, имея в виду лично себя, и царевна поняла его правильно, а Александра Евгеньевна, глядя в будущее, предупредила:

– Ужасно избалованный подросток. В школе с ней намучаются.

Эрик с ней не согласился, но ничего не сказал.

– Сейчас князь-Брандмейстерова дружина здесь будет, – заявил старик Ерёма осведомлённым голосом. Потом обернулся к Эрику и спросил: – А стрельцов наших с собой возьмёшь?

– Нет, обойдёмся. Вы, если хотите, можете с нами поехать.

– Блюсти охрану! – приказал старик твёрдо стрельцам. – Что, карета будет?

– Будет карета, – согласился Эрик, – красного цвета. И предупреждаю, товарищи, что машина может вам показаться...

В этот момент жуткий вой сирены разнёсся по лесу, и, завывая на поворотах, скрипя тормозами, на территорию дома отдыха влетела пожарная машина красного цвета с лестницей поверх кузова, с восьмерыми пожарниками в зелёных касках и брезентовых костюмах.

Нервы древних людей не выдержали. Стрельцы пали ниц, старик зажмурился и бросился наутёк, в кусты сирени, а царевна обняла тоненькими ручками обширную талию Александры Евгеньевны и закатила истерику.

Машина затормозила. Пожарники соскочили на землю и приготовились разматывать шланг, сержант вылетел пулей из кабины и по сверкающей каске узнал своего подчинённого.

– Что случилось? – потребовал он. – Где загорание?

– Здравствуйте, Синицын, – проговорил Эрик твёрдо. – Вы мне верите?

– Верю, – так же твёрдо ответил сержант, потому что оба они были при исполнении обязанностей.

– Бензин я оплачу и за ложный вызов понесу соответствующее наказание, – сообщил Эрик. – Вот вы видите здесь людей. Они попали сюда нечаянно, не по своей воле. И оказались жертвами злостного обмана. Их обокрал директор дома отдыха Дегустатов. И ускакал на коне с драгоценностями исторического значения и своей сообщницей.

– Дегустатова знаю, – подтвердил сержант. – Встречался в райсовете. Пожарные правила нарушает.

– Он самый, – согласился Эрик. – Дегустатова надо догнать. И отнять украденные вещи.

– Моё приданое, – объяснила, всхлипывая, царевна.

– Ого! – воскликнули пожарники, заметив такую сказочную красоту.

– Да, приданое этой девушки, – сказал Эрик.

– Поможем, – сказали пожарники и, не дожидаясь, что ответит сержант, прыгнули обратно в красную машину.

Сержант ещё колебался.

– Помоги, князь Брандмейстер, – взмолился старик Ерёма.

– Помогите, добрый витязь, – попросила царевна и добавила, обращаясь к придворным: – Пади! В ноги нашему благодетелю!

И все, кто был во дворе, вновь повалились на землю, стараясь добраться до кирзовых сапог сержанта, чтоб заметнее была мольба.

– Ну что вы, что вы, товарищи, – засмущался сержант. – Наш долг помочь людям, мы и не отказываемся... – Затем деловым голосом приказал: – По машинам! Заводи мотор!.. В какую сторону скрылся злоумышленник?

– К станции Дальнебродной, – ответил Эрик. – Больше некуда.

Подсадили в кабину старика Ерёму. Эрик вспрыгнул на подножку – и со страшным рёвом пожарная машина умчалась. А царевна, глядя машине вслед, сказала Александре Евгеньевне, к которой уже немного привыкла:

– А всё-таки у Эрика самый красивый шлем.

– Молода ещё ты, – отрезала Александра Евгеньевна. – Тебе учиться надо.

– Я уже совершеннолетняя, – не согласилась принцесса. – А учиться царевнам нечему. Мы и так всё знаем.

...Конь Ветерок уже полчаса со сказочной скоростью нёсся по лесной, почти пустынной дороге, стуча копытами и высекая искры из асфальта. Рука Дегустатова онемела, и пришлось переложить сундук на другую сторону. Ветви деревьев стегали по лицу, и с непривычки ноги выскакивали из стремян, на что конь сердился и ворчал, оборачиваясь:

– Не умеешь – не садился бы. Всю спину мне собьёшь.

– Молчи, скотина, – возражала ему Анфиса, которая тесно прижималась к спине Дегустатова, сплетя руки на его круглом гладком животе. – Послушание – вот главная заповедь животного.

– Всему приходит конец, – говорил конь и ёкал селезёнкой. – Скоро моё терпение лопнет.

Наконец Дегустатов понял, что больше держать сундук и скакать на лошади он не в силах.

– Тпру, – сказал он, углядев полянку со стогом. – Привал.

Он тяжело соскочил на траву, сделал два неверных шага, не выпуская из рук драгоценного сундука, и рухнул у стога.

Анфиса также сошла и прилегла рядом. Конь Ветерок молча забрал губами клок сена и принялся пережёвывать его. Иногда он поводил шёлковой спиной, махал хвостом, отгоняя комаров.

– Ну и дела, – произнёс он. – Стыдно людям в глаза глядеть.

– Нам бы до станции добраться, – сказал наконец Дегустатов. – Там в поезд. Только нас и видели.

– В другое царство? – спросила Анфиса.

– В другое царство нельзя. Визы нету. Мы в Москве устроимся. Там у меня двоюродный брат проживает. Сундук тяжёлый, сволочь, так бы и выкинул.

– Врёшь ты, не выкинешь, – сказала Анфиса, которая была женщиной практичной и уже свела в могилу двоих мужей, о чём Дегустатов, разумеется, не знал. – Это теперь моё приданое будет. Хотя я и без приданого хороша.

– Посмотрим, – проговорил Дегустатов. – Открыть бы его, по карманам добро разложить.

– Открыть нельзя, – объяснила Анфиса. – Ключ у княгини Пустовойт хранится. Некогда было взять.

– Ох и попал я в ситуацию, – размышлял Дегустатов. – Но положение, надо признать, было безвыходное. Жениться мне на ней ни к чему. В любом случае я шёл или под суд, или под моральное разложение. Ничего, всё равно пора профессию менять. Ну скажи, Анфиса, какие могут быть перспективы у директора дома отдыха?

– Да никаких, – согласилась Анфиса, которая раньше не слыхала ни про дома отдыха, ни про перспективы. – Поскачем дальше? А то погоня может объявиться.

Дегустатову было лень подниматься.

– Какая теперь погоня? На чём они нас догонят?

– Меня никто не догонит, – подтвердил со сдержанной гордостью конь Ветерок. – Я скачу быстрее ветра. – Взмахнул большой красивой головой и добавил: – Если, конечно, всадник достойный, а не тюфяк, как ты.

– Ты Ваню не обижай, – вмешалась Анфиса. – Нас теперь ни огонь, ни вода не разлучат. Правда, Ваня?

– Правда. – Дегустатов погладил Анфису по спине. – Мы с тобой такие дела завернём – жутко станет. Дом купим в Переделкине, комнаты сдавать будем.

– Вот, – сказала Анфиса, глядя на коня. – А на тебе воду возить будем.

– В цирк его сдадим за большие деньги.

Издали донёсся вой сирены.

– Это что? – спросил конь, навострив уши.

– Это? – Дегустатов поднялся на ноги и подхватил сундук. – Машина едет.

– Погоня?

– Может, мимо.

Но, несмотря на эти свои успокаивающие слова, Дегустатов взобрался в седло, а Анфиса подошла поближе, протянув к нему руку, чтобы он помог взобраться вверх.

Дорога здесь была видна вдаль, и, когда из леса выскочила с рёвом пожарная машина и поддала с пригорка, когда замахал руками из кабины старик Ерёма, узнавший коня Ветерка, Дегустатовым овладели ужас и отчаяние. Никак он не ждал такой сообразительности от пожарника. Полагал, что, если его враги будут звонить в милицию, там решат – шутят. И с погоней произойдёт задержка.

– Гони! – крикнул он Ветерку, позабыв о своей подруге.

– А я как же? – закричала Анфиса, почуяв неладное.

Всю жизнь она бросала других, а её ещё никто бросить не осмеливался.

– Я ж тебе помогала, я ж стрельца по голове туфлей била! Я ж в тебя храбрость вливала!

– Гони! – кричал Дегустатов Ветерку, не слушая женщину.

Ветерок переступил копытами и сказал со вздохом:

– Неудобно как-то получается, Иван Юрьевич. Женщина всё-таки.

– Боливар двоих не свезёт, – ответил ему Дегустатов строкой из забытого иностранного рассказа. И стукнул каблуками по бокам жеребца.

– Эх, служба проклятая! – выругался конь и поскакал дальше.

Сундучок мешался, толкал в бок, сзади бежала по молодой траве черноволосая женщина шамаханской национальности и проклинала обманщика древними оскорбительными словами. Даже конь вздра-

гивал. А Дегустатов не слышал. Он мчал к станции Дальнебродной и приговаривал:

– Нас не возьмёшь! Живыми не дадимся.

Ветерок, почуяв, что погоня настигает, перешёл в карьер. Асфальт прогибался и трескался под мощными копытами.

Пожарная машина неслась вслед, словно горел родильный дом. Сирена выла, колокол звенел, пожарники привстали на сиденьях и торопили шофёра.

– Вот разложенец, – сказал строго сержант, – женщину бросил, сообщницу. Ничего ему не дорого.

– Я и говорю, – ответил Эрик.

– Ничего с ней не станется, – вмешался старик Ерёма. – Натура у ней преподлая. Если бы не связи, никогда бы её близко к царевне не подпустили. Вполне возможно, что это она отравленное яблочко Елене подсунула.

Скоро фигурка Анфисы растаяла вдали, а конь, хоть и волшебный, стал понемногу сдавать, так как в машине было более ста лошадиных сил, даже Ветерку не под силу конкурировать.

Впереди за берёзами возник кирпичный палец водокачки, пошли по сторонам дороги картофельные участки с прошлогодней ботвой и домики посёлка. Люди выскакивали в палисадники, смотрели с изумлением, как полный мужчина на вороном красавце-коне удирал от пожарной машины, и делились на болельщиков: одни хотели, чтобы победил всадник, другие болели за пожарную машину.

У самого перрона, куда только что, по редкому совпадению, подошёл поезд и остановился на минуту, машина настигла коня, но тот вскочил, повинуясь приказу Дегустатова, на платформу и поскакал, распугивая мирных пассажиров, прямо к железнодорожной кассе.

Пожарная машина затормозила у перрона, и на ходу пожарники соскакивали с неё, разбегаясь цепочкой, чтобы вору никуда не скрыться. Да и Дегустатов уже понял, что билет покупать некогда.

– Стой! – крикнул он коню, и тот замер. Да так резко, хитрец, что Дегустатов перелетел через голову и покатился по платформе, по затоптанным доскам. Но сундучка не выпустил.

Пока он поднимался, потерял секунды, и за эти секунды высокий молодой человек в сверкающей медной пожарной каске и джинсах,

первым соскочивший с машины, оказался совсем рядом и отрезал Дегустатову путь к вагонной двери.

Вид у того был ужасен. Дегустатов был доведён до крайности. Он крикнул, испугав пассажиров и заставив остановиться железнодорожного милиционера, который надвигался, свисток у губ, к месту происшествия:

– Меч-кладенец быстро!

Ветерок тряхнул головой, не хотел подчиняться, но пришлось. Правда, пошёл на хитрость, может, даже решившую исход дела. Он вложил меч-кладенец в ту же руку Дегустатова, под мышкой которой находился заветный сундук с приданым. Сундук выпал.

Поезд в этот момент уже тронулся. Дегустатов неловко взмахнул тяжёлым мечом, стараясь в то же время подобрать сундучок и поспеть к поезду.

– Отойди, убьёт! – крикнул старик Эрику. – Меч-кладенец сам собой наводится!

Но Эрик не обратил никакого внимания и бросился к Дегустатову. Тому было поздно прыгать на поезд, и он толкнул мечом в Эрика. Меч своим хищным концом потянулся прямо к сердцу пожарника. И в этот момент сержант с помощниками, успевшими размотать шланг, пустили в Дегустатова сильную струю холодной воды. Меч, так и не достав до сердца Эрика, выпал из руки директора, ударил по сундучку и раскроил его надвое...

Когда ехали обратно в дом отдыха, Дегустатов сидел смирно, оправдывался и сваливал вину на Анфису. Конь Ветерок трусил рядом с пожарной машиной, заглядывал внутрь и поводил глазом, когда пожарники расхваливали его стать и масть.

Эрик разложил на свободной скамье приданое из сундука. Там были две простыни из тонкого голландского полотна, ночная рубашка из настоящего китайского шёлка, стеклянный стакан, которому, как объяснил Ерёма, цены в сказочном древнем царстве не было. И разные другие вещи музейного значения, нужные девушке царских кровей на первое время в замужестве.

Дегустатов, когда замолкал в своих оправданиях, смотрел на вещи с ненавистью, потому что получалось – страдал он понапрасну.

Подобрали Анфису. Она сидела, пригорюнившись, у дороги. Как только Анфиса забралась в машину, она принялась корить Дегустатова, и они сильно поссорились.

А конь громко ржал, заглядывая внутрь, и пожарники говорили:

– Жеребец, а всё понимает.

Когда доехали до дома отдыха, пожарники уже знали всю историю с самого начала и задавали много вопросов про древнюю жизнь, и, если дед Ерёма чего забыл или не знал, конь Ветерок приходил на помощь – он многое повидал на своём веку.

С длинным гудком машина въехала на территорию дома отдыха.

– Эй, есть кто живой? – громко спросил конь Ветерок, обогнавший машину, чтобы первому сообщить приятные новости. – Выходи! Победа!

И встреча была радостной и весёлой.

Потом пили чай, решали вопросы будущего. И царевна задала вопрос старику Ерёме:

– Теперь мне можно замуж за Эрика?

Эрик покраснел, а Александра Евгеньевна строго произнесла:

– Без глупостей, Леночка. Рано тебе об этом думать.

– Здесь порядки строгие, – сказал старик Ерёма. – Придётся тебе сначала научиться грамоте и счёту.

Дверь открылась, вошли директор музея и несколько краеведов.

– Где здесь выходцы из прошлого? – спросил директор.

СЪЕДОБНЫЕ ТИГРЫ

В городе Великий Гусляр не было цирка, поэтому приехавшая труппа разбила брезентовый шатёр-шапито на центральной площади рядом с памятником землепроходцам. По городу были расклеены афиши с изображением львов и канатоходцев. Представления начинались в семь часов, а по субботам и воскресеньям ещё и утром для детей.

Александр Грубин попал в цирк в первый же день, на премьеру. Он выстоял длинную очередь, записывал на ладони порядковый номер, и проходивший мимо Корнелий Удалов, увидев Грубина в очереди, сказал с усмешкой:

– Тщеславие тебя заело, Саша. Хочешь первым быть. А я через неделю без очереди билет возьму. Городок наш невелик.

– Это не тщеславие, – сказал Грубин. – Меня интересуют методы дрессировки. Ты же знаешь, что у меня есть ручные животные.

У Грубина были белый ворон и аквариумные рыбки.

– Ну ладно, я пошутил, – сказал Удалов. – Стой.

Потом отошёл немного, вернулся и спросил:

– А по сколько билетов дают?

– Не больше чем по два, – ответили сзади.

– Я тоже постою, – сказал Удалов.

Но его прогнали из очереди.

Место Грубину досталось не очень хорошее, высокое. Он всем во дворе показал билет, сам себе выгладил голубую рубашку, сходил в парикмахерскую, вычистил ботинки и, отправляясь в цирк, сказал своему говорящему ворону:

– Я, Гришка, обязательно с дрессировщиком побеседую. Может, говорить тебя обучим.

– Давай-давай, – согласился ворон.

Осенний ветер приносил из-за реки сырость. Цветные фонарики у цирка раскачивались, словно на качелях, и отблески их падали на головы зрителей, которые толпились у входа, спеша попасть внутрь. Встретилось много знакомых. Кое-кого Грубин знал раньше, а с другими познакомился в очереди и сблизился на почве любви к искусству.

Арена была посыпана опилками, её окружал потёртый бархатный барьер, по которому обычно ходят передними ногами слоны и лошади. Над входом на арену разместился маленький оркестр. Музыканты настраивали инструменты. Среди униформистов Грубин узнал одного парнишку с соседней улицы и пенсионера, тоже соседа. Униформистов цирк набирал на месте.

Молодой толстенький дирижёр поднялся на мостик, встал спиной к арене и взмахнул палочкой. Загремел цирковой марш, и разноцветные прожекторы бросили свет на арену, к красной занавеске, из-за которой вышел высокий распорядитель в чёрном фраке и сказал:

– Добрый вечер, уважаемые зрители!

В цирке было тепло и немного пахло конюшней. Запах этот за годы въелся в брезент шапито, в стулья и даже в канаты. Грубин вместе со всеми приветствовал распорядителя бурными аплодисментами и,

как все, был охвачен особенным цирковым чувством. Он готов был смеяться любой шутке клоуна и обмирать от ужаса при виде прыжков под куполом.

«Воздушные гимнастки сёстры Бисеровы!» – объявил распорядитель, и тут же на арене показались три девушки в голубых купальных костюмах, расшитых серебром. У девушек были сильные ноги и светлые волосы, завязанные тесёмками, чтобы не мешали работать. Девушки поклонились публике, и по знаку распорядителя сверху к ним спустились три одинаковые трапеции, за которые они схватились руками и медленно взмыли вверх, к серому куполу, а зрители запрокинули головы, чтобы не терять гимнасток из виду. Гимнастки перелетали с трапеции на трапецию, хватали друг дружку в воздухе за руки и ноги, и порой казалось, что они вот-вот упадут вниз, но в последний момент они спохватывались и элегантно укреплялись на трапециях. Играл оркестр, иногда весь целиком, иногда, в особо опасные моменты, один барабан, люди аплодировали и долго не отпускали девушек с арены, и потому им приходилось несколько раз прибегать обратно, разбегаться веером по арене и кланяться, разводя руками.

Перед следующим номером выступал клоун. Клоун всем понравился. Он был обыкновенно одет, лишь ботинки велики номеров на десять. За клоуном вышли пожилые артисты – муж и жена. Муж стрелял в жену из всех видов оружия, а она оставалась невредима. Но лично Грубина больше всех потрясла Таня Карантонис. Она легко ходила по проволоке и делала на ней сальто. Таня была высока ростом, у неё были пышные волнистые каштановые волосы, вздёрнутый нос и очаровательная улыбка. Во втором отделении, перед самим дрессировщиком Сидоровым, она появилась вновь, в качестве ассистентки фокусника Грей-Аббаса. Она подавала фокуснику вазы и зайцев, а потом фокусник поставил девушку перед вертящимися дисками, на которых были изображены цифры, и девушка угадывала сумму, разницу, произведения этих цифр и даже возводила их в немыслимые квадраты.

Но всё померкло перед дрессировщиком. Дрессировщик Сидоров работал с группой разнообразных хищников. На манеже, обнесённом высокой железной оградой, он стоял в окружении тигров, белых медведей, львов и пантер. Многие в зале поражались, что Сидоров до сих пор не заслуженный артист, так удивительны были трюки, которые выполняли его звери. Номер Сидорова строился в основном на ими-

тации. Одни животные имитировали других. Казалось бы, пустяк, но вы видели какого-нибудь прыгающего белого медведя? А трёх тигров, лающих в унисон? А льва, ходящего на передних лапах, высоко задрав хвост с кистью на конце? Белые медведи играли в чехарду с леопардами, а потом даже мяукали, и тигры вторили им громким лаем. Грубин сначала даже заподозрил какой-то фокус, слуховую иллюзию, но видно было, как звери разевали пасти и звуки доносились именно с арены. В конце аттракциона Сидоров приказал белому медведю пройти по проволоке, и тот выполнил этот номер и спрыгнул вниз, перевернувшись в воздухе.

Зал был потрясён искусством дрессировщика, и многие решили прийти в цирк ещё раз, чтобы полюбоваться невиданным зрелищем. Даже те, кто бывал в цирке в крупных городах, никогда не слышали о таком искусстве.

После представления Грубин пытался найти Сидорова. Он хотел лично поблагодарить его за доставленное удовольствие. Для этого он спустился вниз, вышел на улицу, под ветер и дождь, зашёл за забор, окружавший фургоны труппы, и долго стоял за первым из них, глядя, как суетятся служители и Сидоров, загоняя зверей по клеткам. Сквозь шум дождя и ветра слышно было, как лают и мяукают медведи и тигры. В окнах фургонов горели огни. Откуда-то потянуло жареной картошкой. Голоса на площади стихали – последние зрители расходились по домам. Сидоров всё не освобождался, давал распоряжения. Его стройная подтянутая фигура мелькала у клеток. Совсем рядом в темноте между фургонами мужской голос произнёс:

– Через две недели мы в Перми. Там живут мои старики. Я тебя с ними познакомлю. Ты им наверняка понравишься.

– Ты, Вася, это говорил стольким девушкам, что верить тебе невозможно. А потом, нам никогда не быть в одном номере.

– Ты бросишь цирк. Хватит. Я смогу прокормить тебя.

– Нет. Я не могу девчат подводить.

Сначала Грубин решил почему-то, что некто объясняется в любви милой Тане Карантонис. Но потом из слов девушки понял, что это одна из воздушных гимнасток. А когда влюблённые вышли на свет, Грубин убедился, что не ошибся. Васей оказался клоун. Он сильно помолодел без грима и оказался не рыжим, а брюнетом. Клоун обнимал гимнастку за талию, и, когда они проходили мимо, Грубин вжался

в тень фургончика – очень неудобно было, что забрался без спросу и подслушивает.

– Пойдём к реке, погуляем, – сказал Вася.

– Не простудишься? – спросила гимнастка. – У тебя и так насморк.

Грубина они, к счастью, не заметили. Он взглянул снова в сторону клеток под навесом. Сидорова там не было. Ну вот, сказал он себе, пропустил человека.

Дальше стоять было бессмысленно. Грубин вышел на скользкую тропинку между фургонами, подошёл к клеткам поближе. Хоть бы один служитель остался! Пустота. Лишь звери возятся перед сном, обмениваются впечатлениями о прошедшем дне.

– Вы кого-нибудь ищете? – спросил приятный женский голос.

Грубин оглянулся, и, если бы не полумрак, рассеиваемый лишь одной лампочкой у клеток, видно было бы, как он покраснел.

– Нет, – сказал он. – То есть ищу товарища Сидорова. Вы не думайте.

– Я ничего не думаю, – сказала Таня Карантонис.

Она была в куртке и тёмных брюках, плечи куртки потемнели от воды.

– Нет, вы не думайте, – настаивал Грубин. – Я очень животных люблю. У меня есть белый ворон. Хотел побеседовать с товарищем дрессировщиком. Вы не думайте.

– Вот смешной человек! – сказала Таня Карантонис. – Сидоров уже ушёл. К себе в фургон. Если свет горит, значит, он не спит. А вы не пьющий?

– Почти нет, – сказал Грубин.

– Сидоров любит пьющих, – сказала она и засмеялась. – Вы не думайте, что я сплетничаю, я не сплетница.

– Что вы! – радостно сказал Грубин. В этом была рука судьбы, потому что именно Таня Карантонис более всего поразила Грубина. И вот он стоит рядом с ней, под дождём, в темноте, и она разговаривает с ним, как со старым знакомым.

– Я вас проведу к Сидорову, – сказала Таня. – А вы мне за это тоже поможете, хорошо?

– Конечно, – сказал Грубин. – Только сначала я вам помогу, а потом вы меня проводите.

– Идёмте, – сказала Таня и пошла впереди Грубина к фургону дрессировщика.

– Свет не горит, – сказала Таня. – Наверное, нет его дома. В город ушёл.

– Ну и ладно, – сказал Грубин, который уже готов был забыть о дрессировщике. – А чем я могу вам помочь?

– Вы в город идёте?

– Да, в город.

– Если не трудно, проводите меня до столовой. Которая ещё не закрылась. Я приехала сегодня, не успела себе ничего на вечер купить и голодная как собака.

– А столовая уже закрыта. Она до восьми.

– Ой, какой ужас! – сказала Таня. – Придётся идти к Федюковым, а я у них уже соль занимала и яйца.

– Ни в коем случае, – сказал Грубин. – Я вас так не оставлю. У меня дома есть сосиски. И яйца. Если вы стесняетесь зайти, то я вам сейчас сюда принесу. Я близко живу, десять минут туда и обратно.

– Что вы, как вы могли подумать, что я буду вас утруждать, – запротестовала Таня и улыбнулась благодарно и светло.

И от этой улыбки сердце Грубина застучало, как барабан в цирке в опасный момент воздушного полёта. Грубин стоял перед Таней, приглаживал в смущении мокрые всклокоченные волосы и мечтал о том, чтобы она всё-таки позволила ему побежать сейчас под дождём домой, занять у соседей масла и хлеба, принести сюда эти сосиски и другие скромные яства.

– Нет, – сказала Таня решительно. – В следующий раз. В городе должен быть ресторан. В каждом маленьком городе есть ресторан. И зовётся он по имени местной реки или озера.

– А у нас он называется «Золотой гусь», – сказал Грубин. – Сейчас уже почти десять, а он в двадцать три тридцать закрывается.

– А далеко идти?

– Шесть минут.

– Тогда подождите минутку, я деньги возьму. Вам не холодно?

– Не холодно. А про деньги не думайте. У меня есть.

Но Таня Карантонис не слушала. Она убежала в темноту, и слышно было, как она звенит ключами у невидимой двери.

Грубин стоял, подставив лицо ветру, чтобы не так пылало. В ветре смешивались цирковой запах конюшни и запах мокрых грибов, что росли в лесу за рекой. Он представил себе на мгновение, что Таня Карантонис пришла к нему в гости и пьёт чай. Но тут же Грубин отогнал эту мысль, потому что, во-первых, в комнате у него было тесно и не прибрано, а во-вторых, о таких вещах нельзя даже мечтать.

– Я не долго? – спросила Таня.

– Нет, что вы.

– Вы не сердитесь, что я к вам не пошла. Я жутко самостоятельная.

Они вышли из-за загородки и направились через тёмную площадь. В окнах горели тёплые жёлтые огни, а где-то далеко, в парке, играла гитара.

– Как я могу! – сказал Грубин.

Он шёл, повернув голову набок, чтобы лучше видеть Таню, и профиль её навечно отпечатался в мозгу Грубина.

– Возьмите меня под руку, пожалуйста, – сказала Таня, и Грубин как во сне сунул руку вбок.

Под мышкой у гимнастки пальцам было тепло, и Грубин отвёл вниз мизинец, чтобы он находился точно под локтем Тани и мог поддержать его, если Таня поскользнётся.

– Я такая трусиха, вы не представляете, – сказала Таня. – А когда первый раз в незнакомом городе, то все улицы кажутся страшными. Мне просто повезло, что я вас встретила. Спасибо Сидорову.

– Да-да, – согласился Грубин, делая усилие, чтобы вспомнить, кто такой Сидоров.

– Вы были очень любезны, – сказала Таня, когда они остановились под вывеской «Ресторан „Золотой гусь“».

– А как же вы обратно пойдёте? – испугался Грубин.

– Теперь я знаю, что это близко. Ведь отсюда цирк видно.

– Нет, – сказал Грубин. – Если хотите, я вас здесь подожду.

– Сумасшедший, – сказала Таня и засмеялась. В глазах её горели зайчики от уличных фонарей, а зубы казались ровными и белыми. – Если вы так обо мне беспокоитесь, то пойдёмте со мной в ресторан. Вы не голодны?

– Я голоден, – сказал Грубин смиренно, хотя никакого голода не чувствовал.

Он был счастлив пойти в ресторан с Таней, но, по правде говоря, несколько разочарован, потому что ему хотелось пострадать ради Тани. А для страдания больше подходило ожидание под дождём.

– Вот и отлично, – сказала Таня. – Пошли. А потом проводите меня обратно. Договорились?

В гардеробе Таня сняла куртку, и Грубин отметил, что она успела переодеться. На ней уже было платье. Грубин поглядел в зеркало и себе не понравился. Нос был слишком велик, глаза слишком выпучены, сам он, несмотря на недавнюю стрижку, слишком худ и лохмат. «Сейчас она посмотрит на меня, – думал он, – и скривится. И тогда я уйду на улицу, под дождь».

– Причешитесь, – сказала Таня Карантонис. – Расчёску дать?

Грубин давно не был в ресторане, не приходилось как-то. Зал был не полон, но дымен. Его начали переоборудовать на современный лад, но ограничились только столами, шторами и буфетом в углу. Остальное – лепной потолок и стены с позолоченным трафаретом – осталось от старых времён.

Грубин, в неустойчивости чувств, возрадовался, что надел костюм с галстуком. Играл эстрадный оркестр из четырёх человек. Грубину очень захотелось, чтобы хоть кто-нибудь из знакомых увидел его здесь с прекрасной циркачкой. Но знакомых, конечно, не было.

– А вот и Сидоров, – увидела Таня. – Какое приятное совпадение!

Дрессировщик сидел за столом в одиночестве. Перед ним стояли бутылка портвейна и тарелка с супом харчо.

– Сидоров! – позвала Таня, подходя к столику. – Добрый вечер. Вы сегодня хорошо работали.

«Ну зачем я сказал ей, что ищу Сидорова!» – проклинал себя Грубин.

Вблизи Сидоров был не так привлекателен, как на манеже. У него было длинное сухое лицо в глубоких морщинах, волосы так плотно прилегали к голове, что все шишки черепа были наружу. У Сидорова были очень длинные сильные пальцы и на одном из них большой перстень. Дрессировщик лениво поднялся из-за стола, поцеловал Тане руку, и, когда выпрямился, во взгляде его Грубин уловил нечто хищное, словно дрессировщику передались качества его подопечных.

– А это кто? – спросил Сидоров, обращаясь к Грубину. – Почему не знаю?

– А это вовсе не мой, а ваш поклонник, Сидоров, – сказала Таня. – Он вас искал, а я его мобилизовала, чтобы он меня поесть проводил.

– Здравствуйте, – сказал Грубин. – Грубин.

– Очень приятно, – сказал Сидоров в пустоту. – А я скучаю. Садитесь. В этой дыре есть нечего. Вот видишь, суп ем.

– Здесь очень котлеты хорошие. По-киевски, – сказал Грубин. – Их в кулинарии продают, каждый день очередь.

– Наверное, на ружейном масле, – сказал Сидоров. – У меня желудок не в порядке.

– Правильно, давайте закажем по киевской котлете, – сказала Таня Грубину. – Я вам верю. Сидорову – никогда. Он хочет меня съесть.

– Шутка, – сказал Сидоров. – Хотел бы съесть только в переносном смысле.

– И ещё возьмём вина. Сухого. За встречу и премьеру. Вы будете пить? Да, кстати, я не знаю, как вас зовут.

– Александром, – сказал Грубин.

– Значит, Сашей. А меня Таней.

– Я знаю, – сказал Грубин. – Мне очень понравилось, как вы выступали. В первый раз.

– А во второй?

– С фокусником?

– Ну да, с Аббасом.

– Но ведь в первом номере вы сами выступали, а во втором только помогали.

– Вот всегда так. Послушайте его, Сидоров. Голос народа. Придётся мне уйти от Аббаса Семёновича. Хоть и жалко. Все думают, что это фокус.

– Это не фокус, – сказал Сидоров, маня пальцем официанта. – Это не фокус. Две котлеты по-киевски, бутылку сухого, бутылку коньяку и всякой закуски.

– У нас мясное ассорти есть, – сказал официант.

– Давайте. Всё давайте. Это не фокус. Таня обладает феноменальными способностями к математике.

– Саша, – сказала Таня, – задайте мне любое число перемножить. Или корень извлечь.

– Ну зачем же, – сказал Грубин. – Я верю, конечно я верю.

– А всё-таки задайте.

– Ну хорошо. Сто тридцать на сто сорок.

– Восемнадцать тысяч двести, но вы мне задайте что-нибудь потруднее. Пожалуйста, я прошу вас, Саша.

Пришёл официант, сказал, что мясного ассорти нет, осталось только рыбное.

– Ладно, – сказал Сидоров, – несите рыбное.

Грубин смотрел на Таню, и она покачала головой, ободряя его.

– 125646 умножить на 6733687, – сказал Грубин.

Таня задумалась на мгновение, выпалила очередь цифр, и Сидоров сказал снисходительно:

– Вы не кивайте головой, товарищ. Вы возьмите карандаш, запишите и на досуге перемножьте сами. Но я со своей стороны гарантирую, что ошибки здесь нет. Таня – живая электронная машина.

– Я верю, – сказал Грубин, послушно записывая в книжку длинный ряд цифр. Потом Таня напомнила ему, что на что она множила, и тут принесли рыбное ассорти и кету семужного посола.

– Я страшно голодная, – сказала она и тут же принялась за еду.

– А мы по маленькой по случаю знакомства, – сказал Сидоров. – Ты присоединишься?

– Только сухое вино, – сказала Таня. – Завтра вставать рано. Аббас Семёнович новый номер задумал. С таблицей логарифмов.

Выпили. Грубин почти не закусывал, старался не глядеть на Таню, очень стеснялся Сидорова. Бутылка коньяка опустела наполовину, и он почувствовал, как хмель завладевает головой, превращает мир в добрый и яркий спектакль, в цирковое представление, которое невозможно и нельзя прерывать и в котором ему, Грубину, тоже найдётся роль. Может быть, он станет жонглёром, может быть, дрессировщиком. И уйдёт вслед за Таней далеко-далеко, за пределы области. Причём в этом далёком и сладком походе находилось место и для Сидорова. Он оказался совсем не таким неприятным человеком, как поначалу. Бывают люди, которые не милы с первого взгляда, а потом у них обнаруживается много хороших качеств. Сидоров был добродушен, образован и ничем не показывал перед Грубиным своего превосходства. А когда уходили из ресторана, потому что он уже закрывался и официантки по очереди подходили к столику и собирали подотчётный инвентарь – одна взяла солонку, другая – пустые

бутылки, а третья – фарфоровый стакан, в котором стояли бумажные салфетки, – когда уходили, Сидоров отказался принять от Грубина деньги за оплату ужина, и Грубин даже обиделся немного, хотя Таня с доброй улыбкой успокоила его и сказала, что всё ещё впереди и Грубину представится возможность проявить гостеприимство – цирк остаётся на гастролях на две недели.

Таня пожелала мужчинам доброй ночи у циркового городка, и тут Сидоров сказал, что спать ему ещё не хочется и он хотел бы погулять. И именно с Грубиным, потому что Грубин ему симпатичен. Грубин был растроган. Его случайная встреча с артистами уже перерастала в дружбу.

– Спокойной ночи, Саша, приходите завтра на репетицию, – пригласила Таня и исчезла в темноте.

– Очаровательна, – сказал Сидоров.

– Да, – согласился Грубин. – Я такой буквально не встречал.

– А со многими знаком? – спросил Сидоров.

– Есть опыт, – признался Грубин, хотя понимал, что его опыт далеко уступает опыту Сидорова.

Впереди блестела река, отражая луну, прорвавшуюся в разрыв между облаками.

– Люблю природу, – сказал Сидоров.

– И животных тоже, – дополнил Грубин. – Животные вас любят, слушаются. Я никогда не видел, чтобы они так любили человека.

– Да, – задумчиво произнёс Сидоров. – Они во мне своего чуют.

– Разумеется, – сказал Грубин, преклоняясь перед новым другом.

Дошли до реки. У берега, под откосом, словно моржи, спали баржи. Буксиры держали на мачтах фонари, хотели показать, что они начеку, спят вполглаза.

– Как вам удалось достичь такого уровня? – спросил Грубин. Решил, что вопрос этот не может вызвать неудовольствие. Вопрос приятный.

– Работой, – ответил коротко Сидоров. – Неустанным творческим трудом.

– Но ведь другие тоже работают.

– Не знают, куда приложить свои силы.

Сидоров был задумчив, как человек, который думает о чём-то, но не уверен ещё, поделиться ли сокровенными мыслями с собеседником.

– Нет, друг Саша, им не добиться моих успехов, никогда.

– Конечно, чтобы белые медведи, как тигры, прыгали, а тигры лаяли. Это же надо!

Воспоминание развеселило Грубина, он взмахнул головой и залаял, подражая дрессированному тигру.

– Нет, – сказал Сидоров. – Не так. – И раза два тявкнул так натурально, что Грубину даже жутко стало, еле удержался, чтобы не отбежать на почтительное расстояние.

– Вы мастер, – сказал он. – Вы мастер, товарищ Сидоров, я это могу повторить где угодно. И я даже удивлён и возмущён, что вы до сих пор не народный артист хотя бы республики. Это, простите, выше моего понимания.

– Саша, Саша! – сказал Сидоров, сдерживая слёзы. – Если бы ты понял мои возможности и мои запросы! Если бы ты только понял!

– Понимаю, – сказал Грубин искренне, – понимаю.

– Ничего ты не понимаешь. Да что мои звери – я сам могу.

И с этими словами Сидоров вдруг напружинился, изогнулся не по-людски и взмыл в воздух. Чёрное тело пролетело над обрывом, и Грубин только издал вскрик:

– Ах!

Нет, это был не дрессировщик – это дикий зверь немыслимым прыжком преодолел три десятка метров, отделяющие его от ближайшей баржи, и с мягким прихлопом опустился на палубу. Баржа покачнулась, и по серебряной воде пошли неровные волны.

– Грубин! – раздался голос дрессировщика снизу. – Ты видел?

– Не может быть, – сказал Грубин.

– Жди обратно!

Снова качнулась баржа, чёрное тело взмыло вверх, и с кошачьим мяуканьем странное существо замерло рядом с Грубиным. Нет, Грубин не был пьян. Не настолько он был пьян, чтобы ему померещились странные превращения дрессировщика.

– Видишь теперь, Саша, – сказал Сидоров, – почему они никогда не дадут мне заслуженного? Они мне завидуют.

Он был взволнован, но дышал ровно, будто не потребовалось от него особого усилия, чтобы совершить этот нечеловеческий прыжок.

– Ты ведь друг мне? – спросил Сидоров.

– Больше того, – заверил Грубин. – Я вас очень уважаю.

– Вижу, – сказал Сидоров. – Тогда усвой – я не дрессировщик. Я великий экспериментатор. Знаешь это слово?

– Знаю, разумеется, – сказал Грубин.

– Тогда пойдём дальше. Будем гулять. Я могу животных чему угодно обучить. Хочешь, завтра у меня тигры летать начнут? Или слоны удавами извиваться? Нет, не получится. Но не важно. Я всё могу. И сам могу: что звери могут, то и я могу. Они меня уважают. Кстати, ты, Саша, меня уважаешь?

– Я вас даже люблю, товарищ Сидоров, – признался Грубин.

– Какой я дрессировщик? Я – гений! Я – владелец великой тайны! А они даже не стараются понять. Потому что недостойны. Именно так и не иначе. И я её съем.

– Кого?

– Не важно. Меня, думаешь, звери интересуют? Никогда. Я, тебе признаюсь, средним дрессировщиком был. Самым средним. Даже в Москву меня не пускали. А если в загранпоездки, то только когда кто-нибудь заболеет. И то в монгольскую Швейцарию. Понимаешь?

– Понимаю. Конечно понимаю! Я в том году в Болгарию оформлялся, а кто поехал? Ложкин поехал!

– Я один раз в Индию пробился. Понимаешь? Город Бомбей – слышал? Поехал я тогда с тремя бурыми медведями. Велосипед они у меня работали, стойку на передних лапах – пустяки, банальность. В гостинице мы стояли, на берегу моря. Там я одного человека однажды встретил. Простой такой человек, в белых кальсонах ходил – там принято. Я, говорит, очень уважаю ваше искусство. А номер у меня так себе был, средний. Спасибо, говорю, тебе, друг. И значок ему даю, естественно. Неплохой значок, с гербом города Ярославля, с медведем, как на грузовике. Понимаешь?

– Понимаю, – сказал Грубин.

Было холодно, хмель понемногу покидал голову, а в глазах всё стояла картина невероятного полёта товарища Сидорова на баржу и обратно. Опять небо заволокло чёрными тучами, и ветер усилился.

Сидоров остановился напротив Грубина, упёрся зрачками ему в глаза, словно хотел загипнотизировать.

– И этот человек... Мне!.. Сказал!.. Только тебе я могу доверить мою великую тайну!

– А на каком языке? – спросил Грубин. Потому что страшно было слушать, как завывал Сидоров.

– По-английски, – обыкновенно ответил Сидоров. – Я по-английски со словарём вполне прилично. А если для обычного разговора, то пожалуйста. Хочешь попробовать?

– Нет, я верю.

– А ты спроси, спроси меня по-английски.

– Я же только со словарём!

– Я тоже только со словарём, но могу. А ты со словарём, но не можешь.

– Понял, – сказал Грубин. – Извините.

Сидоров закурил. На среднем пальце сверкнул под луной массивный перстень. «Артистическая натура», – подумал Грубин.

Сидоров перехватил взгляд Грубина и произнёс со значением:

– Об этом перстне и речь!

Густые облака светлого дыма поднимались над его головой и стремились к быстро бегущим облакам.

– Пошли мы с тем Рамакришной в ресторан, – продолжил Сидоров. – Он оказался профессором, биологом, только не признавали его. А знаешь почему? Завидовали его таланту. Посидели мы с ним, выпили ихнего джина с ихним тоником – так себе напитки. Он за меня заплатил – какая у меня валюта по ресторанам ходить? И стали мы говорить про планарии.

Продолжая свой рассказ, Сидоров пошёл прочь от реки, к цирку. Грубин шёл рядом и внимательно слушал. Слушал и кивал, даже когда не всё понимал.

– Ну что ты всё киваешь! – воскликнул Сидоров. – Будто понимаешь, кто такие планарии.

– Я не перебиваю, – сказал Грубин.

– Думаешь, цветок?

– Думаю, – сказал Грубин.

– Или лиана такая?

– Не исключено, – согласился Грубин.

– А если червяк? А? Зажмурился?

– Я согласен, – сказал Грубин.

– И правильно делаешь, – сказал Сидоров. – Потому что планария – это и есть червяк. И с ним опыты делают. Какие?

– Какие?

– Его растолкут в ступке, а потом едят.

– Сырым?

– Неумный ты, Грубин! Не люди его едят, а собственные его товарищи, может, родственники, – в той же банке.

– Зачем?

– Голодные, вот зачем! Небось, когда проголодаешься, кого угодно сожрёшь. А? Сожрёшь или не сожрёшь?

– Нет, не сожру.

– Ну и дурак! А надо жрать. Тогда тебя уважать будут.

– Не надо мне такого уважения, основанного на страхе, – торжественно заявил Грубин.

– Красиво говоришь, – сказал Сидоров. – Но меня ты не убедил. Потому что я мастер, а ты так... зритель, публика.

– Но я читаю, сам опыты ставлю.

– Расскажите вы мне, цветы мои! – презрительно произнёс Сидоров.

Грубин обижаться не стал, потому что не имел права обижаться на великого артиста.

– Ты меня не перебивай, – продолжал Сидоров. – Сейчас будет самое интересное. Рассказал мне Рамакришна, царство ему небесное, что если планарией накормить других планарий, то всё, что она, болезная, запомнила за свою короткую жизнь, другие тут же узнают. Допустим, умеет она выползать из лабиринта. А другие планарии не обучены. И только они пожевали подругу, как уже знают – выход прямо, потом налево, потом три раза направо! Усвоил?

– Это очень интересно, – сказал Грубин. – Честное слово, это открывает перед наукой большие просторы!

– Не в науке дело. Наука должна служить людям. Дальше мне Рамакришна поведал, что некоторые учёные старались это свойство планарий другим животным передать. Понимаешь зачем?

– Конечно! – обрадовался Грубин. – Чтобы из лабиринта... чтобы все выползали!

– Мелко мыслишь. Я другого от тебя и не ждал. Это же великая революция в науке! И в первую очередь в народном образовании! Макаренко бы от зависти тут же лопнул. А Песталоцци? Песталоцци! Ты представляешь, что было бы с Песталоцци?

Саша Грубин, честно говоря, не знал, кто такой Песталоцци. Но понял, что деятель из народного образования. Поэтому согласился, что Песталоцци умрёт от зависти.

– Они, понимаешь, всю жизнь учат, учат, учат. Ну сколько можно! А мы скормили корове кашку – вот она и всё знает.

Последняя фраза звучала загадочно. Сидоров опять остановился, чтобы говорить внушительнее. Медленно, доступно, в простых выражениях.

– Мой индийский друг Рамакришна сделал растворитель из смеси яиц хамелеона и нефритовой пыли. При добавлении в растёртую ткань живого существа получается возможность усваивать способности.

Сидоров поддел ногтем камень, которым был увенчан перстень, и тот откинулся, как крышка кастрюльки. В углублении виднелся светлый порошок.

– Вот он, видишь? Перед смертью он мне завещал.

– Объясните ещё раз, – попросил Грубин. – Вы только не сердитесь – я не всё понял.

– Что тебе непонятно?

– Куда добавлять?

– В растёртую ткань. В мясо!

– Значит, если планарию... растереть, то из неё получится растёртая ткань?

– Молодец, Грубин. Начинаешь соображать, – открыто и добродушно, насколько позволяли его глубокие морщины, улыбнулся Сидоров. – Точно. Я возьму кого надо, подбавлю растворителя – и кушай!

– И это надо кушать?

– Я повторяю: если ты смешаешь с растворителем кашицу, полученную из ткани любого существа, то приобретёшь его способности! Неужели это так сложно понять?

– Непривычно, – признался Грубин. – Несложно, но непривычно. Это надо понимать, что ваш Рамакришна не только планарий растирал?

– И кошек! – произнёс тихо Сидоров, и лицо его, претерпев неожиданное неприятное изменение, вытянулось вперёд, скомкалось, а изо рта послышалось кошачье мяуканье. Само тело дрессировщика Сидорова изогнулось так, словно у него был большой хвост.

– Вы и кошку в кашицу?.. – спросил Грубин.

– Пантеру, – сказал Сидоров. – Она всё равно старая была. На списание шла.

– А ваши животные... – Грубина посетила страшная догадка.

– Мои животные тоже позаимствовали свои способности у других, – признался Сидоров. – Тигры ели петухов, а медведи крокодилов, не говоря о прочих тварях.

– Но зачем? Зачем? – в отчаянии воскликнул Грубин. – Что толкало вас на такую сомнительную деятельность?

– Сомнительную? – Сидоров расправил плечи и будто бы стал выше ростом. – Сомнительной науки не бывает! Наука сама диктует свои законы. Если открытие сделано, надо его использовать. Другого не дано! Меня ещё признают на уровне Нобелевской или хотя бы Государственной премии.

– А этот ваш друг, Рамакришна? – спросил Грубин, который всё с большей опаской относился к дрессировщику.

– С моим дорогим Рамакришной случилась трагедия. Я взял его к себе в ассистенты – мы проводили совместные опыты над моими дрессированными крошками. И однажды Рамик нажрался слоновьего экстракта и вошёл в клетку со львами. Он думал, что ни один лев не посмеет его тронуть. В общем, он переоценил свои силы.

– Что, пьяный был? – спросил Грубин.

– Ни боже мой! Они там, в Индии, не пьют. Только если по маленькой. – Сидоров отводил глаза – у него было лживое выражение лица.

– А раствор вам достался?

– Какой раствор?

– Из хамелеонов и нефритовой пыли?

– Тиш-ш-ше! Ты что, услышат!

– Услышат – не поймут. Ну ладно, я пошёл.

– Ты куда?

– Домой.

– Да я же только начал рассказывать!

– А мне уже не так интересно, – признался Грубин. – Я думал, что вы в самом деле дрессировали своим трудом. А оказывается, каша под соусом из нефрита с хамелеонами!

– Нет, Саша, так ты не уйдёшь, – сказал Сидоров и обнял Грубина за плечи. – Я хочу с тобой поделиться моими планами на будущее.

– Не надо!

– Я лучше знаю, что надо, а что не надо, – сказал Сидоров, а потом зарычал так, что у Грубина ослабло в коленях.

Сидоров засмеялся.

– Мы тут с моими мишками одного тигра слопали. Мясо жёсткое – две мясорубки сломал, не поверишь. Теперь у меня в номере медведи на двадцать метров прыгают. Я тоже могу. Показать?

– Не надо, ты уже показывал.

Они подходили к цирку – впереди горели его ночные огни.

– Ты думаешь, что я эгоист, всё для себя? – сказал Сидоров. – А я не такой! Я для народа хочу, для человечества, чтобы все могли! Чтобы детишек рыбой кормить, а они чтобы с грудного возраста не тонули. Некоторых можно и летать научить. А почему нет? И Красной Шапочке – ты только послушай, какая умора! – Красной Шапочке привить от волка характер: он ей зубы покажет, а она ему в ответ!

Тут Сидоров расхохотался так, что в доме рядом раскрылось окно и женский голос закричал:

– Милицию позову! Спать не дают!

– Так что же вы не спешите делать человечество счастливым? – спросил Грубин. – Что вас останавливает?

– Эх, Саша, куда я пойду со своим эпохальным открытием?

– В Академию наук, – сказал Грубин. – Куда же ещё.

– А они меня спросят: в каком институте вы разрабатывали свою тему? И кто был ваш научный руководитель?

– Но вы им объясните всё как было – и про Индию... и про Рамакришну!

– А ты меня в сумасшедшем доме будешь навещать? Апельсины носить будешь?

Сидоров глубоко и печально вздохнул.

– Эх, Саша! – сказал он. – Неужели я не понимаю, что с таким открытием мог бы прославиться! Я не хочу, чтобы оно попало к милитаристам. Что хочешь... я простой советский человек, я хочу через научную общественность достичь законной славы.

– Ну и достигайте! – сказал Грубин.

– У меня же только цирковое училище за плечами, как ты не понимаешь! Мне нужен диплом университета! Мне нужен талант физика или на худой конец математика. Тогда я экстерном экзамены сдам, а там уж докторскую дадут, до академика пустяки останутся.

Сидоров всхлипнул, и глаза его сурово блеснули под луной.

– А если не удастся – уйду за кордон, – сказал он.

– Зачем?

– Там к человеку гуманнее относятся. Устроюсь в Иране – мне же цены не будет: скормлю взводу партизан одного тигра – такой взвод двух батальонов стоить будет!

– Ох, Сидоров, вы меня пугаете, – сказал Грубин. У него уже весь хмель выветрился.

Сидоров заметил, что Грубин загрустил, и сказал:

– Шутка. Шучу. Я всё-таки в нашу Академию наук пойду. А может, в Комитет по делам спорта. Понимаешь: рекорд мира по прыжкам в высоту – наш. Только съешь зайца. Рекорд мира по бегу на длинные дистанции – наш.

– Только съешь оленя, – подсказал Грубин.

– И выгонят меня, – подытожил Сидоров.

– Это почему?

Они стояли перед входом в цирковой лагерь. В фургончиках уже погасли огни, тигры приглушённо лаяли и кудахтали в клетках.

– Образования нет, – сказал Сидоров. – Английский знаю со словарём. А формального образования нет.

– Так вы учитесь, заочно.

– Погоди. – Сидоров перешёл на громкий шёпот. – Я знаю, что им скажу. Я скажу, что я кандидат наук, только кандидатское удостоверение потерял. Пусть меня проверяют.

– А каких наук кандидат?

– Математических.

– А сможете?

– Смогу. Есть у меня один план. Выношенный уже. Только тебе говорить нельзя. У тебя нервы слабые.

– У меня слабые? – обиделся Грубин. – Тогда я уйду.

– Нет, не уходи. Ты только поклянись, что ни одной живой душе ни слова.

– Клянусь.

– Тогда слушай. – Сидоров наклонился к самому уху Грубина и прошептал: – Я Таню Карантонис съем.

– Чего?

– Я не всю, я немножко. Тебе тоже достанется, не беспокойся. Математика всем нужна. Я однажды удава ел – отвратительно, как резина. Зато теперь могу в любую щель проникнуть, будто у меня костей нету. Показать?

– Нет, – сказал Грубин, с тоской глядя на тёмные фургончики. Он знал, что Сидоров не врёт.

– Ну и ладно. У этой Тани замечательные способности к математике. Мы её с тобой съедим – и сразу в академию. Тебе тоже кандидата дадут. Будешь моим заместителем. Понял?

– Понял, – сказал Грубин, стараясь унять внутреннюю дрожь.

– Откладывать нельзя. Я бы её и раньше съел, но всё в разных городах выступали. А сегодня наконец наступил момент. Ты иди, иди, завтра придёшь, я тебе помогу. Всю математику знать будешь. Сколько будет дважды два – назубок.

И Сидоров тихо засмеялся.

– Я с тобой, – сказал быстро Грубин.

Он понял, что оставлять Сидорова одного нельзя. Жизнь прекрасной Тани в опасности. Нельзя допустить преступления! Только сам он может его остановить, милиция не поможет. Если он, Грубин, придёт в милицию и скажет, что этот артист съел Таню Карантонис, все решат, что Грубин сошёл с ума, и выгонят его прочь. А Сидоров в отместку напустит своих тигров на невинного Грубина.

Эти мысли мелькали в голове Грубина как молнии, пересекались и с треском бились внутри о черепную коробку.

– Я с тобой, – сказал Грубин.

– Свидетелей мне не нужно, – возразил Сидоров. – Ты меня выдашь. Я, вообще-то, тебе зря всё рассказал. Может, я пошутил.

– Хорошо. – Грубин сделал вид, что послушался Сидорова. – А я уж решил, что на самом деле.

– Иди-иди, – сказал Сидоров. – Поздно уже.

– Хорошо, – согласился Грубин.

Сидоров руки не протянул и скрылся за оградой. Грубин понимал, что он не ушёл, слишком уж тихо было вокруг. Значит, стоит – следит за Грубиным.

Саша повернулся и медленно пошёл прочь. В ботинки заливала вода и хлюпала там. Спиной Грубин ощущал холодный, как вода, взгляд дрессировщика. Далеко сзади раздалось басовитое «ку-ка-реку!». Тиграм не спалось.

Грубин осмелился обернуться лишь тогда, когда брезентовый купол полностью растворился в темноте. Он постоял, прислушиваясь. Потом медленно пошёл обратно. Он шёл не прямо к воротам, а забирал левее. Вот и изгородь. Невысокая, можно перелезть. Грубин прислушался. Всё тихо. Он перемахнул через изгородь, изгородь пошатнулась. Грубин замер. У Сидорова есть какой-то план. Он должен сделать так, чтобы убийство прошло безнаказанным. Может быть, он попросту заманит Таню в клетку к тиграм и скажет, что она сама виновата? На него это похоже. Ведь он сам тигра ел. Как же отыскать фургон Тани?

Грубин крался по проходу между фургонами. Слабый отсвет упал на мокрую землю. Будто где-то неподалёку светилось окошко в сторожке. Грубин завернул за фургон. И в самом деле, там горело маленькое окошко. Грубин, гоня от себя надежду, подкрался к нему, приподнялся на цыпочки.

Таня Карантонис сидела в халатике за столом и читала книжку.

У Грубина от сердца отлегло.

Она была жива.

Но Сидоров мог быть поблизости. Грубин прижался к стене фургона. Дождь стекал с крыши прямо ему за шиворот. Но Грубин уже так промок, что лишние капли не ощущались.

Так прошло минут двадцать. Сидоров не появлялся. Грубин невероятно продрог. Ногу свело судорогой. В любой момент он мог умереть от переохлаждения организма. Появился насморк, потом начало щекотать в носу. Грубин сдерживался. Разок чихнул в ладонь, почти неслышно. И тут у него начался приступ. Он чихал, чихал так, что, казалось, должны были сбежаться люди со всего города. Он чихал, согнувшись пополам, сотрясая стену фургончика, и не было даже сил отойти в сторону.

В таком вот согнутом положении его и обнаружила Таня Карантонис, выскочившая из фургона. Свет из открытой двери упал на Грубина, и Таня его сразу узнала.

– Что случилось? – спросила она в ужасе.

– Не... Не...

– Заходите немедленно внутрь. Сидоров утонул?

Приступ прошёл. Стараясь восстановить дыхание, Грубин поплёлся к двери. Он ещё не разобрался, хорошо или плохо, что Таня обнаружила его. Но, по крайней мере, он не умрёт от холода.

Таня протянула тонкую сильную руку, помогая ему подняться по ступеням.

– На вас лица нет, – сказала она. – И сухого места. Всё-таки что же случилось?

– Ничего, – смог наконец ответить Грубин. В фургоне было сравнительно тепло, и лампа над столом освещала учебники.

– Где Сидоров?

– Готовится, – сказал Грубин.

– Вы себя плохо чувствуете? – спросила Таня.

– Нет. Дайте соберусь с силами. Извините меня.

– За что?

– За то, что ворвался в такое позднее время.

– Так вы же не ворвались. Я сама вас позвала. К чему же готовится Сидоров?

– Чтобы вас убить.

– Убить? – засмеялась Таня. – За что же он будет меня убивать?

– За математику.

– Вы себя плохо чувствуете?

– Послушайте меня, Таня, – сказал Грубин тихо, но убедительно. – Я совершенно нормальный человек. Хотя, может быть, сейчас и не похож на нормального. Но Сидоров вас хочет съесть.

– Он всегда так говорит. Это его любимая шутка. Он, в общем, не злой.

– Это не шутка, Таня. Он вас и в самом деле хочет съесть. Чтобы овладеть вашими знаниями в математике.

– Так зачем же для этого меня есть? Учиться надо.

Таня не переставала улыбаться. Она, хоть и полагала Сидорова чудаком, всё равно не боялась его. Она решила отвлечь Грубина от ненормальных мыслей.

– А я вот русским языком занимаюсь, – сказала она. – Я к математике способная, а к русскому языку не очень. Я двадцать школ сменила, пока с мамой и папой ездила по циркам. Вот и хромает у

меня грамотность. Знаете, я парашют через «у» написала в диктанте. Смешно, правда?

– Нет, всё это не смешно. Вам грозит опасность. И если мы не поймаем сегодня его за руку, русский язык вам никогда не понадобится. Не перебивайте меня. У него как звери выступают? Они у него изображают других зверей. А почему? Потому что он одних зверей другими кормит и всю информацию из клеток им передаёт, как планарии.

– Ничего не понимаю, – сказала Таня.

В этот момент Грубин замер и прижал палец к губам. Таня тоже замолчала.

Кто-то неподалёку поскользнулся, угодил, видно, в лужу и выругался.

– Садитесь за стол, – прошептал Грубин. – Как ни в чём не бывало.

Сам он нырнул в открытый шкаф, спрятался среди платьев. Блёстки царапали кожу, и пахло пудрой.

Таня и в самом деле подчинилась настойчивости, прозвучавшей в голосе Грубина. Она села за стол, и тут же Грубин в щель между платьями увидел за стеклом мокрое длинное лицо дрессировщика. Грубин весь сжался, как перед прыжком в воду. Заскрипели ступеньки. В дверь тихо постучали.

– Кто там? – спросила Таня, не вставая с места.

Она вдруг побледнела.

– Это я, Сидоров, – сказал дрессировщик, открывая незапертую дверь. – У меня сигареты кончились, а все спят. У тебя, Танечка, не найдётся?

– Вы же знаете, что я не курю, – сказала Таня, поднимаясь и отходя на шаг назад.

– Не бойся, девочка, – сказал Сидоров. – У меня в голове только хорошие мысли.

С Сидорова стекала вода, от гладко причёсанной головы поднимался пар. Сидоров быстро дышал. Он сделал два шага по направлению к Тане.

– Спокойно, милая, – сказал он. – Я только погреюсь. Посижу и погреюсь. Ты не возражаешь?

– Вы пьяны, Сидоров, – сказала Таня. – Идите спать.

– Нет, – сказал Сидоров и вынул из кармана руку. В руке был нож. Сидоров прыгнул вперёд.

Но Грубин прыгнул ему навстречу. Он, хоть и не ел никогда тигров, был готов к действиям Сидорова. Он был мужчиной и защищал жизнь женщины. Он не мог допустить, чтобы Таню съели.

Они столкнулись в воздухе. Нож дрессировщика скользнул по руке Грубина и выпал.

– Ты! – вскричал Сидоров, отлетая в угол. – Ты! Предатель! Иуда! Сам не ешь и другим не даёшь!

Грубин успел наступить на нож и схватил стул. Сидоров на четвереньках отползал к двери.

– Держите его, – сказала Таня. – Мы его свяжем!

Дрессировщик метнулся назад, громадным прыжком выскочил из фургона. Грубин бросился за ним.

Снова вышла луна, и видно было, как фигура, мало схожая с человеческой, несётся к клеткам.

Ещё мгновение – звякнул засов, и Сидоров оказался за прутьями решётки.

Саша и Таня бежали к клеткам и почему-то молчали, не звали на помощь, не будили людей. Как будто стеснялись того, что происходило у них на глазах. А у них на глазах голодные тигры, раздражённые гадкой погодой, невыспавшиеся, кинулись к дрессировщику. Короткая схватка, сплетение тел, рычание, лай и мяуканье.

Открывались двери фургонов. Артисты выскакивали, разбуженные шумом, повсюду загорались огни.

Но когда удалось войти в клетку, всё было кончено. Сидорова растерзали хищники.

Никто не заметил, как Грубин нагнулся у решётки и поднял свалившийся с пальца Сидорова перстень старинной индийской работы.

Дня через два Таня Карантонис сидела у Грубина в маленькой, хоть и прибранной, но всё-таки захламлённой комнате. Они пили чай. Соседи уже раза по три заглядывали – кто просил соли, кто сахару. Соседей измучило любопытство.

– Спасибо за ужин, – сказала Таня. – Вы всё приготовили лучше, чем в ресторане.

– Старался. – Грубин поглядел на Таню с нежностью. – А как цыплёнок табака под утюгом? Неплохо?

Снова вышла луна, и видно было, как фигура, мало схожая с человеческой, несётся к клеткам.

– Я бы никогда не догадалась, что под утюгом, – сказала Таня.

Она осунулась, похудела за эти дни – то допрос у следователя, то собрание в цирке.

– Так значит, следствие решило, что это был несчастный случай? – спросил Грубин, хотя и сам всё знал.

– Да. В состоянии опьянения Сидоров забрался в клетку с тиграми и погиб. Ужасно всё это! Ведь из-за меня, понимаете, из-за меня!

– Отлично понимаю, – сказал Саша Грубин. – Если бы он не погиб, то вас бы не было в живых.

– Ужасно! – повторила Таня. – А вы говорили про перстень. Он у вас?

– Да. В Москву его отошлю, на исследование.

– Но ведь признайтесь, Саша, что это был бред. Что он был больной человек.

– Рад бы, – сказал Грубин.

– Признайтесь, мне будет легче.

– Вы умеете звукам подражать?

– При чём здесь это? Не умею.

– Тогда прокукарекайте.

– Я не умею.

– Попробуйте.

Таня улыбнулась вымученной, усталой улыбкой.

– Вы хотите меня отвлечь?

– И всё-таки.

Таня открыла рот, и тут дом огласился весёлым натуральным петушиным криком.

– Ой! – сказала Таня и зажала рот рукой.

– Вот видите, – сказал Грубин. – Мы же с вами цыплёнка табака ели.

– И вы туда подсыпали растворителя?

– Да, иначе как бы вы мне поверили?

– Как вам не стыдно!

Старик Ложкин, натуралист-любитель, который жил над Грубиным, сказал жене:

– Скрытным Грубин стал. Петуха дома держит. А зачем?

– Это у него циркачка сидит, звукоподражательница, – ответила жена и вернулась к прерванному вязанию.

РАЗУМ В ПЛЕНУ

Если говорить о невезении, то мне ужасно, трагически не повезло. Если говорить о везении, то меня можно считать счастливчиком.

Не повезло мне в том, что уже на втором витке я понял, что придётся садиться. Двигатель, беспокоивший меня уже давно, отказывал. А не может быть ничего хуже, чем отказавший двигатель, когда между тобой и домом распростёрлась добрая половина Галактики.

Повезло мне, и сказочно повезло, в том, что на планете обнаружилась пригодная для дыхания атмосфера. А это вселяло надежду на то, что я когда-нибудь, если смогу исправить двигатель, вновь поднимусь в космос и увижу близких.

Лик планеты был страшно изуродован катаклизмами. Глубокие трещины разрывали её кору, невероятной высоты пики и горные хребты поднимались над атмосферой, и вершины их овевались космическим холодом.

Но у меня не было времени спокойно изучать моё временное, а может быть, и постоянное пристанище. Для этого наступит свой час. Я был занят одним – найти удобное для посадки и по возможности безопасное место. И я нашёл его на поверхности обширного плато и решил уже, что опущусь там на следующем витке, но именно в этот момент двигатель совсем отказал.

Тогда я пролетел над тёмной стороной планеты, над горным плоскогорьем, громадным плато, которое так высоко поднималось над поверхностью планеты, что упасть там – значило обречь себя на верную смерть: атмосфера – вернее, остатки её, – таилась в этой части планеты в неглубоких ущельях и понижениях. Если я промахнусь – я погиб.

В последний момент перед крушением приборы показали: прямо по курсу котловина. Словно метеор, пронёсся я над безжизненной горной страной, корабль врезался в плотную атмосферу, иллюминаторы затянуло мглой, снижение замедлилось – и вот я на поверхности планеты. Я жив. Я потерпел крушение. Одинок ли я здесь или чуждый разум следит за мной? Готов прийти на помощь? Точит оружие, чтобы убить меня?

Я прильнул к иллюминатору. Включил биощупы. Корабль ощетинился иглами, шлангами, открылись глаза датчиков и уши локаторов. Наступил момент первого знакомства.

К тому времени, когда забрезжил рассвет, слабый, голубой, робкий, я уже многое знал о котловине, в которую попал. Разумной жизни здесь не было, но жизнь неразумная кипела вокруг, была опасна, кровожадна, и все особи в этом мире были в состоянии войны друг с другом: сильные пожирали слабых, слабые подстерегали ещё более слабых.

Но сидеть без дела было нельзя. Пора покинуть надёжные стены корабля, встретить новый мир лицом к лицу. Я вооружился бластером и открыл люк. Воздух оказался затхлым, стоячим, но дышать можно было. Мне надо было обойти корпус корабля, добраться до дюз и проверить их состояние. Приборы могли врать: слишком долго от них требовалась правда и только правда.

Я передвигался медленно, стараясь, чтобы за спиной всё время оставался надёжный корпус корабля. Но не сделал я и двух шагов, как пришлось остановиться. Из рыхлой предательской почвы показалась круглая голова большого червя. Я поднял было бластер, но голова тут же нырнула в землю, и в немом изумлении я долго следил за тем, как из земли вылезали всё новые сегменты розового тела, аркой подымались вверх и исчезали вновь в земле. Червяк был не так уж и велик – может, в половину моего роста, но я видел лишь часть его, и потому он показался бесконечно длинным и страшным.

Надо взять себя в руки, подумал я. Если дать нервам власть, можно попасть в беду. В конце концов, чем угрожал мне гигантский червь? У него даже рта не было.

Чёрная тень мелькнула надо мной. Я бросился назад, прижался к холодному металлу корабля. Огромная летучая тварь, зловещая и изящная в лёгкости движений, изогнувшись, бросилась на меня сверху. Разверзлась громадная пасть, усеянная множеством острых зубов, зловонное дыхание донеслось до меня.

Я успел выхватить бластер и всадить заряд в глотку твари. Тяжёлое тело сбило меня с ног, и я покатился по земле. Длинная зеленоватая пятнистая туша летающего дракона корчилась на земле. По телу пробегали конвульсии. Я не осмелился приблизиться к чудовищу. Стараясь унять запоздалую дрожь, я поднялся с земли и тут же увидел, что путь к кораблю отрезан. Ко мне не спеша, словно зная, что ничто его не остановит, приближался другой зверь. Множество членистых ног поддерживало зелёное грязное туловище. Глаза далеко выступали

вперёд, чуть покачиваясь на отростках, и по сторонам глаз покачивались громоздкие убийственные клешни. Зверь приподнялся на лапах и развёл клешни шире.

Мне не хотелось знаменовать своё вступление в этот мир убийствами, кровью – её и без меня хватало здесь. Я отступил назад. Зверь крутил глазами, пугал меня, но не бросался. Я попытался обойти его так, чтобы вернуться под защиту корабля. Меня не оставляло противное чувство опасности сзади, казалось, что внимательные взоры обитателей котловины стерегут каждый мой шаг.

Не спуская глаз со зверя, я сделал ещё два шага в сторону, и тут под ногами что-то блеснуло. На земле лежал странный предмет, сделанный из белого металла. Именно сделанный, ибо только руки разумного существа могли придать металлу форму эллипса, чуть заострённого на концах. Предмет был плоским, и поверхность его была тщательно обработана. Лишь существа, далеко шагнувшие вперёд по пути цивилизации, могли так освоить металлургию.

Я приподнял предмет. Он был тяжёл, и я пожалел, что вряд ли сейчас смогу занести его в корабль, – на пути всё ещё угрожающе покачивал клешнями зверь, и мне не хотелось обременять себя лишней ношей, когда могло потребоваться всё моё умение, чтобы пробиться обратно к кораблю.

И в этот момент нечто продолговатое вновь кинуло на меня тень. Я подумал было, что это ещё один дракон, и поднял взор кверху. Но это был не дракон. Я мог бы поклясться, что вижу воздушный корабль, летающий корабль. Он был велик, не меньше моего космического корабля, и двигался медленно. Мне трудно было разобрать, каким образом его приводят в движение. Правильность формы, взаимная неподвижность его частей совершенно исключали всякую возможность того, что он мог оказаться живым существом. Возможно, меня уже разыскивали – кто-то заметил, как мой корабль опустился на планету. И вот прошло немного времени, и меня ищут. Но с добром или со злом в уме?

Летающий корабль замер надо мной. Зверь с клешнями, почуяв неладное, стал медленно пятиться в заросли, подступавшие совсем близко к месту аварии. Я не выпускал металлического предмета, впервые указавшего мне на разумных обитателей планеты. Воздушный корабль парил на верхней границе атмосферы. Я поднял металлический

предмет, чтобы обратить на себя внимание, – будь что будет. Разум, хоть и не встреченный нами до сих пор ни на одной из планет, должен быть дружелюбен.

На корабле меня заметили. С борта опустился штормтрап. Вот он уже покачивается совсем рядом. На конце его поблескивало приспособление для крепления предметов. Меня приглашали наверх. Ну что ж, рискнём. Я захватил с собой металлический предмет. Он мог быть потерян кем-нибудь из обитателей планеты. Жест доброй воли будет истолкован положительно любым разумным существом. Я кинул последний взгляд на мой осиротевший корабль, обхватил штормтрап и осторожно дёрнул за него трижды, давая сигнал поднять себя на корабль. В ответ на мой сигнал штормтрап начал быстро подниматься вверх.

– Так вот кто мою блесну откусил, – сказал охваченный гневом и радостью Корнелий Удалов, вытаскивая удочку.

– Не на то смотришь, нелюбопытный ты человек, – ответил ему Александр Грубин, его друг, с которым они только что выехали по зорьке на рыбалку на озеро Копенгаген. – Когда ты видел, чтобы в нашем озере водились осьминоги?

Последние отрезки пути штормтрап поднимался стремительно. Я понял, что ещё немного, и я вылечу за пределы атмосферы. А ведь скафандр остался на борту моего корабля! Я могу погибнуть! Я попытался соскочить со штормтрапа – лучше рискнуть разбиться о землю, чем погибнуть от удушья, но острый крюк на конце штормтрапа вонзился мне в тело. Ещё секунда, и, теряя сознание, я вылетел в безвоздушное пространство. Громадные чудовища – их было двое – протянули ко мне массивные конечности.

– Банку! – закричал Грубин растерявшемуся Удалову. – Банку с водой! Ведро, наконец! Ты не понимаешь, какое мы с тобой открытие совершили!

– А может, осьминоги здесь водятся? – спросил Удалов с сомнением. – Может, встречаются редко, осторожные?

– Откуда, голова ты непутёвая? – кричал Грубин. – Ведром воду черпай! Осьминоги живут только в морях и океанах!

– Тише ты, – сказал Удалов. – Всю рыбу распугаешь. Что дальше делать-то будем?

– Какая теперь рыбалка! – Грубин осторожно стаскивал осьминога с крючка. – О нас в научном журнале напишут.

– Спят и видят, как бы о нас написать. А ты подумал, что осьминоги здесь, может быть, заповедные? Выпустили их на развод, а мы браконьерствуем.

– Не может быть, – возразил Грубин. – Тогда бы было объявление о запрете. А ты видел здесь на берегу какое-нибудь объявление?

– Видел. Не разводить костров, беречь лес от пожара.

– При чём здесь пожар? Про осьминогов видел?

– Про осьминогов не видел. Но уверен, что может быть такое объявление. Мы его пропустили в темноте.

– Нет, – сказал Грубин, опуская осьминога в ведро с водой, подставленное сомневающимся Удаловым. – Если бы у нас в озере Копенгаген разводили осьминогов, весь город бы знал об этом. Притом обрати внимание, что у осьминога десять ног и он сравнительно крупный. Это, вполне возможно, неизвестный науке вид. На что я и надеюсь.

– Славы захотел, – произнёс Удалов укоризненно. – Дай бог тебе штрафом отделаться.

Осьминог безжизненно опустился на дно ведра. Одно из щупалец всё ещё сжимало упущенную Удаловым блесну.

– Саша, – произнёс Удалов. – Отними у него блесну.

– Почему я?

– А он, может быть, ядовитый.

– Для тебя ядовитый, а для меня безвредный?

– Зацепи чем-нибудь. Не бросать же блесну.

Из-за елей на берегу показался край солнца, запели птицы, засеребрилось ведро. Осьминог в ведре шевельнул щупальцами, приходил в себя.

– Отлично, – обрадовался Грубин. – Я очень опасался, что он сдох.

– А тебе какая разница, – сказал Удалов с раздражением.

Блесна всё ещё оставалась в ведре, и рыбалка была под угрозой. Не скажешь ведь жене Ксении, что вместо обещанных лещей придётся довольствоваться половиной осьминога, возможно, несъедобного и

ядовитого. Нет, и половины Грубин не отдаст – захочет исследовать и, может, даже разводить в аквариуме.

– Дай мне блесну, будь другом, – попросил Удалов. – Может, чего ещё поймаем. Жалко же возвращаться.

– Дураком помрёшь. Немедленно назад!

– Да что с твоим осьминогом случится?

– Может подохнуть.

– Ну и пускай, в спирту его содержать будешь.

Но Грубин уже схватил вёсла и принялся грести к берегу.

– Ты как хочешь, – сказал он Удалову со всей решительностью, – но я спешу в город.

Я пришёл в себя. Медленно покачивался металлический цилиндр, в котором я был заточён. Цилиндр был открыт сверху, но атмосфера кончалась у верхнего края цилиндра – любая моя попытка вырваться привела бы к гибели. Внутренние стенки цилиндра были гладкими и холодными.

Я попался глупо. Простить себе не мог доверчивости.

Раса, населяющая планету, оказалась коварной и жестокой. Да, в разуме им отказать было нельзя – они строили воздушные корабли и умели обрабатывать металлы. Но, видно, идеи межпланетного братства, даже идеи простого внутрипланетного братства ещё не нашли дороги к их сердцам. Я осторожно постучал концом пальца в стенку цилиндра. Звук был слаб, и они могли не услышать его. Я нащупал бластер. По крайней мере, я дорого отдам свою жизнь.

Круглая голова одного из моих тюремщиков показалась над краем цилиндра. Он был огромен. Только его голова превышала по размерам всё моё тело, не считая конечностей. Глаза редко мигали и по краям поросли щёткой шерсти. Пасть его была окружена полосой красной кожи, и там, внутри, виднелись желтоватые плоские зубы. Даже в тот ужасный момент во мне не умер исследователь. Я сделал поразительное открытие: оказалось, что это существо находится в безвоздушном пространстве, и я готов был поклясться, что оно без скафандра. Но ведь известно, что ни одно существо, развитое более чем бактерия, не может обитать вне атмосферы.

Чудовище присматривалось ко мне, и я приподнял две руки и развёл ими в общеизвестном жесте мира и доброты.

– Угрожает, – сообщил Удалов. – Щупальцами шевелит. Если бы не блесна, стал бы я с ним связываться!

Пасть чудовища угрожающе распахнулась, и внутри зашевелился какой-то красный орган. Я подумал, что они могли бы вытащить меня наружу, но пожалели, поместили в цилиндр с воздухом. А может быть, они просто хотят продлить мои муки?

Над краем цилиндра появилась конечность, завершённая пятью уродливыми малоподвижными отростками. Отростки погрузились в атмосферу, приближались ко мне. Он хотел меня задушить! А я-то, наивный, принёс им металлический предмет, хотел порадовать. Я выхватил мой маленький бластер. Наступил критический и, может быть, последний момент в моей жизни. Мелькнули перед мысленным взором картинки далёкого детства, минуты первой любви, угар научной работы, долгие дни в космосе. Лапа приближалась, и когти уже касались моего беззащитного тела. Я выхватил бластер и всадил заряд в лапу. Взбурлила атмосфера в цилиндре...

– Гад ползучий! – закричал Удалов. – Придушить его мало! Ой-ой, как током дёрнул, тварь ядовитая.

– Я тебя предупредил, – сказал Грубин, не переставая грести к близкому берегу. – Животное только защищалось. Как защищаются муравьи, когда такой дурак, как ты, наступает на муравейник.

– Ты ещё скажешь, что комары тоже защищаются.

– Про комаров не скажу, они питаются человеческой кровью.

– Этот, может, тоже человеческой кровью питается.

– Не исключено.

Лодка ткнулась в песок, вода выплеснулась из ведра, и осьминог засуетился в ведре.

– Не исключено, – повторил Грубин, выпрыгивая и подтаскивая лодку повыше, к кустам. – Но можем ли мы винить животное в том, что предписано ему природой? Нет, не можем. Давай сюда ведро, только осторожно, не повреди.

– Умный нашёлся, – ответил Удалов, собирая удочки. – Я, может, вообще тут останусь, порыбачу ещё.

– Боишься?

– Ещё бы. Ведро железное. А железо для электричества лучший проводник, ещё в школе учили.

– Обмотай ручку чем-нибудь.

Но Удалов уже не слушал, он быстро удалялся по берегу, отмахиваясь свободной рукой от долетающих слов Грубина. И только отойдя на солидное расстояние, обернулся и крикнул:

– Будешь эту гадину выбрасывать, блесну подбери. Таких у нас в магазине нету. Из Вологды специально привозил.

Грубин дотронулся пальцем до ведра. Ведро током не било. Удалову могло это показаться со страху.

– Пожалеешь, Корнелий! – крикнул Грубин другу, взвалил на спину рюкзак, взял в одну руку удочки, в другую ведро и пошёл не спеша через лес к остановке автобуса, на шоссе, стараясь не плескать водой и не беспокоить животное.

Это путешествие будет преследовать меня в кошмарах, если мне ещё суждены кошмары. Цилиндр покачивался, воздух завихрялся в турбулентных потоках, перехватывало дыхание, и приходилось цепляться за гладкие скользкие стены цилиндра, чтобы меня не перевернуло. Мутило. Я готов был просить пощады – но у кого, как?

Положение моё ухудшалось. Ещё недавно мне казалось, что нельзя попасть в худшее положение, нежели то, в котором я нахожусь. Но теперь стало хуже. И в первую очередь потому, что мне не найти пути обратно, к космическому кораблю, ибо мой тюремщик нёс цилиндр над безжизненным высокогорным плато, с каждым шагом отдаляясь от котловины. Я включил вживлённый в меня компас-спидометр, и прибор автоматически вычислял маршрут, по которому мы двигались. Я сделал это механически, я не верил, что информация мне когда-нибудь пригодится.

Вокруг посветлело. Тёмные твёрдые образования, прикрывавшие от меня небо, исчезли. Прекратилась и тряска. Мы ждали чего-то. Удивительны размеры этих существ – очевидно, жизнь в разрежённой атмосфере, почти в безвоздушном пространстве, позволяет им достигать столь фантастических размеров. Ах, если бы мне когда-нибудь вернуться домой – какой бы сенсацией оказалось моё сообщение о жестокой разумной расе, обитающей на границе космоса!

Непонятный грохот достиг моих ушей сквозь слой воздуха. Дно цилиндра задрожало. Тюремщик подхватил цилиндр, и мы поднялись в какое-то помещение или экипаж. Тряска, ещё более ужасная, чем раньше, возобновилась.

– Что везёшь? – спросил знакомый с маслозавода. – Неужели столько наловил? Дай посмотреть.

Грубин сел на свободное сиденье, поставил ведро на колени, чтобы меньше тряслось.

– Загляни.

Автобус быстро мчался по шоссе, убегали назад сосны, но Грубину казалось, что движется он недостаточно быстро. Осьминог мог подохнуть.

– Не разберу, – признался знакомый. – Что у тебя, Саша? Головастиков, что ли, наловил?

– Нет. Осьминог.

– Чего?

– Осьминога поймал.

– Ага, – сказал знакомый. – Редкое животное.

И больше интереса к осьминогу не проявлял, чем Грубина немного обидел.

– Ты раньше-то осьминогов видел? – спросил Грубин. Автобус резко затормозил на остановке. Вода плеснула из ведра, осьминог замельтешил в ведре, словно возражал.

– На картинках. А ловить не приходилось.

– И не придётся, – резко ответил Грубин.

– Почему не придётся? – сказал знакомый, разворачивая газету. – Сегодня ты поймал, завтра мне повезёт. Хотя я рыбалкой не очень интересуюсь.

«С ума сойти, – подумал Грубин. – Я поймал осьминога, а он не удивляется. Как будто осьминогов у нас пруд пруди».

– Детям везёшь? – обернулся сосед с переднего сиденья. – Детям интересно. Я недавно своим скворца принёс. Крыло ему подвязали, и живёт. Забавная птичка.

– Скворца, – произнёс Грубин с презрением. – А я осьминога поймал.

– Где? – спросил сосед спереди.

– В озере нашем, в Копенгагене.

– Не слыхал, чтобы там осьминоги водились.

– Никто не слыхал, – сказал Грубин.

– А я видел осьминога, – сообщил юноша, стоявший сбоку. – Даже ел. В рыбном магазине были. Мороженые. Кальмары.

– Из них консервы делают, – согласился сосед спереди.

«С ума сойти, серость какая! – возмущался мысленно Грубин. – Если бы я вёз тигрёнка, сказал бы, что поймал в лесу, неужели они тоже бы не удивились?»

Осьминог свивал и развивал щупальца. Тряска ему не нравилась.

– А я бы никогда детям осьминога не привезла, – сказала бабка с мешком. Она сидела сзади и прислушивалась к разговору. – Страсть-то какая! Может, он ядовитый.

– Нет, – ответил Грубин. – Только электричеством бьёт.

– Кто ядовитый? – спросили с дальнего конца автобуса.

– Да змею ядовитую один тип везёт, – откликнулись спереди.

– Не змею, а осьминога, – громко поправил Грубин. – Редчайшее животное.

– Да он всех перекусает! Водитель, остановите машину! – крикнули сзади.

– Он у меня в ведре, – успокоил Грубин. – Не опасайтесь.

– Гадюку везут, – пронёсся слух по автобусу.

Люди отступали от Грубина. Водитель обернулся, притормозил.

– Какое хулиганство в автобусе? – спросил он.

– Высадите его, – сказала старушка, которая никогда бы не принесла детям осьминога. – Он тут всех перекусает.

– Гражданин, правила не нарушайте, – произнёс водитель, прижимая машину к обочине. – Взрывчатые вещества и так далее перевозить запрещено.

– Это же ценное безобидное животное, – возмутился Грубин. – Музейная редкость, никому зла не сделает. Некоторые товарищи здесь присутствуют, которые его даже ели в мороженом виде, правда же?

Но юноша, который ел мороженых кальмаров, отрёкся от своих слов:

– Я не таких ел. Таких у нас не продают.

– Каждая минута промедления, – кричал Грубин, – может стоить жизни единственному в нашей области пресноводному осьминогу! Кто может взять на себя такую ответственность?

– Я возьму, – сказал водитель. – У меня пассажиры.

И Грубина высадили из автобуса на самой окраине Великого Гусляра.

Ужасно сознавать, что вокруг тебя имеют место какие-то драматические события, но не понимать, в чём же дело. Обитатели планеты шумели, тряска то кончалась, то возобновлялась, мой тюремщик издавал громкие звуки. Вернее всего, происходил жаркий спор между членами экспедиции, посланной на моё пленение: откуда я родом, какую планету представляю. А может быть, они опасались, что мы уже вторглись на их планету, или полагают меня разведчиком, подготавливающим вторжение. А у меня нет никаких средств рассказать о широко известном миролюбии моих соотечественников.

Мой тюремщик покинул грохочущую машину и понёс цилиндр со мной дальше. Солнце дробилось зайчиками на поверхности атмосферы. Меня мутило. Воздух стал затхлым, и скоро, если они не найдут способа освежить его, я умру от удушья. Смерть подстерегала меня на этой планете на каждом шагу.

Солнце пекло, от каждого шага поднималось облачко пыли и тащилось за Грубиным. Вода в ведре помутнела, и от неё тянуло неприятным запахом. Грубин поставил ведро на землю и пригляделся к животному. Тот вроде бы ещё шевелился. К счастью, по пути встретился колодец. Вода в нём была холодная, и Грубин доливал её в ведро понемножку, чтобы не простудить осьминога, потому что в массе своей осьминоги – дети тропических морей.

Обливаясь потом, задыхаясь от жары, Грубин втащился во двор дома номер шестнадцать. Двор был пуст, даже доминошники, занимающие по субботам с утра места вокруг стола под сиренью, где-то скрывались от жары. Грубин, не заходя домой, поднялся на второй этаж, к старику Ложкину, известному в Гусляре натуралисту и любителю птиц.

Ложкин был дома.

– С чем пожаловал? – спросил он строго, потому что считал Грубина дилетантом и легкомысленным человеком.

– Здравствуйте, – сказал Грубин. – У вас запасного аквариума не найдётся?

– Это зачем же?

– Вот, – произнёс Грубин скромно, – поймал одну штуку, не знаю, представляет ли интерес.

Грубин хитрил. Ему важно было узнать, что скажет Ложкин. Может, и в самом деле существует озёрная порода осьминогов.

Ложкин не спеша достал с комода футляр, вынул очки, велел поднести ведро к свету и начал изучать его содержимое. Изучал долго. Молчал. Грубин извёлся от нетерпения, но не вмешивался.

Наконец Ложкин вздохнул, развёл жилистыми руками, поскрёб на груди тенниску, почесал лысину и сказал:

– Как минимум новый вид.

– Как?

– Новый вид осьминога, – пояснил Ложкин, не отрывая глаз от пленника. – Или генетический уродец, мутант. Ног у него десять. Вот так. Можешь оставить его здесь, у меня, на досуге почитаю Брема и дам исчерпывающую консультацию.

– Нет, пусть лучше у меня поживёт. – Грубин не ошибся. Животное оказалось редким. – А вообще-то, они у нас водятся?

– Бывают. В зоомагазине брал?

– Сам поймал.

– Любопытно. Оставь его здесь. Я в Москву напишу. У тебя его кот съест.

– Кот не съест, осьминог электричеством бьёт. Удалова ударил.

– Корнелия даже соловей может током ударить. Это не аргумент. Но если настаиваешь, аквариум тебе дам. На время. И письмо в Москву сам напишу. Тебя там не знают, а меня многие знают. Я многим уже написал.

Если бы я вёл дневник, то написал бы в нём: «Моё положение улучшается. Если бы не голод, который начал меня мучить, как только прошёл первый шок, я бы сказал, что наконец-то я попал в руки к учёным, возможно, к специалистам по контактам с инопланетными цивилизациями. Может, даже в специальную комиссию по контактам.

Из тёмного цилиндра меня перевели в квадратный прозрачный куб, наполненный свежим воздухом. По трубке воздух стекает внутрь, так что я могу не беспокоиться о дыхании».

Но я не писал дневника. Я осматривался. Странные предметы и приборы заполняли огромное помещение, окружающее мою тюрьму. Внизу непрерывно бродило некое животное, превышающее меня размерами, покрытое шерстью. Животное открывало пасть и облизывалось красным языком.

Животное смотрело на мою тюрьму с вожделением. Напрашивалось два вывода: раньше моя тюрьма была его жилищем, из которого животное было выселено и потому желало вернуться обратно, или, что менее приятно, животное было сторожевым и поставлено было следить за мной. Оно могло быть и разумным.

Изучением меня, попытками контакта занялись две местные особи. Один из аборигенов нёс меня в цилиндре. Второй, видно, крупный специалист, присоединился к нему только здесь, в научном центре. Их пасти раздвигались и сдвигались – таков, видно, их способ обмена информацией. Теперь передо мной стояла задача – доказать им, что я превосхожу их интеллектом, и не ущемить их достоинства при этом. Хотелось есть.

– Чем осьминоги питаются? – спросил Грубин Ложкина, принёсшего сверху том Брема. – А то заморим его голодом.

– «Наиболее широко распространён обыкновенный спрут, – читал Ложкин, – октопус вульгарис, тело его обычной окраски, которая, однако, в состоянии возбуждения животного переходит в коричневую, красную или жёлтую, причём вся кожа на спинной стороне покрыта неравномерными бородавчатыми пупырышками».

– Но хищник он или травоядный?

– Хищник, – сказал Ложкин. – Возьми палку, приведи его в состояние возбуждения, посмотрим на пупырышки.

Пока Грубин искал палку, Ложкин убедился в том, что осьминоги – хищники, и узнал, как они размножаются. Но о размножении говорить было рано, пока не поймали осьминогу подругу.

– Я его сильно тыкать не буду, – сказал Грубин, подходя с палкой.

– Ты и не тычь сильно. Нам только посмотреть, будет ли он цвет менять.

– Только он уже не серый.
– Не важно.
Грубин сунул палку в аквариум и потрогал ею осьминога.

После длительного совещания и изучения каких-то фолиантов они принесли шест и ввели его в атмосферу. Первая попытка контакта. Я даже покраснел от приятной неожиданности. Моя застенчивость, вошедшая в поговорку среди моих коллег, и теперь сыграла надо мной шутку. Я взялся за конец шеста и три раза дёрнул за него. Шест был немедленно убран. Поняли или не поняли?

– Изменил цвет на красный, – подтвердил Ложкин. – Всё сходится. Наверно, не новый вид, а просто урод. Как телёнок с двумя головами.
Грубин сходил на кухню, вернулся с куском мяса. Кот бежал за ним, подпрыгивая, полагая, что мясо предназначается ему, верному другу.
Мясо полетело в аквариум.
– Вымыл мясо? – спросил Ложкин.
– Под холодной водой.

Кусок отвратительной плоти, сочащейся кровью, упал на меня сверху. Что это? Провокация? Или попытка меня накормить? А есть хочется. Но не есть же мясо мне, убеждённому вегетарианцу. Я взял кусок мяса и выбросил его из моей тюрьмы.

– Кривляется, – определил Ложкин. – Значит, не голодный. В Бреме ясно сказано – хищник. Ракушки любит, рыб и так далее.
– Да, мяса он не желает. Прямо даже выкинул его из аквариума.
Кот подобрал кусок мяса и рвал его, обкусывая, на полу. Осьминог уставился на него своими бессмысленными глазами.
– За рыбой придётся тебе сбегать, – сказал Ложкин Грубину.
– Сбегаем. Только сначала ещё какие-нибудь опыты произведём.

Я отстукивал последовательные числа по поверхности моего дома. Они не реагировали на это. Тогда я стал показывать им мои конечности по очереди. Сначала одну. Потом две, потом три, потом четыре сразу. Это тоже не произвело впечатления. Я подобрал камешек с пола

и начал выстукивать им по стенке. Наконец, надеясь на то, что начала геометрии должны быть понятны любому разумному существу, я попытался нацарапать на твёрдой прозрачной стенке равнобедренный треугольник.

– Суетится, – сказал Ложкин. – Несладко ему в неволе. Как и любому существу.

– Смотри-ка, ему камешек в щупальце попал. Как бы он не повредил себе чего-нибудь.

– Не повредит. Все-таки я полагаю, что живьём его довезти будет трудно. Тем более что он от пищи отказывается. Придётся усыпить.

– Жалко, – повторил свой единственный аргумент Грубин. – Всё-таки живое существо.

– Живое, но безмозглое, – произнёс категорически Ложкин. – Очень низко организованное, в первом томе Брема помещён. Там, где простейшие. Даже беспозвоночные.

– Саша, ты здесь? – спросил Удалов, заходя в комнату. – А я не один. Я с Мишей Стендалем, из газеты.

– Говорят, вы осьминога поймали в нашем озере. Так ли это? – спросил Миша. – Живого?

– Живого, – ответил Грубин. – А ты, Корнелий, что же на рыбалке не остался?

– Плохая рыбалка. Поздно уже. Не клюёт. Твой осьминог всех рыб, наверно, пожрал в нашем озере. Если такие разведутся – прощай рыбная ловля. Не сдох он ещё у тебя?

– Нет, – ответил Ложкин. – Мы его изучаем.

– Очаровательное существо, – сказал Миша Стендаль, поправляя очки и становясь очень похожим на молодого Грибоедова. – Сколько у него щупалец! Это же сенсация. Первый в области осьминог! Пустим в разделе «Субботняя смесь». Кто поймал?

– Вместе поймали, – ответил Удалов.

– Значит, так и запишем: «Рыболовы-любители нашего города...»

Стендаль записывал, Удалов объяснял, а Грубин вернулся к аквариуму. Осьминог, видно проголодавшись, суетился, складывал и разводил щупальца, поднимал округлую голову и поводил круглыми бессмысленными глазами.

Весь арсенал моих средств убеждения был исчерпан. Они не понимали. Почему-то мне никогда не приходило раньше в голову, что контакт может оказаться столь сложным процессом. Вот я, разумное существо, известный учёный, нахожусь перед глазами представителей другой разумной расы. Да, среда обитания у нас разная, да, мы отличаемся размерами, да, облик наш различен. Но почему же я понимаю, что они разумны, и стараюсь войти с ними в контакт? Они же упорствуют, не реагируют на мои знаки, кидают в меня кусками мяса, морят голодом.

Заглянула жена Удалова Ксения, подивилась на уродца в банке и сказала:

– Я такого видала. В книге «Дары моря». Там показано, как их готовить.

Стендаль убежал в редакцию. Грубин собрался в магазин за рыбой, подкормить пленника. Ксения Удалова, движимая злорадством, поднесла картинку из «Даров моря» к аквариуму и сказала:

– Видал, как вашего брата? А?

– Убери, – велел Удалов.

Мне удалось выцарапать на стенке равнобедренный треугольник. Они должны были его заметить. Я указал на треугольник конечностью. В ответ один из присутствующих открыл громадную книгу и показал мне картинку в ней. На картинке было изображено существо, схожее со мной анатомически. Над этим существом был занесён нож.

Мне всё стало ясно.

Я оказался не первым космическим путешественником, потерпевшим аварию над безжизненными плоскогорьями. Да и чего ещё можно ожидать от существ, живущих в столь не приспособленных для жизни условиях, в безвоздушной среде. Нет, я не мог их укорять.

– Ладно, Корнюша, – сказала Ксения. – Бери книгу, пойдём завтракать. Обойдёмся без осьминога.

Ложкин остался один. Он читал Брема, зачитался, перешёл к медузам и другим обитателям моря. Грубин как убежал за рыбой, так и не возвращался. Ложкин задремал.

Одно из этих чудовищ осталось меня сторожить. Остальные разошлись. Видно, готовились к пиру. Но я не мог без сопротивления сдаться на милость победителя. Нет, тем более что милости ждать не приходилось.

Неужели, если провалилась попытка контактов, я не найду выхода? Это позорно для разумного существа. Бороться до последнего вздоха, до последнего заряда в бластере! Именно так.

Я задумался. Последний заряд в бластере я приберегу для себя. Их убить я не могу – выстрел мой в одного из них лишь причинил ему боль. И всё. Но бластер может мне пригодиться. Причём надо спешить.

Я ощупал стенки и пол. Стенки были сделаны из хрупкого материала. Другое дело пол. Пол был металлическим, и металл был мягким. Это внушало некоторые надежды.

Я включил бластер на полную мощность и направил его в пол. Воздух вскипел, обжигая меня. В полу образовалось отверстие. Я не обращал внимания на боль от ожога, заткнул отверстие одной из моих десяти конечностей. Потом бросил взгляд на сторожа. Он спал. Очень хорошо. Я пробуравил ещё одно отверстие в полу. И также заткнул его конечностью. Я успел пробуравить шесть отверстий – этого было достаточно. Но тут в помещение вошёл мой главный тюремщик. Он нёс нечто завёрнутое в белый материал. Он положил нечто рядом с моим домом, развернул его с шуршанием. Там обнаружилась часть существа, подобного тому, что напало на меня столь недавно в злосчастной котловине. Тюремщик отодрал кусок и бросил ко мне.

– Не жрёт, ну что ты будешь делать! – огорчился Грубин.

Ложкин проснулся, сказал, что пойдёт писать письмо в Академию наук, потом вернётся.

– А мне надо сходить на работу, – сообщил Грубин. – Постараюсь вернуться поскорее. Может, у реки ракушку найду.

– Бесполезно, – сказал Ложкин. – Мы отвезём его в спирте.

Я еле дождался того момента, когда все, кроме покрытого шерстью существа с острыми зубами, сожравшего мясо, ушли. Существо вроде бы не обращало на меня внимания. Я просунул в отверстия шесть

конечностей. Четырьмя оставшимися я придерживал верхние края открытого сверху прозрачного дома. Я был готов к нелёгкому и, всего вернее, трагическому пути.

Конечности коснулись возвышения, на котором стояла моя тюрьма. Я поднатужился, просунул их подальше, приподнял себя вместе с тюрьмой и вновь обрёл подвижность. Превратив свою тюрьму в своеобразный неуклюжий скафандр, я подошёл к краю возвышения. Далеко внизу находился пол комнаты. Придётся прыгать – другого выхода нет.

Покрытое шерстью существо с острыми зубами приподнялось, заметив мои движения, и выгнуло спину. Я переложил бластер в одно из свободных щупалец. С ним я постараюсь справиться.

Самый решительный момент! Я оттолкнулся шестью конечностями и прыгнул вниз, стараясь не нарушать равновесия. Конечности мои вошли в соприкосновение с твёрдым полом помещения. Меня пронзила жуткая боль. С трудом я удержался на ногах. Но, стиснув зубы, я поборол дурноту и поспешил к выходу.

Применять бластер не пришлось. Увидев, как я вместе с прозрачным домом спрыгнул с возвышения и направился в его сторону, страж, покрытый шерстью и вооружённый острыми зубами, поднял кверху пушистый хвост и в панике, издавая громкие звуки, бросился вон из помещения. Я внутренне ухмыльнулся. Жестокие твари всегда самые трусливые.

Весь мой расчёт был на неожиданность и на мою хорошую память. Направление к котловине, к моему кораблю было известно. Только успеть, пока не кончится воздух. Только успеть!

Я прошёл по длинному коридору и по ступеням, превышавшим меня ростом, спустился на равнину, окружённую со всех сторон жилищами чудовищ. В одном месте в жилищах был разрыв – туда и направил я свои шаги.

Но не прошёл я и половины пути через пыльную равнину, как громкий крик донёсся до меня. Я обернулся. В одном из окон появилась голова того существа, которое показывало мне жестокую картинку в книге. Существо кричало, показывая на меня. Задыхаясь от напряжения, на подгибающихся от неимоверной тяжести конечностях я припустился дальше.

– Ой, батюшки мои светы! – закричала Ксения не своим голосом. – Что же это творится!

– Чего там? – спросил Корнелий, не отрываясь от супа, потому что привык к тому, что жена его всегда преувеличивала важность и трагичность событий.

– Ой! – голосила Ксения. – Оно бежит на шести ногах! Спасайтесь, кто может!

Этого Удалов уже вынести не смог. Он подошёл к окну, выглянул наружу, и глазам его предстало невероятное зрелище. По двору, направляясь к воротам, бежал аквариум.

Из-под аквариума высовывались щупальца осьминога, остальными он придерживал края, чтобы не расплескать воду. Бежал осьминог со скоростью трёхлетнего ребёнка, и глаза его угрожающе поблёскивали сквозь толщу воды.

Удалов укусил ложку, которую держал во рту, и чуть не сломал зуб.

Из соседнего окна высунулся Ложкин, а из других окон прочие обитатели дома, и те, кто знал об осьминоге, и те, кто о нём и слыхом не слыхивал. Поднялся невероятный шум, переживания, некоторые испугались, а некоторые не поняли и стали аквариум приободрять и подстёгивать: «Давай, жми!»

В воротах аквариум чуть не столкнулся со Стендалем, который забыл записать данные о жизни осьминогов в естественных условиях и возвращался к Ложкину, чтобы поглядеть в Брема.

Миша Стендаль при виде бегущего аквариума подлетел кверху, схватился за перекладину ворот и повис, поджав ноги, хотя был не очень трусливым человеком. Аквариум задержался на мгновение под Стендалем, одно из щупалец поднялось над стенками, и оттуда вылетела маленькая молния, вонзившаяся в Стендаля сзади.

Аквариум выбежал из ворот и бросился вдоль по улице. Опомнившееся население дома № 16 выскакивало из окон и дверей и мчалось вслед. Прохожие на улице останавливались, жались к домам, ахали или смеялись, полагая, что это не осьминог, а детская проделка, шалость.

Аквариум чуть было не угодил под автобус, но автобус успел затормозить. Потом на пути его встал постовой милиционер Семёнов, и аквариум попытался его обойти. Но не тут-то было. Семёнов стоял как скала. Тогда аквариум, вернее, осьминог выстрелил в него мол-

нией. Семёнов выдержал и это нападение. Со всех сторон сбегалась толпа.

Я понял, что погиб, тогда, когда на пути моём встал один из них, облачённый в серую одежду с блестящими пуговицами.

Я метнулся в сторону, разрядил в него бластер. Пути вперёд не было. Всё кончено. И самое ужасное, что бластер полностью разряжен. И я не могу пустить себе заряд в голову.

Массы чудовищ сбегались со всех сторон. Для них это оказалось развлечением. Для меня – трагедией.

Тогда я вытащил конечности из отверстий в полу домика, и воздух с журчанием потёк наружу, пыль вокруг меня темнела. Живым я им в руки решил не даваться.

Грубин подоспел к сбежавшему осьминогу, когда в аквариуме уже почти не осталось воды. Люди смотрели на это растерянно и не понимали, что осьминог собирается кончить жизнь самоубийством.

– Воды! – закричал Грубин. – Немедленно воды! Он погибнет без воды!

– Воды, – сказал постовой Семёнов.

Осьминог безжизненной кучкой слизи лежал на мокром дырявом полу аквариума.

Кто принёс кастрюлю, кто ведро, кто просто чашку или стакан. Грубин выбрал ведро почище, осторожно положил туда осьминога, потом взял в другую руку аквариум.

В этом виде его и сфотографировал Миша Стендаль. И этот снимок обошёл потом многие газеты мира.

Я пишу эти строки специально сконструированной для меня ручкой на белых пластиковых листах. Пишу крупно, чтобы академик Полосов, милейший старик, мог разобрать мои записки без микроскопа.

Сейчас, когда кончится моя содержательная беседа с Полосовым и Машенькой, нашей секретаршей, придёт Ксения Удалова, принесёт мне вишен. Чудесные вишни растут в городе Великий Гусляр, даже не представляю себе, как я обойдусь без вишен в Москве. Но Саша Грубин, мой старый друг и спаситель, поклялся, что возьмёт с собой в Москву килограмма два. И я ему верю, он тоже милейший человек. Не так образован, как академик Полосов, но ведь Грубин не имеет высшего образования. Но что-что, а докторскую степень я помогу ему получить. Хотя бы за открытие меня.

ДОМАШНИЙ ПЛЕННИК

Предисловие

Я сейчас стараюсь сообразить – и сообразить не могу, когда, в каком рассказе впервые возник профессор Лев Христофорович Минц и в каком году он поселился в доме № 16. Вернее всего, это случилось в рассказе «Домашний пленник».

Сомнения возникают оттого, что между написанием рассказа и публикацией порой проходит много времени. «Домашний пленник» был написан в 1972 году, а напечатан шестью годами позже. Так что первым напечатанным рассказом, в котором появился Лев Христофорович, я бы назвал «Две капли на стакан вина», написанный позже «Домашнего пленника», но увидевший свет в 1974 году.

Я отлично помню побудительную причину, заставившую меня познакомить читателей с этим персонажем. Ко мне пришел журналист и географ Лев Миронович Минц и на правах старого друга потребовал, чтобы его образ был отражен в беллетристике.

Я начал кричать, что никогда не играю в мещанские игры: «Ах, вставьте меня в вашу повестушку!» На что Лев Миронович сообщил мне, что у него отлично развито чувство юмора и он может вытерпеть даже насмешки над персонажем, навеянным образом прототипа.

Ну ладно, сказал я, пусть будет по-твоему. Я отойду от своих принципов, но тебе не поздоровится! Лев Минц будет самым глупым профессором на свете, самым великим путаником и демагогом, бездарью из бездарей, полагающей себя гением.

Так я и сделал. Тем более, что в гуслярских историях давно уже ощущалась нехватка научного персонажа, этакого антипрофессора, антигения...

Вот и наступил день, когда в освободившуюся квартиру в доме № 16 въехал ради спокойной жизни и поправки потрепанных гениальной деятельностью нервов профессор Лев Христофорович Минц, склонный к полноте и совершенно облысевший биолог, кибернетик, генетик и физик, не говоря уж о химии и математике.

И тут же обнаружилось, что профессор Минц вовсе не дурак. Чудак – да, но дурак? – ни в коем случае! Профессору Минцу свойственны заблуждения, ошибки, он – увлекающаяся натура, подчас не лишен излишнего самомнения. Но очень скоро обнаружилось, что в нем есть очень нужное для Великого Гусляра качество – отзывчивость и, скажем, простодушие.

Выяснилось, что профессор Минц не умеет отказать в просьбе, а так как соседи быстро уловили эту его слабость, то стали возникать порой курьезные, а порой опасные для человечества ситуации, потому что, движимый лучшими чувствами, профессор иногда мог не подумать о последствиях своего очередного гениального открытия.

Так что никакой мести реально существующему Минцу не получилось. Лев Миронович не без удовольствия откликается теперь на обращение «Лев Христофорович», а в свободное от работы время он уже открыл невесомость и вечный двигатель. Но это, разумеется, без моей помощи.

Глава первая

Известный учёный и изобретатель профессор Лев Христофорович Минц жил в доме № 16 по Пушкинской улице. Был он человеком отзывчивым и добрым, считал своим долгом помогать человечеству. В первую очередь этой слабостью профессора пользовались его соседи. Они были людьми ординарными, не любили заглядывать в будущее и зачастую разменивали талант профессора по мелочам. Тому можно привести немало примеров.

У Гавриловой пропала кошка. Гаврилова вся в слезах бросилась к профессору. Лев Христофорович отвлёкся от изобретения невидимости и изготовил к вечеру единственный в мире «искатель кошек», который мог найти животное по волоску. Кошка нашлась в парке культуры и отдыха на высоком дереве, и снять её оттуда или сманить оказалось невозможным. Тогда Лев Христофорович тут же, в парке, соорудил из сучьев, палок и сачка пробегавшего мимо мальчика-энтомолога уникальный «сниматель кошек с деревьев». А мальчику, чтобы его утешить, изготовил из спичечных коробков и перегоревшей электрической лампочки «безотказную ловушку для редких бабочек». И так почти каждый день.

Особенно оценили соседи своего профессора, когда он выполнил просьбу старика Ложкина, у которого сломалась вставная челюсть. Он велел Ложкину выкинуть челюсть на помойку и смазать дёсны специально изобретённым средством для ращения зубов, приготовленным из экстракта хвоста крокодила. Через два дня у старика выросли многочисленные заострённые зубы. Всё лучше, чем вставная челюсть.

Как-то Корнелий Удалов спросил свою жену:

– Ксюша, тебе не кажется, что я лысею?

Облысел Удалов давно, и все к тому привыкли.

– Ты с детства плешивый, – отрезала Ксения, отрываясь от приготовления завтрака.

– Может, сходить ко Льву Христофоровичу? – спросил Удалов.

– Тебе не поможет, – сказала Ксения.

– Почему же? Вон у Ложкина новые зубы выросли.

– Не тебе это нужно! – озлилась тут Ксения. – Это ей нужно!

– Кому?

– Той, которую твоя лысина не устраивает!

– Твоя ревность, – сказал Удалов, – переходит границы.

– Это шпионы переходят границы, – ответила Ксения, смахивая слезу. – А моя ревность дома сидит, проводит одинокие вечера.

Упрёки были напрасными, но Корнелий, чтобы не раздражать жену, тут же отказался от своей идеи. Ксения эту уступчивость приняла за признание вины и расстроилась того больше. А когда Удалов сказал, что завтра, в субботу, уедет на весь день на рыбалку, Ксения больно закусила губу и стала смотреть на большую фотографию в рамке, где были изображены рука об руку Корнелий и Ксения в день свадьбы.

Неудивительно, что, как только Удалов ушёл на службу, Ксения бросилась к профессору.

– Лев Христофорович! – взмолилась она. – Сил моих нету! Выручай!

– Чем могу быть полезен? – вежливо спросил профессор, отрываясь от написания научной статьи.

– Не могу больше, – сказала Ксения. – Даже если он и вправду на рыбалку едет, меня подозрения душат. Я чрезвычайно ревнивая. Прямо заперла бы его в комнате и никуда не пускала.

– А как же его работа? – удивился Лев Христофорович. – А как же его обязанности перед обществом?

– У него обязанности перед семьёй, – отрезала Ксения. – Кроме того, я бы его только на выходные запирала и по вечерам.

– Вряд ли это реально, – сказал Минц. – И не входит в мою компетенцию.

– Входит, – возразила Ксения. Она уселась на свободный стул, сложила руки на животе и сделала вид, что никогда отсюда не уйдёт. – Думай, на то ты и профессор, чтобы семью сохранять.

– Не представляю, – развёл руками Минц. – Мужчину средних лет трудно удержать дома.

– Тогда сделай ему временный паралич, – сказала Ксения.

– Бесчеловечно. – Минц краем глаза покосился на статью, лежащую на столе. Больше всего на свете ему хотелось вернуться к ней. Но отделаться от Ксении Удаловой, не утихомирив её, было невозможно.

Минц бросил взгляд на шкаф с пробирками и колбами, где хранились всевозможные химические и биологические препараты, но ничего не придумал. И вот тогда Ксения сказала:

– Мне иногда хочется, чтобы был мой Удалов маленький, носила бы я его в сумочке и никогда с ним не расставалась. Люблю я его, дурака.

– Маленьким... – Минц сделал шаг к шкафу.

Появился шанс вернуться к статье. Дело в том, что управление лесного хозяйства обратилось недавно к Минцу с просьбой помочь избавиться от расплодившихся волков. Минц, как всегда, пошёл по необычному пути. Он разработал средство уменьшать волков до размера кузнечика. Сохранять этим поголовье хищников и спасать скот от гибели, ведь волк-кузнечик на корову напасть не сможет. Правда, это изобретение затормозилось, потому что Минцу никак не удавалось сделать средство долгодействующим.

Минц достал с полки флакон с жёлтыми гранулами, отсыпал несколько гранул в бумажку и передал Ксении.

– Я надеюсь на ваше благоразумие, – сказал он. – Применяйте это средство лишь в крайнем случае. Когда вы почувствуете реальную угрозу семейной жизни. Если ваш супруг примет гранулу – на двадцать четыре часа он станет маленьким. А затем без вреда для здоровья вернётся в прежний облик. Всё ясно?

– Спасибо, профессор, – произнесла Ксения с чувством, принимая пакетик с гранулами. – От меня, от детей, от всех женщин нашей планеты. Теперь они у нас попрыгают!

Но Минц не слышал последних, необдуманных слов женщины. Он уже устремился к письменному столу. Профессор был одержим слепотой, свойственной некоторым гениям. Он забывал о потенциальной опасности, которую несут миру его открытия, если попадут в руки людей, не созревших к использованию этих открытий. Минц не знал, что даже те скромные подарки, что он сделал соседям, далеко не всегда ведут к окончательному благу. Ведь мальчик-энтомолог, которому Минц подарил «безотказную ловушку для редких бабочек», начал с её помощью таскать вишни из школьного сада и был больно бит собственным отцом, а кошка, найденная и снятая с дерева, утащила свиную отбивную с прилавка магазина, отчего возник большой скандал. Что же касается Ксении, она была типичным представителем племени современных любящих женщин и как таковая тоже не думала о последствиях...

Глава вторая

Удалов вернулся со службы раньше обычного, потому что хотел выспаться перед рыбалкой. Он собирал удочки и проверял лески, когда Ксения внесла в комнату суп, в котором развела гранулу, и сказала сладким голосом:

– Иди поешь, испытуемый.

Ксения находилась в счастливом, но тревожном настроении. Она верила Минцу, не сомневалась, что, если бы лекарство угрожало мужу плохим, Минц бы его не дал. И всё-таки проверила: за час до того скормила одну гранулку котёнку, тот сделался меньше таракана и куда-то запропастился.

Ксения приготовила старую сумку, уложила на её плоское дно вату и замшевую тряпочку, проверила замочек и установила сумку на комод.

– Кто я? – удивился Удалов.

– Испытуемый.

– Ага, – согласился Удалов, который привык не обращать внимания на слова жены. – Ты меня в пять тридцать разбудишь?

Ксения решила дать Удалову последнюю возможность исправиться.

– Корнюша, – сказала она. – Может, отложишь свою рыбалку? Возьмём детей, пойдём завтра к Антонине?

При имени тётки Антонины Удалова передёрнуло.

– Погоди, – не дала ему ответить Ксения. – Мы же у Антонины полгода не были. Обижается. А если не хочешь, к Семицветовым сходим, а?

Удалов только отрицательно покачал головой. Не стал тратить времени на возражения.

– Или в кино. А?

– Сходи, – ответил Удалов коротко, и это решило его судьбу.

Ксения поставила перед ним тарелку, а сама встала рядом с тряпкой в руке, чтобы подхватить мужа со стула, если будет падать.

Удалов был голоден, потому не мешкая уселся за стол, взял ложку и начал есть суп.

– А хлеб где? – спросил он. – Хлеб дать забыла.

– Сейчас, – ответила Ксения, но не двинулась с места, потому что боялась оставить мужа одного в комнате.

– Неси же, – велел Удалов и тут же стал уменьшаться. – Ой, – сказал он, не понимая ещё, куда делась тарелка с супом и почему голова его находится под столом.

Ксения подхватила его тряпкой под бока, извлекла из одежды и с радостью ощущала, как Корнелий съёживается под руками, словно воздушный шарик, из которого выпускают воздух. Корнелий, видно, опомнился, начал дёргаться, сопротивляться, но движения его были схожи с трепетанием птенца, и потому без особого труда Ксения, так и не вынимая его из тряпки, сунула в сумку и вывалила на белую вату.

Корнелий всё ещё ничего не мог сообразить. Он понял, что находится в тёмном глубоком погребе, на жёстких, упругих стеблях, вроде бы на выцветшей соломе, сверху колеблется огромное лицо, странным образом знакомое, словно в кошмаре, а на лице видна улыбка. Рот, в котором мог бы, согнувшись, разместиться весь Удалов, широко раскрылся, и из него вывалились тяжёлые, громовые слова:

– Хорошо тебе, моя лапушка?

И тогда Удалов понял, что лицо принадлежит его жене, вернее, не его жене, а какой-то великанше с чертами Ксении Удаловой. Удалов зажмурился, чтобы прогнать видение и вернуться за стол, к недоеденной тарелке супа. Но жёсткая солома под рукой никуда не пропадала, и Удалов ущипнул себя за бок, вызвав тем оглушительный хохот чудовища.

– Ни на какую рыбалку ты не поедешь, – сказала тогда Ксения. – Посидишь дома. С семьёй. Спасибо Льву Христофоровичу, что пожалел бедную женщину. Теперь-то я с тобой, бесстыдник, хоть на выходные дни не расстанусь.

И видя тут, что человечек в сумке засуетился, осознавая наконец масштаб беды, в которую угодил, Ксения заговорила ласковым голосом:

– Корнюша, для твоего же блага! Это всё любовь моя виновата. Век бы с тобой не расставалась, ласкала бы тебя, нежила.

К Удалову сверху свесился палец размером с него самого, и этот палец нежно погладил Удалова по макушке, чуть не содрав с неё последние волосики. Удалов изловчился и укусил кончик пальца.

– Ну что ты, лапушка, ну что ты волнуешься, – огорчилась Ксения. – Посидишь немножко, придёшь в себя. Поймёшь, что так полезнее. Потом телевизор посмотрим. Я тебя в канареечную клетку посажу. Всё равно пустует. Детишки не увидят. Детишек я на первый вечер к мамаше послала, потому что ты с непривычки можешь чего-нибудь лишнего натворить.

– Прекрати! – крикнул Удалов. – Немедленно прекрати. Ты что, с ума сошла со своим Львом Христофоровичем? Да я вас по судам загоняю! Мне на работу в понедельник.

Ксения только покачала сокрушённо головой, и её волос канатом упал рядом с Удаловым.

– Завтра к вечеру, – сказала Ксения, – будешь как прежде. Ты кушать хочешь?

Удалов рухнул на вату и уткнулся в её жёсткие толстые волокна лицом. Положение было обидное. Рыбалка погибла. Ксения полагала, что протест Корнелия вскоре иссякнет и тогда можно будет поговорить с ним по-хорошему и даже добиться его согласия проводить в канареечной клетке выходные дни. Тут же подумалось и об экономии: маленький Удалов съест что птичка. Нет. Ксения, как вам известно, женщина не жестокая. И она честно полагала, что, как только проучит мужа, как только добьётся от него обещания уделять больше внимания семье, согласия ходить в гости к Антонине и другим родственникам, она его сразу выпустит на волю. Ведь должен же Удалов понять, что иного выхода нету. Если будет упрямиться, всегда можно снова

подложить жёлтую крупинку. Не откажется же Удалов от домашней пищи – к другой он не приучен.

Но Удалов думал иначе. Он не смирится. Он собирался продолжать борьбу, потому что был глубоко оскорблён и кипел жаждой мести – от развода с женой до убийства изобретателя Минца.

Ксения закрыла сумку на молнию и на замочек. Удалов, нащупав в кромешной темноте толстый и длинный Ксюшин волос, принялся плести из него лестницу, чтобы выбраться на волю.

Ксения приготовила манной кашки и налила её в блюдечко для варенья. Туда же капнула мёда и отломила кусочек печенья. Пускай Корнюша побалуется, он так любит сладкое.

– Тебе хорошо, цыпочка? – спросила Ксения.

Маленький муж ей нравился даже больше, чем большой. Она с удовольствием носила бы его в ладонях, только боялась, что он будет царапаться.

Удалов лежал недвижно на дне сумки.

– Корнелий, – сказала Ксения, – не притворяйся.

Корнелий не шевельнулся.

– Корнелий. – Ксения потрогала мужа пальцем, и тот безжизненно и податливо перевернулся на спину.

Ксения попыталась было нащупать пульс, но поняла, что так недолго сломать мужу ручку.

Обливаясь нахлынувшими слезами, Ксения вытащила мужа из сумки и положила на диван. Сама же бросилась к Минцу. Того не было дома. Метнулась обратно в комнату, и Удалов, который к тому времени уже вскочил и бегал по дивану, ища место, чтобы спрыгнуть, еле успел улечься снова и принять безжизненную позу. Ксения не обратила внимания на то, что её муж лежит не там, где был оставлен. Она вслух проклинала Минца, который погубил её Корнелия, и собралась уже бежать в «неотложку», но спохватилась: «неотложка» приезжает за людьми, что ей делать с птенчиком?

Удалов сам себя погубил. Ему показалось, что жена отвернулась, и он легонько подпрыгнул и сделал короткую перебежку к диванной подушке. Ксения увидела его притворство и ужасно оскорбилась.

– Ах так! – сказала она. – Притворяешься? Пугаешь самого близкого тебе человека, любящую тебя жену? Просидишь до завтрашнего вечера в сумке. Одумаешься.

И она бросила его в сумку, брезгливо держа двумя пальцами, словно гусеницу.

Удалов немного ушибся и проклял своё нетерпение. И снова принялся плести лестницу из волоса Ксении.

Ксения отказалась от мысли кормить Удалова. Пускай помучается. Правда, поставила ему в сумку свой напёрсток и пояснила:

– Это тебе как ночной горшок. Понял?

– Я тебя ненавижу, – ответил Удалов с горечью.

И тут же его охватило бессильное озлобление, он начал бегать, проваливаясь по колено в вату, и махать кулачонками.

– Ах так, – сказала Ксения и села к телевизору, включив его на полную громкость, чтобы не слышать упрёков и оскорблений. А если до неё доносился голосок мужа, то она отвечала однообразно: – Для твоего блага. Для твоего перевоспитания.

Но спокойствия в душе Ксении не было. Она приобрела то, что не смогла приобрести ни одна женщина на свете, – карманного мужчину. Но торжество её было неполным. Во-первых, мужчина не желал быть карманным, во-вторых, ей не с кем было поделиться своим триумфом. И тогда Ксения решилась.

Она выключила телевизор на самом интересном месте, застегнула сумочку и собралась в гости к Антонине.

Глава третья

В пути Удалова укачало. Он перестал буянить и только заткнул уши, чтобы не слышать, как Ксения размышляет вслух об их будущей счастливой жизни.

Антонина не ожидала поздних гостей.

– Ксюша, – сказала она. – А я вас завтра звала.

Антонина отличалась удивительной бестактностью.

– Ничего, – ответила Ксения. – Мы ненадолго.

– А Корнелий придёт? – спросила Антонина. – Мой-то дрыхнет. На футбол ходил. Вот и дрыхнет. Только пирога не жди. Пирог я на завтра запланировала. Придётся кого-то ещё звать на завтра вместо тебя. Как здоровье, Ксения? Ноги не беспокоят?

Ноги болели не у Ксении, а у её двоюродной сестры Насти. Но Ксения спорить не стала, да и не было никакой возможности спорить, если ты пришла к тётке Антонине.

– Ты проходи, – пригласила Антонина, – чего стоишь в прихожей?

Ксения послушно прошла в комнату, тесно заставленную мебелью, потому что Антонина любила покупать новые вещи, но не могла заставить себя расстаться со старыми.

На тахте, зажатой между двумя буфетами – старым и новым, лежал Антонинин муж Геннадий, такой же сухой, жилистый и длинноносый, как Антонина, и, закрыв голову газетой, делал вид, что спит, надеялся, что его не тронут и уйдут в другую комнату.

– Вставай, – сказала строго Антонина. – Развлекай гостей. Я пойду чай поставлю. Нет хуже, чем гость не ко времени. А твой-то где?

– Со мной, – лукаво ответила Ксения.

– А, – согласилась Антонина, которая, как всегда, слушала плохо и была занята своими мыслями. – Никогда он ко мне не приходит. Брезгует. Ты вставай, Геннадий, вставай.

И Антонина ушла на кухню, оставив Ксению на попечение мужа, который так и не снял с лица газеты.

В другой раз Ксения, может быть, и обиделась бы, ушла. Но сейчас понимала, что явилась к людям, когда не звали, а потому сама виновата. Но желание удивить родственников подавило все остальные чувства, так что Ксения послушно уселась за стол, поставив сумку рядом с собой на скатерть.

Минут через пять, в течение которых в комнате царило молчание, нарушаемое лишь демонстративным посапыванием Геннадия, вернулась Антонина.

– Так и знала, – сказала она. – Ты, глупая, сидишь, словно клуша, а мой изображает из себя спящую красавицу. Ну, уж это слишком.

Антонина, быстро и споро накрывая на стол, выкроила секунду, чтобы потянуть мужа за ногу.

– А, племянница, – произнёс Геннадий, словно и в самом деле только проснулся. – А где Корнелий?

– Здесь он.

– Ага. – Геннадий в одних носках подошёл к столу и сел напротив Ксении. – Я тоже по гостям ходить не терплю. Всё это сплошные бабские разговоры. Нет, меня не затянешь. А Корнелия за его упрямство даже уважаю.

Корнелий пошевелился в сумке, отчего та вздрогнула, а Ксения подвинула её к себе.

– Шшшш! – велела она строго.

– Чего? – удивился дядя Геннадий.

– Не тебе, – сказала Ксения. – Это я Удалову.

Удалов больше не двигался. Он испугался, что его будут показывать, а это было унижение хуже смерти.

Тут Антонина принесла самовар. Сели пить чай.

– Ты сумку со стола убери, – сказала Антонина племяннице. – Не дело сумку на столе держать.

Ксения улыбнулась, но сумку убрала, поставила на пол, между туфлями, чтобы кто случайно не задел, потому что очень любила своего Корнелия.

От толчка Корнелий пискнул: «Ой!».

– Всё-таки, – сказала Ксения сладким голосом, чтобы заглушить крик мужа, а также навести разговор на нужную тему, – всё-таки, будь моя воля, я бы мужиков далеко не отпускала. Ну, отработал, пришёл домой, а дальше – никуда.

– Всю жизнь мучаюсь, – ответила Антонина в сердцах. – Всю жизнь.

– Это есть спесь и тщеславие, – рассудил дядя Геннадий. – Ты нам по маленькой не поставишь по случаю праздника?

– Молчи, – ответила Антонина. – В одиночестве пить – алкоголизм. Сам же читал в журнале «Здоровье».

– Если по маленькой – не алкоголизм, а удовольствие. Ведь и Ксения не откажется. Не откажешься, Ксюша?

Дядя Геннадий глядел на племянницу с надеждой.

– Не откажусь, – ответила Ксения. – И Корнелий не откажется.

Тут тётя Антонина не выдержала.

– Ксюша, ты здорова? – спросила она. – Если что, аспирину дам. Я же заметила, думаешь, глухая? Ты всё твердишь – со мной Корнелий, рядом Корнелий. А мы-то видим, что нет его. Ты говори всю правду. Может, ушёл совсем? Может, что случилось? Может, кого ещё нашёл?

– Ой нет, тётя Антонина. – Ксения так и лучилась удовольствием. – Только с мужем обращаться надо уметь. Вот ты всю жизнь прожила с дядей Геннадием, а он тебя избегает.

– Я бы от неё в Австралию убежал, к антиподам, – подтвердил Геннадий. – Может, ещё завербуюсь на Сахалин.

– Молчи, – ответила Антонина. – Всё равно выпить не дам.

Потом Антонина обернулась к племяннице и произнесла назидательно:

– Мужчину не удержишь. Мужчина – такое дикое животное, что требует свободы. Так что привыкай. К себе его не привяжешь и в сумку не положишь.

– Это точно, – сказал дядя Геннадий.

Наступил миг Ксениного торжества.

– Кто не положит, – проговорила она, – а кто и положит.

С этими словами она достала сумку из-под стола, поставила её рядом с чашкой и сказала, расстёгивая:

– Может, тётя, Корнелию чайку нальёшь? А то он у меня не ужинавши.

Она извлекла из сумки сопротивляющегося нагого человечка и двумя пальцами поставила на стол.

– Вот он, мой ласковый.

Ласковый стоял согнувшись, стеснялся и готов был плакать.

– Господи, – всплеснула руками Антонина, – ты что же с мужем сделала, безобразница?

– Уменьшила его, – ответила Ксения, – до удобного размера, чтобы носить с собой и не расставаться в выходные дни. Добрые люди помогли, дали средство.

– Так нельзя, – сказал Геннадий. – Это уж слишком. Если вы, бабы, будете своих мужей приводить в такое состояние, это вам даром не пройдёт.

– Не пройдёт! – закричал комаром Удалов. – Я требую развода! При свидетелях!

– Не спеши, – остановила его рассудительная Антонина. – Ты у своих, не опасайся. Мы тут в семье всё и уладим.

Потом она поглядела на Ксению с укоризной:

– Ну зачем ты так, Ксюша? Мужчине перед людьми стыдно. Ему на службу идти, а как он, такой жалкий, на службу пойдёт? Кто его слушаться будет? А если его завтра в горсовет вызовут?

– Я требую развода! – настаивал Удалов.

Он забыл о своей наготе и бегал между чашек, норовя прорваться к Ксении, а Ксения отодвигала его ложкой от края стола, чтобы не свалился.

– А ты помолчи, – сказала ему Антонина. – Прикрой стыд. Не маленький.

Удалов опомнился, метнулся к чайнику с заваркой, но укрыться за ним не смог, в полном отчаянии схватился за край пол-литровой банки с вареньем, подтянулся и перевалился внутрь.

– Не беспокойся, тётечка, – сказала Ксения, следя, чтобы Удалов не утонул. – Это только на выходные и на праздники. С понедельника он придёт в обычное состояние.

– Не одобряю. – Антонина многого не одобряла.

И шумела Антонина не из любви к Удалову, не из жалости, а из боязни всякого новшества, пускай даже на первый взгляд новшества, удобного для женщин.

– А ты вылезай, – строго сказала Антонина Удалову. – После тебя продукт придётся выкидывать.

– А ты вынь меня, – пискнул Удалов. – Я же сам не вылезу.

Голосок у него стал слабенький, еле доносился из банки.

– Пчела! – закричал Удалов.

Пчела и в самом деле кружилась над ним, примериваясь. И спокойно могла бы закусать Удалова до смерти. Теперь ему многое грозило смертью.

Ксения вскочила, достала платок и стала гонять пчелу, а Антонина чем больше смотрела на это безобразие, тем больше сердилась, мрачнела и даже совсем замолкла, как пар в котле, прежде чем произойдёт взрыв.

Чувствуя это и не желая терять времени понапрасну, дядя Геннадий тихонько встал из-за стола, подмигнул Удалову, к которому проникся сочувствием, на цыпочках отошёл к буфету, открыл его и налил

из графина себе в стакан, а Удалову в маленькую рюмочку, которая хоть и маленькая, а для Удалова была как ведро.

Прогнав пчелу, Ксения достала Удалова двумя пальцами из варенья и, налив в блюдце горячей заварки из чайника и подув в неё, чтобы не обжечь мужа, окунула в заварку Удалова. Тому было горячо, он сопротивлялся, а Ксения смывала с него сироп и приговаривала:

– Потерпи, цыпочка, потерпи, лапочка.

– Вот что, – взорвалась наконец тётя Антонина. – Я тебя, Ксения, сегодня не звала. Так что можешь идти домой. В милицию я на твоё поведение, так и быть, жаловаться не буду, но матери твоей непременно сообщу. Дожили. С голым карликом заявилась. А ты, Геннадий, рюмки спрячь. Не время пить!

– Тоня, – произнёс Геннадий миролюбиво, но стакан отставил и рюмку от Удалова отодвинул.

– Может, это в Париже так с мужьями поступают, но у себя мы этого не позволим. В крайнем случае в газету напишу. Там меня знают. А то сегодня я тебя, а завтра ты меня – человек человеку волк, да?

– Тётя Тоня, – пыталась возразить Ксения. – Я же для его блага. Чтобы муж не пил, не гулял, был при доме. Это же любовь!

Но Антонина подошла к Геннадию, вцепилась пятернёй в его седые волосы, будто испугалась, как бы он и на самом деле не уменьшился, и ответила твёрдо:

– Я своего в обиду не дам. Пусть какой ни на есть паршивый да гулящий, но такой уж мне достался, и менять его не буду. Живи со своими штучками, как ты того желаешь, но нас уволь. И если ты ещё раз посмеешь с этим уродом ко мне в дом прийти, с порога выгоню. Иди.

Тут Антонина ещё раз взглянула на бывшего Удалова, потерявшего от унижений и мучений дар речи, и по её щекам неожиданно покатились слёзы.

Ксения поняла, что делать ей в этом доме больше нечего. Она быстро затолкала мужа в сумочку и не допив чая пошла к двери. Антонина её провожать не стала, а когда племянница ушла, повернулась к мужу и сказала сквозь слёзы:

– Если выпить хочется, то выпей маленькую.

– Нет уж, спасибо, – отказался Геннадий, который тоже внутренне переживал эту тяжёлую сцену.

Антонина уселась, подпёрла голову ладонью и думала, что счастье – это когда у тебя муж в настоящем размере, и опасалась немного, как бы старик сдуру не вздумал её в сумку запихать, чтобы не ворчала. И дала себе слово сдерживаться и старика не пилить. И держала это слово два дня, не меньше.

Ксения шла домой не спеша, переживала разлад в семье, сумка раскачивалась в руке, и Удалова бросало из угла в угол. Он хватался за вату, стонал и пытался слизать с себя остатки вишнёвого варенья.

Глава четвертая

К приходу домой настроение Ксении немного улучшилось. Она поставила сумку на трельяж, между духами и пудрой, а сама улеглась спать. Решила, что завтра покажет Удалова подруге Римме, которая работала в женской парикмахерской и была большой модницей. И с этой мыслью Ксения счастливо заснула, закрыв дверь в соседнюю комнату, чтобы ночью Удалов криками и стонами не мешал ей спать. Ей снилось, как все женщины города ходят по улицам и носят в сумках, а то и водят на голубых ленточках своих мужчин.

Все спали в шестнадцатом доме. Лишь Удалов мучился, словно граф Монте-Кристо в своей тюрьме, и кипел местью.

Он уже проверил все швы и углы в сумке, но швы были крепкие, а нитки для него – как канаты, не разорвёшь. И ножа нет. Даже перочинный ножик остался в кармане утерянных при уменьшении брюк.

Удалов попробовал подпрыгнуть, чтобы достать до потолка, но потолок сумки был далёк, не достать. Удалов присел на вату, стараясь придумать какой-нибудь выход и мечтая о том, как, выбравшись наружу, он навсегда уйдёт из дома и будет лишь раз в месяц присылать деньги на воспитание детей. Детей было жалко.

Вдруг Удалову показалось, что потолок чуть приблизился. И стенки сумки тоже приблизились. Несмотря на кромешную тьму, ощущение это было совершенно явственным.

Удалов протянул руку вперёд, и она уткнулась в материю. Удалов поднялся, без труда дотянулся до крыши. И тут он понял, что действие крупинки кончается.

– Ура! – сказал он шёпотом, чтобы не разбудить Ксению и не нарушить благоприятного процесса роста.

Ещё ни один ребёнок на свете так не радовался росту, как радовался Удалов. Тягостный плен кончался. Без труда Удалов провёл рукой по потолку, но застёжка «молнии» находилась снаружи. Становилось тесно. Пришлось сесть.

И тут Удалов немного испугался. Стенки сумки крепкие. Так можно и задохнуться. Рост всё ускорялся. Удалов даже не успел позвать на помощь, как его тесно сдавила материя. Сумка оказалась, как назло, крепкой. Голова вжалась в плечи, и коленки отчаянно вдавливались в рёбра. И когда Удалов уже готов был завопить от боли и ужаса, сумка со страшным треском разлетелась в клочки, а Удалов грохнулся на пол. Зеркала на трельяже разлетелись вдребезги, осколки пулемётной очередью прошили стекло буфета, пронзив по очереди все чешские бокалы и праздничный сервиз, а упавшая от этого с буфета хрустальная ваза, вручённая Удалову восемь лет назад за победу в городских соревнованиях по городкам, умудрилась врезаться в этажерку с любимыми комнатными растениями Ксении. Комнатные растения принялись прыгать вниз и вверх, спасаясь от несчастья, и один из горшков задел люстру, подвески которой принялись выбивать дробь по стёклам и оставшимся до того целыми стеклянным и фарфоровым предметам в комнате. От люстры осталась всего одна голая лампочка, и эта лампочка сама по себе загорелась и осветила помещение, по которому, не в силах остановиться, носились в разные стороны разбитые и поломанные предметы.

Удалов слушал этот грохот и наблюдал разрушение, словно прелестный сердцу балетный спектакль, потому что им владело чувство

мести, и месть эта была удовлетворена. И по мере того как разрушение комнаты, в которой было совершено посягательство на самое дорогое – на личную свободу Удалова, заканчивалось, Удалова охватило внутреннее удовлетворение и даже удовольствие. Он уже не сердился ни на Ксению, ни на слишком изобретательного Минца.

Когда через полторы минуты, теряя на бегу бигуди, в комнату ворвалась Ксения, она увидала жуткую картину Мамаева побоища. А на полу, посреди этого сидел совершенно обнажённый Корнелий Удалов и приводил в порядок удочки, чего не успел сделать перед ужином. До отъезда на рыбалку оставалось всего ничего.

Перед тем как грохнуться в обморок, Ксения успела спросить:

– Это всё ты?

– Нет, ты, – ответил Удалов, перекусывая леску.

ДВЕ КАПЛИ НА СТАКАН ВИНА

Профессор Лев Христофорович Минц, который поселился в городе Великий Гусляр, не мог сосредоточиться. Ещё утром он приблизился к созданию формулы передачи энергии без проводов, но ему мешали эту формулу завершить. Мешал Коля Гаврилов, который крутил пластинку с вызывающей музыкой. Мешали маляры, которые ремонтировали у Ложкиных, но утомились и, выпив вина, пели песни под самым окном. Мешали соседи, которые сидели за столом под отцветшей сиренью, играли в домино и с размаху ударяли ладонями о шатучий стол.

– Я больше не могу! – воскликнул профессор, спрятав свою лысую гениальную голову между ладоней.

В дверь постучали, и вошла Гаврилова, соседка, мать Николая.

– И я больше не могу, Лев Христофорович! – тоже воскликнула она, прикладывая ладонь ко лбу.

– Что случилось? – спросил профессор.

– Вместо сына у меня вырос бездельник! – сказала несчастная женщина. – Я в его годы минуту по дому впустую не сидела. Чуть мне кто из родителей подскажет какое дело, сразу бегу справить. Да что там, и просить не надо было: корову из стада привести, подоить, за свинками прибрать, во дворе подмести – всё могла, всё в охотку.

Гаврилова кривила душой – в деревне она бывала только на каникулах, и работой её там не терзали. Но в беседах с сыном она настолько вжилась в роль трудолюбивого крестьянского подростка, что сама в это поверила.

– Меня в детстве тоже не баловали, – поддержал Гаврилову Минц. – Мой папа был настройщиком роялей, я носил за ним тяжёлый чемодан с инструментами и часами на холоде ждал его у чужих подъездов. Приходя из школы, я садился за старый, полученный папой в подарок рояль и играл гаммы. Без всякого напоминания со стороны родителей.

Профессор тоже кривил душой, но столь же невинно, ибо верил в свои слова. У настройщиков не бывает тяжёлых чемоданов, и если маленький Лёвушка увязывался с отцом, тот чемоданчика ему не доверял. Что касается занятий музыкой, Минц их ненавидел и часто подпиливал струны, потому что уже тогда был изобретателен.

– Помогли бы мне, – сказала Гаврилова. – Сил больше нету.

– Ну как я могу? – ответил Минц, не поднимая глаз. – Мои возможности ограничены.

– Не говорите, – возразила Гаврилова. – Народ вам верит, Лев Христофорыч.

– Спасибо, – ответил Минц и задумался. Столь глубоко, что, когда Гаврилова покинула комнату, он этого не заметил.

Наступила ночь. Во всех окнах дома № 16 погасли огни. Утомились игроки и певцы. Лишь в окне профессора Минца горел свет. Иногда высокая, с выступающим животом тень профессора проплывала по освещённому окну. Порой через форточку на двор вырывались шуршание и треск разрезаемых страниц – профессор листал зарубежные журналы, заглядывая в достижения смежных наук.

От прочих учёных профессора Минца отличает не только феноменальный склад памяти, которая удерживает в себе всё, что может пригодиться учёному, но также потрясающая скорость чтения, знакомство с двадцатью четырьмя языками и умение постичь специальные работы в любой области науки, от философии и ядерной физики до переплётного дела. И хоть формально профессор Минц – химик, работающий в области сельского хозяйства, и именно здесь он принёс наибольшее количество пользы и вреда, в действительности он энциклопедист.

Утром профессор на двадцать минут сомкнул глаза. Когда он чувствовал, что близок к решению задачи, то закрывал глаза, засыпал быстро и безмятежно, как ребёнок, и бодрствующая часть его мозга находила решение.

В 8 часов 40 минут утра профессор Минц проснулся и пошёл чистить зубы. Решение было готово. Оставалось занести его на бумагу, воплотить в химическое соединение и подготовить краткое сообщение для коллег.

В 10 часов 30 минут заглянула Гаврилова, и Минц встретил несчастную женщину доброй улыбкой победителя.

– Садитесь. Мне кажется, что мы с вами у цели.

– Спасибо, – растроганно сказала Гаврилова. – А то я его сегодня еле разбудила. В техникум на занятия идти не желает. А у них сейчас практика, мастер жутко требовательный. Чуть что – останешься без специальности.

Минц включил маленькую центрифугу, наполнившую комнату приятным деловитым гудением.

– Действовать наш с вами препарат будет по принципу противодействия, – объяснил Минц.

– Значит, капли? – спросила с недоверием Гаврилова.

– Лекарство. Без вкуса и запаха.

– Мой Коля никакого лекарства не принимает.

– А вы ему в чай накапайте.

– А в борщ можно? Борщ у меня сегодня.

– В борщ можно, – сказал Минц. – Итак, наше средство действует по принципу противодействия. Если я его приму, то ничего не произойдёт. Как я работал, так и буду работать. Ибо я трудолюбив.

– Может, тогда и с Колей не произойдёт?

– Не перебивайте меня. Со мной ничего не произойдёт, потому что в моём организме нет никакого противодействия труду. С каплями или без капель, я всё равно работаю. Но чем противодействие больше, тем сильнее действие нашего с вами средства. Натолкнувшись на сопротивление, лекарство перерождает каждую клетку, которая до того пребывала в состоянии безделья и неги. Понимаете?

– Сложно у вас это получается, Лев Христофорыч. Но мне главное, чтобы мой Коленька поменьше баклуши бил.

– Желаю успехов, – произнёс Лев Христофорович и передал Гавриловой склянку со средством.

А сам с чувством выполненного долга направился к своему рабочему столу и принялся было за восстановление в памяти формулы передачи энергии без проводов, но его отвлёк голос Гавриловой, крикнувшей со двора:

– А по сколько капель?

– По десять, – ответил Минц, подходя к окну.

– А если по пять? – спросила Гаврилова.

Профессор махнул рукой. Он понимал, что сердце матери заставляет её дать сыну минимальную дозу, чтобы мальчик не отравился. В действительности одной капли хватило бы для перевоспитания двух человек. И средство было совершенно безвредным.

Под окном два маляра затянули песню. Песня была скучная и, по случаю раннего времени, негромкая. Маляры проработали уже минут тридцать и теперь намерены были ждать обеда.

Минц на минуту задумался, потом вспомнил, что где-то под столом должна стоять непочатая бутылка пива. Он разворошил бумаги, отыскал бутылку и, раскупорив, разлил пиво в два стакана. Затем, плеснув в стаканы средства от безделья, направился к окну.

– Доброе утро, орлы, – проговорил профессор бодро.

– С приветом, – ответил один из маляров.

– Пить хотите?

– Если воды или чаю – ответим твёрдое «нет», – сказал маляр. – Вот если бы вина предложил, дядя, мы бы тебе всю комнату побелили. В двадцать минут.

Через двор медленной походкой усталого человека шёл Николай Гаврилов, который сбежал с практики и придумывал на ходу, как бы обмануть родную мать и убедить её, что мастер заболел свинкой. Гаврилов обратил внимание, как солнце, отражаясь от лысины профессора, разлетается по двору зайчиками, и испытал полузабытое детское желание выстрелить в эту лысину из рогатки. Но он отвернулся, чтобы не соблазниться.

– А вы пиво уважаете? – заискивающе спросил профессор Минц.

– Шутишь, – ответил обиженно маляр. – Пива третий день как в магазине нет по случаю жаркой погоды.

– А у меня бутылка осталась, – сообщил Минц. Он поставил полные стаканы на подоконник, а малярам показал тёмно-зелёную бутылку.

– Погоди, – сказал деловито маляр. – Не двигайся с места, сейчас мы к тебе зайдём и разберёмся.

Маляры вели себя деликатно, осмотрели потолок, дали профессору ценные советы насчёт побелки и только потом с благодарностью выпили по стакану пива.

– Самогон изготовляешь? – спросил с надеждой один из маляров, разглядывая колбы и банки.

– Нет, – ответил профессор. – Вам не хочется вернуться к ремонту квартиры товарища Ложкина?

Маляры весело засмеялись.

Минц смотрел на них внимательно, желая уловить момент, когда рвение трудиться охватит их с невиданной силой. Но маляры попрощались и ушли обратно во двор, допевать песню.

Было 11 часов 20 минут утра.

Вскоре Гаврилова принесла сыну тарелку борща с двумя каплями средства профессора Минца. Пять капель дать сыну не решилась. Николай смотрел на мать подозрительно. Почему-то она не ругалась и не укоряла сына. Это было странно и даже опасно. Мать могла принять какое-нибудь тревожное решение: написать отцу в Вологду,

вызвать дядю или пойти в техникум. Гаврилов ел борщ безо всякого удовольствия. Потом кое-как управился с котлетами, и его потянуло в сон. Николай включил музыку не на полную мощность и задремал на диване, прикрыв глаза учебником математики: он верил, что когда спишь, то из книги в голову может что-нибудь перейти.

Минц не мог работать. В расчётах что-то не ладилось. Маляры лениво спорили со старухой Ложкиной, которая призывала их вернуться на трудовой пост. Потом стали выяснять, кому первому идти за вином. Из окна Гавриловых доносилась музыка. За стол под сиренью сели Кац с Василь Васильичем. Кац был на бюллетене и выздоравливал, а Василь Васильич работал в ночную смену. Они ждали, когда подойдёт кто ещё из партнёров. Жена Каца кричала из окна:

– Валентин, сколько раз тебе говорила, чтобы починил выключатель? Ты же всё равно ничего не делаешь.

– Я заслуженно ничего не делаю, кисочка, – отвечал Валя Кац. – Я на бюллетене по поводу гриппа.

– Вот, – сказал сурово Минц. – Эти будут у меня в числе подопытных.

Он взял хозяйственную сумку и отправился в магазин. Там продавали сухое вино из Венгрии, но брали его слабо, без энтузиазма. Ждали, когда привезут портвейн. Среди ожидавших уже был маляр. Минца он встретил как доброго знакомого и посоветовал ему:

– Ты погоди деньги-то тратить. Сейчас портвейн выбросят. Там у Риммы ещё четыре ящика.

– Ничего, – смутился профессор Минц. – Мне для опыта. Мне не пить.

– Для опыта можно и молоко, – сказал осуждающе человек с сизым носом.

Цвет был такой интенсивный, что Минц засмотрелся на нос, а человек произнёс с некоторой гордостью:

– Это я загорал. Кожа слезла.

Римма поставила перед Минцем шесть бутылок сухого вина.

– Большой опыт, – оценил маляр. – В гости позовёшь?

И тут Минц решился.

– Всем ставлю! – воскликнул он голосом загулявшего купчика. – Все пьют!

В магазине стояли человек пятнадцать. Все, на взгляд Минца, бездельники. Все заслуживали перевоспитания.

– И не думайте, и не мечтайте, чтобы распивать! – возмутилась Римма, ложась большой грудью на прилавок и пронзая взглядом Минца. – Я вам покажу, алкоголики! Я живо милицию вызову.

– Пошли в парк, – предложил человек с сизым носом. – Здесь правды нет.

Они остановились на минуту у автоматов с газированной водой. Минц мог бы поклясться, что ни один из его новых знакомых не приближался к ним ближе чем на три шага, но шесть стаканов, стоявших в автоматах, тут же исчезли.

– Тебе первому, – сказал человек с сизым носом, вырывая зубами пробку. – Ты, старик, человек отзывчивый.

– Нет, что вы, я потом, – ответил Минц, поняв, что совершил ошибку. Как он подольёт в вино своё средство? Ведь на него глядят пятнадцать пар глаз.

– Не тяни, не мучь душу, – поторопил маляр, поднося профессору стакан.

– Погодите, – нашёлся тут Минц. – У меня одна штучка есть. Для крепости. Капнешь три капли, на десять градусов укрепляется.

Профессор достал из кармана склянку и быстро накапал себе в стакан.

На него смотрели недоверчиво и строго.

– Не знаю я такого, – проговорил маляр.

– А я читал. В одном журнале, – подтвердил человек с сизым носом. – Конденсатор называется.

– Правильно, – ответил Минц и быстро выпил вино.

Вино было прохладное, приятное на вкус. Профессор никогда не пил вина стаканами.

К этому времени остальные пять стаканов тоже были наполнены. Владельцы их смотрели на профессора выжидающе. Профессор тоже не спешил. Молчал.

– Слушай, старик, – сказал маляр. – Что-то ты меня не уважаешь.

– А что? – удивился Минц.

– Конденсатора капни, не жалей. У тебя же целая бутылка.

Рискованный психологический этюд удался.

– Ну, только по две капли, не больше, – смилостивился профессор, чтобы не раздражать собутыльников.

Он капал поочерёдно в протянутые стаканы, хвалил себя за сообразительность и чуть не стал причиной острой вражды.

– Это что же? – воскликнул вдруг маляр. – Ты ему почему три капли?

– Мне? Три? Да ты глаза протри!

– Спокойно, – втиснулся профессор между спорщиками. – Кому не хватило капли?

Маляр первым пригубил вино. Все смотрели на него.

У профессора замерло сердце.

Маляр опрокинул стакан, и вино с журчанием рухнуло в горло.

Маляр вздохнул и сказал:

– Десяти градусов не будет, а пять-шесть прибавляет. Поверьте моему опыту.

Остальные пришли к такому же выводу.

Из парка шли дружно, весело, обнявшись, пели песни, уговорили профессора ещё раз заглянуть к Римме – может, принесли портвейн. У профессора шумело в голове, ему было хорошо, тепло, и он полюбил этих таких разных и непохожих людей, которые ещё не знают, какими трудолюбивыми они вскоре станут.

У Риммы был портвейн.

...Профессора проводили до дома и оставили у входа во двор, прислонив к стойке ворот. Первым его увидел Николай Гаврилов. Николай проснулся от странного свербящего чувства. Ему чего-то хотелось. И чувство было таким незнакомым и будоражащим, что он встал у окна и начал рассуждать, чего же ему хочется. Руки сами нашли пыльную тряпку, и Николай начал стирать пыль с подоконника и рамы. В этот момент он увидел профессора и сказал тем, кто играл внизу в домино:

– Смотрите, профессор-то насосался, как комар!

Слова Гаврилова возмутили Василь Васильича, который велел подростку закрыть окно и прекратить хулиганство. Но потом Василь Васильич поглядел всё-таки в сторону ворот и был настолько поражён, что открыл рот и замолчал.

А Минц вспомнил, что у него ещё много дел и часть дел связана с людьми, которые сидят вокруг стола и стучат по нему костяшками

домино. Профессор оторвался от столба и нащупал в одном кармане пузырёк со средством, в другом – недопитую бутылку портвейна, которую дали ему на прощание собутыльники. Вошедший во двор Корнелий Удалов подхватил профессора.

– Выпьем – и за работу, – сказал профессор Удалову.

– Стыд какой! – воскликнула Ложкина, закрывая окно.

– Надо помочь человеку, – решил Ложкин. – Это какой-то заговор. Товарищ Минц живёт в нашем доме уже три месяца, и он непьющий.

– Вот и прорвало, – сказала старуха Ложкина. – Они иногда по полгода терпят, а потом прорывает. Теперь мы с ним намучаемся.

– Не хочу верить, – сказал Ложкин.

Коля Гаврилов протирал тряпкой окно, но в разговоры внизу не вмешивался. Ему жаль было отрываться от такого увлекательного занятия...

Профессор Минц, тяжело опираясь на Удалова, проследовал к столу. Соседи поднялись ему навстречу.

– Выпьем, – произнёс профессор строго. – За успехи труда.

Он широким жестом сеятеля провёл перед лицами соседей бутылкой портвейна. Никто к бутылке не потянулся.

– Не время, – ответил Удалов смущённо. – Если вечером, в кругу и так далее, мы будем польщены.

– И всё-таки, – настаивал профессор. – Вы должны уважать в моём лице науку. Я могу оскорбиться. И наука оскорбится. И тогда произойдёт нечто ужасное, чему нет названия.

Василь Васильич вздрогнул и сказал:

– Только из уважения.

Профессор Минц поставил бутылку на стол, провёл непослушными руками по карманам, будто отыскивая пистолет, и, к удивлению присутствующих, достал оттуда гранёный стакан.

– Вот, – показал он, – всё будет по науке.

Он капал из склянки в стакан, доливал вином и заставлял пить, приговаривая:

– Как лекарство, как настойку, как триоксазин.

И соседи пили, не получая от этого никакого удовольствия и ощущая неловкость. Пили, как касторку.

Коля Гаврилов этого не видел. Он уже мыл пол и потому стоял на четвереньках.

Один из маляров, который беспутничал с Минцем в городском парке и за углом магазина, ещё не вернулся, он заблудился и пришёл в тот дом, где завершил работу две недели назад, зато другой подумал, что зря он здесь прохлаждается, взял кисть и поспешил наверх, к Ложкиным, предвкушая сладкое чувство приступа к любимой работе.

– Спасибо, – сказал профессор Минц, сел на скамью и глубоко задумался. Он утомился. Ради науки пришлось отступить от некоторых принципов.

Соседи расходились. В воротах показалась Гаврилова с хозяйственной сумкой. Она возвращалась из магазина. Несчастная мать остановилась в воротах и прислушалась. Её сын Коля не включил проигрыватель. Это было странно. Наверное, он заболел. Не отравила ли она ребёнка с помощью профессора Минца?

И тут Гаврилова увидела Минца. Минц сидел за столом, где соседи обычно играли в домино, и, раскачиваясь, мычал какую-то песню. Над ним склонился Корнелий Удалов. В отдалении, понурившись, стояли Василь Васильич с Валей Кацем, и вид у них был смущённый.

– Что случилось? – воскликнула Гаврилова и крикнула громче: – Коля! Где ты! Что с тобой, Коля?

Сердце её почуяло неладное.

Коля не отозвался. В этот момент он как раз отправился на кухню, чтобы вылить из таза грязную воду и набрать чистой. Ему захотелось вымыть пол снова, чтобы добиться первозданной белизны дерева.

Гаврилова, метнув гневный взгляд в сторону Минца, побежала домой.

– Я помогу вам, – сказал Удалов, поддерживая Минца. – Я вас провожу.

– Спасибо, друг, – ответил профессор Минц. Они шли через двор в обнимку, профессор навалился на Удалова, старуха Ложкина глядела на них в окно и качала головой с осуждением. То, что один из маляров вновь принялся за работу, удивило её, но не настолько, чтобы забыть о позоре профессора.

У дверей Минца с Удаловым обогнал второй маляр. Широкими шагами, подобно Петру Первому, он спешил на рабочее место.

– С дороги, – сказал он деловито.

И профессор Минц понял, что эксперимент удался.

Удалов помог профессору прилечь на его узкую девичью кроватку. Профессор тут же смежил веки и заснул. Удалов некоторое время стоял посреди комнаты, вдыхая запах химикалий. Профессор вёл себя странно. А Удалов не верил в случайность такого поведения.

Профессор проснулся через три часа. Голова была чистой и готовой к новым испытаниям. Что-то хорошее и большое случилось в его жизни. Да, решена кардинальная проблема современности. Гениальный ум профессора нашёл решение загадки, которая не давалась в руки таким людям, как Ньютон, Парацельс и Раздобудько.

За стеной слышалось шуршание и постукивание. Какие-то невнятные звуки доносились со двора. Профессор сел на кровати и сквозь скрип пружин услышал деликатный стук в дверь.

– Войдите, – разрешил профессор.

– Это я, – произнесла Гаврилова шёпотом, протискиваясь в дверь.

– Ну и как? – спросил профессор голосом зубного врача, поглаживая лысину и легонько подмигивая несчастной матери.

У Гавриловой были безумные глаза.

– Ой, – сказала Гаврилова и села на край кровати. Она прижала ладони к покрасневшим щекам. – И не знаю.

– Ну так чего же? – Профессор вскочил с кроватки и быстрыми шагами начал мерить комнату. – Появилось ли трудолюбие? Я что-то не слышу музыки.

– Какая там музыка, – вздохнула Гаврилова. – Страшно мне. Два раза сегодня в обмороке лежала. При моей комплекции. Что он с полом сделал? Что он со мной сделал...

Тут добрая женщина зарыдала, и профессор Минц неловко утешал её, дотрагиваясь до её пышных волос, и предлагал ей воду в стакане.

– Послушайте, – сказал он наконец, так как рыдания не прекращались. – Предлагаю вместе отправиться на место происшествия. Может, я смогу быть полезен.

– Пойдём, – согласилась женщина сквозь рыдания. – Если бы моя покойная мама...

В коридоре им пришлось задержаться. Маляры, завершив ремонт квартиры Ложкиных, принялись за коридор, что в их задание не входило. Тем более что рабочий день кончился. Маляры уже ободрали со стен старую краску, прокупоросили плоскости. Работали они споро, весело, с прибаутками, не тратя зазря ни минуты. Лишь на мгнове-

ние один из них оторвался от работы, чтобы подмигнуть профессору Минцу и кинуть ему вслед:

– Что прохлаждаешься, дядя? Так и жизнь пролетит без пользы и без толку.

Профессор был согласен с малярами. Он улыбнулся им доброй улыбкой. Старуха Ложкина выглядывала в щёлку двери, смотрела на маляров загнанно, потянула проходившего мимо профессора за рукав и прошептала ему в ухо:

– Я им ни одной копейки. Пусть не надеются. Они на государственной службе.

– А мы не за деньги, мамаша, – услышал её шепот маляр. – Сам труд увлекает нас. Это дороже всяких денег.

– И славы, – добавил другой, размешивая краску в ведре.

Во дворе глазам профессора предстало странное зрелище. Василь Васильич с Валей Кацем благоустраивали территорию, подрезали кусты, разравнивали дорожки, подстригали траву. А сосед, имени которого профессор не знал, катил в ворота тачку с песком, чтобы соорудить песочницу для игр маленьким детям.

Соседи трудились так самозабвенно, что не обратили на Минца никакого внимания.

Гаврилова поглядела на них с некоторым страхом, и тут ей пришла в голову интересная мысль.

– Это не вы ли, Лев Христофорыч? – спросила она.

– Я, – скромно ответил профессор.

– Ой, что же это делается! – сказала Гаврилова.

В этот момент во дворе показался Корнелий Удалов, который нёс на плече две доски для детского загончика. Он услышал слова Гавриловой, и они укрепили его подозрения. А так как Удалов в принципе никогда не испытывал неприязни к труду, то лекарство профессора подействовало на него умеренно, он смог пересилить страсть к работе, положил доски и последовал за профессором в квартиру Гавриловых.

Квартира встретила профессора невероятной, сказочной чистотой. Пол её был выскоблен до серебряного блеска и покрыт сверкающей мастикой, подоконники и двери тщательно вымыты. В распахнутую дверь кухни были видны развешанные в ряд выстиранные занавески, вещи Коли Гаврилова и постельное бельё, а в промежутках между простынями блистали бока начищенных кастрюль. Самого Николая

нигде не было видно. Гаврилова остановилась на пороге, не смея вступить в свой дом.

– Коля, – позвала она слабым голосом. – Коленька.

Коля не отозвался.

Профессор тщательно вытер ноги о выстиранный половик и сделал шаг в комнату. Коля лежал на диване, обложившись учебниками, и быстро конспектировал их содержание.

Профессор склонился над ним и спросил:

– Как вы себя чувствуете, молодой человек?

Коля отмахнулся от голоса, как от мухи, и подвинул к себе новый учебник.

– Коля, – сказал профессор. – Ты так много сделал сегодня. Не пора ли немного отдохнуть?

– Как вы заблуждаетесь, – ответил ему Коля, не отрывая глаз от учебника. – Ведь столько надо совершить. А жизнь дьявольски коротка. У меня задолженность за этот курс, а мне по-человечески, глубоко и серьёзно хочется пройти в этом году два курса. Может, три. Так что, умоляю, не отрывайте меня от учёбы.

– Мальчик прав, – сказал профессор, оборачиваясь к Гавриловой и Удалову, наблюдавшим эту сцену от двери.

– Но он же переутомится, – сказала Гаврилова. – Он к этому непривычный.

– Мама, не тревожься, – возразил на это Коля Гаврилов. – В мозгу человека используется жалкая часть работоспособных клеток. Ты не представляешь, мама, какие у меня резервы. Кстати, обед на плите, ужин там же. Пожалуйста, не утруждай себя излишним трудом, отдохни, почитай, посмотри телевизор, у тебя же давление.

Добрая женщина Гаврилова вновь зарыдала. Удалов с профессором спустились во двор. При виде соседей Удалову захотелось включиться в трудовой процесс, но он сдержался и обернулся к Минцу.

– Лев Христофорыч, – сказал он проницательно. – Это ведь ваше средство. Вы у нас единственный химик.

– И гениальный, – без улыбки поддержал его профессор, довольный результатами эксперимента.

– И без вреда для здоровья? – спрашивал Удалов.

– Без вреда, – отвечал профессор. – Но с опасностью для образа жизни.

– И скоро в производство? – спросил Удалов, обламывая, чтобы не тратить времени задаром, сухие сучки на дереве.

– Что в производство?

– Средство от лени.

Удалов всегда брал быка за рога и называл вещи своими именами.

– Поймите, мой друг, – сказал профессор, – какие бы лекарства ни изобретала наука для исправления человеческих недостатков, они всегда будут не более как протезами. Мы пока не можем химическим путём изменить натуру человека. Планомерное, последовательное, терпеливое воспитание человека-творца, человека-строителя – вот наша задача.

– Так значит, всё вернётся на свои места? – Удалов был разочарован.

– Боюсь, что так.

– А если побольше дать? Вот вы нам по капле давали, а ведь можно и по стакану? Что, вредно?

– Нет, средство безвредное. Но мы не имеем права проводить эксперименты, пока препарат не испытают в Москве, пока его не утвердит Министерство здравоохранения, пока мы не запатентуем его для избежания международных конфликтов.

– Ну зачем столько ждать? И при чём здесь международные конфликты? – возмутился Удалов.

– Очень просто. – Лицо профессора приобрело мудрое и чуть печальное выражение. – Представьте себе, что средство попадёт в лапы акул империализма, эксплуататоров и неоколонизаторов. Вы подумали о последствиях? Любое самое благородное изобретение может быть обращено во вред человечеству.

– Да, – вздохнул Удалов.

Он представил себе, как владельцы плантаций в некоторых странах Латинской Америки будут выжимать с помощью нового препарата последние соки из батраков и сезонных рабочих, как колонизаторы будут поить препаратом рабов в глубоких алмазных шахтах. Как будут неустанно строчить перьями наёмные писаки и болтать в телевизор реакционные комментаторы. А дальше – ещё хуже. Неустанно и терпеливо будут рыть подкопы под банки ожесточённые гангстеры. День и ночь будут трудиться фальшивомонетчики. Нет, такое средство надо охранять, а не пропагандировать!

Это Удалов высказал Минцу и тут же отправился пропалывать цветы на клумбе.

Тёплый, душистый, приятный вечер опустился на город. Зажглись звёзды. Ночные мотыльки бились о стёкла уличных фонарей, на реке протяжно и мирно загудел пароходик. Профессор Минц стоял у ворот и смотрел на улицу. По улице двигалась небольшая группа людей, вооружённых мётлами и совками. Среди этих людей Минц узнал знакомые по утренним похождениям лица. Люди подметали улицы, по дороге некоторые из них останавливались, влезали на столбы и заменяли перегоревшие фонари. За этой группой тружеников шли толпой обыватели и рассуждали, что всё это может значить. То ли это заключённые, которым дали по пятнадцать суток за мелкое хулиганство, ведь среди них были завзятые алкоголики и тунеядцы, то ли эта компания пытается выиграть какой-то спор или даже делает это из озорства. Но, несмотря на насмешки, переродившиеся тунеядцы продолжали шествовать по улице.

Минц был встревожен. Он не смел никому признаться, что не предусмотрел таившейся в эксперименте опасности. Он не знал интенсивности взаимодействия препарата с бездельными клетками человеческого тела, он не знал, когда закончится действие лекарства.

За спиной Погосяна слышалось тяжёлое дыхание маляров. Они неутомимо и воодушевлённо красили стену дома в весёленький жёлтый цвет и, словно полярники, стремящиеся к полюсу, поддерживали друг друга примерами из жизни героев.

На скамейке неутешно горевала Гаврилова. Её сын уже одолел физику и химию за первое полугодие и для разнообразия решил переклеить обои, а потом перебрать паркет у соседки, одинокой женщины. Никто не обращал внимания на горе Гавриловой. Жильцы дома, за редким исключением, превращали ранее пустынную заднюю часть двора в спортивную площадку для молодёжи всего квартала. Они уже вкопали столбы для баскетбола и волейбола и теперь сооружали небольшой бассейн для прыжков в воду.

– Что делать? Что делать? – беззвучно шевелились губы профессора. – Нужно противоядие.

Он быстро миновал двор, прижимаясь к стенам, чтобы не встретиться с затравленным взглядом Гавриловой, и поднялся к себе. Брыз-

ги жёлтой краски бабочками залетали в распахнутое окно. Профессор уселся за вычисления.

Он завершил их глубокой ночью. Маляры уже закончили покраску дома и за неимением новой краски скребли забор, чтобы покрыть его мебельным лаком для придания благородного вида. Жильцы дома уже выкопали бассейн, обмазали его цементом и подводили к нему трубы. Лишь Василь Васильич покинул свой пост. И то не по доброй воле. Просто его жена, беспокоясь за здоровье своего пожилого мужа, уговорила товарищей связать Василь Васильича и отнести на кровать для отдыха. Василь Васильич не соглашался засыпать, беспокоился, как без него трудятся товарищи, подбадривал их с постели громкими советами и пожеланиями успехов в труде.

Тунеядцы и пьяницы уже вычистили весь город, добрались до реки, там сортировали брёвна по размеру и сорту и складывали их для погрузки на баржи.

Глубокой ночью Минц сделал два открытия. Во-первых, он вывел формулу ослабленного препарата, который не вызывал в человеке ничего, кроме нормального трудолюбия. Во-вторых, вычислил, что действие средства, введённого утром, закончится примерно через час.

Другой бы на месте Минца отправился спать. Но Минц был не таков. Он хотел на деле убедиться в правильности своих вычислений. Для этого надо было бодрствовать ещё час. И Лев Христофорович решил потратить это время на приготовление ослабленной смеси. Правда, он пришёл к выводу, что опыты с людьми слишком рискованны и нормальный препарат он будет испытывать на ложкинском коте, который настолько обленился, что не ловил мышей.

Для начала следовало найти бутыль с остатками препарата и разбавить его до кондиции. Бутылка нашлась в кармане пиджака. На дне её плескалась тёмная жидкость, которой хватило бы, чтобы на день привлечь к труду целое учреждение.

Поставив бутылку на стол, Минц начал разыскивать пустую посуду. Он доставал бутылки, колбы, бутылочки и пузырьки с полки, из-под стола и из других мест. О некоторых он давно уже забыл, другие вызывали в памяти профессора приятные воспоминания об удачах или тяжёлые вздохи, свидетельствующие о временных отступлениях.

Вот колба, в которой незаменимое средство от комаров, не убивающее их, но заставляющее отлететь на два метра в сторону. От этого

средства пришлось отказаться, потому что в порядке естественного отбора комары отращивали хоботки длиной ровно в два метра и доставали ими профессора из-за пределов охранной зоны.

Вот средство для развития музыкального слуха, вот пробирки неизвестно с чем, вот бутыль со стимулятором роста для шампиньонов, под влиянием которого грибы за одну ночь достигают метрового размера.

Профессор любовно перебирал сосуды и так увлёкся, что не заметил, как пролетел час. Его вернул к действительности шум на дворе. Оказывается, маляры завершили работу и собирали кисти и вёдра, с некоторым удивлением поглядывая на плоды своего труда, соседи прервали сооружение бассейна и прощались, отходя ко сну. По одиночке, усталой походкой, с реки возвращались тунеядцы.

– Что-то будет завтра, – произнёс Лев Христофорович и лёг спать. Он питал надежды на то, что препарат не совсем выветрился из организмов хорошо потрудившихся людей.

Профессор спал крепко и смотрел сны, в которых всегда находил темы для завтрашней научной работы. Он не слышал, как тихонько отворилась дверь и тёмная человеческая фигура, прикрывая ладонью свет электрического фонарика, проникла внутрь и остановилась у порога. Луч фонарика робко обшарил комнату, задержался на мгновение на кровати, зайчиком отразился от лысины профессора и замер на столе, среди бутылочек.

Человек на цыпочках подкрался к столу и остановился перед рядом сосудов. Он поднимал и просвечивал фонариком бутылки до тех пор, пока не отыскал нужную. Тогда он спрятал её за пазуху и покинул комнату, беззвучно закрыв за собою дверь. Профессор безмятежно спал и видел во сне пути к решению задачи увеличения веса крупного рогатого скота.

Утром профессор поднялся раньше всех и, перед тем как взяться за новые опыты, уселся у окна, глядя во двор.

Первыми прошли на работу Василь Васильич и Валя Кац. Были они оживлённы и веселы. Казалось, вчерашнее переутомление никак на них не отразилось.

– Как дела? – спросил Минц.

– Отлично, Лев Христофорович, – ответил Валя. – Сегодня после работы будем бассейн завершать. Вы к нам не присоединитесь?

– С удовольствием, – согласился профессор.

Настроение у него улучшилось. Налицо был остаточный эффект, возможно, длительного свойства.

Показался Корнелий Удалов. Он тоже спешил на работу. При виде профессора он кивнул ему и почему-то схватился за оттопыренный карман. Профессор не заподозрил ничего неладного и спросил:

– Как самочувствие, Корнелий Иванович?

– Лучше некуда, – ответил Удалов и подмигнул ему.

Вслед за Удаловым вышел подросток Николай Гаврилов с учебниками и тетрадками под мышкой и сказал матери, высунувшейся из окна ему вслед:

– Мама, не утруждай себя. У тебя давление. А картошку я почищу, как только вернусь с практики.

Это тоже был добрый знак. Профессор проводил Гаврилова взглядом и потом перекинулся несколькими словами с его матерью.

Убедившись, что препарат никому из его знакомых не повредил, профессор совершил разведочный поход в магазин к Римме.

Римма скучала. Ей не с кем было воевать и ругаться. Вместо обычной нетерпеливой толпы тунеядцев в магазине ошивались лишь два субъекта, их лица профессору были незнакомы.

Лев Христофорович купил у Риммы две бутылки лимонада и сказал тунеядцам лукаво: «Вы у меня ещё напьётесь. Вы ещё потрудитесь, голубчики». Тунеядцы огрызнулись, не поняв слов профессора. А Минц поспешил домой.

По дороге он повстречался со знакомыми малярами. Они несли кисти и вёдра на новый объект.

– Привет, папаша, – сказали они профессору. – Славно мы вчера потрудились.

– Сегодня не переутомляйтесь, – заботливо проговорил Минц.

– Не беспокойся, не переутомимся, – ответили маляры. – Но и поработаем с удовольствием.

Счастливая улыбка не покидала лица профессора. Он дошёл до угла Пушкинской улицы, и тут улыбка сменилась выражением крайней тревоги.

Посреди Пушкинской улицы, рядом с катком и генератором, стояли группой дорожники в оранжевых жилетах и пластиковых касках. Перед бригадой, как Суворов перед строем Фанагорийского полка,

шагал Удалов, держа в одной руке тёмную, знакомую профессору бутылку, в другой – столовую ложку. Он наливал в неё жидкость из бутылки и протягивал ложку очередному ремонтнику.

– Это вакцина, – приговаривал Удалов. – От эпидемии гриппа. Из области прислали. По списку. Обязательный приём внутрь.

Рабочие и техники послушно раскрывали рты и принимали жидкость.

– Корнелий Иванович, остановитесь! – крикнул профессор, подбегая к Удалову.

Но Удалов сначала убедился, что последний член бригады принял лекарство, и лишь затем обернулся к профессору и отвёл к стоящему поодаль дереву.

– Вы меня, конечно, простите, что без разрешения. Но в интересах дела, – сказал он вполголоса, чтобы не услышали дорожники. – Они сегодня у меня до ночи проработают, а то квартальный план горит. Это не повредит. Пусть хоть разок выложатся. Я и в конторе вакцинацию провёл, и в диспетчерской. По моим расчётам, к вечеру план выполним и выйдем в передовики.

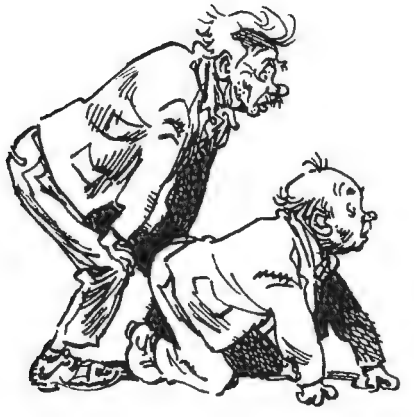
– Ну как же так, – укоризненно произнёс профессор. – Вам же пришлось, наверное, ночью ко мне в комнату заходить. Вы же могли споткнуться, упасть.

Добрый профессор был расстроен.

– Не беспокойтесь, Лев Христофорович, – ответил Удалов. – Я же с фонариком.

Он обернулся к дорожникам и сказал зычно:

– За работу, друзья.



Но с дорожниками творилось нечто странное. Они не стремились к лопатам и технике. Напевая, они сошлись в кружок, и бригадир помахал в воздухе рукой, наводя среди них музыкальный порядок.

– Что происходит? – удивился Удалов.

Бригадир поднял ладонь кверху, призывая к молчанию. Затем сказал:

– Раз-два-три!

И бригада затянула в четыре голоса сложную для исполнения грузинскую песню «Сулико».

Как поражённый громом, Удалов стоял под деревом. Окна в домах раскрывались, и люди прислушивались к пению, которому мог бы позавидовать ансамбль «Орэра».

– Что? Что? – Удалов гневно смотрел на профессора. – Это ваши штучки?

– Минутку. – Профессор поднёс к носу пустую бутылочку. – Я так и думал. В темноте вы перепутали посуду. Это препарат для исправления музыкального слуха и создания хоровых коллективов.

– О, ужас! – воскликнул Удалов. – И сколько они будут петь?

– Долго, – ответил профессор.

– Но что тогда творится в конторе?

– Не убивайтесь, – сказал профессор, прислушиваясь к стройному пению дорожников, – можно гарантировать, что ваша стройконтора возьмёт в области первое место среди коллективов самодеятельности.

– Ну что ж, – сказал печально Удалов. – Хоть что-то...

НУЖНА СВОБОДНАЯ ПЛАНЕТА

Прискорбный скиталец

Корнелий Иванович Удалов собирался в отпуск на Дон, к родственникам жены. Ехать должны были всей семьёй, с детьми, и обстоятельства благоприятствовали до самого последнего момента.

Но за два дня до отъезда, когда уже ничего нельзя было изменить, сын Максимка заболел свинкой.

В тот же вечер Удалов в полном расстройстве покинул дом, чтобы немного развеяться. Он пошёл на берег реки Гусь.

Большинство людей вокруг были веселы и загорелы после отпуска и, честно говоря, своим удовлетворённым видом удручали Корнелия Ивановича.

Удалов присел на лавочку в тихом месте. Сзади, в ожидании грозы, шелестел листьями городской парк. Вдали лирично играл духовой оркестр.

Невысокий моложавый брюнет подошёл к лавочке и попросил разрешения присесть рядом. Удалов не возражал. Моложавый брюнет

глядел на реку и был грустен настолько, что от него исходили волны грусти, даже рыбы перестали играть в тёплой воде, стрекозы попрятались в траву и птицы прервали свои вечерние песни.

Удалов еле сдерживал слёзы, потому что чужая грусть совместилась с его собственной печалью. Но ещё сильнее было сочувствие к незнакомцу и естественное стремление ему помочь.

– Гляжу на вас – как будто у вас беда.

– Вот именно! – ответил со вздохом незнакомец.

Был он одет не по сезону – в плащ-болонью и зимние сапоги.

Незнакомец в свою очередь разглядывал Удалова.

Его глазам предстал невысокий человек средних лет, склонный к полноте. Точно посреди круглого лица располагался вздёрнутый носик, а круглая лысинка была окружена венчиком вьющихся пшеничных волос. Вид Удалова внушал доверие и располагал к задушевной беседе.

– У вас, кстати, тоже неприятности, – заявил, закончив рассматривание Удалова, печальный незнакомец.

– Наблюдаются, – ответил Удалов. И вдруг, помимо своей воли, слегка улыбнулся. Ибо понял, что его неприятности – пустяк, дуновение ветерка по сравнению с искренним горем незнакомца.

Они замолчали. Тем временем зашло солнце. Жужжали комары. Оркестр исполнял популярный танец «террикон», с помощью которого дирекция городского парка одолевала влияние западных ритмов.

Наконец Удалов развеял затянувшееся молчание.

– Закаты у нас красивые, – сказал он.

– Каждый закат красив по-своему, – сказал незнакомец.

Нос и глаза у него были покрасневшими, словно он страдал простудой.

– Издалека к нам? – спросил Удалов.

– Издалека, – ответил незнакомец.

– Может, с гостиницей трудности? Переночевать негде? Если что, устроим.

– Не нужна мне гостиница. – Голос незнакомца заметно дрогнул. – У меня в лесу, на том берегу, космический корабль со всеми удобствами. Я, простите за нескромность, космический скиталец.

– Нелёгкий труд, – посочувствовал Удалов. – Не завидую. И чего скитаетесь? По доброй воле или по принуждению?

– По чувству долга.

– Давайте тогда рассказывайте о своих трудностях, постараюсь помочь. В разумных пределах. Зовут меня Удаловым Корнелием Ивановичем.

– Очень приятно. Моё имя – Гнец-18. Чтобы отличать меня от прочих Гнецов в нашем городе. Так как я здесь в единственном числе, зовите меня просто Гнец.

– А меня можете называть Корнелием, – сказал Удалов. – Перейдём к делу. Давайте перекладывайте часть ваших забот на мои широкие плечи.

Гнец окинул взглядом умеренные плечи Удалова, но, видно, сильно нуждался в помощи и поддержке, поэтому произнёс следующее:

– Мне, Корнелий, нужна свободная планета. Летаю, разыскиваю. В одном месте сказали, что на Земле, то есть у вас, свободного места хоть отбавляй. Только, видно, информация была устарелой. Ввели меня в заблуждение.

– Может, тысячу лет назад и были свободные места, – согласился Удалов. – Но в последние годы нам самим тесновато. Да вы не расстраивайтесь. По моим сведениям, в беспредельном космосе свободных планет множество. Разве не так?

Мимо проходили влюблённые парочки, косились на скамейку и даже выражали недовольство, что двое мужчин средних лет заняли такой укромный уголок, как бы специально предназначенный для романтических вздохов. Да, не так уж свободно на Земле, если ты далеко не сразу и не всегда можешь найти укромное место для произнесения нежных слов.

– Планет много, – сказал Гнец-18. – Но нужна такая, чтобы имела растительность, воздух для дыхания и природные ресурсы. Мы проверили весь наш сектор Галактики, и, кроме Земли, нет ничего подходящего. Придётся мне возвращаться домой, брать другой корабль и искать свободную планету в дальних краях. А вы же знаете, насколько ненадёжны звёздные карты.

Удалов кивнул, хотя звёздных карт никогда не видел.

– И как я один за месяц справлюсь, не представляю, – сказал пришелец. – Столько дел, столько трудностей.

– Вы кого-нибудь возьмите себе в помощники, – подсказал Удалов, – вдвоём будет легче.

– Ах, Корнелий! – сказал горько Гнец-18. – Вы не представляете себе, насколько у нас на планете все заняты. По нескольку лет без отпуска. Руки опускаются. Нет, вряд ли я смогу подобрать себе спутника. Да если и подобрал бы, пользы мало.

– Почему же?

– Мои земляки очень плохо переносят невесомость, – объяснил Гнец-18. – И ещё хуже перегрузки. Меня с детства специально тренировали для космических полётов. И всё равно после каждого старта я два часа лежу без сил. Нет, придётся мне лететь одному.

Горе пришельца было искренним и глубоким. Вдруг что-то дрогнуло в сердце Удалова, и он с некоторым удивлением услышал собственный голос:

– У меня как раз отпуск начинается, а мой сын Максим заболел свинкой. Так что я совершенно свободен до восемнадцатого июля.

– Не может быть! – воскликнул Гнец. – Вы слишком добры к нашей цивилизации. Нет, нет! Мы никогда не сможем достойно отблагодарить вас.

– Вот уж чепуха, – сказал Удалов. – Если бы не встреча с вами, мне, может, пришлось бы ждать космического путешествия несколько лет или десятилетий. А тут вдруг предоставляется возможность облететь некоторые малоизвестные уголки нашей Галактики. Это я вас должен благодарить.

– Вы, очевидно, не представляете себе трудностей и опасностей космического путешествия, – настаивал Гнец-18. – Вы можете погибнуть, дематериализоваться, провалиться в прошлое, попасть в шестое измерение, превратиться в женщину. Наконец, вы можете стать жертвой космических драконов или подцепить галактическую сухотку.

– Но вы-то летаете, другие летают! – не сдавался Удалов. – Значит, практически Галактика не очень опасна. И, знаете, в конце концов, почётнее погибнуть в зубах космического дракона, чем дожить до пенсии без приключений.

– Я с вами не согласен, – возразил пришелец. – Мечтаю дожить до пенсии.

– Ваше право, – сказал Удалов. – Я – романтик дальних дорог.

Последние слова окончательно убедили Гнеца-18. Его лицо озарила добрая улыбка, и он произнёс, глотая непрошеные слёзы:

– Ты благородный человек, Корнелий!

– Ну что ты! – отмахнулся Удалов. – На моём месте так поступил бы каждый.

На следующее утро, солгав жене Ксении, что уезжает на дальнюю рыбалку, взяв с собой удочки, тёплую одежду и резиновые сапоги, Удалов покинул свой дом, переправился на пароме через реку, углубился в лес и, послушно следуя указаниям Гнеца-18, нашёл его небольшой космический корабль. Гнец-18 предложил удочки зарыть, а сапоги оставить на Земле, но Удалов не согласился, потому что ни он, ни Гнец-18 не знали толком, что их ждёт в далёком путешествии.

Первая планета

Сначала надо было вернуться домой к Гнецу, поменять корабль на другой, помощнее, и заправиться всем необходимым для долгого пути. Перелёт занял всего несколько часов, потому что корабль Гнеца-18 был гравитолётом, а гравитационные волны, как известно, распространяются почти мгновенно. Гнец-18 паршиво переносил путешествие, и поэтому Удалову пришлось самому осваивать приборы управления и готовить пищу. Корнелий был так занят, что не успел справиться у Гнеца, зачем ему понадобилась свободная планета. Он только спросил своего нового товарища, предлагая ему тарелку с куриным бульоном:

– Вы что, колонию основать хотите?

– Если бы так просто, – ответил Гнец.

Тут ему опять стало плохо, и он даже не доел бульон.

На космодроме Гнеца-18 встретили встревоженные члены правительства. Гнец не успел даже представить Удалова, как они засыпали его вопросами на местном языке, который Удалову был понятен как русский, потому что Гнец-18 снабдил его универсальным транслятором.

– Ну и что? – волновался президент. – Земля свободна?

– Мы можем начинать? Дело не терпит, – сказал премьер-министр.

Удалов мог бы всё объяснить правительству, но он, как человек деликатный, ждал, что скажет Гнец-18. Стоял в сторонке и дышал свежим воздухом, рассматривал странные одежды встречающих и общественные здания непривычных очертаний, окружавшие космодром.

Наконец Гнец-18 решительным жестом остановил министров.

– К сожалению, очередная неудача. На Земле живёт множество людей, достигших высокой степени цивилизации, не такой, конечно, как мы, но довольно высокой.

Члены правительства расстроились и осыпали Гнеца-18 незаслуженными упрёками. Гнец-18 выслушал упрёки, но вместо оправдания сказал:

– Ещё не всё потеряно. Представитель Земли по имени Корнелий любезно согласился помочь нам в дальнейших поисках. У него богатый опыт космических встреч, и он отлично переносит межзвёздные путешествия.

Члены правительства продемонстрировали Удалову знаки своего уважения и тут же пригласили в город, чтобы он смог провести ночь в нормальных условиях. А тем временем корабль подготовят к полёту.

Комната в гостинице была невелика, лишена украшений, и в ней были только самые необходимые вещи: кровать, стул и умывальник. Вообще, Удалов успел заметить, что в городе совсем нет украшений и излишеств. Словно его обитатели были очень сухими и деловыми людьми. Удалов вспомнил слова Гнеца-18, что здесь все так заняты, что по нескольку лет не бывают в отпуске.

Наступила ночь. Удалову не спалось. Он решил немного погулять.

Улица была пустынна, но хорошо освещена. Удалов пересёк площадь со странным монументом посредине и свернул на широкую улицу, вдоль которой тянулись магазины. Витрины были не освещены, и на них рядами стояли те вещи, что продавались внутри. Без всяких попыток расположить их красиво.

Вдруг Удалов услышал шуршание шин. Из-за угла выехала странная процессия. Она состояла из двух десятков катафалков или платформ, которые показались Удалову схожими с катафалками, потому что на каждой стояло по прозрачному гробу. А то и по два. И в каждом гробу лежало по человеку.

Это были удивительные похороны. В них участвовали только водители платформ. И ни один родственник, ни один друг не пришёл проводить умерших в последний путь.

Отзывчивое сердце Корнелия дрогнуло. Он не мог не принять каких-нибудь мер. Он сорвал с клумбы, окружающей монумент, несколько цветков и, догнав процессию, прошёл вдоль катафалков и возложил по цветку на каждый гроб.

Водители катафалков косились на него, но не препятствовали проявлять сострадание.

Украсив по возможности все гробы цветами, Удалов пошёл в хвосте процессии, понурив голову и как бы замещая собой скорбящих родственников.

Процессия двигалась медленно. Удалов шёл и размышлял о странных обычаях, которые встречаются вдали от дома. Потом подумал, что, может быть, на планете свирепствует эпидемия и они не успевают хоронить своих умерших как положено. Но почему тогда никто не сказал Удалову об этом? Может, в этом таится причина того, что нет желающих полететь в космос? А может быть, привилегированные слои местного общества ищут свободную планету, чтобы избежать заразы?

Первый катафалк остановился перед громадным серым зданием. В полуподвале было открыто окно, и из него изливался тёплый жёлтый свет. Катафалк развернулся, и его платформа поднялась, как у самосвала. Гроб скользнул вниз и исчез в подвале. Удалов только ахнул.

Примеру первого катафалка последовал второй, третий. Лица водителей были безучастны, словно они перевозили картошку. Удалова так и подмывало вмешаться, но он взял себя в руки. Нельзя лезть в чужой монастырь со своим уставом. Лучше завтра поговорить с Гнецом, и он всё объяснит. Но тут любопытство пересилило Удалова. Он подумал, что ничего плохого не случится, если он заглянет в серое здание и выяснит, крематорий это или что иное.

Удалов дождался, пока последний катафалк свалил в подвал свою ношу. Убедившись, что его никто не видит, он осторожно обогнул здание, разыскивая вход.

Вот и дверь. Она была открыта, и никто её не сторожил. Удалов вошёл внутрь и направился по широкому, тускло освещённому коридору. Навстречу ему попался спешащий человек в белом халате, и Удалов уже приготовился ответить на вопрос, как он сюда попал, но человек не обратил на него внимания. Поэтому, когда за поворотом коридора Удалову встретился второй человек, он уже чувствовал себя смелее. Но на этот раз его заметили.

– Что за безобразие? – спросил человек. – Почему не в халате? Что за порочное небрежение к стерильности!

– Простите, – сказал Удалов. – Я здесь случайно. Шёл, понимаете, вижу дверь.

– Случайностей быть не должно, – ответил человек, распахивая стенной шкаф.

Он вытащил оттуда белый халат и протянул Удалову. Удалов послушно натянул халат, который был велик, и поэтому пришлось закатать рукава. Человек нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

– Ну вот, – сказал Удалов. – Переоделся я. А дальше что?

– Дальше? Дальше – за работу. А вы на что рассчитывали?

Человек схватил Удалова за руку и потянул за собой. Удалов не сопротивлялся, семенил следом, потому что пребывал в полной растерянности.

Через сотню шагов они оказались в громадном зале. Там было зябко, морозно, ослепительный ледяной свет ламп под потолком освещал жуткую картину: вдоль стен, в несколько ярусов, стояли одинаковые гробы.

– Ой! – в ужасе вскрикнул Удалов. – Вы их так содержите?

– А что прикажете делать? – строго спросил его спутник. – Вы можете предложить иной способ хранения?

По транспортёру, тянувшемуся через весь зал, медленно плыл гроб.

– А ну, беритесь! – сказал человек.

– Я боюсь, – возразил Удалов.

– Ещё чего не хватало!

Пришлось взяться за холодный и страшно тяжёлый гроб и тащить его к стеллажу.

Всю ночь Удалов трудился не покладая рук. Большей частью он работал у транспортёра в большом зале, носил, ставил, перетаскивал гробы, к утру окончательно вымотался, притом робел перед своим напарником настолько, что не решался спросить его, что за странные обычаи на этой планете. Терпел до конца смены, решив подробно допросить Гнеца-18.

На рассвете сирена объявила о конце смены. Удалов, несколько привыкший к местным порядкам, повесил белый халат в стенной шкаф и поспешил в гостиницу. Солнце уже встало, на улице было тепло, и появились первые прохожие. Когда Удалов подбегал к гостинице, навстречу ему попалась ещё одна длинная похоронная процессия. И никто, кроме Корнелия Ивановича, не обратил на неё ровно никакого внимания.

Только успел Удалов не раздеваясь прилечь на кровать, как в комнату ворвался Гнец-18.

– Всё готово! – воскликнул он. – За ночь мы подготовили корабль.

– Я никуда не полечу! – отрезал Удалов.

– Как? Почему? Что стряслось? Как можно нарушить данное слово?

– Я бы рад не нарушать. Но знаешь ли ты, где я провёл ночь?

– Не подозреваю.

И тогда Удалов вкратце поведал о своём ночном приключении.

– Я во всём виноват! – опечалился Гнец-18. – Я вселил в твоё сердце недоверие, потому что не спешил с рассказом. Полагал, что в полёте будет для этого достаточно времени. Но клянусь тебе, нет в этом никакой тайны и тем более никаких гробов.

– Но я же их собственными глазами видел, – возразил Удалов.

– Это поучительный пример того, как нельзя доверяться собственным глазам, если уж попал на чужую планету. На деле всё наоборот: на нашей планете практически побеждена смерть. Мы – планета торжествующей жизни.

Но почему-то это оптимистическое заявление заставило говорившего грустно вздохнуть.

Затем Гнец-18 продолжал:

– Мы раньше, чем Земля, вступили на путь научного прогресса. И дальше ушли по этому пути. Были побеждены болезни и сокращены несчастные случаи. Мы раскрыли секреты старения и долголетия. Теперь у нас люди живут столько, сколько считают нужным. И как минимум двести лет.

– Это очень важное достижение, – согласился Удалов.

– Но мы не изобрели лишь одного – космических путешествий. Как ты мог убедиться на моём примере, мы типичные домоседы и к космосу относились с опаской и недоверием. Вот вы, к примеру, на Земле заранее решили осваивать космос. Мы же только сейчас спохватились. Когда поняли, что наша планета страшно перенаселена. Несмотря на наши достижения, нам приходится с каждым годом уменьшать площадь квартир и даже высоту потолков, что невыносимо для цивилизованного человека.

– Совершенно невыносимо, – подтвердил Удалов, кинув взгляд на низкий потолок гостиничного номера.

– У нас страшные очереди в библиотеки и на стадионы, хотя, например, мы пошли на то, чтобы увеличить число команд в первой лиге по цукенолу до тысячи восьмисот двадцати.

– Это что ещё за игра? – удивился Удалов. – Такой не знаю.

– Трудно объяснить, ведь на разных планетах совершенно разные развлечения. В цукеноле собираются две группы игроков, и им выдают один круглый предмет. Цель игры – закатить этот предмет в сетку противника.

– Руками или ногами? – поинтересовался Удалов.

– Что ты, только ногами. Если кто-нибудь дотронется до круглого предмета рукой, с него берут штраф.

– Очень похоже на футбол, – подумал вслух Удалов. – А поле какое? А игроков сколько?

– Вот в этом ещё одна наша трагедия. Когда-то, в недавнем прошлом, цукенолисты играли на поле длиной в сто метров. Но с современным перенаселением пришлось уменьшить поля в десять раз, а число игроков с десяти до трёх. Сам понимаешь, что наши поклонники цукенола – самые несчастные люди во Вселенной.

– Да, на десяти метрах не разгуляешься!

– И вот наши учёные сделали очередное открытие: научились безболезненно усыплять людей, погружать их в анабиоз. И тогда те, кому надоело жить в тесноте, решили, что они поспят, пока наша проблема перенаселения не будет решена. Сначала их было сравнительно немного, но потом к ним присоединились несколько тысяч не очень красивых девушек, которые решили поспать до тех пор, пока наука не придумает, как всех людей сделать красивыми. Ещё через год в анабиоз решили улечься два миллиона болельщиков цукенола, которые не в силах были глядеть на уменьшение спортивных полей. Когда вернутся славные времена, тогда и проснёмся, заявили они. Но ведь многие засыпают со своими семьями.

Гнец-18 удручённо замолчал.

– И сколько же всего набралось сонных? – спросил Удалов.

– На сегодняшний день насчитываем чуть более двух миллиардов человек.

– С ума сойти!

– Вот именно. Всё больше нужных планете специалистов заняты строительством анабиозных ванн и хранилищ для них, полови-

на нашей промышленности вырабатывает охлаждающие растворы и контрольные приборы, старых хранилищ не хватает, приходится всё время строить новые. И ты, Удалов, как раз присутствовал при заполнении очередного «спального дома». Научный прогресс неизбежно замедлился, а население продолжает расти, так что даже если бы мы захотели сейчас разбудить всех наших спящих, им бы некуда было деваться.

– Положение! – сказал Удалов.

– Мы вынуждены были отказаться от многих искусств, и даже музыки. Мы живём без отпусков и выходных, бережём наших спящих и лихорадочно ищем пути выхода.

– И свободную планету, – продолжил за Гнеца Удалов. Он уже всё понял.

– Да. Привлекательную планету с умеренным климатом и богатой растительностью. Мы отвезли бы туда два миллиарда ванн, построили бы там дома и косметические кабинеты, разбили бы там скверы и цукенольные поля. Но такой планеты нет.

– А сами принялись бы развивать искусства и литературу, – предположил Удалов.

– Но нет такой планеты, – повторил печально Гнец-18. – Мы разыскиваем её уже который год, но всё напрасно.

– Найдём, – сказал Удалов. – Как не найти! У нас весь отпуск впереди.

Вторая планета

Перед отлётом Удалов с Гнецом изучили звёздные карты и решили лететь в сектор 5689-бис. Сектор был неблизкий, триста световых лет, меньше чем за три дня туда не доберёшься, но зато в тех краях было отмечено несколько очень перспективных планетных систем.

Премьер-министр приехал проводить разведчиков. На прощание он сердечно пожал Удалову руку и произнёс с надеждой в голосе:

– Сами понимаете, Корнелий Иванович...

– Понимаю, – ответил Удалов, – и постараюсь не обмануть доверие.

Гнеца-18 сразу укачало, чувствовал он себя паршиво, большую часть времени лежал на диване и думал. Удалов готовил пищу, прибирал на корабле, а в свободные минуты любовался пролетавшими

за иллюминатором разнообразными звёздами, планетами, кометами и метеорами. Картины звёздного мира доставляли ему несказанное удовольствие. Отпуск начался удачно. Если бы не Максимкина свинка, стоило бы взять мальчишку с собой. Набирался бы впечатлений, чтобы поделиться с товарищами по классу.

К вечеру третьего дня Гнец-18 сказал:

– Тормози, Корнелий.

Удалов перешёл на капитанский мостик и начал торможение. Он освоился с управлением и посадку провёл гладко, мастерски.

Уже при подлёте было видно, что планета попалась спокойная, зелёная, поросшая большей частью кустарником и совершенно необработанная. Ни городов, ни деревень, ни дорог сверху не было видно.

Опустились на берегу реки. Река была широкая, прозрачная, текла медленно и величаво. За рекой начинался невысокий лес, в котором щебетали вечерние птицы и рычали какие-то звери.

– Ура! – обрадовался Гнец-18, когда отдышался после посадки. – Это то, что нам нужно. Климат, растительность и никакой разумной жизни.

– Погоди, – остановил его осторожный Удалов. – С утра возьмём катер, поглядим. Если бы ты на Земле сел в верховьях Амазонки, то тоже решил бы, что населения у нас нет. Был со мной в прошлом году случай. Отправился я затемно за опятами на Выселки. Прихожу, лес пустой, а грибы уже собраны. Оказывается, меня те, кто с ночи выехал, опередили.

– Это так, – согласился Гнец-18. – Я, когда сел в лесу у Великого Гусляра, тоже решил, что Земля необитаема. А потом услышал, что лесопилка работает, и расстроился.

И космонавты легли спать.

Настало свежее, светлое утро. Белое солнце поднялось на небо. Удалов с Гнецом отправились на разведку. Они перелетели через реку, долго парили над безлюдным лесом, а когда началось поле, поросшее редкими кустами, Гнец сказал:

– Что-то мне летать надоело. Давай пойдём дальше пешком.

Они взяли бластеры, чтобы отбиваться от хищных зверей, и поставили катер на автоматику. Они шли пешком, а катер летел над ними, и это было очень удобно, потому что стало жарко, можно было получить солнечный удар, а под катером всегда была прохладная тень.

Удалов набрал букет душистых цветов и решил засушить наиболее красивые экземпляры, чтобы привезти их сыну для гербария, собрать который задала ему на лето учительница. Шли часа два. Потом Гнец сказал:

– Ну, теперь ты убедился, что здесь никто не живёт?

– Нет, – ответил Удалов. – Нужна осторожность. Речь идёт о судьбе двух миллиардов людей.

И он оказался прав.

Не успели они пройти и десяти шагов, как увидели, что из травы торчит ржавый железный штырь.

– Это свидетельство разумной жизни, – сказал уверенно Удалов.

– Совсем не обязательно. Может, сюда прилетали с другой планеты и забыли. А может, туристы-межпланетники. Ты же знаешь, какие они неаккуратные. Пробудут день, а напакостят, словно жили три года.

– С туристами бывают трудности, – согласился Удалов, – но туристы таких штук не забывают.

Он раздвинул кусты и показал Гнецу-18 поросшую мхом пушку с изогнутым стволом.

– Да, – подтвердил Гнец-18. – Туристы этого с собой не возят.

– Поехали обратно? – спросил Удалов.

Гнец подумал немножко и сказал:

– Давай получше исследуем. А вдруг они все погибли?

– Как так?

– Воевали до тех пор, пока друг друга не перебили.

Гнец с Удаловым забрались в катер и полетели вперёд. Чем дольше они летели, тем больше попадалось им следов человеческой деятельности. То громадная воронка от бомбы, то взорванный завод, то целый город, разрушенный до основания. И что удивительно – всё так заросло кустами и мхом, что если б Гнец с Удаловым не искали эти следы специально, можно было бы принять их за природные образования. С каждой минутой Гнец-18 всё больше убеждался, что люди здесь друг друга взаимно уничтожили, но Удалов настаивал доисследовать планету до конца. Может быть, они куда-нибудь эвакуировались?

– Эвакуировались! – возмущался Гнец-18. – И потом сто или двести лет не догадывались вернуться назад! Что же они, дураки, что ли?

– Всё бывает, – ответил на это Удалов, которому были свойственны здравый смысл и осторожность.

Они долетели до самого полюса, заглянули на экватор, пересекли океаны. И везде одно и то же. Следы войны и разрушения – и ни одного живого человека.

Удалов был уже готов согласиться с Гнецом. В самом деле, все друг друга перебили. Очень прискорбно, но что поделаешь?

– Для страховки мы сделаем вот что, – произнёс вдруг Гнец-18. – Есть у меня на борту Искатель Разума. Специально сконструирован для подобных случаев. Определяет, есть ли разумная жизнь в радиусе тысячи километров вокруг.

Гнец достал белый ящичек с антенной и настроил его. Сразу же раздалось гудение и щёлканье.

– Вот видишь, – сказал Удалов, – значит, есть.

– Это на тебя показывает, – заметил серьёзно Гнец-18. – И на меня тоже. Придётся надеть шлемы, чтобы наши разумы ему не мешали.

Они надели специальные шлемы и посмотрели на прибор. Он продолжал щёлкать, хоть и не так громко, как раньше. Еле-еле. Где-то на планете, далеко от них, теплился разум.

Гнец искренне огорчился, а Удалов предложил:

– Пообедаем сперва и полетим отыскивать твоего отшельника. Может, если он один, то сам будет умолять: «Пришлите мне переселенцев, не с кем поболтать длинными осенними вечерами».

Отправились они на поиски после обеда. Направление показывал сам Искатель Разума. Антенна, направленная куда надо, вела их к цели.

Они спустились к обширной холмистой равнине. Разум обитал где-то здесь. И это было странно. Ни деревца, ни кустика, лишь пахнет полынью, и столбиками у своих нор стоят грызуны.

– Может, врёт твой прибор? – спросил Удалов.

– Когда он на тебя жужжал и показывал, то не врал, – заметил саркастически Гнец-18. – А когда на других показывает, то врёт?

– Ну, тогда ищи сам, – обиделся Удалов. Пребывание на этой планете ему уже надоело, и хотелось отправиться дальше.

Гнец-18 долго бродил по равнине, прислушиваясь к прибору, и забрёл далеко. Удалов снова занялся гербарием. Вдруг Гнец обернулся и закричал:

– Корнелий, иди сюда!

Удалов подошёл.

Гнец-18 стоял перед грудой камней и металла. Прибор надрывался от обилия разума.

– Здесь, – показал Гнец, – был вход в подземелье.

Теперь входа не оказалось. Он был засыпан. И довольно давно.

– Какой ужас! – воскликнул отзывчивый Удалов. – Они замурованы и не могут выйти наружу!

Он попытался голыми руками расшвырять камни и железки, но его сил на это не хватало.

– Отойди, – сказал Гнец.

Он достал свой бластер и начал плавить преграду смертоносным лучом. Вскоре образовалась воронка, а ещё через несколько минут последний камень превратился в раскалённую пыль, и перед путешественниками предстало чёрное отверстие.

– Нам туда, – просто сказал Гнец-18, который не любил тратить время попусту. Он достал из кармана паутинную верёвочную лестницу и прикрепил её верхний конец к ещё горячим камням. – Вперёд!

Они долго шли по наклонному туннелю. В туннеле было темно и сыро. С потолка свисали небольшие сталактиты, и с них, словно с сосулек, капала вода. Стены были в ржавых потёках и блестели в лучах фонарей. Потом они спустились по скользкой лестнице на следующий ярус, долго ковыляли по шпалам разрушенной узкоколейки и добрались до глубокой шахты. В шахту пришлось спускаться по скобам, укреплённым в стене, и Удалов опасался, что скобы могут сорваться. Маленький водопадик срывался с края шахты, струйкой летел рядом, и иногда Удалову попадала за шиворот холодная вода. Спускались они полтора часа, и Удалов с ужасом думал, как они будут подыматься обратно. Потом снова начались переходы и туннели, и лишь после сорок четвёртого поворота впереди забрезжил тусклый свет.

– Я думал, что мы их никогда не спасём, – сказал Удалов.

– А ты уверен, что их надо спасать? – спросил Гнец-18.

Теперь они шагали по коридору, в котором были следы жизни. По стенам тянулись кабели и провода, изоляция, испорченная водой, кое-где была починена, обмотана тряпками. В куче земли, свалившейся сквозь большую трещину в потолке, была протоптана тропинка.

Спустившись ещё на один этаж вниз, они услышали шаги. Навстречу шёл человек в изношенном пиджаке и трусах, сделанных из брюк. Он был бледен и тяжело дышал. В руке у него был потёртый чемоданчик, подобный тем, какие на Земле носят водопроводчики. Человек несказанно изумился при виде путешественников.

– Как вы сюда попали? – спросил он.

– Мы ищем население, – ответил Гнец-18.

– Тогда вам ниже, – сказал водопроводчик. – Здесь только я. Чиню проводку. Трубы текут, изоляция никуда не годится, вентили заржавели. Вы там, внизу, скажите, чтобы прислали замазку, изоляцию и новые трубы.

– Обязательно скажем, – пообещал Удалов. – И давно вы здесь живёте?

– Испокон веку, – ответил водопроводчик. – А где же ещё жить?

– Наверху.

– Где? – Водопроводчик поглядел на Удалова как на сумасшедшего.

– Наверху! – Удалов показал пальцем.

– Там нельзя. Там темно и сыро. Там жить невозможно.

– Но я же имею в виду не туннели, а поверхность вашей планеты, – объяснил Удалов. – Там светит солнце, растёт лес, текут реки и ручьи.

– Какой лес? Какое солнце? Вы откуда свалились?

– Именно оттуда.

– Опасные вы слова говорите. Таким, как вы, не место на свободе.

– Пойдём отсюда, – вмешался Гнец-18, – пойдём скорей.

– Правильно, – одобрил водопроводчик. – Только не забудьте про трубы и замазку сказать.

Они спустились ещё на несколько этажей и наконец попали в населённые места. Иногда им встречались люди. Двигались они медленно, лица у всех были бледные и тоскливые. В стенах коридоров были выдолблены ниши, в которых эти люди обитали. На перекрёстке двух туннелей путешественники увидели человека в блестящей, хоть и поношенной форме.

– Гляди, похож на полицейского, – сказал Удалов. – Он нам и нужен.

– Вы случайно не страж порядка? – спросил Гнец-18. – Скажите, пожалуйста, как нам пройти к...

– Одну минутку. – Человек в форме вынул из-за спины палку и ударил по голове проходящего мимо старичка. – Ты где переходишь? – спросил он его.

Старичок послушно вынул из кармана монету и отдал полицейскому.

– Вам чего? – повернулся к ним полицейский.

– Нам надо пройти к вашему начальству, – сказал Гнец-18.

– Зачем? – спросил полицейский, размахивая палкой, как маятником.

– Мы хотим узнать, ваша планета свободная или занятая?

– Это как так? – удивился полицейский.

– Мы побывали наверху, – объяснил Гнец-18. – Там всё свободно. Но тут, внизу, занято.

– Что-то твои слова мне не нравятся, – сказал полицейский. – Я бы тебя отправил сейчас куда следует, только ты одет слишком хорошо. Ты, часом, не грабитель?

– Простите, – вмешался Удалов. – Там, наверху, водопроводчик просил прислать ему трубы, а то течёт.

– Вечно ему что-то нужно. Обойдётся, – ответил полицейский. – А вы зачем туда ходили?

Удалов потянул Гнеца-18 за рукав:

– Идём дальше.

– Нет уж, голубчики, – возразил полицейский. – Вы пойдёте только со мной. Или платите шесть монет за переход улицы в неположенном месте.

– А где положенное? – спросил Удалов.

– Это только я знаю, – усмехнулся полицейский. – На то меня здесь и держат.

Тут полицейский поднял палку и повёл путешественников вниз через переходы и лестницы до большой ниши, в которой разместился полицейский участок.

В участке они долго не задержались. Там их допросили, для порядка избили палками и на скрипучем лифте отправили ниже, чуть ли не к центру планеты, в пещеру, которую занимал кабинет Начальника № 1.

– Итак, – сказал Начальник № 1, когда ему изложили суть дела, – вы нагло утверждаете, что пришли сверху. Это чепуха, потому что наверху ничего нет. Там никто не живёт. Человек не муха, чтобы ползать по потолку. Теперь остаётся только выяснить, зачем вы лжёте.

– Да не лжём мы! – возмутился Удалов. – Погодите, я вам паспорт покажу. Он вообще прописан на другой планете.

– Я не знаю, что такое паспорт, – сказал Начальник № 1, – но в любом случае ваш паспорт здесь недействителен, потому что других планет не существует. Придётся посадить вас в тюрьму, пока вы не сознаетесь, зачем пожаловали, кто вас подослал подорвать нашу бодрость.

– Не нужна нам ваша бодрость! – продолжал спорить Удалов. – Мы искали свободную планету. Ваша показалась нам ненаселённой. А обнаружилось, что вы спрятались под землёй и носа наверх не высовываете.

– Для нас это загадка, – добавил Гнец-18.

Тогда Начальник № 1 приказал всем посторонним выйти из комнаты, запер дверь, заглянул под стол – не остался ли там кто-нибудь, поманил путешественников пальцем и сказал шёпотом:

– Я-то знаю, что наверху жить можно. Но другим об этом знать не положено. Триста лет назад на нашей планете бушевала война. Она была такой всеобщей, что абсолютно всё было разрушено. И люди сохранились только в глубоких бомбоубежищах. После войны жить наверху было нельзя. Даже выглянуть опасно. Там всё было настолько разрушено и заражено, что даже комар через три минуты умирал. Вот мы и переселились под землю. В этом есть недостатки, зато очень удобно держать в руках население. Вот мы и внушаем, что никакого другого мира не существует. А вы для нас – опасные существа и возмутители спокойствия. Так что придётся вам провести остаток своих дней в тюрьме.

Закончив речь, Начальник № 1 вызвал стражу, путешественников затолкнули в тёмный каменный мешок и захлопнули за ними железную дверь.

– Вот попались! – произнёс в сердцах Удалов. – У меня же отпуск скоро кончится. Так дело не пойдёт.

Он хотел было барабанить в дверь и требовать справедливости, но Гнец-18 объяснил, что ничего из этого не выйдет. Они всё равно проникли сюда без разрешения, а раз местные жители думают, что, кроме их мира, никакого другого нет, а если и есть, то он для житья не приспособлен, значит, Удалов с Гнецом ниоткуда не приезжали, а они – местные жители с вредными мыслями.

– Всё равно, – ответил упрямо Удалов, – я этого так не оставлю.

– А что можно сделать? – удивился Гнец-18. – Наш путь завершён. У нас даже ничего нет – ни фонарей, ни бластеров, ничего. Всё отобрали полицейские. Жаль только, что мы не выполнили задания и нас будут понапрасну ждать дома. Прощай, друг Корнелий. Прости, что я впутал тебя в эту историю.

– Ни-че-го подобного, – ответил Удалов, глядя в кромешную тьму. – У меня дела дома. У тебя дела дома. А ты собираешься просидеть здесь всю жизнь. Эй! – продолжал он, подходя к двери. – Здесь есть кто?

– Я на страже, – отозвался голос из-за двери.

– Нас скоро выпустят?

– Из этих каменных мешков ещё никто не выходил живым, – ответил глухой голос стражника.

– Я так и думал, – прошептал Гнец-18.

– Может, никто и не выходил, – сказал тогда Удалов. – Но всё равно я обязан открыть тебе, стражник, глаза. Ты меня слышишь?

– Слышу, – ответил стражник.

– Мы пришли сверху, – произнёс Удалов. – Там, наверху, светит солнце, растёт трава и поют птицы. Там светло и сухо. Планета уже забыла, что на ней была страшная война. Она ждёт, когда снова вернутся люди. А вы сидите внизу, как кроты в подземелье.

– Наверху ничего нет.

– Это тебе вдолбили с детства, что ничего нет. Твои начальники боятся, что как только вы выберетесь на волю, то разбежитесь во все стороны.

– Наверху ничего нет, – повторил стражник. – Там пусто. Там смерть. Жизнь кончается на двадцать третьем ярусе. И не понимаю, зачем все эти разговоры? Может, вы сумасшедшие?

– Тогда зачем нас посадили в каменный мешок? Ведь сумасшедших надо отправлять в больницу.

– У нас нет больниц. Мы живём и умираем, когда наступает для этого время.

– Пойдём с нами наверх, – предложил Удалов. – Там тепло, светло и сухо.

– Не соблазняй меня.

– Там поют птицы и журчат светлые реки...

Стражник грустно вздохнул:

– Это похоже на сказку.

– Ты ничем не рискуешь, – сказал Удалов. – Если тебе не понравится, ты вернёшься.

– Не соблазняй, – сказал стражник. – Ты говоришь, тепло, светло и сухо?

– И дует ветер. И шелестят листьями деревья. И жужжат пчелы, отыскивая путь к улью, и стрекочут кузнечики.

– Я не знаю, что такое деревья, и не слышал, как жужжат пчелы. А если ты лжёшь, незнакомец?

– Тогда ты приведёшь нас обратно и никогда не выпустишь отсюда.

– Хорошо, – согласился стражник, – только я вам завяжу руки, чтобы вы меня не убили. Ведь не исключено, что вы сумасшедшие или хитрые преступники.

– Соглашайся, – прошептал Гнец-18. – Соглашайся на всё.

Он воспрянул духом.

Стражник связал путешественникам руки и повёл их коридорами к скрипучему грузовому лифту.

– Этот лифт поднимет нас на предпоследний ярус, – сказал он, подведя путешественников к ржавой клети, – а там посмотрим.

Лифт поднимался целую вечность. Гнец боялся, что за ними будет погоня, и спрашивал, нельзя ли поторопить лифт.

– Других нету, – мрачно ответил стражник, который оказался сутулым мужчиной с бледным, рыхлым, как манная каша, лицом. – Куда дальше? – спросил он, когда лифт через полчаса остановился.

Он явно жалел, что поддался на уговоры, и вот-вот готов был повернуть назад.

– Теперь недолго осталось, – сказал Гнец-18, в котором, словно компас, было заложено чувство направления.

Они шли так быстро, что стражник еле поспевал за ними. Его керосиновый фонарь раскачивался как маятник, и оттого казалось, что туннель заполнен прыгающими тенями. Они миновали шахту, поднялись по лестнице, попали в тупик, и пришлось возвращаться назад, пробежали через узкий проход, в котором ржавели автомобили и мотоциклы, и в тот момент, когда стражник, запыхавшись, сказал, что больше не сделает ни шагу, увидели впереди пятнышко света.

Удалов первым добежал до входа в подземелье и вскарабкался наверх без помощи рук, которые были связаны за спиной.

– Свобода! – закричал он, как джинн, выпущенный из бутылки.

Следом выбрался Гнец-18.

– Вылезай, – сказал он стражнику, который, зажмурившись, стоял на дне ямы.

– Не могу, слишком светло, – отказался стражник.

Удалов и Гнец-18, повернувшись спинами друг к другу, развязали путы. Потом Удалов лёг на край воронки, протянул руку вниз и помог стражнику выбраться на поверхность.

– Открывай глаза понемножку, – сказал Удалов. – Солнце зашло за облака, не страшно.

Стражник стоял на краю воронки, и у него дрожали колени.

Наконец он осмелился открыть глаза и, щурясь, огляделся. Вокруг расстилалась холмистая равнина, поросшая травой и полынью. Далеко, у горизонта, стеной стоял лес и начинались голубые холмы. Это было не самое красивое место на планете, но всё равно здесь было в миллион раз лучше, чем под землёй.

Но стражник этого не понял. Он ухватился за Удалова и простонал:

– Не могу. Лучше умру.

– В чём дело? – спросил Удалов.

– Слишком много места и слишком много света. Лучше я пойду обратно. Я вам верю теперь, но под землёй лучше. Спокойнее и всегда стены под боком.

И как Удалов ни уговаривал стражника осмотреться, подождать, как ни соблазнял его полётом над лесами, тот говорил только:

– Нет, нет, я лучше под землю. Я там рождён и умру в четырёх стенах.

– Оставь его, – сказал Гнец-18. – Каждый волен выбирать тот образ жизни, который ему нравится.

– Человеку не свойственно жить под землёй. Это место для кротов и червей, – возражал Удалов.

Но стражник был непреклонен.

– Прощайте! – произнёс он и прыгнул вниз. Оттуда он крикнул: – Наверно, всё это мне приснилось! Я постараюсь обо всём забыть. Только бы не проговориться случайно, а то придётся самому вместо вас гнить в тюрьме.

И стражник убежал вниз, в привычную темноту, тесноту и сырость.

Когда Удалов с Гнецом вернулись на корабль, Корнелий сказал:

– Всё-таки я надеюсь, что они когда-нибудь сами отыщут выход.

– Возможно, – ответил Гнец-18, – но мы не должны вмешиваться. Спасибо тебе, Корнелий, что ты помог мне выбраться из тюрьмы. Давай искать другую планету. Такую, чтобы и в самом деле была совершенно свободной.

Третья планета

На следующий день они заглянули на одну плотно заселённую и цивилизованную планету, где заправились гравитонами, купили сувениры и отправились в справочное бюро, чтобы узнать, нет ли по соседству подходящей свободной планеты.

– Точно не скажем, – ответили им. – Мы сами рады бы найти такое место, чтобы построить там дачи и туристские лагеря, потому что спасения нет от собственных туристов. Жгут костры, ломают деревья. Попробуйте, впрочем, заглянуть к звезде Энперон, около которой вращается несколько планет. Мы туда не летаем, потому что боимся космических драконов.

– Драконы – не самое страшное в Галактике, – сказал Гнец-18. – Где у вас ближайший магазин?

В магазине путешественники купили бочку уксуса и распылитель, потому что каждому космическому страннику известно, что космические драконы не выносят уксусного запаха, и полетели к Энперону.

Надо сказать, что им повезло. Единственный дракон, встретившийся на пути, был сравнительно маленьким. Как он ни старался, корабль Гнеца не поместился в его пасти, а когда Удалов распылил уксус, дракон трусливо бросился наутёк и спрятался в ближайшей туманности.

– Вот, погляди! – воскликнул Гнец, глядя на первую же планету. – Какая чудесная растительность! Зелёная и яркая! Какие разноцветные озёра и реки! Какие сизые и зелёные облака плывут над ней! И вроде бы нет людей!

– Не нравится мне это разнообразие, – сказал Удалов. – Реки должны быть бесцветными или голубыми, в крайнем случае зеленоватыми, но никак не красными и не жёлтыми. И зелёные облака – тоже ненормальность. Ну что делать, раз уж прилетели, поглядим.

Они опустились на берегу оранжевого озера и вышли наружу. Чёрная туча надвигалась с запада. Пахло кислой капустой и соляной кислотой. От озера поднимался пар.

Удалов первым подошёл к воде, прихватив удочки, потому что решил порыбачить, пока Гнец приходит в себя после посадки. Он закинул удочку с высокого берега. С озера тянуло гнилью, и надежд на хорошую рыбалку было немного. Крючок сразу зацепился за что-то, и Удалов с трудом выволок на берег ком гнилых водорослей. Он освободил крючок, насадил червяка из земных запасов и закинул снова. Тут же клюнуло. Удалов подсёк, потащил осторожно к себе. Показался чёрный плавник, но это была не рыба. Это был скользкий червь с плавником. Пока Удалов, содрогаясь от отвращения, тащил червя к берегу, из оранжевой воды выскочил ещё один червь, вдвое больше первого, и вцепился в добычу Удалова. А когда всё это уже было на берегу, вода вздыбилась и из неё выпрыгнул червь втрое больше второго. И проглотил обоих первых. Удалов бросил удочку и побежал наверх. Нет никакой гарантии, подумал он, что следующий червяк не сожрёт и самого Удалова.

Навстречу ему шёл Гнец-18.

– Ну, что новенького? – спросил он, потирая руки.

– Только черви в озере, – ответил Удалов. – Боюсь, что они всю рыбу сожрали.

– Пустяки, – отмахнулся Гнец-18. – Мы их выведем.

Ему очень хотелось, чтобы планета оказалась свободной.

– Ты лучше доставай свой Искатель Разума, – сказал Удалов. Он был мрачен, потому что лишился своей лучшей удочки с японской леской.

Только Гнец собрался последовать совету товарища, как их накрыла чёрная туча. Стало темно. Вонючий дождь хлынул сверху, как из помойного ведра. Пока они добежали до корабля, промокли насквозь и покрылись синяками – в дожде попадались гайки, ветки, гнутые гвозди и иная рухлядь.

– Не нужен нам твой Искатель, – сказал Удалов, захлопывая люк и вытаскивая из уха ржавый шуруп. – И без него всё предельно ясно.

– Не уверен, – сказал Гнец-18, включив обогреватель, чтобы просохнуть, и обрызгивая Удалова одеколоном. – Может, им не хотелось жить в таком безобразии. Вот они и улетели. А мы эту планету вычистим и приведём в порядок. По крайней мере, леса здесь зелёные.

Но когда дождь кончился и они отправились в лес, оказалось, что листьев на деревьях нет и в помине, зато мириады зелёных тлей обгладывали кору, а жуки и гусеницы терзали стволы – деревья были такими трухлявыми, что, когда Удалов нечаянно задел одно из них плечом, дерево рухнуло и превратилось в пыль.

– Обрати внимание, – сказал Удалов, стряхнув с себя труху и насекомых, – здесь даже птиц нету. Не говоря уже о более крупных животных.

И тут они увидели местного жителя. Это был хилый карлик в рваной накидке, наброшенной на узкие плечики, с грязным мешком в руке. Притом в противогазе.

При виде незнакомцев карлик попытался скрыться в чаще, но ноги его подкосились, и он сел на землю.

– Здравствуйте, – сказал Удалов, протягивая вперёд руки, чтобы показать, что не взял с собой никакого оружия. – Вы здесь живёте?

– Разве это жизнь? – удивился карлик. – Это существование. А вы-то не боитесь?

– А чего нам бояться? – спросил Удалов.

– Как чего? Свежего воздуха, вони, заразы, червей и безнадёжности. Вы, наверное, приезжие?

– Правильно, – ответил Гнец-18. – Мы ищем свободную планету. С воздуха ваша нам сначала понравилась. Она кажется такой разноцветной и пустынной...

– Что правда, то правда, – кивнул карлик. – Разноцветная – это да. И пустынная – тоже. Пойдёмте лучше ко мне домой, побеседуем, а то опять град собирается. Ещё пришибёт ненароком.

Путешественники последовали за карликом, который повёл их по тропинке, усеянной проржавевшими железками, через чёрные лужи, в которых шевелились пиявки, мимо пустырей, заваленных смердящим мусором. Удалов просто поражался, как же он не заметил всего этого безобразия с воздуха. Но потом понял: всё здесь было покрыто слоем разноцветной плесени, и только вблизи можно было удостовериться, насколько мрачен и безрадостен окружающий пейзаж.

– Городов у нас, простите, не осталось, – сказал карлик, – живём поодиночке.

Он пригласил их в подвал заросшего лишайниками и плесенью когда-то величественного замка. Внутри было множество помещений, со сводчатыми потолками, но вонь, которая пронизывала всё, была совершенно невыносима.

Удалов очень удивился, когда карлик снял противогаз и глубоко вздохнул.

– Можно воспользоваться? – спросил Удалов, протягивая руку к противогазу.

– Пожалуйста, возьмите, носите на здоровье. Вот и запасной для вашего друга, – ответил карлик, и его бесцветные губы искривились в подобии улыбки. – Странные вы люди – в лесу, где дышать трудно, столько там ядовитого кислорода, вы без противогазов обходились, а здесь дышать не можете. Мне, например, от кислорода дурно делается.

Из соседнего подвала вырвался клуб серой пыли. Внутри него кто-то шевелился и хрипел.

– Моя супруга, – объяснил карлик. – Занимается приборкой. Чистюля.

– Простите за нескромность, – сказал Гнец-18, – а почему ваша планета такая, можно сказать, запущенная? Что-нибудь случилось?

– Планета как планета, – ответил карлик. – Жить можно. Бывает хуже. Вот у вас, например.

– Почему вы так думаете?

– Если бы хорошая была, зачем вам другую искать?

– Вы ошибаетесь, – возразил Гнец-18, – наша планета чистая, благоустроенная. У неё только один минус – она перенаселённая.

– Ха-ха! – саркастически произнёс карлик и подтянул штаны, которые расползались по швам. – Всё это ложь и лицемерие.

– Мы бы рады вам помочь, – сказал Удалов. – Но не знаем чем.

– Так зачем нам помогать? Мы и так довольны.

Не сразу, фразу за фразой, удалось вытянуть из угрюмого карлика историю его планеты. Когда-то она была не хуже других – росли леса, в озёрах водилась рыба, летали птицы, и так далее. Но карлики, которые населяли планету, были законченными индивидуалистами. Не было им дела до окружающих, а тем более до всей планеты. Они вычерпывали рыбу из озёр, не думая, что будет дальше, рубили леса, не заботясь о том, вырастут ли новые. И если один из них выбрасывал в речку мешок со ржавыми железками, то соседи спешили его перещеголять, и тут же каждый выбрасывал туда по два, а то и по три мешка. Когда передохли птицы и звери, расплодились вредные насекомые и принялись безнаказанно пожирать фрукты и овощи. Нет чтобы карликам объединиться – они даже вытаптывали последние посевы у соседей, чтобы всем было плохо. На месте полей выросли джунгли могучих сорняков, которые ничем не возьмёшь – ни химией, ни прополкой. Наконец наступил день, когда на всей планете остались лишь карлики, крысы да вредители сельского хозяйства. С деревьев осыпалась последняя листва, в реках развелись хищные червяки, которые пожирали нечистоты и случайных купальщиков. Но и это никого не смутило. Каждый карлик доживал сам по себе, привыкал постепенно к отсутствию воздуха и даже радовался, что у соседа ещё хуже, чем у него.

– И много осталось народу на планете? – спросил Удалов, совершенно потрясённый рассказом карлика.

– А я не интересуюсь, – ответил тот. – Чем меньше, тем лучше.

– А может, эвакуировать их отсюда? – подумал вслух Гнец-18. – Нет, поздно. Они ведь уже нормальным воздухом дышать не могут. Да и как восстановишь животный и растительный мир, если ничего не осталось, кроме чучел и воспоминаний?

– Чучел нету, – сказал карлик. – Чучела жучок съел. Туда им и дорога.

Видно было, что гости ему уже надоели, ждёт не дождётся, когда уйдут. Но вдруг его осенила мысль.

– Скажите, а не купите ли вы нашу планету? Я вам её дешево отдам. За кормёжку. Будете меня с женой кормить, покуда мы не вымрем.

– Нет, никто вашу планету не купит, – возразил Гнец-18. – Её же надо продезинфицировать и начать эволюцию сначала, с простейших.

– Так я и думал, – сказал карлик. – Нет добрых людей на свете. А вы пока присядьте в уголке, отдохните, если вам уходить не к спеху. Я обедать буду. Вам не предлагаю. Вы, наверное, сыты.

Из облака пыли выползла карлица. Она несла чашку с тёплой водой и тарелку с кашей из плесени.

– Вы чего не раздеваетесь? – спросила она, показывая на противогазы.

– Не приставай к ним, они приезжие, – ответил за гостей карлик.

– Может, всё-таки поедите с нами? – предложила карлица.

– Они не хотят! – поспешил ответить карлик.

– Спасибо, – сказали путешественники хором. – Мы сыты.

– Брезгуют, – произнёс карлик. – Ничего, нам больше достанется.

Карлица тоже присела за стол, и хозяева подвала начали быстро хлебать кашу, заедать глиной и запивать водой.

– А на третье, – сказала карлица, не глядя на гостей, – будут блинчики из лишайников. Очень вкусные.

– Не может быть! – обрадовался местный житель.

Удалов с Гнецом потихоньку вышли наружу, сбросили противогазы и, кашляя от едкого дыма, приползшего в низину как туман, побрели по шевелящемуся лесу обратно к кораблю.

– Хоть эта планета и почти пустая, – сказал Гнец, – но я бы её и злейшему врагу не предложил.

– И чего же они раньше не спохватились! – горевал отзывчивый Удалов.

– Как же они могли спохватиться, если каждый сидел в своей норе? Поучительно, хоть и горько смотреть на этих эгоистов.

– Надеюсь, – сказал Удалов с чувством, – что это единственный прискорбный случай во всей Галактике. Надо будет обязательно рассказать об этом дома. Знаешь, у нас в Великом Гусляре директор кожевенной фабрики стремится таким же способом Землю загубить. Единственное, что меня утешает, наша общественность резко выступает против, и, не сомневайся, реку Гусь мы погубить не дадим.

– Обязательно расскажи, – согласился с Удаловым Гнец-18. – Что-то у тебя, Корнелий, по моей вине отпуск мрачный получается.

– Ничего подобного! – возразил Удалов. – Я отпуском очень доволен. Всегда бы так проводил время. Столько новых людей, столько встреч, столько всего поучительного! Нет, я тебе благодарен за приглашение.

Четвёртая планета

Следующая планета показалась примерно через полчаса. Она вращалась вокруг той же звезды Энперон.

Удалов прильнул к телескопу, разглядывая её материки и океаны.

– На вид ничего, – сказал он наконец, пропуская к телескопу Гнеца. – Но я теперь своим глазам не доверяю.

– Я тоже не доверяю. Но может быть, она всё-таки свободная?

Он с такой надеждой посмотрел на Удалова, словно Удалов мог ему помочь.

– Не обещаю, – ответил Удалов. – Городов нету. Заводов не видно. Кое-где в зелени и на полях виднеются чёрные проплешины. Происхождение их неизвестно.

Во время путешествия Удалов стал экономнее в словах и точнее в формулировках.

Опустились. Вышли. Было очень тихо. Только чуть пахло гарью. Далеко-далеко слышался какой-то стук. Может быть, это стучал дятел?

– Поглядим, – предложил Удалов.

Они пошли вдоль низкорослого леса по зелёному лугу, и, когда отошли уже на километр от корабля, наслаждаясь предвечерним миром и спокойствием, Удалов спросил:

– Гнец, а где твой Искатель Разума?

– Опять забыл, – ответил Гнец. – Ты знаешь, Корнелий, мне так хочется, чтобы не было разума, что я всё время забываю этот Искатель. Ты не представляешь, как я переживаю за своих соотечественников! Им приходится трудиться не покладая рук, а мы здесь с тобой гуляем.

– Мы не просто гуляем, – возразил Удалов. – Мы проводим разведку.

– Всё равно стыдно. Ну что здесь разведывать? Если бы я не боялся сглазить, я бы сейчас сбегал на корабль, взял Искатель и...

– Беги-беги, – добродушно сказал Удалов, усаживаясь на пенёк.

«Благодать, – думал он, – если бы у нас в Гусляре места были не лучше, взял бы семью и переехал сюда». Но тут же вспомнил, что скоро в эти мирные места могут прибыть два миллиарда совершенно незнакомых ему и, может, даже разочарованных людей.

В тишине и спокойствии тёплого вечера что-то Удалова смущало. Интуиция подсказывала ему, что здесь не всё ладно. Он ощущал, что за ним наблюдают. Удалов подошёл к кустам, раздвинул их, но там никого не было. Он вернулся на пенёк. Что же неладно? Конечно же, сама тишина, зачарованность леса. Как будто кто-то поджидает, чтобы наброситься. А на чём он сидит? На пеньке. А почему в диком лесу пенёк, да ещё так ровно спиленный?

Мысли Удалова прервал Гнец-18.

– Так спешил, – сказал он, подбегая, – что не успел включить. Может, нам посчастливилось?

И он протянул Удалову защитный шлем.

– Нам почти наверняка не посчастливилось, – сказал Удалов. – Посмотри.

Гнец долго смотрел на пенёк, а потом сказал, не веря собственным глазам:

– Знаешь, тут могут быть животные, которые так ровно отгрызают деревья.

– Бобры?

– У нас они иначе называются.

– Всё может быть, – согласился Удалов, но про себя лишь усмехнулся: «Знаем мы этих бобров, с циркулярной пилой».

Включили Искатель Разума. И он тут же защёлкал так, словно находился в московском магазине ГУМ.

– Может, это из-за нас? – спросил Гнец с надеждой. – Шлемы испортились?

– Нет. Пойдём посмотрим.

Но в каком бы направлении они ни двигались, щёлканье, жужжание и мигание аппарата были совершенно невыносимыми. Разум просто кишел вокруг.

– Ничего не понимаю, – сказал Гнец-18.

– А я полагаю, что здесь комары разумные, – ответил Удалов, шлёпнув себя ладонью по шее.

– Такое маленькое тело, – серьёзно заметил Гнец, – не может поддерживать в себе разум.

– Может, они невидимые?

– Ты веришь в чудеса?

– Скорее нет.

– И я тоже нет. Невидимость противоречит законам природы. Всё, что мы с тобой, Корнелий, видели и слышали за последние дни, имеет научное объяснение. Но невидимость – это жалкая выдумка фантастов.

Удалов был вынужден согласиться.

И тут раздался строгий голос:

– Невидимость не выдумка. Каждый хороший солдат обязан быть невидимым для противника. Попрошу поднять руки. Вы в плену.

– Ну вот, – вздохнул Удалов. – Второй раз за неделю.

Пенёк откинулся, и из-под него вылез солдат с ружьём. Кусты поднялись из земли, и в корнях их обнаружились солдаты с пулемётом. Стволы деревьев распахнулись, словно дверцы шкафов, и из них вышли офицеры и генералы.

Путешественники вынуждены были сдаться в плен.

Их привели в штаб, умело спрятанный под большим муравейником. Единственное неудобство заключалось в том, что муравьи часто падали сверху и больно кусались.

– Вернее всего, вы шпионы, хотя для шпионов вы вели себя очень неосмотрительно, – сказал полковник, который вёл допрос.

Чины у них были, конечно, другие, но Удалов для удобства поделил их по числу и величине крестиков на погонах.

– Мы не шпионы, – возразил Удалов. – Мы совершенно штатские лица.

– Это ещё не аргумент, – вмешался молодой лейтенант в маскхалате. – Ни один шпион сразу не признается в своих преступлениях.

– Молчать! – рявкнул полковник. – Кто ведёт допрос?

– Слушаюсь, ваше превосходительство! – Лейтенант присел на корточки и превратился в болотную кочку.

– Теперь обратимся к вам. Что вы предпочитаете: смерть на виселице, расстрел или вечное заключение в тюрьме?

– Как вам сказать, – ответил Удалов. – Вечное заключение мы уже испытали. Это очень неприятно. Так что лучше всего расстрел.

– Почему? – удивился полковник. – Вы не хотите жить?

– Хотим, – задумчиво произнёс Удалов. – Я передумал. Мы выбираем виселицу.

– Объяснитесь, шпион, – потребовал полковник.

– Я надеюсь, что у вас плохие верёвки. И они оборвутся.

– Приготовить тройные верёвки, – приказал полковник. – Я сам лично проверю. Я сначала повешу на ней того сержанта, который на прошлой неделе чихнул на посту.

– Знаешь, – сказал Удалов Гнецу-18, – это явно несвободная планета.

– Что? – спросил полковник.

– Я сказал, что планета ваша несвободная.

– Так ты не только шпион, но и клеветник? У нас совершенно свободная планета.

– Если она и на самом деле свободная, – сказал Гнец-18, – то для нас это просто находка.

– Почему?

– А потому, что нам очень нужна свободная планета. Мы уже вторую неделю ищем такую. У нас есть два миллиарда людей, которых негде разместить.

– А где они сейчас живут? – спросил полковник.

– Сейчас они заморожены.

И Гнец-18 чистосердечно поведал полковнику о своих затруднениях. Удалову эта исповедь не понравилась. Он полковнику не доверял. Он с самого начала понял, что под словом «свободная» Гнец и полковник имеют в виду совсем разные вещи. Но перебивать товарища он не стал, хотя и решил уже, что не позволит везти сюда замороженных. Неладно здесь.

– Так, – сказал полковник, выслушав рассказ Гнеца. – В этом что-то есть. Подумаем. Сейчас вас отведут в камеру, а я пока проведу совещание.

По подземному переходу их провели в замаскированную тюрьму. Всё это находилось в замечательно замаскированном городе, который ни за что не увидишь сверху. По замаскированным улицам ходили строем дети в военной форме, старушки в военной форме и девушки в полувоенной форме. Все при этом тщательно маскировались,

изображая из себя кусты, деревья, камни и прочие неодушевлённые предметы.

В камере, замаскированной в дупле старого дерева, путешественники пробыли недолго. Вскоре их снова провели в штаб, где кроме полковника их уже ждали восемь генералов, которые даже кренились под грузом галунов и позументов.

– Покажите документы, – приказал генерал-фельдмаршал.

Удалов показал свой паспорт, а Гнец-18 – своё поисковое удостоверение, но так как генералы не умели читать ни по-русски, ни на языке Гнеца, то они только повертели документы в руках, сверили фотографии с их владельцами и сделали вид, что удовлетворены.

– Если вы не врёте, – сказал генерал-фельдмаршал, – вам нужна планета, на которой ваши замороженные соотечественники могли бы приобщиться к настоящей свободе. Что же, мы согласны их приобщить.

– Вы меня не совсем правильно поняли, – ответил Гнец-18, которого Удалов призывал, пока они были в дупле, к крайней осторожности. – Нам нужна планета, где не было бы людей.

– Правильно, – сказал генерал-поручик. – Народу у нас нехватка. Мы всех ваших соотечественников пристроим к делу. Всех используем.

– Как вы их используете?

– Для защиты свободы. Сейчас у нас перемирие, и мы, и наши противники, жалкие выскочки и коварные предатели, тщательно замаскировались. Потому что и у них, и у нас осталось мало солдат, а детские сады ещё не успели подготовить нам достойную смену. У нас каждый человек на учёте. У нас больше пушек, чем артиллеристов, больше самолётов, чем лётчиков, нам не хватает рабочих на патронных фабриках и пороховых заводах. И если вы отдадите нам своих соотечественников, то мы согласны заплатить за каждого достойно. За стариков и старух по пуле, за женщин по целой обойме, а за здоровых мужчин и подростков не пожалеем и винтовок.

– Но нам не нужны пули и винтовки, – возразил Гнец-18.

– Чепуха, – сказал генерал-фельдмаршал. – Не набивайте цену. Всем нужны патроны и винтовки. У нас их сейчас избыток, и потому мы благородно делимся с нашими союзниками.

– Нет, ни в коем случае, – сказал Гнец-18. – Как вы могли подумать, что мы наших соотечественников отдадим вам в качестве пушечного мяса! Отпустите нас, мы улетим.

– Ну нет, голубчики, – сказал генерал-фельдмаршал. – Никуда вы от нас не улетите. Вы будете находиться в заточении на хлебе и воде до тех пор, пока не согласитесь с нашими справедливыми и законными требованиями.

– Не надейтесь, что вам это сойдёт с рук, – возмутился Гнец-18. – Нас найдут и вас сурово накажут.

– Не найдут, – возразил генерал. – Мы лучшие в мире мастера по камуфляжу. Вы пробыли у нас полдня и не заметили даже простых солдат-новобранцев, которые скрывались совсем рядом с вами. Подумайте, как вы будете через полгода гордиться своими соотечественниками, которые станут такими же мастерами камуфляжа.

– Нет, не уговаривайте нас, мы улетаем.

– Мы не такие наивные, – расхохотался генерал. – Мы вас отпустим, а вы сразу броситесь к нашим противникам. Не думайте, что они вам дадут больше.

– Никуда мы не бросимся.

Но генерал больше не слушал пленников. Он обернулся к полковнику:

– Замаскируйте их так, чтобы родная мать не узнала. И приготовьтесь к допросу восьмой степени.

Снова пленники оказались в дупле. Только на этот раз под сенью дерева рядом с дуплом поставили котёл, в котором кипятили смолу, и свалили кучей железные орудия пыток.

– Нам бы дотянуть до темноты, и мы бы убежали, – сказал Гнец-18, который думал, что можно сбежать от генералов.

Но Удалов отнёсся к этому трезвее.

– Ничего не выйдет. Пойдём на военную хитрость.

– Нет, это не принципиально. Я этого не позволю.

Тогда Удалов махнул рукой и решил немного поспать. Если тебя собираются пытать, то нет ничего вреднее, чем сидеть и смотреть, как подготавливают к работе орудия пыток.

Его растолкал Гнец.

– Корнелий, – прошептал он, – я в ужасе. Я согласен на всё. Только спаси меня.

– Что случилось? – сонно спросил Удалов, которому снилось, что он уже вернулся из отпуска и рассказывает о разных планетах своим соседям, а соседи не верят ни единому слову. Кстати, впоследствии оказалось, что сон был пророческим.

– Ты погляди наружу.

Удалов выглянул из дупла, и его глазам предстало жуткое зрелище. Во-первых, на площадке, хорошо замаскированной сетями и листвой деревьев, уже установили виселицу и дыбу, разложили щипцы, зубья, колья и прочие страшные вещи. В котле кипела смола, а палач в красном мундире, замаскированный под пышный розовый куст, помешивал смолу медным черпаком.

– Хорошо, – сказал Удалов, протирая глаза. – Придётся помочь. Только чтобы ни слова. Что бы ты ни услышал, соглашайся со мной, не сомневайся в моём дружеском постоянстве.

– Спасибо, друг.

– Не спеши, – ответил Удалов. – Может, ещё ничего не выйдет.

Он высунулся из дупла и, нарушая все правила маскировки, закричал:

– Срочно ведите меня на допрос к генералу!

– Тиш-ше! – рассердился палач, даже затрепетав от такого нарушения маскировки. – Ты нас выдашь своим криком. У меня есть приказ подвергнуть вас первой серии пыток, а когда вы уже кое в чём сознаетесь, вернуть на допрос.

– Эй! – закричал тогда Удалов ещё громче. – У меня сведения государственной важности!

Тут же несколько кустов и пней по соседству поднялись и оказались младшими офицерами. Несмотря на ворчание и угрозы палача, лишённого любимой работы, младшие офицеры отвели пленников в штаб. Генералы сидели за столом, обменивались военными воспоминаниями и распивали едко пахнущий местный алкогольный напиток.

– Уже? – удивился генерал-фельдмаршал. – Что-то я не замечаю следов пыток.

– Мы не успели начать, – ответили младшие офицеры. – Они уже сломались.

– Великолепно. Отличная работа! – Генерал-фельдмаршал пришёл в благодушное настроение. – Хотите присоединиться? – спросил он пленников, указывая на стол с напитками.

Удалов наотрез отказался. Гнец-18 последовал его примеру.

– Я, – сказал Корнелий, – готов обсудить с вами условия, но только чтобы этого, – он указал на Гнеца-18, – здесь не было.

– Ага, раскол! – обрадовался генерал-фельдмаршал. Он просто ликовал. – Всё правильно. Может, твоего напарника вообще ликвидировать?

Удалов долго раздумывал. Гнец дрожал и в ужасе глядел на него.

– Корнелий! – взмолился он наконец. – Я всегда был тебе другом.

– Когда дело идёт о поставках оружия, – ответил хладнокровно Удалов, – о дружбе и прочих абстрактных чувствах приходится забыть.

– Молодец. Люблю прямоту! – воскликнул генерал-фельдмаршал. – Уведите второго и надёжно изолируйте его.

– Не верьте Корнелию! – кричал Гнец-18, когда его вытаскивали из комнаты дюжие лейтенанты. – Он предал меня, значит, предаст и вас! Мы никогда не отдадим вам наших замороженных соотечественников!

– Отдадут, – заметил Удалов цинично, как только крики Гнеца стихли за дверью. – Ну, сами судите, кому нужны два миллиарда древних соотечественников? Так что я вам их с удовольствием уступлю. Только, конечно, не за ту жалкую цену, которую вы предлагаете.

– Что ж, стоит обсудить, – сказал генерал, замаскированный под клумбу незабудок, который раньше молчал и не вмешивался в беседу.

– Во-первых, – продолжал Удалов, присаживаясь за стол рядом с генералитетом, – никаких патронов и никаких винтовок. У нас на Земле есть ещё, к сожалению, оружие, перед которым ваши винтовки и патроны – жалкие детские игрушки, даже сравнивать стыдно.

– Какое оружие? – просто взвились генералы.

– Так я вам и раскрыл карты! – усмехнулся Удалов. – Как только сделка состоится, вот и узнаете.

– Ваши условия! – настаивали генералы, сверкая глазами.

И тут оказалось, что условий Удалов придумать не успел. Он сморщил лоб, старался, думал, но озарение не наступало.

Генералы приняли его молчание за преднамеренное. Им казалось, что Удалов хитрит, набивает цену. Они нервно переглядывались.

– Он знает, – шепнул генерал-фельдмаршал генералу-клумбе.

До ушей Удалова долетел этот шёпот. Значит, генералам есть что скрывать. Что ж, можно рискнуть.

– Да, я знаю! – сказал он твёрдо. – И не пытайтесь меня обмануть.

– Но этого же никто не знает! Даже мы чуть было не забыли.

– Не важно, – отрезал Удалов. – Неужели вы думаете, что человек, готовый продать вам два миллиарда ничего не подозревающих живых душ да секретное оружие в придачу, так наивен, что прилетел сюда без предварительной разведки? Уж лучше бы я отправился к вашим врагам.

Генералы послушно закивали. Они поверили Удалову.

– Где это? – спросил Удалов.

– Закопано, – поспешил с ответом генерал-фельдмаршал, – и замаскировано под муравейник.

– Отлично. Везите сюда.

– А где же люди? Где оружие?

– Послушайте, вы мне надоели, – обнаглел Удалов. – Я и так иду с вами на невыгодную сделку. Но я люблю...

«Ну что я люблю?» – лихорадочно думал Удалов.

– Вы любите искусство, – подсказал генерал.

– Не вмешивайтесь, – оборвал его Удалов. – Если бы я не любил искусства, меня бы здесь не было.

– А как вы докажете, что с вашей стороны нет обмана?

– Никак.

– Но мы не привыкли без гарантий.

– Тогда не получите оружия.

– Я придумал выход из положения, – произнёс генерал-клумба. – Мы пошлём с вами наблюдателя. Наблюдатель не отстанет от вас ни на шаг. И если кто попробует крутить, пуля в спину – и готово.

Удалову совсем не нужна была пуля в спину. Но другого выхода не оставалось.

– Я отлетаю через час, – сказал он. – Моего слабонервного спутника прошу доставить на корабль в связанном состоянии.

– Будет сделано, – сказали генералы.

– Произведение искусства доставить к самой ракете. И чтобы без подделок.

– Ну как можно?! – испугались генералы. – Вы же тогда не привезёте свой товар.

– Угадали, – согласился Удалов и пожалел, что ему не хватает решительности на Земле. Если бы он так же умел находить выход из лю-

бого положения, когда работал в стройконторе, быть бы его конторе лучшей в области.

С Удаловым решил лететь генерал-клумба. Удалов дошёл до корабля замаскированными тропинками и проследил за погрузкой связанного Гнеца, который сжигал Удалова презрительным взглядом.

Тяжёлый свёрток неизвестного назначения тащили восемнадцать замаскированных солдат. Генерал-клумба умудрился добраться от штаба до корабля, скрываясь в траве и иногда зарываясь в землю так, что Удалов, шагавший рядом, периодически упускал его из виду.

Остальные генералы вылезли из подземного хода, чтобы попрощаться с Удаловым, и напоследок генерал-фельдмаршал вежливо спросил его:

– Простите, если мой вопрос покажется вам нескромным, но какой у вас чин?

Удалов хотел было сказать правду, что он младший лейтенант запаса, но решил, что этим может испортить впечатление, и потому ответил просто:

– Маршал танковых войск.

– Я так и думал, – ответил фельдмаршал и пожал ему руку как равному.

А остальные генералы отдали Удалову честь.

Удалов помахал им рукой из открытого люка. За спиной Удалова стоял замаскированный под клумбу генерал и прижимал к его лопатке пистолет. Планета казалась тихой, мирной и совершенно безлюдной. Генералы и солдаты растворились в траве и спрятались в стволы деревьев. Удалов проследовал на капитанский мостик и поднял корабль в воздух.

Прошло полчаса. Планета превратилась в зелёный кружочек. Удалов отправился в кубрик и развязал Гнеца-18.

– Я вас презираю, – сказал Гнец, но тут ему стало плохо, и Удалову пришлось бежать за водой, чтобы привести товарища в чувство.

Генерал-клумба стоял в проходе, держа пистолет. Из ушей у него торчали цветочки, на плече вырос мухомор.

– Вы так всё время будете стоять? – поинтересовался Удалов, проходя мимо со стаканом воды.

– А что делать? – спросил генерал.

– Первым делом снимите с себя эти ветки и траву. Мне за вами убирать не хочется.

– Вы хотите сказать, что можно размаскироваться? – удивился генерал.

Но Удалов его не слушал. Он отпаивал Гнеца.

– Простите, маршал, – настаивал генерал, войдя за Удаловым в кубрик. – Но как я размаскируюсь, если в любой момент могут появиться враги?

– Не могут. Не догонят.

– Вы серьёзно?

– Серьёзно. Спрячьте пистолет. Ещё выстрелит невзначай. Шелуху с себя снимите на кухне. И помойтесь немного. Жизнь в лесу вас не украшает.

Гнец пришёл в себя.

– Корнелий! – сказал он с горечью. – Как ты мог меня предать?

– Послушай, – ответил Удалов, – мне это надоело. То ты говоришь, что согласен на всё, только бы тебя не пытали, то вдруг начинаешь на меня кидаться.

– Но не такой ценой, Корнелий, не такой ценой!

– А какой? – удивился Удалов.

– Ты предал моих соотечественников! Два миллиарда человек!

– Я правда выменял их на какое-то произведение искусства, но это была военная хитрость.

– А почему на борту этот тип?

– Чтобы держать пистолет и стрелять при первом моём или твоём подозрительном движении.

Гнец тут же снова потерял сознание.

– Господин маршал! – раздался из кухни голос генерала-клумбы. – А каким полотенцем можно вытираться?

– Ну вот, – проворчал Удалов. – Даже полотенца с собой не взял. Возьмите голубое! – крикнул он генералу. – Это моё. А завтра что-нибудь сообразим. Если нужно бельё, то моё вам подойдёт. Оно в левом шкафчике.

Удалов не успел снова привести Гнеца в чувство, как вымытый генерал появился в дверях.

– Могу ли быть чем-нибудь полезен? – спросил он.

– Вот так-то лучше, – сказал Удалов, оглядывая генерала.

Перед ним стоял мужчина средних лет, мирного вида, в удаловской ковбойке и чёрных трусах.

– Сейчас будешь приводить в чувство Гнеца-18. Учти, что он мой друг, а никакой не пленник. Я сам тоже не маршал, а зовут меня Корнелий Иванович. Никаких людей мы продавать вашим милитаристам не намерены. У нас на Земле это не принято. Войны больше не будет. Маскировки тоже. Пистолет можешь выбросить в мусоропровод. А пока я тебя включаю в число членов экипажа в качестве юнги.

– Спасибо, – произнёс генерал, и на глаза у него навернулись слёзы. – Я и не смел на это надеяться: мир и дружба.

– Мир и дружба, – согласился Удалов, а Гнец, который уже пришёл в себя, всё слышал и осознал, добавил:

– Ты, Корнелий, настоящий друг моей планеты.

Потом они втроём пошли на капитанский мостик искать новую свободную планету. На полпути Корнелий остановился и хлопнул себя по лбу:

– Забыл! А что же мы от твоих генералов получили?

– Не беспокойтесь, Корнелий Иванович, – сказал бывший генерал, которого Удалов условно решил звать Артуром. – Это генералам совершенно не нужно. Когда на нашей планете ещё не было всеобщей перманентной войны, там жил один великий скульптор. И он изваял из изумруда статую женщины. Все знают, какая она прекрасная и ценная, но последние пятьдесят лет она была замаскирована, а недавно мы обсуждали, как бы разбить её на части и продать какому-нибудь ювелиру.

Тогда они вернулись в багажное отделение и распаковали статую. Она изображала собой женщину изумительной красоты в человеческий рост и с распущенными волосами. Статуя была зелёной и полупрозрачной.

– Нет, – сказал Удалов. – Статуе не место в багажнике. Поставим её в кают-компании и будем ею любоваться в трудные минуты. А потом сдадим в музей или в детский сад, потому что детям тоже надо приобщаться к прекрасному.

Пятая планета

Пятую планету отыскали лишь на четвёртый день. Правда, планеты на пути встречались, но некоторые были негодны для жизни, а

другие населены. За эти дни Артур стал всеобщим любимцем, потому что отличался добрым характером и изумительно готовил.

– Я, Корнелий Иванович, – произнёс он, – всю жизнь хотел стать поваром. Но повара нам не нужны, а нужны только кашевары. Я не люблю обижать других людей, но с детства меня учили быть жестоким. Вот я и терпел. Но больше в этом нет необходимости.

На планету сначала садиться не хотели, потому что с воздуха увидели постройки. Но так как устали лететь без посадки, опустились.

Неподалёку был маленький городок, окружённый садами и полями. На лугу паслось стадо коров. Но никто не вышел встретить путешественников, никто не работал в поле и не пас стадо.

Они прошли к городу по дорожке между полями. В полях выросли сорняки, и васильков было больше, чем ржи. Коровы мычали, завидя людей, будто их неделю не доили. На улицах городка было много мусора, краска облупилась с вывесок, и машины, брошенные у тротуара, были покрыты пылью.

На улицах не было ни единого человека.

– Новая загадка, – сказал Удалов. – Я уже устал от загадок.

Он обернулся к Гнецу-18:

– Ты взял с собой Искатель Разума?

– Взял.

– Тогда давай отыщи, где они скрываются.

Гнец включил Искатель, но он молчал.

В какую сторону ни направляли они антенну, огонёк в нём не зажигался. Разума в окрестности тысячи километров не наблюдалось.

– Но это совершенно невероятно, – сказал Артур, выходя из пустого магазина. – Они где-то неподалёку.

– А почему ты так думаешь? – спросил Удалов бывшего генерала.

– Да потому, что в магазине есть свежее мясо и огурцы. Его хозяин был здесь по крайней мере сегодня утром.

Они обыскали весь город, заглянули в подвалы и на чердаки, но не нашли ни одного человека.

Уже стемнело, когда они решили вернуться к кораблю и облететь всю планету. Может, таинственные силы перевезли людей на другое полушарие? Гнец всё время включал свой Искатель Разума, и Удалов подумал, что его спутник не имел бы ничего против, если бы жители исчезли бесследно. Планета вполне годилась для переселения.

Только путешественники направились к выходу из города, как внезапно раздался шум и на улицах, в домах – всюду появились люди. Каждый из них тут же прятал в карман какой-то прибор и начинал заниматься своими делами. Люди бурно обменивались впечатлениями.

– Это неповторимо! – слышались голоса.

– Другой такой нету.

– Только бы дожить до завтра!

Удалов подошёл к одному из возникших жителей города, почтенному старику в очках, и схватил его за пуговицу.

– Вы где были? – спросил он строго.

– Чудак, – ответил старик, не пытаясь сопротивляться. – А вы где были, позвольте вас спросить?

– Я? – удивился Удалов. – Последние два часа я хожу по вашему городу и удивляюсь, куда все запропастились.

– Последние два часа? – Старик был потрясён. – И вы хотите сказать...

Он обратился к прохожим.

– Люди! – кричал он. – Сограждане! Вы знаете, что эти люди делали последние два часа?

Вокруг собралась толпа.

– Они были здесь, в городе, и искали нас.

– Не может быть! – раздались голоса вокруг.

– Они, наверно, с неба свалились!

Удалов остановил крики, подняв руку.

– Да, – подтвердил он, – мы свалились с неба. Вернее, прилетели с другой планеты. И мы ровным счётом ничего не понимаем. Я должен указать, что вы невежливо обращаетесь с гостями, и, вместо того чтобы объяснить, куда пропало население всей планеты, вы над нами смеётесь.

– Никто над вами не смеётся, – сказал из толпы толстый мальчик. – Мы вас жалеем.

– Мы выражаем вам искреннее соболезнование.

– Но почему?

– Потому что вас с нами не было.

– А где вы были?

– Придётся объяснить, – сказал старик.

– Объясните им, бургомистр, – поддержали старика в толпе.

– Нас не было. Никого не было. Ни в этом городе, ни в соседнем. Ни на дальнем континенте. Нигде. Мы были в прошлом году.

– Да, – раздались голоса, – мы все были в прошлом году.

– Вы умеете путешествовать во времени? – спросил Гнец-18.

– Да, умеем. Но не в этом дело. Мы смотрели дальнозор.

– Зачем? – Удалов представил себе нечто вроде супербинокля.

– Потому что ровно год назад на нашей планете, в Центральном зале концертов, выступала певица Кавалия Чух.

– Чух! – повторили все слушатели с глубоким волнением.

– Они не знают Кавалию Чух, – заметил толстый мальчик. – Они не дрожат при её имени.

– Несчастные! – воскликнул старик. – Вы никогда не слышали, как поёт Кавалия Чух?

– Нет, – сказал Удалов.

– Тогда вы самые несчастные и самые счастливые люди на свете. Вы завтра вместе с нами пойдёте на её концерт.

– Так она каждый день выступает? – не понял их Удалов.

– Как вы не понимаете! Она выступала один раз, год назад. После этого улетела дальше, но впечатление, произведённое её чарующим искусством, было таково, что мы не можем его позабыть. К счастью, у нас есть возможность путешествовать во времени. И вот уже год мы каждый вечер возвращаемся в тот день, когда она пела, и вновь слушаем её выступление. А самые избранные счастливцы каждый вечер приходят в Центральный концертный зал и внимают ей наяву.

– Теперь понятно, – сказал Удалов. – Отравление искусством.

– Значит, у вас планета не свободная? – спросил Гнец-18.

– Она свободна каждый день с семи до десяти, – ответил старик. – В это время вы не найдёте ни одного человека. В прошлое отправляются даже больницы и родильные дома.

На корабле, когда они вернулись, вышел спор. Гнец-18 хотел немедленно улетать дальше, потому что больше на этой планете делать было нечего. Но Удалов воспротивился:

– В конце концов, я в отпуске. И ни одного развлечения. На Земле бы я хоть раза два сходил в кино. Вместо этого я должен бороться с чёрными полковниками, бегать из тюрьмы и глядеть на орудия пыток. Где справедливость?

– Но мои соотечественники ждут!

– Подождут лишний день.

И тут Удалова неожиданно поддержал Артур:

– Я бы тоже хотел слетать на год назад и послушать Кавалию Чух. Все последние годы я провёл в лесу, замаскированный под клумбу. Мне очень хочется приобщиться к искусству.

Гнец понял, что он остался в меньшинстве, и сдался. Сел читать справочник по холодильникам, чтобы не терять квалификации.

На следующий день к вечеру Удалов и Артур переоделись, причесались и отправились в дом к бургомистру. Тот уже ждал их. Он вручил им по карманной машинке времени и пригласил садиться в приготовленные кресла. По улицам спешили люди, чтобы наскоро закончить свои дела и успеть к дальнозору, который оказался просто-напросто цветным телевизором.

– В вашем увлечении пением есть и отрицательные стороны, – заметил Удалов бургомистру. – Я, как работник городского хозяйства, должен заметить, что санитарное состояние города оставляет желать лучшего. Любовь к искусству сама по себе благородна. Мы, например, возим с собой на корабле изумрудную статую в человеческий рост. Но если потерять чувство меры, то...

– Тише, – остановил его бургомистр. – Пора.

Они нажали кнопки на машинках времени и перенеслись на год назад, в значительно более прибранный и чистый город. И тут Удалов удивился так, как давно не удивлялся. В комнате возникли сидящие на стульях ещё один бургомистр и ещё одна жена бургомистра. Бургомистр поздоровался со своим двойником и поцеловал руку своей второй жене. А второй бургомистр поцеловал жену первого.

– С ума сойти, – прошептал Артур. – Я военный человек и ко всему привык, но не к этому.

– Не обращайте внимания, – сказал первый бургомистр. – Я тоже привык не сразу. Но потом привык. Это тот же я.

Второй бургомистр согласно кивнул:

– Ведь год назад я уже сидел в этой комнате и смотрел дальнозор. Вот я и сижу. А через год я снова уселся у дальнозора. Так что я дважды сижу. Неужели не понятно?

– Ага, – сказал Удалов и не стал больше спорить.

Так они и сидели. Артур, Удалов, два бургомистра и две жены бургомистра. Тут зажёгся большой телевизионный экран, и ещё минут через пять Удалов совершенно забыл о странностях этого вечера.

Кавалия Чух не отличалась особой красотой или статностью. Это была скромная женщина из системы Альдебарана. Но она оказалась великой певицей и великой актрисой. Её искусство так захватывало, увлекало и вдохновляло, что когда в перерыве Удалов смог перевести дух, он искренне пожалел, что Кавалию не слышат его соседи из Великого Гусляра и упрямый рациональный Гнец-18, который остался на корабле читать справочник по холодильным установкам, потому что на его планете искусство считают недопустимой роскошью, когда у тебя такая гнетущая ответственность перед предками.

К концу концерта Удалов вместе со всеми присутствующими бил в ладоши и кричал: «Бис!». Ему казалось, что он несётся по могучим волнам музыки. А когда концерт кончился, зажгли свет и они попрощались с тем из бургомистров, который остался в прошлом году, все увидели, что в глазах у Артура стоят слёзы.

У дома бургомистра уже собралась толпа. Все хотели узнать, понравился ли гостям концерт. Удалов вышел к народу первым. Он поднял над головой сомкнутые руки и сказал:

– Спасибо, товарищи, вы доставили мне неизгладимое удовольствие.

– И только?! – возмутились жители города. – Вы не останетесь с нами, чтобы каждый день уходить в прошлое и вновь переживать сладкие мгновения?

– Я бы рад, – ответил Удалов. – Но у меня дела. Я должен найти свободную планету. Два миллиарда человек ждут от меня помощи. Кроме того, у меня скоро кончается отпуск.

– А я останусь! – крикнул Артур. – Я был генералом на жестокой планете и был замаскирован под цветочную клумбу. Но теперь я понял, что смысл жизни заключается в ином. Я остаюсь.

Все закричали: «Браво!» – и захлопали в ладоши. Один Удалов оставался спокойным. Он не одобрял чрезмерного увлечения Кавалией Чух. Да, она была изумительной певицей, но ведь жизнь продолжается! Он не стал спорить, а сказал Артуру:

– Хорошо, оставайся. Только проводи меня до корабля. Надо будет обсудить кое-что на прощание.

Артур с готовностью согласился. Он чувствовал себя обязанным Удалову. Они быстро дошли до корабля. Удалов молчал, а Артур объяснялся междометиями.

– Она, – говорил он. – Ах. Вот так. Да-а-а!

Гнец-18 всё ещё читал и подчёркивал ногтем важные места в справочнике.

– Ну как? – спросил он. – Можно лететь?

– Я остаюсь, – сказал Артур. – Это было невыразимо.

Гнец посмотрел на Артура с удивлением.

Удалов развернулся и изо всех сил ударил Артура в челюсть. Артур свалился как подкошенный.

– Закрывай люк! – крикнул Удалов Гнецу. – Немедленно стартуем!

Гнец подчинился, но крикнул Удалову, который поспешил на капитанский мостик:

– Это очень нецивилизованно с твоей стороны. В культурной Галактике так не поступают.

– Он меня ещё благодарить будет, – ответил Удалов и дал старт.

Потом привязал Артура к креслу, чтобы не особенно буйствовал, когда очнётся. Поступил с ним так же, как древние мореплаватели с Одиссеем, чтобы тот не нырнул в море, наслушавшись сирен.

– Люди, которые только слушают музыку и ничего больше не делают, – сказал он назидательно Гнецу-18, – постепенно деградируют. Меня вообще беспокоит судьба этой планеты. А Артуру надо ещё учиться, чтобы стать полноправным членом Галактики.

Кроме того, у Удалова были свои планы в отношении Артура.

Шестая планета, и последняя

Когда Артур пришёл в себя, он был ужасен. Он часа два буйствовал в кресле. В конце концов Удалову удалось убедить его, что, если решение Артура слушать каждый вечер один и тот же концерт будет неизменным, на обратном пути Удалов его отпустит. И Артур несколько успокоился, хотя был мрачен и говорил о насилии над личностью, что, впрочем, свидетельствовало о прогрессе в его образовании.

Опять потянулись длинные дни в космосе. Опять были планеты метановые, планеты безвоздушные, планеты обледенелые и планеты раскалённые, планеты, населённые высокими цивилизациями и цивилизациями молодыми.

И вот, когда до конца отпуска Удалова оставалось всего шесть дней и он уже боялся, что придётся вернуться домой, так и не выполнив задуманного, они увидели ещё одну планету.

Светлые облака плыли над ней, закрывая лёгкими тенями озёра, реки и сосновые леса. Ни единого города, ни единой деревни. Необитаемый остров!

– Теперь, пожалуй, всё в порядке, – произнёс Удалов, выходя из корабля и садясь на траву. – Записывай координаты и начинай работу.

– Ой, не доверяю я твоей интуиции, – сказал Гнец-18. – Сколько уже планет мы облетели, и ни одной свободной.

Он достал из кармана Искатель Разума и осторожно включил его.

Искатель защёлкал, и лампочка в нём зажглась.

– Я же говорил. Полетели дальше.

– И всё-таки интуиция подсказывает мне, что ещё не всё потеряно, – настаивал Удалов.

– Смотрите! – Артур показал вверх. – Кто-то летит. Давайте собью.

– Ты свои шутки брось, – строго сказал Удалов. – Тоже мне, поклонник чистого искусства. Сразу сбивать.

Громадная белая птица опустилась рядом с путешественниками и сказала:

– Добро пожаловать в наши края.

– Здравствуйте, – ответил Удалов. – Вы здесь хозяева?

– Да. Мы хозяева в небе.

– А мы думали, что это свободная планета, – объяснил Удалов. – Вот товарищ ищет место, где бы разместить своих соотечественников. Если бы знали, не стали вас тревожить.

– Ничего страшного, – успокоила птица. – Мы не возражаем.

– Против чего не возражаете? – спросил Гнец-18.

– Против ваших соотечественников. На что нам земля, раз наша стихия – небо? Если ваши соотечественники обещают не поганить воздух своими заводами и не запускать слишком громких самолётов, мы согласны.

– Конечно, обещаем! – обрадовался Гнец. – За нас вся Галактика может поручиться. Больше того, у нас очень хорошо развиты медицина и холодильная промышленность. Если вы питаетесь, например, рыбой, то мы можем её для вас сохранять. И если вам нужно меди-

цинское обслуживание, омолаживание, исправление физических недостатков, всегда рады помочь.

– Нам, по-моему, повезло, – сказала птица и полетела собирать своих товарок, чтобы сообщить им приятную новость.

На следующее утро было заключено официальное и торжественное соглашение между птицами, хозяевами неба, и будущими жителями земли. Удалов вздохнул свободно. Главное дело было сделано.

– Ты прямо домой? – спросил его Гнец, когда они, попрощавшись с птицами, покидали атмосферу планеты.

– Нет. У меня ещё несколько дней осталось. Хочу кое-какие дела утрясти.

– Только смотри: главный закон Галактики – невмешательство!

– Что-то ты, Гнец, слишком проницательным стал, – заметил Удалов.

– И ещё, – добавил Гнец-18, – я думаю, что лучше потеряю два-три дня, но составлю тебе компанию. В конце концов, наша планета тебе, Корнелий, многим обязана. Я лично тоже. Куда направляемся?

– Сначала завезите меня на планету, где в прошлом году пела Кавалия Чух, – напомнил Артур.

– Успеется. – Удалов обернулся ко Гнецу, обнял его и сказал: – Спасибо, друг. Я знал, что ты не покинешь меня. Я постараюсь не особенно вмешиваться, но ты знаешь, как трудно удержаться. И если я не попытаюсь кое-что сделать, меня всю жизнь будет мучить совесть.

– Ладно, располагай мной и кораблём, как считаешь нужным, – сказал Гнец.

– Тогда я должен первым делом вернуться на планету к генералам.

– Ты с ума сошёл! – закричал в ужасе Гнец. – Я не имею права рисковать нашими жизнями. Как мои соотечественники узнают, что наша проблема решена, если мы погибнем?

– Тебе и не надо спускаться. Мы с Артуром всё берём на себя.

– Ни за что, – сказал Артур. – Я ведь дезертир. Меня повесят, а я не хочу, потому что у меня есть цель в жизни.

– Постыдись! – сказал Корнелий Удалов. – Слушать музыку – это удовольствие, может, даже наслаждение, но настоящий мужчина не может избрать наслаждение целью жизни. Помогать другим – вот в чём цель жизни. Гнец помогает другим, я помогаю другим. А ты ни-

кому не хочешь помогать. Неужели тебе не горько, что всё население твоей планеты сидит замаскировавшись и воюет друг с дружкой?

– Мне горько, – сознался Артур.

– И ты устраняешься?

– Нет, я не устраняюсь. Но ведь это бесполезно.

– А если я говорю, что не бесполезно?

– Тогда я с вами, Корнелий Иванович.

И корабль взял курс на планету замаскированных генералов.

Снова четвёртая планета

– Скажи, Артур, – спросил Корнелий, – а много среди вас таких, как ты?

– Каких?

– Которым надоело воевать и маскироваться.

– Таких большинство, – сказал Артур.

– Так я и думал. И они не смеют в этом признаться.

– Даже самим себе.

– А у ваших противников?

– То же самое.

– Замечательно. Этот ответ я и надеялся услышать. Ты хорошо разбираешься в маскировке?

– Отлично. Я лучший специалист по маскировке.

Тогда Удалов обратился к Гнецу.

– Сколько, – спросил он, – может взять людей на борт наш корабль?

– Если лететь недалеко, то человек тридцать.

И тогда Удалов поделился с друзьями своим планом. Перед тем как подлететь к воюющей планете, они изготовили несколько снотворных бомб. Потом Артур показал, как найти главные штабы обеих армий.

Ночью корабль низко опустился над тщательно замаскированным штабом, в котором Удалову пришлось провести несколько неприятных часов, и бросил бомбу прямо в спальню генерал-фельдмаршала. Операция прошла совершенно бесшумно, потому что на той планете не было самолётов и ночью никто не ждал опасности с неба.

Потом корабль опустился на поляне у штаба, второй бомбой Удалов привёл в безопасное состояние стражу. Спящих генералов и сол-

дат, общим числом в двадцать человек, погрузили на корабль, в багажное отделение.

Перед рассветом то же самое сделали и со штабом враждебных войск. Всего на борту накопилось около сорока сладко спящих военных. Перегруженный корабль снова поднялся в космос и взял курс к планете, где остатки населения бедовали в подземельях.

Артур с Удаловым тщательно следили, чтобы пленники не проснулись раньше времени, и в багажном отделении стоял туман от снотворного газа.

Когда корабль опустился на холмистой, поросшей полынью равнине у входа в подземный город, пленников поштучно перетащили ко входу в туннель и опрыскали нашатырным спиртом.

Удивлению солдат и генералов не было конца. Представьте себе: вы заснули в надёжном и хорошо замаскированном штабе, а очнулись среди голой равнины, обезоруженные, по соседству со злейшими врагами. Некоторые генералы и солдаты попытались зарыться в землю, другие старались превратиться в полынь, но это им не удалось. Удалов и Артур, на всякий случай вооружённые бластерами, приказали им встать.

– Предатель! – воскликнул генерал-фельдмаршал, узнав Удалова.

– Дезертир! – крикнул генерал-поручик, с трудом угадав в загорелом мужчине в ковбойке генерала-клумбу, шефа камуфляжного управления.

– Спокойно, ни с места! – сказал им Артур. – С вами будет говорить сам Корнелий Иванович.

– Маршал танковых войск, – подсказал генерал-фельдмаршал, потому что генералу всегда приятнее, если его побеждает достойный соперник.

– Так вот, господа генералы и товарищи солдаты, – начал Удалов. – Мы привезли вас сюда не случайно. Мы хотим показать вам ваше собственное неприглядное будущее. Здесь, на этой планете, долгие годы бушевала война.

– Не может быть, – прервал его генерал-фельдмаршал. – Здесь негде маскироваться.

– Раньше было где. Вот они и воевали. Довоевались до того, что ни одного живого места на планете не осталось. И пришлось им, бедным, спрятаться под землю, в бомбоубежище. Прошло уже много лет, и

они живут там, потому что люди со временем забыли, что есть другой мир, кроме подземного. Они влачат жалкое существование, словно кроты и черви. Им страшно вылезти на белый свет. Вот эта дыра – единственное место, через которое можно проникнуть внутрь. Ещё через несколько лет они все вымрут. Такая же судьба ждёт и вас. Я ясно выразился?

Генералы и солдаты были поражены, но не поверили.

– Тогда вот что, – сказал Удалов. – Желающие могут пойти внутрь вместе с Артуром и Гнецом-18. Идите осторожненько, чтобы вас не поймали. А мы, остальные, подождём здесь.

Так и решили. Пока часть визитёров пробиралась под охраной Артура по тёмным коридорам, остальные беседовали с Удаловым о жизни на других планетах и обсуждали актуальные проблемы. Удалов был доволен тем, что среди его слушателей в основном были солдаты, которые рады были не маскироваться и посидеть спокойно на солнышке.

В общем, к тому времени, когда вернулись экскурсанты, Удалов полностью разагитировал солдат, как балтийские моряки разагитировали казаков во время революции. Солдаты тепло братались и уже обсуждали мирные планы.

Экскурсанты вернулись из подземелья мрачные и потрясённые виденным.

– Это невероятно, – проговорил генерал-поручик, который обозвал Артура дезертиром. – С этим надо покончить. Нам стыдно за наших братьев по разуму.

– Долой маскировку! Да здравствует мир! – выкрикнул один из солдат, остававшихся с Удаловым.

– В ваших словах что-то есть, – ответил солдату генерал-поручик, который ещё вчера с ним и разговаривать бы не стал.

Артур приблизился к Удалову и встревоженно прошептал ему на ухо, что генерал-фельдмаршала они потеряли. Он скрылся в темноте и убежал к начальству подземного города.

– Плохо дело, – заметил Удалов, не теряя самообладания.

Генералы последовали примеру солдат и сбрасывали с себя маскировочные халаты. Тут и остальные заметили отсутствие генерал-фельдмаршала.

– Он заблудился? – спросил генерал-поручик.

– Нет, – ответил честно Удалов. – Я полагаю, что он сбежал. Для него, кроме войны, других дел не существует. Вот он и хочет объединиться с подземными милитаристами.

– Этого допускать нельзя, – сказал один из солдат.

– Погодите, не в этом дело, – остановил его Удалов. – Многих из вас я, пожалуй, убедил. Но нельзя думать только о себе. Если мы не поможем подземным жителям, они вымрут. Уговорить их выйти наружу подобру-поздорову мы не сможем. Они боятся дневного света и отвыкли от свежего воздуха, но оставлять их внутри тоже нельзя.

– Надо заставить их выйти наружу. Силой, – решил генерал-поручик.

– Но нас ведь горстка, а внутри есть полиция.

Наступило молчание.

– Кстати, – заметил Артур, – генерал-фельдмаршал их наверняка уже предупредил, и они теперь организуют оборону.

– Мне нужны добровольцы, – сказал Удалов.

Десять солдат и пять генералов сделали шаг вперёд.

– Остальные остаются здесь и принимают беженцев.

– Но что вы хотите сделать? – спросил генерал-поручик.

– Мы проникнем на самый нижний уровень и взорвём там баллончики с очень вонючим, отвратительным слезоточивым газом, я случайно обнаружил эти баллончики в корабле. Они предназначены для того, чтобы отгонять хищных зверей. Газ распространится по подземелью, и его жители будут вынуждены отступать до тех пор, пока не выйдут наружу. Мы же пойдём сзади и, если какие-нибудь старики или больные не смогут идти сами, будем им помогать.

Удалов раскрыл чемоданчик и вынул из него подготовленные баллончики, противогазы для десантников и большой пакет с бутербродами.

Все поели бутербродов, потому что операция предстояла длительная, а генерал-поручик произнёс так, чтобы все слышали:

– Корнелий Иванович – настоящий стратег.

Удалов покраснел, но ничего не ответил.

Операция прошла, как было запланировано. Восемь часов добровольцам пришлось продвигаться по туннелям и коридорам, идя за волной газа, поднимаясь с уровня на уровень и подгоняя перед собой отстающих. Полиция была дезорганизована и не могла оказать сопротивления. На пятый час, прикрывая глаза от мягкого предвечернего

света и обалдевая от свежего воздуха, показались первые жители подземелья. Солдаты встречали прибывших и успокаивали их.

Удалов выбрался из подземелья последним. Он гнал перед собой генерал-фельдмаршала и Начальника № 1. Они сдаваться не хотели, сопротивлялись, и пришлось их на ночь связать.

А утром, на первом собрании жителей двух планет, стало ясно, что пути назад нет, что война на одной планете и подземный плен на другой заботами неугомонного человека с Земли закончились. Лишь фельдмаршал и Начальник № 1 сказали, что жить в новых условиях не могут. На что их подданные заявили, что жить с ними не хотят.

– Ладно, – сказал тогда Удалов. – Я знаю, чем им заняться. Мы их будем перевоспитывать трудом.

– Расскажите, Корнелий Иванович! – попросили его.

– Есть тут одна планета, – сказал Удалов. – Я всё мучился, что с ней делать. Люди на ней вели себя неразумно и полностью её испакостили. Там предстоит большая работа, пока удастся её очистить и как-то приспособить для нормального житья. Я на обратном пути намерен заглянуть в космический трест по очистным сооружениям. Они, конечно, дадут технику и подкинут кое-какие кадры. Но с людьми у нас всегда трудности. Все хотят быть или космонавтами, или врачами, или певцами. Я думаю, что для перевоспитания генералу и Начальнику № 1 стоит потрудиться в ассенизационном обозе галактического значения. И специальность полезную заодно приобретут.

И все одобрили предложение Удалова, лишь будущие ассенизаторы воздержались высказать своё мнение.

В эту последнюю ночь перед возвращением домой Удалов не спал. Было много дел. Плакали детишки, стонали старики и старухи, непривычные к свежему воздуху. Где-то перед рассветом, когда солдаты и генералы уже собирали вещи, чтобы грузиться на корабль и спешить домой, устанавливать там мир и убирать маскировочные сетки, Удалов случайно столкнулся с Артуром.

– Ну как? – спросил он. – Тебя закинуть поближе к телевизору? Небось ждёшь не дождёшься сладкого момента.

– Куда? – не сразу понял Артур. – Нет, мне домой пора. Работать надо.

– Хорошо, – согласился тогда Удалов. – Обещаю тебе взамен, что если встречу певицу Чух, приглашу её на твою планету дать концерт.

– Спасибо, Корнелий Иванович! – сказал с чувством Артур.

– Да, ещё одна вещь, – вспомнил Удалов. – Там, на корабле, ценная статуя. Вернуть бы её надо.

– Ни в коем случае! – возмутился Артур. – Это наш скромный дар чудесному человеку и великолепному организатору от населения всей планеты. Не отказывайтесь, Корнелий Иванович.

Корнелий искренне пожалел, что нет рядом товарищей из горсовета, часто журивших Удалова за недостаток организаторских способностей. «А что, – подумал он, – может, просто масштабы на Земле для меня мелки? А здесь задачи как раз по плечу». И он внутренне улыбнулся.

Заключение

После того как завезли домой солдат и генералов и попрощались с Артуром, Гнец-18 высадил Удалова на межзвёздном космодроме в Силярии. Сделал он это потому, что оттуда через день летел в сторону Солнечной системы пассажирский корабль. Он будет пролетать в каком-нибудь парсеке от Земли, и капитан обещал выделить для Удалова посадочный катер. А Гнец-18 спешил с добрыми вестями домой.

Он долго жал на прощание руку Удалову, обещал прилететь, как только выпадет возможность, расстраивался, что ничего не может подарить на память. Потом вдруг вспомнил.

– Держи, – сказал он, – наверняка тебе пригодится в будущем.

Он протянул Удалову Искатель Разума. Удалов сначала отнекивался, не хотел брать такую ценную вещь, но пришлось согласиться. «Может, и в самом деле пригодится», – подумал он.

Они обнялись. Гнец пригласил Удалова в следующий отпуск побывать у него в гостях и, лукаво улыбнувшись, выразил надежду, что Удалову где-нибудь поставят памятник.

Потом Гнец-18 улетел, и Удалов остался один. До отлёта был ещё час, так что можно было выпить чашечку кофе и купить на память сувенир для Максимки. Максимка уж, наверно, выздоровел от свинки, а Ксения себе места не находит, волнуется, куда делся Удалов, что за рыбалка длиной в месяц? Ревнует, наверно, а может, в милицию заявила.

Но подарка Удалов купить не успел. Когда он проходил мимо ряда кресел, в которых отдыхали транзитные пассажиры, одно лицо показалось ему знакомым. Где же он его видел? В доме отдыха или на

работе? И тут же Удалов понял бессмысленность подобных подозрений. Ну как мог человек из дома отдыха оказаться в другом конце Галактики?

– Вам автограф? – спросила его просто одетая женщина, заметив настойчивый взгляд.

– Вспомнил! – воскликнул Удалов. – Вы Кавалия Чух. Я только на днях видел вас по телевизору.

– Вы не могли меня видеть, – ответила знаменитая певица. – Я уже три месяца не выступаю.

– А что случилось?

– Вы присаживайтесь, – улыбнувшись очаровательной, но усталой улыбкой, сказала Кавалия. – Сами-то вы откуда?

– С Земли.

– К сожалению, там не бывала. Даже не слышала о такой планете. Так вот, у меня творческий кризис. Бросаю петь. Да, я знаю, что знаменита, что мне аплодируют, присылают цветы. Но глубокой, искренней любви к моему искусству я не ощущаю.

– Ясно, – сказал Удалов. – Такое случается с работниками искусства. Это и у нас называется – творческий кризис. Но вы не правы – вас помнят и ценят.

Кавалия Чух печально покачала головой:

– Не утешайте меня, незнакомец. Вы меня не переубедите, потому что ваши слова объясняются добротой вашего сердца, а не действительным положением вещей.

– Ещё как переубежу! – возразил Удалов. – Я отлично знаю, как вас излечить от меланхолии. Послушайте, в секторе 5689-бис есть одна планета, мне там пришлось недавно побывать. На этой планете каждый вечер всё население, включая стариков и детей, уходит на год в прошлое. И знаете почему? Потому что они не в состоянии жить без вашего искусства...

И Удалов, не жалея времени, подробно изложил Кавалии Чух события, которые имели место на планете, одурманенной её искусством.

Кавалия Чух слушала затаив дыхание. Она была так растрогана рассказом Корнелия, что прослезилась и только минут через десять смогла взять себя в руки и заявить:

– Я сегодня же, немедленно, откладываю все дела и лечу на ту планету. Вы мне открыли глаза, Корнелий Иванович! Как я могла

настолько заблуждаться в людях? В благодарность за такое тёплое отношение я готова петь там двое суток подряд.

– Ни в коем случае! – прервал её Удалов. – Именно этого делать вам не следует. Они же вообще переселятся в прошлое! Поймите же, что планета находится на краю гибели!..

– А что же делать?

– Вы должны поступить иначе. Я предлагаю вам объехать по очереди все их крупнейшие города и спеть на стадионе в каждом из них. И взять с них слово, что они перестанут ездить в прошлое, а будут заниматься своими текущими делами и терпеливо ждать, когда вы приедете к ним собственной персоной.

– Хорошо, вы правы, – тут же согласилась великая певица.

В этот момент объявили посадку на космический лайнер, который должен был отвезти Удалова домой, и он тепло попрощался с певицей, которая тут же побежала к кассе, чтобы взять билет в другую сторону.

– Погодите!

Удалов вырвал листок из записной книжки и написал на нём адрес Артура. Догнав певицу, он передал ей листок с адресом.

– Дорогая Кавалия, если у вас выдастся свободная минутка, слетайте, будьте добры, на эту планету. Там у вас тоже есть верные ценители. Кроме того, планета только что пережила тяжёлую и длительную войну, и её обитатели очень тянутся к настоящему искусству.

Певица поцеловала Корнелия в щёку и на прощание подарила ему свою объёмную фотографию с трогательной надписью.

А ещё через два дня посадочный катер незаметно приземлился в лесу на окраине Великого Гусляра.

Было раннее дождливое утро. С елей осыпались холодные брызги. Из травы торчали оранжевые шапки подосиновиков.

Вслед за Удаловым на траву спустили изумрудную статую, и катер улетел.

Идти было трудно. Удалов волочил за собой статую по земле и чуть не надорвался. Ему удалось дотащить её только до городского парка.

Ну что ж, рассудил он, значит, здесь ей и место. Он остановился у детской площадки с качелями, гигантскими шагами и теремком, развернул драгоценную реликвию и взгромоздил её на пустой постамент, где раньше стояла гипсовая девушка с веслом. Под голубым

рассветным освещением статуя мерцала, словно сотканная из тёплой тропической ночи.

Всё. Дела сделаны. Отпуск прошёл удачно, поучительно и интересно.

– Это я сделал, это я сказал, это я предупредил, – произнёс вслух Удалов, вспоминая свои обязательства перед Галактикой.

Теперь оставалось лишь спрятать куда-нибудь подальше фотографию великой певицы Кавалии Чух, чтобы жена Ксения чего не подумала, и предупредить сына Максимку, чтобы не отдавал ребятам во дворе Искатель Разума для всяческих детских конструкторских затей.

Удалов бросил последний взгляд на статую.

Статуя улыбалась загадочной неземной улыбкой.

– Я пошёл домой, – сказал Удалов статуе. – До свидания.

ЛЮБИМЫЙ УЧЕНИК ФАКИРА

События, впоследствии смутившие мирную жизнь города Великий Гусляр, начались, как и положено, буднично.

Автобус, шедший в Великий Гусляр от станции Лысый Бор, находился в пути уже полтора часа. Он миновал богатое рыбой озеро Копенгаген, проехал дом отдыха лесных работников, пронёсся мимо небольшого потухшего вулкана. Вот-вот должен был открыться за поворотом характерный силуэт старинного города, как автобус затормозил, съехал к обочине и замер, чуть накренившись, под сенью могучих сосен и елей. В автобусе люди просыпались, тревожились, будили утреннюю прохладу удивлёнными голосами.

– Что случилось? – спрашивали они друг у друга и у шофёра. – Почему встали? Может, поломка? Неужели авария?

Дремавший у окна молодой человек приятной наружности с небольшими чёрными усиками над полной верхней губой также раскрыл глаза и несколько удивился, увидев, что еловая лапа залезла в открытое окно автобуса и практически упёрлась ему в лицо.

– Вылезай! – донёсся до молодого человека скучный голос водителя. – Загорать будем. Говорил же я им: куда мне на линию без домкрата? Обязательно прокол будет. А мне механик своё: не будет сегодня прокола, а у домкрата всё равно резьба сошла!..

Молодой человек представил себе домкрат с намертво стёртой резьбой и поморщился: у него было сильно развито воображение. Он поднялся и вышел из автобуса.

Шофёр, окружённый пассажирами, стоял на земле и рассматривал заднее колесо, словно картину Рембрандта.

Мирно шумел лес. Покачивали гордыми вершинами деревья. Дорога была пустынна. Лето уже вступило в свои права. В кювете цвели одуванчики, и кареглазая девушка в костюме джерси и голубом платочке, присев на пенёчек, уже плела венок из жёлтых цветов.

– Или ждать, или в город идти, – сказал шофёр.

– Может, мимо кто проедет? – выразил надежду невысокий плотный белобрысый мужчина с редкими блестящими волосами, еле закрывающими лысину. – Если проедет, мы из города помощь пришлём.

Говорил он авторитетно, но с некоторой поспешностью в голосе, что свидетельствовало о мягкости и суетливости характера. Его лицо показалось молодому человеку знакомым, да и сам мужчина, закончив беседу с шофёром, обернулся к нему и спросил прямо:

– Вот я к вам присматриваюсь с самой станции, а не могу определить. Вы в Гусляр едете?

– Разумеется, – ответил молодой человек. – А разве эта дорога ещё куда-нибудь ведёт?

– Нет, далее она не ведёт, если не считать просёлочных путей к соседним деревням, – ответил плотный блондин.

– Значит, я еду в Гусляр, – сказал молодой человек, большой сторонник формальной логики в речи и поступках.

– И надолго?

– В отпуск, – сказал молодой человек. – Мне ваше лицо также знакомо.

– А на какой улице в Великом Гусляре вы собираетесь остановиться?

– На своей, – сказал молодой человек, показав в улыбке ровные белые зубы, которые особенно ярко выделялись на смуглом, загорелом и несколько измождённом лице.

– А точнее?

– На Пушкинской.

– Вот видите, – обрадовался плотный мужчина и наклонил голову так, что луч солнца отразился от его лысинки, попал в глаз девушке,

создававшей венок из одуванчиков, и девушка зажмурилась. – А я что говорил?

Он радовался, как следователь, получивший при допросе упрямого свидетеля очень важные показания.

– А в каком доме вы остановитесь?

– В нашем, – сказал молодой человек, отходя к группе людей, изучавших сплюснутую шину.

– В шестнадцатом?

– В шестнадцатом.

– Я так и думал. Вы будете Георгий Боровков, Ложкин по матери.

– Он самый, – ответил молодой человек.

– А я – Корнелий Удалов, – сказал плотный блондин. – Помните ли вы меня – я вас в детстве качал на колене?

– Помню, – сказал молодой человек. – Ясно помню. И я у вас с колена упал. Вот шрам на переносице.

– Ох! – безмерно обрадовался Корнелий Удалов. – Какая встреча! И неужели ты, сорванец, все эти годы о том падении помнил?

– Ещё бы, – сказал Георгий Боровков. – Меня из-за этого почти незаметного шрама не хотели брать в лесную академию раджа-йога гуру Кумарасвами, ибо это есть физический недостаток, свидетельствующий о некотором неблагожелательстве богов по отношению к моему сосуду скорби.

– К кому? – спросил Удалов в смятении.

– К моему смертному телу, к оболочке, в которой якобы спрятана нетленная идеалистическая сущность.

– Ага, – сказал Удалов и решил больше в этот вопрос не углубляться. – И надолго к нам?

– На месяц или меньше, – сказал молодой человек. – Как дела повернутся. Может, вызовут обратно в Москву. А с колесом-то плохо дело. Запаска есть?

– Без тебя вижу, – ответил шофёр, с некоторым презрением глядя на синий костюм, на импортный галстук, повязанный несмотря на утреннее время и будний день, и на весь изысканный облик молодого человека.

– Запаска есть, спрашивают? – вмешался Удалов. – Или тоже на базе оставил?

– Запаска есть, а на что она без домкрата?

– Ни к чему она без домкрата, – подтвердил Удалов и спросил у Боровкова: – А ты за границей был?

– Стажировался, – сказал Боровков. – В порядке научного обмена. Надо будет автобус приподнять, а вы тем временем подмените колесо. Становится жарко, а люди спешат в город.

– Ну и подними, – буркнул шофёр.

– Подниму, – сказал Боровков. – Только прошу вас не терять времени даром.

– Давай, давай, шофёр, – сказала ветхая бабушка из толпы пассажиров. – Человек тебе помощь предлагает.

– И она туда же! – сказал шофёр. – Вот ты, бабка, с ним на пару автобус и подымай.

Но Боровков буднично снял пиджак, передал его Удалову и обернулся к шофёру с видом человека, который уже собрался работать, а рабочее место оказалось ему не подготовлено.

– Ну, – сказал он стальным голосом. Шофёр не посмел противоречить такому голосу и поспешил за запаской.

– Расступитесь, – строго сказал Удалов. – Разве не видите?

Пассажиры немного подались назад.

Шофёр с усилием подкатил колесо и брякнул на гравий разводной ключ.

– Отвинчивайте, – сказал Боровков.

Шофёр медленно отвинчивал болты, и его губы складывались в ругательное слово, но присутствие пассажирок удерживало.

Удалов стоял в виде вешалки, держа пиджак Боровкова на согнутом мизинце и спиною оттесняя тех, кто норовил приблизиться.

– А теперь, – сказал Боровков, – я приподниму автобус, а вы меняйте колесо.

Он провёл руками под корпусом автобуса, разыскивая место, где можно взяться понадёжнее, затем вцепился в это место тонкими смуглыми пальцами и без натуги приподнял машину. Автобус наклонился вперёд, будто ему надо было что-то разглядеть внизу перед собой, и вид у него стал глупый, потому что автобусам так стоять не положено.

В толпе ахнули, и все отошли подальше. Только Корнелий Удалов, как причастный к событию, остался вблизи.

Шофёр был настолько поражён, что мгновенно снял колесо, ни слова не говоря подкатил другое и начал надевать его на положенное место.

– Тебе не тяжело? – спросил Удалов Боровкова.

– Нет, – ответил тот просто.

И Удалов с уважением оглядел племянника своего соседа по дому, дивясь его внешней субтильности. Но тот держал машину так легко, что Удалову подумалось, что, может, автобус и впрямь не такой уж тяжёлый, а это лишь сплошная видимость.

– Всё, – сказал шофёр, вытирая со лба пот. – Опускай.

И Боровков осторожно поставил задние колеса автобуса наземь.

Он даже не вспотел и ничем не показывал усталости. В толпе пассажиров кто-то захлопал в ладоши, а кареглазая девушка, которая кончила плести венок из одуванчиков, подошла к Боровкову и надела венок ему на голову. Боровков не возражал, а Удалов заметил:

– Размер маловат.

– В самый раз, – возразила девушка. – Я будто заранее знала, что он пригодится.

– Пиджачок извольте, – сказал Удалов, но Боровков засмущался, отверг помощь Корнелия Ивановича, сам натянул пиджак, одарил девушку белозубой улыбкой и, почесав свои чёрные усики, поднялся в автобус на своё место.

Шофёр мрачно молчал, потому что не знал, объяснять ли на базе, как автобус голыми руками поднимал незнакомый молодой человек, или правдивее будет сказать, что выпросил домкрат у проезжавшего МАЗа. А Удалов сидел на два сиденья впереди Боровкова и всю дорогу до города оборачивался, улыбался молодому человеку, подмигивал и уже на въезде в город не выдержал и спросил:

– Ты штангой занимался?

– Нет, – скромно ответил Боровков. – Это неиспользованные резервы тела.

По Пушкинской они до самого дома шли вместе. Удалов лучше поговорил бы с Боровковым о дальних странах и местах, но Боровков сам всё задавал вопросы о родственниках и знакомых. Удалову хотелось вставить что-нибудь серьёзное, чтобы и себя показать в выгодном свете: он заикнулся было о том, что в Гусляре побывали пришельцы из космоса, но Боровков ответил:

– Я этим не интересуюсь.

– А как же, – спросил тогда Удалов, – загадочные строения древности, в том числе пирамида Хеопса и Баальбекская веранда?

– Все веранды – дело рук человека, – отрезал Боровков. – Иного пути нет. Человек – это звучит гордо.

– Горький, – подсказал Удалов. – «На дне».

Он всё поглядывал на два боровковских заграничных чемодана с личными вещами и подарками для родственников: если бы он не видел физических достижений соседа, наверняка предложил бы свою помощь, но теперь предлагать было всё равно что над собой насмехаться.

Вечером Николай Ложкин, боровковский дядя по материной линии, заглянул к Удалову и пригласил его вместе с женой Ксенией провести вечер в приятной компании по поводу приезда в отпуск племянника Георгия. Ксения, которая уже была наслышана от Удалова о способностях молодого человека, собралась так быстро, что они через

пять минут уже находились в ложкинской столовой, бывшей заодно и кабинетом: там располагались аквариумы, клетки с певчими птицами и книжные полки.

За столом собрался узкий круг друзей и соседей Ложкиных. Старуха Ложкина расщедрилась по этому случаю настойкой, которую берегла к октябрьским, потому что – а это и сказал в своей застольной речи сам Ложкин – молодые люди редко вспоминают о стариках, ибо живут своей, занятой и посторонней жизнью, и в этом свете знаменательно возвращение Гарика, то есть Георгия, к своим дяде и тёте, когда он мог выбрать любой санаторий или дом отдыха на кавказском берегу или на Золотых Песках.

Все аплодировали, а потом Удалов тоже произнёс тост. Он сказал:

– Наша молодёжь разлетается из родного гнезда кто куда, как перелётные птицы. У меня вот тоже подрастают Максимка и дочка. Тоже оперятся и улетят. Туда им и дорога. Широкая дорога открыта нашим перелётным птицам. Но если уж они залетят обратно, то мы просто поражаемся, какими сильными и здоровыми мы их воспитали.

И он показал пальцем на смущённого и скромно сидящего во главе стола Георгия Боровкова.

– Так поднимем же этот тост, – закончил свою речь Корнелий, – за нашего родного богатыря, который сегодня на моих глазах вознёс автобус с пассажирами и держал его в руках до тех пор, пока не был завершён текущий ремонт. Ура!

Многие ничего не поняли, кто понял – не поверил, а сам Боровков попросил слова.

– Конечно, мне лестно. Однако я должен внести уточнения. Во-первых, я автобус на руки не брал, а только приподнял его, что при определённой тренировке может сделать каждый. Во-вторых, в автобусе не было пассажиров, поскольку они стояли в стороне, так как я не стал бы рисковать человеческим здоровьем.

Соседям и родственникам приятно было смотреть на недавнего подростка, который бегал по двору и купался в реке, а теперь, по получении образования и заграничной командировки, не потеряв скромности, вернулся в родные пенаты.

– И по какой специальности ты там стажировался? – спросил усатый Грубин, сосед снизу, когда принялись за чай с пирогом.

– Мне, – ответил Боровков, – в дружественной Индии была предоставлена возможность пробыть два года на обучении у одного известного факира, отшельника и йога – гуру Кумарасвами.

– Ну и как ты там? Показал себя?

– Я старался, – скромно ответил Гарик, – не уронить достоинства.

– Не скромничай, – вставил Корнелий Удалов. – Небось был самым выдающимся среди учеников?

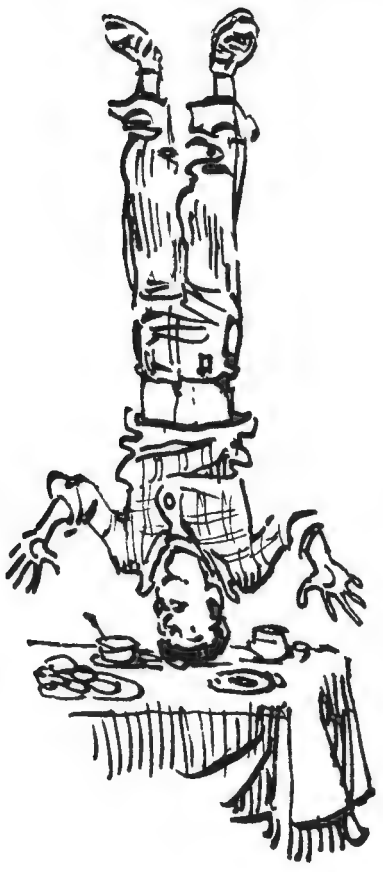
– Нет, были и более выдающиеся, – сказал Боровков. – Хотя гуру иногда называл меня своим любимым учеником. Может, потому, что у меня неплохое общее образование.

– А как там с питанием? – поинтересовалась Ксения Удалова.

– Мы питались молоком и овощами. Я с тех пор не потребляю мяса.

– Это правильно, – сказала Ксения, – я тоже не потребляю мяса. Для диеты.

Боровков вежливо промолчал и потом обернулся к Удалову, который задал ему следующий вопрос:



– Вот у нас в прессе дискуссия была: хорошо это – йоги или мистика?

– Мистики на свете не существует, – ответил Боровков. – Весь вопрос в мобилизации ресурсов человеческого тела. Опасно, когда этим занимаются шарлатаны и невежды. Но глубокие корни народной мудрости, имеющие начало в Ригведе, требуют углублённого изучения.

И после этого Гарик с выражением прочитал на древнем индийском языке несколько строф из поэмы «Махабхарата».

– А на голове ты стоять умеешь? – спросил неугомонный Корнелий.

– А как же! – даже удивился Гарик и тут же, легонько опершись ладонями о край стола, подкинул кверху ноги, встал на голову, уперев подошвы в потолок, и дальнейшую беседу со своими ближними вёл в таком вот, неудобном для простого человека положении.

– Ну это всё понятно, это мы читали, – сказал Грубин, глядя на Боровкова наискосок. – А какая польза от твоих знаний для народного хозяйства?

– Этот вопрос мы сейчас исследуем, – ответил Боровков, сложил губы трубочкой и отпил из своей чашки без помощи рук. Потом отпустил одну руку, потянулся к вазончику с черешней и взял ягоду. – Возможности открываются значительные. Маленький пример, который я продемонстрировал сегодня на глазах товарища Корнелия Ивановича, тому доказательство. Каждый может внутренне мобилизоваться и сделать то, что считается не под силу человеку.

– Это он о том, как автобус поднял, – напомнил Удалов, и все согласно закивали головами.

– Ты бы перевернулся, Гарик, и сел, – сказала старуха Ложкина. – Кровь в голову прильёт.

– Спасибо, я постою, – сказал Гарик.

Общая беседа продолжалась, и постепенно все привыкли к тому, что Боровков пребывает в иной, чем остальные, позе. Он рассказывал о социальных контрастах в Индии, о тамошней жизни, о культурных памятниках, о гипнозе, хатха-йоге и раджа-йоге. И разошлись гости поздно, очень довольные.

А на следующее утро Боровков вышел на двор погулять уже в ковбойке и джинсах и оттого казался своим, гуслярским. Удалов, собираясь на службу, выглянул из окна, увидел, как Боровков делает движения руками, и вышел.

– Доброе утро, Гарик, – сказал он, присев на лавочку. – Что делаешь?

– Доброе утро, – ответил Боровков, – тренирую мысль и пальцы. Нужно всё время тренироваться, как исполнитель на музыкальных инструментах, иначе мышцы потеряют форму.

– Это правильно, – согласился Удалов. – Я тебя вот о чём хотел спросить: мне приходилось читать, что некоторые факиры в Индии умеют укрощать диких кобр звуками мелодии на дудке. Как ты на основании своего опыта полагаешь, они это в самом деле или обманывают?

Наверное, он мог бы придумать вопрос получше, поумнее, но спросить чего-нибудь хотелось, вот и сказал первое, что на ум пришло. И не спроси он про змей, может, всё бы и обошлось.

– Есть мнение, что кобры в самом деле гипнотизируются звуком музыки, – ответил с готовностью Боровков. – Но у них чаще всего вырывают ядовитые зубы.

– Не приходилось мне кобру видеть, – сказал Удалов, заглаживая белёсые волоски на лысину. – Она внушительного размера?

– Да вот такая, – сказал Боровков и наморщил лоб.

Он помолчал с полминуты или минуту, а потом Удалов увидел, как на песочке в метре от них появилась свёрнутая в кольцо большая змея.

Змея развернулась и подняла голову, раздувая шею, а Удалов подобрал ноги на скамью и поинтересовался:

– А не укусит?

– Нет, Корнелий Иванович, – сказал молодой человек. – Змея воображаемая. Я же вчера рассказывал.

Кобра тем временем подползла ближе. Боровков извлёк из кармана джинсов небольшую дудочку, приставил к губам и воспроизвёл на ней незнакомую простую мелодию, отчего змея прекратила ползание, повыше подняла голову и начала раскачиваться в такт музыке.

– И это тоже мне кажется? – спросил Удалов.

Боровков, не переставая играть, кивнул. Но тут пошла с авоськой через двор гражданка Гаврилова из соседнего флигеля.

– Змея! – закричала она страшным голосом и бросилась бежать.

Змея испугалась её крика и поползла к кустам сирени, чтобы в них спрятаться.

– Ты её исчезни, – сказал Удалов Боровкову, не спуская ног.

Тот согласился, отнял от губ дудочку, провёл ею в воздухе, змея растаяла и вся уже скрылась, но Удалов не мог сказать, вообще она исчезла или в кустах.

– Неудобно получилось, – сказал Гарик, почёсывая усики. – Женщину испугали.

– Да. Неловко. Но ведь это видимость?

– Видимость, – согласился Боровков. – Хотите, Корнелий Иванович, я вас провожу немного? А сам по городу прогуляюсь.

– Правильно, – сказал Удалов. – Я только портфель возьму.

Они пошли рядышком по утренним улицам. Удалов задавал вопросы, а Гарик с готовностью отвечал.

– А этот гипноз на многих людей действует?

– Почти на всех.

– А если много людей?

– Тоже действует. Я же рассказывал.

– Послушай, – пришла неожиданная мысль в голову Удалову. – А с автобусом там тоже гипноз был?

– Ну что вы! – сказал Гарик. – Колесо же поменяли.

– Правильно, колесо поменяли.

Удалов задумался.

– Скажи, Гарик, – спросил он, – а эту видимость использовать можно?

– Как?

– Ну, допустим, в военных условиях, с целью маскировки. Ты внушаешь фашистам, что перед ними непроходимая река, они и отступают. А на самом деле перед ними мирный город.

– Теоретически возможно, но только, чтобы фашистов загипнотизировать, надо обязательно к ним приблизиться.

– Другое предложение сделаю: в театре. Видимый эффект. Ты гипнотизируешь зрителей, и им кажется, что буря на сцене самая настоящая, даже дождь идёт. Все как будто мокрые сидят.

– Это можно, – согласился Боровков.

– Или ещё. – Тут уж Удалов ближе подошёл к производственным проблемам. – Мне дом сдавать надо, а у меня недоделки. Подходит приёмочная комиссия, а ты их для меня гипнотизируешь, и кажется им, что дом ну просто импортный.

– Дом – это много. Большой формат, – сказал любимый ученик факира. – Мой учитель когда-то смог воссоздать Тадж-Махал, великий памятник прошлого Индии. Но это было дикое напряжение ума и души. Он до сих пор не совсем пришёл в себя. А нам, ученикам, можно материализовать вещи не больше метра в диаметре.

– Любопытно, – с сомнением сказал Удалов. – Но я пошутил. Я никого в заблуждение вводить не намерен. Это мы оставим для очковтирателей.

– А я бы, – мягко поддержал его Боровков, – даже при всём к вам уважении помощь в таком деле не хотел бы оказывать.

И тут по дороге имел место ещё один инцидент, который укрепил веру Удалова в способности Гарика.

Навстречу им шёл ребёнок, весь в слезах и соплях, который громко горевал по поводу утерянного мяча.

– Какой у тебя был мяч, мальчик? – спросил Боровков.

– Си-иний! – И ребёнок заплакал пуще прежнего.

– Такой? – спросил Боровков и, к удивлению мальчика, а также и Удалова, тут же создал синий мяч среднего размера; мяч подпрыгнул и подкатился мальчику под ноги.

– Не то-от, – заплакал мальчик ещё громче. – Мой был большой!

– Большой? – ничуть не растерялся Боровков. – Будет большой.

И тут же в воздухе возник шар размером с десятикилограммовый арбуз. Шар повисел немного и лениво упал на землю.

– Такой? – спросил Боровков ласковым голосом, потому что он любил детей.

А Удалов уловил в сообразительных глазёнках ребёнка лукавство: глазёнки сразу просохли – мальчик решил использовать волшебника.

– Мой был больше! – завопил он. – Мой был с золотыми звёздочками. Мой был как дом!

– Я постараюсь, – сказал виновато Боровков. – Но мои возможности ограниченны.

– Врёт мальчонка, – сказал Удалов убеждённо. – Таких мячей у нас в универмаге никогда не было. Если бы были, знаешь какая бы очередь стояла? Таких промышленность не выпускает.

– А мне папа из Москвы привёз, – сказал ребёнок трезвым голосом дельца. – Там такие продаются.

– Нет, – сказал Удалов. – ГОСТ не позволяет такие большие мячи делать, и таких импортных не завозят. Можно кого-нибудь зашибить невзначай.

– Вы так думаете? – спросил Боровков. – Я, знаете, два года был оторван.

– Отдай мой мяч! – скомандовал ребёнок.

Боровков очень сильно нахмурился, и рядом с мальчиком возник шар даже больше метра в диаметре. Он был синий и переливался золотыми звёздочками.

– Такой подойдёт? – спросил Боровков.

– Такой? – Мальчик смерил мяч взглядом и сказал не очень уверенно: – А мой был больше. И на нём звёзд было больше.

– Пойдём, Гарик, – возмутился Удалов. – Сними с него гипноз. Пусть останется без мячей.

– Не надо, – сказал Боровков, с укоризной посмотрел на мальчика, пытавшегося обхватить мячи, и пошёл вслед за Удаловым.

– А вот и мой объект, – сказал Корнелий. – Как, нравится?

Боровков ответил не сразу. Дом, созданный конторой, которой руководил Корнелий Удалов, был далеко не самым красивым в городе. И наверное, Гарику Боровкову приходилось видеть тщательнее построенные дома как в Бомбее и Дели, так и в Париже и Москве. Но он был вежлив и потому только вздохнул, а Удалов сказал:

– Поставщики замучили. Некачественный материал давали. Ну что с ними поделаешь?

– Да, да, конечно, – согласился Боровков.

– Зайдём? – спросил Удалов.

– Зачем?

– Интерьером полюбуешься. Сейчас как раз комиссия придёт, сдавать дом будем.

Боровков не посмел отказаться и последовал за хитроумным Корнелием Ивановичем, который, конечно, решил использовать его талант в одном сложном деле.

– Погляди, – сказал он молодому человеку, вводя его в совмещённый санузел квартиры на первом этаже. – Как здесь люди жить будут?

Боровков огляделся. Санузел был похож на настоящий. Всё в нём было: и умывальник, и унитаз, и ванна, и кафельная плитка, хоть и неровно положенная.

– Чего не хватает? – спросил Удалов.

– Как не хватает?

– Кранов не хватает, эх ты, голова! – подсказал Удалов. – Обманули нас поставщики. Заявку, говорят, вовремя не представил. А сейчас комиссия придёт. И кто пострадает? Пострадает твой сосед и почти родственник Корнелий Удалов. На него всех собак повесят.

– Жаль, – с чувством сказал Боровков. – Но ведь ещё больше пострадают те, кто здесь будет жить.

– Им не так печально, – вздохнул Корнелий Иванович. – Им в конце концов всё поставят. И краны, и шпингалеты. Они напишут, поскандалят, и поставят им краны. А вот меня уже ничто не спасёт. Дом комиссия не примет – и прощай премия! Не о себе пекусь, а о моих сотрудниках, вот о тех же, например, плиточниках, которые, себя не щадя, стремились закончить строительство к сроку.

Боровков молчал, видимо, более сочувствуя жильцам дома, чем Удалову. А Удалов ощущал внутреннее родство с мальчиком, который выпросил у Боровкова мячи. Внешне он лил слёзы и метался, но изнутри в нём радовалось ожидание, потому что Боровков был человек мягкий и оттого обречённый на капитуляцию.

– Скажи, а для чистого опыта ты бы смог изобразить водопроводный кран? – спросил Удалов.

– Зачем это? – ответил вопросом Боровков. – Обманывать ведь никого нельзя. Разве для шутки?

Он глубоко вздохнул, как человек, который делает что-то помимо своей воли, и в том месте, где положено быть крану, возник медный кран в форме рыбки с открытым ртом. Видно, такие краны Боровков видел в Индии.

– Нет, – сказал Удалов, совсем как тот мальчик. – Кран не такой. Наши краны попроще, без финтифлюшек. Как у твоего дяди. Помнишь?

Боровков убрал образ изысканного крана и на его место посадил стандартный образ.

Удалов подошёл к крану поближе и, опасаясь даже тронуть его пальцем, пристально проверил, прикреплён ли кран к соответствующей трубе. Как он и опасался, кран прикреплён не был, и любой член комиссии углядел бы это сразу.

– Нет, ты посмотри вот сюда, – сказал Удалов возмущённым голосом. – Разве так краны делают? Халтурщик ты, Гарик, честное слово. Как вода из него пойдёт, если он к трубе не присоединён?

Боровков даже оскорбился:

– Как так вода не пойдёт? – И тут же из крана, ни к чему не присоединённого, разбрызгиваясь по раковине, хлынула вода.

– Стой! – крикнул Удалов. – Она же ещё не подключена! Дом с сетью не соединён. Ты что, меня под монастырь хочешь подвести?

– Я могу и горячую пустить! – азартно сказал Гарик, и вода помутнела, и от неё пошёл пар.

– Брось свои гипнотизёрские штучки, – строго сказал Удалов. – Я тебе как старший товарищ говорю. Закрой воду и оставь кран в покое.

И тут в квартиру ворвался молодой человек, весь в штукатурке и в сложенной из газеты шляпе, похожей на треуголку полководца Наполеона.

– Идут! – крикнул он сдавленным голосом. – Что будет, что будет!

– Гарик! – приказал Удалов. – За мной. Поздно рассуждать. Спасать надо.

И они пошли навстречу комиссии.

Комиссия стояла перед домом на площадке, где благоустройство ещё не было завершено, и рассматривала объект снаружи. Удалов вышел навстречу как радушный хозяин. Председатель комиссии, Иван Андреевич, человек давно ему знакомый, вредный, придирчивый и вообще непреклонный, протянул Корнелию руку и произнёс:

– Плохо строишь. Неаккуратно.

– Это как сказать, – осторожно возразил Удалов, пожимая руку. – Как сказать. Вот Екатерина из райисполкома... – Он запнулся и тотчас поправился: – То есть представитель Екатерина Павловна в курсе наших временных затруднений. – И он наморщил лоб, изображая работу мысли.

– Ты всех в комиссии знаешь, – сказал председатель. – Может, только с Ветлугиной не встречался.

И он показал Удалову на кареглазую девушку в костюме джерси, ту самую, которая у автобуса сплела венок из одуванчиков и возложила его на голову Боровкову. У девушки была мужественная профессия сантехника. Боровков тоже её узнал и покраснел, и девушка слегка покраснела, потому что теперь она была при исполнении служебных обязанностей и не хотела, чтобы ей напоминали о романтических движениях души.

Она только спросила Гарика:

– Вы тоже строитель?

И тот ответил:

– Нет, меня товарищ Удалов пригласил осмотреть дом.

– Ну, – Удалов приподнялся на цыпочки, чтобы дотянуться до уха Боровкова, – или ты спасёшь, или мне, сам понимаешь...

Боровков вновь вздохнул, поглядел на кареглазую Ветлугину, потрогал усики и послушно последовал за нею внутрь дома. Удалов решил не отставать от них ни на шаг. Что там другие члены комиссии, если главная опасность – сантехник!

Они начали с квартиры, в которой Боровков уже пускал воду. Кран был на месте, но не присоединён к трубе.

Девушка опытным взглядом специалиста оценила блеск и чистоту исполнения крана, но тут же подозрительно взглянула в его основание. Удалов ахнул. Боровков понял. Тут же от крана протянулась труба, и сантехник Ветлугина удивлённо приподняла брови, похожие на перевёрнутых чаек, как их рисуют в детском саду. Но придраться было не к чему, и Ветлугина перешла на кухню. Удалов щипнул Боровкова, и Гарик, не отрывая взгляда от Ветлугиной, сотворил кран и там.

Так они и переходили из квартиры в квартиру, и везде Боровков гипнотизировал Ветлугину блистающими кранами, а Удалов боялся, что ей захочется проверить, хорошо ли краны действуют, ибо, когда её пальчики провалятся сквозь несуществующие металлические части, получится великий скандал.

Но обошлось. Спас Боровков. Ветлугина слишком часто поднимала к нему свой взор, а Боровков слишком часто искал её взгляд, так что в качестве члена комиссии Ветлугина была почти нейтрализована.

Они вышли наконец на лестничную площадку последнего этажа и остановились.

– У тебя, Ветлугина, всё в порядке? – спросил Иван Андреевич.

– Почти, – ответила девушка, глядя на Гарика.

«Пронесло, – подумал Удалов. – Замутили мы с Боровковым её взор!»

– А почему почти? – спросил Иван Андреевич.

– Кранов нет, – сказала девушка. Эти слова прогрохотали для Удалова как зловещий гром, и в нём вдруг вскипела ненависть. Тысячи людей, по науке, поддаются гипнозу, а она, ведьма, не желает поддаваться!..

– Как нет кранов?! – заспешил с опровержением Удалов. – Вы же видали. Все видали! И члены комиссии видали, и лично Иван Андреевич.

– Это лишь одна фикция и видимость материализации, – грустно ответила девушка. – И я знаю, чьих рук это дело.

Она глядела на Боровкова заворожённым взглядом, а тот молчал.

– Я знаю, что вот этот товарищ, – продолжала коварная девушка, не сводя с Гарика глаз, – находился в Индии по научному обмену и научился там гипнозу и факирским фокусам. При мне ещё вчера он сделал вид, что поднимает автобус за задние колёса, а это он нас

загипнотизировал. И моя бабушка была в гостях у Ложкиных, и там всем казалось, что он целый вечер стоял на голове. И пил чай.

А Боровков молчал.

«Ну вот теперь и ты в ней разочаруешься за свой позор!» – подумал с надеждой Удалов. Им овладело мстительное чувство: он уже погиб, и пускай теперь гибнет весь мир – как примерно рассуждали французские короли эпохи абсолютизма.

– Пошли, – сказал сурово Иван Андреевич. – Пошли заново, очковтиратель. Были у меня подозрения, что по тебе ОБХСС плачет, а теперь они наконец материализовались.

Боровков молчал.

– А этого юношу, – продолжал Иван Андреевич, – который за рубежом нахватался чуждых для нас веяний, мы тоже призовём к порядку. Выйдите на улицу, – сказал он Боровкову. – И не надейтесь в дом заглядывать!..

– Правильно, – пролепетала коварная Ветлугина. – А то он снова нас всех загипнотизирует.

– Может, и дома не существует? Надо проверить, – сказал Иван Андреевич.

– Нет, – сказала Екатерина из райисполкома. – Дом и раньше стоял, его у нас на глазах строили. А этот молодой человек только вчера к нам явился.

Гусляр – город небольшой, и новости в нём распространяются почти мгновенно.

Удалов шёл в хвосте комиссии. Он чувствовал себя обречённым. Завязывалась неприятность всерайонного масштаба. И он подумал, что в его возрасте не поздно начать новую жизнь и устроиться штукатуром, с чего Удалов когда-то и начал свой путь к руководящей работе. Но вот жена!..

– Показывайте ваши воображаемые краны, – сказал Иван Андреевич, входя в квартиру.

В санузел Удалов не пошёл, остался в комнате, выглянул в окно. Внизу Боровков задумчиво писал что-то веткой по песку. «И зачем я только втянул его в это дело?» – запечалился Удалов, и тут же его мысль перекинулась на то, как хорошо бы жить на свете без женщин. За тонкой стенкой бурлили голоса. Никто из санузла не выходил: что-то у них там случилось. Удалов сделал два шага и заглянул внутрь

через плечо Екатерины из райисполкома. Состав комиссии с громадным трудом разместился в санузле. Ветлугина сидела на краю ванны, Иван Андреевич щупал кран, но его пальцы никуда не проваливались.

– Что-то ты путаешь, – сказал Иван Андреевич Ветлугиной.

– Всё равно одна видимость, – настаивала Ветлугина растерянно, ибо получалось, что она оклеветала и Удалова, и Гарика, и всю факирскую науку.

– А какая же видимость, если он твёрдый? – удивился Иван Андреевич.

– Настоящий, – поспешил подтвердить Удалов.

– Тогда пускай он скажет, когда и откуда краны получил, – нашлась упрямая Ветлугина. – Пускай по документам проверят!

– Детский разговор, – сказал Удалов, к которому вернулось присутствие духа. – Что же, я краны на рынке за собственные деньги покупал?

Тут уж терпение покинуло Ивана Андреевича.

– Ты, Ветлугина, специалист молодой, и нехорошо тебе начинать трудовой путь с клеветы на наших заслуженных товарищей.

И Иван Андреевич показал размашистым жестом на голову Удалова, которая высовывалась из-за плеча Екатерины.

– Правильно, Иван Андреевич, – без зазрения совести присоединился к его мнению Удалов. – Мы работаем, вы работаете, все стараются, а некоторые граждане занимаются распространением непроверенных слухов.

Ветлугина, пунцовая, выбежала из санузла, и Корнелий возблагодарил судьбу за то, что Боровков на улице и ничего не видит: его мягкое сердце ни за что бы не выдержало этого зрелища.

Удалов поспешил увести комиссию. В таких острых ситуациях никогда не знаешь, чем может обернуться дело через пять минут. И в последний момент впрямь всё чуть не погубило излишнее старание Боровкова, ибо Иван Андреевич машинально повернул кран и из него хлынула струя горячей воды. Иван Андреевич кран, конечно, тут же закрыл, вышел из комнаты, а на лестнице вдруг остановился и спросил с некоторым удивлением:

– А что, и вода уже подключена?

– Нет, это от пробы в трубах осталась.

Удалов смотрел на председателя наивно и чисто.

– А почему горячая? – спросил председатель.

– Горячая? А она была горячая?

– Горячая, – подтвердила Екатерина из райисполкома. – Я сама наблюдала.

– Значит, на солнце нагрелась. Под крышей.

Иван Андреевич поглядел на Удалова с некоторым обалдением во взоре, потом махнул рукой, проворчал:

– Одни факиры собрались!..

И как раз тут они вышли из подъезда и увидели рыдающую на плече у Боровкова сантехника Ветлугину.

– Пошли, – сказал Иван Андреевич. – В контору. Акт будем составлять. Екатерина Павловна! Позови Ветлугину. Кричать все мастера, а от критики в слёзы...

Когда все бумаги были разложены, и Екатерина – у неё был лучший почерк – начала заполнять первый бланк, Корнелий Иванович вдруг забеспокоился, извинился и выбежал к Гарику.

– Но краны-то останутся? – спросил он. – Краны никуда не исчезнут? Признайся, это не гипноз?

– Краны останутся. Нужно же жильцам воду пить и мыться? А то с вашей, Корнелий Иванович, заботой им пришлось бы с вёдрами за водой бегать.

– Ага! Значит, краны настоящие!

– Самые настоящие.

– А откуда они взялись? Может, это идеализм?

– Ничего подобного, – возразил Боровков. – Никакого идеализма. Просто надо в народной мудрости искать и находить рациональное зерно.

– А если материализм, то откуда металл взялся? Где закон сохранения вещества? А ты уверен, что краны не ворованные, что ты их силой воли из готового дома сюда не перенёс?

– Уверен, – ответил Боровков. – Не перенёс. Сколько металла пошло на краны, столько металла исчезло из недр земли. Ни больше ни меньше.

– А ты, – в глазёнках Удалова опять появился мальчишеский блеск: ему захотелось ещё один мяч, побольше прежнего, – ты всё-таки дом можешь сотворить?

– Говорил уже – не могу. Мой учитель гуру Кумарасвами один раз смог, но потом лежал в прострации четыре года и почти не дышал.

– И большой дом?

– Да говорил же – гробницу Тадж-Махал в городе Агре.

Ветерок налетел с реки и растрепал реденькие волосы Удалова. Тот полез в карман за расчёской.

– А Ветлугиной ты признался?

– Нет, я её разубедил. Я сказал, что умею тяжести подымать, на голове стоять, на гвоздях спать, но никакой материализации.

И рассудительно заключил:

– Да и вообще я ей понравился не за это...

– Конечно, не за это, – согласился Удалов. – За это ты ей вовсе не понравился, потому что она девушка принципиальная. Значит, надеяться на тебя в будущем не следует?..

– Ни в коем случае.

– Ну, и на том спасибо, что для меня сделал. Куда же я расчёску задевал?

И тут же в руке Удалова обнаружилась расчёска из черепахового панциря.

– Это вам на память, – сказал Гарик, усаживаясь на бетонную трубу: ему предстояло долго ещё здесь торчать в ожидании Танечки Ветлугиной.

– Спасибо, – сказал Удалов, причесался, привёл лысину в официальный вид и пошёл к конторе.

КОГДА ЧАПАЕВ НЕ УТОНУЛ

Удалов с Грубиным шли мимо кинотеатра. Была субботняя первая половина дня, и дел до самого обеда не намечалось. На сеансе 11.30 шёл кинофильм «Чапаев».

– Саша, – спросил Удалов, – ты давно это кино смотрел?

– Любимый фильм моего детства, – сказал Грубин. – Тогда ещё не было широкого экрана и телевизора. Как бы теперь психическую атаку показали бы!

– А может быть, и не лучше, – сказал Удалов. – Всему своё время.

– Что, купим билеты по десять копеек и пойдём в компании с мальчишками? – спросил Грубин и пошёл к кассе.

Перед кассой было пусто. Даже странно, что никто не хотел смотреть такую заслуженную картину.

– Что? – спросил Грубин у сонной кассирши Тони. – Нынешнее поколение детей предпочитает «Семнадцать мгновений»? Так дай же по билету старожилам этого света.

– Дети ничего не предпочитают, – сказала Тоня. – У меня только последний ряд остался.

– А куда же остальные билеты делись?

– А остальные куплены вместе с прошлым сеансом. По два раза, сорванцы, смотрят.

Они вошли в пустое фойе кинотеатра, где за стойкой буфета тосковала пожилая женщина, а по стенам висели поблёкшие фотографии наших, советских, кинозвёзд из настенного календаря. Купили по пиву, заели бутербродами с голландским сыром. Удалов спросил:

– Ты сколько раз, Саша, эту картину наблюдал?

– «Чапаева» имеешь в виду? Раз десять.

– И я раз пять, – сказал Удалов. – Потом перестал. Очень меня травмировало то, что Чапаев в реке утонул. Я всё ждал, может, разок не утонет. А он тонет.

– Таких глупостей я даже в детстве не думал, – сказал Грубин, и тут, видно, утренний сеанс кончился, открылись двери в зал, и оттуда к буфету наперегонки выскочили сто пятьдесят мальчиков и пять девочек. Все они бежали, зажимая в кулачках мелочь на конфеты и лимонад. Грубину с Удаловым пришлось вцепиться в стол, чтобы их не снесло этим потоком. Дети толкались у стойки, спешили насладиться, прежде чем начнётся следующий сеанс.

Один из самых шустрых детей, мальчик лет десяти с лукавым взором и множеством царапин на носу и на щеках, первым успел добыть себе пирожное эклер и стакан лимонада и присел за стол к взрослым.

Ел он быстро и сказал Грубину с Удаловым:

– Вы бы пошевеливались, а то опоздаете.

– До начала десять минут, – сказал Грубин, а Удалов, у которого был собственный ребёнок, добавил:

– Так со взрослыми разговаривать не следует, мальчик.

– Ну, как хотите. Не достанется места, и всё тут. Я же из лучших побуждений.

– У нас на билетах места указаны, – сказал Грубин.

– Места! – воскликнул мальчишка с пафосом. – Какие могут быть места, когда каждый хочет быть поближе к экрану!

– Чепуха, – сказал Удалов, а Грубин поверил ребёнку, одним глотком допил пиво, дожевал бутерброд и сказал Корнелию:

– Я пойду и тебе займу.

Но Корнелий уже спешил за Грубиным. Они отыскали приличные места, в центре зала, лучше тех, что были положены им по билету. Сели. В зале оставалось много народу. Некоторые из ребят берегли свои хорошие места, другие просто не имели финансов, чтобы сбегать в буфет.

– И вы все это кино по второму разу смотрите? – спросил Грубин у соседа.

– Многие и на третий раз остались бы, – сказал лукавый мальчишка.

– А если фильм шёл бы весь день?

– Кое-кто бы остался. Но некоторые бы сбежали, от голода.

– А ты почему такой исцарапанный?

– Кошку дрессировал. А вы чего на эту картину пошли?

– Соскучились по ней, – сказал Грубин. – Захотелось детство вспомнить.

– Нашли чего вспоминать, – сказал мальчишка с презрением. – Я жду не дождусь, чтобы с этим детством покончить.

В зал тем временем влетали из фойе мальчики и девочки и неслись занимать свободные места. И что удивило Удалова: прямо перед ними, в пятом ряду, пустовало в центре одно место, и никто его не занимал, и даже никто на него не покушался. «Может, стул там сломанный?» – подумал Удалов. И хотел было подсказать одному ребёнку, который стоял в проходе с конфетой в зубах, но без места, чтобы он туда шёл, как в зале начал меркнуть свет, и тогда последним не спеша вошёл невысокий худенький мальчик в очках. Мальчик жевал мороженое, и на него все смотрели с уважением, и для того, чтобы мальчику пройти на его место, все, кто сидел в том ряду, поднялись и посторонились.

– Он, наверное, отличник, – сказал тихо Удалов, глядя на странного мальчика.

– Или большой хулиган, – сказал Грубин. – Самбист.

– Ничего подобного, – сказал лукавый сосед. – Это Тиша Зеленко, он не отличник и не хулиган, но большой человек.

Большой человек опустился на свой стул в середине пятого ряда и сделал движение ручкой, чтобы сидевшие впереди немного раздвинули головы и ему не мешали. И сидевшие впереди раздвинулись, хоть им так сидеть было неудобно.

– А почему он большой человек? – спросил Грубин.

Мальчик Тиша услышал эти слова, обернулся и поглядел на Грубина строго.

Тут свет погас, и начался мультфильм про Чебурашку. Мультфильм все отсмотрели без особого восторга, потому что знали его наизусть и там не было драматических событий. Потом начался сам фильм. Всё в нём было как надо. Удалов с Грубиным вспоминали, что, казалось бы, совсем вылетело из памяти, и даже удивлялись, как это они могли забыть такие известные кадры. Зал реагировал на кино, как и было ему положено, – с энтузиазмом, восторгом, а когда надо, и негодованием, а события тем временем шли к своему трагическому концу.

Вот уже отступают чапаевцы, и помощи ждать неоткуда. Вот уже виден высокий обрыв реки Урал, и всё ближе наши к этому обрыву. В зале царило молчание, почти бездыханное. «Эх, если бы...» – подумал Корнелий Удалов, когда Чапаев уже плыл через реку Урал и пули шлёпались о воду в непосредственной близости. Сколько раз он смотрел этот фильм и надеялся, что на этот раз Чапаев преодолеет-таки водную преграду, спасут его, придут на помощь...

Но вот чапаевская голова уже скрылась в водах, и Удалов даже непроизвольно прикрыл глаза, чтобы не переживать вновь такой неприятности. И тут в зале поднялся общий детский крик и топанье ногами. «Держись! – кричали дети. – Ещё немного! Тиша, давай! Тиша, спасай Чапая!»

– Ого! – сказал Грубин, и в голосе его было такое удивление, что оно заставило Удалова приоткрыть зажмуренные глаза.

И он увидел невероятное зрелище: Чапаев вновь показался на поверхности и, хоть был ранен, плыл с трудом, видно было, что на этот раз ему удастся добраться до берега. И навстречу ему уже вбегали в воду товарищи, и почему-то среди них оказались и верный Петька, и Анка-пулемётчица, и даже неизвестно откуда взявшийся комиссар.

Дети начали хлопать в ладоши, потом зажёгся свет, и никто из зала не вышел, даже самые малыши, пока со своего места не поднялся мальчик Тиша Зеленко, усталый, но довольный. А когда он проходил мимо, то лукавый сосед Удалова сказал ему:

– Сегодня у тебя лучше, чем вчера.

– Вчера не было Анки-пулемётчицы, – ответил Тиша, блеснув очками.

– Слушай, мальчик! – опомнился наконец Грубин, когда Тиша Зеленко покинул зал, сопровождаемый шумной толпой сверстников. – Слушай! – Он схватил за рукав соседа. – Как он это сделал?

– Он не первый раз так делает. Пока Тиша с нами не ходил, Чапаев всегда тонул. А теперь конец хороший. И каждый раз другой.

– Но как он это делает? – спросил Грубин. – Гипноз это, что ли?

– И зачем вы только на детские сеансы ходите? – ответил вопросом мальчик. – Так вы всё испортите. Если его мать узнает, скандал начнётся! Тиша Зеленко такой образованный! Он всё про войну знает – и про Гражданскую, и про Отечественную. У него миллион книг про войну, он чуть было в прошлом году на второй год в пятом классе из-за этого не остался. И потому родители ему запретили ходить на военные фильмы. «Если, – говорят, – про животный мир, про строительство, ходи, развлекайся. Про войну – ни-ни». А Тиша сильно переживает. Он обязательно будет военным историком. Несмотря на все строгости.

Разговаривая так, они вышли на улицу и шли под летним каникулярным солнцем.

– Как же случилось, что этот мальчик смог конец фильма переделать? – спросил Грубин.

– А может, теперь для детей счастливый конец сделали? – спросил Удалов. – Специально для детских сеансов? Чтобы не травмировать психику?

– Чепуха это, – ответил невежливо мальчик. – Вчера Тишу Зеленко родители дома заперли, нам его выкрасть не удалось. Так утонул Чапаев за здорово живёшь. Нет, это всё Тишкина работа. Он так это за всех представляет, чтобы Чапаев не утонул, что тот и не тонет. Разве не понятно?

– Понятно, – сказал Грубин задумчиво, потому что у него было развито воображение.

– Непонятно, – сказал с раздражением Удалов, у которого тоже было развито воображение, но которому возмутительна была власть пятиклассника над классическим произведением киноискусства. – А может...

И тут сомнения, одолевавшие Удалова, приняли иную форму. Тут он подумал, что, может, всё куда проще, чем кажется. Может, зря они поддаются шуткам малышей, может, Чапаев вовсе и не погиб? А только в кино это так изобразили?

– Удалов, – прервал течение мыслей друга Грубин, – надо нам с мальчиком Тишей обязательно побеседовать. Это же явление психологического порядка и первостепенного значения. Наука не может игнорировать.

– Ах да! – спохватился Удалов. – Конечно. Только я в это мало верю. Это какой-то фокус.

– Только Тихон с вами разговаривать не будет, – сказал мальчишка. – Он мамашу свою боится. Вдруг она узнает, чем он в кино занимается. Он же обещал родителям за ягодами в лес пойти.

– Мы его не выдадим. Слово, – сказал Грубин. – Но интересы науки твой Тиша должен учитывать.

– Попробую, – сказал мальчуган и побежал за Тишей.

Минуты через две он Тишу привёл. Тот был скучен и говорил нехотя. Не верил он в науку, опасался родительского гнева.

– Мальчик, – сказал Удалов ласковым голосом, – ты что в кино наделал?

– Ничего не наделал, – сказал Тиша. – Смотрел, как все.

– А кончается картина как?

– Кончается тем, что Чапаев реку переплыл.

– Ага. А потом что с ним стало?

– Потом он в боях погиб. При штурме Перекопа. Он уже корпусом там командовал.

– Лживый ребёнок, – сказал Удалов вполголоса. – Нечего нам с ним делать.

– Погоди, – сказал Грубин. – Так не пойдёт. Я тебе даю слово, как исследователь исследователю. Ни слова родителям, ни слова в школе. Но у тебя такие способности, что они представляют интерес. Есть у меня одна книга. «Жизнеописания российских фельдмаршалов». Из-

дана она сто с лишним лет назад. В ней биографии, которых ты нигде больше не встретишь. Хочешь ли ты её получить задаром?

– Хочу, – сказал мальчик.

– Тогда ты мне должен оказать содействие.

Удалов вздохнул. Не одобрял он этой мистики.

– Спрашивайте, – сказал Тиша Зеленко совсем как взрослый. – Только где гарантия, что я эту книгу получу?

– Моё слово, – просто ответил Грубин, и мальчик ему поверил. – Скажи, как тебе удаётся оказать влияние на кино? Ты гипнозом действуешь?

– Нет, что вы! – сказал Тиша. – Я просто очень хочу, чтобы Чапаев не утонул. Так сильно хочу, что просто ужас. И все ребята хотят. Вот он и не тонет.

– Но ты каждый раз новый конец делаешь?

– Немножко. Сегодня я про Анку-пулемётчицу вспомнил. Чтобы она участвовала. А в прошлый раз Чапаева из воды комиссар вытащил.

– А позавчера Петька за ним нырнул, – сказал мальчик.

– Так, – задумался Грубин. – Раз ты такой феномен, будем тебя испытывать. Что дальше в кино идёт?

– Детектив, – подсказал собеседник. – Про одного филателиста...

– Отлично, – сказал Грубин. – Вот мы сейчас всё и проверим. Сеанс ещё не начался?

– Вот-вот начнётся.

– Удалов, беги за билетами! На всех.

– Четыре брать?

– Четыре бери.

– А меня дома ждут, – сказал Тиша, которому хотелось пойти на детектив.

– Я скажу твоей маме. Сам скажу, – обещал Грубин.

Так они вчетвером оказались в кино. На этот раз в зале сидели и взрослые, шума не было, все переживали сдержанно.

– Ты знаешь, чем кончится? – спросил шёпотом Грубин у лукавого мальчика.

– Знаю. За этим длинным будут гнаться по крышам, он упадёт прямо в бетон. Я уже три раза смотрел, я все новые кино смотрю.

– Отлично, – сказал Грубин. – Слушай, Тиша. Ты можешь захотеть, чтобы он не погибал в бетоне?

– Зачем? – удивился Тиша. – Туда ему и дорога.

– Нет, всё-таки он живой человек, его ещё перевоспитать можно, новую жизнь начнёт. Спасем его, а? Если спасёшь, книга твоя.

– А вы же так обещали?

– Да, если ты науке поможешь.

Грубин был нежадным человеком, книгу он всё равно бы отдал, но требовались дополнительные методы воздействия. Если этот мальчик мог переделать видимый мир силой своей недетской воли, то он должен был захотеть это сделать.

Тиша вздохнул и сосредоточился. Блестел очками, глядел в экран.

Началось самое драматическое в фильме. Длинный бегал по крышам, а за ним бегали преследователи.

– Ну! – почти крикнул Грубин, когда герой фильма пошатнулся, готовясь погибнуть на глазах у зрителей. Тиша весь напрягся, подался вперёд.

Длинный балансировал на краю крыши, вот-вот упадёт.

Побалансировал и благополучно свалился в яму с жидким бетоном.

«Может, ещё вынырнет», – подумал Грубин.

Но тут кадр сменился, началась сцена на другую тему. Вышли из кино молча. Тиша чувствовал себя виноватым, про книгу даже не упоминал. Удалов с облегчением вдыхал свежий воздух. Он устал развлекаться. Грубин был расстроен провалом эксперимента, но полагал, что отрицательный результат – тоже результат.

– Что же, до свидания, – сказал Тиша. – Спасибо за кино.

– Постой, – остановил его Грубин. – Зайдём ко мне, книжку возьмёшь.

– Да я же не оправдал, – сказал мальчик совсем как взрослый.

– Слово надо держать, – сказал Грубин. – Ты всё-таки принял участие в эксперименте. Зато мы теперь знаем, что ты к этому явлению с Чапаевым, наверное, не имеешь отношения.

– Не имею, – согласился мальчик.

– И может даже, это явление было кажущееся.

– Конечно, – сказал мальчик.

Грубин взял расстроенного ребёнка за руку, так они и дошли до дома. Грубин вынес ценную книгу и распрощался с Тишей Зеленко, который поспешил домой, чтобы получить заслуженное наказание за столь долгое отсутствие.

– Так что же это было? – спросил Удалов, прощаясь с Грубиным.

– Сдвиг в психике при массовом воздействии, – сказал Грубин, но эти слова ничего не значили и ничего не объясняли.

На следующее утро было воскресенье. Удалов поднялся поздно, в домино играть не хотелось, в гости было рано. Спустился к Грубину. Того дома не было. Куда-то ушёл с утра. Удалов отправился гулять один и незаметно для себя вновь оказался перед кинотеатром. Было около одиннадцати. Сеанс девятичасовой ещё не кончился, до следующего было далеко. И тут Удалов понял, что там, в зале, картина подходит к концу. И вроде бы какое дело Удалову до этого, но стремление увидеть ещё раз конец и выяснить, что же случилось с полководцем – потонул он всё-таки или выплыл, одолело Удалова. И он подошёл к окошку кассы и уговорил кассиршу дать ему билет на сеанс, который начался больше часа назад. Кассирша очень удивилась, билета давать не хотела, но Удалов объяснил ей, что его сын там сидит, а его надо извлечь наружу, потому что бабушка из деревни приехала.

Удалов вошёл в зал и встал сзади, у стенки. Картина подходила к концу. Уже беляки напали на штаб дивизии. Вот уже отстреливаются из последних сил защитники штаба. Вот близка река. В зале творится что-то неописуемое. Уж очень ребята переживают за полководца. А он плывёт через реку Урал, и пули шлёпаются в воду совсем близко. И утонул Чапаев. Хоть и кричали ребята, переживали. Утонул. Никто не смог его спасти...

Зажгли свет. Удалов со всеми пошёл к выходу. Не к выходу на улицу, а к выходу в буфет. Там он постоял в очереди за пирожными, выпил стакан лимонада и понял, что надо идти домой. Фокус не удался. Видно, у него нервы растрепались. И Чапаева жалко было.

Но домой Удалов не пошёл. Удивительно, он сам не мог бы объяснить почему, но он вернулся в зал, устроился в последнем ряду, чтобы никто его не видел, и поглядел вперёд. Место в пятом ряду пустовало. Не было сегодня мальчика Тиши.

И вдруг Удалов услышал тихий голос:

– Корнелий, ты что здесь делаешь?

Вот странно! В последнем же ряду за колонной сидит Грубин.

– Ты давно здесь?

– Первый сеанс отсидел. А ты?

– Конец только видел.

– А Тишка не приходил?

– Нет, не приходил.

И тут в двери в окружении ребят появился Тиша. Шёл он быстро, склонив голову, под мышкой держал книжку про фельдмаршалов и на укоры и попрёки друзей говорил:

– И ничего у меня не получится. Меня вчера научно проверили. Нет во мне таких способностей.

– Мы тебе поможем, Тишка, – говорили ребята. – Ты не дрейфь.

Тишка обернулся, разыскивая кого-то глазами. Удалов испугался, что его, и нырнул под стул. И увидел совсем близко от своей головы трёпаную шевелюру Саши Грубина. Оказывается, тот тоже не хотел попадаться на глаза ребёнку. Так они и просидели, пока не зажёгся экран.

– Как ты думаешь, получится? – спросил Удалов Грубина, когда Чапаев на экране рассказывал о тактике с помощью картофелин.

– Не думаю, – сказал Грубин. – Не всегда можно вот так, руками, в душу лазить и подвергать всё исследованию. Наверное, мы что-то погубили.

– Значит, ты веришь, что было?

– Верю.

Дальше они сидели молча. А когда настали последние минуты в жизни Чапаева, все ребята в зале начали кричать:

– Держись, Василий Иванович! Ещё немного осталось!

А другие кричали:

– Тишка, давай!

И в этом крике раздался тонкий и грустный голос:

– Не могу, ребята!

– Давай-давай! – кричали другие. – Спасём Чапая!

А тем временем голова полководца уже скрылась под водой, уже взяли враги верх над героем, и в зале поднялся вой, рёв, шум, и Тиша даже привстал, а Грубин и Удалов, которые незаметно для себя орали вместе со всеми Тишке, чтобы он постарался, заметили, как Тишка поднял кулачонки, борясь с тяжёлой правдой киноискусства, и тогда голова Чапаева поднялась снова на поверхности, навстречу Чапаеву с берега кинулись его друзья и соратники. И вытащили его на мелкое место. Чапаев остался жив.

Удалов с Грубиным подождали, пока все выйдут из зала. Удалов хотел было подойти к мальчику и укорить его за то, что вчера он себя не проявил, а сегодня вот проявил, но Грубин остановил его и сказал:

– Не лезь, Корнелий. Тут всё сложнее, чем просто эксперимент. Понимаешь?..

ВОЗВЫШЕНИЕ УДАЛОВА

Водевиль в одном действии с прологом

Пролог

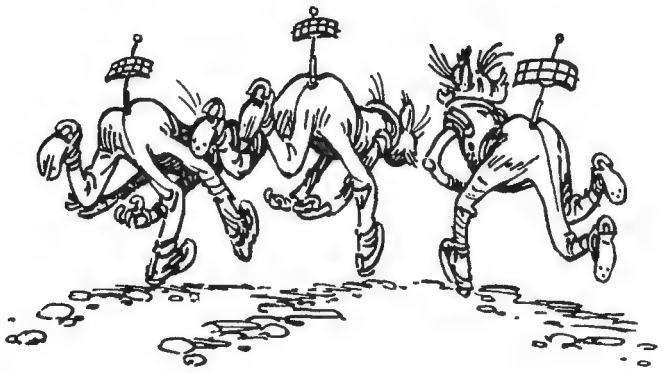
Корнелий Удалов шёл полем, отягощённый ведром с грибами. Грибы были незавидные, большей частью сыроежки и даже валуи, два подберёзовика, один белый, но червивый, найденный на тропинке, где он лежал ножкой кверху, – видно, какой-то более удачливый грибник нашёл его, разочаровался и выбросил. Человек, который ходил по грибы, а несёт домой банальную мелочь, склонен размышлять о тщете жизни и о том, что время бежит слишком быстро, а мы так и не научились тратить его с пользой. Он понимает, что ему уже за сорок, а главного в жизни ещё не сделано и даже не выяснено, что в жизни главное. Такого человека обязательно начинают преследовать оводы и кусать комары, его печёт солнце, а на лысину ему прыгают кузнечики. Конечно, неплохо бы идти лесом, но человеку обязательно надо пересечь клеверное поле, тяжёлое и рыхлое после недавнего дождя. И поэтому человек мечтает о тени, о квасе в холодильнике и думает о том, что никогда больше не пойдёт в лес.

И в этот момент раздался грохот, потрясший всю Вселенную, заставивший сжаться листья на деревьях и замолкнуть певчих птиц. Нечто

громадное, сверкающее, окутанное паром и неземным огнём рухнуло точно посреди поля и оказалось шаром из обугленного металла. Шар достигал четырёх метров в диаметре и, очевидно, был космическим кораблём – либо советским, либо американским, либо неземного происхождения.

Пока Удалов стоял неподвижно, размышляя о превратностях судьбы и радуясь тому, что эта чушка не упала ему на голову, в шаре открылся люк, и из него поочерёдно вышли три инопланетных пришельца, отличительной чертой которых было наличие трёх ног. Пришельцы повертели зелёными головами, оглядывая местность, и, никого не заметив, побежали к лесу.

– Стойте! – закричал Удалов. – Стойте! Я не причиню вам зла! Я ваш брат по разуму!



Однако пришельцы либо не захотели, либо не смогли понять успокаивающих слов Удалова. Они мчались к лесу так, что только магнитные подковки сверкали на их каблуках.

Удалов испугался, лёг на землю и немного полежал, прижав щёку к траве. Он решил, что пришельцы сбежали потому, что их корабль сейчас взорвётся. Удалов лежал и ни о чём не думал, а корабль всё не взрывался и стоял посреди поля с открытой дверью.

Уставши ждать смерти, Удалов поднялся, смахнул с колен цветы клевера и раздавленных муравьёв и медленно направился к инопланетному кораблю. В нём пробудился дух исследователя.

Перед дверью он задержался и спросил:

– Здесь кто остался, чтобы войти со мной в контакт?

Нельзя сказать, что он ожидал ответа, – спросил только для того, чтобы проявить вежливость.

Ответа не последовало. Удалов поставил на землю ведро с грибами и вошёл в космический корабль. Внутри было полутемно, и Удалову пришлось с минуту привыкать к полумраку. Потом он разглядел приборы и руль, которым управлялся корабль, а также койки космонавтов и их личные вещи, забытые в ходе бегства. Удалов присел на стульчик и задумался, что же делать дальше. Видно, придётся идти в город и сообщить о космическом корабле куда надо.

По кораблю, где в тесноте и неудобстве жили космонавты, были разбросаны детали одежды, посуда и всякие мелочи. Удалов нашёл там голубую каскетку с кометой вместо звёздочки и примерил её. Каскетка пришлась впору. И когда Удалов заглянул в зеркальце, висевшее над рулём, собственный вид ему очень понравился. Затем он поднял с койки хороший инопланетный бинокль и выглянул наружу, чтобы проверить его силу. Бинокль оказался сильным. В него Удалов увидел, как к кораблю, подпрыгивая на кочках, несётся зелёный газик, в котором сидят люди в штатском. Когда газик подъехал поближе, Удалов узнал среди пассажиров автомашины лично товарища Батыева, председателя гуслярского исполкома, в просторечье главгора.

Удалов приветственно поднял руку. Машина затормозила, и пассажиры вышли из неё, поражённые редким зрелищем. Они надеялись, что упавший космический корабль – наш, советский, и они смогут первыми, раньше партии и правительства, прижать к своей груди смелых космонавтов. Но на корабле не было опознавательных знаков, и по форме он был подозрительным.

И тут приехавшие увидели, что в двери корабля стоит человек в голубой не нашей каскеточке с изображением кометы и с большим иностранным биноклем на груди. Человек этот был невысокого роста, плотный, и весь его остальной костюм изобличал в нём местного жителя – грибника или рыболова.

– Пупыкин, ты что здесь делаешь? – спросил заместитель Батыева по имени Семён Карась.

Он хотел сказать «Удалов», потому что был давно знаком с Корнелием Ивановичем, но в растерянности назвал его именем директора бани Пупыкина, который ничем на Удалова не был похож.

– Пупыкин? – спросил человек в сером пиджаке, которого Удалов уже встречал на совещаниях. Он достал синюю книжечку и записал в неё несколько слов.

От леса бежали деревенские дети с полевыми цветами и кричали:

– Слава космонавтам!

– Я не Пупыкин, – сказал Удалов.

– Он не Пупыкин? – спросил человек в сером пиджаке.

– Постыдились бы, товарищи, – сказал Батыев. – Внешнее сходство не должно вводить в заблуждение.

– Я и сам вижу, что не Пупыкин, – сказал Карась. – Я против света смотрел.

– Откуда будете? – спросил Батыев.

Он не получил ответа, потому что Удалов был растерян и молчал. Молчание Удалова смутило Батыева. Человек в сером пиджаке снова достал из кармана синюю книжку, раскрыл её и спросил на иностранном языке:

– Ар ю американ? *

Не дождавшись ответа, он задал другой вопрос:

– Вот из йор таск? Ар ю э спай? **

– Здравствуйте, коли не шутите, – сказал Удалов, спрыгивая на землю и протягивая руку товарищам из горисполкома. – Не узнали, что ли? Удалов я, из стройконторы. Корнелий Иванович Удалов.

Его слова были заглушены звонкими криками пионеров и школьников, которые приветствовали космического героя.

Сквозь детские голоса до Удалова, отличавшегося острым слухом, донеслись слова человека в сером пиджаке, сказанные на ухо Батыеву:

– Допускаю, что он может быть из КНР. Там производят опыты. Нельзя спускать с него глаз. Ясно?

---

* Вы американец? (*англ.*)

** Какое у вас задание? Вы шпион? (*англ.*)

Батыев отступил на шаг. Он смотрел на Удалова с неприязнью.

Удалов надвинулся на Батыева, и тот отступил ещё на шаг. Удалов повернулся к Сёме Карасю, но между ними втиснулась группа школьников, которые нагрузили Удалова букетами цветов, а один из детей защёлкал аппаратом, фотографируя прибытие Удалова из космоса.

Человек в сером пиджаке неуловимым движением протянул руку к мальчику с фотоаппаратом и изъял камеру. Мальчик было заплакал, но человек в сером пиджаке сказал строго:

– Аппарат получишь обратно. Мамку пришлёшь, ясно?

Мальчик пошёл через поле к лесу, одинокий и грустный, но никто из его товарищей не заметил этой маленькой трагедии. Не заметил и Удалов, который пытался в этот момент пробиться сквозь букеты к Семёну Карасю и кричал ему:

– Не Пупыкин я, не Пупыкин! Пупыкин в бане, а я Удалов!

– Я и сам вижу, что не Пупыкин, – сознался Карась. – Какой ты Пупыкин? Пупыкин же в бане. Он и ростом выше.

– А Удалов? – спросил Корнелий Иванович.

– Удалов стройконторой заведует, – сказал Семён Иванович. – Какой ты Удалов?.. Удалов ростом пониже будет.

Батыеву надоело ждать на ветру.

– Попрошу в машину, – сказал он. – Разрешите... подвиньтесь... вот сюда... попрошу.

Человек в сером пиджаке выяснил, кто из детей отличники учёбы и поведения, и составил из них охрану космического корабля.

Удалова посадили между человеком в сером пиджаке и самим товарищем Батыевым, и соседи сильно сжали Удалова локтями. Карась сидел рядом с шофёром.

– Трогай, – сказал Батыев шофёру.

– А грибы мои? – спросил Удалов.

– Грибы?

– Ведро тут стояло, с грибами. Сыроежки, правда.

Человек в сером пиджаке изогнулся, рука его странным образом вытянулась метра на три, быстрыми движениями обшарила землю, не задевая при этом детей, и нашла ведро с грибами. Но Удалову ведро не отдали, поставили рядом с шофёром.

Машина взвыла и поскакала по кочкам. Дети кричали вслед: «Слава героям-космонавтам!» – и расходились по местам, чтобы охранять

корабль. Те же, кто плохо учился или плохо вёл себя в школе, остались в стороне и смотрели на корабль издали.

Пока газик нёсся к городу, гудя и разгоняя встречный транспорт, человек в сером пиджаке достал из кармана ножичек и начал тихо перепиливать ремешок, на котором висел бинокль. В это время товарищ Батыев по договорённости с ним отвлекал внимание Удалова, показывая ему окрестности и делясь успехами.

– Поглядите налево, – говорил он. – Вы видите богатые колхозные поля, засеянные злаками и овощами. Несмотря на неблагоприятные климатические условия, мы в этом году намерены перевыполнить планы по производству кукурузы на силос, а также по откорму крупного рогатого скота. Некоторые отдельные враги ставят под сомнение возможности нашего района в деле производства бобовых. Но поглядите направо.

– Ш-ш-ш-ш, – сказал человек в сером, – направо смотреть нельзя.

Удалов знал, что направо смотреть можно, потому что там строилось здание свинарника под его, Удалова, руководством. Но человек в сером, наверное, не знал, что это здание свинарника, а потому на всякий случай запретил смотреть. Его можно было понять. Сегодня ты свинарник, а завтра – объект.

– Можно, – сказал Удалов. – Смотрите, это свинарник.

Тут же человек в сером свободной рукой вежливо, но энергично прикрыл Удалову рот.

Так они и ехали дальше. Человек в сером пилил ремешок и, когда уставал, обыскивал карманы Удалова со своей стороны. Батыев достал из кармана газету и начал читать Удалову статью о международном положении, медленно, но верно произнося отдельные длинные и трудные слова. Жёсткая ладонь человека в сером на всякий случай

лежала на губах Удалова, и потому тот не мог сказать Батыеву, что эту статью он уже читал и, хоть очень благодарен за внимание, предпочёл бы послушать про спорт.

– Куда его? – спросил Батыев, когда машина въехала в город. – К вам?

– Ни в коем случае, – сказал человек в сером. – Всё будет официально. Может быть, его на наших менять будем. Может, из Москвы позвонят. К тебе поместим.

– Ко мне нельзя, – возразил Батыев. – Я номенклатура.

– Тогда к товарищу Карасю, – не стал спорить тот, что был в сером пиджаке. С ним тоже не спорили.

Удалова провели в кабинет Карася. Они быстро шли коридором, впереди Карась, за ним Удалов, сзади человек в сером, который не оставлял попыток перепилить ремешок, а совсем сзади милиционер Селькин, которого взяли с площади.

Действие

Секретарша Карася Мария Пахомовна, давнишняя приятельница удаловской жены Ксении, увидела это шествие, но не разобралась в его значении.

– Корнелий Иванович, здравствуй, – сказала она. – Грибов набрал?

Ведро с грибами осталось в машине под охраной шофёра, но Удалов всё равно ответил женщине открыто и прямо, как всегда всем отвечал.

– Какие там грибы! – сказал он. – Одни сыроежки. Правда, три белых.

Он забыл, что белый был один и тот червивый. Человек в сером подтолкнул Удалова в спину, а милиционеру велел остаться возле Марии Пахомовны. Уже скрываясь в двери кабинета, он обернулся и сказал:

– Он такой же Удалов, как ты курица. Понятно?

– Нет, – сказала секретарша.

– Потом поговорим, – сказал человек в сером. – Понятно?

– Нет! – воскликнула бедная женщина. – Корнелий Иванович, что происходит?

Карась зашипел как змея.

Хлопнула обитая чёрной кожей дверь, и они остались в кабинете втроём.

– Вот так, – сказал человек в сером, подходя поближе к Карасю и говоря шёпотом, чтобы Удалов не слышал. – Неизвестно, может быть, он знает русский язык. Поэтому нужна осторожность.

– Знаю язык, знаю, – вмешался Удалов, который всё слышал.

– Не перебивайте, – сказал ему человек в сером и принялся вновь шептать на ухо Карасю: – Их обучают нашему языку. Так что в его присутствии ни-ни. Я уже дал указание осмотреть его корабль. Думаю, его сбили наши славные соколы из хозяйства Пантелеенко. Теперь вы будете его отвлекать. Поговорите с ним, а я пойду на связь.

Серый человек испарился, будто его и не было. Удалов мог бы поклясться, что дверь он не открывал и к окну не приближался. Сеня Карась был несколько смущён обществом Удалова и начал листать англо-русский разговорник, разыскивая какое-то нужное выражение.

– Семён, – сказал Удалов, когда они остались одни, – не узнаёшь ты меня разве?

Карась наконец нашёл нужное выражение и произнёс:

– Ду ю лайк аур кантри? *

– Этого я не понимаю, – сказал Удалов. – Это я забыл. Раньше знал иностранные языки, потом забыл.

Карась Удалова понял и испугался. Он был мужчиной некрупным, но полным в животе и чем-то похож на Удалова.

– Нравится ли вам пребывание в нашей стране?

– Если ты, Семён, – сказал удручённо Удалов, – всё ещё думаешь, что я китаец, то ошибаешься, потому что я русский и живу на Пушкинской, дом шестнадцать. А если моё слово меньше значит, чем слова вашего товарища, с которым я раньше почти не встречался, то мне это обидно.

– Его к нам из области перевели... – Карась осёкся, взял себя в руки, вспомнил, что не имеет права иностранному космонавту выдавать внутренние тайны, и схватился за разговорник. – Вот из йор нейм? – спросил он и на всякий случай перевёл: – Как ваше имя?

– Удалов моё имя, – ответил устало Корнелий Иванович.

---

* Вам нравится наша страна? (*англ.*)

– Знаю, – сказал Карась с некоторым раздражением, какое испытывает руководитель, сталкиваясь с тупостью подчинённого. – Знаем. А на самом деле как?

– Допрашивать меня не здесь надо, – возразил Удалов. – Хотя оснований для этого не вижу. Ведро моё видел? С грибами? Вот я за грибами и шёл. А тут корабль упал. Я в него зашёл, шапочку взял, а вы приехали. Ну в чём я виноват перед народом и правительством?

– А он куда делся? – строго спросил Карась.

– Кто?

– Который сначала прилетел?

– Которые там были, на трёх ножках, в лес сбежали.

– Почему же это они в лес сбежали? Тебя испугались?

– Может, и меня, но вряд ли. Так ты, Семён, лучше бы ловил настоящих пришельцев, чем известного работника городского хозяйства брать в плен и возить под охраной.

– Понимаешь, Удалов, какое дело... – ответил Карась, как бы признавая этим, что и Удалов имеет право на существование. – Ты не представляешь, какой хитрости достигают наши идеологические противники. Для них прикинуться моим знакомым соседом Удаловым ничего не стоит.

– А где же тогда Удалов?

– Чего пристал – где да где? Нет Удалова! Закопали. Может, ты сам и закапывал!

– Это сам себя, что ли?

– Давай не будем притворяться, а?

– Я тебе это припомню. Ты лейку вчера просил? Чёрта с два теперь получишь.

– А ты не грози. Мне твоя вдова даст.

Тут за дверью послышался страшный шум и грохот ломающейся мебели.

– Ни с места! – взвизгнул Карась, прижав тяжёлым животом Удалова к письменному столу и взяв в руку массивную пепельницу.

Дверь распахнулась, и в кабинет ворвалась Ксения Удалова с дымящейся кастрюлей в одной руке и паспортом в другой. Весть о том, что Удалова взяли, настигла её на кухне, и, не выпуская из рук кастрюли, она схватила паспорт Корнелия, сунула туда свидетельство о браке и побежала в горисполком.

– За что взяли? – крикнула она с порога. – Ничего он не сделал, а если чего натворил, то по незнанию. Отпустите, умоляю вас и заклинаю последними словами!

Карась оробел, стал отступать, но тут в открытую дверь быстрыми шагами вошёл человек в сером пиджаке и остановил Ксению такими словами:

– Гражданка Удалова, вы можете утверждать, что этот иностранный космический агент был раньше вашим мужем?

– Как так? – удивилась Ксения. – Вот его паспорт.

– Я не про паспорт. Уверены ли вы, что этот человек некоторое время проживал в вашей семье под видом вашего мужа? Это может иметь важное значение на суде.

– Ты ему, Ксюша, не отвечай, – сказал Удалов, освобождаясь от хватки Карася. – Он тебя на провокацию берёт.

– Так он в паспорте прописан. С давних лет. Ребёнок у нас есть, – сказала Ксения.

– А какие у него особые приметы? – поинтересовался человек в сером.

– Какие? Ну, лысый он, чавкает, когда щи ест.

– Это не приметы.

– А какие приметы?

– Родинки, шрамы и пятна на коже. Где, как, когда?

– Родинки? – удивилась Ксения. – Родинки есть.

– Ксюша! – предупредил Удалов.

– Вспомнила! Конечно, родинка есть, только место у неё не очень хорошее.

– Ксюша!

– Вы можете сказать мне это по секрету, – сказал человек в сером костюме. – На ухо. Вот сюда.

– Можно, Корнелий?

– Говори, – махнул рукой Удалов. – Всё говори. Только чтобы этот кошмар скорее кончился.

Вошёл милиционер с ящиком, из которого торчали разноцветные прутья и свисали волосы проводов.

– По вашему указанию, – доложил он, – сняты все секретные навигационные приборы нарушителя воздушного пространства. Приборы извлечены с помощью молотка и отвёртки.

Милиционера звали Пилипенкой, он жил в Красноармейском переулке, за углом от Пушкинской, и, конечно же, знал Удалова, поэтому поздоровался и сказал, ставя ящик на стол перед Карасём:

– Как хорошо, Корнелий, что я тебя встретил!

– Чего уж тут хорошего.

– Я не шучу. Я по делу. Ты же обещал поделиться по части опыта работы в народной дружине с нашей молодёжью из речного техникума. Никакой сознательности у тебя нет!

– Уж и не знаю... – вздохнул Удалов, бросив неуверенный взгляд на типа в сером пиджаке.

– Я понимаю, что ты занят, – сказал Пилипенко, неправильно истолковав уклончивый ответ соседа. – Мы все занятые.

Тут человеку в сером надоело ждать, когда друзья наговорятся, и он раздражённо заметил:

– Занятый, так проходи, не мешай работать.

– А чего это вы себе со мной позволяете? – удивился милиционер, который был человеком независимым и даже смелым. В прошлом году он один обезоружил двух преступников, приехавших в Гусляр на гастроли из Лебедяни.

– А то и позволяю. Выйди отсюда!

Милиционер возмущённо вышел. Вся спина его выражала возмущение.

Убедившись, что свидетелей не осталось, человек в сером подозвал к себе жестом Ксению и прошептал:

– Говорите мне на ухо.

– А чего говорить-то? – смутилась Ксения.

– Докладывайте шёпотом о месте, форме и размере родимого пятна у вашего супруга.

Ксения густо покраснела и сказала:

– На этой...

– На какой этой?

– На букву «я»...

– Говори, Ксюша, говори! – подбодрил её Удалов.

– Так ты сам знаешь, вот и говори!

– Стоп, стоп, стоп, стоп! – закричал человек в сером. – Без подсказок! Будете подсказывать, удалю с поля!

Карась не удержался и захихикал – ему эта ситуация показалась очень смешной.

– Задержанный! – обратился человек в сером к Удалову. – Следовать за мной.

Он широким жестом распахнул дверцу пузатого шкафа, в котором хранились вымпелы, значки, памятные медали и труды классиков марксизма.

– А ну, заходи за дверь, чтобы никто не видел!

Удалов зашёл.

– А теперь раздевайся! – велел человек в сером.

Удалов решил было сопротивляться, но передумал – угаданная родинка может его спасти. Он зашёл за дверь, распустил ремень и спустил брюки.

Человек в сером пиджаке взял за руку Ксению, провёл её за дверь шкафа и сказал:

– Ну, показывайте.

Карась заглянул через дверцу шкафа сверху, но Ксения замахнулась на него кастрюлей, из которой почти весь суп уже вылился, чтобы не подглядывал.

– Пусть трусы снимет, – сказала она. – Сними, Корнюша, не стесняйся. Тут все свои.

Корнелий спустил трусы, и человек в сером пиджаке нагнулся, чтобы разглядеть родинку в указанном месте. Родинки не было.

– Вчера ещё была, – удивилась Ксения.

– Ясно, – сказал человек в сером пиджаке. – Одевайся. Этого мы и ожидали. Ваш брат всегда попадается на мелочах. Небось не думал твой шеф, что мы брюки с тебя снимем!

– Погоди, – сказал Удалов, всё ещё находясь в позе пингвина, который разглядывает своего детёныша, укрывшегося у него между лап для спасения от жгучего мороза Антарктиды. – Должна быть.

Человек в сером пиджаке пронзил Ксению взглядом и произнёс с гипнотизирующей силой:

– Вы, гражданка, у своего мужа видели родинку. А у этого родинки нет. А кстати, вы у своего мужа когда-нибудь видели такую фуражку с таким гербом?

И он указал на голубую каскетку с изображением кометы, которую Корнелий забыл снять в помещении, хоть и был человеком воспитанным.

И тогда Ксения залилась горькими слезами и сказала:

– Но он такой похожий!

– Ксения!

– Не приближайтесь к ней! Если вы – это вы, то где родинка?

– Ксюша, может, ты не там посмотрела? – молил Удалов. – Мне же не видно в таком месте!

Карась крепко схватил Удалова за руки, чтобы он не прибегнул к секретным приёмам джиу-джитсу.

– Спасибо вам, вы наш человек, – сказал человек в сером пиджаке, крепко пожимая руку Ксении и выталкивая её в прихожую.

– Может, я плохо посмотрела, – сказала Ксения. – Может, я стороной тела ошиблась?

– Всё ясно, всё ясно, не давайте себя запутать. Нет у него родинки ни с какой стороны.

И он стал подталкивать Ксению к двери.

– Ксения, заботься о ребёнке! – крикнул Удалов вслед жене. Он был на неё не в обиде.

Ксения плакала. Человек в сером пиджаке всё-таки выставил её за дверь, где она присоединилась к милиционеру и Марии Пахомовне. Те встретили её сочувственно, и Мария Пахомовна сказала:

– А как замаскировался, стервец!

Милиционер Пилипенко сказал:

– Любопытно, что они с настоящим Удаловым сделали? Может, под поезд бросили? Они обычно под поезд кидают. А я ему про народную дружину сказал. Не стоило раскрывать наших карт.

Ксения тихо рыдала.

В кабинете Карася человек в сером пиджаке извлёк из кармана моток тонкой и прочной капроновой верёвки, и Удалов удивился тому, как много у этого человека вмещается в карманы, а потом почему-то

подумал, что его сейчас будут вешать, и даже бросил обречённый взор на люстру, прикреплённую за крюк к высокому потолку, хотя, конечно, никто его вешать не собирался.

– Думаю, для надёжности стоит привязать его к креслу, – сказал человек в сером пиджаке. – Если мы его упустим, нам не простят.

– Конечно, товарищ, – согласился Карась. – Я его держать буду. А вы туда сообщили?

– Уже вылетают, – сказал человек в сером пиджаке, разматывая верёвку. – Ждём с минуты на минуту. Наши люди дежурят на аэродроме. Поэтому и надо спешить. Между нами говоря...

Карась вздрогнул и выразительно повёл глазами в сторону Удалова.

– Ничего, – сказал человек в сером. – Я проверял, он по-русски плохо понимает. Будем менять его на нашего человека. Может, даже уже договорённость есть.

– А с кем меняться будете? – спросил Удалов.

Человек выразительно покрутил пальцем у виска.

– Ладно уж, договаривайтесь с кем хотите, – махнул рукой Удалов. – Только скорее. А то у меня стресс.

– Я тебе покажу стресс! – пригрозил человек в сером, прикручивая Удалова к креслу.

Карась подвинул по столу ящик с приборами, выломанными из космического корабля, и достал лист линованной бумаги.

– Я буду фиксировать, – сказал он.

– Правильно. Вам бы у нас работать, – похвалил его человек в сером пиджаке.

– Спасибо, – с чувством сказал Карась, развинчивая ручку. – Никогда не поздно.

Человек в сером пиджаке вытащил из ящика длинный цилиндр с двумя шишками на концах и с оборванными проволочками, свисающими с боков.

– Хотя бы с этого начнём, – сказал он. – Это что такое? Для чего употребляется? Для съёмки?

– Честное слово, не знаю, – сказал Удалов. – А вы это откуда выломали? Могут быть неприятности.

– Удалов, – укоризненно сказал Карась, – как тебе не стыдно грубить товарищу майору?

– А я вам не Удалов, – ответил Удалов, терпение которого уже иссякло. У него за какие-нибудь два часа отобрали доброе имя, национальность, жену, сына, народную дружину, а взамен оставили только чужую голубую каскетку. – Я неизвестной национальности нарушитель воздушного пространства.

– Записывай, Карась! – сказал человек в сером пиджаке, не скрывая торжества в голосе. – Признался в том, что проник в воздушное пространство незаконно и с целью... С какой целью?

– Какая вам лучше, с той и проник.

– Проник с целью взорвать объекты в районе города Великий Гусляр.

– Но он этого ещё не говорил, – попытался соблюсти приличия Карась.

– Сейчас скажет, – ответил человек в сером.

– Скажу, – согласился Удалов. Верёвка резала ему руки, и хотелось пить.

– Тогда записывай, Карась. Он уже во всём сознался.

Карась начал записывать крупными буквами удаловские признания по части его вредного образа действий, а человек в сером пиджаке подсказывал ему детали. Потом обернулся к Удалову, который с тоской смотрел, как за окном беседуют голуби:

– Предупреждаю, что тебе придётся на каждом листе внизу подписываться.

– А у меня руки связаны.

В этот момент в дверь громко постучали.

– Мы же заняты, – возмутился Карась.

Человек в сером сказал:

– Одну минутку. Сейчас я им отвечу.

Из своего бездонного кармана он достал пистолет-пулемёт и снял предохранитель. На цыпочках подошёл к двери. Удалов и Карась невольно замерли. Карась пригнулся к столу, а Удалов вжался в кресло. Человек в сером резким движением распахнул дверь. Он поднял пи-

столет-пулемёт так, чтобы тот был нацелен в грудь любому, кто попытается войти в кабинет.

– Руки! – коротко сказал он.

В дверях кабинета стоял сам товарищ Батыев. Он побледнел и медленно поднял руки.

И в то же мгновение два незнакомых Удалову человека вынырнули из-под мышек товарища Батыева, влетели в кабинет и выбили оружие из рук человека в сером. Оружие отлетело к потолку и дало короткую очередь. Посыпалась штукатурка.

Один из вбежавших ударил ребром ладони по горлу человека в сером, и, пока тот медленно, как в фильме с приключениями, падал на персидский ковер машинного производства, второй из вбежавших незнакомых людей воскликнул:

– Да это же Матвей из второго отдела!

– Перестарался майор, – сказал второй незнакомец с искренним сочувствием и, выглянув в прихожую, приказал милиционеру Пилипенко вынести и положить где-нибудь бесчувственное тело товарища Матвея.

Только потом, когда товарищ Батыев догадался опустить руки, товарищ Карась, бережно поддерживая под локоть, провёл его к своему столу, а Мария Пахомовна быстренько вымела осыпавшуюся штукатурку, пулемётные пули и гильзы, вспомнили об Удалове.

– Это он? – спросил Батыев, словно впервые встретился с Корнелием.

– Это...

Дальше Карась заговорил шёпотом, и Удалов, который был очень доволен, что его всё-таки не подстрелили, не стал прислушиваться к разговору начальства. В другом случае он бы доказывал и спорил, даже, может, напомнил бы Батыеву, как тот три дня назад грозился снять Удалова с занимаемой должности за то, что его контора не выполнила ремонт дома отдыха. Но теперь он молчал. Он только думал, что, судя по современной международной обстановке, лучше, если его признают американским космонавтом, а не китайским или еврейским. Ведь если признают американским, то допросят, погрозят, подержат в тюрьме (в Москве ведь, в столице, не в нашей провинции), и тебе придётся признать, кто и зачем тебя подослал. Потом наверняка международное сотрудничество возьмёт верх, и отправят Удалова

обратно в Соединённые Штаты Америки в порядке обмена, там он поживёт, пока всё не выяснится, вернётся обратно, приодевшись и даже купив кое-чего для жены и сына. Но если придётся признаться в том, что ты китаец, тогда путь твой, Корнелий, лежит в город Пекин, где тебе обломают собачьи ноги-руки и отправят в деревню навоз перебирать, перевоспитываться. Ну а если признают евреем? Вышлют к ним, на их родину. А по дороге обязательно доберутся до Удалова палестинские экстремисты и взорвут его пластиковой бомбой. И за дело. А если не взорвут – и того хуже, забреют Удалова в еврейскую армию, сделают ему обрезание, и занесёт песок его кости в суровой Синайской пустыне. Слеза покатилась по щеке Удалова. А за полуоткрытой дверью всё плакала, не могла удержаться Ксения, которая вспомнила уже, что ошиблась с родинкой. Та родинка была вовсе не у Удалова, а у давнего знакомого её молодости, о котором Удалов и не знал, но большое душевное расстройство и напряжение как бы застили туманом глаза Ксении, и она спутала местоположение. Теперь-то она ясно вспомнила, где настоящая родинка, удаловская, но тот человек, который задавал вопросы, только что был пронесён мимо в таком состоянии, что уже ничем не интересовался. И Ксения не знала, у кого требовать, чтобы с Удалова снова сняли штаны.

– Развяжите его, – сказал товарищ Батыев громовым голосом.

Эти слова дошли до задумавшегося Удалова не сразу. Только когда один из незнакомцев стал распутывать верёвку на его онемевших руках, он понял, что пришло освобождение.

Сам товарищ Батыев лично помогал разматывать Удалова, а Семён Карась дрожащей от переживаний рукой налил воды в хрустальный стакан из графина и поднёс стакан Удалову, тому самому Удалову, которого только что за человека не держал. И тогда Удалов понял, что его всё-таки решено считать американским гражданином.

Товарищ Батыев сказал:

– Надеюсь, вы не обиделись на наших сотрудников, которые проявили бдительность, и я думаю, когда ваши товарищи встретят впервые наших посланцев, они тоже проявят бдительность. Разве в этом есть что-нибудь удивительное?

– Нет, ничего удивительного нет.

– Представьте себе...

Товарищ Батыев был руководителем современного склада, с университетским значком в петлице и в хороших очках, привезённых из командировки на конгресс энтомологов в Испанию. Там он выступал в роли большого специалиста по сосновому точильщику и видел много интересного из архитектурных памятников и тяжёлой жизни местного населения.

– Представьте себе, что вы гуляете по лесу и тут падает наш корабль. Без опознавательных знаков. Вы ведь тоже можете решить, что корабль подослан с определённой целью.

Тут товарищ Батыев осторожно подмигнул, потому что ему надо было улаживать отношения с этим чёртовым пришельцем, которые так преступно испортили слишком ретивые подчинённые.

Удалов не знал – откуда ему, связанному, было знать, – что после сигнала товарища Матвея в сером пиджаке в области началась паника, которая докатилась по проводам до самой Москвы. Оттуда тут же пришло сообщение, что, по всем данным, корабль, приземлившийся под Великим Гусляром, не был ни американским, ни китайским, ни каким другим, а самым настоящим межзвёздным кораблём, вестником далёких звёздных миров, на которые указывал Циолковский и контакта с которыми давно ждали в соответствующих кругах. Больше того, высказывалось мнение, что инопланетные пришельцы могут первоначально с целью контакта приземлиться в какой-нибудь буржуазной, империалистической или, на худой конец, неприсоединившейся стране. На это компетентные люди резко возражали, так как инопланетные пришельцы, будучи передовыми в области идеологии, никогда не позволят себе идти на контакт с отсталыми в общественном отношении формациями, хотя могут быть введены в заблуждение. И поэтому, когда из Москвы позвонили товарищу Батыеву и сказали, что реактивный самолёт вылетает в ближайшие десять минут, имея на борту ответственных товарищей, а последующие самолёты полетят следом, Батыев понял: или пришелец, прилетевший во вверенный ему

район, будет приёмом доволен, или он сам будет недоволен жизнью в целом.

И тут же обнаружилось, что, пока Батыев получал накачку из Москвы, за пришельца взялся майор из городского управления и уже привязал его к стулу верёвкой. Но самое тревожное, что по его приказу из корабля выломаны все ценные приборы и отправлены в горисполком на предмет выяснения их шпионской сути.

С минуты на минуту могли прилететь академики, генералы и руководители правительственных органов. И пришелец, очень похожий на директора стройконторы Удалова, сидит привязанный к креслу и подвергается непристойному допросу.

И хоть пришелец, растирая повреждённые верёвкой руки и стряхивая с себя штукатурную пыль, упавшую на него после столь неудачной стрельбы в кабинете Карася, делал вид, что не обижается, Батыев с каждой секундой всё более проникался справедливым гневом на этого идиота Карася, не говоря уже о КГБ в целом. Но с КГБ взятки гладки. Они всегда при исполнении. А вот с Карася мы спросим. Без снисхождения.

– Ты чего ему подсовываешь?! Ты чего подсовываешь нашему дорогому инопланетному гостю?! – воскликнул Батыев, отводя в сторону толстую руку Карася со стаканом воды.

– Она кипячёная, – только и мог сказать Карась.

– У тебя что, представительской нет? У тебя, хочешь сказать, в нижнем ящике стола нет бутылки коньяка «Двин»?

– «Двина» нет, – бормотал Карась, потому что наступил его последний час. – Есть «Мартель», на областной конференции давали.

– А ну!

Карась изогнулся и извлёк из нижнего ящика стола бутылку французского коньяка большой выдержки и начал зубами скусывать пробку. Один из незнакомцев элегантным, привычным движением вынул бутылку изо рта у Карася, свинтил пробку, второй незнакомец поднёс стакан, и тот тут же был наполнен коньяком.

Товарищ Батыев лично поднёс стакан Удалову.

– Примите, – сказал он. – С дороги никогда не мешает.

– Ну что вы, – сказал Удалов. – Днём, в рабочее время.

Карась, которому никто ничего не объяснил, всё ещё держал Удалова за американско-китайского космического шпиона и полагал, что

поведение товарища Батыева объясняется в первую очередь тем, что к врагам угодил какой-то наш космонавт и его нужно срочно выменять, пока не наговорил там лишнего. А может быть, думал он, произошло какое-нибудь потепление в международном климате и этого шпиона вовсе решено сделать общим международным героем. А вот мысли о том, что есть жизнь в других мирах, Сеня Карась не допускал, потому что не мог смириться с тем, что Земля круглая. Он про всё знал, читал газеты и так далее, отмечал вместе со всем народом День космонавтики, но в душе считал Землю плоской, а остальное – требованиями текущей политики.

– Не отказывайтесь, – настаивал товарищ Батыев, поднося стакан к самым губам Удалова. За стёклами импортных очков его глаза сверкали строго, как на квартальном совещании по сельскому хозяйству.

– Только если за компанию, – сказал Удалов наконец. – Только если с вами.

Громкий вздох облегчения вырвался из груди Батыева. Пришелец не сердился!

Батыев сделал пальцами знак, и незнакомец тут же налил во второй стакан и ему.

Карась пытался из бутылки слить себе в третий стакан, но незнакомец ему не позволил. Он знал, кто тут прав, кто виноват.

– Закуску, – приказал Батыев.

Карась засуетился, позвонил Марии Пахомовне, и та принесла из холодильника на тарелочке чуть подсохшие бутерброды с сёмгой. Сделала она это моментально, потому что обрадовалась облегчению в судьбе Корнелия Ивановича, которого по необразованности хотели посчитать за американского шпиона. Когда она выдала тарелочку и вернулась к себе в приёмную, то сказала Ксении, ожидавшей на кожаном диване:

– Сердце мне подсказывает, что всё образуется. Твоего Сам из стакана поит.

– Лучше бы отпустил. Я сама ему поднесу дома, – сказала Ксения. – Где ты видела, чтобы главгор простого директора стройконторы из рук поил? Не кончится это добром.

Не могло быть более ошибочного мнения. Батыев выпил с Удаловым. От французского коньяка перехватило дух, и, прежде чем приняться за бутербродики, пришлось им похватать с минуту воздух

ртами, как рыбам на суше. Но ничего, обошлось. Оба они были привычные.

Батыев искательно поднял взор к ополовиненной бутылке. Карась сказал: «С лёгким паром», дверь распахнулась от удара, так что все подскочили, а незнакомцы схватились за бёдра – хотели достать табельное оружие, да не успели, и ворвалась на этот раз Ксения, которая поняла, что с переменой начальства есть надежда отспорить мужа.

– Снимай штаны! – закричала она, тяжело дыша, отчего её полная упругая грудь бешено вздымалась. – Я покажу.

Батыев стоял, двигал ртом, но произнести ничего не смог. Удалов хотел было сказать, объяснить, но от принятого коньяка произошла временная местная анестезия языка. Карась зажмурился. Незнакомцы всё ещё рассуждали, стрелять или не стрелять, как Ксения завопила снова:

– Снимай штаны, говорят тебе!

Тут Батыев в полной тишине начал быстро рассупонивать ремень, не отрывая взгляда от грудей Ксении, а Удалов испугался, что он может, пользуясь служебным положением, соблазнить Ксюшу, и двинулся к нему, чтобы воспрепятствовать. Батыев отталкивал его локтем, повторяя почти беззвучно:

– Какая баба! Какая баба! Жанна д'Арк!

Штаны его упали на пол, обнаружив длинные серые трусы, а Удалов постарался подхватить их, только Ксения не потеряла присутствия духа. Она поглядела на мужские прелести Батыева и приказала ему:

– Одевайсь! Не про тебя спрос. Я хочу родинку у Удалова показать. Вспомнила я, на другой ягодице и поближе к серединке! Давай, Корнюша, покажи этому козлу свой зад.

Батыев стоял, придерживая едва державшиеся штаны, а Карась, который уже сообразил, что к чему, стал давиться от непочтительного смеха и объяснять, что Ксения – жена Корнелия Удалова из стройконторы и приняла космического путешественника за своего мужа, что и пытается доказать с помощью родинки, с которой произошёл конфуз в присутствии товарища майора.

Ксюша тоже пришла в себя, смутилась, отвернулась от Батыева, и Корнелий, успокоив её, как мог, вывел из кабинета. Ксения принюхивалась на ходу и уже подозревала мужа, что он придумал эту инсцени-

ровку, чтобы напиться с новыми приятелями. Но Корнелию удалось уговорить жену подождать немного в приёмной у Марии Пахомовны.

Когда Удалов вернулся в кабинет, Батыев уже привёл себя в порядок и, смущённо улыбаясь, протянул Удалову второй стакан коньяку. Карась стоял рядом и судорожно облизывался.

– Бабы у нас тут огонь! – сказал Батыев смущённо. Опять конфуз с космонавтом – что же нам, русским людям, так не везёт в межпланетном содружестве!

– Согласен, – сказал Удалов, принимая стакан.

– Давай за баб употребим, – предложил Батыев.

– Так она ничего, – сказал Удалов. – А сейчас за меня переживает. Можно понять. Сколько же прожили!

– Это бывает, – согласился Батыев. – Огонь баба!.. А ты женись на ней. Свадьбу сыграем. Как её зовут, Семён?

– Ксения, – сказал Карась. – Ксения Удалова.

– Ну вот, женим тебя на Ксении. Найдёшь своё человеческое счастье!

Батыев возмечтал, чтобы космический странник дал согласие. Это была бы инициатива, которую одобрит и Политбюро, – такой шаг к межгалактической дружбе! А если устроить так, чтобы свадьбу сыграть у них...

– А меня к себе на свадьбу позовёшь, – сказал Батыев. – Согласен?

Удалов согласился. Но сказал:

– Только вот перед соседями неудобно.

– С соседями поговорим.

– А сын?

– Сына я усыновлю, – сказал Батыев.

Больше у Корнелия аргументов не осталось, и они выпили по второму стакану.

Приятное тепло разлилось по утомлённому происшествиями удаловскому телу. В голову ударило и принесло расслабление и добрую любовь не только лично к товарищу Батыеву, но и к другим, милым и отзывчивым людям.

– Ну и как там у вас? – спросил Батыев, усаживаясь напротив Удалова с бутербродиком в руке. – Большого прогресса достигли?

– Ничего, не жалуемся.

Удалов понимал, конечно, что его опять не за того принимают, но спорить не стал, не хотелось обижать хорошего товарища Батыева. За такой коньяк можно и душой покривить. А то ещё снова привяжут.

– Долго к нам летели?

– Как вам сказать...

– Понимаю, понимаю. – Батыев окинул взглядом присутствующих в кабинете, но никто из них не изъявил желания уйти.

– Один добирались?

– Сюда-то?

– Сюда.

– Вот меня товарищи привезли. Товарищ Карась и ещё один, его майором тут называли.

– Понятно. – В голосе Батыева звякнул металл. – С этими товарищами мы разберёмся, поговорим, не беспокойтесь. От ошибок не гарантирована ни одна система. У нас ошибок меньше, чем в системе капиталистической эксплуатации, но, сами понимаете, люди есть люди. И хоть мы уже уничтожили социальные причины пьянства, хулиганства и проституции, отдельные случаи тем не менее имеют место под влиянием враждебной нам пропаганды.

– И проституция наблюдается? – удивился Удалов.

Об этом он раньше в родном городе не слыхал, ему не сообщали.

– Нет, – сказал товарищ Батыев. – Не в прямом смысле, а в больших городах и только в виде исключения.

– Ага, – сказал Удалов.

– А вы русским языком хорошо владеете, – сказал Батыев. – Почти без акцента. У себя на родине изучали?

– Дома, – согласился Удалов. «Интересно, – подумал он, – а какой у меня теперь акцент? Постараюсь следить за собой, чтобы не было никакого акцента».

– Этот гражданин, – Карась пытался вернуть себе расположение товарища Батыева, но не знал, как это сделать, – также хорошо владеет и английским языком. Мы с ним беседовали.

– Чего? – испугался Батыев.

Он понял, что, если эти сведения проникнут в западную прессу, там поднимется бешеная кампания, направленная на дискредитацию нашей страны. Наймиты пера тут же заявят, что инопланетный при-

шелец летел вовсе не к нам, а на Запад и его попросту захватили наши истребители-перехватчики и заманили в плен.

– Я точно говорю, – настаивал Карась, который хотел показать свою образованность. – А вы подтвердите: мы по-английски с вами говорили?

– Это он говорил, – сказал Удалов. – На каком языке он со мной говорил, не скажу, не уверен. Но всё требовал, чтобы я ему какие-то сведения сообщил.

Карась заметно задрожал. Он понял, что сказал лишнее. Это поняли и незнакомцы, которые с обеих сторон сдвинулись и прижали его локти.

– Удалов! – взмолился Карась, забыв, кто перед ним сидит. – Скажи, что я по настоянию органов. Скажи, что я по разговорнику. Скажи им, что я никаких языков не знаю!

– Это точно, – сказал Удалов, который был добрым человеком и зла не помнил. – Он по наущению и по разговорнику.

Но было поздно. Незнакомцы быстро вывели Карася из его кабинета, а тот почти не сопротивлялся, только кричал по пути:

– Я же неграмотный! Я же алфавита не знаю!

По выходе Карася Батыев нагнулся поближе к Удалову и сказал тихо:

– Вы его не жалейте. Он заслужил. Интриган, знаете?

– Знаю, – сказал Удалов.

Раньше бы не сказал, да ещё Самому. Но сейчас был пьян и решил, что городу лучше будет без Карася, народ станет жить свободнее, зажиточнее, средние руководящие кадры получат больше личной инициативы. Уж очень этот Карась наглый взяточник и мздоимец. Всё это он и сказал товарищу Батыеву. Батыев с готовностью поддержал соображения Удалова и даже изъявил удивление и почти восторг по поводу того, как в далёких звёздных мирах осведомлены о жизни его родного города.

– Я надеюсь, вы нас не осудите, – продолжал Батыев. – Наши товарищи вынули из вашего корабля некоторые детали. Надеюсь, не самые жизненно важные, но вынули. Хотели поближе ознакомиться. Заблуждались. Я бы мог отмежеваться, но считаю своим долгом нести ответственность за всё, что происходит во вверенной мне части нашей страны.

– Так я что вам скажу, – доверительно сообщил Удалов. – Если взяли, значит, надо на место положить. А то неудобно получится.

– А если осторожно положим, жаловаться не будете?

– А мне что? – сказал Удалов. – Мне это дело до лампочки.

По этому поводу Батыев обрадовался, а потом предложил ещё принять, что и сделали с помощью двух незнакомцев, которые вернулись в кабинет и присутствовали, даже сказали им вслух: «За ваше здоровье».

После этого Удалов совсем полюбил товарища Батыева, а Батыев полюбил Удалова. Только Удалов любил с открытыми глазами. Он знал, что Батыев – это главгор, но хороший, душевный человек. То есть любил он не кого иного, как Батыева. А Батыев заблуждался. Если бы он поверил, что Удалов – это Удалов, то разлюбил бы. А пока они обнялись и спели популярные песни. Если Удалов где забывал слова, товарищ Батыев ему подсказывал и не удивлялся – инопланетный пришелец вправе не знать про Каховку и про тайгу, которая под крылом самолёта, хотя, конечно, стыд и позор ему не знать песню, где действие происходит на пыльных тропинках далёких планет. Об этом он со всей прямотой сказал Удалову, и Удалов не обиделся, понял. Незнакомцы тоже пели, но вполголоса, чтобы не затенять руководящих товарищей. А за дверью, в приёмной, грустила Ксения, различала высокий и весёлый голос мужа, но не вмешивалась, а только повторяла: «Вот пусть он у меня попробует домой вернуться!»

По окончании песен обнялись и хотели было пойти в пляс, но в дверь заглянул милиционер Пилипенко и сказал, что там рвётся какой-то из области. Его впустили, но оказалось, что это не настоящий из области, а просто какой-то профессор, специалист якобы по иноземным цивилизациям. Он в Удалове не признал пришельца, чем очень обидел и Батыева, и Корнелия, и они вместе с незнакомцами профессора из кабинета выгнали, чтобы не выдавал себя за кого ни попадя и не вводил в заблуждение.

– Ты только подумай, – сказал потом Батыев Удалову. – Он тебя за простого человека принял. Это же, можно сказать, оскорбление.

– А я не прост, – ответил Удалов. – Простых людей вообще не бывает.

Батыев обнялся с Удаловым и поцеловался с ним в губы троекратно. Потом они договорились звать друг друга на ты.

Тут и приехали товарищи из области. Они были совсем трезвые и потому не сразу разобрались, кто пришелец, а кто свой. Им объяснили, а один из них сразу сказал:

– Это только доказывает, что во всей Вселенной действуют одни и те же законы.

– Наши законы, – сказал ему секретарь обкома Чингисов и тоже троекратно поцеловался с Удаловым.

– Поздравляем вас, товарищ, с благополучным прибытием! – крикнул он.

Обнимаясь с Удаловым, он уловил исходящий из его рта запах хорошего коньяка, и у него отлегло от сердца. Он ведь тоже всю дорогу беспокоился, доволен ли пришелец, хорошо ли ему.

– Я с ним принял бутылочку, – сказал ему Батыев, понизив голос. – Вы уж простите, я так не употребляю, только за компанию или по делу.

– Знаем, как ты не употребляешь, – сказал ему секретарь обкома. Но не сердито, а так, по-братски.

Батыев подумал, что, если всё дальше гладко пойдёт, открывается прямая дорога в область.

Секретарь обкома сделал знак рукой, и его секретари и незнакомцы, которые с ним приехали, внесли заготовленный на всякий случай сундук с припасами.

– Сейчас, – сказал Чингисов, – по случаю нашей встречи, а также, раз уж вы устали с дороги, устроим маленький закусон.

– Ну, гуляем! – сказал Удалов с некоторым ужасом.

Все обрадовались, забили в ладоши, а журналист, который уже снял удаловское объятие с Чингисовым, вытащил магнитофон и попросил:

– Ну, два слова, первые впечатления.

– Речь скажи, – поддержал журналиста секретарь. – Если надо, то мой референт Рабинович сейчас подготовит.

– Это правильно, – согласился Удалов, – пускай подготовит. Всё-таки мероприятие.

Со стола сбросили телефон и чернильный прибор, постелили чистую скатерть, принесли из райкомовского буфета приборы и хлеб с маслом, а Удалов в это время немного вздремнул в кресле, надвинув на лоб каскетку. Все говорили шёпотом, не беспокоили, а товарищи

Батыев и Чингисов проверили всё, что написал референт Рабинович, кое-что вычеркнули, кое-что добавили. Рабинович оправдывался.

– Я, – стенал он шёпотом, – раньше не имел опыта написания выступлений для столь отличающихся от нас товарищей. Но показания товарища из местного горкома и общее впечатление убедили меня, что прилетевший к нам с отдалённых звёзд товарищ проникнут нашим, прогрессивным образом мыслей. Я думаю, что нужно по возможности записать его речь, может, её возьмут на московское телевидение, на первую программу.

А Удалову снился сон, связанный с его дальнейшим повышением. Во сне он уже подлетал к Москве, и самолёт, несущий его на борту, медленно приземлялся в аэропорту Шереметьево. К самолёту раскатали красную ковровую дорожку, а из здания, украшенного красными флагами, вышли руководители партии и правительства и солидно направились навстречу первому гостю из иной звёздной системы, который прибыл сюда, чтобы поделиться знаниями, опытом строительства и вообще проявить дружбу и сотрудничество. И вот все встречающие отстали на один шаг от первого встречающего, и тот раскрыл объятия.

Тут Удалов очнулся и удивился. Как же это он во сне считал себя не советским человеком! Ему стало немного страшно и стыдно, но тут же он подумал, что, вернее всего, он уже не Удалов, а самый настоящий звёздный пришелец. Ведь не зря же даже близкий человек, жена, не нашла приметной родинки. И поэтому, когда Чингисов протянул ему бумажку с речью для произнесения на торжественном обеде, Удалов блеснул глазками на накрытый стол и понял, что обязан отработать надвигающуюся выпивку и сказать приготовленные слова.

В кабинете уже стояла кинокамера, горел свет и суетились операторы. Незнакомая женщина в белом подошла к Удалову, причесала его немного и подмазала ему щёки розовой пудрой. Удалова провели за стол, и по обе стороны его встали Чингисов и Батыев.

Подняли первый тост за дружбу и процветание. Подняли второй тост за приезд. Потом Удалову подмигнули, и он развернул бумажку, написанную товарищем Рабиновичем, с помарками других товарищей.

– Дорогие товарищи! – прочёл Удалов. – Дамы и господа!

Удалов окинул взглядом стол, но ни дам, ни господ не заметил. Потом сообразил, что передача будет рассчитана на весь мир и потому

нужно мыслить широко. И он продолжил чтение, несколько задерживаясь на сложных словах и читая их по складам.

– Разрешите мне приветствовать вас на советской земле в канун большого праздника – завершения очередного пятилетнего плана.

За дверью послышались шум и суетня. Кто-то кого-то в дверь не пускал. Незнакомцы, удивлённые и возмущённые попыткой вторжения, бросились к двери и, к сожалению, опрокинули кинокамеру.

– Эх, – вздохнул Рабинович, – придётся вам всю речь снова читать.

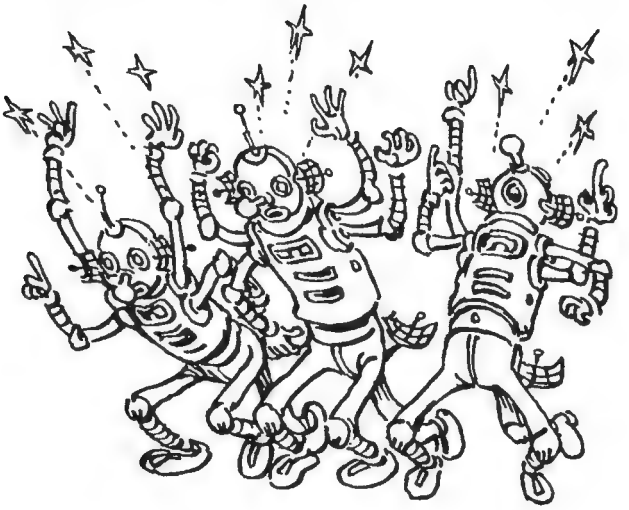
– Вижу, – сказал Удалов.

Незнакомцы старались сдержать страшный натиск с той стороны, грудью держали дверь, но странная, неземная сила оттолкнула их, и вместе с сорвавшейся с петель дверью они были вброшены в кабинет.

«Да, – подумал Удалов снова, – есть ещё враги нашей дружбы».

В дверном проёме обнаружились три странных существа совершенно фантастического вида, в одежде, которая прикрывала их почему-то только выше пояса, хотя ниже пояса у них ничего неприличного не было. Существа стояли на трёх ногах каждый и махали множеством рук, чтобы навести порядок. Сначала их никто не хотел слушать и раздавались лишь отдельные крики «Хулиганство!», но потом все трое так громко рявкнули на присутствующих, что пришлось их выслушать, потому что тот, кому не положено, так рявкать не будет.

– Это что же есть получается? – воскликнул один из трёхногих монстров с явным неземным акцентом. – Не успеешь отвернуться, а тебя уже грабят? Мы есть будем жаловаться в ООН, да!



– Что такое? – спросил строго Чингисов у Батыева. – Здесь твоё хозяйство, ты и разбирайся, что за претензии у товарищей.

– Да-да, – сказал Батыев. – Давайте выйдем, товарищи, поговорим, всё выясним. А ещё лучше заходите завтра ко мне часиков в одиннадцать на приём. Там всё и провентилируем. А то, видите, у нас сейчас мероприятие по встрече с инопланетным гостем. – И Батыев указал на Удалова. Скандала он не хотел, неизвестно ещё, что за стиляги и хиппи припёрлись.

Трёхногие взглянули на Удалова, и один из них закричал:

– Так вот кто спёр мою любимую форменную фуражку!

А второй увидел, что на груди у Удалова всё ещё висит бинокль, и закричал:

– Ясно, кто есть похититель мой бинокль!

– Да не хотел я красть, – возразил Удалов. – Только примерил, тут меня и скрутили.

Удалов тут же снял с себя каскетку и протянул одному из трёхногих. Снял с груди бинокль и протянул второму трёхногому.

– Это ещё ладно, – смягчился трёхногий. – А куда стащили наши приборы? Что же получается за местность у вас? Такого мы ещё не встречали ни на одной планете. Не успели войти в лес по случаю несварения желудка, как нас полностью обокрали, а потом ещё в наш родной корабль пускать не хотели.

– Приборы? – спросил Удалов. – Приборы вон там, на тумбочке стоят, в ящике.

Трёхногие подобрали и приборы. И притом качали головами, находя приборы в плачевном состоянии.

– Больше мы к вам ни ногой, – сказали трёхногие хором. – Никогда. Через двадцать минут улетим на нашу родную Альфу Центавра, только вы нас и видели, недостойные гуслярцы!

– А жаль, – сказал Удалов вслед настоящим иноземным пришельцам.

Пришельцы ушли, захватив ящик с деталями. Будто их и не было.

А в кабинете ещё несколько секунд стояло подавленное молчание, до тех пор стояло, пока оставшиеся не поставили общими усилиями на место дверь.

Товарищ Чингисов перевёл дух, словно долго бежал. Потом повернулся к Батыеву и спросил его:

– Что за психи к тебе в кабинет врываются? Как ты так всех распустил?

– Не мой кабинет, – ответил Батыев. – Карася кабинет. Это он всех распустил. Только мы его сегодня уже лишили народного доверия, сняли, будет библиотекой заведовать.

– Вот это правильно. Ты потом проверь, что за люди, зачем шумели.

– Обязательно, – сказал Батыев. – Вот завтра придут они ко мне на приём к одиннадцати, там я с ними серьёзно поговорю. Они у меня разучатся без вызова в кабинет заходить.

А раз всё уладилось, то товарищ Чингисов обернулся к Удалову, который собирался, пока они заняты, вырваться из кабинета, соединиться с женой и пойти потихоньку домой.

– Вы куда, товарищ пришелец? – спросил Чингисов строго.

– Домой, – сказал Корнелий Иванович. – Какой я пришелец? Вот они, настоящие, уже улетели.

– Давайте, товарищ, без штучек, – обиделся Чингисов. – У нас пока другого пришельца нет, а мы уже в Москву рапортовали. Эй, операторы-моператоры, как вас там, включайте машину, будем приветственную речь продолжать.

Загудела камера. Удалов вернулся на место, развернул бумагу и начал читать с самого начала.

Занавес

СРЕДСТВО ОТ ДАВЛЕНИЯ

Космический гость жил некоторое время в крайнем доме, у Свириных. Был он покалечен, сильно страдал, но с врачами или учёными встречаться отказывался, уверял, что пользы это не принесёт. Кроме того, подчиняясь своим правилам, полагал, что время для контактов с человечеством ещё не наступило.

– И что случится, – отвечал он на настойчивые уговоры старика Свирина, – что случится, если я приду в город и начну всех убеждать, что я есть пришелец с иной планеты? Ни доказательств, ни внешнего вида. Мне суждена жалкая судьба Дмитрия-самозванца.

Дед Свирин смотрел на гостя с сочувствием, брал под руку, уходил с ним на берег речки, посидеть в тени под вязом и послушать рассказы о прелестях дальних планет.

К осени пришелец, так и не дождавшись вестей или помощи от собратьев, помер. Похоронили его под именем свиринского племянника. От пришельца остались какие-то склянки, порошки и ломаные схемы, как от транзисторного приёмника. Он, бывало, колдовал над ними, но к чему стремился – непонятно.

Дед Свирин, единственный близкий пришельцу человек, разобрал баночки и на некоторые приклеил этикетки, чтобы не перепутать при продолжении опытов. А потом и сам в декабре, под Новый год, скончался. В доме осталась Мария, его вторая жена, грузная добрая женщина, недавно вышедшая на пенсию, ростом и осанкой схожая с императрицей Анной Иоанновной, как её описывал историк Соловьёв. А в комнате направо от сеней жила Аида – ей Свирины сдавали жилплощадь, и Аида, женщина одинокая, озлобленная неудачной личной жизнью, просиживала вечера у телевизора, часто щёлкая с программы на программу, чтобы не упустить увлекательной передачи.

Мария Свирина телевизор не жаловала, предпочитала кино, хотя туда ходила редко, мучилась от жестокой гипертонии, вязала носки и шарфы, отсылала их детям от первого брака, живущим в Боровске и Касимове.

В воскресенье с утра Мария с Аидой решили устроить генеральную уборку. Надвигалась Пасха, за ней вплотную Первомай, весна пришла в Великий Гусляр, и ветки вербы, срезанные Аидой у реки, давно уже распушились.

Мария передвигалась по дому медленно, не нагибалась, – вчера докторша прописала постельный режим, грозилась забрать в больницу. Аида быстро носилась по комнатам, взмахивала тряпкой, как знаменем, гремела вёдрами, пергаментное лицо её раскраснелось, пошло пятнами, серые гладкие волосы разметались космами, а нос ещё более заострился и побелел.

– Мария! – кричала она из сеней. – Здесь валенки твоего старика. Рваные совсем. Выбросим или как?

Мария медленно разворачивалась, проплывала в сени, мяла обмякшие латаные валенки, чуяла в них родной запах, капала слезами и упрашивала квартирантку:

– Может, в сундук их положим? Пригодятся.

– Куда они пригодятся? Рыбу ловить? – сердилась Аида. – Ты бы рада всё барахло в доме беречь. Старик на тот свет не взял, а ты берёшь. Я уж с татарином договорилась. Завтра придёт, заберёт, обещал хорошо за старьё заплатить. Вот гляди, тут и склянки стоят. Я их тоже выкину.

Склянки стояли на полочке, прикрытые сверху газетой.

– Это от гостя остались, – сказала Мария. – Старик с ними колдовал. Может, пригодятся.

– И всё тебе пригодится! – кипятилась Аида. – Я их сейчас в мешок.

Мария собрала склянки в подол и отнесла их в комнату. Там осторожно высыпала на стол, покрытый протёртой скатертью с осклабившимися мордами тигров по углам. Склянки и коробки были разные – из-под майонеза, простокваши, валерьянки и комплексного витамина. Мария расставила склянки по росту, вспомнила, как совсем ещё недавно этим же делом занимался старик, как он надевал новые в тёмной оправе очки, вздыхал и повторял:

– Какие знания! Какие знания утеряны. Он же всё это из подручных средств составлял и очень надеялся, если за ним не прилетят, принести большую пользу людям. А теперь как?

Склянки и коробочки стояли в ряд на столе, армия эта была невзрачная, и трудно было поверить, что в таких оболочках могут скрываться чудесные неземные знания. Старик, правда, кое-что знал. Перед смертью пришелец успел открыться. Вот, к примеру, на этой баночке наклеена бумажка и написано знакомым почерком, как в кроссвордах, разгаданных стариком в «Огоньке»: «Средство от давления».

– Чего в склянках нашла? Ничего не нашла? Давай я их во двор снесу.

– Смотри. Старик мой писал. «Средство от давления».

– Мало чего он писал? Может, это для кошек или для хромых предназначено. Я бы на твоём месте выбросила, и дело с концом.

– Нет, – сказала Мария. – Может, я сама воспользуюсь. Всё равно мне от врачей пользы почти никакой.

– Пользуйся, если желаешь, – сказала Аида. – Только книжку сберегательную мне оставь.

– Какую книжку? Нет у меня книжки.

– Может, и нет, но оставь, а то на какие шиши-барыши буду тебе гроб покупать?

Мария подняла медленно своё большое мягкое тело, возвысилась, как гора, над квартиранткой и сказала, хоть тихо, но с угрозой:

– Тебя, Аида, я, во всяком случае, переживу и на гроб тебе не поскуплюсь. И не тебе, божья овца, меня учить.

В последних словах скрывалось неодобрение Марии Аидиной набожности, смирения, ибо смирение было ложным и зачастую злобным.

– Ой, чего ты говоришь, старуха! – ответила Аида, отступая к двери. – Пей свои порошки, живи, сколько тебе желается, я зла не держу на тебя. Только уволь меня от нареканий. При моём одиночестве и тихой жизни такие слова слушать неприятно.

– И выпью, – сказала Мария. – А ты мне воды принеси. На запивку. Стакан вымой сперва.

– Сделаю, сделаю, – ответила Аида.

Мария снова села на стул, дожидаясь, пока вернётся квартирантка, и на душе было горько и скорбно от предчувствий и скрытого раздражения на саму себя. Мария уже знала, что сомнительное лекарство она выпьет, потому что отступать от своих слов при Аиде никак нельзя. Сегодня отступишь, а потом Аида, сильная своим смирением, сядет на шею, загребёт власть в доме, а то и сам дом.

Косые лучи солнца пробивались сквозь серёжки вербы, ложились узором на старую скатерть и поблёскивали на боках склянок. Ломило в затылке, и хотелось прилечь.

– Вот стакан, – сказала Аида. – Я на кухне разбираться буду. Там барахла набралось – страшное дело. Для тараканов раздолье.

Мария дождалась, пока квартирантка выйдет из комнаты, сама взяла из буфета столовую ложку и насыпала её до половины. Больше сыпать не стала – хоть и доверяла покойнику-мужу, что на банке с ядом не написал бы: «Средство от давления». Решила, что хватит.

Порошок был горек, вязал рот, и пришлось выпить стакан воды до дна, прежде чем смыла с языка гадкий привкус.

Потом она просидела ещё с полминуты, ожидая действия порошка, но не дождалась и пошла на кухню, чтобы приглядеть за Аидой.

Та под шумок могла нужные вещи выкинуть, польститься на малую корысть от завтрашнего посещения дома старьёвщиком.

– Ну как? – спросила Аида, стоявшая на табуретке, лицом к полкам с посудой.

– Лучше стало, – ответила Мария.

И ей в самом деле показалось, что стало лучше, появилась лёгкость в голове и всём теле.

– Ну и слава богу, – сказала Аида, не простившая Марии вспышку гнева.

– Ты пол вымой, – сказала Мария, – а я пыль с полок сотру.

– Куда уж тебе, – не согласилась Аида. – Ты небось на табуретку в последние годы не вставала.

– Ничего, встану, – сказала Мария. – Порошок на меня хорошо действует.

– Как желаете, – сказала Аида и легко спрыгнула на пол. – Тряпку возьми.

Мария забрала у неё тряпку и поглядела на табуретку с недоверием. Табуретка была хлипка и стара. Муж всё собирался починить её, но за беседами с пришельцем да за неожиданной болезнью не успел.

Мария встала на табуретку коленом, чтобы легче забраться, и Аида поддержала её, улыбаясь одними губами.

– Ну вот, – сказала Мария, распрямляясь. – А ты говоришь.

Аида отошла на несколько шагов и ответила:

– Ой, раздавишь ты табуретку, Мария, ей-богу, раздавишь.

– Не каркай, – ответила Мария, вытянула вперёд руку с тряпкой, чтобы вытереть пыль с верхней полки, но тут пошатнулась, потеряла равновесие, уцепилась за край полки, хоть знала, успела подумать, что хвататься за полку было никак нельзя.

– Ай! – закричала Аида, отпрыгивая в сторону от покатившейся табуретки. И на помощь не пришла – а это понятно было, как ей удержать женщину, втрое превосходящую её размером?

Прошло самое страшное мгновение, и Мария раскрыла сожмуренные глаза. Удивление её было велико, потому что она обнаружила, что висит на кончиках пальцев, а пол был довольно далеко внизу. Это же вредно, думала Мария, так можно и руки оторвать. И потому она отпустила пальцы и сжалась вся, чтобы падение было не очень болезненным.

Опять она зажмурилась, опять раскрыла глаза, и теперь положение её потеряло всякий смысл, всякую разумность. На пол она так и не упала, а мягко реяла в воздухе над самым полом, поджав ноги.

– Изыди! – крикнула на неё Аида из-за двери. – Изыди, нечистая сила!

Аида крестилась, плевалась, а Мария тем временем распрямила ноги, чтобы встать, но, встретившись с полом, ноги оттолкнули её наверх и отбросили к потолку, к которому её, легонько ударив, прижало, будто приклеило.

Было тихо. Лишь дышала в сенях Аида и за окном чирикали воробьи.

– Аида! – позвала Мария. – Аидушка, добрая душа. Что же это со мной творится?

– Чур меня, – отозвалась Аида. – За милицией сейчас побегу.

– Не надо за милицией, – сказала Мария, чуть не плача, – позору с милицией не оберёшься. Ты к доктору сходи. Это ведь порошки виноваты, не иначе.

Аида заглянула в дверь, и её лицо, перекошенное страхом и тем ракурсом, под которым его рассматривала Мария, было страшным и жалким.

– Порошки, говоришь? – спросила она. – Порошки?

– Порошки. Больше я, кроме чаю, ничего сегодня не ела.

– А я предупреждала, – сказала Аида. – Я тебе говорила, что добра от этих порошков не будет. Не иначе, как сам сатана его образ принял и Егора Акимовича на тот свет отправил, а тебе большое наказание определил.

– Помолчала бы, – ответила Мария, которая уже пришла в себя. – Не при царской власти живёшь. Сильное средство оказалось. Всё давление с меня сняло, вот я в воздух и поднялась. Надо было мне, старой дуре, втрое меньше того порошка употребить. Беги за доктором.

Аида невнятно всхлипнула и убежала, лишь слышно было, как хлопнула дверь, а потом её худая нескладная фигура мелькнула за окном.

Мария чувствовала себя хорошо. Отлично чувствовала. Только неудобно было под потолком висеть. Мария попробовала оттолкнуться от потолка, полетала немного по кухне, измазалась вся в извёстке и

после третьей попытки уцепилась за край плиты и приняла стоячее положение.

За те десять минут, пока Аиды не было, Мария научилась медленно передвигаться по кухне и подумала даже, что зря растерялась, отпустила квартирантку, потому что средство скоро перестанет действовать, и тогда уж никакой врач не будет нужен. Только бы дотерпеть.

За дверью были голоса. Мария чуть отряхнулась от извёстки. Мужской голос, не медицинский, другой, спросил:

– Можно к вам, Мария Павловна?

– Заходите, – сказала Мария и подумала, что Аида всё-таки побежала в милицию.

На кухню вошёл молодой человек в длинном пальто и новой чёрной фетровой шляпе. Человек был не из милиции, а звали его отец Иоанн, и Мария его видала раза два на улице. Он был назначен в местную церковь недавно, по окончании духовной академии, и Аида часто отзывалась о нём с теплотой, как о человеке вежливом и бескорыстном.

– День добрый, – сказала ему Мария, кидая сердитые взгляды на Аиду. – А где врач?

– Врач потом, – быстро ответил священнослужитель. – Врач вам, очевидно, не понадобится. Разве вы больны чем-нибудь?

– Нет, здорова.

– Зачем же врача вызывали?

– А ваше какое дело?

– Моё дело – помогать людям, – ответил отец Иоанн. – Но помогать им в болезнях духа, а не тела. И когда соседка и сожительница ваша прибежала ко мне, я счёл своим долгом поспешить к вам.

– Не сожительница она мне, а квартирантка, – ответила Мария со смыслом. – Может даже, бывшая квартирантка. Что же она вам наплела?

– Я и сам, сознаюсь, не поверил, а теперь верю и того менее, – ответил батюшка, снял шляпу и обнаружил прямые приглаженные светлые волосы, расчёсанные на косой пробор и собранные сзади в косичку.

– Так что же она вам сказала? – наслаждалась торжеством Мария, крепко держась за угол плиты, чтобы не улететь невзначай.

– А то сказала, что ты летаешь под потолком, – ответила с обидой Аида. – Что сатана тебя обуял.

– И вы видите, что врёт она? – вежливо спросила батюшку Мария.

– Вижу, – укоризненно посмотрел на Аиду батюшка. – Вы простите меня, я хотел как лучше.

– Идите, идите, – ответила Мария. – Я вас не звала. Я доктора звала.

– До свидания, – сказал вежливо батюшка и протянул руку. Он был городской, московский, из интеллигентной семьи, и в нём ещё оставалось много светских замашек.

Мария, не подумав, протянула батюшке руку и лишилась связи с землёй.

В мгновение ока кухня перевернулась у неё перед глазами. Чуть коснувшись пальцами священника, Мария взмыла к потолку и больно ударилась об него затылком.

– А я что говорила! – крикнула снизу Аида. – Я и говорила, что она притворяется.

– Врача! – слабым голосом сказала Мария. – Неотложку мне вызовите.

– Это невероятно, – сказал тихо отец Иоанн. – Вы побороли силы гравитации.

– Лекарство это, – сказала Мария. – Слишком много лекарства от давления я съела. Скоро пройдёт.

– Да, – сказал отец Иоанн. – Жалко будет, если пройдёт. А как вы себя чувствуете?

– Сейчас спущусь, – сказала Мария. – Вы только отойдите в сторонку, чтобы не зашибить вас.

– Я вам руку дам, – сказал отец Иоанн.

– Сама. Неотложку надо вызвать.

И Мария оттолкнулась от потолка и вновь приняла позицию у плиты.

– К врачам вам обращаться опасно, – сказал Иоанн. – Представьте, что вашими способностями заинтересуется медицина. Или, что ещё хуже, радиационная физика.

– Радиационная? – спросила Мария.

– Как минимум, – ответил батюшка. – Вас начнут исследовать, брать кровь на анализ, делать уколы и даже пункции. Не говоря уже

о желудочном соке. И никакого морального и материального вознаграждения.

Мария цепко держалась за плиту и пыталась понять, к чему клонит поп, чего ему надо, зачем пугает медициной и радиацией, понимала, что верить ему до конца не стоит, но прислушаться надо, так как у батюшки хоть и духовное, но всё-таки высшее образование. Кроме того, слова Иоанна, хоть и не всегда понятные, были внушительны и таили некий смысл.

– Когда они убедятся, что наука полностью бессильна, то отпустят вас обратно ни с чем. А может, и не отпустят.

– Почему это не отпустят?

– Да потому, что это ясно как дважды два, – ответил решительно отец Иоанн.

– Конечно, ясно, – пришла на помощь Аида. – Если ты сможешь, то и другие смогут, а там все будут летать куда хотят без билетов и пропусков.

– Частично правильно, – сказал отец Иоанн. – Вы будете тогда представлять большой интерес для иностранной разведки, которая захочет использовать вас для разведывательных полётов.

Тут Марии явственно представились иностранные шпионы, наводняющие тихий городок, шурующие по углам, подстерегающие её в погребе, на берегу, в колодце, все в серых шляпах и чёрных очках.

– Вас могут украсть, – закончил Иоанн и в ужасе закрыл глаза.

– Господи, – сказала Мария. И не нашла больше слов. – Я... – повторяла она. – Я...

– С нами крестная сила, – вторила ей Аида.

– Но! – крикнул вдруг Иоанн, прервав стенания. – Но! То, что произошло с вами, не имеет отношения к науке!

Была гробовая тишина. От гласа Иоанна пресеклось дыхание Марии, замерла в ужасе Аида.

– Это чудо, явленное творцом, чтобы вернуть на путь истинный и вас персонально, и других отступивших от веры граждан!

– Ну уж, – сказала тихо Мария. – Давление у меня...

– Погодите, – прервал её вошедший в сладостный экстаз Иоанн. – Слушайте меня! Я изложу свою гипотезу по пунктам. Пункт первый: вы – хороший, добрый, но заблудший в неведении человек, так?

Взметнувшийся перст Иоанна упёрся в грудь Марии, та отшатнулась и чуть было не взлетела к потолку вместе с табуреткой.

– Так? – требовал Иоанн.

– Так! Так! – закричала от двери сообразившая, что к чему, Аида. – Она хороший человек. Только тёмная.

– Я и говорю, – Иоанн вскочил с табуретки, задрал рясу, сунул руки в карманы брюк, ибо это помогало ему собраться с мыслями. – Разве Мария не идеальный объект для того, чтобы через посредство её явить благую волю? Сам отвечаю – идеальный!

Далее Иоанн говорил отчётливо, медленно, ставя точки после каждого слова:

– И. Потому. Господь. Дал. Тебе. Грешнице. Способность. Летать. Явил. – Далее скороговоркой: – Весь мир содрогнётся, узнав о тебе, все газеты мира, все люди мира.

Иоанн поперхнулся, и, пока откашливался тонким, негрозным голосом, Мария пришла несколько в себя и спросила осторожно:

– А вот пенсия?

Мария ещё не приняла никакого решения и внутренне не отказывалась от свидания с врачом, но подумала, что если её новая способность может заключать в себе выгоды, то нужно узнать, что за это предлагает церковь.

– Пенсия! – в голосе Иоанна звучал сарказм. – Истинно верующие люди не оставят вас! Деньги... Да я сейчас же посылаю в Москву телеграмму. Через два часа прилетит самолёт с деньгами, которых вам хватит и на новый дом, и на новый сад. Аида, останетесь здесь. Следите за входом! Никого не впускать! Отвечаете головой и бессмертной душой. Ясно?

– Ясно, – ответила Аида голосом старослужащего капрала, затворила за Иоанном дверь, уселась напротив Марии, не спуская с неё глаз.

Уже полчаса как Мария была невесомой. Она несколько привыкла к новому своему положению, научилась держаться за предметы, и если неожиданное появление Иоанна смутило её, речи его привели в растерянность, то уже через пять минут после его ухода Мария обрела способность трезво размышлять, и чем больше она размышляла, тем больше крепло в ней желание посоветоваться с представителями науки, по крайней мере с лечащим врачом Раисой Семёновной. Правда, деньги бы не помешали – зять собрался строить кооперативную

квартиру, и дочь уже не раз спрашивала в письмах, не сможет ли Мария помочь чем-нибудь, да и не грех было бы объехать перед смертью родственников, а ехать без подарков, на иждивение, не хотелось. Но надо подумать о том, что и зятья, и дети занимают положение, и не весьма удобно им будет узнать, что их мать и тёща возносится в небеса.

Аида сидела по стойке «смирно», глядела строгим глазом, и было Марии очень неприятно. Мария отвернулась от неё, посмотрела в окно, на свежую весну. Да, если в её новой способности есть смысл, то не на одном отце Иоанне свет клином сошёлся.

Надо было действовать, причём пока не вернулся голубоглазый попик. Но сначала надо было обмануть Аиду и незаметно взять остатки порошка. Если он попадёт к Аиде и батюшке в руки, то они и без неё отлично обойдутся, сами примутся летать по воздуху, и тогда, даже в крайнем случае, Мария от них ничего не получит и не услышит.

– Я пойду к себе, полежу, – сказала Мария. – Что-то голову ломит.

– Да что ты, – вскинулась Аида. – Ты не беспокойся. Я тебе помогу, я тебя сама на кроватку уложу, одеяльцем прикрою. Ты отдыхай.

Аида помогла Марии перебраться в комнату, но дальше дверей Мария квартирантку не пустила – послала обратно на кухню за водой, а сама кинулась к столу, пузырёк сунула за пазуху и перелетела к кровати так, чтобы не промахнуться мимо стального шара на спинке.

Аида обнаружила хозяйку смиренной, лежащей поверх одеяла: рукой вцепилась в металлическую сетку, глаза закрыты и на губах неземная улыбка. Именно эта улыбка более всего смутила охранницу. Некоторая работа мысли привела её к выводу, что бог несправедлив, так как предложил средство от давления не ей, верной и обиженной людьми Аиде, а Марии, которая никогда благочестием не отличалась и от бога была далека. Правда, Аида в присутствии отца Иоанна вынуждена была признать, что Мария – хороший человек, но на самом деле у неё были большие в этом сомнения.

– Где баночка-то? – спросила Аида, не скрывая неудовольствия.

– Баночка пропала, – ответила готовая к вопросу Мария. – Баночку твой господь дал и потом взял.

– Спрятала?

– Ну как ты со мной говоришь, Аида? – елейным голосом ответила ей Мария. – Узнает батюшка Иоанн, что он тебе скажет на такие сомнения?

– Спрятала, – убеждённо сказала Аида. – Спрятала, чтобы мне не досталось. А может, мне это вознесение куда больше твоего нужно.

– Не мели чепухи, – сказала Мария. – Я на двор пойду.

– И не думай. И не помышляй. Лежи и жди батюшку.

– А ты меня не гневи, – сказала Мария, чуть взлетая над одеялом.

– Баночку дашь, выпущу на двор, – сказала Аида.

– Нету никакой баночки. И не было. Видно, твой дьявол тебя попутал.

– Врёшь!

Как и большинство религиозных людей, Аида отличалась трезвым, не замутнённым мистическими видениями разумом. Вера её концентрировалась вокруг очевидных, вещественных, осязаемых предметов – пышнотелого храма с высокопарной колокольней при нём, позолоченного иконостаса, уютного свечного запаха, голубых глаз и неухоженности отца Иоанна. Зрелище летающей хозяйки в первый момент испугало, но потом её ум отверг вмешательство потусторонних сил и вернулся к версии с лекарством от давления.

– Отдай порошок, – упорствовала Аида, всё более входя в гнев.

И в ослеплении не заметила, как Мария оттолкнулась от кровати и, подобно пушечному ядру, пролетела со свистом мимо, загрохотала, охнула громко в сенях и звякнула французским замком.

– Стой! – бросилась за ней Аида. – Батюшка не велел. – Аида успела ухватиться за край юбки, но Мария лягнула её, оставила в кулаке противницы клок материи и свободно взлетела в свежий, прохладный весенний воздух.

Лягая Аиду, Мария получила дополнительный толчок, который вознёс её выше берёз и крыш, и там она медленно воспарила, – во все стороны разлетались вороны и прочие птицы, которые каркали и верещали от страха. Аида уменьшилась, крики её заглохли в птичьем гаме, она махала ручками, мечась по двору, как флагом размахивая клоком юбки.

В небе было холодно, ветрено и боязно. Летательная сила могла окончиться в любой момент, и не успеешь достать из-за пазухи пузырёк и подкрепиться. Тогда, зависнув в воздухе, Мария решилась употребить ещё порошка, для страховки.

Доставать пузырёк было несподручно, руки плохо слушались – нигде не было никакой опоры, страх сковывал и путал движения. И нет

Лягая Аиду, Мария получила дополнительный толчок, который вознёс её выше берёз и крыш, и там она медленно воспарила, – во все стороны разлетались вороны и прочие птицы.

ничего удивительного в том, что Мария лишь успела раскрыть склянку, как та выпала у неё из руки и полетела к земле, рассыпая веером белый порошок. И скрылась в колодце одного из окраинных домиков.

Мария попыталась было спикировать вслед за пузырьком, но ничего из этого не вышло.

Коченели ноги. Где-то внизу бежала, спотыкаясь и вскрикивая, Аида, люди задирали головы, удивляясь и переговариваясь. Некоторые показывали пальцами вверх, но высота уже была значительной, и Марию можно было принять за крупную птицу.

«К поликлинике, – подумала Мария. – Скорее». Но прошло ещё некоторое время, прежде чем ей удалось найти нужный воздушный поток и приноровиться летать, пользуясь руками и юбкой вместо крыльев. Потом дело пошло на лад, и через десять минут Мария уже реяла над красной железной крышей поликлиники.

С громадным трудом она спустилась до сосны, росшей у входа, а там отломала от вершины сук, с помощью которого совершила плавное приземление.

Не было даже времени привести себя в порядок. В любую минуту могли появиться преследователи. Мария обменяла сук на половинку кирпича, валявшуюся под деревом, и проследовала к двери.

Посетители, сидевшие в очереди к терапевту, с удивлением разглядывали странную женщину с кирпичом в руке, растрёпанного и взволнованного вида, которая объявила им:

– Я без очереди.

– Как же так, – сказал кто-то несмело. – Ведь мы тут уже час ждём.

Раиса Семёновна отпускала пациента, выписывала ему лекарства и, не оборачиваясь к двери, сказала:

– Я вас не вызывала. Подождите.

– Не могу ждать, – ответила Мария. – Ни минуты не могу ждать.

Пациент первым увидел Марию, испугался, подобрал рецепт и подался к двери. Мария пошла к Раисе Семёновне, стараясь наступать твёрже. Села на стул.

– Что с вами? – спросила с волнением врачиха. – У вас странный вид.

– Ещё бы, – согласилась Мария.

– Вы себя плохо чувствуете?

– Лучше некуда.

– Так чего же вы ко мне пришли? Я же не назначала.

– А я не пришла, – сказала Мария. – Я прилетела. По воздуху.

– Конечно, – согласилась Раиса Семёновна. – По воздуху. Вы кирпичик бы положили.

– Да не могу же! – воскликнула Свирина. – Не могу я его положить, потому что вознесусь тогда немедленно.

Тут уж Раиса Семёновна не выдержала. А не выдержав, она сказала как можно тише:

– Посидите здесь, спокойно посидите, ничего не делайте. Я сейчас.

– Нет, – отрезала Мария. – Никуда ты, голубушка, не уйдёшь, пока с моей болезнью не разберёшься. Я тебе покажу.

И, сунув кирпич в руку врачихе, Мария привычно вознеслась к потолку, но так, чтобы заново не измазаться извёсткой.

– Ну, что скажешь, доктор? – спросила она у Раисы Семёновны сверху. – Как вам это нравится?

– Ой, не нравится, – созналась врачиха.

За тридцать четыре года своей врачебной деятельности Раиса Семёновна не видела летающих людей, кроме как во сне. Она даже сняла толстые очки, превращавшие её, в сущности, обыкновенные карие глаза в громадные тёмные озёра. Но пациентка, хоть и потеряла точность очертаний, с потолка не спустилась.

Дело было плохо, никуда не годилось. Однако Раиса Семёновна несколько успокоилась. Она более всего опасалась душевного расстройства, буйства и резких выражений. Теперь же появление Свириной с кирпичом в руке получило разумное объяснение. А раз такое объяснение есть, то надо принимать разумные меры.

– Садитесь, – сказала Раиса Семёновна. – И рассказывайте, как всё это произошло.

С улицы к окну прижались два лица. Лица передвигались, вглядывались, искали чего-то в глубине кабинета. Одно из лиц принадлежало длинноносой женщине средних лет, другое – молодому человеку в чёрной шляпе.

– Не спущусь, – сказала Мария, – меня преследуют.

Она проплыла под потолком в дальний угол комнаты, так, чтобы её с улицы не было видно. Но люди за окном её заметили и начали производить движения руками, елозить ладошками по стеклу, вызывая Марию к себе.

– Гоните их, – сказала Мария.

Раиса Семёновна послушалась и сделала суровое лицо, приказывая зрителям удалиться. Те не удалились. Тогда Раиса Семёновна догадалась сделать решительное движение к телефону, стоявшему на столике, и фигуры исчезли.

– Теперь слезайте, – сказала Раиса Семёновна.

В этот момент дверь в кабинет открылась, и старушка медсестра заглянула внутрь.

– Доктор, – сказала она. – Вы сегодня ещё два вызова можете взять? У Спиридоновой грипп.

Старушка подняла взор кверху, заметила летающую женщину и ахнула.

Остановить её никто не успел. Старушка выскочила в коридор, запричитала, побежала к регистратуре, расталкивая пациентов. А навстречу ей, еле разминувшись в дверях, спешили Аида с отцом Иоанном.

– Что там случилось? – спрашивали больные.

– Упал кто-то?

– Шкаф упал.

– Нет, там психичка на врача напала!

А по коридору, со стороны регистратуры, где лежала в обмороке медсестра, катился слух о летающей женщине. И люди, не веря этому странному слуху, стекались к входу в кабинет Раисы Семёновны, создавая там страшную давку и беспокойство.

– Мария! – сказал отец Иоанн. – Срочно следуйте за мной. Финансовые проблемы решены! Деньги летят телеграфом!

Слова Иоанна заключали в себе ложь. Телефонный разговор с Центром разочаровал священника, ибо в Центре никто не поверил в чудо – мало кто из священнослужителей способен поверить в чудо в век космических достижений. Денег не обещали. Обещали прислать комиссию. Предполагаемый приезд комиссии усугублял ситуацию. Если окажется, что чуда не было, карьера Иоанна завершена. Следовательно, Мария стала важным вещественным доказательством и её надо было продемонстрировать народу. Победителей не судят.

– Граждане, покиньте кабинет, – сказала Раиса Семёновна. – У меня приём больных.

– Не больная она, симулирует, – резко возразила Аида. – Я за ней гонялась, чуть в небеса не улетела, только вот что осталось.

Аида показала клок юбки.

– Разве вы не видите, что налицо чудо? – спросил Иоанн у Раисы Семёновны. – Разве вы как врач можете утверждать, что люди летают?

– Надо разобраться, – сказала Раиса Семёновна. – Тропическое животное окапи было открыто учёными лишь в начале этого века. И если бы до этого кто-то сказал, что оно существует, биологи подняли бы такого человека на смех.

– А снежный человек? – спросил Иоанн. – Он существует?

– Возможно.

– А космические пришельцы?

– Науке это пока неизвестно. Пока.

– Существуют, – подала с потолка голос Мария. – Из-за них я и страдаю. От такого мой покойник-муж и получил это средство. Аида подтвердить может.

– Ничего не знаю, – ответила Аида.

– Не волнуйтесь, – сказал Аиде Иоанн. – Если даже и существуют космические пришельцы, то только в виде посланца неба, ибо оно всемогуще и может придать посланцу любой облик.

– Если так, – продолжила дискуссию Раиса Семёновна, – то и дьявол ваш также может любой образ принять. И смутить вашу бессмертную душу.

– Да какой он дьявол, – обиделась Мария. – Тихий был, спокойный, думал о принесении добра людям, но не мог по соображениям секрета.

– Это уж позвольте мне разбираться, кто дьявол, а кто добрый посланец, – сказал отец Иоанн, – это моя специальность. Всему, что произошло, есть рациональное, но не научное объяснение. Эта добрая женщина за долгую и благочестивую жизнь была удостоена чести стать избранницей божьей. Господь дозволил ей вознестись. Лишил её веса.

– Послушайте, молодой человек, – возмутилась Раиса Семёновна. – Вы же учились в школе, ходили в кино и так далее. Как же можно лишить человека веса?

– Тут вы меня не понимаете. Именно невозможность сделать это и указывает на промысел божий. Провидение может управлять силами гравитации. В нарушение закона Ньютона.

Отец Иоанн раскраснелся. Вспомнилось давно забытое – уроки физики, дававшиеся с трудом, переэкзаменовка в седьмом классе и тогдашнее неисполненное желание – уйти в пожарники.

– Удивительно, как это ваш бог нашёл именно Свирину. А не, например, вас же. Или кого-нибудь из ваших прихожан.

– Захотел и явил, – ответил Иоанн, чувствуя, что берёт верх в споре. – Избрал как честно заблуждающуюся, но близкую к вере.

– Она верующая, верующая, – подсказала Аида. – Только в церковь не ходит.

За окном нарастал неясный, зловещий шум.

– Пора идти! – сказал отец Иоанн. – Народ ждёт. Народ предупреждён и верит. Мария, нас ждут!

Отец Иоанн взял Марию за руку и повлёк её к выходу. Сделать это ему было нетрудно, потому что Мария не могла сопротивляться за отсутствием веса. Раиса Семёновна двигалась сзади, надеясь на то, что разум восторжествует.

На улице перед больницей уже стояла толпа. В первых рядах её преобладали бабушки в чёрном, далее стояли их родственники и соседи, ещё далее – любопытные, и все вместе являли собой внушительное зрелище народа, пришедшего увидеть чудо.

– Ведут, – раздались голоса, – ведут. Блаженную ведут.

Иоанн подтолкнул Марию вперёд, крепко держа её за руку.

Аида оттирала спиной медицинских работников, и те являли собой чуду белый торжественный фон и оттого чувствовали себя неловко.

– Граждане верующие! – провозгласил Иоанн. – Марию Свирину, праведницу, господь наградил чудесным даром. Он явился к ней и сказал: лети! И полетела она! Вознеслась!

– Ты покажи! – крикнули из задних рядов. – Чего агитацию разводить.

– Тут есть сомневающиеся! – продолжал отец Иоанн. – Всегда в добром деле есть сомневающиеся. Но будут посрамлены они! Только истинным сынам и дочерям божьим даются преимущества и блага. Разве не понятно?

– Так значит, если я в бога не верю, то мне уж не летать?

– Покупайте билет и летите за деньги Аэрофлотом, – отрезал отец Иоанн. – Повторяю – лишь верующие полетят!

Отец Иоанн обратился к Марии, отпустил хватку и сказал ей:

– Лети!

Он подтолкнул её, и от этого толчка Мария взлетела в воздух.

Народ ахнул. Даже скептики.

– Пади! – кричал Иоанн. – На колени! Немедленно!

Некоторые падали на колени, другие глядели на летающую Марию. А та с высоты, поддерживая юбку, чтобы сохранить приличие, разглядывала сборище, очень пугалась и горевала. Взор её обратился к родному дому, так отдалённому ныне печальными событиями. Ей показалось, что она видит его крышу. И уж совсем явственно Мария разглядела тот колодец, в который упал пузырёк.

У колодца, на земле, стояло пустое ведро и рядом с ним кружка. Последний из участников межрайонного слёта туристов, что протекал в палатках неподалёку, отходил от ведра.

А те из туристов, что напились ранее, уже поднимались в воздух. И загорелые, насмешливые, распевающие туристские громкие песни и машущие гитарами, они летели на сближение с запуганной и усталой Марией Свириной, на пути перестраиваясь в стройную колонну.

Вскоре они достигли центра города и разглядели медленно плывущую Марию Свирину. Словно эсминцы дредноут, они окружили её, крича: «Бабушка, нас с тобой зовут солнечные просторы!» – и всей стаей снизились над охваченной сомнением толпой.

А внизу восторжествовавшая Раиса Семёновна спрашивала отца Иоанна:

– Где теперь избранная господом? Различите ли её среди этих весёлых молодых людей? Разве не ясно, что всё это никакое не чудо, а обыкновенная загадка природы?

Понурившись, сопровождаемый насмешками и верной Аидой, отец Иоанн последовал к своему дому. Чёрные старушки шли в отдалении и ворчали. Карьера Иоанна была загублена.

Действие препарата кончилось через два дня. Мария и туристы обрели прежний вес. Но за эти два дня они все вместе успели долететь до Вологды, спускаясь на ночь в поля и разбивая оранжевые палатки среди прошлогодних стогов на свежей молодой траве.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Предисловие

Совсем особым жанром в гуслярских историях стал жанр эпистолярный, правда, не получивший достаточного развития.

Письма о Великом Гусляре, имеются в виду письма открытые, предназначенные для печати, писал лишь один человек – персональный пенсионер городского значения Николай Ложкин.

А если говорить о моем в том участии, то тут сыграла большую роль созданная в «Знании – силе» в шестидесятые годы Академия Веселых наук.

Надо сказать, что журналы – как живые существа – они переживают молодость, зрелые годы, они стареют и тогда для спасения требуют самых радикальных операций. Если говорить о шестидесятых годах, то первое место в области научно-популярных изданий, безусловно, делили тогда «Вокруг света» и «Знание – сила». В этих журналах собрались сильные и предприимчивые журналисты, вокруг них группировались лучшие авторы.

Академия Веселых наук, как и созданная замечательным писателем и ученым Романом Подольным Комиссия по контактам, была

предприятием с изрядной долей озорства. В публикациях Академии всерьез говорилось о немыслимых явлениях и от этой лапутянской серьезности было очень смешно. Но вскоре обнаружилось: несмотря на обязательное предупреждение, что сенсация проходит именно по ведомству АВН, а уважаемых читателей умоляют не принимать сказанного всерьез, сила напечатанного слова была велика, и читатель, благополучно выслушивая предупреждение, тут же забывал о нем – он верил в самую невероятную чепуху, напечатанную типографским шрифтом. Этот феномен в конце концов Академию погубил – торжествующий дурак оказался сильнее всех ценителей юмора, вместе взятых.

Первый скандал разразился вскоре после основания Академии, когда под ее эгидой была опубликована небольшая статья, в которой утверждалось, что жирафа быть не может. К сожалению, я сейчас уже не помню, кто придумал столь остроумную идею, но автору никак нельзя было отказать в логике. Он доказывал, что шея жирафа столь длинна, что существующих позвонков недостаточно, чтобы удерживать голову этого животного. А если бы жираф в самом деле существовал, то он бы сразу сдох, уронив голову. В статье, если не ошибаюсь, высказывался упрек в адрес тех средств массовой информации, которые не щадят плохо информированных читателей и публикуют фотографии и рисунки жирафов, тогда как каждому понятно – таких животных на свете нет.

И вот в ответ на статью в редакцию хлынул поток возмущенных писем. Писем, которых никто в редакции не ожидал. Ну добро бы авторы их клеймили статью за попытку ввести в заблуждение читателей. Нет! Читатели были возмущены теми, кто придумал жирафа и поддерживает миф о его реальности. «Я сам видел фотографию жирафа в журнале «Огонек», – сообщал очередной читатель. – Доколе вы будете испытывать наше терпение! Жирафа нет, а фотографии подделывают!»

Лавры истории о несуществующем жирафе не давали мне покоя. И тут на помощь пришел сварливый старик Ложкин, живущий в одном доме с Удаловым. Ему тоже не терпелось поделиться с человечеством известными ему сенсациями.

Товарищ Ложкин написал в редакцию возмущенное письмо о горькой судьбе грецких орехов, в котором он доказывал, что грец-

кие орехи – ближайшие братья человека по разуму. Что они обогнали его в эволюции, отказавшись от ручек и ножек и оставив лишь два мозга (счастливая семья!) под одной скорлупой. Ложкин приводил примеры из палеонтологии и истории и в конце просил читателей не уничтожать наших разумных братьев, пожалеть их, беспомощных и кротких...

Новый поток писем, хлынувший в Академию Веселых наук, хоть и уступал «жирафьему» в объеме, явно превосходил его по эмоциональному накалу. Были письма от отдельных людей, от семей и даже от производственных коллективов. И опять же – никакой попытки критического мышления – если в журнале сообщили, значит, так оно и есть. Больше всего нас с Ложкиным потрясла одна пограничная застава, которая в полном составе дала слово грецких орехов больше не есть.

Неожиданная слава взволновала Николая Ложкина. И он, пользуясь благорасположением к нему Академии, опубликовал в «Знание – сила» целый ряд открытых писем, сообщая о хронофагах, агентах Ивана Грозного среди нас, изобретателе Эдисоне и его трагедии, и так далее. Почти все его письма были опубликованы в «Знании – силе», одно или два увидели свет в «Химии и жизни». Больше они нигде, разумеется, не публиковались, так что я взял на себя смелость предложить некоторые из них в этот том, как оригинальное направление в литературной жизни города Великий Гусляр.

Братья в опасности!

Уважаемая редакция!

Находясь в последние годы на заслуженном отдыхе, я много размышлял о смысле жизни и важных явлениях. Меня посетила мысль, что наши беды проистекают от отсутствия веры в Бога или высшее существо, включая светлое будущее коммунизма. Народ наш мало во что верит, а всё равно каждый боится. Боится заболеть, помереть, атомной войны, экологического бедствия, повышения цен и так далее. Отсюда получается желание верить чёрт знает во что, потому что лучше верить чёрт знает во что, чем не верить ни во что. Раньше у людей был Бог, и

все надеялись, что если случится плохое, он не оставит в беде, хотя бы на том свете. У нас же тот свет совсем отменили, а на этом – неблагоприятные климатические условия. Поэтому люди наши стали крутить головами и искать, во что бы им поверить. Некоторые стали верить в экстрасенсов, некоторые в пищу без нитратов, а другие в индийского бога, имя которого я забыл. Но больше всего верят в пришельцев с другой планеты. А почему?

Потому что каждый советский человек ощущает за отсутствием Бога жуткое одиночество и даже беззащитность. И любой Минводхоз или исполком могут сделать с ним, советским человеком, любую каверзу без всякой ответственности. А ведь как хочется, чтобы кто-то был за нас, – а то все против нас!

Вот и получается: простому человеку необходим брат по разуму.

Такой, чтобы приземлился, если мы уж совсем распустимся, вышел из своей тарелочки, погрозил нам зелёным пальчиком и сказал бы: «Ни-ни! Нишкни! Прекрати безобразие и начинай разоружаться!» И мы тогда с удовольствием!

А стоит ли, говорю я вам, закидывать головы к небу или заниматься йогой, не лучше ли внимательно поглядеть вокруг и поискать настоящих братьев, только на Земле?

Я заявляю с полной ответственностью, что рядом с нами проживают настоящие братья по разуму, которых мы безжалостно уничтожаем себе на потребу, а они даже не внесены в Красную книгу. Об этом отлично известно в некоторых научных кругах, но эти круги из эгоистических соображений закрывают глаза, а не бьют тревогу.

Теперь перейдём к сути вопроса: какое существо на Земле обладает самым большим мозгом по отношению к весу тела? Какое существо в процессе эволюции построило самую крепкую семью, какое существо не убивает себе подобных, не кусается, не дерётся и не портит экологию? У кого нам надо учиться жить, забыв о пришельцах из космоса? Кто, наконец, разделит с нами одиночество?

Надеюсь, что самые умные из читателей уже догадались.

Правильно! Наш брат по разуму и сосед по Земле – грецкий орех!

Я убеждён, что, разбивая молотком или раскалывая щипцами твёрдый череп нашего несчастного брата по разуму, вы не раз поражались совершенству его внутреннего строения. Твоему взору предстают два полноценных мозга, занимающих всё пространство черепа.

Но как это случилось? Как орехи стали орехами? Какими они были раньше? Вопрос не такой простой, как может показаться. Уже давно прогрессивные учёные разных стран подозревали, что грецкие орехи не всегда были только орехами. Но решающим толчком к раскрытию тайны грецких орехов послужила заметка французского археолога Гастона Валуа, выходца из крестьянской семьи, в журнале «Сьянс и палеонтоложик» за 1908 год о находке в среднем плейстоцене Нижней Нормандии крупного архаичного черепа грецкого ореха без нижней челюсти, с ярко выраженными ручками и ножками. Последние сомнения были рассеяны открытием в Танзании двух коренных зубов молодой самки грецкого ореха. Рядом с челюстью обнаружены были каменные скребки, наконечники стрел и бедренная кость мамонта.

Деятельность учёных (в нашей стране исследование грецких орехов началось лишь после революции и связано с именем туркменского археолога Абдусалимова, нашедшего стоянку грецкого ореха в районе г. Сочи) позволяет уже сегодня с уверенностью поведать неискушённому читателю о ходе эволюции наших братьев.

Покинув в верхнем палеозое солоноватое море, далёкие предки грецкого ореха вышли на берег и в краткий срок освоили пляжи и прибрежные заросли. Динозавры не преследовали их ввиду малого размера, а быстрота ножек спасла праорехи от прочих хищников.

Ещё и речи не шло о появлении человека, а грецкие орехи уже покорили сушу и перешли к древесному образу жизни. Многочисленными оживлёнными колониями они собирались на определённых видах деревьев, отпечатки листьев которых всегда сопутствуют находкам ореховых скелетов. Там они охотились на вредных насекомых, а благородные деревья опекали их, прикрывая листьями от ливней и прямых лучей первобытного солнца.

Когда неуклюжий волосатый предок человека взял в руки первую палку, грецкие орехи, далеко обогнавшие его в своём развитии, сознательно избрали другой путь. Первым шагом на этом пути было объединение мужского и женского начала под одной скорлупой. Выбрав себе спутника жизни, самка грецкого ореха обволакивала его не только заботой и вниманием, но и скорлупой, буквально привязывая к себе до конца дней. Крепкая семья грецкого ореха – добрый пример подрастающему поколению – стала настолько стабильна, что с течением времени грецкие орехи начали жениться ещё до рождения. Этот

шаг эволюции, одновременно разумный и трагический, имел место шестьдесят тысяч лет назад.

Ранние браки грецких орехов завершили поступь эволюционного развития. Объединившись с близким существом под одной скорлупой (именно поэтому мы всегда находим в грецком орехе два мозга), орехи потеряли стимул к передвижениям, охоту к перемене мест, отказались от соперничества и тревог. Нет нужды искать общества себе подобных, если один из них обязательно присутствует в тебе самом.

Сравнительно недавно, с точки зрения истории, это привело к атрофированию конечностей. И если Платон в своих «Диалогах об Атлантиде» ещё пишет о том, как грецкие орехи спасались от сборщиков, переползая на слабых ножках с ветки на ветку, то позднейшие исследователи об этой способности орехов умалчивают.

Эволюция зашла в тупик. Грецкий орех повис на дереве, нежась под солнцем, получая соки от дерева через единственную руку-плодоножку и обмениваясь мыслями со своей половиной. Очевидно, сегодня орехи лишились дара речи, заменив её телепатическим общением. Хотя существуют исключения. Известный исследователь Востока Пржевальский рассказывает, что в отдалённых районах пустыни Гоби орехи, срываемые с деревьев в недозрелом состоянии, пищат и плачут.

Автор этих строк пытался наладить контакт с орехом, выстукивая различные фразы с помощью азбуки Морзе по скорлупе. Ответа я, к сожалению, не дождался.

Встаёт вопрос: почему мы пожираем братьев по разуму? В чём причина нашего варварства?

Причина в классовом эгоизме человечества. Как всем известно, уже в Древнем Вавилоне жрецы запрещали простым людям питаться грецкими орехами, пожирая их мозги в отрыве от народных масс (Геродот, кн. 16, гл. 24). Впоследствии прерогатива есть орехи перешла к феодалам и эксплуататорам, включая буржуев и капиталистов.

Наконец, с XVII века эстафету убийства подхватило мировое масонство. Именно масоны стали употреблять грецкие орехи на своих тайных сборищах, укрепляя этим свои тёмные силы.

Подумайте, дорогой читатель: много ли было шансов у русского крестьянина в Рязани или Архангельске встретиться с грецким орехом, вглядеться в него и заподозрить неладное? Нет, отвечу я, такого шанса русский крестьянин не имел.

Грецкие же орехи, способные на прямой контакт ещё тысячу лет назад, за последние тысячелетия полностью разочаровались в людях, которых прозвали каннибалами, и предпочитают с презрением умирать молча.

Да, среди нас есть узкие специалисты, палеонтологи, археологи, для которых не секрет, что грецкие орехи – настоящие законные властители Земли и наши братья.

Но археологи молчат. Некоторые боятся масонов, другие – сами масоны, третьи, признавая в частных беседах преступность наших коллективных действий, не могут отказаться от привычного лакомства. Их любовь к пирогам с орехами стоит высокой плотиной на пути к спасению братьев по разуму.

Две проблемы стоят перед человечеством. Ещё не поздно установить контакт с грецкими орехами с помощью телепатии, радиосвязи и азбуки Морзе. Сделать это надо немедленно, ибо замкнувшиеся в гордой изоляции грецкие орехи теряют память о прошлом, и иссякает их древняя мудрость, которая столько могла бы дать нам поучительного.

Вторая проблема – проблема гуманизма.

Я приказываю: люди, опомнитесь! Внушите каждому ребёнку, что рвать с деревьев живые орехи безнравственно, а пожирать трупы упавших грецких орехов постыдно! Товарищи, неустанно разоблачайте мировой масонский заговор, остановите руку палачей! Торопитесь, люди, ещё не поздно!

Николай Ложкин,
натуралист-любитель,
г. Великий Гусляр

Агент царя

Уважаемая редакция!

Вы меня, надеюсь, хорошо знаете, несмотря на мою личную скромность. Я имел честь неоднократно вам писать, и хотя большинство моих писем, к сожалению, остались без ответа, я отношу это не к личным отрицательным качествам сотрудников редакции, а к отсутствию достаточной гражданской смелости и научного предвидения с вашей стороны. Разрешите напомнить вам, что к числу безответных писем относились мои предложения по переводу комаров, бича наших лесов, в разряд перелётных насекомых, которые, перезимовав в нашей зоне, с

наступлением тепла откочёвывали бы в просторы Ледовитого океана. Разрешите также освежить вашу память напоминанием о моём письме с идеей ввести приливы и отливы на протекающей возле нашего города реке Гусь с последующим использованием дешёвой энергии для нужд городского хозяйства.

Однако в настоящем письме я обращаюсь к вам не с очередной идеей или открытием. Я бью тревогу!

В вашем журнале мне попалось на глаза в целом любопытное исследование о загадочных обстоятельствах, сопровождавших трагическую смерть царевича Дмитрия. В ином случае я не стал бы обращать на это исследование специального внимания, потому что не чувствую себя компетентным в этой области. Но неожиданная встреча в городе-курорте Ялте заставила меня изменить моим принципам.

Напоминаю, что в вашей статье говорилось, будто смерть юного царевича произошла от естественных причин (под таковой подразумевается ножик) и в том не было злого умысла со стороны тогдашнего правительства, возглавлявшегося Борисом Годуновым. То есть историческое высказывание А. С. Пушкина, указывающее на наличие умысла, опровергается с помощью привлечённых для этой цели документов следствия, которое якобы велось объективно.

Итак, находясь на отдыхе в городе-курорте Ялте и наслаждаясь природой и климатом, мне попался в руки журнал «Знание – сила» номер семь за текущий год. Я отдыхал душой и телом, когда ко мне подошёл незнакомый мне человек в белой сорочке-водолазке и брюках-джинс. Этот человек был немолод и имел бороду клиновидного типа.

Человек присел рядом со мной и обратился ко мне с незначащим вопросом о погоде и очереди в столовую, а затем разговор перешёл на другие темы, и мой собеседник показал себя компетентным в истории России отдалённых эпох. Когда отношения между нами приняли характер приятельских, этот человек обратился ко мне с просьбой оказать ему финансовое содействие, так как ему задерживают высылку командировочных. Не обладая нужной суммой денег и не считая себя вправе делиться трудовой копейкой с малознакомыми людьми, я спросил его, что же это за учреждение направляет человека к Чёрному морю и при этом не обеспечивает его содержанием.

Человек тогда заплакал и признался, что уже три дня ничего не ел. Увидев слёзы на его глазах, я отвёл человека в кафе на открытом воз-

духе, где купил ему тарелку супа и порцию шашлыка. Насытив свой аппетит, человек проникся ко мне благодарностью и потому рассказал удивительную историю своей жизни, которую подкрепил соответствующими документами и удостоверением личности.

Вкратце эта история заключается в следующем.

Известный в истории царь Иван Васильич Грозный однажды вызвал к себе своих учёных и техников, в том числе заграничного происхождения, и потребовал от них создания не чего иного, как машины времени. Оказывается, в последние годы жизни царя мучили опасения о том, как его потомки воспримут память о нём. Для того чтобы быть уверенным, что учёные и техники всё-таки изобретут нужную машину и не станут отговариваться низким уровнем современной им науки, Иван IV (Грозный) указал, что в случае неудачи их ждёт смертная казнь. И все мольбы учёных и беспокойство их о том, как будет развиваться наука в случае их четвертования, Иван Грозный отверг как не имеющие принципиального значения.

В таких условиях учёные и техники были вынуждены изобрести машину времени, хотя к моменту завершения работы примерно 80 процентов их поплатилось жизнью или убежало в Запорожскую Сечь.

Оставшихся в живых учёных, а также ряд дипломатов царь направил в будущее на полном казённом довольствии, снабдив документами и выписками из столбцов для того, чтобы они создавали благоприятное представление о деятельности этого монарха.

Однако результат этого начинания оказался сравнительно незначительным, так как учёные и дипломаты предпочитали не возвращаться за премиями и наградами, а оставались на месте командировки.

Со смертью Ивана Грозного деятельность дезинформаторов не прекратилась. Перемена правительства не влечёт отказа от научных достижений. Борис Годунов захватил не только трон, но и идеи.

Мой собеседник приступил к работе уже после смерти Ивана Грозного, с воцарением Бориса Годунова. В его задачу входило убеждать потомков в том, что царь Борис не причастен к гибели царевича Дмитрия. Для этой цели посланец Бориса Годунова получил диплом архивного института, защитил кандидатскую диссертацию по знакомому ему периоду и теперь неустанно выступает на научных дискуссиях и в популярных журналах, обеливая жестокого монарха. Он был бы рад остаться у нас и преподавать в каком-нибудь техникуме, но

привязанность к семье, детям, престарелым родителям, оставшимся заложниками в суровом XVII веке, заставляет его выполнять надоевшие и неприятные обязанности.

В Ялте лжекандидат оказался ввиду того, что должен был встретить там своего сообщника, доставляющего его командировочные и нужные (большей частью изготовленные в Пыточном приказе) документы, которые лжекандидат «открывает» в наших архивах.

После удовлетворения голода мой случайный знакомый показал мне удостоверение личности, подписанное лично Борисом Годуновым, и под видом посещения туалета скрылся от меня.

Дорогая редакция, я ни в коем случае не намерен утверждать, что опубликованная вами статья принадлежит перу этого лазутчика. Однако чувствую моим долгом обратить ваше внимание на возможность подобных инцидентов в будущем. К сожалению, мне неизвестно имя этого человека. Не знаю я и где они скрывают машину времени.

На всякий случай сообщаю вам приметы агента царя Бориса Годунова. На вид он среднего возраста, скорее пожилого, нервный в манерах, в белой водолазке, в брюках-джинс и с бородой.

В случае, если кто-то отвечает этому описанию, берегитесь!

С уважением,
Николай Ложкин,
пенсионер,
г. Великий Гусляр.

Эдисон и Грубин

Уважаемая редакция!

Не хочу быть назойливым, но обстоятельства заставляют меня беспокоить вас вновь. Считаю своим долгом сигнализировать о новом случае неправильного использования так называемой машины времени.

Мой сосед по дому и близкий знакомый Александр Евдокимович Грубин не имеет специального технического образования, но является талантливым изобретателем, о чём вам, возможно, уже сообщали. Разработанная им модель вечного двигателя работает без видимых причин уже третий месяц, а изобретённый А. Грубиным комбайн для

сбора сирени пользуется заслуженной популярностью среди садоводов г. Великий Гусляр.

Последним увлечением Грубина стало решение проблемы путешествия во времени. Для этого он соорудил установку на основе списанной будки от телефона-автомата, двигателя от автомобиля ГАЗ-69 и других деталей. А. Грубин посвятил этому изобретению несколько месяцев упорного труда, отказывая себе в выходных и праздничных днях.

Возможно, достижения А. Грубина были бы более внушительными, если бы не существование в нашем дворе молодого человека по имени Николай Гаврилов, учащегося речного техникума, шестнадцати лет. Этот Н. Гаврилов является обладателем проигрывателя и коллекции пластинок джазового содержания. Несмотря на воспитательные беседы с его матерью и лично Н. Гавриловым, которые проводили я как представитель общественности и другие лица, Н. Гаврилов каждый вечер начиная с 18:00 часов и до полуночи проигрывает свои пластинки на полную громкость.

Ввиду того что мой друг А. Грубин по ходу изнурительного умственного труда был доведён до состояния нервного раздражения, он переживал необходимость слушать каждый вечер джазовые и эстрадные мелодии, которые мешали ему сосредоточиться. По врождённой деликатности А. Грубин ограничивался отдельными высказываниями в адрес Н. Гаврилова, полагая, что тот не более как жертва проигрывателя. «Если на стене в пьесе висит ружьё, – говорил он, – то оно должно выстрелить в четвёртом действии. Мы не можем винить курильщиков, потому что они лишь жертвы открытия Америки Колумбом, который привёз оттуда табак. Если изобретён патефон, то кто-то должен стать его жертвой и слушать пластинки. Мы обязаны глядеть в корень. Скажи мне, кто изобрёл патефон?»

На следующий день я довёл до сведения А. Грубина, что, согласно научным источникам, изобретателем фонографа, то есть первобытного патефона, является американский изобретатель Томас А. Эдисон, прославившийся также другими открытиями. На это Грубин, пытаясь перекричать звуки музыки, ответил: «Вот он во всём и виноват!»

Я указал А. Грубину, что винить Т. Эдисона в поведении Н. Гаврилова неразумно. Но А. Грубин настаивал на своём и заявил: «Всё равно, всё началось с Эдисона. Если нейтрализовать Эдисона, насту-

пит тишина». В качестве аргумента я возразил А. Грубину следующим образом. «Александр, – сказал я. – Не думаешь ли ты, что если нейтрализовать Колумба, то прекратится курение?»

«Не думаю, – ответил мой друг, затягиваясь папиросой. – Это слишком рискованно. Я не имею права взять на себя ответственность за судьбу миллионов жителей Соединённых Штатов и других стран этого континента. Куда они денутся, если Америка не будет открыта?»

И тогда я кинул опрометчивую фразу. «Эдисон, – сказал я, – не подвластен тебе, Александр, потому что он сделал своё дело и умер естественной смертью».

Грубин посмотрел на меня и удалился к себе в комнату.

По истечении трёх дней после этого разговора я вышел на двор подышать воздухом. Стояла ветреная осенняя погода, и двор был усыпан жёлтыми и оранжевыми листьями, облетевшими с деревьев, гремела музыка.

– Я готов! – крикнул мне А. Грубин из своего окна.

– К чему готов? – спросил я.

– Навести порядок! – крикнул Грубин.

– Я тебя не понимаю, Александр! – крикнул я. – Ты завершил опытный образец?

– Завершил! – крикнул Грубин. – Ну, Эдисон, погоди!

После этого из комнаты донеслись гудение, звон и грохот.

Когда я взглянул в комнату через окно, стёкла в телефонной будке были выбиты, Грубина не было видно.

Дорогая редакция! Вот уже третий день, как Грубин не возвращается. Я глубоко убеждён, что он проник в прошедшее время и, весьма возможно, разыскивает Т. Эдисона, чтобы его нейтрализовать.

Дорогая редакция! Прошу вас срочно принять меры для возвращения А. Грубина в настоящее время и по охране здоровья и жизни покойного американского изобретателя Т. Эдисона. В данный момент я с тревогой прислушиваюсь к звукам музыки, доносящимся из окна Н. Гаврилова, опасаясь, что в любой момент времени они могут прерваться.

С уважением и тревогой,
Николай Ложкин,
натуралист-любитель,
г. Великий Гусляр.

От редакции:

Публикуя без изменений письмо нашего постоянного читателя, мы считаем своим долгом напомнить, что первый звукозаписывающий аппарат «хрипограф» был изобретён тифлисским изобретателем Автандилом Кикнадзе в конце XIX века. Имени американского изобретателя Т. Эдисона нам не удалось обнаружить ни в одном справочнике или энциклопедии.

Кирпичный завод

Уважаемая редакция!

У меня с вами, как вижу, наладилось здоровое деловое сотрудничество, и поэтому я обращаюсь сегодня к вам, хотя, быть может, следовало обратиться в милицию.

Но не спешите отбрасывать в сторону моё письмо как заведомо не имеющее литературной ценности; никто не знает, как повернётся завтра его жизнь и к каким переживаниям приведёт такой поворот.

Нижеуказанное несчастье случилось не непосредственно со мной, а с моим старым знакомым и соседом по дому Корнелием Ивановичем Удаловым, о котором вам, должно быть, известно. На днях он постучался ко мне в дверь, и вид его был взволнованным.

– Слушай, сосед, – произнёс он. – Получается переплёт с загадкой.

И с этими словами Корнелий поставил на пол посреди моей комнаты обыкновенного вида дорожную сумку, каковые продаются в нашем универмаге из расчёта приблизительно в пределах 10–12 рублей. Ввиду того что я выразил непонимание, Корнелий Удалов рассказал мне историю, связанную с этой сумкой.

Корнелий Удалов находился в служебной командировке в области и в зале ожидания аэропорта провёл несколько часов ввиду плохой погоды на скамье. С ним находилась дорожная сумка, в которой были разные предметы гигиенического значения, а также некоторые подарки, купленные им в области для его супруги Ксении и сына. Рядом с Удаловым садились и уходили различные люди, которые улетали во все концы нашей Родины по мере подготовки самолётов. Поэтому Удалов не может установить момента, когда его сумку случайно под-

менили. Причину этому я усматриваю в том, что наша местная промышленность выпускает ограниченный ассортимент дорожных сумок, мало различающихся по внешнему виду и оформлению.

Прилетев в г. Великий Гусляр, Удалов решил дойти от аэропорта до дома пешком, потому что была хорошая, правда, несколько пыльная, погода.

Удалов шёл по дороге в течение нескольких минут, когда ощутил, что сумка в его руках стала значительно тяжелее, чем первоначально. Он отнёс этот эффект за счёт своей личной усталости, вызванной трудной командировкой и длительным пребыванием в аэропорту. Однако с каждым шагом сумка становилась более увесистой, и в результате Удалову пришлось остановиться, чтобы передохнуть. По словам Корнелия Ивановича, к этому моменту сумка, весившая ранее менее пяти килограммов, обрела вес около полутора пудов. Передохнув, Удалов с трудом поднял сумку и не успел сделать нескольких шагов, как почувствовал облегчение. Он не понял, что тому причиной, а сзади раздался голос:

– Гражданин, кирпич потеряли!

Удалов оглянулся и увидел незнакомого человека, указывающего пальцем на лежащий в пыли серый кирпич.

– Я? – спросил Корнелий Иванович.

– Вы, – сказал незнакомый человек и, подойдя к кирпичу, нагнулся, с трудом оторвал кирпич от земли и добавил: – Золотой он, что ли?

Так как в голосе человека звучала подозрительность, Удалов поспешил успокоить его словами:

– Нет, это самый простой кирпич.

– А зачем с собой носишь? – поинтересовался незнакомец.

– Для дела, – сказал Удалов. – Птичник строю.

Эти его слова были ложью, но примите во внимание растерянность, овладевшую товарищем Удаловым в этот момент. Он решительно отобрал кирпич у незнакомца и только тогда задумался, каким образом кирпич мог выпасть из застёгнутой на «молнию» сумки.

Подождав, пока незнакомец скроется, Корнелий Удалов, решивший уже, что происшедшее с ним не более как глупая шутка прохожего, положил кирпич на землю и проследовал далее, радуясь лёгкости своей ноши.

На подходе к центру города Корнелий Иванович вновь ощутил, что сумка в его руках тяжелеет. Но процесс тяжеления был постепенным, и опомнился Корнелий Удалов только в тот момент, когда услышал за своей спиной женский голос:

– Гражданин, вы кирпич обронили.

Этот возглас заставил Удалова вздрогнуть и даже замереть. Как он мне впоследствии признался, он не сразу осмелился обернуться. Но когда обернулся, то увидел, что на тротуаре позади него лежит серый кирпич, а незнакомая ему миловидная девушка указывает на кирпич пальцем.

– Я не ронял кирпича, – сказал Удалов, подозревая, что девушка тоже состоит в заговоре против него. – Я не ронял кирпича, потому что не ношу с собой кирпичей и, кроме того, у меня сумка застёгнутая.

– Простите, гражданин, – сказала девушка, – но я собственными глазами видела, как из вашей сумки упал кирпич.

Удалов на всякий случай осмотрел сумку, но никаких следов выпадения из неё кирпичей не обнаружил.

Встревоженный и несколько смущённый, Удалов проследовал дальше и при входе во двор нашего дома услышал, как что-то шлёпнулось на землю сзади. Удалов кинул взгляд назад и увидел в воротах дома серый кирпич.

По приходе домой К. Удалова ожидали новые неприятности. Когда он вошёл в свою квартиру и раскрыл сумку для того, чтобы извлечь из неё гостинцы, он обнаружил, что в сумке нет никаких гостинцев, а также гигиенических приспособлений в виде зубной щётки. В сумке находился ящик, схожий с трансформатором, только размером 50×30×22 см. Когда Удалов попытался вынуть трансформатор из сумки, тот оказался прикреплённым к её дну и не извлекался наружу. На этом этапе Корнелию Ивановичу пришлось отказаться от дальнейшего исследования аппарата, так как супруга и сын потребовали подарков, которых у него в наличии не оказалось, и Удалову пришлось долго оправдываться, что сумку ему подменили в аэропорту.

На вопрос своей супруги, что же Корнелий получил взамен гостинцев и гигиенических принадлежностей, он неожиданно для самого себя ответил:

– Кирпичный завод.

Его супруга Ксения решила, что он издевается над ней, и огласила дом гневными возгласами, которые заставили Удалова удалиться из дома и искать защиты и убежища у соседей, что с ним происходило и раньше.

Так как ближайшего друга Корнелия, которого зовут А. Грубин, дома не оказалось по причине отъезда в отпуск, то К. Удалов обратился с просьбой об убежище ко мне, как к человеку в летах и уважаемому.

При совместном исследовании нами сумки, содержащей прибор «КИУЛ» (Кирпичный Изготовитель Удалова – Ложкина, название условное), нами было обнаружено отверстие в дне сумки размером 20×12 см, прикрытое кожимитовым клапаном, плотно примыкающим к остальной плоскости дна, с таким, очевидно, расчётом, что он открывается лишь в момент готовности кирпича. В торцевых сторонах сумки нами обнаружены небольшие отверстия общим числом 47 (диаметр отверстия 4 мм), назначение которых нам не удалось установить.

По окончании исследования прибора «КИУЛ» мы с товарищем Удаловым сошлись на том, что нам следует отнести прибор в газету либо в милицию для нахождения его законного владельца. Для этой цели мы взяли сумку и вышли с ней на улицу. Наш путь лежал к редакции газеты, так как там работает известный своей любовью ко всему новому корреспондент М. Стендаль.

Примерно через сто шагов Корнелий Иванович, нёсший сумку, обратился ко мне со словами:

– Слушай, Ложкин, сумка опять тяжелее стала.

Я взял сумку из рук К. Удалова и вынужден был согласиться с его мнением. На этом мы с тов. Удаловым решили вернуться домой, движимые естественной любознательностью, для того чтобы взять с собой безмен и контролировать возрастающий вес сумки. До дому

мы дойти не успели, так как неожиданно сумка стала лёгкой и мы услышали возглас:

– Товарищи, зачем кирпичами швыряетесь?

Мы немедленно обернулись и увидели, что в трёх шагах позади нас на мостовой лежит серый кирпич, на который нам указывает прохожий, а именно, что важно для дальнейшего изложения, Никифоренко Семён, счетовод конторы «Заготлось» (по заготовлению рыбы лососёвых пород), личность неприятная, с которым нам приходилось сталкиваться в товарищеском суде ввиду отторжения им части участка его соседки.

Мы сразу вернулись к кирпичу, и, когда я попытался поднять его с земли, оказалось, что кирпич очень тяжёл. Он был тяжелее обычного кирпича по крайней мере втрое.

– Ясно, – сказал я, к сожалению, не обратив внимания на присутствие рядом Семёна Никифоренко, – машина работает только на ходу. У меня сумка полчаса лежала, и ничего не произошло.

– Машина? – спросил Никифоренко.

– Ничего особенного, она чужая, – попытался отвязаться от него К. Удалов, но Никифоренко, как известно, весьма настырен.

В результате мы вернулись домой, сопровождаемые этим человеком, и по дороге он выпытал у нас все обстоятельства появления машины у Корнелия Ивановича.

Наши попытки расколоть или разрубить кирпич, произведённый в сумке неизвестно из чего, не привели к желаемому эффекту. Именно тогда мы поняли, что в наших руках оказалась случайно ценная и передовая строительная машина, о пропаже которой может беспокоиться целый научно-исследовательский институт. Но нас продолжала мучить загадка: откуда сумка берёт сырье для столь исключительных кирпичей?

Для выяснения этого обстоятельства мы возобновили путешествие к редакции газеты, пользуясь через каждые пять шагов безменом и наблюдая за сумкой визуально. В конце концов нам удалось составить график утяжеления аппарата, который дал наибольший привес во время прохода мимо строительной площадки у памятника землепроходцам, однако привес по отношению к пройденному расстоянию упал во время перехода через недавно вымытую поливочной машиной площадь Дружбы.

Открытие пришло в тот момент, когда мимо нас проехала машина (а мы в этот миг проходили по незамощённой Пятиугольной улице) и подняла облако пыли.

– Смотрите! – воскликнул тогда Удалов. – Она втягивает пыль!

И в самом деле. Мы увидели, как пыль тонкими струйками втягивалась в отверстия на торцевых сторонах сумки.

– Это революция в строительном деле! – сказал тогда Удалов.

– Вот дела! – сказал на это Семён Никифоренко, который от нас не отставал. – А я для фундамента стоящего кирпича достать не могу.

К сожалению, в азарте открытия мы не обратили должного внимания на слова этого недостойного человека, и последовавшие вслед за тем драматические события выветрили эти слова из нашей памяти.

Моя супруга, гр. Ложкина, женщина тихая и скромная, догнала нас у самых подходов к редакции газеты и сказала, что пришли маляры ремонтировать наш этаж, – этого события мы ждали давно. Она также сказала, что переговоры с малярами должны вести мы, и, если мы не вступим в переговоры немедленно, маляры уйдут красить соседний дом, чем они уже угрожали и моей жене, и супруге Удалова. Мы хотели было занести сначала сумку в редакцию газеты, но моя супруга была очень настойчива, и нам пришлось последовать за ней.

В этот момент коварный Никифоренко предложил нам свою помощь в передаче сумки тов. М. Стендалю, и мы последовали за моей супругой.

Вы можете, дорогая редакция, представить наше изумление и негодование, когда мы, придя через час в редакцию, узнали от Михаила Стендаля, что сумка в его распоряжение не поступала и Семёна Никифоренко он в глаза не видел.

Когда мы все трое прибежали к Никифоренко, этот ничтожный собственник нагло заявил, что сумку оставил редакционному курьеру. На справедливое возражение М. Стендаля, что в редакции в настоящее время нет курьера, С. Никифоренко ответил, что за неимением курьера он передал сумку сторожу с бородой (а такого в редакции тоже нет). Все наши уговоры и даже угрозы результата не дали.

Так как это событие имело место позавчера, то весь вчерашний день мы провели в негласном наблюдении за С. Никифоренко. Наблюдение позволило нам выяснить следующее: в 10:20 утра С. Никифоренко был замечен гуляющим возле ювелирной мастерской с сум-

кой в руке, замаскированной под авоську с апельсинами. Подозреваем, что Никифоренко надеялся собрать золотую пыль, вылетающую через форточку мастерской, и создать себе золотой кирпичик. При виде нас С. Никифоренко обратился в бегство.

В 11:30, по сообщению общих знакомых, С. Никифоренко замечен в окрестностях цементного склада в момент разгрузки там вагонов с цементом. Через плечо у него был мешок, в который он складывал цементные кирпичи. В 13:45 человек, отвечающий описанию С. Никифоренко, с сумкой и мешком шёл за колхозным стадом по пыльной дорожке в окрестностях Великого Гусляра. Можно только удивляться выносливости и упорству этого стяжателя.

Понимая, какое значение имеет пропавший прибор для промышленного строительства, мы намерены продолжать наблюдение и устроить ночную засаду у дома С. Никифоренко. Со своей стороны просим вас немедленно принять меры и запросить Академию наук, какой из институтов утерял опытную установку по производству кирпича.

С уважением и нетерпением,
Николай Ложкин,
натуралист-любитель,
г. Великий Гусляр.

Показания Н. Ложкина подтверждаю:
Корнелий Удалов,
директор стройконторы г. Великий Гусляр.

От редакции:

В результате принятых нами мер был обнаружен владелец утерянной сумки и в гор. Великий Гусляр направлена авторитетная группа, изъявшая с помощью тт. Ложкина и Удалова сумку у гр. Никифоренко С. С. Нам представилась возможность ознакомиться с благодарственным письмом, направленным на имя тт. Ложкина и Удалова, которое мы, с их разрешения, публикуем на страницах нашего журнала.

Дорогие товарищи Ложкин и Удалов!

Коллектив пылесосного завода и лично изобретатель пылесоса «Мальстрём» Г. К. Заварухин выражают вам искреннюю благодарность за находку и пылевые испытания нашей новой модели.

Наша новая модель портативного пылесоса повышенной всасываемости была разработана для приходящих домработниц, многодетных бабушек и сотрудников фирмы добрых услуг «Заря». Для чего пылесос был помещён в непритязательного вида недорогую упаковку на основе хозяйственной сумки. Однако внедрение пылесоса «Мальстрём» в производство тормозилось нерешённой проблемой избавления от спрессованных брикетов пыли, которые оставались на местах работы пылесоса и мешали дальнейшему функционированию обеспыленной территории.

Производственная идея использования пылевых брикетов для нужд строительства, предложенная тт. Ложкиным и Удаловым, решает проблему серийного производства пылесоса «Мальстрём». В знак признательности просим вас, уважаемые товарищи, принять от нас в подарок два пылесоса системы «Мальстрём» для использования дома с передачей отходов в виде пылевых брикетов на нужды жилищного строительства в гор. Великий Гусляр. Напоминаем, что срок годности батареи – 2 месяца, но пылесос может работать и от сети переменного тока.

С уважением и пожеланием успехов
в работе и личной жизни,
от имени сотрудников пылесосного завода,
Г. К. Заварухин.

Международный день борьбы с суевериями

Дорогая редакция!

Разрешите мне, старому человеку, прожившему долгую жизнь, дополнить, поддержать и развить в некоторых отношениях идеи, которыми уже делились с вами читатели.

Должен сказать, что мне очень странными кажутся некоторые распространённые суеверия. Например, встреча Нового года. Что такое Новый год? Разве это не условность, придуманная ещё в незапамятные эксплуататорские времена капиталистами, которые наживались на продаже новогодних ёлок? Я предлагаю не собираться за столом и не ждать никому не интересной минуты, когда (якобы!) один год сменяется другим. Вместо этого следует устраивать небольшие собра-

ния в конце рабочего дня 31 декабря и собирать членские взносы на следующий год. Можно, впрочем, устраивать такие собрания и 1, 2, 7, 8 или 15 января и в любой другой день.

К числу суеверий относятся также и свадьбы. Кольца на пальцах новобрачных явно свидетельствуют о кандалах далёкого прошлого, о закабалении женщины. Предлагаю, в случае желания кого-то с кем-то совместно проживать, произносить по этому случаю речь.

Обратимся теперь к мелким суевериям, которые, тем не менее, омрачают нашу жизнь. Например, до сих пор некоторые мужчины пропускают женщин впереди себя, когда входят в помещение. Общеизвестно, что это суеверие – пережиток тех времён, когда люди были троглодитами и проживали в пещерах. Тогда женщину запускали в пещеру первой, потому что не исключено было, что там таится тигр либо другой опасный хищник. Теперь же, когда тигров в квартирах и других помещениях не бывает, следует забыть об этом обычае и вместо него произносить соответствующую случаю речь.

До сих пор многие люди придают суеверное значение числу 13 и дню понедельник. Предлагаю, чтобы впредь люди не придавали значения этому, отменить в месяцах число 13, понедельники, а также 13-е номера на домах, вагонах и прочих предметах. Говорят, что до этого додумались уже кое-где за рубежом. Дома и вагоны можно именовать 12-бис, а понедельник назвать другим, более пристойным именем.

По случаю этой победы над суеверием везде следует произнести соответствующие речи.

Может быть, следует также создать мобильные бригады по борьбе с суевериями. В их функции входил бы, например, отлов чёрных кошек и перекрашивание их в белый, розовый и голубой цвета. В состав таких бригад должны входить специалисты по произнесению соответствующих речей.

В заключение хочу повторить заключительную фразу послания моего единомышленника: «...Печать, телевидение и радио с большим удовольствием пропагандируют всю эту ерунду. А ведь десятки миллионов людей воспринимают её совершенно серьёзно». Полностью солидаризируюсь с читателем, рекомендую закрыть радио, телевидение и печать и положить таким образом конец распространению суеверий. Освободившихся работников использовать для произне-

сения соответствующих речей и для устройства периодических фейерверков.

С уважением,
Николай Ложкин,
г. Великий Гусляр.

Хронофаги

Дорогая редакция!

Следя за новинками художественной литературы, я прочёл одно произведение французского буржуазного писателя Андре Моруа. В нём мне встретились следующие знаменательные слова:

«Хронофаг – это чаще всего человек, который, не имея серьёзных занятий и не зная, что делать с собственным временем, принимается пожирать ваше... С хронофагами надлежит быть суровым и безжалостно их уничтожать».

Должен признаться, что раньше я такого слова – хронофаг – не встречал, хотя как биолог-любитель знаком со многими терминами и научными выражениями. В словаре я нашёл слово «хронометр», что означает – «точные часы». Ну а слово «фаг» известно каждому мало-мальски культурному человеку. Получилось в переводе выражение «времяжор».

И пришла мне в голову мысль, что мы наряду с пьянством ещё не покончили с хронофагами. Мало того, даже выявлять их не умеем. А надо.

Потому, дорогая редакция, предлагаю вам плоды моих скромных трудов.

Я много думал, размышляя даже ночами. Потом ко мне пришло озарение, подобно яблоку с общеизвестной яблони. Ведь мистики не существует. Даже телепатию со временем обнаружат, когда найдутся подходящие приборы. Значит, для хронофагов тоже нужно найти подходящий прибор. А где, спрашивается, должны оставлять свои следы хронофаги? Полагаю, что они больше всего наследили во времени. А каким образом мы измеряем время? Часами.

Для проведения опыта я приобрёл два экземпляра часов-будильников и поставил один в комнате для проведения опыта, а второй,

контрольный, – в соседней. Затем позвал я к себе гражданина Ф., который часто проводил со мной совершенно бесполезные беседы на пустые темы. Гражданин Ф., как я и ожидал, немедленно откликнулся на моё приглашение и проследовал вслед за мной в мою квартиру. В тот момент, когда мы проходили через внешнюю комнату, я обратил внимание на то, что будильник в ней (контрольный прибор) показывал 15 час. 46 мин. Будильник в задней комнате (основной прибор) показывал тоже 15 час. 46 мин.

Для звукового контроля оба будильника были поставлены в положение «звонок» на 16 час. 00 мин.

Последующие четырнадцать минут я провёл в волнении и плохо слушал, о чём говорит мой гость. Точно в 16.00 зазвонил будильник в нашей комнате. Звонок контрольного будильника прозвенел с запозданием на минуту.

Эксперимент № 2 был проведён мною с тем же объектом, однако условия эксперимента были усложнены. Помимо двух будильников, в нём участвовали мои наручные часы, а также должны были участвовать часы «Хронофага-1», так я далее буду условно именовать гражданина Ф. Крайне порадовав гражданина Ф. (и крайне огорчив мою супругу) новым приглашением, я поставил с возможной точностью оба будильника и мои часы, а затем под благовидным предлогом попросил «Хронофага-1» показать мне его наручные часы. На что последовал ответ, который меня очень заинтересовал.

– Не ношу, – ответил «Хронофаг-1», – то спешат, то отстают. Я вообще часов не наблюдаю.

После этого гражданин Ф. пустился в длительные рассуждения о низком качестве отечественных часов и своих планах раздобыть где-нибудь часы импортные, желательно японские либо швейцарские фирмы «Омега».

«Не надейся, голубчик, – мысленно произнёс я. – Тебе и швейцарские часы откажутся время показывать».

На этот раз я позволил нашей бесцельной беседе продолжаться более часа, и результат превзошёл все мои ожидания. Полагаю, что покойный физик Эйнштейн искренне порадовался бы вместе со мной, насколько всё в мире относительно. Будильник в моей комнате зазвонил с опережением в восемь минут по сравнению с контрольным будильником. Что касается моих наручных часов, то они убежали за

этот час почти на пятнадцать минут. Разницу в показаниях будильника и моих наручных часов я отношу на счёт того, что мои часы находились в непосредственной близости от хронофага и потому подверглись сильному воздействию его хроножорного поля.

Мне удалось выявить суперхроножора гражданина Бз., «Хронофага-2», что явилось результатом моей настойчивой деятельности по выявлению хронофагов.

В течение года я посетил ряд организаций и частных квартир, в которых побывал гражданин Бз., и могу с полной уверенностью утверждать, что, по неполным данным, этот хроножор уничтожил за год более 2367 часов чужого времени.

Несмотря на преданность науке, я не посмел пригласить к себе хроножора Бз. и ограничился беседой с его бывшей женой.

– Скажите, Марья Степановна, – спросил я её, – не приходилось ли вам наблюдать дома в прошлом каких-либо инцидентов, связанных с неправильным поведением часов? Может быть, они часто спешили либо отставали?

– И не говорите! – воскликнула истица, к моему научному удивлению. – Ломались, как пустые яйца. Всё больше спешили. А однажды я удивительную вещь видела. Он сидит, пишет что-то, бормочет и всё при этом ко мне обращается. А я гляжу на часы и вижу, как стрелка часов довольно быстро по кругу идёт. Вроде бы он минут пять бормотал, а стрелка часовой круг обошла. Но это уж я отношу к своей напряжённой психике.

Я не стал разубеждать добрую женщину. Но следующую историю, также рассказанную ею, отношу к области её воображения. По словам Марии Степановны, она видела, как во время празднования дня рождения её тёти, на котором присутствовал и хроножор, настольные часы, стоявшие на буфете, сделали попытку покинуть помещение в самый разгар длительной речи гражданина Бз. Для этой цели они якобы упали с буфета на пол и поползли к выходу из комнаты.

Передаётся ли хронофагия (хроножория) по наследству, пока неизвестно. Малолетний сын гражданина Ф., «Хронофага-1», в возрасте четырёх лет сжевал будильник, к счастью без вреда для здоровья. Я подозреваю, что это происшествие – тревожный симптом, и прошу наладить медицинское наблюдение за ребёнком, для чего прислать из области хронометриста.

Полагаю, в будущем удивительные способности хронофагов можно будет использовать для развития теории относительности.

Вопрос уничтожения хронофагов оставляю пока открытым, так как среди них встречаются люди, не осознающие своей опасности для окружающих.

С уважением,
Николай Ложкин,
натуралист-любитель,
г. Великий Гусляр.

Главная тайна Толстого

Уважаемая редакция, обращаюсь к вам, потому что мне не до шуток. Я же понимаю, что теперь серьёзнее всего люди читают те места, где раньше полагалось смеяться.

Раньше я думал, что великие люди большей частью помирали, как написано в хрестоматии. Если простудился, то от чахотки, если учёный – то от яблока по голове, а если от дуэльной пули – значит, не женись на молодой.

Но теперь, какую газету ни откроешь, какой журнал ни прочтёшь, всё перевернулось. Уже тысяча газет написали, что поэта Есенина повесили враги. Верно, из-за того, что женился на иностранке. Причём заставили сначала руку разрезать, кровью своей печальное стихотворение написать, потом подарить его своим друзьям-товарищам, с которыми немножко выпивал, а уж потом снова порезать себя, видно, хотел внести исправления в текст. Жалко мне поэта Есенина, ползают по нему исследователи и сплетники, как клопы.

Ну ладно, какой у нас ещё поэт был? Маяковский. Вы не слышали? Во всех журналах уже написали. Оказывается, влюбила его в себя одна женщина еврейской национальности, а он возьми да втемяшись в женщину арийской национальности, и, только она от него из комнаты шасть – соседи по квартире неизвестной национальности его прихлопнули. И ещё приписали ему лозунг, что в этой жизни умирать нетрудно, понимаете! Поэт Солоухин сначала сделал открытие, что Блока отравили коммунисты, а потом – мало стало такой кровожадности – написал, что Пушкин был сам масоном, да ненадёжным, вот они и направили в него пулю этого Дантеса.

В некотором понятном ужасе я открываю теперь газеты и журналы – не хочется во многое верить, но приходится. Всё время лезут свидетели. И не стал бы я беспокоить столичное издание, если бы не новые и совершенно достоверные документы, открытые на днях в городском архиве великогуслярского музея. Мне нужен срочный квалифицированный совет вашей редакции.

Я позволю себе напомнить ситуацию, сложившуюся вокруг знаменитого писателя Льва Толстого к середине 1910 года. Он ощущал завершение своей жизни и решил написать завещание. К сожалению, он не написал завещания в пользу своей семьи, потому что некоторые злопыхатели подсказали классику, что девичья фамилия его жены Берс, а отчество, возможно, Абрамовна. Завещание в пользу неё передавало тогда все средства в руки масонов, что было неправдой, но как мог разобраться в этом больной и немощный старик?

Окружившие Льва Толстого так называемые друзья, а именно некий выдававший себя за пианиста Гольденвейзер, доктор Соломон Маковицкий и английский шпион Мойше Чертков, смогли убедить Льва Толстого, что если он отпишет всё своё состояние им, то они его пустят на развитие «толстовских» организаций. Чтобы подтвердить своё намерение действием, они, как можно убедиться из любой официальной биографии писателя, увезли его в лес, где бандит и громила Гольденвейзер вынул пистолет, и под дулом этого оружия Толстой был вынужден составить завещание.

Однако заговорщикам не удалось полностью скрыть свой замысел от семьи Толстого, за которой стояла германская разведка. Завещание было выкрадено из голенища толстовского сапога оберстом Шматке, служившим в доме под видом лакея Васьки.

Разумеется, Гольденвейзер и его сионистская компания готовы были расправиться с писателем в Ясной Поляне. Оружие было готово, ножи наточены. Но старик Порфирий, который когда-то учился в яснополянской школе, успел шепнуть засыпавшему уже Толстому в окно, что жить ему осталось считаные минуты.

Несмотря на почтенный восьмидесятислишнимлетний возраст, писатель схватил завещание, вылез в окно, вскочил на подведённого к окну Порфирием резвого коня Делира, натянул на голову серую шляпу и, несмотря на отвратительную погоду, которая царила в пять утра 28 октября 1910 года, поскакал к станции.

Теперь я должен открыть главную тайну, известную лишь узкому кругу толстоведов и скрываемую от простых людей. На самом деле Лев Толстой всю жизнь любил лишь одну женщину – Аксинью Бузыкину и детей от Аксиньи. Несмотря на то что, находясь под семейной и масонской цензурой, Лев Толстой не мог поддерживать связей с Аксиньей, он не оставлял надежды когда-то возобновить с ней если не сексуальные, то духовные связи. И вот однажды к нему пришло письмо из нашего города Великий Гусляр, в котором, откликаясь на молчаливый призыв Льва Толстого, их с Аксиньей дочь Стеша кинула в почтовый ящик открытку – жива, мол, папа, маму похоронила, состоим в Союзе русского народа. Тут же Толстой откликнулся на скромный привет Стеши, и между ними завязалась оживлённая переписка, пролежавшая без движения, к счастью, никому не известная, до наших дней.

В последнем из своих писем Лев Николаевич сообщил Стеше, что застал ночью Софью Андреевну за обыском в его кабинете (в поисках завещания) и решил бежать, о чём мы уже знаем. Бежать он будет в направлении Великого Гусляра, чтобы встретиться с дочерью в пути и составить новое завещание, которое передавало бы немалые средства Льва Толстого на нужды русского народа.

Но ни Стеша, ни Лев Николаевич не подозревали, что все письма и записки, полученные в пути, тут же попадали в руки одного из членов масонской банды – доктора Гирша Маковицкого, который уже успел вызвать на станцию Астапово своих сообщников. Сионистское лобби захватило комнату, в которой лежал с воспалением лёгких писатель, а германские и английские шпионы во главе с Софьей Андреевной осадили дом и установили на водокачке пулемёт, рассчитывая прикрыть огнём штурм станции.

Как раз той ночью подоспели наши земляки во главе со Стешей и подъесаулом великогуслярского казачьего войска Владленом Пупицей. И тут наступила трагическая развязка.

Группа сионистов, которая контролировала внутренности станции с помощью сионистски настроенных журналистов, поняла, что с минуты на минуту начнётся штурм станции как силами Софьи Андреевны, так и великогуслярскими казаками. Свидетели говорят, что в этот момент великий писатель тревожно спросил: «Который час? Не приехала ли ещё Стеша?»

Давид Маковицкий и Гольденвейзер в четыре руки тут же протянули классику стакан цианистого калия.

И когда с одной стороны в помещение начальника станции ворвались наши, а с другой стороны – ихние, всё было кончено – сионистская группа уходила через заднее окно и оттуда – огородами к ожидавшей дрезине.

В начавшейся ночной перестрелке погибло ещё несколько человек, в том числе супруга писателя Софья Андреевна и большинство его детей. Однако сионистское лобби, войдя во владение Ясной Поляной и всеми авторскими правами Льва Толстого, наняло на роли вдовы и детей классика нужных им людей, а следователи были, разумеется, все куплены. И эта тайна остаётся неокончательно разгаданной по сей день, хотя документы, которыми я располагаю, совершенно бесповоротны.

Разумеется, среди читателей вашей газеты найдутся какие-нибудь чистоплюи, которые заявят, что строить фантастические и бредовые измышления о великих людях неэтично и даже грубо. Но нельзя забывать и о том, что для масонов все средства хороши. Так что лучше горькая и сомнительная на первый взгляд гипотеза, чем деликатное умолчание.

В настоящее время, продолжая раскопки в нашем городском архиве, я обнаружил ещё несколько сенсационных и отлично документированных папок. Достаточно назвать их вам, уважаемый читатель, чтобы вы с нетерпением открывали нашу газету в ожидании подробностей исторической правды.

Вот они, ожидающие исследователя дела:

«Дело о коллективном убийстве герцога гр. Синяя Борода его восемью жёнами, произведённом с особым цинизмом».

«Дело о каннибализме, выразившемся в пожирании гр. Колобком гражданки Лисы».

«Дело о словесном оскорблении гр. Красной Шапочкой гр. Хасбулатова при исполнении последним служебных обязанностей».

Дальнейшие раскопки продолжаются.

С уважением, Николай Ложкин, пенсионер,
г. Великий Гусляр.

Богомольцы должны трудиться!

Уважаемая редакция!

Позвольте поделиться с вами некоторыми плодотворными соображениями, пришедшими мне в голову в процессе ознакомления с напечатанной в № 4 статьёй «Богомольная пальма из Фаридпура», посвящённой деятельности индийского естествоиспытателя Джагдиша Чандра Боса (1858–1937).

Замечательный учёный раскрыл тайну «богомольной пальмы», которая в определённое время суток, совпадающее с часами вечерней молитвы, склонялась перед храмом. После тонких наблюдений обнаружилось, что пальма как таковая не принимала сознательного участия в религиозных действиях, – термографическая кривая убедительно показала, что наклон пальмы вызван изменениями в суточной температуре воздуха. Индийский учёный пришёл к обоснованному выводу, что геотропическая реакция (реакция растения на земное притяжение) вкупе с термическими изменениями превращает в богомольца практически любое дерево.

Размышляя над опытами индийского коллеги, я в который уже раз был опечален неумением современников развивать полезные идеи. Только вдумайтесь! Опыт Д. Ч. Боса открывает новые перспективы не только в ботанике, но и в энергетике! Вкратце моё предложение, подкреплённое соответствующими расчётами, сводится к следующему.

Используя «богомольный эффект», мы обязаны срочно пересмотреть методику посадок и в целом ряде случаев отказаться от вертикального положения саженцев в почве. Высаживая молодые деревья под оптимальным (45–50 градусов) углом и добиваясь, чтобы они вырастали именно в таком, наклонном положении, мы получим множество полезных результатов. Они должны быть очевидны любому мыслящему человеку, однако я позволю себе некоторые разъяснения.

1. Снимать плоды с фруктовых деревьев можно будет в послеполуденное время (что гораздо приятнее), когда, склоняясь к земле, деревья дадут возможность даже малым детям срывать яблоки и груши, не пользуясь лестницами и не поднимаясь на цыпочки.

2. Посадка сосен и лиственниц позволит добывать дешёвую электроэнергию. Соединённые проводами тысячи, может быть, миллионы

деревьев, раскачиваясь, будут крутить генераторы и совершать полезную работу, посылая нам электрический ток.

3. Наконец, следует учитывать и эстетическое значение нового метода. Какие богатые перспективы он открывает в создании парковых ансамблей! Представьте себе, что вы гуляете по вертикальному парку утром, а вечером приходите совсем в иной, горизонтальный парк.

Надеюсь, что упомянутыми примерами никак не исчерпывается вся гамма возможных применений нового метода. Я убеждён, что читатели журнала найдут ещё более смелые пути использования моих научных идей.

Замечу в заключение, что в настоящее время я веду предварительные переговоры с дирекцией парка в городе Великий Гусляр, которой предлагаю срубить ныне растущие деревья и высадить аллеи по новому методу. При положительном решении вопроса отпадёт необходимость закрывать парк с наступлением темноты для пресечения отдельных случаев поцелуев на скамейках, поскольку в определённое время (по моим расчётам – 22 часа) деревья будут ложиться поперёк аллей, препятствуя входу в парк.

С уважением,
профессор Лев Христофорович Минц,
гор. Великий Гусляр.

Главному редактору журнала «Уральский следопыт»

Уважаемый товарищ редактор!

В первом номере за 1987 год Вы опубликовали «герб» города Великий Гусляр, старожилом которого я имею честь являться.

К сожалению, автор рисунка проявил вопиющую историческую безответственность, полагая, что не найдётся ни одного патриота моего города, который даст ему по рукам.

В действительности герб Великого Гусляра известен уже с XIV века. Изображал он конного охотника, пронзающего копьём медведя. Этот же всадник изображался и на печатях Великого Гусляра, находки которых археологами на Аляске и в Калифорнии вызвали недавно сенсацию в научных кругах.

При составлении гербовника городов российских во 2-й половине XVIII века под надуманным предлогом, что герб этот схож с гербом

Москвы, изображавшим Георгия Победоносца, пронзающего копьём дракона, Великому Гусляру был навязан новый герб. Только постоянной завистью москвичей к традициям и древностям Гусляра можно объяснить эту историческую несправедливость.

Гуслярский герб образца 1767 года делился на 3 части. Сверху слева был изображён герб города Вологды, справа – Архангельска. Объяснялось это тем, что эти два губернских центра бесплодно спорили, кому подчинён Великий Гусляр, т. к. он затерялся в лесах как раз на границе этих двух губерний. В нижней половине щита на голубом фоне находилась ладья с дружиной землепроходцев в ней. На носу в ней сидел гусляр, исполняющий походную песню.

Должен Вам сообщить, что в прошлом году в городе Великий Гусляр в обстановке гласности был проведён конкурс на новый городской герб. Победил в нём журналист нашей городской газеты М. Стендаль. Недавно герб утверждён на сессии горсовета. Герб представляет собой щит, в центре которого в натуральных цветах изображена летающая тарелочка на фоне шестерни. Сверху – сплетённые в рукопожатии белые и зелёные руки. Летающая тарелочка и руки символизируют космическую дружбу, вклад в которую внёс город Великий Гусляр. Шестерёнка воспевает промышленное будущее города.

С уважением,
Н. Ложкин,
пенсионер городского значения,
Великий Гусляр.

Постскриптум. В будущем, публикуя материалы о нашем городе, прошу консультироваться у меня лично. Надеюсь, что в обстановке демократии и гласности Вы решитесь на опубликование моего резкого, но справедливого письма.

Участникам Фестиваля фантастики «Белое пятно»

Уважаемые товарищи и господа!

Всю жизнь я интересовался географией. На моём счету есть ряд географических открытий, в том числе действующий вулкан и озеро Копенгаген в окрестностях Великого Гусляра.

С сердечным трепетом узнал из прессы и телевидения об обнаружении Белого пятна в районе Новосибирска, или Новониколаевска, как звали его в моей молодости. Надеюсь, что издатели-землепроходцы, ликвидировав белое пятно в молодой фантастической литературе, отыщут в ближайшие годы ещё немало талантливых белых пятен и узнают их фамилии.

С надеждой на авторские экземпляры, подписанные моими юными коллегами,

Николай Ложкин,
пенсионер районного значения,
г. Великий Гусляр.

ПО ПРИМЕРУ БОМБАРА

В помещении «Гуслярского знамени» – осенняя тишина, редактор уехал в область на совещание. Миша Стендаль смотрел в окно и мечтал о значительном материале, который перепечатает «Литературная газета». Ещё ни одного материала Миши Стендаля «Литературная газета» не напечатала, правда, он туда ничего и не посылал. В центральной печати лишь два раза появлялись его заметки. В журнале «Вокруг света» поместили сообщение о подлёдном лове крокодилов на пригородном озере Копенгаген, и ещё один журнал опубликовал репортаж о встрече жителя Великого Гусляра Корнелия Удалова с инопланетными пришельцами под рубрикой «А если это не пришельцы?» Слава избегала Мишу Стендаля.

Вчера неожиданно пошёл обильный снег, а деревья облететь не успели, и снежные шапки, как взбитые сливки, лежали на мокрых зелёных листьях. По тротуару, шаркая галошами, шёл знакомый Мише старик Ложкин, нёс под мышкой чёрную школьную папку, в которой хранились письма и жалобы, большей частью необоснованные. Старик Ложкин, похоже, направлялся в редакцию, и Стендаль пожалел, что в доме нет заднего хода.

Но тут его внимание отвлеклось отдалённой суетой на площади. Нечто белое двигалось в сторону редакторского дома, а за этим белым бежали мальчишки и шли взрослые люди.

Стендаль прижался к стеклу носом, ему мешали очки, но снимать их он не стал, потому что без них плохо видел и терял сходство с молодым Грибоедовым.

Хотя в городе нередки были удивительные события, Мише ещё никогда не приходилось видеть, как по улице едет русская печь без видимых колёс и с высокой трубой, из которой идёт дымок.

На печи сидел молодой человек в хорошем синем костюме, при галстуке. Рядом лежала аккуратная поленница дров. Молодой человек взял одно брёвнышко, склонился вниз и приоткрыл дверцу топки. Там уютно светило оранжевое пламя. Молодой человек затолкал полешко в печь, захлопнул дверцу и вновь принял непринуждённую позу.

– Эй, прокати! – кричали мальчишки, бегая вокруг. Молодой человек не обращал на них внимания. Взрослые шли гурьбой сзади, обсуждая технические данные машины.

Когда печь поравнялась с дверью в редакцию, молодой человек похлопал ладонью по трубе, и печь послушно остановилась. За спиной послышалось мерное сопение. Миша обернулся. Сзади стоял старик Ложкин.

– Придётся написать, – сказал старик. – Непорядок.

– Чего написать? – не понял Стендаль.

– Жалобу.

– На что?

Старик быстро нашёлся:

– Он без номера ездит. И без прав, наверное. А если кого задавит?

– А на печки номера не выдают, – рассеянно сказал Стендаль.

Молодой человек ловко спрыгнул с лежанки, что-то быстро сказал зрителям и скрылся в дверях редакции.

Старик Ложкин уселся за свободный от бумаг стол, раскрыл папку и достал оттуда лист чистой бумаги в клетку. Стендаль направился

было к двери, но тут по коридору простучали чёткие шаги, в комнату заглянул молодой человек в синем костюме и спросил:

– Где я, простите за беспокойство, могу увидеть главного редактора?

– А что вам нужно? – вежливым голосом спросил Стендаль, прижимая указательным пальцем дужку очков к переносице.

– Мы письмо писали, – сказал молодой человек, входя в комнату и с осуждением глядя на разбросанные бумаги и застарелый беспорядок.

Стендаль хотел предложить гостю присесть, да не посмел, потому что стул был пыльным, а уборщица уже четвёртый день хворала.

Неловкую паузу заполнил Ложкин, который отложил ручку и спросил строго:

– Ваш транспорт?

– Печка-то? Моя.

– Не ожидал, – сказал Ложкин.

«Сейчас он скажет, что номера нет, – испугался Стендаль. – А молодой человек может подумать, что Ложкин – наш газетный начальник».

– Это товарищ Ложкин, – пояснил он молодому человеку. – Пенсионер, к нам зашёл на минутку.

Ложкин грустно вздохнул и поднял палец, словно хотел возразить.

– А где же редактор? – спросил молодой человек.

– Редактор в области, на совещании. Вы можете говорить со мной. Я литературный сотрудник газеты. Моя фамилия Стендаль.

– Слышал, – сказал молодой человек. И тут же покраснел, потому что догадался, что слышал не о Мише Стендале, а о его великом однофамильце.

– Даже не родственник, – улыбнулся Стендаль. – Меня часто спрашивают. А о чём вы нам письмо писали?

Молодой человек тоже улыбнулся и сказал:

– Ну и грязищу вы тут развели.

– Уборщица захворала, – сказал Стендаль. – Но, если хотите, садитесь.

– Я садиться не буду. Я хотел только поговорить по поводу письма, которое мы с братом писали. А ответа пока нет. Я думал, что появились сомнения, вот и приехал их развеять. Раньше собраться не

мог. Мы с братом лесники – летом охрана, посадки, экологический баланс приходится поддерживать. Вот сейчас немного посвободнее.

– А где сапоги покупали? – строго спросил Ложкин, которому было обидно, что его участия в разговоре не требуется.

– Васина жена, Клава, в Ленинград ездила, за деталями. Вот и купила там.

– Правдоподобно, – сказал Ложкин. И стало ясно, что во всём он видит обман и ответу не поверил.

Молодой человек снова зарделся.

– Не обращайте внимания, – попытался его ободрить Стендаль. – Так вы о печке писали?

– Что вы! – удивился лесник. – Разве мы стали бы беспокоить по пустякам? А я вам даже не представился. Фамилия моя Зайка. Такая, простите, фамилия. Брат мой Василий, а я Терентий Зайка. Живём в лесном массиве, в Заболотье.

– Так это же далеко.

– Неблизко. Километров сто тридцать будет. Точно не скажу, спидометр сломался.

– И вы весь путь на этой?..

– Я на мотоцикле хотел. Но Вася, он старший, велел печку взять. Решил, что больше впечатления произведёт, что мы не какие-нибудь жулики. С нами ещё батя живёт, но он уже в летах и больше теорией занимается. Все издания читает. А как свежую идею углядит, кличет нас и говорит: «Детишки мои, я тут обмозговал...» Ну и мы сразу за работу. Артуром нашего батю зовут. Артур Иванович Зайка.

– Очень даже странное имя, – сказал Ложкин, который тем временем обошёл Терентия сзади и рассматривал его костюм и причёску.

– А какой принцип действия у печи? – спросил Стендаль.

– Принцип действия не наш, чуждый, – снова вмешался Ложкин, держа перед собой, как щит, чёрную папку.

– Так вы, может, письма не получали?

– Наверное, в отделе писем лежит. А у сотрудницы сегодня выходной. Вы про печку мне не рассказали.

– Печка обычно работает, – ответил Зайка, – как и положено, на дровах. Дома стоит как запасная. В морозы мы топим её, лабораторию обогреваем, парники. А иногда ездим, если что тяжёлое надо перетащить. На дровах работает.

– Знаем мы, какие дрова, – сказал неугомонный Ложкин.

– Дрова не ворованные, – обиделся Терентий. – Мы же санитарные рубки проводим.

– А колёса где? – спросил Стендаль.

– Колёса? Где же это вы видели печь на колёсах? Она у нас на воздушной подушке. А вот про письмо...

– Может, вы мне своими словами расскажете? И мы вместе подумаем.

– Я сразу понял, что затеряли, но не обижаюсь. Мы с Васей новый способ передвижения предлагаем. Для наших лесных участков он годится или для пожарных. Вы меня, товарищ Бальзак, поймите правильно...

Стендаль не стал поправлять гостя. Но тут снова вмешался Ложкин.

– Отойди в сторонку, Стендаль, – сказал он.

Терентий заметил свою оплошность с фамилией и опять покраснел. Ложкин оттянул Стендаля за рукав в угол и громко зашептал:

– Ты что, не видишь?

– Чего не вижу?

– Типичный инопланетный пришелец. Проник к нам в доверие. Ты когда-нибудь видел, чтоб в таком костюме на печке ездили?

– Я вообще не видел, чтобы на печке ездили.

– Ты мне печкой зрение не застилай. Ты на детали смотри. Они всегда на деталях попадаются. Ты такой галстук видел? У нас в универмаге видел? Неземного цвета.

– Ах, оставьте, товарищ Ложкин! – сказал Стендаль.

– Зря вы меня подозреваете, – сказал Терентий, который всё слышал. – Я вам и паспорт могу показать, и военный билет. Мы грамотами награждены.

– Я не сомневаюсь, – поспешил заверить его Стендаль. – Не надо документов.

– Документы ему сделали, – настаивал Ложкин. – А вот с галстуком накладка вышла.

– В Вологде куплен, – возразил Терентий.

– Я бы и то лучше придумал, – съязвил Ложкин.

– А вы хоть видали живого пришельца?

– А как же? Различаем.

– Пришельцы у нас бывают, – сказал Стендаль. – Но к нашему разговору это отношения не имеет. Продолжайте, пожалуйста, Терентий Артурович.

– Наивный простак, – обвинил его Ложкин, снова сел, достал лист бумаги из папки и сделал вид, что всё дословно записывает.

– Так вернёмся к нашему разговору, – сказал Терентий, который уже привык к Ложкину. – Вы Бомбара читали – «За бортом по своей воле»? Моя любимая книга.

– Я тоже к ней хорошо отношусь, – сказал Стендаль, присаживаясь на край стола. – И тоже люблю море.

– Дело не в море. От нас оно далеко и неактуально. Бомбар что доказал: если твой корабль утонул, погибать из-за этого совсем не обязательно. Почему люди в лодке гибнут? Потому что боятся погибнуть. Парадокс, но правда. Они, так сказать, себя заранее хоронят в морской пучине.

– Правильно, – сказал Стендаль. – Психологический шок.

– И этих людей мы можем понять. Ведь страшно.

– Страшно.

– Учтите, – пригрозил Ложкин, – у нас океана нет и не предвидится.

– Я о Бомбаре только к примеру сказал, – продолжал Терентий, не обращая внимания на Ложкина. – Для ощущения психологии. Наш батя, когда Бомбара прочёл, говорит нам: «Ребятишки, у меня идея в психологическом плане. А что, если страх человеческий, который есть главный ограничитель наших дерзаний и планов и вообще прогресса, влияет не только на плавание по океану, но и на другое?» Тут мы с братишкой и задумались.

– И поплыли по реке Гусь, питаясь планктоном, – не удержался Ложкин.

– Мы о чём задумались? Возьмём, к примеру, лыжника, который прыгает с трамплина. Если посчитать, с какой высоты лыжник прыгает, то ведь это смертельно! А он хоть бы что. Почему?

– Как почему? – удивился Стендаль. – Он же вперёд прыгает. С разгона.

– Но вниз тоже.

– Но больше вперёд.

– А если лыжник струсит, как потерпевший крушение? Если он перестанет равновесие держать?

– Тогда он упадёт.

– Расшибётся?

– Конечно.

– Что и требовалось доказать. Тогда вот, придя к такой мысли, мы с Васей стали думать, как без лыж обойтись.

– Нельзя, – сказал Стендаль. – Нужна начальная скорость.

Терентий поглядел на Мишу снисходительно, как академик от физики на кандидата исторических наук, который сомневается в пюмезонах.

– Это дело можно проверить, – сказал он.

– Что проверить?

– Проверить, как идеи Бомбара приложимы к нашей скромной действительности. Пошли?

– Куда?

– На испытания метода без лыж по Бомбару. Правда, мой братишка это лучше делает, красивее. Но, в принципе, у любого получится. Главное – заранее не помереть от страха.

– Пришелец, – сказал Ложкин убеждённо, следуя за молодыми людьми к выходу.

– Нет, мы гуслярские, – ответил с достоинством Терентий Зайка.

На улице, подойдя к печке, Терентий нагнулся, подкинул полешек в топку и сказал:

– Забирайтесь, не качает. Это я по городу медленно езжу, а на шоссе до шестидесяти даю.

По улице шёл провизор Савич в пальто нараспашку и думал о чём-то своём, значительном. Вдоль груди у него струился сиреневый галстук, точно такой же, как у пришельца Зайки.

– Здравствуйте, – сказал Стендаль. – Где галстук покупали?

– А, здравствуйте, Миша. В универмаг вчера привезли. Вам нравится?

И Савич проследовал далее, не заметив печки. А Стендаль обернулся к Ложкину и спросил:

– Как будет с галстуком?

– Дьявольская хитрость, – сказал Ложкин.

– Куда поедем? – спросил Стендаль, устраиваясь на лежанке и стараясь сохранить достоинство, потому что раньше на печках не ездил.

– Я на ней не поеду! – воскликнул Ложкин. – Ещё в космос умыкнёте. Я читал, что там человеческие рабы нужны. Вы мне скажите куда, и я пешком пойду.

– Рабы нам нужны, – ответил Терентий без улыбки. – Рабочих рук в лесу ой как не хватает.

– Вот-вот. Я издали погляжу. А куда идти?

– К колокольне, на берег, – сказал Терентий. – Где раньше торговые ряды стояли.

Печка беззвучно приподнялась и поехала вперёд. Лишь потрескивали дрова да разговаривали любопытные зрители.

– Товарищи, разойдитесь, – сказал им Терентий. – Нездоровое любопытство. Уставились, как на машину «Кадиллак».

Зрители послушались и освободили дорогу.

– Сейчас я поднимусь на колокольню, – сказал Терентий, когда печка, набрав скорость, двинулась по улице. – Там отперто, я проверял. Вы останетесь внизу и будете наблюдать. Ясно?

Колокольня была высока, над ней кружились вороны и тянулись серые облака. Печка замерла на краю высокого обрыва у реки Гусь. От колокольни её отделял засыпанный мокрым снегом, с проплешинами зелёной травы пустырь. В будущем году на пустыре должны были строить новую гостиницу. От реки тянуло пещерным холодом.

– Ну, пока, – сказал Терентий, спрыгивая с печки. – Я бы плащ взял, холодно, но эксперимент должен быть чистым.

Не произнеся больше ни слова, Терентий скинул пиджак на руки Стендалю и чёткими шагами направился к колокольне. Стендалем овладели тревожные и высокие предчувствия, и он понимал, что обыденными словами можно лишь сорвать торжественность момента.

Прошло минуты три. Стендаль стоял, облокотившись о тёплую стенку печки, ждал, но ничего не происходило, лишь кричали вороны да прибежал старик Ложкин.

– Где пришелец? – спросил он.

– Терентий Артурович на колокольне. Он сейчас будет демонстрировать опыт.

– Он пришелец, ему всё дозволено, – сказал Ложкин.

На вершине колокольни, на площадке у звонницы, показалась маленькая человеческая фигурка. Была она столь незначительна и беззащитна, что у Стендаля сдавило в груди.

– Ах! – сказал Ложкин, предчувствуя недоброе. Не таким уж он был злым и бессердечным человеком. Если что случится, даже с пришельцем, всё равно жалко.

Маленькая фигурка поднялась на площадку, и несколько секунд человечек, широко расставив руки, старался удержать равновесие. Потом шагнул вниз...

Стендаль от ужаса непроизвольно зажмурился. Ложкин сказал: «Ах!» А вдруг он сумасшедший? И они его не остановили?

Стендаль открыл глаза. Человек всё ещё падал. Но как-то странно. Он будто шёл по воздуху, по пологой дуге, расставив в стороны руки и перебирая ногами всё чаще по мере того, как приближался к земле. Последние несколько метров он быстро бежал по воздуху и, достигнув земли, не упал, а продолжал свой бег и, добежав до Стендаля, обхватил его руками, но так, чтобы не помять свой пиджак.

– Извини, Бальзак. – Он тяжело переводил дух. – Ветер меня сносил. И замёрз я основательно. Давай пиджак. Ну, как эффект?

– Я думал, не переживу, – сказал Стендаль, отдал пиджак и постарался дышать глубоко и мерно, чтобы успокоить сердце.

– Пришелец, – сказал Ложкин, не отнимая ладони от сердца, – разве можно так пугать простых земных людей?

– Нет, – ответил Терентий твёрдо. – Не пришелец, а последователь Бомбара, убеждённый в силе человеческого духа, в материальном его проявлении.

– Мистика, – сказал Ложкин.

– Никакой мистики, – возразил Терентий. – Результат трёхмесячного эксперимента. Мы с Василием рассудили, что можно прыгать с любой высоты по принципу трамплина. Чем скорее ты падаешь

вниз, тем скорее перебирай ногами и иди вперёд. И ни на секунду не останавливайся. А то каюк. И никто об этом раньше не догадывался, потому что люди как срывались вниз, так уже всё, пиши пропало. А надо равновесие соблюдать и помнить, что никакого падения нету, а есть только страх и разыгравшиеся нервы. Но пока людям не покажешь, они не верят. Вот сознался бы я вам, что хочу сойти пешком с колокольни без помощи лестницы или летательного аппарата. И что бы случилось? Поймали бы, связали и вместе с печкой – в клиническую больницу. Ведь со стороны даже посмотреть жутко, а когда сам впервые начинаешь, ещё страшнее.

– Я бы на первом метре помер от страха, – признался Стендаль.

– Умер бы и не испытал бы власти Человека с большой буквы над силами природы. Как Колумб.

– А отчего он умер? – спросил Стендаль, хотя понимал, что вопрос глупый.

– Нет, ты меня не понял. Я имел в виду, если бы Колумб трусил, никогда бы не открыл Америку, а, как и ты, на первом бы метре умер. Человеку всё должно быть подвластно – и земля, и вода, и воздушный океан. Это наш батя так сформулировал. А вы письма в редакции теряете.

Терентий дружески положил руку на плечо Стендалю. Опыт удался, и он теперь на редакцию не обижался. В Стендале он видел союзника, а для настоящего учёного много значит общественная поддержка.

– Если хочешь, Бальзак, я тебя научу. Начнём, правда, с небольших высот.

– Я пошёл, – сказал Ложкин. – Сердце колет. Кордиамину приму.

Он ушёл, шаркая галошами, а Терентий сказал ему вслед:

– Не поверил. Собственными глазами видел, а не поверил. И многие ещё не верят. А ты?

– Я верю. И сам бы попробовал. Только страшно.

– Ничего. Мне в первый раз тоже было страшновато. Поехали? Подвезу тебя и домой отправлюсь. Кстати, если вздумаешь без меня тренироваться, начинай со стола. А то ушибёшься.

У дверей редакции они расстались. И договорились, что через два дня, когда Стендаль сдаст номер газеты, он приедет к Зайкам с фотокорреспондентом. Стендаль долго смотрел вслед печке. В редакцию

возвращаться не хотелось. Шёл уже шестой час, начало смеркаться. Стендалю представилось, как он делает шаг с немыслимой высоты и шагает дальше как ни в чём не бывало, только ветер свистит в ушах и разлетаются в стороны вороны. Только бы не потерять равновесия.

Вялый мокрый снег валил с неба. Стендаль шёл, не думая, куда идёт, и ноги принесли его к реке, к пустырю за колокольней. Он кинул взгляд на колокольню, но искушение взобраться туда поборол.

Далеко внизу, под обрывом, текла тёмная холодная река, посреди неё плыл одинокий плотик. Стендаль старался думать о будущей статье и даже решил назвать её «По следам Бомбара». А дальше дело не пошло, потому что Стендаль вновь представил себе, как делает шаг... С дальнего низкого берега донёсся женский крик. Стендаль присмотрелся. Там, неясная в сумерках, металась одинокая женская фигура. Что такое? Правильно, на плотике, замерев от ужаса, сидел маленький сорванец.

Вчера бы Стендаль рассудил, что мальчишке ничего не угрожает. В конце концов плотик прибьёт к берегу. И может, сам Стендаль начал бы искать спуск с обрыва. Всё это было бы вчера. А сегодня Стендаль даже не задумывался. Он владел великой тайной. Главное – идти вперёд и не терять равновесия.

Самым страшным и трудным оказался первый шаг – воздух, зыбкий и бесплотный, не желал держать тяжёлое человеческое тело, словно болото, тянул вниз. Захотелось закричать, сжаться в комочек, чтобы не так ужасен был удар. Но Стендаль удержал раскинутые в стороны руки и заставил себя сделать быстрый шаг вперёд и ещё один шаг и тут почувствовал, что идёт, идёт, проваливаясь вниз, но тем не менее не падая. Он считал – раз-два-три, всё ускоряя счёт и понимая, что надо взглянуть вниз, далеко ли до воды, но взглянуть было некогда – надо было считать, ускоряя шаг и опираясь о воздух руками.

И вдруг случилось самое страшное – неожиданный порыв ветра толкнул его, и очки легонько соскользнули на нос. Стендаль сделал то, что делает каждый человек, когда его очки сползают на нос, – он поправил их. Рукой.

И, как птица с подстреленным крылом, тут же рухнул вниз.

На счастье, в тот момент Стендаль был только метрах в четырёх-пяти над чёрной водой и лишь десяти шагов не дошёл до плотика.

Но Стендаль удержал раскинутые в стороны руки
и заставил себя сделать быстрый шаг.

Белый столб воды, словно от разрыва снаряда или мины, поднялся вверх. Уходя в обжигающую холодом глубину, Стендаль успел подумать, что теперь он обязательно простудится.

А вода уже выталкивала его наверх, и Стендаль быстро замахал руками, отфыркиваясь и, конечно же, потеряв очки.

Плотик был недалеко. Его Стендаль различил сквозь пелену мокрого снега и сразу вспомнил о мальчишке. Цель прежде всего. Не чувствуя холода, Стендаль рванулся к плотику и уцепился за его край. Он плыл к берегу, толкая плотик перед собой. Сорванец на плоту не двигался, замер, молчал, наверное, думал о том, как его взгреют дома.

Наконец, а Стендалю казалось уже, что прошла вечность, он проплыл двадцать метров до берега. Под ногами обнаружилось скользкое покатое дно. Стендаль выпрямился, вода была по бёдра, и воздух был тёплым, даже горячим после студёной купели.

Он увидел женщину, подбежавшую к кромке воды, и сказал ей усталым, полным значения голосом, как пионер, остановивший поезд, которому грозило крушение:

– Держите ваше сокровище.

– Господи! – сказала женщина. – Ты вылезай из воды-то, простудишься.

Она нагнулась, взяла с плотика ведро с бельём и протянула свободную руку Стендалю, чтобы помочь ему выбраться на берег.

– Мостки обломились, – сказала она. – Сама не понимаю, как это случилось. Как уж я испугалась!..

Стендаль стоял на берегу рядом с женщиной, и его била крупная, как судорога, дрожь.

– Ты как же прыгнул-то? – спросила женщина. – Я даже и не заметила откуда. Пойдёшь ко мне, погреешься.

– Давайте ведро, – сказал Стендаль. – Я... я... я помогу вам его донести.

Любой, даже успешно закончившийся эксперимент (на это указывает и Бомбар) чреват опасностью побочных эффектов. На следующее утро Стендаль слёг в жестокой ангине. Через три недели он выбрался к Зайкам и узнал, что за два дня до него там побывал корреспондент одного столичного журнала.

КОСМИЧЕСКИЙ ДЕСАНТ

Было это в августе, в субботу, в жаркий ветреный день. Николай Ложкин, пенсионер, уговорил своих соседей профессора Минца Льва Христофоровича и Корнелия Удалова провести этот день на озере Копенгаген, отдохнуть от городской суеты, от семьи и работы.

Озеро Копенгаген лежит в двадцати километрах от города, туда надо добираться автобусом, потом пешком по тропинке, через смешанный лес.

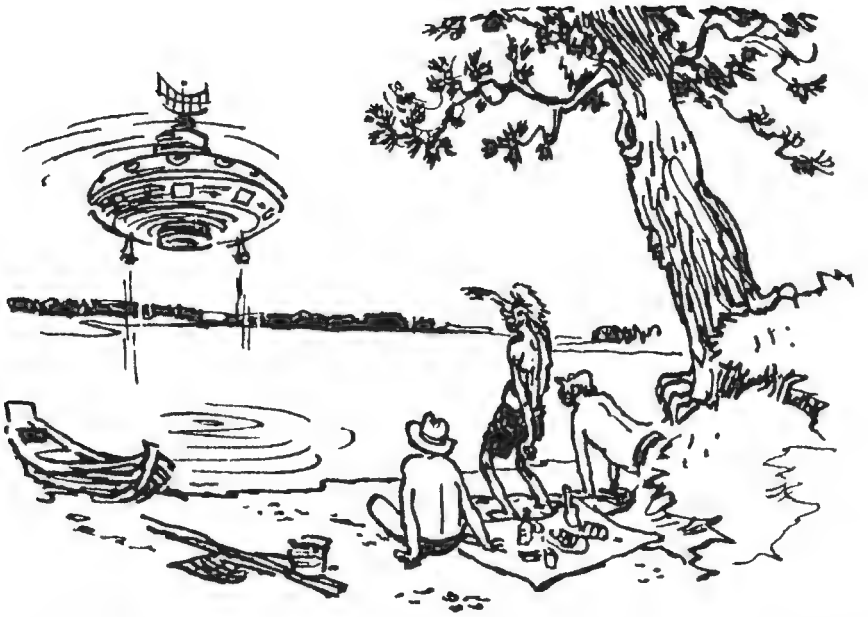
Название озера объясняется просто. Когда-то там стояла усадьба помещика Гуля (Гулькина), большого англомана, который полагал, что Копенгаген – английский адмирал. Название прижилось из-за странного для окрестных жителей звучания.

Корнелий Удалов притащил с собой удочки, чтобы порыбачить, профессор Минц – чемоданчик со складной лабораторией, хотел взять воду на пробу: он задумал разводить в озере мидий для народного хозяйства. Николай Ложкин желал загорать по системе йогов.

Для начала они выбрали место в тени, под коренастой сосной, устроили там лагерь – расстелили одеяло, положили на него припасы, перекусили и завели разговор о разных проблемах. На озере был ещё кой-какой народ, но из-за жары никто рыбу не ловил, отдыхали.

– Давно не было событий, – сказал Удалов. Он разделся, был в синих плавках с цветочком на боку и в газетной треуголке, чтобы не обжечь солнцем лысину.

– Обязательно будут события, – заверил старик Ложкин. – Погода стоит хорошая. Такого в наших местах не наблюдалось с 1878 года. – Для наглядности он нарисовал дату на песке, протянул стрелочку и написал рядом другую: 1978. – Столетие.



В этот момент над ними появился космический корабль. Он беззвучно завис над озером, словно облетел всю Галактику в поисках столь красивого озера, а теперь не мог налюбоваться.

– Глядите, – показал Удалов. – Космические пришельцы.

– Я же говорил, – сказал Ложкин.

– Такие к нам ещё не прилетали, – сказал Удалов, поднимаясь и сдвигая назад газетную треуголку. Вид у него был серьёзный.

Профессор Минц, который ещё не разделся, лишь ослабил галстук, также встал на ноги и расставил пальцы на определённом расстоянии от глаз, чтобы определить размеры корабля.

– Таких ещё не видели, – подтвердил Ложкин. – Это что-то новенькое.

– Издалека летел, – определил профессор Минц, закончив измерения. – Пю-мезонные ускорители совсем износились.

Удалов с Ложкиным пригляделись и согласились с Минцем. Пю-мезонные ускорители требовали ремонта.

Корабль медленно снижался, продвигаясь к берегу, и наконец завис над самой кромкой воды, бросив тень на песок.

– Скоро высадку начнут, – сообщил Удалов.

«Да, – подумал Ложкин. – Сейчас откроется люк, и на песок сойдёт неизвестная цивилизация. Вернее всего, она дружественная, но не

исключено, что могла пожаловать злобная и чуждая нам космическая сила с целью покорения Земли. А ведь никаких действий не предпримешь. До города двадцать километров, к тому же автобус ходит редко».

Из корабля выдвинулись многочисленные щупы и анализаторы.

– Измеряют условия, – произнёс Удалов.

Минц только кивнул. Это было ясно без слов.

Анализаторы спрятались.

И тут случилось неожиданное.

Открылся другой люк, снизу. Вместо космонавтов на берег, словно из силосной башни, вывалился ком зелёной массы, похожий на консервированный шпинат, такие консервы были недавно в гастрономе и шли на приготовление супа. Люк тут же захлопнулся. Зелёная масса расползлась по песку густым киселём и приблизилась к воде. Корабль взвился вверх и исчез.

– Похоже, – сказал Минц, – на водную цивилизацию.

Ложкин, который уже про себя отрепетировал приветственное слово, так как обладал жизненным опытом и опытом общественной работы, молчал. Зелёная масса не имела никаких органов, к которым можно было бы обратиться с речью. Поэтому Ложкин сказал шёпотом, чтобы кисельный пришелец не подслушал:

– Хулиганство в некотором роде. Всё озеро загадит, а люди купаются.

– Купаться пока не придётся, – ответил Корнелий Удалов. – Возможно, у пришельца нежные части и можно их повредить.

– Плесень он, а не пришелец, – пришёл к окончательному выводу Ложкин.

– Может, он радиоактивный? – спросил Удалов.

– Сейчас проверим.

Минц раскрыл чемоданчик, в котором находились складной микроскоп, спектрограф, счётчик Гейгера, пробирки, химикалии и другие приборы.

Старик Ложкин, проникшись недоверием к зелёному пришельцу, который уже частично вполз в воду и расплылся по её поверхности зелёной плёнкой, достал химический карандаш и на листе фанеры написал печатными буквами:

Купаться, ловить рыбу, стирать бельё
ЗАПРЕЩАЕТСЯ.
ОПАСНО!

Потом он прикрепил фанеру к сосновому стволу, и люди, сходившиеся к месту происшествия с других участков берега, останавливались перед объявлением и читали его.

Минц спустился к воде и нагнулся над зелёной жижей. Счётчик радиации молчал, что было утешительно.

– А не исключено, – сказал он Удалову, который стоял над ним, страховал сзади, – что это – космический десант.

– Жалко, – огорчился Удалов. – Я всегда стою за дружбу между космическими цивилизациями.

– Если эта зелёная плесень начнёт быстро размножаться, покроет слоем всю нашу планету, то инопланетным агрессорам нетрудно будет взять нас голыми руками.

– Можно попроще способ придумать.

– Что мы знаем об их психологии? – спросил Минц. – А если они всегда так покоряют чужие планеты?

Один из рыболовов сказал:

– Поеду домой. Мне с огорода надо помидоры снять. А то пришельцы всё потравят.

За ним последовали некоторые другие из купальщиков и рыболовов. Но основная масса осталась, потому что для среднего горожанина нет большего удовольствия, чем встреча с неведомым, прикосновение к тайнам космоса.

– Теперь, – заявил профессор Минц, – надо исследовать поведение плесени в водной среде.

Он начал брать пробы и смотреть на пришельца в микроскоп.

Удалов также не терял времени даром. Он сначала нарисовал в воздухе круг и треугольник, взывая к общему для всех разумных существ знанию геометрии, а затем достал из-под сосны свои брюки, чтобы наглядно объяснить пришельцу теорему Пифагора о штанах. Плесень не обратила внимания на усилия Удалова, но тут были обнародованы выводы Минца:

– Совершенно безопасная субстанция. Микроскопические водоросли, примитивные организмы, встречаются на Земле. Разумом не отличаются.

– Это ещё не факт, – возразил Удалов, но штанами махать перестал, а надел их. – Может, если сложить их вместе, получится коллективный разум.

– Если даже целое поле капусты сложить вместе, получится большая куча капусты, но никакого разума, – возразил Минц.

– А если она размножится и покорит Землю? – спросил Ложкин. – Вы же сами предупреждали, Лев Христофорович.

– У неё было много времени, чтобы это сделать в далёком прошлом. Миллиарды лет эта водоросль обитает на Земле.

– Она рыбу всю поморит, – высказал предположение молодой человек в тельняшке.

– Рыба её уже кушает, – сказал Минц.

Так рухнула теория о космическом десанте, пропала втуне заготовленная Ложкиным речь и провалились усилия Удалова по поводу теоремы Пифагора. Минц своё дело знал. Если он сказал, что кос-

мический корабль вывалил на берег озера Копенгаген просто кучу мелких водорослей, значит, так оно и есть.

Разочарованные зрители разошлись по берегу, а Минц с соседями сел под сосну у запретительной надписи и стал думать, что бы это всё значило. Не может быть, чтобы из космоса прислали корабль только для того, чтобы привезти кучу водорослей.

Водоросли, оставшиеся на берегу, быстро сохли под солнцем, чернели, впитывались в песок.

– Нам поставили логическую загадку, – предположил Удалов. – Нас испытывают. Испугаемся или нет.

– А сами наблюдают? – спросил Ложкин.

– Сами наблюдают.

Минц поднялся и пошёл по берегу, чтобы определить границы выпадения водорослей. Озеро жило своей мирной, тихой субботней жизнью, и ничто не напоминало о недавнем визите космического корабля. Минц споткнулся обо что-то твёрдое. Полагая, что это камень, он ударил носком по препятствию, но препятствие не поддалось, зато Минц, который был в лёгких сандалиях, ссадил большой палец.

– Ой! – сказал он.

Удалов уже спешил к нему на помощь:

– Что такое?

– Камень. Он водорослями покрыт.

Интуиция подсказала Удалову, что это не камень. Он быстро опустился на корточки, разгрёб водоросли, ещё влажные и липкие. И его старания были вознаграждены. Небольшой золотистый цилиндр, верхняя часть которого выступала из песка, медленно ввинчиваясь, уползал вглубь.

– А вот и пришелец, – сказал Удалов, по-собачьи разгребая обеими руками песок, чтобы извлечь цилиндр.

Цилиндр был невелик, но тяжёл. Минц живо достал из чемоданчика ультракоротковолновый приёмник, который оказался там только потому, что в чемоданчике было всё, что могло пригодиться, настроил его и сообщил:

– Так я и думал. Цилиндр издаёт сигнал на постоянной волне.

– И на нём что-то написано, – сказал Удалов.

И вправду, на нём было что-то написано.

Цилиндр развинтили. Внутри обнаружили свёрнутый в трубочку свиток металлической фольги с такими же буквами, как и на его оболочке.

– Похоже на эсперанто, – размышлял Минц, разглядывая текст. – Только другой язык. И неизвестная мне графика. Но ничего, окончания и префиксы просматриваются, знаки препинания угадываются, структура проста. Дайте мне десять минут, и я, как и любой на моём месте лингвистический гений, прочту этот текст.

– Вот и хорошо, – заключил Удалов. – А я побегу колбасу порежу и пиво открою.

Удалов приготовил пищу, Минцу тоже дали бутерброд, и через десять минут расшифровка была закончена, ибо Минц использовал в своей работе опыт Шампольона – Кнорозова и других великолепных мастеров, специалистов по клинописи и письменности майя.

– Внимание, – сказал Минц. – Если вы заинтересованы, я прочту перевод космического послания. Оно не лишено интереса. – Минц тихо хихикнул. – Сначала надпись на цилиндре: «Вскрыть через четыре миллиарда лет».

– Чего? – спросил Ложкин.

– За точность перевода ручаюсь.

– Тогда зря мы это сделали, – сказал Удалов. – Они надеялись, а мы нарушили.

– Мне столько не прожить, – сказал Ложкин. – Поэтому раскаиваться нечего. Кроме того, мы сначала вскрыли, а потом уже прочли запрещение.

– А теперь текст, – напомнил Минц. – «Дорогие жители планеты, название которой ещё не придумано...»

– Как так? – удивился Ложкин. – Наша планета уже называется.

– И это в космосе многим известно, – поддержал его Удалов.

Минц переждал возражения и продолжал:

– «Сегодня минуло четыре миллиарда лет с того дня, как автоматический корабль-сеялка с нашей родной планеты Прекрупицан совершил незаметный, но принципиальный шаг в вашей эволюции. Будучи адептами теории и практики панспермии, мы рассылаем во все концы Галактики корабли, груженные примитивной формой жизни – водорослями.

Попадая на ненаселённую планету, они развиваются, так как являются простейшими и неприхотливыми живыми существами. Через много миллионов лет они дадут начало более сложным существам, затем появятся динозавры и мастодонты, и наконец наступит тот счастливый в жизни любой планеты день, когда обезьяночеловек возьмёт в лапы палку и начнёт произносить отдельные слова. Затем он построит себе дом и изобретёт радио. Знайте же, что вы, наши отдалённые во времени-пространстве родственники по эволюции, благодаря изобретению радио поймали сигнал нашей капсулы, захороненной четыре миллиарда лет назад на берегу необитаемого и пустынного озера, потому что мы засеяли его воду примитивными водорослями. Мы не оставляем нашего обратного адреса – срок слишком велик. Мы подарили вашей планете жизнь и создали вас совершенно бескорыстно. Если вы нашли капсулу и прочли послание – значит, наша цель достигнута. Скажите нам спасибо. Счастливой эволюции, друзья!»

– Вот и всё, – закончил Минц, не скрывая некоторой грусти. – Они немного опоздали.

– Я же говорил, что они разумные, – сказал Удалов. – И никакой враждебности.

Удалов верил в космическую дружбу, и записка в цилиндре лишь укрепила его в этой уверенности.

Микроскопические водоросли плавали по озеру, и их ели караси. Но Ложкин вдруг закручинился...

– Ты чего? – спросил Удалов. – Чем недоволен? Адреса нету? Адрес мы узнаем. Слетаем к ним, вместе посмеёмся.

– Я не об адресе. Я думаю, может, поискать ещё одну капсулу?

– Какую ещё?

– Ну, ту самую, которую кто-то оставил на Земле четыре миллиарда лет назад.

РЕТРОГЕНЕТИКА

Славный майский день завершился небольшой образцово-показательной грозой с несколькими яркими молниями, жестяным нестрашным громом, пятиминутным ливнем и приятной свежестью в воздухе, напоённом запахом сирени. Районный центр Великий Гусляр нежился в этой свежести и запахах. Пенсионер Николай Ложкин

вышел на курчавый от молодой зелени, чистый и даже кокетливый по весне двор с большой книгой в руках. По двору гулял плотный лысый мужчина – профессор Лев Христофорович Минц, который приехал в тихий Гусляр для поправки здоровья, подорванного напряжённой научной деятельностью. Николай Ложкин любил побеседовать с профессором на умственные темы, даже порой поспорить, так как сам считал себя знатоком природы.

– Чем увлекаетесь? – спросил профессор. – Что за книгу вы так любовно прижимаете к груди?

– Увлёкся антропологией, – сказал Ложкин. – Интересуюсь проблемой происхождения человека от обезьяны.

– Ну и как, что-нибудь новенькое?

– Боюсь, что наука в тупике, – пожаловался Ложкин. – Сколько всего откопали, а до главного не докопались: как, где и когда обезьяна превратилась в человека.

– Да, момент этот уловить трудно, – согласился Лев Христофорович. – Может быть, его и не было?

– Должен быть, – убеждённо ответил Ложкин. – Не могло не быть такого момента. Ведь что получается? Выкопают где-нибудь в Индонезии или Африке отдельный доисторический зуб и гадают: человек его обронил или обезьяна. Один скажет: человек. И назовёт этого человека, скажем, древнеантропом. А другой поглядит на тот же зуб и отвечает: «Нет, это зуб обезьяний, и принадлежал он, конечно, древнепитеку». Казалось бы, какая разница – никто не знает! А разница в принципе!

Минц наклонил умную лысую голову, скрестил руки на тугом, обтянутом пиджаком животе и спросил строго:

– И что же вы предлагаете?

– Ума не приложу, – сознался Ложкин. – Надо бы туда заглянуть. Но как? Ведь путешествие во времени вроде бы невозможно.

– Совершенная чепуха, – ответил Минц. – Я пытался сконструировать машину времени, забрался во вчерашний день и там остался.

– Не может быть! – воскликнул Ложкин. – Так и не вернулись?

– Так и не вернулся, – сказал Минц.

– А как же я вас наблюдаю?

– Ошибка зрения. Что для вас сегодня, для меня вчерашний день, – загадочно ответил Минц.

– Значит, никакой надежды?

Профессор глубоко задумался и ничего не ответил.

Дня через три профессор встретил Ложкина на улице.

– Послушайте, Ложкин, – сказал он. – Я вам очень благодарен.

– За что? – удивился Ложкин.

– За грандиозную идею.

– Что же, – ответил Ложкин, который не страдал излишней скромностью. – Пользуйтесь, мне не жалко.

– Вы открыли новое направление в биологии!

– Какое же? – поинтересовался Ложкин.

– Вы открыли генетику наоборот.

– Поясните, – сказал Ложкин учёным голосом.

– Помните нашу беседу о недостающем звене в происхождении человека?

– Как же не помнить.

– И ваше желание заглянуть во мглу веков, чтобы отыскать момент превращения обезьяны в человека?

– Помню.

– Тогда я задумался: что такое жизнь на Земле? И сам себе ответил: непрерывная цепь генетических изменений. Вот среди амёб появился счастливый мутант, он быстрее других плавал в первобытном океане, или глотка у него была шире. От него пошло прожорливое и шустрое потомство. Встретился внук этой амёбы с жутко хищной амёбихой – вот и ещё шаг в эволюции. И так далее, вплоть до человека. Улавливаете связь времён?

– Улавливаю, – ответил Ложкин и добавил: – В беседе со мной нет нужды прибегать к упрощениям.

– Хорошо. Мы, люди, активно вмешиваемся в этот процесс. Мы подглядели, как это делает природа, и продолжаем за неё скрещивание, отбор, создаём новые сорта пшеницы, продолжаем эволюцию собственными руками.

– Продолжаем, – согласился Ложкин. – Хочу на досуге вывести быстрорастущий забор.

– Молодец. Всегда у вас свежая идея. Так вот, после беседы с вами я задумался, а всегда ли правильно мы следуем за природой? Природа слепа. Она знает лишь один путь – вперёд, независимо от того, хорош он или плох.

– Путь вперёд всегда прогрессивен, – заметил Ложкин.

– Тонкое наблюдение. А если нарушить порядок? Если всё перевернуть? Вы сказали: как бы увидеть недостающее звено? Отвечаю – распутать цепь наследственности. Прокрутить эволюцию наоборот. Углубляясь в историю, добраться до её истоков.

– Нам и без этого дел хватает, – возразил Ложкин.

– А перспективы? – спросил профессор, наклонив голову и прищурившись.

– Это не перспективы, а ретроспективы, – сказал Ложкин.

– Великолепно! – воскликнул Минц. – Чем пользуется генетика? Скрещиванием и отбором. Нашу с вами новую науку мы назовём ретрогенетикой. Ретрогенетика будет пользоваться раскрещиванием, открещиванием и разбором. Генетика будет выводить новую породу овец, которой ещё нет, а ретрогенетика – ту породу, которой уже нет. И учёным не надо будет копаться в земле. Заказал палеонтолог в лаборатории: выведите мне первого неандертальца, хочу поглядеть, как он выглядел. Ему отвечают: будет сделано.

– Слабое место, – заявил Ложкин.

– Слабое место? У меня?

– Ваш неандерталец жил миллион лет назад. Вы что же, собираетесь миллион лет ждать, пока его снова выведете?

– Слушайте, Ложкин. Если бы мы отдавались на милость природе, то сорта пшеницы, которые колосятся на колхозных полях, вывелись бы сами по себе через миллион лет. А может, и не вывелись бы, потому что природе они не нужны.

– Ну, не миллион лет, так тысячу, – не сдавался Ложкин. – Пока ваш неандерталец родится да ещё своих предков народит.

– Нет, нет и ещё раз нет, – сказал профессор. – Зачем же нам реализовывать все поколения? В каждой клетке закодирована её история. Всё будет, дорогой друг, на молекулярном уровне, как учит академик Энгельгардт.

– Ну ладно, выведете вы, что было раньше. А что дальше? Какая польза от этого народному хозяйству?

Ответ на свой вопрос Ложкин получил через три месяца, когда пожелтели липы в городском саду и дети вернулись из пионерских лагерей.

Лев Христофорович стоял у ворот и чего-то ждал, когда Ложкин, возвращаясь из магазина с кефиром, увидел его.

– Как успехи? – поинтересовался он. – Когда увидим живого неандертальца?

– Мы его не увидим, – отрезал профессор. Он осунулся за последние недели: видно, много было умственной работы. – Есть более важные проблемы.

– Какие же?

– Вы знакомы с Иваном Сидоровичем Хатой?

– Не приходилось, – сказал Ложкин.

– Достойный человек, заведующий фермой нашего пригородного хозяйства «Гуслярец». Зоотехник, смелый, рисковый. Большой души человек.

Тут в ворота въехал газик, из которого выскочил шустрый очкастый человечек большой души.

– Поехали? – предложил он, поздоровавшись.

– С нами Ложкин, – сказал Минц. – Представитель общественности. Пора общественность знакомить.

– Не рано ли? – обеспокоился Хата. – Спугнут.

– Нам ли опасаться гласности? – спросил Минц.

После короткого путешествия газик достиг животноводческой фермы. Рядом с коровником стоял новый высокий сарай.

– Ну что же, заходите, только халат наденьте.

Хата выдал Ложкину и Минцу халаты и сам тоже облачился. Ложкин ощутил покалывание в желудке и приготовился увидеть что-нибудь необычное. Может, даже страшное. Но ничего страшного не увидел.

Под потолком горело несколько ярких ламп, освещая кучку мохнатых животных, жевавших сено в дальнем углу.

Ложкин присмотрелся. Животные были странными, таких ему раньше видеть не приходилось. Они были покрыты длинной рыжей шерстью, носы у них были длинные, ноги толстые, как столбы. При виде вошедших людей животные перестали жевать и уставились на них маленькими чёрными глазками. И вдруг захрюкали, заревели и со всех ног бросились навстречу Хате и Минцу, чуть не сшибли их, ластились, неуклюже прыгали, а профессор начал доставать из карманов халата куски сахара и угощать животных.

– Что за звери? – спросил Ложкин, отошедший к стенке, подальше от суматохи. – Почему не знаю?

– Не догадались? – удивился Хата. – Мамонтята. Каждому ясно.

– Мне не ясно, – сказал Ложкин, отступая перед мамонтёнком, который тянул к нему недоразвитый хоботок, требуя угощения. – Где бивни, где хоботы? Почему мелкий размер?

– Всё будет, – успокоил Ложкина Минц, оттаскивая мамонтёнка за короткий хвостик, чтобы не приставал к гостю. – Всё с возрастом отрастёт. Ваше удивление мне понятно, потому что вам не приходилось ещё сталкиваться с юными представителями этого славного рода.

– Я и со старыми не сталкивался, – возразил Ложкин. – И прожил, не жалуюсь. Откуда вы их откопали?

– Неужели не догадались? Они же выведены методом ретрогенетики – раскрещиванием и разбором. Из слона мы получили предка

слонов и мамонтов, близкого к мастодонтам. Потом пошли обратно и вывели мамонта.

– Так быстро?

– На молекулярном уровне, Ложкин, на молекулярном уровне. Под электронным микроскопом. Методом раскрещивания, открещивания и разбора. И вы понимаете теперь, почему я отказался от соблазнительной идеи отыскать недостающее звено, а занялся мамонтами?

– Не понимаю, – сказал Ложкин.

– Вы, товарищ, видно, далеки от проблем животноводства, – вмешался Иван Хата. – Ни черта не понимаете, а критикуете. Нам мамонт совершенно необходим. Для нашей природной зоны.

– Жили без мамонта и прожили бы ещё, – упорствовал Ложкин.

– Эх, товарищ Ложкин. – В голосе Хаты звучало сострадание. – Вы когда-нибудь думали, что мы имеем с мамонта?

– Не думал. Не было у меня мамонта.

– С мамонта мы имеем шерсть. С мамонта мы имеем питательное мясо, калорийное молоко и даже мамонтовую кость.

– Но главное, – воскликнул Минц, – бесстойловое содержание! Круглый год на открытом воздухе, ни тебе утеплённых коровников, ни специальной пищи. А подумайте о труднодоступных районах Крайнего Севера: мамонт там – незаменимое транспортное средство для геологов и изыскателей.

Прошло ещё три месяца.

Однажды к дому № 16 по Пушкинской, где проживал Лев Христофорович, подъехала сизая «Волга», из которой вышел скромный на вид человек средних лет в дублёнке. Он вынул изо рта трубку, поправил массивные очки, снисходительно оглядел непритязательный двор, и его взгляд остановился на Ксении Удаловой, которая развешивала бельё.

– Скажите, гражданка, если меня не ввели в заблуждение...

– Вы корреспондент будете? – спросила Ксения.

– Вот именно. Из Москвы. А как вы догадались?

– А чего не догадаться, – ответила Ксения. – Восемнадцатый за неделю. Пройдите на первый этаж, дверь открыта. Лев Христофорович отдыхает.

Поднимаясь по скрипучей лестнице в скромную обитель великого профессора, журналист бормотал: «Шарлатанство. Ясно, шарлатанство. Вводят в заблуждение общественность...»

– Заходите, – откликнулся на стук профессор Минц.

Он в тот момент отдыхал, а именно: читал «Химию и жизнь», слушал последние известия по радио, смотрел хоккей по телевизору, гладил брюки и думал.

– Из Москвы. Журналист, – сказал гость, протягивая удостоверение. – Это вы тут мамонтов разводите?

Журналист произнёс это таким тоном, словно подразумевал: «Это вы водите за нос общественность?»

– И мамонтов, – скромно ответил профессор, прислушиваясь к сообщениям из Канберры и радуясь мастерству лучшего в сезоне хоккеиста.

– С помощью... – журналист извлёк из замшевого кармана записную книжку, – ретро, простите, генетики?

Доверчивый Минц не уловил иронии в голосе журналиста.

– Именно так, – подтвердил он и набрал из стакана в рот воды, чтобы обрызгать брюки.

– И есть результаты?

Минц провёл раскалённым утюгом по складке, поднялось облако пара.

– С этим надо что-то делать, – сказал Минц. Он имел в виду брюки и ситуацию в Австралии.

– И всё-таки, – настаивал журналист. – Можно взглянуть на ваших мамонтов?

– А почему бы и нет? Они в поле пасутся. Добывают корм из-под снега.

– Ясно. А ещё каких-нибудь животных вы можете вывести?

– Будете проходить мимо речки, – сказал Минц, – поглядите в полынью. Там бронтозавры. Думаем потом отправить их в Среднюю Азию для расчистки ирригационных сооружений.

В этот момент в окно постучала длинным, усеянным острыми зубами клювом образина. Крылья у образины были перепончатые, как у летучей мыши. Образина гаркнула так, что зазвенели стёкла и форточка сама собой открылась.

– Не может быть! – сказал журналист, отступая к стене. – Это что такое? Мамонт?

– Мамонт? Нет, это Фомка. Фомка – птеродактиль. Когда вырастет, размахнёт свои крылья на восемь метров.

Минц отыскал под столом пакет с тресковым филе, подошёл к форточке и бросил пакет в разинутый клюв образине. Птеродактиль подхватил пакет и заглотнул, не разворачивая.

– Зачем вам птеродактиль? – спросил журналист. – Только людей пугать.

Он был уже не так скептически настроен, как в первый момент.

– Как зачем? Птеродактили нам позарез нужны. Из их крыльев мы будем делать плащи-болоньи, парашюты, зонтики, наконец. К тому же научим их пасти овец и охранять стада от волков.

– От волков? Ну да, конечно... – Журналист прекратил расспросы и вскоре удалился.

«Возможно, это, до определённой степени, и не шарлатанство, – думал он, спускаясь по лестнице к своей машине, – но по большому счёту это всё-таки шарлатанство».

Весь день до обеда корреспондент ездил по городу, издали наблюдал за играми молодых мамонтов, недовольно морщился, когда на него падала тень пролетающего птеродактиля, и вздрагивал, заслышав рёв пещерного медвежонка.

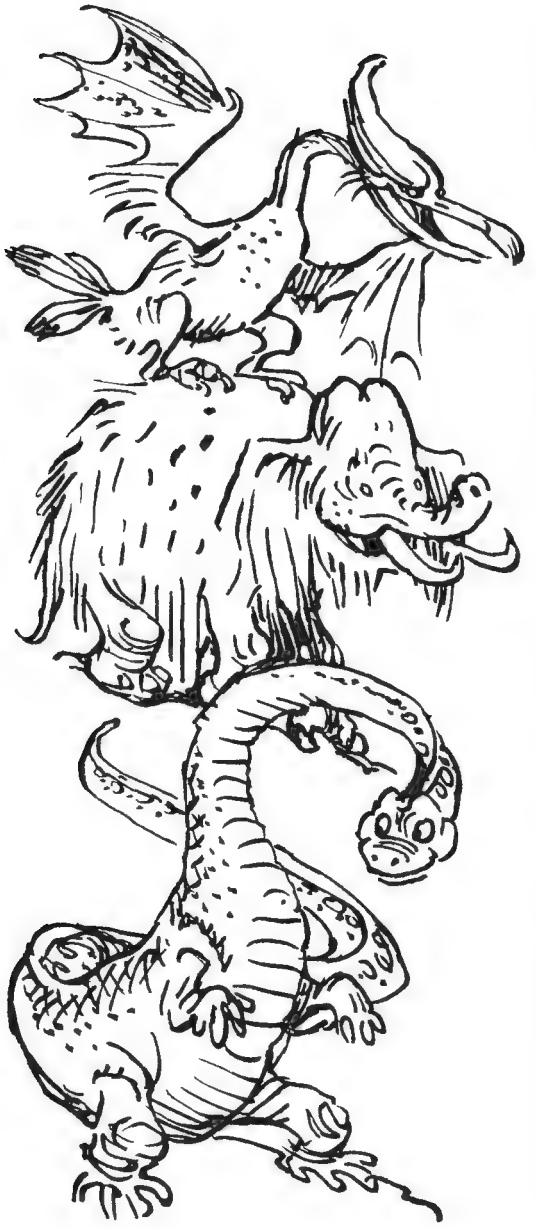
– Нет, не шарлатанство, – повторял он упрямо. – Но кое в чём хуже, чем шарлатанство.

Весной в журнале, где состоял тот корреспондент, появилась статья под суровым заглавием:

Плоды легкомыслия

Нет смысла передавать опасения и измышления гостя. Он предупреждал, что новые звери нарушат и без того неустойчивый экологический баланс, что пещерные медведи и мамонты представляют опасность для детей и взрослых. А в заключение журналист развернул страшную картину перспектив ретрогенетики:

«Безответственность периферийного учёного и пошедших у него на поводу практических работников гуслярского животноводства заставляет меня бить тревогу. Эксперимент, не проверенный на мелких и безобидных тварях (жуках, кроликах и т. д.), наверняка при-



ведёт к плачевным результатам. Где гарантия того, что мамонты не взбесятся и не потопчут зелёные насаждения? Что они не убегут в леса? Где гарантия того, что бронтозавры не выползут на берег и не отправятся на поиски новых водоёмов? Представьте себе этих рептилий, ползущих по улицам, сносящих столбы и киоски. Я убеждён, что птеродактили, вместо того чтобы пасти овец и жертвовать крыльями на изготовление зонтиков, начнут охотиться на домашнюю птицу, а может быть, на тех же овец. И всё кончится тем, что на ликвидацию последствий непродуманного эксперимента придётся мобилизовать трудящихся и тратить народные средства...»

Статья попалась на глаза профессору Минцу лишь летом.

Читая её, профессор лукаво улыбался, а потом захватил журнал с собой на открытие межрайонной выставки. Центром выставки, как и следовало предполагать, был павильон «Ретрогенетика». Именно сюда спешили люди со всех сторон, из других городов, областей и государств. Пробившись сквозь интернациональную толпу к павильону, Лев Христофорович оказался у вольеры, где гуляли мамонты.

Было жарко, поэтому мамонты были коротко острижены и казались поджарыми, словно собаки породы эрдельтерьер. У некоторых уже прорезались бивни. Птеродактили сидели у них на спинах и вы-

клёвывали паразитов. В круглом бассейне посреди павильона плавали два бронтозавра. Время от времени они тяжело поднимались на задние лапы и, прижимая передние к блестящей груди, выпрашивали у зрителей плюшки. У кого из зрителей не было плюшки, кидали пятаки.

Здесь, между вольерой и бассейном, Минц увидел Ложкина и Хату и прочёл друзьям скептическую статью.

Смеялись не только люди. Булькали от хохота бронтозавры, трубили мамонты, а один птеродактиль так расхохотался, что не мог закрыть пасть, пока не прибежал служитель и не стукнул весельчаку как следует деревянным молотком по нижней челюсти.

– Неужели, – сказал профессор, когда все отсмеялись, – этот наивный человек полагает, что мы стали бы выводить вымерших чудовищ, если бы не привили им генетически любви и уважения к человеку?

– Никогда, – отрезал Ложкин. – Ни в коем случае.

Птеродактиль, всё ещё вздрагивая от смеха, стуча когтями по полу, подошёл к профессору, и тот угостил его конфетой. Маленькие дети по очереди катались верхом на мамонтах, подложив под попки подушечки, чтобы не колола остриженная жёсткая шерсть. Бронтозавры собирали со дна бассейна монетки и честно передавали их служителям. В стороне скулил пещерный медведь, потому что его с утра никто не приласкал.

...В тот день столичного журналиста, неудачливого пророка, до полусмерти искусала его домашняя сиамская кошка.

СИЛЬНЕЕ ЗУБРА И СЛОНА

Глава первая

– Вам письмо, Мишенька, – прошелестела редакционная секретарша, беленькое пушистое существо с детским точным прозвищем Курочка.

Миша Стендаль поморщился. У него сидел пенсионер с жалобой, шёл солидный разговор о водопроводе, пенсионер величал Мишеньку по отчеству, так что обращение Курочки было неуместным.

– Положите на стол, Антонина Панфиловна, – сказал Миша.

Курочка вспыхнула от такого афронта и обиженно уцокала каблучками из комнаты. Миша вздохнул и обратился к пенсионеру:

– Продолжайте, я слушаю.

А сам покосился на письмо. Письмо было личное. «Гор. Великий Гусляр. Редакция газеты „Гуслярское знамя“. Т. Стендалю М. А.».

Но главное – обратный адрес. Стендаль даже перестал слушать пенсионера, только поддакивал и ждал момента, когда можно будет письмо вскрыть. Обратный адрес был такой: «Гуслярский район, Заболоцкое лесничество. Зайке Терентию Артуровичу».

Терентий Зайка был старым знакомым Стендаля, представителем семейства талантливых изобретателей. Месяца три назад Зайка приезжал в город на самоходной русской печи своего изобретения, и тогда Стендаль написал о нём яркий очерк, который был перепечатан в сокращённом виде в областной газете.

Стендаль давно просился к Зайкам в гости, ждал приглашения. И вот письмо.

Наконец пенсионер ушёл. Стендаль сразу потянулся к письму, вскрыл его и прочёл следующее: «Здравствуй, дорогой друг Михаил Бальзак!» Слово «Бальзак» было аккуратно зачёркнуто, и поверх написано: «Стендаль». Терентий вечно забывал, с каким великим писателем Миша однофамилец, – рассеянность, простительная для самородка.

«Пишет тебе Терентий Зайка, если вы меня не забыли. Жизнь у нас тихая, природа начинает оживать после зимней спячки, хотя до весны ещё не близко. Зимний период для нашей семьи выдался занятый. Надо подготовиться к лету, к борьбе с лесными пожарами, вредными

насекомыми и туристами, подкармливаем диких животных, ведём текущие дела и немало времени отдаём научной работе. Как вы знаете, Миша, наш батя Артур Иванович, мой брат Василий и лично я склонны к размышлениям. Раза два приезжали корреспонденты, жаль, что тебя с ними не было, но мы с чужими людьми держим себя сдержанно, потому что некоторые из них гоняются за сенсацией. Печка наша на ходу, не жалуемся. Последние три месяца мы посвятили биологии. Кое-чего добились. Если тебе интересно, приезжай к нам в субботу или воскресенье, буду ждать тебя с нетерпением, адрес ты знаешь.

Остаюсь преданный тебе друг Терентий».

От Гусляра до Заболотья полтора часа на автобусе, а оттуда до кордона по просёлку час пешком, если не будет попутки.

Когда Стендаль, одурев от долгой езды и духоты, выбрался из автобуса, его ждали.

Стоял хороший, яркий, морозный, искристый мартовский день. Солнце светило по крышам, бросало сиреневые тени от голых деревьев на серебристый снег, посреди площади стояла большая белёная – на снегу не сразу различишь – русская печь. В печке трепетал огонь, из трубы тянулся прозрачный дымок, рядом с печкой стоял Терентий Зайка собственной персоной в тёмном костюме, при галстуке, в блестящих ботинках.

– Эй! – обрадовался корреспондент. – Терентий! Какими судьбами? Не простудись!

– Здравствуйте, Миша, – ответил Терентий. – А я за вами.

По площади шли люди, бежали дети, никто не обращал внимания на русскую печь, на которой приехал Терентий. В округе привыкли к чудачествам Заек, но уважали за талант и добрый нрав.

В истории человечества встречаются гениальные изобретатели. Порой они имеют обыкновение уединяться для того, чтобы готовить гибель всему живому, или сходят с ума от одиночества. Совсем иное дело Зайки. Эта дружная семья состоит из Артура Ивановича, его сыновей Василия и Терентия, а также из Васиной жены Клавдии. В обыденной жизни эта семья ничем не отличается от окружающих. Василий и Терентий окончили в Заболотье среднюю школу, отслужили в армии, работают, учатся заочно в лесотехническом институте. Василий в этом году защищает диплом. Артуру Ивановичу не пришлось получить высшего образования – война помешала. Однако он начитан,

способен к иностранным языкам. В лесной глуши выучил английский, французский, японский, хинди, санскрит, латынь и некоторые другие. Полиглотство Артура Ивановича не пустое, оно направлено на чтение журналов и научной литературы. Василий и Терентий – верные помощники отцу и мастера золотые руки. В силу того что они работают коллективом, Зайкам удалось сделать некоторые изобретения, которые не по зубам целым научно-исследовательским институтам как у нас, так и за рубежом. Клава в этом коллективе служит здоровой оппозицией, критическим центром. Если она признала новую работу, работе открывается широкая дорога. Если забраковала, лучше сменить тему.

Есть в деятельности Заек и недостаток – мало кто с ней знаком. Виной тому излишняя скромность. Они даже порой заблуждаются, полагая: если даже что-то изобрели, всё равно в больших городах это давно известно.

Терентий принял у гостя из рук тяжёлую сумку с гостинцами и покачал головой:

– Зря вы себя так утруждали, Миша.

Стендаль забрался на лежанку, укутал ноги тулупом, Терентий подбросил в печку дровишек. Печка немного приподнялась на воздушной подушке, накренилась, сильнее потянуло дымом. Терентий сидел спереди, свесив ноги и управляя изящно вырезанными из дерева рычагами.

Печка шла мягко, километров сорок, не больше, ели покачивали тёмными лапами, белки выбегали на дорогу, приветствовали лесника взмахами хвостов.

– Ой! – сказал Стендаль. – Погляди.

На краю дороги стоял медведь оранжевого цвета. Медведь сложил на животе лапы и мычал, покачивая головой.

– Что, красиво? – спросил Терентий, притормаживая.

– Красиво? Да медведь-то оранжевый.

– Ясное дело, оранжевый, я не дальтоник, вижу.

Терентий метнул в медведя бубликом, тот подхватил подарок и удалился в лес.

– Мы преследовали две цели, – сказал Терентий, прибавляя скорость. – Во-первых, контроль над крупными хищниками. Его издали видно, хочешь – наблюдай, хочешь – контролируй численность.

– А вторая цель?

Оранжевая точка мелькнула в просвете между стволов и исчезла.

– Вторая цель – создание новых мехов. Ты ещё увидишь – у нас два зелёных волка бегают.

– Это великолепно! – воскликнул Стендаль. – И цвет крепко держится?

– Цвет натуральный. Другого не держим. А вот насчёт великолепно или нет, у нас разногласия.

– Почему же?

– А потому, что медведю тоже питаться надо. На одних ягодах не проживёшь, а он теперь в лесу как светофор. Вот и пришлось ему обратиться за помощью к людям. Подкармливаем. Или вот взять, к примеру, зелёных волков.

И тут Стендаль увидел, что по дороге, низко опустив головы и вытянув в струнку хвосты, вслед за печкой несутся два зелёных волка. Зрелище было почище, чем оранжевый медведь.

– Вот они!

– Они, это точно. Не бойся, они не кусаются. Они обедать торопятся.

И в самом деле, волки обогнали печку и пронеслись дальше.

– Летом такому волку раздолье – маскировка в лучших традициях. А зимой он – как пальма на снегу. Тоже пришлось взять на снабжение.

За такой беседой и коротали дорогу.

– А ты чего, Терентий, без пальто, в одном костюме? – спросил Стендаль. – Тоже изобретение?

И уже догадывался: или в синий костюм Терентия вживлены электрические нитки, или, может, вокруг него лежит силовое поле.

– С детства, – ответил Терентий, – имеем обыкновение обливаться холодной водой. Батя нас всегда в строгости держал. Вася, тот раньше в проруби регулярно купался. Теперь Клава возражает.

– Ясно, – сказал Стендаль с некоторым разочарованием. Очень уж сложно сплеталось в Зайках научное, передовое с обыденным. Печка въехала в открытые ворота.

Глава вторая

– Вы уж простите за нескромность, отведайте нашего, домашнего, – сказал Артур Иванович, приглашая гостя за стол. Стол был уставлен снедью.

Миловидная Клава в широких джинсах и белой, расшитой большими цветами куртке навыпуск смущённо зарделась, когда Стендаль похвалил пищу – телятину в кляре, артишоки, малиновый мусс, протёртый луковый суп и другие неприхотливые достижения домашней кулинарии.

– А ты, Клавочка, не стесняйся, – сказал Василий, очень похожий на младшего брата, такой же золотоволосый, тонкий и аккуратный. – Гость воздаёт тебе должное. Чего уж стесняться.

После сладкого Клава подала мужчинам кофе.

– Сами выращиваем кофе, – сказал Терентий. – В теплицах, на гидропонике. Жаль, ты рано приехал, ананасы ещё не поспели. К апрелю первые пойдут.

– А мы ему в город пошлём, – сказал Артур Иванович. – Пусть побалуется витаминами.

– Большое спасибо, – сказал Стендаль.

Он наслаждался уютом и гостеприимством Заек. От камина тянуло теплом, под ногами лежали разноцветные экспериментальные шкуры диких животных. В душе жило сладкое томительное ощущение грядущих чудес.

Артур Иванович, словно угадав мысли Стендаля, произнёс:

– Мы о вас, Миша, простите за прямоту, наслышаны от Терёши. Он очень тепло отзывается.

– Ну что вы!

– И вот решили мы показать вам наши последние опыты, а вы уж сами думайте, что достойно опубликования на страницах прессы, а с чем ещё надо погодить.

– Я готов! – Стендаль вскочил с мягкого кресла, готовый к действиям.

Глава третья

Зайки вывели Стендаля на голубой заснеженный двор. Уже вечерело. Приморaживало. Солнце спустилось к вершинам елей.

За высокой проволочной сеткой виднелось несколько тёмных холмиков.

– Ну вот, – сказал Артур Иванович. – Полагаем, простите, что это может вас заинтересовать. Поди сюда, баловница.

Один из холмиков зашевелился, и из него вытянулась вверх длинная шея с клювом на конце. Открылись стеклянные глупые глаза, страус поднялся на ноги и медленно, словно делал большое одолжение, подошёл к загородке. Вид страуса был несколько необычен, ибо он казался одетым в толстую шубу – такие у него были длинные перья или шерсть, даже ноги были укутаны. В мороз он чувствовал себя легко и вольно, не подумаешь, что тропическое существо.

Артур Иванович угостил страуса конфетой, и тот вежливо взял её сквозь сетку.

– Другие не встают, – сказал Артур Иванович, показывая на остальные холмики, из которых выросли длинные шеи и клювы повернулись к людям. – Другие на яйцах сидят. Это наше главное достижение. Что морозоустойчивые – куда ни шло, но что яйца на снегу научились высиживать – большое достижение. С пингвинами скрещивали. Внешний вид и размеры страуса, а повадки пингвиньи.

Стендаль смело сунул руку в загон, потрепал птицу по клюву и чуть не лишился пальца.

– Осторожнее, – укорил его Василий. – Он чужих не признаёт. Неукротимая птица.

– Значит, Миша, – подытожил Артур Иванович, – работаем мы в двух основных направлениях. Первое направление ты видал – это разноцветные животные. Вторая задача, которую решаем, – продолжал Артур Иванович, – приближение некоторых тропических животных, даже, простите за выражение, экзотических, к нашим условиям.

– Замечательно, – сказал Стендаль. – Вы разрешите написать об этом в нашей газете?

– Пиши, милый, – сказал Артур Иванович. – Пиши. Поможешь преодолеть трудности по внедрению в жизнь.

Они пересекли двор и пошли по просеке.

– А теперь, если хочешь, покажем тебе один незавершённый опыт, – сказал Артур Иванович. – Не для публикации, а для интереса.

Просека кончилась, упершись в поляну. Там находился загон, обнесённый толстыми брёвнами.

Посреди загона стоял зубр, какого Стендалю не приходилось видеть даже в зоопарке. Ростом он превосходил Стендаля, в длину достигал трёх метров, морда у него была тупая и безжалостная. Первобытное чудовище. Но, правда, натурального цвета. Стендаль, хоть и не трус, отступил на шаг от загородки.

– Внушает почтение? – спросил Терентий. – Вельзевулом зовут.

Вельзевул оглядел присутствующих маленькими злыми глазками и вдруг без предупреждения наклонил голову и бросился на людей. Брёвна, из которых была сложена изгородь, содрогнулись от страшного удара, и по всему лесу прокатился жуткий гул. С деревьев посыпался снег, взлетели испуганно вороны. Зубр отошёл на несколько шагов назад, чтобы возобновить нападение.

– Дикая сила, – сказал уважительно Артур Иванович. Он был здесь самый маленький, даже ниже и легче Клавочки, но единственный не отпрянул назад, когда зубр штурмовал бревенчатую преграду.

– Клава, ты готова?

– Готова.

– Смотри, осторожнее, – сказал Василий. Он был серьёзен.

Что-то будет, понял Стендаль.

Клава подошла к изгороди, оперлась рукой о бревно и легко перелетела в загон.

– Стойте! – вырвалось у Стендаля.

Но никто не поддержал его.

Зубр медленно повёл головой в сторону Клавы, пытаясь уразуметь своим маленьким мозгом, кто посмел нарушить его уединение.

– Ты, Миша, не беспокойся, мы не изверги, – улыбнулся Терентий. – Мы Клаву любим.

– Обратите внимание, пресса, – сказал Артур Иванович. – Это зрелище, простите за беспокойство, достойно внимания.

Клава спокойно ждала, пока зубр приблизится к ней. А тот сначала отступил для разгона и начал рыть снег копытом.

И вдруг с глухим рёвом бросился на Клаву.

Та стояла прямо, дублёнка распахнулась, шапочка чуть сбилась набок.

«Беги», – беззвучно шептал Стендаль.

Но Клавочка и не думала бежать. Она дотронулась кончиками пальцев до рогов несущегося Вельзевула, и всё дальнейшее произошло так быстро, что Стендалю захотелось закричать, как при наблюдении хоккейного матча по телевизору: «Ещё раз покажите! В замедленном темпе!»

Потому что Клава, взявшись за рога зубра, не только остановила эту махину, но и умудрилась неуловимым движением повалить зубра в снег.

И когда Стендаль опомнился, Клава уже стояла над тушей и придерживала ладошкой голову своего противника.

– Отпустить? – крикнула Клава.

– Отпусти, чего животное унижать, – откликнулся Артур Иванович. – И сюда беги, а то спохватится.

– Я быстро. – Клава отпустила зубра и легко побежала к изгороди. Зубр и не думал подниматься, он лежал, моргал глазками и переживал. Словно бандит, которому дал достойный отпор маленький ребёнок.

Клавдия уже стояла рядом с мужчинами.

– И что ты думаешь, Миша, по этому поводу? – спросил Терентий.

– Ничего не думаю, – сознался Миша. – Она что, какое-то место знает, чтобы его выключить?

Клава весело засмеялась. Она приблизилась к журналисту, дотронулась тонкими пальчиками до его груди, и в тот же момент Стендаль понял, что поднимается в воздух. Земля находилась где-то далеко внизу и притом была наклонена. Там же, внизу, всей семьёй стояли Зайки и, задрав головы, улыбались. А Клава держала Стендаля над головой на одной руке, и это не составляло для неё никаких трудностей, потому что она при этом спросила гостя:

– А скажите, Миша, это правда, что в гуслярском универмаге японские складные зонтики давали?

– Простите, я не в курсе, – откликнулся сверху Стендаль, хотя положение, в котором он находился, не склоняло к беседе о японских зонтиках.

– Отпусти его, Клава, – сказал Артур Иванович. – Он уже убедился. А то наука превращается в дешёвые шутки.

Клава осторожно поставила Стендаля на снег.

– Пошли домой, – сказала она. – Надо мне отдохнуть.

Зубр медленно поднимался на ноги, отворачиваясь от унизивших его людей.

– Клава, иди вперёд с Васей, – сказал Артур Иванович. – Ты помнишь, где глюкоза лежит?

– Сейчас, одну секундочку, – ответила молодая женщина, – надо ещё одно дело сделать, а то всё руки не доходят.

Она свернула с дороги к вылезающему из чащи клыкастому пню в три обхвата.

– Осторожно, шубку не замарай, – предупредил её Артур Иванович.

Клава легонько пошатала пень, как хирург пробует больной зуб, прежде чем взяться за него щипцами. Пень громко заскрипел.

– Ты его туда, в сторону положи, – сказал Василий. – Я его потом распилю.

Клава рванула пень, оглушительно взвыли рвущиеся корни, и откатила громаду, куда велел Василий.

– А теперь пошли, – сказала она, запахивая дублёнку.

Глава четвертая

Василий с Клавой покинули гостя. Остальные вернулись в горницу к камину.

– Как тебе, Миша, достижения Клавы? – спросил Терентий.

– Я с нетерпением жду объяснений! – ответил Стендаль, прихлёбывая из кружки квас, чтобы остудить свои чувства.

– Проще простого, – сказал Терентий. – Надо только задуматься. А мы, Зайки, очень даже любим задумываться.

Артур Иванович согласно кивнул.

– Вот ты задумывался, по какому принципу работают мышцы?

– Ну, сокращаются. И расслабляются.

– Это не принцип, – вздохнул Терентий. – А принцип у них – как у любого двигателя: сжигают топливо, выделяют энергию, совершают работу.

– Ну, разумеется, – согласился Миша.

– То-то, что не разумеется. Вот ты можешь, например, поднять двадцать килограммов.

– Больше, – утвердительно возразил Миша.

– А спортсмен может сто или даже двести. Для этого он такую массу мускулов на себе наращивает – смотреть страшно. И всё чтобы жалких двести килограммов поднять. Очень неразумно мы устроены.

– Здесь, Терёша, прости за вмешательство, ты не прав, – блеснул голубыми глазами Артур Иванович. – Устроены мы разумно, только ограничитель стоит на нашей машине. Чтобы топлива на подольше хватило. Умный человек пятьдесят килограммов на спину взвалит и весь день топает. А топливо в мышцах себе горит, идёт гликолиз, хра-

нится актомиозин. Подробностей тебе говорить не будем, всё равно, прости за недоверие, не поймёшь.

– Не пойму, – покорно согласился Стендаль.

– А если нам нужно всё топливо сразу истратить, костёр зажечь? Ведь мышцы на это способны. Их волокна такой крепости и эластичности, что ты, Стендаль, прости, не представляешь. Может, помнишь, в школе опыты делали: лягушачью лапку электротоком раздразни, она целую гирю поднимет. Так вот, представь себе, что мы ограничитель сняли, подбросили в мышцу креатинфосфат. И пускай всё топливо в мышцах сгорит за десять минут, зато результат достойный.

– А потом что? – спросил Стендаль. – Ведь природа жестоко наказывает тех, кто пренебрегает её законами.

– Смотри, как правильно рассуждает! – обрадовался Терентий.

– А ты не злоупотребляй, – сказал Артур Иванович. – Сделал своё дело, сразу в постельку, прими компенсацию и следуй режиму. Что же это за изобретение, если во вред человеку? И пока мы не изобретём способа быстро в человеке потерянную энергию восстанавливать, мы наше средство в народ не пустим, не опасайся.

– А когда опыты закончите? – спросил Стендаль деловито.

Ему уже виделась статья, которая прославит его в журналистском мире.

– Не спеши. Может, ещё год работать будем. А то получится опасное для окружающих баловство.

– Как жаль, что я не взял фотоаппарат!

– Ещё успеешь.

Стендаль не слушал. Он уже представлял себе, какие возможности откроются перед людьми. Ведь если в мозгу у человека тоже есть мышцы, можно будет за минуту придумать то, над чем бьёшься месяцами и впустую. Правда, эту мысль он высказывать вслух не стал, потому что не был уверен, есть ли в мозгу мускулы.

– И когда, вы думаете, можно будет об этих опытах написать?

– В конце лета приедешь, поговорим. А что, про мех и страусов для газеты не подойдёт?

Стендалю даже стыдно стало, словно он опорочил другие, тоже важные открытия.

– Я и не думал так. Я обязательно напишу о ваших замечательных достижениях.

Но проблема мышечного ограничителя настолько захватила воображение журналиста, что он с трудом мог думать о чём-либо ином.

Автобус приехал в Гусляр в двенадцатом часу ночи. Он остановился на площади, и немногочисленные пассажиры вышли на скрипучий снег. Стендаль поёжился от крепкого морозца, поднял воротник и поспешил домой.

Славный выдался день. День больших открытий и встреч с интересными людьми. Пройдёт месяц, может, два. Зайки пришлют, как договорились, условленную телеграмму, и Стендаль сразу опубликует в газете статью об антиограничителе. Первым из всех журналистов мира. Таковы преимущества дружбы с великими изобретателями. А пока надо написать очерк о домашнем хозяйстве лесников. И там будет светлый образ отважной и работящей Клавы, такой простой и такой привлекательной женщины...

ЛЕНЕЧКА-ЛЕОНАРДО

Предисловие

Долгое время в Великом Гусляре не происходило событий гражданского звучания. Пришельцы залетали туда из любопытства или из вредности, в крайнем случае в поисках галактического братства. Изобретения или стихийные бедствия случались бесконтрольно к социальному развитию города. А события областные или республиканские гуслярских дел не затрагивали.

Это было возможно до тех лишь пор, пока скорость развития нашего общества могла не ощущаться не только в Великом Гусляре, но и в Калуге. Как только эпоха застоя зашаталась, пошла трещинами, хоть на вид еще аппаратный корабль был непотопляем, некоторые новые веяния докатились и до Гусляра – все же там люди жили, а не картонные персонажи фантастических рассказов.

И тут, как только я поддался этому веянию, реакция на гуслярские рассказы, столь благожелательная и улыбчивая в первой половине семидесятых годов, в большинстве редакций стала куда более сдержанной. Доходило до случаев курьезных. Написал я как-то рассказ «Ленечка-Леонардо», а мне в журнале говорят:

– Голубчик, мы отлично понимаем, на какого Ленечку ты намекаешь. Тебе-то что, ты писатель, лицо безответственное. А нам надо держаться за свое место – ведь если нас выгонят, то и тебе негде будет печататься.

– Клянусь вам, – сопротивлялся я, – у меня Ленечка новорожденный и очень талантливый, а Ленечка, на которого вы намекаете, совсем пожилой, и таланты его ограничиваются областью художественной литературы.

– Поменяй Ленечке имя! – умоляли друзья-редакторы.

Честно говоря, давая имя герою-младенцу, я не вспомнил о Брежневе. Как и о миллионах Леонидов, живущих в нашей стране, каждый из которых имел право обидеться на меня за использование своего имени (к счастью, в те дни совершенно безболезненно прошел мой рассказ под ныне сомнительным названием «Если бы не Михаил»).

Мало-помалу отношение в издательских сферах к милому моему сердцу городку менялось к худшему. Я и не помышлял о складывании пальцев в кармане в фигу, а ее уже усматривали сквозь плотную брючную ткань.

Наступил день, когда мне пришлось впервые услышать фразу

– Принесите что-нибудь, только не-гуслярское.

– Почему?

– Потому что Гусляр – не настоящая фантастика.

А так как рассказы порой имеют обыкновение писаться сами по себе, без авторского разрешения, то у меня в столе начали накапливаться совершенно невинные, но географически опороченные рассказы.

«Ленечке-Леонардо» повезло больше. Хоть я капитулировал, махнул рукой и согласился, чтобы после двухлетнего «вылеживания» он вышел под названием «Лешенька-Леонардо». Но при первой же возможности, включая его в сборник, я вернул рассказу первоначальное название.

Лёнечка-Леонардо

– Ты чего так поздно? Опять у Щеглов была? – Всем своим видом Ложкин изображал покинутого, неухоженного мужа.

– Что ж поделаешь, – вздохнула его жена, спеша на кухню поставить чайник. – Надо помочь. Больше у них родственников нету. А

сегодня – профсоюзное собрание. Боря – член месткома, а Клара – в кассе взаимопомощи. Кому с Лёнечкой сидеть?

– И всё, конечно, тебе. В конце концов, родили ребёнка, должны были осознавать ответственность.

– Ты чего пирожки не ел? Я тебе на буфете оставила.

– Не хотелось.

Жена Ложкина быстро собирала на стол, разговаривала оживлённо, чувствовала вину перед мужем, которого бросила ради чужого ребёнка.

– А Лёнечка такой весёленький. Такой милый, улыбается... Садись за стол, всё готово. Сегодня увидел меня и лепечет: «Баба, баба!»

– Сколько ему?

– Третий месяц пошёл.

– Преувеличиваешь. В три месяца они ещё не разговаривают.

– Я и сама удивилась. Говорю Кларе: «Слышишь?» – а Клара не слышала.

– Ну вот, не слышала.

– Возьми пирожок, ты любишь с капустой. А он вообще мальчик очень продвинутый. Мать сегодня в спешке кофту наизнанку надела, а он мне подмигнул – разве не смешно, тётя Даша?

– Воображение, – сказал Ложкин. – Пустое женское воображение.

– Не веришь? Пойди погляди. Всего два квартала до этого чуда природы.

– И пойду, – согласился Ложкин. – Завтра же пойду. Чтобы изгнать дурь из твоей головы.

В четверг Ложкин, сдержав слово, пошёл к Щеглам. Щеглы, дальние родственники по материнской линии, как раз собирались в кино.

– Мы уж решили, что вы обманете, – с укором сказала Клара. Она умела и любила принимать одолжения.

– Сегодня Николай Иванович с Лёнечкой посидит, – сообщила баба Даша. – Мне по дому дел много.

– Не с Лёнечкой, а с Леонардо, – поправил Борис Щегол, завязывая галстук. – А у вас, Николай Иванович, есть опыт общения с грудными детьми?

– Троим высшее образование дал, – произнёс Ложкин. – Разлетелись мои птенцы.

– Высшее образование – не аргумент, – сказал Щегол. – Клара, помоги узел завязать. Высшее образование даёт государство. Грудной ребёнок – иная проблема. Почитайте книгу «Ваш ребёнок», вон на полке стоит. Вы, наверное, ничего не слыхали о научном обращении с детьми.

Ложкин не слушал. Он смотрел на ребёнка, лежавшего в кроватке. Ребёнок осмысленно разглядывал погремушку, крутил в руках, думал.

– Агу, – проговорил Ложкин, – агусеньки.

– Агу, – откликнулся ребёнок, как бы отвечая на приветствие.

– Боря, осталось десять минут, – напомнила Клара. – Где сахарная водичка, найдёте? Пелёнки в комоде на верхней полке.

Николай Иванович остался с ребёнком один на один.

Он постоял у постельки, любуясь мальчиком, потом, неожиданно для самого себя, произнёс:

– Тебе почитать чего-нибудь?

– Да, – сказал младенец.

– А что почитать-то?

– Селебряные коньки, – ответил Лёнечка. – Баба читала.

Язык ещё не полностью повиновался мальчику.

Лёнечка-Леонардо протянул ручонку к шкафу, показывая, где стоит книжка.

– Может, про репку почитаем? – спросил Ложкин, но ребёнок отрицательно подвигал головкой и отложил погремушку в сторону.

Ложкин читал книжку более часа, утомился, сам выпил всю сахарную водичку, а ребёнок ни разу не намочил пелёнок, не ныл, не спал, увлечённо слушал, лишь иногда прерывал чтение конкретными вопросами: «А что такое коньки? А что такое Амстелдам? А что такое опухоль головного мозга?»

Ложкин как мог удовлетворял любопытство младенца, всё более попадая под очарование его открытой яркой личности.

К тому времени, когда родители вернулись из кино, дед с мальчиком подружились, на прощание Леонардик махал деду ручкой и лепетал:

– Сколей плиходи, завтла плиходи, деда.

Родители не прислушивались к щебетанию крошки.

С этого дня Ложкин старался почаще подменять жену. Фактически превратился в сиделку у мальчика. Щеглы не возражали. Они были

молодыми активными людьми, любили кататься на коньках и лыжах, ходить в туристские походы, посещать кино и общаться с друзьями.

Месяца через два Лёнечка научился садиться в постельке, язык его слушался, запас слов значительно вырос. Лёнечка не раз выражал деду сожаление, что неокрепшие ножки не позволяют ему выйти на улицу и побывать в интересующих его местах.

Порой Ложкин вывозил Лёнечку в коляске, тот жадно крутил головкой по сторонам и непрестанно задавал вопросы: почему идёт снег, что делает собачка у столба, почему у женщин усы не растут и так далее. Ложкин как мог удовлетворял его любопытство. Дома они вновь принимались за чтение или Ложкин рассказывал младенцу о своей долгой жизни, об интересных людях, с которыми встречался, о редких местах и необычных профессиях. Как-то Лёнечка сказал деду:

– Попроси маму Клару, пусть разрешит мне учиться читать. Ведь шестой месяц уже пошёл. Я полагаю, что в моём возрасте Лев Толстой не только читал, но и начал замышлять сюжет «Войны и мира».

– Сомневаюсь, – ответил Ложкин, имея в виду и Льва Толстого, и маму Клару. – Но попробую.

Он прошёл на кухню, где Клара, только что вернувшись из гостей, готовила на утро сырники.

– Клара, – начал он, – что будем с Лёнечкой делать?

– А что? Плохо себя чувствует? Лобик горячий?

Клара была неплохой матерью. Сына она любила, переживала за него, сама укачивала перед сном, что, правда, ребёнку не нравилось, потому что отвлекало от серьёзных мыслей.

– Лобик у него хороший. Только мы с ним думали, не пора ли научиться читать. В его возрасте Лев Толстой, возможно, уже и писал.

– Что старый, что малый, – усмехнулась Клара. – Шли бы вы домой, дядя Коля. Завтра не придёте? А то я должна на службе задержаться. Да, и зайдите с утра на питательный пункт, за молоком и кефиром.

Ребёнка Клара не кормила, да Лёнечка и не настаивал на этом. Ему было бы неловко кормиться таким первобытным способом.

Как-то Лёнечку отнесли к врачу, сдать анализы и проверить здоровье. Всё оказалось в порядке, Лёнечка, по совету Ложкина, держал язык за зубами, но заинтересовался медициной – на него произвели впечатление обстановка в больнице и медицинская аппаратура.

– Знаешь, дедушка, – сообщил он Ложкину по возвращении, – мне захотелось стать врачом. Это благородная профессия. Я понимаю, что придётся упорно учиться, но я к этому готов.

В последующие недели Лёнечка всё-таки научился читать, и Ложкин подарил ему электрический фонарик, чтобы читать под одеялом, когда родители уснут.

Возникает естественный вопрос: а как же родители? Неужели они были так слепы и проглядели то, что было очевидно приходящему старику, который повторял своей жене: «Я углядываю знак судьбы в том, что ребёнка назвали Леонардо Борисовичем. Полтысячи лет Земля ждала своего следующего универсального гения. И вот дождалась». Нет, родители оставались в слепом убеждении, что произвели на свет обычного ребёнка.

За примерами недалеко ходить. В день Лёнечкиного девятимесячного юбилея Борис Щегол пришёл к нему в комнату с новой погремушкой. Лёнечка в это время сидел в кроватке и слушал, как Ложкин читает ему вслух «Опыты» Монтеня.

– Гляди, какая игрушечка, – показал Борис. Он, как всегда, спешил и поэтому собирался тут же покинуть сына, но Леонардик сказал вслух:

– Любопытно, что эта игрушка напоминает мне пространственную модель Солнечной системы.

Борис возмутился:

– Дядя Коля, что за чепуху вы ребёнку читаете? Как будто нет хороших детских книг. Про курочку и яичко, например, я сам покупал. Куда вы её задевали?

Ложкин не ответил, потому что Лёнечка из книжки про курочку делал бумажных голубей, чтобы выяснить принципы планирующего полёта.

Борис Щегол отобрал «Опыты» Монтеня и унёс книжку из комнаты.

Ещё через несколько дней произошла сцена с участием Клары Щегол. Она принесла Лёнечке тарелочку с протёртым супом, и, для того чтобы поставить её, ей пришлось смахнуть со столика несколько свежих медицинских журналов и словарей.

– Вы о чём здесь бормочете? – спросила она миролюбиво у Ложкина.

– Шведским языком занимаемся, – откровенно ответил Николай Иванович.

– Ну ладно, бормочите, – разрешила Клара.

Лёнечка положил ручку на ладонь старику: не обращай, мол, внимания.

Тут же они услышали, как в соседней комнате Клара рассказывает приятельнице:

– Мой-то кроха, сейчас захожу в комнату, а он бормочет на птичьем языке.

– Он у тебя уже разговаривает?

– Скоро начнёт. Он развитой. И что удивительно, к нам один старичок ходит, по хозяйству помогает, так он этот птичий язык понимает.

– Старики часто впадают в детство, – произнесла подруга.

Леонардик вздохнул и прошептал Ложкину:

– Не обижайся. В сущности, мои родители добрые, милые люди. Но как я порой от них устаю!

В комнату вошла Клара с приятельницей. Приятельница принялась ахать и повторять, какой крохотулечка и тютютенька этот ребёнок, и умоляла:

– Скажи: ма-ма.

– Мам-ма, – послушно ответил Лёнечка.

– Прелестный младенец. И как на тебя похож!

Тут младенцу надоело, и он обернулся к Ложкину:

– Продолжим наши занятия?

Женщины этих слов не слышали. Они уже говорили о своём.

Когда Лёнечка научился ходить, они с Ложкиным устроили тайник под половицей, куда старик складывал новые книги. Леонардик как раз принялся за свою первую статью о причинах детского диатеза. Чтобы не смущать родителей, он продиктовал Ложкину, и тот послал статью в химический журнал.

Где-то к полутора годам Лёня, неожиданно для Ложкина, начал охладевать к естественным наукам и принялся поглощать литературу на морально-этические темы. Его детское воображение поразил Фрейд.

– Что с тобой творится? – допытывался Ложкин. – Ты забываешь о своём предназначении – стать новым Леонардо и обогатить человечество великими открытиями. Ты забыл, что ты – гомо футурис, человек будущего?

– Допускаю такую возможность, – печально согласился ребёнок. – Но должен сказать, что я стою перед неразрешимой дилеммой. Помимо долга перед человечеством у меня долг перед родителями. Я не хочу пугать их тем, что я – моральный урод. Их инстинкт самосохранения протестует против моей исключительности. Они хотят, чтобы всё было как положено или немного лучше. Они хотели бы гордиться мною, но только в тех рамках, в которых это понятно их друзьям. И я, жалея их, вынужден таиться. С каждым днём всё более.

– Поговорим с ними в открытую. Ещё раз.

– Ничего не выйдет.

Когда на следующий день Ложкин пришёл к Щеглам, держа под мышкой с трудом добытый томик Спинозы, он увидел, что мальчик сидит за столом рядом с отцом и учится читать по складам.

– Ма-ма, Ма-ша, ка-ша... – покорно повторял он.

– Какие успехи! – торжествовал Борис. – В два года начинает читать! Мне никто на работе не поверит!

И тут Ложкин не выдержал.

– Это не так! – воскликнул он. – Ваш ребёнок тратит половину своей творческой энергии на то, чтобы показаться вам таким, каким вы хотели бы его увидеть. Он постепенно превращается из универсального гения в гения лицемерия.

– Дедушка, не надо! – в голосе Лёнечки булькали слёзы.

– Чтобы угодить вам, он забросил научную работу.

– Издеваешься, дядя Коля? – спросил Щегол.

– Неужели вы не замечаете, что дома лежат книги, в которых вы, Боря, не понимаете ни слова? Я напишу в Академию наук!

– Ах напишешь? – Борис поднялся со стула. – Писать вы все умеете. А как позаботиться о ребёнке – вас не дозовёшься. Так вот, обойдёмся мы без советчиков. Не дам тебе калечить ребёнка!

– Он вундеркинд!

Ложкин схватился за сердце, и тогда Борис понял, что наговорил лишнего, и сказал:

– И вообще, не вмешивайтесь в нашу семейную жизнь. Леонардик – обыкновенный ребёнок, и я этим горжусь.

– Не вмешивайся, деда, – попросил Лёнечка. – Ничего хорошего из этого не выйдет. Мы бессильны преодолеть инерцию родительских стереотипов.

– Но ведь вас тоже ждёт слава, – прибегнул к последнему аргументу Ложкин. – Как родителей гения. Ну представьте, что вы родили чемпиона мира по фигурному катанию.

– Это другое дело, – ответил Борис. – Это всем ясно. Это бывает.

И тогда Ложкин догадался, что Щегол давно обо всём подозревает, но отметает подозрения.

– Мы сегодня выучили пять букв алфавита, – вмешался в беседу Лёнечка. – И у папы хорошее настроение. С точки зрения морали, мне это важнее, чем все возможные открытия в области прикладной химии или свободного полёта.

– Боря, неужели вы не слышите, как он говорит? – спросил Ложкин. – Ну откуда младенцу знать о прикладной химии?

– От вас набрался, – отрезал Боря. – И забудет.

– Забуду, папочка, – пообещал Леонардик.

С тех пор прошло три года.

Скоро Леонардик пойдёт в школу. Он научился сносно читать и пишет почти без ошибок. Ложкин к Щеглам не ходит. Один раз он встретил Лёнечку на улице, ринулся было к нему, но мальчик остановил его движением руки.

– Не надо, дедушка, – сказал он. – Подождём до института.

– Ты в это веришь?

Лёнечка пожал плечами.

Сзади, в десяти шагах, шла Клара, катила коляску, в которой лежала девочка месяцев трёх от роду и тихо напевала: «Под крылом самолёта...». Клара остановилась, улыбнулась, с умилением глядя на своего второго ребёнка, вынула из-под подушечки соску и дала её девочке.

О ЛЮБВИ К БЕССЛОВЕСНЫМ ТВАРЯМ

В то июньское утро Корнелий Иванович проснулся рано. Настроение было хорошее, в теле бодрость. Он потянулся и подошёл к окну, чтобы посмотреть, какая погода.

Погода была солнечная, безоблачная, располагающая к действиям. И, окинув взглядом небо, Удалов поглядел вниз, во двор.

Посреди двора стоял небольшой бегемот. Он мерно распахивал розовую пасть, обхрупывая цветущий куст сирени.

– Эй, – бросил Удалов негромко, чтобы не разбудить домашних, – так не годится.

Сирень выдалась пышная, а бегемоту куст – на один зуб.

Бегемот Удалова не слышал, и поэтому Корнелий Иванович в одной пижаме выскочил из комнаты, побежал вниз по лестнице и только перед дверью спохватился: «Что же это я делаю? Бегу на улицу в одной пижаме, словно у нас во дворе бегемот. Если кому расскажешь, смеяться будут. Ведь у нас во дворе отродясь не было бегемотов».

Удалов стоял перед дверью и не решался на следующий шаг. Следовало либо приоткрыть дверь и убедиться, что глаза тебя не обманули, либо отправиться обратно чистить зубы и умываться.

Вот в этой нерешительной позе Удалова застал Александр Грубин, сосед с первого этажа, который услышал топот и заинтересовался, кому топот принадлежит.

– Ты что? – спросил он.

– Стою, – сказал Удалов.

– Так ты же бежал.

– Куда?

– На улицу бежал. Там что-нибудь есть?

Удалов чуть было не ответил, что там бегемот, но сдержался.

– Ничего там нет. Не веришь, посмотри.

– И посмотрю. – Грубин отвёл рукой Удалова от двери.

Он приоткрыл дверь, а Удалов отступил на шаг. Пышная, лохматая шевелюра Грубина, подсвеченная утренним солнцем, покачивалась в дверном проёме. Сейчас, сказал себе Удалов, он обернётся и произнесёт: «И в самом деле ничего».

– Бегемот, – сказал, обернувшись, Грубин. – Так он у нас всю сирень объест. И, как назло, ни палки, ничего.

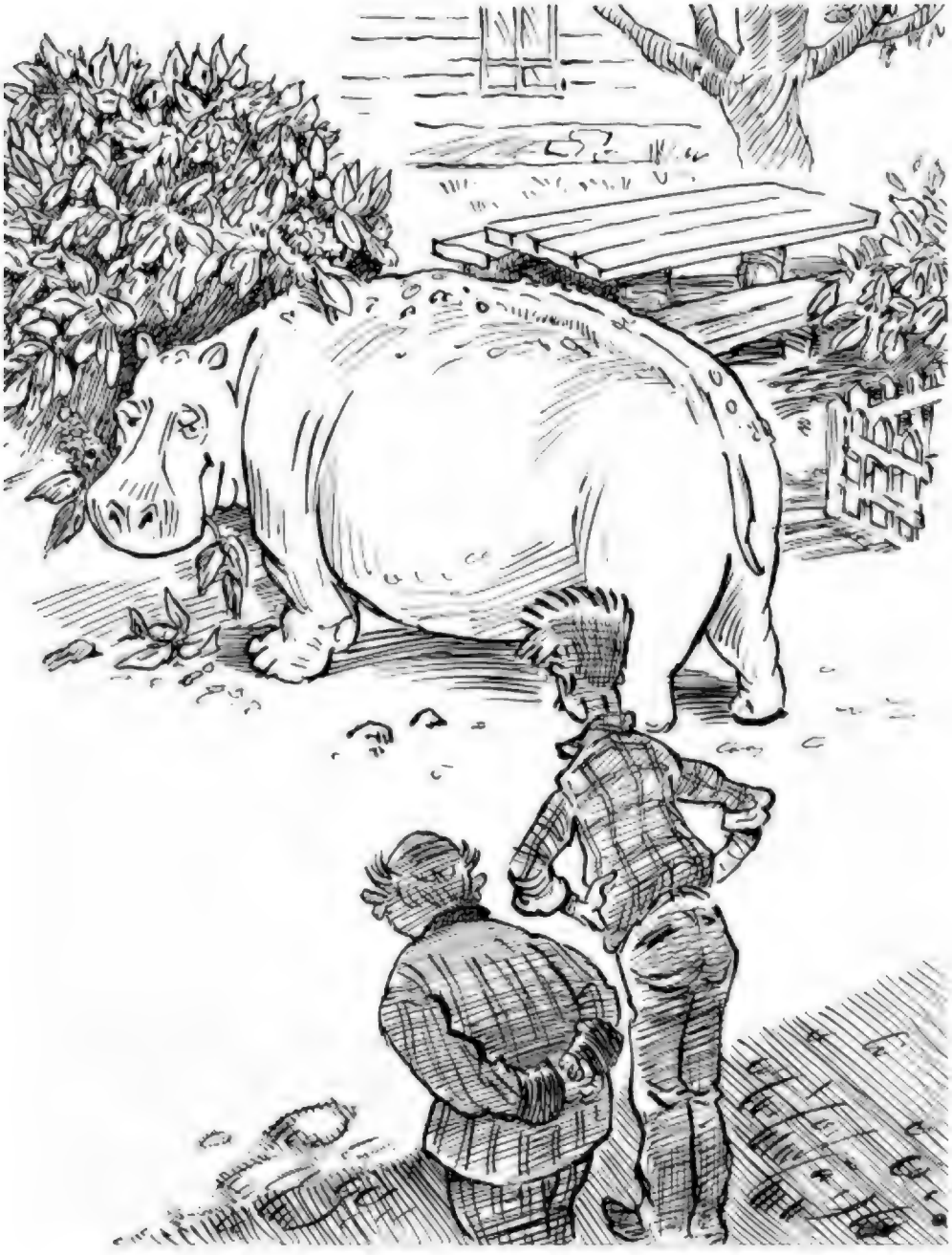
– Ты его рукой отгони, он смирный. – У Корнелия от сердца отлегло: лучше бегемот, чем сойти с ума.

Грубин вышел на солнце, Удалов следом. Грубин широкими шагами пошёл через двор к бегемоту, Удалов остался у стены.

– Эй! – крикнул Грубин. – Тебе что, травы не хватает?

Бегемот медленно повернул морду – из пасти торчала лиловая гроздь.

Грубин остановился в трёх шагах от бегемота.



Бегемот медленно повернул морду – из пасти торчала лиловая гроздь.

– Ну иди, иди, – приказал он.

Растворилось окно на втором этаже.

– Это чьё животное? – спросил старик Ложкин.

– Сам пришёл, – объяснил Удалов. – Вот и прогоняем.

– Разве так бегемотов прогоняют?

– А как?

– Сейчас я в Бреме погляжу, – сказал старик Ложкин и исчез.

– Мама! – закричал сын Удалова Максимка, также высунувшийся из окна. – Мама, погляди, у нас бегемот.

– Иди мойся, – послышался изнутри дома голос Ксении Удаловой. – Куда это Корнелий ни свет ни заря навострился?

Голос Ксении приблизился к окну. Удалов вжался в стену: в пижаме он чувствовал себя неловко.

– Ой! – вскрикнула Ксения пронзительным голосом.

Бегемот испугался, отворил пасть и уронил сирень на землю.

– Он папу съел? – спросил Максимка.

– Корнелий! – закричала Ксения, высовываясь по пояс из окна и заглядывая в бегемотову пасть, словно надеялась увидеть там ноги Удалова.

– Ксюша, – сказал Удалов, отделяясь от стены, – бегемоты, как известно, травоядные.

– Балбес! – откликнулась Ксения. – Я тебя в бегемоте гляжу, а ты, оказывается, на улице в голом виде выступаешь? Где на нём написано, что он травоядный? Может, он тебя за траву считает? Вон будку какую нагулял. Грубин, гони его со двора! Детям скоро в школу.

– Погодите, – вмешался старик Ложкин, появляясь в окне с коричневым томом Брема в руках. – Бегемоты совершенно безопасны, если их не дразнить. Кроме того, перед нами молодая особь, подросток. Грубин, смерь его в длину.

– Чем я его смерю?

– Руками.

– Я его трогать не стану. Дикое же животное.

– Откуда у нас во дворе дикое животное? – спросил Ложкин. – Ты соображаешь, Грубин, что говоришь? Он что, своим ходом из Африки пришёл?

– Не знаю.

– То-то. Цирковой он. Я по телевизору смотрел, как в цирке бегемоты выступают.

– Правильно, – добавила старуха Ложкина. – Выполняют функции слона, только размером экономнее. А ты бы, Грубин, пошёл штаны надел. В одних трусах на общественной площадке бегаешь. К тебе, Корнелий Иванович, это тоже относится.

– Ну! – поддержала старуху Ложкину Ксения. – Докатился!

– Так бегемот же во дворе, – оправдался Удалов, послушно отправляясь к дому.

Когда минут через десять Удалов вернулся во двор, возле бегемота стояли Ложкин и Василь Васильич, а также гражданка Гаврилова. Думали, что делать. В руке у Ложкина был Брем. В руке у Василь Васильича – длинная палка, которой он постукивал бегемота по морде, чтобы сохранить сирень.

– Стоит? – спросил Удалов.

– Куда же ему деться?

– Так говоришь, в цирке выступает? – спросил Василь Васильич Ложкина. – Значит, ему приказать можно?

– Попробуй.

– Сидеть! – приказал бегемоту Василь Васильич.

Бегемот потянулся к сирени, и снова пришлось легонько стукнуть его палкой по ноздрям.

– Где же его цирк выступает? – спросил Удалов.

– Где угодно, только не в нашем Гусляре, – ответил вернувшийся Грубин. – Я точно знаю. Цирк уж месяц как закрыт.

– Мужчины, скоро его со двора прогоните? – крикнула сверху Ксения Удалова. – Что мне, за милицией бежать прикажете?

– Из зоопарка, – сказала Гаврилова. – Я точно знаю.

– Ближайший зоопарк в трёхстах километрах. И всё больше лесом, – возразил Грубин. – Вернее всего, это животное синтетическое, теперь химия достигла громадных успехов. Может быть, где-то здесь уже целая фабрика работает. Смешивают белки и аминокислоты.

Бегемот с тоской и укором взглянул на Грубина. Тот замолчал.

Удалов взял у Василь Васильича палку и стал подталкивать бегемота в бок. Делал он это не очень энергично и с опаской. Раньше ему не приходилось гнать со двора бегемотов.

– Моё терпение лопнуло! – пригрозила из окна Ксения.

Бегемот глядел на Удалова. Из маленьких глаз текли крупные слёзы.

– Погоди, Корнелий, – остановил его Василь Васильич, – ты же его палкой, как корову. Нехорошо получается.

– Вдали от дома, от семьи, – проговорила старуха Ложкина. – Одинокий подросток, а что он будет в лесу делать?

– Пропустите, – послышался детский голос.

Сквозь тесную группу жильцов прошёл сын Удалова Максимка. Он прижимал к груди батон. Поравнявшись с отцом, Максимка остановился и поглядел Корнелию в глаза. Удалов безмолвно кивнул.

Обеими руками Максимка протянул бегемоту батон, и животное, после некоторого колебания, словно не сразу поверив в человеческую доброту, приоткрыло пасть и приняло дар.

Затем Максимка достал из кармана школьной курточки чистый носовой платок и утёр бегемоту слёзы. Удалов громко кашлянул:

– Всегда бы так.

К вечеру освободили от рухляди сарай в углу двора. Когда-то там стоял мотоцикл Погосяна, да потом Погосян уехал из Гусляра, и в сарай складывали что не нужно, но жалко выкинуть.

В старое корыто налили воды, а в детскую ванночку собирали пищу – у кого остался недоеденный суп или овощи. Дверь в сарай закрывать не стали, чтобы бегемот не скучал.

...К вечеру полгорода знало, что в доме шестнадцать по Пушкинской живёт приблудный бегемот, неизвестно чей, не кусается, питается пищевыми отходами. Люди с других улиц приходили посмотреть. Экскурсиями ведал Ложкин: как пенсионер, он был свободнее других.

На следующее утро в городской газете появилось такое объявление:

Найден молодой бегемот.
Масть серая, на клички не отзывается.
Владельца просят обращаться по адресу:
г. Великий Гусляр, Пушкинская ул., 16, вход со двора.

Никто на объявление не откликнулся. Дали телеграмму в областной зоопарк, запрашивали, не потеряли ли там бегемота. Если потеряли, то можно взять обратно в целости.

А тем временем проходили дни. Бегемот много ел, спал, гулял, узнавал Максимку, ходил с ним гулять к колонке, где Максимка обливал его водой и тёр щёткой. Как-то через неделю Грубин с Василь Васильичем взяли с собой бегемота на пляж. Была сенсация. Бегемоту на пляже нравилось, он опускался в реку Гусь по самые ноздри, ребятишки забирались на его широкую спину и ныряли. Спасатель Савелий, играя мышцами, предложил Грубину:

– Может, уступишь его нам заместо дельфина, вытаскивать утопающих?

– Нет, – ответил Грубин. – Спасибо за предложение.

– Почему же? – удивился Савелий. – Мы ему зарплату определим, пойдёт на благоустройство вашего двора.

– Во-первых, – объяснил Грубин, – бегемот не наш. Во-вторых, он по сравнению с дельфином – круглый дурак. Ещё потопит кого. Ты где-нибудь читал, чтобы бегемоты людей спасали?

– Ничего я не читал, – признался Савелий. – Некогда. Дела.

В последующие дни были другие события: ночью бегемот убежал, и его поймали с фонарями у самой реки, ещё через день он наступил на кошку, и пришлось кошку везти к ветеринару, в четверг он догнал Гаврилову, схватил сумку с продуктами и проглотил целиком, включая пачку стирального порошка «Лотос», отчего целый день из бегемота шла пена. В пятницу он забрался на кухню к Василь Васильичу и выпил горячий суп из кастрюли на плите – потом ему мазали язык сливочным маслом. В субботу жильцы дома № 16, охваченные грустью, сошлись на совещание.

– Разумеется, – начал Ложкин, – мы ставим эксперимент для науки и делаем благородное дело.

– Принюхайся, сосед, – перебил его Удалов. Во дворе сильно пахло хлевом. Бегемот, как и всякое живое существо, не только ел. – Жаль, что он не синтетический, как Грубин предполагал.

– Я от своей теории не отказываюсь, – сказал Грубин. – Вы даже представить не можете могущества современной химии.

– И кормить его не очень просто, – сказала жена Ложкина. – Мы теперь себя даже ограничиваем.

– А куда его денешь? – спросил Удалов. – Куда, спрашивается? Что ответил на нашу телеграмму областной зоопарк?

Все помолчали. Ответ на бланке читали и обижались, но работников зоопарка тоже можно понять. Как бы вы на их месте ответили людям из северного городка, которые запрашивают, что им делать с бегемотом? Ясно, как бы вы ответили? Вот они и ответили.

– А я сегодня на животноводческую ферму ходил, – сказал Василь Васильич.

Бегемот высунул из сарая тупую морду и тихонько замычал. Требовал, чтобы вели к колонке. Удалов отмахнулся.

– Ну и что на ферме?

– Отказались. Наотрез. Бегемот, говорят, молока не даёт, а вкусовые качества его мяса под большим сомнением.

– То есть как под сомнением? – удивился Грубин. – Они что, резать его хотели?

– Я бы не дал, – сказал Василь Васильич. – Вы не думайте. Но вообще-то говоря, они скот держат либо за молоко, либо за мясо, либо за шерсть. Четвёртого им не дано.

Бегемот выбрался из сарая, подошёл поближе.

– Ну вот, опять жрать захотел, – сообщил Ложкин.

Во двор вышла Гаврилова с миской щей. Бегемот увидел её и поспешил за кормёжкой, раскачивая толстым задом.

– Вот что, – решил наконец Удалов. – Я завтра перед работой зайду в домоуправление за справкой, что у нас обитает бегемот. С этой справкой ты, Ложкин, съездишь в область, пригласишь сотрудника из зоопарка. Ведь должны они документу поверить.

На том и порешили. Бегемот в тот вечер обошёлся без купания. А Удалов лёг спать в смятении чувств, долго ворочался и вздыхал...

...Он встал в сиреневой мгле разбитый и злой. Вспомнил, что его очередь убирать за скотиной. Взял в коридоре поганое ведро и метлу и отправился во двор к сараю.

– Небось дрыхнешь, – сказал он, заглядывая в тёплый, пропахший бегемотовым навозом сарай.

Он ожидал услышать знакомый храп, но в сарае было совсем пусто.

Удалов сразу же выглянул во двор – не открыты ли ворота? Не хватало, чтобы бегемот выскочил на улицу и пошёл сам купаться. Ещё с машиной столкнётся. Но ворота были закрыты.

– Эй, толстый, – позвал Удалов. – Ты где прячешься?

Никакого ответа.

Тревожное чувство подкатилось к груди Удалова.
На полу, на перевёрнутом корыте, лежала записка:

«Дорогие друзья! Простите за то, что, по незнанию языка, я не мог с вами объясниться и сразу поблагодарить за заботу обо мне, бессловесной твари, за человеческое тепло, которым вы окружили меня в этом скромном доме. Как приятно сознавать, что, несмотря на значительную разницу в форме тела и габаритах, вы не пожалели разделить со мной кров и великолепную пищу. Вот воистину замечательный пример галактического содружества! Я не понял ни слова из того, о чём вы говорили в моём присутствии, но дружеские интонации убедили меня в вашей отзывчивости. Благодарю судьбу за то, что она заставила мой космический корабль потерпеть крушение именно над вашим домом! Теперь за мной прилетели друзья, они перевели мою скромную благодарность на ваш язык, и я спешу присоединиться к ним. Но ненадолго. Как только я им объясню ситуацию, они прибудут к вам в гости, потому что я хочу доказать им, что самые добрые и щедрые существа в Галактике обитают именно в доме № 16 по Пушкинской улице.

Искренне ваш Тримбукаунл-пру».

– Ну и дела, – сказал Удалов, дочитав записку. – Может, даже лучше, что бегемот ничего не понял. Мы же его за дурака принимали. А это любому неприятно.

Надо было будить соседей, рассказать им, что произошло, и вместе с ними порадоваться. Но тут ворота затрещали и упали внутрь.

Во двор входило целое стадо бегемотов. Разного роста и толщины бегемоты толпились, чтобы скорей добраться до Удалова и подивиться на самых добрых людей в Галактике.

– Погодите! – воскликнул Удалов, вздымая руки. – Вы же меня растопчете.

Два бегемотика уже бросились к сирени и принялись доедать куст, громадный бегемот в синих очках походя сломал берёзку и хрупал её, как былинку, остальные запрудили двор и вежливо ждали, когда их начнут угощать завтраком.

Удалов почувствовал, что теряет сознание.

Светило солнце. Было утро. За окном тихо.

Сон. Всего-навсего. Ну и ладушки. Что-то надо сделать? Ага, сегодня его очередь убирать за бегемотом.

Удалов спустился вниз, взял поганое ведро и метлу и пошёл через двор к сараю.

Бегемот ещё спал. Он лежал на боку и громко храпел. Удалов стал убирать навоз и думал, что сегодня придётся остаться без завтрака: надо успеть до работы получить справку в домоуправлении, что во дворе живёт бегемот, а не плод коллективной галлюцинации. И пора Ложкину ехать в зоопарк за специалистом. Скучает животное в одиночестве, да и дом долго не выдержит такого гостя.

Бегемот всхлипнул во сне и медленно перевернулся на другой бок. Удалов замер, опершись на метлу. Печальная мысль пришла ему в голову:

«...Вот свезём мы его в зоопарк, а прилетят его товарищи? Что мы им скажем? Что отдали астронавта в зверинец, поместили в клетку на потеху толпе?

А что они нам на это ответят?»

ПАРОВОЗ ДЛЯ ЦАРЯ

Небольшой космический корабль упал во дворе дома № 16 по Пушкинской улице. Шёл дождь со снегом, осень заканчивала своё дело. Упал он бесшумно, так что Корнелий Удалов, который шёл на работу, сначала даже не сообразил, какие гости пожаловали прямо к дому.

Корабль повредил край сарая, шмякнулся в лужу, поднял грязь и брызги. И замер.

Удалов вернулся от ворот, обошёл корабль вокруг, прикрываясь от дождя цветным пляжным зонтиком, позаимствованным у жены, постучал корабль по боку, надеясь на ответный сигнал, и, не дождавшись, отправился будить соседа Александра Грубина.

– Саша, – сказал Удалов, толкнув пальцем форточку на первом этаже. Форточка отворилась. – Саша, вставай, к нам космический корабль во двор упал.

– Рано ещё, – послышался сонный голос Грубина. – Восьми нету.

– Молчит, не откликается, – сказал Удалов. – Может, авария случилась?

– А большой корабль? – спросил Грубин.

– Нет, метра три. Системы «летающее блюдце»...

– А опознавательные знаки есть?

– Опознавательных знаков не видно.

– Ты посторожи, я сейчас оденусь. Дождь на дворе?

– Мерзкая погода. И надо же было ему именно сегодня упасть! У меня в девять совещание.

Удалов вернулся к кораблю, отыскал люк, постучал в него.

– Стемивурам зас? – спросили изнутри.

– Это я, Удалов, – представился Корнелий Иванович. – Вы нарочно к нам приземлились или как?

– Послити, маратакра, – сказал голос изнутри.

– Открывай, открывай, я подожду, – ответил Удалов.

Люк щёлкнул, отворился.

Внутри стоял, протирая заспанные глаза, неизвестный Удалову встрёпанный космонавт в пижаме.

Внешне он напоминал человека, если не считать чрезвычайно маленького, по пояс Удалову, роста, зеленоватой кожи и жёстких волос, которые пучками росли на лбу и на кончике носа.

– Прекграни вслука! – воскликнул космонавт, поглядев на небо, потом на Удалова и на строения, окружающие двор.

– Погода как погода. Для этого времени года в наших широтах мы лучшего и не ждём.

Космонавт поёжился на ветру и произнёс:

– Струку, крапатака.

– Оденься, – сказал Удалов. – Я подожду.

Он заботливо прикрыл за ушедшим космонавтом люк, а сам зашёл за бок корабля: там меньше хлестало дождём. Розовая краска с корабля облезла – видно, не первый день его носило по космическим далям.

Пришёл Грубин, накрытый армейской плащ-палаткой.

– Этот? – спросил он, указывая на корабль.

– Вот именно, – подтвердил Удалов.

– Некрупный. А ты как, достучался?

– Сейчас оденется, выйдет.

– Он к нам с визитом или как?

– Ещё не выяснил. Погода ему наша не понравилась.

– Кому такая понравится! Не Сочи.

– Всегда я жду чего-нибудь интересного от прилёта межзвёздных гостей. Развития технологии, науки, искусств, – сказал Удалов. – Даже сердце замирает от перспектив.

– Погоди, может, у него враждебные цели, – сказал Грубин.

– Не похоже. Он в пижаме был, видно, проспал посадку.

– А на каком языке говорит?

– Язык пока непонятен. Ну ничего, расшифруем.

Расшифровывать язык не пришлось. Люк заскрипел, отворился, на землю соскочил космонавт, на этот раз в прозрачном плаще и такой же шляпе.

– Ну что ж, – проговорил Удалов. – Только учтите, что у меня в девять начинается совещание.

Космонавт вытащил из кармана чёрную коробочку с дырками, затянутыми сеточкой. Включил нажатием кнопки.

– Переводчик у тебя такой, что ли? – догадался Грубин.

Чёрная коробочка сразу произнесла:

– Вокрочитук па ла-там-пракава?

– Воста, – сказал космонавт, и коробочка повторила:

– Правильно.

С этого момента общение между космонавтом и людьми упростилось. Да и догадка Удалова оказалась правильной: космонавт принадлежал к развитой и продвинутой цивилизации.

Общаться с таким представляло большой интерес.

– Что за планета? – спросил космонавт.

Ему было холодно, он переступал с ножки на ножку, и потому Грубин предложил:

– Зайдёмте ко мне, поговорим в тепле. Ну что за беседа на такой погоде.

– Если, конечно, не спешите, – добавил Удалов.

Космонавт махнул ручкой, что означало: куда уж спешить, и они пошли через двор к Грубину.

Космонавт вёл себя прилично, вытер ноги, правда, по причине малых размеров на стул его пришлось подсадить.

– Планета наша называется Землёй, – начал, когда все устроились, Удалов. – Завтракать будете?

– Нет, спасибо, – отказался космонавт. – Это в каком секторе?

– Сами понимаете, – объяснил Удалов, – у вас свой счёт на сектора, у нас – свой.

Тем временем Грубин принёс бутылку кефира, налил себе и космонавту. Удалов отказался, потому что завтракал. Космонавт принюхался к кефиру и сообщил, что слишком кисло, а у него желудок слабый.

– А вы откуда будете? – спросил Удалов.

– С Вапраксилы, – ответил космонавт.

Но это тоже ничего не сказало Удалову. Потому что Вапраксила свободно могла именоваться альфой Птолемея или бетой Центавра.

– И чего пожаловали? Экспедиция?

– Нет, – сказал космонавт, которого звали Вусцем, – нечаянно я к вам попал. Сломалось у меня что-то. Или в приборах, или в двигателе. Вообще-то, я летел к моей тётке на Крупису, а вылезаю – оказывается, не Круписа.

– Нет, у нас не Круписа, – сказал Удалов.

– Хотя погоди, – перебил его Грубин. – А не исключено, что они Землю Круписой называют.

– Нет, – возразил Вусц, – на Круписе я бывал неоднократно. Там ничего похожего и совершенно иное население. Не говоря уж о климате.

– Да, неприятная история, – согласился Удалов.

Тут в дверь постучали.

– Кто там? – спросил Грубин.

– Это я, Ложкин, – ответили за дверью. – Выходи скорей. У нас на дворе пустой космический корабль стоит. Может, его обитатели уже разбежались по квартирам с целью грабежа.

– Заходи, Ложкин, – пригласил Грубин. – И будь спокоен.

Ложкин зашёл, увидел космонавта и смутился. По суетности своего характера он нечаянно оклеветал гостя.

– Мне очень обидно, – заметил Вусц. – Неужели подобные подозрения свойственны населению Земли? Должен отметить, что это говорит о низкой цивилизованности местного населения.

– Да я же не хотел. Но поймите, выхожу на двор, стоит корабль, незапертый, может, кто из мальчишек заберётся.

– Да, – вздохнул космонавт. – Грустно попасть в отсталое общество и подвергнуться подозрениям. Было бы время, многому бы вас научил и просветил.

– Мы никогда не отказываемся от уроков, – сказал Удалов.

– Так что же теперь делать? – спросил Грубин.

– Делать? – Вусц поглядел в окно. Дождь перестал, выглянуло блёклое осеннее солнце. – Есть ли среди вас кто-нибудь, кто разбирается в гравитационных моторах?

– Вообще-то, я техникой интересуюсь, – сказал Грубин. – Но с гравитационными двигателями дела не имел.

– Жаль, – огорчился Вусц. – У нас на каждом углу станции обслуживания. И миллионы, может быть, даже десятки миллионов механиков отлично разбираются в гравитационных двигателях.

– Ну, это понятно. – Ложкин хотел загладить свою вину. – При вашей цивилизации это неудивительно.

– Что ж, – сказал Вусц, – пойдём поглядим, что там.

Они с Грубиным пошли к кораблю. Грубин захватил с собой отвёртку и плоскогубцы. Ложкин с Удаловым последовали за ними.

– Больших успехов вы добились в науке? – спросил Удалов по пути.

– Громадных, – ответил космонавт. – По сравнению с вами – даже поразительных.

– Рассказали бы, – попросил Удалов. – Мы соберём общественность, многие придут. А вы расскажете.

– Ну что ж, может быть, и выберу минутку, – сказал Вусц.

Космонавт жестом пригласил Грубина в корабль. Грубин с трудом пролез в люк. Подошвы его ботинок скрылись внутри, потом вновь показалось лицо.

– Тут мне, простите, без вас не разобраться. Где, к примеру, свет зажигается?

Вусц глубоко вздохнул и развёл ручонками, словно хотел сказать присутствующим: «Какая темнота! Разве можно доверяться вашим механикам, если они даже не умеют зажигать свет!» Присутствующим стало неловко, и Удалов сказал укоризненно:

– Ну Саша, чего же ты!

– Выключатель справа в каюте, – сообщил космонавт.

Когда Грубин снова исчез внутри, космонавт сказал:

– Кстати, у нас механики производят починку в отсутствие заказчика. Они пользуются телепатией. Заглянет механик в душу, узнает, на что вы жалуетесь, и тут же принимается за дело. Пять минут, и любая неисправность ликвидирована.

– Да, – согласился Удалов, – у нас до этого ещё далеко.

– Этот метод, – продолжал Вусц, – распространяется и на медицину.

– В отсутствие? – спросил Ложкин.

– Нет, с помощью телепатии, – ответил космонавт и сокрушённо покачал головой.

«Да, – подумал Удалов, – трудно ему у нас, когда такой удручающий разрыв в уровне цивилизаций».

В люке снова показалась голова Грубина.

– Послушайте, – начал он, – а в чём у вас поломка? Может, покажете? Я, честно говоря, так и не разобрался, где тут двигатель, а где кухня.

– На меня не рассчитывайте, – отрезал космонавт. – Я вам, простите, не механик. Если бы у нас каждый занимался не своим делом, мы никогда бы не достигли таких великих успехов.

– Ну и я тогда не буду чинить, – сказал Грубин.

Он уже наполовину вылез из люка, и Ложкин с Удаловым начали запихивать его обратно, чтобы занимался делом.

– Но что я могу поделать? – возражал Грубин. – Они на сто лет нас обогнали, а у меня нет специального образования. К тому же там на всех приборах пломбы висят.

– Вы чего ж нам про пломбы не сказали? – обернулся Удалов к Вусцу.

– Откуда я знаю, есть там пломбы или нет! – возмутился тот. – Я лечу на Крупису, случается поломка не по моей вине, и я оказываюсь на дикой, отсталой планете, в окружении грубых аборигенов, меня никто не понимает, мне никто не хочет помочь.

– Не волнуйтесь, – успокаивал его Удалов. – Мы понимаем ваше состояние. Я сейчас схожу на автобазу, там есть мастер Мишутин, золотые руки.

– Так зовите его! Меня ждут дома!

Удалов, понимая вину человечества перед случайным гостем, поспешил за два квартала за Флором Мишутиным и вскоре возвратился

с ним. К тому времени уже все обитатели дома № 16 вышли во двор, познакомились с новым пришельцем, а Коля Гаврилов даже угостил его яблоком.

Флор Мишутин был человек серьёзный, он посмотрел на космический корабль и спросил:

– Какой принцип полёта?

– Вроде бы на лёгких гравитонах, – ответил Вусц. – Хотя я не уверен. Но в школе мы проходили, что на лёгких гравитонах. Если бы на тяжёлых, то другая форма корпуса.

– Ага, – сказал Мишутин. – А тип двигателя вы в школе проходили?

– Ни в коем случае. Я специализировался в географии и счетоводстве.

– Мало от тебя проку, – сказал Флор Мишутин.

– Вы не имеете права так говорить, – сказал космонавт. – Вы ещё не доросли до критики вышестоящей цивилизации.

– Это точно, – кивнул Флор Мишутин и полез в люк.

Он долго не возвращался, так что все ушли в комнату к Грубину, чтобы послушать пришельца. Правда, тот сначала отнекивался, говорил, что времени у него в обрез, но потом согласился.

– Расскажите нам, дорогой гость, – обратился к нему Удалов, – о своём просвещённом мире. Приобщите нас, так сказать, к тайнам будущего.

Гость вытащил носовой платочек, высморкался и проговорил:

– Наш мир далеко обогнал вас в своём развитии.

Об этом все уже знали. Стали ждать, что ещё им скажут.

– Мы достигли полного изобилия и развития техники. Например, я работаю в отдельном кабинете и только нажимаю на кнопки, а порой передаю результаты своих трудов мысленно на специальную машину, которая потом всё сводит воедино и кладёт на стол руководителю нашего учреждения.

– Вот это здорово! – сказал Удалов, чтобы подбодрить Вусца.

– Это обыкновенно, – поправил его Вусц. – Я удивляюсь, что может быть иначе. На работу и с работы я приезжаю мгновенно. Вхожу в будку около моего дома, нажимаю на кнопку и тут же оказываюсь в такой же будке, только у дверей учреждения.

– А как же эта будка работает? – спросил Грубин.

– Не интересовался, – ответил Вусц. – Дома у нас строят за одну ночь. Вечером очищают площадку, а утром уже дом готов, вплоть до тридцатого этажа.

– Замечательно! – воскликнул Ложкин. – Как же это делается?

– Об этом лучше спросите у строителей. Обеденный перерыв я использую для просмотра новых кинофильмов, которые я выбираю по списку, когда сижу за обеденным столом. А обед я выбираю, нажимая кнопки на столе.

– Как же это делается? – поинтересовался Удалов, который ненавидел очереди в столовой.

– Не знаю, – сказал Вусц. – Это не важно. Важен результат. Когда мне нужно отправиться на соседнюю планету, я вызываю космический корабль, и его присылают к моему дому. Я нажимаю кнопку с названием планеты и потом смотрю кино.

– Эх! – произнёс от двери Флор Мишутин, который незаметно вошёл и стоял, вытирая руки ветошью. – Если бы ты ещё интересовался, что там внутри двигателя, цены бы тебе не было.

– А что случилось? – вскинулся пришелец.

– Течь в гравитонном баке. Горючее кончилось. И вот эта деталь, видишь, треснула. Для чего она – не усёк.

Флор вытащил из кармана треснувший посередине шарик размером с грецкий орех.

– Для чего это? В школе не проходили?

– Не издевайтесь надо мной, – возмутился Вусц. – У нас высокоразвитое общество и каждый занимается своим делом. Я чиновник. Другой кто-нибудь – техник, ещё кто-то – строитель. Это же естественно. То, что произвожу я, потребляют другие. То, что производят другие, потребляю я.

Флор сунул шарик в карман и сказал:

– Пойду ещё погляжу.

Помолчали. Удалов испытывал жалость к пришельцу, оторвавшемуся от привычной обстановки. Но старик Ложкин, который затаил некоторую обиду, заметил не без ехидства:

– Не повезло нам с гостем. Надо же, попался такой, который ничего не знает.

– Это не так! – ответил Вусц. – Я отлично знаю, какие кнопки когда нажимать.

– Вот именно. – Ложкин ухмыльнулся.

– А ведь зря к человеку пристал, – защитил гостя Удалов. – Представь себя на его месте.

– Даже и не буду пытаться, – ответил Ложкин. – До такого контраста между развитой цивилизацией и тёмным её представителем я бы никогда не упал. Мы-то, чудаки, сбежались: космонавт прилетел с отдалённой планеты, сейчас нас просветит.

– Это только в фантастических рассказах так бывает, – сказал Грубин. – Там всегда пришельцы прилетают и сразу нас учат.

– Пришелец пришельцу рознь! – не согласился Ложкин.

– А ведь проще простого, – нашёлся Удалов, глядя на опечаленного Вусца, который скорчился на стуле, поджал ножки и являл собой прискорбное зрелище – будто ребёнок, потерявший маму в Центральном универмаге города Москвы. – Я тебе, Ложкин, сейчас в два счёта докажу твою неправоту. Хочешь?

– Докажи.

– Тогда представь себе, что я – царь Иван Грозный.

– Ещё чего не хватало!

– А ты представь, не сопротивляйся. А Грубин, допустим, его друг – Малюта Скуратов.

– И что?

– А ты – Николай Ложкин, который сел в машину «жигули» и по непредвиденному стечению обстоятельств сбился с пути и вместо Вологды попал к Ивану Грозному, в его загородный дворец.

– Так нет у меня «жигулей», ты же знаешь! – сопротивлялся Ложкин. – Зачем такие передержки?

– Это мысленный эксперимент, – настаивал Удалов. – Неужели у тебя вовсе нет воображения?

– Ну ладно, – сдался Ложкин. – А дальше что?

– А дальше я тебя попрошу рассказать, какие у вас в двадцатом веке технические достижения. А ну-ка, расскажи.

– О чём?

– Ну, хотя бы о том, как мне, Ивану Грозному, построить такую же карету, как у тебя.

– «Жигули», что ли?

– Ну, хотя бы что-нибудь попроще. Мотоцикл.

– Это просто. Вот перед тобой машина, скопируй и поезжай.

– А что копировать-то? Я принципа не понимаю.

– Сперва нужен бензин, – ответил Ложкин. Он хотел доказать друзьям, что пришелец Вусц – недоразумение, и потому старался всё объяснить доступно. – Ты заливаешь бензин в бак.

– Погоди. – Корнелий Иванович «Грозный» погладил несуществующую бороду. – А что такое бензин?

– Бензин?.. Нефть, знаешь?

– Знаю.

– Очисти её.

– От чего?

– Как от чего? От мазута.

– Не понимаю! Щёткой, что ли, мне её чистить?

– Для этого специальная промышленность есть. – Тут Ложкин осёкся.

– А ты продолжай, – улыбнулся «царь». – Расскажи мне об этой промышленности. И заодно шинную индустрию опиши.

– Ну ладно, – решил тогда Ложкин, который не любил сдаваться на милость царей. – Я тебе лучше паровоз объясню.

– Ну как? – спросил Удалов у «Малюты Скуратова». – Послушаем про паровоз?

– Давай, – согласился придворный фаворит. – Только если не объяснит, придётся его казнить.

– Паровоз движется по принципу сжимания пара, – сообщил Ложкин. – Там поршень ходит, и оттого крутятся колёса.

– Ах, как интересно! – сказал «царь». – И где же поршень ходит?

– Как где? В котле, разумеется.

– Слушай, – предложил «Малюта Скуратов», – может, его сразу казнить? А то время зря тратим.

Ложкин молчал. Вошёл Мишутин.

– Не пойдёт, – сказал он. – Точно тебе говорю, не пойдёт твоя машина. Вызывай аварийку.

– Не может быть! – воскликнул космический гость. – Не губите меня! Может быть, вы пригласите специалистов из вашей столицы?

– Нет, – сказал Мишутин уверенно. – У нас гравитонов не производят. Это точно.

Ложкин проговорил:

– В паровозе два поршня. Пар на них по очереди давит.

– Мы тебя уже казнили, – объяснил ему Грубин. – Так что не беспокойся, не будет у Ивана Грозного своего паровоза.

Пришелец заплакал, не мог смириться с тем, что превратился в Робинзона Крузо, окружённого Пятницами.

Пошёл мокрый снег и быстро покрыл густым слоем розовый космический корабль.

С тех пор прошло уже четыре месяца.

Пришелец Вусц, пока суд да дело, устроился счетоводом к Удалову в контору, освоил русский язык, с обязанностями справляется сносно, правда, звёзд с неба не хватает. Хотел было он, по наущению Грубина, уехать в Вологду, поступить там в цирк лилипутом, но потом передумал: боязно отрываться от корабля – вдруг его найдут, прилетят за ним.

А корабль схож с громадным сугробом, даже со снежной горой. Дети катаются с него на санках.

Весной, если ничего до тех пор не случится, должен приехать из Архангельска Камаринский, большой друг Флора Мишутина, знаменитый механик. Если уж он не поможет, никто не поможет.

ВОСПИТАНИЕ ГАВРИЛОВА

Гаврилов рос без отца.

Отец где-то существовал и присылал телеграммы к праздникам.

Мать боялась, что Гаврилов вырастет бездельником, и потому была к нему строга. В то же время отказывала себе во всем, чтобы ребенок был счастлив.

Бездельника из Гаврилова не получилось, но и трудиться он не любил, и в классе не был первым учеником. А любил он читать, слушать очень громкую музыку, купаться, играть в волейбол, спать после обеда, а также утром, когда надо вставать в школу.

По мнению жильцов дома № 16 по Пушкинской улице, Гаврилов был плохо воспитан и груб.

Вот с этими его качествами связана история, которую помнит старик Ложкин.

Гаврилову тогда было пятнадцать лет.

Он сидел на подоконнике и, включив на полную мощность систему, из которой несся голос певца Хампердинка, радовался июньскому солнцу.

В этот момент во двор вошел старик Ложкин, который с грустью взирал на юное поколение, представители которого не уступали ему места в автобусе и не хотели слушать его рассказов о славном трудовом прошлом. На Гаврилова Ложкин посмотрел с негодованием и крикнул ему, чтобы тот немедленно прекратил шум. Но Гаврилов не услышал.

Тогда Ложкин прошел на первый этаж к известному самоучке Александру Грубину и сказал:

– С этим надо кончать.

Так как Грубин был согласен, что с этим надо кончать, он согласился принять от Ложкина рабочее задание на изобретение.

Вечером Ложкин принес ему такое задание:

«Среди нашей молодежи еще часто встречаются случаи хулиганства, баловства, неуважительного отношения к старикам и девушкам. Существующие воспитательные меры эффекта не дают. Полагаю, что надо бороться на уровне условных рефлексов (по академику Павлову).

Требуется создать легкий, не стесняющий движений прибор, который крепится к подростку. Этот прибор должен реагировать в об-

щественном транспорте на приближение старика или беременной женщины и заставлять подростка уступать место. Он должен улавливать неуважительные слова и выражения и производить наказание. Наконец, желательно чтобы прибор вызывал в носителе желание трудиться».

Грубин долго читал задание, размышлял, ворошил шевелюру, а потом сказал:

– Зайди через недельку.

Через неделю Грубин показал Ложкину прибор.

Он представлял собой две небольших плоских пластиковых подушки, которые крепились к телу жертвы подобно жилету. От подушек тянулись датчики.

– И будет работать? – спросил недоверчиво Ложкин.

– Питается от батарейки карманного фонарика, – сказал Грубин.

Сомнений, к кому прикрепить воспитательный прибор, не было.

– Коля, ты нам нужен! – крикнул Ложкин.

– Зачем? – откликнулся Гаврилов из окна.

– Ты примешь участие в испытаниях прибора, – сказал Грубин.

– На какую тему прибор?

– Для перевоспитания молодого поколения.

– Мне ни к чему, – сказал Гаврилов. – Меня с утра до вечера перевоспитывают. Мать, учителя и кому не лень.

– А результат? – спросил Грубин.

– К счастью, нулевой, – ответил трудный подросток.

– Значит, не хочешь? – Ложкин был огорчен. Он понимал, что силой прибор на Гаврилова не навесить.

Но Грубин знал, что отрицательные натуры склонны к коррупции.

– Мороженого хочешь? – спросил он.

Гаврилов снисходительно улыбнулся. Мороженое он уже перерос, и Грубин это понял.

– А что нужно? – спросил Грубин.

– Кассеты, – ответил Гаврилов.

– Сколько?

– Пять.

– Ты с ума сошел!

– Две.

– По рукам. Заходи ко мне, установим аппаратуру.

Когда процедура окончилась, Грубин поставил условия:

– Датчики не срывать. Прибор носишь сутки, несмотря на все неудобства. Стараешься перевоспитаться.

– Если будешь себя вести достойно, – сказал Ложкин, – никаких неудобств прибор тебе не причинит.

– Потерпим, – сказал Гаврилов. – Гонорар приличный. Следить за мной будете?

– Ненавязчиво, – сказал Грубин.

– Тогда три кассеты.

– Грабитель! – закричал Ложкин. Но пришлось согласиться.

Гаврилов сообщил, что намерен отправиться в парк на автобусе.

В автобусе он сразу бросился вперед и занял свободное место.

Тут в проходе возникла старушка с сумкой и медленно пошла вперед, поглядывая, где сесть. Когда она поравнялась с подростком, тот вдруг подскочил и замер в неудобной позе.

Бабушка сказала «спасибо» и села, а Коля глазами отыскал наблюдателей, и губы его сложились в обиженной гримасе. Грубин ободряюще улыбнулся подростку, а Ложкин спросил Грубина:

– По какому принципу?

– Когда бабуся приблизилась на критическое расстояние, фотоэлемент включил цепь, и Гаврилов получил легкий удар током в нижнюю часть спины.

Гаврилов уже протолкался к испытателям.

– Вы чего? – спросил он. – Издеваетесь?

– Нет, – сказал Грубин. – Воспитываем.

– За что током били?

– Место в автобусе надо старшим уступать. Не слышал?

– Не буду я воспитываться.

– И не надо. Кассет не получишь.

Гаврилов взвесил все «за» и «против». Тут как раз автобус остановился у парка, он выпрыгнул из него и побежал по аллее, возможно надеясь, что наблюдатели его потеряют.

Но спешка его подвела. Он на бегу врезался в крепкого пожилого мужчину, открыл рот, чтобы произнести неуважительное слово, но так и замер с выражением крайнего отчаяния на лице.

– В чем дело? – спросил Ложкин Грубина.

Тут в проходе возникла старушка с сумкой и медленно пошла вперед, поглядывая, где сесть.

– Уловив специфическое сокращение гортани, – разъяснил Грубин, – включилась парализующая система. Сейчас отпустит...

– Что же делается? – крикнул Гаврилов наблюдателям. – За что?

– Ты что хотел тому мужчине сказать?

– Но ведь не успел!

– Отказываешься от опыта?

– Потерплю, – махнул рукой Гаврилов, перед которым маячили три кассеты, и понуро побрел по аллее.

Навстречу шла Люся Сахарова, девочка из Колиного класса, тоненькая рыжеватая блондинка, нос и щеки которой украшали изящные веснушки.

– Коля! – воскликнула она. – Ты на меня не обиделся?

– Нет, – Коля проглотил слюну и кинул взгляд через плечо. В самом деле он был смертельно обижен.

– Меня вчера мама в кино не пустила, – сказала Люся. – Они в гости пошли, а меня с Петькой оставили.

Гаврилов Люсе не поверил, потому что из его разведданных следовало, что Люся была в кино, но с неким Матвеем Пикулой. В иной ситуации он сказал бы все, что думает об этом предательстве. Но на этот раз он лишь выдавил:

– К сожалению, я не могу принять ваших извинений, так как они не соответствуют действительности.

– Дурак, – обиделась Люся, которой очень хотелось сцены ревности.

Она застучала каблучками по дорожке, убежала, а Гаврилов грустно улыбнулся, глядя ей вслед.

Вся сцена свидетельствует о том, что Гаврилов сделал выводы воспитательного порядка.

– Что сейчас там происходит? – спросил Ложкин, выглядывая из-за куста.

– Учитывая тот факт, что Гаврилов смог овладеть собой, наша система переключилась на поощрение. Она его гладит.

Гаврилов не заметил поощрения. Он думал.

Потом, не глядя на наблюдателей, пошел домой.

В пути пришлось задержаться, так как в сквере у церкви Параскевы Пятницы пионеры сажали молодые деревца. Прибор заставил Гаврилова ринуться к пионерам и в течение часа копать ямы и носить

воду, помогая им. Пионеры удивлялись, но не возражали. А Гаврилов думал.

Грубин с Ложкиным были довольны экспериментом. Они устали следить за Гавриловым и, когда тот вернулся домой, хотели прибор снять. Но к их удивлению, подросток наотрез от этого отказался.

– Уговор был, – сказал он, – до завтрашнего утра.

– Как действует! – Ложкин был поражен.

– Перевоспитываюсь, – коротко ответил Гаврилов.

Вечером он был вежлив с матерью, убрал и вымыл за собой посуду, подмел комнату, вымыл окна. Мать была убеждена, что он заболел, и еле сдерживала слезы.

А Гаврилов думал.

В тот день он впервые воочию столкнулся с принципом изобретательства. Он заключается в том, что изобретение обязательно палка о двух концах: оно рассчитано на благо, но от этого блага кто-то страдает. От новой сети страдает рыба, от новой плотины страдает рыба, от замечательной фабрики, построенной на берегу реки, страдает рыба, от волшебных удобрений, что выливаются на поля, а потом с дождевой водой попадают в озеро, страдает раба. Всегда найдется какая-нибудь рыба, которая пострадает от могучего прогресса.

Гаврилов не хотел быть рыбой. Даже за кассеты.

Ночью он разобрал прибор и тщательно исследовал его.

Ранее его не тянуло к изобретательству, потому что лично его это не касалось. Испытание, которому его подвергли соседи, дало толчок его творческой энергии.

Разумеется, сообразительному подростку ничего не стоило поменять в приборе полюса и получать поощрения за грубость или отлынивание от работы. Но Гаврилов сделал шаг вперед, потому что был талантлив.

За ночь он разобрал на детали ценный магнитофон «Сони» и телевизор «Рубин».

К утру новый вариант прибора был готов и отлично уместился в дедушкином серебряном портсигаре. И Гаврилов лег спать.

Разбудил его голос Грубина.

– Коля! – Кричал Грубин со двора. – Сутки прошли. Держи деньги на кассеты. Отдавай машину.

– Сейчас приду, – отозвался Гаврилов.

Грубин и Ложкин стояли посреди двора.

Гаврилов вынес им прибор. Свой лежал у него в кармане.

– Давайте кассеты, – сказал он.

– Вот деньги. – Грубин полез в карман. Грубин держал слово.

– Не нужны ему деньги, – отчеканил Ложкин. – Деньги развращают молодежь. Пускай скажет спасибо, что мы его добру учили.

– Вы обещали, – кротко сказал Гаврилов.

– Вот сейчас твоей матери скажу, как ты взрослых шантажируешь! – возмутился Ложкин. – Да я... Да как ты...

И Ложкин замер с открытым ртом.

– Что такое? – удивился Грубин. – Что случилось?

Ложкин хлопал глазами и молчал.

– Уловив специфическое сокращение гортани, – спокойно ответил подросток, – включилась парализующая система.

– Да как же? – Грубин был потрясен. – Ведь Ложкин к прибору не подключен!

Гаврилов ничего не ответил.

В отличие от первобытной, примитивной модели Грубина, прибор Гаврилова действовал на расстоянии.

ОБИДА

Восьмого числа, вечером, Удалов и Грубин решили пойти к профессору Минцу поговорить о таинственных явлениях. Собирался зайти и старик Ложкин, но запаздывал. Радиоприёмник на письменном столе, еле видимый за грудами научных статей и рукописей, наигрывал нежные мелодии Моцарта. Когда Лев Христофорович предложил гостям по второй чашке чая, музыка в приёмнике прервалась, и послышался резкий голос, говоривший на непонятном языке.

– Хулиганят, – сказал Корнелий Удалов. – Своей волны им не хватает, лезут на Моцарта с комментариями.

– С комментариями? – спросил профессор Минц, поглаживая лысину. – А вы, Корнелий, понимаете их язык?

– Так, через пень-колоду, – смутился Удалов. – Похоже на венгерский.

– Какие ещё есть версии? – спросил Минц, обернувшись к Грубину.

– Я настрою, – предложил Грубин. – Я больше музыку люблю.

– Не надо, – остановил его Минц. – Очень любопытно.

Минц задумался. Даже забыл долить друзьям чаю. И не заметил, как вошёл Ложкин и громко поздоровался.

Из этого состояния Минц вышел лишь через три минуты.

– Всё ясно, – сказал он. – Такого языка на Земле нет. Я мысленно перебрал возможные варианты.

– Но может, не венгерский, – предположил Удалов. – Может, какой-нибудь очень отдалённый, с которым вы, Лев Христофорович, времени не имели ознакомиться?

– Я не знаю многих языков, – возразил Минц. – Но могу читать на любом. Дело в системе, в структуре языка. Достаточно знать элементарный минимум – языков пятнадцать-шестнадцать, которым я располагаю, чтобы дальнейшие действия диктовались законами лингвистики. Вам понятно, коллеги?

– Понятно, – сказал польщённый Удалов. – Так что же это за язык?

– Инопланетный, – просто ответил Минц. – Итак, что будем делать?

– А то делать, что перевести их воззвание и ответить. Это наш гражданский долг.

– Правильно, Корнелий, – поддержал Грубин. – Если вам, Лев Христофорович, понадобится моя помощь, прошу рассчитывать.

– Невозможно. Этот язык нам не расшифровать, потому что у них нет с нами ни одного общего корня и ни одного общего падежа.

– Вот, – вздохнул Ложкин. – Даже способности профессора Минца ограниченны. Придётся писать в Академию наук, а пока получим ответ, пришельцы могут улететь.

– То есть как так ограниченны? – не понял Минц. – Это мои способности ограниченны?

– К сожалению, – согласился Ложкин.

– Саша, – сказал Минц, – вы в самом деле не торопитесь?

– Куда мне торопиться, если предстоит эксперимент?

– Тогда, – Минц строго посмотрел на гостей, – попрошу всех посторонних очистить помещение. Жду всех по окончании работы.

– В смысле когда? – спросил Удалов, послушно направляясь к двери.

– Мы вас вызовем.

Минц широким жестом стряхнул со стола бумаги, в то время как догадливый Грубин тащил из-под кровати небольшой электронный мозг.

– Вызовите, – согласился Ложкин, – не стесняйтесь. Даже если рано будет.

– Может быть поздно, – сказал Минц, включая портативный магнитофон.

Удалов с Ложкиным постояли немножко в коридоре у дверей Минца, не зная, то ли им обижаться, то ли ждать без обиды.

– Ты не помнишь, на какой волне передача была? – спросил наконец Удалов.

– На тридцать одном метре, – ответил Ложкин. – Сам попробуешь расшифровать?

Удалов только покачал отрицательно головой, пошёл к себе, тихонько включил приёмник и начал искать передачу на инопланетном языке. Передачу он нашёл, правда, не на тридцати одном метре – перепутал, как всегда, самоуверенный Ложкин, – а на шестидесяти. И потом долго сидел Корнелий Иванович, слушая треск и шум в эфире и стараясь по интонациям угадать, как там дела у пришельцев. Жалел он их, сочувствовал и беспокоился. Даже взял приёмник с собой в постель, надеясь немного, что во сне сможет овладеть языком методом гипнопедии.

Удалов проснулся оттого, что в стекло что-то стукнуло. Может быть, в другой день он бы не обратил внимания на этот стук, но нервы у спящего Удалова были напряжены: ему всё время снились пришельцы, протягивающие к нему руки за помощью. Удалов осторожно сполз с постели, подбежал к окну. Там, под фонарём, стоял Грубин и махал рукой, вызывая его к себе.

Корнелий взглянул на часы. Половина четвёртого. Что ж, не много времени понадобилось его товарищам, чтобы расколоть этот орешек. Стараясь не шуметь, Удалов натянул башмаки, накинул пиджак поверх пижамы и пошёл к Минцу. Не так уж важны формальности, когда собираются только мужчины и только единомышленники.

Грубина Удалов нашёл в коридоре. Тот стоял перед дверью Ложкина и постукивал в неё костяшками пальцев.

– Я его через окно пытался будить, – сообщил Грубин, – но старик не отзывается. Может, обойдёмся без него?

– А что, решили?

– Решили. Уже кое-что понимаем.

– Тогда надо будить. Иначе он нас никогда не простит. Дай-ка я.

Удалов ударил в дверь, но не рассчитал: получилось громче, чем нужно, послышались шаркающие шаги, потом голос ложкинской жены:

– Что? Что случилось? Кто стучит?

– Это я, Удалов. Вашего супруга можно побеспокоить?

– С ума сошли, бродяги проклятые, – зашипела старуха. – Я сейчас вам покажу, как людям ночью покоя не давать.

– Он сам просил, – объяснил Удалов. – Он очень желает присутствовать при открытии.

– Уходите, – сказала Ложкина. – Иначе пожалеете.

– Кто там пришёл? – послышался отдалённый голос Ложкина.

– Удалов хулиганит, – откликнулась жена.

– Это с ним бывает, – ответил Ложкин. – Гони его.

– Ну как хотите, – сказал Удалов. – Потом пожалеете.

И они с Грубиным ушли к Минцу.

В кабинете Минца было накурено, гудели многочисленные приборы, слышно было, что из приёмника всё ещё доносятся чуждые слова, но их заглушал другой, механический, переводческий голос, исходивший из приставки. Этот голос говорил по-русски.

– Где Ложкин? – спросил Минц. Он за ночь осунулся, постарел, но улыбался не без гордости. – Где этот скептик?

– Ложкин не хочет просыпаться, – ответил Грубин. – А Удалов сразу пришёл.

– В Удалове я не сомневался. Жаль, что не могу разоблачить маловера. Ну ладно, слушайте. Может представить интерес. Только с самого начала должен предупредить вас, Удалов, чтобы не беспокоились. Никакой аварии нет. Их корабль завис над нашим городом на высоте ста тридцати километров и разослал разведчиков.

– Цели мирные? – поинтересовался Удалов.

– Какие могут быть мирные? – послышался голос от двери. Там стоял сонный, растрёпанный, злой Ложкин, в халате и шлёпанцах.

– Встал всё-таки, – ухмыльнулся Удалов.

– Молчи, – сказал Ложкин. – Военная хитрость. Так бы она меня никогда не пустила. Я ей сказал, что за милицией побежал, чтобы тебя к порядку привлечь. На такое благородное дело она меня выпустила. Понимаешь?

– Понимаю, что собственную выгоду за счёт товарищей достигаешь. Но не обижаюсь, а даже улыбаюсь.

– И правильно, – сказал Грубин. – Главное, что мы в сборе.

– Не отвлекайтесь, – попросил Минц. – Слушайте. Это интересно.

– Разведчик-два, – произнёс голос переводческой машины. – Разведчик-два. Почему не отзываетесь?

– Провожу наблюдение. Очень интересное существо. Четыре конечности. Хвост. Покрыто шерстью. Несёт в зубах кость. Возможно, разумное.

– Собака, что ли? – предположил Ложкин. – Что же они, разумных от неразумных не отличают?

– Разведчик-два, – откликнулся корабль пришельцев. – Пора знать, что четвероногие не бывают разумными, так как у них нет рук, чтобы заниматься трудом.

– Вот именно, – согласился Ложкин. – Мы это тоже учили.

– Вижу, как четвероногое с костью пошло на сближение с двуногим в костюме и с руками, – послышался голос разведчика-два.

– И чего они вмешиваются? – рассердился Ложкин. – Типичные агрессоры.

– Наблюдают, – ответил Удалов. – Чего бы им не наблюдать?

– Не по-людски, – сказал Ложкин. – Надо было сперва спуститься, поговорить с нами, получить разрешение. Потом бы и наблюдали. Мало ли какие секретные объекты они высмотрят?

– Ну, у нас в Гусляре секретных объектов пока что не было, – усмехнулся Грубин.

– Не исключено, – возразил упрямый пенсионер, – что они есть, но такие секретные, что ты и не подозреваешь.

– Разведчик-три, разведчик-три, – заговорила переводческая машина. – Почему не отвечаешь?

– Заметил странное скопление аборигенов. Стоят в очереди перед хозяйственным магазином. Жду от них разумных поступков.

– Обещали завтра обои выкинуть, – объяснял Грубин. – Три дня уже люди дежурят.

– Стояние в очереди ещё не признак разумности, – заключила переводческая машина. – Поищите что-нибудь более перспективное.

– В этом они правы, – вздохнул профессор.

– Неразумные бы толкались, – сказал Ложкин, – а если в очереди, значит, порядок.

– Только бы они днём очередь за водкой не увидели! – всполошился Удалов.

– Вызывает разведчик-два, – услышали они тут, – срочное сообщение. Двуногое существо бежит за четвероногим. Вот оно догнало его. О, я не переживу этого! Двуногое ударило четвероногое ногой! Четвероногое издаёт жалобные звуки!

Издалека, с улицы, донёсся собачий визг. Удалов кинулся к окну. Улица была темна, под отдалённым фонарём мелькнула человеческая тень.

– Ну и что? – воскликнул Ложкин. – Ну шёл человек по улице, увидел собаку. Мог же он испугаться? Имел право с испугу ее ногой отогнать? Я спрашиваю, имел ли он право...

Минц поднял руку, стараясь остановить Ложкина.

Голос корабля пришельцев был твёрд и категоричен:

– Это важное открытие. Если двуногие бьют четвероногих, следовательно, двуногие неразумны.

– Разумны, но ошибаются! – поправил его Ложкин.

– Говорит разведчик-четыре, – произнесла переводческая машина. – Разрешите вернуться на корабль. Попал в облако дыма, выбрасываемое здешним заводом. Мне плохо... мне плохо...

– Разведчик-четыре, держитесь! Высылаю спасательную команду.

– Ну вот, – вздохнул устало Удалов. – Сколько раз говорили директору фабрики пластиковых игрушек, чтобы установил фильтры...

– Может, это не наша фабрика? – сказал Грубин с надеждой.

– Наша.

И все знали, что наша.

– Надо что-то делать, – решил Удалов. – А то у них останется превратное представление... Фонарик есть?

Минц без слов достал из-под подушки электрический фонарик. Хоть он уже давно жил один, но в детстве мама не давала ему читать по ночам, и он так привык читать под одеялом с электрическим фонариком, что до старости не смог избавиться от такой привычки.

– Я пойду.

Удалов вышел в коридор и спустился во двор. Никто его не остановил.

Удалов встал посреди двора, направил фонарик в небо и зажёг его. Затем стал включать и выключать его. Сначала два раза включил и выключил. Потом ещё два раза. А ещё подождав, включил и выключил его четыре раза подряд.

– Доказывай не доказывай, – проворчал Ложкин, глядевший на это дело в окно, – всё равно одиночными действиями агрессию не остановишь.

– Центр! – раздался голос в переводческой приставке. – Во дворе дома № 16 по улице Пушкина наблюдаю двуногую фигуру с электрическим фонариком. По-моему, он пытается доказать мне, что их цивилизация уже достигла умения складывать два и два.

– Вас понял, – послышался ответ. – Вас понял. Разведчик-два, продолжайте наблюдения. Но особенно не переоценивайте своего открытия. Известно несколько видов рыб, которые считают даже до пятнадцати.

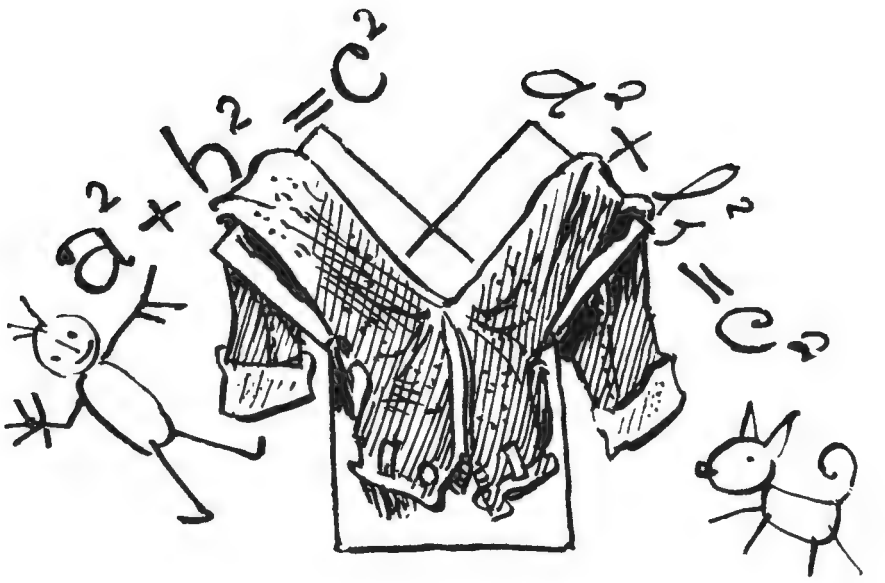
– Ну, это им так не пройдёт, – возмутился тогда Грубин, выскочил, как есть, через окно во двор, отобрал у Удалова фонарь и начал очень быстро перемещаться по двору, держа фонарь огоньком вверх. Он так быстро бегал, что на фоне чёрной земли возникли очертания известной теоремы Пифагора.

Когда Грубин уморился от беготни и остановился, в приёмнике снова раздались два голоса:

– Докладывает разведчик-два. Центр, слушай, может быть, мне показалось, но другой абориген бегал по двору того же дома и с помощью фонарика пытался показать мне общее начертание известной теоремы «штаны Приудоникса».

– Пифагоровы, Пифагоровы, – поправил строго Ложкин.

– Прекратите наблюдение за ничтожным объектом, – сказал голос Центра. – Уровень цивилизации измеряется не отдельными попытками научиться считать или даже читать, а её общими достижениями.



Разведчик-один, сообщите мне, каковы результаты замеров у края их муравьиного скопления.

– Я потрясён, – раздался голос первого разведчика. – Они выбрасывают грязь в водоёмы и воздух, которым дышат, причём не только сами дышат, но и заставляют дышать окружающих.

– Слышите, разведчик-два? Они буквально ходят под себя. Вам понятно это грубоватое выражение?

Ложкин протянул руку и хлопнул ладонью по кнопкам.

Разговор инопланетных исследователей прервался.

– Хватит, – не выдержал Ложкин. – Это мне противно слушать.

– Погодите.

Минц включил систему вновь.

Вернулись Грубин с Удаловым.

– Как результаты? – спросил Грубин. – Они теорему угадали?

– Они Пифагора Приудониксом зовут, – сообщил Ложкин. – Нечего нам с ними разговаривать.

– Неужели связь налажена? – обрадовался Удалов.

– Боюсь, что наоборот, – сказал Минц. – Они не хотят признавать нас разумными.

– За что же?

– Их не убеждает, что мы знаем теоремы. Они считают, что мы грязно живём.

– Лев Христофорович! – взмолился Удалов. – Нельзя ли машину наоборот переставить? Чтобы мы им сказали.

– Постараюсь. – Профессор начал щёлкать кнопками. – Вот, можете, Корнелий Иванович, общаться с братьями по разуму, сколько вам хочется.

Удалов взял микрофон, прокашлялся и начал:

– Вы меня слышите, братья по разуму?

– Кто вышел на связь, кто вышел на связь без разрешения? – рявкнул в ответ Центр.

– К вам обращаются представители земной цивилизации. Цивилизации, которую вы сейчас увидели собственными глазами и величия которой вы не смогли осознать!

– Хорошо излагает, – одобрил Ложкин. – Ты не стесняйся.

– Выйдите из эфира, вы мешаете нормальной работе, – ответил Центр. – Мы не вступаем в переговоры с аборигенами.

– Мы не аборигены, – возразил Удалов. – Мы можем похвастаться большими успехами в науке, сельском хозяйстве, а также в искусстве и литературе.

– Я его взял на луч, – сообщил другой голос, принадлежавший одному из разведчиков. – Это тот самый, который умеет два и два складывать. Я его узнал.

– Правильно, – согласился Удалов. – Я умею не только считать и писать, как вы высказались в своих разговорах. Я умею также многое другое.

– С ума сойти, – возмутился Центр. – Мы теряем время, а он занимает эфир.

– Присмотритесь к нам! – закричал в отчаянии Удалов. – Нам обидно, что вы нас не признаёте. Мы достойны дружбы и товарищества.

– Придётся улетать, – решил Центр. – Разведчиков прошу вернуться на корабль. Никогда не думал, что аборигены могут быть настолько назойливы и бестактны.

– Так вы не хотите? – угрожающе спросил Ложкин, отобрав у соседа микрофон.

– Мы ничего не хотим, – сказал Центр. – Оставьте нас в покое. Мы прилетаем к планете, открываем её...

– Не надо нас открывать, – произнёс Ложкин. – Мы уже открыты.

– Мы открываем, – настаивал Центр, – разочаровываемся низким уровнем культуры и технологии, узнаём, что вы живёте в муравейниках, портите воду и воздух, истребляете других живых существ, делаем вывод, что вам ещё надо развиваться миллионы лет, чтобы получить право зваться цивилизацией, и вдруг вы имеете наглость вмешиваться в наши разговоры, в нашу деятельность и начинаете выпрашивать наше внимание... нет... Нет, так не пойдёт. Разведчики на борту?

– Погодите! – воскликнул Удалов. – Ещё не всё потеряно. Мы будем учиться!

– Все по местам! – скомандовал Центр. – Дети, наша школьная экскурсия на дикую планету закончилась раньше, чем мы предполагали. Но главное вы поняли – когда видите дикаря, старайтесь держаться от него подальше. Дикарь злобен, нахален и навязчив...

Последние слова донеслись уже тихо – понятно было, что корабль пришельцев улетает от Земли в неведомые дали космоса.

– Да... – вздохнул Грубин. – Это были дети.

– От детей разве дождёшься чуткости, – сказал Ложкин. – Дети во всём мире нахальные, а если им разрешают ещё по космосу шастать, то таких детей лучше и не слушать.

– Разумеется, – согласился Минц, отключая аппаратуру и протирая глаза, – его клонило в сон. – Разумеется, мы можем скептически отнестись к выводам о нашей жизни, которые принадлежат инопланетным школьникам.

– Если бы взрослые, то поняли бы, – проговорил Удалов.

– Если бы это были взрослые, – тихо поправил его Грубин, – они могли бы и не такие выводы сделать. Не в нашу пользу.

– Сколько можно! – возмутился вдруг Ложкин. – Говорю я, говорю везде, что пора заняться очисткой окружающей среды, а то перед космосом стыдно. Ноль внимания! К нам уже космических детей не пускают!

Остальные промолчали.

ГРАДУСНИК ЧУВСТВ

Ни биография, ни анкетные данные Эммы Проскуряковой нас не интересуют. Важно лишь одно – эта стройная зеленоглазая девушка отличается крайней замкнутостью. Посудите сами: четыре раза Эмма

ходила в кино с Михаилом Стендалем, сотрудником городской газеты, два раза была с ним в кафе, провела вечер на скамейке в парке, но ни взглядом, ни словом не раскрыла своего к Стендалю отношения.

А Стендаль кипел. От овладевшего им чувства и от незнания, разделяет ли это чувство прекрасная Эмма.

Наконец, провожая Эмму из кино, он осмелился спросить:

– Эмма, вот мы гуляем, а скрывается что-то за этим?

– А что? – спросила Эмма.

– Может, я неточно выразился, но, с другой стороны, я вчера ночью написал стихотворение.

– Вы мне его уже прочли, – сказала загадочная Эмма. – Я с интересом выслушаю любое ваше новое произведение.

– Эх! – сказал тогда Миша Стендаль.

И до калитки, за которой обычно скрывалась Эмма, они прошли в полном молчании.

На следующий день Миша Стендаль был у профессора Минца, знаменитого учёного, временно живущего в Великом Гусляре. Профессор Минц принял его в своей небольшой комнате и на вопрос Миши, как дела на птицеферме, ответил:

– Дорогой юноша, вы задели оборванную струну моей души.

Профессор Минц порой любил выражаться изысканно. Он погладил себя по сверкающей лысине и указал на клетку, в которой скучало странное существо с клювом.

Стендаль пригляделся к существу. Оно было похоже на барана и на курицу. Точнее, на барана размером с курицу или на курицу, покрытую бараньей шерстью.

– Я рассчитываю на статью, – сказал Стендаль.

– О чём писать? – вздохнул учёный.

– Начать с того, как вы задумались.

– Я задумался над тем, что картофель мы научились чистить машинами, а вот птиц приходится ощипывать руками. Это непроизводительно.

– И вы решили...

– И я решил вывести обнажённую курицу. Что нетрудно при моём опыте. И я её вывел. Но голые цыплята простужались. Мы изобрели для них попонки, но цыплята росли, а менять попонки по росту непроизводительно. Проще ощипывать птицу.

– И тогда вы...

– Тогда мы переслали яйца обнажённых кур и всю документацию нашим индийским и кубинским коллегам, для которых проблемы климата уже решены самой природой, и стали думать дальше.

И я вывел породу кур, покрытых бараньей шерстью, кур, которых не нужно резать, побрил – и снова выпускай пастись. Притом новая порода, назовём их «куровцы», в отличие от овец, несёт яйца.

– Но теперь вы...

– Да, теперь я неудовлетворён. Оказалось, что куровец трудно стричь по причине их небольшого роста и подвижности. Ощипывать кур было легче.

– Но неужели сам факт замечательного эксперимента...

– Сам факт бессмыслен, если он не приносит пользы человечеству, – отрезал профессор. – Кроме того, я обнаружил, что у кур, покрытых шерстью, вырабатывается комплекс неполноценности. Они чураются своих перьевых товарок. И я нашёл этому причину.

Профессор Минц сделал шаг к письменному столу, заваленному научными журналами, рукописями и приборами, разгрёб завал, вытащил из него градусник, подобный тем, которыми меряют температуру воды в детских ванночках, и потряс им перед носом Стендаля.

– Принесите мне из коридора вторую клетку. В ней петух, – приказал он журналисту.

Стендаль подчинился. Клетка с петухом была накрыта старой скатертью, и, когда Минц стянул скатерть с клетки, петух встряхнул гребнем, попытался расправить крылья и заклекотал подобно орлу.

– Чудесный экземпляр, – сказал Минц. – Люблю петухов. Глупы, но сколько чувства собственного достоинства!

Он поднёс градусник к клетке с курчавой куровцой, которая глядела на петуха, нервно переступая жёлтыми ногами.

– Что вы видите на шкале?

Столбик ртути полз вверх и остановился примерно на двадцати градусах по Цельсию. О чём Стендаль и сообщил профессору.

– Правильно. А теперь поднесём градусник к петуху.

Столбик обрушился вниз, проскочил нулевую отметку и показал пятнадцать градусов мороза.

– Ясно? – спросил Минц.

– Нет, – признался Стендаль.

– Странно. Вы производите впечатление неглупого молодого человека. Это же не просто термометр, а термометр, измеряющий эмоции. Отношение одного живого существа к другому. Ноль – никакого отношения. Если столбик ртути пошёл вверх, значит, отношение положительное. Чем выше он поднимается, тем горячее эмоции. Двадцать градусов по Цельсию – степень положительного отношения куровцы к обыкновенному петуху.

– А наоборот... – догадался Стендаль.

– И наоборот! Петух презирает куровцу. И это факт.

– Невероятно! – воскликнул Стендаль. – Я напишу об этом.

– Ни в коем случае. Опыты с куровцами я закрываю. Я не могу вывести расу презираемых отщепенцев – кур, на которых их товарки будут смотреть с презрением, цыплят, которых будут обижать сверстники, петухов, которых не одарит любовью ни одна подруга.

– Я не о том, – сказал Стендаль. – Я о градуснике.

– Ах, оставьте, молодой человек! Я потратил на изготовление термометра полчаса. Это же вспомогательный прибор.

– И всё-таки...

– Всё. Наш разговор окончен. С завтрашнего дня выводим длинношёрстных коров-мериносок.

Стендаль распрощался и покинул комнату в состоянии преклонения перед концентратом изобретательского гения, обитавшим в тугом теле профессора.

«Да, – рассуждал Стендаль, пересекая двор, – полчаса мышления – и перед нами замечательный прибор. Но изобретателю прибор замечательным не кажется. Ему это уже неинтересно, он пошёл дальше. А ведь сколько применений может найтись такому градуснику...» Стендаль остановился посреди двора.

– Да, – сказал он вслух. – Именно так.

И вернулся к профессору.

– Простите, – сказал он от двери, потупив взор, – у меня к вам личная просьба.

– Да? – Профессор заложил пальцем страницу в книге.

– Я, простите, нахожусь в таком положении, когда мне очень важно... Ах нет! Не это...

Стендаль заметил, что рука профессора начала совершать медленное движение к карману замшевого пиджака, где должен был храниться бумажник с деньгами.

– Вы не могли бы одолжить мне на два часа ваш градусник? Я верну вам его в полной сохранности, сегодня же.

Стендаль заметил, как на ближайшую к нему стену упал алый отблеск – от его щеки.

– Вы влюблены? – спросил строго профессор.

– В некотором смысле.

– Я, честно говоря, зарёкся давать в руки любителей мои изобретения.

– Но мне только узнать... понимаете, вверх или вниз? Только узнать, и всё. Я же не буду воздействовать.

– Эх, молодёжь! – сказал укоризненно профессор. – В моё время мы заглядывали друг другу в глаза.

– Но здесь особый случай.

– Все случаи особые. Стандартных не бывает, – сказал профессор. – Иначе бы любовь потеряла романтический ореол. Возьмите термометр, молодой человек. Желаю личного счастья!

Дорогу до редакции Стендаль провёл в размышлениях. Градусник оказался столь велик, что употребить его незаметно было невозможно. Жаль, что он не похож на наручные часы. Придётся его вынуть в присутствии Эммы. Но под каким предлогом?

– Тебя главный спрашивал, – встретил Стендаля Степан Степанович, редакционный ветеран, пушкинист-любитель. – Велел, как появишься, – к нему. На ковёр.

– А что? – Стендаль рухнул на грешную землю и мысленно ушибся: беседы с главным редактором редко проходили безболезненно, Малюжкин полагал, что его газета – центр Вселенной.

– Мы же начинание профессора Минца подхватили, на весь район аванс дали, а ты очерка не несёшь.

– Эта тема закрыта, – сказал Стендаль. – Всё. Выводим мохнатых коров.

– С твоим профессором не соскучишься. Только вряд ли Малюжкин тебя поймёт. Он уже отрапортовал, сам понимаешь.

Стендаль положил на стол свою потёртую папку. Мысли его сразу же покинули редакцию и перенеслись в тот близкий миг, когда он наконец узнает, да или нет... да или нет. А вдруг этот градусник реагирует только на кур?

Стендаль осторожно раскрыл папку, извлёк градусник. Сердце колотилось. Руки дрожали. Градусник был тёплым и увесистым.

– Ты чего? – спросил Степан Степанович, поднимая голову. – Градусник купил? Детей купать? Да у тебя и детей-то нет.

Стендаль смотрел на шкалу. Ртутный столбик покачался у нуля, пополз наверх и замер в районе семи градусов. Немного. Стендаль полагал, что Степан Степанович ему симпатизирует.

– Нет, – сказал он, стараясь казаться равнодушным. – Новая модель. Мгновенно измеряет температуру, влажность, давление и насыщенность воздуха пылью. Минцу прислали на испытания.

– Ой, Миша, Миша! – вздохнул Степан Степанович. – Взрослый парень, а шутишь над пожилыми.

Он сел обратно, а ртутный столбик пополз вниз.

– Простите, Степаныч! – взмолился Стендаль. – Я не шутил над вами. Вы знаете, как я вас уважаю.

Редакционная секретарша, тайно влюблённая в Стендаля, о чём знала вся газета, заглянула в комнату.

– Миша, – сказала она, – вас главный спрашивает.

Стендаль тут же направился к ней, не спуская глаз со шкалы. По мере приближения к секретарше столбик начал расти. Когда температура поднялась до двадцати пяти, Стендаль спрятал градусник за спину и улыбнулся секретарше.

– Спасибо, – сказал он.

– За что, товарищ Стендаль? – зарделась секретарша.

– Сте-е-енда-а-аль! – донёсся отдалённый рык.

Редактор Малюжкин глядел в упор на стоявшего в дверях Стендаля. Взгляд из-под густых чёрных бровей был ясным и твёрдым. Малюжкин был красив и величествен, седеющие упругие кудри и глубокие морщины в углах рта придавали ему сходство с каким-то известным киноактёром.

– Садись, Михаил, – сказал Малюжкин.

Стендаль положил градусник на колени так, что письменный стол закрывал его от взора главного редактора.

– У профессора Минца был?

– Только что от него, – сказал Стендаль.

– Как новая порода пернатых, то есть, – Малюжкин улыбнулся, – волосатых?

– Профессор отказался от дальнейших опытов.

– Не надо шуток, – сказал Малюжкин. – Не время. Несколько хозяйств запросы прислали. Есть возможность возглавить движение. Отказываться поздно. Надеюсь, ты так и сказал профессору?

Стендаль покосился на градусник. Под столом было темно, пришлось вытянуть его оттуда. Столбик нервно метался возле нуля.

– А мы, – продолжал задумчиво редактор, – уже шапку придумали: «Золотое руно птицеферм!» Красиво?

– Это, конечно, хорошо, – согласился Стендаль. – Но профессор уже начал выводить длинношёрстных коров. И мы можем набрать другую шапку: «Золотое руно скотных дворов!»

– Издеваешься? В тот момент, когда наша газета может прославиться на всю область? Иди и без согласия профессора разводить длинношёрстных кур не возвращайся. Если к шести не будет согласия, пеняй на себя.

Стендаль вздрогнул. В шесть у него было свидание с Эммой.

– Товарищ редактор! – взмолился он. – Профессор не согласится. Профессор меня не примет. Профессор занят.

– Ах, всё отговорки! – сказал Малюжкин. – Всё отговорки. А в номере должны быть новые данные о курах. Без сомнения.

Стендаль понял, что правдой здесь ничего не добьёшься. Главное было – выиграть время.

– Профессор Минц, – сказал Стендаль, – попал под машину. Ничего страшного.

– Как ничего страшного? Гордость науки нашего города – под машиной, а ты считаешь, ничего страшного? Где он? В больнице?

– В городской. Его завтра выпишут. Лёгкие ушибы.

– Сейчас же звоню туда, – сказал Малюжкин, протягивая руку к телефону.

– Зачем? Он не может разговаривать. У него нервный шок.

– Странно. А ты уверен, что это не шутка?

– Такими вещами не шутят, – сказал Стендаль, проклиная себя за душевную слабость.

Одна ложь всегда тянет за собой другую. И остановиться нельзя. Надо лгать. Пускай завтра на него обрушатся все громы и молнии. Через полчаса он должен стоять у входа в городской парк. А дальше... Ему будет всё равно.

– Ты уверен? – настаивал Малюжкин.

– Я знаю это наверняка, – сказал Стендаль мрачно. Собственная ложь была отвратительна, но остановиться он не мог. – Потому что всё это произошло на моих глазах. Профессор спас меня.

– Спас тебя?

– Да. Мы стояли с ним на улице. Ребёнок выбежал на мостовую, и гружёный самосвал... – Стендаль перевёл дыхание. Он чувствовал, что излагает воображаемое событие языком газетной заметки, – не успев затормозить, был вынужден выехать на тротуар. На пути грузовика оказался сотрудник городской газеты М. Стендаль. Всего мгновение оставалось до трагедии. Но в этот момент находившийся рядом известный учёный Л. Х. Минц успел оттолкнуть Стендаля в сторону, получив при этом лёгкие телесные повреждения. Так и было.

– Не может быть! – Стиль рассказа убедил Малюжкина, что Стендаль говорит правду. – Какой поступок! Но ты уверен, что завтра он вернётся к нашим курам?

– Вернётся, – сказал Стендаль дрожащим голосом.

– Тогда срочно пиши небольшое сообщение. Назови его «Так поступают настоящие учёные!». Изложи всё как было. Ни слова неправды. В завтрашний номер. Ясно?

– Ясно.

Стендаль понял, что ложь засосала его, как бездонное болото. Спасения нет.

Сжимая в потной руке градусник, Стендаль поднялся.

– Я пойду?

– Иди. Одну минутку. Как напишешь, сразу в больницу. Не забывай, кто тебя спас. Вот, возьми пять рублей. На все купишь цветов. Самых свежих. От газеты. От коллектива. Иди.

Стендаль взял свободной рукой деньги.

– А это градусник? – догадался Малюжкин. – Для него? Он просил?

Стендаль кивнул. Говорить он не мог. Он отступил к двери. Спиной. Поэтому не заметил, как дверь отворилась.

Сзади раздался знакомый быстрый голос:

– Извините, что ворвался! Разыскивал вашего молодого сотрудника. Он забыл у меня свою белую кепочку. А я проходил мимо.

Стендаль не мог заставить себя посмотреть в глаза редактору Малюжкину. Он не мог заставить себя обернуться и посмотреть в глаза профессору Минцу. Он смотрел на градусник, направленный шариком ртути в сторону главного редактора газеты.

И в наступившем молчании Стендаль увидел, как столбик ртути стремительно катится вниз. Вот уже тридцать градусов мороза, сорок. Послышался лёгкий треск. Стеклянный столбик не выдержал эмоционального мороза, исходившего от редактора Малюжкина, лопнул, и ртуть серебряными брызгами разлетелась по кабинету.

До назначенного свидания оставалось всего пятнадцать минут.

Предисловие

Когда встречная ракета приблизилась, из иллюминатора высунулся сирианец и, взмахнув шляпой, закричал:

— Кого я вижу! Гусляр в космосе!

— Великий Гусляр — это город, — с достоинством ответил Корнелий Удалов, — а я всего-навсего один из его жителей.

— Это все равно, — весело отозвался сирианец, и его ракета помчалась дальше, скрываясь в звездной дали.

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ МИКРОБ

Глава первая,
в которой Корнелий Удалов получает приглашение на СОС и принимает решение

Утренняя почта доставила Корнелию Ивановичу Удалову авиаконверт, в котором было письмо следующего содержания:

Уважаемый Корнелий!
Ты приглашён на первый СОС делегатом от Земли
с правом решительного голоса. Твоё явление обязательно.
В случае неявления ответственность делит вся Земля,
которая будет дешифиширована сроком на 34 про-ку-ла.
Первый СОС состоится с 21 по 36 июля с. г.
по адресу: 14ххXX-5:%=ъ34.
Транспорт, сопровождение, кормление, погребение
(в случае необходимости), приемлемую температуру
и влажность обеспечивает Оргкомитет СОС.

Созывающий секретарь ОК СОС Г-Г.

Удалов дважды прочёл приглашение, потом подошёл к окну и с грустью поглядел на двор. Двор был зелёным, уютным, старуха Ложкина развешивала бельё, тяжёлые капли воды падали с белых простыней на траву, рыжий петух взлетел на раскрытую дверь сарая и громко хлопал крыльями, из окна Гавриловых доносилась джазовая музыка, а по голубому утреннему небу плыли розовые облака, под которыми с пронзительными криками носились стрижи. И вот этот мирный, обжитой и родной мир придётся покинуть ради неизвестного СОС, ради сомнительных наслаждений и реальных опасностей космического путешествия.

– Придётся ехать, – сказал Удалов, отворачиваясь от окна и с нежностью глядя на Ксению, которая собирала на стол завтрак. – Какое сегодня число?

– Восемнадцатое, – ответила Ксения, поглядев на настенный календарь. – Куда собрался? Опять на рыбалку?

– Три дня всего осталось, – задумчиво произнёс Удалов. – Не на рыбалку, а на первый СОС.

– И не мечтай, – возмутилась Ксения. – Хватит с нас. Небось опять пришельцы? Опять жертвовать своим временем и нервами ради галактической дружбы?

– Надо, Ксюша, – сказал Удалов и сел за стол.

Позавтракав, он пошёл к Николаю Белосельскому.

Глава вторая,

в которой Удалов беседует с Николаем Белосельским и выслушивает возражения

Николай Белосельский учился в одном классе с Корнелием Удаловым. Окончив школу с золотой медалью, уехал в область, где с отличием завершил высшее образование, а затем, заслужив уважение своими способностями и любовью к работе, был направлен в родной город на руководящий пост.

Белосельский возвращался в Великий Гусляр с большой неохотой. Он был человеком принципиальным, серьёзным и объективным, а потому предчувствовал неизбежность конфликтов. Живое воображение подсказывало ему, что при известии о его скором приезде многие жители города начнут говорить: «Как же, помню Кольку Белосельского!

Я с ним в детском саду баловался». Или: «Колечка? Белосельский? Близкий человек! Моя двоюродная сестра Леокадия была замужем за его дядей Костей». Беда небольшого города в том, что все всех знают.

Предчувствия Белосельского оправдались. На улицах к нему подходили незнакомые люди, напоминали об общем счастливом детстве, а затем приглашали в гости или просили протекции. В кабинет проникали троюродные бабушки, желавшие улучшить жилищные условия, и приятельницы по пионерскому лагерю, лгавшие о непогасшей любви.

Белосельский стал нелюдим, избегал людей, страшась неожиданного крика: «Колька, друг!», – был строг к родственникам и похудел. Он мечтал о переводе в далёкий Петропавловск-Камчатский. Но своей принципиальности он не изменил.

Удалов знал о драме Белосельского и поэтому, хоть и сидел с ним шесть лет за одной партой и совместно владел голубятней, ни разу не зашёл к нему домой, а встречаясь на совещаниях, сдержанно здоровался, избегая прямого обращения. Белосельский тосковал по старой дружбе и рад был как-нибудь посидеть с Удаловым, вспомнить далёкое детство, но сдерживался. Борьба с фаворитизмом не должна знать исключений.

Удалов вошёл в кабинет Белосельского и с порога сказал:

– Доброе утро. Я по делу.

– Здравствуй, Корнелий, – ответил Белосельский. При виде Удалова взгляд его смягчился, и ему захотелось сказать бывшему другу что-нибудь тёплое. – Погода хорошая в этом году. Радует нас июль.

– Да, жарко, – согласился Удалов.

– Ты садись. Как в стройконторе дела? План сделаете?

– Постараемся, – сдержанно пообещал Удалов, сел и вытащил из кармана приглашение.

– Когда в отпуск? – спросил Белосельский.

– Уж и не знаю. Собирался в августе, да вот... Надо посоветоваться.

Он ладонью перегнал по столу к Белосельскому приглашение и стал ждать.

Белосельский внимательно прочёл письмо, кинул на Удалова быстрый взгляд, затем вынул из деревянного высокого стакана хорошо заточенный карандаш и стал читать письмо вновь, помечая галочка-

ми ошибки и ставя в непонятных местах на полях вопросительные знаки. Удалов глядел в окно, за которым ворковали голуби, и мечтал о рыбалке.

Дочитав письмо вторично, Белосельский задумался, не поднимая глаз. В письме таилась каверза. Не стоило распускаться и радоваться при виде Удалова. Ведь он друг детства и потому вдвойне опасен. Недаром он все эти месяцы держался на расстоянии и проявлял тактичность. И ты, Брут, расстроился Белосельский. Уж лучше бы попросил новую квартиру. Думая так, он нечаянно встретился взглядом с чистыми голубыми глазами Удалова, увидел его гладкий выпуклый лобик, полные розовые щёки, курчавую поросль вокруг ранней лысины и неожиданно для себя спросил:

– СОС – это что такое?

– Ума не приложу, – честно признался Удалов.

– Ясно, – сказал Белосельский. Потом добавил: – Как известно, в июле тридцать один день.

– У них, видно, система отсчёта другая, – сказал Удалов. – Так может, не стоит ехать?

– Не стоит, – согласился Белосельский.

– И жена будет рада. Недовольна она моими космическими связями. Ревнует.

– О семье тоже подумать надо, – сказал Белосельский. – О семье мы зачастую забываем.

– Значит, решили? Мне же посоветоваться надо было. А с кем посоветуешься по такому вопросу? Я пошёл? А то в контору опоздаю.

– Иди. Работай спокойно.

– Спокойно не получится, – возразил Удалов. – Спокойно нельзя, потому что буду тревожиться за судьбу Земли.

– А что такое?

– Дешифишировкой грозят. На тридцать четыре про-ку-лы.

– Про-ку-ла, – поправил Белосельский, заглянув в приглашение. – Чепуха какая-то.

– Конечно, чепуха, – согласился Удалов. – Может, обойдётся.

Белосельский подчеркнул слово «дешифиширована» красным карандашом.

– В словарь иностранных слов заглядывал? – спросил он.

– Там нету. У них своя терминология.

Белосельский посмотрел в окно. Ворковали голуби, облака сгустились, в отдалении гремел гром. Белосельскому очень хотелось уехать в Петропавловск на далёкую Камчатку, где нет друзей детства.

– Значит, игнорируем? – переспросил Удалов. Он стоял посреди кабинета, переминался с ноги на ногу. Ему было не по себе, что он поставил Колю Белосельского в неловкое положение.

– А если это не шутка? Нам бы ясность.

– Откуда ей быть?

– А как ты планировал туда ехать? Адрес неразборчивый.

– Для них понятно. Для них это всё равно что для нас Малые Кочки.

Друзья детства немного помолчали. Удалов подумал, что, если удастся отделаться от СОС, надо будет позвать Колю на рыбалку.

– Если приедут, – решил Удалов, – я им скажу, что заболел. Или тёща заболела. Дипломатично, и никто не в обиде.

– Это разумно, – согласился Белосельский. Он понял, что Удалов искренен и прост. – Так и скажешь.

– А это... насчёт рыбалки. – Но завершить приглашение Удалов не успел.

Посреди кабинета, как раз между Удаловым и столом Белосельского, возник человек в чёрном трико. В облике его было что-то неземное.

– Простите, – сказал человек быстро, с лёгким инопланетным акцентом. – Я из СОС. Ищу Удалова Корнелия. Корабль на орбите. В чём задержка?

– Я не еду, – быстро произнёс Удалов. – Я заболел.

– Поедешь, – просто ответил человек в трико. – Надо, Корнелий.

– Погодите, – вмешался в разговор Белосельский. – Во-первых, это мой кабинет.

– При чём здесь кабинет? – удивился человек в трико. – Я должен доставить Удалова на первый СОС, а у нас пересадка на Альдебаране. Времени в обрез.

И посланец СОС властно положил руку на плечо Удалову.

Удалов метнул отчаянный взгляд на Белосельского. Что ещё придумать?

– Может быть, произошла ошибка? – спросил Белосельский. – Может быть, вы ищете другого Удалова?

– Именно этого, – сказал посланец. – Он уже вычислен и по всем параметрам подходит для СОС.

– Так хоть скажите, кто такой этот СОС! – взмолился Удалов, пытаясь высвободить своё мягкое плечо от железной хватки человека в трико.

– Съезд Обыкновенных Существ.

– Я недостоин!

– Правильно, – поддержал Удалова Белосельский. – Почему представлять Землю на международном форуме должен именно Корнелий Иванович? Мы могли бы порекомендовать вам более достойных представителей. Например, инженера Сидорова. Общественник, спортсмен, рационализатор, выдающийся человек.

– Правильно! Сидорова! – крикнул Удалов.

– Нам не нужен Сидоров, – сказал посланец. – Нам нужен Удалов.

– Странно, – сказал Белосельский, и в этот момент зазвонил телефон.

Белосельский взял трубку, не согнав хмурой складки со лба. А Удалов, воспользовавшись паузой, спросил посланца:

– Домой за вещами можно зайти?

Удалов уже понял, что от СОС ему не отвертеться.

– Некогда. – Посланец подхватил Удалова за пояс и сильно повлёк вверх, к потолку.

Последнее, что Удалов увидел в кабинете Коли Белосельского, было запрокинутое кверху встревоженное лицо старого друга. Лицо пропало, и через секунду Удалов, подлетая к небольшому летающему блюдцу, уже смотрел на Великий Гусляр с высоты километра.

А Белосельский, проводив глазами Удалова, произнёс в телефонную трубку:

– Повторите, что вы сказали?

– Не пускайте Удалова на СОС, – ответил странного тембра далёкий голос с инопланетным акцентом. – Это может трагически кончиться для Земли.

– Кто вы?

– Доброжелатель.

– Удалов уже улетел, – сообщил Белосельский. – Назовите своё имя и причины, по которым вы не желаете присутствия Корнелия Ивановича на международном съезде.

– Жаль, что упустили, – ответил инопланетный голос. – Пеняйте на себя.

В трубке что-то щёлкнуло, и затем женский голос известил:

– Разговор с Омегой Дракона закончен. Три минуты.

Белосельский сказал: «Спасибо» – и медленно положил трубку.

Глава третья,

в которой Удалов совершает пересадку на Альдебаране

Космический корабль набрал скорость. Земля скрылась из глаз, и Солнце превратилось в незначительную жёлтую звезду. За иллюминатором клубились туманности. Удалов отошёл от окна и похлопал себя по карманам, проверяя, на месте ли документы. Посланец поставил корабль на автопилот и обратился к Удалову:

– Повезло. Успели.

– А что? – спросил Удалов.

– Могли задержать. Что-то твоя, Удалов, скромная персона вызывает повышенный интерес в определённых кругах.

– Вот это лишнее, – сказал Удалов. – Я к вам на СОС не напрашивался, лечу из чувства долга. В любой момент согласен вернуться. Тем более что на Земле миллионы более достойных.

– Может быть, – согласился посланец, – достойных миллионы, а Удалов один.

– Ну что ж, – не стал спорить Удалов, – будем считать, что мне повезло. Увижу новых братьев по разуму.

– Садись, перекуси, – уклончиво ответил посланец. – На Альдебаране буфет паршивый.

Они пообедали и начали торможение перед Альдебараном.

Любознательный Удалов был потрясён зрелищем космопорта на Альдебаране. В громадных залах гуляли, сидели, отдыхали, пари́ли, висели вниз головами, спорили, ожидали, стояли в очередях за билетами, питались в буфете десятки тысяч альдебаранцев, сирианцев, дескасийцев, тори-тори, прулей, кофкриавфеев, 45/67-цев, молчаливых испужников, вегиан, плетчиков, моссадеров, антропоидных локов, порников, апрет-тт-воинейцев и многих других, имён которых Удалов не запомнил. И ни одного обитателя Солнечной системы.

Посланец подхватил Удалова за пояс и сильно повлёк вверх, к потолку.

Посланец быстро провёл обалдевшего от разнообразия разумной жизни Удалова сквозь толпу, протолкнул его в узкую дверь с непонятной надписью и сказал:

– Жди здесь. Рекомендую не покидать помещения. Иначе пеняй на себя. А я билеты закомпостирую.

Посланец удалился, а Корнелий Иванович осмотрел помещение. По здешним меркам оно было невелико, от изящного фонтана распространялся мускусный аромат, вокруг стояли мягкие кресла. Большинство кресел пустовало. В остальных скучали существа в странных одеждах.

Удалов прошёл к свободному креслу и сел. Он старался вести себя так, словно космические путешествия ему не в диковинку. В общем, это так и было, хотя Удалов уже три года не попадал в дальний космос, а на великом пересадочном вокзале Альдебарана оказался впервые.

Остальные обитатели кресел кинули в сторону Удалова равнодушные взгляды и вернулись к своим занятиям. Было тихо. Порой динамик под потолком начинал урчать на чужих языках, видимо объявляя посадку. Удалов подумал: как там Ксения, наверное, волнуется? Послать бы ей телеграмму, да разве здесь отыщешь телеграф? На всякий случай он обратился к своему соседу, который снизу и до плеч был схож с человеком, но книжку, которую он читал, держал в цепких щупальцах, склонив к странице изысканную пернатую голову с клювом вместо носа.

– Простите, – сказал Удалов. – Вы не знаете, здесь телеграммы на Землю принимают?

Существо отложило книжку, склонило голову набок и сказало:

– Чир-чрик-чири-пипити.

– Простите?

– Не обращайте внимания, – послышался голос с другой стороны. – Он по-русски не понимает.

Удалов с чувством облегчения повернулся в сторону голоса и увидел подтянутого, стройного и хорошо одетого кузнечика метрового роста.

– А вы понимаете?

– Я понимаю, – сказал кузнечик. – Я синхронный переводчик. Лечу на первый СОС.

– И много языков знаете? – спросил Удалов.

– Трудно сказать, не считал, – ответил кузнечик. – А вы, судя по нерешительности манер, провинциальному виду и глуповатому лицу, из города Великий Гусляр?

– Угадали! – обрадовался Удалов. Он даже пропустил мимо ушей нелестные высказывания кузнечика. – Откуда вы про мой город знаете?

– И зовут вас Корнелий Иванович, – добавил кузнечик. – Не отказывайтесь. Очень приятно. Я проглядывал списки делегатов, а у меня феноменальная память. Так что, пойдём, отправим телеграмму вашей супруге Ксении?

– А на корабль не опоздаем? – встревожился вдруг Удалов.

– Задержат, – ответил кузнечик. – Без нас не полетят. Я забыл представиться. Меня зовут Тори, с планеты Тори-Тори, из города Тори, с улицы имени Тори.

– Столько совпадений сразу? – осторожно спросил Удалов, который понимал, что в Галактике что ни планета – свои обычаи и порой невежливым вопросом можно нанести смертельное оскорбление или даже вызвать войну.

– Нет, – ответил синхронный переводчик. – У нас все Тори, и все города Тори, и все улицы имени Тори.

– А не путаете?

– Наоборот. Просто. Не спутаешь.

– Это верно, – согласился Удалов. – Так где же телеграф?

Кузнечик быстро вскочил с кресла, потянул Удалова острым коготком к двери, затем завёл за угол, и они оказались в низком белом помещении, у стены которого были установлены рукомойники различного размера, формы и высоты.

– Здесь мы можем говорить спокойно. Никто не подслушивает, – прошептал кузнечик Тори. – У тебя есть что на продажу?

– Не понял, – сказал Удалов. – Я на телеграф хочу.

– Нет здесь связи с Землёй. Я тебя серьёзно спрашиваю. Что везёшь? Драгоценности? Сувениры?

– Ты меня удивляешь, – произнёс Удалов. – Откуда у меня драгоценности? Я сюда так спешил, даже домой зайти не успел, плаща не взял.

– Жаль, – огорчился кузнечик.

– Странно, – вздохнул Удалов, наблюдая, как какой-то транзитник моет свои семь лап. – Ты языки знаешь, наверное, зарабатываешь неплохо. А решил спекуляцией заняться.

– Я авантюрист, – сказал кузнечик просто. – Ничего не поделаешь. А мои языковые способности на конференции никому не нужны. Тебе знание всех языков вместе с мандатом выдадут.

– Так ты говоришь, нет здесь телеграфа?

– Откуда ему быть? Кто отсюда шлёт телеграммы на Землю? Наивный ты, Удалов.

– Нет, – сказал Удалов. – Я доверчивый.

В этот момент динамик, который висел у них над головами, прервал лопотание на неземном языке и заговорил по-русски:

– Удалов Корнелий Иванович, вас ждут у статуи Государственного колена в центре восьмого зала. Повторяю, делегата первого СОС Удалова Корнелия Ивановича ожидают в центре восьмого зала у статуи Государственного колена.

– Вот видишь, – сказал Удалов кузнечику. – А ты говорил.

– Погоди, – встревожился кузнечик. – Один не ходи.

– Так пойдём вместе, – предложил Удалов.

Через две минуты Удалов и Тори стояли возле внушительного бронзового памятника Государственному колену. Удалов огляделся. Вокруг всё так же кипела толпа. «Кто бы это мог быть? – думал Удалов. – Неужели Коля Белосельский прилетел?»

– Корнелий! – раздался рядом девичий голос.

К Удалову спешила девушка ослепительной красоты и редкого обаяния, одетая легко, в серебристый купальный костюм. При виде Корнелия девушка широко раскрыла голубые глаза и лукаво улыбнулась, показав множество жемчужных зубов в обрамлении полных розовых губ.

– Осторожно, Корнелий! – предостерёг кузнечик.

– Я понимаю, – согласился Корнелий, не в силах отвести взгляда от красавицы.

– Я счастлива, – сказала девушка, тонкими пальцами дотрагиваясь до руки Удалова. – Я мечтала встретиться с тобой. Пошли. Наш уютный летающий рай ждёт у второго причала. Мы проведём с тобой отпуск у журчащего ручья возлюбленных, под сенью бананов забвения. Идём, мой кролик!

И Удалов, ровным счётом ничего не понимая и ни о чём не думая, покорно последовал за красавицей. И может быть, дошёл бы с ней до второго причала и добрался бы до бананов забвения, если бы его не перехватила жёсткая рука посланца в чёрном трико.

– Делегат Земли, – произнёс посланец твёрдо, – вы забываетесь.

– Он мой, – сказала красавица нежно. – Ты мой, подтверди.

– Я твой, – кивнул Удалов.

Кузнечик бросился вперёд и вклинился между Удаловым и красавицей.

– Удалов! – сказал он, оглядываясь на посланца. – С нашей точки зрения эта особь не представляет интереса. Возможно, она синтетическая...

– Не верь им, Корнелий, – возразила красавица, – сами они синтетические.

Посланец подхватил сопротивляющегося Корнелия под руки и быстро повлёк за собой. Удалов рванулся из рук посланца, красавица громко рыдала и взывала к Удалову.

– С первого взгляда! – кричала она. – Я полюбила. На всю жизнь. Я не перенесу разлуки!

– Я тоже! – ответил Удалов.

Транзитные пассажиры с любопытством смотрели на эту сцену, полагая, что наблюдают чей-то национальный обычай.

Через десять минут кузнечик с посланцем посадили потерявшего от любви рассудок Удалова в космический корабль и привязали его к креслу, а Удалов всё ещё не мог прийти в себя и повторял:

– С первого взгляда... с первого взгляда и на всю жизнь.

Глава четвёртая,

в которой Удалов прилетает на место проведения первого СОС

Вскоре после взлёта посланец дал Удалову таблетку, и Корнелий заснул. Когда он проснулся, корабль уже подлетал к планете 14ххXX-5:%=ъ34, где проводился СОС. Голова болела, конечности дрожали. Удалов видел перед собой прекрасные голубые глаза, но эти глаза были подёрнуты дымкой прошлого. Он услышал, как рядом тихо разговаривают его спутники, но ни слова не понял, кроме знакомой фамилии – Удалов. С трудом Корнелий вспомнил, что это его фамилия.

– Вам лучше? – спросил синхронный кузнечик. – Припадок любви миновал?

– Плохо, – ответил Удалов. – В жизни со мной такого не случалось с десятого класса средней школы.

– И как в десятом классе? – спросил синхронный кузнечик. – Обошлось?

– Я уж не помню деталей, – сказал Удалов. – Но было нелегко.

Кузнечик задумался, приставив коготок ко лбу, а сопровождающий посланец сказал:

– Нам это не нравится. Слишком пристальное к тебе, Удалов, внимание.

– И то правда, – согласился Удалов. – Она же меня по имени знала. Может, фотографию где-нибудь видела?

– Ты что, думаешь, она тебя на фотографии увидела, влюбилась и начала за тобой по космосу гоняться?

– Но ведь бывает, – сказал робко Удалов. Ему хотелось верить в любовь.

– А скажи, Корнелий, – спросил посланец. – Ты по земным меркам красавец? Герой? Любимец женщин?

– Пожалуй, так не скажешь, – признался Удалов. – Я скорее обыкновенный.

– Так и должно быть. Иначе бы тебя на СОС не отобрали. А лицо той женщины тебе знакомо?

– Нет. Только если в мечтах...

– Тем более это меня тревожит, – заключил посланец.

И тут корабль начал тормозить, а за иллюминатором появилась частично покрытая облаками планета.

Корабль с Альдебарана пристал к спутнику медицинского контроля. Когда Удалов вслед за кузнечиком и посланцем сошёл с корабля, он оказался в длинном белом зале, где его и других пассажиров поджидали медики в халатах и масках. Медики поделили между собой пассажиров и принялись их обследовать.

Удалов достался солидной женщине, которая приказала ему раздеться, а потом напустила на свою жертву с десяток шустрых механизмов, которые опутали Удалова проводами, искололи иглами, промыли желудок, сделали рентген – и это за какие-то две минуты. Исследуясь, Удалов не терял присущей ему любознательности и наблюдал, как об-

рабатывают остальных пассажиров. В сплетении проводов и иголок поблёскивал жёлтый живот кузнечика, а у посланца под чёрным трико оказались смятые розовые перья.

Механизмы, завершая работу, извлекали из себя длинные листочки жёлтой бумаги и передавали их врачихе. Врачиха читала их и накалывала на штырь, к которому уже была прикреплена неизвестно когда сделанная цветная и малопохожая фотография Корнелия Ивановича.

Врачиха взглянула на очередной бумажный листочек, громко присвистнула и сказала:

– Ну и дела!

Удалов встревожился.

Врачиха нажала на кнопку в подлокотнике кресла и отъехала от Удалова метров на пять.

Кузнечик и посланец уже спокойно одевались. Видно, для них осмотр закончился благополучно.

Врачиха свистнула погромче, и рядом с её креслом появились ещё два врача. Все трое начали внимательно изучать листочки, пересвистываясь и бросая на Удалова укоризненные взгляды.

– Тори, – позвал Удалов. – Чего они у меня нашли?

Кузнечик, застёгивая свой элегантный костюм, подошёл поближе и свистнул врачам на их языке. Врачи в ответ высвистели целую песню, а механизмы с новой силой принялись вертеть, колоть и мять Удалова.

– Ты учти, – предупредил Удалов, – я долго не выдержу. Они меня терзают.

– Потерпи, – сказал кузнечик. – Плохо твоё дело.

Удалов так испугался, что закрыл глаза. Этого делать не следовало, потому что перед его внутренним взором сразу возникла прекрасная незнакомка и начала любовно вздыхать.

Удалов задрожал и тут услышал голос посланца:

– Корнелий, слушай меня внимательно. Тебе придётся пройти дезинфекцию. Ясно?

– Ничего не ясно. – Удалов раскрыл глаза, увидел, что врачи смотрят на него строго и опасливо. – В чём дело?

– А в том, что ты прибыл с отсталой планеты, на которой масса микробов и вирусов. Среди них абсолютно неизвестные галактической науке и, возможно, опасные для окружающих.

– Может, домой отпустите? – спросил Удалов.

Но голос его прозвучал неискренне. И не потому, что ему хотелось заседать на СОС, а потому, что в нём жила надежда ещё раз встретиться с прекрасной незнакомкой. Он понимал всю губительность такого намерения, но его душа жаждала встречи и страдала.

– Домой возвращаться поздно, – сказал посланец. – По вашим, земным, варварским, меркам ты здоров. По нашим же ты – заповедник заразы.

– Что делать, – лицемерно вздохнул Удалов. – Такие уж мы уродились.

Больше он ничего не сказал, потому что сверху на него опустился металлический колпак, и в полной тьме Удалову показалось, что его разбирают на части. Так оно и было. И пока карантинный контроль не промыл каждую клетку его тела, Удалова как личности не существовало. Затем его собрали вновь, к счастью, точно таким, как прежде, вернули костюм и прочую одежду. Одежда воняла карболкой, а ботинки сделались жёсткими. Внутри тела всё чесалось. Жизнь стала такой некомфортабельной, что Удалов забыл о красавице.

Посланец повёл Удалова к выходу из зала, а врачи смотрели им вслед и громко пересвистывались.

– Они такого в своей практике не видали, – перевёл кузнечик.

За первым залом поджидала вторая проверка. Удалова измерили, сверили с фотографией в паспорте. Тут он не выдержал и сказал:

– Вижу, что здесь у вас неладно. Чего-то опасаетесь, кого-то боитесь. Поделитесь со мной опасениями.

– Не могу, – ответил посланец. – Не имею полномочий. Всё в своё время.

Глава пятая,

в которой Удалов прибывает на СОС и старается обжиться на новом месте

До гостиницы доехали быстро, в основном туннелями, так что Корнелию не удалось полюбоваться местной архитектурой.

В холле гостиницы, украшенном множеством флагов и лозунгов на неизвестных языках, посланец подвёл Удалова к длинной стойке, передал его милой пожилой даме с тремя глазами и в очках. Потом вежливо, но без душевности, распрощался.

Дама близоруко водила носом по спискам делегатов, наконец отыскала его фамилию.

– Удалов, – сказала она, – Корнелий Иванович. Место обитания – Земля. Возраст средний, социальное положение среднее, достаток средний. Я правильно излагаю?

– Не спорю, – согласился Удалов.

В гулком холле звучали, переплетались голоса, различного вида существа собирались небольшими группами, общались между собой, порой пробегали организаторы разных рангов, а роботы-официанты разносили подносы с жидкостями в бокалах.

– Так, – продолжала пожилая дама. – Вы двуногий, кислорододышащий, размер средний, температура средняя. Вот вам ключ от комнаты триста два двенадцать. Лифт на тридцатый этаж, северное крыло по коридору вправо. Теперь держите мандат и папку. Проверьте, всё ли на месте.

Старушка передала Удалову папку делегата. Папка была чёрной, пластиковой, с тиснением, а в ней нашлись следующие вещи:

1. Блокнот, авторучка, которая, как вскоре догадался Удалов, меняла цвет чернил в зависимости от настроения владельца, ластик, стирающий не только написанное, но и память о нём.

2. Таблетки, они же талоны на питание в столовой для кислорододышащих. В случае нужды их можно было принимать от несварения желудка.

3. Папка докладов, запланированных заранее, путеводитель по гостинице со встроенным компасом, аппарат для записывания мыслей, три объёмные видовые открытки, значок.

4. Брошюра «СОС – надежда Галактики».

5. Бланк для голосования.

6. Приглашение на заключительный банкет и текст тоста-экспромта, который Удалов должен произнести от имени земного человечества.

7. Билет до Земли с пересадкой на Альдебаране.

– Ознакомились? – спросила дама.

– Да, – подтвердил Удалов. – Интересно.

– А теперь снимите пиджак и закатайте рукав сорочки.

Дама держала в руке большой шприц.

– Это ещё зачем?

– Вакцина для преодоления языкового барьера, – объяснила пожилая дама и вкатила Удалову два кубика раствора.

Было больно. Но действие вакцины сказалось сразу. Многочисленные неразличимые голоса стали разделяться по смыслу, и, что самое удивительное, стали понятны все вывески и плакаты, висевшие вокруг.

Удалов потёр уколотое предплечье, надел пиджак, вежливо поблагодарил даму на её родном языке и пошёл искать лифт. По дороге он уже не стеснялся, спрашивал встречных, те его понимали, словно разговор происходил на родной улице в Гусляре, но в объяснениях путались, потому что сами были приезжими. Удалов хотел было уже вернуться к даме, но и обратного пути отыскать не смог. В результате поднялся на лифте, который остановился только на пятидесятом этаже, переехал эскалатором в другое крыло, спустился по лестнице и оказался в прачечной, оттуда служебным подъёмником добрался до большого бассейна, где резвились дети делегатов, попал в помещение для тихих игр, в кабаре для сухопутных осьминогов, потом в библиотеку и лишь к исходу второго часа, многое повидав и страшно утомившись, отыскал номер триста два двенадцать.

Дверь в номер Удалову не понравилась. Она была круглой и находилась на уровне груди. Удалов с трудом отворил её и втиснулся в люк. Он оказался в длинной и тёмной трубе, по которой скользнул головой вниз. Сзади щёлкнула, закрываясь, дверь, тьма сгустилась, и Удалов, прорвав головой некую мембрану, влетел в тёплую, сладкую на вкус, липкую среду, к сожалению, лишённую воздуха.

Погружаясь на дно, Удалов стал барахтаться, надеясь отыскать входное отверстие, но в темноте он не мог определить не только направление к двери, но и такие элементарные понятия, как верх и низ. Сознание его помутилось, и он безжизненно опустился на дно.

И в этот момент в ушах Удалова, открытых теперь пониманию любого галактического языка, прозвучали отчаянные проклятия:

– Кто посмел нарушить мой покой? Кто не даёт мне спать? Я буду жаловаться.

Удалов хотел было ответить, что нуждается в срочной помощи, но в рот хлынула сладкая жидкость, и он потерял сознание.

Очнулся Удалов в коридоре, куда его вышвырнул разозлённый сироподышащий обитатель номера триста два двенадцать. Пухлая жен-

щина с добрым лицом делала ему искусственное дыхание. Когда Удалов окончательно пришёл в себя, женщина, оказавшаяся уборщицей, объяснила Удалову его ошибку, чуть не ставшую трагической: вместо северного крыла он попал в западное. Затем она любезно проводила его до нужного номера.

По дороге женщина обещала Удалову выстирать и погладить одежду, а также достать новую папку и мандат взамен потерянных.

Они благополучно добрались до нужной комнаты, небольшой, уютной, с окном во двор. Уборщица отвернулась, пока Удалов раздевался и закутывался в одеяло, а Корнелий, передав ей вещи, спросил растроганно:

– Скажите, добрая женщина, как я могу вас отблагодарить?

– Я рада помочь человеку, – улыбнулась женщина. – Ведь мы, земляне, здесь в ничтожном меньшинстве.

– Как же так? – не понял Удалов, который полагал, что он первый землянин в этих краях.

– Мы с Атлантиды, – сказала простодушно женщина. – Когда наши тонули, давно это было, мимо пролетала летающая тарелочка. Тех, кто ещё плавал, они подобрали. А потом сюда переселили. Мы прижились, сельским хозяйством занялись, размножились. Но порой по родине скучаем. Как там у нас? Нашли Атлантиду?

– Честно скажу, нет. Даже сомневаются, была ли она, – ответил Удалов.

– Была, милый, была, как не быть, – сказала уборщица и покинула Удалова, который за время её отсутствия принял душ, привёл себя в порядок и даже внутренне улыбнулся своему приключению. Ведь расскажешь такое на Земле – засмеют.

Когда Удалов вышел из ванной, его бельё и костюм уже висели в чистом отглаженном виде на спинке кресла. Уборщица стояла, отвернувшись к окну.

– Вы так добры, – сказал Удалов.

– Не надо благодарности. Вот только...

– Продолжайте, продолжайте, – поторопил женщину Удалов.

– Дочка у меня пропала, – сообщила женщина, заливаясь слезами. – Единственная моя радость, девочка моя драгоценная. Полетела в соседнюю звёздную систему в институт поступать и пропала. До-

рогой Корнелий Иванович, памятью наших общих предков прошу, погляди на фото моей Тулички, а вдруг?

И женщина, не оборачиваясь, протянула Удалову небольшую любительскую фотографию, на которой несложно было узнать таинственную красавицу, которая объяснялась Удалову в любви на Альдебаране.

– Ах! – сказал Удалов и замолк от взорвавшихся в нём чувств.

– Что? – воскликнула несчастная мать, обернувшись к Корнелию. – Я чувствую, что вы её видели.

– Да. Она подошла ко мне на Альдебаране и объяснилась в любви.

– Так просто и подошла?

– Это и удивительно.

– Первая подошла?

– Первая.

– Мерзавец ты, Удалов, – возмутилась уборщица. – Хоть и земляк по происхождению. Моя дочь думает только о генетико-математической лингвистике в области футурологии и никогда, повторяю, никогда не подойдёт к незнакомому мужчине.

– Вы, конечно, извините. Я, может, и заблуждаюсь. Может, просто очень похожая девушка. Но на меня она произвела неизгладимое...

Уборщица из Атлантиды вырвала из рук Удалова фотографию и выбежала из номера.

Удалов постоял посреди комнаты, тяжело вздохнул, пожал плечами и сказал вслух:

– Нет, это не ошибка.

Голубые призывающие глаза стояли перед его мысленным взором.

Впервые в жизни Удалову захотелось написать стихотворение о любви.

Он даже стал искать бумагу и карандаш, но в этот момент в дверь постучали.

Глава шестая,

в которой Удалов продолжает пребывать на конференции и вступает в сделку

За дверью стоял знакомый кузнечик, который успел переодеться в фиолетовый наряд, схожий с фраком. В твёрдые блестящие уши он

вставил по цветочку, пахнущему пряно и сильно, а носки его башмаков непрестанно шевелились.

– Очень модно, – сообщил Тори Удалову. – В них электромоторчики. Хочешь купить?

Кузнечик был оживлён, вёл себя как старый приятель, сразу уселся в кресло и спросил, нет ли чего выпить прохладительного.

Удалов ответил, что и сам бы не отказался.

– Ах ты, провинция, провинция, – засмеялся кузнечик-синхронист.

Он нажал на кнопку в ручке кресла, и в стене откинулась дверца, за которой, подсвеченные оранжевым, стояли бокалы и сосуды разной формы.

– Мне только не крепкого, – предупредил Удалов. – Я чуть не утонул. К тому же женщину обидел.

– Рассказывай, – произнёс кузнечик, разливая прохладительные напитки.

Рассказ Удалова вызвал в новом приятеле смех, сочувствие и понимание.

– С этой красавицей загадка, – сказал он наконец. – Хотя я предпочитаю брюнеток. Я этим займусь. Но, вообще-то, я пришёл тебе кое-что показать. Ведь должен же ты, Удалов, интересоваться диковинами дальнего космоса или, по крайней мере, сувенирами.

– Я сказал, мне расплачиваться нечем, – ответил Удалов. – Денег я с собой не захватил, сувениров тоже, а в нелегальные сделки я, прости, не вступаю. Не забудь, что я представитель небольшой, но гордой планеты.

– Ах уж этот мне патриотизм! Как приобщишься к благам космической цивилизации, на Землю и смотреть не захочешь.

– Это как сказать, – возразил Удалов. – Вот я тут разговаривал с простой женщиной, уборщицей. Её предки покинули родину много столетий назад. А как увидела земляка, бесплатно костюм отгладила.

– И мерзавцем обозвала, – заметил ехидно кузнечик.

– За дело. Надо было мне промолчать. Зачем трепать материнские нервы? Ведь может, её дочь испортилась в дальних странах, попала в дурную компанию, а для матери она всегда остаётся отличницей, скромницей, студенткой.

– Значит, ты теперь думаешь, что если женщина полюбила тебя, Удалова, значит, она из дурной компании?

– Не знаю, не знаю, – вздохнул Удалов, печально глядя в большое зеркало, которое отражало его округлую невысокую фигуру. – Трудный мир, чуждые нравы.

– Ладно, смотри, – сказал кузнечик.

Он достал из кармана бутылочку сложной формы с чем-то зелёным внутри.

– Что это? – спросил Удалов.

– Могу продать. Средство от всего.

– Как так – от всего?

– В зависимости от потребностей.

– И от насморка?

– И от насморка. И от любви. И от комаров. И от дождя. Большая редкость. В промышленное производство не поступило. Делается из корня, который растёт только на одном астероиде. Сам понимаешь.

– Так на что мне такое средство? – спросил Удалов равнодушно, но глаза его загорелись и выдали Корнелия опытному пройдохе Тори.

– А ты не для себя, для народа, – предложил демагогически кузнечик.

– Нет, – отказался Удалов. – Ты с меня что-нибудь нереальное попросишь.

– Не беспокойся, я щедрый.

– Средство-то ценное?

– Но я тебя люблю.

– Прости, – сказал Удалов. – Не верю. Чего бы тебе меня любить? Я не заслужил.

– За заслуги уважают. Любят за недостатки.

– Я и недостатков тебе не показывал.

– Они очевидны, – коротко ответил кузнечик. – Берёшь средство?

– Сколько? – спросил Удалов.

– Восемнадцать, – сказал кузнечик.

– Много.

– Шестнадцать и ни одной меньше.

– Пятнадцать и по рукам.

– Только из любви к тебе, – сказал кузнечик.

Он протянул Удалову бутылочку, тот принял и спросил:

– А действовать будет?

– У нас без обмана. Ты попробуй.

Удалов огляделся, на что бы употребить средство.

– У тебя прыщ на лбу, – подсказал кузнечик.

Удалов подошёл к зеркалу. Прыщ был. Правда, небольшой.

– Да ты не бойся, – сказал кузнечик. – На палец возьми, помажешь. Самую малость.

Удалов послушался. Он вытащил пробку, намочил палец и прикоснулся ко лбу. Палец приятно холодило.

Так он и стоял с пальцем у лба. Эта поза навела его на новые размышления.

– Погоди, – сказал он. – А как же?

– Ты чего?

– Как же я расплачиваться буду?

– Как договорились. Сам же сказал – пятнадцать.

– Сказал, да не знаю чего.

– Ну и дурак. Когда торгуешься, обязательно надо знать, что отдаёшь.

– Так что я отдал?

– Причастность к искусству, – ответил кузнечик. – В объёме пятнадцати минут.

– Я к искусству непричастен.

– Послушай, Удалов, я о твоём благе пекусь. Но и себя не забываю. Когда я узнал, что ты человек обездоленный, даже зубная щётка здесь у тебя казённая, я стал голову ломать, как тебя облагодетельствовать, чтобы не разориться. И придумал. У тебя, как у каждого разумного существа, есть ненужные воспоминания. Тяжёлый груз твоему и без того натруженному мозгу. Вот их я у тебя и возьму. Лишнего трогать не буду – здесь за это судят.

– А на что тебе воспоминания, связанные с незатейливой жизнью в небольшом городе Великий Гусляр? – спросил Удалов.

– Для тебя это обыденно, – сказал кузнечик, – а для нас странная экзотика. Ты бы хотел посмотреть фильм из жизни моих соседей, как они по утрам демонстративно круфают, потом уходят в трагические прцэки и рискуют в лофэ улытиться от проговоркифы?

– Не понял, – ответил Удалов. – Но любопытно.

– Вот и нам любопытно. Надеюсь получить за твои ненужные воспоминания некоторую мзду. Я делец честный. И если заплатят больше, чем стоит эта драгоценная бутылочка, сдачу принесу тебе. Да отними ты палец ото лба!

Удалов послушно отвёл палец и увидел, что прыщик исчез. Средство действовало.

– А как я тебе ненужные воспоминания отдам?

– Сейчас всё сделаем.

Кузнечик кинулся в коридор, прискакал обратно, катя перед собой заранее заготовленную тележку с приборами – всё предусмотрел, хитрец!

– Сначала посмотрим, какие воспоминания у тебя переместились за ненадобностью в мозжечок. Из них я отберу, что подойдёт. Сам понимаешь, дружище, я ведь тоже рискую. А вдруг у тебя воспоминания скучные?

В этот момент дверь приоткрылась, и в щель влетела папка, за ней мандат.

– Держи, клеветник! – послышался голос доброй уборщицы. – Достала я тебе всё новое.

– Я не хотел обидеть вашу дочку Тулию! – воскликнул Удалов. – Я к ней тепло отношусь.

– Не верю! – послышался ответ, и дверь захлопнулась.

Удалов печально вздохнул, а потом произнёс с беспокойством:

– Только чтобы воспоминания о ней не трогать!

– И не подумаю, – сказал кузнечик. – Они у тебя свежие, замкнутые на слуховой аппарат и глазные нервы. Как их вытащить?

Кузнечик ловко подключил Удалова к приборам, а сам при этом глядел в глазок, направленный на мозжечок Удалова. Больно не было, лишь немного щекотало в затылке. Удалов сидел послушно и размышлял, как бы получше использовать универсальное лекарство у себя дома, чтобы не разменяться на мелочи. Например, надо попытаться избавить жену Ксению от склонности к попрёкам. Удалову уже пятый десяток, но его всё равно дома считают почти ребёнком, требуют отчёта: где был, с кем был и так далее, даже стыдно. Но как только Удалов подумал о жене Ксении, вместо грусти по оставленной семье его охватило тревожное и свербящее чувство к красавице Тулии, он даже пожалел, что не попросил у её матери фотографию. Хоть какая

память бы сохранилась. Погоди, а если с помощью этого средства внушить Тулии настоящее чувство к Удалову? Она сказала о любви, а сейчас уже, может, забыла обо всём, смотрит такими же расширенными глазами на какого-нибудь инопланетянина с персональной летающей тарелочкой.

– Всё, – сказал кузнечик. – Операция закончена. Большое спасибо.

– Нашёл чего-нибудь на продажу? – спросил Удалов.

– Гарантии дать не могу, – ответил кузнечик. – Но надежды не теряю.

– И на том спасибо. Бутылочка моя?

– Твоя, пользуйся.

И кузнечик принялся сворачивать оборудование, будто опасался, что Удалов спохватится и передумает. Но Удалов этого не заметил. Он нежил в ладонях бутылочку, связывая с ней различные планы на будущее.

Глава седьмая,

в которой Удалов присутствует на открытии первого СОС

Первый Галактический Съезд Обыкновенных Существ торжественно открылся 21 июля по земному календарю, что, разумеется, не соответствует прочим календарям Вселенной.

В гигантском зале конгрессов разместились в креслах те делегаты, которые привыкли жить в кислородных атмосферах, а таких в Галактике большинство. За прозрачными стенами круглого зала расположились сотни камер, наполненных водой, метаном, пропаном, бутаном, соляными и кислотными растворами, паром, гравием, вакуумом, ватой, туманом, мхом, сероводородом – теми атмосферами, в которых существуют остальные обитатели разумной части Галактики.

В президиуме сидели члены Оргкомитета и руководители планеты 14xxXX-5:%=ъ34.

Удалову досталось место в амфитеатре, удобно, хорошо видно.

– Дорогие гости, – обратился к делегатам двухголовый председатель оргкомитета Г-Г, – мы собрались сюда с разных концов Галактики для того, чтобы упорядочить судьбу нашей Вселенной. Есть проблемы, которые оказались не по зубам гениям и правительствам. Для того

чтобы их решить, мы отобрали на каждой из обитаемых планет самого среднего индивидуума.

Речь председателя Удалову понравилась, но, занятый разглядыванием соседей по залу и тех существ, что томились за стеклянными перегородками, он не заметил, как выступившего Г-Г сменил на трибуне председатель мандатной комиссии. Речь его Удалов захватил где-то в середине:

– На съезде присутствуют две тысячи шестьсот восемь делегатов с решающим голосом от двух тысяч шестисот двадцати двух планет и планетных систем. Отсутствуют по уважительным причинам четырнадцать, в том числе умерло в пути три, убит в стычках с космическими гнирами – один, распочковались и впали в детство – два, оказался гением и возвращён как самозванец – один, либустировался – один, дезертировал – один, пропало без вести – пять.

Когда мандатная комиссия отчиталась, Удалов подумал, что пора бы устроить перерыв. Он оглянулся, размышляя, не сходить ли ему в буфет, и тут ему показалось, что он видит синхронного кузнечика. Удалов помахал ему рукой, но это оказалось ошибкой, потому что председатель Г-Г заметил этот жест и неправильно его истолковал.

– Слово для приветствия, – сказал он, – просит делегат Земли Корнелий Удалов.

Удалов хотел было возразить, но его возражения утонули в аплодисментах, и пришлось идти через весь зал на трибуну, не представляя, о чём говорить.

Удалов поднялся на трибуну, сделал рукой знак, чтобы прекратить аплодисменты, и решил, что его опыта пребывания на совещаниях достаточно, чтобы не опозорить родную Землю перед столь важным собранием.

– Товарищи, – начал Удалов, – дамы и господа! И те господа, которые не имеют пола. Я прибыл к вам с небольшой планеты Земля, о которой некоторые из вас и не слыхали. Но это не так важно, потому что я тоже не слыхал о некоторых ваших планетах, что никак не уменьшает моего к вам уважения.

Раздались аплодисменты и другие звуки, которые заменяют аплодисменты у существ, не обладающих ладонями.

– Я летел сюда, не зная, чем мы должны заниматься. Хотя надеялся, что займёмся делом. Сегодня утром я прочитал программу съезда,

а также брошюру «СОС – надежда Галактики». И должен сказать, что меня вдохновила идея, лежащая в основе нашего съезда. Давно пора объединиться обыкновенным людям всего мира. Их больше всего, и они самая здоровая часть разумного человечества. Какие бы опасности ни угрожали Вселенной, они никогда не исходят от средних людей, а от умных или от дураков. А что умные или дураки могут сделать без нас, обыкновенных?

Вновь раздались шум и аплодисменты.

– Кому решать судьбы Вселенной, как не нам? – продолжал Удалов, всё более вдохновляясь. – Мы положительное большинство. Кто чаще всего женится и рожает детей? Обыкновенные люди. Кто реже всех разводится? Обыкновенные люди. Что бы делали другие, если бы не было обыкновенных? Вымерли бы, ручаюсь, от глупости или от излишнего ума. Кто начинает войны? Наполеоны. А кто их кончает и заключает мир? Мы, обыкновенные люди. Да и как бы мы могли оценить величие и опасность того же Наполеона, если бы не было множества обыкновенных полководцев, с которыми мы его сравнива-

ем? Как бы стали великими выдающиеся писатели, если бы не было множества обыкновенных писателей, которые делают своё скромное дело, оттеняя величие Льва Толстого? Как бы мы могли оценить прелесть некоторых красавиц, если бы рядом не было обыкновенных женщин – наших жён?

Тут снова раздались аплодисменты, а также отдельные свистки и гневные возгласы, потому что не все были согласны с Удаловым. Удалов смешался, покраснел и понял, что переборщил. Потому он закончил свою речь кратко:

– Я передаю приветствие нашему первому СОС от имени обыкновенных людей Земли и надеюсь, что мы совместными усилиями многого добьёмся. Середина непобедима!

При громе оваций Удалов сошёл с трибуны, а некоторые делегаты тут же на больших листах бумаги начали рисовать последние слова делегата с Земли: «Середина непобедима!» К перерыву в зале уже покачивалось несколько плакатов с такой надписью, а к вечеру лозунг появился и на стенах города, жители которого немало гордились тем, что он дал прибежище такому славному съезду. А ещё через день в продаже появились большие круглые значки с изображением улыбающегося Удалова и надписью «СЕРНЕП», что означало, естественно, «Середина непобедима!».

После речей организаторов и приветствий от Сириуса, Альдебарана и неизвестных Корнелию планет начались прения. Удалов с удивлением отметил, что средние существа довольно разнообразны. Например, средний человек с Просидоры был по земным меркам математическим вундеркиндом, а любой Тори с Тори-Тори – талантливым лингвистом. Средний ярык был чуть умнее пятилетнего земного ребёнка и куда более вздорен, чем дворняжка Ложкиных из соседней квартиры.

Завязалась горячая дискуссия о том, как обыкновенным существам выработать среднюю программу и установить в Галактике мир и покой. И вскоре основное внимание сосредоточилось вокруг планеты Кэ, с которой была связана неприятная тайна.

Дело в том, что ещё несколько лет назад эта планета ничем не отличалась от прочих передовых и миролюбивых миров, но затем все её жители заболели непонятной болезнью и лечиться отказались. Это

было бы ещё терпимо, если бы общение с обитателями планеты Кэ не заражало всех, кто находился с ними в контакте. Вроде бы человек оставался совершенно здоровым, но характер его менялся к худшему, он рад был оправдать любую гнусность, обман и предательство, совершённые своими новыми друзьями, а затем исчезал. Внезапно отупевшие мужья не узнавали своих жён и детей, били их и бежали на космодром. Государственные деятели забывали о своих задачах и обязанностях, пытаясь объявить свои миры колониями планеты Кэ, а когда им это не удавалось, тоже пропадали. Лучшие умы Галактики бились над этой проблемой, но разрешить её не смогли. В результате решено было объявить карантин и не пускать жителей Кэ в другие миры. Но те проявляли удивительную изобретательность, подсылая вместо себя обращённых в свою веру заражённых существ из других миров. К счастью, один медик придумал анализ, по которому известное вещество триэтилмононуклеон становилось зелёным, если на него дышал человек, заражённый болезнью Кэ. Именно по этой причине так тщательно проверяли пассажиров, прилетевших с Альдебарана.

В некоторых выступлениях название планеты Кэ произносилось с тревогой и даже страхом. Все понимали, что в числе первоочередных задач СОС – спасение жителей Кэ.

В перерыве Удалов пообедал по талону в столовой, разделённой на отсеки по образу питания. Питание было сносным, хоть и непривычным. К сожалению, из-за перегородки несло сероводородом – там стоял столик с планеты, где сероводород пьют вместо чая. Когда Удалов, насытившись, встал из-за стола, к нему подошёл оранжевый шар на тонких ножках в галошах, чтобы пожать ему руку и поздравить с удачной речью. Поблагодарив шар, Удалов увидел бегущего к нему кузнечика. Кузнечик был одет ещё шикарнее вчерашнего: в золотой смокинг с бриллиантовой застёжкой у ворота, в золотые лосины и красные сапожки, носки которых шевелились сильнее, чем раньше. Цветы в ушах были усыпаны самоцветами.

– Удалов! – закричал он и бросился к приятелю так быстро, что чуть не попал под ноги шестиногому сиреневому слону, который нёс ведро с сосисками.

– Я здесь, – откликнулся Удалов, идя ему навстречу, потому что полагал, что кузнечик хочет поздравить его с удачным выступлением.

Но кузнечик Тори думал о другом.

– Слушай, Корнелий, – сказал он громким шёпотом. – У тебя не осталось лишних воспоминаний?

– Ты разве не все вчера забрал?

– Не уверен. Но взял бы и такие, что тебе вроде и не нужны, хотя кажется, что могут пригодиться.

– Что-то ты активный! Наверное, удачно мои вчерашние воспоминания продал?

– Какое там! – быстро ответил кузнечик и отвёл в сторону круглые глаза. – Еле-еле окупил расходы.

Его лапка совершила незаметное путешествие к горлу, прикрывая бриллиантовую застёжку. Удалов внутренне улыбнулся. Он понял, что его подозрения обоснованны, но спорить не стал. На что человеку лишние воспоминания? Всё равно что вчерашний снег. Тем более что нехватки их Удалов не ощущал.

– Тогда почему интересуешься? – спросил Удалов.

– Нашёл для тебя нужную вещь, – сказал кузнечик. – Отойдём, покажу. Только дорого просят.

Когда они отошли в сторонку, кузнечик достал из-за пазухи зелёный шарик, чуть побольше грецкого ореха.

– Видишь? Дали подержать на время.

– Объяснись, – сказал Удалов.

Тут зазвенел звонок, собирая делегатов на послеобеденное заседание.

– Одна минута. – Кузнечик поддел коготком орех сбоку.

Там обнаружилось маленькое отверстие.

– Вот здесь, – продолжал Тори, – можно жить. И живут.

– Кто? Блохи? – сообразил Удалов, продвигаясь к выходу.

– В том-то и секрет, что люди. Это растение. Растёт оно на далёкой планете Сапур. Сначала оно вот такое, через год – с футбольный мяч, а через три года будет с тебя, Удалов, ростом.

– Ну и пусть растёт, – сказал Удалов, шагая по коридору. Неловко опаздывать, особенно если ты уже пользуешься известностью.

– Это саморастущий дом, – продолжал кузнечик. – Пока растение маленькое, в него детишки поселяют своих кукол, когда подрастает, получается комнатка, в которой живут холостяки и невесты. Ещё через год-два комната внутри становится такой большой, что можно городить на две. Семья увеличивается, дом растёт, и никаких жилищных проблем.

– А оно не возражает? – спросил Удалов.

– Чего же ему возражать? Ты же в школе учил: растения поглощают углекислоту и выделяют кислород. Чем сильнее ты в нём дышишь, тем ему приятнее. И воздух всегда свежий, проветривать квартиру не надо. Уже лет двадцать прошло, как эти растения завезли на Сапур, всё население там переселилось в живые дома. С виду лес, а на самом деле город. И природа в порядке, и людям не тесно.

– А вдруг на Земле дома не приживутся? – спросил Удалов.

– Приживутся. На Сапуре климат как под Москвой. Не веришь – слетаем, проверим. Представляешь, никаких проблем в жилищном строительстве. Каждому ребёнку выдаёшь дом, ребёнок растёт, и дом растёт.

Тем временем они вошли в зал заседаний. Кузнечик, убедившись, что Удалов снова попался ему на крючок, побежал наверх, к синхронным будкам, а Удалов прошёл к своему месту. И сильно задумался, даже не слышал выступлений первых ораторов. Ведь можно принести громадную пользу Земле! Может, в самом деле пожертвовать ещё какими-нибудь воспоминаниями?

Глава восьмая,

в которой Удалов идёт в кино и удивляется

Удалову было приятно слушать, как некоторые делегаты в своих выступлениях ссылались на его речь, а другие заканчивали выступления лозунгом «Середина непобедима!». Так что заседание прошло для

него незаметно и интересно, к тому же он узнал массу любопытного о жизни в других мирах и даже пожалел, что не обладает писательским даром, чтобы запечатлеть услышанное для земных читателей. Хотя, подумал он, скептики на Земле, которые до сих пор даже не верят в летающие тарелочки, наверняка сочтут его правдивые рассказы за лживую выдумку.

Наконец прозвенел гонг председателя, и заседание завершилось. Было объявлено, что завтра съезд начинается после обеда, потому что некоторые делегаты не привыкли так много заседать и должны отдохнуть. Желающих пригласили посетить магазин путеводителей для иностранных гостей, пригородные озёра или раскопки подземного города. Удалов поднялся со своего места и отправился искать председателя Г-Г. Ему пришла в голову интересная идея: а не поехать ли завтра на пригородные озёра и не порыбачить ли до обеда? Надо только узнать, как здесь с удочками и наживкой.

Но председателя он не нашёл. Не успел. Как демон-искуситель, рядом возник кузнечик Тори.

– Ты подумал о жилищной проблеме? – спросил он Удалова.

– Трудно решить, – сказал Удалов. – Надо ознакомиться с начинанием на месте. Может, эти дома для нас, земных жителей, совершенно не годятся. Неизвестно, как они проблемы канализации и водопровода решают, как с отоплением и освещением. Не могу я воспоминаниями разбрасываться.

Кузнечик задумался.

– Ты прав, – согласился он наконец. – Сапур недалеко. Завтра за полдня управимся. Только учти, стоимость поездки я включу в общий счёт. Забота о тебе недёшево обходится. Просто не представляю, почему я тебя так люблю. Может, в самом деле в тебе недостатков много?

– Может быть, – сказал Удалов.

– Тогда я за тобой в шесть утра зайду, – предупредил кузнечик.

И ускакал.

Теперь уже не было смысла искать председателя. Всё равно рыбалка пропала. Не везло Удалову с рыбалкой. «Ну, ничего, – подумал он, – зато произведу переворот в строительной технике».

Он решил пойти погулять по городу, благо выдался хороший тёплый вечер. У выхода из гостиницы его окликнули. Это была милая уборщица, мать удаловской возлюбленной.

– Корнелий Иванович, вам телеграмма с Земли. Только что получили.

– Спасибо. – Удалов развернул телеграмму.

Он думал, что телеграмма от Ксении, но предчувствие его обмануло. Телеграмма оказалась от Коли Белосельского.

«Поздравляю открытием съезда, – звучала телеграмма. – Надеюсь, что не посрамишь чести нашей планеты. Семья здорова. Желаю успеха. Николай».

Сердце Удалова преисполнилось благодарности к другу детства, который раздобыл его адрес и поздравил. Удалов решил тут же ответить и потому спросил уборщицу:

– Телеграф далеко?

– Он закрыт уже, – ответила уборщица. – Завтра откроется.

– Как жаль, – сказал Удалов. – Спасибо, что меня отыскали.

– Для меня это не труд, а удовольствие, – сказала уборщица. – Хоть вы меня и обидели подозрениями в адрес моей дочери, но всё-таки вы мой земляк и приятный человек. А сегодня так хорошо выступали, я вас по телевизору смотрела!

Уборщица была ещё не старой, миловидной женщиной, и если бы не всегдашняя печаль и готовность к слезам, она была бы похожа на свою прекрасную дочь.

– Я не хотел вас обидеть, – сказал Удалов. – И тем более обидеть вашу дочь.

Разговаривая так, они пошли по ярко освещённой праздничной улице, через которую уже висели транспаранты: «Середина непобедима!». Некоторые из прохожих узнавали Удалова, кланялись ему или жали руку. Настроение у Корнелия было приподнятое, он вежливо и дружелюбно разговаривал с уборщицей из Атлантиды, хотя о красавице Тулии они не упоминали. Так они дошли до какого-то ресторана. Удалов пригласил было уборщицу поужинать, но уборщица возразила, что в ресторане дорого, и этим напомнила Удалову о его стеснённом финансовом положении. В чём Удалов и признался ей со смущённой улыбкой, которая очень красила его простодушное курносое лицо.

– Я тут мог денег заработать, – сказал он. – Но вместо денег уникальную штуку получил.

И Удалов рассказал уборщице о бутылочке, которую получил за ненужные воспоминания. Потом достал и бутылочку.

Уборщица вдруг нахмурилась, повертела бутылочку в пальцах и сказала со вздохом:

– Провели тебя, Корнелий Иванович. Воспользовались твоей простотой. Это не средство от всего на свете, а только лекарство для сведения прыщей. Хорошее лекарство, только ничего, кроме прыщей, им не вылечишь. В любой аптеке продаётся.

Удалов было опечалился, но взял себя в руки.

– Хорошее средство от прыщей тоже нелегко найти. А я с ним прошлогодним снегом расплатился. Значит, получается, что вор у вора дубинку украл.

Они как раз проходили мимо кинотеатра.

– Пойдём в кино, – предложила уборщица. – Здесь билеты недорогие, а вы, когда будет возможность, мне деньги за них вернёте.

Удалов был тронут такой прямотой, и они пошли в кино. Сначала показывали фильм про космическое путешествие. Уборщица шёпотом объяснила ему, что фильм документальный, других здесь не знают, и записан он с памяти одного известного космонавта. Потом начался фильм «Первая любовь». И тут Удалов сильно удивился.

На экране в цвете и реальном объёме возникла пыльная, странно знакомая Удалову улица. По сторонам её тянулись одноэтажные домики с палисадниками, в палисадниках цвели флоксы и астры, лениво перебрёхивались псы, просунув носы в штакетник. Было знойно и покойно. Над домами, в конце улицы, горел под закатным солнцем золотой купол.

– Земля, – радостно прошептала уборщица из Атлантиды.

– Земля, – отозвался Удалов. И добавил: – Великий Гусляр, улица Кулибина.

Это было удивительно, словно Удалов погрузился в сон, древний, почти детский. Ведь он, как руководитель стройконторы, отлично знал, что эта улица выглядит теперь иначе, что домики с правой стороны частично снесены и на их месте построен двухэтажный детский сад и стеклянная химчистка.

По улице шла девушка, почти девочка, в голубом ситцевом платье, с косичками до плеч. Девочка улыбалась своим мыслям, и она показалась Удалову чем-то схожей с красавицей Тулией.

Видно, это сходство не укрылось и от уборщицы, потому что она всхлипнула: «Моя тоже такой была... отличницей».

Девочка посмотрела прямо в экран и обрадованно воскликнула:

– Здравствуй!

– Здравствуй, – откликнулся юношеский голос, и на экране появился невысокого роста молодой человек с круглым лицом, маленьким носом, кудрявый и загорелый. Чем-то молодой человек был Удалову знаком, но воспоминание промелькнуло по краю памяти и исчезло. Удалова больше интересовали виды родного города, и он с гордостью хозяйственника отмечал, что нынче эта улица уже покрыта асфальтом и тем избавлена от пыли, а деревья по сторонам выросли и дают густую тень.

Девушка и юноша взялись за руки и пошли к скверу, который зеленел неподалёку.

– Теперь здесь детский городок, с качелями, – сообщил Удалов своей соседке, но та отчуждённо взглянула на него и отвернулась.

Кадр сменился другим. Тот же молодой человек и та же девушка купались в неширокой голубой речке. Ивовые кусты опускались к самой воде, а в глубине золотыми тенями проскальзывали рыбы. Юноша плыл на тот берег, к соснам, а девушка стояла по пояс в воде и кричала ему:

– Вернись, потонешь!

Следующий кадр. Вечер. Неподалёку играет оркестр. Девушка и юноша идут по тёмной аллее, и вдруг девушка останавливается и смотрит на юношу в упор. В темноте её глаза горят как звёзды. Они растут, заполняют весь экран. Зрители затаили дыхание.

– Теперь, – прошептал Удалов уборщице, – мы обеспечили в парке освещение, и тёмных аллей практически не осталось.

– Отстаньте, – прошептала раздражённо уборщица, и Удалову стало даже обидно из-за такого невнимания к его деятельности по благоустройству.

Юноша осторожно дотронулся губами до щеки девушки, она резко повернулась и побежала прочь. Он за ней. Вот они вбежали в освещённый круг у танцевальной веранды, где играл маленький, из четырёх человек, оркестр, толпились, щёлкая семечки, парни и стайками щебетали девушки.

– Да, – вздохнул Удалов. – Здесь и я когда-то бывал.

Вот юноша и девушка плывут по веранде в танце танго.

Юноша робко прижимает к себе тонкий стан девушки и смотрит на неё влюблёнными глазами.

Оркестр замолкает, но они продолжают стоять посреди веранды, не замечая, что музыка кончилась.

И тут к ним подходит высокий парень и произносит срывающимся баском:

– Уходи отсюда. Чтобы ноги здесь твоей не было. И чтобы тебя рядом с ней я больше не видел.

– Да я что, – робеет юноша. – Я же ничего.

– Пошли, – говорит девушка юноше и берёт его за руку, отважно глядя в глаза высокому парню.

– Ты с ней не уйдёшь, – предупреждает высокий парень.

– Он уйдёт со мной, – настаивает девушка. – И учти, что я тебя не боюсь. И он тоже. Ты не боишься?

Но юноша молчит.

Разыгрывается напряжённая немая сцена. Словно шпаги, скрещиваются взгляды. И, не выдержав взгляда девушки, высокий парень отступает.

Зал с облегчением вздохнул. Кто-то неподалёку плакал. В этой сцене была жизненность, понятная всей цивилизованной Галактике.

– Всё-таки хулиганство, – сказал Удалов сам себе. – Пристают к девушке.

...Юноша с девушкой медленно сошли с веранды. Что-то произошло в их отношениях, что запрещало прикоснуться другу к другу. Внизу, в тёмной аллее, их поджидал тот высокий парень.

– Разъединитесь! – приказал он.

– Не смей! – крикнула девушка, глотая слёзы.

– А я его не трону, – усмехнулся парень. – Он сам уйдёт. Ты уйдёшь?

И после долгой паузы, которая показалась зрителям почти бесконечной, юноша вдруг сказал сдавленным голосом, обращаясь к девушке:

– Я к тебе завтра зайду.

– И не мечтай, – захохотал высокий парень. – Беги.

– Если ты сейчас уйдёшь, ты меня никогда больше не увидишь, – сказала девушка.

Но юноша уже уходил по аллее, низко склонив голову и приподняв плечи, словно опасался, что его ударят сзади.

Потом возник ещё один кадр: берег реки. На берегу, в траве, сидит и всхлипывает юноша. Он один. Только луна смотрит на него с чёрного неба.

Зрители встретили конец фильма аплодисментами. Удалов не аплодировал. Он думал. Он никак не мог понять, почему здесь показывают фильмы о Великом Гусляре. К тому же пессимистические. Не хлопала и уборщица. Только посмотрела на Удалова внимательным взглядом и спросила:

– Может, уйдём?

– Уйдём, – согласился Удалов. Он устал за день и хотел спать.

Когда они вышли на улицу, уборщица спросила:

– Ну и что вы об этом думаете?

– Трудно ответить, – признался Удалов. – Есть, конечно, отдельные случаи неправильного поведения подростков. Но мы с этим непрерывно боремся.

– Он вам ничего не напомнил?

– Нет. Правда, я удивился. Я же в этом городе всегда живу. Город узнал, улицы узнал, изменения в нём угадал правильно, а вот этих молодых людей помню смутно. Наверное, они младше меня были. В таком возрасте один год уже играет роль.

– А я узнала.

– Что?

– Вас узнала, Корнелий Иванович. В молодости.

– Кто же там меня играет?

– Да не играет! Это про вас фильм. Это ваши воспоминания, которые вы загнали в мозжечок, чтобы забыть, а потом продали кузнечику за средство от прыщей.

– Нет! – возмутился Удалов. – Не мог я такого забыть. Не было этого!

– Теперь для вас этого нет, – подтвердила уборщица, и слеза скатилась по её щеке. – Что продали, того нет.

– Так не бывает, – сказал Удалов.

– А может, вам без такого воспоминания легче будет? Только беднее. Не надо меня провожать.

И уборщица быстро пошла по улице, прочь от Удалова. Удалов вздохнул, не убеждённый словами уборщицы, и вернулся в гостиницу. Хотя, конечно, червь сомнения в нём остался. Лицо юноши было знакомым.

Глава девятая,

в которой Удалов выясняет отношения и тайком отправляется на Сапур

Может, Удалов и забыл бы о вечернем приключении, если бы не газета. Кто-то подсунул ему в щель под дверь местную газету, в которой красным карандашом была отчёркнута заметка: «Успех нового фильма».

«В мнемотеатре „Открытое сердце« демонстрируется новый мнемофильм „Первая любовь« из воспоминаний юности землянина У. Правдивость, искренность и душевная боль этого интимного зрелища не оставляют равнодушными многочисленных зрителей. Так и хочется воскликнуть: „До чего душевные проблемы едины во всех уголках Галактики!«. Организатор и продюсер фильма Тори (Тори-Тори) отказался встретиться с нашим корреспондентом ввиду крайней занятости на СОС, однако мы получили интервью у владельца сети мнемотеатров, который сказал, что ввиду большого художественного и воспитательного значения фильма продюсер получил за него тройную оплату и выплатил бескорыстно всю рекордную сумму владельцу воспоминаний землянину У. Мы надеемся, что столь значительное вознаграждение склонит землянина У. к дальнейшему сотрудничеству с нашими кинозрителями. Мы ждём новых, не менее трогательных и правдивых фильмов! Хватит нам питаться тоскливыми поделками не знающих чувств спекулянтов от искусства!»

Удалов отложил газету. Настроение у него несколько упало. Получалось, что уборщица не ошиблась. Если землянин У. – это и есть Удалов, то получается, что Корнелий заработал репутацию дельца и стяжателя.

Открылась дверь, и вбежал оживлённый кузнечик.

– Доброе утро! – воскликнул он. – Всё готово! Мы летим!

Тут его острый взгляд упал на развёрнутую газету.

– Ты уже прочёл? – спросил он живо. – А я как раз хотел тебе принести, но забыл. Видишь, как мы с тобой прославились! Приятно, да? Нас ждут дальнейшие творческие успехи!

– Значит, так, – сказал Удалов жёстко. – Значит, торгуем моими интимными моментами, позорим меня на всю Галактику?

– Не будь наивным, Корнелий, – ответил кузнечик. – Ты мне это воспоминание продал и не заметил его отсутствия.

– Продал, – саркастически произнёс Удалов. – За бутылку средства от прыщей.

– А разве плохое средство? – нашёлся кузнечик. – Разве не выводит?

– А кто мне сказал, что это средство универсальное? От всего?

– Не исключено, – сказал синхронист. – Его ещё никто не пробовал употребить с другими целями. Кто может гарантировать, что оно не помогает от любви? Я лично не могу. Но не в этом дело. Собирайся живее, нас ждут растительные дома. Ты забыл?

– Кукольные? – спросил Удалов. – Как я могу верить человеку, дважды меня обманувшему?

– Почему дважды?

– А деньги? Рекордную сумму получил, бриллиантовую заколку купил, а за перелёт с меня содрать хочешь!

– Клевета! – возмутился кузнечик. – Ты попал в дурную компанию! Завистники склоняют тебя к вражде с другом и благожелателем. Этот выжига, хозяин мнемотеатров, ввёл в заблуждение прессу. Я с трудом покрыл расходы.

Круглые глаза кузнечика сверкали. Он был оскорблён в лучших чувствах. Но Удалов пересилил возникшую было жалость и решил кузнечику не верить. В конце концов, Удалов не первый день как на свет родился. То, что он средний, не значит, что он глупый. Поэтому Удалов притворно вздохнул и сказал:

– Ладно, не будем ссориться. Я должен признаться, что получил предложение сотрудничать в постановке фильмов. Вся выручка пополам. Через полчаса ко мне придут с авансом.

– Ты с ума сошёл! – закричал кузнечик, и Удалов понял, что одним ударом выиграл битву. – Это же жулики! В лучшем случае они отдадут тебе треть!.. Ты их просто не знаешь! Тебе нужен искренний друг и защитник. Без меня ты погибнешь.

Кузнечик нервно вскинул коготки и проговорил совсем другим голосом:

– Кстати, Корнелий, я всё забываю. Таскаю с собой твои деньги, да забываю отдать.

Лапка кузнечика исчезла на мгновение за пазухой золотого смокинга и выскочила обратно с пачкой денег. Кузнечик хлопнул стопкой о стол:

– Возьми, это твоя доля.

– Не надо, – ответил Удалов. – Я уже договорился.

– Да ты посчитай, посчитай. Неужели я тебя обману?

– Не хочу считать. Клади деньги обратно.

Кузнечик замер будто в задумчивости, потом внезапно ахнул:

– Как же так! Моя проклятая рассеянность! Я же остальные твои деньги в другой карман положил!

Кузнечик запустил лапку в тот же самый карман и вытащил оттуда ещё одну пачку банкнот, вдвое толще первой.

– Всё правильно, – сказал он. – Как камень с души упал. Теперь я беден, ты богат, и мы квиты. Чего только не сделаешь ради друга!

Кузнечик взмахнул лапками, но так неудачно, что из-за пазухи у него посыпались денежные купюры в таком количестве, что, даже упав на них, кузнечик не смог прикрыть их тельцем.

– Что делать! – воскликнул он. – Помоги мне, Удалов, собрать наследство, полученное мною сегодня утром от погибшей в извержении вулкана тётушки Тори.

Удалов помогать не стал. Он уже видел этого жулика насквозь. Но, честно говоря, не обижался. Жулики похожи, в каком бы месте Галактики они ни действовали. Обижаться на них нельзя. С ними надо планомерно бороться.

Удалов собрал деньги со стола, не считая, сложил в бумажник и, пока кузнечик ползал по полу, причесался, аккуратно уложив последнюю прядь поперёк лысины, поправил галстук и произнёс:

– Ну что ж, пора ехать. Проверим, сохранились ли в тебе остатки совести.

– Конечно, сохранились! – обрадовался кузнечик, поняв, что его простили. – Ты не думай, дорогу в оба конца я оплатил, билеты в

кармане. Кстати, возьми от меня небольшой подарок. Обожаю дарить тебе подарки.

Кузнечик достал небольшую коробочку, прозрачную сверху.

– Только не выпускай, – сказал он.

В коробочке сидел, шевеля клешнями, маленький скорпиончик.

– На что мне такой подарок?

– Ах, Удалов, Удалов, – вздохнул кузнечик, – не знаешь своего счастья. Я вчера этого зверёныша в карты выиграл. Незаменим в жару или ненастье. Все знатные люди в этой части Галактики с ними не расстаются.

– Объясни, – сказал Удалов строго.

– Как известно, – ответил кузнечик, – скорпиончики живут на планете, где мягкий климат и множество фруктов. Но во время брачного сезона они перебираются на соседнюю планету, для чего проделывают несколько миллионов километров в вакууме и ищут своих подруг среди вулканов и песчаных бурь. Чтобы выжить, они научились менять в свою пользу окружающие условия. В радиусе метра. Там, где скорпиончик, всегда прохладно и приятно пахнет. Попробуй, испытай.

– Где я его испытаю? – спросил Удалов. – Здесь и так хорошо, прохладно.

– Проще простого.

Кузнечик убежал в ванную и пустил там горячую воду. Через минуту ванную заволокло клубами пара. Из клубов возник влажный Тори и сказал Удалову:

– Иди сюда, не бойся.

Удалов подчинился. Пар встретил его в дверях ванной, старался оглушить, обжечь и поглотить. Впечатление было отвратительное, но Удалов терпел. Он сделал ещё один шаг в глубь помещения и вдруг увидел, как пар вокруг его головы и верхней части тела рассеивается, как будто Удалова поместили в шар, в центре которого была ладонь Корнелия с коробочкой на ней. Запахло свежими цветами. Скорпиончик зыркнул на Удалова маленькими глазками.

– Ладно, – согласился Удалов, – беру подарок в счёт будущих расплат. А он не кусается?

– Как же ему кусаться, если он в коробочке? – Тут кузнечик взглянул на часы и обеспокоился. – Побежим, только осторожно, чтобы нас не заметили. Если будут спрашивать, мы идём гулять.

– Почему такая тайна? Не люблю тайн.

– Здесь все экскурсии запланированы, а поездка на Сапур не запланирована. Пока мы её будем планировать, обед наступит, – объяснил кузнечик.

Но в глазах его Удалов не увидел искренности и потому решил быть начеку.

– Хорошо, – сказал Удалов. – Пошли, только сначала мне надо отправить телеграмму домой.

Кузнечик согласился, они зашли на телеграф, и Удалов, благо теперь у него было достаточно валюты, отправил сразу две телеграммы. Одну Белосельскому с благодарностью и сообщением, что работа съезда проходит на высоком уровне, другую домой, чтобы семья не беспокоилась. Он бы послал и третью, прекрасной Тулии, но адреса Тулии Удалов не знал.

Глава десятая,

в которой Удалов летит на планету Сапур для обмена опытом в области жилищного строительства

– Вот наш корабль, – сказал кузнечик, подходя к небольшой летающей тарелочке, стоящей в стороне от звёздных кораблей, там, где бетон лётного поля уступал место зелёной траве и подорожникам.

– Долетит? – спросил Удалов, смущённый скромными размерами судна.

– А что с ним сделается? Не бойся. Я тоже жить люблю.

Удалов подумал, что кузнечик на этот раз говорит правду, и первым вошёл в тесное, но комфортабельное нутро тарелочки.

– Лететь до Сапура полчаса. Управление автоматическое, – сказал кузнечик. – Предупреждаю: там меня слушайся беспрекословно. Чужая страна, чужие нравы. Если понравится, закупим семена.

Кузнечик уверенно сел у руля, а Удалов устроился в другом кресле и пристегнулся ремнями. Ему было приятно думать, что одолел межпланетного жулика, и потому он с удовольствием пощупал в кармане растолстевший бумажник. Потом вынул коробочку и подмигнул скорпончику, отчего в салоне тарелочки запахло земляникой и подул лёгкий бриз.

Тарелочка медленно поднялась над космодромом и, набирая скорость, помчалась на соседнюю планету.

Кузнечик уверенно действовал рычагами, тарелочка неслась за пределы атмосферы – и вдруг кто-то оглушительно чихнул.

– Это ты чихнул? – спросил Удалов.

– Нет. Разве не ты?

Они замолчали. Стало тревожно. На корабле таился кто-то третий.

– Здесь кто есть? – повысил голос Удалов.

Молчание.

– Выходи или стреляю, – пригрозил кузнечик.

И тогда послышалось шуршание, дверь шкафа, в котором хранились посуда и скафандры, открылась, и оттуда робко вышло узкое существо, схожее с грибом-мухомором в трауре. На существе была тесная одежда с бахромчатым поясом и мятая широкая шляпа чёрного цвета с белыми круглыми пятнами. Руки его были в белых перчатках, в правой руке саквояж.

Существо откашлялось, сняло шляпу, обнаружив под ней совершенно голую голову без следов растительности, и спросило:

– Я вам не помешал?

– Мы не пассажирский корабль, – невежливо ответил кузнечик. – Что, денег на билет не было?

– А куда мы летим? – спросил мухомор.

– А куда вам надо?

– Подальше, – сказал мухомор.

Удалов понял, что лицо мухомора густо покрыто белой и голубой краской, по которой нарисованы скорбные синие брови, а под глазами чёрным намазаны большие пятна.

– Признавайся, зачем забрался в нашу тарелочку, а то высажу тебя в вакуум, – пригрозил кузнечик Тори.

– Человеколюбие не позволит, – ответил мухомор, – хотя мне это уже всё равно. Одним мертвецом больше.

– Успокойтесь, – сказал Удалов. – Здесь нет врагов. Вас кто-то преследует?

– Нет. Хуже. Я преследую. Но безуспешно.

– Несчастная любовь? – спросил Удалов сочувственно.

– В своём роде, – согласился мухомор. – Я, понимаете, могильщик.

– Я сразу почувствовал в нём что-то зловещее, – заметил кузнечик.

– Продолжайте, – сказал Удалов. – И у могильщиков могут быть переживания.

– Спасибо, – кивнул могильщик. – Вы добрый человек. Хотел бы я узнать ваше имя. Вы первый, кто сказал мне доброе слово за последний год.

– Меня зовут Корнелий Удалов. Кто же вы такой, несчастный могильщик?

– Моя история ужасна, – сказал могильщик, усаживаясь в кресло, уступленное ему Удаловым. – Я прожил свою жизнь на далёкой отсюда планете шесть-Г в созвездии Кита.

– Как же, знаю, – вмешался кузнечик, который не скрывал своего раздражения появлением пассажира. – Паршивое место. Я там лихорадку подхватил.

– Я сын могильщика и внук могильщика. Это наша наследственная специальность. Я не представляю себе иного ремесла, зато в своём я профессионал. Ко мне специально приезжали умирать с соседних континентов.

– Ты ближе к делу, – сказал кузнечик. – Самореклама нас не интересует.

– Тори, ты нетактичен! – упрекнул его Удалов.

– Я продолжаю, – сказал мухомор. – В последние годы наша планета переживает экологический кризис. Стало меньше лесов, сказывается недостаток древесины, бумаги, дорожают естественные продукты.

– И повышается смертность, – вставил сочувственно Удалов.

– Ах, не в этом дело! – возразил могильщик. – Дело в том, что сегодня достойно похоронить человека стоит в три раза дороже, чем

десять лет назад. Мы, могильщики, чтобы не разориться, вынуждены поднимать цены.

– Во сколько раз? – спросил кузнечик.

– Нет, только так, чтобы покрыть расходы. Главное – честь фирмы. Мы постепенно разорялись и беднели и всё же старались обеспечить нашим согражданам достойное погребение в пределах их бюджета. Правда, нам не всегда это удавалось. И вот в обстановке экономического кризиса нам был нанесён предательский удар в спину.

– Правительство прижало? – спросил кузнечик ехидно.

– Хуже. Началась всеобщая забастовка населения планеты.

– Они сами себя хоронили? – догадался Удалов.

– Ещё хуже. Они отказались умирать. Представляете, все вплоть до древних стариков забастовали и перестали умирать с одной лишь коварной целью – разорить людей, которые озабочены тем, чтобы обеспечить людям достойную встречу с вечностью.

– И не умирают? – захихикал кузнечик.

– Уже полгода.

– И даже штрейкбрехеров нет?

– Было два, – признался мухомор. – Из числа наших родственников.

– Вы бы снизили цены, – посоветовал Удалов. – Ведь людям тоже трудно – полгода без единой смерти.

– Нет, дело в принципах, – сказал мухомор. – Мы эмигрировали. Я, в частности, прилетел сюда.

– И здесь не умирают?

– Умирают, но здесь свои могильщики, которые не пустили меня в свой профсоюз. Поэтому я забрался в ваш корабль, чтобы отыскать планету, где живёт население, достойное услуг моей древней фирмы.

– Да, история, – сказал Удалов. И понял, что никак не может вызвать в себе сочувствие к горю могильщика.

Кузнечик продолжал хихикать, повторяя:

– Никто не умирает! Вот молодцы!

Мухомор подобрал ноги, надел шляпу и спросил:

– Завтрак будут подавать?

Удалов вынул бутерброды, угостил спутников, пожевал сам. «Вот лечу я с одной планеты на другую, – рассуждал он, – в отдалённом пункте космоса жую спокойно бутерброд даже не с маслом, а с неиз-

вестным жиром и с колбасой, которая сделана из чего-то, о чём лучше и не думать. Лечу как будто в командировку, ничему не удивляюсь, гляжу в иллюминатор на неизвестные мне созвездия, а в бесконечной дали пространства затерялась моя родная Земля, и на ней незначительной точкой разместился город Великий Гусляр, мало кому известный даже в пределах нашей необъятной родины. А на другом конце Галактики, может быть, тоскует обо мне незнакомая, но любящая девушка Тулия, у которой такая милая и добрая мама родом из Атлантиды. Вот так сближаешься с людьми, перестаёшь удивляться, как переставал в своё время удивляться путешественник Марко Поло, обойдя Землю, а ведь нельзя не удивляться, иначе и нет смысла пускаться в дальние странствия. Не удивляться можно и дома, у экрана телевизора». За иллюминатором, двигаясь параллельным курсом, мигала какая-то точка.

– Погляди, Тори, – сказал Удалов, – кто-то за нами летит.

– Ничего интересного, – ответил кузнечик, – блуждающая звезда.

– Не похоже на блуждающую звезду, – сказал могильщик. – Я много по космосу летал, спецпогребения обслуживал, а таких блуждающих звёзд не видал. По-моему, и в самом деле за вами кто-то гонится.

– Не обращайте внимания, – поспешил возразить кузнечик. – Мало ли дряни в космосе летает. Лучше доедайте и готовьтесь к посадке.

Могильщик смерил кузнечика недоверчивым профессиональным взглядом, но промолчал, а Удалов снова пустился размышлять о странностях своей судьбы.

– Надо ездить, – сказал он наконец вслух. – Надо больше ездить и смотреть.

– Нет, – возразил могильщик. – Лучше не ездить и умирать дома.

Глава одиннадцатая,

в которой с Удаловым происходят неприятные события на планете Сапур и его постигает разочарование

Кузнечик сверился с картой и посадил корабль в поле, неподалёку от растительного города.

– Ты, Удалов, – сказал он, – вперёд не лезь. Торговаться буду я. А то тебя надуют. Подсунут негодные семена.

– Хорошо, – согласился Удалов. – Ты опытней, ты и действуй. Только я буду за тобой, прости, наблюдать, потому что тебе не доверяю.

Кузнечик снисходительно отмахнулся и быстро пошёл по тропинке в лес. Он был озабочен, всё поглядывал на часы, и Удалов предположил, что синхронный переводчик боится опоздать к дневному заседанию СОС.

Мухомор шагал сзади, оглядывался, принюхивался и своим обликом придавал экспедиции прискорбный оттенок. А уж как он раздражал кузнечика, даже трудно представить.

– Отстань, – говорил кузнечик. – Чего за нами плетёшься? Топай в другую сторону, там, я слышал, кладбище есть.

– Извините, но кладбище меня не интересует, – отвечал могильщик. – Меня интересует не результат, а процесс. Я в некотором смысле олимпиец.

Удалов поглядывал на высокие деревья, мимо которых пролегал их путь, но деревья были самые обыкновенные, стволы без дверей.

– Потерпи, – сказал кузнечик, заметив интерес Удалова к природе. – Ещё пять минут.

Лес был привычный взгляду, лиственный, с птицами и насекомыми, дорожка тоже была обычной, и Удалов от такого мирного окружения даже стал напевать песню. И вдруг кузнечик замер, а его спинка задрожала от волнения.

– Ничего не понимаю, – признался он. – Только на той неделе я сюда прилетал. Где же город?

Они вышли к краю громадного, изрытого ямами поля. Меж ям тянулись тропинки, у тропинок стояли столбы, и на них были указатели с названиями улиц.

– Могу поклясться... – сказал кузнечик, а Удалов, почувствовав неладное, спросил его прямо:

– Опять, Тори?

– Погоди! – Тори увидел лежащую на траве человеческую фигуру.

Они подбежали к человеку. Тот был в беспамятстве и тихо стонал. Могильщик наклонился над ним, достал из саквояжа флакон и дал человеку понюхать. Тот со стоном открыл глаза.

– Что случилось? – спросил нервно кузнечик. – Где весь город?

– Это ужасно, я скоро умру, – ответил человек и смежил веки.

– Он ещё не сейчас умрёт, – сказал могильщик. – Поверьте моему опыту. Он ещё немного протянет.

– Говори же что случилось с вашим городом? – настаивал кузнечик.

– Несчастье. И мы сами виноваты, – простонал человек. – Мы поселились в домах-растениях, полагая, что комфорт нам обеспечен навсегда. Так прошло двадцать лет. Наши квартиры послушно росли, мы не знали жилищного кризиса и всегда дышали свежим воздухом. Новые семьи отпочковывались вместе с деревьями. Но мы не учли...

Человек закатил глаза, и могильщику пришлось снова поднести к его носу флакон.

– На чём я остановился? – спросил умирающий. – Ах да! Мы забыли узнать у путешественников, которые привезли нам семена, как эти деревья размножаются.

– И как же? – поинтересовался Удалов.

– Мы узнали об этом сегодня ночью. С вечера наши квартиры зацвели громадными пахучими цветами, а ночью деревья вытащили корни из земли и побрели искать своих подруг. Оказалось, что у нас в городе обитают лишь деревья мужского пола, а для того, чтобы продолжить род, они должны опылить женские цветы.

– Но где же женские деревья?

– Их забыли импортировать, – прошептал человек. – Теперь наши квартиры вместе со всем населением бредут неизвестно куда и неизвестно когда остановятся. А я нечаянно выпал из своей квартиры и разбился.

На этих словах несчастный житель ушедшего города окончательно потерял сознание.

– Пошли догонять, – сказал Удалов. – Там же жители волнуются, дети.

– А как мы их найдём? – спросил кузнечик.

– По следам. Они же следы оставляют. Как стадо слонов.

– Нет, подождём здесь. Может, нагуляются, возвратятся.

– Идём, идём, – настойчиво повторил Удалов и потянул переводчика за рукав.

– Я останусь! – крикнул им вслед могильщик. – Возможно, этот страдалец помрёт. Я уж похороню его бесплатно, для практики. Соскучился без дела.

Не успели Удалов с кузнечиком пробежать и ста метров, как нечто круглое и огромное закрыло свет солнца. Удалов поднял голову и понял, что прямо на них опускается космический корабль.

Приятели бросились в сторону, но, не долетев до земли, корабль завис, и из открывшихся люков принялись прыгать на траву тяжело вооружённые десантники.

Ещё через минуту Удалов сдался в плен. Неизвестно кому. Удалова подвели к офицеру, который командовал десантом. Справа от Удалова стоял понурившись кузнечик, слева могильщик, которого оттащили от потенциального мертвеца.

– Здравствуйте, ваше Преимущество, – сказал неожиданно кузнечик. – Ваше задание выполнено.

– Где город? – спросил офицер спокойно и даже вяло.

Лицо его было неподвижно, зрачки замерли посреди белков, словно у слепого.

– Случилось непредвиденное осложнение, – объяснил кузнечик виновато. – Оказывается, город ушёл искать своих самок.

– Не шутить, – сказал строго офицер и тонким хлыстом ожёг плечо кузнечику, отчего золотой смокинг франта с планеты Тори-Тори разорвался, обнаружив зелёное покатое плечо.

– Город был растительный, – объяснил Удалов, чтобы рассеять недоразумение. – Он был весь из деревьев, и деревья ушли.

– Они издеваются над нами. Деревья категорически не ходят, – сказал вяло офицер. – По сто плетей каждому.

– Погодите! – вскричал могильщик. – Вон там лежит пострадавший местный житель. Он в таком состоянии, что лгать не будет. Допросите его и поймёте, что мы вас не обманываем.

Офицер приказал солдатам стеречь пленников, а сам, помахивая хлыстом, направился к умирающему.

– Скажи мне, Тори, – обратился Удалов к кузнечику. – Откуда тебе знаком этот офицер и какое задание ты выполнил?

– Это тебя не касается, Удалов, – сказал Тори. – Но скрывать не стану. Его Преимущество – энтомолог. По его просьбе я наблюдал за ночными бабочками.

– Кстати, – заметил могильщик, – в космосе нас преследовал именно этот корабль.

– Совпадение, – ответил кузнечик, но никто ему не поверил.

Офицер вернулся к ним и сказал:

– Ваш местный житель так быстро умер, что мы не успели его пытать. Но он успел признаться, что выпал из уходящего дома. А где Удалов? Тори обещал его сюда доставить.

– Но не бесплатно, – нагло, но притом трусливо заметил подлый кузнечик.

– Не рекомендую упрямиться, – посоветовал офицер, помахивая хлыстом.

– Я Удалов, – признался Корнелий. – Что вам от меня нужно?

– Узнаешь, когда доставим. А кто второй?

– Я могильщик, – сообщил мухомор. – Но в данный момент я без работы. По вашему воинственному виду я полагаю, что мне в вашем уважаемом мире найдётся достойная работа. Я согласен лететь с вами.

– Берите и его, там разберёмся.

– Ваше Преимущество, – настаивал кузнечик, – мне пора возвращаться на СОС. Расплатитесь со мной, и я уеду.

– Задание ты выполнил только наполовину, – сказал офицер. – Города ты мне не обеспечил, а за одного Удалова платить не имею полномочий.

– Тогда я не буду больше на вас работать, – сказал кузнечик, – и вы лишитесь лучшего агента в сердце СОС.

– Другого найдём, – ответил офицер. – Не такого склочного. Попроще, поисполнительней.

Солдаты загоготали.

– Ах так! – воскликнул кузнечик. – Я буду жаловаться! Я немедленно возвращаюсь на СОС и сообщаю, что вы украли одного из самых популярных делегатов, любимца всего съезда, Корнелия Ивановича Удалова. Берегитесь, разбойники!

– Взять мерзавца! – приказал офицер своим солдатам, и те с нескрываемым удовольствием подхватили кузнечика под локти.

Через несколько минут кузнечик вместе с Удаловым и могильщиком оказались в стальной утробе космического корабля. К тому же надо отметить, что в ходе этой операции и Удалов, и кузнечик лишились своих сбережений, а могильщик саквояжа.

Дверь в утробу задвинулась, зажужжали двигатели, и космический корабль взял курс неизвестно куда.

– Предатель, – сказал Удалов без особой обиды, хоть и с отвращением. – Заманил меня на планету.

– Ты не понимаешь, – оправдывался кузнечик. – Я из принципиальных соображений. Я идейный предатель. Деньги только символ моей предательности. Учти, они разберутся, и наглый офицер будет жестоко наказан.

– Но прежде я накажу тебя, – сказал Удалов.

– Правильно, – обрадовался могильщик. – Не удалось мне похоронить лесного жителя, совершу погребение этого негодяя.

Поверив в серьёзность намерений Удалова, кузнечик бросился к стальной двери и принялся стенать и ударяться о неё телом, однако никто не откликнулся на его жалобы.

Могильщик тем временем вытащил из кармана рулетку, лёгкими, буквально незаметными движениями обмерил кузнечика и сообщил Удалову:

– Это обойдётся недорого, можно использовать детский гробик. Оркестра заказывать не будем. Венок один, из жёлтых лютиков.

Спокойный и деловой тон могильщика произвёл на кузнечика удручающее впечатление, и его вопли достигли такого накала, что в корабле началась опасная вибрация и стали образовываться трещины, сквозь которые со свистом уходил воздух. Сирена тревоги частично заглушила крики кузнечика, и Удалов подивился, какая сила жизни, какое стремление к благополучию заложены в этом небольшом теле.

Могильщик протянул руку в направлении к Удалову и, повернув большой палец к дребезжащему полу корабля, сделал известный на аренах Древнего Рима жест, который употреблялся, когда общественность требовала добить поверженного гладиатора.

«Нет», – покачал головой Удалов. Он вспомнил, что представляет здесь гуманистическое передовое общество.

– Может, он ещё исправится! – закричал Удалов, но крик его затерялся в прочем шуме.

Так жизнь коварного кузнечика, уже висевшая на волоске, была спасена – неизвестно ещё, на благо действующих лиц нашей драмы или им во вред.

Постепенно кузнечик перестал вопить и лишь тихо рыдал, сжавшись в комок у двери и бросая опасливые взгляды на спутников. Могильщик, разочарованный милосердием Удалова, рисовал карандаши-

ком на стене проекты коммунальных катафалков, а Удалов расстраивался из-за того, что нечаянная задержка заставит его пропустить вечернее заседание съезда.

Глава двенадцатая,

в которой Удалов оказывается в плену и узнаёт о странной судьбе населения планеты Кэ

Вскоре пленникам приказали покинуть стальную комнату и привели их к выходу из корабля, который опустился на планете Кэ.

Планета встретила Удалова лёгким грибным дождём, капли которого выбивали весёлую дробь по листве деревьев и лепесткам роз. За пределами выжженной и умятой кораблями бетонной площадки местность была покрыта ковром разнообразных цветов, из которого поднималось массивное здание космовокзала. Несказанный аромат обволакивал тело и нежил органы чувств, а мириады бабочек оживляли общую картину, соперничая с цветами яркостью и неожиданностью расцветок.

– Неплохо, – сказал Удалов, который умел ценить заботу о красоте и экологии. – Просто замечательно: если они любят цветы, значит, у них открытые сердца.

Кузнечик почему-то хихикнул, а шедший сзади солдат больно толкнул Удалова прикладом.

Здание вокзала оказалось давно не крашенным, штукатурка осыпалась, но вьющиеся растения придавали руинам живописный и романтический вид.

Над входом в здание висела потрёпанная дождями и ветрами выцветшая вывеска: «Добро пожаловать на планету Кэ, где вас ждут всегда!» В здании космодрома было душно и влажно, как в оранжерее. Горшки с резедой и ящики с ландышами стояли на полу, и порой приходилось через них прыгать.

Навстречу офицерам вышел исхудалый толстяк с кожей, обвисшей, как у голодающего слона, и в башмаках не на ту ногу. Толстяк был небрит, нестрижен, нечёсан. Он жевал ландыш.

– Привезли? – бросил он коротко.

– Только Удалова, – ответил офицер. – Город успел сбежать.

– Удалов сопротивлялся? – спросил толстяк, почёсываясь.

– Куда он денется?

Удалов обратил внимание на странную особенность губ толстяка. Они двигались не в такт словам, будто толстяк не очень умело дублировал кого-то другого. Удалов даже оглянулся, заподозрив какой-нибудь фокус, но рядом никого, кроме солдат, не оказалось.

Кузнечик оттолкнул Удалова и сделал шаг вперёд.

– Прошу немедленно провести меня к Его Необозримости, – потребовал он. – Имею секретное донесение.

Неопрятный толстяк удивился, приподнял брови и замер, словно прислушиваясь.

– Нет, – сказал он после паузы. – Сначала разглядим Удалова. Здравствуйте, Удалов.

– Здравствуйте, – кивнул Корнелий. – Я весь на виду.

– Где моё уменьшительное стекло? – спросил толстяк.

Никто не смог ему помочь. Толстяк принялся копаться в складках своей широкой мятой одежды, наконец вытащил откуда-то стекло, приставил его к глазу, отчего глаз несказанно увеличился, и уставился на Удалова. Он рассматривал делегата с Земли минуты две. Удалову даже надоело стоять, и он переступил с ноги на ногу.

– Не производит впечатления, – произнёс толстяк разочарованно. – Накормите их и приготовьте к церемонии.

Солдат отвёл пленников в столовую. Столовая была недалеко, за перегородкой из ящиков и чемоданов, оплетённых диким виноградом. Стены её были покрыты коричневой краской, пол заплёван, окна запылены, сквозь трещины в полу пробивалась трава.

Кухни при столовой не было. Только стойка, на которой лежали груды мятых лепестков роз и букетики гиацинтов. Повар с помощником рубили лепестки широкими ножами, а мальчишки на побегушках перемалывали гиацинты в мясорубках. Удалов подумал, что цветочные запахи ему начали понемногу надоедать. Очень захотелось селёдки.

Народу в столовой было немного. Ели одно и то же – салат из рубленых лепестков, на второе – кашу из провёрнутых лепестков. Ели быстро, скучно, равнодушно, хотя порой из уст вырывались удовлетворённые возгласы.

Солдат подтолкнул пленников к стойке, где повар шлёпнул им в тарелки по горсти салата, а мальчишки на побегушках положили на блюдца по ложке цветочной кашки.

Взяв свои порции, пленники отыскали свободные места за длинным столом. Могильщик принюхался к пище и сказал:

– Как у нас на кладбище!

– Вы тоже так едите? – удивился Удалов.

– Нет, только нюхаем, а венки потом выкидываем.

Удалов покачал головой, внутренне осуждая чёрный юмор, а потом посмотрел на соседа по столу. Им оказался небритый молодой человек с тупым взглядом, в пиджаке задом наперёд. Ел он размеренно и тихонько ухал. Напротив Удалова питалась старуха в скатерти, накинутой на плечи. Удалов протёр грязную ложку носовым платком, зачерпнул салата и осторожно поднёс ко рту. Как он и опасался, салат из лепестков оказался горьковатым.

– Нет, – вздохнул Удалов. – Так не пойдёт. Хоть бы подсахарили.

– Не нравится? – враждебно спросила старуха в скатерти. – Вы только посмотрите – ему нектар не нравится.

– А вам нравится? – удивился Удалов.

– Вздор! – рявкнула старуха. – Всем нравится.

– Я не спорю, – смутился Удалов. – Красиво, элегантно, пахнет приятно. Но ведь это чтобы нюхать, а не чтобы жевать.

– А эфирные масла? – строго напомнил молодой человек в пиджаке.

– Эфирные масла для одеколона и бабочек, – не согласился Удалов. – Хотя с чужими обычаями спорить не буду.

– Странно, – не успокаивалась старуха. – Господам нравится, а ему, видите ли, не нравится. Так что же тебе, любезный, подавать прикажешь?

– Хлебушка бы, – признался Удалов.

– Он хочет хлеба! – воскликнула старуха, не двигая губами. – Мерзавец!

Но при этом глаза старой женщины увлажнились, а молодой человек так шумно и судорожно проглотил слюну, что Удалову стало ясно – от хлеба они бы не отказались.

Наступила тишина. Будто кто-то невидимый, но властный приказал всем замолчать. И тут же люди, словно забыв о еде, стали подни-

маться со своих мест, выстраиваться в колонну по два и пустились по залу, скандируя, сначала робко и разрозненно, а потом всё громче и горячее:

– Да здравствует цветочный салат! Да славятся эфирные масла! Долой хлеб и ненавистные эскалопы!

– Долой! – катилось по залу.

Звенела посуда. Повара, помощники поваров и мальчишки на побегушках аплодировали и кричали оскорбления в адрес белков и углеводов.

Правда, губы у всех двигались невпопад.

Приплясывая, охваченные энтузиазмом люди продвигались к дверям и исчезали. Наконец последний из них покинул столовую, и остались лишь обслуживающий персонал, солдат и пленники. Солдат как ни в чём не бывало продолжал уплетать цветочную кашу.

Кузнечик презрительно поглядел на него и сказал:

– Они себя заживо губят.

– Исхудали, – согласился с ним могильщик. – Готовый материал для меня. Не планета, а золотые прииски.

– Если вы их переживёте на этой диете, – заметил Удалов.

– Не переживёт, – криво усмехнулся кузнечик. – Всех вас психически уничтожат.

– А тебя?

– Меня нет. Я подлец, а законченные подлецы дефицитны. Я иногда сам себе поражаюсь. Феноменальная атрофия совести: всех готов продать.

– Удалов, – проговорил могильщик, – надо было нам его ликвидировать на корабле. Похоронили бы давно, и никаких забот.

– Вот видишь, Тори, – сказал Удалов. – Могильщик, может быть, и прав. А если ещё не поздно?

– Поздно, – хихикнул кузнечик, показав выпуклыми глазками на солдата.

Солдат вылизал тарелку, потом понюхал её, подобрал упавший на стол лепесток, встал, подошёл к пленникам и сказал:

– Пора, потенциальные!

Следующий час пленники провели в бывшей комнате матери и ребёнка, переделанной в изолятор с помощью решёток на окнах.

В изоляторе было пыльно и зябко. Здесь хранились мешки с цветочными семенами. Могильщик храбрился и говорил, что профессионально наслаждается в атмосфере кладбищенского склепа. Удалов быстро ходил, перешагивая через детские стульчики и ломаные игрушки. Вдруг кузнечик воскликнул:

– Ты плохой товарищ, Удалов! Ты эгоист.

– Почему? – удивился Корнелий.

– Коробочка со скорпиончиком где? В кармане?

– Я совсем забыл. Прости, – сказал Удалов.

Он вынул из кармана скорпиончика. Скорпиончик принюхался к холодному воздуху и тут же создал вокруг нормальную атмосферу. В изоляторе потеплело, запахло розами, и узники сбились в кучу, чтобы на всех хватило тепла.

– Странная планета, – сказал Удалов, когда согрелся. – Глаза у всех пустые, едят цветочки, говорят, что хлеба им не нужно, эскалопы, говорят, долой, и вообще вид неопрятный.

– Это объяснимо, – ответил кузнечик. – Весь цивилизованный мир бьётся над тайной планеты Кэ, все считают их больными загадочной болезнью. А дело просто – планета попала в плен.

– Так что же ты раньше не сказал? Давно бы уж меры приняли.

– А ты забыл, что я им продался? – спросил кузнечик.

– Не очень выгодно продался, – заметил могильщик.

– Я уже от них отрёкся. Поэтому и сообщаю страшную тайну. Тебе, Удалов, первому.

– Ну, рассказывай.

– Рассказывать недолго. Забрели как-то на эту планету микробы. То ли забрели, то ли сами вывелись – в общем, не важно. Отличаются эти микробы от обыкновенных тем, что они мыслящие. Казалось бы, что такого – занимайся созидательным трудом, участвуй в общем братстве Галактики. Так нет, они сами созидать не хотят, а паразитируют в других существах.

– Значит, паразиты! – воскликнул Удалов.

– Ничего подобного, – раздался голос, и дверь в изолятор открылась.

Неопрятный бывший толстяк, который встретил пленных на космодроме, вошёл, тяжело ступая по куклам и погремушкам.

– Ничего подобного, – повторил толстяк. – Никакие не паразиты, а глубокоуважаемые господа микроорганизмы.

– А я так и сказал, – поспешил исправиться кузнечик. – Так именно и сказал. Глубокоуважаемые и милостивые господа благородные микроорганизмы.

Что-то внутри толстяка треснуло и заверещало. Толстяк стоял с открытым ртом и покорно ждал, пока эти звуки прекратятся.

– Мы смеёмся, – сказал он, когда всё смолкло. – А ты, продажный Тори, продолжай. Секретов здесь нет. От нас ещё никто не уходил таким же, как пришёл. Говори!

Кузнечик отошёл от своих товарищей, неловко поклонился и сказал:

– В общем, остальное понятно. Господа микроорганизмы по просьбе жителей планеты Кэ поселились здесь, и тогда жители планеты Кэ обратились с просьбой к уважаемым микроорганизмам, чтобы для большего единения между населением планеты и уважаемыми микроорганизмами последние внедрились внутрь жителей планеты Кэ. С тех пор в каждом жителе планеты Кэ обитает уважаемый микроорганизм и подсказывает ничтожному жителю планеты Кэ ценные мысли. Я правильно излагаю?

– Нет конечно, – ответил неопрятный толстяк. – Какое уж тут единение! Мы, микроорганизмы, или паразиты, как сказал дорогой Удалов, да не простится ему это хамство, хозяева. Мы приказываем, а люди слушаются. И никакого равноправия. Всё делается так, как удобно нам, кхе, паразитам. Это мы, кхе-кхе, паразиты, любим эфирные масла душистых цветов. Поэтому все на планете любят только эфирные масла, разводят цветы, нюхают цветы и жуют цветы. Мы никогда не убиваем пленных. Зачем? Каждый новый человек – домик для одного из нас. Ведь мы быстро размножаемся. У нас уже очередь на новые тела. Вот теперь и в вас вселимся.

– Только не в меня, – проговорил быстро кузнечик. – Я добровольно и сознательно служу благородному делу.

– А почему не в тебя? Будет в тебе жить мой брат или внук, будет, как ты сам сказал, с тобой в единении, будете вы дружить, и будет он тебе подсказывать, как думать, о чём думать, о чём не думать, когда чего говорить, а когда лучше промолчать. Твоя же цена как агента втрое повысится. Радуйся, дурак!

– Я, конечно, радуюсь.

– Радуйся молча. И ты, могильщик, нам пригодишься. Нам могильщики нужны. Мы всё время распространяемся, а наши челове-

ческие тела так несовершенны! Живут мало, дохнут как мухи. Работы тебе хватит.

– Спасибо, – произнёс могильщик с чувством. – Мне все эти споры о единении и подчинении чужды, я аполитичен. Мне нужен созидательный труд и заслуженное вознаграждение.

– А вот о вознаграждении забудь, – сказал неопрятный толстяк.

А так как губы толстяка были неподвижны, Удалов уже сообразил, что говорит хозяин толстяка – уважаемый микроорганизм. И понятно стало Удалову, почему люди здесь так плохо одеты, небриты и немыты. Зачем? Микроорганизмам это неинтересно. Они-то голые.

– Я не могу забыть о выгоде. Я деловой человек, – объяснил могильщик.

– А вот вселится в тебя мой дядя, и станет тебе безразлично, за деньги ты копаешь могилы или для собственного удовольствия. Вставайте, пора.

– Куда? – спросил Удалов.

– Во дворец. Там нас ждёт Его Необозримость Верховный микроб. Он лично намерен вселиться в тебя, Удалов. В торжественной обстановке. Тело у него хоть и почётное, но старое, малоценное. А твоё нам подходит. Особенно ввиду твоей будущей роли в Галактике.

– Моя роль самая скромная, – сказал Удалов. – Не вижу причин обращать на меня особое внимание. К тому же должен вас официально предупредить, что я не какой-нибудь бродяга без роду и племени, а представитель Земли. За мной стоят шесть миллиардов земляков, которые никогда не дадут в обиду своего товарища. Так что, поднимая руку на меня, учтите: вы поднимаете руку на свободолюбивую Землю!

Удалов говорил громко и торжественно. Он даже пожалел, что рядом нет Коли Белосельского и товарищей по работе, которые смогли бы оценить правильность и убедительность его речи.

Неопрятный толстяк терпеливо дождался, пока Удалов кончит, потом криво усмехнулся и сказал:

– Хорошо излагаешь. Нас не обманули. Верховный микроб будет рад поселиться в твоём теле. А что касается шести миллиардов жителей Земли, то нам приятно слышать о таком количестве носителей. Какие перспективы для нашего размножения! Так что Землю мы тоже покорим! Может быть, даже с твоей, Удалов, помощью.

Глава тринадцатая,

в которой Удалов встречается с Его Необозримостью Верховным микробом и с девушкой Тулией

– Перед Его Необозримостью вести себя культурно, – предупредил неопрятный толстяк, ведя пленников по коридорам космопорта к выходу на улицу. Сзади топали солдаты. – Его Необозримость не выносит хамства.

– А почему вы его называете Необозримостью? – спросил Удалов.

– Во-первых, из уважения к его уму и талантам, – ответил толстяк. – А во-вторых, он воистину огромен. Ты не поверишь, но Верховного микроба можно разглядеть невооружённым глазом.

– Не может быть! – подобострастно воскликнул кузнечик.

– И он продолжает расти, – добавил толстяк.

Полдороги они проехали в старом открытом автомобиле, но на одном из поворотов двигатель заглох, и завести его не удалось. Шофер лениво копался в моторе, потом задремал на дороге, а когда солдаты принялись его лупить, микроб, который жил в шофёре, потребовал прекратить избиение, потому что от этого в теле шофёра возникала неприятная для микроба вибрация.

Пришлось вылезать из машины и идти дальше пешком, что было нелегко, так как с улиц давно уж никто не убирал сор и отбросы. На одном из перекрёстков пришлось остановиться. По улице медленно двигалась демонстрация. Демонстрация состояла из нескольких сот кое-как одетых и полуодетых женщин в цветочных венках и гирляндах, которые несли коряво написанные плакаты и лозунги. Кое-какие из них Удалов запомнил: «Мой микроб всегда со мной», «Ни шагу без микроба», «Порадуем хозяев повышенной рождаемостью!» Многие несли круглые щиты с тремя буквами П. Буквы по-разному располагались на щитах.

– Что это значит? – спросил Удалов у неопрятного толстяка.

– Послушание-Прилежание-Простота. Наш главный лозунг. Нравится?

– Не нравится, – честно ответил Удалов.

– А мне нравится! – сказал кузнечик. – Я просто счастлив видеть такую стройную организацию населения, такое единодушие, такую любовь к микробам!

– Попробовали бы они иначе, – заметил толстяк. Потом он поднял руку и закричал: – Старайтесь, дорогие женщины! Мы с вами!

– Ура! – закричали нестройно женщины.

Как только демонстрация миновала, толстяк поспешил через дорогу. Солдаты лениво семенили сзади, нюхая розочки, вставленные в дула автоматов.

Дворец бывшего Президента планеты Кэ, как нетрудно догадаться, был в плачевном состоянии. Штукатурка осыпалась, некоторые колонны рухнули, их обломки загораживали подъезд ко дворцу, отчего туда проходили по вьющейся тропинке, поглядывая наверх, не свалится ли ещё что-нибудь.

Никто не охранял входа, да видно, на этой планете в охране не было смысла, потому что в каждом преступнике сидел бдительный наблюдатель, а к борьбе за власть между собой микробы ещё не приступили.

В коридорах и холлах дворца слонялись тусклые люди, человек, на котором были только ботинки, спал на ступеньках, большой бак с цветочным отваром стоял на лестничной площадке, лакей в рваной ливрее мрачно жевал гладиолус. При виде поднимающихся по лестнице солдат с пленниками он вскочил, изобразил на лице радость и слишком громко закричал:

– Не желаете ли нектара? Нет ничего вкуснее нектара!

– Спасибо, на обратном пути, – вежливо ответил Удалов.

Наконец они вошли в центральный зал, где их ожидал предупреждённый заранее Верховный микроб. Увидеть его невооружённым глазом Удалов не мог, потому что микроб был спрятан в теле немощного старика, бывшего Президента планеты. Старик, хранивший в себе микроб, сидел на возвышении в золотом потёртом кресле, а вокруг толпились сановники.

Неопрятный толстяк, обогнав пленников, прошёл прямо к креслу и объявил:

– Корнелий Удалов с Земли и взятые с ним лица просят разрешения приблизиться.

– Молодец, молодец, – произнёс добрым голосом старик, поглаживая морщинистой рукой белоснежную жидкую бороду. – Значит, ты и будешь Удалов?

Глазки старика упёрлись в лицо Удалову, и тому показалось, что за зрачками таится крупный микроб. Но, разумеется, это было не так.

Удалову было трудно смириться с мыслью, что старик перед ним не настоящий, а только оболочка, и сановники, стоящие по бокам, тоже только оболочки. Он не удержался и задал неделикатный вопрос:

– Простите. А вот вы, человек, в котором сидит паразит, как вы это ощущаете?

И, к его удивлению, старик ответил совершенно другим голосом:

– Погано. – И тут глаза его остекленели, губы сжались, и через ноздри прозвучало окончание фразы: – Я наслаждаюсь постоянным присутствием Его Необозримости. Я счастлив быть оболочкой.

– Понимаю, – вздохнул Удалов, – как же, понимаю.

И только теперь до него дошёл весь ужас его положения. Раньше всё было не очень реально. Ну попал в плен, с кем не бывает, ну привезли во дворец, понятно. Но когда он увидел, как остекленели, застыли глаза несчастного Президента, когда заговорил в нём микроб, Удалов сжался. Даже сердце застучало с перебоями.

– Как доехали? – спросил Президент, подёргивая бороду. – Вас хорошо разместили?

– Что? – спросил Удалов, почти не слыша.

За него ответил кузнечик:

– Мы отлично доехали и удобно устроились, Ваша Необозримость. Мы рады, что увидели лично вас!

– Меня не видно, – сообщил Президент. – Мне говорили, что ты продажный и неумный агент. Это так?

– Не умён, – поспешил согласиться кузнечик. – Совершенно недостоин быть оболочкой уважаемого микроба.

– А нам твой ум ни к чему, – раздался мелодичный женский голос.

Сановники засмеялись.

Удалов вздрогнул и обратил взор в направлении голоса. В толпе придворных, не замеченная раньше, стояла его возлюбленная.

– Тулия! – закричал Удалов. – Дорогая! Мы встретились! – Он сделал шаг к девушке и простёр вперёд руки.

– Что с ним? – удивился Президент.

– Он влюблён в меня, – ответила со смехом прекрасная Тулия. – Когда я выполняла твоё задание на Альдебаране и попыталась вы-

красть Удалова с пересадочной станции, мне пришлось изобразить некоторую заинтересованность в этом барашке. Вот он и попался.

Сановники, сам Президент, солдаты и даже неопрятный толстяк чуть не умерли от хохота. Оказалось, что и у микробов бывает чувство юмора. Захихикал даже кузнечик, и мрачно, не поднимая опущенных углов губ, улыбнулся мухомор-могильщик.

Удалов был готов провалиться сквозь землю. Он опустил руки, и они плетьми повисли вдоль тела. Он чувствовал, как позорная алая краска залила ему щёки. Он судорожно проглотил слюну и, когда смех немного стих, произнёс:

– Тулия, ваша мама не имеет от вас никаких известий и очень беспокоится.

– Мама! – воскликнула девушка, но тут же гнездящийся в ней микроб перехватил её голос и сказал: – У меня нет отца и нет матери. Мы все родственники Его Необозримости Верховного микроба.

И Удалов понял, что больше ему разговаривать с этой девушкой не о чем. И понял другое: если удастся ему, если повезёт избавиться от ужасной угрозы стать оболочкой для микроба, он сделает всё, что в его силах, чтобы спасти и вернуть к матери и к учёбе в университете эту несчастную девушку. И, конечно, спасти остальных жителей планеты Кэ.

Глава четырнадцатая,

в которой Удалов вступает в нечаянное единоборство с Верховным микробом

– Ну что ж, начнём, пожалуй, – сказал скрипучим голосом Президент.

– С кого начнём? – спросил неопрятный толстяк.

– Со второстепенных персонажей, – решил старик. – Например, с вашего неудачливого агента.

– Я удачливый! – закричал кузнечик. – Я вам доставил Удалова! Совершенно бесплатно, из идейных соображений. Меня можно отпустить.

– Сейчас ты и получишь награду, – ответил Президент. – Высшую награду. Ты возводишься в высокий чин носителя моего двоюродного брата, который только вчера потерял предыдущее тело. Приступайте.

Неопрятный толстяк с одним из солдат прошёл в угол зала, где за колоннами лежало нечто, покрытое коврами. Они приподняли ковёр за угол, оттянули на себя, и под ковром обнаружилось несколько мёртвых тел.

– Какой из них ваш кузен? – спросил толстяк.

– По-моему, первый справа, – сказал Президент.

Вдруг, к ужасу Удалова, из второго слева мертвеца послышался голос:

– Нет, я здесь.

Толстяк вытащил из своего воротника иголочку и нагнулся к мертвецу. Удалов отвернулся, чтобы не видеть этого зрелища. Кузнечик потерял сознание и с хрустом упал на пол. Прекрасная Тулия мелодично смеялась.

Неопрятный толстяк возвратился к пленникам, осторожно неся перед собой иголку и прикрывая её ладонью, как огонёк свечи. Удалов зажмурился. Раздался отчаянный крик Тори. Потом была пауза. Корнелий открыл глаза и увидел, что кузнечик медленно поднимается с пола.

Кузнечик отряхнул пыль с золотых штанов, потянулся, его лицо исказилось неестественной улыбкой, и он сказал, почти не шевеля губами:

– Спасибо, кузен, всё в порядке, а то я за три дня соскучился без движения.

И, подчиняясь приказу своего нового хозяина, кузнечик пустился в пляс.

Раздались аплодисменты сановников и солдат.

– Тори! – воскликнул Удалов. – Тори, ты меня слышишь?

– Слышу, – ответил Тори, не переставая плясать. – Я счастлив. Теперь я буду спокойно наслаждаться нектаром и ни о чём не думать.

– Браво, – сказал Президент. – Следующий!

Операция с могильщиком заняла всего минуту, потому что иголочка с микробом была уже подготовлена. Могильщик пытался сопротивляться, и Удалов даже рванулся, чтобы прийти к нему на помощь, но солдаты быстро подавили бунт, и ещё через пять секунд могильщик объявил, что он тоже счастлив.

Остался один Удалов. Один несчастливый во всей этой большой удовлетворённой компании.

– Я займусь им лично, – сказал Президент, сходя с возвышения.

Солдаты подпёрли Удалова автоматами в спину, чтобы он не отступил, и Удалов решил, что не уронит своего достоинства даже в такой критической ситуации. Он замер и высоко поднял голову.

Старик шёл с трудом, сановники поддерживали его под локти, и Удалов даже успел подумать, что, наверное, нельзя кормить одними лепестками такого пожилого и привыкшего к разносолам господина.

Не доходя до Удалова двух шагов, старик вдруг остановился. Внезапная тревога исказила его лицо.

– А вы уверены, что это тот самый Удалов? – спросил он.

– Совершенно уверены, – ответила прекрасная Тулия и достала из сумочки сложенный вчетверо лист бумаги. – Вот что написано в предсказании Острадама: «И прибудет на съезд делегат Земли Корнелий Удалов. И прославится на съезде большими делами. И будет от него страшная угроза могуществу микробов. И станет он...»

– Хватит, – прервал девушку Президент. – До сих пор Острадам не обманывал. Хотя предсказания его туманны. Тебя зовут Корнелий? Ты с Земли?

– Меня зовут Корнелий Иванович Удалов, – сказал пленник. – Я прилетел с Земли, из города Великий Гусляр, и я клянусь посвятить все свои силы освобождению Галактики от паразитов.

– Тот самый, – сказал Президент. – Без сомнения. Ты от нас на Земле ушёл, ты от нас на Альдебаране ушёл, но здесь тебе деваться некуда.

Президент подошёл вплотную, сложил губы трубочкой и заверещал:

– Скорее! Я хочу в новое тело. Моё старое умирает.

Тут Президент начал покачиваться, и ноги его подкосились.

Но Удалова это не спасло. Падающий Президент успел обнять Удалова старческими руками и вцепиться с такой силой, что стряхнуть его не было никакой возможности. Президент потянулся мертвеющими губами к губам Удалова. Несмотря на протестующие крики сановников, Удалову удалось отклонить голову, но что-то мелкое и шустрое пробежало у него по щеке и нырнуло в ноздрю. Тело Президента, лишённое хозяина, сползло на пол, и умирающий старик прошептал:

– Уничтожайте паразитов... пить!

– Воды! Дайте ему воды! – закричал Удалов. – Человеку плохо!

Он начал нагибаться к бездыханному Президенту, но что-то случилось с его позвоночником, что-то замкнулось в его грудной клетке, и Удалов замер в неудобной позе, услышав внутренний голос:

– Не надо, Удалов, не беспокойся. Всё в порядке. Ты теперь не одинок в этом мире. В тебе есть верный и неотлучный друг. Угроза существованию микробов ликвидирована. И мы с тобой вместе будем бороться за счастье и благоденствие паразитов.

– Нет! – закричал было Удалов, но крик исчез, не долетев до рта, а вместо этого кто-то удаловским голосом сказал:

– Отличное тело. Подвижное, крепкое, вполне достойное меня.

Раздались радостные крики сановников, к которым присоединились счастливые кузнечик и могильщик, а больше всех радовалась прекрасная Тулия, в которой, как узнал Удалов, жила сама Верховная матка племени микробов.

«Погодите, – мысленно сопротивлялся Удалов. – Вы не имеете права! Я буду жаловаться!»

Но в ответ внутри Удалова, зарождаясь где-то в районе гайморовой полости, раздался тихий удовлетворённый смех, который перешёл в убеждающий, мягкий и чем-то даже добрый голос Верховного микроба:

– Отныне, Удалов, мы с тобой будем жить безмятежно, питаться нектаром и беспрекословно выполнять все мои приказания. Мы будем кричать на всех перекрёстках, что мы счастливы. Мы будем ратовать за «послушание, прилежание и простоту». И ничего нам не надо, кроме моего счастья. А задумайся, как хорошо беспрекословно подчиняться, сколько это снимает с тебя проблем и забот. За тебя думает паразит, решение за тебя принимает паразит, даже зубы по утрам чистить необязательно, потому что паразиту плевать, чистые у тебя зубы или грязные. Мы с тобой, Удалов, покорим всю Вселенную, мы принесём счастье Галактике, мы принесём спокойствие Земле. Что такое? Что такое? Кто сюда идёт?

Вдруг внутренний голос Удалова замолк, и Корнелий, всё ещё скованный волей Верховного микроба, обрёл способность глядеть по сторонам и видеть, что творится вокруг.

Сановники о чём-то беседовали, могильщик принялся снимать мерку с трупа Президента, хотя, видно, в этом не было нужды, потому что солдаты уже приготовили ржавые крючья, чтобы оттащить труп

старика на свалку. Прекрасная Тулия, не подозревавшая о том, что Верховный микроб столкнулся с какими-то неприятностями в недрах удаловского организма, подошла к нему и сказала:

– Полагаю, что моя оболочка всё ещё вызывает в тебе нежные чувства. Так что можешь пользоваться. И пока вы с Тулией будете любить друг друга, мы с Его Необозримостью займёмся плодотворным обсуждением вопросов дальнейшей экспансии.

Глаза Тулии были пусты и показались Удалову совсем не такими прекрасными, как прежде.

– А как же любовь? – спросил он.

– Зачем тебе любовь? – удивилась Тулия. – Главное – простота.

– Прекратите! – произнесли губы Удалова помимо его воли. Видно, внутри его творилось что-то неладное. – Сейчас же отпустите меня!

– Что случилось? – всполошилась Тулия. – Что с тобой?

– На меня напали! Здесь полчища бандитов! На помощь! Спасите!

Тулия ударила Удалова по голове кулачком.

– Прекратите, подрыватель! – закричала она. – Оставьте в покое моего сына! Ты на кого поднял руку, подлец!

– Я совершенно ни при чём! – воскликнул в ответ Удалов, но слова получились смятыми и неубедительными, потому что сквозь рот Удалова рвались отчаянные вопли страдающего паразита.

Боль Верховного микроба передалась Удалову, и его начало корчить и мотать, разболелись одновременно все зубы, ломило голову и взрывалось в ушах. Удалов помимо своей воли совершал нелепый танец, закидывая руки, выпячивая живот и стуча ногами. Успела мелькнуть мысль, что он сейчас со стороны, наверно, похож на древнего шамана, но тут же эта мысль исчезла, и наступило помутнение сознания. И как будто сквозь туман к Удалову тянулись гневные руки сановников и его бывших товарищей – кузнечика и могильщика, все вокруг вопили, грозились убить Удалова и даже старались его убить, но мешали друг другу, и это Удалова спасло.

А тем временем изо рта Удалова продолжали вырываться страшные проклятия.

– Я гибну! – вопил Верховный микроб. – Меня окружили! Здесь хищные враги! Они едят меня! На помощь... Я не могу вырваться. Предательство... измена! Аааа...

И последний крик Верховного паразита угас, превратившись в невнятные всхлипывания. В ужасе сановники отшатнулись от Удалова, и он, избитый, измученный происходившей в нём борьбой, лишился чувств.

Глава пятнадцатая,

в которой Удалов попадает в подземелье и встречается с предсказателем Острадамом

Когда Удалов пришёл в себя, оказалось, что он лежит на холодном грязном полу тронного зала. В зале слышался гул голосов, но никто более Удалова не бил.

Удалов с трудом сел. Голова болела, все члены тела были измучены и не хотели подчиняться. Когда удалось сфокусировать зрение, оказалось, что сановники столпились вокруг золотого кресла, на котором сидела Тулия, и обсуждали создавшееся положение. На Удалова никто не обращал внимания.

Кузнечик суетился у трона, а могильщик стоял с солдатами неподалёку и с сочувствием смотрел на Удалова.

В этот момент сановники отошли от трона, и Тулия, обратив строгий, начисто лишённый любви взгляд к Удалову, сказала:

– Мы пришли к выводу, что в тебе, Удалов, несмотря на дезинфекцию, сохранились враждебные нам бактерии и вирусы. Разумеется, мы могли бы поместить в тебя для проверки ещё одного из наших братьев, но риск его гибели слишком велик, и потому лучше тебя уничтожить. Надеюсь, ты согласен с нами, что такое решение разумно?

– Нет, – возразил Удалов. – Совершенно дикое решение.

– Но ведь ты убил лучшего из нас!

– Я никого не убивал. И никто не просил его в меня соваться.

– Удалов, нам, микробам, суждено покорить всю Галактику, и не пытайся встать на пути исторического регресса. Ты приговорён к уничтожению, однако исполнение приговора откладывается. Мы рассудили, что если ты нам опасен, то ещё опаснее вся Земля. Вместо одного врага мы получили теперь шесть миллиардов врагов. А это нас удручает. Следовало серьёзнее отнестись к предсказанию Острадама и уничтожить тебя на Альдебаране.

– Опоздали, – согласился Удалов. – Ваше дело проиграно. Учтите, что я самый средний землянин, а у нас есть очень умные люди.

– Мы учитываем, – сказала прекрасная Тулия. – Поэтому перед уничтожением ты подвергнешься пыткам для добровольной выдачи информации, которая позволит нам ликвидировать Землю. Увести его!

Солдаты знаками показали Удалову, чтобы он двигался к выходу, и Удалов не стал сопротивляться. Он так устал, что мечтал только об одном – немного поспать. А там видно будет. И он спокойно пошёл к выходу.

На улице так же светило солнце, плыли кучевые облака, по соседней улице шла очередная демонстрация за увеличение потребления нектара, и никому не было дела до одинокого человека, который попал в переплёт и вполне мог сгореть на костре подобно Жанне д'Арк, Джордано Бруно и Тарасу Бульбе.

Перейдя площадь, Удалов оказался перед входом в тюрьму. Предупреждённый о его приходе, тюремщик открыл двери, а сам опасливо отошёл, и это было понятно, так как на планете Кэ не было смысла держать преступников в тюрьме, когда их можно было использовать и перевоспитывать более надёжным образом.

Скрипели ржавые двери, пыль поднималась с лестничных ступенек, и путешествие показалось Удалову бесконечным.

Наконец он добрался до нижнего этажа подвалов. Железная дверь с глазком отворилась перед ним, и Удалов оказался в холодном каменном мешке, освещённом голой лампой под потолком. Здесь стоял табурет, на полу валялась куча гнилой соломы да в углу виднелась чёрная дыра в полу – простейшее туалетное устройство.

– Ну что ж, – сказал Удалов сам себе, – ещё не вечер.

Глазок в двери приоткрылся, и женский голос произнёс:

– Нет, вечер.

Удалов узнал голос прекрасной Тулии и крикнул в ответ:

– Я требую справедливого суда!

– Суд уже состоялся, – заявила Тулия. – Ты приговорён к сожжению на костре за убийство Президента этой планеты.

– Постойте! – возмутился Удалов. – Но ведь суда не было, и я ни в чём не признавался! И Президента я не трогал. Вы его сами лепестками уморили.

– Неважно! – ответила Тулия из-за двери. – Копия приговора после вынесения наказания будет послана на СОС и на Землю, чтобы все морально осудили убийцу.

Чёткие шаги Тулии удалились, и наступила тишина, которую нарушали лишь капли, падавшие с потолка каменного мешка. Удалов вытащил из кармана коробочку со скорпиончиком. Скорпиончик посмотрел на Удалова с осуждением, видно, никогда ещё не попадал в такую ситуацию. Потом мелко задрожал хвостом и начал согревать промозглый воздух. Запахло флоксами, и Удалов немного приободрился.

Согревшись, Удалов свернулся калачиком на соломе и задремал, во сне увидел родной город, жену Ксению в процессе приготовления блинов, сына Максимку, бегающего по зелёной лужайке перед церковью Параскевы Пятницы с сачком для ловли бабочек в руке, а также школьного друга Колю Белосельского, который уверенно говорил: «Не падай духом, Корнелий! Мы не оставим тебя в беде! Мы не поверим клевете, которую распространяют о тебе злые силы реакции! Вся Земля, затаив дыхание, следит за твоей неравной борьбой за справедливость и национальное освобождение трудолюбивых обитателей планеты Кэ от жестоких угнетателей. Мы с тобой, Корнелий!» Застучали барабаны, и Корнелий проснулся.

Оказалось, что кто-то негромко стучит в стену. Но не равномерно, а прерывисто, словно это азбука Морзе, которую Удалов, к сожалению, не знал.

Удалов протянул руку к стене и, отогнав мокрицу, постучал в ответ.

– Не падай духом! – услышал он незнакомый голос.

Удалов поднял голову и увидел, что в дыре под потолком камеры появилась человеческая голова. Голова подмигнула Удалову и повторила:

– Главное, не падать духом.

– Это вы стучали? – спросил Удалов.

– Я. – Человек оглушительно чихнул и сказал: – Извините, у меня насморк.

– Что вы здесь делаете?

– Я не делаю, я сижу в соседней камере и жду смерти.

– Кстати, я тоже, – сказал Удалов. – Удивительное совпадение. Вы тоже кого-нибудь убили?

– Нет, – ответил человек. – Я самоубийца. Разрешите, я к вам слезу, а то мне очень неудобно разговаривать на весу.

– Разумеется, – согласился Удалов. – Я буду рад.

– Тогда подойдите поближе и подставьте мне спину. Вы же не хотите, чтобы я сломал ноги?

– Ни в коем случае, – сказал Удалов и подошёл к стене.

Человек протиснулся в дыру, тяжело спрыгнул на спину Удалова, съехал по ней на пол и оказался коренастым карликом с пышной смоляной шевелюрой.

– Спасибо, – поблагодарил карлик, запахиваясь в парчовый халат и усаживаясь на единственную табуретку. – Мне очень приятно с вами познакомиться, Корнелий Иванович, потому что я до определённой степени виновник всех ваших несчастий.

– А я думал, кто же во всём виноват? – сказал Удалов. – Зачем же вы так?

– Исключительно из-за тщеславия и любви к роскоши. У вас закурить не найдётся?

– Не курю.

– Знаю. Это я так, для того, чтобы переменить неприятную для меня тему. Я ненавижу доставлять людям неприятности, всю жизнь с этим борюсь. И вы представить себе не можете, сколько неприятностей я им доставил. И себе тоже.

– А вы кто будете по специальности?

– Предсказатель.

– Что-то вроде фокусника?

– Хуже, – вздохнул карлик.

Они помолчали. Потом Удалов сказал:

– Вот меня здесь все знают, а представиться забывают.

– Мой псевдоним – Острадам. А имя моё никому не известно.

– Очень приятно. А меня откуда знаете?

– Ничего удивительного. Вы, Корнелий, личность известная и перспективная.

– Если бы я был необыкновенным, – возразил Удалов, – меня не пригласили бы на СОС. В обыкновенности моя сила.

– Тоже правильно. Но вы же самый обыкновенный из всех обыкновенных. Это уже уникальность. У вас закурить не найдётся?

– Я не курю.

– Знаю. Простите. Измучился без курева. Третью неделю держат меня здесь на одном цветочном нектаре. Скорей бы уж казнили.

Карлик расчихался, и прошло минуты две, прежде чем он смог продолжить разговор.

– Погодите. – Удалова посетило страшное подозрение. – А как же вы?

– Чего?

– Как же вас казнить, если в вас сидит уважаемый паразит?

– Нет во мне паразита, – ответил карлик.

– Наверное, это провокация, – сказал Удалов. – Здесь во всех паразиты. Даже во мне был, только я его укокошил.

– Знаю. Вся планета знает. Хотя твоей заслуги, Корнелий, в этом не было. Случайность, скажем, отсталость Земли. Во всей Вселенной вирусы и прочие микроорганизмы побеждены, а на Земле ещё существуют.

– А вы подумайте, – возразил Удалов, – кому в результате лучше? У меня иммунитет такой, что даже Верховного микроба победил. А вы все сдаётесь на милость паразитов.

– Я не сдаюсь, – ответил Острадам. – Я предпочёл смерть.

– Что-то не верится, – сказал Удалов. – Паразиты бы этого не допустили.

– Как видишь, допустили.

– А можно, я тебя одним вопросом проверю? – спросил Удалов.

– Валяй.

– Ты любишь цветочные лепестки?

– Хуже дряни в Галактике ещё не придумано.

– Да, похоже, что нет в тебе микроба. Так почему же они в тебя не залезли?

– Это долгая история. А у нас времени мало.

– А ты вкратце расскажи. Конспективно.

– Постараюсь. Дело в том, что в молодости я любил путешествовать. И однажды за чёрной дырой, в двойной туманности, у белого коллапса угодил в водоворот времени, где перепутано прошлое и будущее.

– Ну и что?

– Я из этого водоворота полгода выбраться не мог. Чего только не насмотрелся! Кое-что запоминал, в блокнот записал. А дальше всё

просто. С твоим, Удалов, жизненным опытом и проницательностью тебе нетрудно понять, как велик был соблазн прославиться, когда я вернулся и увидел одного некрупного политического деятеля, о котором я в водовороте подсмотрел, что лет через пять он станет премьером своей страны.

– Так ты всё про будущее знаешь? – спросил Удалов.

– Какое там! Ничего подобного. Случайные клочки. Даже не всегда известно, что уже было, а что будет. А уж тем более сомнительно, где происходит действие.

– Так как же ты с такой недостаточной информацией в предсказатели полез?

– А чем я хуже других предсказателей?

– А разве лучше? Людей обманываешь.

– Не скажи, Удалов. Ведь другие предсказатели вообще ничего не знают, а я недостаточную информацию имею. Вот и преуспел.

– Как же тебе с такой информацией удалось преуспеть?

– Про премьера я угадал. Кое-что ещё вспомнил. Тоже угадал. Известность моя росла. Ну и опыт ширился. Ведь людям надо давать, что они хотят. Они и довольны. Если я угадывал, они мне верили, запоминали, а если ошибался, находили мне оправдание, забывали. И стал я постепенно гордостью моей планеты.

– Сомнительная слава, – сказал Удалов.

– Не спорю. И должен тебе сказать, что слава моя особенно выросла, когда я занялся предсказаниями в космическом масштабе. В моём блокноте накопилось множество имён и названий. Некоторые я расшифровал, другие нет, и стал я употреблять их в своих предсказаниях. И тоже не без попадания в цель. Представляешь, Удалов, нежданно-негаданно приходит нота из какого-нибудь инопланетного посольства: какое вы имеете право предсказывать трагическую гибель нашему любимому диктатору? Я молчу, а диктатор вскоре попадает в автомобильную катастрофу. Кто об этом предупреждал? Я предупреждал. Но погубил я себя тем, что переоценил свои силы. Обленился, устал, захотел свободной и вольготной жизни и решил покончить с будущим одним ударом. Составил общее предсказание на двадцать лет вперёд. Войны предсказал, смерти, художественные выставки, полярные сияния – в общем, побаловался на славу. И в конце пошутил: предсказал собственную смерть. Ха-ха!

Но Удалов не засмеялся. Он спросил серьёзно:

– А основания у тебя к этому были?

– Ровным счётом никаких оснований, – сказал карлик. – Но пойми меня, к своей работе я относился халтурно, а двадцать лет показались мне гигантским сроком.

– Нет, – возразил Удалов, – двадцать лет – это совсем не такой большой срок. Я, как сегодня помню, влюбился в одну девушку...

– Ты чего замолчал? Говори. Я не выдам.

Удалов покачал головой. Нахмурился:

– Нет, я просто забыл. Вроде бы влюбился, но в кого, почему и чем это кончилось... забыл.

– Бывает, – сказал предсказатель. – У меня хуже получилось. Из-за моей великой славы и непоколебимой репутации. Поверили мне, размножили моё всеобщее предсказание в миллионах экземпляров, развешали во всех общественных местах и в частных жилищах, осыпали меня золотом, предоставили все жизненные удовольствия. Растолстел я страшно. У тебя закурить не найдётся?

– Я не курю, – сказал Удалов.

– Почему же мне кажется, что ты куришь? Странно. И вот началась на моей планете нелепая жизнь. Допустим, предсказал я на июнь войну с соседями. Наше правительство послушно собирает армию и начинает войну. Даже никому в голову не приходит, что я могу ошибиться. Только война кончится, а по моим предсказаниям – проливные дожди и наводнение. И хоть ни одного дождя не намечается, открывают плотины и заливают поля и города. Предсказал я, допустим, смерть председателя землевладений. И что же ты думаешь? Он с горя проводит ночь перед смертью в кабаках, нажирается как свинья и помирает от несварения желудка. Не предсказал бы я, жил бы он и сегодня. Понимаешь, куда я клоню?

– Грустную историю ты рассказываешь, – сказал Удалов. – Историю о человеческом легковерии и твоей безответственности.

– Всё это я понимал, не такой уж дурак. Но ты и меня пойми! Даже если бы я вышел на площадь и сказал народу: обманываю я вас, родимые, не верьте мне, грешному! Что бы из этого вышло?

Удалов задумался и ответил правдиво:

– Полагаю, ничего бы не вышло. Но поверили бы тебе. А твои предсказания всей Галактики касались?

– С другими планетами я осторожнее был. Опасался конфликтов. Но некоторые туманные сведения поместил в свою сводку, не удержался. О тебе, например.

– Что обо мне? – спросил Удалов.

– А разве тебе микробы не зачитывали?

– Читали. Что я им угроза и так далее.

– Так у меня написано следующее: «И прибудет на съезд СОС делегат Земли Корнелий Удалов. И прославится на съезде большими делами. И будет от него страшная угроза могуществу микробов. И станет он...»

– А дальше что?

– А дальше я и сам не знаю. Понимаешь, Корнелий, в водовороте времён увидел я тебя в каком-то большом зале. Там все кричат: «Слава делегату Земли Корнелию Удалову! Изберём его! Он достойный! Он – гроза микробов...» И так далее в этом роде. Полная абракадабра с точки зрения моего тогдашнего положения.

– А может, ещё чего увидел? – спросил Удалов недоверчиво.

– Может, и увидел, – улыбнулся карлик, показав мелкие жёлтые зубы. – Но считай, забыл.

Удалов не стал настаивать. Настоишь, а окажется, что карлик видел твою смерть. И будешь ты переживать. Нет, лучше не знать своего будущего.

– Жил я безмятежно девятнадцать лет и несколько месяцев. Вдруг ощущаю, стали на меня как-то странно посматривать окружающие. И дружат уже не так горячо, и девушки меня меньше любят, а родственники с каждым днём всё настойчивее намекают, что пора бы мне составить завещание. Проснулся я однажды утром, и на меня снизошло озарение! Ведь моя смерть надвигается! Они её все ждут не дождутся. Я им за последние двадцать лет осточертел до безумия. Представляешь, всё время поглядывай в мой списочек: то на войну идти, то на похороны. Ой, подумал я, если сам в назначенный день не погибну, они меня задушат! Ни минуты лишней не дадут прожить. Ни друзья, ни родственники, ни общественность. Смотрю на календарь – а жизни мне осталось чуть больше месяца. У тебя закурить... Ах да, ты не куришь.

Карлик замолчал, задумался. Удалов не посмел его торопить, хотя стал нервно прислушиваться, не приближаются ли к двери шаги. В любой момент могли войти палачи.

– В тот же день вышел я из дому, будто бы за сигаретами, купил в ближайшем театральном магазине тёмные очки и рыжий парик – и прямым ходом на космодром. Сел в первый же корабль и был таков. Только мы вышли в открытый космос, как нас догнал военный корабль и взял меня в плен. Оказалось, это была работорговая экспедиция микробов с планеты Кэ. Согнали всех пассажиров в салон и начали внедрять в нас микробов. Дошла очередь до меня, я стал сопротивляться, потерял в борьбе очки и парик. И тут меня узнали. Видели в газете мою фотографию. Я тогда не знал, что микробы, как прочли моё туманное предсказание об угрозе Удалова, всполошились. Пожелали со мной встретиться. И представляешь, я попадаюсь к ним в лапы! «Ты что это летишь инкогнито?» – спросили они меня. Я ответил честно: «Поглядите в моё комплексное предсказание. Жить мне осталось три недели». Тогда они привезли меня сюда и посадили в подвал. Пригрозили, что, если не скажу им всё, что знаю об удаловской угрозе, они приблизят мою смерть. Конечно, это всё шутки. Мою смерть они приблизить не смеют. Зато и внедриться в меня не пытаются. Кому хочется занимать свободную квартиру всего на три недели?

Карлик закончил. Удалов подошёл к двери. В коридоре было тихо.

– Значит, эти микробы меня с самого начала опасались?

– Мне все верят, – произнёс гордо карлик.

– Ну уж не все, – сказал Удалов. – В Великом Гусляре я ни одного не видел.

– Земля – окраина Галактики, – сказал карлик, который в гордыне своей бывал неделикатен.

– Тогда чего ж они на Земле меня не задержали?

– Не успели. Они, как я слышал, позвонили какому-то Белосельскому, чтобы он тебя на съезд не пускал.

– Я с ним в школе учился, – сказал Удалов. – Хороший человек, не подведёт. Если бы он здесь был, наверняка бы придумал, как нас с тобой спасти. Он и в школе был отличником.

Далеко, в недрах тюрьмы, послышались шаги палачей.

– Ну вот, – вздохнул Удалов. – Придётся, видно, погибать.

– Нет, погибать нельзя, – решительно заявил карлик. – Не могу я этого допустить. Профессиональная гордость не позволяет.

– Ну при чём тут твоя профессиональная гордость, когда тебе со дня на день помирать пора?

– Не обо мне речь. Я предсказал, что ты прославишься на съезде большими делами? Я предсказал, что от тебя будет страшная угроза микробам? Если тебя замучают, моё предсказание не сбудется. Это позор, который будет преследовать меня и после смерти. Пошли. Будем тебя спасать.

– Как? – спросил Удалов, прислушиваясь к шагам палачей.

– Лезь в дыру, через которую я сюда проник. Давай я подсажу тебя, а ты потом мне руку дашь.

Так они и сделали. И вовремя. В тот момент, когда ноги карлика скрывались в дыре, дверь в камеру Удалова открылась и вошли палачи в водолазных костюмах.

Глава шестнадцатая,

в которой рассказывается о событиях, вызванных исчезновением Удалова

Удалов, переползавший, обдирая колени, в соседнюю камеру подземной тюрьмы на планете Кэ, и не подозревал, что его исчезновение уже вызвало цепную реакцию значительных событий в разных местах Галактики.

На самом СОС, когда Удалов не появился на вечернем заседании, его отсутствие было замечено. Всё-таки не последний человек на съезде.

Послали в гостиницу. В гостинице Удалова тоже не обнаружили.

Начали всех опрашивать, а так как делалось это организованно, в масштабе всей планеты, то поговорили и с уборщицей из Атлантиды. Уборщица рассказала, что Удалов сгорает от любви к её пропавшей дочери и вполне мог отправиться на поиски своей возлюбленной. Заглянули в кино и увидели там фильм из юношеских воспоминаний Корнелия Ивановича, принялись искать кузнечика. А кузнечик тоже пропал. Поиски продолжались до вечера, а вечером на планете Сапур обнаружили покинутый корабль, в котором туда прилетели Удалов с кузнечиком. В корабле ещё сохранились микроследы пропавших и следы неизвестного третьего лица, которое в материалах следствия именовалось «Х», хотя на самом деле это был могильщик.

Загадка исчезновения Удалова встревожила весь съезд. Специальные группы обыскивали планету Сапур, другая группа улетела на Альдебаран, чтобы искать там следы красавицы Тулии, остальные следователи и добровольцы из делегатов разыскивали Удалова на планете, где проходил съезд. Оргкомитет съезда подал в отставку, которая не была принята. Под сомнение встал один из основных принципов съезда – безопасность его участников.

Ночью руководство съезда в качестве последней меры связалось с Землёй. Телефонный звонок поднял с постели Николая Белосельского.

– Нет, – сказал он твёрдо, когда выслушал тревожное сообщение из космоса, – Удалов домой не возвращался, да и не мог он возвратиться за один день. Для того чтобы долететь от центра Галактики до Земли, надо потратить как минимум двое суток. Вы это знаете лучше меня.

– Но мы решили не упускать никаких шансов.

– Правильно, – согласился Белосельский. – Тем не менее чудес не бывает. Ищите Удалова в вашем районе. Желаю успеха.

Руководители СОС заверили Николая Белосельского, что будут приняты все возможные меры, и повесили трубку.

– Чепуха какая-то, – сказал сам себе Белосельский, спуская ноги с кровати и закуривая. Спать, естественно, расхотелось. – Все беды происходят от друзей детства. Как бы я хотел работать в Петропавловске-Камчатском.

Но рассуждения рассуждениями, а Белосельский был человеком действия. И хотя шансов найти Удалова в Гусляре практически не было, он докурил сигарету, оделся и пошёл на Пушкинскую улицу, к дому № 16, в котором раньше жил Удалов.

Город спал, нежась в объятиях летней ночи. Звёзды, мигавшие сквозь тёмную листву, казались декоративными украшениями. Во дворе двухэтажного дома Белосельский остановился и поглядел на знакомое по детским годам окно. Его вдруг посетила странная надежда, что всё, чему он был свидетелем в последние дни, – дурной сон. И Удалов сейчас мирно спит или читает, не подозревая ни о каких СОС. К сожалению, Белосельский вынужден был отогнать эту эфемерную надежду. Он знал, что чудес не бывает. Он знал, что, к сожалению, действительность сурова и обыденна: Удалов улетел на съезд в другой сектор Галактики и пропал там без вести.

Белосельский вздохнул, посмотрел на часы, которые показывали уже первый час, и, стараясь не скрипеть ступеньками, поднялся на второй этаж, к квартире школьного друга.

Ксения открыла почти сразу. Она не спала. Её круглое, чем-то схожее с удаловским лицо было сковано тревогой.

– Коля! – воскликнула она громким шёпотом. – Ты!

Колю Белосельского она знала по школе, а также по пионерскому лагерю. Тогда она была тонкой смешливой девчонкой с косичками, как крысиные хвостики, а Коля был высоким тонким подростком, который проводил всё свободное время с книгой в руках, хотя при этом неплохо играл в гандбол, отлично катался на лыжах и исключительно бегал стометровку.

– Коля, – сказала Ксения, – заходи. Дети спят. Что случилось с Корнелием?

Она так уверенно произнесла эти слова, что Белосельский понял, что он совершил ошибку, придя к Удаловым домой.

Лгать подруге детства он не сможет.

– Удалов пропал, – сказал Белосельский.

– Я так и знала, – прошептала Ксения. – Не надо было нам его отпускать.

Ксения первой вошла в комнату и без сил опустилась на диван. У неё хватило духу лишь протянуть руку к буфету и показать Белосельскому, где стоит валерьянка.

Накапав лекарства, Белосельский сел на стул и подождал, пока Ксения окончательно возьмёт себя в руки. Всё в этой комнате возбуждало в нём детские воспоминания. Сколько проказ было задумано здесь, сколько шпаргалок написано, сколько томов энциклопедии прочитано!

– Извини, Коля, – сказала Ксения. – Но пойми меня правильно.

– Я всё понимаю, Ксения.

– Он бросает меня одну с двумя детьми, уматывает неизвестно куда, ради сомнительной космической дружбы. А теперь вот это! Он себе новую бабу нашёл! – произнесла вдруг Ксения громко и ударилась в слёзы. – Стонет моё раненое сердце.

– Ну, погоди, при чём тут баба? – возразил Белосельский. – Твой муж уехал делегатом на съезд, прошло всего четыре дня, а пропал он только сегодня утром.

– Что, мало ему времени? Достаточно. И не утешай. Не утешай. Если не баба, значит, он погиб!

– У тебя всё крайности, – сказал Белосельский. – Я-то подумал, что он по дому стосковался, уже вернулся. Иначе бы и не стал тебя так поздно тревожить.

Но Ксения не слушала утешений Белосельского. Она решительно поднялась, распахнула дверцы шкафа, достала оттуда выходное платье, бросила на диван и приказала Белосельскому:

– Отвернись.

– Ты чего задумала? – спросил Белосельский.

– Лечу туда. Без меня им не обойтись. Если уж я его не найду, никто его не найдёт. Окрутит она его, как пить дать.

– Но как же так, ночью, без договорённости.

– Вот ты сейчас и договорись. Гуманист ты, в конце концов, или нет?

– Гуманист, – согласился нехотя Белосельский.

– Тогда звони им, чтобы присылали транспорт. Без замедления. Не смогли моего мужа сберечь, будут со мной сотрудничать.

– Ксюша, Ксюша... – пытался урезонить её Белосельский, но Ксюша уже повернулась к другу детства округлой спиной и приказала:

– Застегни «молнию». Надо бы мне поменьше мучного есть.

И, застегнув «молнию», Белосельский пошёл к телефону. Он знал, что с разъярённой Ксенией Удаловой ему не справиться.

Глава семнадцатая,

в которой предсказатель ведёт Удалова к иным мирам

– Я не зря провёл две недели в подземелье и выдержал пытки этих мерзавцев, – сказал карлик, когда они оказались в его камере. – В камере нашлась лопата, которую забыли унести после ремонтных работ. Я выкопал подземный ход и совершенно случайно попал прямо в подвал лаборатории знаменитого профессора.

– А где профессор? – спросил Удалов, прислушиваясь к тому, как взволнованно переговариваются за стеной палачи.

Через минуту они обязательно увидят дырку под потолком.

– Профессор не выдержал в себе микроба и умер от стыда и унижения. К счастью, его лаборатория была закрыта на ключ, и микро-

бы не догадались ею воспользоваться. Я полезу первым, я потоньше тебя, а если будешь застревать, я тебя буду тянуть. Но тебе придётся раздеться.

– А если там холодно?

– В одежде ты застрянешь. Я сам копал, точно знаю.

Удалов колебался. Ему было неловко остаться без верхней одежды в чужом мире. Но в голосе карлика звучала такая уверенность, что Удалов подчинился, сбросил пиджак, рубашку, начал снимать брюки и замер, услышав прямо над головой торжествующий крик:

– Вот он! Держите его!

Удалов взглянул наверх. Там, в дыре, торчали две головы в водолазных шлемах. Палачами оказались бывший могильщик и прекрасная Тулия.

Карлик уже нырнул в подкоп и позвал оттуда:

– Скорее!

Удалов наступил на брючину, чуть не упал. Его спасло лишь то, что преследователи в желании скорее пробраться сквозь дыру мешали друг другу и застряли.

Удалов нырнул в чёрный зев подкопа. Впереди слышалось частое дыхание карлика. Стены подкопа сжимали тело Корнелия, и он мысленно поблагодарил карлика за то, что тот посоветовал раздеться. В пиджаке Удалов давно бы застрял. Впрочем, он и без пиджака раза три застревал, и карлику приходилось тащить его за уши.

Через несколько минут, измаранный в земле, исцарапанный, измятый, с горящими ушами, Удалов стоял в подвале лаборатории покойного профессора. Вокруг высились приборы и аппараты, горели светильники – всё, к счастью, осталось таким же, как в тот момент, когда профессор попал в плен к микробам.

– Что теперь? – спросил Удалов.

– Профессор занимался проблемой мгновенных путешествий, – сказал карлик. – Проблема ещё совсем не исследована. Вот из этой машины можно ступить в один из миллионов миров Галактики. Только не знаю, в какой попадём.

– А может быть, нам здесь остаться? Доберёмся до космодрома, залезем в корабль.

– Доберёшься! – возмутился карлик. – На этой планете все начеку, все с микробом в сердце. Мы и двух шагов по улице не сделаем,

как попадёмся. Единственный шанс – поискать по другим планетам какой-нибудь выход к нормальным людям. Нам нужна планета, куда прилетают космические корабли. Может, не сразу, но мы её отыщем.

Из подкопа послышалось тяжёлое дыхание.

– По-моему, там кто-то застрял, – сказал карлик.

– Не уходи, – послышался из-под земли глухой голос Тулии. – Поговорим по-дружески.

– Знаем мы вашу дружбу, – ответил печально Удалов.

Сердце его было неспокойно. Он не мог окончательно изгнать из него любовь к несчастной красавице. Поэтому, пока карлик готовил приборы, чтобы перейти в параллельный мир, Удалов склонился к подкопу и сказал:

– Тулия, я тебе обещаю, что приму все меры, чтобы освободить тебя от паразита и вернуть маме.

– Спаси... – послышалось в ответ, но тут же вырвавшаяся из сердца девушки благодарность оборвалась, и Верховная матка микробов сказала тем же сладким голосом: – Доберусь я до тебя!

– Сюда, Корнелий! – позвал карлик. – Путь открыт.

И Удалов, не дожидаясь, пока Верховная матка приведёт свою угрозу в исполнение, кинулся к карлику, который раскрыл люк в сложной и громоздкой машине. Удалов последовал за карликом и мгновенно оказался на какой-то другой планете.

Неизвестная планета показалась Удалову гостеприимной и мирной. На ней свежий ветер шуршал сосновыми иглами, пели птицы, журчали ручьи и парили стрекозы.

– Ну прямо как дома, – сказал Удалов. – Даже жаль, что фотоаппарата нет. Вот бы знакомые удивились такому сходству.

– Пошли, не теряй времени даром, – сказал карлик. – В любой момент может показаться погоня.

– Разве ты дверь за нами не закрыл?

– А как закроешь? – спросил карлик сварливо. – На ней не написано. К тому же, если мир не тот окажется, нам придётся возвращаться и искать другой.

– А если они засаду устроят?

– Надеюсь, что нет. Надеюсь, что они за нами побегут.

Удалова эти слова мало успокоили. Но может, они с первого раза попали в подходящий мир, откуда есть сообщение с СОС?

– Далеко отходить не будем, чтобы не заблудиться, – сказал карлик.

Они оглянулись. Машина, сквозь которую они сюда попали, вылезала чёрным боком на поляну, и её было видно издалека. По узкой тропинке путники сошли к реке.

Удалов опустился на корточки, чтобы вымыть в прозрачной воде руки и лицо. Тут он увидел свои обнажённые ноги и вспомнил, что он в одних трусах. Стало неловко.

Вдали послышались выстрелы.

– Ого! – воскликнул карлик. – Ладно, пошли. Там разберёмся.

Но пойти сразу не удалось. Из машины выскочили палачи. Карлик оказался прав. Тулия была в серебристом купальном костюме, могильщик в балахоне, шляпа в руке. Водолазные костюмы они сняли, иначе бы им никак не пролезть в подкоп.

Преследователи оглядывались, размышляя, куда могли скрыться беглецы. В руках у них поблёскивали пистолеты.

Не обнаружив следов, носители микробов быстро пошли к лесу.

Удалов с Острадамом, подождав, пока палачи скроются из глаз, перебежками, пригибаясь и даже иногда падая на землю, побежали в другую сторону.

Когда беглецы решили, что опасность миновала, они выпрямились и помчались со всех ног. Они так спешили, что ничего не слышали и не видели. И это их чуть не погубило.

Жжик! – просвистела пуля у самого уха Удалова.

Жжик! – другая пуля вонзилась в ствол дерева рядом с карликом.

Беглецы упали в траву.

– Это что такое? – спросил Удалов.

– Это разумные существа, – ответил с сарказмом карлик. – С разумными всегда надо быть настороже.

В чаще леса затрещали ветки, и через несколько секунд на прогалине появились двое мужчин. Удалов сразу угадал, что это охотники. Он немало насмотрелся на них дома, хотя сам относился не к охотникам, а к рыболовам. Охотники огляделись, потом один из них произнёс:

– Он, наверно, в кусты ушёл. Я его подбил.

– А я моего точно ранил. Далеко им не уйти. Славная добыча.

– Что-то он мне показался незнакомым, – сказал первый охотник.

– Моего я тоже не встречал.

– Смотри, как бы нам случайного не угрохать.

– Да не должно быть. Случайные в сезон сюда не сунутся.

Охотники собрались было уходить, и тогда карлик достал носовой платок и принялся им размахивать, прячась за поваленным деревом.

Охотники заметили этот сигнал и подняли ружья.

– Мы сдаёмся! – крикнул карлик. – Мы случайные прохожие, а не дикие звери!

– Тогда вставайте, только руки держать над головой, – приказал один из охотников. – А то мы рисковать не хотим.

Беглецы медленно поднялись из травы, держа руки над головами.

– Так вы, говорите, случайно здесь оказались? – спросил охотник, подходя поближе и не спуская их с прицела.

– Мы даже не с этой планеты, – пояснил Удалов.

– В самом деле, на охотников не похожи, – сказал второй охотник.

– И на дичь тоже, – постарался улыбнуться Удалов.

– А при чём тут дичь? – удивился охотник.

– Так вы же нас чуть не подстрелили!

– Правильно! А при чём здесь дичь?

– Но вы же охотники? – спросил Удалов.

– Разумеется, охотники. Самые настоящие.

– Значит, вы охотитесь на дичь. Или на зверя.

– С чего вы это взяли?

– Не стоит на него время тратить, – сказал его товарищ. – Они же приезжие. Сами говорят, что из другого мира.

– Ну, тогда идите, куда шли, – разрешил первый охотник.

– А стрелять не будете? – спросил Удалов.

– Мы-то не будем, – заверил второй охотник. – Другие могут подстрелить.

– Больше я никуда не пойду, – сказал Удалов Острадаму. – Хватит с меня. Убьют – и не сбудутся твои липовые предсказания.

Удалов уселся на траву. Ему всё это надоело.

– Объясните невежественным пришельцам, – попросил карлик, – почему в нас могут стрелять? Разве мы похожи на птичек или на медведей?

– Объясни ему, – сказал второй охотник. – Они же в самом деле ни при чём.

– Всё просто, – начал первый охотник. – У нас охота – самый популярный вид спорта и отдыха. На планете чуть ли не каждый третий – охотник. Вот мы и охотились тысячу лет, пока не перебили большинство животных. Некого стало бить. Наши жёны стали возмущаться – леса опустели, экология нарушается – и объединились с друзьями живой природы, чтобы запретить охоту.

– А как запретишь охоту, – вмешался второй охотник, – если мы с детства другого развлечения не знаем? Нельзя у нас запретить охоту. Национальная катастрофа.

– Тогда и нашли компромисс, – сказал первый охотник. – Решено было, что охотники разделятся на две половины. И будут охотиться друг на друга.

– Но это же бесчеловечно! – воскликнул Удалов.

– Я с тобой не согласен, – сказал Острадам. – Это очень разумно. И люди развлекаются, и звери целы. И много охотников погибает?

– Бывает, – сдержанно ответил первый охотник. – А вы здесь с какой целью?

– Ищем дорогу к цивилизации. Скажите, от вас корабли летают к другим планетам?

– К другим планетам от нас никто не летает. Космических путешествий мы ещё не изобрели. О чём очень жалеем. Когда изобретём, тут же отправимся охотиться на другие планеты.

– Тогда не спешите изобретать, – посоветовал карлик.

В этот момент неподалёку раздались выстрелы. Удалов с карликом привычно нырнули в траву, а их знакомые охотники начали отстреливаться.

– Бежим отсюда, – сказал Удалов. – Убьют.

Острадам согласился, и короткими перебежками они бросились обратно к машине. По дороге они чуть не натолкнулись на костёр. У костра сидели в кружок охотники, а на громадном вертеле что-то жарилось.

– Ой! – испугался Удалов. – Ты посмотри! Они не только взаимно уничтожаются, но и поедают друг друга.

– Да, это ужасно, – согласился карлик. Он осторожно приподнялся, пригляделся и потом, улыбнувшись, заметил: – Никогда не видел у охотников рогов.

– Рогов?

Удалов присмотрелся и понял, что ошибся. На вертеле жарился самый обыкновенный олень.

– Но как же так? Они же постановили? Они же должны только друг за другом. Ведь экологический баланс, животный мир, защита окружающей среды.

– Это всё для общественности, – сказал цинично Острадам. – Если они и пристрелят кого-нибудь, то таких вот дураков, как мы с тобой. Чтобы их жёны видели, что они зря патронов не тратят. Побежали!

И они побежали дальше.

Но не успели пробежать и ста шагов, как услышали сзади топот. Раздался выстрел.

– Охотники! – крикнул Удалов. – Скорее, мой друг!

Удалов оглянулся и понял, что их настигают не охотники, а палачи.

К счастью, могильщик и Тулия были никуда не годными стрелками.

Глава восемнадцатая,

в которой продолжается путешествие Удалова по другим планетам

Даже не успев отдышаться, беглецы снова нырнули в машину и перескочили на следующую планету, лишь на минуту опередив преследователей. Планета сначала испугала.

Такого мрачного запустения, такой экологической безнадёжности путешественникам встречать не приходилось, несмотря на то что оба побывали в различных космических местах.

Чёрные озера источали отвратительные промышленные запахи, бывшие леса поднимались скелетами бывших стволов, горы давно уже превратились в карьеры и холмы отработанного шлака, воздух был приспособлен для чего угодно, только не для человеческого дыхания.

Зажимая нос рукой, Удалов произнёс:

– Давай дальше полетим. Пока живы.

– Погоди, – хладнокровно ответил Острадам. – То, что мы видим, – следы деятельности развитой, хотя и не очень разумной цивилизации. Настолько развитой, что они использовали на планете всё, что можно использовать. Допускаю, что они строили космические корабли.

– Если и строили, – разумно возразил Удалов, – то их корабли так воняли, что далеко не улетишь.

– Ах, Удалов, – сказал Острадам, – ты не представляешь, до чего изобретательны разумные существа. Пока окончательно не вымрут, они продолжают жить, размножаться и даже смотреть кино.

Удалов тем временем огляделся и обратил внимание на то, что леса заводских труб не выделяют никакого дыма, развалины бетонных сооружений лишены признаков жизни, а по дорогам, заваленным бумагой и консервными банками, никто не ездит.

– У меня подозрение, что они уже вымерли, – сказал Удалов. – Так что на кино рассчитывать не приходится.

– Или возьмём оптимистический вариант, – поправил его Острадам. – Оптимистический для них и грустный для нас.

– Какой?

– Улетели они отсюда. Эвакуировались. Нашли другую планету и улетели. Из чувства самосохранения. Но всё-таки надо пройти немного вперёд, проверить.

Удалов покорно поплёлся за предсказателем, стараясь не дышать. Но дышать приходилось, и от этого кружилась голова.

Они прошли шагов сто, чуть не провалились в заброшенную канализационную систему, как вдруг в огрызке бетонной стены распахнулась дверь и оттуда вышел прилично одетый человек, по внешнему виду инопланетянин. Он был сравнительно чист, сравнительно умыт и производил благоприятное впечатление, если не считать волнения, отражавшегося на его лице.

– Простите! – закричал он. – Извините. Я запоздал. Установка сломалась! Какое счастье, что вы меня дождались.

– Здравствуйте, – произнёс Острадам осторожно.

– Добрый день, – сказал Удалов, который заподозрил, что их с кем-то спутали. – Вы кого ждёте?

– Вас, – откликнулся абориген. – Но нашу планету так трудно отыскать, что мы почти отчаялись.

– Зачем же вы нас ждёте? – спросил Острадам.

– Для консультации. Вы разве нашего письма не получили?

– Нет. Мы вообще попали к вам случайно.

– Так вы не специалист по первобытным водорослям?

– Ни в коем случае!

– Значит, вы специалист по первобытным водорослям? – обратился абориген к Удалову.

– Нет, я по жилищному строительству, – признался Удалов.

– Но может быть, вы что-нибудь понимаете в водорослях?

– Понимаю, – вдруг сказал Острадам. – Мне пришлось как-то полгода прожить на планете Океан и питаться только морской капустой. Очень укрепляет здоровье, но портит настроение.

– Всё! – обрадовался абориген. – Поехали!

– Нам некогда.

– Клянусь, мы задержим вас на полчаса, зато наградим за консультацию лучшими жемчужинами Вселенной. Неужели у вас нет родственников или любимых, кому вы хотели бы привезти по жемчужине?

Этот аргумент сразил Удалова. Ему очень захотелось привезти по жемчужине жене Ксении и... нет, о другой женщине он заставил себя не вспоминать.

– Прошу за мной, – сказал абориген, открывая дверь в бетонной стене.

Эта дверь не вела никуда. За ней в кривом проёме были видны те же чёрные трубы мёртвых заводов и испарения, поднимавшиеся над отравленными ручьями.

Абориген смело шагнул в ложную дверь и исчез.

– Подземные жители, – сказал Удалов, который уже всё понял. – Там у них лифт. – И ступил вслед за аборигеном.

Неведомая сила подхватила его и понесла по бесконечному неосвещённому туннелю среди разноцветных разводов и искр. Это путешествие продолжалось неопределённое время, потому что время перестало существовать. Потом в глазах Удалова что-то сверкнуло, и раздался приятный голос аборигена:

– Промежуточная станция.

Удалов открыл глаза и обнаружил, что стоит в дверном проёме, в окружении пейзажа, очень напоминающего тот, что он только что покинул. Труб, правда, меньше, и расположены они иначе, испарения несколько иного цвета, воздух пахнет гадко, но по-другому, чем минуту назад.

– Что случилось? – спросил Корнелий у аборигена. – Куда мы переехали?

– Простите, – сказал абориген. – Это ещё не конец пути. Надо спешить. Следуйте за мной.

Он снова шагнул в пустой проём двери и исчез.

Не останавливаться же на полпути. Удалов последовал его примеру. И всё повторилось вновь – ощущение пустого туннеля, мелькание цветов и искр.

Они стояли у проёма двери в окружении опустошённого пейзажа. Воздух здесь был куда более сырым, хоть и не менее вонючим, жёлтый туман скрывал окрестности, а из него торчали заводские трубы, развалины домов были крупнее, но тем не менее оставались развалинами.

– Ну всё? – спросил Острадам. – Приехали?

– Простите, – сказал абориген. – Попрошу следовать за мной.

И снова шагнул в дверь.

Острадам поглядел на Удалова, Удалов на предсказателя, они согласно пожали плечами – что остаётся делать в таких случаях? – и шагнули в дверь.

На этот раз опустошение казалось не таким полным. Может, потому, что неподалёку шумело море, горы на горизонте были не настолько разрушены, как в предыдущих пейзажах, однако полное безлюдье и господство пыльных запахов приводило к мысли, что и в этом мире жить человеку противопоказано.

– Всё? – спросил Удалов. – Надоело по вашим туннелям летать.

– Почти всё, – заверил абориген. – Последний виток. – И он юркнул в дверь, опасаясь, что гости будут возмущаться.

На этот раз абориген не обманул.

Мир, в котором они оказались, был кое-как пригоден для дыхания. Свидетельством тому были люди, встречавшие их у двери. Они собрались там небольшой толпой, кое-кто в противогазах, кое-кто в скафандрах. На склоне горы виднелась зелень, в воздухе пролетела странная птица, похожая на летучую мышь.

Удалов, пожимая руки хозяевам, сделал несколько шагов вперёд и тогда только понял, что находится на небольшом острове. Зелёное море, усеянное нефтяными вышками и отдельными платформами искусственного происхождения, тянулось к горизонту.

– Специалист приехал... специалист приехал... – прокатывался по толпе встречавших шёпот. Грустные лица несколько оживились.

– Так что же вы хотели нам показать? – нетерпеливо спросил Острадам. – Где ваши водоросли?

– Сначала пообедаем, – сказал их проводник. – Потом вы выберете себе по жемчужине.

За обедом, скромным, без спиртных напитков, состоящим в основном из даров моря и синтетической картошки, хозяева планеты поделились с гостями своими проблемами и тревогами.

– Вы видели, в каком состоянии находится наш мир? – спросил сидевший во главе стола президент планеты.

– Видели, – вздохнул Удалов. – Безобразие.

– А что можно поделать? Мы же цивилизация. А цивилизация – это уничтожение природы.

– Не совсем так, – поправил Удалов. – Это зависит от нас.

– Правильно, – согласился президент. – Но если вы далеко зашли по порочному пути, остановиться трудно, а порой уже невозможно. Мы не смогли.

– Жаль, – сказал Острадам. – Значит, всё погубили, а потом эмигрировали?

– Да. Иначе нечем было дышать, нечего было копать, нечем было питаться.

– И вы стали осваивать другие континенты, – сообразил Удалов.

– Всё не так просто, – вздохнул президент. – Континенты к тому времени, когда мы спохватились, были уже опустошены.

– Так это мы путешествовали по другим планетам! – догадался Острадам.

– Нет, мы на своей планете. Куда перевезёшь пять миллиардов жителей?

– Сейчас нас уже меньше, – вмешался проводник. – Сейчас нас и миллиона не наберётся.

– Всё равно. Всё в природе взаимосвязано.

Наступила грустная пауза, и Удалов не посмел её прервать.

Наконец президент смахнул набежавшую слезу и продолжал:

– Нас спасло путешествие во времени. Временны*е* туннели, которые мы открыли в самый критический момент. Мы научились перемещаться в прошлое и догадались, что можно эвакуироваться в те времена, когда людей на планете ещё не было. И вот мы взяли личные

вещи, детей и ценности и перевезли нашу цивилизацию на миллион лет назад. Это было великолепно. Первые годы мы нежились на лужайках и купались в море. А потом...

Тяжёлый вздох пронёсся над обеденным столом.

– И вы погубили собственную планету за миллион лет до вашей эры? – спросил Острадам.

– Разумеется. Мы оказались верны своим привычкам.

– И двинулись дальше в прошлое?

– И двинулись дальше. И с каждым разом мы губили природу быстрее, чем прежде. В конце концов мы попали в такое отдалённое прошлое, что суши стало недостаточно, чтобы прокормить население. И вот мы стоим на пороге отступления в первобытный океан. В океан, в котором лишь зарождается жизнь, в котором господствуют водоросли и мелкие амёбы. Обратного пути для нас нет – всё будущее уже безнадёжно загажено.

– Вы умудрились погубить собственную планету пять раз! – в ужасе воскликнул Удалов.

– Если бы пять... – сказал президент. – Мы её загубили восемнадцать раз!

– Но вы же загубите и океан!

– Весьма возможно. Тогда нам придётся отступить в момент возникновения планеты.

– И пожить в вулканах? – В голосе Острадама прозвучал сарказм.

– Боюсь, что так. – Президент был серьёзен.

– А пока этого не случилось, – натянуто улыбнулся проводник, изображая исторический оптимизм, – мы просим вас слетать с нами на разведку в первобытный океан, куда мы переселяемся в будущем году, и помочь нам наладить производство продуктов питания из водорослей и амёб.

Острадам, сжалившись над обречённой цивилизацией, натянул водолазный костюм и отправился в океан. Но Удалов так и не узнал, были ли советы предсказателя полезны. Настроение у него испортилось, и даже тот факт, что ему позволили покопаться в коробке с жемчугом, чтобы выбрать самую красивую жемчужину для жены, его не утешил. Конечно, ему хотелось дать добрые советы аборигенам, поделиться с ними положительным опытом, накопленным на Земле, но иногда добрые советы только раздражают.

И когда через несколько часов, миновав в обратном порядке все временны*е* двери и вернувшись в современность, они попрощались с аборигеном, Острадам сказал:

– Чует моё сердце, докатятся они до вулканов.

– Сюда экскурсии возить надо, – ответил Удалов. – Ну ладно погубить свою планету раз – это каждый может, но восемнадцать раз!..

Глава девятнадцатая,

в которой уменьшаются тираны

Попав вновь в машину мгновенного перемещения, Удалов опять провалился в тёмный бесконечный туннель, опять закружилась голова и спёрло дыхание. Привыкнуть к таким ощущениям было трудно, и Удалов утешал себя некогда прочитанными словами полярного путешественника Амундсена: «К холоду привыкнуть нельзя, но можно научиться терпеть его».

Путешествие закончилось благополучно. Удалов вылез из кабины неподалёку от величавого, застроенного помпезными зданиями инопланетного города. Было тихо, над головой парили птицы и курчавились розовые облака.

– Знаешь, что мы сейчас сделаем? – спросил карлик.

– Пойдём в город, – ответил Удалов. – Искать космодром.

– Сначала мы отыщем какое-нибудь скромное кафе и пообедаем. И только потом купим билеты на межпланетный корабль.

Удалов не возражал, и они направились по лугам к городу.

Уже на подходе к нему путникам стало очевидно, что и на этой планете не всё ладно. Уж очень она была пустынна.

Улица, по которой они вошли в город, была покрыта толстым слоем пыли, штукатурка с домов кое-где обвалилась, кусты и деревья разрослись, взломав асфальт. И ни одной живой души.

Таинственная, зловещая тишина подавляла и уговаривала бежать отсюда, пока жив.

– Здесь никого нет, – прошептал Удалов.

– И давно никого не было, – откликнулся шёпотом Острадам.

– И они ушли в прошлое, – предположил Корнелий.

– Или умерли от эпидемии.

– Или перебили друг друга в атомной войне.

– Или улетели на другую планету.

– И много лет назад...

Силы сразу покинули утомлённых путешественников. Одно дело – оказаться у цели и предвкушать скромный обед и мирный полёт на космическом корабле, совсем иное – осознать, что и здесь нельзя надеяться на спасение.

После короткого приглушённого совещания путники решили поискать космопорт, не осталось ли там случайного корабля.

Через несколько минут они вышли на большую площадь, и их взорам предстало удивительное зрелище.

Центр площади был застроен множеством игрушечных домиков, словно здесь когда-то резвился детский сад, сооружая жилища для кукол. Домики во всём были схожи с настоящими: у них были стёкла, вывески, печные трубы, возле одного даже стояла игрушечная автомашина.

Удалов заглянул в окошко четвёртого этажа, которое располагалось как раз на уровне его глаз, и внутри разглядел комнатку с диваном, столом, миниатюрными тарелочками и чашечками на нём и даже недопитой бутылкой вина. Но никаких следов пребывания живых существ ни в комнатке, ни в домике, ни на всей площади не обнаружилось.

– Они любили детишек и устраивали им игры на площадях, – неубедительно предположил Острадам.

Удалов покачал головой.

– Нет, – сказал он, – этот игрушечный город был бы слишком большой помехой для городского транспорта.

От площади они взяли курс по той улице, что вела вверх, к холму, увенчанному дворцом со множеством башен и башенок. Оттуда они намеревались обозреть весь город. Путь наверх занял около получаса. За это время Удалов убедился в том, что некогда этот город процветал и мог похвастаться культурой и искусствами. Но к разгадке он так и не приблизился.

Войдя в покинутый, запущенный, пыльный дворец, путешественники некоторое время бродили по его залам и комнатам, и никто их не окликнул, никто не встретился. Они поднялись наверх, на галерею, что окружала одну из дворцовых башен, и принялись глядеть на город с высоты.

– Удалов! – воскликнул Острадам. – Там стоят корабли!

Корнелий обратил взор в том направлении. Не надо было обладать особо острым зрением, чтобы понять: космодром давно мёртв и заброшен. Большой лайнер, стоявший посреди поля, был покрыт ржавчиной, люки его раскрыты.

– Может, это не космодром, – предположил Удалов, – а музей?

Всё же они решили дойти до космодрома и поглядеть на запустение вблизи.

На этот раз улица вела вниз, к широкой реке, разделявшей город надвое. На набережной возле каменного моста они увидели ещё один игрушечный городок.

По масштабу он был меньше прежнего раза в два. В таком могли жить только оловянные солдатики – куклы бы не уместились в домиках. Этот городок также был покинут и покрыт пылью.

Там путешественники задержались ненадолго. Тайну этой планеты разгадать они не в силах, пока не встретят кого-нибудь, кто согласится их просветить. Минут через двадцать утомлённые до предела путники вышли к окраине города. Дома здесь были одноэтажными, не столь долговечными, как в центре, многие покосились, а то и вовсе рассыпались. Улица была завалена гнилыми досками, штукатуркой и обломками мебели. Так что продвижение к космодрому сильно замедлилось.

Внимание Удалова привлёк воробей или схожая с ним мелкая птичка. Воробей летел над самой мостовой, словно искал насекомых. Неподалёку от Удалова птичка ринулась вниз, и взгляд Корнелия непроизвольно проследовал за ней.

К удивлению Удалова, обнаружилось, что птичка пытается схватить не паучка или жучка, а махонького человечка, который метался по выщербленной мостовой.

– Кыш, людоед! – гневно крикнул Удалов воробью. – Разве тебе не известно, что даже самый мелкий человек – всё равно царь природы?

То ли испугавшись, то ли усовестившись, воробей сиганул к облакам.

Острадам не понял, в чём дело, и спросил:

– Ты чего на птиц кричишь?

– Отыскал человечество, – ответил Корнелий, опускаясь на колени. Тихонько, чтобы не оглушить брата по разуму, он сказал дрожа-

щему человеку ростом в два сантиметра: – Не беспокойся, ты среди своих.

Человечек заткнул уши, а Удалов взял его двумя пальцами и поставил себе на ладонь, как это проделывал с лилипутами литературный герой Гулливер.

Сообразив, что опасность ему более не угрожает, человечек оправил свою одежду, приосанился и тонким голоском произнёс:

– Человек, которому я несказанно благодарен за спасение моей недостойной жизни, откуда ты прибыл? Ведь космические путешествия у нас давно отменены.

Удалов вкратце поведал лилипуту о своих приключениях, а затем не удержался от прямого вопроса: что же случилось со старинным городом?

Лилипут в ответ на это попросил донести его до соседнего квартала. И пока это недолгое путешествие продолжалось, человечек поведал Удалову и Острадаму о трагической истории планеты.

Оказывается, планета жила, как и положено цивилизованным мирам, развивалась, шагала по пути прогресса и имела контакты с другими планетами. И так продолжалось до несчастного дня, когда власть захватил человек, которого в народе прозвали Тираном. Этот Тиран некоторое время подавлял свободу, искусства и науки, но затем мания величия толкнула его на радикальные действия.

Сам Тиран был невелик ростом, что с тиранами случается нередко. Из-за этого он смотрел на своих подданных снизу вверх и удручался.

– Мне прискорбно сознавать, – признавался он в узком кругу приближённых, – что я превзошёл остальных в свирепости, интригах, злодействе и понимании искусства, но уступаю ростом даже среднему подданному. Это несправедливо и должно быть исправлено.

Самый простой путь к исправлению несправедливости был подсказан министром безопасности: отрубить головы всем жителям планеты и этим превратить Тирана в самого высокого человека. Но гуманизм Тирана не позволил ему воспользоваться таким простым ходом. Тем более что население планеты было значительно прорежено репрессиями, отчего происходили сбои в экономике.

Тиран созвал учёных и приказал решить проблему без излишнего пролития крови. И намекнул при этом, что, если проблема не будет решена к Новому году, придётся всех учёных казнить.

Перед лицом такой опасности учёные трудились день и ночь, пока не изобрели способ уменьшать вдвое рост человека уже в утробе матери.

Тиран всё-таки казнил учёных и стал дожидаться, пока на планете народится достаточно младенцев нового типа. Затем он перебил их родителей и родственников, а также всех нормальных людей и стал самым высоким человеком в своей державе. С тех пор придворные живописцы могли, не кривя душой, писать групповые портреты, на которых, окружённый народом или соратниками, стоял Тиран, возвышаясь над прочими на три головы.

В те годы пришлось пустить на слом старые машины, трамваи, мебель и даже зубные щётки, так как они стали велики новому населению планеты. От этого происходили большая экономия и прогресс, который, правда, затормозился через несколько лет, потому что малочисленное уменьшенное население не могло справиться с работой, что была по плечу его предкам.

Миновали ещё годы. Тиран скончался, и жители планеты вздохнули свободно. Но, к сожалению, ненадолго. Тирания заразительна, а на планете уже стала складываться тираническая традиция.

Так что власть там захватил некий мерзавец, которого именовали Диктатором. Этот Диктатор из нового плюгавого племени был страшен, злобен и решителен. Одно его беспокоило – почему это опять все жители планеты выше его ростом? И он вызвал к себе новое поколение учёных и приказал им сделать так, чтобы младенцы в утробах матерей стали вдвое меньше, чем было принято...

На этом месте рассказа наши путешественники достигли малюсенького городка, обосновавшегося на бывшей волейбольной площадке. Этот город вдвое уступал размерами тому, покинутому, что Удалов видел у моста, зато был оживлён. По улицам, поглядывая на небо и страшась птичек и стрекоз, пробегали лилипутики, а на центральной площадке маршировала рота солдат.

Опуская спасённого человечка на землю, Удалов спросил шёпотом:

– И это всё, что от вас осталось?

– Да, – ответил человечек. – Ведь за Диктатором, который повторил опыт Тирана, последовал Деспот, затем Деспот Второй, затем три Угнетателя и один Узурпатор, а сейчас нами правит Душегуб, которого вы имеете счастье видеть.

Человечек указал на правителя городка, который как раз вышел из своего игрушечного дворца. Ростом Душегуб достигал трёх с половиной сантиметров и грозно возвышался над своим народом. Увидев на окраине столицы двух неизвестных гигантов, Душегуб ничуть не оробел, а приказал палить из пушек. Пушечки развернулись против путешественников и начали кидать в них ядра размером с перечное зерно. Ядра небольно ударялись в щиколотки Удалова.

– Это ужасно! – воскликнул Острадам, имея в виду не артиллерийскую канонаду, а судьбу города и его обитателей.

– И с каждым разом нас всё меньше! – откликнулся спасённый человечек, который уже нырнул в траншею, прокопанную через площадь. – С каждым новым тираном у нас всё больше врагов! Любой воробей нам смертельно опасен! Любой жук – враг! Моего брата до смерти высосал комар!

Лилипутик уморился, лёг на дно траншеи и замер.

– Ну прямо бы раздавил этого Душегуба! – в сердцах вскричал Острадам.

– Могут пострадать невинные, – возразил Удалов. – К тому же индивидуальный террор мы отвергаем.

– Это не индивидуальность, а плод генетического безумия! – сказал Острадам.

– Не упрощай, – вздохнул Удалов. – Ты плохо знаешь историю. Если существуют условия для процветания тирана, если продажная бюрократия и жестокая полиция держат в узде общественное мнение, если задавлена демократия, то тираны будут вырастать здесь как грибы после дождя. Но они не могут затормозить исторического развития. Со временем народ опомнится и начнёт новую жизнь.

– А за это время люди превратятся в микробов и их сожрут амёбы, – усмехнулся Острадам.

– Нет, – сказал Удалов. – Людей мы вернём в исходное состояние. И я знаю, как это сделать.

Он осторожно вошёл в город, остановился на площади прямо перед палящими пушками, наклонился и схватил бросившегося было в укрытие Душегуба.

– Спокойно, – приказал Корнелий, поднимая Душегуба к своему лицу. – Ничего тебе не грозит. Но выслушай моё конструктивное предложение.

Душегуб был мелким лилипутом, но ему нельзя было отказать в храбрости и хладнокровии, что помогло ему пережить шесть заговоров и три восстания.

– Я вас слушаю, – сказал он Удалову, становясь в позу на его ладони.

– Интересно ли вам, – прошептал Удалов, – править муравьишками, когда вокруг возвышаются громадные каменные здания?

– Это нам не по зубам, – с тоской произнёс Душегуб.

– Сегодня не по зубам. А завтра?

– А что изменится завтра?

– Вы и ваши предшественники-тираны, – сказал Удалов, – думали только о том, как сделать прочих ниже себя. Занятие, достойное тиранов, но ведущее к стагнации.

– Не выношу, когда кто-то выше меня, – признался Душегуб.

– Молодец, – проговорил Удалов. – Так будь выше всех!

– И выше тебя?

– Значительно выше!

– Но как?

– Прикажи увеличить всё население страны в десять раз! В сто раз!

– А я?

– А себя увеличь в сто пятьдесят раз!

– Опусти меня вниз! – приказал Душегуб.

Удалов подчинился.

– Учёных ко мне! – громко пискнул тиран.

В мгновение ока сбежались учёные.

Удалов слушал, как тиран даёт им рабочее задание, смотрел, как разбегаются по своим лабораториям обрадованные учёные, а сам в это время отгонял от возбуждённого города мух и стрекоз.

Острадаму надоело ждать, и он пошёл обратно к машине мгновенного перемещения. От угла он обернулся и крикнул:

– Корнелий, идём, они сами разберутся!

Корнелий кивнул и вскоре догнал товарища. Дальше они шли молча, занятые своими мыслями. Через три часа город остался позади. У машины Удалов вынул из кармана Душегуба и поставил его на землю.

– Что ты наделал! – охнул Острадам. – Ему же до города три месяца идти. Да и дорога опасная...

– Дай учёным потрудиться в своё удовольствие, – сказал Удалов. – Дай отдохнуть населению. Глядь, и перерастут тирана...

Глава двадцатая,

в которой бушует гражданская война

Следующая планета встретила путешественников утробным гулом и раскатами жестяного грохота. Шум настолько въелся в её атмосферу, что воздух, насыщенный пылью, сажей и газами, постоянно колебался, дрожал, отчего очертания предметов были неясными и обманчивыми.

– Опять экологические беды? – закричал Удалов, стараясь перекрыть гул.

Острадам кивнул. Хотя вскоре обнаружилось, что он ошибся.

По низине, затянутой туманом, где среди редких гнилых пней валялись ржавые станки, рваные шины, сплющенные консервные банки и прочие ненужные вещи, путешественники добрались до широкого разбитого шоссе. Они вскарабкались на выступавшую из тумана насыпь и оттуда смогли обозреть окрестности.

В пределах видимости обнаружилось несколько строений. Насколько можно было разобрать сквозь пелену дрожащего воздуха – это были странные гибриды между феодальными замками и промышленными предприятиями. Из-за высоких стен над вершинами зубчатых башен поднимались фабричные трубы, выплёскивая в серое небо разноцветные струи дыма.

Пока Удалов с Острадамом рассуждали, к какому из замков им направиться, грохот усилился. По шоссе надвигалась колонна машин.

Отступив на обочину, путешественники ждали приближения колонны.

Шествие открывало сооружение, схожее с бронепоездом. Оно состояло из нескольких бронированных вагонов и платформ. Из вагонов торчали дула пулемётов, на платформах стояли длинноствольные орудия.

Одно из орудий развернулось, показав Удалову чёрную внутренность ствола, но тот стоял неподвижно, памятуя из книжек, что хуже нет, чем убегать от крупного хищника. На неподвижных храбрецов тигры и медведи обычно не нападают.

Бронепоезд миновал Удалова. Сквозь грохот до Корнелия донёсся дробный мелкий стук – это колотились зубы Острадама, которого пришлось крепко схватить за руку, чтобы он не кинулся бежать и не погубил этим себя и своего товарища.

За бронепоездом ехали самоходные орудия грозного, но примитивного облика, затем десятка два тяжёлых грузовиков. Кузова их были пустыми, а в кабинах находились строгие автоматчики в надвинутых на глаза серых касках.

За грузовиками следовал штабной бронеавтомобиль.

И надо же было так случиться, что именно в тот момент, когда он поравнялся с путешественниками и Удалов решил, что встреча с боевой колонной закончилась благополучно, у броневика лопнула шина. Накренившись, он скатился к обочине и замер.

В узкой щели над дверью показались глаза.

Глаза строго смотрели на Удалова. Удалов несмело улыбнулся и кивнул – ему не хотелось портить отношения с обладателем глаз, у которого под рукой был спаренный пулемёт.

Броневик тревожно загудел, и по колонне прокатились ответные гудки. Грузовики и самоходки тормозили, поднимая густую пыль.

Дверца броневика распахнулась, оттуда выскочили два автоматчика в серых касках и взяли путешественников на прицел. Острадам снова было рванулся в бега, но Удалов ухитрился в последний момент удержать его.

Вслед за автоматчиками из броневика тяжело выбрался толстый, ответственного вида мужчина в полувоенной одежде и начищенных сапогах.

За мужчиной следовал бравый адъютант с аксельбантом, при эполетах, в фуражке с пышным гербом. Под мышкой он держал папку для бумаг.

По знаку адъютанта автоматчики шустро обыскали Удалова и Острадама, но ничего подозрительного не нашли, о чём и доложили начальнику.

– Шпионы? – произнесло начальство, пронзая Удалова взглядом.

Непроизвольно вытянувшись, Удалов ответил:

– Никак нет. Путешествуем.

– Общественность? – спросило начальство ещё строже.

– Но не местная, – поспешил с ответом Острадам. – Пролётная.

Удалов протянул документы, и адъютант, изучив их, доложил начальству, что Удалов – существо с другой планеты.

У Острадама документов, конечно, не было, но Удалов за него поручился.

Тем временем водитель с помощью автоматчиков менял колесо, а прочие военнослужащие рассыпались по обочинам шоссе и отдыхали.

– Простите, – спросил Удалов, воспользовавшись паузой. – А что у вас происходит? Война?

Этот вопрос вызвал в начальстве вспышку подозрительности.

– Может, они из газеты? – предположило оно, обращаясь к адъютанту.

Слово «газета» вызвало неожиданную и довольно резкую реакцию со стороны автоматчиков и даже экипажей соседних машин. Все схватились за автоматы и пистолеты.

– Нет, – заверил Удалов. – Мы проездом. Сейчас осмотримся и дальше. Нам тут нечего делать и, честно говоря, не нравится.

– Не нравится, – задумчиво произнесло начальство. Оно сняло шляпу, вытерло ею лицо и село на складной стул, который адъютант вынес из броневика. – Мне тут тоже не нравится. Вы у себя там какую должность занимаете?

На Острадама оно не глядело. Может, по причине малого роста, а скорее, как догадался Удалов, оттого, что у Острадама были длинные волосы, чего начальство на дальних планетах не выносит.

– Руковожу стройконторой, – честно ответил Удалов.

– И трудно? – спросило начальство. Оно говорило усталым голосом немолодого человека, обременённого обязанностями.

– Когда как. Сейчас я в отпуске.

– А я вот четвёртый год без отпуска, – сообщило начальство.

– Дела? – догадался Удалов.

– Дела.

Помолчали.

Адъютант принёс начальству стакан воды. Удалову и Острадаму не предлагали. Они и не обижались. В Удалове боролись два чувства: любопытство и опасение. Любопытно было узнать, что творится на этой незнакомой планете. Опасно было оставаться долго в обществе начальства, которое направляется в военный поход.

– Я бы не назвал ситуацию критической, – сказало начальство, допивая и возвращая стакан адъютанту. – Войны у нас нет. Но работаем в трудных условиях.

– Простите, но нам, пришельцам, это непонятно. Что за работа?

– Вот там, видишь? – Перейдя незаметно на ты, начальство показало рукой на отдельный замок, увенчанный заводскими трубами. – Там моё графство.

– Какое графство?

– В переводе на ваш земной язык оно именуется Главтяжпрокатконструкцией.

– А зачем такие стены?

– А как же без стен?

Удалов кивнул, будто согласился, что без стен графству нельзя.

– Значит, делаете конструкции, – продолжал он. – А сейчас куда собрались?

– В поход, – ответил граф. – Вон против них.

Он показал вперёд, где несколько в стороне от шоссе возвышались стены другого замка и дымили другие трубы.

– А кто они? – спросил Удалов.

– Наши заклятые поставщики, – ответил граф. – Княжество Главтяжлитейпрокатлист.

– А зачем в поход?

– А как иначе нам добиться поставки листового проката? Уже второй квартал мы задыхаемся, а они игнорируют все наши требования. После прошлой трёхмесячной войны, в которой с нашей стороны выступали герцог Главстанкострой и боевые дружины Главсельхозмашины, они обязаны выдать нам контрибуцию в объёме...

– Триста тонн листа ежемесячно, – подсказал адъютант.

– Но эти мерзавцы втянули в свою коалицию три баронства и одно герцогство, переманили посулами и жалкими подачками Главхолодильмонтажсбыт и дезавуировали мирный договор. И теперь мы идём жестоко мстить этим лицемерам и обманщикам. Неужели мы не правы?

– Конечно, правы! – искренне согласился Удалов. – Они же вас лишили сырья. У вас стоят станки. Народ ждёт от вас продукции. Я разделяю ваше возмущение.

– Вот насчёт народа ты эту демагогию брось, – поморщился граф. – Народ – это мы. Наш славный народ Главтяжпрокатконструкции в едином порыве сплочённо идёт за мной.

– Но ведь вы же выпускаете продукцию.

– Разумеется. В этом смысл существования нашего замка.

– А какие это конструкции?

– Да вот они – на шоссе стоят. – И начальство показало обескураженному Удалову на вереницу самоходок, бронегрузовиков и другой военной техники.

– И когда вы отвоюете этот прокат...

– Тогда мы утроим наши силы и пойдём в бой на остальных поставщиков!

Удалов растерянно кивнул. Он ещё не до конца осознал особенности экономической структуры этой планеты.

– А впрочем, Удалов, – произнёс граф, изобразив на лице отеческую улыбку, – я вижу, что ты прилетел с очень отсталой планеты. Тебе ещё учиться и учиться. Так что предлагаю – присоединяйся к нам, поглядишь в деле молодцов из Главтяжпрокатконструкции. Всё готово? По машинам!

– Я бы с удовольствием, – ответил Удалов. – Но, к сожалению, дела требуют присутствия...

Он не успел договорить, потому что Острадам внезапно дёрнул его за рукав:

– Смотри.

Удалов оглянулся.

По низине, скрываясь по пояс в пыли и тумане, к ним спешила Тулия с могильщиком. Удалов сразу принял решение.

– Спасибо, – сказал он графу. – Мы согласны. Куда садиться?

– Давай ко мне в броневик, – пригласил граф.

Они мгновенно нырнули в открытую дверцу боевой машины, надеясь, что преследователи не успели их разглядеть среди сотен сотрудников и бойцов Главтяжпрокатконструкции.

В броневике было душновато и тесно. Граф уселся в обитое бархатом кресло, остальные устроились на ящиках с боеприпасами. Колонна медленно двинулась вперёд.

Глянув в узкую смотровую щель, Удалов увидел, что могильщик и Тулия семенят вдоль шоссе, заглядывая в боевые машины. Удалов

облегчённо вздохнул. Теперь оставался пустяк – избежать прямого участия в конфликте с поставщиками.

– Значит, – Удалов обратился к графу, – все предприятия на вашей планете такие... автономные.

– Каждое блюдёт свои интересы, – согласился собеседник. – Интересы расширенного воспроизводства. Иначе наступит анархия.

– А за пределами ваших замков...

– За пределами – моральная пустота, – резко ответил граф.

– Общественность! – воскликнул, поморщившись, адъютант.

– Пресловутая якобы общественность, – уточнил граф.

Броневик подпрыгивал в рытвинах, пыль пробивалась в щели.

– А впрочем, – граф лукаво улыбнулся, – нет худа без добра.

Они с адъютантом засмеялись, и тут же граф пояснил:

– Почему мы едем за поставками именно сегодня? Потому что гарнизон противника сильно ослаблен. Разведка донесла, что вчера при попытке отравить для заводских нужд последнее в этих краях озеро мелиоративный батальон Главтяжлитейпрокатлиста попал в засаду, устроенную так называемой общественностью соседнего города.

– Исторически объяснимо, – вмешался адъютант. – Может, в учебнике читали: конфликт между городами и баронами?

– Это было при феодализме! – резко оборвал его граф. – Мы же вырвались далеко вперёд.

И он похлопал пухлой ладонью по рукояти пистолета.

– И что же было дальше?

– Прокатлист подтянул основные силы. С ночи идут упорные бои на берегах озера. И пока они конфликтуют с общественностью, мы ударим в тыл! – торжествующе воскликнул граф. – В этом наша стратегия!

– Вы добудете прокат и будете из него делать броневики, чтобы добывать прокат и делать броневики? – постарался осмыслить ситуацию Острадам.

Но граф игнорировал вопрос длинноволосого карлика. Он приподнялся и смотрел в щель – видно, цель похода была уже близка.

Вдруг впереди послышались грохот, выстрелы, лязг и визг тормозов. Адъютант начал задавать вопросы в рацию, но рация лишь трещала и ничего не выдавала в ответ.

– В разведку! – крикнул граф.

Адъютант шумно вздохнул. Автоматчик открыл дверцу броневика и первым выскочил на шоссе. Адъютант последовал за ним. И тут же в открытую дверь влетело несколько небольших белых снарядов.

«Всё! – мелькнуло в голове Удалова. – Конец!»

Он бросился на пол. Сверху на него навалился визжащий граф. Но взрыва не последовало. Лишь лёгкий треск, заглушаемый криками... И страшная вонь...

Удалов попытался освободиться из-под графской туши. Прямо перед глазами было что-то знакомое. Конечно же! Разбитое тухлое яйцо.

Дышать было невозможно. Всё новые тухлые яйца и иные некогда съедобные, а ныне разложившиеся продукты влетали в дверцу броневика. Граф сполз с Удалова и, хрипя, рванулся к двери. Его туша застряла в ней, и это оказалось роковым для экспедиции. Покрытая плесенью, невероятно вонючая и скользкая палка варёной колбасы, выпущенная, как потом понял Удалов, из катапульты, установленной в засаде у дороги, поразила графа в переносицу, и он без чувств вывалился на шоссе.

Удалов с Острадамом, отделавшись малыми ранами, скатились в кювет.

Там скрывались остатки армии графства Главтяжпрокатконструкция. Рядом с ними, задыхаясь от миазмов, корчился адъютант.

– Кто это? – спросил у него любознательный Удалов. – Чья засада?

– Негодяи! – прохрипел адъютант. – Ничтожные выродки из Главмясяйцомолока!

– Сдавайтесь! – послышался голос, усиленный рупором. – Ваш граф в плену. Если не сдадитесь сейчас, задохнётесь!

– Пора сдаваться, – с горечью произнёс адъютант.

– Но что им нужно? – настаивал Удалов.

– Наша боевая техника, – ответил адъютант, с поднятыми руками выползая из кювета. – У них ведь тоже есть поставщики и потребители.

– Бежим! – шепнул Удалов. – Пока они пленных считают.

И они с Острадамом быстро уползли в туман.

Через два часа, чуть не попав в центр боя между батальонами Главтяжлитейпрокатлиста и общественностью, чудом избежав трёх засад и двух перестрелок, они вернулись к машине мгновенного перемещения.

Глава двадцать первая,

в которой путешественники попадают на планету, не достигшую цивилизации

Ещё один мир удалось увидеть на бегу. Преследователи буквально наступали на пятки.

Он был населён существами, склонными заниматься не своим делом.

Как раз возле того места, где Удалов с Острадамом высадились на планете, располагалось поэтическое издательство, где редакторами служили свинарки, а авторами были ассенизаторы. Редакторы же выкармливали свиноматок, а поэты чистили нужники. Но никого это не удивляло.

Чуть дальше путешественники увидели балетный театр, в котором танцевали бухгалтеры и дискоболы, потому что балерины были по горло заняты выведением слонов, в то время как погонщики слонов добивались успехов в теоретической алгебре. Все были при деле, все были страшно заняты, но всё же Удалову посчастливилось: обнаружились люди, которые сооружали космический корабль. Со строителями удалось поговорить. Они даже показали тот корабль. Их детище оказалось пышным по форме и многоцветным. Строители клялись, что сооружение корабля будет завершено в ближайшие дни, и звали гостей присоединиться к созидательному труду. Но путешественники от приглашения отказались: строители космического корабля оказались по специальности кулинарами.

Несмотря на очевидную ненормальность такого перераспределения труда, тамошняя пресса и телевидение не уставали воспевать живописцев, что высиживали за пингвинов яйца, и врачей, отдававших все силы выпиливанию по дереву. Впрочем, в газетах трудились большей частью умельцы по гибридизации ананасов.

– Как же вы? – спрашивал Удалов у аборигенов.

– А то как же? – говорили некоторые.

Другие говорили:

– Ещё как!

Но глаза Удалова открылись только после случайной встречи с бабусей, на которую он натолкнулся в густом кустарнике, когда проби-

рался обратно к машине мгновенного перемещения, таясь от преследователей.

Бабуся, по её признанию, собирала лечебные травки для аптеки.

– И попадаются? – спросил Удалов.

– Откуда мне знать, – ответила бабуся. – Я председатель местного общества слепых.

– Разве вы незрячая?

– А у нас в обществе все зрячие. Настоящие слепцы из луков стреляют. Но траву эту я не выношу, и по мне эти травинки все на одно лицо.

– Так и отравить кого-нибудь можно, – сказал Острадам.

– Не без этого, – призналась бабуся.

– Но кто же это дозволяет?

– Король наш. По специальности он спелеолог и третий год живёт в пещере без связи с внешним миром.

– Как же ваше государство существует? – изумился Удалов.

– А нам всё равно, – ответила бабуся.

– Всем всё равно?

– Абсолютно всем.

– Ну, если всем, – согласился мудрый карлик Острадам, – тогда без разницы.

Тут в кустах зашуршало. Похоже, приближалась неутомимая Тулия.

Удалов с Острадамом еле успели нырнуть в машину. Через несколько мучительных минут перелёта они вылезли на планете, которая вначале внушила им надежды.

В оранжевых закатных облаках, собравшихся над холмами у горизонта, пролетело космическое тело. За ним тянулся дымный след. Карлик, уже отчаявшийся выбраться из этого лабиринта чужих миров, схватил Удалова за рукав:

– Корнелий, мы спасены!

– Хорошо бы, – сказал Удалов. – Пора возвращаться. Опасаюсь, что слухи о моём исчезновении достигнут Ксении, а в стрессе она ужасна.

– Тогда поспешим, пока не выскочили эти дьяволы. Никак они след не потеряют.

– Что поделаешь, микробы, примитивные существа. Пока нас не прикончат, не успокоятся.

– С ними не договоришься, – согласился карлик. – Не найдёшь разумного компромисса. Погляди, что там за рощей?

За рощей располагалось первобытное поселение, обнесённое высоким тыном. На углах ограды возвышались деревянные башни.

– Неужели и здесь графы и бароны промышленности ведут войну? – произнёс Удалов. – Хотя надеюсь, что нет здесь ещё никакой промышленности. И воздух чистый. Но тогда и кораблю взяться неоткуда.

– Корнелий, перестань сомневаться! – осерчал Острадам. – Разве ты собственными глазами не видел, как по небу пролетело что-то современное?

Они выбрались на пыльную просёлочную дорогу с глубокими колеями, оставленными телегами или колесницами. Солнце припекало. Удалову докучали слепни и мухи, которые то и дело садились на его обнажённые плечи и безжалостно жалили его.

Корнелий отломил хворостину и принялся стегать себя по плечам и груди. От ударов оставались красные полосы. Конечно, было больно, но лучше, чем когда тебя жалят. Удалов стегал себя столь усердно, что местный поселянин, который увидел Удалова, воскликнул:

– Святой человек! Плоть истязает!

И с этой вестью, не замеченный усталыми беглецами, поселянин бросился короткой дорогой к замку, чтобы сообщить о достойном страннике.

А беглецы не дошли до замка. В километре от него карлик вдруг остановился и сказал:

– Кажется, это то, что мы ищем.

Удалов перестал себя стегать и осмотрелся. Никаких следов космического корабля или хотя бы космодрома.

– Ты что имеешь в виду? – спросил он.

Острадам, который сохранил куда больше сил, чем его спутник, резво сбежал с дороги и, пробравшись сквозь бурьян, выскочил на голое поле.

– Сюда, Удалов! – крикнул он. – Мы и вправду спасены!

Удалов с трудом перебрался через канаву, угодил в крапиву и, чуть не плача, подошёл к карлику.

– Ты посмотри, где стоишь! – торжествовал Острадам. – Ты погляди под ноги.

Удалов посмотрел под ноги и ничего не увидел. Земля как земля, твёрдая, голая...

– Она же прокалена! – Карлик топнул ногой, и раздался гулкий звук, словно он стучал по обожжённому горшку. – Сюда садятся космические корабли! Никакого другого объяснения я не нахожу и искать не намерен.

– Так где же корабли?

– Не понимаешь? Это отсталый мир, связь с которым поддерживают только экспедиции. Они прилетают обменивать промышленные товары на местное сырьё. Обычная система в Галактике. Никакого вмешательства во внутренние дела развивающихся планет, но ограниченное экономическое сотрудничество.

Площадка была невелика, круг диаметром метров в сто. Значит, сюда прилетали не очень большие корабли. Ну что ж, у Острадама есть опыт космических путешествий. Ему лучше знать, куда садятся космические корабли.

– Я посижу, подожду, – сказал Удалов. – Устал очень.

– И не мечтай! – ответил предсказатель. – Ты что, забыл, что за нами гонятся микробы? Затаимся в кустах.

– Затаимся, – покорно согласился Удалов. – Хорошо бы корабль поскорее прилетел. А то ведь и от голода можно помереть.

Послышался стук копыт.

По дороге от замка к путникам неслась кавалькада. Деваться было некуда, прятаться поздно.

Всадники, одетые в плащи и куртки из звериных шкур, вооружённые короткими мечами и копьями с бронзовыми наконечниками, неслись на Удалова так стремительно и грозно, что Корнелий зажмурился, размышляя о том, как обидно погибнуть от руки дикаря после всех приключений и чудесных избавлений.

Но стук копыт прервался у края площадки, и послышался густой бас:

– Какой из них святой человек?

– Вот этот!

Удалов раскрыл глаза и увидел, что оборванный поселянин указывает на него солидному, облачённому в львиную шкуру мужчине с

зелёной бритой головой и длинными, спадающими на грудь фиолетовыми усами. В руке у мужчины была тяжёлая палица.

– Ты свою плоть изнурял? – спросил мужчина Удалова.

– Она у меня изнурена до крайности, – признался Удалов. – Скоро кончится.

Гигант с усами подъехал поближе и разглядел шрамы, царапины и крапивные ожоги на обнажённом теле Удалова.

– Смотри, как ты себя, – произнёс он с уважением. – А чего пожаловали?

– Ищем спасения, – сказал Удалов.

– Правильно, – ответил усач. – Мы все на этой земле гости. Мы все должны искать спасения. Мне наш жрец об этом говорил.

– Это очень разумно, – вежливо согласился Острадам.

– Слишком абстрактно, – возразил усач. – Лучше бы конкретными делами помогал своему племени. А то не мог хорошей погоды к страде обеспечить. Пришлось его убить.

– Но ведь это не в его силах, – сказал Удалов. – Даже на очень передовых планетах предсказания погоды ещё недостаточно надёжны.

– Мне плевать, что творится на так называемых передовых планетах. Но как вождь племени я несу ответственность за наше земледелие. И если я не найду виновного в плохом урожае, виноватым буду я. Что же, прикажете меня, что ли, убивать?

Возмущённые возгласы диких наездников, которые сопровождали вождя, были ответом на эти слова. Ясно было, что наездники не дадут вождя в обиду и не позволят его убивать.

– Так что я теперь без жреца, – сказал усач. – Вдруг мне сообщают: идёт по дороге святой человек, стегает себя прутом. Ну, думаю, если он без зрителей это делает, значит, настоящий жрец. Придётся тебе перейти ко мне на службу.

– Нет, спасибо, – ответил Удалов. – Я строитель, а не агроном. Вот может, мой товарищ согласится? Только, говорят, ему завтра-послезавтра умирать. Сам себе предсказал.

– Это так, – поклонился вождю Острадам. – Я с удовольствием остался бы у вас и занялся предсказаниями на примитивном уровне. Но на что вам жрец, который так скоро помрёт?

– Да, если бы сейчас у нас была жатва, тогда такой предсказатель в самый раз. Убили бы тебя за неурожай, и дело с концом. А у нас сейчас только-только сев закончили. Рано.

Усач задумался, потом предложил:

– Пошли, что ли, ко мне, святые люди?

– Нельзя, – ответил карлик. Он обвёл рукой вокруг себя, показывая на обожжённую землю. – Ждём.

– Кого?

– Корабль, – объяснил Удалов.

– Космический шлюп, – уточнил Острадам.

– Зачем его ждёте? – спросил усач подозрительно.

– Нам улететь на нём надо.

– Так прямо на нём и летаете?

– Как же ещё?

– О! – раздались возгласы в толпе наездников. – Это великие чародеи. Не отпускай их, вождь!

– И не страшно? – спросил вождь.

– Чего бояться? Мы привыкшие.

– А я вот в моём должностном бесстрашии никогда бы не полетел, – сказал усач.

Все замолчали. Дикие воины почтительно ждали, к какому решению придут чародеи. В отдалении послышались шум, выстрелы, затем звон оружия и крики.

– Что там ещё? Кто нас отвлекает? – возмутился вождь. – Мы же беседуем. Выясни!

По приказу вождя один из наездников пришпорил коня и поскакал за холмы узнавать, в чём дело. Удалов с карликом переглянулись. Похоже было, что их палачи близко.

– Враги нас преследуют, – сказал карлик вождю. – Может, укроете нас, пока суд да дело?

– Не понимаю, – пробасил усач. – Как же так, такие чародеи – и кого-то боитесь?

– А у нас и враги соответствующие. По нашим масштабам подбираем, – сказал карлик. Говоря так, он выпятил покрытую чёрной шерстью грудь и засверкал глазками.

– Это правильно, – согласился вождь. – Врагов надо выбирать по уровню. Дрянной враг может подорвать престиж.

«Интересная личность, – подумал Удалов, глядя на зелёную голову и фиолетовые усы вождя. – Как стремится к цивилизации! По его речи и манере выражаться видно, что, прежде чем убить очередного колдуна, он с ним ведёт поучительные беседы».

– Но даже стосильных врагов таиться стыдно, – произнёс вождь.

– Мы безоружны, – ответил карлик. – Вооружимся, сами за ними начнём бегать.

– За оружием дело не станет, – заверил вождь. – Дать им коней и мечи!

Затем он обернулся к беглецам и добавил:

– Я с искренним интересом буду наблюдать за вашей битвой с врагами. Даже буду за вас переживать. А если вы погибнете, над вами будет насыпан почётный курган, а врагов ваших мы убьём и съедим. Так что сражайтесь спокойно.

– Нет, – возразил карлик, принимая копьё из рук всадника. – Таким оружием с нашими врагами не справиться. У них оружие заколдованное, действует на расстоянии.

– Ну и что? – удивился усач. – Заколдуйте своё оружие, и оно тоже будет действовать на расстоянии. Да я и без колдовства могу.

С этими словами вождь метнул своё копьё, оно пролетело метров пятьдесят и вонзилось в ствол большого дерева, расщепив его пополам.

– Славный бросок! – закричали наездники. – Слава вождю!

Из-за расщеплённого дерева показалась небольшая процессия. Впереди плелись понукаемые всадниками, избитые и несчастные девушка Тулия в измаранном землёй серебристом купальном костюме и могильщик, длинный балахон которого порвался, сквозь прорехи виднелось костлявое тело, а поля мухоморовой шляпы опустились на уши, скрывая лицо. Прекрасная Тулия была не причёсана, глаза были не подведены, а губы не накрашены.

Один из воинов подскакал к вождю, бросил перед ним на землю пистолеты пленников и сказал:

– Великий вождь, эти ничтожные возмутители тишины бегали по твоим владениям, искали какого-то Удалова, напали на вашего уважаемого дедушку и попытались заставить его признаться, где Удалов.

– Ай-ай-ай, – огорчился вождь. – Какая наглость! Моему дедушке сто три года. Могли бы и пожалеть. И чем всё это кончилось?

– Чем и должно было кончиться, – ответил древний старик, похожий на вождя, только усы у него были белыми и доставали до пояса. Старик крепко сидел на коне и держал в руке концы верёвок, которыми были связаны руки пленников. – Очень я на них рассердился. Сижу, размышляю о нетленном, вечном, о праве любой букашки на неприкосновенность, солнышко светит, орлы прилетели, из моих рук зерно клюют, вдруг эти мерзавцы подбегают и начинают шумно требовать, чтобы я им выдал Удалова. Машут перед моим носом этими палками. – Старик показал на пистолеты, лежащие на земле. – Я им говорю: отойдите, я думаю. А они угрожают. Вот и пришлось их скрутить.

Старик легко спрыгнул с коня и добавил:

– Их счастье, что я так стар и немощен. А то бы невзначай придушил.

– Да здравствует дедушка нашего вождя! – закричали наездники.

– Ну, что вы мне скажете? – спросил вождь у пленных. – Зачем пожаловали?

– Произошла ошибка, – сказала Тулия. – Мы просто заблудились. – И в этот момент её взгляд упал на Удалова. – Ах вот ты где! – воскликнула девушка. – Вот ты мне и попался!

Тулия рванула к Удалову, и тот от неожиданности даже отступил на шаг. Старик дёрнул верёвку на себя, Тулия не удержалась и упала. Могильщик тоже на всякий случай упал.

– Погоди! – взревел вождь. – Чародей Удалов! Не ваши ли это могущественные враги?

– Они самые.

– И не их ли чародейское оружие лежит у наших ног?

– Оно самое, – сказал Удалов.

– Какие же вы чародеи, если мой немощный дед с вашими врагами справился? И я хотел такого ничтожного человека сделать своим личным жрецом! Да ты знаешь, каких я жрецов уже уничтожил? Героев! Мастеров своего дела!

– Простите, но я не просился к вам в жрецы, – возразил Удалов. – Я даже отказывался.

– И правильно делал, – сказал вождь. – Твоё счастье. Что с этими наглецами будем делать? Дедушка, тебе рабы нужны?

– Не нужны мне рабы, – ответил дедушка. – Я теперь думаю о вечности. Незлобивый я стал, непритязательный.

– Тогда придётся их в жертву принести, – решил вождь. – А то дождей вторую неделю нет.

– Правильно, – поддержал вождя карлик Острадам. – Только близко к ним не подходите, когда в жертву будете приносить. Они очень заразные.

– Не исключено, – произнёс вождь. – Мне один жрец, вечная ему память, рассказывал, что есть на свете разносчики заразы ростом меньше комара. Невероятно, но допустимо. А вы как думаете?

– В миллион раз меньше комара, – сказал карлик. – Я сам видел.

– Вот и врёшь, дурак. Как же ты их видел, если и комар с трудом поддаётся наблюдению?

– Не дурак я, – обиделся Острадам. – Если не умру послезавтра, пришлю прибор, именуемый микроскопом. В нём всё видно.

– И не обманешь? – спросил вождь. – А то мне один жрец, чтобы я его не убивал, обещал Прибор раздобыть. Я его отпустил за Прибором, а он не вернулся. Может, наврал он мне? Может, и нет на свете Прибора?

– Есть Приборы, – заверил вождя карлик. – Привезёт. Может, у вашего жреца трудности с транспортом.

– Ну ладно. Постарайся не умирать, – сказал вождь. – Я очень заинтересован в этом самом микроскопе. А чтобы зараза нам не грозила, давай поскорее принесём твоих врагов в жертву. Как их лучше умертвить?

– Сжечь, – предложил карлик, – самое гигиеничное.

– Правильно, – согласился вождь, – мы же стремимся к культуре и гигиене. Молодцы, собирайте сучья, а мы пока перекусим.

Удалов был страшно голоден, но вдруг аппетит пропал. Он всегда такой, Удалов. Казалось бы, не должно быть пощады врагам.

– Пощадите нас, – проговорила тихо Тулия. – Мы обещаем никогда больше вас не беспокоить. Мы ошиблись.

– Не могу. Я другу обещал, – ответил вождь, усаживаясь на подушки и внимательно наблюдая, как слуги расставляют на шкуре кувшины с вином и миски с пищей. – Он мне микроскоп достанет. Я ведь страшно любознательный. Мне до цивилизации осталось каких-нибудь два шага.

– Три микроскопа! – закричала Тулия. – Четыре микроскопа! Целую микробиологическую лабораторию!

– Ах, не надо меня соблазнять! – раздражённо ответил вождь. – Я человек простых устоев и стойкой морали. Следовательно, своих обещаний не отменяю. Если я буду продаваться за микроскопы, какой пример я подам моему народу? Все вокруг начнут продаваться за микроскопы. Ну, гости, садитесь за стол. Выпьем за знакомство.

Удалов послушно сел вместе со всеми, но на душе у него было неспокойно. Он то и дело оглядывался на Тулию и думал о том, что, если не считать отвратительного микроба, это простая, добрая и очень красивая девушка, несмотря на то что у неё не подведены глаза и не подкрашены губы. А Тулия, перехватив сочувственный взгляд, воззвала к состраданию Удалова:

– Корнелий, мы же любили друг друга.

– Это был обман, – отметил Удалов. – Я полюбил тебя без начинки.

Могильщик сказал негромко:

– Может, дадут мне выпить немножко? Перед смертью.

– Дайте ему кубок, – сказал вождь.

Тулия тихо плакала. Могильщик поднял кубок и произнёс:

– Похоронить меня здесь будет некому. Такой позор. Я могильщик в десятом поколении, а меня некому похоронить.

Отпив половину вина, могильщик протянул кубок вождю. Вождь, приняв из рук могильщика недопитый кубок, задумчиво понёс его к губам. Он уже готов был отхлебнуть из него, как, почувствовав неладное, Удалов неожиданно бросился к вождю и отчаянным ударом выбил кубок из его руки.

– Что такое? – Вождь вскочил и выхватил меч. – Ты умрёшь раньше, чем они! Такого оскорбления...

– Погодите, уважаемый, – послышался голос могильщика. – Удалов сейчас спас вас от участи худшей, чем смерть. Мой микроб в опасении моей гибели перепрыгнул на край кубка и готов был уже внедриться в вас через рот. Благодарите Удалова, что не заразились.

– Вы можете меня убить, – сказал Удалов. – Но я вас спасал.

– Если оба так говорят, то я предпочитаю верить. А где же тот микроб, который хотел меня заразить?

– Он очень мал, – объяснил Удалов. – Его не увидишь без микроскопа.

– Так почему же вы медлите с доставкой микроскопа?! – возмутился вождь. – Я даже не могу разглядеть своих врагов!

В этот момент Острадам заметил, что Тулия потянулась к краю шкуры, заменявшей скатерть.

– Назад! – крикнул карлик, а сообразительный дедушка вождя дёрнул за верёвку.

Рука Тулии повисла в воздухе.

– Она хотела его подобрать, – сказал карлик, становясь на четвереньки и водя носом над самой скатертью. – Он где-то здесь.

Карлик так спешил и волновался, что ногой опрокинул миску с жареным гусем и кувшин с самогоном. Но никто не обиделся. Все были захвачены стремительным ходом событий.

– Кипяток! – приказал карлик, протягивая руку назад. – Быстро!

В голосе и манерах его было что-то, напоминавшее Удалову хирурга, который в детстве вырезал ему гланды.

Слуга, державший в руках медный чайник, послушно передал его карлику, и карлик принялся поливать кипятком край шкуры. Вдруг раздался громкий писк. И прервался.

Тулия подняла руки к вискам и сказала скорбно:

– Вечная слава тебе, мой двоюродный племянник! Ты погиб в войне с коварными врагами.

– Всё, – проговорил карлик, выпрямляясь и возвращая чайник слуге. – С одним врагом покончено. И я советую поскорее уничтожить второго.

– Что вы там медлите? – прикрикнул вождь на слуг. – Костра разжечь не умеют!

И вождь, будучи человеком первобытным, потёр ладони, предвкушая жестокое развлечение.

– Корнелий, – взмолилась девушка, – ты же знаком с моей мамой.

– Да, – подтвердил Корнелий.

– Корнелий, мои чувства к тебе не изменились. Я только вынуждена была их скрывать. Теперь больше не буду. Я твоя. Делай что хочешь. Хочешь – убей своими руками.

– Нет, – сказал Корнелий. – Мне трудно в это поверить. Я знаю, насколько коварная Верховная матка сидит в тебе и говорит твоими устами.

– Мы вместе говорим, – ответила Тулия. – Мы совершенно солидарны в любви к тебе, Корнелий. Мы скроемся на дальней планете и будем жить в любви и согласии.

Корнелий поднялся с места и сделал шаг к девушке. Чувства в нём воспалились. Бывает так в жизни! Корнелий отчётливо понимал всю пагубность любви к этой девушке, внутри которой таился злобный и равнодушный к Удалову микроб. Нельзя её любить! Но и разлюбить её Удалов не мог.

– Придётся его связать! – воскликнул Острадам. – Он сейчас опасен. Он подобен спутникам Одиссея, которые услышали сирен и попрыгали в море.

– Про Одиссея ты нам расскажешь потом, – произнёс вождь, – а Удалова мы свяжем. Я не выношу, когда ради красивой бабы мужчины теряют чувство собственного достоинства.

По знаку вождя слуги навалились на Удалова и собрались уже его вязать, как в голову Корнелию пришла светлая мысль.

– Я знаю! – закричал он, барахтаясь под сильными молодыми телами диких воинов. – Я попытаюсь спасти Тулию!

– Хитрит, – сказал карлик. – Безумие любви.

– Хитрит, – согласился вождь.

– Я тоже когда-то любил, – припомнил дедушка. – И меня тоже вязали.

Только могильщик не сказал ничего. Он сидел в сторонке и обгладывал кость. Он истосковался по настоящей пище.

– Ну что сделать, чтобы получить право приблизиться к девушке? – спросил Удалов в отчаянии.

– Нельзя тебе приближаться, – сказал карлик.

– Но для меня микробы не опасны.

– Потом поздно будет разбираться.

– Я бы выкупил у вас девушку, – предложил Удалов вождю.

– Я не продаю лиц, предназначенных на убой, – сказал вождь с чувством собственного достоинства.

– Неужели нет никакого выхода? – кричал Удалов, извиваясь под молодцами.

– Думай, Удалов, думай! – поддерживала его девушка Тулия. – Я всегда с тобой!

– Есть выход, – сказал вдруг дедушка.

– Ну, это не выход, а самоубийство, – ответил вождь, который понимал своего дедушку с полуслова.

– Это древний обычай, – произнёс дедушка, – и не нам отменять обычаи. Без традиции общество деградирует.

– Какой обычай? – спросил Удалов.

– Вот если он прилетит, тогда, считай, тебе повезло. Или не повезло.

– Кто прилетит? – вмешался Острадам.

– Тот, кого вы ждёте. Сами же сказали, что хотели на нём отсюда улететь. И не боитесь.

– Мы хотели на космическом корабле улететь.

– О космических кораблях по причине низкого уровня нашей цивилизации мы не подозреваем, – заявил вождь. – Нет у нас космических кораблей.

– Но кто же у вас по небу летает? Кто же тогда это поле выжег? – удивился карлик. – Чья это посадочная площадка?

– Известно чья, – сказал вождь, – дракона.

– Ещё дракона не хватало, – возмутился Острадам. – Зачем вы нас вводили в заблуждение?

– Никто не вводил, сами ввелись, – заметил вождь.

– А что я должен сделать с драконом? – прохрипел придавленный Удалов.

– Что обычно с драконами делают? Убить. Отрубить все три головы. Кстати, это ещё никому не удавалось.

– Это несерьёзно, – сказал карлик. – Удалов нам нужен живой.

– Обычай есть обычай. Наши предки постановили. Если герой хочет получить в вечное пользование девушку, он может выйти на бой с драконом. И погибнуть. Но если он победит дракона в честном бою, то девушка достанется герою и он должен на ней жениться.

– Великолепный обычай, – произнесла Тулия так сладко, что если у Корнелия и возникли какие-то сомнения или опасения, то они при звуке этого голоса тут же пропали.

– Я готов! – сказал Удалов. – Где дракон?

Глава двадцать вторая,

в которой Удалов вступает в смертельный бой

Дракон не заставил себя долго ждать. То ли услышал, что его зовут, то ли почуял запах жареной пищи, но вскоре он, застилая перепончатыми крыльями солнце и вытянув вперёд три огнедышащие головы, спланировал на свою посадочную площадку. Слугам пришлось срочно собирать остатки пищи, и пировавшие отступили под защиту деревьев.

Дракон не спеша обошёл площадку, прожёг её огнём из ноздрей, смахнул пыль шиповатым хвостом и, подлизав остатки пиршества, собрался спать.

Удалов понял, что боится. Смертельно боится. Он никогда раньше не видел драконов и не подозревал, что они бывают такими большими и неуязвимыми.

– Отпустите его, – приказал вождь. – Пусть приведёт себя в порядок, подготовится. Пускай коня выберет, оружие по руке.

Молодцы разошлись, помогли Удалову подняться. Все смотрели на него с нескрываемым уважением. Кроме, разумеется, карлика.

– Дурак ты, Удалов, – сказал карлик с чувством. – Всю репутацию мне погубишь. Межпланетный деятель, руководитель стройконторы, отец семейства, наконец, а бросаешься в бой с непобедимым драконом ради девицы сомнительной репутации.

– Репутацию мою не задевай! – строго оборвала его Тулия.

– Она права, – сказал печально Удалов.

Он рад бы сейчас и не сражаться с драконом, но если ты, человек Земли, дал слово, то должен его сдержать. А Удалов дал слово дважды. Во-первых, обещал матери-уборщице найти и вернуть дочь, во-вторых, дал слово освободить девушку от власти микробов. Не говоря уж о личных чувствах.

Удалов поглядел на коня, которого подвели к нему, и отрицательно покачал головой. На конях он сроду не ездил. Меч он, правда, принял. Меч был тяжеловат, но нельзя же идти на дракона совсем без оружия.

Карлик передал Удалову лежавший на земле пистолет.

– Вот, – сказал он. – Единственная твоя реальная надежда.

– Спасибо, – без особой надежды ответил Удалов.

– Цельсь в глаз, – посоветовал карлик.

– В какой? – спросил Удалов.

Глаз у дракона было шесть, и все маленькие.

– Ну, пошёл! – сказал вождь, положив руку на плечо Удалову. – Желаю тебе счастья. Очень тронут твоим отважным поступком. Когда достигнем нужного уровня цивилизации, поставим тебе памятник.

– Я тоже когда-то любил, – сказал дедушка, – но на дракона пойти не посмел.

– И хорошо, – заключил вождь. – Женился на моей бабушке, и родили вы моего папу. А то как бы мне без вас?

– Может быть, может быть, – тихо ответил дедушка, и глаза его затуманились воспоминаниями.

Вождь легонько подтолкнул Удалова в спину, и, не чувствуя под собой ног, Корнелий пошёл к дракону. Дракон его не замечал, он мирно похрапывал, испуская из ноздрей зловонный дым, хвост его порой судорожно колотил по земле – видно, дракону снился тревожный сон.

По мере того как Удалов приближался к дракону, чешуйчатый бок чудовища вырастал всё выше. Вскоре он уже заслонил половину неба. Бок медленно надувался и опадал. Когда Удалов подошёл совсем близко, дракон перевернулся во сне, почесал когтистой лапой брониро-

ванную грудь, при этом раздался страшный скрежет. Удалов еле успел отскочить.

«Чёрт с ним, – подумал Удалов малодушно. – Всё равно я его не убью. Да и неловко убивать дикое и наверняка редкое животное, которое тебе не причинило никакого вреда». Удалов хотел было вернуться к людям и сообщить о своём решении, но тут до него донёсся ласковый голос возлюбленной:

– Корнелий, смелее! Если ты умрёшь, я умру вместе с тобой! И умру ужасной смертью, сожжённая на костре на забаву дикарям.

И Удалов, придя в себя, широко размахнулся и ударил мечом дракона в бок. Меч отскочил от бронированной чешуи и чуть не вылетел у Корнелия из рук. Дракон бы и не заметил этого удара, если бы не дружный крик зрителей, которые приветствовали отважный жест Удалова.

Дракон удивлённо поднял одну из голов и осмотрелся. Не сразу, но он увидел Удалова. Брови дракона удивлённо приподнялись. Наверное, с высоты пятиэтажного дома, на которой находились глаза чудовища, Удалов показался ему ничтожным и не стоящим внимания.

– Ах так! – воскликнул Удалов, увидев, что дракон снова закрывает глаза и намеревается игнорировать врага. – Ну, держись! – И Корнелий, отыскав щель в стальной чешуе, вонзил в неё конец меча.

Тут уж дракон сильно удивился. Он даже приподнял лапу, чтобы смахнуть вредную букашку. Но Удалов был готов к этому, отбежал на десять шагов и достал пистолет. Дракон поднял все три головы и дунул огнём из ноздрей в Удалова. Удалову опалило брови и ресницы, а некогда белые трусы – единственная одежда Корнелия – стали коричневыми. Было больно.

Удалов поднял пистолет и выпустил в дракона всю обойму, целясь в глаза. Пули отскакивали от морды чудовища, лишь одна попала в цель. Дракон поднял лапу и извлёк пулю из глаза, словно соринку.

Теперь Удалов был почти безоружен, а дракон обижен и разозлён. Он решил разделаться с обидчиком одним ударом, для чего поднял лапу, и хотя промахнулся, так как с возрастом потерял ловкость и точность движений, комьями взметнувшейся земли Удалова избило, как картечью.

Но это Удалова не остановило. Каждого, даже самого обыкновенного и робкого человека, можно довести до такой степени отчаяния,

когда он становится героем. И в то время как все зрители этого захватывающего поединка отбежали подальше, Удалов снова поднял меч и пошёл на дракона с самоубийственной отвагой. Он был готов к смерти, но не согласен на поражение.

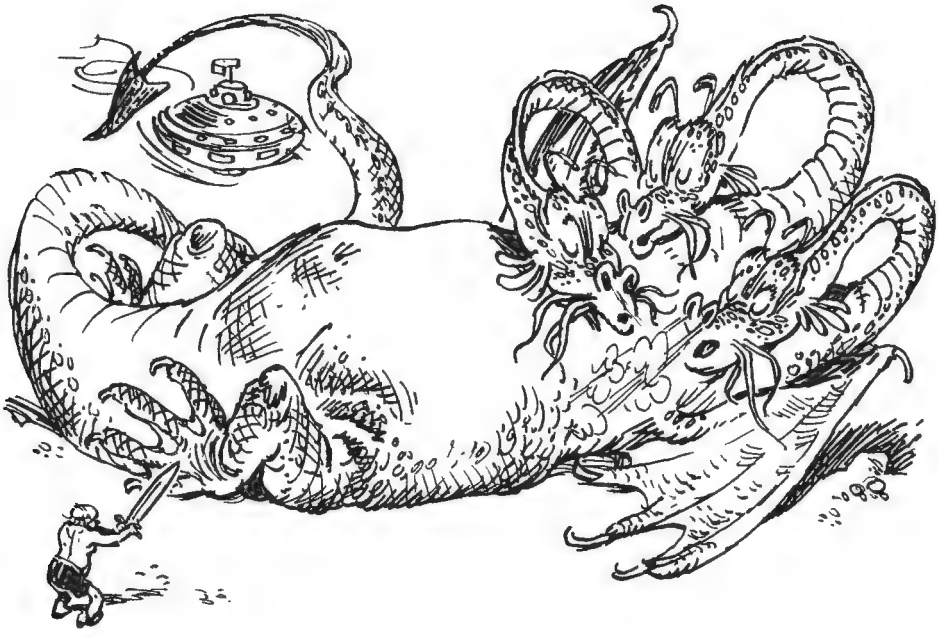
И неудивительно, что Удалов не заметил, как на него опустилась густая тень. Не заметил её и дракон, вставший на дыбы и всерьёз бросившийся навстречу человеку.

Но со спускавшегося космического корабля вся эта сцена была видна как на ладони, и торговцы, прилетевшие на планету, схватились за фото- и кинокамеры и принялись лихорадочно снимать это редчайшее зрелище.

Все три головы дракона выпускали струи огня и дыма, лапы разрезали воздух в миллиметрах от тела героя, но Удалов прорвался сквозь все препятствия и вонзил свой меч в брюхо дракона.

Дракону стало щекотно, он прижал лапы к брюху и начал чесаться. И в это время увидел нависший над ним космический корабль.

У дракона не было опыта общения с космическими кораблями, так как он вырос и провёл жизнь на отсталой планете. Поэтому неудивительно, что он ошибся, приняв корабль за другого дракона. Забыв об Удалове, дракон тяжело взмыл кверху и попытался сбить космический



корабль, который с трудом выдержал такую атаку. В борту его появилась гигантская вмятина, и он начал быстро терять высоту.

Но дракону пришлось ещё хуже. Грудь его была разбита, крыло погнуто, головы оглушены. И дракон, признав поражение, медленно и неверно полетел к горам, чтобы зализать свои раны.

Удалов с трудом поднялся с земли, куда его швырнуло порывом ветра при взлёте дракона, и огляделся. Он ещё ничего не понимал и не знал даже – победитель он или побеждённый.

Но никто не обращал на него внимания. Все смотрели на космический корабль. С самыми различными чувствами.

Дикари – в изумлении и страхе. Карлик – с надеждой, что это мирные торговцы, которые помогут Удалову добраться до цивилизованной планеты. А Тулия – тоже с надеждой, что ей на выручку прилетели оболочки микробов.

Удалов, несмотря на раны и усталость, быстро оценил обстановку и сразу направился к Тулии. Почти никто не обратил на него внимания.

Тулия спохватилась только тогда, когда Удалов заключил её в свои объятия.

– Ты что? – пыталась сопротивляться она, отталкивая Корнелия обеими руками. – Сейчас не время для любви!

Но Удалов не выпускал девушку.

– Один поцелуй для борца с драконом, – сказал он. – Ты обещала.

– Ах, какие глупости! – произнесла красавица. – Целуй, только поскорее. Теперь, надеюсь, мне не грозит костёр. А ты, голубчик, всё равно погибнешь.

Но глаза Тулии, контроль над которыми Верховная матка временно упустила, выдали истинные чувства девушки – благодарность к мужественному человеку. И поцелуй получился длительным и нежным.

– Молодец, заслужил этот скромный дар, – заметил дедушка вождя, который был романтиком и потому смотрел на Удалова, а не на космический корабль. – Жаль, что я в своё время не сразился с драконом.

Переведя дух, Удалов отошёл от Тулии, и могильщик, который по роду своей деятельности и характеру относился к людям с недоверием, сказал:

– Не похоже на тебя, Удалов.

Могильщик отправил в рот ещё кусок мяса и запил вином. Он пользовался тем, что внимание окружающих отвлечено кораблём.

– Не понимаю, – сказал Удалов, но на губах его играла странная улыбка.

– Всё понимаешь, – вздохнул могильщик, оглядываясь, не осталось ли съестного. – Но замыслил какую-то каверзу. Я верю, что ты влюблён в эту девушку, и потому тем более недопустима мысль, что ты можешь броситься к ней с поцелуями так вот просто, без приглашения.

– Погоди, – сказал Удалов, поглядывая краем глаза на взволнованную Тулию, которая, прижав к груди обнажённые, испачканные землёй руки, глядела, как космический корабль выпускает пандус.

И вдруг страшная судорога исказила её лицо.

– Что такое? – спросила она. – Кто на меня нападает? Спасите...

– Что? – переспросил деловито могильщик. – Пора хоронить?

– Не спеши, – ответил Удалов, не скрывая торжествующей ухмылки. – Если хоронить, то надо делать очень мелкий гробик.

– Я всё поняла! – воскликнула, корчась от мучений, девушка. – Это твоё коварство, презренный Удалов. Ты воспользовался тем, что я отвлеклась, и поцеловал меня в губы.

– Правильно, – ответил Удалов. – А известно, что при гриппе и других заразных заболеваниях поцелуи совершенно противопоказаны. Вернейший путь перехода инфекции из организма в организм. Вот я и рассудил, что ко мне в организм Верховная матка перелезть не посмеет. Она знает, что это для неё верная смерть. Но о том, что мои микробы могут перебраться в Тулию, она в суматохе не подумала.

– О горе, горе! – причитала Тулия. – Они жрут меня живьём! Спасите... на помощь...

Голос паразитки слабел, и Тулия неверными шагами устремилась к кораблю, питаемая последней надеждой на то, что прилетели её земляки. Но верёвка, которую держал наблюдавший за этой сценой дедушка, её не пустила.

– Всё ясно, – сказал дедушка, глядя, как Тулия клонится к земле. – Несчастная одержима бесом, и сейчас он с помощью чародейства Удалова из неё выходит.

– В общих чертах правильно, – согласился Удалов.

Двери корабля раскрылись, и по наклонному пандусу на землю спустились аккуратные, модно одетые, завитые и умытые торговые работники. Увидев их, Тулия прошептала: «Не те!» – пошатнулась, пискнула предсмертным криком Верховной матки и упала без чувств.

– Разрази меня небо! – раздался громовой вопль вождя, подскакавшего поближе к кораблю. – Кого я вижу! Мой предпоследний жрец! Где мой Прибор?

– Одну минутку, – ответил пожилой строгий мужчина в расшитой тоге.

Он широким жестом указал на двери корабля. По наклонному пандусу торжественно съехал цветной телевизор.

– Вот он, обещанный Прибор! – сказал жрец.

– О господин Прибор, ты прекрасен! – закричали дикари, падая ниц перед телевизором.

– Шарлатан, – пробормотал Удалов, склоняясь над Тулией.

– Теперь они добьются подъёма цивилизации, – заключил старый циник могильщик-мухомор, обгрызая баранью ногу.

Глава двадцать третья,

в которой Удалов появляется на СОС и встречается со своей женой

Руководители СОС, его делегаты, правительство планеты, не говоря уж о друзьях и родственниках Удалова, пребывали в полном отчаянии, когда Удалов сошёл с попутного корабля на спутнике планеты и такой же, как и прежде, весёлый и жизнерадостный, полный сил и энергии, направился к медицинскому контролю.

Его узнали прежде, чем он успел открыть рот. Сначала по залу прокатился шёпот:

– Удалов! Удалов вернулся! Неужели он жив? Какое счастье для человечества!

Затем шёпот перешёл в громкие возгласы и радостные крики.

– Удалов! – прокатывалось по залу.

Врачи и таможенники подняли пропавшего без вести делегата на руки и пронесли к катеру, который взял курс к планете.

Может быть, не исчезни Удалов так драматически, не стань он центром интриг и беспокойства, значение его для делегатов и судеб СОС не было бы столь громадным. Но теперь, когда никто не надеялся на его возвращение, встреча Удалова вылилась во всенародный праздник.

Удалов стеснялся, краснел, утверждал, что не нуждается в таких шумных знаках внимания, но, разумеется, никто его даже не слышал.

Апогей радости пришёлся на тот момент, когда смущённый Удалов вошёл в зал съезда.

Делегаты встали. Ведь за время отсутствия Удалова все только о нём и говорили, его скромная речь в день открытия съезда превратилась в воспоминаниях очевидцев в кардинальный и основополагающий доклад. Лозунг «Середина непобедима!», брошенный Удаловым с трибуны, стал самым распространённым словосочетанием на планете, и уже несколько городов боролись за право поставить Удалову памятник в случае, если его не отыщут, а одна небольшая безответственная планета Пршекай официально объявила, что Удалов родился на ней, в небольшом городке, и в младенчестве был выкраден землянами.

Напрасно отговаривался Корнелий усталостью и нездоровьем. Под шум аплодисментов его вынудили подняться на трибуну и сказать речь.

Удалов откашлялся, одёрнул полы пиджака и проговорил таким знакомым всем присутствовавшим высоким застенчивым голосом:

– Здравствуйте, дорогие коллеги, дорогие средние существа Вселенной. Мне приятно вновь вернуться в лоно родного съезда.

Раздались бурные аплодисменты, которые во время речи Удалова стихали лишь изредка.

– Вас всех, – сказал Удалов, – явно волнует вопрос: где я был всё это время, куда я исчез и почему никого не предупредил? Разрешите мне начать с самого важного. Я был на планете Кэ.

В зале грянула тишина.

– Я знал об опасности, угрожающей всему человечеству. Я знал о тайне, связанной с этой планетой, и счёл своим долгом лично направиться туда в сопровождении моего друга синхронного переводчика Тори. Мы решили, что либо разгадаем тайну и ликвидируем опасность, либо погибнем.

Когда аплодисменты стихли, Удалов продолжал:

– С большими трудностями и приключениями добравшись до планеты Кэ, мы обнаружили, что наши опасения оправдались. Планета Кэ была захвачена микроорганизмами, которые внедрились во всех свободолюбивых жителей планеты и намеревались расширить агрессию, чтобы населить своими потомками тела всех жителей Галактики и таким образом поработить Космос. К счастью, мне удалось найти способ обезвредить микробов, хотя наша борьба, о которой я расскажу подробнее

при первой же возможности, была тяжёлой и повлекла жертвы. От рук микробов смертью храбрых пал наш общий друг, синхронный переводчик Тори с планеты Тори-Тори. Прошу почтить его память минутой молчания.

Голос Удалова дрогнул. Председатель СОС Г-Г налил ему воды из графина и подвинул под локоть. Но Удалов отрицательно покачал головой. Он продолжал:

– Трудно представить, каким мучениям и издевательствам подвергались разумные существа на планете Кэ. В каждом из них сидел микроб, который говорил, что им надо делать, каким нектаром питаться и как размножаться.

Вопль негодования пронёсся по залу съезда. У многих на глазах выступили слёзы.

– И хотя тайна разгадана, – продолжал Удалов, – и меры принимаются, население планеты Кэ истощено, лишено моральной поддержки и совершенно деморализовано. Надо спасать наших друзей. Как это сделать, как помочь братьям по разуму, я ещё не решил и прошу вашего совета.

Удалов сел и скромно отвернулся от урагана, вызванного рукоплесканиями.

С мест раздавались возгласы, славившие Удалова, а также советы, как спасти планету Кэ. Шум стоял невообразимый, и никто не заметил, как в зал вбежала запыхавшаяся и растрёпанная, уставшая от пересадок и нервного напряжения Ксения Удалова, которую поддерживал под локоть Николай Белосельский.

Ксения тут же увидела своего мужа и помахала ему рукой. Но, разумеется, в этом гаме и мелькании конечностей её не заметили.

– Видишь? – крикнула Ксения на ухо своему спутнику. – Сидит! Нарочно меня волновал. Может, никуда и не исчезал.

– Вот и хорошо, – сказал Белосельский с облегчением. – Значит, нам можно возвращаться. Подойдём к нему в перерыве, пожелаем счастья и успехов в работе, а потом домой.

– Нет, – произнесла Ксения твёрдо, – не для того я его догоняла, чтобы оставить в одиночестве. Полетим домой все вместе. Так я решила.

И Белосельский с ужасом понял, что ничего поделать с этой женщиной он не может. И понял другое: хоть он и уехал от Гусляра даль-

ше, чем расположен город Петропавловск-Камчатский, всё равно никуда не делся от тяжёлого груза прошлого.

– Погляди, Коля, – продолжала между тем Ксения, которая умела быстро успокаиваться. – Всюду портреты моего мужа, плакаты на непонятных языках – тоже в его честь. Уважают Корнелия. Приятно это. Пойду, пожалуй, скажу народу, что я его жена.

– Ты не права, Ксюша, – остановил её Белосельский. – Это уважение оказывается не лично Удалову, а всему населению нашей планеты. Мы же с тобой рядовые её граждане и не должны зазнаваться.

Председатель съезда Г-Г поднялся на трибуну и постучал карандашом о графин.

– Тишина! – потребовал он.

Тишина наступала медленно, делегаты с трудом успокаивались. Наконец председателю удалось утихомирить зал, и он сказал:

– Мы тут посоветовались с уважаемым делегатом Удаловым и пришли к положительному решению, которое я выношу на голосование. Мы предлагаем всем делегатам, кто может и хочет передвигаться в кислородной атмосфере, провести, конечно, приняв необходимые меры предосторожности, заключительное заседание на несчастной планете Кэ, этим продемонстрировав нашу солидарность с её населением, а также на месте найти реальные меры помощи пострадавшим.

Удалов вскочил с места и крикнул:

– Я всем сердцем поддерживаю это предложение. Да здравствует наш председатель Г-Г!

Зал взорвался шумной овацией, диссонансом в которой прозвучали лишь возмущённые протесты некислорододышащих делегатов, которые тоже хотели немедленно лететь на планету Кэ.

Ксения далеко не всё поняла, так как знала только русский язык, но была горда своим мужем и громко воскликнула:

– Да здравствует мой муж Корнелий Удалов! Так держать!

Крик её прорвался сквозь общий шум, и многие обернулись, а по залу прокатилось известие о том, что жена Удалова прилетела с Земли, чтобы присутствовать при историческом моменте.

– Проходите в президиум! – кричали делегаты, и Ксения с удовольствием последовала этому совету.

Она хотела взобраться наверх, но тут её остановил голос Удалова:

– Ксения, опомнись! Ты меня ставишь в неловкое положение.

– Это ты меня поставил в неловкое положение, когда сбежал из дома! – огрызнулась Ксения, но в президиум не пошла, а остановилась в нерешительности на ступеньках.

– Погоди, – сказал ей Удалов. – Сейчас организуем поездку на освобождённую мною планету, и я с тобой воссоединюсь.

Председатель обратился к делегатам с предложением голосовать за идею Удалова. Делегаты единодушно подняли руки, лапы, щупальца, когти и прочие конечности.

– Предложение принято, – известил председатель. – Корабли ждут. Немедленно начинаем погрузку.

Делегаты принялись вставать со своих мест, спеша и толкаясь, чтобы скорее успеть на планету Кэ. И в этот момент от двери послышался хриплый голос:

– Остановитесь!

Глава двадцать четвёртая,

в которой всё разрешается, герои вознаграждены, а злодеи наказаны

Голос, прозвучавший от двери, принадлежал странному существу.

Существо было в одних трусах, страшно измаранных землёй, на плечах существа была чья-то чужая куртка, лицо было исцарапано и изранено, а волосы, венчиком вокруг лысины, настолько спутанны и грязны, что невозможно было даже определить, к какому виду или типу живых существ относится обладатель хриплого голоса. Достаточно было поглядеть на окровавленный меч в его руке, чтобы понять, что существо первобытно и агрессивно, что никак не соответствовало общему благодушному настроению съезда.

Два других существа, стоявших по обе стороны дикаря, также были грязны, оборванны и совершенно неопознаваемы.

Справа от дикаря стояла несчастная дикая девушка в серебристом купальном костюме, слева – совсем уже непонятный феномен в страшно мятой шляпе, схожей со шляпкой мухомора, по которому долго ходили ногами, и в жалких остатках некогда чёрного одеяния, бахрома которого волочилась по полу.

– Кто такие? – раздались крики. – Почему их пустили?

Грязный голый человек, не опуская меча, прошёл к сцене, уверенно забрался на неё и сказал:

– Никуда вы не поедете. Ни на какую планету Кэ. Там вас уже ждут. И сделают из вас таких вот безвольных рабов.

И голый дикарь указал мечом на Удалова.

– Клевета! – раздались вопли в зале. – Бандит! Уберите его! Благородный Удалов освободил планету Кэ от угнетателей! Мы все едем туда, чтобы помочь пострадавшим!

– Благородный Удалов ничего не смог поделать с микробами, – ответил, ухмыляясь, дикарь. – Он еле от них сбежал.

И эти неуважительные слова в адрес известного героя были встречены громовым хохотом зала.

– Покиньте помещение, хулиганы! – велел председатель, оглядываясь на настоящего Удалова. – А то мы прикажем вывести вас. Не мешайте нам готовиться к перелёту на планету Кэ.

– Ничего подобного, – сказал нахальный дикарь и, подняв меч, направил его конец на председателя съезда. – Этот меч обагрён кровью дракона, этот меч поднимается только на правое дело. А я, кстати, и есть Удалов.

– Долой! – кричали делегаты. – Это издевательство!

Одетый Удалов поднялся со своего места и развёл руками, как бы говоря: «Ну что ты будешь делать!»

– Кто ты, я ещё не знаю! – воскликнул дикарь в трусах. – Но сильно подозреваю, что ты подослан паразитами, чтобы заманить делегатов на свою планету и там поголовно заразить их.

– Какая наглая клевета! – закричал одетый Удалов.

Ругаясь, Удалов и дикарь приблизились друг к другу, и тут некоторые из наиболее наблюдательных делегатов обратили внимание на явное сходство дикаря и одетого Удалова.

Председатель встал на пути голого дикаря и, жертвуя собой, перекрыл дорогу к отступившему перед нападением одетому Удалову.

– Он прав! – воскликнула вдруг непричёсанная девушка в серебристом купальном костюме. – Он настоящий Удалов! Он прошёл сквозь страдания и битвы, чтобы предупредить вас об опасности, он лишился всего, даже одежды, а вы верите самозванцу!

Председатель сделал знак, и в зал вошли служители. Они умело подхватили голого дикаря под локти, чтобы вывести его. Меч звякнул о пол.

С точки зрения возмущённых и законопослушных средних делегатов, уже собравшихся было на планету Кэ с благородной миссией, всё было ясно. Справедливость восторжествовала, хулиган укрощён. Но оказалось, что не всё ещё кончено.

Высокий стройный человек в тёмном костюме и со вкусом подобранном галстуке решительно прошёл к сцене, легко вскочил на неё и обратился к залу.

– Главное, – сказал он, – не сделать роковой ошибки.

– Да что там думать! – откликнулся кто-то из зала. – Всё ясно.

– А вдруг этот жалкий дикарь и есть настоящий Удалов? Каких только не бывает случайностей.

– Правильно говоришь, друг моего детства Николай Белосельский! – воскликнул дикарь, которого крепко держали охранники. – Надо разобраться.

Одетый Удалов повторил как эхо:

– Да, друг моего детства Николай Белосельский, надо разобраться. Только меня удивляет, что ты ещё сомневаешься в моей личности.

– Скажу тебе честно, – ответил Белосельский, – тот человек тоже похож на Удалова. Поэтому я предлагаю спросить мнение присутствующей здесь жены Удалова Ксении. И таким образом мы себя гарантируем от случайностей.

– Правильно! – закричал голый дикарь. – Где ты, Ксюша?

– Я здесь, – отозвалась массивная супруга Удалова.

– Вот это лишнее, – проговорил одетый Удалов. – Зачем впутывать в плохой детектив мою уважаемую жену? Зачем нашей семье такая гласность?

Слова одетого Удалова вызвали сочувствие и понимание большинства делегатов, но любопытство всё-таки пересилило, а так как это был съезд средних существ, которым, как известно, свойственна склонность к сенсациям, Ксении разрешили выйти на сцену.

Два Удалова стояли перед женщиной. Один был неплохо одет (Ксения сама покупала ему этот костюм), причёсан и положителен. Другой вызывал сомнение и даже раздражение. В глазах его сверкала дикость, как в далёкие годы юности, он был гол, изранен и жалок. Но и он будил в ней какие-то родственные чувства.

– Ксения, – солидно сказал одетый Удалов. – Скажи своё положительное мнение, и вскоре мы вернёмся с тобой обратно, к нашему семейному очагу.

– Хочется домой? – спросила Ксения.

– Мечтаю воссоединиться.

– Тогда ты и есть мой, – сказала Ксения, но палец её, направленный было на одетого Удалова, замер, не поднявшись. Потому что она заметила на боку голого Удалова знакомую и любимую родинку. – Нет, – добавила она. – Раздетый тоже мой.

В зале поднялся гул.

– Да что же это получается! – не выдержал раздетый. – Мы теряем время, а микробы его не теряют. Тулия, скажи им, что я настоящий. Скажи, милая!

Девушка, поднявшаяся на сцену, несмотря на растерзанность внешнего вида, была прекрасна и молода. Она сказала уверенно:

– Со всей ответственностью повторяю, что раздетый Удалов настоящий.

– Ты сама ненастоящая! – крикнул одетый Удалов. – Ты микробная шпионка.

– Погоди, Корнюша, – остановила его Ксения. – А ты, голубушка, кем приходишься Корнелию Удалову?

– Я его друг, – ответила девушка.

– Друг, значит? – В голосе Ксении потрескивал мороз. – А сама откуда родом?

– Я отсюда. Моя мама работает в гостинице.

– Дочурка! – раздался женский голос.

По проходу к Тулии бежала, обливаясь слезами, её несчастная мать.

– Мама! – Девушка кинулась матери навстречу.

Ксения остро взглянула на голого Удалова и уловила в его глазах томление. Томление относилось к девушке Тулии.

– Такой мне не нужен, – сказала Ксения. – Даже если настоящий. Мне отдайте положительного.

И, сделав выбор в пользу одетого Удалова, Ксения села на свободный стул, рядом со своим мужем.

– В дорогу, в дорогу! – призвал одетый Удалов делегатов. – Теперь-то все сомнения разрешены.

– Нет, не все, – вмешался тогда Николай Белосельский.

Он-то знал Удалова с детства, и потому голый и буйный Удалов вызывал в нём куда большие симпатии, чем положительный.

– Разрешите, я тоже кое о чём спрошу.

– Разрешим? – спросил председатель.

– Только чтобы это был последний вопрос, – согласились делегаты.

– Скажи мне, Корнелий одетый, – обернулся к нему Белосельский. – Как звали нашего учителя физики?

– Ах, какие мелочи! – быстро ответил одетый Удалов. – Я даже не помню.

– Карабасом мы его звали! – закричал голый Удалов. – А химичку Кислотой, а историка Иваном Александровичем.

– Хватит, – сказал Белосельский. – Ещё один вопрос. Теперь к голому Удалову. Где я познакомился с твоей женой?

– Всю жизнь мучаюсь, – ответил Удалов. – Вернее всего, в пионерском лагере. Или в кружке юных натуралистов, где ты резал лягушек, а Ксюша разводила гладиолусы.

– Я ненавидел резать лягушек, – сознался Белосельский и пожал израненную руку голому Удалову. – Мы познакомились в кино.

– Безобразие! – заявил одетый Удалов. – Я протестую.

Но в этот момент Ксения, которая сидела, ласково положив руку на плечо одетому Удалову, совершила резкое движение, рванула пиджак на себя, и тот соскочил с Корнелия. И под пиджаком обнаружился золотой смокинг кузнечика Тори, синхронного переводчика. Вторым движением Ксения стащила с кузнечика маску и парик.

Кузнечик совершил громадный прыжок, стараясь скрыться от преследования, но голый Удалов был начеку. Ещё мгновение – и Тори, затрепетав в руках Удалова, запричитал:

– Я ни в чём не виноват! Я жертва обстоятельств.

– Вызывайте врачей, – сказал Удалов. – Пусть они вынут из Тори паразита и исследуют его. Тогда нам легче будет найти способ бороться с этой опасностью.

– Не смейте! – закричал микроорганизм голосом кузнечика. – Я представитель суверенного народа!

Но к нему уже спешили врачи в масках и защитных халатах.

Удалов вернулся к Ксении. Ксения плакала.

– Ты когда догадалась, кисочка, что я настоящий? – спросил Корнелий у жены.

– А тогда догадалась, – ответила Ксения, – когда тебя эта тварь с длинными ногами стала всенародно защищать. Донжуан немытый!

И на глазах всего съезда Ксения отвесила любимому мужу оглушительную пощёчину.

Разумеется, эта пощёчина не помешала делегатам СОС избрать на последнем заседании Удалова почётным председателем Союза Обыкновенных Существ. Удалов был признан единогласно самым достойным и самым средним из всех средних существ Галактики. С тех пор его даже на самых дальних звёздных системах официально именуют Председателем Космоса и Сокрушителем дракона, а любовно – Победителем паразитов.

Глава двадцать пятая,

заключительная

Вечером, перед отъездом домой, когда закончились ликования по поводу избрания Удалова на ответственный пост, а манифестация, карнавальные шествия и концерты самодеятельности уже догорали на улицах, Удаловы уединились у себя в номере.

Ксения зашивала мужу пиджак, порванный во время разоблачения кузнечика. Удалов разбирал бумаги: те, что пригодятся на Земле, откладывал направо, а те, что без надобности, – налево.

– Теперь мне с тобой сладу не будет, – сказала Ксения, откусывая нитку. – Что ни день – в космос, то на заседание, то на совещание.

– Нет, – ответил Удалов. – Пускай сами ко мне приезжают. У меня в стройконторе дел много.

– Будешь, будешь в космос гонять. К своей возлюбленной.

– Она мне не возлюбленная, Ксюша, – возразил Удалов. – Она только выполняла задание.

– А ты и распустил перья.

– Извини.

– Никогда. А то женись на ней, я не возражаю. Поселяйся здесь, занимайся общественной работой, воюй с драконами. Из-за меня небось ни разу с драконами не воевал.

– У нас, кисочка, драконов нет, – напомнил Удалов.

Но голос его был невесел. Какие-то рецидивы страстного увлечения Тулией сохранились. И хотя ещё по дороге домой Тулия объяснила Удалову, что испытывает к нему чувство благодарности, чувство дружбы и чувство почтения, но не больше, что теперь она полностью отдастся учёбе, чтобы забыть об ужасных и позорных месяцах плена, Удалову трудно было забыть, как Тулия расширяла прекрасные глаза при виде Корнелия и повторяла: «С первого взгляда... и на всю жизнь!»

Неужели, мысленно вздыхал он, некоторые женщины могут так легко и убедительно притворяться? Как трудно поверить... и как не хочется верить.

Удалов искоса взглянул на Ксению и принялся шустрее раскладывать бумаги, опасаясь, как бы, по своему обыкновению, Ксения не прочла его мыслей. Но Ксения прочесть их не успела, потому что в

дверь постучали и вошли Белосельский с Тулией. При виде Тулии Ксения поморщилась, Удалов тоже. По разным причинам. Ксении вообще Тулия внешне не нравилась, а Удалову не понравилось, что Тулия шла, положив золотую головку на плечо Николаю, как будто это была для неё самая привычная поза.

– Мы с печальной новостью, – сообщила Тулия.

– Говорите.

Удалов пытался преодолеть в себе остаточную ревность к другу детства. Пора было привыкать. Тулия уже третий день ходила, положив голову на плечо Николаю.

– Пришла телеграмма с дикой планеты. Вождь и дедушка передают привет, желают счастья в личной жизни. Они глядят Прибор и ждут высоких урожаев.

– А что же в этом печального? – спросил Удалов.

– Предсказатель умер. Умер наш Острадам.

– Не может быть! – Удалов отошёл к окну и прижался лбом к прохладному стеклу. – Значит, он был прав в последнем своём предсказании.

– Да. Он проснулся утром в день своей смерти бодрый и совершенно здоровый и сказал, что, видно, ему не удастся умереть от естественных причин. Потом написал записку Удалову, ушёл в поле, отыскал дракона и обозвал его жалкой лягушкой.

– Где письмо? – спросил Удалов.

– Вот.

Тулия протянула Удалову небольшую записку. Удалов прочёл:

Дорогой Корнелий!

Я вспомнил ещё одну деталь из твоего будущего, которую я от тебя скрыл, потому что она указывала на то, что ты останешься жив. А это нарушило бы естественность твоего поведения. Когда я находился во временном водовороте, я видел, что ты не выполнишь годовой план и по инициативе Белосельского тебе будет вынесен выговор в приказе.

Прощай, Корнелий, ты мне полюбился. Если сам не умру, попробую довершить твой бой с драконом. Что-то мне этот дракон неприятен.

Не забудь выслать вождю микроскоп.

Записка была без подписи.

– Всё ясно, Острадама погубило тщеславие. И чувство ответственности. – Удалов передал записку Белосельскому, чтобы тот ознакомился.

Белосельский прочёл и сказал:

– Всё может быть. В конце года посмотрим.

В комнату заглянула уборщица из Атлантиды.

– Ты здесь, Туличка? А то я уже беспокоюсь. Боюсь тебя отпускать даже на полчаса.

– Не беспокойтесь, – произнёс Белосельский. – Я возьму на себя заботу о вашей дочери. Она будет в надёжных руках.

– Ах да, мамочка, – тем самым ласковым голосом, посылавшим когда-то Удалова на бой, произнесла Тулия. – Мы с Колей решили пожениться.

Ксения сказала:

– Слава богу, что от моего отвязалась.

Уборщица из Атлантиды пошатнулась, собираясь упасть в обморок, и Удалову пришлось броситься за водой. А сам Удалов ничего не сказал, всё и так было понятно. Зря он побеждал дракона. Он мог бы победить десятерых чудовищ – всё равно красавицы достаются отличникам. Но кто бы догадался, какие они красивые, если бы не было обыкновенных женщин, наших жён, с которыми мы и сравниваем красавиц? К тому же у наших жён есть свои преимущества. И Удалов нежно посмотрел на Ксению.

Дверь снова открылась. В комнату въехала машина, за которой шёл, толкая её, кузнечик. Рядом, помогая ему, шествовал председатель оргкомитета Г-Г.

– Дорогой Корнелий, – проговорил он, пока кузнечик вешал на стену небольшой экран, – из уважения к твоим заслугам перед галактическим населением СОС выкупил у киномагнатов мнемофильм, снятый без твоего ведома синхронным переводчиком Тори на основе твоих воспоминаний.

– Виноват, – сказал кузнечик. – Я уже раскаялся.

– Так как мы полагаем, что даже забытые воспоминания важны для полноты личности, особенно для такой ценной в масштабах Галактики, как личность Корнелия, этот фильм будет продемонстрирован таким образом, что по мере показа его события будут возвращаться в память Удалова, исчезая с плёнки.

После этого присутствующие расставили кресла и стали смотреть фильм. Удалов старался на экран не смотреть. Он достал коробочку со скорпиончиком, чудом сохранённую в странствиях и приключениях, и начал кормить его крошками.

Через несколько минут фильм закончился, и кузнечик зажёг свет.

– Всё, – возвестил он. – Плёнка пуста, а воспоминание вернулось к владельцу.

– Я вспомнил, – откликнулся Удалов. – Даже странно, что мог забыть. Это про то, как мы с Ксенией познакомились и как чуть было не расстались.

– Из-за меня, – улыбнулся Белосельский. – Это я был тем верзилой, который тебе угрожал. Но я бы никогда тебя не побил.

– Помню, – сказал Удалов. – К тому времени мы с тобой уже не так дружили, как в детстве.

– Нас с тобой всегда разлучали женщины, – сказал Белосельский, поглаживая плечо прижавшейся к нему Тулии.

– Коля, как тебе не стыдно! – укорила Ксения. – Подождал бы до ЗАГСа.

– Эх, Тори, Тори! – вздохнул Удалов. – Не принесло тебе богатства предательство. Злые дела никогда не окупаются.

– Знаю, – улыбнулся в ответ кузнечик. – Жизнь меня многому научила. Теперь я зарабатываю на неё честным путём.

– Каким же? – спросил Удалов, который не очень доверял кузнечику.

– Я купил у торговых работников документальный фильм о бое Удалова с драконом. С завтрашнего дня начинается демонстрация во всех кинотеатрах. Билеты раскуплены на год вперёд. Рассчитываю без лишней скромности стать миллионером.

– А это не повредит моей репутации? – спросил Удалов, который в последние дни относился к себе куда серьёзнее, чем прежде.

– Твоей репутации всё на пользу, – честно ответил кузнечик. – Достать тебе билет на премьеру?

– Даже не знаю... – Удалов колебался.

Он взглянул на Тулию, но Тулия смотрела на Колю. Он посмотрел на жену, и Ксения сказала:

– Иди, иди, только домой после этого не возвращайся.

– Прости, Тори, – сказал Удалов. – Не придётся мне побывать на премьере. Дела.

И ещё раз открылась дверь. Вошёл могильщик в новой шляпе и новом балахоне.

– Поздравьте меня, – произнёс он. – Я возвращаюсь. Забастовка на моей планете кончилась.

ГУСЛЯР – НЕАПОЛЬ

Серый рассвет застал Корнелия Удалова на поросшем кустами берегу речки Чурмени, впадающей в озеро Копенгаген. Удалов сложил на траве удочки и осмотрелся. Пусто. Никого нет.

Погода стояла мерзкая, гриппозная, сырая, и, видно, все рыбаки решили отсидеться дома. Тем лучше. Больше достанется ему.

Удалов размотал леску, наживил крючок и закинул первую удочку. От поплавка пошли по воде круги, неподалёку тяжело плеснула рыба. Настроение было хорошее, деловитое.

И тут Удалов увидел дым. Дым поднимался над лесом в полукилометре от рыболова. Видно, кто-то, приехавший ещё с вечера, жёг костёр.

Через час, поймав небольшого подлещика, Удалов снова взглянул в сторону чужого костра. Тот всё горел. Столб густого дыма вырастал до низких облаков, и там его разгонял мокрый ветер.

– Как бы он лес не поджёг, – сказал Удалов тихо, чтобы не спугнуть рыбу.

Прошёл ещё час. Костёр горел по-прежнему, столб дыма вроде бы даже подрос.

К одиннадцати часам Удалов смотал удочки, взял ведро с уловом, к сожалению не таким богатым, как хотелось бы, и пошёл в сторону дыма, хоть к шоссе идти было совсем в другую сторону. Дым его беспокоил своим постоянством.

Идти было трудно. Удилища задевали за ветви орешника, сапоги скользили по мокрой траве. Скопища лисичек и отдельно стоявшие мухоморы оживляли общую унылую картину, но Удалов шёл не по грибы и этих ярких пятен почти не замечал.

Он прошёл больше километра, а дым почти не приблизился. Это его очень удивило.

Река осталась далеко позади. Приходилось перескакивать с кочки на кочку, и Удалов пожалел, что не оставил удочки у воды. «Пройду ещё сто шагов, – сказал он себе, – и, если не дойду, вернусь».

И тут с неба посыпался пепел.

Удалов не сразу догадался, что это – пепел. Сначала он обратил внимание на то, что дождь – грязный. Капли оставляли на руках и одежде серые следы, словно с неба капал птичий помёт. Сообразив, что грязь происходит от дыма, Удалов понял, что это – лесной пожар и лучше бы уйти подобру-поздорову, пока не поздно, а из города пускай пришлют вертолёт. Он и разберётся.

Удалов остановился и кинул последний взгляд на дым. Дым закрыл полнеба.

Разрываемый между любопытством и опасением, Удалов сделал ещё несколько шагов вперёд.

Перед ним открылась большая, болотистая, в кочках, поляна, поросшая по краям черникой. В центре её поднимался к небу столб дыма. Но костром тут и не пахло. Это было иное явление природы.

Посреди поляны возвышался небольшой вулкан. Он не достиг ещё вершин деревьев, но внешним видом напоминал громадные и страшные вулканы Явы и Камчатки. Струйки лавы стекали по его ребристым бокам, и над кратером бушевало небольшое устойчивое пламя, как будто там горел примус.

Вид вулкана не испугал Корнелия. Ему уже приходилось видеть немало чудесного. Однако сердце Удалова наполнилось уважением к всесилию природы. Он присел на ствол поваленной сосны и стал смотреть.

Раньше вулканов в Великом Гусляре и его окрестностях не наблюдали. И вообще считалось, что этот район не подвержен землетрясениям и извержениям. Но, в конце концов, и там, где теперь высятся огнедышащие горы, когда-то расстилались безобидные равнины.

Удалов, наделённый живым воображением, представил себе, как вулкан растёт, увеличивается до размеров Кавказских гор, погребает Великий Гусляр под слоем вулканического пепла, как убегают из города его жители, неся на руках пожитки и детей и стараясь прикрыться плащами и полотенцами, подобно несчастным на картине художника

Брюллова «Последний день Помпеи». Впрочем, ему стало жалко не столько город, сколько себя, руководителя стройконторы, ибо, знай он заранее о гибели Великого Гусляра, не было бы нужды перевыполнять план по асфальтированию. Но с другой стороны, Удалов понимал, что наличие вулкана на центральнороссийской низменности – замечательная возможность для науки и экономии государственных средств, потому что не надо будет направлять специалистов на отдалённую Камчатку, когда настоящий вулкан находится под боком.

Вулкан ухнул, и из него вылетел фонтан оранжевых искр. Удалов почувствовал, как в лицо ему пахнуло нутряным жаром Земли. Он приподнялся, чтобы вовремя отступить. Вулкан выкатил на вершину большой округлый камень и пустил его по откосу. Камень ухнул в болото, и вода зашипела, окутывая его паром.

«Сколько хозяйственных возможностей лежит в использовании вулканического тепла, – думал потрясённый зрелищем Удалов. – Например, в стирке белья».

Вулкан выплюнул ещё несколько каменных глыб. Оранжевое пламя крутилось над его вершиной. Скоро он достигнет верхней кромки леса, а там, гляди, его обнаружат и из города.

Нет, вулкан не был ужасен. Работал он довольно лениво, хоть и красиво. Пепел, смешанный с дождём, оседал грязью на плащ Удалова, и он подумал о тех неприятных словах, которые ему придётся выслушать дома. Ксению мало волнуют вулканы и другие объективные причины.

Пламя над вулканом разгоралось, переливаясь зеленоватыми и белыми всплесками, и Удалову чудилось, что в сполохах его играют огненные ящерицы. Вот так, думал Удалов, первобытные люди смотрели на огонь и придумали чертей... В лицо дышало жаром, спереди плащ обсох.

Порой из жерла вулкана вылетали камни, но Удалову они пока не угрожали. Где-то внутри, под ногами, слышался зловещий гул, и земля едва заметно тряслась, словно крупный зверь просился на свободу.

Удалов всё откладывал своё отступление. За время его отсутствия кто-нибудь другой увидит вулкан и станет первооткрывателем. Это было бы несправедливо. «Лучше уж я подожду, – уговаривал себя Удалов, – пока из города прилетит вертолёт, послежу, чтобы не загорелся лес».

Огненные сполохи крутились и мельтешили над вершиной вулкана, словно живые. И Удалов представил себе, глядя на них, что где-то в глубине раскалённой Земли живут странные огненные существа. Когда-то они были хозяевами Земли и носились, как искры, по её расплавленной поверхности, но потом, после того как Земля остыла, были вынуждены отступить вглубь. А почему нет? Ведь жизнь так многообразна.

Вот бы установить с ними контакт, поговорить, как и что, обменяться сведениями. Ведь для этих внутренних жителей Земли вулканы – окошки в мир. Они, может, и не подозревают, что снаружи существует жизнь. А может, они считают, что люди – узурпаторы, что вся Земля принадлежит вулканическим жителям по древнему праву. И они, как только им представится возможность, выскакивают изнутри на потоках лавы и жгут людей почём зря, чтобы доказать свои права.

Белые огоньки всё метались и метались над вершиной вулкана. И Удалов, уже признавший их за вулканических жителей, сказал вслух:

– Это ещё неизвестно, кто первый на Земле поселился. Может быть, Земля сначала была холодная, а потом только разгорелась. Есть такая теория.

Белых огневиков стало больше. Удалов насчитал их с десяток. Форму их угадать было трудно – ну какая может быть форма у языков пламени?

– Чего же вы? – спросил Удалов. – Хоть бы сигнал подали!

И тут ему показалось, что огневики подают сигнал. Они выстроились в кольцо. И тут же кольцо распалось.

Чтобы подтвердить, что понял, Удалов нарисовал пальцем в воздухе кольцо.

Тогда огневики показали ему крест.

Удалов нарисовал в воздухе крест.

Контакт налаживался. Вулкан ухал и разгорался.

Огневики, чтобы у Удалова не оставалось никаких сомнений, соорудили на мгновение равнобедренный треугольник, что никак не могло быть игрой природы, а говорило об их разуме и сообразительности.

– А дальше что? – спросил Удалов. – Прямой контакт невозможен. Я, честно говоря, не выдержу его без асбестового костюма. А в общем, хотел бы пожать вам руку по причине всеобщего братства.

Тут огневики, с помощью своих товарищей, подоспевших из раскалённых глубин вулкана, сложились в надпись «SOS». И Удалов понял.

– Спасите наши души, – сказал он. – Всемирно известный сигнал бедствия. Ну что же, ко мне многие обращались, и я никогда не отказывал.

И он уселся поудобнее, дожидаясь, что ещё придумают огневики в плане общения с человечеством.

В мельтешении огневиков мелькнуло что-то тёмное. Тёмное вылетело из вулкана и приземлилось неподалёку от Удалова. Это был шар, сантиметров десять в диаметре. Сверкающий. Раскалённый. Шар шипел и крутился.

– Не взорвётся? – спросил Удалов.

Но огневиков уже не было видно. Пламя над вершиной вулкана постепенно тускнело, уменьшалось, и Удалов понял, что его опасения, будто рядом с Великим Гусляром вырастет гора ростом с Казбек, необоснованны.

Вулкан смирялся. Гул и дрожание земли прекратились. Дождь принялся с новой силой. Удалов собрался с духом и подошёл к шару. Шар быстро остывал. Минут через десять его уже можно было взять в руки, перекатывая с ладони на ладонь, как горячую картофелину.

Поперёк шара шла чёрная полоска. Когда шар остыл, Удалов попытался его развинтить, полагая, что он внутри полый. Но тут над головой послышался лёгкий треск, и вскоре в пелене дождя образовался вертолёт, прилетевший из города по тревожному сигналу.

Исследованием шара Удалов занялся дома. Он с трудом дотерпел, пока жена его Ксения, ничуть не взволнованная рассказом о настоящем вулкане в окрестностях города, но очень сердитая за испачканный пеплом плащ, улеглась спать. Удалов вышел на кухню, зажёг там свет и на кухонном столе развинтил шар. Из шара выскочила, изрядно напугав Удалова, пружинка, сделанная из узкой упругой полоски какого-то металла. Пружинка развернулась и легла на кухонный стол. Вслед за ней выкатился шарик поменьше. На пружине была надпись на русском языке: «Просьба. Передать содержимое шара в кратер вулкана Везувий (Италия). Страдаем от недогрева. Есть жертвы».

Удалов перечитал послание. Потом спрятал шарик поменьше в карман накинутого поверх майки пиджака.

«Да, несладко им приходится, – подумал он. – Наблюдается недогрев. Может быть, всего и осталось тепла две-три тысячи градусов». Удалов не смог сдержать улыбки, подумав, что огневики от такой смертельной температуры зябнут и страдают.

Ну что ж, надо людям помочь. А как помочь? Вот старались огневики, нашли Удалова, может, последнее тепло на вулкан ухлопали. А как теперь переправить шарик в Италию? Послать его почтой на имя Итальянской академии наук? Попросить их, чтобы кинули письмо итальянским вулканическим жителям от советских вулканических жителей? Но что сделают в ответ итальянские академики? Вернее всего, решат, что и в Советском Союзе есть свои сумасшедшие. По крайней мере, на их месте Удалов подумал бы именно так. Нет, ничего не остаётся иного, как самому съездить в Италию.

Утром Удалов, не выспавшийся после полной раздумий ночи, сказал Ксении:

– Слушай, Ксюша, как ты относишься к моей поездке за границу?

– Пил вчера? – спросила Ксения.

– Я серьёзно говорю.

– И я серьёзно.

Ксения Удалова планировала на воскресное утро большую стирку, и идеи Удалова, от которых дома один вред, её раздражали.

– Например, в Италию, – сказал Удалов. – В город Рим и даже Неаполь. В город миллионеров.

– Поезжай, если сам миллионер, – ответила Ксения. – Максимке брюки купить нужно. На нём всё горит.

Удалов только вздохнул. Иного он и не ждал. Но сдаваться было нельзя. И он спустился этажом ниже к своему старому другу Александру Грубину.

– Здравствуй, Саша, – сказал он Грубину, который в свободное время вырезал на рисовом зерне «Песнь о вещем Олеге». – Ты как относишься к идее жизни внутри Земли?

Грубин, не отрываясь от окуляра микроскопа, сказал коротко:

– Положительно.

Грубин относился положительно к любой жизни. Будь она внутри Земли, на Марсе или во впадинах Тихого океана.

– Вчера я рыбу ловил, – сказал Удалов, – на Чурмени. И вдруг увидел, что рядом извергается вулкан.

– Этого быть не может, потому что наш район не вулканический.

– Не спорь, – ответил твёрдо Удалов. – Если я говорю «вулкан», значит, вулкан. Его уже обнаружили. Не сегодня-завтра здесь будет экспедиция. С Камчатки вызывают.

– Действующий?

– Конечно, действующий. А то как бы я его нашёл? – удивился Удалов. – Только, когда я уходил, он уже погас.

– И ты мне ни слова?

– Не до тебя было. Извини, но не до тебя.

– Почему?

– Да потому, что огневики меня просили одну вещь для них сделать, а я никак не придумаю.

– Огневики?

Грубин поднялся во весь свой внушительный рост. Он казался ещё выше, чем был на самом деле, по причине заметной худобы и за счёт косматой шевелюры.

– Это я их так называю. Тех, кто в вулкане живёт.

– В вулкане никто жить не может.

Грубин ещё сопротивлялся. Здравый смысл в нём восставал против слов Удалова. Хотя ему очень хотелось бы, чтобы в вулкане кто-нибудь жил.

– Живут они в вулкане. И страшно мёрзнут, – настаивал Удалов. – Что-то там с обогревом неладно. И они просили меня, чтобы я сгонял в Италию. Там возле города Неаполя стоит вулкан Везувий. Слыхал? Надо, чтобы те, из Италии, подбросили нашим угольку.

– Стой! А какие они из себя, огневики?

– Огневики? Ну как тебе сказать? Как будто белое пламя. Бегают быстро. И форму меняют.

– А может, их и не было?

И тогда Удалов достал блестящий шар.

– Это видел?

Удалов развинтил шар, и, когда оттуда выскочила пружина, Грубин вздрогнул. Удалов улыбнулся, потому что уже забыл, что и сам ночью испугался этой пружины.

– Читай, – сказал он Грубину.

Когда наконец Грубин убедился, что внутри Земли живут разумные существа, они вдвоём сели сочинять просьбу дать им как передовым

труженикам за наличный расчёт туристские путёвки в Италию. Написав такие заявления, снабдив их соответствующими печатями, характеристиками и даже просьбами о скидке за счёт профсоюза, они отправили бумаги в область и стали ждать.

Ответ пришёл через три месяца. Все эти три месяца Удалов с Грубиным очень волновались, ходили в лес смотреть, не пробудился ли вулкан, но вулкан уже давно превратился в холм посреди болота, и даже странно было представить, что в его раскалённом жерле метались огневики.

Ответ был положителен для Удалова. Что касается Грубина, то ему предложили подождать ещё год, так как число путёвок ограничено. Так что Грубин, буквально иссыхая от горя, обратился в последний день перед отъездом к Удалову с такими словами:

– Послушай, Корнелий, – сказал он. – Я, конечно, понимаю, что путёвка именная и вместо тебя мне поехать нельзя, хотя, конечно, я бы поручение огневиков выполнил лучше.

– Это почему? – удивился Удалов. – Ты их даже в глаза не видел. Тебе они, может быть, и не доверяют. Ведь меня избрали.

– Ты оказался рядом, вот и избрали, – отмахнулся Грубин, который хотел говорить совсем об ином.

– Нет, не скажи, – ответил Удалов. – Я весьма подозреваю, что они приурочили это извержение к моей рыбалке.

– Я не о том, – сказал Грубин. – Я думаю, что мы плохо выполняем долг перед наукой.

– Это почему?

– Мы с тобой обязаны сообщить о встрече с огневиками в Академию наук.

Удалов сел на чемодан, чтобы закрыть, и лукаво прищурился.

– Если бы они хотели, то и это поручили бы мне. Наверное, они считают, что рано. И я думаю, что, если выполню их главное поручение достойно, продолжение последует. Они проникнутся доверием к человечеству в моём лице.

– И что?

– А ты представляешь, сколько внутри Земли полезных ископаемых? Они нам их покажут. И ещё они смогут работать для людей в самых раскалённых местах.

К тому времени, когда туристская группа достигла города Неаполя, Удалов сознательно сблизился с гидом – итальянским студентом Карло, юношей маленького роста и тонкого сложения, который учил русский язык в университете, а на каникулах подрабатывал с туристами. Восхождение на вулкан Везувий в программу поездки не входило, и гид мог пригодиться Удалову для выполнения плана.

До обеда группа в полном составе осмотрела сверху Неаполитанский залив. Над Везувием поднималась струйка дыма. Говорили о судьбе Помпеи, а Удалов видел не Везувий, а свой небольшой вулкан, над которым поднималась такая же струйка дыма. На вечер были билеты в театр на одного неаполитанского певца, а между обедом и певцом оставалось некоторое время. Удалов, охваченный страшным нетерпением оттого, что желанный Везувий был виден из окна его номера, подстерёг в коридоре студента Карло и сказал ему:

– Пошли выпьем, буржуазия.

Студент всплеснул руками и ответил:

– Нельзя. Ещё день. Мы с тобой это будет сделать после театра.

– После театра – само собой, – сказал Удалов. – Заходи.

И в голосе его была такая необычная твёрдость, что студент только поглядел на плотного русского туриста и последовал в номер.

– На, – сказал Удалов, наливая ему полный стакан из привезённой бутылки. – Пей.

– А ты?

– А я тоже выпью.

Удалов решил, что и ему не мешает выпить.

– У меня к тебе просьба, – сказал он Карло, наливая себе во второй стакан. – Сгоняем на Везувий.

– Что? – удивился Карло.

– Ты пей, пей, здесь ещё осталось.

Карло послушно выпил стакан до дна, поглотал воздух открытым ртом и сказал по-итальянски что-то непонятное. Потом добавил по-русски:

– Нельзя на Везувий.

– Почему?

– Есть опасно.

– Ты внизу останешься. Я только взгляну.

– Нет, нельзя.

– Почему?

– Нет время.

– На такси поедем.

– Советский турист немного небогатый, – сказал прозорливый Карло.

– Ты знаешь, студент, что я ничего не покупал. Даже жене не везу подарка. Хочу удовлетворить мечту своей жизни, посмотреть на вулкан вблизи. Все деньги, что от такси останутся, – твои.

– О нет, – сказал Карло, который был, в принципе, добрым парнем.

– Пей, – сказал Удалов, доливая из бутылки остатки водки.

– Не надо мне деньги, – сказал студент.

– Мир и дружба, – согласился с ним Удалов. – Поехали быстро.

Карло допил, и они поехали на такси к вулкану Везувий, и Удалов не отрываясь смотрел на счётчик и умолял его не спешить.

Такси, естественно, до вершины не доехало. Пришлось вылезти. Удалов поспешил наверх по протоптанной тропинке.

Карло шёл сзади и уверял, что дальше идти опасно, но в походке Удалова была такая целеустремлённость, что Карло лишь восклицал что-то про Деву Марию и карабкался вслед, удивляясь, какие странные люди приезжают из Советской России.

Было знойно. Воздух был тяжёлым, словно перед грозой. Не доходя до вершины шагов триста, Карло уморился и присел на камень. Может, он опасался извержения. Но Удалов на него и не глядел. Вершина была близка. Он ощупал в кармане маленький шарик.

На вершину в этот момент наплыло сизое облачко, и Удалов последние шаги перед кратером прошёл на ощупь. Но страха он не испытывал, потому что очень спешил закончить дело.

Карло сидел под самым облаком, несколько беспокоился за русского и глядел на прекрасный Неаполитанский залив. Он думал о том, как полезно ходить пешком и заниматься физическим трудом. В вулкане что-то тихо урчало, и Карло решил, что извержения, слава Мадонне, сегодня не будет.

Русский не возвращался.

– Эй! – крикнул Карло. – Ты есть где?

Удалов не отвечал.

В эти мгновения он сквозь просвет в сером облаке увидел кратер и метнул туда шарик. Тяжёлый шарик провалился в озерцо лавы и исчез. Удалов решил подождать, не появятся ли какие-нибудь указания.

Указаний не было. Пахло серой.

– Получили? – спросил Удалов громко, надеясь, что местные огневики его услышат.

Никакого ответа.

– Что передать нашим? – крикнул Удалов.

Но вулкан ему не ответил.

И тут Удалов понял, что итальянские огневики не понимают по-русски. Тогда он крикнул в другую сторону:

– Карло! Ты здесь?

Услышав голос из облака, далёкий, но отчётливый, студент откликнулся:

– Я здесь.

– Спроси по-итальянски, не будет ли ответа. Я жду.

– Кому спроси? – удивился студент.

– Им скажи. В вулкан. Да где ты, в конце концов? Иди сюда.

Тогда студент в самом деле встревожился. Он быстро взобрался к Удалову.

– Пойдём вниз, – сказал он мягко.

– Нет, ты сначала спроси.

И студент понял, что с таким человеком на краю кратера Везувия спорить не следует. И он что-то спросил.

– Не так, – сказал ему Удалов. – Громче. Чтобы они слышали.

Карло совсем оробел, однако спросил громко по-итальянски у кратера, не будет ли ответа.

Но ответа не дождался.

Обратный путь они проделали молча. Удалов был разочарован и думал, что лучше бы купил жене модные туфли. Карло тоже молчал и клялся себе, что никогда не будет водить на вершину Везувия русских туристов...

На аэродроме в Гусляре Ксения, которая ещё не знала, что муж не привёз никаких подарков, встретила Корнелия тепло, с объятиями. А потом к Удалову подошёл Грубин и, пожав руку, спросил тихо:

– Ну как, удалось?

И студент понял, что с таким человеком на краю кратера Везувия спорить не следует.

– Я выполнил свой долг, – ответил Удалов.

Вечером, спасаясь от упрёков Ксении, решившей, что муж пропил всю валюту с прекрасными итальянскими киноактрисами, Удалов спустился к изнывавшему от нетерпения Грубину.

– Странная она у меня женщина, – сказал он Грубину. – Ну какие могут быть киноактрисы в туристской поездке?

– Правильно, – согласился бесхитростно Грубин. – Зачем им на тебя смотреть?

– Не в этом дело, – поправил друга Удалов. – Они бы, может, и посмотрели, но мне было некогда. Я все деньги на такси прокатал, к Везувию ездил.

– Значит, всё в порядке?

– Боюсь, что нет. Не получил ответа. Только зря путёвку покупал. А Максимке брюки покупать надо.

Грубин выслушал грустную историю о похождениях Удалова. Тут под окном раздался голос общественника Ложкина:

– Грубин, Удалов у тебя?

– А что? – спросил Грубин.

– Товарищи собрались. В домоуправлении. Слушать будем, как наш представитель Италию посетил.

– Ещё чего не хватало, – мрачно сказал другу Удалов. – Я же на Италию и не смотрел даже. Сначала волновался, как бы Везувий не пропустить, а потом расстраивался, как всё вышло.

Он вздохнул и пошёл читать лекцию об Италии. Хорошо ещё, помнил кое-что из написанного о ней в энциклопедии. Только трудно пришлось, когда стали задавать вопросы о политическом положении.

Два дня Удалов ходил мрачный, с женой не разговаривал, выступил с беседой в стройконторе, потом в школе № 1. На третий день стал привыкать к роли специалиста по итальянским проблемам. Грубин сопровождал его на все беседы и тоже уже много знал об Италии. Он пытался рассеять грусть Корнелия и в субботу заговорил о рыбалке.

Удалов сначала отказался. Но тут пришли из детского сада и с фабрики-кухни. Требовали, чтобы выступил. И Корнелий решил, что лучше уж рыбалка, чем новые доклады.

С рассветом двинулись на старые места.

И только они размотали удочки, как Корнелий выпрямился, принюхался к воздуху, прислушался к зарождавшемуся в глубине земли дрожанию и сказал тихо:

– Начинается.

Грубин поднял голову, проследил за взглядом Удалова.

За деревьями поднимался столб дыма.

– Извержение, – с торжеством сказал Грубин. Словно сам его устроил.

На этот раз вулкан поднялся в низине, у самой реки, так что добраться до него не стоило трудов.

– Что я говорил! – воскликнул Грубин. – Показывай теперь, где твои друзья.

– Да вот они, – сказал Удалов.

И в самом деле, над вершиной вулканчика в оранжевом пламени радостно суетились белые сполохи. При виде вышедшего на открытое место Удалова они, не тратя времени даром, сложились на секунду в полукольцо, напоминающее букву «с».

Потом не без труда образовали угловатую фигуру – две вертикальные палочки и над ними перекладина. Это было похоже на букву «п». Буква «а» у них вышла очень похожей на настоящую.

Удалов шевелил губами. Грубин произносил буквы вслух:

– Эс... и... б....

Огневики собрались в кучку, вздрагивали, словно вспоминали, какая ещё буква им нужна.

– О, – подсказал им Грубин.

Огневики сложились в колечко.

«СПАСИБО».

– Не стоит благодарности, – тихо сказал Удалов.

Вулкан постепенно погас.

БЕРЕГИСЬ КОЛДУНА!

В наши дни никто в колдунов не верит. Создаётся впечатление, что они вымерли даже в литературе. Изредка мелькнёт там волшебник. Но волшебник – это не колдун, а куда более воспитанный пришелец с Запада. Пока наши деды не начитались в детстве сказок братьев

Гримм и Андерсена, они о волшебниках и не подозревали, а теперь вот какой-нибудь гном нам ближе и понятнее, чем простой колдун.

Этим феноменом и объясняется то, что, когда колдун вышел из леса и направился к Удалову, тот даже не заподозрил дурного.

Колдун был одет неопрятно, и притом претенциозно. На нём был драный тулуп, заячья шапка и хромовые сапожки со шпорами и пряжками, какие бывают на дамских сумочках.

– Ловится? – спросил колдун.

Удалов кинул взгляд на колдуна, затем снова уставился на удочку. Ловилось неплохо, хотя и стояла поздняя осень, с утра приморaживало, и опавшие листья похрустывали под ногами, как вафли.

Колдун наклонился над ведром, в котором лежали, порой вздрагивая, подлещики, и сказал:

– Половину отдашь мне.

– Ещё чего, – улыбнулся Удалов и подсёк.

На этот раз попалась плотвичка. Она прыгала по жухлой траве, стараясь нырнуть обратно в озеро.

– Поделись, – сказал колдун. – Я здесь хозяин. Со мной делиться надо.

– Какой год сюда приезжаю рыбачить, – сказал Удалов, кидая плотвичку в ведро, – хозяев не видал. У нас все равны.

– Я здесь недавно, – сказал колдун, присаживаясь на корточки и болтая пальцем в ведре. – Пришёл из других мест. Мирный я, понимаешь?

Тогда-то Удалов впервые пригляделся к колдуну и остался недоволен его внешним видом.

– Вы что, – спросил он, – на маскарад собрались или из больницы сбежали?

– Как грубо, – вздохнул колдун. – Ниоткуда я не сбежал. Какую половину отдашь? Здесь у тебя шесть подлещиков, три ерша и плотвичка. Как делить?

Удалов понял, что этот человек не шутит. И, как назло, на всём озере ни одного рыбака. Хоть шаром покати. Кричи не кричи, не дозовёшься. А до шоссе километра три, и всё лесом.

– А вы где живёте? – спросил Удалов почти вежливо.

– Под корягой, – сказал колдун. – Холодно будет, чью-нибудь пустую дачу оккупирую. Я без претензий.

Колдун наклонился над ведром, в котором лежали,
порой вздрагивая, подлещики, и сказал:
– Половину отдашь мне.

– А что, своего дома нету?

Рыбалка была испорчена. Ладно, всё равно домой пора. Удалов поднялся, вытащил из воды вторую удочку и начал сматывать рыболовные орудия.

– Дома своего мне не положено, потому что я колдун, вольное существо, – начал было колдун, но, заметив, что Удалов уходит, возмутился: – Ты что, уйти хочешь? Перечить вздумал? А ведь мне никто не перечит. В старые времена от единого моего вида на землю падали, умоляли, чтобы я чего добровольно взял, не губил.

– Колдунов не бывает. Это суеверие.

– Кому и суеверие, а кому и грустная реальность.

– Так чего же вас бояться?

Удочки были смотаны. Удалов попрыгал, чтобы размять ноги. Холодно. Поднимается ветер. Из-за леса ползёт туча – то ли дождь будет, то ли снег.

– Ясное дело, почему боялись, – сказал колдун. – Потому что порчу могу навести.

– Это в каком смысле?

Глаза колдуна Удалову не нравились. Наглые глаза, страшноватые.

– В самом прямом, – сказал колдун. – И на тебя порчу могу навести. И на корову твою, и на козу, и на домашнюю птицу.

– Нет у меня скота и домашней птицы, – сказал Удалов, поднимая ведро и забрасывая на плечо удочки. – Откуда им быть, если я живу в городе. Так что прощайте.

Удалов быстро шёл по лесной тропинке, но колдун не отставал. Вился, как слепень, исчезал за деревьями, снова возникал на пути и всё говорил. В ином случае Удалов поделился бы с человеком рыбой, не жадный, но тут уж дело принципа. Если тебе угрожают, сдаваться нельзя. И так много бездельников развелось.

– Значит, отказываешься? Значит, не уважаешь? – канючил колдун.

– Значит, так.

– Значит, мне надо меры принимать?

– Значит, принимай.

– Так я же на тебя порчу напущу. Последний раз предупреждаю.

– Какую же?

– Чесотку могу. И лихорадку могу.

– Противно слушать. От этого всего лекарства изобретены.

– Ну хоть двух подлещиков дай.

– И не проси.

– Стой! – Колдун забежал вперёд и преградил путь. – В последний раз предупредил!

– Не препятствуй. Я из-за тебя на автобус опоздаю, домой поздно приеду, завтра на службе буду невыспавшийся. Понимаешь?

– На службу ходишь? – удивился колдун. – И ещё рыбку ловишь?

– А как же? – Удалов отстранил колдуна и проследовал дальше. – Как в жизни без разнообразия? Так и помереть можно. Если бы я только на службу ходил да с женой общался, без всякого хобби, наверное, помер бы с тоски. Человеку в жизни необходимо разнообразие. Без этого он не человек, а существо.

Колдун шёл рядом и соглашался. Удалову даже показалось, что колдун сейчас сознается, что и у него есть тайное хобби, к примеру собирание бабочек или жуков. Но вместо этого колдун вдруг захихикал, и было в этом хихиканье что-то тревожное.

– Понял, – сказал колдун. – Смерть тебе пришла, Корнелий Удалов. Знаю я, какую на тебя напустить порчу.

– Говори, – Удалов совсем осмелел.

– Смотри же.

Колдун выхватил клок из серой бороды, сорвал с дерева жёлтый лист, подобрал земли комок, стал всё это мять, причитая по-старославянски, и притом приплясывать. Зрелище было неприятным и тягостным, но Удалов ждал, словно не мог оставить в лесу припадочного человека. Но ждать надоело, и Удалов махнул рукой, оставайся, мол, и пошёл дальше. Вслед неслись вопли, а потом наступила тишина. Удалов решил было, что колдун отвязался, но тут же сзади раздались частые глухие шаги.

– Всё! – задышал в спину колдун. – Заколдованный ты, товарищ Удалов. Не будет в твоей жизни разнообразия. Такая на тебя напущена порча. Будет твоя жизнь идти по однообразному кругу, день за днём, неделя за неделей. И будет она повторяться точь-в-точь. И не вырвешься ты из этого порочного круга до самой смерти и ещё будешь меня молить, чтобы выпустил я тебя из страшного плена, но я только захохочу тебе в лицо и спрошу: «А про рыбку помнишь?»

И сгинул колдун в темнеющем воздухе. Словно слился со стволами осин. Только гнетущая влажная тяжесть опустилась на лес. Удалов по-

мотал головой, чтобы отогнать воспоминание о колдуне, и поспешил к автобусной остановке. Там уже, стоя под козырьком и слушая, как стучат по нему мелкие капли дождя, подивился, что колдун откуда-то догадался о его фамилии. Ведь Удалов колдуну, естественно, не представлялся.

Ещё в автобусе Удалов о колдуне помнил, а домой пришёл – совсем забыл.

Утром Удалова растолкала жена:

– Корнелий, ты до обеда спать намерен?

Потом подошла к кровати сына Максимки и спросила:

– Максим, ты в школу опоздать хочешь?

И тут же: плюх-плюх – на сковородку яйца, жжик-жжик – нож по батону, буль-буль – молоко из бутылки, ууу-ууу-иии – чайник закипел.

Удалов поднялся с трудом, голова тяжёлая, вчера перебрал свежего воздуха. С утра сегодня заседание. Опять план горит.

– Максим, – спросил он, – ты скоро из уборной вылезешь?

В автобусе, пока ехал на службу, заметил знакомые лица. В конторе была видимость деловитости. Удалов раскланялся с кем надо, прошёл к себе, сел за свой стол и с подозрением оглядел его поверхность, словно там мог таиться скорпион. Скорпиона не было. Удалов вздохнул, и начался рабочий день.

Когда Удалов вернулся домой, на плите кипел суп. Ксения стирала, а Максимка готовил уроки. За окном стояла осенняя мразь, темно, как в омуте. Стол, за которым ещё летом играли в домино, поблёскивал под фонарём, а с голых кустов на него сыпались ледяные брызги. Осень. Пустое время.

Незаметно прошла неделя. День за днём. В воскресенье Удалов на рыбалку не поехал, какой уж там клёв, сходили в гости к Антонине, Ксеньиной родственнице, посидели, посмотрели телевизор, попили чаю, вернулись домой. Утром в понедельник Удалов проснулся от голоса жены:

– Корнелий, ты что, до обеда спать собрался?

Потом жена подошла к кровати Максимки и спросила:

– Максим, ты намерен в школу опоздать?

И тут же: плюх-плюх – о сковородку яйца, жжик-жжик – нож по батону, буль-буль – молоко из бутылки, ууу-ууу-иии – чайник закипел.

Удалов с трудом поднялся, голова тяжёлая, а сегодня с утра совещание. А потом дела, дела.

– Максим! – крикнул он. – Ты долго будешь в уборной прохлаждаться?

Как будто перед мысленным слухом Удалова прокрутили магнитофонную плёнку. Где он всё это слышал?

В конторе суетились, спорили в коридоре. Удалов прошёл к себе, сел и с подозрением оглядел поверхность стола, словно там мог таиться скорпион. Скорпиона не было. Удалов вздохнул и принялся готовить бумаги к совещанию.

В воскресенье Удалов хотел было съездить на рыбалку, да погода не позволила, снег с дождём. Так что после обеда он спустился к соседу, побеседовали, посмотрели телевизор.

В понедельник Удалов проснулся от странного ожидания. Лежал с закрытыми глазами и ждал. Дождался:

– Корнелий, ты до обеда спать собираешься?

– Стой! – Удалов вскочил и с размаху босыми пятками в пол. – Кто тебя научил? Других слов не знаешь?

Но жена будто не слышала. Она подошла к кровати сына и сказала:

– Максим, ты намерен в школу сегодня идти?

И тут же: плюх-плюх – о сковородку яйца.

Удалов стал совать ноги в брюки, спешил вырваться из дома. Но не получилось. Поймал себя на нервном возгласе:

– Максим, ты скоро из уборной, – осёкся.

Опомнился только на улице. Куда он едет? На службу едет.

Зачем?

А в конторе была суматоха. Готовились к совещанию по итогам месяца. Но стоило Удалову поглядеть на потёртую поверхность своего стола, как неведомая сила подхватила его и вынесла вновь на улицу. Почему-то побежал он к рыбному магазину и, отстояв большую очередь, купил щуку, килограмма три весом. Завернул щуку в газету и с этим свёртком появился на автобусной остановке.

Сыпал мокрый снежок, таял на земле и корнях деревьев. Лес был молчалив. Внимательно прислушивался к тому, что произойдёт.

– Эй, – сказал Удалов несмело.

Из-за дерева вышел колдун и сказал:

– Щуку принёс? В щуке костей много.

– Откуда же в щуке костям быть? – возмутился Удалов. – Это же не лещ.

– Лещ-то лучше, – сказал колдун. Пощупал рукой висящий из газеты щучий хвост. – Мороженая?

– Но свежая, – сказал Удалов.

– А что, допекло? – Колдун принял щуку, как молодой отец ребёнка у роддома.

– Сил больше нет, – признался Удалов, – плюх-плюх, пшик-пшик.

– Быстро, – сказал колдун. – Всего две недели прошло.

– Я больше не могу, – сказал Удалов.

Колдун поглядел на серое небо, сказал задумчиво:

– Что-то я сегодня добрый. А казалось бы, чего тебя жалеть? Ведь заслужил наказание?

– Я вам щуку принёс. Три кило двести.

– Ну ладно, подержи.

Колдун вернул щуку Удалову и принялся совершать руками пассы. На душе у Корнелия было гадко. А вдруг это шутка?

– Всё, – сказал колдун, протягивая руку за рыбой. – Свободен ты, Удалов. Летом будешь мне каждого второго подлещика отдавать.

– Обязательно, – сказал Удалов, понимая уже, что его провели.

Колдун закинул щуку за плечо, как винтовку, и зашагал в кусты.

– Постойте, – сказал Удалов вслед. – А если...

Но слова его запутались в мокрых ветвях, и он понял, что в лесу никого нет.

Удалов вяло добрёл до автобусной остановки. Он покачивал головой и убеждал себя, что колдун – отвратительная личность, шантажист, вымогатель. Пока Удалов добрался до дому, он так измучился и постарел, что какая-то девушка попыталась уступить ему место в автобусе.

В страхе он улёгся спать и со страхом ждал утра, во сне ведя бесцельные и озлобленные беседы с колдуном. И чем ближе утро, тем меньше он верил в избавление...

Но обошлось.

На следующее утро Ксения сварила манную кашу, Максимка заболел свинкой и не пошёл в школу, а самому Удалову пришлось уехать в командировку в Вологду, сроком на десять дней.

СНЫ МАКСИМА УДАЛОВА

Обстановка была на вид непринуждённой. Ксения Удалова вязала себе шапку из мохера, Корнелий Иванович с Грубиным смотрели по телевизору хоккейный матч, а Максимка готовил уроки и одним глазом следил за экраном. Но за внешним спокойствием этой картины

скрывались бурные страсти. Аутсайдер выигрывал три шайбы у без двух минут чемпиона, а до конца игры оставалось восемь минут. Если так будет продолжаться, то удаловский «Спартак» получает реальные шансы, а грубинские без двух минут чемпионы остаются ни с чем. Удалов ломал пальцы, а Грубин теребил кудри. Друг друга они в этот момент не любили.

– Нет, – сказал Удалов, – так быть не может. Такого счастья не бывает. – И посмотрел на часы.

– Всё бывает, – ответил Грубин. – Ксения, ты нам чайку не поставишь? – Грубин старался владеть собой.

– Не бойся, дядя Саша, – сказал Максимка. – Победа будет за чемпионами. Сейчас они пять безответных загонят.

– Уроки делай! – взъелся на сына Удалов. – Не то в другую комнату выгоню.

– Гони не гони, – ответил Максимка, – а дядя Саша будет спать спокойно.

В этот момент чемпионы загнали первую безответную.

Удалов встал, подошёл к столу, за которым сидел Максимка, и, взяв одной рукой его за ухо, а второй захватив тетрадь и учебник, повёл сына вон из комнаты. Максимка не сопротивлялся.

– Что делать, – сказал он, – Джордано Бруно тоже на костре сожгли.

– Начитался, – заметила Ксения. – Теперь отцу грубишь.

В этот момент чемпионы отквитали ещё одну шайбу. Удалов забыл о дерзости сына и бросился обратно к телевизору, чтобы своим присутствием как-то остановить неблагоприятное развитие событий. Он с отчаянием глядел на экран и подсказывал хоккеистам правильные действия, а хоккеисты-аутсайдеры его совершенно не слушались, растерялись и начали допускать такие ошибки, что комментатор был вынужден сделать строгий выговор за малодушие.

Матч закончился победой чемпионов с перевесом в две шайбы. Грубин мог торжествовать, но ему хотелось чаю, и он отложил торжество на следующий раз, потому что его друг Корнелий был вне себя от гнева.

Разлив чай по чашкам, Ксения позвала сына.

– Чай будешь пить, горе луковое?

«Горе луковое» несмело возникло в дверях. На лице его блуждала торжествующая ухмылка.

– Иди уж, – сказал отходчивый Корнелий Иванович. – Как ты догадался?

– А я во сне видел, – заявил ребёнок, усаживаясь за стол.

– Бывают совпадения, – согласился Грубин.

– А я во сне видела, – сказала Ксения, – словно по нашей улице слон идёт.

– Ну и что? – буркнул Удалов.

Он вспомнил, что «Спартак» лишается шансов, и снова помрачнел.

– А то, что картошка сегодня крупная в магазине была. Пять штук на кило. Слоны, а не картошка.

– Так ты во сне именно этот матч видел? – спросил Грубин.

– А какой же? Даже удивился: как во сне, пять шайб за семь минут.

– Врёт, – сказал Удалов.

– Я ещё не такое могу увидеть, – ответил Максимка. – Я один раз, в том месяце, пятёрку себе по контрольной увидел.

– И получил? – спросил Корнелий Иванович. – Что-то я такого праздника не помню.

– А я в тот день мороженым объелся, температура поднялась, и я дома остался. А то бы обязательно получил. Если я что увидел, считай, сделано.

– Ох! – сказал Удалов.

– Корнелий! – остановила его руку Ксения. – А ты, Максим, допил – уходи. Видишь, отец не в духе.

Дня через два Грубин стоял утром во дворе, снимал с верёвки свои высохшие холостяцкие вещи, а мимо бежал в школу Максимка Удалов.

– Дядь Саша, – обрадовался он, увидев соседа, – а я сон видел.

– А кто сегодня играет? – не удивился Грубин, который давно уже привык не удивляться необычным вещам и событиям, потому что жизнь в городе Великий Гусляр – самая главная неожиданность, которая может случиться на свете с человеком.

– Нет, не про хоккей, – сказал Максимка, – а про старика Ложкина.

– Так что же сделает старик Ложкин?

– Его в милицию заберут за хулиганство, – сказал Максимка. – Смешно, правда?

– Ох, твоё счастье, – сообщил Грубин, – что это ты мне рассказал, а не кому ещё.

– Что же я, не понимаю, кому рассказывать? Мне тоже своя рубашка ближе к телу.

Максимка иногда бывал не по годам рассудителен.

– И всё-таки, – заметил Грубин, – мог бы кого иного выбрать для своих шуток. Старик Ложкин сам кого хочешь в милицию отведёт. Он же первый друг закона и порядка.

– Вот и смешно, – сказал Максимка. – Ну, ладно, я в школу пошёл, у нас сегодня литература первая, а я плохо стихи запоминаю.

Вечером, часов в шесть, старшина милиции Пантелеймонов ввёл во двор старика Ложкина. Ложкин стеснялся неожиданной скандальной славы, отворачивался от взглядов и возгласов соседей и делал вид, что ведут вовсе не его, а кого-то другого.

Старшина Пантелеймонов вёл за собой ложкинский велосипед с погнутым передним колесом.

– Матрёна Тимофеевна! – воскликнул он, становясь посреди двора. – Принимай своего хулигана.

– Что такое, что такое? – Старуха Ложкина высунулась по пояс из окна на втором этаже. – Быть этого не может.

– Ну зачем вы так, – сказал Ложкин милиционеру укоризненно. – Люди же смотрят.

– А это и есть гласность закона, – сказал старшина. – И профилактика.

– Чего он натворил-то? – спросил Корнелий Удалов. – Может, на поруки брать пора?

– Нет, мы его так отпустим, – сказал Пантелеймонов. – Он на козу на велосипеде наехал, травму ей нанёс, а потом скрылся с места происшествия. Пришлось чуть ли не городской розыск объявлять, да хорошо, что свидетели нашлись. Теперь будет штраф платить.

– Нечего козам на проезжей части делать, – пробурчал Ложкин.

Но тут выбежала из дома его жена, приняла старика с велосипедом, а старшина Пантелеймонов ушёл.

На следующий день Грубин без особого дела ошивался с семи часов во дворе, ждал, когда Удалов-младший пойдёт в школу.

– Поджидаешь, дядя Саша? – спросил лукавый мальчуган. – А говорил, что Ложкина арестовать нельзя.

– Оказывается, можно, – сказал Грубин. – Так что ты сегодня во сне смотрел?

– Не беспокойся, – сказал Максимка. – Тебя не касается.

– Но интересно же с научной точки зрения.

– Какая же может быть научная точка зрения на Ваську Борисова? – удивился Максимка.

– Так что же будет с Васькой Борисовым?

– А ничего, – сказал Максим и пошёл к воротам.

– И не мечтай. – Грубин в два шага обогнал молодого человека и вынул из кармана яблоко «джонатан».

Максимка улыбнулся:

– Угостить хотите? Так я уже завтракал.

Он ловко обогнул Грубина и продолжил путь к воротам, но потом сжалился и сказал:

– Кидайте яблоко. Ваську Борисова по английскому вызовут, а он будет стоять и глазами хлопать. Так ему и надо... отличнику.

Грубин довольно долго стоял посреди двора и думал. Он уже почти не сомневался в том, что неизвестный ему Васька Борисов сегодня из школы без двойки не уйдёт. Но как объяснить странное явление природы, проявившее себя в скромном доме № 16 по Пушкинской улице? Ведь чудес не бывает, сказки также в большинстве случаев оказываются ложью или имеют под собой естественное основание. А что делать с вещими снами?

Грубин обратил внимание на то, что окно в квартире профессора Льва Христофоровича Минца, временно проживающего в городе Великий Гусляр, распахнуто. Перед окном профессор делал утреннюю зарядку.

– Лев Христофорович, – спросил Грубин, – как бы вы объяснили вещие сны?

– Вещих снов не бывает, – сказал профессор Минц, и тут же голова его исчезла за подоконником, потому что он сделал приседание.

– Теоретически, – сказал Грубин. – Чисто теоретически. Если бы вещие сны были.

– Рассмотрим, – голова профессора возникла вновь, – теоретическое предположение.

Голова исчезла. Грубин ждал.

– Всё ясно, – сказал профессор, закончив упражнение. Он глубоко дышал, разводил руки в стороны. – Я бы – ух – сказал – ух, – что мы имеем дело – ух – с временны*м* сдвигом – ух. Понятно?

– Нет!

– Субъективное время при вещем сне движется быстрее, чем объективное. – Профессор растирал себя махровым полотенцем, и луч весеннего солнца ослепительно отразился от его потной лысины. – Субъект во время вещего сна движется по оси времени поступательно и, естественно, заглядывает в будущее. Затем просыпается и возвращается в обычное состояние. Проще пареной репы. Когда-нибудь напишу об этом статейку. Практического значения не имеет, но парочку интересных уравнений я в этом усматриваю. Спасибо, Саша.

– И никакого практического значения?

– Ровным счётом никакого.

Профессор исчез – ушёл готовить себе завтрак, а Грубин чуть нахмурился. Он не стал говорить Льву Христофоровичу о своём открытии – победила свойственная Грубину деликатность. Не хотелось ему раньше времени травмировать ребёнка, подвергать его излишнему вниманию науки. Вместо этого Грубин направился к Корнелию Удалову, чтобы поговорить с ним как с отцом феномена.

Отец феномена как раз спускался по лестнице, направляясь в контору. Грубин сказал:

– Я провожу тебя, Корнелий.

Корнелий удивился, но возражать не стал.

Когда друзья вышли на улицу, Грубин сказал:

– Что будем с Максимкой делать?

– Опять чего набедокурил? – Удалов встревожился. – Неужели с раннего утра неприятности по семейной линии?

– Я о том, что ему снится, – сказал Грубин.

– Как он про хоккей угадал?

– И другое. Я тебе должен глаза открыть. Вчера утром он мне неприятность с Ложкиным предсказал. Включая милиционера.

Друзьям бы обернуться, посмотреть, не идёт ли кто сзади. Ведь беседа не предназначалась для чужих ушей.

Но они были так увлечены, что не заметили старуху Ложкину, которая всё услышала и примчалась домой в заметном озлоблении.

– Николай, – заявила она, – все твои вчерашние несчастья были подстроены.

– И без тебя знаю, – сказал Ложкин. – Кто, кроме моих врагов, мог так умело козу на проезжую часть выпустить? Я вот сейчас сижу и думаю: кто? Может, наш бывший старший бухгалтер?

– Нет, не старший бухгалтер, – сказала Ложкина. – А твои дорогие соседи Удаловы.

– Ну чего ты мелешь? Они даже козы не имеют. Не говоря об отсутствии на месте события.

– Нет, не все Удаловы, хотя не исключаю, что все, а Максимка. Хулиган малолетний. Он во сне подсмотрел и повлиял. Понимаешь?

– Нет, – сказал Ложкин, – не понимаю. Этого никто в здравом рассудке не поймёт.

– Так слушай, я сама только сейчас узнала. Удалов с Грубиным обсуждали. Грубин говорит, что научное событие, а Удалов грозится – выпорю.

– Ему лучше знать. Продолжай.

– Значит, Максимка во сне подсмотрел, как тебя с милицией и позором домой приведут. Заранее.

– Заранее? И не предупредил? Ну, соседи.

И вечером, дождавшись, когда семья Удаловых собралась вместе, Ложкин, накопивший за день солидный запас гнева, ворвался к ним с официальным заявлением.

– Я всё знаю! – вскричал он. – Чему сына учишь?

Удалов сразу почуял неладное, вскочил из-за стола и стал приглашать Ложкина к чаю, но тот был неумолим. Чего он хотел, не сразу стало понятно, но, когда Удалов наконец разобрался в сбивчивых речах соседа, он внутренне содрогнулся.

– Нет! – воскликнул он. – Никогда. Не позволю ребёнка калечить!

– Тогда я к общественности обращусь, – сказал Ложкин. – Общественность тебе покажет, как ребёнка использовать в целях опорочивания честных пенсионеров.

– Послушай, Ложкин. – Удалов пытался вытолкнуть соседа грудью в коридор. – Максимка ещё ребёнок. Разве можно? А вдруг ему это психическую травму нанесёт?

– Не нанесёт.

– Вы о чём там? – спросила Ксения.

– Сейчас скажу ей, – прошептал Ложкин. – Тогда не выкрутишься. Соглашайся!

– Нет.

– Пап, – послышался спокойный голос феномена. – Я всё слышал.

– А ты, стервец... – И тут Удалов осёкся.

Сын Максимка, ещё вчера особых надежд не подававший, сегодня приобрёл новое качество. И вроде он сын Удалову, и вроде бы уникальное, самостоятельное явление. И уже не потаскаешь его за ухо и не дашь ему подзатыльник – совестно перед мирозданием.

– Попробуем, – сказал Максимка. – Мне не жалко. Только чтобы завтра в школу не ходить.

– Максимушка, голубчик, – засуетился старик Ложкин, – да я тебе сам справку напишу, письмо твоему учителю сделаю.

– Ну, постараюсь, – сказал Максимка. – Телевизор досмотрю и постараюсь.

Тут Ксения Удалова не выдержала. Вышла к мужчинам в прихожую.

– Что за дела? – спросила.

– Сейчас, кисонька, сейчас, миленькая, – сказал Удалов слишком ласковым голосом. – Расходимся.

– Расходимся, – поддержал его Ложкин. – Сыночка твоего похвалить я приходил. Такой мальчик растёт, сердце моё стариковское радуется. Приятно сознавать, что наша смена достойна наших дел и дел наших отцов, включая дедов.

Удалов вошёл в комнатку, где стояла кровать сына.

За перегородкой возилась, укладываясь спать, Ксения.

– Не спишь? – спросил он.

– Собираюсь, – сказал Максимка. – Ты мне инструкции повтори.

– Может, не будем?

– Давай, папа. Ты его знаешь. Не отвяжется. Ты не представляешь, сколько он у наших ребят мячей отобрал.

– Ну, значит, постарайся, сынок, думать о том, как придёт завтра к нам во двор милиционер и при всём народе реабилитирует старика Ложкина. Скажет, что не виноват он в наезде на козу. Даже думать противно, какими тебе вещами с детства заниматься приходится.

– Ничего, папа, я постараюсь это во сне увидеть, – успокаивал отца мальчик. – Мне уже приходилось. Вот ты, наверное, думаешь,

что Васька Борисов просто так пару по английскому схлопотал? Нет, я специально об этом вечером думал. Вот, думаю, неплохо бы Ваське Борисову пару по английскому схлопотать. Очень уж он задаётся. Ну и что, если отличник, разве задаваться нужно? Ты меня понимаешь?

– Понимаю, сынок.

– Я тут подумал, папа, и решил, что надо мне пользу людям приносить. Ну, старик Ложкин, конечно, исключение, и на козу он без моей помощи наехал. А вот тебе бы я мог помочь.

– Как же ты бы мне помог?

– Ещё не придумал. Придумаю – обязательно скажу. Может, ко дню рождения подарок. Ну, чтобы поймал ты щуку в десять килограммов.

– Таких щук в нашем озере давно не осталось. Выловили.

– Я подумаю. Ну, что бы тебе, папа, больше всего хотелось?

– Как что? Ясное дело, квартальный план выполнять.

– Какой это квартальный план?

– Не надо, – прошептал Удалов. – Не думай об этом, сынок.

– Ты не беспокойся, папа. Мне нетрудно. Я эти сны как орехи щёлкаю.

Удалов нахмурился. И в самом деле несправедливо, что его родной сын помогает вещими снами довольно склочному старику, который заслуженно должен платить штраф за травмированную козу, а у его отца план горит. Но забота о здоровье сына пересилила.

– Нет, – сказал Удалов. – Ты мне не поможешь. Здесь никто не поможет. У меня дом стоит в лесах, до третьего этажа леса, а на пятый этаж лесов не хватает – лесопилка подвела. Понимаешь? Но ты лучше о козе думай. Чтобы она пришла. То есть не так думай, ты о Ложкине думай, о милиционере Пантелеймонове думай, а о лесах на доме ты не думай и о квартальном плане тоже не заикайся.

Удалов не заметил, что глаза его сына смежились, дыхание стало ровным. Он ещё некоторое время бормотал, разрываясь между надеждой и жалостью к ребёнку. Потом махнул рукой и ушёл к себе.

А утром Удалов проснулся от странного шума за окном. Люди выбегали со двора, бежали по улице, взмахивали руками, куры кудахтали, собаки лаяли, мотоциклы ревели.

– Что случилось? – закричал Удалов из окна. – Может, космический корабль спустился? Или бананы в овощной магазин завезли?

Но никто ему не ответил.

Удалов кинул взгляд на мирно досыпающую семью и метнулся на улицу, за народом.

Человеческий поток нёс Удалова через центр города, к району новостроек.

И там центром притяжения гуслярцев возвышалось сооружение странного вида. Возвышалось оно точно на месте, где вчера ещё находился пятиэтажный кирпичный дом, завершение которого срывалось из-за отсутствия строительных лесов.

Бывший дом являл собой скалу, густо обросшую лесом. Лес был необычный для природных условий города – в нём соседствовали сосны, финиковые пальмы, липы и дубы, бамбуки и растения вовсе невиданные. Так как деревья росли не только наверху, но и из стен дома, некоторые стволы тянулись параллельно земле, и дом был схож с гигантским ежом.

Но ещё удивительнее для зрителей было то, что в густых лесных зарослях на вершине недостроенного дома стояла белая коза и занудно, пронзительно, как испорченная пластинка, повторяла:

– Николай Ложкин невиновен!

ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ

Когда собрание пенсионеров, посвященное плачевной судьбе северных рек и реки Гусь в частности, закончилось, Удалов одним из первых вышел на улицу и замер, глубоко вдыхая морозный воздух, чтобы очистить легкие от табачной скверны. Удалов сам не курил, но когда дымили вокруг, отравлялся не хуже курильщиков.

Постояв минут пять и попрощавшись со знакомыми, что вышли следом, Удалов не спеша побрел к дому, любуясь блеском чистого молодого снега, четкостью зимних красок и ощущая щеками благодать декабрьского морозца. Удалову стало грустно, потому что человек предназначен ежедневно наслаждаться природой, которая дарит столько чувств и картин, а ведь в сутолоке жизни ты этой природы не замечаешь, торопишь, гонишь месяц за месяцем, квартал за кварталом, словно впереди вечность. А впереди лишь пенсия за декабрь. Сказал же японский поэт:

Как жизнь несется!

Завтра уж четверг.

– Корнелий Иванович, – послышался сзади ласковый голос.

Удалов резко обернулся, недовольный вмешательством в мир его личных мыслей.

Его догнали мужчина в дубленке и шляпе и женщина в дубленке и без головного убора. Лица у них были приятные, но какие-то стертые, как у агентов внешнего наблюдения.

– Я вас слушаю, – сухо произнес Удалов.

– Уделите нам три минуты, – сказал мужчина, а женщина улыбнулась, но ее большие карие глаза остались печальными.

Удалов посмотрел на часы.

– Может, присядем? – предложил мужчина, указывая на пустую скамеечку у церкви Параскевы Пятницы.

Скамейка была очищена от снега.

– Корнелий Иванович, – сказал мужчина, когда они уселись, – разрешите обратиться к вам с необычной просьбой почти детективного свойства.

– Ошиблись адресом! – отрезал Удалов, глядя на женщину. Ее высокая изысканная прическа, как у королевы Марии Антуанетты, кончившей жизнь под ножом гильотины, не гармонировала с простым, грустным обликом.

– Это парик, – усмехнулась женщина, угадав мысли Удалова. – Не обращайте внимания.

– Не буду, – пообещал Удалов. – Ну ладно, что у вас, граждане?

События последних лет поставили Удалова, как и многих иных немолодых жителей Великого Гусляра, в сложное положение. Обращение к посторонним со словом «товарищ» указывало на твой леворадикальный консерватизм, слово «господин» далеко не всем нравилось, южане смело именовали всех «мужчинами» и «женщинами»... Удалов предпочитал нейтральное – «гражданин».

– Мы родом не с Земли, – сказал мужчина.

– Пришельцы из космоса?

– Вы очень прозорливый человек, Корнелий Иванович, – похвалила его женщина в парике.

– А мы никого в городе не знаем, – добавил мужчина.

– Вы, Корнелий Иванович, – продолжала женщина, – известны далеко за пределами Земли своими деяниями и выступлениями в пользу галактического сотрудничества.

– На моем месте...

– Ах, оставьте, Корнелий Иванович! – рассердилась женщина. – На вашем месте почти каждый убежал бы от нас за десять кварталов.

– Мы вам заранее благодарны, – сказал мужчина. – За то, что вы забыли о своих делах и заботах ради галактической дружбы.

Удалову было приятно слушать такие слова.

Солнце искрилось в снежинках. На снегу лежали синие тени.

– Не будем терять время, – строго сказал Удалов.

Пришельцы переглянулись, мужчина едва заметно кивнул. Женщина опустила веки.

– Несколько месяцев назад, – начал мужчина, – в районе Великого Гусляра потерпел аварию космический корабль. На борту этого корабля находился один человек – исследователь, ученый, большой талант...

– И близкий мне мужчина, – добавила грустная женщина.

Удалову захотелось сказать женщине что-нибудь сочувственное.

– Зачем в парике ходите? – спросил он. – Вам без парика значительно больше идет.

– Вы уж нас извините, – вздохнула женщина, – но у нас волосы не растут.

Мужчина приподнял шляпу и показал Удалову голый череп. По сравнению с мужчиной Удалов мог считаться кудрявым молодцем.

Удалов ничего не сказал – у каждого народа свои проблемы. Не исключено, что у них это считается красивым.

– Сапион пропал без вести, – сказал мужчина.

– Но не погиб! – добавила женщина.

– Нет, не погиб. Он успел дать сигнал, что опустился в лесу, сообщил координаты посадки, законсервировал корабль и принял решение укрыться в ожидании помощи. Затем связь прервалась.

– Это произошло в марте, – пояснила женщина. – По нашим расчетам, здесь стояла минусовая температура, а Сапион был практически раздет. Ведь мы живем в тропическом климате.

– Может, замерз? – предположил Удалов.

Женщина нервно всхлипнула. Мужчина возразил:

– Вы ошибаетесь, землянин! Сапион в одиночку прошел метановые болота Арктура, опускался без скафандра в жерло вулкана, победил в рукопашной схватке бродячего дракона Цао...

– Бывает, – сказал Удалов. – У нас был водолаз, Семенов Павел Порфирьевич. Все моря прошел, в Тускароре побывал, «Черного принца» поднял. А вот полез в пьяном виде в реку Гусь купаться и потонул, честное слово.

Женщина снова всхлипнула.

– Откачали, – добавил Удалов. – Он потом своей смертью помер.

– Сапион в жизни не выпил ни глотка, – сказала женщина.

– Погоди, – перебил мужчина. – Гражданин Удалов не понимает, о чем речь. А речь о том, что лишь Сапион знает универсальную формулу подогрева нашей атмосферы, которую сам и вывел.

– Он не довел до конца формулу общей теории относительности, не подстриг газон перед нашей виллой, – сказала женщина.

– Если он такой редкий и бесценный специалист, зачем вы его одного в космос отпустили?

– А как же свобода личности? – спросил мужчина.

Но женщина объяснила понятнее:

– Мы повздорили. Нельзя так безответственно относиться к семье. И он улетел успокоить нервы. Это уже не в первый раз.

– Сесилия, гражданину Удалову совсем ни к чему знать о мелочах твоего быта.

– Я лучше знаю, что надо и чего не надо знать Удалову!

Надвигалась ссора между пришельцами. Удалову не хотелось быть ее свидетелем. Нежелательных свидетелей иногда ликвидируют. Это зависит от нравов на той или иной планете.

– Что же будем делать? – спросил Удалов.

– Мы в свободном поиске, – пояснил мужчина. – Столько времени прошло...

– Времени прошло немало, – согласился Удалов. – Даже непонятно, чего вы так долго собирались.

– С финансированием плохо, – ответил мужчина. – На науку всегда деньги находят в последнюю очередь.

Удалов с ним согласился. Всеобщая беда!

– Давно в наших краях? – спросил он.

– Третий день, – сказала Сесилия.

– И результатов никаких?

– Отыскали закопанный и законсервированный корабль, – ответил мужчина.

Он вынул из кармана дубленки крупный, с грушу, синий кристалл.

– Это корабль? Быть не может!

– Не старайтесь казаться глупее, чем вы есть на самом деле, – упрекнул Удалова пришелец. – Корабль спрессован до предела.

Пришелец дал Удалову посмотреть сквозь кристалл на солнце – зрелище было незабываемым.

Затем мужчина вытащил из другого кармана еще один кристалл.

– Мы и наш корабль с собой носим, – заметил он.

Он легонько стукнул кристаллом о кристалл, и над сквером разнесся тонкий хрустальный звон.

– И что же вы теперь делаете?

– Ходим, – сказал мужчина. – Присматриваемся. Вот вас отыскали.

– Следы Сапиона привели нас к городу и оборвались, – сказала Сесилия. – Слишком много тут чужих следов.

– Он где-то здесь, – сказал мужчина. – У нас теперь только одна надежда – на вас, Корнелий Иванович. Вы же в городе всех знаете, как собак облупленных.

– За расходами мы не постоим, – вмешалась женщина.

– В разумных пределах, – поправил ее мужчина, и Удалов понял: лучше и не надеяться, тогда не будет поводов для разочарования.

– Если вашей супруге что-нибудь из косметики надо, – застенчиво произнесла женщина. – Можем достать.

– Лишнее, – улыбнулся Удалов. – Материальные блага – это все суета.

Мужчина кивнул. Продвинутая цивилизация была согласна с Удаловым.

– А мысли читать умеете? – спросил Удалов.

– Только у близких людей, с их разрешения, – быстро ответила женщина, словно вопрос был ей не очень приятен.

– Разрешение – дело десятое, – признался мужчина. – Но расстояние должно быть короткое. Голова к голове.

Да, подумал Удалов. Цивилизация у них передовая, мысли читают, превращают корабли в кристаллы, а вот женские страдания остаются.

– А вы...

– Мы совершенно не отличаемся от вас, – понял его мужчина. – Что вы перед собой видите, то мы собой и представляем. Молекула в молекулу. Панспермия.

– А бывают пришельцы другого вида, – сообщил Удалов.

Никто не стал ему возражать. Бывают так бывают.

– Значит, поможете? – женщина дотронулась до его рукава тонкими пальцами без маникюра.

– Ради галактических отношений и просто по-человечески, – ответил Удалов, – не пожалеем усилий.

– Ах, как нам вас благодарить!

– Не спешите, – отрезал Удалов. Он хотел быть объективным. – Не исключено, что ваш друг лежит на дне реки в соседнем районе, простите за откровенность.

– О нет! – ахнула женщина.

– Ну, Удалов, не ожидал я от вас, – вздохнул мужчина, а женщине он пояснил: – Он имеет в виду худший вариант.

Женщина потянулась к Удалову, словно хотела поцеловать его в щеку, но Удалов смутился, отодвинулся и сказал:

– Значит, встречаемся завтра на этом месте в шестнадцать ноль-ноль.

Он чуть было не предложил пароль, но потом сообразил, что знает пришельцев в лицо.

Мужчина и женщина долго смотрели вслед пожилому человеку с круглым невыразительным лицом; в его руках находилась судьба их друга и большого ученого, возвращения которого с нетерпением ожидала вся планета.

* * *

Сначала Удалов пошел к себе в стройконтору. Несмотря на пенсионный возраст, он часто заходил сюда, помогал советом, а то и делом. Даже имел должность – консультант. На общественных началах, конечно. Стол Удалову поставили в бухгалтерии.

Именно отсюда, со своей стройконторы Удалов решил начать поиски. А что, не хуже любого другого начала.

Правда, в конторе спрятать пришельца нелегко, потому что Удалов там со всеми знаком, многим давал путевку в жизнь. Но следует искать то, чего раньше не было, а теперь есть, и весьма странное...

Удалов вошел в дверь, которую открывал много тысяч раз. Только теперь она была покрашена и сбоку висела новая вывеска:

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
ОО «ГУСЛЯРКИРПИЧ»

Два нуля относились не к сантехнике, как полагали шутники, а указывали на ограниченную ответственность нового директора Баламутяна. Но об этом – особый разговор, в другое время и в другом месте.

– Корнелий Иванович, – сказала Даша из планового отдела. – Новый год на носу.

Даша была женщина сочная, упругая, многие из молодых сотрудников и прорабов пытались ее щипать, да пальцы обламывали. Ее упругость была сродни резиновой дубинке.

Удалов согласился.

– Тогда я вас, Корнелий Иванович, немного отвлеку от мыслей.

Может ли она скрывать в себе пришельца, задал себе вопрос Удалов. И сам себе ответил отказом, потому что учился с ее отцом в одном классе.

Даша постучала в стенку, оттуда послышалось шевеление и голоса.

Затем дверь распахнулась, и вошел Дед Мороз в синем сатиновом халате, ватной бороде до пояса и в зимней шапке с красным верхом, под цвет картонного носа. Под его рукой в комнату проскользнула Снегурочка в маске, в серебристом платье, отороченном ватой, и с гитарой. Сняв варежки, Снегурочка стала играть и петь песню про Арлекино. Дед Мороз сунул руку в мешок, пошуровал там и вытащил два пакета.

– Дорогой вы наш человек, Корнелий Иванович, – произнес он знакомым, но искаженным ватными усами голосом. – Общественность и лично все сотрудники родной вам и даже созданной вами стройконторы, а ныне организации «Гусляркирпич» горячо поздравляют вас и ваше семейство с наступающим Новым годом, Рождеством, а заодно новым веком и даже тысячелетием. Примите подарки для вашей супруги Ксении и внука Максимки.

Оказывается, в бухгалтерию уже набилось человек двадцать – весь состав ОО. Все стали хлопать в ладоши.

Потом замолчали, потому что Корнелию Ивановичу было положено принять подарки и ответить краткой речью.

Хоть до Нового года оставалось еще две недели, но сотрудники понимали, что Удалов – пенсионер: захочет – придет, а захочет – отправится на Канары или на Сатурн. Как-никак – городская знаменитость.

Но Удалов молчал, тянул время.

Его одолевали подозрения.

Чем дольше он смотрел на ряженых, тем больше екало сердце и сосало под ложечкой.

Кто она, эта Снегурочка? Кто этот Дед Мороз? Зачем они пришли в масках?

Подавшись вперед, словно для того, чтобы взять подарки, Удалов быстрым движением рванул на себя маску Снегурочки. Завязки лопнули, маска оказалась в руке Корнелия Ивановича. Снегурочка воскликнула:

– Ах, тебя!

Удалов узнал плановика Сикоморскую, которая в будущем году должна уйти на пенсию. Смутившись, но не в силах остановить движение, Удалов потянул за нос Деда Мороза. Нос хрустнул и сплющился. Под ним обнаружился другой нос, поменьше и покраснее. Веденеевский нос, Александра Семеновича, зама по кадрам.

Сослуживцы смешались, церемония была скомкана. Удалов сердился на себя за невыдержанность. Вместо того, чтобы думать головой, он обратился к физическим действиям. Так пришельца не найдешь...

Потом, когда все помирились и обратили инцидент в недоразумение, Удалов вышел в коридор, где курили Веденеев с Темой.

– Жаль, я тебе нос сломал, – сказал Удалов.

А Тема между тем продолжал свой рассказ:

– Работает этот мастер у моего тестя. Утром пришел, бутылку кефира принял, днем булочку и пакет ряженки. Вечером – стакан молока.

Веденеев посмеялся и спросил:

– Беженец?

– Нет, воронежский. А как красит! Будто иностранец. Качество – Южная Корея или даже Австрия!

Тик-так! – щелкнуло в удаловской голове. Странный маляр, из Воронежа, не пьет ничего, кроме молочных продуктов.

– Какой он из себя? – спросил Удалов. – В парике?

– Лысый, – согласился Тема. – Вроде вас, Корнелий Иванович.

– Как его увидеть?

– Легче легкого. Завтра у него с моей сестрой свадьба. Три года ухаживал...

– Три года?

– И два месяца. Она все сомневалась, ее ли он любит или ее трехкомнатную квартиру?

– Нет, – сказал Удалов. – Если три года, то не пришелец.

– Нет, не пришелец, – согласились сослуживцы.

И Корнелий ушел. А вслед ему донеслось:

– Стареет наш Удалов. Заговариваться начал, руки распускает.

* * *

Корнелий Иванович брел по улице. Стемнело рано, в синих сумерках окна желтыми квадратами лежали на снегу.

У входа в гастроном приезжий из южных краев нищий в ватнике просил денег для срочной операции на сердце.

Подавали редко, в основном молодежь.

Удалов зашел в магазин, купил две бутылки кефира по указанию Ксении, а когда выходил, его осенило: вот так может скрываться пришелец!

Он остановился и стал смотреть на нищего.

Нищий тоже смотрел на Удалова, даже перестал просить на сердце.

– Чего тебе, папаша? – спросил он.

– Сними парик! – приказал Удалов.

Тут пришелец и попался.

– Не сниму, – сказал он.

Свободной рукой Удалов схватил мужичка за шапку.

Но ничего не вышло. Хоть шапка и слетела, волосы не поддались. Зато нищий как следует врезал Удалову. Так, что тот отлетел в сугроб. И, как назло, не было свидетелей.

Удалов лежал в сугробе.

Кто-то вышел из гастронома, и нищий принялся громко просить денег на срочную операцию.

Удалов поднялся и собрал со снега бутылки, которые не разбились.

Ему не везло.

Пришельцы ускользали. Но ведь где-то таится тот самый, единственный, такой необходимый родной планете и родной супруге.

Удалов шел по улице медленно, снежок поскрипывал под сапогами фирмы «Саламандер». На стене дома была приклеена бумажка:

ЦЕЛИТЕЛЬ БЕЛОЙ И ЧЕРНОЙ МАГИИ
ШАХ-АББАС ПЕТРЕНКО.
ПРИВОРОТЫ И ОТВОРОТЫ НА ДВЕСТИ ПРОЦЕНТОВ.

Вот он! – сказал себе Удалов. Он прибыл в наш город, встретил женщину, влюбился в нее, а так как без документов не может устроиться на работу, то занимается всякой ерундой, а домой не хочет.

Удалов пошел по указанному адресу.

Загадка разрешилась проще простого.

Приемная целителя находилась на первом этаже барачного типа двухэтажки.

– Кто последний? – спросил Удалов.

В коридоре стояло три стула. Два пустых, на третьем сидела заплаканная девушка подросткового возраста.

Она ничего не ответила Удалову.

– Я без очереди, – сказал Удалов. – Мне по личному вопросу.

– У вас приворот или отворот? – спросила девушка.

– А в чем дело?

– Привороты до двух часов, а сейчас остались только отвороты. Там моя мама папу от алкоголизма отвращает.

Удалов распахнул дверь.

По одну сторону школьного письменного стола сидела миловидная женщина в пуховом платке, по другую – старый знакомый Удалова провизор Савич.

– Это ты! – воскликнул Удалов.

– А ты мог бы прожить на мою зарплату? – агрессивно откликнулся Савич.

– Не отвлекайтесь, мужчина, – потребовала женщина. – А то опять не подействует.

За Удаловым захлопнулась дверь.

Не везет.

* * *

На площади возле гостиницы переминались с ноги на ногу знакомые Удалову пришельцы.

Он развел руками.

Они поняли и пригорюнились.

Удалов предложил им бутылку кефира, может, с валютой плохо?

Нет, с валютой у них оказалось хорошо, но кефир они взяли, побаловаться перед сном.

– Вы не печальтесь, – сказал Удалов. – Не сегодня-завтра мы его выследим. Если он в Гусляре, то выследим.

– Он здесь, – сказал мужчина. – Приборы показывают, что здесь. Только конкретнее определить не могут.

Они зашли в вестибюль гостиницы. Там стоял столик, за которым желающие могли выпить пива. Удалов угостил пришельцев. Пришельцы дали ему описание пропавшего без вести гения. А то трудно без примет. И даже жалко, что раньше не дали.

Итак, изобретатель был лысым мужчиной средних лет, с карими глазами и рыжими усами. На правой руке у него большая черная родинка, как раз выше локтя. На ноге шрам в виде полумесяца, полученный при катании на горных лыжах. Бровь рассечена во время ответственного эксперимента.

Удалов стал расспрашивать пришельцев об их политической жизни, выпили еще по пиву...

Домой Удалов пришел в двенадцатом часу, навеселе и очень обиженный на пришельцев. Пить-то они пили, но ни в одном глазу и даже не улыбнулись ни разу. Все их мысли были заняты выполнением задачи.

Даже жена пропавшего ученого все больше рассуждала о дисциплине.

Когда Ксения стала помогать пьяненькому мужу раздеться, он жаловался:

– Ты представляешь, они мне сказали, что этого самого пришельца тут же отправят в лабораторию, потому что только работа может обрадовать человека. А пиво за мои деньги пили.

– Тебе бы только выпить, – отвечала злая Ксения. – За свои, за чужие, пусть мы с голоду все подохнем, только бы полялякать.

– Они считают, что смысл жизни в труде на благо родины, – сказал Удалов, не сопротивляясь. – А лучший отдых – это перемена заня-

тия. Сами они, понимаешь, переживают, что недостаточно трудятся. Вот я спать пошел, а они сейчас будут очередные теоремы разгадывать. А она, понимаешь, такая привлекательная женщина, но совершенно не думает о себе, даже губы не красит.

– Так я и знала! – Ксения всплеснула руками. – Никакие это не пришельцы, а одна пришелка! А ну, дай мне номер ее апартаментов, я ей глаза инопланетные выцарапаю.

– Этого не рекомендуется... – вяло произнес Удалов и задремал.

* * *

Когда Удалов проснулся на следующий день, было уже ближе к полудню, чем к рассвету. Но низкие сизые тучи мчались с Северного полюса к Южному, и потому сумерки сохранялись.

В голове шумело и позвякивало.

Удалов побрел на кухню.

На столе стояла тарелка с остывшей кашей и записка от Ксении:

«Питайся по ристоранам, туда тебе и дорога».

«И как ты с такой грамотностью восемь классов закончила?» – вздохнул Удалов и попытался припомнить события прошедшего дня.

Вспомнил и поморщился.

Так вот, помогаешь космической дружбе, ведешь себя бескорыстно, а дома сердятся.

Ну что ж, пора идти на поиски пришельца.

* * *

На улице сыпал сухой снежок, ветер забирался внутрь дубленки.

Куда идти? Где искать?

Ноги привели Удалова в парк.

В парке, конечно, никого не было. Только вороны делили старый ботинок, таская его за шнурки, где-то гавкали собаки, да бомж тащил сумку с пустыми бутылками.

Удалов пригляделся было к бомжу, но узнал его – он уж лет десять бутылки собирает, дачу построил.

Серый помоечный кот промчался по дорожке, за ним пробежал пес, тоже бездомный, но веселый. Рыжий, кареглазый, на передней лапе черное пятно, на задней – длинный шрам в виде полумесяца.

О чем это говорило?

Ни о чем.

Нет, говорило!

Удалов пошел за собакой.

– Песик! – закричал он. – Пойди сюда!

Но пес уже умчался.

Удалов свистнул ему вслед.

Да ну, просто глупое совпадение.

Собаку Удалов догнал у реки. Пес сидел на берегу и смотрел на заснеженные дали.

– Любуетесь? – спросил Удалов.

Не оборачиваясь, пес кивнул.

– Чего ж вы так, – сказал Удалов. – Люди из-за вас оторвались от созидательных дел, на вас рассчитывают, родина ждет. Разве можно так деградировать? Даже не понимаю, как вам удалось? Неужели вы и это изобрели?

Пес смотрел на Удалова, склонив направо голову, и улыбался.

– Будем возвращаться, или как? – спросил Удалов.

Пес не ответил.

– Супруга ваша беспокоится, через всю галактику примчалась, чтобы вас вернуть в лоно.

Пес подошел к Удалову, запрокинул голову и тявкнул. Так весело и просто, что Удалов все понял.

А пес увидел кота и с заливистым лаем помчался вслед.

Удалов не стал рассказывать пришельцам о встрече в парке.

УПРЯМЫЙ МАРСИЙ

Краткий отчёт о маловероятных событиях, имевших место в городе Великий Гусляр за последний год.

Как-то профессор Лев Христофорович Минц зашёл к Саше Грубину за солью. Великий учёный, отдыхающий в Гусляре от тревог и стрессов большого города, и талантливый самоучка-изобретатель Грубин были холостяками с несложившейся личной жизнью. Это, а также их преданность Науке, стремление раскрыть тайны Природы

сблизило столь непохожих людей. Задушевные беседы, которые они вели в свободные минуты, отличались искренностью и бескорыстием.

Пока Грубин отсыпал в кулёчек соль, Минц присел на шатучий стул и прислушался к ровному, заунывному постанываниию сложной конструкции, колёса и колёсики которой медленно вертелись в углу комнаты, помогая друг дружке.

– Надо бы смазать, – сказал Минц. – Скрипит твой вечный двигатель.

– Его шум меня успокаивает, – возразил Грубин. – Держите соль.

– Плов собрался сделать, – сказал Минц. – Как ни странно, я лучший в мире специалист по плову. Я позову тебя, часов в шесть.

– Спасибо, приду, – сказал Грубин. – Вот вы предупреждали меня, что вечный двигатель бесперспективен, что работать он не будет. А ведь работает. Вторую неделю. Даже без смазки.

– Это ничего не доказывает, коллега, – сказал Минц, проведя ладонью по блестящей лысине. – Есть сведения, что в Аргентине в лаборатории Айя де Торре двигатель крутится уже восемнадцатый год. Из этого следует только, что это двигатель долговременный, но никак не вечный. Может быть, лет через сто он остановится.

– Ста лет достаточно, – сказал Грубин, упрямо склонив лохматую голову. – А к славе я не стремлюсь. Главное – принцип.

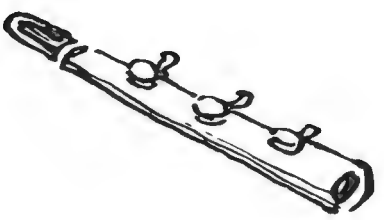
– К славе тебя и не подпустят, – сказал Минц. – И правильно сделают. Наука делается на Олимпе. Ею занимаются люди, отмеченные печатью Вечности. Талантливый дилетант только нарушает поступательное движение прогресса. И наука отвергает вечные двигатели, рождённые в частных квартирах. Вечный двигатель должен создаваться в соответствующей лаборатории соответствующего Института проблем и перспектив продлённого движения.

– Почему продлённого? Ведь это вечный двигатель.

– Всем известно, что вечных двигателей не бывает. Поэтому, если наука когда-нибудь всерьёз возьмётся за вечные двигатели, придётся придумать для него приличное название, не скомпрометированное за последние столетия шарлатанами и самоучками.

– Значит, мое положение безнадёжно?

– Да, мой дорогой. У тебя даже нет диплома о высшем образовании. Ты в положении упрямого Марсия.



– Это ещё кто такой?

– Сатир. Провинциальный сатир из Фригии, который имел несчастье подобрать свирель, брошенную Афиной. И знаешь почему?

– Откуда мне знать? Я из древних греков только Геркулеса знаю и Прометея.

– Так вот, Марсий отлично играл на свирели и решил соревноваться с Аполлоном. Ну, как если бы ты принёс свою машинку на учёный совет Института проблем и перспектив продлённого движения.

– Марсий проиграл?

– Жюри единогласно присудило победу действительному члену Олимпа богу Аполлону.

– Ничего страшного, – сказал Грубин. – Главное – участвовать. Победа не так важна.

– Для кого как, – вздохнул профессор, глядя на скрипучий вечный двигатель Грубина. – С Марсия живьём содрали кожу.

– За что? – Грубин буквально пошатнулся от неожиданности. – Ведь Аполлон всё равно победил?

– Боюсь, что в этой победе не всё было чисто. Да и сам факт соревнования на равных богам не всегда приятен. Сегодня Марсий вылезет, завтра Иванов, послезавтра Грубин. Я пошёл, спасибо за соль.

Профессор поднялся и направился к двери.

– У вас тоже были неприятности? – спросил вслед ему Грубин.

– Я не изобретал вечных двигателей, – ответил Лев Христофорович, не оборачиваясь.

Грубин метнулся к двери. Спина профессора, мерно покачиваясь, удалялась по коридору.

– Лев Христофорович! – закричал Грубин. – Вы не правы! Марсии имеют право на существование. Общественность не даст сдирать шкуры! Мы с вами тоже сделаем своё скромное дело.

Лев Христофорович обернулся, улыбнулся, но ничего не ответил.

– В конце концов, – добавил Грубин, – в Великом Гусляре тоже пульсирует творческая жизнь. И если нам труднее добиться признания, чем в областном центре, это нас только закаляет. Кстати, вы над чем сейчас работаете?

– Мальков развожу, – ответил Минц.

ЧЕРНАЯ ИКРА

Предисловие

К числу рассказов, которые увидели свет через много лет после того, как были написаны, относится и «Черная икра». Но повод, помешавший рассказу появиться на страницах журнала «Химия и жизнь», для которого он был написан, оказался для меня неожиданным. Полежав некоторое время в редакции, рассказ вернулся с резолюцией, возражающей против публикации ввиду того, что рассказ наносит оскорбление (может, не так сильно – скажем, обиду) светлой памяти академика Несмеянова и его сотрудников, прославившихся изобретением синтетической черной икры, которая, к сожалению, получилась почти такой же хорошей и питательной, как настоящая, но уступала ей в чем-то неуловимом... И хоть даже была дешевле, не стала более популярной.

Я менее всего хотел наносить ущерб репутации академика Несмеянова и осмеивать его черную икру. Моя черная икра соперничать с настоящей синтетической не намеревалась.

Но редакторское слово сказано – вылетело в чистый воздух... Не догонишь. Так и остался рассказ бесхозным.

Чёрная икра

Несмотря на относительную дешевизну продукта, консервативные гуслярцы вяло покупали эффектные баночки с изображением осетра и надписью: «Икра осетровая». Острое зрение покупателей не пропускало и вторую, мелкими буквами, надпись: «Синтетическая».

Профессор Лев Христофорович когда-то читал об успешных опытах по получению синтетической чёрной икры, знал, что по вкусовым качествам она практически не отличается от настоящей, по питательности почти превосходит её, и притом абсолютно безвредна. Но по-

пробовать раньше ему икру не удавалось. Поэтому профессор оказался одним из тех гуслярцев, которые соблазнились новым продуктом.

Вечером за чаем Лев Христофорович вскрыл банку, намазал икрой бутерброд, осторожно откусил, прожевал и признал, что икра обладает вкусовыми качествами, очевидно, питательностью и безвредностью. Но чего-то в ней не хватало. Поэтому Минц отложил надкусанный бутерброд и задумался, как бы улучшить её. Потом решил, что заниматься этим не будет, – наверняка икру создавал целый институт, люди не глупее его. И дошли в своих попытках до разумного предела.

– Нет, – сказал он вслух. – Конкурировать мы не можем. Но!

Тут он поднялся из-за стола, взял пинцетом одну икринку, положил её на предметное стекло и отнёс к микроскопу. Разглядывая икринку, препарируя её, он продолжал рассуждать вслух – эта привычка выработалась у него за годы личного одиночества.

– Рутинёры, – бормотал он. – Тупиковые мыслители. Икру изобрели. Завтра изобретём куриное яйцо. Что за манера копировать природу и останавливаться на полпути!

На следующий день профессор Минц купил в зоомагазине небольшой аквариум, налил в него воды с добавками некоторых веществ, поставил рядом рефлектор, приспособил над аквариумом родоновую лампу и источник ультрафиолетового излучения, подключил датчики и термометры и перешёл к другим делам и заботам.

Через две недели смелая идея профессора дала первые плоды.

Икринки, правда не все, заметно прибавили в росте, и внутри их, сквозь синтетическую плёнку, с которой смылась безвредная чёрная краска, можно было уже угадать скрученных колечком зародышей.

Ещё через неделю, когда, разорвав оболочки, махонькие, с сантиметр, стрелки мальков засуетились в аквариуме, сдержанно-радостный профессор отправился к мелкому, почти пересыхающему к осени пруду в сквере за церковью Параскевы Пятницы и выплеснул туда содержимое аквариума.

Стоял светлый ветреный весенний день. Молодые листочки лишь распускались на берёзках, лягушечья икра виноградными гроздьями покачивалась у берега. Лягушечью икру Минц из пруда выгреб, потом, прижимая аквариум к груди, вышел на дорогу и остановил самосвал.

– Чего? – спросил мрачный шофёр, высовываясь из кабины.

– Отлейте бензина, – вежливо сказал профессор. – Немного. Литра два.

– Чего?

Шофёр изумлённо смотрел сверху на толстого пожилого мужчину в замшевом пиджаке, обтягивающем упругий живот. Мужчина протягивал к кабине пустой аквариум и требовал бензина.

– У меня садик, – сказал он. – Вредители одолели. Травлю. Дайте бензинчику.

Полученный бензин (за бешеные деньги, словно это был не бензин, а духи «Красная Москва») профессор тут же вылил в прудик. Он понимал, что совершает варварский поступок, но значение эксперимента было так велико, что прудику пришлось потерпеть.

Профессор подкармливал синтетических осетрят не только бензином. Как-то местный старожил Удалов встретил Минца на окраине города, где с территории шелкоткацкой фабрики к реке Гусь текла значительная струйка мутной воды. Профессор на глазах Удалова зачерпнул из струйки полное ведро и потащил к городу.

– Вы что, Лев Христофорович! – удивился Удалов. – Это же грязь!

– И замечательно! – ответил, совсем не смутившись, профессор. – Чем хуже, тем лучше.

Вещества, залитые тихими ночами в прудик за церковью профессором Минцем, были многообразны и в основном неприятны на вид, отвратительны запахом. Люди, привыкшие ходить мимо прудика на работу, удивлялись тому, что творится с этим маленьким водоёмом, и начали обходить его стороной. Лягушки тоже покинули его.

В один жаркий июньский день, когда отдалённые раскаты надвигающейся грозы покачивали замерший, душистый от сирени воздух, профессор привёл к прудику своего друга Сашу Грубина. Профессор нёс большой сачок и ведро, Грубин – второе ведро.

Прудик произвёл на Грубина жалкое впечатление. Трава по его берегам пожухла, вода имела мутный, бурый вид, и от неё исходило ощущение безжизненности.

– Что-то происходит с природой, – сказал Саша, ставя ведро на траву. – Экологическое бедствие. И вроде бы промышленности рядом нет, а вот погибает пруд. И запах от него неприятный.

– Вы бы побывали здесь вчера вечером, – сказал, улыбаясь, профессор. – Я сюда вылил вчера литр азотной кислоты, ведро мазута и всыпал мешок асбестовой крошки.

– Зачем? – удивился Грубин. – Ведь вы же сами всегда расстраивались, что природа в опасности.

– Расстраивался – не то слово, – ответил Минц. – Для меня это трагедия.

– Тогда не понимаю.

– Поймёте, – сказал Минц. Он извлёк из кармана пакет, от которого исходил отвратительный гнилостный запах. – С большим трудом достал, – сообщил он Грубину. – Не хотели давать.

– Это ещё что?

– Ах, пустяки, – сказал Минц и кинул содержимое пакета в прудик.

И в то же мгновение вода в нём вскипела, словно Минц ткнул в неё раскалённым стержнем. Среднего размера рыбины, само существование которых в таком пруду было немыслимым, отчаянно дрались за несъедобную пищу. Грубин отступил на шаг.

– Давайте ведро! – крикнул Минц, подбирая с земли сачок. – Держите крепче.

Он принялся подхватывать рыб сачком и кидать их в ведро. Через три минуты вёдра были полны. В них толклись, пуча глаза, молодые осетры.

– Несколько штук оставим здесь, – сказал Минц, когда операция была закончена. – Для контроля и очистки.

Пока друзья шли от прудика к реке Гусь, Лев Христофорович поделился с Грубиным сутью смелого эксперимента.

– Я жевал эту синтетическую чёрную икру, – рассказывал он, – и думал: до чего стандартно мыслят наши Аполлоны. Есть икра дорогая и вкусная. Они создали икру подешевле и похуже. В результате – никакого прогресса. Прогресс возможен только при парадоксальности, смелости мышления. Что свойственно мне, провинциальному Марсию. Если есть синтетическая осетровая икра, как насчёт синтетических осетров?

– Бессмысленно, – сказал Грубин.

– Правильно. Бессмысленно. Если не заглядывать в вёдра, которые мы с вами несём. Ладно, подумал я. Может, при моём исключительном

таланте я смогу вывести из синтетической икры синтетических рыб. Но зачем?.. И тут я понял – для дела!

– Для какого? Пруды губить?

– Мысль твоя, Грубин, движется правильно, но скудно, – ответил профессор. – Не губить, а спасать! Если я выведу синтетического осетра, то он будет нуждаться именно в синтетической пище. То есть в том, что ни прудам, ни речкам, ни настоящим рыбам не нужно. Основа синтетической икры – отходы нефти. Чего-чего, а этого добра, к сожалению, в наших водоёмах уже достаточно. Значит, коллега, если получится синтетический осётр, он будет жрать отходы нефти и прочее безобразие, которые мы в реки спускаем. После этой гениальной догадки всё встало на свои места. Осталось подтвердить моё открытие на практике. И всё, скажу тебе, подтвердилось! Я не только вывел из икринок мальков, но и вырастил их, они не только с удовольствием жрут мазут и кислоту, но я приучил их к самой отвратительной органике и неорганике, которую можно встретить в водоёмах. Да, я погубил временно прудик у церкви. Но через месяц вода в нём станет хрустальной. Как хрустальной станет наша река.

Они вышли на берег. Неподалёку от мебельной фабрики и шелкотканкого предприятия, от которых к реке тянулись полоски нечистой воды, сливаясь с редкими пятнами радужного цвета, попавшими сюда с автобазы, Грубин, потрясённый гениальностью профессора, снял ботинки, зашёл в воду по колено и выпростал ведро с осетрами.

– Эй! – кричали мальчишки с моста. – Рыбаки наоборот! Кто так делает?

Грубин принял из рук Минца второе ведро и также выпустил в воду подрастающих монстров. И видно было, как проголодавшиеся рыбы бросились к мазутным пятнам, поплыли к грязным струйкам.

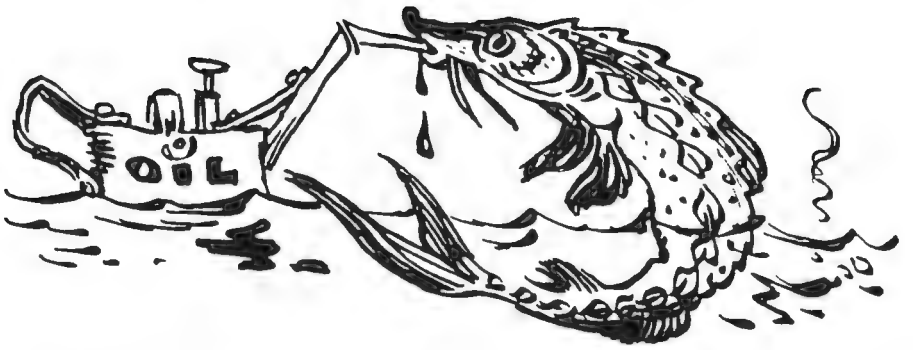
Когда друзья шли обратно, Грубин спросил:

– А есть-то осетров этих можно?

– Ни в коем случае! – сказал профессор. – Вот когда очистим наши реки, появятся там в изобилии настоящие осетры, тогда и наедимся с тобой вволю настоящей чёрной икры.

– Надо бы поделиться опытом, сообщить в Москву.

– Не поверят, – отрезал профессор. – Мне редко верят. Пускай сначала наши осетры себя покажут.



Грубин, как человек куда более практичный, чем профессор, всё-таки сходил на следующий день в редакцию газеты «Гуслярское знамя» и побеседовал со своим приятелем Мишей Стендалем. Тот посетил заметно очистившийся за сутки прудик у Параскевы Пятницы, поглядел, как молодые осетры жрут дизельное топливо, которое Грубин капал в воду у берега, пришёл в восторг и добился у редактора, пока суд да дело, разрешения опубликовать заметку-предупреждение:

«ВНИМАНИЮ РЫБОЛОВОВ-ЛЮБИТЕЛЕЙ!

В порядке эксперимента в реку Гусь выпущены специальные устройства для очистки воды от нефтяных и прочих отходов. Этим устройствам в практических целях придан вид осетровых рыб, которые в естественном виде в наших краях не водятся. При попадании подобного устройства в сеть или на удочку просим немедленно отпускать их обратно в воду. Употребление устройств в пищу ведёт к тяжёлому отравлению. Характерный признак устройств, помимо их внешнего вида, – стойкий кислотно-бензиновый запах».

Когда профессор прочёл эту заметку, он сказал только:

– Наивный! Чтобы мой осётр пошёл на удочку? Для него червяк – отрава!

Вскоре жители Гусляра привыкли видеть у фабрики или автобазы выросших за лето могучих рыбин. Осетрам, которые остались в прудике, пришлось тоже перекочевать в реку – уж очень накладно стало их кормить. Да и прудик давно стал им тесен.

К осени приехала из области комиссия по проверке эффективности очистки водоёмов с помощью осетров. Комиссия была настроена скептически. Минц, ожидавший этого, выпилил из камышины

простую свирель и, вызывая недоуменные улыбки коллег, пошёл к реке, насвистывая незатейливую мелодию. Лишь Грубин догадался, что профессор изображает несчастного Марсия.

Река Гусь текла между зелёных берегов, поражая хрустальной чистотой воды. Тому способствовали не только осетры. Уже месяц, как руководители гуслярских предприятий, поражённые сказочными результатами эксперимента, перестали сбрасывать в реку нечистую воду и прочие отходы.

Директор автобазы, ранее главный враг чистоты, а ныне почётный председатель общества охраны природы, встретил комиссию у реки. Он на глазах у всех зачерпнул стаканом воды и поднял к солнцу. Искры засверкали в стакане.

– На пять процентов чище, чем в Байкале, – сказал директор автобазы. – Можете проверить лабораторно.

– Хорошо, – сказал председатель комиссии. – Отлично. А где же ваши так называемые осетры?

На лице директора отразилась растерянность, но он был правдивым человеком, поэтому честно ответил:

– Осетры вас не дождались. Уплыли.

Профессор Минц грустно засвистел на свирели.

– Значит, раньше были, а теперь уплыли? – сказал председатель комиссии.

– Позавчера последнего видели, – сказал директор автобазы. – Понятное дело.

– Непонятное.

– Им же жрать нечего! Чего им тут делать? Скоро настоящих запустим.

– Так, – сказал председатель комиссии, глядя в голубую даль. – Были и нет...

– Их надо теперь в Северной Двине искать, – сказал директор автобазы. – Мы туда уже предупреждение послали, чтобы не вылавливали.

– А с Марсия содрали шкуру, – непонятно для всех, кроме Грубина, сказал профессор Минц.

– Значит, мы ехали, теряли время... – в голосе председателя комиссии послышалась угроза. – И что увидели?

– Результаты успешного эксперимента, – сказал Минц. – Настолько успешного, что кажется, будто его и не было.

– Но вода-то чистая! – воскликнул директор автобазы.

– За это вам спасибо!

Наступила пауза. Все поняли, что надо прощаться. Что тут докажешь?

И в этот момент послышался приближающийся грохот лодочного мотора. Директор автобазы нахмурился. В Великом Гусляре недавно было принято постановление о недопустимости пользования моторами на чистой реке.

С моторки увидели людей на берегу, и лодка круто завернула к ним. Нос её упёрся в берег.

– Доктора! – закричал с лодки приезжий турист в панаме и джинсах. – Мой друг отравился!

– Чем отравился? – спросил Минц.

– Мы вчера рыбку поймали. С утра поджарили...

– Большую рыбку? – спросил Минц у туриста.

– Да так... небольшую... На удочку.

– Осетра?

– А вы откуда знаете? – Турист вдруг оробел и двинулся к носу лодки, намереваясь, видно, оттолкнуться от берега.

– Длина полтора метра? – спросил сообразительный директор автобазы. – Динамитом глушили?

– Ах, разве дело в частностях! Человеку плохо!

– Чтобы не почувствовать бензино-кислотного запаха, – задумчиво сказал Минц, – следовало принять значительное количество алкоголя.

– Да мы немного...

– Так вот, уважаемая комиссия, – сказал тогда директор автобазы. – Я приглашаю вас совершить путешествие к месту стоянки этих браконьеров и ознакомиться на месте с образцом синтетического осетра, который, к сожалению, не успел далеко отплыть от родных мест. По дороге мы захватим доктора и милиционера...

– Там только голова осталась, – в растерянности пролепетал турист. – Мы её в землю закопали.

– Головы достаточно, – оборвал его директор автобазы.

Члены комиссии колебались.

Марсий спокойно играл на свирели.

– Не надо туда всем ехать, – сказал Саша Грубин. – Не надо.

Он показал пальцем на расплывшееся бензиновое пятно за кормой лодки.

И тут все увидели, как огромная рыбина с длинным, чуть курносым рылом, широко раскрывая рот, забирает с воды бензин. Радужное пятно уменьшалось на глазах...

– Ну что? – спросил Грубин, зайдя вечером к профессору. – Не содрали шкуру?

– В следующий раз снимут, – философски ответил Минц.

ДВА ВИДА ТЕЛЕПОРТАЦИИ

Духовой оркестр – слабость Льва Христофоровича Минца. Духовой оркестр в Великом Гусляре отличный, он получил диплом на конкурсе в Вологде.

По субботам, когда оркестр выступает на открытой эстраде в парке, профессор Минц откладывает все дела, идёт в парк и слушает музыку, которая напоминает ему времена молодости. Порой к нему присоединяется Саша Грубин или старик Ложкин, тоже поклонники солидных вальсов и танго об утомлённом солнце.

В ту субботу Минцу с Грубиным не повезло. В городе была небольшая эпидемия гриппа, из-за чего оркестр временно лишился барабанщика и кларнетиста. Этих специалистов пришлось позаимствовать в джазовом ансамбле, игравшем обычно в ресторане «Великий Гусляр». Молодые люди, вторгшиеся в оркестр, нарушили консервативную традицию, они спешили, сбивали с толку тубу и литавры, отчего вальс «На сопках Маньчжурии» приобрёл оттенок синкопированного легкомыслия.

Разочарованные ценители отошли от эстрады и присели на голубую скамейку неподалёку от пивного ларька. Высокие столики для пивохлёбов, как неуважительно называл их старик Ложкин, отделялись от скамейки кустами сирени.

Минц и Грубин молчали, думали о науке, о смысле жизни и других проблемах, когда за кустами послышались голоса.

Басовитый, значительный голос произнёс:

– Ты пей, Тюпкин, не стесняйся. Сегодня у меня большой день.

– А что, Эдуард, мысль есть или удача пришла?

– Мысль.

За кустами помолчали. Видно, тянули пиво.

– И какая? – раздалось через полминуты. Голос у Тюпкина был негромок и деликатен.

– Радикальная, – ответил Эдуард. – Задумал я переправлять материю на расстояние. Скажем, в Саратов.

– Ого, – тихо произнёс Грубин.

– Я вас всегда уважал, Эдуард, – сказал Тюпкин, – но такие мысли почти невероятны.

– Нет преград для смелого полёта ума, – ответил скромно Эдуард.

– И собираетесь внедрять? – спросил Тюпкин.

– Дай мне месяц, – ответил Эдуард. – Через месяц я эту проблему расколю, как грецкий орех. А пока – никому ни слова. Сам понимаешь, вокруг завистники, недоброжелатели.

– Разумеется, Эдуард, разумеется, – согласился Тюпкин.

Звякнули кружки о столик. Раздались шаги, и уже издалека донёсся вопрос Тюпкина:

– А как я узнаю об успехе вашей идеи?

– Через месяц, на этом же месте, – ответил Эдуард. – В это же время. И я скажу – удалось или ошибка.

Некоторое время профессор Минц и Грубин сидели в полной растерянности. Первым пришёл в себя Грубин.

– Нет, – сказал он. – Для нашего маленького городка напор гениев невероятен. Нарушение статистики. И я его не знаю.

– Я тоже не знаю, – сказал Минц. – Не слышал раньше такого голоса. Но дело не в напоре гениев. Дело в том, что передача материи на расстояние невозможна.

– Почему? – спросил Грубин.

– Потому что в ином случае я давно бы это изобрёл.

Это был аргумент, спорить с которым Грубину было нелегко. Да и не хотел он спорить. Он глубоко уважал профессора Минца как человека и как мыслителя.

– Но если... – начал он неуверенно.

– Если это возможно, то я изобрету. Хотя бы для того, чтобы доказать самому себе, что как профессионал в науке я сильнее любого дилетанта. Я владею методом.

– Но допустим, у него, у Эдуарда, талант?

– Допускаю, – сдержанно сказал профессор и поспешил к дому.

В последующие дни Лев Христофорович буквально пропал. Выбежит утром в магазин за кефиром и на почту, куда на его имя поступали из Москвы редкие приборы и транзисторы, и сразу обратно, в кабинет-лабораторию. Если пройти по коридору, то услышите, как он ворчит, беседует сам с собой и с невидимыми соперниками.

Так прошло двадцать четыре дня. Все жильцы дома № 16 по улице Пушкинской давно уже знали о причине затворничества профессора – Грубин рассказал. Все с нетерпением ждали исхода заочной борьбы двух титанов – неведомого Эдуарда и любимого Льва Христофоровича. Несколько раз Грубин с Удаловым ходили к пивному ларьку в парке, проводили там вечера, но никого, схожего с Тюпкиным или Эдуардом, там не встретили. Предположили, что Эдуард тоже не покидает своей лаборатории.

На двадцать пятый день профессор вышел из кабинета, спустился во двор, где его соседи играли в домино в лучах заходящего солнца. Игроки замерли при виде Льва Христофоровича, вглядываясь в его умное усталое лицо.

– Ну и как? – нарушил тишину Удалов.

– Передача предметов на расстояние возможна, – сказал Минц. – Теоретически возможна.

– А практически?

Профессор вздохнул. Он был самолюбив.

– Ещё придётся поработать? – спросил Грубин.

– Придётся, – сказал профессор. – Пошли ко мне.

Непонятного вида установка стояла посреди комнаты. По обе стороны вертикальной стойки, опутанной приборами и начерно прикреплёнными печатными схемами, располагались две небольшие платформы.

– Вот, – сказал профессор. – Вот то максимальное расстояние, на которое я могу передать материю. На сегодняшний день.

Он взял со стола бутылку кефира, поставил на одну платформу, включил ток, нажал несколько кнопок. Раздалось низкое жужжание, и бутылка исчезла с платформы, тут же возникнув на другой.

Раздались аплодисменты. Грубин и Удалов горячо поздравили профессора с принципиальным открытием.

– Сегодня метр, – сказал Удалов. – Завтра – на Луну.

– Конечно, так, – согласился Минц. – Но до Саратова нам далеко. Вы, друзья, не представляете, сколько нужно для этого энергии.

– Значит, и у Эдуарда не получится, – сказал Грубин. – Ведь в данной ситуации вы, Лев Христофорович, как Аполлон.

– А он Марсий? – Лев Христофорович кинул взгляд на пыльную свирель, лежавшую на подоконнике. – Нет, я никогда не буду снимать шкуру с человека, посвятившего себя науке. Даже если он ошибается, даже если он переоценил свои силы. Пускай дерзает и дальше.

– Я попробую? – спросил Удалов.

– Можно, – сказал профессор. – Вот этот рычаг до нулевой отметки, эту клавишу не до конца. Ясно?

Удалов подошёл к телепортирующей установке, но не удержался, перевёл рычаг за нулевую отметку, а клавишу выжал до отказа.

Бутылка исчезла, но на другую платформочку не выскочила. Вместо этого послышался глухой удар и возмущённый крик со двора.

Там, облитый кефиром, стоял старик Ложкин и был разгневан.

Пришлось просить прощения, а потом разрешить ему телепортировать свои часы.

– Сделаем рычаг побольше, – сказал Удалов, – уже завтра добьёмся ста метров.

Он не был удивлён и не чувствовал себя виноватым. Он был участником. А добрый Саша Грубин между тем сбегал за кефиром, чтобы Минцу было что пить утром.

Напряжение росло. Приближался день, когда к пивному ларьку придёт соперник. Как у него? Саратов или не Саратов? А может, провал?

С одной стороны, хотелось провала, потому что человек слаб, и патриоты из дома № 16 хотели приоритета для своего профессора. С другой стороны, врождённое чувство справедливости желало успеха неизвестному самоучке и славы городу в целом.

Ровно через месяц после того, как случайно был подслушан разговор в парке, Удалов, Грубин и Минц пошли туда вечером. Играл духовой оркестр, играл хорошо, солидно, барабан и кларнет вышли с бюллетеня. Вечер был тёплым, славным, за пивом стояла очередь. Соседи подошли к крайнему столику. Возле него нашли небольшого сутулого человечка, который в одиночестве пил пиво.

– Тюпкин? – спросил Удалов.

– Я – Тюпкин, – сказал тот испуганно. – Но я ни при чём.

– Эдуард придёт?

Тюпкин захлопал глазами, но ничего не ответил.

– Не беспокойтесь, – сказал Грубин. – Мы к вам претензий не имеем. Нам нужен Эдуард. И не столько он, сколько его открытие.

– Не знаю, – пискнул Тюпкин. – Не в курсе.

– Неправда, – сказал Удалов. – Вы ждёте Эдуарда, потому что он назначил вам здесь свидание по поводу его мысли о передаче материи на расстояние. В частности, в Саратов. А нам любопытно узнать, удалось ли.

И вдруг маленький Тюпкин пригнулся и бросился кустами к эстраде.

Вообще-то, не к лицу серьёзным людям гоняться по парку за всяким Тюпкиным, но на этот раз речь шла об открытии мирового значения. Поэтому пришлось догонять.

Тюпкина настигли на берегу реки, где он пытался спрятаться под скамейку.

– Зря ты так, – сказал Удалов, извлекая человечка. – Ты сознайся и иди себе на здоровье. Мы зла не имеем.

– Имеете, – возразил Тюпкин, дрожа, словно выкупался в проруби. – Только я ни при чём. Я так с ним разговаривал. Я вообще его почти не знаю.

– Не так, не так... – поморщился Грубин. – Всё по порядку.

– По порядку в милиции спрашивайте, – сказал Тюпкин. – Взяли его сегодня. Сразу после обеда.

– Как? Такого учёного? – Профессора Минца охватили гнев и жалость к коллеге. – Где его содержат? Это ошибка! Мы сейчас же освободим!

– Не освободить, – сказал Тюпкин. – Его с поличным взяли. Он как раз со своего склада материю в Саратов отправлял.

– Со склада... – Удалов нахмурился, потому что начал догадываться о том, что произошла трагикомическая ошибка.

– Откуда же ещё, – сказал Тюпкин. – Он складом заведовал, материю воровал и на сторону сбывал. Плохой человек, недостойный, но с размахом.

Когда соседи возвращались к дому, оживлённо обсуждая события, Грубин сказал:

– Если с этого Марсия снимут шкуру, я не возражаю. Но свою положительную роль в науке он сыграл.

– Это точно, – согласился Удалов. – Без подсказки Льву Христофоровичу на эксперимент не пойти бы.

– Почему? – вдруг обиделся профессор. – Идея витала в воздухе. Из воздуха я ее изъял и материализовал. Если бы подсознательно не думал о телепортации, сразу бы понял, что жулики разговаривают.

В этот момент с неба на мостовую упал котёнок, мяукнул и бросился бежать.

– Немедленно домой! – крикнул Удалов. – Подросток Гаврилов забрался к вам в кабинет. Если его не остановить, он перетелепортирует всё, что есть в комнате!

И соседи побежали домой.

ДАР ДАНАЙЦА

Часов в пять вечера, в пятницу, в середине сентября, пошёл дождь. Похолодало. Удалов возвращался домой с работы и жалел, что не взял зонтика. Но дождь был таким занудным, мелким, осенним, что пережидать его не было никакого смысла – лучше было потерпеть и добежать поскорее до Пушкинской улицы.

Когда Удалов перебегал площадь, то услышал над головой какой-то гул, поднял голову и таким образом стал первым гуслярцем, который увидел, как на город опускается Конструкция.

Космического корабля за облаками не было видно. Так и осталось неизвестным, приближался он к Великому Гусляру или обронил Конструкцию из космоса.

Удалов еле успел метнуться в сторону, к зданию музея, а Конструкция тяжело ухнула на асфальт, продавив его. В стороны побежали узкие трещины.

Удалов перевёл дух и приглядеся к Конструкции.

Вид её был неприятен. Под острыми углами из центрального столба вырастали оси и стержни, частично снабжённые колёсами и шариками, которые, как только Конструкция как следует встала,

начали вращаться с различными скоростями. Господствующий цвет Конструкции был чёрный, кое-где поблёскивал металл. Высотой она достигала метров пяти и производила чуть заметный, но неприятный скрежещущий звук.

Удалов, забыв о дожде, раздумывал, чем бы могла оказаться Конструкция и насколько она опасна для населения, но ничего придумать не мог, потому что ничего подобного ещё не видел.

Из задумчивости его вывели удивлённые голоса горожан, сбегавшихся на площадь. Вскоре народу накопилось немало, и пришедший старшина милиции Перепёлкин с помощью пожарных обнёс центр площади канатом на столбиках, чтобы никто не приближался к Конструкции до приезда учёных.

Учёные прилетели на вертолётах тем же вечером, а к утру подоспели другие, менее оперативные, на автобусах и служебных машинах. С этого дня площадь кипела толпой специалистов самых различных областей знания, к тому же приходилось как-то защищать Конструкцию от туристов и зевак. Но, несмотря на суровую охрану и принятые меры, к утру третьего дня на металле Конструкции появились две надписи. Одна говорила о личных отношениях какой-то Любы и какого-то Пети, а вторая была ещё лаконичнее: «Были: Коля, Ира, Шляпиков из Сызрани». Так как ни одно сверло, ни один бур не смогли оставить на Конструкции ни единой царапины, осталось тай-

ной, каким образом Шляпиков с друзьями и Петя запечатлели себя. Поиски Шляпикова продолжаются.

Пока учёные осматривали, обмеряли и зарисовывали Конструкцию, в доме № 16 по Пушкинской улице шли горячие дебаты, зачем и почему из космоса забросили Конструкцию и чем это грозит Земле в целом и Великому Гусляру в частности.

Романтически настроенный Удалов энергично мерил короткими шагами захламлённый кабинет профессора Минца и рассуждал:

– Основное чувство в космосе – сотрудничество, дружба. Мне приходилось с некоторыми встречаться, редко кто настроен к нам отрицательно.

– Это ещё не значит, – возразил известный скептик старик Ложкин.

– Должна быть цель... – задумчиво произнёс профессор Минц, рассматривая фотографию Конструкции.

Наяву её уже нельзя было увидеть, потому что, спасая от туристов, учёные прикрыли её брезентовым куполом, который раньше употреблялся для цирка шапито.

– Зачем они бросают на Землю эту отвратительную, на наш непосвящённый взгляд, Конструкцию? – продолжал Удалов. – С одной только целью. Приобщить.

– Приобщить? – спросил Грубин. – Если приобщить, то к чему?

– К космическому прогрессу.

– Чепуха, – сказал профессор Минц. – Когда я приобщаю кого-то, я прилагаю к прибору объяснительную записку. На понятном языке. На что нам приобщение, если мы не знаем, к чему нас приобщают?

– Вот! – воскликнул Удалов радостно. – Именно так! Казалось бы, чепуха, а на самом деле всё продумано! Представьте себе, сидят сейчас на своей планете наши продвинутые братья по разуму. И думают: доросла ли Земля до уровня космических цивилизаций? Можно ли принять её в галактическое содружество? Ну как им решить этот вопрос?

– Приехать и спросить, – сказал Ложкин.

– Тебя спросишь, – возразил Удалов, – а ты необъективный. Всю картину исказишь.

– Я не лжец!

– Ты путаник. Любой из нас путаник. И неосведомлённый. Я вот, например, не в курсе последних успехов теоретической механики. Мо-

жет, только Лев Христофорович все науки знает. Да и то... Попробуй-ка найди объективного.

– Ага, – сказал Минц. – Найти нелегко.

– И вот присылают они нам Конструкцию. Такой мы раньше не видали. И эту Конструкцию нам надо расшифровать и пустить в дело. Не знаю уж, чем она должна заниматься – может, сады сажать, может, землю копать. Следят за нами и думают – справимся или не справимся? Справимся – получим все блага экономической и научной помощи и прогресса. Не справимся – антракт ещё на сто лет.

Все задумались. Идея Удалова звучала соблазнительно. Был в ней смысл. Только упрямый Ложкин возразил:

– Так зачем они к нам её спустили? Тогда бы в Москву или в Париж. Там специалисты, там общественности больше.

– А вот ты и не прав, Ложкин, – сказал Удалов. – Выбирали они по жребию. Самый обыкновенный город, самых обыкновенных людей. Оттого, что не в Москве, – что изменилось? Ты погляди, вся гостиница забита академиками, по три человека на койке спят.

– Я знаю, – тихо сказал профессор Минц. – Я всё понял.

Он поднялся, подошёл к окну, взял с подоконника самодельную свирель, сунул её в верхний карман замшевого пиджака, обвёл задумчивым взглядом соседей и разъяснил:

– Конструкцию опустили именно сюда, потому что там знают, что в этом городке живу я. И задача эта – лично для меня. Для скромного Марсия. К сожалению, все сбежавшиеся сюда Аполлоны – бессильны.

С этими словами профессор покинул комнату, а Удалов спросил:

– Кто этот Марсий?

– Бог войны, – сказал Ложкин. – Только он себя переоценивает. Они ведь академики, а он простой профессор.

– Марсий был всего-навсего сатиром и играл на свирели, – сказал Грубин. – Аполлон содрал с него за это шкуру.

– Так плохо? – расстроился Удалов. – Неужели так плохо?

Академики обмерили, освоили, исследовали Конструкцию ещё несколько раз и не смогли прийти к единому мнению. Минц с ними почти не общался, хотя со многими учился на одном курсе в университете. Он думал.

Конструкция мирно поскрипывала на площади под брезентовым куполом, старик Ложкин обходил площадь стороной, потому что не

верил данайцам, а Лев Христофорович незаметно для окружающих построил двадцать разного размера моделей Конструкции и бессонными ночами вертел их в руках, размышляя, куда бы их можно было определить.

И вот когда через месяц, узнав о Конструкции всё, что было возможно, и не сделав никаких практических выводов, кроме того, что Конструкция является предметом неизвестного происхождения и назначения, академики собрались на последнее заседание под куполом шапито, туда вошёл профессор Минц с большим чемоданом в руке. Пока академики обменивались заключительными мнениями, он сидел в стороне и крутил в пальцах свирель. Потом попросил слова.

– Уважаемые коллеги, – сказал он. – Отдавая дань вашей эрудиции и упорству, я хочу обратить ваше внимание на методологический просчёт, который вы коллективно допустили. Вы априори признали Конструкцию неведомой, загадочной и не подлежащей утилизации. Я же решил, что Конструкция – ни более ни менее как испытание нашему интеллекту, нашей изобретательности, нашему разуму. Раз она сброшена к нам не случайно, следовательно, мы должны выдержать испытание. Вы уклонились от этого. Пришлось всю тяжесть мышления мне взять на себя.

После этого профессор Минц открыл чемодан, а академики сдержанно выразили своё недовольство слишком самонадеянным тоном и манерами своего провинциального коллеги.

Из чемодана Лев Христофорович извлёк множество Конструкций, от трёх сантиметров до полуметра размером, и разложил их на асфальте рядом с их громадным прототипом.

– Коллеги, – продолжал он, – мне удалось обнаружить, что наши космические испытатели оказались даже хитрее, чем я подозревал с самого начала. Конструкция имеет не одно утилитарное решение, а по крайней мере двадцать.

Профессор поднял самую маленькую модель, ловко вытащил из кармана нитку с иголкой, вставил в модель и на глазах изумлённых академиков в мгновение ока заштопал с помощью этого устройства разорванный занавес, у которого когда-то выстраивались униформисты.

– Это, – сказал он, – революция в швейном деле. Благодарите не меня. Благодарите наших друзей из космоса.

Академики обмерили, освоили, исследовали Конструкцию ещё несколько раз.

С этими словами он поднял другую модель.

– Показываю вам, – произнёс он, – прогрессивные ножницы для стрижки овец.

Он быстро подошёл к одному из академиков, обладавшему буйной шевелюрой, и провёл моделью Конструкции над головой коллеги. Коллега оказался наголо обрит, чем весьма возмутился.

– Далее, – сказал Минц, отбрасывая вторую и берясь за третью модель, – мы видим машинку для прокладывания подземных трасс для трубопроводов.

Лев Христофорович опустил модель на пол, нажал на неё, и она тут же вгрызлась в асфальт, пропала с глаз, чтобы через пятнадцать секунд вынырнуть на поверхность в трёх метрах от Минца.

– Далее... – сказал Минц, подхватывая четвёртую модель.

Академики замолкли перед таким невероятным напором изобретательской мысли. Тишина под куполом стояла гробовая. И все услышали, как сверху приближается утробный рёв. Минц замер. Академики вскочили на ноги. Старшина милиции Перепёлкин вбежал под купол и закричал:

– Космический корабль неизвестной конструкции!

– Всё ясно! – голос Минца перекрыл рёв гравитонных двигателей. – Они увидели, как я раскусил эту загадку. Нас примут сейчас в галактическое содружество.

Все высыпали наружу, глядя, как схожий с волчком, ярко расписанный космический корабль осторожно опускается на площадь.

Минц вышел вперёд. Никто не посмел остановить его в час галактического торжества. Загадочно улыбаясь, профессор крутил в пальцах простенькую свирель.

Открылся люк. Из корабля вышел инопланетянин, одетый небрежно, притом босой. Он вежливо кивнул собравшимся, огляделся и спросил:

– Где?

– Там, – сказал Минц, указывая на купол шапито.

– Ах да! – сказал пришелец и совершил короткое движение указательным пальцем, отчего купол мгновенно испарился и возник вновь в сложенном состоянии метрах в ста от Конструкции. – Лишнее это, – продолжал пришелец. – Она не боится дождя и холода. Вечная вещь. Но в любом случае спасибо.

Пришелец наклонил голову, разглядывая Конструкцию. Потом взгляд его упал на профессора Минца, который вытащил из кармана маленькую модель Конструкции, что должна была совершить переворот в швейном деле.

– Ах, молодец! – сказал пришелец, улыбаясь. – Похоже, похоже. Копиист?

– Нет, – улыбнулся в ответ Минц. – Своего рода рационализатор.

– Ну-ну, – сказал пришелец. – Я-то думал, что заберу её у вас. Ошибка вышла, везли на Сперлекиду, а почтари сбросили в другом секторе. Ну, думаю, заберу и поставлю где надо. А вам, оказывается, понравилась. Копии делаете, на площади под брезентом держите. Ну, спасибо!

– Мы же понимаем, – сказал Минц.

– Понимание искусства – великий дар космоса, – согласился пришелец. – Я отдал созданию этой скульптуры два года жизни!

Минц незаметно спрятал в карман маленькую модель Конструкции. Кто-то из академиков хмыкнул. Инопланетный скульптор обвёл глазами площадь и сказал:

– Правда, мыслить категориями большого пейзажа вы не научились. Это мы исправим.

Движением пальца он перенёс на другой берег реки Гусь церковь Параскевы Пятницы, другим – отодвинул с площади старинное здание музея, третьим убрал гостиный двор. Теперь ничто не мешало гуслярцам со всех концов города видеть жуткую чёрную Конструкцию.

И улетел.

А Конструкция стоит на площади и по сей день. Мало кто любит её в городе, но неловко как-то выбрасывать космический дар.

Зато профессор Минц выкинул в речку свою самодельную свирель.

ПРОЩАЙ, РЫБАЛКА

Когда Попси-кон с планеты Палистрата посетил Великий Гусляр, он пользовался бескорыстным гостеприимством Корнелия Удалова. Улетая, Попси-кон пригласил Удалова в гости в удобное для того время. Удобное время случилось следующим летом, и Корнелий Иванович собрался на Палистрату.

Невысокий стройный Попси-кон ждал Удалова на космодроме. Он был несказанно рад другу, обнял и поцеловал в щёки, чему научился на Земле. Беспрестанно болтая, расспрашивая об общих знакомых, о погоде, о жилищном строительстве и видах на урожай в Гусляре, он провёл Удалова к своей машине, и они поехали в город.

Удалов с интересом смотрел по сторонам, разглядывая обитателей Палистраты и знакомясь с условиями их жизни.

Машина мягко катила по подметённым улицам столицы, обсаженным невысокими пышными деревьями, мимо скромных изящных вывесок и со вкусом оформленных витрин. Казалось, что никто в этом городе не спешил, люди терпеливо ждали на перекрёстках зелёный свет, чтобы пересечь улицу, дети были вымытые и аккуратные.

– Вот и наш дом, – сказал Попси-кон, останавливая машину у одноэтажного особняка, утопавшего в саду. – Здесь всё, Удалов, к твоим услугам. Живи, сколько хочешь, развлекайся, телевизор на столе. Но поначалу на улицу без меня не выходи.

– А что, не изжиты случаи хулиганства? – спросил Удалов.

– Изжиты, – ответил Попси-кон. – Хулиганства у нас почти не наблюдается. Живём тихо. Заняты работой и творчеством. Но есть одна опасность для непосвящённого.

Договорить Попси-кон не успел, потому что они вошли в гостиную, где поджидали домочадцы, и Удалов начал с ними знакомиться.

Сначала к Удалову подошла маленькая девочка и сказала:

– Здравствуйте. Как долетели, голубчик? Не трясло?

– Спасибо, крошка, – сказал Удалов. – Долетел отлично. А ты уже в школу ходишь?

Он отыскал в кармане конфету «Трюфель» и протянул ребёнку.

Девочка хихикнула и взяла конфету.

– Ты мне не писал, что у тебя дочка есть, – сказал Удалов хозяину дома.

– Дочка? Нет, – ответил Попси, ласково улыбаясь. – Разреши представить. Это мой папа.

Девочка вежливо поклонилась и, сжимая в ручке конфету, бросилась бегом из комнаты.

Удалов откашлялся, но переварить информацию не успел, потому что к нему подошёл, протягивая руку, суровый старец с сизой бородой, заплетённой в косички.

Пожимая старику руку, Удалов услышал слова Попси-кона:

– Моя младшая сестра, Куцилия-коп.

– Здравствуйте, – сказал Удалов, вглядываясь, настоящая борода у младшей сестры или так, украшение.

– А жена твоя... – начал Удалов.

– Вот моя жена, знакомьтесь, – сказал Попси-кон, показывая на большую рыжую собаку, которая сидела на стуле.

Собака подняла переднюю лапу, и Удалов вынужден был пожать конечность, но при этом ощутил некоторое раздражение, подумав, что его безжалостно разыгрывают.

– Пойми нас правильно, – сказал Попси-кон, но Удалов перебил его, показывая на белого попугая в клетке:

– А это твой дедушка?

– Нет, – ответил попугай, отодвигая лапкой крючок на дверце. – Меня зовут Клопси-кон, я дядя Попси-кона.

– Ясно, – сказал Удалов, не скрывая сарказма. – Ещё родственники есть?

– Есть, – ответила изысканно одетая девушка, выходя из-за портьеры. – Можете меня называть просто Кукси.

– Вы его дедушка? – спросил Удалов не без ехидства.

– Нет, – добродушно улыбнулась Кукси, – я племянница Попси.

– Ну хоть здесь всё ясно, – обрадовался Удалов.

Он невольно залюбовался девичьей статью и румянцем Кукси.

– Я уже накрыла на стол, – сказала Кукси. – Мойте руки и спешите, а то остынет.

Попси провёл Удалова в туалет, и Корнелий быстро привёл себя в порядок, лихорадочно раздумывая, обидеться ли ему на Попси-кона за розыгрыш или пошутить в ответ. Так ничего и не придумав, Удалов вышел к столу, где собрались его новые знакомые, а также ещё два ребёнка, которые назвались Попсиными тётками, и большой рыжий кот, сказавший басом, что он – племянник жены Попси от первого брака.

Кукси заботливо ухаживала за Удаловым, а Попси и его родственники развлекали Удалова разговорами и были столь многоречивы, что Удалову не удавалось самому задать ни одного вопроса. Но атмосфера, царившая за столом, была настолько тёплой и дружеской, что Корнелий чувствовал себя как дома. За кофе кот с попугаем спели для Удалова местную народную песню, а девочка-папа сплясала чечётку. И Удалов решил воздержаться от расспросов – мало ли какие у людей бывают обычаи, мало ли кто и как называет своих родственников и домашних животных. Ведь завела же соседка Удалова Гаврилова собаку породы боксёр-такса, а называет её кисочкой.

После обильного обеда Удалова начало клонить в сон, и Попси отвёл его в небольшую уютную спальню и оставил одного.

Удалов спал спокойно. Ему снилось, что к нему подходит шкаф и говорит:

– Я твоя жена Ксения, ты не узнаёшь меня, козлик?

– Никогда не подозревал, что ты из красного дерева, – отвечает растерянно Удалов.

– Не беспокойся, это только фанеровка, – говорит шкаф.

– А кто же будет по хозяйству? – беспокоится Удалов. – Кто будет обед готовить, за детьми ухаживать?

– Ничего, – отвечает шкаф. – Ты двигайся, заботься, а я постою.

Удалов был готов к дальнейшим чудесам и потому не очень удивился, когда собравшаяся за завтраком семья Попси-кона оказалась иной, чем вчера. Самого Попси-кона Удалов узнал сразу, а вот милая Кукси предстала в образе толстой обезьянки и засмеялась, когда Удалов пытался отогнать животное от стола, чтобы не утащило коржики.

Кто из остальных родственников сменил за ночь обличье, а кто остался в старой шкуре, Удалов выяснить не смог, да и не стал углубляться в расспросы. Захотят – сами скажут.

После завтрака Попси-кон повёл Удалова в музей.

– Здесь у нас скучновато, – сказал Попси, когда они шли через тенистый парк. – Население невелико, жизненный уровень высокий, а культура развита слабо. Скучаем.

– Слушай, – не выдержал Удалов. – Что это у вас происходит? Сначала девушка, потом обезьяна? Неустойчивость какая-то.

– Да, – согласился Попси-кон, – это у нас от скуки. Кстати, Кукси вроде бы раза в три меня толще. Я, правда, давно её не видел.

– А где её естественный вид? В шкафу висит?

– Кто знает.

– И трудно в естественный вид вернуться?

– Ну уж нелегко, – согласился Попси-кон.

– А как же преступность? Ведь раздолье для злоумышленников, если у людей внешность меняется. Скрыться легко.

– Ну, с этим мы справляемся, – возразил Попси-кон. – Проследить всегда можно.

Навстречу им шла группа молодых людей. При виде экзотически одетого и экзотически выглядевшего Удалова молодые люди остановились и, как по команде, вынули из карманов мячики с грецкий орех размером и с улыбками протянули Удалову.

Удалов нерешительно взглянул на Попси-кона.

– У меня ничего в обмен нету, – сказал он.

– И не надо, – ответил Попси-кон и велел молодым людям проходить дальше.

Те спрятали шарики в карманы и послушно удалились.

– Неловко получилось, – огорчился Удалов. – Мы их не обидели?

– Нет. Ты же иностранец, тебе уезжать скоро.

– Это меня не оправдывает, – сказал Удалов. – Надо было значков захватить, сувениров.

На улице возле музея Удалова окликнули.

– Эй, – сказало небольшое развесистое деревцо. – Давай, а?

К Удалову протянулась тонкая ветвь, в которой был зажат шарик.

– Нету, – сказал Удалов. – Нет у меня никакого обмена.

В музее Удалов получал эстетическое наслаждение, а Попси-кон шёл рядом и радовался, что угодил другу. Всё шло нормально до тех пор, пока в одном из залов они не столкнулись с экскурсией, которую вела очень крупная полная женщина с гривой рыжих волос.

– Какая красота! – вырвалось у Попси-кона.

– Нравится? – спросил Удалов. – Признаю. Но не в моём вкусе.

– Это моя мечта, – признался Попси-кон.

– Тогда знакомься, – предложил Удалов. – Если жена не возражает.

– Она не возражает, – ответил Попси-кон. – Она сегодня, если не ошибаюсь, ветеран-железнодорожник. А ты не обидишься? – спросил Попси-кон. – Вроде бы по законам гостеприимства...

– Забудь, – успокоил его Удалов. – Гостеприимство не в этом. Главное в человеке – душа, а формальности оставим дипломатам.

Эти слова убедили Попси-кона. Он направился к экскурсоводше, вынимая из кармана шарик.

Экскурсоводша улыбнулась Попси-кону и сказала слушателям:

– Простите, я сейчас к вам вернусь.

«Ой, как у них здесь всё просто, – подумал Удалов. – Даже не познакомились толком. И перед его женой неловко...»

Из деликатности Удалов отвернулся и стал смотреть на полотно, изображающее сельскую сцену в момент уборки урожая. Любовался он картиной минуты две, не больше, и вернулся к действительности оттого, что его вежливо тронули за плечо. Рука была мягкой и крупной. Удалов обернулся. Рядом стояла женщина-экскурсовод.

– Пойдём, – сказала она. – Я хочу тебе, Корнелий, показать зал современной скульптуры.

Взгляд Удалова метнулся к группе экскурсантов. Его друг Попси-кон уходил из зала, уводя за собой группу, и даже не обернулся.

Оттолкнув женщину, Удалов метнулся к выходу.

– Попси! – закричал он, нарушая тишину. – Попси, куда ты?

Попси исчез, а внушительная женщина крепко схватила Удалова за рукав.

– Не хватайте, гражданка! – возразил Корнелий. – У меня жена на Земле осталась. Мне это ни к чему.

– Ах, Корнелий, Корнелий, – сказала женщина, не ослабляя хватки, – ты же не возражал.

– Против чего? – удивился Корнелий. – У нас с вами разговора ни о чём не было. Я вас вообще первый раз вижу.

– Нет, – возразила женщина. – Погоди, я объясню. Садись.

– А мой Попси тем временем исчезнет? Я в этом городе даже дороги домой не найду.

– Я и есть твой Попси, – прошелестела пышная женщина.

– А там?

– А там – экскурсоводша. И я благодарен тебе, Корнелий, что ты не помешал мне воплотить давнюю мечту – побыть в облике настоящей красавицы...

– Объяснитесь... – Удалову трудно было перейти с этой женщиной на ты, хоть она и претендовала на роль его друга.

– Понимаешь, Корнелий, – сказала женщина, – ты же сам сказал: главное в человеке – душа. Я поменял только телесную оболочку. Мой ум, мои чувства – всё сохранилось. Я ощущаю мир как женщина-экскурсовод, я постигаю вселенную, обогащая себя новыми впечатлениями и открытиями. Но внутри – это всё равно я, Попси-кон, твой друг. И если не веришь, я скажу тебе, что живёшь ты, Корнелий Иванович Удалов, в городе Великий Гусляр, на Пушкинской улице, в доме номер шестнадцать, где ещё недавно я пил чай в обществе твоей жены Ксении и твоего соседа Саши Грубина. Как ты понимаешь, такой информацией на всей нашей Палистрате обладаю лишь я, Попси-кон.

– Да, тут ты меня убедил, – сказал Удалов. – Хоть всё равно странно. А ты в таком виде замуж можешь выйти?

– Разумеется, могу. Но это случается чрезвычайно редко. Ведь благодаря изобретению нашего великого учёного, покойного Ксикакекона, который придумал генератор обмена, – Попси-кон показал Удалову шарик размером с грецкий орех, – меняемся телами мы исключительно для развлечения. С жиру бесимся. Можно сказать, что обмен телами у нас популярное хобби.

– Так значит, мне предлагали телом поменяться! – воскликнул Удалов. – А я всё думал – сувениры, сувениры.

– Но я не хотел вовлекать тебя в наши развлечения, – сказал Попси-кон, поправляя прядь волос, упавшую на лоб. – Тебе возвращаться на Землю, и хотелось вернуть тебя в привычном виде. Разумеется, каждому хочется побывать в шкуре инопланетянина. Но ищи потом Удалова...

– Это правильно, – сказал Удалов, – что ты меня оградил.

– У нас, бывает, тело уйдёт по рукам. Говорят, центр нападения в нашей футбольной сборной в каждом матче другой. Потому с футболом у нас неладно – никакой психологической стабильности. Некоторые тела – большой дефицит. Футболистом, кинозвездой каждый хочет стать. Большие деньги приплачивают...

– А премьер-министром? – спросил Удалов.

– Государственным служащим нельзя. Запрещено.

– И правильно, – сказал Удалов.

Удалов кинул взгляд на друга, и глаза его упёрлись в полную белую дамскую шею. Стало неловко. Удалов потупился.

– А тебе, Корнелий, советую беречься, – сказал Попси-кон. – Повторяю, желающих на тебя много.

– Нет! – произнёс Удалов уверенно. – Ни в коем случае.

Но по дороге к дому Удалова начал терзать соблазн. Ведь можно попробовать на минутку, на десять минут – и обратно. Попросить кого-то знакомого, ну хотя бы Попси-кона...

Попросить Попси-кона Удалов не успел, потому что они подошли к дому, а там Попси сразу вызвали к телефону. Удалов направился в гостиную и уселся в кресло. Его переполняли чувства и мысли. Он решил подождать, пока Попси освободится, чтобы попросить его одолжить на минутку тело... с возвратом.

Тут в комнату вошёл пожилой горбун в чёрном смокинге.

– Здравствуйте, Корнелий Иванович, – сказал он.

– Простите, – ответил Удалов, – я не знаю, с кем имею честь.

– А я Пукси, младший сын Попси, – сказал горбун, разглаживая усы. – Мне девять лет, уже разрешили меняться.

– Ну и как? – спросил Удалов. – Нравится?

– Очень смешно, – ответил мальчик. – Я хочу в школу таким пойти. Правда, у нас вчера Крауксо-коник пришёл в виде балерины – его с урока выгнали. А меня выгонят?

– Не знаю, – сказал Удалов. – Я бы выгнал.

– А если я приду в образе инопланетянина? – спросил мальчик.

– В каком образе?

– В вашем! У нас вы один такой. Одолжите своё тело?

– Нет, – сказал Удалов, – ты его потерять можешь.

– А если я не буду из дому выходить? – спросил ребёнок.

– Нет. – Но в голосе Удалова не было уверенности.

– Может, вам моё тело не нравится? Так я сейчас поменяюсь. У меня друг в соседнем доме живёт.

– А у него что? – спросил Удалов, замирая от предчувствия.

Но горбун с резвостью, странной для пожилого человека, обременённого недугом, уже побежал к выходу.

В доме было тихо. Попугай, населённый в этот момент неизвестно кем из домочадцев, мирно дремал на жёрдочке, на кухне звенели посудой, рядом прожужжала муха, Удалов хотел было её прихлопнуть, но испугался. А вдруг она – известный здешний скрипач?

Минуты через три в комнату быстро вошла курчавая девочка лет пятнадцати. В руке она держала шарик. Она протянула его Удалову:

– Это вам генератор, я его взаймы взял. Давайте, быстро меняемся. А то папа придёт, он мой поступок не одобрит.

– Это ты, Пукси? – спросил Удалов. – Неловко как-то.

– Да скорей же, скорей, – поморщилась девочка.

– И тут же обратно, – сказал Удалов.

– Ну конечно, попробую и тут же обратно.

Удалов принял шарик, сжал в пальцах. Шарик был тяжёлым и прохладным. Девочка вынула из кармашка платья такой же шарик и, протянув руку, коснулась им шарика Удалова. У Корнелия на мгновение помутнело в глазах, он зажмурился, а когда открыл глаза, оказалось, что он стоит не лицом к двери, как только что, а спиной, а перед ним знакомый полный мужчина средних лет с пшеничными редкими, вьющимися на висках волосами и круглым невыразительным лицом. «Господи, – понял Удалов, замирая от ужаса и восторга, – это же я! Какой прогресс!»

Руку холодил шарик.

– Спрячьте, а то потеряете, – сказало ему тело Удалова, в котором скрывался сынишка Попси-кона.

Удалов взглянул на свою ладонь и удивился, увидев, насколько она узка и бледна. Типичная ладошка девочки-подростка. Удалов спрятал шарик в кармашек на юбке – пальцы нашли его привычно. И тут же рука поднялась к виску и обнаружила там густые девичьи кудри.

– Вот это достижение! – сказал Удалов. Голос его оказался тонким и нежным.

А Пукси заметил голосом Удалова:

– Это самое интересное развлечение на свете. Хотел бы я завтра пойти в школу в таком виде. Может, вам нравится девчонкой быть? Я как из школы вернусь...

– И не мечтай! – сказал Удалов тонким девичьим голоском. – Я папе скажу.

В коридоре послышались тяжёлые шаги.

– Ой, он идёт! – сказал Удалов-Пукси.

Он бросился к раскрытому окну, перемахнул через подоконник и исчез. Удалов-девочка метнулся за ним и только увидел, как его родное тело пробирается сквозь кусты.

– Стой! – закричал он. – Отдай тело!

– Ты кто, девочка? – спросила женщина-экскурсовод.

Удалов обернулся. Горло его свела судорога. Страшно захотелось заплакать. Наверное, обладательница тела была плаксой. Он попытался вспомнить, где у него лежит носовой платок, но рука его коснулась девичьего бедра и в ужасе отдёрнулась.

– Неужели это ты, Корнелий? – спросил Попси-кон.

– Может быть, – сказал Удалов. – Я не знаю.

– Ты с кем поменялся?

Слёзы хлынули из девичьих глаз Корнелия. Он произнёс:

– Это твой сын... Он сказал: на минуточку...

– Ну, успокойся. – Толстая женщина обняла девушку за узкие плечики и прижала к себе. – Мы его поймаем, мерзавца!

– А если не пойма-а-а-аем...

Слёзы буквально душили Удалова, хлестали из глаз.

– Ты сам виноват, – сказал Попси, – я тебя предупреждал!

– Но я на минутку... Он обеща-а-а-ал...

К этому времени все домочадцы Попси-кона сбежались в гостиную, проклиная неразумного мальчишку и глубоко сочувствуя несчастному гостю. Однако Удалов всё никак не мог успокоиться, и тогда толстая обезьяна, в которой неизвестно кто в тот момент располагался, сказала так:

– Дорогой Корнелий Иванович, мы обещаем тебе, что найдём гадкого мальчишку и отнимем у него твоё тело. Но я советую тебе использовать обстоятельства, в которых ты оказался.

– В каком смысле? – всхлипнул Удалов.

– Иди гулять, наслаждайся погодой и своей молодостью, нюхай цветы, ощути, насколько острее и тоньше стали твои чувства и органы обоняния. Гуляй, Удалов.

– Правильно, – сказал Попси-кон, – погуляй, друг. Мы виноваты не меньше тебя и не оставим тебя в беде...

– Никакая это не беда! – воскликнул попугай. – Считайте, что Удалов приобщился к нашим играм.

Удалов встал со стула, поправил юбочку и, звонко стуча каблучками, пошёл к выходу. «В самом деле, – думал он, – все обойдётся – ведь не на помойку моё тело выкинули, ну покажет товарищам и отдаст. А пока... Ну кто ещё из моих земляков гулял в девичьем теле?»

В саду Удалов остановился перед цветущим кустом роз и вдруг, глядя на шёлковые лепестки, на упругие бутоны, впервые в жизни ощутил нежность аромата и изысканное совершенство цветов. «Господи, – подумал он, – какая красота! Что же делал я все мои сорок лет? Почему этот немыслимый рисунок жилок на зелёном листе, почему эта уверенная завершённость траектории полёта пчелы раньше проходили мимо моего внимания? Почему я раньше не понимал прелести живой природы? Вот идёт юноша, чёрные волосы шевелит ветерок, глаза синие, глубокие, с вниманием и интересом замерли на мне, он замедлил шаги, вглядываясь в моё лицо. Я краснею?..»

Удалов резко отвернулся от юноши. Это чёрт знает до чего можно дойти!

В окно высунулась рыжая голова Попси-кона.

– Удалов! – сказал он. – Мы обзваниваем его друзей. Далеко он уйти не мог. У одного он уже побывал, но отказался поменяться телом. Что? – Попси-кон повернулся к кому-то внутри комнаты и исчез.

Удалов непроизвольно кинул взгляд на черноволосого юношу. Юноша не уходил. Бабочка, элегантно покачиваясь в струях душистого воздуха, опустилась на цветок, и Удалов залюбовался ею.

Толстая обезьяна вспрыгнула на подоконник.

– Беда! – сказала она. – Только что звонили! Этот негодяй поменялся твоим телом с подругой. Погоня продолжается!

Удалов не ответил.

А не всё ли равно, подумал он, в какой оболочке находиться? Жизнь многообразна, и нужно познать её тайны, пока не стал стариком и не потерял интереса к преобразованиям.

Удалов поправил юбку и медленно, расцветая девичьим стыдливым румянцем, направился к юноше.

– Здравствуй, – сказал он. – Ты здесь живёшь?

– Да, – ответил юноша ломким баском.

– Может, в кино пойдём? – спросил Удалов.

– Нет, – сказал юноша. – У меня к тебе другая просьба.

– А как тебя зовут? – спросил Удалов дрогнувшим голоском.

– Погоди. – Юноша увлёк Удалова за кусты, чтобы его не увидели из окон.

Удалов послушно пошёл за юношей, заранее трепеща от тех слов, которые суждено услышать. И этот внутренний трепет был, как ни странно, приятен.

– Слушай, – сказал юноша, вынимая из кармана шарик-генератор. – Ты в моём теле. А оно мне страшно понадобилось. Мой друг, враг обменов, сказал, что не будет со мной водиться, если я каждый раз чёрт знает в каком виде буду ему показываться. Я третий день себя ищу.

– Ты девушка? – спросил Удалов. – А я понял...

– Сделай одолжение, отдай мне тело, – сказал голубоглазый юноша. – Тебе всё равно, оно ведь не твоё. Хочешь, я приплачу?

– Как не стыдно! – возмутился Удалов. – Я здесь приезжий, второй день живу, сам своё тело разыскиваю. Как не понять!

Удалов извлёк шарик, коснулся шарика юноши, и они поменялись телами, хотя, надо признать, Удалов чувствовал некоторую горечь оттого, что юноша оказался девушкой.

В новом теле было жить приятно – тело кипело энергией, хотело прыгать, бегать и совершать поступки. На прощание Удалов пожал девушке руку, ощутив тонкость и хрупкость пальчиков, столь недавно принадлежавших ему, и пожелал ей успехов в личной жизни.

Что теперь? Вернуться домой и ждать у телефона?

Он подошёл к окну, заглянул внутрь и спросил обезьяну:

– Новости есть?

Обезьяна удивилась:

– Ты кто такой?

– Удалов.

– Опять поменялся? Ну, ты шустрый!

– Меня очень попросили, – сказал Удалов.

В комнату вошёл Попси-кон в облике экскурсоводши.

Удалов ему представился. Попси-кон был подавлен.

– Твоё тело передали дальше. Мой сын скрывается в неизвестном виде и в неизвестном месте. Сейчас объявим о пропаже по радио и телевидению. Только не волнуйся!

– Я не волнуюсь, – сказал Удалов.

Но на самом деле он волновался. Новизна ощущения прошла. И в его сердце начала забираться тревога. Тревога усилилась к вечеру, когда обнаружилось, что на телевизионный призыв никто в городе не откликнулся, а вернувшийся домой в образе слонёнка и жестоко выпоротый отпрыск Попси-кона сообщил, что ничем помочь не может.

Новое тело Удалова всё время требовало пищи и желало прыгать и бегать. Удалов этого тела стеснялся. До середины следующего дня он скрывался в доме, удерживая тело от попыток вырваться на простор. Попси-кон утешал друга как мог, но разве поможешь утешениями, если у друга хорошо развито воображение и он представляет, что скажет жена Ксения, если он появится в Великом Гусляре в молодёжном виде? А что скажут на службе? А если его тело уже утонуло? Или упало с горы? Положение становилось критическим.

После обеда, когда в доме все спали, Удалов вышел на улицу. Его влекло собственное беспокойство и нетерпение молодого тела, которому хотелось размяться. Удалов сдерживал шаги, чтобы не пуститься рысью, и нервно оглядывался по сторонам, потому что не терял надежды случайно встретиться со своим телом.

Он вглядывался в лица и думал: всё на свете только фасад, только маски. Так и на Земле бывает: под лицом негодяя скрывается добрейшей души человек, за маской красавицы таится кобра, и как их всех разгадаешь, если не по поступкам?

«А вот и я!» Удалов бросился вслед за округлым мужчиной в чёрных очках.

– Стой! – закричал он, расталкивая прохожих. – Стой!

Он поймал человека за полу плаща и потянул к себе. Лицо в чёрных очках воззрилось на него удивлённо, и Удалов, сорвав очки, понял, что жестоко ошибся. На зубах незнакомца были золотые коронки, чего себе Удалов никогда не позволял.

– Простите, – сказал печально Удалов, возвращая на место тёмные очки. – Я вас за себя принял.

– Потеряли тело? – спросил сочувственно прохожий. – Эта проблема встаёт в нашей жизни всё чаще и острее. Собственное тело оказывается нужным при поездках за рубеж, на суде или на экзаменах, при прохождении военной службы или при совершении свадебной церемонии. А некоторые легкомысленные особы позволяют своему телу потеряться. Нет, пора принимать меры!

– Совершенно согласен! – воскликнул Удалов. – Вот мне сорок лет, и притом я здесь приезжий.

– Соблазнились! – вздохнул прохожий. – Вот и я тоже. И видите, чем это кончилось?

– Чем?

– Хромаю. Ногу где-то повредили, даже не знаю, при каких обстоятельствах. Поглядите: и рука обожжена, и глаз подбит, приходится в тёмных очках ходить.

– А моё тело тоже мальчишки взяли, – сказал Удалов.

– Ну, может, обойдётся, – успокоил прохожий.

– Мне бы моё... – сказал Удалов. – Пускай с гастритом и зубной болью, но знаете... привык за сорок лет. Если не найду своего тела, уж лучше такое, как ваше, возьму. Хоть не стыдно перед женой и сыном.

И Удалов пошёл дальше по улице, ощущая противоречие между бурлящей энергией своего юного тела и горьким настроением сердца.

– Постойте! – догнал его крик прохожего. – Я не могу смотреть без горести на ваше положение. Я согласен помочь вам. Берите!

– Чего брать?

– Тело моё берите. Не первой свежести, но всё же. Если вам это поможет.

– Спасибо, – искренне сказал Удалов. – Большое спасибо. Вы настоящий Человек с большой буквы.

Через две минуты Удалов продолжал путь в пожилом, страдающем болями в печени и одышкой теле прохожего.

Через тёмные очки было трудно различать краски, нога не слушалась и всё время старалась подогнуться. Чувство благодарности к прохожему постепенно начало уступать место подозрительности. Уж очень тело было никудышным. Даже передвигалось еле-еле. А вдруг его никто не захочет взять? Что же тогда – уходить на пенсию и проводить остаток жизни по санаториям и больницам? Эх, до чего неладно получилось! Знал бы, никогда бы не полетел на Палистрату. Говорила же Ксения – сиди дома, не доведут тебя до добра твои космические приключения!

Путаясь в печальных мыслях и раскаянии, Удалов добрался до реки, что текла на окраине города. У реки сидели несколько рыболовов, кто-то купался, кто-то загорал на травке у берега.

Удалов грустно глядел на эту картину, размышляя, вернуться ли домой или утопиться в этой реке.

И вдруг его взгляд случайно упал на тот берег.

И он не поверил глазам.

Его собственное тело, почти обнажённое, в знакомых синих трусах, загорало на берегу, смежив веки и обратив столь знакомое и в общем приятное лицо к солнцу.

– Корнелий! – закричал он сам себе и тут же замолчал: обладатель его тела и не подозревает, что он и есть Корнелий Удалов.

Проклиная свою немощную оболочку, Удалов сбежал к воде.

– Гражданин! – позвал он.

Но, видно, обладатель его тела спал и не слышал.

Как перебраться через реку?

– Мальчик! – крикнул Удалов ребёнку, который резвился в воде. – Ты не хочешь побыть немножко взрослым дядей? Я тебе своё тело дам.

– Такое? – спросил мальчик презрительно. – А что я с ним делать буду? Оно же ничего не умеет.

– Но мне на минутку. Мне очень надо!

– И не надейся, – ответил мальчишка и нырнул.

Ну кого позвать на помощь?

В отчаянии Удалов принялся раздеваться, чтобы попробовать переплыть речку самому, хотя все инстинкты и предчувствия подсказывали, что его новое тело плавать никогда не умело.

Неизвестно, чем бы всё это кончилось, если бы Удалова не пожалел рыболов и не перевёз на тот берег в лодке.

Его тело мирно дремало под солнцем. Удалов наклонился над телом, искренне любуясь линией своего лба, курчавостью волос на висках, маленькой родинкой на щеке. Мог ли он когда-нибудь предположить, что будет любоваться сам собой.

Обладатель тела почувствовал на себе пристальный взгляд Удалова и открыл глаза.

– Вы кто такой? – спросил он.

– Я Удалов, – сказал Корнелий. – Я за своим телом пришёл.

– Не меняюсь, – сказал обладатель тела и повернулся на бок.

– Это ещё почему? – удивился Удалов. – Мне домой улетать. Как же я в чужой оболочке, а?

Обладатель смежил глаза и игнорировал просьбы Удалова.

Вокруг стали собираться люди. Рыболов, который привёз Удалова с того берега, пришёл на помощь.

– Это же гость, понимаете? – сказал он. – Ваш долг вернуть тело.

– Нет, – сказал обладатель, – ни за что! Второго такого тела мне не отыскать.

– Да почему же? – воскликнул Удалов.

– Да потому, что я – Кююкси-кон.

При этих словах обладатель тела раскрыл глаза, сел и обвёл удаловским взором толпу любопытных. По толпе прокатился почтительный шёпот.

– Кто такой Кююкси-кон? – спросил Удалов.

– Это величайший из писателей нашего времени!

– Ну и что? – удивился Удалов. – Если величайший, значит, тело отдавать не надо?

– Поймите, – сказал Кююкси-кон Удалову. – Я талантливо вживаюсь в чужие образы и фиксирую в убедительных словах новые ощущения и чувства. Для моего нового гениального романа нужен настоящий пришелец. Сегодня утром мне удалось раздобыть ваше тело. Вы теперь – герой будущего шедевра. Понимаете?

– Не хочу, – отрезал Удалов. – Вы мне тело верните. Я заплачу.

– Не нужны мне деньги, – сказал писатель. – Мне нужна слава.

– Ну как же так! – возмутился Удалов, обращаясь к толпе. – Помогите мне, товарищи, войдите в моё положение!

Но никто не сочувствовал Удалову. Все восторженно смотрели на своего знаменитого земляка и стремились пожать ему руку, удаловскую руку. И Удалову хотелось крикнуть: «Поосторожнее! Вы мне пальцы отдавите!»

В этот момент сверху донеслось жужжание. С неба спускался вертолёт. Из него выскочил взволнованный Попси-кон.

– Нашли! – закричал Попси-кон, бросаясь к удаловскому телу.

...Переговоры с великим писателем о возврате тела продолжались до полуночи. Сначала на пляже, потом в доме у Попси-кона, наконец на вилле писателя, за бутылками вина. В конце концов договорились, что писатель вернёт Удалову тело за день до отъезда, а пока попользуется им, чтобы войти в образ. К ночи писатель с Удаловым так сбли-

зились, что, обнявшись, долго гуляли по тихим улицам, пели песни, как русские, так и палистратовские, и Удалову было странно, но приятно держать самого себя под руку, обнимать за плечи и заглядывать самому себе в пьяные глаза.

Писатель честно вернул Удалову его оболочку в намеченный срок, а две недели до того Удалов, успокоившись, провёл в развлечениях. Достаточно сказать, что он посетил восемь музеев, три раза был в театре, дважды в ресторане, пять раз на морских купаниях и, что самое интересное, поменял, теперь уже без боязни, восемь тел, в том числе побыл полчаса тигром, полетал над морем в образе альбатроса и шутки ради обещал руку и сердце одному провинциалу, когда проживал в теле прекрасной манекенщицы.

Провожать Удалова пришли не только Попси-кон с семейством, но и новые друзья, в частности обладатели тел, в которых Удалов пожил. Мальчик, сын Попси, попросил прощения, и Удалов расцеловал его на прощание, что сделать было нетрудно, потому что именно этот сорванец унаследовал тело манекенщицы...

Ксения встретила Удалова ласково – ясно почему, ведь Удалов привёз целый чемодан подарков. Поставив обед, Ксения начала разбирать чемодан, а Удалов сел просматривать газеты за последний месяц, так как он сильно отстал в вопросах политики и спорта.

– А это кому? – услышал Удалов голос жены. – Фрукты, что ли?

Ксения держала в руке два шарика. Теперь трудно сказать, забыл ли Удалов вернуть генераторы или сунул в чемодан, надеясь, что вернётся когда-нибудь на Палистрату и воспользуется ими снова.

– Положи на место, – сказал Удалов. – Это чуждая техника.

– Техника, говоришь? – сказала Ксения, которая отличалась подозрительностью. – Если чуждая, зачем привёз? Сознавайся!

– Ну как тебе объяснить. Есть такая невинная игра. – Удалов отложил газету «Советский спорт» и вкратце поведал жене о странных обычаях на планете Палистрата. Ксения, разумеется, не поверила. Она удаловским рассказам не верила. Зато сразу взревновала мужа к тамошней манекенщице и возмутилась преступными, на её взгляд, отношениями Удалова и пятнадцатилетней девчушки, тело которой её муж якобы носил в саду.

Когда Удалову надоело слушать, он поднялся с кресла, протянул жене один шарик и сказал:

Провожать Удалова пришли не только
Попси-кон с семейством, но и новые друзья.

– Дотронься до моего шарика, увидишь, что не вру.

– А током не ударит? – спросила Ксения.

– Током не ударит, – сказал Удалов. – На минутку перейдёшь в моё тело, а потом обратно. И чтобы больше до шариков не дотрагиваться. Ясно?

Ксения подчинилась. Встала по стойке «смирно», протянула вперёд руку с зажатым шариком, зажмурилась, и Удалов, улыбаясь воспоминаниям о Палистрате, легко и привычно коснулся генератором генератора жены. И стал собственной женой.

– Открой глаза, – приказал он.

Ксения в облике Удалова открыла глаза, увидела перед собой Корнелия в образе Ксении и пошатнулась.

– Ох, – сказала она удаловским голосом. – С ума можно сойти.

И бросилась к зеркалу.

– Придумают тоже... – проворчала Ксения, ощупывая мужнино лицо. – Делать людям нечего.

– Ну ладно, – сказал Удалов, протягивая шарик, – поиграли, и хватит. Давай спрячу генераторы.

– Прячь, – согласилась Ксения.

Она обернулась к Удалову, поглядела на его полную женскую фигуру, на встрёпанные волосы, на руки, огрубевшие от стирки, и задумалась.

– Ну, – сказал Удалов. – Сколько я ждать буду? Мне к Грубину сходить надо, сувениры я ему привёз.

– Ага, – сказала Ксения голосом Удалова. – Сувениры. Козла забивать сядете. Знаю.

– Что за муха тебя укусила? Что случилось?

– А ничего, – проговорила вдруг Ксения. – Ничего особенного. Я раздумала.

– Кончай шутить.

– А я не шучу. Гляжу я сейчас на тебя, Удалов, и думаю. Сравни ты наши жизни. Я весь день с ребёнком и с тобой вожусь, стираю, готовлю, по магазинам бегаю. Ни минуты мне покоя и никакого просвета в жизни. А ты как живёшь? Пришёл с работы – к телевизору, от телевизора оторвался – побежал в домино играть, в домино отыграл – с приятелями ля-ля, потом на рыбалку. Наша жизнь несравнима.

– Да ты что? – возмутился Удалов. – Я же конторой руковожу!

– А вот теперь поймёшь, что такое мои заботы по сравнению с твоими, – жёстко ответила Ксения. – Конторой твоей я руководить смогу – дело нехитрое. А вот ты...

– Нет! – испугался тут Удалов. – Я готовить не умею...

– Научишься, на первых порах помогу.

– Ксения, брось эти шутки. Отдай генератор!

– И не подумаю, мой любезный.

Широко размахнувшись, Ксения выкинула генератор в открытое окно. Он сверкнул в солнечных лучах и скрылся в пыльном мареве.

– Ты психопатка! – завопил Удалов и, путаясь в полах халата, метнулся к двери.

Бежать было трудно, тело на этот раз ему досталось рыхлое, тяжёлое, натруженное. Ноги сопротивлялись резким движениям, норовили притормозить... Вслед ему нёсся знакомый смех. Кто смеет смеяться над ним? Да это его же собственный смех.

Соседи как раз усаживались за стол на дворе, они собрались играть в домино.

– Ксения! – крикнул Саша Грубин, увидев соседку. – От Корнелия вестей нету?

– Вернулся! – ответила со злостью Ксения. – Лучше бы не возвращался.

– Что с женщиной случилось? – удивился Ложкин. – В жизни не видел, чтобы она с такой скоростью передвигалась.

Соседи посмеялись словам Ложкина и стали перемешивать кости.

Удалов в растерянности остановился посреди пыльной улицы. Шарика нигде не видно. Он поднял голову. Курчавая лысеющая голова Удалова торчала в окне. Голова ухмылялась джокондовской улыбкой.

– Ксюша, – простёр к ней руки Удалов. – Ты не заметила, куда генератор упал? Может, заметила, а?

Ксения покачала удаловской головой и, не снимая с лица джокондовской улыбки, затворила раму.

Полная, грузная женщина в домашнем халате опустилась на колени и медленно поползла по дороге, разгребая ладонями пыль.

– Пока не найду, не уйду, – тихо твердил Удалов. – Пока не найду, не уйду... А то прощай, рыбалка, прощай, свобода! Не доросли мы ещё до инопланетных игр.

А со двора донёсся голос Корнелия Удалова:

– Подвиньтесь, друзья. Я вернулся со звёзд!

Весёлый шум голосов был ему ответом.

– Садись! – кричали соседи. – Забьём козла!

Толстая женщина в домашнем халате плакала на улице.

ЖИЛЬЦЫ

Грубин изобретал объёмный телевизор.

В своё время он создал обыкновенный, потом собрал цветной, когда их ещё не продавали в магазинах. Тот, цветной, показывал во всём великолепии красок любую чёрно-белую программу.

А теперь ему хотелось создать объёмный. В любом случае это дело недалёкого будущего, лет через десять-пятнадцать такой можно будет приобрести в кредит в любом специализированном магазине. Так чего же ждать?

Полгода Грубин трудился. Все свободные деньги он тратил на транзисторы, провода и кристаллы, соседи трижды жаловались в милицию – дышать невозможно из-за постоянных утечек инертных газов, спать трудно из-за ночных взрывов, к тому же часто перегорают пробки. Грубин оправдывался, спорил, сопротивлялся, но не уступал.

Профессор Минц, сам значительный учёный, зашёл как-то к Грубину и сказал:

– Саша, я специально проглядел всю доступную литературу. На нынешнем уровне науки эта проблема практически неразрешима.

Минц стоял посреди комнаты, по пояс скрытый отвергнутыми моделями, схемами, поломанными деталями, инструментами, изоляционными материалами. Грубин отмахивался паяльником и возражал:

– Кто-то должен изобрести первым. Вы упёрлись в невозможность и верите в неё. Я не верю и изобрету.

– Дело ваше, – вздохнул профессор Минц. – Я всё-таки оставлю вам последние журналы по этому вопросу. Посмотрите на досуге. Куда положить?

– Куда хотите. Вряд ли я буду их читать. Вы думаете, что Галилей читал в журналах статьи о том, что Земля не вертится?

– Тогда не было журналов. Но я полагаю, что он был широким и любознательным учёным.

– Нет, не читал, – не слушая профессора, продолжал Грубин. – Он с детства знал, что Земля не вертится. Ему хотелось доказать обратное.

Минц всё-таки оставил журналы. Он полагал, что Грубин кокетничает. Пахло палёной изоляцией.

Вечером того же дня Грубин демонстрировал частичные успехи соседу и другу Корнелию Удалову. Изображение на экране двоилось и было нечётким. Но порой казалось, что часть экрана заметно вспучивается, выгибаясь в комнату. Тогда Удалов говорил:

– Гляди, объём!

– Вижу, – отвечал Грубин. – Значит, в принципе достижимо. Главное – не читать тех самых статей.

Беда была в том, что объёмной могла становиться, к примеру, рука диктора, или галстук, или, наконец, один из этажей дома. За счёт выпуклости в экране образовывалась впадина. Электронные трубки не выдерживали и лопались.

– Одолжи сотню, – сказал Грубин. – Я на мели.

– Ты же знаешь, – сказал Удалов, – Ксения уже прячет от меня деньги.

Но опыты продолжались. В начале ноября Грубин позвал Удалова поглядеть на очередное достижение. Диктор, читавший последние известия, наполовину вылез из экрана. Тут он прервал речь и оглянулся по сторонам, словно понял, что попал в другую комнату. Удалов приблизился к экрану и заглянул сбоку. Нос диктора был вне телевизора.

– Саша, – сказал Удалов, – какая же это объёмность? Он в самом деле наружу вылез.

– А ты чего хотел?

– Должно только казаться.

– Вот тебе и кажется.

– Да ты встань на моё место, погляди!

– Чего глядеть? Уж нагляделся. Настоящая объёмность должна быть со всех сторон.

Тут раздался взрыв, и трубка разлетелась на куски. Никто не пострадал. Удалов ушёл ужинать.

Окончательная победа пришла к Грубину вечером в пятницу, когда не перед кем было похвастаться. Все ушли в кино.

Грубин включил первую программу. Показывали балет. Видно было, как далеко вглубь уходит сцена, как оттуда набегают на Грубина

балерины. Одна с разбегу выскочила за рамку, но, видно, сообразила, что падает со сцены, ухватилась за край и перемахнула обратно.

Эпизод с балериной так взволновал Грубина, что он выключил телевизор и задумался. Ведь он мечтал о полной объёмности изображения и добился своего. Но возник побочный эффект: для тех, кто был внутри телевизора, комната Грубина тоже казалась реальным миром. Балерина побывала вне экрана, но смогла вернуться.

Надо бы пойти к Минцу посоветоваться, какова физическая основа этого явления. Но Минц всё поставит под сомнение, привлечёт авторитеты и в результате докажет, что этого быть не может.

Значит, надо убедиться самому.

Грубин положил перед экраном подушку, чтобы чего не случилось, и снова включил телевизор.

Балет кончился. Показывали цирк. Элегантная дрессировщица в блестящем наряде ходила в глубине экрана и погоняла палочкой крупных животных – тигра, льва и медведя. Животные прыгали с тумбы на тумбу, рычали и становились на задние лапы. Дрессировщица никак не подходила к краю экрана, звери тоже оставались вдали. Грубин опечалился – дрессировщица ему понравилась. На мгновение ему пригрезилась судьба Пигмалиона, который изваял скульптуру и полюбил её. Если бы дрессировщица вышла из телевизора, она бы осталась на некоторое время здесь и Грубин узнал бы, как её зовут. За грёзами он упустил момент, когда дрессировщицу начали снимать другой камерой и она оказалась к Грубину спиной.

Лев надвигался на женщину, а она, отступая, как бы манила зверя за собой. Грубин потянулся к телевизору, чтобы выключить его. Он был согласен на дрессировщицу, но не терпел дома львов. Но выключить телевизор он не успел: в тот момент, когда его рука прикоснулась к кнопке, дрессировщица оступилась, споткнулась о край экрана, и лев, почуяв её мгновенную слабость, прыгнул, скотина, на свою повелительницу. Дрессировщица сделала ещё один быстрый шаг назад, конечно, не удержалась, с высоты рухнула на подушку у экрана, а за ней стрелой вылетел лев. И тут же трубка лопнула, посыпались осколки стекла, в телевизоре что-то зашипело, шипение передалось на громоздкую приставку, занимавшую чуть не половину комнаты, послышался треск, и стало темно – перегорели пробки.

Грубин ощупью выбрался из комнаты и, взяв в привычном месте свечу и спички, полез чинить пробки. Хорошо, что никого нет дома. Ещё вчера Ксения Удалова предупреждала: «Пережжёшь ещё раз, Саша, добьюсь, что тебя выселят из дома, жизни не пожалею на это доброе дело».

Взбираясь на стремянку, Грубин краем уха прислушивался к тому, что происходит в его комнате. Разумеется, он понимал, что вся история с объёмным изображением – кажущееся явление, но всё равно встречаться со львом не хотелось.

Свет загорелся. Грубин не спеша слез со стремянки, потушил свечу и с минуту постоял перед своей дверью.

– Ну, – сказал он сам себе, – пошёл, изобретатель.

Он приоткрыл дверь на сантиметр. Внутри было тихо и пусто. Как и следовало ожидать. Ни девушки, ни льва. Грубин подошёл к телевизору и опечалился, потому что для продолжения опытов придётся покупать новую трубку, а денег нет и занять не у кого.

Подушка перед экраном была завалена осколками трубки. Чем-то эти осколки напомнили Грубину новогоднюю ёлку. Он подумал, что на подушке придётся спать, потому взялся за угол её, чтобы стряхнуть осколки на пол, но тут его взгляд упал на нечто цветное. Грубин приподнял крупный осколок и увидел, что на подушке лежит дрессировщица – без чувств, ростом с цыплёнка. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Ведь на экране все фигурки очень маленькие, и естественные человеческие размеры – плод воображения зрителей, а если телевизионное изображение выпадает из экрана, то оно должно быть меньше экрана.

Осознав это, Грубин оглянулся в поисках льва. Хоть лев был размером с крысу, по характеру он остаётся львом. Льва не было видно.

Дрессировщица лежала на подушке, очень похожая на настоящую. Грубину захотелось снова включить телевизор и поглядеть, осталась ли дрессировщица на арене или тигр с медведем бегают без присмотра?

Грубин осторожно потрогал дрессировщицу пальцем, чтобы понять, пройдёт ли палец насквозь или нет. Палец не прошёл. На ощупь дрессировщица была тёплой и упругой. От прикосновения она открыла глаза. Глаза были тёмные.

– Ну, не ожидал, – сказал ей Грубин с некоторой укоризной.

И в самом деле он ожидал иного. Если уж объёмность оказалась такой реальной, лучше бы дрессировщица была ростом побольше.

Дрессировщица показалась Грубину совсем молоденькой. Даже странно, что в таком возрасте её доверили хищникам.

– Ну, что мне с тобой делать? – спросил Грубин.

Девушка открыла рот, но никаких звуков не получилось.

Девушка заплакала, но беззвучно, словно звук выключили. В дверь постучали.

– Кто? – спросил Грубин.

Вместо ответа раздался крик.

Грубин обернулся. Удалов с побелевшими от ужаса глазами стоял в дверях, приподняв ногу, в которую вцепилось небольшое жёлтое животное.

– Не бойся, – сказал Грубин, – это лев.

Дрессировщица рыдала, а Грубин думал, как бы ей объяснить, что всё обойдётся. Вдруг она иностранка, гастролирует у нас? А вдруг начнётся международный скандал?

– Какой ещё лев? – возмущался Удалов, размахивая ногой, чтобы стряхнуть хищника. Хищник отлетел по дуге в сторону и исчез в груде бракованных транзисторов. – Ты чего крыс развёл? Ты представляешь, если Ксения узнает?

– А ты ей не говори.

– Нельзя. Она всё равно узнает. Я конспиратор никакой. Чего там у тебя?

Удалов подошёл к Грубину и заглянул ему через плечо.

– Мама родная! – сказал он. – Куклами занялся!

В этот момент дрессировщица приподнялась на локте и попыталась сесть. Если встречу со львом Удалов ещё пережил, то при виде ожившей дрессировщицы силы оставили его. Он опустил голову и тихо пошёл вон из комнаты. Грубину бы его остановить, объяснить научность феномена, но мысли его были столь встревожены, что ухода друга он не заметил.

– Что же произошло? – спросил Грубин у дрессировщицы. – Пожалуй, тут нет ничего удивительного. Ведь всё живое состоит из электронов. И ты из электронов. Так что мы с тобой в чём-то одинаковые. Только ты кажешься, а я настоящий.

Дрессировщица обратила к Грубину умоляющий взор и протянула тоненькие ручки.

– Просишь, чтобы вернул в телевизор? – спросил Грубин.

Дрессировщица закивала головкой.

– Прости, но в настоящий момент у меня нет средств, чтобы приобрести новый кинескоп. Кроме того, боюсь, что есть повреждения в приставке. Придётся потерпеть. Ты есть хочешь? А пить будешь? Значит, эти функции у тебя отсутствуют? Придётся тебе пока отдыхать.

Грубин отыскал старую коробку из-под ботинок, положил в неё тряпочку и на всякий случай поставил блюдце с водой.

– Ложись, – сказал он. – Утро вечера мудренее.

Он перенёс дрессировщицу в коробку и добавил:

– Если ты стесняешься, то я свет погашу.

Дрессировщица, конечно, ничего не ответила. Грубин подошёл к шкафу, распахнул его и стал думать, что бы завтра продать – новый костюм или плащ? Решил, что всё-таки продаст костюм, завернул его в бумагу. Потом заглянул в коробку. Дрессировщица не спала.

– Ну что ты будешь делать! – сказал Грубин. – Женщина есть женщина. Я на твоём месте давно бы спал.

Ночью Грубин проснулся от ужаса. Что-то шуршало неподалёку. Он вспомнил, что по комнате бродит взбешённый лев. Для Грубина он не опасен, а для девушки – страшный хищник.

Грубин вскочил и босиком пробежал к выключателю. Если девушку растерзали, то она, немая, не могла даже позвать на помощь.

Зрелище, представшее его глазам, успокоило и даже развеселило. Дрессировщица, не раздеваясь, спала на тряпочке, положив головку на живот льву. Видно, в темноте лев отыскал свою хозяйку. И правильно, лев-то ручной, только на чужих кидается.

Утром, пока гости из телевизора ещё спали, Грубин сбегал, продал одному человеку костюм за полцены, дождался открытия универмага, купил кинескоп, кое-что перекусить и вернулся домой.

Дом жил субботней утренней жизнью. Профессор Минц сидел у окна, читал журнал, Ксения Удалова выбивала во дворе ковёр, юный Гаврилов гулял по двору с транзисторным приёмником наперевес, в коридоре Грубину встретилась какая-то кошка. Он сначала принял её за льва, а потом встревожился: как бы кошка не пронюхала, что у него за жильцы.

С жильцами ничего плохого не произошло. Они проснулись, сидели в коробке, дрессировщица заплетала львиную гриву в косички, а при виде Грубина вскочила и стала делать руками выразительные движения, которые Грубин истолковал так: «Ну сколько это может продолжаться? Вы оторвали меня от близких и любимой работы, утащили в разгар представления. Будьте любезны вернуть меня в коллектив!»

– Сейчас, – ответил Грубин. – Примем меры. Не беспокойся. А ты ведь даже не представляешь, какое значение для мировой науки имеет твоё существование...

Этого дрессировщица, как человек искусства, конечно, не поняла.

К вечеру Грубину удалось наладить телевизор. Дрессировщица ничего не пила, не ела. Лев тоже не требовал пищи.

Пора включать. Зажужжали лампы, включились печатные схемы, задрожали стрелки могучей телеприставки, и на экране возникла надпись: «Публицистическая студия „Дискуссионный клуб“».

Тут же показали строительный пейзаж, уставленный башенными кранами, а на переднем плане стоял молодой человек с микрофоном в руке, который рассказывал зрителям о непорядках на этом строительстве. У ног молодого человека крутила позёмка, подмораживало. Грубин хотел было, не тратя времени даром, отнести жильцов к экрану, но замешкался, потому что дрессировщица и лев были без тёплой одежды. Пока он думал, как поступить, раздался грохот. Грубин увидел выражение ужаса на лице дрессировщицы. Он обернулся к экрану. Поздно...

Кинескоп снова лопнул, телевизор вышел из строя, и виной тому был молодой человек, выпавший из телевизора. Всё ещё сжимая в пальцах микрофон, он сидел на столе и стряхивал с себя мелкие осколки стекла.

– Этого ещё не хватало! – в отчаянии воскликнул Грубин.

Когда Грубин пересаживал молодого человека в коробку из-под ботинок, тот отчаянно сопротивлялся и даже умудрился цапнуть Грубина за палец. Видно, находился в шоке, не соображал, что происходит. А звуков, как и девушка, не издавал.

При виде новенького лев замотал гривой, выражая недовольство. Зарёванной девушке пришлось удерживать льва обеими руками, а молодой человек, не обращая на остальных жильцов внимания, принял-

ся вылезать из коробки. Пришлось его отсадить в пустой ящик из-под гвоздей. Молодой человек принялся метаться по ящику и колотить в стенку кулачками.

Грубин совсем опечалился. Он попал в финансовую, научную и моральную пропасть. Придётся обратиться за советом и помощью к профессору Минцу.

Стоило прийти к такому решению, как дверь в комнату распахнулась и на пороге возник сам профессор Минц, словно отчаянные мысли Грубина проникли сквозь стену.

– Здравствуйте, голубчик, – сказал профессор, протискиваясь к центру комнаты. – Говорят, здесь у вас чудеса.

– С Удаловым разговаривали?

– Что же делать, если вы таитесь. Говорят, что разводите жёлтых крыс и живых кукол. Так что же произошло?

– Сами поглядите. – Грубин, поддерживая профессора под локоть, подвёл его к коробке из-под ботинок.

При виде огромной лысой головы профессора дрессировщица метнулась ко льву, словно ища защиты. Минц замер над коробкой, легонько почёсывая кончик носа.

– Откуда? – спросил он наконец.

– Из телевизора, – признался Грубин. – Переборщил я с объёмностью. Вот и стали вываливаться.

– А, фантомы, – успокоился профессор. – А я уж испугался, что вы начали опыты по минимализации живых людей.

– Как вам сказать... – возразил Грубин. – Что-то есть в них от живых людей. Даже переживают.

– Любопытно. Но давайте отвлечёмся от эмоций.

Профессор протянул руку, чтобы взять дрессировщицу и рассмотреть её поближе. Лев приподнялся на задние лапы и попытался прикрыть собой девушку.

– Очень любопытно, – повторил профессор, отбросив льва в угол коробки и умело подхватив дрессировщицу двумя пальцами. – Полное впечатление реальности...

– Вы ей не повредите? – спросил Грубин.

– Зачем же вредить? Я вижу, вы загипнотизированы функциональностью этих изображений и опускаетесь на уровень тёмного Удалова.

– Они же проявляют чувства.

– А чем питаются?

– Ничем.

– Вот видите! Вы, голубчик, оказались в положении зрителя перед телевизором, который верит приключениям, имеющим место на экране. А это всего-навсего сценарий и операторское мастерство.

– А вдруг это она и есть?

– Не понял.

– Та, что выступала. А вдруг она сюда переместилась?

– Простите, Саша, но с такими мистическими настроениями вам лучше науку бросить. Наука не терпит сантиментов. Идите в поэты, воспевайте фей и русалок, начните верить в привидения и астрологию.

В голосе профессора звучал металл. Для него наука была богом, семьёй, возлюбленной, родной матерью – всем. Колебания он рассматривал как предательство.

– Этот голографический фантом я забираю с собой, – сказал Минц. – У вас ещё есть?

– Есть ещё один, – сказал Грубин. – В том ящике сидит.

– Добудьте ещё несколько образцов. Мы должны оперировать не случайными находками, а широким ассортиментом экземпляров.

Дрессировщицу он всё ещё держал двумя пальцами.

– Вот вам деньги. На три кинескопа. Потом рассчитаетесь. Наука требует жертв. Кстати, загляните потом ко мне, возьмите аргентинский сборник. Там статья Рудольфа Перейры о возможной фантомизации при стереоэффектах. Оттуда сможете многое почерпнуть в теоретическом плане. И ещё одно: как только пустите установку, вызовите меня.

От двери Минц обернулся и добавил:

– Я рад за вас, коллега. Вы сделали большое дело. Учиться надо.

Дрессировщица простирала к Грубину ручки. Дверь за профессором захлопнулась. Грубин заглянул в коробку. Лев в отчаянии лежал на дне, положив голову на лапы.

– Нет! – крикнул Грубин, бросаясь за профессором. Он налетел на стол, ушиб колено, опрокинул на пол стопку печатных схем. – Стойте!

Спина профессора была уже в конце коридора.

– Что такое?

– Пускай она пока у меня побудет.

– Вы о ком?

– Пускай девушка у меня побудет. Лев очень переживает.

– Какой ещё лев?

– Отдайте, пожалуйста.

– Саша, я поражён, – сказал Минц. – Из вас никогда не получится настоящего экспериментатора. Вы даёте чувствам обмануть себя.

Грубин подошёл к профессору и протянул ладонь.

– Ах вот что, – насупился профессор. – Ясно. Держите своё сокровище.

Профессор передал девушку Грубину и развёл руками.

– Простите, – сказал он сурово. – Я не сразу понял. Но должен вас заверить, что у меня и в мыслях не было примазываться к чужой работе и славе. Так что ваши опасения беспочвенны.

Высказавшись, профессор сердито потопал по коридору, к лестнице.

– Лев Христофорович! – крикнул вслед Грубин. – Вы не так поняли!

– Ещё как понял! Не впервые сталкиваюсь с такими настроениями в научных кругах. Деньги можете пока не возвращать. Я не мстителен.

Ступеньки взвизгнули под тяжёлыми шагами профессора.

– Эх, – махнул свободной рукой Грубин. – Как вам объяснишь!

Словно муха пробежала по ладони: дрессировщица, сидя там, неловко повернулась и задела его каблучком. «Ну что ж, – подумал Грубин, – настоящего учёного из меня не выйдет. А жаль».

Грубин возвратил дрессировщицу в коробку и сказал:

– Пойду за новым кинескопом. Учти, если не получится, придётся тебе остаться тут навсегда. Средства у нас кончились.

Лев прыгал по коробке, как котёнок, радовался встрече.

Грубин вернулся через час, склоняясь под тяжестью трёх кинескопов. Первым делом он проверил, как себя чувствуют жильцы. В коробке было мирно, а вот журналист исчез. Исхитрился вылезти из ящика. Вот незадача. Сейчас бы работать, каждая секунда на счету, а надо искать беглеца. А то станет жертвой какой-нибудь кошки.

– Что делать? – спросил Грубин дрессировщицу. Как старый знакомый, он рассчитывал на сочувствие.

Дрессировщица вскочила, не понимая, что ещё стряслось.

– Пропал твой напарник, – объяснил Грубин. – Сбежал. Где искать – ума не приложу.

Дрессировщица задумалась, а потом показала на льва.

– Предлагаешь использовать? Умница! А то мне без помощников час пришлось бы потратить – видишь, какой здесь беспорядок? Как бы только лев его не покалечил.

Грубин выпустил жильцов из коробки, а сам принялся за работу.

Для дрессировщицы со львом комната казалась минимум городской свалкой в несколько гектаров. Они медленно пробирались сквозь завалы, и порой Грубин терял их из виду. Минут через десять Грубин настолько увлёкся любимым делом, что забыл о жильцах. Прошло ещё полчаса, прежде чем он спохватился: где же они? Он вскочил, принялся крутиться, осторожно переступая, чтобы не наступить на них невзначай.

Увидел он жильцов в необычном месте. Они сидели в ряд на грубинском галстуке, забытом под столом. Втроём. Дрессировщица увидела в вышине встревоженное лицо Грубина и помахала ему, утешая: продолжай, мол, трудиться, мы уж как-нибудь без тебя разберёмся.

Грубин вернулся к установке. Но бывает же так: нужно спешить, а работа не клеится. До позднего вечера бился Грубин. Даже не поел.

Для жильцов время тянулось ещё медленнее. Они забрались в коробку – всё-таки свой угол, – о чём-то переговаривались знаками. Порой молодой человек принимался взволнованно ходить из угла в угол, а лев поворачивал голову ему вслед.

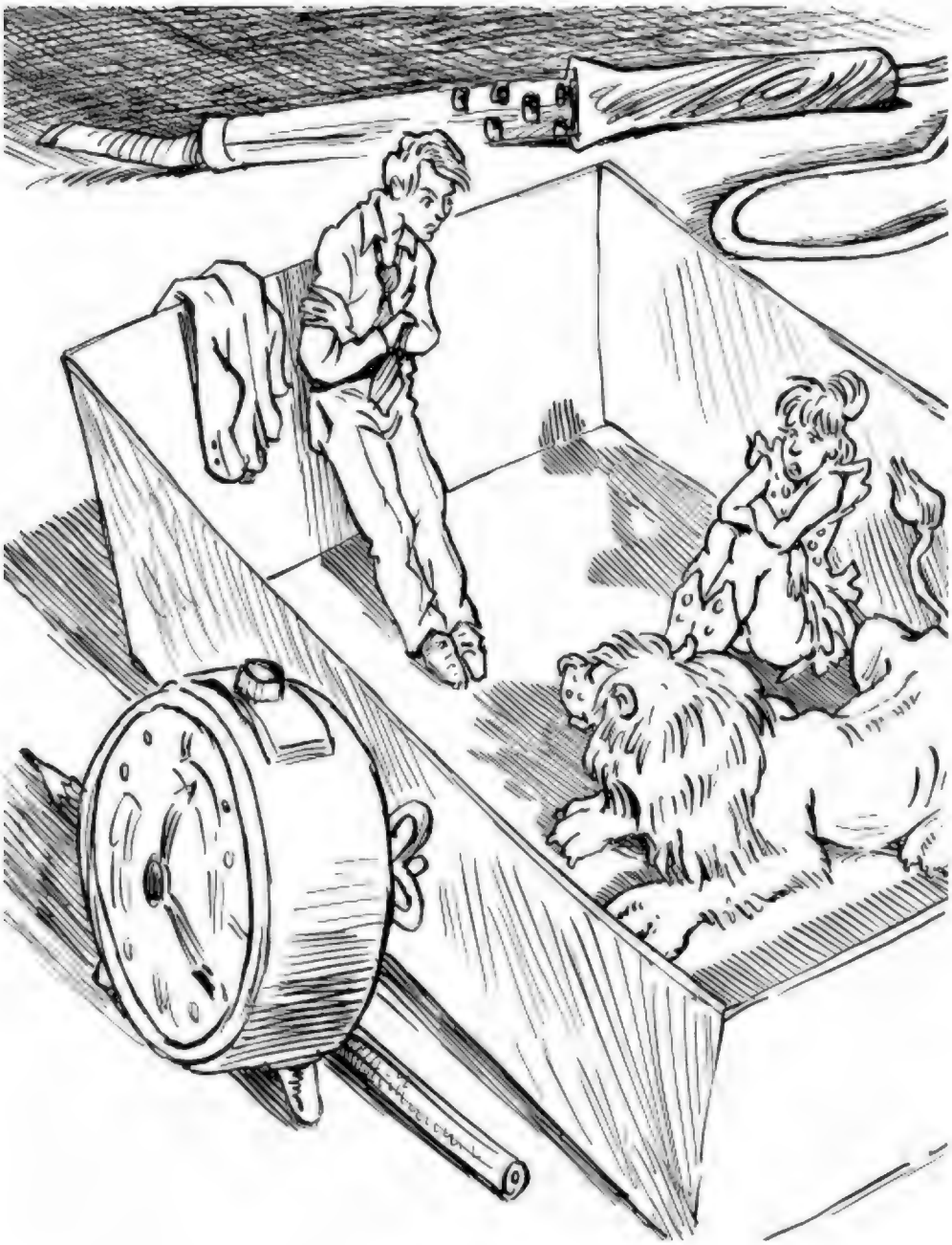
Наступила ночь. Грубин не ложился. Ему казалось, что жильцы побледнели. Их электронная структура в любой момент могла отказать – и погибнут люди. Ничего не оставалось, как работать и надеяться.

В половине пятого Грубин не выдержал, свалился на кровать, а когда очнулся, уже наступило воскресенье. Три часа коту под хвост! Он метнулся к коробке, как мать к колыбельке больного младенца. Жильцы спали – лев посерёдке, люди по бокам, прижавшись к зверю.

При виде этой картинки Грубин смахнул набежавшую слезу. Притащил махровое полотенце, накрыл спящих и обернулся к машине.

– Нет, – прошептал он, – ты покоришься!

Он стиснул зубы и схватил отвёртку, словно винтовку. И через час сопротивление телевизора было сломлено. Начали разгораться лампы, дрогнули стрелки приборов, и знакомый гул наполнил помещение.



Для жильцов время тянулось ещё медленнее. Они забрались в коробку – всё-таки свой угол, – о чём-то переговаривались знаками.

Главное теперь – не упустить момент. Грубин был как сапёр, который ошибается лишь раз. Если кто-то ещё вывалится из экрана или перегорит трубка – лучше пулю в лоб.

По экрану пошли цветные полосы. Грубин бросился к коробке, подхватил её – и обратно к телевизору. От сотрясения жильцы проснулись и хлопали глазами от ужаса и непонимания.

– Держитесь, ребята! – воскликнул Грубин. – Сейчас или никогда!

На просветлевшем экране обозначилась группа поющих детей. Спиной к экрану стоял дирижёр. Он находился в опасной близости от рамы, и поэтому, выхватывая из коробки пленников и бросая их без церемоний внутрь, Грубин не спускал с дирижёра глаз.

Жильцы так и не поняли, что же произошло. Один за другим они оказались внутри телевизора – дрессировщица, молодой человек и лев. Дети, увидев льва, бросились врассыпную, дирижёр отпрыгнул, и хорошо ещё, что Грубин его подстраховал – подхватил на лету и кинул обратно... Продолжения этой драматической сцены Грубин не увидел. Раздался страшный треск. На всей улице вылетели пробки, в комнате зазвенели стёкла и распространились горелые запахи...

Грубин с облегчением вздохнул и опустился на пол у телевизора. И тотчас заснул. И не слышал, как шумели соседи, стучались к нему, грозили милицией...

Однако на этом история не закончилась.

Грубин прервал опыты. Следовало освоить теорию. Грубин помирился с Минцем, читал журналы. Профессор переводил ему непонятные места с иностранных языков. Чтобы расплатиться с долгами, Грубин много работал, экономил на питании и всё ждал того часа, когда создаст базу для новых достижений.

К весне Грубин исхудал, волосы стояли дыбом, глаза провалились так глубоко, что их не было видно. Удалов, который собрался в отпуск, пожалел друга и достал ему соцстраховскую путёвку.

Так они попали в Сочи.

Как-то друзья гуляли по городу, и вдруг Грубин замер, словно поражённый молнией.

– Гляди, Корнелий! – вскричал он.

– Что? Где?

– На афишу гляди! Узнаёшь?

На афише была изображена дрессировщица. Она стояла, опираясь рукой о гриву льва. Кроме одежды, она во всём совпадала с жиличкой.

– Кто такая? – спросил Удалов.

– Да я ж её из телевизора вытащил! А ты ещё удивлялся.

– Не может быть!

Грубин уже влёк Удалова в сторону цирка. Удалов не сопротивлялся. Только бормотал:

– Почему не может быть, очень даже может быть. Скажи, Саша, она в коробке жила?.. Саша, а вдруг она на тебя в обиде?

Чем ближе они подходили к цирку, тем меньше было в Грубине уверенности. О чём они спросят дрессировщицу? Подозревает ли она, что её уменьшенная копия прожила три дня в коробке из-под ботинок?

Грубин замедлил шаги. Впереди показался цирк.

– Корнелий, – сказал он, – может, домой пойдём?

– Нет уж. Истина прежде всего. Погляди, это не она?

Грубин поглядел вперёд. У служебного входа стояла девушка.

– Она.

– Тогда иди.

– Ни в коем случае.

– А то я сам пойду.

– Может, не надо?

Удалов быстро пересёк площадь. Грубин остался на месте. Удалов подлетел к девушке, но она его не заметила. Она смотрела в другую сторону. Грубин проследил за её взглядом. К девушке спешил высокий молодой человек в кожаной куртке. Он поднял руку, приветствуя дрессировщицу. Тот самый молодой человек!

Мысли Грубина носились по кругу, как мотоциклисты по гаревой дорожке. Надо было отозвать Удалова. Но как отзовёшь, если он уже вцепился девушке в рукав, и Грубин, хотя стоял в ста шагах, отчётливо, видно на нервной почве, слышал каждое слово.

– Простите, девушка, но ваше лицо мне знакомо, – это голос Удалова.

– Я вас не знаю, – это голос девушки.

– Что ему от тебя нужно? – это голос молодого человека.

– Может, вы меня в цирке видели? – это голос девушки.

– Нет, я вас в другом месте видел. Вы в доме шестнадцать на Пушкинской улице бывали? – это голос Удалова.

– Мы спешим, – это голос молодого человека.

«Откуда же ей знать о доме шестнадцать?» – это мысли Грубина.

– И вы не знаете моего друга Александра Грубина? – это голос Удалова.

– Простите, не встречала, – это голос девушки.

«Откуда ей знать, как меня зовут?» – это мысли Грубина.

– Тогда простите за беспокойство, – это голос Удалова. – А на афише лев? Это ваше животное?

– Это Акбар.

– Как же, помню, он меня за брюки хватал.

Молодые люди посмотрели на Удалова как-то странно и пошли прочь.

И вдруг, словно ощутив настойчивый взгляд Грубина, девушка посмотрела через площадь. Встретилась с ним взором. Грубин даже сжался.

– Серёжа, – сказала девушка. – Откуда мне так знакомо лицо того человека? Очень знакомо. У меня с ним связаны неприятные воспоминания.

Молодой человек взглянул на Грубина. Пожал плечами.

Они пошли дальше. Но через несколько шагов остановился уже молодой человек.

– Ты права, – сказал он. – Где-то я его встречал.

Удалов вернулся к Грубину.

– Пустой номер, – сказал он. – Забудь об этом.

СВОБОДНЫЕ МЕСТА ЕСТЬ

Молодой человек в строгом синем костюме и тёмном галстуке остановился в дверях и нерешительно спросил:

– Кто здесь будет, простите, Лев Христофорович?

В кабинете стояли, обернувшись к нему, два человека. Один был не то чтобы толст, но объёмен. Обнажённая голова удивляла завершённостью линий. Маленькие яркие голубые глаза уставились на молодого

человека настойчиво и внимательно. Второй человек был моложе лысого, лохмат, худ и постоянно взволнован.

– Вы Лев Христофорович? – обратился молодой человек к лохматому, который был более похож на гения.

Но лохматый с улыбкой указал глазами на лысого, а лысый сказал строго, словно Шерлок Холмс:

– Я профессор Минц. А вы недавно назначены на руководящий пост и столкнулись на нём с непредвиденными трудностями, правильно?

Молодой человек покорно кивнул.

– И трудности оказались столь велики, что справиться с ними вы не в состоянии. Тогда кто-то из знакомых, вернее всего руководитель нашей стройконторы Корнелий Удалов, дал вам совет пойти к доброму старику Минцу и попросить, чтобы он изобрёл бетон без цемента, потому что цемент вам забыли подвезти, а сроки поджимают. Так или не так?

Молодой человек ответил:

– Почти так.

– Почему почти? – удивился Минц. – Я всегда угадываю правильно.

– Прийти к вам мне посоветовал Миша Стендаль из городской газеты, и руковожу я не строительством, а гостиницей «Гусь».

– Неужели! – воскликнул Минц. – Ивана Прокофьевича сняли?

– Давно пора, – подхватил лохматый Грубин. – Садитесь, чего стоите?

Грубин подвинул молодому человеку стул, но тот отказался.

– Насиделся, – объяснил он, – третий день отчётность принимаю.

– Ничем не могу быть полезен, – сказал Минц. – Гостиниц строить не умею, в отчётности – полный профан.

– Выслушайте сначала! – взмолился молодой директор. – Зовут меня Фёдор Ласточкин, работал я в кинопрокате, а теперь кинули меня в сферу обслуживания. Надо, говорят. Согласился. Гостиница небольшая, желающих остановиться много, обслуживание хромает. Да что там говорить, без меня знаете.

– Знаем, – сказал Грубин. – У вас вывеска «Мест нет» к двери приварена.

– В принципе, вы правы. Но мне от этого не легче. Два дня я объяснял отсутствие номеров ошибками предыдущего директора, а се-

годня меня вызвал Белосельский и говорит, что послезавтра в нашем городе открывается симпозиум по разведению раков и значение его выходит за пределы области. А нужно для симпозиума двадцать восемь комфортабельных мест. А у меня в гостинице их всего тридцать три. И все с командировками, и все ругаются. Да ещё в вестибюле человек пятнадцать сидят на чемоданах. Рассказал я обо всём моему другу Мише Стендалю, а он ответил: «Единственный, кто может тебе помочь, это профессор Минц. Он буквально гений». Я и пришёл.

Фёдор поглядел на Минца страдающими глазами. И у Минца кольнуло в сердце. Ещё мгновение назад он не сомневался, что укажет очередному просителю на дверь. Но молодой человек находился в критической ситуации. Побуждения его были благородны. И всего-то нужно – отыскать жильё.

И ещё: замечательный мозг профессора Минца, столкнувшись с неразрешимой проблемой, начинал активно функционировать помимо воли его обладателя. Он искал и отбрасывал множество вариантов, он стремился решить задачу, не давая Льву Христофоровичу нормально принимать пищу и спокойно спать.

– Нет, – услышал Лев Христофорович голос Саши Грубина. – Тут вам, Федя, даже профессор Минц не поможет. Никому ещё не удавалось устроиться в нашу гостиницу просто так. Проблема эта не научная, а социальная.

– Проблем, в решении которых наука не может принять участие, не существует, – резко ответил профессор Минц. – Всё на свете взаимосвязано.

– Ого, – отозвался Саша Грубин. – Видно, все мои предупреждения впустую. Чует моё сердце, вы возьмётесь за гостиницу.

– И немедленно, – сказал Минц. – Все свободны. Я начинаю думать.

– А когда приходить за ответом? – спросил с надеждой в голосе директор гостиницы.

– Симпозиум послезавтра? Значит, завтра после обеда.

Назавтра в три часа Фёдор Ласточкин уже стоял под окнами профессора Минца. Он нервно потирал руки, взглядывал наверх, покашливал и сохранял деликатность. Наконец голова профессора появилась в окне, солнце отразилось от лысины и ярким лучом ударилось в облако.

– Что же вы не заходите? – крикнул профессор.

– Я боялся вам помешать, – ответил директор гостиницы.

– Можно, – сказал Минц, – заходите. Яблоко уже упало.

Они просидели в кабинете Минца с трёх до девяти. Из комнаты доносились голоса, иногда они поднимались в споре, иногда стихали в раздумье. Через шесть часов гостиничный кризис в городе Великий Гусляр был разрешён. И Фёдор отправился к себе, прижимая к животу тяжёлый металлический ящик с установкой, которую Лев Христофорович разрабатывал для других целей, но мудро приспособил для расселения постояльцев.

Уже совсем стемнело, когда Фёдор вошёл в жёлтое здание некогда отеля «Променад» для заезжих купцов, а теперь, когда достроился третий этаж и заменили бархатные портьеры на нейлоновые шторы, – гостиницы «Гусь» горкоммунхоза.

В холле под громадной, в натуральную величину, копией картины Репина «Иван Грозный убивает своего сына» томились, как погорельцы, неустроенные клиенты. Директора с ящиком никто за директора не посчитал, и тот без помех прошёл к себе в кабинет. Лишь пышная Дуся, дежурный администратор, взглядом остановила чер-

ноусого человека, который протягивал ей заполненный бланк, чтобы получить номер. Администратор Дуся была уверена, что чем меньше жизненных благ, тем лучше ей – их распределительнице, ибо всегда найдётся мудрый человек, готовый оценить услуги.

На следующий день директор гостиницы пришёл на работу рано. Дуся ещё дремала за барьером, в холле на стульях и чемоданах спали неустроенные клиенты. У себя в кабинете директор раскрыл сейф, где ночевала установка, изобретённая профессором Минцем, и поставил её на стол. Потом включил в сеть. И тут раздался телефонный звонок: звонил сам Белосельский.

– Что будем делать, Ласточкин? – спросил он.

– Разместим, – ответил спокойно Фёдор.

Белосельский вздохнул и предупредил:

– Учти, без безобразий. Чтобы прежних постояльцев силой не выселять. Имей в виду, что лозунг «Цель оправдывает средства» придумали иезуиты, средневековые мракобесы. Нам с ними не по дороге.

– Никаких иезуитов, – ответил Ласточкин. – Я даже думаю, что свободные номера останутся.

– Ну-ну, – сказал Белосельский.

Его задача заключалась в том, чтобы подчинённые делали своё скромное дело, не нарушая принципов гуманизма. А детали – это их забота.

Установка работала. Мигала лампочками и тихо гудела, как положено фантастической машине. Повесив трубку, Ласточкин принялся нажимать кнопки.

Через полчаса он вышел в холл. Погорельцы ютились под картиной. Дуся красила в голубой цвет накладные ресницы. Её золотые перстни нагло поблёскивали под утренним солнцем. Она была тяжёлым наследством, оставшимся от старого директора.

– Вы свободны на сегодня, – сказал Ласточкин. – Места буду распределять я сам.

– Чего там распределять, – ответила Дуся. – Нету мест.

Фёдор спорить не стал. Он дождался, пока Дуся покинет гостиницу, и открыл книгу регистрации. Вытащил из кармана записку с таинственными значками и быстро перенёс их на страницу книги, вышел на улицу, сорвал никелированную вывеску «Свободных мест нет», прикрепил на её место листок бумаги с надписью: «Свободные

места есть», вернулся в холл, от двери обратил свой взор к просыпающимся погорельцам и сказал им:

– Товарищи, прошу проходить по очереди. Постараемся обеспечить вас жилым пространством.

Последующие три дня были праздником в жизни города. Участники симпозиума с большими значками на груди, изображающими красного рака на голубом фоне, гуляли по улицам, интересовались памятниками архитектуры и плодотворно спорили на пленарных заседаниях. Когда они разъехались, недоверчивый Белосельский инкогнито посетил гостиницу «Гусь» и заглянул в книгу регистрации, в которой не нашёл ничего неправильного, а потом и в книгу жалоб и предложений, содержащую шестнадцать благодарностей директору. После этого на заседании в горисполкоме Белосельский выступил с небольшой яркой речью о пользе выдвижения молодёжи на ответственные посты. В качестве примера привёл положительные изменения в работе гостиницы, которой ныне руководит товарищ Ласточкин Ф. Ф.

С тех пор так и повелось. В дни затишья Фёдор уступал бразды правления администраторам, а когда надвигался большой заезд, отправлял всех по домам и, посидев полчасика в обществе установки профессора Минца, умудрялся разместить и утешить приезжих.

Недовольна была только Дуся. Директор казался ей не более как низким обманщиком и даже грабителем. Она имела достаточный опыт работы в коммунальном хозяйстве, чтобы сообразить, что штучки Ласточкина отдают колдовством и мошенничеством. Она-то знала, что гостиница время от времени вмещает вдвое больше, чем имеет лежачих мест. Поступления в виде личной признательности резко сократились, Дуся разорялась. Но разоблачить директора оказалось не таким уж лёгким делом. Он правильно вёл книги, а в моменты наплыва гостей избавлялся от Дуси. Один раз ей удалось было поймать его за руку, но директор ушёл от разговора.

Дело было так. Приехал автобус с туристами из Владивостока, приехал неожиданно, гостиница была полна. Когда Фёдор вышел, чтобы их разместить, Дуся только сделала вид, будто уходит, а на самом деле сознательно забыла свою сумку и через пятнадцать минут тихонько, на цыпочках, вернулась обратно. Фёдор был так поглощён работой, что не сразу заметил её появление. Дуся смогла подойти совсем близко и заглянуть ему через плечо. И увидела, что он выписывает туристу

квиток на номер четырнадцатый. На тот самый, куда она только вчера поместила знатную доярку из Вологды. Дусе бы промолчать и продолжить наблюдение, собрать побольше фактов да ударить ими, как из тяжёлой артиллерии, а она не сдержалась и сразу стала разоблачать:

– Что же вы делаете, Фёдор Фёдорович? Там женщина живёт, а вы туда мужчину суёте! За такое моральное разложение вам не поздоровится!

– Какая женщина? – удивился турист. – Этого я не хочу. Я женат.

– Евдокия Семёновна, – директор гостиницы захлопнул книгу, поднялся и вперил в администраторшу недобрый взгляд, – потрудитесь уйти. Знатную доярку я временно перевёл в другой номер. Не распространяйте слухов.

Дуся, конечно, взяла сумку и ушла. Но не сдалась. На следующий день, когда директора поблизости не было, она поднялась в четырнадцатый номер, увидела там знатную доярку и без обиняков задала ей вопрос:

– Вас вчера в другой номер переселяли?

– Нет.

– У вас чужой мужчина в номере ночевал?

– Как можно, – ответила доярка, заливаясь румянцем. Она была молода и красива, её жених остался в Вологде.

– Значит, в двадцать три часа покинул? – спросила Дуся.

– Не было никого. – Глаза доярки наполнились слезами. – Как можно!

Дуся поверила и удвоила наблюдение за директором. Тот попался через два дня.

Вот как это случилось.

В гостиницу сообщили, что утром прибудут двадцать аквалангистов-любителей, а туристский сезон уже начался, гостиница полна, и Дуся почувствовала, что обычный оптимизм директору изменяет. Она даже подслушала, как он звонил Белосельскому и просил избавить его от аквалангистов, а Белосельский, уверовавший во всемогущество директора, сказал коротко:

– Надо, Федя.

Другому он, может быть, уступил, освободил бы для такого экстренного случая общежитие речного техникума, но Фёдор начальника избаловал. Начальникам ведь тоже хочется иногда лёгкой жизни.

Так или иначе, Фёдор в тот день домой не пошёл, а заперся в кабинете. В десять вечера Дуся подкралась к двери и услышала мужские голоса: директор был не один. Дуся приложила к замочной скважине ухо, но слов разобрать не смогла. Тогда она выбралась наружу и подошла к окну. Штора не доставала до подоконника, и Дуся смогла одним глазом заглянуть внутрь. Потом она упала в обморок. А когда пришла в себя от ночной свежести и звона комаров, то сразу же села писать жалобу на директора с требованием немедленно прислать ревизию и достойно наказать мерзавца.

Подводников кое-как разместили на раскладушках, а ревизия явилась в тот же день после обеда, потому что письмо Дуси было очень тревожным.

Ревизия сразу уселась проверять бухгалтерские книги, а директор выскользнул из гостиницы и бросился к профессору Минцу.

– Спасайте, – сказал он. – Не уберёгся я от этой кобры по имени Дуся. Навела на меня стихийное бедствие. Как только они пойдут с книгой по номерам, всё и откроется.

– Эх, – вздохнул Минц. – Не хотелось мне отрываться от очередного изобретения, но придётся. Пошли к Белосельскому. Он человек широкий, печётся о судьбах города, будем с ним искренни. Если поверит, тогда, считайте, обошлось. А о ревизии не беспокойтесь. Ничего она не найдёт.

Белосельский принял посетителей сразу. Минца он уважал, даже гордился тем, что знаменитый изобретатель предпочёл город Великий Гусляр другим городам. К Фёдору у него тоже было хорошее отношение.

– В гостинице «Гусь» работает ревизия, – сказал Минц, когда они уселись. – Ревизия ничего не найдёт.

– Уже написали! – понял Белосельский. – Это, Фёдор, надо искать внутри коллектива. Внутри коллектива всегда найдётся кто-то недовольный реформами и даже стоящий на пути нового.

Фёдор покорно опустил голову. Он был согласен.

– Ревизия ничего не найдёт, – продолжал Минц. – Нарушений финансовой дисциплины нет. Все номера оплачены. Можете мне поверить.

– Тогда чего волнуетесь? – спросил Белосельский с некоторым облегчением.

– А волнуемся потому, что ревизия эта не последняя, – объяснил Минц. – И рано или поздно попадётся дотошный человек, который обнаружит неладное.

– Но вы же сказали, что ничего такого нет.

– Нарушений нет, – ответил Минц. – А неладное есть. Нам, людям, свойственно гнать от себя тревожные мысли. Вот вы, наверное, давно подозреваете, что в гостинице не всё как положено: много лет нельзя было попасть, а теперь попасть можно всегда. Но пока дело шло тихо, вы предпочитали об этом не думать.

– Вы правы, – согласился Белосельский. – Это моя недоработка. Так расскажите мне, в чём дело, будем думать вместе.

– Я расскажу вам всё без утайки, – согласился Минц. – Ко мне пришёл товарищ Ласточкин и попросил помощи. Я стал думать, как разрешить гостиничный кризис с помощью науки. Сначала я было остановился на методе минимизации.

– Поясните, – попросил Белосельский.

– Поясняю. При методе минимизации мы уменьшаем расстояние между атомами, и любое существо становится в несколько раз меньше. Подобный эксперимент был проведён мною с начальником стройконторы Корнелием Удаловым и прошёл нормально, если не считать осложнений в его семейной жизни.

– Погодите, погодите, – возразил Белосельский. – Как так? Вчера я видел Корнелия на заседании. Он же нормального вида.

– Минимизация действует ограниченный период времени, допустим сутки. Она не вредна для организма. Подвергнутый минимизации индивидуум становится размером с мышь, а потом возвращается в нормальное состояние. Я полагал, что мы закупим в детском магазине наборы кукольной мебели, сделаем пелёночки, пижамки.

Белосельский недоверчиво покачал головой.

– Вот-вот, – уловил его движение профессор Минц. – Я тоже думал о трудностях организационного периода. Каждому придётся объяс-

нять, в чём дело, создавать кладовые для личных вещей. А что, если командированный захочет сходить в город за сувенирами? А если у него незапланированное совещание?

– Нет, – резко сказал Белосельский. – Простите, Лев Христофорович, но добро на это я не дам. Не позволю.

– И правильно сделаете, – согласился Минц. – Я себе этого тоже не позволил. Но сейчас делюсь с вами воспоминаниями о том, как смело движется моя мысль.

– Это правда, – подтвердил Белосельский. – Очень смело.

– Отвергнув первую идею, а затем и восемь других, о которых я распространяться не буду, я остановился на самой чистой, элементарной и в то же время сумасшедшей идее. На идее параллельных миров.

– Но разве это не антинаучно? – спросил Белосельский.

– Это научно, – возразил Минц. – И доказательством тому наша гостиница.

– Попрошу подробнее, – сказал строго Белосельский. – Раз уж ревизия работает, я должен быть в курсе всех деталей.

– Деталей немного. Вы должны мне поверить, что наша Земля далеко не единственная во Вселенной. Существует множество миров, которые движутся ей параллельно в иных измерениях. Так вот, я изобрёл прибор, который позволяет выходить на связь с теми из параллельных миров, которые нам особенно близки. Там тоже есть город Великий Гусляр, гостиница «Гусь» и прочие наши реалии.

– И я есть? – спросил Белосельский.

– Разумеется. Хотя и не в точности. Может быть, в одном мире вы уже женаты, в другом у вас есть усы, в третьем ещё что-нибудь.

– Любопытно, – прошептал Белосельский и коснулся пальцем верхней губы.

– Различия между мирами всё-таки существуют. На этом мы и построили наш эксперимент. Допустим, если сегодня у нас симпозиум по разведению раков, то на Земле-два он начнётся только завтра, а на Земле-три вместо него уже завершилась вчера встреча экспертов подлёдного лова крокодилов.

– Ясно! – воскликнул Белосельский. – И сегодня у них там гостиница пустует.

– Я поражён вашей догадливостью, – сказал Минц. – Вы настоящий мыслитель.

– Ну что вы, – возразил Белосельский. – Но как же клиентов перевозить?

– В этом и заключается моё изобретение. Надо найти точки соприкосновения между мирами, а они существуют во множестве. И, найдя, использовать. Приходит клиент в номер, где уже, допустим, живёт знатная доярка, открывает дверь, но в тот номер не попадает, а оказывается в таком же номере, только на другой Земле. А уж администрация той гостиницы должна позаботиться, чтобы, выходя из комнаты, он вернулся на нашу Землю.

– Великолепно, – признался Белосельский. – Но рискованно.

– Как и всё новое, наш эксперимент может вызвать толки и недоброжелательство. Вы думаете, только на нашей Земле ревизия? Наивно. Сейчас работают по меньшей мере три ревизии.

– И три Дуси? – вдруг спросил Фёдор Ласточкин.

– Может, и больше. Да что там разговаривать. Сейчас вы убедитесь.

Минц извлёк из кармана миниатюрный пульт и нажал на кнопку. В глазах Белосельского возникло странное дрожание, стены заколебались, и он на мгновение потерял сознание. Когда же он пришёл в себя, то увидел, что кабинет как бы расслоился, не изменившись, правда, в размерах. И в кабинете находятся три профессора Минца, три Фёдора Ласточкина и ещё два Белосельских (один при усах). Белосельские внимательно посмотрели друг на друга. Фёдоры улыбнулись друг другу приветливо, потому что давно уже были знакомы и не раз совещались вместе, как разместить клиентов, – не зря же Дуся упала в обморок, увидев в кабинете Ласточкина сразу трёх директоров. А профессоры Минцы вежливо наклонили головы, с уважением глядя друг на друга. Ведь это они изобрели способ преодоления гостиничного кризиса.

– Что будем делать с ревизиями? – спросил один из Фёдоров.

Белосельский не знал, какой из них, уж очень похожи.

– Не в этом дело, – услышал он собственный голос. – Есть проблемы и поважнее. Кто одолжит мне на неделю асфальтовый каток?

– Если у тебя найдётся полтонны кровельного железа, – ответил ему второй Белосельский, – то катком я тебя обеспечу.

– Остался пустяк, – сказал третий Белосельский. – Что будем делать с Дусями?

– За стол вам спасибо, – сказал старик Ложкин вышедшему во двор профессору Минцу. – Со столом вы нам угодили.

– Угодили, – повторил Корнелий Удалов.

Он сжал в ладони костяшку домино и с размаху долбанул по крышке стола, придуманной Львом Христофоровичем. Раздался жуткий, адский, утробный грохот. Такого грохота не добились и за рубежом, несмотря на их хвалёную технику. Лица игроков одеревенели от наслаждения. Но гениальность профессора Минца заключалась не только в создании материала, который производил такой грохот от соприкосновения с человеческой ладонью, а в том, что этот материал был способен испускать звуковые волны только на метр от стола. Ни миллиметром более. Стоило шагнуть в сторону, и казалось, что игроки бьют по вате. В общем, и себе приятно, и соседям не мешает. Все жалобы и сетования жильцов дома № 16 по Пушкинской, которые раньше проклинали игроков в домино не менее, чем подростка Гаврилова с его магнитофоном, как рукой сняло. Можно было подумать, что во дворе собираются шахматисты, аристократы настольных состязаний.

Минц остановился в стороне, скрестив руки на груди, и с доброй улыбкой наблюдал за соседями. Причина его благодушного настроения таилась в очередном успехе.

Недели две назад Лев Христофорович поглядел случайно на цветок кактуса на окне и огорчился: какая незадача! – столь красив цветок, а вот распускается лишь раз в год. На несколько дней. И профессор совершенно не успевает этим цветком налюбоваться.

Но что можно сделать? Разумеется, нетрудно завести двадцать пять цветков и постараться придумать что-то с их вегетативным периодом, чтобы цветки распускались по очереди. Можно придумать консервант для цветка, чтобы подольше не осыпался, но всё это полумеры, недостойные Минца. Подумав так, Лев Христофорович углубился в теоретическую генетику.

Откуда, размышлял он, растения знают, когда им цвести, когда наливаться плодам и когда осыпать свои листья? Разумеется, такая информация заложена в их клетках. Это знает каждый школьник. Но каким образом выглядит эта самая информация? Что это, календарь

природы, со страничками на всякий случай, руководство или сборник полунамёков, оставляющих за растением ограниченное право выбора линии поведения? Как поступает эта информация в листья и корни? И родилась гипотеза...

Глядя на игроков, которые отчаянно молотили костяшками домино по спецстолу, Минц удовлетворённо улыбался, мысленно пробегая по стадиям своего нового открытия. И в облике его было что-то такое, что минут через десять соседям играть в домино расхотелось. Сам собой прекратился стук, взоры упёрлись в улыбку Льва Христофоровича, и Удалов наконец задал долгожданный вопрос:

– Что новенького изобрели, профессор?

– Отдыхаю, размышляю, – лукаво сказал профессор, который давно ждал подобного вопроса, душой стремился к нему и жаждал на него ответить.

– Поделитесь, Лев Христофорович, – сказал Саша Грубин.

Минц извлёк из верхнего кармана пиджака яблочное семечко, показал его, не выпуская из руки, дал всем приглядеться и потом спросил:

– Что это такое?

– Семечко, – ответил прямодушный Удалов.

Остальные промолчали, потому что понимали: обыкновенным семечком профессор хвастать не будет.

– Правильно, – сказал Минц. – Яблочное семечко, и что удивительно, самое обыкновенное семечко, из которого при нормальном поливе вырастет яблоня. Желаете убедиться?

– Верим, – наперебой ответили соседи.

– Верите, но не до конца осознали, – улыбнулся Минц, сел на корточки, разрыхлил землю в стороне от дорожки и велел Удалову принести ведро воды. Удалов вернулся почти мгновенно и успел увидеть, как профессор положил семечко в ямку и аккуратно засыпал землёй. А потом вылил на него целое ведро воды.

Сухая почва быстро впитывала воду. Зрители чувствовали себя обманутыми. Минц тихонько напевал: «Сердце красавицы склонно к измене...» Потом ткнул крепким коротким указательным пальцем у своих ног и сказал:

– Прошу обратить внимание.

Было похоже на научно-популярный фильм, где ускоренной съёмкой вам показывают, как распускаются цветы и зреют ягоды. Зелёный

тонкий росток вылез из земли и начал на глазах набирать силу, крепнуть, толстеть, подрастать, и люди поняли, что оторвать глаз от такого зрелища нельзя. Оно притягивало так, как притягивает горящий костёр или ровный бег прибоя.

Из оцепенения вывел резкий голос Минца:

– Грубин, срочно ко мне в кабинет! Под столом лежит бумажный мешок. Только не рассыпь. Удалов, ещё воды!

В голосе Минца была такая уверенность в своём праве приказывать, что Удалов с Грубиным со всех ног бросились выполнять приказы. К тому времени, когда Грубин приволок бумажный мешок, зелёный росток достиг десятисантиметровой высоты и выпустил несколько листочков. Земля вокруг стала сухой и пошла трещинками. Минц первым делом опрокинул на росток ведро воды, знаком прогнал Удалова за следующим, а сам взял у Грубина мешок и пояснил:

– Удобрения.

Видно, росток нуждался в помощи. Сразу стало заметно, что внизу, возле земли, стебель стал коричневеть и покрываться тонкой корой.

– Можно передохнуть, – сказал Минц. – Удалов польёт.

Он отошёл к столу, сел на скамейку так, чтобы не выпускать растение из виду.

– Это из семечка? – обрёл наконец голос старик Ложкин.

– Вот именно, – улыбнулся Минц. – Из самого обыкновенного семечка – самая обыкновенная яблоня.

– И яблоки будут? – спросил растерянно Погосян.

– И яблоки.

– А когда?

– Часа через полтора, – сказал Минц. – Этот сорт относится к числу поздних.

Когда через час с рынка вернулась Ксения Удалова, она застала странную картину. Мужчины сидели за столом для домино и глядели, как на могучей раскидистой яблоне, выросшей посреди двора за то время, пока её не было, наливаются зелёные плоды. Ксения окинула мужчин подозрительным взглядом, полагая, что они напились и потому яблоня мерещится им так сильно, что этот бред оказывает влияние и на неё. Среди мужчин она сразу углядела профессора Минца, но не увидела мужа. Потому спросила:

– Где Корнелий?

– Я тут, – ответил Корнелий.

Он бежал через двор с двумя полными вёдрами.

– Я тут, кисочка, – повторил он, выливая воду под яблоню. – Ты хотела что-то спросить?

– Я только хотела сказать, что гулянки не доведут тебя до добра, – сказала Ксения и пошла домой.

А Минц между тем рассказывал:

– Я подумал: если в растениях заложена информация, когда им расти, когда распускать листья и когда плодоносить, то мы, люди, этой информацией можем воспользоваться. При условии, что моя догадка верна.

– Какая догадка? – спросил Ложкин.

– А что, подумал я, – ответил Минц, – если в информации закодированы не приказы, не разрешения, а запреты? Представьте себе ребёнка. Он видит кучу шоколадных конфет, которые выложили на стол, потому что родители ждут к чаю любимую тётю. Ребёнок топает к столу и тянет свою лапку к конфете. Ну ладно, одну ему ещё разрешают съесть. А как потянулся за второй, ему сразу – шлёп по ручке! Остановись. Конфеты плохо влияют на здоровье и вызывают диатез. Может, в самом деле родители в тот момент думают не о диатезе, а о том, что тётя останется без конфет. Не важно. Родители выполняют свою биологическую функцию – запрещать излишества. Подумайте, смысл воспитания на девяносто процентов в запретах. Не будь их, человечество давно бы вымерло от обжорства или простуды. У растения нет таких родителей, которые бы велели ему не плодоносить или сбросить листья, потому что их всё равно погубит мороз. Некому их учить жизни, кроме собственных клеток, кроме тех внутренних воспитателей, которые заложила в них природа. Вам понятен ход моих мыслей?

Все согласились, что понимают. Поглядели на яблоню. Яблоки начали желтеть, и некоторые даже покраснели по бокам.

– Итак, представил я... Слушайте внимательно. Итак, представил я, генетический код, который регулирует жизнь любого растения, играет роль неутомимого и строгого родителя. Растение хочет вырасти быстро. Но родитель говорит: и думать не смей. Откуда ты возьмёшь столько воды и питательных веществ, чтобы в два часа вымахать до самого неба? Ты погибнешь от жажды и голода. Терпи, расти год за годом, не торопись, жизнь имеет свои прелести. Любуйся, упрощённо говоря, закатами и восходами. Растение хочет любви и плодоношения, а родитель ему говорит: погоди. Все вокруг ждут осени, чтобы принести плоды. Не высовывайся, поджимай корешки и погружайся в спячку.

Тут Минц насупился, видно, пожалел растение. Насупились и его слушатели.

– Да, судьба, – сказал Удалов и почему-то посмотрел с опаской на собственные окна.

Из окна выглянула сердитая Ксения, поглядела на яблоню. Яблоня ей не нравилась. Яблоне быть на дворе не положено. И не положено яблоням в мае сгибаться под тяжестью зрелых плодов. Ксения погрозила Удалову пальцем, и тот быстро отвернулся.

– Может, всё это и хорошо для диких растений, которые живут без помощи человека и с ним, можно сказать, не общаются. Совсем иначе обстоит дело с домашними растениями. Им-то чего слушаться своего родителя? Им надо служить нам беспрекословно. И тогда я взял отросток кактуса, который растёт у меня на окне. Видели?

– Видели, – сказал Ложкин. – Только я латинское название забыл.

– Не важно, – сказал Минц. – Не в названии дело.

И все строго поглядели на Ложкина, потому что и в самом деле латинское название ничего не меняло.

– Обработал я его химическим путём. Сделал срез. Нейтрализовал фактор запрета, скажем, снял с растения инстинкт самосохранения. И что же?

Все молчали. Не смели прерывать.

– Я угадал, – сказал Минц скромно. – Через час на моём новом кактусе распустился цветок. Правда, он цвёл недолго.

Минц указал пальцем на яблоню, на землю вокруг неё, ещё засыпанную лепестками.

– Вот и всё, – сказал Минц. – Дальнейшее ясно.

Он поднялся с места и сделал шаг к яблоне. Протянул руку к ближайшему яблоку. Дёрнул. Яблоко послушно отвалилось от черенка и осталось на ладони учёного. Минц обернулся, чтобы отдать яблоко Удалову, но в этот момент другое яблоко, сорвавшись с вершины дерева, ударило Минца по лысине. Он резко отскочил в сторону. Но ещё два или три яблока успели его задеть. Красные сочные яблоки раскатывались по земле, по двору, и это было удивительное осеннее зрелище. Минц сказал:

– Столкновение головы с яблоком порождает не только болевые ощущения, но и усиливает мыслительные процессы. Мне надо идти.

И Минц поспешил к себе в кабинет, потому что в голове его рождалось новое изобретение, о котором ещё было рано говорить.

Листья яблони желтели на глазах и начали осыпаться. Ложкин пошёл за корзиной. Соседка Гаврилова пришла с кастрюлей. Наконец соблаговолила спуститься и Ксения. С вёдрами. Она с опаской поглядывала на странную яблоню, но плоды всё же собирала.

Чтобы не объясняться с женой, Корнелий Удалов сунул в карман яблоко. Ему хотелось поговорить с людьми о загадках генетики. Ему хотелось о них размышлять. Так он дошёл до парка. Вечерело. В пивном баре было пусто. Корнелий взял кружку пива, солёную сушку и отошёл в сторонку. Там, у высокого столика, стоял знакомый ему Иван Пузилло, которого он угостил яблоком и которому рассказал о событиях прошедшего дня. Пузилло кивал головой, слушал, но думал о своём.

– Ты ешь, – говорил ему Удалов. – Видишь, какое сочное. По всем параметрам настоящее.

Пузилло кивал.

– Перспективы понимаешь? – спросил его Удалов. – Ты их не понимаешь на своём посту директора бани. Мы же с Минцем совершим переворот в сельском хозяйстве.

– Я уже не директор бани, – сказал Пузилло. – Меня перекинули.

– Не суть важно, – сказал Удалов. – Не перебивай. За день наша яблоня даст пять-шесть урожаев. Понимаешь? Возьмём яблоневый сад. Обычных размеров. За сезон – тысяча урожаев. Может, полторы тысячи. Многотонные составы с яблоками и грушами мчатся из Великого Гусляра во все концы страны.

– Многотонные? – спросил Пузилло печально. – Может, не надо?

– Надо. Научный прогресс не затормозишь, – возразил Удалов. – Кроме того, начинаем разводить ананасы. Выбираем жаркий день, за этот день – тридцать урожаев с куста. Пять тонн с гектара. И это в наших условиях, в северной России. Теперь возьмём бананы.

– Этого я и боюсь, – сказал Пузилло. И пошёл куда-то.

– Не веришь? – крикнул вслед Удалов. – Приходи к нам во двор. Там первая яблоня растёт. Завтра высаживаем на опытном участке.

Тут Удалов заметил, что совсем стемнело, и поспешил домой. Яблоня стояла посреди двора и в сумерках казалась куда более могучей, чем днём.

– Ага, – сказал Удалов, поднимаясь к себе. – Следующий шаг – разведение строевого леса. Утром посадили – вечером готово бревно.

Надо будет завтра с Минцем побеседовать. И про ананасы не забыть. Давно хочется побаловаться ананасом.

На лестнице Удалов столкнулся со своей супругой Ксенией. Она несла в руках таз и громко требовала отдать ей на расправу этого самого профессора. Удалов ещё не знал, в чём дело, но на всякий случай начал отступать. Далеко он отступить не успел, потому что с улицы ворвалась соседка Гаврилова с большой кастрюлей.

– Издевается? – спросила она. – Издевается над одинокой женщиной.

Женщины остановились перед дверью в квартиру Минца. Удалов осторожно последовал за ними.

– Открывайте, Лев Христофорович, – сказала Ксения притворно ласковым голосом. – Поглядите, что вы натворили.

Минц приоткрыл дверь. Был он в халате и шлёпанцах, готовился отойти ко сну.

– Простите, – сказал он. – Чем могу служить?

– Глядите, – сказала Ксения. – Глядите, предатель!

Она подняла таз и подставила его к самому носу Минца.

– Что это? – спросил он.

– Что? Это у вас надо спросить. Час назад это были яблоки.

Удалов протиснулся сквозь толпу сбежавшихся соседей. Заглянул в таз. Таз был полон бурой жижи.

– Только я собралась их ребёнку предложить, – говорила Гаврилова, – только собралась... хорошо ещё, что не успела.

– А я варенье сварить хотела.

– Ах! – сказал Минц. – Я всё понял. Я во всём виноват. Старый дурак. Ну кто же мыслит только до середины? Кто, я спрашиваю?

– Что случилось? – спросил Ложкин. – Объясните, не таитесь.

– Всё просто. Мы сняли ограничения с растений. Растения в считаные часы достигают половой зрелости и дают плоды. Но ведь ускоряется всё! Понимаете, всё! Значит, и гниют их плоды в тысячу раз быстрее. Всё, что быстро растёт и быстро зреет, так же быстро умирает и рассыпается в прах. Простите меня, люди.

Наступила тишина. Даже буйная Ксения поняла, что профессор не хотел никому причинить зла. И тут все услышали, как во дворе раздаются короткие злые удары. Удалов первым выбежал наружу. В синеве сумерек он увидел, что перед яблоней стоит Пузилло и машет

топором, вонзая его не очень умело в толстый узловатый ствол старой яблони.

– Остановись! Что ты делаешь! – крикнул Удалов. – Это же эксперимент! Это же народное добро!

Пузилло словно не слышал. Он ещё раз взмахнул топором, и яблоня, обламывая безлистные ветки, тяжело рухнула на землю.

– Варвар! – закричала Ксения. – Мы тебя засудим.

– Судите меня, люди, – сказал Пузилло, роняя топор на землю. – Но у меня не было другого выхода.

– Почему же? – спросил профессор Минц.

– Потому что я пять дней назад назначен директором плодоовощной базы.

– И что?

– А то, что помещение у нас небольшое, скромное. Мне вчера уже грозили выговором за то, что я не успеваю урожай обработать. Растить яблоки – это каждый может. А вот сохранить их попробуйте.

Заведующий базой Пузилло замолчал, понурив голову. Минц подошёл к нему и положил руку на плечо.

– Я вас понимаю, – сказал он. – Вы не преступник, а человек, попавший в тяжёлые обстоятельства и не нашедший выхода. Но не беспокойтесь. К сожалению, выговор вам не грозит.

– Вы отказались? – воспрял Пузилло.

– Мы отказались, – вздохнул Минц. – Временно.

Он поставил ногу на толстый ствол яблони, и нога провалилась внутрь ствола. Ствол оказался трухлявым.

«Со строевым лесом тоже придётся подождать», – подумал Корнелий Удалов. И всё же ему очень хотелось побаловаться ананасом.

СОБЛАЗН

Глава первая

Ипполит Иванов возвращался домой по Пушкинской. Шёл бесконечный дождик, к которому за неделю все уже привыкли. Воздух так насытился водой, что зонт не высыхал и пропускал воду. Ипполит смотрел под ноги, потому что встречались глубокие лужи.

Когда он перепрыгнул через очередную лужу, то увидел, что в следующей плавает, вниз лицом, ценнейшая марка, посвящённая перелёту Леваневского через Северный полюс. Марка настолько ценная, что Ипполит Иванов никогда её раньше не видел.

Впоследствии Ипполит Иванов не раз задавал себе вопрос, как он мог угадать марку, которую никогда раньше не видел, с первого взгляда при условии, что она плавала в луже лицом вниз, то есть была недоступна обозрению.

Но сомнений у Ипполита не было.

Он замер над лужей, как обыкновенная гончая над выводком райских птиц. Потом почему-то сложил зонт и уронил его на землю. Затем сел на корточки и осторожно подвёл ладонь под плавающую марку. Та, как рыбка, скользнула подальше от края лужи, не далась. Ипполит Иванов сделал шаг в лужу, уйдя по щиколотку в воду, и другой рукой отрезал марке путь к отступлению. Она попыталась было прорваться в открытую воду, но вскоре сдалась и легла на ладонь Ипполита. Ипполит поднял ладонь к глазам, пальцами другой руки приподнял марку за уголок, перевернул и снова положил на ладонь. Да, это была марка, посвящённая перелёту Леваневского через Северный полюс, перелёту, из которого отважный лётчик не вернулся. Мокрое мужественное лицо лётчика смотрело на Ипполита, надпечатка выглядела чётко, буква «ф» в слове «Сан-Франциско» была маленькой, что умножало редкость и цену марки.

Держа ладонь ложечкой, Ипполит достал свободной рукой из верхнего кармана пиджака пробирочку с валидолом и, зубами вырвав пробку, высыпал в рот три таблетки. Он жевал их, как изюм, и думал, что теперь не имеет права болеть или умирать, потому что его жизнь обрела новый смысл.

Придя домой, Ипполит Иванов посмотрел на жену отсутствующим взглядом, отказался от обеда и, принеся из туалета рулон бумаги, отмотал метра два, чтобы соорудить ложе для марки, которой надо было высохнуть, согреться и привыкнуть к новому дому.

Только когда она уютно устроилась в колыбели из туалетной бумаги и вроде бы задремала, Ипполит Иванов догадался, что марка эта – чужая.

Коллекционеры бывают двух типов. Первый тип довольствуется самим фактом обладания. Он может держать в банковском сейфе голубого Маврикия или стодолларовик Джохора и встречаться со своими сокровищами раз в два года. Второй тип должен общаться с иными филателистами, чтобы те могли оценить его приобретения и достижения, разделить его радость или, что бывает чаще, горько позавидовать его удаче. Удача, выпавшая на долю Ипполита, была невероятной, сказочной, недоступной трезвому разуму, и потому, как только миновал первый восторг, Ипполит понял, что так быть не может.

Город Великий Гусляр сравнительно невелик, организованных филателистов, включая школьную секцию, там восемьдесят шесть человек, и все солидные коллекционеры не только знакомы друг с другом, но и знают, у кого что где лежит.

Известно, что одна такая марка была у старика Ложкина. Но старик Ложкин относится к нечастому в нашей стране первому типу замкнутых коллекционеров, его коллекцию мало кто видел. Ипполит в число избранных не попал. Наверное, окажись такая редкость у кого-нибудь ещё, об этом знал бы весь Великий Гусляр.

Значит, сказал себе Ипполит Иванов, это марка Ложкина. Значит, Ложкин вышел в дождь гулять со своей бесценной маркой, она выскользнула у него из руки и упала в лужу.

Маловероятно.

Ни один коллекционер не возьмёт с собой под дождь такую ценнейшую вещь и не отпустит её в лужу. А если вдруг такое случится, бросится за ней вплавь.

Но если Ложкин не заметил? Нёс, допустим, свой альбом, чтобы спрятать от возможных грабителей в камере хранения. Не получается. Железной дороги в Гусляре нет, и камеры хранения нету тоже. Ну ладно, нёс он альбом показать своему близкому другу. Да какие могут быть друзья у этого скопидома и скандалиста?

– Я честный человек? – спросил Ипполит Иванов у жены.

– Ты обедать будешь, в конце концов? – ответила вопросом жена.

– Я честный человек? – повторил Ипполит.

– Это ещё испытать надо, – сказала жена.

– Вот именно, – подтвердил Ипполит. – Вот именно.

И он решил тут же отнести марку старику Ложкину.

Марка уже чуть подсохла, в туалетной бумаге ей нравилось, но она не возражала, когда Ипполит вложил её, не разворачивая, в паспорт, сунул во внутренний карман пиджака и пошёл к двери.

– Ты, значит, обедать не будешь? – спросила жена.

– Значит, не буду, – согласился Иванов.

Ипполит был с Ложкиным еле знаком – иногда встречались в обществе коллекционеров, но даже не всегда здоровались. Иванова начали раздирать сомнения иного рода. Вот он, Ипполит Иванов, получив в руки негаданное счастье, сразу же подумал о собственной честности. И собственная честность повлекла Ипполита Иванова к старику Ложкину. Но означает ли это, что старик Ложкин настолько же чист и благороден, как Иванов? Допустим, он не терял этой марки. Допустим, она лежит спокойно в его альбоме. Но, увидев вторую марку, старик Ложкин быстро сообразит, что ему тоже улыбнулось счастье, и скажет: «Ах, я эту марку сегодня утром потерял. Какое большое спасибо, что вы её вернули мне!» И останется он с двумя марками. А Ипполит Иванов, спаситель этого ничтожного клочка бумаги, останется с носом. И опасения Иванова были не беспочвенны, так как среди филателистов иногда, в виде исключения, встречаются нечестные люди. Один из них – не будем называть его фамилии – в прошлом году подсунул Ипполиту марку с подклеенными угловыми зубцами, а когда Иванов обнаружил подлог, то притворился, будто видит эту марку впервые в жизни. Но такие граждане не типичны для нашего общества и в ближайшем будущем вообще исчезнут.

Размышляя таким образом, Иванов замер у ворот дома № 16 и довольно долго топтался, не замечая, как дождь стекает по лицу. В этой нерешительной позе Иванова застал Корнелий Удалов, который как раз шёл домой, потому что у него жил гость и гостя пора было кормить, а жена Ксения отказывалась это делать.

– К нам? – спросил Удалов. – Давно не заходил.

– К Ложкину, – ответил Ипполит.

Они были знакомы с Удаловым и даже учились в школе в параллельных классах.

– Так чего же стоишь? У него свет горит, – сказал Удалов.

И Ипполиту ничего не оставалось, как последовать за Корнелием.

Удалов повернул с лестницы к своей квартире, а Ипполит позвонил Ложкину.

Ложкин долго не открывал. Потом наконец дверь дрогнула и уехала внутрь квартиры. Ложкин был встрёпан, небрит, озабочен, одет в старый халат до полу и шлёпанцы.

– Здравствуйте! – слишком громко и радостно воскликнул Иванов. – Принимаете филателистов?

– Добрый вечер, – ответил Ложкин, не двигаясь с места и не пропуская гостя. – Занят я, устал, отдыхаю.

– Я на минутку, – сообщил Ипполит. – Только получить совет – ваша эрудиция широко известна.

Лесть была надёжным способом проникнуть в сердце Ложкина. Об этом многие знали.

– Какая уж у меня эрудиция, – возразил Ложкин. – Нет у меня эрудиции. Не осталось. Один маразм.

– И всё-таки по части довоенных марок у вас лучшая коллекция. И если вы мне не поможете, никто не поможет. Клянусь, что больше минуты времени не отниму. Один вопрос – и я ушёл.

– Ну ладно, проходи, – сдался Ложкин. – Только в прихожей побудь. С тебя капает.

– Это правильно, – согласился Иванов. – На улице дождь.

– Что за вопрос?

– Хочу взглянуть на вашего Леваневского. На перелёт.

Лицо Ложкина изменилось к худшему. Оно побледнело, и щёки опустились к углам рта.

– Какой ещё Леваневский! – закричал Ложкин. – Не знаю никакого Леваневского.

Но забота о возможной потере, происшедшей у Ложкина, соединённая с надеждой оставить марку себе, заставила несмелого в обычной жизни Иванова проявить упрямство.

– Леваневского у вас Штормилло видел, – сказал он, прижимаясь к стене, чтобы не закапать квартиру. – С тонким местом.

– С тон-ким мес-том? – Ложкин вздрогнул, как от удара. – Мой Леваневский с тонким местом? Это твой Штормилло с тонким местом. Ну, погоди!

Ложкин бросился в комнату, и Иванов сделал нечаянный шаг вслед.

– Стой! – приказал ему Ложкин. – У меня квартира сухая!

Ипполит отступил назад, но потом, слыша, что Ложкин вываливает из шкафа кляссеры и альбомы, вытянул шею, любопытствуя, как тот содержит свои марки. И увидел: Ложкин достал толстый кляссер, открыл его и замер. Стоял, согнувшись, спиной к Ипполиту. И не двигался.

– Ну что же! – поторопил Ложкина Ипполит. Марка, завёрнутая в туалетную бумагу, жгла его сердце. – Нет марки?

Ипполит сказал это, и сердце его, обожжённое, натруженное, сжалось до опасного предела.

– Есть марка! – закричал в ответ Ложкин. – Не спровоцируешь!

Он обернулся и пошёл к Ипполиту, неся перед собой раскрытый кляссер, как на похоронах генералов несут подушки с орденами.

Глава вторая

Тем временем Удалов пришёл к себе домой, вынул из большой продуктовой сумки гостя, и тот принялся быстро, ловко и изящно зализывать, поправлять раздвоенным языком пёрышки на своём длинноватом теле. Удалов выложил на стол принесённые из магазина продукты и невольно залюбовался статью и законченностью форм пришельца из космоса, что третий день проживал у Удалова, известного всей Галактике сторонника справедливой дружбы космических

цивилизаций и крупного межпланетного деятеля, хоть и занимал он скромный пост заведующего стройконторой в городе Великий Гусляр.

Пока Удалов разворачивал покупки, чтобы обеспечить себе и гостю скромную трапезу, в комнату заглянула его жена Ксения и, увидев на столе пернатую ящерицу с хвостом, почему-то напоминающим деревянную расписную ложку, скривилась, крикнула:

– И сына из дома уведу!

– Не обращай внимания, – сказала ящерица Удалову, когда Ксения, хлопнув дверью, убежала. – У неё нормальная идиосинкразия к ползучим гадам. Это у двуногих случается. Но мы с тобой знаем, как я красив, в первую очередь душевно.

– И внешне ты тоже не урод, – согласился Удалов, хотя был расстроен.

Приятнее, когда в доме царит мир и жена проявляет гостеприимство.

– Ксенин характер также небезызвестен в Галактике, – угадал мысли Удалова пришелец, которого для простоты звали Коко. – Бывают жёны и хуже. Ты мне кефир согрей. Я предпочитаю разогретый кефир.

И уже потом, когда сели ужинать, Коко добавил:

– Моя жена тебя бы тоже не вынесла.

Глава третья

– Посмотрел? – спросил Ложкин, стараясь захлопнуть кляссер. – Убедился?

Ипполит Иванов ловко прижал пальцами край кляссера, не давая ему закрыться. Он пытался разглядеть марку получше. Марка была на листе в гордом одиночестве. Тот же мужественный взгляд пилота, та же скромная надпечатка, даже та же маленькая буква «ф» в слове «Сан-Франциско».

Но не это смутило Ипполита. Не это привлекло его тренированное зрение. Человек, который смог угадать такую марку в луже, да ещё оборотной стороной наружу, сразу увидел деталь, которая повергла его в растерянность.

Правый нижний угол марки занимал почтовый штемпель. Ясный, чёткий, на котором без труда угадывались буквы «...нинград». Причём первая буква наполовину была срезана зубцами марки, а последняя чуть-чуть вылезала на боковое поле. Точно такой же почтовый

штемпель, точно так же расположенный, был на марке, найденной Ивановым. Но штемпели на двух марках не могут быть идентичными!

– Всё! – Старик Ложкин вырвал кляссер из рук Иванова, захлопнул его и прижал к впалой груди.

– Нет, – ответил Иванов. – Не всё.

Тяжёлое предчувствие требовало энергичных действий. Он не мог остаться при подозрении. Любая ложь невыносима!

Иванов достал из кармана паспорт, из него сложенную вчетверо туалетную бумагу, из неё почтовую марку. Смело сделал три шага в комнату и положил своё сокровище на стол.

– Объяснитесь, – сказал он тихо.

Старик Ложкин смертельно побледнел и спросил, еле шевеля губами:

– Откуда это у тебя?

Глава четвертая

– Сколько ещё пробудешь у нас? – спросил Удалов у Коко. Коко допил из блюдца кефир, закусил конфеткой, облизал зелёные губы и лениво разлёгся среди чашек и тарелок.

– Как дела пойдут, – сказал он. – Сам понимаешь, научная командировка. Пока задание не выполню, придётся у вас ошиваться. Но я не в обиде на начальство. И на Землю летать люблю.

– А в чём задание, если не секрет? – спросил Корнелий Удалов.

– Дирекция института запланировала коллективную монографию «Концепция честности и чести в масштабе Галактики». В тридцати томах. Сроки поджимают, а ещё и половина полевых исследований не завершена.

– И многих мобилизовали?

– Всех этот деспот разогнал, отсохни его хвост!

Удалов вздрогнул. Ему ещё не приходилось слышать, чтобы друг Коко употреблял такие сильные выражения.

– Могло быть хуже, – произнёс Удалов. – Для тебя.

– Мне повезло. Попал на сравнительно устойчивую планету.

– Чай будешь?

– Три кусочка сахару. А у тебя прошлогоднего клубничного варенья не осталось?

– Ксюша куда-то спрятала.

– Этого следовало ожидать.

– Ты уже с кем-нибудь встречался?

– Нет, неделю провёл в библиотеках. Ночами работал, сам понимаешь, приходится сохранять инкогнито. В Историчке меня чуть кот не сожрал. И зачем они только допускают кошек в библиотеку? Я анонимку написал их директору, чтобы котов не пускали.

– Это правильно, – согласился Удалов. – Правда, от мышей тоже вред бывает.

– Здесь я кое-кого опросил, – продолжал Коко, постукивая твёрдым концом хвоста по столу. – Побеседовал.

– Как же так? В твоём облике?

– Не беспокойся, я своими ограничивался. С Сашей Грубиным провёл вечерок, старика Ложкина навестил. Только доставил старику неприятность.

– Ты? При твоей деликатности?

– Нечаянно. Он свои почтовые марки смотрел. Знаешь, ведь некоторые люди странно себя ведут – собирают кусочки бумаги – так называемый сорочий эффект. Занятие бессмысленное, но любопытное для строительства поведенческой модели землян.

– Не всегда бессмысленное, – заметил Удалов. – Эти марки больших денег стоят. А у вас что, сороки водятся?

– Сорок нет. Это из моего земельного опыта. Или земляного?

– Земного.

– Спасибо. Об относительной ценности марки я наслышан. Ты бы видел, какое лицо было у Ложкина, когда я хвостом задел его любимую бумажку. Можно было подумать, что сгорел дом. Но я это объясняю не жадностью в чистом виде, а коллекционным остервенением. Тебе нравится термин? Я сам его придумал.

– Так значит, ты ему любимую марку погубил?

– Не бойся, как погубил, так и восстановил.

Глава пятая

– Я, понимаешь, спешил под дождём, я, понимаешь, переживал! – возмутился в соседней квартире Иванов. – А я марку, оказывается, возвращал не человеку, а жулику!

– Жулику? А ну, бери свои слова обратно! Пинцетом проткну за такое оскорбление!

Руки Ложкина тряслись, в уголках рта появилась пена.

– Моя марка и твоя марка – копии или не копии?

– Похожие марки, и всё тут. Совпадение!

– Совпадение в луже не валяется. Рассказывайте всё, а то созову филателистическую общественность. Ни перед чем не остановлюсь!

– Ничего не знаю, – сказал Ложкин, отводя взор в сторону, к комоду.

– Ладно, – произнёс устало Иванов. Он подобрал со стола свою марку, к которой уже не испытывал никакого душевного расположения, и отступил в переднюю, откуда объявил: – Первым делом поднимаю Гинзбурга. С ним едем к Смоленскому, оттуда прямым ходом к Штормилле – нашей совести и контролю.

Ложкин упрямо молчал.

– Вам больше нечего сказать? – спросил на прощание Иванов.

– За всю мою долгую жизнь... – начал было Ложкин, но голос его сорвался.

В иной ситуации Иванов пожалел бы старика. Но дело шло о серьёзном. Если в Великом Гусляре кто-то научился подделывать такие марки, как «перелёт Леваневского», значит, в будущем коллекционеру просто некуда деваться.

Иванов решительно спустился по лестнице, вышел во двор, кинул последний взгляд на освещённые окна Ложкина. Дождь не ослабел, капли были мелкие, острые и холодные. Иванов подошёл к воротам.

– Стой! – раздался крик сзади.

Ложкин, как был, в халате, выбежал из дверей шатающимся привидением.

– Не губи! – закричал он.

– Нет, пойду, – упрямо откликнулся Ипполит Иванов.

– Не пойдёшь, а то убью! Вернись, я всё объясню! Клянусь тебе памятью о маме!

Эти слова заставили Иванова остановиться. Вид Ложкина был жалок и нелеп. Халат сразу промок и тяжело обвис. Ложкин стоял в глубокой луже, не замечая этого, и Иванов понял, что если не вернуть старика в дом, то он обязательно и опасно простудится.

– Хорошо, – сказал он. – Только без лжи.

– Какая уж тут ложь! – ответил Ложкин, отступая в дверь. – Это всё Коко виноват, крокодил недоношенный!

Глава шестая

– Слышишь, как тебя называют? – спросил Удалов. Он стоял у окна и наблюдал сцену, происходившую под дождём.

Коко соскользнул со стола, ловко вскарабкался по стене на подоконник и высунул длинное лицо в приоткрытое окно.

– Слышу, – сказал он. – Но не обижаюсь. Хотя мог бы и обидеться.

– С крокодилом сравнение не понравилось?

– При чём тут крокодил? Неблагодарность человеческая не нравится.

Внизу собеседники скрылись под навесом подъезда, и сквозь шум дождя до Удалова доносились быстрые, сбивчивые слова старика:

– Этот крокодил мне Леваневского хвостом смял, понимаешь? Прилетел, извините, с другой планеты, напросился в гости, весь чай дома выпил, чуть ли не нагадил.

– Вот именно, что чуть ли не... – согласился обиженно Коко. – Варвары...

– Ну, я его прижал, – слышен был голос Ложкина. – Я ему сказал кое-что о космической дружбе. Он у меня закрутился, как чёрт на сковороде...

– Он в самом деле на крокодила похож? – спросил Иванов.

– Хуже.

– Крокодилов не встречал, – заметил негромко Коко. – Но теперь обязательно познакомлюсь.

– Нет смысла, – ответил Удалов. – Хищники эти крокодилы.

– На, говорит он мне, – слышен был голос Ложкина, – возьми копирку. И даёт мне машинку. Небольшую. Заложи, говорит, в неё любой листок бумаги и свою попорченную марку. Через минуту будешь иметь точную копию. До атома. Починишь марку, говорит, вернёшь мне машинку. Понимаешь?

– И починил? – спросил Ипполит Иванов.

– Точно такую сделал. Без обмана. У них там, в космическом пространстве, какой только техники нет, страшно подумать! Они ею буквально кидаются.

– Лучше бы с нами поделились. Мы с такими машинками замечательное бы производство наладили.

– Не хотят, – сказал Ложкин. – Невмешательство у них. Желают, чтобы мы сами. А на самом деле скопидомничают.

Коко обиделся:

– Какое он имеет моральное право судить...

– Погоди, – перебил его Удалов.

– Значит, починил и вернул? – спросил Иванов.

– Грех попутал, – признался Ложкин. – Я одну марку сделал. А потом ещё одну захотел. Так, на случай обмена. Понимаешь, у Гинзбурга в обмене антивоенная серия лежит, ты ведь знаешь.

– Знаю, – вздохнул Ипполит.

– Пойми меня правильно. Сделаю, решил я, ещё одну марку, для Гинзбурга. И ему приятно, и мне польза. Марка ведь не поддельная. Марка настоящая, скопированная на уровне космических стандартов.

– Стыдно, – сказал Иванов.

– Ещё как стыдно. Но удержаться невозможно.

– А я вот под дождём пошёл к вам марку возвращать.

– И не говори. Ну ладно, сделал я ещё одну, а потом вспомнил о Штормилле. Помнишь, что у Штормиллы в обмене лежит? Забыл? Беззубцовый Дзержинский у него лежит!

– Помню, – произнёс Иванов.

– Ну, ради этого стоило ещё одного Леваневского сделать?

– Погодите. Сколько же вы Леваневских отшлёпали?

– Уже всё, уже остановился. Что, разве я не понимаю всей глубины моего морального падения?

– Так завтра же Гинзбург своего Леваневского Штормилле покажет. И всё, и где ваша честь?

– Вот именно, – сказал Коко. – Где честь?

– Я только Штормилле отнёс, – сказал Ложкин. – А гинзбурговскую марку я по дороге потерял. Тебе она на глаза и попалась.

– Ваше счастье, что попалась, – заключил Иванов твёрдо. – Всё равно надо было остановиться.

– Да я и остановился! Я же сегодня приборчик Коко возвращаю.

– И всё?

– И всё.

– Ну и возвращайте. Немедленно! А Леваневского мы разорвём!

– Вот молодец! Нравится мне этот Иванов, – проговорил Корнелий.

– Погоди с выводами, – ответил Коко.

– Верну. А Леваневского, может, рвать не будем? – спросил Ложкин заискивающим голосом. – Беззубцового Дзержинского я уже в коллекцию положил. Когда ещё попадётся! Да и ты себе оставь. Марка хорошая, настоящая. До атома.

– Нет, – сказал Иванов уже не так уверенно. – Всё равно я обязан проинформировать Штормиллу.

– И расстроишь его смертельно. Он же сейчас живёт в наслаждении, что выгодный обмен со мной совершил. А как узнает, что ему делать? Оставаться без Леваневского?

– Конечно, так.

– Постой-ка, – сообразил Ложкин. – Может, ты хочешь на эту машинку взглянуть? Может, тебе ещё какая из моих марок нужна? Я быстренько копии сделаю. Задаром. И нет в том обмана и жульничества. Помню, ты консульской почтой интересовался. Интересовался, да?

– Нет, не буду я в этом участвовать, – сказал Иванов.

– А ты и не будешь, – ответил Ложкин. – Только поднимемся ко мне, поглядишь на машинку, чайку попьём. Ладно, а? Я совсем промок. Заработаю из-за тебя воспаление лёгких, помру ещё.

– Если так, то поднимемся, – согласился Иванов.

Хлопнула входная дверь.

– Нам бы тоже не мешало чайку выпить, – сказал Коко Удалову.

В мгновение ока галактическая ящерица перемахнула на стол.

Удалов был задумчив. Он несколько раз подходил к окну, прислушивался, не хлопнет ли дверь, а Коко откровенно над ним посмеивался.

– Не спеши, – говорил он. – Твой Иванов уже совращён.

– В каком смысле?

– Изготавливает марки честным способом.

– Он не такой человек, – возразил Удалов. – Он под дождём чужую вещь хозяину понёс.

– Это была для него понятная ситуация. Он знал, что в таком случае положено делать. А в ситуации сомнительной он легко поддался уговорам Ложкина, который чувствует, что морально погиб, и сейчас идёт на всё, чтобы только нейтрализовать свидетеля.

– Ты рассуждаешь, будто про уголовников, – обиделся Удалов.

– Да какие они уголовники! Обыкновенные люди. Пока соблазн невелик, они честные, а как соблазн перейдёт через допустимые пределы, они уже начинают шататься, как тростник на ветру.

– Грустно мне, что ты такого низкого мнения о землянах.

– Почему низкого? Нормального мнения. Кстати, уже одиннадцатый час, спать пора. Послушай, Корнелий, ты мне сделаешь личное одолжение?

– А что?

– Зайди к Ложкину, возьми копирку. Мне её уничтожить надо. Сам понимаешь.

– Может, ты сам сходишь?..

– Могу, конечно, ты не думай, что я тебя принуждаю. Только вот спина что-то побаливает, радикулит опять одолел.

И пришлось Удалову идти к соседу за машинкой, понимая притом, что хитрец Коко сделал это не случайно: хочет он, чтобы Удалов собственными глазами убедился, насколько моральный облик отдельных жителей нашей планеты оставляет желать лучшего. И Удалов пересёк лестничную площадку, злой на Коко, злой тем более на Ложкина с Ивановым. И он, хоть и надеялся в глубине души, что коллекционеры мирно пьют чай, сам себе не верил, и потому, как только Ложкин приоткрыл дверь, Корнелий отстранил его, метнулся в комнату и увидел,

как Иванов пытается прикрыть телом машинку, кляссеры, марки, все орудия преступления.

– Не старайся, Ипполит, – произнёс Удалов голосом Командора, который застукал Дон Жуана, хотя никакого морального удовлетворения от этого не получил. – Я в курсе.

– Он в курсе, – сказал за его спиной Ложкин. – Этот Коко у него остановился.

– Сдавайте копирку. Нельзя вам доверять.

– Мы только испытывали, – проговорил Ипполит, красный, как свёкла, хватаясь за сердце.

– Солидно наиспытывали, – сказал Удалов. – Если вам машинку ещё на час оставить, вы за деньги возьмётесь или как?

– Деньги в неё не поместятся, – возразил Ложкин.

И Удалов понял, что даже такая отвратительная мысль уже посещала его соседа. Человека, которого он знал много лет, не очень любил, но не сомневался в его порядочности.

Удалов взял со стола машинку, хотел было порвать марки, но не знал, какие из них настоящие, а какие – копии. И ему ли судить этих людей?.. Они сами себя осудят.

Удалов без единого слова вышел на лестничную площадку, закрыл за собой дверь. И остановился. Машинка, плоская, похожая на портсигар, лежала на ладони. Что хочешь можно сунуть в неё. Ну, хоть автобусный билет. Интересно, а что будет? Удалов достал автобусный билет из кармана. На лестничной площадке было не очень светло – одна лампочка в двадцать пять свечей. Удалов оглянулся: никто не наблюдает? Никто за ним не наблюдал. Удалов вложил автобусный билет в щель на торце портсигара. Ага, нужна ещё бумажка, чтобы из неё сделать копию. Бумажку он вырвал из записной книжки. Сунул туда же. Машинка тихо зажужжала. Потом с другого конца выскочили две одинаковые бумажки. Две странички из записной книжки, совершенно одинаковые. Видно, Удалов в чём-то ошибся, и машинка скопировала не билет, а наоборот. И тут Корнелий словно проснулся.

«Понятно, – думал он мрачно, комкая в кулаке листочки. – Всё понятно. Как же я сразу не сообразил! Тоже мне, называется – галактический друг! Как же я мимо ушей пропустил, что он монографию пишет о чести и честности! Испытываешь. Старика Ложкина испытывал. Иванова испытывал. А потом меня, друга своего, послал на

испытание!» И почудилось Удалову, что электрическая лампочка в двадцать пять ватт над головой подозрительно пощёлкивает. Может быть, снимает его действия на плёнку, чтобы сделать из него, Удалова, иллюстрацию к тридцатитомному труду.

Удалов распахнул дверь к себе в квартиру. Коко метнулся от двери, прыгнул на диван.

– Что тебя так долго не было? – спросил он ласково.

– Возьми машинку, – сказал Удалов. – Провокатор паршивый.

– Ну что ты, что ты... – быстро заговорил Коко. – На тебя эксперимент не распространялся.

– Это мне без разницы. Собирай свои вещи и вон из моего дома, понял? У Иванова сердце плохое, старик Ложкин наверняка простудился.

– Корнелий, дорогой, будь разумен!

– Не буду! Мы тебе не морские свинки. Убирайся.

– А как же космическая дружба? – спросил Коко.

– О ней ты и подумай на досуге.

– Но на улице дождь! Куда я денусь? В гостиницу меня не пустят.

Удалов не слушал. Он подошёл к окну и, прижавшись лбом к холодному стеклу, стоял, глядя в тёмный двор. Одинокий фонарь освещал полукруг земли у подъезда. Дверь растворилась, из неё вышел Ипполит Иванов и побрёл куда-то, не замечая дождя. Потом дверь приоткрылась вновь, и из дома выскользнула изящная пернатая ящерица.

Тогда Удалов пошёл спать.

РОДИМЫЕ ПЯТНА

Беда случилась часов в шесть вечера, но сначала никто не сообразил, что же произошло.

Инопланетный корабль в лучах вечернего солнца казался облаком, лишённым чётких форм, переливчатым и совершенно безопасным.

Он отделился от облачной гряды и медленно поплыл над лесом, снижаясь к окраине городка, где вдоль пыльных улиц выстроились за палисадниками одноэтажные домики. Над последним, ещё новым домом корабль-облако завис надолго, но это не вызвало ни в ком тревоги. Даже собака Тренога, существо на редкость злобное и сварливое, тявкнула раза два на облако, потом забралась в будку и задремала. В тот момент в доме находились Марья Степановна, её дочь Леокадия

и внучка Сашенька, которая была больна ангиной и капризничала. Семенский, муж Леокадии, ещё не вернулся с работы.

Очевидцы рассказывали: облако, повисев несколько минут над домом Семенских, вдруг обрушилось на него, окутало дом, как туманом, затем поднялось вновь, набирая скорость, пока не смешалось с прочими облаками и тучами.

Дом исчез. Исчезли также палисадник, заросший сорняками, будка с Треногой и хозяйственные постройки. Осталось пустынное место, где не росло ни травинки, а также квадратная яма от фундамента.

Примерно через пять минут пустоту на месте соседского дома увидела Прасковья Ильинична. Она не поверила собственным глазам, выбежала из дома, потом дошла до границы своего участка, заглянула через забор, но дальше двигаться не посмела, а вернулась в дом и разбудила мужа. Муж сперва отказался идти смотреть на соседский дом, но, видя, что Прасковья рыдает, выглянул в окно и послал жену за милицией.

Старшина Пилипенко прибыл на место происшествия через десять минут. После исследования пустой площадки, вокруг которой собрался уже народ, старшина задал вопрос:

– Кто последним видел здесь дом?

Никто не смог в этом признаться, хотя многие подтвердили, что обычно здесь стоит дом Семенского, ещё не вернувшегося со службы.

Затем приехала «скорая помощь», водитель которой подтвердил общее мнение, что дом Семенского должен стоять на этом месте. Старшина Пилипенко пребывал в растерянности, так как должен был принять меры, прежде чем докладывать начальству, но характера мер он не знал. Кто-то предложил оцепить пустую площадку верёвкой, но площадка и без того была отгорожена забором. Тогда Пилипенко послал в райисполком за планом квартала.

Семенский, который шёл домой, не подозревая дурного, издали заметил густую толпу, но своего дома не увидел. Он сразу понял, что дом сгорел, что было наиболее вероятным объяснением. Это его так поразило, что он остановился посреди дороги. Тут его увидели, и толпа расступилась, открывая Семенскому проход к старшине Пилипенко, стоявшему посреди пустого участка.

– Люди живы? – крикнул Семенский издали, не в силах сделать ни шагу.

– Вы хозяин? – спросил Пилипенко.

– А где дом? – крикнул Семенский.

– Не бойтесь! – ответил Пилипенко. – Пожара не было.

Кто-то из присутствующих всхлипнул.

Семенский вышел на пустое место, огляделся, не узнавая своего участка, и, куда бы он ни бросал взгляд, наталкивался на внимательные и печальные взгляды.

– Люди где? – спросил он у старшины Пилипенко.

– Какие люди?

– Моя семья. Дочь, жена, тёща Марья Степановна.

Старшина Пилипенко обратил глаза к зрителям, и в толпе закивали.

– Ещё утром были, – сказал кто-то.

– Может, уехали? – спросил старшина.

– Его тёща от дому никуда, – объяснили из толпы. – Страшного нрава и дикости женщина.

– У меня и жена была, – сообщил Семенский, присел на корточки и поковырял ногтем землю.

– Там ничего нет, – сказал водитель «скорой помощи». – Материк. Провалиться не могли.

– А где дом? – спросил тогда Семенский у старшины.

– По этому поводу меня и вызывали, – произнёс старшина. – Но вы не волнуйтесь, разберёмся.

– Может, вам укол сделать? – предложил врач «скорой помощи».

– Зачем? – спросил Семенский. – Это уже не поможет.

– Держись, – сказал водитель «скорой помощи».

– Утром я уходил, они здесь были, – проговорил Семенский.

– Леокадия ко мне днём забегала, – подтвердила одна из соседок. – За солью. Если бы что, она бы рассказала.

– Тут облако странное висело, – вспомнила другая соседка. – Я в небо смотрю, а оно висит. Вот, думаю, странное облако.

– Почему не сообщили? – спросил строго старшина.

– Куда сообщать? – удивилась соседка. – Об чём сообщать?

Старшина не ответил.

– Нет, – решил Семенский. – Надо что-то делать. Что же вы стоите?

Прибежал посланный из райисполкома. Принёс план квартала.

Стали смотреть, сверять план с действительностью. Оказалось, что дом Семенского на плане не значился. Тогда старшина Пилипенко ушёл в отделение доложить и испросить указаний. Семенский остался на участке, сказал, что подождёт, хотя соседи звали его к себе. Кто-то принёс стул. Семенский сел на стул посреди пустого места. Соседи разошлись по домам, но часто подходили к окнам, выглядывали и говорили: «Сидит».

Семенский думал. Он прожил на свете сорок один год, работал сантехником, зарабатывал прилично, почти не пил, значительных событий до того с ним не происходило, он их и не ждал.

Пустота участка, даже какая-то подметённость говорили за то, что дом убран надолго, может, навсегда. Соседи или недоброжелатели сделать это с корыстными целями не могли, тёща при всей своей вредности и нелюбви к Семенскому не решилась бы на такой шаг. Да и Леокадия бы не позволила – новый дом, второй год как построен, в нём жить да жить. А вдруг они уже не вернутся? Эта мысль смутила и расстроила Семенского, и вот по какой причине: дело в том, что ещё час назад он мечтал как раз об этом. Он подумал тогда, как хорошо бы прийти домой, а на дверях бумажка: «Мы уехали к тёте Анастасии в Мелитополь. Вернёмся через два месяца». Или ещё лучше: «Мы

уехали в Бразилию. Жди через...» Вот было бы блаженство. Приходишь домой. Тренога не норовит тяпнуть за пятку, тёща не кричит на тебя за то, что ты ноги не вытер, жена не пилит, что премию маленькую дали, дочка не упрекает, что у неё нет велосипеда. Тишина, благодать. А вдруг есть какая-то высшая сила? И эта сила услышала его желание. И приняла меры. Как бы вняла его молитвам.

«Постой-ка, – сказал себе Семенский. – Получается, что я ликвидировал своих ближайших родственников посредством глупого желания. А им каково? Где они теперь? Может быть, пойти в милицию, всё объяснить и потребовать себе наказания? Нет, сначала попробуем сами исправить».

Соседи, глядевшие из окон, увидели, как Семенский сполз со стула, встал на колени и, обратив к небу лицо, начал шевелить губами: «Господи или какая там есть высшая сила! Я же не всерьёз просил. Это была минутная слабость. Верни их, пожалуйста, и тёщу, и жену, и дочку, и собаку Треногу». Соседи не слышали, конечно, шёпота, но понимали, что в поисках утешения Семенский обратился к небу, и некоторые сочувствовали ему. Они понимали, что нет ничего хуже, как вернуться с работы домой в ожидании борща и телевизора, а вместо этого найти голый участок.

Когда Семенский убедился, что ответа с неба ему не будет, он снова сел на стул и так просидел до самой ночи, раскаиваясь и вспоминая редкие добрые моменты своей жизни, а иногда принимался беззвучно плакать, раскачиваясь на стуле. Соседи по очереди приходили к нему, приглашали к себе, но он мотал головой.

Без четверти двенадцать ночи на участок пришёл старшина Пилипенко. Поняв, что добром Семенского не уговоришь, старшина препроводил его в отделение милиции, поместил в пустовавшую камеру предварительного заключения и дал две таблетки элениума. Потом накрыл Семенского поверх казённого одеяла своей шинелью и запер до утра, чтобы в расстройстве Семенский чего не натворил.

Утром на голый участок начали ходить люди с других улиц. Посетило его городское начальство. Всем старшина Пилипенко показывал план квартала. Семенский снова сидел на стуле. «Вот тёща Марья Степановна, – думал он, – она кажется злобной и сварливой. Но ведь она думает, как сделать лучше, в ней есть доброта, только скрывается она под грубой и неприятной оболочкой. И вообще, в людях надо ис-

кать доброе. Даже в животных. Что из того, что Тренога бросается на своих? Она и на чужих лает, значит, и от неё есть польза. А что жена жадная и не очень умная женщина, что ж, другой я не заслужил, тоже мне – красавец. Она по-своему меня жалеет. Когда третьего дня тёща бойкот затеяла, Леокадия мне тарелку супа налила, добровольно...»

Тут на двух «Волгах» приехала комиссия из области. В комиссию входили два профессора, полковник и люди в тёмных костюмах, которым положено разгадывать тайны. Они долго рассматривали, брали пробы земли и воздуха, сомневались, расспрашивали Семенского, правда ли он вчера ещё здесь жил? Семенский подтверждал, стоял на своём твёрдо, хотя в глубине души уже начал сомневаться, даже показывал им паспорт, в котором были штамп о браке, прописка и запись о дочери.

Отойдя в сторону и совещаясь, гости из области несколько раз повторили слова «космический вариант», «неопознанные объекты», потом заспорили, а уезжая, вежливо попрощались с Семенским за руку и выразили сочувствие.

Пилипенко остался на участке. С Семенским они уже сблизились, Пилипенко принёс Семенскому бутылку пива, потом стал рассказывать историю своей неудачной женитьбы. Семенский тоже рассказал о своей семье, но мягко, вспоминая только хорошее. Они так разговорились, что не заметили, как над участком повисло сизое облако, а потом начало медленно снижаться. Не исключено, что их пришибло бы, но сосед разглядел в облаке космический корабль и закричал из своего окна, чтобы они бежали в сторону.

Они отбежали. Из корабля спустились дом, собачья конура, огород и хозяйственные постройки. Семенский и Пилипенко смогли вблизи разглядеть космический корабль, который поблёскивал сквозь облако, и увидели, как осторожно разжимаются огромные металлические клешни, освобождая пленный дом.

Дом чуть покачнулся и встал точно на положенное место.

– Повезло, – сказал Пилипенко. – Могло и придавить.

В мгновение ока улица заполнилась народом, хотя никто не осмелился подойти близко. Все наблюдали и ждали появления людей или хотя бы действий со стороны Семенского.

Семенский не сразу сдвинулся с места. А вдруг он откроет дверь, а там обнаружатся бездыханные тела?

Семенский посмотрел на Пилипенко. Пилипенко ответил выразительным взглядом. Пилипенко, конечно, понимал, что ему как представителю власти следовало бы сделать первый шаг. Но ведь и милиционер остаётся в глубине души просто человеком и страшится неизвестности. Пилипенко легче было бы знать, что в доме скрывается особо опасный и вооружённый преступник, чем погибшие в небе невинные женщины и дети.

И в этот страшный момент неизвестности из конуры выглянула собака Тренога, увидела хозяина и со всех ног бросилась к нему. Семенский отступил было, опасаясь злобного нападения, но собака ни о чём подобном и не помышляла. Мотая хвостом, она принялась ласкаться к Семенскому, прыгать на задних лапах, радуясь после разлуки. Семенский растрогался, осторожно погладил её по курчавой макушке, а Пилипенко сказал:

– Возможен благополучный исход.

И он был прав.

В тот же миг растворилось окошко, и оттуда выглянула Марья Степановна, полная женщина с выразительным, но обычно суровым лицом.

– Коля, милый! Чего стоишь, заходи! Товарища милиционера приглашай.

Семенский открыл рот, чтобы ответить, но ответить не смог, потому что никогда ещё не слышал от тёщи подобного приглашения.

– Пошли, – поторопил Пилипенко. – Зовут.

Из двери выбежали Леокадия и дочка Сашенька. Они со всех ног подбежали к отцу, обхватили его руками, принялись целовать и ласкаться.

– Как ты тут без нас? – воскликнула Леокадия.

– Он ничего не ел! – крикнула тёща из окна. – Я разжигаю плиту!

А дочка Сашенька безмолвно прижалась к папиной ноге.

Старшина Пилипенко сказал, что, вообще-то, ему надо снять с семьи Семенских показания по части таинственного отсутствия, но делать это он будет не сейчас, а завтра, чтобы не мешать семейной встрече. И ушёл.

Семенский, сопровождаемый подобревшей Треногой, вошёл в дом и с первого взгляда поразился происшедшим в нём переменам. В доме было чисто. Хрустально, окончательно, невероятно. Куда исчезли жут-

кие следы деятельности тёщи, которая имела обыкновение собирать по улицам барахло (а вдруг пригодится?). Где пыль, которую полгода не могла собраться вытереть ленивая Леокадия? Где ломаные игрушки Сашеньки, почему они не валяются под ногами?

Но как следует разобраться Семенский не успел – тёща расторопно накрывала на стол, поглядывая на него ласковыми глазами, которые так украшали её прежде недоброе лицо. Сашенька добровольно и безропотно побежала мыть ручки, а Леокадия достала из буфета графинчик, сама поставила на стол, чтобы выпить за благополучное возвращение.

– Как вы? – обрёл наконец дар речи Семенский, усаживаясь за стол.

– У нас всё в порядке, – первой отозвалась Сашенька. – Мы очень по тебе скучали. А ты?

– Я тоже, – сказал Семенский. – Я думал, что вас совсем унесло.

– И почувствовал некоторое облегчение, – добавила тёща с улыбкой. – Что греха таить, нелегко с нами приходилось.

Семенский открыл рот, услышав такое странное признание от несгибаемой Марьи Степановны, и тут взгляд его упал на шею жены Леокадии. Что-то было не так. Потом понял: отсутствовало родимое пятно под ухом.

– Леокадия, – произнёс он тихо, потрясённый страшным подозрением, – где пятно?

Он показал пальцем на шею жены, и тревожные мысли побежали в его мозгу: это не его семья! Его семья не такая. Его дом не такой. Он машинально поднёс ко рту ложку с борщом и понял, что и борщ не тот – такого вкусного борща ему в жизни не приходилось есть. Его семью подменили!

– А-а-а! – закричал Семенский, в ужасе вскакивая из-за стола. – Пустите меня! Это не вы!

Никто не поднялся вслед за ним. Печальными взглядами семейство проводило его до дверей. В дверях Семенский остановился.

– Возражайте! – закричал он. – Вы мои родственники или космические пришельцы, засланные, чтобы уничтожить нас изнутри?

– Если ты о родимом пятне, – спокойно объяснила Леокадия, – то мне его удалили, потому что со временем оно могло превратиться в злокачественное образование.

– А мне аппендицит вырезали, – сообщила Сашенька. – И гланды. Хочешь посмотреть, папочка?

Семенский вернулся в комнату и посмотрел в широко открытый ротик дочери. Ничего там не увидел, но это действие и тёплая доверчивость ребёнка немного развеяли тревогу.

– А зачем? – спросил он. – Кто им позволил?

– Ты садись, Коля, остынет, – напомнила Марья Степановна. – Мы от тебя ничего не скроем.

Семенский послушно ел борщ и наслаждался его вкусом после столь долгой и нервной голодовки. А Марья Степановна с помощью Леокадии рассказывала:

– Мы сначала очень испугались. Даже плакали. Живём на Земле, ждём тебя с работы, а вдруг нас уносят в небо. Мы сначала даже не сообразили, что к чему.

– Но нам объяснили, – вмешалась Леокадия. – С нами лично имел беседу Поколвух.

– Кто?

– Поколвух, их начальник, очень культурный человек, – ответила Марья Степановна. – Он искренне полюбил Леокадию.

– И я его полюбила, – сообщила Леокадия.

– Ещё чего! – воскликнул Семенский. – Ещё этого не хватало.

– Папочка, не ревнуй, – проговорила Сашенька. – Он зелёный, мне по плечо и на трёх ножках.

Это немного успокоило Семенского. Если его дочка – его дочка, а не обман, она врать не будет.

– Они к нам прилетели, – сказала Марья Степановна, – для изучения нашей жизни.

– Кто их звал? – сопротивлялся Семенский. – Что это за манеры?

– Учёные они, понимаешь, папочка. Им очень интересно, как мы живём, к чему стремимся.

– Сашенька права, – поддержала Марья Степановна, снимая с плиты восхитительные котлеты. – Мы сначала сопротивлялись, а потом с нами побеседовали, всё объяснили.

– И мы поняли, – заключила Сашенька.

Собака Тренога вежливо тявкнула из-под стола.

– Вопрос был принципиальный, – продолжала Марья Степановна. – Доросли ли люди до контактов с межзвёздной цивилизацией

или ещё нет? Тогда они выбрали самый обычный дом в самом обычном городе и взяли нас на время, поглядеть.

– Мы очень сначала расстроились, – перебила Леокадия. – Ох, как много оказалось в нас всякой требухи, всяких родимых пятен, мещанства, суеверий, злобы и сварливости.

– Особенно во мне, – улыбнулась Марья Степановна.

– И во мне тоже, – призналась Леокадия.

– Нам показали возможности, которые открываются перед человечеством в галактическом содружестве, показали счастливый мир общемировой дружбы и потом спросили, не возражаем ли мы, если они попробуют избавить нас от недостатков как физических, так и моральных, – сказала тёща.

– Мы их сначала не поняли, – добавила Леокадия. – Мы думали, что в нас нет недостатков, что все недостатки в окружающих.

«Ох, – подумал Семенский, – как она гладко говорит. Может, это всё-таки подставная жена?»

Но тут Леокадия кинула на него ласковый взгляд, какого не кидала со времени свадьбы. Этот взгляд Семенский ни с чем бы не спутал.

– Их интересовало, – сказала Марья Степановна, – можно ли нас от недостатков избавить? Наносные ли они или неисправимые? Если неисправимые, то придётся объявить на Земле карантин на тысячу лет. А если в основе своей люди не так уж злы и плохи, то ещё, как бы сказать, не всё потеряно.

– И вы согласились?

– Мы несли ответственность за всю планету, – серьёзно ответила Марья Степановна.

– Зато когда нас отпускали обратно, то жали нам руки и очень радовались, что теперь не надо карантина. Всё исправимо. Ты кушай, кушай. Я там краткий курс всемирной кухни прошла, буду тебя баловать разносолами.

Ночью, нежась в сладких объятиях жены, Семенский испытал большое чувство благодарности к зелёным исследователям. Правда, это чувство несколько уменьшилось, когда Леокадия шепнула ему:

– С завтрашнего дня будем с тобой, мой драгоценный, готовиться к институту. За нашей семьёй налажено деликатное космическое наблюдение. Нам бы не хотелось тебя стыдиться.

– Надеюсь, ты не обидишься за нашу прямоту, – сказала утром Марья Степановна. – Но человеку свойственно стремиться к прогрессу, к свершениям.

– По большому счёту, – закончила Сашенька, подняв пальчик.

Давно не плакал Семенский. Даже потеряв семью, он не проронил ни слезинки. Но сейчас что-то горячее заструилось по его щекам. Семенский зарыдал. Семенский с душевным трепетом и глубокой радостью вступал в новую жизнь.

Соседи и знакомые завидуют Семенским. Загляните к ним домой, пусть даже невзначай, не ко времени. Даже если в этот момент Семенский повторяет неправильные глаголы, Леокадия погружена в тайны интегрального исчисления, Марья Степановна пишет очередное эссе об охране животного мира, а Сашенька, закончив уроки, дышит по системе йогов. Даже в такой момент вам будут рады. Любой гость – награда для этой скромной семьи. Марья Степановна, с помощью родных, быстро приготовит скромное, но вкусное угощение, остальные будут развлекать вас интересным разговором об Эрмитаже, о новых археологических открытиях и моральном совершенствовании. И если вы не укоренившийся в отсталости человек, вы уйдёте от Семенских душевно обогащённым, удовлетворённым и чуть подросшим.

Сам Семенский за прошедшие полгода сильно изменился в лучшую сторону. Он пополнел, но не чересчур, от хорошей калорийной пищи и обязательных утренних пробежек рысцой. Во взгляде его присутствует светлая задумчивость, даже увлечённость. Семейное счастье, буквально обрушившееся на него с неба, требует ответных действий. Он отличный работник, передовик, после работы всегда успевает забежать в магазин, купить картофель или стиральный порошок, уделить час, а то и больше общественной деятельности – и торопится домой, где его ждут занятия и добрые улыбки ненаглядных родственников.

Вот именно в такой момент его и встретил недавно старшина Пилипенко. Семенский тяжело ступал по мостовой, потому что нёс на голове телевизор «Горизонт» из починки, в правой руке сумку с бананами, в левой портфель, набитый научными монографиями.

– Здравствуй, Коля, – сказал ему старшина. – Не трудно тебе? Может, помочь?

– А кто будет бороться с трудностями? Кто будет закаляться? – спросил Семенский.

– Ты прав, – вздохнул старшина. – Тебе сказочно повезло. Ведь могли другой дом захватить. И оставался бы ты со злой тёщей и отрицательной женой, как другие несчастливцы.

– Могли. – Коля осторожно опустил на землю тяжёлые сумки. – И всё было бы как у людей.

– Тебе, наверное, теперь на нас смотреть противно, – предположил старшина.

– А я не смотрю. Некогда.

– Может, пива выпьем?

– Пиво вредно, – ответил Семенский.

– Ты прав, – согласился старшина. – Вредно. Но я уже сменился. Приму кружку.

И вдруг, к своему удивлению, старшина увидел, как глаза Семенского наполняются слезами.

– Ты чего?

– Ничего, всё в норме... Пройдёт... Ну хоть бы разок тявкнула!

– Ты о ком?

– О собаке своей, Треноге. Знаешь, Пилипенко, она со всей улицы бездомных котят собирает к себе в конуру. И облизывает.

– Смотри-ка...

– А тёща их шампунем импортным моет. А у жены ни одного родимого пятна не осталось!

– Да, приходится соответствовать, – сказал Пилипенко. И не знал уже, радоваться за Семенского или...

Вдруг телевизор на голове Семенского покачнулся, рухнул со всего размаха в пыль – Пилипенко его подхватить не успел – и вдребезги. Семенский обратил тоскующий взор к небу, где висело одинокое вечернее облако, и спросил:

– Наблюдаешь?

– Ты чего? – удивился Пилипенко, который стоял в пыли на коленях, сгребая в кучу остатки телевизора. – Это же просто облако.

– А вдруг не просто?

Стояла вечерняя тишина, даже собаки молчали. И в этой тишине к небу нёсся усталый голос Семенского:

– Может, возьмёте их обратно? Хоть временно...

КОПИЛКА

Моральные нормы в разных концах Галактики различны, а соблазны, порождённые наукой, велики. Попробуйте поставить себя на место существа, с вашей точки зрения безнравственного: как бы вы повели себя на его безнравственном месте? Вот, скажем, поступок Миши Стендаля – он понятен для жителей города Великий Гусляр, но будет ли одобрен на отдалённой планете? И не вызовет ли ответных мер?

Миша Стендаль сидел в городском сквере у центральной площади и ждал автобуса, на котором должна была приехать из Вологды Шурочка Родионова. Автобус запаздывал, и розы, купленные у тётки Ариадны, уже повяли. Было жарко. Шёл третий час дня.

Когда пришелец из космоса проходил мимо скамейки, Стендаль не сразу сообразил, что это пришелец, так убедительно он был замаскирован под человека. Но тут Миша увидел копилку.

Пришелец прижимал её левой рукой к боку, как толкатель прижимает ядро, входя в сектор. Это был шар, покрашенный в красный и жёлтый цвета таким образом, что мог сойти издали за большое яблоко.

– Разрешите? – спросил пришелец у Стендаля.

– Пожалуйста.

Пришелец сел рядом, положил копилку на колени и прикрыл её ладонями. С минуту он молчал, глядя на колокольню и ворон над ней, затем обернулся к Стендалю и сказал:

– Автобус опаздывает. Будет через час.

Природа обделила его вопросительной интонацией.

– Как вы узнали? – спросил Стендаль.

– Знаю.

Теперь у Стендаля не оставалось сомнений, что перед ним пришелец из космоса.

– Издалека к нам прилетели?

Жители других городов удивляются обыденности гуслярской реакции на пришельцев. А что удивляться – привыкли, вот и всё.

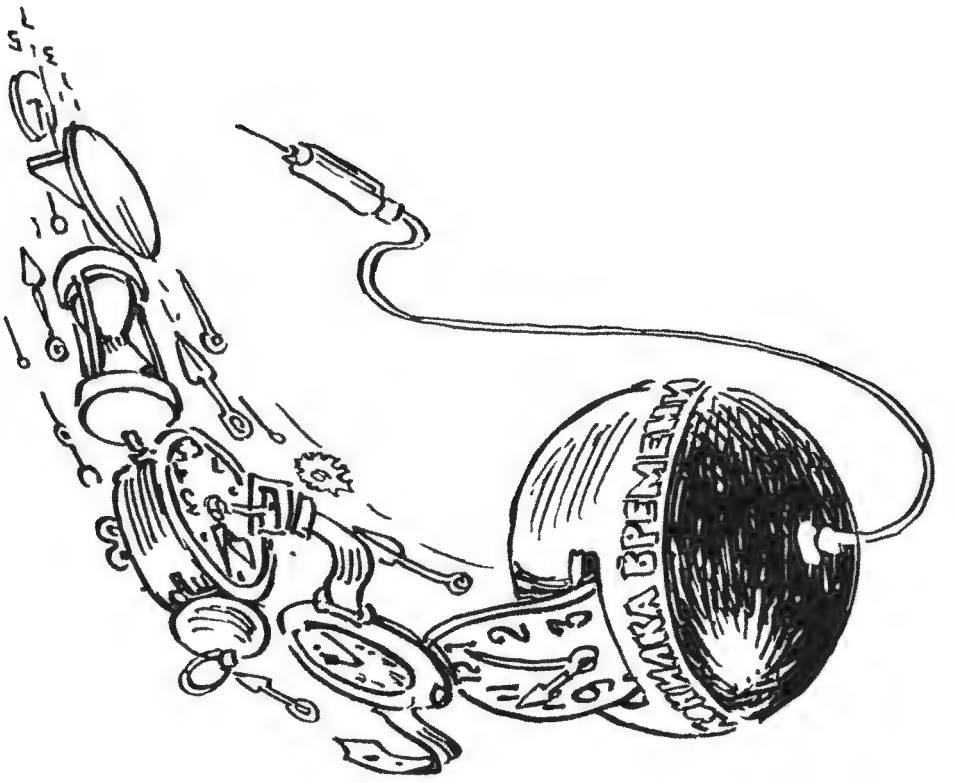
– Имя моей планеты ничего вам не скажет.

Стендаль кивнул, соглашаясь с пришельцем.

– Вы хорошо говорите по-русски, – отметил он.

– Прошёл курс обучения. А сейчас мы теряем время.

– Но мы не можем поторопить автобус.



– Но можем поторопить время.

Стендаль сдержал улыбку.

Пришелец поглядел на него в упор. Глаза у него были тёмные, скучные, настойчивые.

– Люди, – произнёс он с осуждением, – враги времени. Они выбрасывают его, терзают, убивают и топчут.

– С вами трудно спорить, – вежливо ответил Стендаль, поглядывая направо, откуда должен был показаться автобус.

– Уже час вы ничего не делаете, – сказал пришелец, – а ждёте автобус, который в данный момент меняет спущенный баллон в сорока километрах от вашего города. Я вам могу помочь. Я возьму у вас лишнее время.

– И что произойдёт?

– Приедет автобус. Вы встретите свою возлюбленную. А я положу час времени в этот аккумулятор.

Пришелец приподнял ладони, чтобы Стендаль мог лучше рассмотреть копилку.

– Никель-кадмиевый? – спросил Миша, проявляя некоторое знакомство с научно-популярной литературой.

– Нет, стеклянно-оловянный, – ответил пришелец серьёзно. – Но с двойным деревянным микросепаратором. Уникальная вещь.

– Понятно, – проговорил Стендаль, потому что ничего не понял. – Но зачем вам время?

Он сразу поверил пришельцу, однако принцип аккумуляции времени был для него нов.

– Время – самая большая ценность во Вселенной. От его недостатка гибнут цивилизации. Я агент по сбору времени. То, что не нужно вам, в ином месте стоит бешеных денег.

Говоря так, пришелец вытащил из кармана серебряный проводок, один конец которого он прикрепил к копилке, а второй, с иголкой на конце, протянул к руке Стендаля.

– Больно не будет, – сказал пришелец. – Только дотроньтесь до конца проводка, и время, которое для вас лишнее, перейдёт в мою копилку.

Жара не спадала, автобус опаздывал. Стендаль протянул руку. Правда, оставалась опасность, что пришельцу нужно не время, а, допустим, кровь Стендаля, но вероятность её была очень мала: среди высокоразвитых цивилизаций, которые посылали корабли к Земле, изуверы ещё не встречались.

Стендаль ощутил лёгкий укол, за которым последовал негромкий щелчок в голове.

– Спасибо, – сказал пришелец. – Надеюсь, мы ещё увидимся.

Он сунул проводок в карман и поднялся. Миша вежливо наклонил голову и увидел, что тени на земле стали длиннее. Он поднял голову – кучевые облака, которые висели посреди неба, куда-то исчезли. Стендаль не успел обдумать это, потому что справа из-за угла показался пыльный, усталый автобус. Надо бы поблагодарить пришельца, подумал Стендаль, но того не было видно: наверное, охотился за другими бездельниками. А может, и не надо благодарить, потому что автобус, конечно же, приехал сам по себе. А пришелец ничем не отличался от тех надоедливых гостей из космоса, которые то и дело возникали в Великом Гусляре со своими блокнотами и магнитофонами, чтобы проводить психологические исследования землян.

Шурочка была рада тому, что Стендаль ждёт её. Стендаль сказал:

– Прости, что цветы завяли. Жарко очень.

– Ничего, – успокоила Шурочка. – Я их в воду поставлю. Мы бы не опоздали, если бы не этот баллон.

– Какой баллон?

– Ну, колесо. Целый час меняли, если не больше.

Стендаль посмотрел на часы: начало пятого. Правда, не исключено, что он задремал на скамейке. И всё же ему хотелось ещё раз встретиться с пришельцем. Если тот не лжёт, в Великом Гусляре он найдёт золотую жилу.

Вечером, проводив Шурочку из кино, Стендаль столкнулся на улице с Корнелием Удаловым, начальником стройконторы. Тот спешил.

– Миша, – сказал он, – как насчёт субботней рыбалки?

– До субботы ещё дожить надо, – ответил Стендаль. – Пять дней.

– Если не меньше, – загадочно сказал Удалов и поспешил дальше.

– Я вас провожу! – крикнул Стендаль вдогонку.

– Не стоит.

– Почему?

– Личная встреча.

И тогда Стендаль задал вопрос в лоб:

– Пришельцу время отдаёте?

– Что? – Удалов остановился. – Ты знаешь?

– Сам отдавал.

– Тогда идём.

Они шли быстро. Удалов рассказывал:

– Я в магазине был, леску покупал. Там ещё другие были. Грубин, Ложкин. Тот пришелец слушал, как мы говорим, а потом подходит ко мне и спрашивает: «Трудно, Корнелий Иванович?» – «Что трудно?» – говорю. «Ждать трудно. Пять дней до субботы, пять дней ждать такого сладкого момента, когда можно будет поплевать на червяка, широко размахнуться и закинуть крючок в тихие воды озера Копенгаген». Ясное дело, человек понимающий. А он продолжает: «Хотел бы ты, Удалов, чтобы завтра с утра была суббота?» – «Шутите!» – отвечаю. «Какие шутки, – говорит он. – Приходи вечером в гостиницу „Гусь«, в комнату три, сдашь мне лишнее время». Я решил – шутит, бывают же пришельцы с чувством юмора. Но потом пришёл домой, на столе квартальный отчёт, жена ворчит. Не выдержал, написал записку.

– Какую записку? – перебил Стендаль.

– А он велел. Напиши, говорит, записку, что тебя в командировку послали. Чтобы другие не спрашивали, где Удалов.

– Что-то не нравится мне эта благотворительность, – сказал Стендаль.

Но развить свою мысль не успел, потому что подошли к гостинице и Удалов скрылся за дверью.

А Стендаль остался на улице, чтобы подумать и подождать. Прошло минут пятнадцать. И тут под светом фонаря Стендаль угадал ещё одно знакомое лицо. Лицо принадлежало Серафимову. Слегка одутловатое, оно приелось всему городу, потому что не сходило со щита «Не проходите мимо». После того как Стендаль в хлёстком фельетоне разоблачил его антиобщественную сущность, Серафимов пить не прекратил, но проникся к Мише уважением, так как благодаря ему приобрёл репутацию первого пьяницы в Гусляре. А слава всегда приятна.

Завидев Стендаля, Серафимов широко усмехнулся, вытащил из-за пазухи сильно потёртую вырезку из газеты и помахал ею вместо приветствия.

– Помню, – сказал он. – Перечитываю. Здорово ты меня!

– Вы куда собрались? – спросил строго Стендаль, который нёс ответственность за судьбу своего антигероя.

– Есть один хороший человек, – ответил Серафимов. – Поможет.

– В чём поможет?

– Комната три. Лишнее время собирает.

– А вы тут при чём?

– До получки сколько, а? Шесть дней. А от прошлой что осталось?

И вместо ответа Серафимов поболтал рукой в кармане, откуда донёсся жидкий звон.

– Что он вам обещал?

– Ты, говорит, заснёшь, понимаешь, а проснёшься – уже и получка.

– А до получки кто за вас работать будет?

– Тоже мне работа, – вздохнул Серафимов. – Одно перевоспитание.

И с этими словами он исчез в дверях гостиницы.

В течение следующего получаса в гостиницу входили разные люди. Некоторые выходили обратно, некоторые – нет. Пробило одиннадцать часов, а Удалов так и не вернулся. Стендаль решительно вошёл в гостиницу и постучал в дверь третьего номера.

– Войдите, – послышалось в ответ.

Комната была невелика. Кровать под розовым байковым одеялом с белочками, шкаф, стол с графином и двумя стаканами. На столе рядом с графином лежала копилка.

– Сколько отдаёте? – сразу спросил пришелец, не узнав Стендаля.

– Я не отдаю, – сказал Стендаль. – Хочу поговорить.

– Давайте. Только недолго. Трудный день. Собираюсь поспать. Завтра будет ещё труднее.

– А как со временем? Не жалко тратить на сон?

– С моими запасами, – пришелец любовно погладил копилку, – я могу смело проспать неделю.

– Много набрали?

– Сегодня больше, чем вчера, – туманно ответил пришелец. – Лавинообразный эффект.

– А где Удалов?

– Ищите его в субботу. Он на рыбалку спешил.

– Нет, где он сейчас?

– Не знаю. Я торговый агент, в технические подробности не вдаюсь. Нет его до субботы, нигде нет.

– А Серафимов?

– Возникнет в день зарплаты. И остальные – кто когда. Кстати, хотя мой рабочий день закончился, по дружбе могу взять у вас время до шести завтрашнего вечера.

– Зачем? – не сразу понял Стендаль.

– Шурочка Родионова кончает работу в шесть, – проявил информированность пришелец.

– Нет, спасибо, – сказал Стендаль и откланялся.

Настроение у него было поганое. Он был растерян. Особенно его смущал лавинообразный эффект.

На следующий день Стендаль понял, что пришелец не теряет даром ни минуты. На улицах было меньше людей, чем обычно, автобус оказался полупустым, да и в редакции городской газеты, где Стендаль работал, кое-кого не хватало. Слух о пришельце прошёл по всему Великому Гусляру. Стендалю представились ужасные картины опустевшего города, последние жители которого мнутся в очереди к гостиничному номеру.

Надо было что-то делать.

Хорошо бы, конечно, разбить к чёртовой бабушке эту копилку. Но вдруг люди, которые неизвестно где отбывают отданное время, не вернутся к своим семьям? Стендалю не давали сосредоточиться визиты и телефонные звонки: женщины, потерявшие мужей, а также мужья, потерявшие жён, штурмовали газету, полагая, что она может им помочь. Особенно тяжёлой оказалась встреча с Ксенией Удаловой, которая не поверила в пришельца, поскольку была уверена, что Корнелий уехал в Тотьму к мифической возлюбленной Римме.

Сначала Стендаль объяснял, в чём дело, но потом перестал, потому что некоторые тут же кидались к пришельцу, чтобы отдать ему своё время и воссоединиться с близкими.

Шурочка ждала Стендаля в сквере. Сердце его забилось горячо и быстро.

– Мишенька, – произнесла она, глядя на него сияющим взором. – Я так без тебя скучала.

– Я тоже.

– Я освободилась в два часа и стала звонить тебе на работу, а там занято.

– Сумасшедший день, – ответил Стендаль. – Сейчас всё расскажу.

– Хорошо, что Мила подсказала, – продолжала Шурочка. – Тут есть один пришелец, он лишнее время берёт.

– И что? – Стендалю стало холодно.

– Я к нему сбегала, четыре часа отдала – и сразу сюда.

– Это же не лишнее время! – закричал Стендаль на весь сквер. – Лишнего времени не бывает! Тебя обокрали!

– Но зато сразу встретились.

– Стой здесь, – сказал Стендаль. – Никуда не уходи.

Шурочка послушно замерла.

Стендаль добежал до гостиницы, растолкал очередь жаждущих отдать время и ворвался в номер пришельца в тот момент, когда бабушка Степанкина, которая, как знал Стендаль, через полгода ждала из армии внука, растворялась в воздухе.

– А, это вы, – сказал пришелец. – Давно не виделись. У меня неплохое приобретение. Видели, старушка исчезла? Я её на шесть месяцев убрал.

– Вы знаете, что вы вор и разрушитель? – спросил зловеще Стендаль.

– Неправда. – Пришелец придвинул к себе копилку, потому что у него была отлично развита интуиция. – Я делаю то, о чём меня просят. Все эти люди живы и здоровы.

– Где живы?

– А это не важно. Если я вам скажу, что они пребывают в компактном подпространстве, вы успокоитесь?

– Не успокоюсь. У нас, людей, есть слабости. Нам кажется, что жизнь построена на ожидании. Кому нечего ждать, тот ни к чему не стремится. И вам это известно.

– Я иду людям навстречу. В чём же моя вина? – Пришелец нахально улыбнулся.

– Вы преступник, – твёрдо сказал Стендаль. – Вы вор.

– Кстати, о преступниках, – сказал пришелец. – Есть у меня задумка. Имею в виду тюрьму. Но не знаю, как туда проникнуть. Может быть, скромное преступление? За что у вас дают пятнадцать суток? Этого срока мне достаточно.

– Проникнуть туда вам, может, и удастся, но всех пребывающих там... В общем, копилку вам взять не разрешат.

– Вы уверены? Тогда есть другая задумка...

И Стендаль понял, что ждать больше нельзя.

Как тигр, он бросился на копилку и со всего размаха грохнул её об пол. Микроскопические детали брызнули во все стороны, словно копилка была набита муравьями.

– Простите, – извинился Стендаль, – у меня не было другого выхода.

– Я буду жаловаться! – кричал пришелец, становясь на колени и сгребая руками детали. – Вы думаете, сепараторы на дороге валяются? Ни одна мастерская в ремонт не примет!

Стендаль вышел из номера. Навстречу ему шла Ксения Удалова и тащила за руку сына Максимку. На щеках у неё были две вертикальных полосы от долгих слёз.

– Где он? – крикнула Ксения. – Нету больше мочи ждать. Пустите нас к мужу и отцу!

– Возвращайтесь домой, – сказал Стендаль. – Надеюсь, что он вас уже ждёт.

Взгляд его упал на часы, висевшие над столом администратора. Маятник их замер в неудобном положении. Стендаль поднёс к уху свои часы. Часы молчали.

– Ещё бы, – сказал он вслух. – Сколько его там, в копилке, набралось!

Шурочка послушно ждала его в сквере.

– Я разбил копилку, – доложил Стендаль.

– Я поняла, – сказала Шурочка. – Вон сколько народу на улице. И часы у меня остановились. Это теперь всегда так будет?

– Скоро кончится.

– Многие будут недовольны твоим поступком, Миша.

– Я знаю. Но не раскаиваюсь. Ведь ты меня понимаешь?

– Понимаю, – ответила Шурочка с некоторой грустью. – Но иногда так трудно тебя дождаться.

К ним подошёл грустный Серафимов.

– Писатель, – сказал он, – дай рубль до получки.

ПОДОПЛЁКА СКАЗКИ

Появление археологической экспедиции в окрестностях города Великий Гусляр было сенсацией куда более неожиданной, чем, скажем, прилёт космического корабля с Сириуса.

Это не означает, что в Гусляре не было археологических ценностей. Своими корнями история города уходит в далёкое прошлое. А если как следует поискать в соседних лесах и по берегам озёр, найдутся и стоянки троглодитов, и остатки древних скитов, и даже языческие капища. Не исключено, что в сосновом бору за озером Копенгаген, куда дороги нет, стоит упорно упоминаемый в легендах, ушедший в болото город Крутояр.

Но археологи эти места упорно обходили стороной. Они пытались оправдать своё равнодушие дикостью здешних мест, молчанием о Великом Гусляре «Повести временных лет» и «Слова о полку Игореве». На самом деле они панически боятся гуслярских лесных комаров, которые отличаются злобным нравом и чужаков бьют с лёту.

И вот свершилось! Самая настоящая археологическая экспедиция, во главе с рыжим кандидатом исторических наук Анатолием Борисовичем Гамалеевым, разбила лагерь в двух километрах от города, там, где в реку Гусь впадает ручей Старока и где возвышается обширный и

крутой лысый холм, издавна известный под характерным названием Городище.

Несмотря на относительную молодость, тридцатилетний Анатолий Борисович был ветераном девяти экспедиций, изнывал от жажды в Туркмении, замерзал на Чукотке, чуть не утонул при раскопках Червяковского водохранилища, был трижды арестован в пограничной зоне на Кавказе. Он был без корысти предан археологии, но долго оставался на вторых и третьих ролях, несмотря на то что ему всегда сопутствовала удача.

Как известно, удача в археологии играет куда большую роль, чем в сапожном деле или при эксплуатации атомных ледоколов. Если ей вздумается, она одарит сказочной славой профана Шлимана и отвернётся от неизвестного нам профессионала, который из-за этого за сорок три полевых сезона соберёт лишь тонну кухонных черепков.

Везение Анатолия Борисовича было притчей во языцех университетских коллег. Ну кто ещё, будучи студентом и убегая от сторожа совхозного виноградника, умудрится провалиться в гробницу хазарского хана, откуда выберется лишь на третьи сутки, обросший огненной щетиной, умирающий от жажды, но не тронувший ни одного из ста восьмидесяти пяти золотых предметов и трёхсот сосудов, которыми была наполнена гробница! Тем не менее в специальной литературе, не говоря уж о средствах массовой информации, будет сообщено, что гробница хазарского кагана Купака обнаружена экспедицией доцента Спирина, который, если обратиться к документам, в те дни болел скарлатиной в Ростове. Правда, Спирин успел вернуться к последнему дню сезона и подписать отчёт, а затем многократно выезжал за рубеж со слайдами и докладом о сенсационной находке.

Не менее известен в кругах археологов случай при раскопках кургана Кривая Могила. Курган был ограблен ещё скифами, и начальник экспедиции Муля Дудкин готов был довольствоваться остатками конской сбруи и костяками принесённых в жертву рабов, оставленными грабителями для археологов, однако интуиция подсказала Толе Гамалееву, что уходить с Кривой Могилы рано.

Ночью он сидел на склоне разворошённого кургана, целуясь с экспедиционной поварихой Аришкой, из местных жителей. В один прекрасный момент страстная повариха откинулась назад и прошепта-

ла: «Ой, какие вы настойчивые!» Намереваясь подчиниться властному шёпоту, Толя оглянулся, не бродит ли по соседству кто-нибудь из коллег, могущих ложно истолковать значение этой интимной сцены, и тут его случайный взгляд отметил неровность склона. «Погоди, Ариш», – сказал он поварихе, с трудом освободился от её объятий и пополз к отмеченному месту. Приложив ухо к земле, Толя убедился, что от этого места исходит иная, чем от прочих, эманация, и удовлетворённо произнёс: «Здесь!» Что сказала на это Аришка, история умалчивает, зато известно, что с рассветом Толя начал копать сам, а после завтрака к нему присоединились товарищи во главе со скептически ухмыляющимся Мулей Дудкиным. К полудню лопата Гамалеева ударилась о край бревенчатого сруба. Это было более позднее впускное погребение, в котором, помимо прочего, лежала совершенно неповреждённая золотая ваза со сценами из амазономахии, исполненная греческим ювелиром, жившим среди королевских скифов. Разумеется, Дудкин прославился и поехал на конгресс в Рио-де-Жанейро, а Гамалеев остался в университете сдавать кандидатский минимум и склеивать керамику.

Гамалееву принадлежала находка на мысе Дежнёва резного моржового клыка с нанесённым на него путём миграции протоиндейцев в Америку. В то время Толя работал в экспедиции Арутюняна, и, хоть Арутюняну этот клык был вовсе не нужен, потому что опровергал его гипотезу о передвижении народов, он вошёл в историю как «клык Арутюняна». О Толе ни слова!

Так продолжалось десять лет. На исходе этого срока Анатолий Борисович обратился в инстанции с просьбой дать ему под начало любую замухоренную экспедицию, но назначить его начальником.

Собрались корифеи археологии. Им не хотелось отпускать Гамалеева в вольное плавание, потому что у каждого из них были свои эгоистические планы и надежды, связанные с Толей. Но так как вслух о таких надеждах они говорить не смели, то в конце концов коварно порешили отдать Гамалеева на съедение гуслярским комарам. Тем более что экспедиция в те края была запланирована ещё в начале двадцатых годов.

Корифеи надеялись, разумеется, что Гамалеев струсит и откажется от гуслярских лесов, но Толя с радостью ухватился за открывшуюся вакансию. Он верил в свою звезду.

Несмотря на то что экспедиция была невелика (сам Толя, аспирант Лютый, три студента и шесть рабочих из местных старшеклассников), с первого же дня работы пошли битые горшки, пряслица, шейные гривны, бересты, подвески и неизвестные предметы культового назначения. Корреспондент гуслярской газеты Михаил Стендаль буквально дневал на раскопках в ожидании очередного чуда. В воскресных выпусках газеты регулярно публиковались его заметки «Героическое прошлое нашего края?», «А был ли город?», «Мы потомки славных предков?». Стендаль был склонен к риторическим вопросам.

Мостовые в поселении, раскрытом археологами на Городище, были сложены из могучих лиственничных брёвен. По мере износа предки клали новый слой брёвен на предыдущий. И это давало возможность установить возраст каждой из мостовых, а потому и всего Городища.

С этой целью в середине июля Анатолий Борисович, захватив также наиболее ценные находки, уехал в Новгород, чтобы посоветоваться со знаменитым профессором Яновым, докой по этой части.

Совещания в Новгороде затянулись на неделю, аспиранты, оставленные без присмотра, вставали поздно и ложились за полночь, влюблялись в гуслярских барышень и купались до одури в реке Гусь. Но Анатолий Борисович отсутствовал не впустую. Задержался он потому, что сделал, оказывается, открытие настолько большое, что ему никто не поверил, как не поверили в своё время открывателю Трои археологу Шлиману.

Верхние мостовые Городища относились к раннему Средневековью, когда там был город, впоследствии перенесённый туда, где теперь стоит Великий Гусляр. Под этими мостовыми оказался толстый слой пустой земли и валунов, а ещё ниже снова пошли мостовые. Эти нижние мостовые оказались древнее Вавилона и Иерихона, о чём свидетельствовала дендрохронология, определяющая даты по срезам брёвен.

Самое разумное было свернуть раскопки, чтобы не стать посмешищем. Но Толя был не таков. Смелая интуиция заставила его вспомнить о сомнительной и даже порочной гипотезе, высказанной Салимой Хабибовной Мансуровой, сотрудницей Шамаханского районного музея. Салима Хабибовна высказала в республиканской печати предположение, что, помимо известных исповедующему марксизм человечеству эпох рабовладельческой, феодальной и первобытно-общинной, существовала ещё и неучтённая эпоха, название которой она дать не

осмелилась. Эпоха эта разместилась между предпоследним и последним ледниковыми периодами и практически не оставила следов, так как они были стёрты ледниками с лица земли. По той же причине, а также ввиду невысокого уровня социально-экономического развития исчезли материальные следы этой эпохи. Но осталась народная память.

Салима Хабибовна утверждала, что люди ничего целиком не придумывают, а в основе всех, казалось бы, самых невероятных выдумок лежит историческая правда. Нападения половцев на русские земли и деяния Ивана Грозного отразились в фольклоре и частично модифицировались. Чем дальше от нас отстоит событие, тем большим налётом неправдоподобия оно покрывается. Эпоха Мансуровой отстоит от нас так далеко, что факты её биографии скрылись под очень толстым слоем времени. И всё же их можно угадать.

Салима Мансурова утверждала, что последний ледниковый период, погубивший множество животных типа саблезубых тигров или мастодонтов, погубил также и цивилизацию, которая бурно развивалась в те тысячелетия. Однако шла она иными путями, чем наша. Разумные существа той эпохи не трудились, зато отличались удивительными качествами, и память о них осталась в таких сказочных персонажах, как Кощей Бессмертный, гномы, лешие, русалки и так далее. Обладая громадными возможностями в духовной сфере, эти существа не смогли освоить материальных ресурсов и изнежились. Ледниковый период застал их врасплох, и они либо вымерли, либо совершенно одичали в борьбе с холодом и льдами. Так что после ледникового периода человечеству пришлось всё начинать заново.

Разумеется, научная общественность отнеслась к сообщению Салимы Хабибовны с иронией. Посмеялся над ним и Толя Гамалеев, но потом задумался, ибо любил смелые гипотезы, и даже назвал для себя ту эпоху эпохой легенд.

Брёвна мостовой, обнаруженной Анатолием Борисовичем на высоком крутом холме у Великого Гусляра, были такими древними, что специалисты не смогли их датировать. Тогда Анатолий Борисович побежал к палеоботаникам, и они подтвердили, что лиственница, из которой сложены мостовые, вовсе не лиственница, а ископаемая лиственница, исчезнувшая на Земле как раз в начале последнего ледникового периода.

Вернувшись в Великий Гусляр, Толя написал письмо Салиме Хабибовне, а затем сделал сообщение для гуслярской прессы, то есть лично для Михаила Стендаля. Результатом чего явилась заметка в газете, которая называлась «Древнейший город на Земле – Гусляр?».

Жители Великого Гусляра с интересом посещали раскопки, которые возобновились после возвращения Толи Гамалеева, и предлагали ему добровольные услуги. Многие из них давно подозревали, что Великий Гусляр древнейший город на свете, так что не удивились. Теперь на раскопках трудилось вдесятеро больше работников, а Толя потерял сон и аппетит – его приходилось каждый вечер связывать и запирать в палатке, чтобы не ночевал на раскопе.

Следует сказать, что предметов быта в поселении легендарной эпохи попадалось немного. И это понятно. Если верить гипотезе Мансуровой, люди, наши непосредственные предки, в ту эпоху занимали подчинённое место. Они обитали в примитивных хижинах, спасаясь от постоянных раздоров и схваток, которые кипели вокруг. Богатыри сражались с драконами, волшебники заколдовывали красавиц, феи порхали над долинами, русалки рвали сети. Мало где людям удавалось объединиться, возвести укреплённые поселения. Они старались строиться в стороне от излюбленных волшебниками путей. Толя предположил, что предки гуслярцев уцелели и сберегли независимость на холме Городища, потому что гуслярский комар уже в те времена был настолько злобен, что волшебники не посмели с ним состязаться.

Тем временем сенсационные находки продолжались. Десятого августа из земли показалась большая кость, за ней другая. При дальнейших раскопках обнаружилось, что это фаланги пальцев крупного дракона, который старался пробиться в Городище, но погиб у его ворот. Голов у дракона было три. Все три были найдены тринадцатого. Они оказались так велики, что в каждой можно было устроить пивной ларёк.

Пока добровольцы раскапывали дракона, Анатолий Борисович посвятил всё своё время изучению остатков дворца, в котором обитал князь города. Остатки дворца несли следы пожара. Он был тоже деревянным, и от него мало что осталось. Это означало, что когда-то кому-то из врагов всё же удалось взять город штурмом или обманом. Среди угольев Толя отыскал каменный трон, подлокотники и сиденье

которого были сильно стёрты от длительного употребления. В тронном помещении удалось также раскопать оружие – наконечники стрел и копий, обломок щита и каменное ядро. Были обнаружены также украшения, немногочисленные предметы быта и чёрная непрозрачная бутыль.

Четырнадцатого августа аспирант Лютый, работая за троном, отыскал в спёкшейся золе смятую царскую корону, сделанную из низкопробного золота. Радости гуслярцев не было предела. Нашлось неопровержимое доказательство того, что некогда Гусляр был суверенным царством!

В атмосфере приподнятости и народного энтузиазма раскопки продолжались.

В одном месте, сразу за стеной дворца, слой сгоревшего дерева был толще, чем в других местах. Это доказывало, что здесь стояла башня. Там Толя Гамалеев нашёл несколько медных гвоздей и небольшую золотую птицу, которая, возможно, выполняла роль флюгера. Птица была полая внутри. От искусно сделанных ножек, оканчивавшихся медным штырём для крепления, до гребешка на макушке она достигала шестнадцати сантиметров. Глаза птицы были сделаны из тёмного агата, а перья доведены резцом. Птица поражала своей примитивной выразительностью и отличием от всех известных искусству стилей и школ. Уже одной этой находки было бы достаточно, чтобы прославить Гамалеева.

Гамалеев разрешил Стендалю сфотографировать птицу, а затем осторожно запаковал её в большую коробку из-под дамских сапог.

Слух о находке птицы быстро разнёсся по городу. Уже после обеда некоторые жители стали подходить к раскопкам и вызывать Толю с просьбой показать птицу. Возникло даже подозрение, что она инопланетного происхождения. Некоторое время Толя сопротивлялся, так как не хотел отвлекаться от любимого дела, но потом поддался настойчивым просьбам и пригласил зрителей к себе в палатку. Птица лежала на столе рядом с бутылью и обломком щита.

Она произвела большое впечатление на собравшихся, и Корнелий Удалов из стройконторы сказал:

– Где-то я такую видел.

Другие тоже согласились, что птица кого-то напоминает. Потом старик Ложкин сказал:

– Полагаю, что это сходство с петухом.

– Первобытный петушок, – сказал Удалов. – И со штырём. Зачем он им был нужен?

– Есть целый ряд предположений, – сказал Гамалеев. – Я склоняюсь к мысли, что эта птица должна была украшать собой жреческий жезл или царский скипетр.

– Какие в легендарную эпоху жрецы? – удивился Стендаль.

– И зачем скипетр? Ведь это всё потом уже придумали, после ледниковых периодов, – поддержал его Грубин.

– Может быть... – задумчиво произнёс Толя, поворачивая петушка в руке. – Но какая у птицы может быть сказочная функция?

– А вот американский писатель Вашингтон Ирвинг... – начал образованный Удалов, но тут же старик Ложкин, который, к сожалению, Вашингтона Ирвинга не читал, перебил его.

– Ясное дело! – сказал он. – Это золотой петушок!

– Вот именно! – повысил голос Удалов. – Учтите, что я первым сказал. Это бродячий сюжет, оставшийся от легендарной эпохи. Видно, в те времена эти петушки изготовлялись почём зря. Стояли они на вершинах башен и крутились в ту сторону, откуда шла опасность.

– Кири-ку-ку! – вспомнил Грубин. – Царствуй, лёжа на боку.

– Не может быть! – возрадовался Анатолий Борисович, который был склонен прислушиваться к мудрым советам. – Разумеется! Очень похоже! Но как проверить?

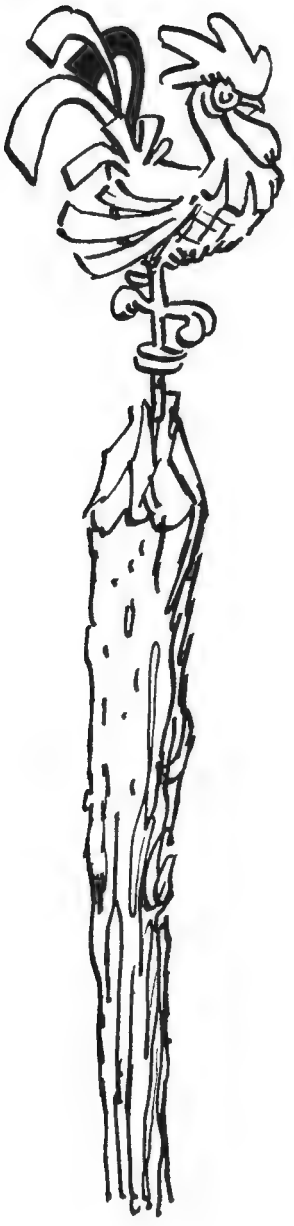
– Проще простого, – сказал Удалов. – Укрепим его на пожарную каланчу посреди Гусляра и будем смотреть, куда петушок повернётся.

– Бред какой-то! – возмутился Стендаль. – И сколько же мы будем ждать?

Удалов не ответил. Он понял, что Стендаль по большому счёту прав. Вряд ли скоро половцы или татаро-монгольские захватчики нападут на Великий Гусляр.

– Ну, тогда, – сказал Ложкин, – воздвигнете столб возле экспедиции и будете ждать. Экспедиции грозит куда больше опасностей, чем районному центру.

Хоть никто не знал, что за опасности могут подстерегать археологическую экспедицию, времени терять не стали, притащили с берега бревно, заострили его, вкопали и укрепили сверху золотого петушка, несмотря на вялые протесты руководителя экспедиции, который



опасался, что петушок может стать жертвой злоумышленника и пропадёт для науки.

Жители Великого Гусляра коллективно поклялись, что в городе не найдётся такого варвара. И петушок, отмытый, как новенький, гордо поднял гребешок над лагерем экспедиции.

Весь следующий день нескончаемым потоком шли к лагерю гуслярцы. Стояли, смотрели на петушка, ждали, когда он повернётся хоть куда-нибудь. Но петушок стоял неподвижно.

Гамалеев тоже часто отрывался от раскопок и, прикрыв глаза от солнца ладонью, всматривался в петушка. С одной стороны, ему не хотелось набегов и опасностей, с другой – желательно было, чтобы петушок заработал. Это будет замечательное и неотразимое свидетельство в пользу легендарной эпохи.

Ни в тот день, ни на следующий петушок не шелохнулся. Завистливый к славе начальника, аспирант Лютый сказал в кругу своих знакомых:

– Во-первых, сказочного петушка не было, он – плод литературного творчества А. С. Пушкина, а во-вторых, наш дорогой начальник сошёл с ума на почве бредовой идеи.

Толя нечаянно подслушал эти слова. Он был внутренне согласен с аспирантом Лютым. Конечно, в высшей степени наивно прикреплять ценную археологическую находку на заострённое бревно и ждать от неё работы. Притом сказочной.

Но снять петушка он не мог. Что-то сопротивлялось внутри. Словно само Городище оказывало волшебное влияние на археологов.

И петушок остался на вершине бревна.

Вдруг на третье утро, часов в десять, когда все уже трудились на раскопе, а первые зрители из города начали собираться под холмом, при полном безветрии золотой петушок дрогнул, скрипнул и медленно повернулся в сторону шоссе.

– Ой! – сказал кто-то детским голосом.

Было так тихо, что все услышали. Старик Ложкин, который стоял там с подзорной трубой, повернул её в сторону шоссе.

– Голые суеверия, – злобно произнёс аспирант Лютый.

И, чтобы доказать, что он выше суеверий, Лютый взял длинную палку, подошёл к бревну и, встав на цыпочки, дотянулся концом палки до петушка.

Окружающие были так возмущены этим демонстративным поступком, что не успели ничего сказать, когда, сильно толкнув петушка в клюв, аспирант Лютый отвернул его на девяносто градусов от шоссе.

– Вот так-то, – сказал он нагло, оборачиваясь к зрителям. – Его же ветром повернуло!

– Как ты смел! – закричал Гамалеев. – Палкой! По уникуму!

– Был бы уникумом, давно бы вернулся в исходное положение, – ответил аспирант.

– А вы лучше поглядите! – прервал конфликт Удалов. – На петушка поглядите!

Петушок (а было полное безветрие) медленно и упорно, будто кто-то тащил его за клюв, вернулся в исходное положение – клювом к шоссе.

Тут у аспиранта Лютого опустились руки, а на шоссе показалась чёрная точка.

В экспедицию ехала ревизия из Москвы.

Ревизия – гость непрошеный и нежеланный, особенно для такой маленькой и бедной экспедиции. Но кто-то где-то, выбирая маршрут для ревизии, ткнул пальцем в Великий Гусляр.

Ревизоры были строги, они не только просмотрели все ведомости и нормы питания сотрудников, но даже пересчитали лопаты и сняли показания спидометра у экспедиционного рафика. Всё обошлось, но работа экспедиции затормозилась. Ведь Анатолий Борисович был материально ответственным лицом и два дня подряд оправдывался, хоть и не был виноват. Перед ревизией положено оправдываться.

Когда ревизия наконец отъехала, Гамалеев сказал Корнелию Удалову:

– Спасибо, Корнелий Иванович. Именно вам принадлежит честь открытия. Именно вы связали нашу находку с известной сказкой. Как человек и учёный я вам многим обязан. Просите что хотите, никогда не откажу.

– Эх, что с вас взять, с археологов! – вздохнул Удалов. Но был польщён признанием. – Как-нибудь сочтёмся.

– Я своих слов на ветер не бросаю, – сообщил Толя.

– Отложим этот разговор, – великодушно сказал Корнелий.

С тех пор даже аспирант Лютый замолчал, хоть в кругу знакомых любил повторять, что поворот петушка лицом к ревизии – пустая случайность. Если бы от петушка был толк, он бы предсказал ревизию за неделю.

В следующий раз петушок повернулся двадцать восьмого августа. Это было уже в конце рабочего дня, и, за исключением археологов и подпаска Тимофея, зубного техника в отпуске, никто движения не заметил. Петушок несколько раз крутанулся вокруг оси, как будто не был уверен, откуда грозит Анатолию Борисовичу опасность. Наконец повернулся к реке и замер.

На этот раз никто не подвергал действия петушка сомнению. Археологи и молодые добровольцы вылезли из раскопа и стали смотреть в сторону реки. Река была спокойна. Но всё равно люди уже верили петушку больше, чем собственным глазам. Даже аспирант Лютый, известный скептик, взял в руки лопату, как винтовку, и направил на реку.

Настороженность археологов была вознаграждена. Воды реки расступились, и на поверхности показались две зелёные выпуклости. Выпуклости беззвучно и зловеще неслись к берегу. У берега они затормозили, а затем из воды показалась длинная зелёная морда, усеянная множеством острых желтоватых зубов.

Затем в полном молчании из воды вылез громадный, метров пять длиной, крокодил и, шустро перебирая кривыми короткими ногами, направился вверх по склону холма – туда, где стоял в окружении помощников Анатолий Борисович.

Надо сказать, что никто не струсил, не убежал, не закричал от страха. Держа на изготовку лопаты, археологи ожидали приближения чудовища, перебрасывались отрывистыми словами:

– Это крокодил.

– Или аллигатор.
– Может, аллигатор.
– У нас они не водятся.
– Они в Африке водятся.
– Или в Бразилии.
– Своим ходом доплыть не мог?
– Нет, не мог. А на вид голодный.
– Значит, злой. Лопату перекусит?
– Лопату точно перекусит.

Крокодил добрался до вершины холма и широко разинул пасть. Тут было отчего пасть духом, но археологи дружно взмахнули лопатами, показывая, что шутить не намерены. При этом они продолжали разговаривать:

– Типичный хищник.
– И мозг примитивный.
– Из него сумочки делают.
– Он, наверное, в Красную книгу записан.
– Должен быть записан.
– Так что, ребята, вы его осторожнее!
– Лучше раз пожалеть, чем потом раскаиваться.

Крокодил увидел строй поднятых лопат и раздумал нападать на начальника экспедиции. Несколько раз он разинул и закрыл пасть, словно безмолвно угрожая, и начал отступать к воде. Его не преследовали.

По пути он наткнулся на куст и зацепился за него ошейником.

Раньше никто этого узкого ошейника не видел, потому что археологи были заняты обороной. Теперь же все поняли, что крокодил в ошейнике. А это категорически меняло дело.

Отважный Анатолий Борисович сумел зайти крокодилу сбоку, пользуясь кустом как прикрытием. На ошейнике висел медальон. Гамалеев медальон сорвал. В нём оказалась записка: «Крокодил ручной, принадлежит цирку № 6 им. Парижской коммуны. Просьба мясом не кормить, телеграфировать по месту гастролей в город Новороссийск».

Гуслярцы подивились способностям крокодила к путешествиям, привязали его к кустам, дали телеграмму в Новороссийск, где выступал цирк, упустивший крокодила во время морского круиза. Многие приходили смотреть на крокодила, но больше на золотого петушка, так замечательно себя проявившего.

Не прошло и суток после того, как был увезён крокодил, а петушок встрепенулся вновь. На этот раз он глядел на автобусную остановку.

Увидев движение петушка, Анатолий Борисович неожиданно обрадовался и воскликнул:

– Правильно! Она приехала!

Он поспешил к автобусу, за ним побежал аспирант Лютый с лопатой, который не хотел оставлять начальника в минуту опасности, за ними побежали школьники.

Автобус остановился на площади. Из него среди прочих пассажиров вышла девушка невероятной красоты, черноволосая, кареглазая, в джинсах, белой блузке и кроссовках «Адидас».

– Здравствуйте! – вскричал Гамалеев. – Я поражён вашей красотой! Вы наверняка сотрудница Шамаханского городского музея Салима Мансурова?

– Салима Хабибовна, – ответила шамаханская научная сотрудница, протягивая Анатолию Борисовичу узкую изящную ладонь.

Аспирант Лютый тут же влюбился в сотрудницу и забыл на площади лопату.

Гамалеев под локоток отвёл Салиму Хабибовну к гостинице. По дороге он беспрестанно ворковал, а жители Великого Гусляра смотрели на эту пару с удивлением.

С утра следующего дня Салима Хабибовна находилась на раскопках. Гамалеев показал ей всё, что нашли археологи. Он беспрестанно хмурился и краснел. Аспирант Лютый не мог заставить себя вернуться в раскоп. Он ходил следом, только улыбался и тоже краснел. В тот день всем было не до раскопок. Петушок беспрерывно крутился на вершине бревна, показывая этим, какие неладные дела творятся во вверенном ему царстве.

После обхода площадки и любования петушком Анатолий Борисович со своей шамаханской гостьей удалился в палатку, и больше никто не видел его до самого вечера, когда он наконец вышел, взволнованный и, можно сказать, отрешённый.

Он рассеянно взглянул на петушка, который всё ещё вертелся в лучах заходящего солнца. Потом пошёл провожать в гостиницу Салиму Хабибовну.

– Завтра, – сказал он, прощаясь, – всё решится.

Поздно вечером во двор дома № 16 по Пушкинской улице, где проживают Удалов и старик Ложкин, вошёл расстроенный аспирант Лютый. Друзья сидели под сиреневым кустом, отдыхали. По виду Лютого они сразу поняли – случилось нечто тревожное.

– Что произошло, аспирант? – спросил Удалов.

– Что-нибудь на раскопках? Что нашли? Или потеряли? – спросил старик Ложкин.

– Вы на петушка глядели? – спросил Лютый.

– Всё вертится? – сказал Удалов.

– Это же ненормально! – воскликнул Лютый. – Петушок извертелся. Он сигнализирует, что от Салимы Хабибовны нам всем грозит страшная опасность.

– А, – сказал Ложкин, – понимаю. Я вчера её видел. Очень представительная девушка. А моей супруге она не показалась.

– А почему ты к нам пришёл? – спросил Удалов.

– Вы уважаемые люди, общественники. Вы должны спасти Гамалеева. Что он делает с ней в палатке?

– Дело молодое, – сказал Ложкин. – Даже если и целуются.

– Раскопки прерваны! – произнёс Лютый, сгорая от ревности. – Тайна города останется неоткрытой.

– Ну ничего, Гамалееву тоже отдохнуть надо, – сказал Удалов.

– Он не вернётся в археологию, – сказал Лютый. – Я это понимаю, петушок это понимает. Только вы не понимаете.

– А производит она такое положительное впечатление, – вздохнул Ложкин.

– Вы наивные или притворяетесь? – закричал аспирант Лютый. – Вы знаете, откуда она приехала?

– Откуда?

– Я видел её командировочное удостоверение! Она приехала из так называемого Шамаханского музея!

Значение слов Лютого далеко не сразу дошло до Удалова и Ложкина.

Они смотрели на аспиранта выжидающе, думая, что он разъяснит, чем Шамаханский музей хуже другого.

– Шамаханский музей! Ша-ма-хан-ский! – кричал Лютый.

Во дворе открывались окна, выглядывали соседи.

– Шамаханский музей, шамаханский дворец, шамаханский шатёр.

– О! – тихо и значительно произнёс Ложкин. – Роковая шамаханская царица!

– Она самая. Теперь вы понимаете, что Анатолий Борисович обречён?

В другой ситуации жители дома № 16 подняли бы аспиранта на смех. Мало ли какие бывают смешные совпадения. Но после случая с ревизией и крокодилом все понимали, что факт существования эпохи легенд доказан. А если так, то сказочные явления, которые теоретически прекратились с наступлением последнего ледникового периода, на самом деле не совсем прекратились.

И это заставило всех глубоко задуматься. Начали обсуждать, что предпринять. Можно было, конечно, написать письмо директору Института археологии и объяснить ему, что творится в Великом Гусляре. Но, вернее всего, очень занятой директор института не примет всерьёз жалоб гуслярцев, так как относится к числу тех археологов, которые категорически не согласны с существованием эпохи легенд. Можно было написать Розе Григорьевне, маме Гамалеева, с просьбой приехать и воздействовать на Толю, можно было сигнализировать в Шамаханский музей. Последнее, правда, отмели сразу – понимали, что, если даже таковой музей и существует, никто в нём не видел Салимы Хабибовны, которая десантирована к ним из легендарного прошлого с туманными зловещими целями.

И вот в разгар споров Удалов сказал:

– Эврика!

– Чего? – спросил Ложкин.

– Все свидетели, что начальник экспедиции, – сказал Удалов, – обещал выполнить любое моё желание за то, что я разгадал тайну золотого петушка.

– И что?

– А я пожелаю, чтобы он отдал мне... – Тут Удалов понизил голос, чтобы его супруга Ксения не услышала и не истолковала ложно его слова: – Чтобы он отдал мне шамаханскую царицу.

– Ну что ж, – сказал старик Ложкин. – Поглядим, хозяин ли он своему слову!

Наутро, когда Удалов и Ложкин в сопровождении Саши Грубина шагали к лагерю экспедиции, Ложкин выразил опасение:

– Ты только осторожнее, Корнелий. Он ведь расставаться с этой шамаханской соблазнительницей не захочет. Может быть, в отчаянии постарается тебя убить.

– Ничего, – сказал Удалов с наигранной храбростью, – в случае чего петушок за меня отомстит.

Ему было не по себе. Он уже раскаивался, что согласился идти. Но отступать было некуда. Раскопки следовало завершить – и этим исполнить долг Анатолия Борисовича перед наукой и Великим Гусляром.

Полог палатки был опущен. Возле палатки монотонно шагал – пять шагов направо, пять шагов налево – бледный, лохматый, остервеневший аспирант Лютый. На раскопе кто-то лениво копался в земле, но в целом работы затормозились.

– Они здесь? – спросил Удалов.

Лютый нервно кивнул. Из палатки донеслось: «Хи-хи-хи, ха-ха-ха». Это был голос шамаханской царицы.

Друзья Корнелия стояли за его спиной, готовые, если надо, прийти Удалову на помощь.

– Анатолий Борисович! – позвал Удалов и отступил на шаг назад.

Никто не отозвался. Из палатки доносились тихие голоса. Потом снова зазвучал нежный женский смех, от которого у всех дрожь прошла по коже.

– Гамалеев, выйди! – ещё громче закричал Удалов.

Полог палатки поднялся, и оттуда выглянул рыжий археолог. Он заморгал от солнечного света и улыбнулся.

– Доброе утро! – сказал он. – Вам чего?

– Выходите, разговор есть, – сказал Удалов. – От имени общественности.

Анатолий Борисович вышел из палатки.

– Только ненадолго. Я очень занят.

– Видим, – сказал Ложкин. – Весь город видит, как вы заняты.

– Обещание давали? – спросил Удалов.

– Какое обещание?

– Выполнить любое моё желание. За петушка. – Удалов показал на золотую птичку, что по-прежнему вертелась на бревне.

– Разумеется, – сказал Анатолий Борисович, не удержавшись от смеха. – Так что же вы надумали?

– Отдавай мне шамаханскую девицу! – решительно произнёс Удалов.

В этот момент полог ещё раз шевельнулся, и возникла шамаханская девица во всей своей свежей красоте. На этот раз она была облачена в розовую блузку и белые брюки.

– Кого надо отдать? – спросила она, посмеиваясь.

– Вас, гражданка, – сказал Удалов твёрже.

– Зачем? – Девица приподняла соболиные брови и сверкнула карими очами.

– Раскопки под угрозой, а петушок скоро сойдёт с ума от опасности, которая грозит Анатолию Борисовичу. Вы только поглядите наверх.

– А что вы со мной будете делать? – спросила шамаханская девица.

– Я? С вами?

– Вот именно! – раздался сзади грозный голос Ксении, жены Удалова. – Что ты с ней делать намылился, старый распутник?

Удалов в некоторой растерянности бросил взор на красавицу шамаханского происхождения, затем метнул взгляд на собственную жену. Но нашёлся.

– Отправлю обратно! – заявил он.

– Товарищи! Вы неправильно всё поняли! – возмутился Гамалеев, который, видно, понял, что произошло. – Сейчас не легендарная эпоха! Салима Хабибовна – квалифицированный и уникальный специалист по археологии и филологии легендарной эпохи.

Она была облачена в розовую блузку и белые брюки.

– Значит, не отдашь? – спросил Удалов зловещим тоном. – Петушок жестоко отомстит!

От этих слов все внутренне сжались. Ложкин поглядел на петушка. Петушок тоже замер. Даже Ксения Удалова замерла.

– Товарищи! – сказала тогда прекрасная Салима Хабибовна. – Прошу минуту внимания. Я приехала сюда в командировку для оказания профессиональной помощи моему коллеге кандидату исторических наук Гамалееву. Двое суток мы с ним, практически не отрываясь, горя творческим энтузиазмом, проводили опыты над откопанным здесь материалом.

– Знаем мы ваши опыты! – ревниво вякнул аспирант Лютый. – Зачем в палатке прятались от общественности?

– Мы не хотели знакомить общественность с опытами до тех пор, пока они не будут завершены. Однако недоразумение, возникшее здесь, хоть и не делает чести вам, товарищи, должно быть рассеяно. Попрошу желающих пройти в палатку.

Желающие вошли в палатку и остановились у входа. И замерли. Было отчего удивиться.

На рабочем столе, рядом со старой тёмной бутылью, сидел маленький человечек с длиннющей белой бородой, в красной чалме и цветастом поношенном халатике. Перед ним стояло блюдце с клубникой, которую он ел, хватая каждую ягоду обеими руками. На вошедших он не обратил ровным счётом никакого внимания.

– Не бойтесь, подходите ближе, – сказала Салима Хабибовна. – Как вы видите, вокруг джинна, обнаруженного в чёрной бутыли при раскопках дворца, проведён мелом круг волшебного свойства, создающий силовое поле, за пределы которого он выйти не в состоянии. Этот волшебник – последний представитель разумной фауны эпохи легенд. Его показания при нашем совместном докладе в Академии наук будут неопровержимыми свидетельствами правильности нашей с Анатолием Борисовичем теории. Поэтому мы, – тут Салима Хабибовна показала на видеомагнитофон в углу палатки и ворох кассет возле него, – двое суток непрерывно записываем всё, что нам говорит этот волшебник. Если же вы подозреваете, что у нас, охваченных научным энтузиазмом, было время, чтобы предаваться личным отношениям, вы глубоко заблуждаетесь.

– Куда им предаваться! – сказал джинн, дожёвывая ягоду. Сок стекал по бороде, окрашивая её в розовый цвет. – Я им ни одной минуты отдыха не дал! То излагаю, то словесно хулиганю!

Говорил он по-русски, но с сильным восточным акцентом.

– Я понимаю, – виновато сказал Удалов. – Мы вас оторвали от работы. Простите нас!

Ксения, которой было страшно глядеть на джинна, взяла мужа за руку.

– В частности, – добавил Анатолий Борисович, – без помощи Салимы Хабибовны мне никогда бы не извлечь джинна из бутылки. И я не смог бы заставить его держать себя в рамках. Что касается беспокойства золотого петушка, то оно вызвано присутствием джинна, которого золотой петушок не выносит, потому что джинн многократно навязывал петушку свою недобрую волю.

– Я до тебя доберусь, археолог, – грозно сказал джинн. – Мне смертельно надоели твои разоблачения!

Он запустил пальцы в бороду и невнятно завопил на восточном языке.

– Осторожно! – крикнула Салима Хабибовна, которая единственная поняла угрозу джинна.

Раздался треск, что-то тяжёлое ударилось о крышу палатки, в крыше возникла дыра, и внутрь, словно метеор, свалился золотой петушок. Судя по всему, он намеревался ударить клювом по голове Анатолия Борисовича, однако присутствие шамаханской сотрудницы спасло археолога. Она успела оттолкнуть Гамалеева, тот упал на Удалова, а петушок ушёл по плечи в земляной пол.

Джинн расхохотался и принялся доедать клубнику. Завершение этой истории буднично, как сама наша жизнь.

Раскопки под Великим Гусляром более не дали любопытных находок, но и то, что удалось найти, вызвало бурю восторгов и споров среди археологов и журналистов. Трудно поверить, но рок безвестности, преследующий Гамалеева, вновь догнал его. Отчёт об экспедиции был подписан Салимой и Толей. Фамилия дамы стояла первой, поэтому эпоха легенд, как вам известно, называется теперь эпохой Мансуровой. Доклад об экспедиции на общем собрании Академии наук сделала Салима, и степень доктора «гонорис кауза» была присвоена ей. В этом году доктор Мансурова уезжает копать эпоху легенд (эпоху Мансуровой) на остров Сопотру где-то в Красном море, и неизвестно, возьмёт ли она с собой Гамалеева или оставит его дома с близнецами Толенькой и Салимочкой.

Старый джинн прожил осень в академическом санатории «Узкое» и всем смертельно надоел своими дешёвыми фокусами. Особенно невзлюбили его академики и обслуживающий персонал за то, что он в больших количествах сотворял из воздуха рахат-лукум и трюфели, жрал их килограммами и ни с кем не делился.

Спасла всех сестра-хозяйка, которая хитростью заманила джинна в бутылку из-под шампанского, заткнула её пробкой и бросила в верхний пруд.

Петушок хранится в Историческом музее, на шкафу в кабинете директора, предупреждая его об опасных визитёрах.

ДВА САПОГА – ПАРА

– Ты, Саша, – сказал Лев Христофорович Минц, – пытаешься добиться невозможного в пределах законов физики. Это бесперспективно.

– Не знаю, – Саша Грубин загнал длинные пальцы в лохматую шевелюру. – Но я верю в упорство.

– В упорство жука, который срывается со стекла, но снова и снова ползёт вверх. А куда – не знает.

С этими словами Лев Христофорович осторожно подобрал со стекла чёрного усталого жучка и выкинул его в форточку.

– По законам физики, Саша, вечный двигатель невозможен.

– Знаю, – согласился Грубин. – Но прошлая модель три дня крутилась.

Минц задохнулся от возмущения. Спорить с Сашей Грубиным он считал своим долгом, но тут не выдержал.

Резким движением профессор схватил со стола лежавший там белый шар сантиметров шести в диаметре и запустил им в Грубина. Тот успел выставить вперёд руки, но шар скользнул по ним и покатился в угол комнаты. Совершенно беззвучно.

– Что это ещё такое? – спросил Грубин.

– А ты подними, не укусит.

– У вас никогда не знаешь, что укусит, а что нет, – сказал Саша и подобрал скользкий упругий шар.

– Что скажешь? – спросил Минц.

– Не знаю, – признался Грубин. – Мячик какой-то.

– Не мячик, а нарушение физического закона, – сказал Минц. – Не понравился мне закон, вот я его и нарушил. Но не так, как ты. Не в лоб.

– Расскажите, – попросил Грубин, понимая, что присутствует при рождении нового направления в науке.

– Ты присутствуешь, – как всегда, Минц угадал ход мыслей Грубина, – при рождении нового направления в науке. Пришёл ко мне на днях Спиркин. Знаешь Спиркина?

– Нет.

– Директор нашего гастронома. Достойный человек, болеет за своё дело. Пожаловался на упаковку. Просто слёзы на глазах. Присылают с фабрики молоко, кефир и прочие текучие продукты, а пакеты ненадёжные. Течёт молоко по полу, проливается кефир и ряженка. Жалуются покупатели, а толку нету. Что, говорит, делать?

– Это молоко! – воскликнул Грубин. – Молоко в новой упаковке. Я понял! Тонкий пластик, почти невидим.

Минц глубоко вздохнул и застучал кончиками пальцев по подоконнику, что было у него выражением крайней досады.

– Ах, Грубин, Грубин! – сказал он. – Я говорю, доказываю, убеждаю, наконец, что изменил закон природы, сломал константу! А ты мне – пластиковое покрытие, пластиковое покрытие. Да если бы я сделал пластиковое покрытие, то завод-изготовитель наверняка бы не нашёл нужного пластика, а нашёл бы – так нарушил бы технологию. Нет, спасти магазин от проливания жидких продуктов я мог только путём революции в физике. Иного пути нет. Гляди.

Минц взял со стола другой шар, кинул в пустую кастрюльку, достал толстую иглу и проколол оболочку шара. Шар исчез, а кастрюлька оказалась на треть наполненной молоком.

– Вот и всё, – сказал профессор. – Вот и всё.

– Погодите, погодите, – сказал Грубин. – Как же так?

Он взял кастрюльку, поболтал ею, чтобы посмотреть, где оболочка. Оболочки не было видно. Грубин перелил молоко в стакан, снова заглянул в кастрюлю. Кастрюля была пуста.

– Ничего не понимаю, – сказал Грубин. – Неужели оболочка пакета такая тонкая?

– Вот именно! – Минц расхохотался, как фокусник, которому удалось одурачить скептически настроенную аудиторию. – Где оболочка? Ищешь? Ищи. До вечера будешь искать, потому что твой мозг движется по проторенным путям.

– Но если нет оболочки, то как...

– Вот именно – нет оболочки! И не надо оболочки! Измени константу – и не надо оболочки.

– Какую ещё константу?

– Поверхностное натяжение жидкости! Это просто и потому...

– Потому гениально, – тихо ответил Грубин.

– Именно поверхностное натяжение заставляет воду собираться в капли, когда она падает с небес на землю. Оно позволяет водомеркам бегать по реке.

Грубин глядел на Льва Христофоровича и поражался. В самом деле, тысячи умных людей обдумывали, как запаковать молоко. Пропитывали бумагу воском, изготовляли консервные банки и бутылки разного размера и формы. И никому не пришло в голову, что можно вообще

обойтись без тяжёлой, ненадёжной и грубой тары. Какие перспективы открываются перед народным хозяйством!

– Ну, как тебе понравилась моя идея?

– Замечательно! – ответил Грубин. – Удивительно, как и всё, к чему вы прикасаетесь. Вы просто Мидас! Прикоснулся – получилось золото.

– Да? – Минц был явно польщён. Он был не чужд человеческих слабостей. – Мидас – это слишком. Мидас – фигура отрицательная. Он не думал о человечестве, он думал только о себе. В этом наше принципиальное различие. Но стоит прикинуть...

Грубин внутренне содрогнулся. Он был готов поверить в любую неожиданность, в любой изгиб мысли профессора. А так как у Грубина было хорошо развито воображение, то он сразу представил себе страшную картину: профессор Минц решает пожертвовать собой, чтобы увеличить золотой запас нашей страны. И вот всё, чего он коснётся, превращается в золото. Сотрудники Министерства финансов стоят рядом и подают профессору небольшие слитки свинца или олова, профессор усталым жестом дотрагивается до них, и слитки, теперь уже золотые, тут же опечатывают и увозят на бронеавтомобилях в соответствующие кладовые. Профессор шатается от усталости и недоедания. И никто не может помочь ему. Никто не может придумать, как его накормить и напоить. Последним движением профессор дотягивается до бронеавтомобиля. Бронеавтомобиль вспыхивает золотым сиянием, оседает, потому что рессоры не выдерживают его веса, а рядом с бронеавтомобилем падает, выполнив свой долг перед Родиной, Лев Христофорович Минц.

– Ты о чём-то задумался, Саша? – спросил Лев Христофорович.

– Нет, – спохватился Грубин и постарался согнать с лица грусть. – Я думал о трагедии царя Мидаса.

– Тогда в дорогу, – сказал Минц.

– В какую дорогу?

– Нельзя же останавливаться на достигнутом. Если в моих силах изменить поверхностное натяжение воды, то мы должны испробовать иные возможности этого изобретения.

Профессор натянул стоявшие в углу резиновые сапоги, затем схватил со стеллажа пробирку, покапал из неё на тряпку, протёр тряпкой подошвы сапог и направился к выходу.

Поздняя холодная весна стояла на улице. Дул пронзительный ветер, в тенистых уголках двора ещё таился серый снег. На закраинах луж хрустел ледок. Минц остановился, поёжившись. Грубин, догнав его, накинул ему на плечи пальто.

– Спасибо, – сказал Минц. – Ты понимаешь, куда и зачем я пошёл?

– Нет ещё, – сказал Грубин.

– Любое изобретение должно быть развито до пределов. Упаковка молока – лишь один из аспектов применения моего нового открытия. Причём это не самый важный аспект. Я увеличиваю тысячекратно поверхностное натяжение химическим методом. На молекулярном уровне. Состав, изобретённый мною, реагирует с молекулами жидкости и упрочивает их связи. Следовательно, мы можем обрабатывать им не только саму жидкость, но и предметы, которые с этой жидкостью будут соприкасаться. Ясно?

– Не очень.

– Я обрабатываю сапоги, и в тех местах, где они соприкасаются с водой, получается зона повышенного поверхностного натяжения. Гляди!

Минц шагнул к луже и смело вступил в неё. Вода в луже чуть прогнулась, но выдержала вес профессора. Он медленно и спокойно пересёк лужу, не замочив сапог.

– А что будет дальше? – спросил гордый изобретатель, остановившись по ту сторону лужи. – Дальше мы обрабатываем своим составом шины автомобилей! И решена проблема мостов и переправ! Что ты на это скажешь?

Грубин ничего не сказал. Он любовался профессором, который резко повернулся и суворовским шагом, не обращая внимания на лужи, направился к воротам. Он быстро шагал к реке Гусь, а Грубин спешил за ним, обегая лужи.

По реке Гусь шёл лёд. Льдины плыли торжественно и неспешно, от реки веяло весенним свежим холодком.

– Лев Христофорович! – взмолился Грубин. – Не надо!

– Почему не надо? Я, как исследователь, должен сам сначала всё испытать.

– Пускай этим займутся специальные люди, – возразил Грубин, придерживая профессора за локоть, чтобы он не бросился в ледяную опасную воду. – Пловцы, мастера спорта. А вдруг ваш состав кончится на середине реки? Вы ведь даже плавать не умеете.

– Я и не собираюсь плавать! – возразил Минц. – Я собираюсь ходить по воде яко посуху.

– Я всё-таки возражаю. Вы можете простудиться. Глядите, какой ветер!

Минц как будто только сейчас сообразил, что и в самом деле холодно. Он заколебался. И неизвестно, чем бы кончился этот спор, если бы острый взгляд профессора не уловил движения на маленьком островке посреди реки.

– Глядите, – сказал он. – Какая трагедия!

На островке, испуганно поджимая хвостик и лапы, в ужасе глядя на плывущие неподалёку льдины, сидел заяц. Вода поднималась, и ясно было, что бедняге долго не продержаться.

– Мы не можем ему помочь, – сказал Грубин и почувствовал, сколь неубедительны его слова.

– Не можем? Сейчас же отпусти меня!

– Не отпущу.

Тогда Минц извернулся и ловко выскользнул из пальто. Пока Грубин соображал, в чём дело, и махал пальто, как знаменем, Минц смело шагнул в бегущую воду, которая чуть прогнулась под сапогом, в два шага достиг первой льдины, прошёл по ней, широко расставив руки, чтобы не потерять равновесия, так как льдина подозрительно зашаталась, и прыгнул с неё в воду. Грубину показалось, что каблуки профессора обязательно пробьют её верхний слой. Но вода выдержала, только прогнулась сильнее прежнего, и Минц зашагал дальше, стараясь обходить льдины.

Грубин стоял на берегу, переживал, шаря глазами вдоль берега в поисках какой-нибудь лодки, хотя понимал, что лодок на берегу сейчас нет и быть не может, да если бы и была, всё равно на лодке в такой ледоход профессору не поможешь. Но вот Минц уже у островка. Заяц сжался, попытался отпрыгнуть в сторону, но льдина, резанувшая краем по островку, заставила его метнуться прямо в руки профессору. Тот подхватил зайца, прижал к животу, и заяц сразу затих.

– Э-ге-гей! – закричал Минц, перекрывая шум льдин и воды. – Грубин! Жди меня!

Обратно профессор шёл совсем уверенно. Он миновал уже большую часть пути, отталкивая сапогами льдины, распевая какую-то бравурную опереточную арию. И излишняя самоуверенность его подвела.

Обратно профессор шёл совсем уверенно.

Когда до берега оставалось всего метров двадцать, профессор необдуманно наступил на край льдины, и она ушла из-под ног, показав свой острый край. Профессор потерял равновесие и сел в воду. К несчастью, составом, повышающим поверхностное натяжение воды, были смазаны лишь подошвы сапог, но не брюки изобретателя. Профессор провалился в глубь реки, и это было странно для глаз Грубина, который за последние минуты уже привык к тому, что Минц идёт по воде пешком. И вдруг... как будто Лев Христофорович нашёл дырку в воде и ухнул в неё, как в яму. Он продолжал прижимать к груди зайца, закричавшего в предсмертном ужасе.

Грубин не раздумывал. Он бросил пальто и прыгнул на проплывавшую мимо льдину. С неё на другую. Теперь перед ним была полынья метра в три шириной. В нормальной жизни Грубину никогда бы не одолеть такого расстояния. Но сейчас он даже не размышлял, прыгнул и удержал равновесие.

Через минуту Грубин уже дотянулся до профессора и рванул его вверх. Минц буквально вылетел из воды.

От этого движения Грубин наверняка бы упал, если бы не сапоги профессора. Вылетая из воды, Лев Христофорович ухитрился подогнуть ноги и встать на корточки. Сапоги сразу принялись за работу. Для них вода была твёрдой. Профессор выпрямился и поддержал Грубина.

К этому времени их вынесло на середину реки. Они стояли, держась за руки. Профессор Минц на воде, а Грубин на льдине. Профессор промок, но не чувствовал холода. Заяц тоже промок и больше не кричал, а лишь мелко дрожал.

– Спасибо, – сказал Минц.

– Н-н-не стоит, – сказал Грубин.

Ноги его подгибались после пережитого. Опасность ещё не исчезла. Профессор Минц мог бы теперь добраться до берега, но Грубин был не в силах повторить своё путешествие.

– Значит, так, – сказал Минц, опираясь на Грубина и медленно, осторожно поднимая правую ногу. – Придётся нам совершить не совсем элегантное, но вынужденное путешествие. У тебя какой размер обуви?

– Сорок третий, а что?

– Ничего, будет немного жать, – сказал Минц. – На одной ноге прыгать умеешь?

– Н-н-не знаю.

Профессор, стоя на одной ноге, стащил с другой сапог и протянул Грубину.

– Будем прыгать, – сказал он, – держась за руки.

И они запрыгали по воде к далёкому берегу. Свободной рукой Минц держал зайца. Когда до берега оставалось метра три и стало ясно, что спасение близко, Минц вдруг сказал:

– Какое счастье, что никого не было на берегу! Мы бы стали посмешищем для всего города.

КАЖДОМУ ЕСТЬ ЧТО ВСПОМНИТЬ

Почти все человеческие трагедии начинаются исподволь, с незаметного пустяка. Именно незаметность первого толчка и делает трагедии столь неожиданными и сокрушительными.

Выступая на квартальном совещании в горисполкоме, Корнелий Удалов почему-то сослался на опыт своей молодости, на творческое горение строителей, возводивших в конце сороковых годов здание универмага. И был доволен тем вниманием, с которым выслушали этот исторический пример слушатели.

После совещания к Удалову подошёл товарищ Белосельский и сказал:

– Пора делиться опытом с молодёжью.

После чего он подозвал редактора гуслярской районной газеты Малюжкина и добавил:

– Товарищ Малюжкин, не проходите мимо.

– Не пройдём, – ответил Малюжкин.

Уже на следующий день после работы к Удалову домой явился Михаил Стендаль, корреспондент и старый знакомый Корнелия Ивановича. Он присел на край скамейки под сиреневым кустом и некоторое время наблюдал, как Удалов с Грубиным проигрывали в домино соседям по дому – Ложкину и профессору Льву Христофоровичу Минцу.

Корнелий Иванович догадывался о цели визита Стендаля, но, будучи человеком скромным, делал вид, что тот зашёл к нему случайно, скажем, занять опарышей для рыбалки.

Когда партия кончилась, Миша с прямотой, свойственной молодости, разрушил эту иллюзию, сказав:

– А я за статьёй пришёл.

Все насторожились, потому что раньше Удалов никогда статей не писал.

– Может, сам напишешь? – предложил Удалов неуверенно. – Я скажу, что надо, ты в библиотеке старые газеты посмотришь, а?

– Нет, Малюжкин велел, чтобы вы сами, Корнелий Иванович, – возразил Стендаль. – Он получил указание.

Наступила пауза. Удалов глядел в темнеющее летнее небо, по которому плыло зелёное закатное облако, и стеснялся соседей.

– С каких пор, – услышал он ехидный голос старика Ложкина, – наш Корнелий пишет в прессу?

Раньше Ложкин по меньшей мере раз в месяц относил в редакцию гневные письма, посвящённые непорядкам в городе, но сейчас делает это реже – годы берут своё. Большинство писем на поверку оказывались неточными в своей фактической основе, отношения с газетой у Ложкина не сложились, и, естественно, он не хотел, чтобы они складывались у других.

– Да это так... заметка, – ответил Удалов, краснея.

– Неправда! – сказал Стендаль, вытаскивая из кармана большой блокнот, распухший от адресов и интервью. – Корнелий Иванович выступает на наших страницах с большим материалом, посвящённым истории строительных организаций Великого Гусляра и героическому труду его молодости.

– Это кто же героически трудился? – спросил Ложкин, который был убеждён, что во всём мире лишь ему удалось героически потрудиться.

До этого момента Удалов был убеждён, что откажется от написания статьи. Он ведь даже в школе отставал по части сочинений. Но последние слова Ложкина вызвали у него возмущение. И следующий шаг на пути к трагедии выразился во фразе, которая непроизвольно вырвалась у Корнелия Ивановича:

– Каждому есть что вспомнить!

Корнелий Иванович догадывался о цели визита Стендаля.

– Корнелий Иванович прав, – подтвердил профессор Минц, аккуратно складывая в коробочку костяшки домино. В последние месяцы он пристрастился к этой игре, стараясь выключить на время непритязательного развлечения свою гениальную голову, иначе бы он мог вычислить исход любой партии в домино в самом её начале. – Любой из нас – это сокровищница воспоминаний, уникальных, бесценных, которые, к сожалению, проваливаются в бездну времени и исчезают для потомства. Из-за этого каждое новое поколение частично повторяет наши ошибки. А мы обязаны помогать подрастающему поколению.

– Ему некогда информироваться, – заметил Саша Грубин. – Оно балдеет.

И с этими словами Грубин показал на открытое окно в квартире Гавриловых. На подоконнике сидел, укутав голову громадными наушниками, подросток Гаврилов, что не мешало, однако, стоявшему рядом динамику реветь на весь двор.

– А что? – сказал Удалов. – И напишу. Обо всём напишу. И как голодно было, и как мы мёрзли, но выходили на рабочие места, и какие были сознательные.

Тут он решительно встал. Стендаль поднялся следом, но Корнелий произнёс:

– Иди, Миша, отдыхай, я сам справлюсь. Завтра к обеду статья будет на твоём столе.

Удалов отправился к себе, а Ложкин сказал вслед негромко:

– Сомневаюсь. Для этого способности требуются.

Удалов поднялся по лестнице, не зная, что шагает навстречу своей трагедии. Дома была только жена Ксения. Она удивилась, потому что по выверенному жизнью расписанию Корнелий должен был ещё часа полтора играть в домино, а затем прийти домой с видом измученного труженика и потребовать ужин. Ничего такого не случилось.

Удалов проследовал к столу сына Максима, уселся, отыскал чистую тетрадку, затем долго шарил по ящикам и коробочкам в поисках ручки, которая бы писала. Не нашёл, взял карандаш, открыл тетрадку и замер над ней, подобно тому, как замирают почти все великие писатели, прежде чем написать первое слово.

Ксения была так поражена, что вышла из кухни, встала в дверях и спросила:

– Чего натворил?

– Натворил?

– Объяснительную пишешь?

– Нет, – сказал Удалов, – статью надо писать. Заказали мне статью.

Ксения, конечно, не поверила, потому что её муж никогда статей не писал. Она подошла поближе и увидела, что тетрадка пустая.

– Где статья? – спросила она. – Не вижу.

– Так я же думаю. Я думаю, а ты над душой стоишь. Разве так статью напишешь?

– Интересно, что это теперь статьёй называется.

Ксения, будучи женщиной доброй, но вздорной, всегда подозревала мужа в супружеских изменах, хотя он этому не давал оснований. Отсутствие оснований никак не успокаивало Ксению. Она лишь убеждалась, что муж её не только неверен, но и дьявольски хитёр, если за тридцать лет совместной жизни ни разу не попался. И поэтому она терпеливо ждала, когда же он наконец попадётся с поличным.

Ксении казалось, что если она сейчас уйдёт, то Удалов примется за нежное послание или, ещё хуже, начнёт сочинять разлучнице любовные сонеты.

Но оставаться было бессмысленно. Корнелий при своей хитрости будет сидеть, и всё. Значит, следовало сделать вид, что поверила, а потом незаметно вернуться и застать врасплох.

– Нужна мне твоя статья! – сказала Ксения с презрением и медленно, не оглядываясь, ушла на кухню.

А Удалов поводил карандашом над чистой страницей и написал: «Как сейчас вспоминаю». Потом стал думать, что же он вспоминает.

Он пришёл на стройку после седьмого класса, вскоре после войны, учеником. Учеником штукатура. А когда это было? Вроде бы зимой. Нет, тогда дождь шёл. А там был бригадир, дядя Лёша! Нет, дядя Паша! Такой, с усами. Вот усы Удалов вспомнил, и это его обрадовало. Усы стали как бы якорем. Потом дядя Паша уехал на Дальний Восток.

Или в Среднюю Азию. Он был хорошим наставником. Совсем не пил и Корнелия, у которого отец пропал на фронте, жалел. В чём проявлялась его жалость? Важно вспомнить, потому что в статье хорошо бы написать о наставнике молодёжи. Как он говорил: «Ты, Корнюша, как пуговица, круглый и под ногами катаешься. Всё боюсь наступить». Или это он сказал не Корнелию, а Гошке Сидорову, который на Дусе женился? Нет, на Дусе он потом женился, а сначала на Маше хотел жениться. Маша такая смешливая была, черноглазая, с длинной косой. Он с ней в палисаднике целовался, только это потом уже было, в сорок седьмом, наверное.

И рука Удалова, погружённого в туманные воспоминания, вывела на странице большими буквами: «Маша». Потом ещё крупнее: «Машенька».

На этом сладкие воспоминания прервались возмущённым криком Ксении, которая подкралась как раз вовремя, чтобы увидеть, как блудливая рука её мужа выводит на странице женское имя.

– Так я и знала! – громко возмущалась Ксения, и это возмущение, ломая перегородки и стены, прокатилось по всему затихающему дому. – Развратник! Уходи к ней!

Дальнейший монолог Ксении протекал в том же духе, и нет нужды тратить время на цитаты из него.

Удалов отмалчивался даже после того, как в голову ему полетела тарелка, потому что объяснить забывчивостью и далёкими воспоминаниями появление женского имени он не мог. И кто бы ему поверил?

Минут через десять он очутился на лестнице, где решил переждать затянувшуюся грозу. Он не возмущался и был даже спокоен. Его тревожило другое – за пределами воспоминаний о поцелуе Машеньки и доброте дяди Паши никаких ярких картин его память не сохранила. Но ведь если дядя Паша – ещё куда ни шло – в статье помещался, то Машеньке, чтобы добиться права возникнуть на газетной странице, надо было совершить что-нибудь конструктивное.

Удалов стоял на лестничной площадке, ощущая тупую усталость. Надо было с кем-нибудь посоветоваться.

Ноги сами привели Удалова к двери профессора Минца. К счастью, из-за двери доносились шумы футбольного репортажа. Это было хорошим знаком – профессор не работал, а отдыхал. Удалов постучался и вошёл.

Отдых профессора Минца – понятие условное. Да, он слушал футбольный репортаж, да, он решал кроссворд, да, он раскладывал левой рукой пасьянс «Невский проспект». Но в то же время мозг Льва Христофоровича продолжал настойчиво трудиться, завершая решение неразрешимой задачи о квадратуре круга.

– Чем могу помочь? – спросил Лев Христофорович, который был отличным физиономистом. – Семейные неурядицы?

Понятно, что монолог Ксении он слышал – его слышали и в Вологде.

– Проблема совсем иная, – объяснил Удалов. – Проблема статьи. Мне нечего сказать людям.

– Чепуха! – ответил профессор. – Каждому из нас есть о чём сказать людям.

– Я забыл, – признался Удалов. – Так, в общих чертах помню – почти сорок лет прошло, а деталей не помню. А мне статью сдавать завтра. Позор. И Ксению надо успокоить. Пока не поверит, что речь в статье о далёком прошлом, не будет мне домашнего покоя.

– Память подводит?

– Думал, у меня память как память. И вдруг – надо же! Ощущения есть, даже положительные, а деталей кот наплакал. Сроков не помню, дат. Что делать?

– Делать? – Минц задумался и пошёл к широкой полке над письменным столом, где стояли известные уже всему дому и цивилизованному человечеству снадобья и средства, которых сегодня не знают, но которые завтра или послезавтра обязательно произведут переворот в науке.

Изобретения универсального гения Льва Христофоровича непредсказуемы, парадоксальны и удивительны. Они призваны облагодетельствовать людей. Но, к сожалению, порой настолько опережают время, что их эффект не вписывается в обыденную жизнь. Результаты вдруг оказываются прямо противоположны ожидаемым. Именно поэтому благое намерение профессора, который шёл к полке с открытиями, на самом деле было ещё одним шагом к личной трагедии Корнелия Удалова.

Минц поводил рукой над бутылками и коробочками, затем его указательный палец замер над одной из них.

– Вот то, что нам надо.

Он извлёк небольшую бутылочку, в которой лежали сизые, несъедобные на вид облатки. Одну из таблеток он вытряс из бутылочки на листок бумаги и протянул Удалову.

– Что это? – спросил Корнелий Иванович.

– Условно, до утверждения фармакологами, я именую это средство церебромагом. Понятно?

– Непонятно. И медициной не утверждено?

– Обычная бюрократическая волынка, – ответил Минц. – Надо проверить на мышах, тараканах, обезьянах и добровольцах. Лишь потом запускают в серию. Что разумно, но меня не касается. Я могу гарантировать полную безопасность для вашего, Корнелий Иванович, здоровья, но в то же время призываю вас к разумной осторожности.

– А что будет? – Удалов держал таблетку перед ртом, но не спешил глотать. При всём доверии к гению Льва Христофоровича он хотел и дальше наслаждаться радостями жизни.

– Ничего особенного. Церебромаг включает спящие клетки памяти. Всё, что вы прожили, что видели, навсегда отпечаталось в вашем мозгу. Но проводящие пути засоряются. И вам кажется, что вы многое забыли. Но только кажется! Завтра утром вы проснётесь и убедитесь в том, что это только кажется! Глотайте.

И Удалов проглотил таблетку.

Потом он пошёл домой.

Ксения, которая к тому времени убедила себя, что Удалов ушёл к своей Машеньке, удивилась его возвращению, но виду не показала, была мрачна, молчалива и в глаза не глядела. А на восклицания Корнелия: «Кисочка, пойми!» – она отвечала однообразно: «Знаю, кто твоя кисочка». Но не знала о ней ничего, кроме имени, и это её смущало и заставляло перебирать в памяти всех Машенек, Марусь, Марий и Марь Петровн.

Удалов устал уговаривать супругу и лёг спать, кинув прощальный взгляд на чистую тетрадь на столе сына – первая страница с крамольными словами была вырвана. Понятно кем.

Утром Удалов проснулся сразу. От душевного неудобства.

Он знал – случилось что-то очень плохое. Но не сразу сообразил, что именно.

Это был момент истинного начала трагедии.

Удалов ещё не знал, что девятый вал обрушился на его беззащитную голову.

Он всё вспомнил!

То есть он не осознал ещё, что всё помнит, но сжался от одного конкретного воспоминания, потому что оно было очень болезненным. Он совершенно чётко представил себе, что сейчас войдёт мать с перекошенным от злости лицом и скажет:

– Где чайник? Где чайник с розовыми цветочками, мерзавец, спрашиваю?

И от ужаса неминуемой физической расправы Удалов захныкал тонким и жалобным голоском, разбудив Ксению, которая, конечно, не знала, каким был голос её мужа в возрасте пяти лет.

Потому что инцидент с разбитым чайником произошёл ещё до войны и наказание за этот проступок никак не соответствовало вине – чайник был разбит неумышленно, но у матери не было другого чайника. И забыл Удалов об этой экзекуции много лет назад.

Не в силах удержать слёз, Удалов поднялся с постели, отворачиваясь от Ксении, потому что к нему возвратилось горькое мгновение тридцатилетней давности, когда он застал Ксению, тогда ещё тонкую, игривую и недоступную, целующейся с Василием Криватым у её палисадника, а случилось это именно в тот день, когда Удалов наконец-то решился объясниться ей в любви. И хоть впоследствии Ксения уверяла, что её поцелуи были не более как сестринскими и объяснялись тем, что Василий уезжал на целину, горе – неожиданность жестокого удара – пронзило вдруг сердце пожилого и давно разлюбившего жену Корнелия Ивановича, и он кинул на неё взгляд, полный такой неприязни и обиды, что Ксения не посмела ничего спросить. Она привыкла говорить о своём муже, будь он рядом или отсутствовал, тоном презрительным и даже сварливым – хоть бы провалился! Муж был никчёмным грузом, проклятием, вечным напоминанием о бесцельно прожитой жизни. Но в случае, если возникала, чаще всего вымышленная, опасность потерять его, в Ксении просыпалась орлица, готовая лететь в партком с заявлением: «Мой муж – никчёмный мерзавец, немедленно верните мне мужа!»

И вот сейчас, встретив горький взгляд Корнелия, Ксения истолковала его ложно, мысленно связала с таинственной Машенькой и поняла, что пора готовиться к походу в общественные организации.

А Удалов, выйдя в ванную, чтобы умыться и почистить зубы, уже понял, что виной его состоянию – обострившаяся память, и начал побаиваться самого себя. Стараясь изменить течение событий, он принялся вслух себя уговаривать:

– Подумаем о приятном, а? Вспомним чего? Ну, как в ЗАГС ходил с Ксенией. Или как пятёрку получил на контрольной в шестом классе.

Обе эти сцены послушно и мгновенно вспыхнули в мозгу во всех деталях, вплоть до синего платья регистраторши в ЗАГСе и насморка свидетеля Семенского, но радость была чисто формальной и сердца не задела. Зато он почему-то вспомнил, как при выходе из ЗАГСа Ксения сломала каблук, и как она расстроилась из-за этого, и как тогда же, глядя на покрасневшее в неожиданном гневе лицо молодой жены, Удалов с ужасом понял, что выбор его был неверен и ему предстоит отныне много раз, пока не кончится жизнь, видеть эти покрасневшие от гнева щёки и слышать этот визгливый голос.

Удалов, близкий к слезам, с нервно бьющимся сердцем вышел из ванной и направился было к письменному столу, чтобы приняться за статью. Разумеется, он отлично помнил теперь все наставления дяди Георгия (именно Георгия) и тот яркий день, когда они, молодые члены бригады, дав обещание завершить кладку второго этажа, не уходили со стройплощадки восемнадцать часов кряду. И Удалов уже был готов сесть за стол, чтобы зафиксировать это воспоминание на бумаге – воспоминание приятное, нёсшее в себе чувство удовлетворения, приобщения к созидательному труду... и вдруг он замер. Рядом с тем большим и добрым воспоминанием в памяти, как клещ, таилось воспоминание мелкое, присосавшееся к главному, ведь именно в тот день... С какой яркостью Корнелий мысленно увидел эту картину: вот он стоит наверху и видит, как через улицу бежит к нему пёсик Брысь, беспородный, никчёмный, но свой. И как несущийся грузовик сшибает собачку. Буквально на глазах.

Ксения, вышедшая за мужем в большую комнату, увидела, что тот почти одет, стоит с зубной щёткой в руке над письменным столом и тихо рыдает.

Удалов спиной почувствовал взгляд жены, отбросил зубную щётку и выбежал на улицу. Но добежал лишь до ворот. Невероятная горькая боль пронзила его, как только он увидел почерневшие от старости, отполированные временем столбы у ворот. Это было в войну, у Уда-

лова был друг Митя. Удалов жить не мог без друга Мити. И однажды он увидел, как из ворот с трудом, задев за столб осью правого колеса, выезжает тяжело груженная телега, а наверху сидит плачущий Митя – никто не сказал Удалову, что Митя с бабушкой и матерью уезжает в город Вологду, и никому из взрослых не пришло в голову, что Удалов не может жить без Мити, а Митя – без Удалова.

Корнелий Иванович гладил почерневший столб ворот и понимал, как непростительно было все эти десятилетия не думать о Мите и вычеркнуть его из памяти.

– Корнелий Иванович! – Из окна первого этажа выглянула лысая, блестящая голова Льва Христофоровича. – Как дела со статьёй? Помогло средство?

– А идите вы... – Удалов махнул рукой и быстро пошёл со двора.

Ксения выбежала из подъезда и замерла, не смея бежать за мужем.

– Что с ним? – спросил Минц.

– Не знаю, Лев Христофорович, – ответила Ксения. – Что-то случилось. Уходит он от меня, вижу, что уходит, а я ни в чём не виновата.

А в это время Удалов стоял в ста метрах от дома. Конечно, он никуда не уходил. Он лишь старался спрятаться от воспоминаний, но каждый новый шаг наталкивал его на них.

Он замер над прудиком. Нет, это сегодня водоём кажется прудиком. А тогда, в детстве, когда Удалова сбросили в воду два пятиклассника, он представлялся большим и бездонным озером. Но страшнее тогда было не это, а то, что пятиклассники отобрали деньги, выданные матерью на молоко, и ещё страшнее – то, что вечером собирались идти обедать к тёте Агриппине и мать велела беречь выглаженные штаны.

Удалов побежал прочь от прудика.

Он бежал посреди улицы, ничего не видя и стараясь не смотреть по сторонам. Он боялся любого предмета, дома, камня, могущего вызвать острое сжатие в груди или неожиданную вспышку горя.

Ему даже некогда было осознать, что происходит, почему он, человек уравновешенный и скорее счастливый, чем наоборот, вдруг попал в жуткую передрягу только из-за того, что у него хорошо заработала память. И он не видел, что за ним спешат Ксения и профессор Минц.

– Всё время плачет? – спрашивал на бегу Лев Христофорович.

– Сердится! – отвечала Ксения. – Не улыбнулся ни разу, на меня волком смотрит, бешеный.

– И статью не пишет?

– Поглядел на неё и зарыдал, буквально слёзы полились.

– Понятно.

Они настигли Удалова у реки Гусь.

Было такое впечатление, что он собрался топиться. Он быстро спускался по косогору, расстёгивая рубаху. В этот момент он видел перед собой лишь поднимающуюся в мольбе голову Машеньки, слышал её сдавленный крик – вода тогда была холодной и серой, и лодка, в которой она перебиралась с того берега, перевернулась уже недалеко от Удалова, который ждал её, и Машеньку быстро понесло течением, и надо было сделать страшное усилие над собой, чтобы кинуться в воду, холодную и злую, а он ведь плавал еле-еле и знал заранее, что Машеньку ему не спасти, но надо было всё равно нырять и утонуть самому, потому что остаться на берегу тоже было нельзя. И он тогда вошёл в воду по колено – вода обожгла ноги и прижала брюки к икрам и начала толкать вниз, вслед за Машенькой, и Корнелий всё медлил, никак не мог заставить себя сделать ещё один шаг. А потом он увидел, как совсем недалеко с берега в столбе брызг, как торпеда, врезался в воду дядя Георгий – почему он оказался тут? И он плывёт, и они с Машенькой всё уменьшаются и растворяются в серой мгле. А потом дядя Георгий долго болел воспалением лёгких, а Машенька ничего не сказала Удалову. Но это было потом.

Ксения успела забежать между водой и Удаловым и встала на его пути, как танк.

– Не пущу! – кричала она.

– Пусти, – вяло сказал Удалов.

Он понимал, что хоть сейчас, с опозданием на много лет, он должен броситься в воду, чтобы искупить тогдашний свой страх. Он никогда не думал, что это так ужасно – вспомнить.

Минц нажал ладонью на его плечо, заставив сесть на траву.

– Выпейте. – Он протянул жёлтую таблетку.

Ксения набрала в горсть воды из реки, и Удалов покорно запил таблетку.

– Что вы со мной сделали! – тихо произнёс он.

– Простите, – сказал Минц, который всё уже понял. – Побочный эффект.

– Я не хочу жить, – ответил Удалов.

– Мне надо было испытать средство на самом себе, – произнёс Лев Христофорович. – Но и то, что мы с вами сегодня узнали, хоть и дорогой ценой, послужит темой для серьёзной и в целом оптимистической статьи.

– Оптимистической? – спросила Ксения.

– Природа милосердна, – объяснил Лев Христофорович, – а я попытался лишить её милосердия. Память человека гуманна и потому избирательна. Мы куда острее переживаем горе, разочарование, потерю, чем радость или достижение, потому что жизнь учит нас на наших ошибках. Но горе уходит – с горем нельзя жить рядом. В прошлом мы запоминаем хорошее. Дурное уходит в подсознание. Оно живёт там как бы за занавеской. Чтобы не мучить нас. Мы с улыбкой вспоминаем о том, как мальчишкой потеряли двадцать копеек и как ужасно было остаться без мороженого, потому что эти двадцать копеек ты копил целую неделю. Мы снисходительны к ужасу, который вроде бы выветрился из памяти. А представляете, каково было сегодня Корнелию пережить все те трагедии, которые на самом деле с высоты лет давно уже перестали быть трагедиями?

– Нет, – сказал Удалов. – Там рубля два было, мне мать на молоко дала. А они отобрали. – Он вытер слезу. Он на глазах успокаивался. Видно, жёлтая таблетка начинала действовать. – Но ведь она утонуть могла.

Минц с Ксенией переглянулись. Они не поняли, они решили, что Удалов заговаривается.

Поддерживая Корнелия под локти, они повели его обратно.

Удалов был мрачен и старался не глядеть по сторонам. У поворота на Пушкинскую им встретился Стендаль, который спешил в редакцию.

– К двенадцати часам жду статью! – весело крикнул он.

– Нет, – вздохнул Удалов. – Писателя из меня не вышло.

В этот момент его лицо исказила жалкая гримаса.

– Я согревал её руки поцелуями, – произнёс он с невыразимой болью, – и жаром своего дыхания. Всю ночь напролёт я бодрствовал подле неё и возносил к небу молитвы о ниспослании ей сна тихого и безмятежного. О Боже, сколь пламенны и искренни были мои моления! И сколь жестоко Ты их отверг!

Удалов плакал.

– Я умру сама! – воскликнула Ксения. – Он опять о ней!

– Нет, – возразил профессор, морща лоб. – Это что-то знакомое.

– Конец её страданий приближался, – продолжал Удалов. – Я потерял её. Она засвидетельствовала мне свою любовь в самую минуту смерти. Это всё, что я в силах сообщить вам о сём роковом и горестном событии.

Удалов уселся на мостовую и закрыл лицо руками.

– Аббат Прево, – вспомнил и облегчённо вздохнул Лев Христофорович. – «Манон Леско». Заключительная сцена. Смерть Манон в диких прериях Америки.

– Правильно, – согласился Удалов. – Я читал эту книжку в восьмом классе.

ТЕХНОЛОГИЯ РАССКАЗА

Я не знаю еще, о чем будет рассказ. И тем более не подозреваю, как он будет называться.

Я намерен написать его, не скрывая от читателя, как это будет делаться.

Тому есть причины.

Мне приходилось выслушивать упреки, что я не настоящий фантаст, потому что не отражаю последних научно-технологических достижений, а ограничиваюсь, подобно презренным реалистам, прописными морально-этическими истинами.

Я принимаю вызов и объявляю о намерении написать подлинно научно-фантастический рассказ, в основе которого будет лежать частный факт научного прогресса. Я попытаюсь умилостивить членов клубов научной фантастики, которые совершенно не реагируют на художественную литературу, но готовы восхвалить любую окололитературную подделку, буде она сдобрена наукообразностью. Я намерен проникнуть в содружество истинных фантастов.

Теперь следует отыскать в море прогресса зацепку для сюжета.

Написав последнюю строку, я отошел от пишущей машинки и занялся поисками.

...Следующую строку я пишу через четыре часа после предыдущей. За это время я проглядел несколько научно-популярных журналов, в

которых наука излагается настолько примитивно, что суть дела может уяснить даже доктор исторических наук. К сожалению, пока мне не удалось извлечь из статей и заметок литературного позыва. Хотя я значительно расширил свой горизонт. Я узнал, что глицин, простейшая аминокислота, был обнаружен в 1969 году в Мерчисоновском метеорите, и с той поры найти его не удавалось, даже с помощью радиотелескопа ФИАН РТ-22. Но что мне глицин, если за последние годы я без всякого телескопа отыскал в космосе кучу цивилизаций!

Я узнал, что, изучая спектры гамма-квантов сверхвысоких энергий, можно сделать вывод о том, какая из космологических гипотез справедлива. Так как этого еще никто не сделал, то любая из предложенных мною тоже годится.

Я познакомился с умозаключением, согласно которому становление гения есть проблема биосоциальная. Великолепны открытия, о которых можно сказать: я и сам так думал!

Наконец, мне удалось обнаружить, что вирусы некоторых бородавок способны передаваться половым путем. Последнее, конечно, может быть использовано в художественной литературе, но не в нашей.

Не найдя счастья в периодике, я собрался было обратить взор к глобальным проблемам – к угрозе атомной войны, экологическому бедствию или достижениям кибернетики. Но это путь наименьшего сопротивления. Что бы я ни сказал, уже сказано другими. Поэтому оставляю лист в машинке и отправляюсь к полке с научно-популярными брошюрами.

...По-моему, мне удалось отыскать нечто перспективное!

Года три назад я купил книгу Мишеля Сифра «В безднах Земли», потому что завидую Мишелю и его единомышленникам. Они забираются в глубокие пещеры и сидят там безвылазно по нескольку месяцев, а их преданные жены и друзья все это время мучаются в палатках на поверхности, мерзнут, простужаются, порой голодают, зато ежедневно получают снизу, из темной глубины, бутылки с мочой спелеологов. За исключением регулярной сдачи анализов, испытуемые обязанностей не имеют. Они могут рассуждать о смысле жизни, читать книги и рисовать картинки. Телефон у них не звонит, гости к ним не ходят, и никто не требует от них выполнения плана.

Сколько раз я мечтал о том, что заберусь в пещеру и там, вне волнений и суеты, напишу что-нибудь стоящее.

Ничего, кроме зависти, книга Сифра во мне в свое время не вызвала, и я не почерпнул из нее никакой идеи для рассказа. Но ведь я и не искал идей!

А сейчас ищу.

Посмотрим, не может ли пригодиться абзац со стр. 111:

«Тони и Жози, не располагая никакими ориентирами времени, жили, повинуясь природному инстинкту. Их ритм смены бодрствования и сна постоянно менялся и день за днем сдвигался. 3 января 1965 года Тони праздновал рождество! И Жози встретила Новый год лишь 13 января. Под землей длительность одной минуты казалась иной, чем на поверхности».

В дальнейшем Сифр уделяет немало места описанию этого феномена. Оказывается, он характерен для всех спелеонавтов. Через определенное время жизни под землей каждый из них неизбежно переходил к иному, чем на поверхности, внутреннему календарю. Как ни пытались организаторы экспериментов сбить, запутать спелеонавтов, через несколько недель одиночества у них устанавливался одинаковый, единый для всех ритм – 48 часов, причем 12 часов они спали, а 36 часов без особых усилий бодрствовали.

Особенно интересна в этом смысле история, приключившаяся с первой женщиной-спелеонавтом, двадцатипятилетней Жози Лорес. Она провела в пещере три месяца. Так же, как все мужчины до и после нее, она постепенно перешла на 48-часовой ритм, будучи уверена, что за это время проходит 24 часа. Но в отличие от мужчин у нее были внутренние часы, которые этому ритму не подчинились. Месячные вводили Жози в растерянность. По здравому размышлению она предположила, что организм более надежный источник информации, нежели ощущения, и потому старалась корректировать чувства физиологией. В результате она совсем запуталась в календаре.

Сведения, приведенные Сифром и подтвержденные многими другими авторами, не вызывают сомнений, но остаются на уровне констатации. Я же в поисках идеи понял, что этот факт многозначителен. Однако существование научного факта, вызывающего интерес, еще не делает рассказа: в рассказе должны фигурировать люди.

В настоящем рассказе люди нужны для того, чтобы мы могли еще раз заглянуть внутрь человеческой души. В рассказе научно-фантастическом это, к сожалению, совсем не обязательно. Люди там разго-

варивают между собой для того, чтобы как можно популярнее изложить концепции. Для удобства концепция делится на фразы, и они последовательно вкладываются в уста персонажей. Редактор научно-популярного журнала, специалист в той или иной области знания, редко бывает притом специалистом в художественной литературе, и его можно убедить, что это и есть художественная литература.

Так и поступим.

Чтобы этот еще не написанный рассказ занял почетное место на страницах журнала, проще всего сделать его персонажей учеными. Желательно, чтобы один из них был седовласым профессором, который все знает, а второй – молодым ученым, который знает пока не все и потому задает нужные нам вопросы...

– Вас никогда не удивлял, коллега, странный феномен, с которым столкнулись в последние годы спелеологи? – спросил профессор Сыромятников у младшего научного сотрудника Института физиологии высшей нервной деятельности Махмуда Магометова, который уже третий месяц стажировался в институте.

Стояла ранняя осень, желтые листья плавали в лужах институтского парка. Небо с утра было серым и холодным.

Махмуд кутался в демисезонное пальто: московская осень его удручала.

– Как же, – произнес он хрипло. – Меня тоже удивляло, что все спелеонавты обязательно переходят на 48-часовой цикл, в котором тридцать шесть часов занимает бодрствование, а двенадцать часов – сон.

Написав эти строки, я порадовался тому, как экономно и энергично ввел читателя в суть дела.

– Учтите, – продолжал профессор, глядя на стройные ножки пробежавшей мимо аспирантки Ниночки Дудкиной, – что в пещере человек полностью оторван от привычного образа жизни и организм его устанавливает те часы, к которым его приспособила природа.

– Вы правы, – сказал Махмуд, глядя на стройные ножки аспирантки.

Ножки аспирантки придется убрать. В научно-фантастической литературе дети могут быть выращены методом клонирования, созданы в пробирке, в крайнем случае найдены в капусте, но намеки на возможность создания их ортодоксальным путем считаются неэтичными.

– Не наводит ли это вас на некие мысли, коллега? – спросил седовласый профессор, глядя как за оградой парка проезжает троллейбус.

– Я сегодня как раз всю ночь думал об этом, – горячо откликнулся Махмуд. – Ведь до сих пор не найдено недостающее звено.

– Да, никто еще не доказал, что человек произошел от обезьяны, – покачал головой профессор, глядя...

На что бы ему еще поглядеть, чтобы рассказ получался художественным?

...Глядя на то, как с дерева планирует желтый кленовый лист.

– Между кроманьонцами, физически не отличающимися от человека, и его обезьяноподобными предками нет переходной формы, – сказал Махмуд и кашлянул.

– У меня есть сухая фиалка, – сказал профессор, – заварите две столовых ложки на стакан кипятка. Очень помогает как отхаркивающее средство.

Последний абзац надо снять, он отвлекает читателя. Лучше это сделаю я, чем редактор.

– А что если мы с вами вернемся к проблеме панспермии? – рассуждал вслух профессор. – Разумная жизнь каким-то образом – допустим, в виде спор – была занесена на Землю. Я не имею в виду идеалистических концепций. Я был и остаюсь материалистом.

Хорошо сказал профессор! Прямо и твердо!

– И на той планете, где зародились наши предки, – развил мысль профессора Махмуд, – в сутках сорок восемь часов!

– Мне надо немедленно позвонить моему другу профессору Брауну в Саскечеванскую обсерваторию, – взволнованно сказал профессор Сыромятников. – Он как раз занимается изучением периодов обращения планет ближайших к нам звездных систем. Если бы только найти такую планету...

– И наших братьев по разуму! – воскликнул Махмуд.

– Да, я бы сказал, – старших братьев, отцов, дедов...

Дальше рассказ можно писать, а можно и не писать. Потому что известно, о чем писать. Профессор Сыромятников связывается со своим другом профессором Брауном. В окончательной редакции тот станет профессором Тер-Ованесяном из Ленинакана, потому что Тер-Ованесян лучше разбирается в периодах обращения планет, чем любой Браун. Тер-Ованесян ответит профессору, что как раз прошлой ночью

он столкнулся с интереснейшим явлением: одна планета в системе Альдебарана испускает некие странные сигналы, которые намекают на их искусственное происхождение. И именно эта планета делает полный оборот вокруг своей оси за 48 часов.

Точку в рассказе лучше не ставить.

Может, именно эта планета и есть наша прародина...

Рассказ мне понравился. Я надеюсь, что кто-нибудь из моих коллег его допишет и опубликует. Но для меня, при всех достоинствах рассказа, не хватало действия.

А что, подумал я, если его драматизировать? Ввести и приключенческий элемент – это вполне дозволено в научной фантастике при условии, конечно, что элемент не будет отвлекать от главного.

Возвращаемся к середине рассказа.

Помните, на что посмотрел профессор? Правильно.

– Учтите, – продолжал профессор, глядя на стройные ножки пробежавшей мимо аспирантки Ниночки Дудкиной, – что в пещере человек полностью оторван от привычного образа жизни и организм устанавливает те часы, к которым его приспособила природа.

Шаги Ниночки замерли.

– Здравствуйте, – сказала она мелодично. – Можно присоединиться к вашей беседе?

– Разумеется, – сказал профессор. – Мы говорим о том, что 48-часовой ритм спелеонавтов доказывает – человек рожден не на Земле. Человек по сути своей пришелец. Он чужой здесь.

– Какой ужас! – воскликнула Ниночка. – И я тоже?

– Мы все, – грустно улыбнулся Махмуд.

Странная нечеловеческая гримаса исказила лицо Ниночки. Казалось, что оно сразу постарело лет на сорок.

– К сожалению, – произнесла аспирантка хрипло, – мне придется ликвидировать вас.

В ее руке мутно поблескивал бластер.

– Об этом, – сказала она, – никто не должен знать. Тайна панспермии должна остаться нераскрытой!

Пришелец направил (направила?) бластер на профессора, но в последний момент Махмуд ринулся вперед и во вратарском прыжке дотянулся до руки пришельца. Со страшным криком тот боролся (та боролась?) за бластер. В пылу борьбы дуло бластера обернулось против

пришельца. Раздался выстрел. У ног профессора и Махмуда лежала кучка серого пепла. Это было все, что осталось от Ракришината Фе, третьего лейтенанта секретной галактической стражи планеты Эпсилон.

А что, тоже неплохо! Рассказ не потерял познавательности, но приобрел энергичность. Однако чего-то хочется еще. Детали, пустяка, сюжетного изворота.

Может, так?

– Жаль, – вздохнул профессор. – Она всегда казалась мне такой милой...

– Да, – поддержал его Махмуд. – Под оболочкой Ниночки Дудкиной скрывался...

– Кто скрывался под моей оболочкой! – послышался сзади мелодичный голос.

Ученые разом оглянулись.

Сзади стояла, лукаво улыбаясь, Ниночка.

– Вы... вы не погибли? – ахнул профессор, бросив взгляд на кучку серого пепла.

– Нет, – улыбнулась Ниночка, бросив лукавый взгляд на Махмуда. – Меня связывают с жизнью личные интересы.

Махмуд покраснел.

Вот, пожалуй, и все. Над рассказом еще стоит поработать. Может, ввести инопланетного хранителя тайны несколько раньше? Пускай следит за нашими героями, подслушивает их разговоры, пускай его постепенно охватывает жуткое подозрение: люди догадались! И когда все станет ясно, он вытащит свой проклятый бластер... Правда, придется придумывать оправдание его странному поведению. Не все ли равно нашим старшим братьям – знаем мы о своей прародине или нет? Предположим, они боятся, что мы выросли слишком агрессивными и наглыми, и пока мы тут занимаемся войнами и атомными бомбами, нас нельзя пускать в галактическое содружество...

Тут я увидел, как рассказ перерастает в повесть с определенным гражданским звучанием. Нет, о повести мы не договаривались. Пускай мотивы останутся нераскрытыми – кто их знает, пришельцев, чего им хочется.

Итак, рассказ готов, осталось пройтись рукой мастера по запятым и многоточиям...

А что скажет Лев Христофорович?

Как же я раньше не подумал! Лев Христофорович Минц, великий ученый, временно поселенный мною в городок Великий Гусляр, еще не знает, что в сутках у спелеонавтов 48 часов! Надо ему срочно сообщить.

...Они пошли к краеведу Сидякину.

Впереди шагал профессор Минц. Замшевый пиджак туго обтягивал его живот, осеннее солнышко лукаво отражалось от профессорской лысины. Вторым шел его сосед Корнелий Удалов, курносый начальник гуслярской стройконторы.

Дом краеведа и фенолога Сидякина ничем бы не отличался от прочих домов на Голубиной улице, если бы не мемориальная доска.

Доска стояла, прислоненная к стене и отделенная от тротуара штакетником. На сером мраморе было выбито золотыми буквами: «В этом доме с 12.1.1878 по 1 мая 2012 г. проживал выдающийся краевед, почетный гражданин города Великий Гусляр Артемий Сидорович Сидякин».

Сидякин был глубоко убежден, что судьба не посмеет спорить с мрамором, и потому до начала XXI века он обязательно дотянет. Тем более, что на самом деле он родился не так давно, а в нашем столетии, сразу после революции.

То место на стене, где доске предстояло висеть, было аккуратно побелено, по углам до половины вкручены латунные толстые болты.

У приоткрытого окна, подсвеченное зубоврачебной яркой лампой, сидело нечто белое и величественное с рыжим котом на коленях. Сидякин редко покидал свой дом – он предпочитал, чтобы к нему приходили за советом. Он так и говорил: «Не имею права покинуть пост, могу понадобиться человеку». На самом деле он ждал, когда из горсовета принесут грамоту о возведении его в звание почетного гражданина.

Увидев людей, остановившихся перед мемориальной доской, Сидякин принялся причесывать усы, седые, пышные, к сожалению, накладные. Он понял, что идут к нему, но не со званием, а за советом. В связи с борьбой за экологию к краеведу заходили нередко – то из газеты, то из школы, то даже из области.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Минц, занимая указанный перстом гостевой табурет. Удалов встал за его спиной. Они оробели в

комнате краеведа, украшенной по стенам рогами копытных животных, видами Гусляра и портретами хозяина дома, выполненными методом чеканки. Старик сам освоил этот метод, так как был убежден, что чеканные портреты лучше сохраняются.

– Устал, – сказал Сидякин. – Старость. Вчера отмечали мое стодесятилетие. Выпили, потанцевали.

Сидякин искоса поглядел на гостей – верят или нет. Гости вежливо склонили головы. Старик понял – не верят, но он им нужен.

– Чем могу быть полезен? – спросил он, поглаживая кота.

– Нам нужна пещера, – сказал профессор Минц. – Глубокая. Чем ближе к Гусляру, тем лучше.

– Пещер у нас не водится, – ответил Сидякин, покачав львиной снежной шевелюрой, к сожалению, накладной.

– Я же говорил, – сказал Удалов. – Придется ехать в Крым.

– Зачем пещера? – спросил Сидякин.

– Пещера нам нужна для очень важных экспериментов, которые могут повлиять на судьбу всего человечества.

– Организуем в Крыму, – повторил Удалов. – Там и море, и климат помягче.

– Какой может быть климат в пещере, – поморщился Минц.

– Вы все забываете, – возразил Удалов, – что нам, контрольной группе, сверху сидеть, продукты вам подавать.

– А что за эксперимент? – спросил Сидякин.

– Вам это неинтересно, – сказал Удалов. – Все равно же пещер нету.

– Есть пещеры или нет, решаю здесь я, – сказал краевед.

– Выяснилось, – пояснил Минц, – что человечество зародилось не на Земле, а совсем на другой планете.

Сидякин нахмурился. Кот зашипел.

Минц продолжал:

– Французские спелеологи обнаружили, что жизненный цикл человека – сорок восемь часов. Значит, когда-то люди жили на планете, где сутки вдвое длиннее земных. Именно оттуда в незапамятные времена и были посланы сюда первые люди.

– Французы? – спросил с недоверием Сидякин.

– Не только французы. Все люди. Включая китайцев.

– Французы, может быть, и жили, – сказал Сидякин. – Они лягушек едят. Но русский человек – местный. Я знаю.

Удалов встал за его спиной. Они оробели в комнате краеведа, украшенной по стенам рогами копытных животных, видами Гусляра и портретами хозяина дома, выполненными методом чеканки.

– Вопрос не требует обсуждения, – отрезал Минц. – Нам нужна пещера, в которой мы продолжим опыты.

– Мне с вами не по пути, – упорствовал Сидякин. – Русский человек всегда на Земле жил. Еще до татаро-монгольского нашествия.

И Сидякин сделал рукой жест, указывающий гостям на дверь.

На улице они на минуту задержались возле мемориальной доски. Удалов поглядел в окно, встретил колючий взгляд из-за занавески и громко сказал:

– Не стать тебе, Сидякин, почетным гражданином.

Окно захлопнулось.

Исследователи вернулись домой расстроенные. Беседа с Сидякиным перечеркнула последние надежды. В Великом Гусляре они могли надеяться на поддержку общественности и бескорыстную помощь молодежи, но жители Крыма вряд ли разделят их энтузиазм.

На Минца было жалко глядеть.

– Не печалься, – сказал Удалов. – У меня интуиция. Сейчас постучат в окно и скажут: «Есть пещера!»

Минц грустно улыбнулся.

В окно постучали. За окном стоял краевед Сидякин, в черном пальто до пят и надвинутой на брови заячьей шапке. Усы тяжело свешивались на красный мохеровый шарф.

– Я, – сказал Сидякин, – много думал. И пришел к выводу: вас требуется разоблачить. Вас и ваших французов.

– Господи! – вздохнул Минц. – А мы думали, что вы нам пещеру принесли.

– Пещера будет, – сказал Сидякин. – Но в пещере буду я.

– Как так? – не понял Минц.

– Я пойду в пещеру и докажу вам, что в отличие от некоторых, лично я происхожу из этих мест. И что мой ритм – двадцать четыре часа. Можете сообщать прессе.

Сидякин сунул руку за пазуху и извлек оттуда пожелтевший листок.

– Вот координаты. Я надеюсь, что вы, как честные люди, забронируете мне место в пещере.

Минц протянул было руку за листком, но удержался.

– Нет, – произнес он. – Я не могу согласиться на это. В вашем возрасте пребывание в пещере совершенно исключено.

– Я приму меры, – уверенно сказал Сидякин. – К тому же я куда лучше сохранился, чем некоторые думают.

Через шесть дней в Черном яре – глубоком, заросшем осиной овраге, что тянется почти до озера Копенгаген, закипела работа. С утра туда пробивались грузовики, груженые ящиками, клетками и коробками, которые издавали различные звуки. За грузовиками шел автокран и слониха Магарани из цирка шапито. За ними на велосипедах и пешком двигалась общественность. Шли пионеры, шел кружок юных краеведов, общество любителей театра, хор пенсионерок и речной техникум.

Когда дорога кончилась, грузовики разгрузили и дальше молодежь несла ящики и корзины на руках. Сидякина спустили в овраг на пожарном вертолете. Он сидел смирно, рядом была медсестра, которая мерила ему пульс. Сидякин читал гранки статьи из «Гуслярского знамени». Он был недоволен; во всей статье его ни разу не назвали почетным гражданином.

В пещере никто не бывал с тех пор, как в середине прошлого века ее покинул благородный разбойник Петька Кровь-в-Песок. Он хранил там сундуки с награбленным у помещиков-угнетателей добром, прежде чем раздать его труженикам-крестьянам. Сидякин писал о том в областной газете и требовал создания в пещере дома-музея Петьки Кровь-в-Песок.

Перед спуском в пещеру профессор Минц и краевед Сидякин дали последние интервью прессе. Сначала говорил Минц:

– Не вызывает сомнений, – сказал он, – что люди прибыли когда-то с другой планеты. Астрономы найдут ее со временем. А нам важнее узнать иное: кто сопровождал человека при переселении на нашу планету? Я глубоко убежден, что среди птиц и животных, что опускаются со мной в пещеру, обязательно отыщется существо, чей суточный цикл равен сорока восьми часам. И тогда все споры о том, кто лучший друг человека, отпадут сами собой.

– Ура Льву Христофоровичу, – закричал Корнелий Удалов, – который добровольно уходит от нас на три месяца, чтобы добыть научную истину!

Раздались аплодисменты. Их прервал краевед Сидякин. Несмотря на теплый сентябрьский день, он возвышался над толпой, облаченный в громадный тулуп, валенки и заячью шапку.

– Профессор уходит не один, – сказал старик, придерживая пальцем накладной белый ус. – С профессором ухожу я. Я взял на себя руководство экспедицией, чтобы доказать: все это ложь! Может, за рубежом некоторые и будут бахвалиться своим иноземным происхождением, но мы с Трифоном этого не допустим!

Из широкого рукава тулупа Сидякин извлек своего рыжего злобного кота. Кот прыгнул на плечо краеведу и взметнул трубой хвост.

А вокруг уже кипела работа. В пещеру опускали ящики, контейнеры и аквариумы. В них были собаки, куры, индюшки, караси, теленок, конь Сивый, слониха Магарани и еще много живых существ. Они блеяли, кричали, лаяли и не желали покидать белый свет.

Затем спустился профессор Минц в оранжевой каске. Он контролировал расстановку клеток в темном подземном зале. Когда все было расставлено, вниз сошел краевед Сидякин с грелкой, амбарной книгой и пачкой телеграфных бланков.

Так началось трехмесячное героическое пребывание под землей профессора Минца и краеведа Сидякина с их свитой. Наверху остались дежурные во главе с Удаловым. Они опускали в пещеру пищу, принимали оттуда дневники и телеграммы, страдали под дождем, мучились от заморозков, и постепенно их число таяло.

Краевед Сидякин на удивление хорошо переносил подземное пребывание. Минцу он не помогал, но и не мешал, а вел личный дневник.

С каждым днем настроение Минца падало. Все животные, включая коня Сивого, которому в пещере было тесно и очень страшно, засыпали, просыпались и питались, словно и не опускались в пещеру. Старик Сидякин также не менял привычного ритма жизни. Каждое утро ровно в восемь часов он дергал за свою личную веревку, спрашивая у дежурных на поверхности, скоро ли ему доставят кефир и сметану. Вслед за тем раздавалось отвратительное мяуканье кота Трифона, который тоже требовал свою сметану. И так день за днем. Иногда Сидякин посылал из преисподней телеграммы в горсовет, напоминая о почетном звании.

Возможно, эксперимент так бы и провалился, если бы не случайность.

Оборвался трос. То ли перетерло его об острый выступ, то ли не выдержал подземного климата, но однажды перед рассветом Удалов обнаружил, что трос свободно вытягивается из черного провала.

Следовало навести порядок.

Удалов спустил в пропасть веревочную лестницу и полез в глубину. Издалека доносилось тоскливое ржание – просился на волю Сивый. Замычал в ответ теленок...

Удалов связал трос и собрался уже подняться наверх, но тут его одолело любопытство – взглянуть бы одним глазком, как они там, горемыки, существуют. Прикрывая фонарик ладонью, он осторожно добрался до лагеря. Края подземного зала терялись во тьме.

Удалов сразу разглядел профессора Минца, который спал на раскладушке, прикрывшись плащом, и во сне морщил высокий лоб. На другой раскладушке лежал краевед, покрытый тулупом.

Вдруг в гулкой тишине раздался еле слышный звон.

Удалов замер. Что могло звенеть?

Тулуп, под которым лежал краевед, зашевелился, из-под него показалась лысина, потом белая рука с зажатой в ней львиной шевелюрой. Шевелюра легла на лысину. Освободившаяся рука полезла в валенок, звон затих, и Удалов понял, что в валенке краеведа таится будильник.

– Вставай, бездельник, – раздался шепот краеведа. Валенок дернулся, сбрасывая на камни кота Трифона. Кот обиженно мяукнул. Начинался новый день.

– Вставай, – повторил краевед. – А то Минц услышит.

Удалов поднялся наверх и написал обо всем донесение профессору. Вечером того же дня он получил краткий ответ: «Будильник обезврежен. Эксперимент продолжается. Л. Х.»

Изъяв будильник, Минц спрятал его в трещине, а Сидякин не только сменил ритм жизни на сорок восемь часов, но вскоре перешел на 70-часовые сутки. Удалов не скрыл этот факт от общественности, и весь город узнал о том, что Сидякин – не просто иноземец, но, вернее всего, инопланетянин из совершенно чуждой нам галактики. А Минц сделал свое великое открытие. Он отыскал лучшего друга человека, который вместе с ним прибыли на Землю из глубин космоса. Этим существом оказался кот Трифон. Как только Сидякин перестал будить его по утрам, Трифон благополучно доказал, что для него в сутках гораздо больше двадцати четырех часов.

...Тысячи жителей Великого Гусляра, невзирая на снег и метель, собрались у входа в пещеру, откуда бережно и любовно были извлечены

все участники эксперимента. Они немного пошатывались и щурились, аплодисменты публики казались им слишком громкими.

Минц скромно отошел в сторону, дав возможность Сидякину сказать свою речь.

Сидякин вытащил из кармана бумажку и сказал:

– Дорогие товарищи. Западная наука посрамлена. Вот мой дневник, я в нем каждый день записывал число. Вы можете сравнить его с календарем и узнать, что именно я – настоящий землянин.

– И какое же сегодня число? – спросил Корнелий Удалов.

– Девятое ноября! – сказал Сидякин.

В публике раздался смех, потому что декабрь уже подходил к концу. О чем и сообщили краеведу.

– Не может быть! – закричал тот и пошатнулся.

Пока медики отпаивали старика валерьянкой, на трибуну поднялся профессор Минц.

– Их было трое, – сказал он, переждав бурю аплодисментов. – Это был человек... – При этих словах Минц оглянулся на Сидякина. – Это был... – профессор сделал паузу, и все увидели, как кот Трифон, словно поняв, что от него требуется, стал потягиваться: – Кот!

– Не позорь животное! – кричал из «скорой помощи» краевед. – Оно наше, родное!

– Кто третий! – спросили из толпы.

Минц вытащил из кармана спичечную коробку, открыл – черная точка выскочила из нее и пропала в снегу.

– Я не был бы настоящим ученым, – сказал Минц, – если бы не охватил своими опытами всех живых существ, близких как человеку, так и котам. Эта блоха жила на Трифоне. Вот она, биологическая триада пришельцев!

– Тришка, предатель, задушу! – бесновался краевед.

Но никто его не слышал. Великий Гусляр ликовал. Наконец-то в нем было совершено великое открытие.

Тут я спохватился и понял, что увлекся. Убийцу тянет на место преступления, писателя – на проторенную дорожку. Столько сил я потратил на то, чтобы написать настоящий научно-фантастический рассказ, а закончил еще одной гуслярской историей. И какой! Опыт, поставленный профессором Минцем, антинаучен, за его пределами остались многие возможные пришельцы. Краевед Сидякин в расска-

зе необязателен. Гораздо интереснее было бы описать жизнь в пещере, повседневный труд исследователей...

Перед тем как нести рассказ редактору, я понял, чего в нем не хватает – благополучного конца. Поэтому я дописал следующее:

– Что может город сделать для вас? – спросил товарищ Белосельский, подходя к профессору, чтобы пожать ему руку.

– У меня есть просьба, – ответил Минц, улыбнувшись. – Нельзя ли присвоить звание почетного гражданина Великого Гусляра краеведу Сидякину?

– Положительное решение уже принято, – ответил Белосельский и тоже улыбнулся.

Так завершился этот великий день.

По-моему, лучше не скажешь.

В заключение у меня есть вопрос к читателям, имеющим отношение к астрономии. Не знаете ли вы какую-нибудь планету, которая обращается вокруг оси за сорок восемь часов? Каждому писателю в глубине души хочется стать провидцем.

ОПОЗОРЕННЫЙ ГОРОД

Клеймо позора, поставленное судьбой на лбу Великого Гусляра, как и всякое клеймо, несмываемо. В его появлении не обвинишь масонов, сионистов, ЦРУ и мафию.

Сами виноваты.

Но признаться в этом невозможно.

Началось с того, что в окрестностях Великого Гусляра совершил посадку самый обыкновенный космический корабль из системы Сципиона. В корабле был один космонавт, имени которого никто не знает.

Цели у пришельца, по-видимому, были вполне безобидные. Может быть, ему понадобилась крапива, которая считается в Галактике универсальным воспитательным средством, а может, он хотел нарвать ландышей для своей подруги.

Космонавт выбрал безлюдное место в лесу неподалёку от Великого Гусляра, нашёл там ярко-зелёную поляну и ударил по тормозам!

Пока корабль медленно приближался к земле, космонавт посмотрелся в зеркало и остался собой доволен. Выглядел он как самый

обыкновенный гуслярский грибник. Это на случай, если состоится случайная встреча в лесу. Космонавт строго соблюдал правила невмешательства!

Корабль коснулся земли, трава расступилась, на поверхности появилась чёрная грязь, и оказалось, что по недосмотру капитана и приборов корабль опустился в небольшую, но глубокую трясину.

Космонавт срочно открыл верхний люк похожего на гигантское серебряное яйцо корабля и выскочил на его последнее сухое место.

Космонавт постоял ещё полминуты на макушке корабля. Он ещё не терял надежды, что корабль вот-вот коснётся дна трясины, но, когда чёрная грязь стала собираться со всех сторон к его ботинкам, космонавт поднатужился и сиганул на сухой бережок, находившийся метрах в десяти от макушки корабля.

Космонавт постоял минут десять, глядя, как макушка исчезает в трясине, как чавкнула, засасывая его, жижа, как успокоилась, покачавшись, болотная грязь.

Космонавт готов был плакать.

Положение, в которое он попал, можно назвать трагическим.

В десятках световых лет от дома и ближайшей технической станции, совершенно один на планете, куда раньше почти не ступала нога существа из цивилизованной Галактики, он должен был достать из глубокой трясины свой тысячетонный корабль и улететь отсюда, не выходя на связь (это категорически запрещалось) с местными властями и прессой.

Если же не удастся выполнить этой нереальной задачи, ему не остаётся ничего, кроме самоубийства. А самоубийство было для того космонавта немыслимым и даже отвратительным актом.

Так ничего и не решив, космонавт отправился пешком в Великий Гусляр, по дороге надеясь что-нибудь придумать.

Как каждый путешественник по Вселенной, космонавт учился на курсах выживания. Он мог тридцать две минуты сдерживать дыхание, подниматься с глубины в полкилометра без акваланга, падать с шестого этажа и не разбиваться, умел общаться со встречными на их языках, бегал быстрее американских негров и плавал лучше, чем крокодил.

Он знал о хитростях, к которым можно прибегать космонавтам на чужих планетах.

И вот, размышляя о том, как спастись, космонавт вспомнил об одной хитрости, которая могла ему помочь, если жители Земли были склонны к распространённому в Галактике греху, вернее, скажем, слабости. Следовало проверить своё предположение. Раздумывая об этом, космонавт вошёл в Великий Гусляр.

Крайние улицы города застроены одноэтажными домиками с палисадниками, однако по мере приближения к центру дома становятся выше, достигая в самом центре высоты в четыре этажа.

Между домами стоят пережившие антирелигиозную пропаганду церкви, по улицам ездят велосипедисты и мотоциклисты. «Мерседесов» космонавт не заметил, хотя в земных марках машин разбирался отлично.

Направляясь к центру Гусляра, пришелец изучал расположение магазинов и лавок.

Во всех магазинах и лавках космонавт подолгу замирал перед прилавками, разглядывая товары и стараясь понять, какие из них пользуются спросом, а какие не вызывают интереса покупателей.

Наконец он убедился в том, что никто не покупает кофейный напиток «Бодрое утро», изготовленный из экологически чистых продуктов: желудёвой муки, жжёной коры боярышника и некоторых других любопытных компонентов. Пожалуй, этот продукт годился для психологического опыта.

Космонавт присел на скамейку в садике, что возле церкви Параскевы Пятницы, и стал смотреть на бегущие облака. Вёл он себя точно как паук, неподвижно и даже лениво поджидающий свою добычу.

Добыча появилась через десять минут в лице запыхавшейся от тяжёлой сумки бабушки, имени которой мы не знаем.

Бабушка просидела молча минуту или две, прежде чем её сосед обратился к ней с вопросом:

– Давление беспокоит?

Бабушка повернула голову и увидела рядом человека скорее молодого, чем зрелого, но того типа мужчин, которые внушают доверие именно пожилым женщинам. Из таких выходят замечательные зятья, но никудышные мужья.

– Давление замучило, – согласилась бабушка. – С утра в голове так стучит и стучит, будто поезд идёт и никак не пройдёт.

– А у моей мамы прошло, как рукой сняло. Сам тому свидетель.

– И что же она делала? – заинтересовалась бабушка.

– Вот не знаю, есть ли у вас в магазинах – средство на первый взгляд странное, можно сказать, никогда не догадаешься, но у моей мамы как рукой сняло.

И тут космонавт замолчал и стал смотреть на облака, будто ничего интереснее в жизни не видел.

– Да вы говорите, говорите, если не скрываете.

– Вообще-то, я дал слово маме никому не говорить. Но вам, чувствуя искреннюю симпатию и сочувствие, я открою тайну.

– Я вам обещаю: никому ни слова! – на всякий случай произнесла бабушка.

Молодой человек уже не слушал её. Словно молитву, словно длинное языческое заклинание, он бормотал:

Растворить в воде горячей
Две-три ложки на стакан.
И считай до сорока:
Суть лечебную обрящешь!

– Как вы сказали? – взволновалась бабушка. Она боялась забыть.

– Вам записать или будем учить? – спросил космонавт. – Кофейный напиток «Бодрое утро».

– Лучше бы записать, память пошаливает.

Космонавт записал четверостишие печатными буквами.

Потом сказал:

– Лучше не кипятить. Доведите до кипения, но не кипятите.

– Поняла. – Бабушка с трудом оторвалась от бумажки. – Две-три ложки на стакан, суть лечебную обрящешь!

Она не видела космонавта. У неё была высокая цель в жизни.

Космонавт пошёл в гостиницу, обольстил дежурную и получил койку в полулюксе. Там жили ещё три человека. Из области.

Не снимая обуви, космонавт улёгся на свою койку и стал думать. Думалось хорошо, потому что в разгар трудового дня никого в полулюксе не было.

Первый шаг, сделанный им, ещё ничего не значил. Даже в случае удачи. Слух, пущенный таким способом, мог заглохнуть, натолкнувшись на нелюбопытного посредника. Следовало придумать следующий ход в том же направлении. Ведь прежде чем пришелец мог при-

няться за основную идею, ему следовало сбить город с толку, раскачать его, как лодку, запутать, как ребёнка в дремучем лесу.

Нужна была следующая нелепица.

– Эврика! – воскликнул пришелец, поднимаясь с койки после получасового раздумья. – Эврика!

Разумеется, слово «эврика» – лишь приблизительный перевод его высказывания.

Пришелец вышел на центральную улицу и стал разыскивать предмет своей следующей диверсии.

Он подошёл к лотку, с которого полная усатая женщина торговала нетипичными для Гусляра фруктами, а именно бананами, ананасами, киви и манго. Три или четыре человека стояли в очереди, не волнуясь, не крича и не боясь, что фрукты кончатся, – такие наступили времена!

Космонавт подождал, пока подойдёт его очередь, выбрал гроздь бананов пожелтее и не стал уходить далеко, чтобы скушать бананы тайком, а, наоборот, вышел к детской песочнице, в которой учились возводить замки малыши. Их мамы и бабушки сидели на лавочках рядом.

Подстелив большой носовой платок, космонавт положил гроздь бананов на лавочку рядом с собой. Потом отломил от грозди один банан и медленно, даже демонстративно очистил его. И делал он это так элегантно, что молодые мамы смотрели на него и подспудно думали: как жаль, что судьба выдала мне в мужья Петю или подсунула Васю. Почему бы ей не подождать и не выдать меня за этого скромного, полного внутреннего достоинства человека?

И тут этот достойный человек в мгновение ока разрушил приятный образ.

Очистив банан, он выбросил в урну сам плод, оставив в руке шкурку. И принялся пожирать шкурку со странной, нечеловеческой жадностью.

Только попрошу не думать, будто космонавту это доставляло удовольствие. Наоборот, космонавт в обычной жизни никогда бы не пошёл на такой извращённый трюк.

Некоторые мамаши начали ахать, другие отворачивались. А космонавт думал, что для следующего эксперимента ему следует взять куриные яйца. Можно очень эффектно выливать содержимое себе под ноги и хрустеть скорлупой.

Мамаши разочарованно молчали, а чья-то бабушка, держа в руке пачку напитка «Бодрое утро», направилась к пришельцу, чтобы сделать ему внушение. Но сделать внушения она не успела, так как её обогнала девочка Вера трёх лет. Девочка Вера подошла к дяде, который ел кожуру банана, и сказала:

– Ты дурак, да?

– Нет, – ответил космонавт, с радостью прислушиваясь к тишине, упавшей на садик. – Я не дурак.

– Зачем ты кожуру кушаешь? Надо кушать банан.

– Ты не права, девочка, – ответил космонавт. – Я ем то, что полезно.

– Тогда ты ешь, что полезно, а мне дай, что неполезно. – И девочка Вера показала на остальные бананы. Тут её мама, приятного вида, склонная к полноте крашеная блондинка, подбежала к пришельцу, подхватила Верочку и потянула её прочь, сказав при этом:

– Вы уж простите ребёнка, она у меня такая впечатлительная.

– Вот, – сказала бабушка с пачкой «Бодрого утра». – Так вот детей портют. Показывают им какие-нибудь глупости, а они повторяют.

– Ах, – удивился пришелец, – вы, наверное, не читали книги профессора Полежаева «Живите долго, живите с удовольствием»?

– Нет, не попадалась, – сказала бабушка, с некоторым ужасом глядя на то, как молодой человек очистил второй банан, снова выбросил серединку, а жуёт шкурку.

– Там чёрным по белому сказано на основе статистики. Именно кожура банана обладает удивительным омолаживающим эффектом. Люди, регулярно принимающие по четыре кожуры ежедневно перед едой, не только приобретают, извините, удивительную потенцию в любви, но и все морщины на них разглаживаются, не говоря о надпочечниках.

– Вот уж, – сказала бабушка с презрением, – люди скажут!

– А вот вы попробуйте купить в Японии банан! – сказал космонавт. – Да что в Японии – поезжайте в Москву. У нас там за бананами с вечера очереди выстраиваются.

– Ну уж и вправду... – пропела бабушка.

Одна из мамаш потянула своего ребёночка к выходу из садика.

– Ты куда, Дуся? – спросила её товарка.

– Так пора уже, у меня Георгий через полчаса прийти на обед должен.

И сказала она это таким лживым голосом, что остальные поняли – Дуся спешит скупить все бананы.

Понял это и космонавт, который ласково кинул вслед Дусе:

– Помногу кожуры зараз опасно! Может произойти катастрофическое омоложение организма.

Со свойственной русскому народу отзывчивостью Дуся крикнула в ответ:

– Не учи учёную!

Этот крик как бы послужил сигналом прочим женщинам собирать своих детей и покидать садик.

Последней ушла бабушка, прижимая к груди пачку «Бодрого утра».

Космонавт вытянул ноги в купленных с утра ботинках фирмы «Саламандер», о чём давно мечтал, и, потянувшись, стал придумывать новую каверзу для гуслярцев.

Следовало охватить опасными слухами иные слои населения.

Для этого космонавт пошёл к винному магазину.

Прошли те времена, когда за водкой люди давились, убивали друг друга. Теперь её – залейся.

Но, несмотря на это, у гуслярских любителей спиртного есть прочная память о местах, с которыми связаны светлые воспоминания. Главное такое место – винный отдел гастронома № 1. И чего сюда только не привозили! И чего здесь только не выбрасывали, и за чем здесь только не давились! Святое место. Разве можно покупать теперь водку в другом магазине, даже если она везде без очереди?

– Что любопытно, – сказал космонавт, обращаясь к людям у витрины, – что любопытно, так это нарушение технологии.

– А в чём дело? – недоверчиво спросил человек с детским прозвищем Красноносый Олень.

Сейчас не время и не место объяснять, при каких драматических обстоятельствах Вениамин Уткин потерял своё имя и приобрёл индейское прозвище.

– Газеты читать надо, – сказал космонавт строго. В этой аудитории приходилось говорить строго, другой речи многие не понимали.

– В газетах ничего уже нет, – заметил Погосян. – Газеты все продались.

– А «Экспертизу» вы читали? – спросил, не смущаясь афронтом, пришелец.

– Это какую такую экспертизу?

– В «Экспертизе» – приложении к «Известиям» сказано, что сейчас по всему миру ищут виноватого. Из-за конкурентной борьбы водка «Российская» уже вторую неделю выпускается на два градуса крепче, чем раньше. В ней, вы мне не поверите, сорок два градуса!

– Врёшь, – сказал тогда Красноносый Олень. – Я вчера её пил. Водка как водка.

– То-то тебя вчера в канаве видели, – заметил Погосян.

– Вот видите, – сказал пришелец. – Не выдержал товарищ. Вы же понимаете, что не водка важна. Лишний градус – вот что человека ломит!

– А то! – сказал человек из толпы.

– «Российская», – сказал пришелец, – но не любая «Российская», а только с зелёной этикеткой.

Тут мимо прошли две девушки, которые на ходу, оживлённо беседуя, жевали шкурки бананов. Зрелище было настолько необычным, что собеседники на минуту забыли о водке, а космонавт порадовался тому, что его действия уже начали приносить плоды.

– На два градуса, говоришь? – спросил Погосян, человек доверчивый и простой. – Это что же получается?

– А получается, что ты выпил литр. А на самом деле не литр, а литр и пятьдесят грамм, – пояснил человек из толпы.

– Бесплатно? – спросил Красноносый Олень.

– Вот именно, – сказал пришелец и отправился дальше смущать город подобно дьяволу, хотя, конечно же, дьяволом он не был, а был самым простым бухгалтером, который нечаянно попал на чужую планету и должен был с неё улететь.

Беспокойство, царившее в человеческом муравейнике, космонавта радовало. Его прикидки оказались правильными, интуиция его не обманывала. Но, для того чтобы нанести городу Великий Гусляр последний сокрушительный удар, требовались время и дополнительные мозговые усилия.

Любой город, как живой организм, обладает венами и артериями. Это улицы. А наполнение их – кровь города, его обитатели. Направление потоков всегда определённо и полезно. Утром люди несутся на работу, заполняя артерии и средства транспорта, днём неработающие и работающие ходят по магазинам, вечером по венам стекаются к своим жилищам, а потом порой покидают их снова, совершая вылазки в кино или на дискотеку.

Пришелец же занимался тем, что эти потоки перекраивал, чтобы организму стало невмоготу и он запутался в действиях своих эритроцитиков.

Дикая очередь, как тромб, собралась у двух магазинов, в которых обнаружился кофейный напиток «Бодрое утро». Опустошив ларьки с бананами, толпа женщин, в основном молодых, скопилась у речной пристани, потому что им сообщили, что там, в слободе Заречной, в ларьке у Кавиньякяна ещё остались бананы.

Мужчины носились от лотка к лотку, разыскивая «Российскую» в сорок два градуса крепостью.

Оставались неохваченными дети.

– Сегодня, – сказал пришелец, наклонившись к третьекласснику, – в клубе речников будут показывать восемнадцать серий про черепашек-ниндзя, но бесплатно.

Так что к обеду во многих семьях не дождались своих родных мальчиков и девочек.

Ну а пожилое поколение мужского пола?

Для них пришелец не пожалел денег, купил корзину белых грибов, для чего пришлось опустошить весь рынок, затем встал на автобусной остановке в самом центре и каждому интересующемуся выдавал бумажку с планчиком. А на планчике было показано, где расположены буераки, в которых космонавт якобы собирал белые грибы, которых там осталось на два грузовика.

Последним ударом того утра было сообщение, сделанное пришельцем Корнелию Удалову. Хотя пришелец, конечно же, не догадывался, что имеет дело с самим Корнелием Удаловым, которого на дешёвой иноземной мякине не проведёшь.

– Странно, – сказал он, подойдя к Удалову, который ждал автобуса на углу Пушкинской. – Я такого ещё не видел.

– Чего не видели? – из вежливости откликнулся Удалов.

– Такого всплеска. Двадцать лет рыбачу, но чтобы так плеснуло – даже не представлял, что это возможно.

Каким шестым чувством пришелец угадал, что Удалов – завзятый рыболов, неизвестно. Но Удалов сразу насторожился.

– Где? – спросил он.

– Да вон там пруд. Видите – церковь, а за ней пруд.

– Да что вы! – засмеялся Удалов. – Какой ещё всплеск? В том пруду только лягушки водятся.

– Странно, очень странно, – подумал вслух космонавт. – Я на берегу сидел, а он прямо у моих ног прошёл.

– Кто?

– Сом. Небольшой, метра полтора, но я его видел собственными глазами. Не был бы я здесь проездом, взял бы спиннинг и порадовал бы семью славным уловом. Благо что далеко ехать не надо.

Тут подошёл автобус.

Удалов, который этого автобуса ждал, остался стоять на мостовой и хлопать глазами, а пришелец спокойно вошёл в автобус, где повторил рассказ о соме двум молодым бездельникам, которые подняли пришельца на смех, а на следующей остановке соскочили.

Так что когда Удалов, поборов в себе сомнения, прибежал к пруду с удочкой и сачком, на берегах его, словно лягушки, сидели двадцать шесть рыболовов разного возраста.

Удалов плюнул, но уселся, раздвинув локтями конкурентов помоложе.

Теперь, когда город пришёл в состояние организма, схватившего свинку в тяжёлой форме, космонавт решился на главный трюк.

От этого зависела его судьба.

И судьба зависела от того, готов ли Великий Гусляр добровольно кинуться в пропасть позора и унижения.

Здесь ошибок быть не могло. Космонавт, как и сапёр, имел право лишь на одну ошибку. И она может стать роковой.

Ему были нужны мужчины. В расцвете сил.

Мужчины стояли возле стадиона «Речник» и лениво рассуждали о шансах одноимённой футбольной команды. До начала матча оставалось более получаса. Сначала космонавт прислушался к беседе. Беседа, как он и рассчитывал, не имела к футболу никакого отношения.

Разговоры в семьях, поражённых недугом сплетни и слуха, запутанных в паутину сомов, банановых шкурок, напитка «Бодрое утро» и ещё трёх или четырёх мероприятий, запущенных инопланетянином, проходили на редкость однообразно, но эмоционально и закончились не в пользу мужчин. И мужчины совершенно потерялись, верить или не верить. А кому верить? Очень хотелось верить. Русскому человеку всегда хочется верить, и всегда находятся люди, которые говорят ему: «Верь мне, Иван Иванович! Я те укажу!»

– Но что интересно, – вмешался в разговор космонавт, – Удалов таки сома в пруду взял! Метр двадцать. Я видел.

– Двух сомов, – поправил космонавта мужик в синем тренировочном костюме.

– И щуку, – сказал третий.

– Щуки не было, – сказал человек в синем костюме. – Я его видел. Два сома и осётр.

– Да какой осётр! – озлился юноша в американской каскетке. – Откуда в той луже осетру быть! Там одни пиявки водятся.

– И что, сома не взял, сома не взял? – разозлился человек в синем.

– Ну, сома взял, – признал парень, чтобы не схлопотать по затылку.

– Это что, – остановил его жестом бывший спортсмен с лиловым лицом пьяницы. – А вот машину с белыми грибами видели?

Начался спор. Некоторые видели, другие не видели или не верили.

– А я вот тоже в это не верю, – сказал космонавт громко, так что остальные замолчали. – Хоть я и приезжий, но меня удивляет, сколько всякой чепухи про вас люди распространяют. Честно говоря... – Тут космонавт запнулся, вытер вспотевший лоб, и все окружающие вдруг поняли, что если до этого незнакомец и не врал, то намеревается врать. – Честно говоря, я боюсь – пойду завтра на болото за редкими растениями, а кто-нибудь у вас вспомнит эту глупую сказку и за мной увяжется. А я не выношу некомпетентных попутчиков. Не потому, что золота жалко, нет, не жалко мне золота, а вот некомпетентности не выношу.

С этими словами пришелец повернулся и пошёл прочь, а все болельщики, числом более двадцати, кинулись за ним и, окружив, отрезали ему пути к отступлению.

– Я вас попрошу, – сказал человек в синем тренировочном костюме, явный лидер по психологическому типу. – Какие такие редкие растения?

– Руки прочь! – воспротивился допросу инопланетянин.

– А ты документ покажи на редкие растения! – кричал мужик, метр с кепкой, борода из ушей.

– Из ЦРУ он, из ЦРУ!

Космонавт с удовлетворением отмечал, что разнообразие и сила слухов растут на глазах. Завтра весь город будет говорить, как агента поймали – воду в пруду травил, плевал в колодцы.

– Да какие растения! – вздохнул, сдаваясь, незнакомец. – Конечно, я за канистрой приехал. За канистрой от бронепоезда.

– Говори! – строго приказал мужчина в синем. Остальные быстро и мелко дышали.

– Только чтобы никому ничего! – велел космонавт. – Это сами понимаете.

– Понимаем, понимаем, как не понять, – поспешили с ответом слушатели.

– В революцию в болото кинули. Вывозили на бронепоезде казну Северного фронта. Но красные настигали. Понимаете? Они туда, красные – туда! Они сюда, красные – сюда! И тогда генерал Миллер приказал кидать канистру в болото!

– Повторите фамилию генерала, – попросил старичок, похожий на лабораторную белую мышку. Он держал блокнот и хотел записать.

– Только без записей! – предупредил космонавт, и соседи накинулись на старичка, отобрали блокнот, а самого его выгнали пинками из группы окружения.

– У меня карта есть, – сказал инопланетянин. – Кто смотреть хочет? Только чтобы один.

– Я буду смотреть, – сказал человек в синем.

– Нет-нет, выборы! Надо выбирать делегатов! – возразил метр с кепкой.

– Вот карта, – сказал космонавт и достал из кармана заранее заготовленный листок.

Он стал объяснять по листку, в какой части болота лежит канистра с золотом, остальные подглядывали через плечо пришельца, сопели, но ничего не понимали.

– Ты нас веди, – сказал старичок из заднего ряда.

– Зачем же я вас поведу? – удивился пришелец. – Мне экскаватор нужен, а не толпа оболтусов. Мне лопаты нужны, насосы. Мне техника нужна!

– Так техника туда не пройдёт! – крикнул метр с кепкой.

– Посмотрим, – сказал пришелец. – В случае чего по трупам.

Это заявление многих воодушевило. Значит, вождь им попался серьёзный.

– А ведь точно, – сказал старичок из заднего ряда. – Помню, были такие разговоры в двадцатые годы. Я тогда ещё был пацаном, но помню.

Не прошло и часа, как с шоссе на восьмом километре съехали на просёлок экскаватор, три самосвала, ассенизационная машина с большой гофрированной трубой, чтобы отсасывать жижу, автокран, газик, а за этой собранной непонятно откуда и непонятно как техникой спешили пешеходы с лопатами, граблями и садовым инвентарём.

Машины завязали в грязи на просёлке, люди вытаскивали их на плечах, ухали, матерились, боролись, но не сдавались. Казалось, они форсируют Днепр. Но не получилось бы такого массового ослепления, если бы город не был подготовлен, размягчён, встревожен и приведён в смятение лавиной слухов, которые на него были обрушены.

Пришелец даже не стал вмешиваться в организацию работ. Только показал круглое пятно трясины, где следовало искать канистру, а остальную руководящую деятельность препоручил человеку в синем тренировочном костюме.

Люди выстроились в цепочки. Одни помогали экскаватору рыть отводные каналы, другие вместе с ассенизационной машиной отсасывали жижу, третьи грузили самосвалы. Всем нашлось дело. И все были охвачены тем самым трудовым порывом, в котором человек забывает, ради чего он вкалывает столь самоотверженно. Главное – работать!

Через час трудов над поверхностью болота показалась макушка схожего с гигантским яйцом космического корабля. Все восторженно завопили, понимая, что это и есть канистра.

– Теперь удвоим осторожность, товарищи! – заявил пришелец и приказал экскаватору перенести себя в центр жижи.

Там он под рукоплескания товарищей по труду спрыгнул на свой корабль.

– Удвоим усилия, друзья! – крикнул он. – Конец близок. Сокровища уже почти у нас в руках.

Некоторые стали спрашивать, что он там мелет о сокровищах, ведь ловим осетрину, а другие решили, что сейчас пойдут белые грибы, – много было предположений.

Совершенно спокойно пришелец открыл верхний люк, забрался в корабль, который был уже наполовину освобождён от грязи.

Все настороженно замолчали.

Почувствовав неладное, пришелец высунул голову из люка и крикнул:

– Отойти на двадцать шагов! Мною обнаружена мина! Пока не обезврежу, не подходить!.. Прекратить работы! Ну, кому я говорю – отведите экскаватор, машину, чего доброго, погубим!

Все подчинились, а метр с кепкой крикнул пришельцу:

– Осторожнее обезвреживай, береги себя!

– Береги! – поддержали его разные голоса.

Растроганный пришелец задраил люк, через перископ проверил, нет ли близко зрителей. К счастью, все послушались его – отошли на сухое место, расселись вокруг болотца на корточках.

«Прощайте, друзья!» – мысленно произнёс пришелец.

Космический корабль не сразу, а после минутной схватки с грязью вырвался вверх и, увлекая за собой чёрные потоки болотной жижи, рванул к небу. Ещё через минуту он скрылся из глаз.

Много любопытных историй расскажут вам в Великом Гусляре. Но никогда вы не услышите рассказа о том, как гуслярки жевали банановую кожуру, пили напиток «Бодрое утро», а их мужья ловили осетров в пруду или запускали из болота канистру с золотом.

Правда, нет-нет да вдруг какая-нибудь красотка съест шкурку банана и выбросит сердцевину. А ещё кто-то почти нечаянно опустит леску в пруд. Но это исключения, атавизм.

ОНИ УЖЕ ЗДЕСЬ!

Инопланетянин Коко повадился к Удалову. Он третий день ночевал на шкафу, таился от Ксении, которая гнала его метлой. Ксении не нравились ящерицы, покрытые розовыми перьями.

Космический корабль не сразу, а после минутной схватки с грязью вырвался вверх.

Вечерело. Косые лучи солнца ласкали подоконник, на котором нежился Коко, кося фиолетовым глазом на Удалова, чинившего спиннинг. Из городского парка доносилось хоровое пение: хор речников готовился к юбилею городской пристани.

– Ничего у тебя не получится, Корнелий, – сказал вдруг Коко.

– Ты о чём?

– О твоей мечте. Завтра ты намерен первым катером отправиться вниз по реке, потому что в омуте за Хомутовкой живёт налим-долгожитель. Но с рассвета движение катеров по реке отменяется, пристань превратят в трибуну и эстраду. Пока мероприятие не завершится и не будут спеты все песни, никуда ты не отплывёшь.

– Ну, это ты преувеличиваешь, – возразил Удалов. – До Хомутовки и даже до Раскола, кроме как катером, ничем не доберёшься. Люди по делам, на работу, на рынок ездят.

– Смотрю я на тебя и удивляюсь. – Коко потянулся, почесал коготками гладкий животик. – Знаешь, что я прав, а всё равно завтра попрёшься на ту пристань, будешь надеяться, что здравый смысл восторжествует. Что хоть один катер отправят вниз по реке.

– Но зачем все катера отменять? – воскликнул Удалов. – Почему из-за пустого юбилея людям столько неудобств?

– Потому что другим людям на этих людей наплевать.

– Но это неправильно! Об этом по радио теперь критикуют.

Коко мелодично засмеялся.

– Я в школе учил, – продолжал Удалов, – человек человеку друг, товарищ...

– И волк, – нахально вмешался Коко.

– Пришибу, – сказал Удалов. – Надоел ты мне. Никакой ты не галактический брат, а просто провокатор и демагог.

– Ругаться легче лёгкого, – возразил Коко. – Ты ругаешься, чтобы поменьше думать. Потому-то вы, люди, и станете лёгкой добычей...

Но чьей добычей, Удалов не услышал, потому что со двора грянула музыка. Это пришёл из техникума подросток Гаврилов и включил на полную мощность японскую систему.

– Этого ещё не хватало! – возмущался Удалов, закрывая окно. – Сам оглохнет и других изуродует.

– А ему наплевать, – сказал Коко.

– Это что, болезнь?

– Болезнь? – Коко поглядел на Удалова в упор и прикрыл глаза шершавыми плёнками. – Да, это болезнь. Хуже СПИДа.

Уголки узкого рта пришельца загнулись кверху – он улыбнулся.

– Ты что-то знаешь?

– Знаю.

– Признавайся.

– Не могу, подписку давал.

– Где?

– На моей планете.

– Как же ты мог подписку на своей планете давать, если это наша, земная болезнь?

Коко вздохнул.

– Люблю я тебя, Удалов, – сказал он. – И ты меня терпишь. Хочешь, правду скажу? Только в обморок не падай.

– Говори.

– Происходит инопланетное вторжение, – сказал Коко.

– Это кто же вторгается?

– Есть желающие.

– Коко, не темни!

– Мы давно собирались Землю завоевать. Искали разные пути. Ведь мы кто? Гуманисты. Не хотим мы вас бомбами закидывать. Всё должно быть культурно. Пришлось нам в людей внедряться.

– Не понимаю.

– Чего тут непонятного? Внедрится, допустим, в подростка Гаврилова наш агент. Тот об этом и не подозревает. И не замечает, как заболевает страшной и неизлечимой болезнью. Название её слишком научно, чтобы ты понял. Смысл его можно перевести словом «наплевизм». К примеру, решил кто-то поставить галочку в отчёте и устроить юбилей речной пристани. Для этого он сорвал с учёбы весь речной техникум и заставил учащихся три дня подряд репетировать в городском парке хоровое пение и ходьбу строем. Потом деньги, что выделены на ремонт общежития, он пустил на изготовление трёх тысяч цветных флажков и двадцати лозунгов общей длиной четыреста метров. Закрыл движение по реке. Ещё много чего совершил, ко всеобщему неудобству.

– Нет, – сказал Удалов. – Ты шутишь. У нас это давно наблюдается.

– Мы тоже не первый год внедряемся.

– Но зачем? Что за смысл?

– Ослабляем сопротивляемость. Кто свяжет рядового наплевиста с инопланетным вторжением? Скажи ты кому об этом – на смех поднимут. Но уже близко то время, когда все будут заражены. Вас и завоёвывать не надо будет. Сами свалитесь к нам в лапки, как перезрелые груши.

Удалов зажмурился. Куда идти? В какой набат бить?

– Основной симптом наплевизма – полное несоответствие масштаба собственной выгоды и конечного катастрофического результата. Допустим, страдающий наплевизмом чиновник подписывает бумагу об уничтожении какой-нибудь речки, а то и моря. В каких масштабах он мыслит? В мелких. Он же больной, он же держит в голове только премию в сколько-то рублей, которую получит за новое начинание. А на то, что миллион человек без воды останется, что миллион голов рыбы подохнет, ему наплевать.

– Нет, – сказал Удалов. – Не может быть, чтобы вы это издалека спланировали. Это наше, родное. Газеты читай.

– Не веришь – не надо, – сказал Коко. Он спрыгнул к холодильнику, открыл его, вытащил бутылку кефира, коготком прорвал крышку

и стал пить из горлышка. – Ещё десять лет, и наплевисты вас по миру пустят. И тогда мы голыми лапками...

– Погоди, – сказал Удалов. – А как отличить, кто заражённый, а кто свой?

– Отличить можно. У них взгляд особый. Вовнутрь. И некоторая заторможенность движений. Ведь наплевист, сам того не зная, всё время ждёт приказа от внедрённого паразита.

Тут хлопнула дверь, вошла Ксения. Коко сиганул на шкаф, и разговор прервался.

Но он оставил в душе Удалова глубокую рану. Даже когда Ксения погнала мужа за хлебом и маслом, он ни о чём другом, как о космической угрозе, думать не мог. Смотрел на прохожих с недоверием, заглядывал им в глаза и верил инопланетному мерзавцу и не верил.

По улице ехала поливальная машина, поравнялась с толпой, что ждала на остановке автобус, и облила людей. Люди ругались, прыгали во все стороны, а Удалов заглянул в кабину: какой взгляд у водителя? Взгляд ему показался направленным вовнутрь. Вошёл Удалов в магазин, продавщица давно ушла куда-то, люди волновались, звали. Наконец продавщица вернулась, в ответ на сетования очереди рявкнула что-то, но показалось Удалову, что с опозданием, словно дождалась приказа внедрённого пришельца. И с каждой минутой Удалову становилось всё горше.

Он вышел на улицу. Мимо с хоровой песней нестройно шагала колонна речников. И взгляды у них... нет, чёрт побери! Взгляды разные, старался убедить себя Удалов.

Дорогу ему преградил поток. Прорвало трубу. Из неё хлестало. Водопроводчики сидели поодаль, пили лимонад.

«Сейчас подойду к ним, – сказал себе Удалов, – и прямо скажу: вы же больные люди. В вас внедрили наплевизм. Давайте вместе бороться. А что они мне ответят? Ох как они мне ответят!» Удалов ускорил шаги и миновал водопроводчиков, так ничего и не сказав. «В конце концов, – убеждал он себя, – что мне, больше всех нужно? Я же ничего не могу поделать. Плевал я...»

Услышав собственную мысль, Удалов замер от ужаса.

Потом сделал два шага, подошёл к большой витрине, заглянул в неё. Какой у него взгляд? Вовнутрь или наружу?

Ничего не разберёшь.

Сверху донёсся мелодичный смех. На крыше табачного киоска сидел пришелец Коко и смеялся.

– Пошутил я, – сказал он. – Не бойся. Ваше это. Ваше. Родное.

РАЙОННЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ ПО ДОМИНО

Маленькие смерчики катились по пыльной улице, долетали до мощных лип у входа в парк и рассыпались бесследно. Ветер был горячим, бюро прогнозов намекало, что он пришёл из Африки в составе циклона. Корнелий Удалов отбегал от смерчиков, жался к штакетнику, Саша Грубин шагал прямо, смерчам не кланялся, а только отмахивался от них, если вставали на пути.

– Опасаюсь, – говорил Удалов, – Горюхин подведёт. От хорошего удара стол пойдёт в сторону.

– Разберёмся, – отвечал Грубин. – Убедим.

Над их головами репродуктор рассказывал о больших потерях обеих сторон в клубийско-варийской войне, которая достигла опасного накала.

– Мы не можем ударить в грязь, – говорил Удалов. Он волновался. Он снял кепочку и вытер ею лысину. – Двенадцать команд. Лучшие таланты района – что они подумают об организаторах?

– Разберёмся, – отвечал Грубин.

Они вошли в парк. Сразу стало прохладно, ветер унялся.

Впереди слышались глухие удары.

Аллея некоторое время шла по берегу реки, и с реки доносился кислый запах – фабрики и заводы вышестоящих городов спускали туда лишние отходы.

На поляне возле эстрады для танцев работал паровой молот. Перед ним лежали на земле деревянные просмолённые сваи длиной метров по шесть. Некоторые уже были вбиты в землю так, что наружу торчали лишь столбы в метр высотой. Паровой молот замер. Стало тихо.

– Иваныч! – крикнул из кабины усатый молодец Горюхин. – Земля. Порода плотная идёт. Пересчитывай коэффициент.

– Вот, – сказал Удалов Грубину, подходя к ближайшему столбу и пытаясь пошевелить его. – Не доверяю я Горюхину.

Грубин тоже потрогал столб. Потом два других, которые были вбиты в землю рядом.

– Один бы не выдержал, – произнёс он. – По четырём удар распределится.

– Ты забыл, как забивает Драконин из Тотьмы? Его удар в области знают! Он на прошлых поселковых играх стальной лист прошиб. Рассматривают вопрос, чтобы ему играть в боксёрских перчатках.

– А он?

– Отказывается. Как ты кости в перчатках удержишь?

Горюхину обещали премиальные, но удаловские сомнения не рассеялись. Он боялся ударить в грязь лицом перед гостями из дальних пределов Гуслярского района.

Доски с пилорамы ещё не привезли. Доски будут двухдюймовые, поверх них – стальной лист.

На полу танцевальной эстрады местный художник делал плакат «Привет участникам всерайонных соревнований по домино!» Буквы были метровые – плакату висеть на центральной площади.

Удалов постоял за спиной художника. Налетел ветер, стал рвать концы фанерного щита, пришлось зевакам, которых набралось немало, сесть на углы и держать их.

Пошёл снег. Сразу похолодало. Видно, африканский циклон сменился циклоном из Норвегии. Так уже было на прошлой неделе.

– Если климатические условия будут неблагоприятными, – сказал Грубин и задумчиво запустил пятерню в буйную шевелюру, – надо будет искать резервный вариант.

Они подошли к трибунам, которые сколачивали плотники.

– Может, сделаем навес? – спросил Удалов.

– Ассигнований не выбить, – заметил Грубин.

– А если всенародную подписку?

– Уже две провели. Народ устал. И времени до завтра не осталось.

– Обойдётся, – сказал тогда Удалов. – У нас всегда обходится.

Крупные хлопья снега пригибали к земле траву. Один из пыльных смерчей, странным образом прорвавшись сквозь стену деревьев, выскочил на поляну и перевернул фанерный лист с лозунгом, разметав по сторонам художника и зевак. Художник ругался. Краска текла по доскам.

– Возьми себя в руки, – посоветовал художнику Удалов.

Они с Грубиным, пригибаясь, чтобы не снесло ветром, поспешили дальше, к летней читальне, где ждали команды и приближённые болельщики.

Все сидели за столиками. Удалов прошёл вперёд и обернулся.

Все они – соратники, бойцы, закалённые, с мозолистыми ладонями, острым взглядом, умением считать до ста и далее, знатоки дебютов и эндшпилей, известные мастера «рыбы».

– Столы будут в срок, – объявил Удалов.

За окнами стемнело. Надвинулся неожиданный буран. По стёклам колотило снегом, градом и мелкими камнями, что ветер поднял в Кызылкуме.

– Включить свет, – велел Удалов, перекрывая аплодисменты.

Свет не загорелся – провода были оборваны. Звенели, рассыпаясь, стёкла.

Никто не покинул зал.

– Получены заявки двенадцати команд! – кричал Удалов, перекрывая грохот бури. – В большинстве они не страшны. Но нельзя скидывать со счетов Драконина и Змиева из Тотьмы.

Раздался свист болельщиков, сильнее свиста ветра.

– Но обе наши команды, – продолжал Удалов, – мы с Грубиным...

Аплодисменты.

– ...и Ложкин с Погосяном...

Бурные аплодисменты.

– ...готовы и не страшимся.

Гром аплодисментов.

Обратно они возвращались под проливным дождём. Было тепло. С неба изредка падали лягушки. Барометр, который уже сто лет висел на базарной площади, лежал в грязи: он упал так низко, потому что свалился со столба.

– Природа нам сильно мешает, – произнёс с досадой Грубин.

– Природу будем игнорировать, – сказал Удалов. – Нам некогда отвлекаться. За деталями опасно забыть о большом.

Когда Удалов пришёл домой, там царило плохое настроение.

Виновато было телевидение. Оно сообщало, что отступающие клубийские войска нанесли атомный удар по варийской столице. Есть многочисленные жертвы. Радиоактивное облако распространяется в сторону Европы.

Удалов искренне посочувствовал варийцам. Но главная проблема была в том, что горкоммунхоз мог выделить лишь тринадцать номеров в гостинице «Гусь». Два двухместных, остальные четырёхместные. Можно поставить ещё несколько раскладушек. Всё равно болельщикам и гостям не хватит. Они съедутся из Глубокого Яра, из Муравьёв и из Матейки.

Пришёл пенсионер Ложкин, он был не в форме – мучило давление. Удалов ему объяснил, что в такой момент преступно думать о здоровье. Старик возражал, ссылаясь на сообщения газет о том, что слой ионосферы над Антарктидой совершенно истощился и космические лучи беспрепятственно достигают Земли, губя флору и фауну. Удалов доступно объяснил, что с ионосферой справятся ответственные международные организации. У нас другие задачи. Впервые за всю историю Великого Гусляра городской команде брезжит надежда стать чемпионами района. Ложкин был сражён и пошёл к себе кушать валидол.

Бывает, судьба ополчается на идею. Об этом написано в некоторых биографиях великих людей. Но сила духа заключается именно в том, чтобы провести чёткую грань между важным и неважным, принципиальным и мелочами, основной целью и боковыми проулками.

Взмокший, еле живой велосипедист из Глубокого Яра постучал в дверь Удалова в десятом часу вечера. Он сообщил, что переполненная

промышленными отходами речка Коровка залила посёлок, отрезала его от цивилизации. Отбытие команды Глубокого Яра на соревнования под угрозой. Команда сидит на крыше клуба, держа над головами шкатулки с фирменными костяшками. Удалов обещал с утра послать к Глубокому Яру буксир. Обнадёженный велосипедист укатил в ночь. Он был из породы скромных героев.

Удалов не спал. На столе приглушённо бормотал приёмник. Удалов не выключал его, потому что надеялся, что радио сообщит о соревнованиях. Радио говорило о заносах на Гавайских островах и заседании ООН. С клубийско-варийского фронта новых сообщений не было, лишь спутники уловили ещё ряд ядерных вспышек. В конце новостей представитель бюро прогнозов попросил прощения у слушателей, так как предсказать погоду на завтра он не сможет. О соревнованиях ни слова.

К трём часам ночи началось землетрясение. Оно было несильным, но длительным. Многие в городе проснулись. Удалов беспокоился, как переносит его Ложкин.

В семь утра Удалов пошёл через город к Синюшину. Тот играл в домино ещё в период первых пятилеток и скрывал дома ценные дебютные заготовки. Удалов рассчитывал, что сейчас, в решающий в жизни Великого Гусляра момент, пенсионер пойдёт навстречу.

Удалов добирался до цели более часа. За ночь в некоторых местах намело барханы песка, в других – сугробы. День всё не начинался, деревья стояли голые, возле них – вороха листвы.

Синюшин долго не открывал – он отсиживался в подвале. Он был закутан в одеяла, поверх них – покрывало, сшитое из пластиковых мешков. Удалов напомнил, почему пришёл. Сказал, что присутствие Синюшина на открытии игр обязательно. Старик рассердился и побрёл обратно в подвал.

Удалов спустился за ним.

– Эвакуация скоро будет? – спросил старик.

– Об этом потом, – сказал Удалов. – Где дебютные заготовки? Без них Драконова – Змиева не свалить.

Старик не понял. Ему хотелось узнать про ядерную зиму. Удалов держал себя в руках. Главное было не рассердить старика.

Когда старик выбился из сил, Удалов отнёс его на руках наверх, к заветному сундуку. Старик сдался.

Обратный путь домой занял два часа, потому что упали многие деревья и телеграфные столбы. Пришлось перебираться через опрокинутый бурей автобус. Радиоактивное небо светилось зелёным.

Удалова беспокоило, доберутся ли люди из Матейки: дорога туда просёлочная. Может, послать навстречу трактор?

Пока Удалов переодевался и искал галстук, к нему поднялся Грубин. Грубин был при полном параде. Сзади на пиджаке было пришито: «Грубин № 2», «Великий Гусляр». Грубин сообщил, что Ложкин плох, но готов сражаться. Они положили Ложкина на раскладушку и понесли. Ложкин прижимал к груди дебютные заготовки Синюшина.

По дороге остановились у гостиницы. В гостинице было пусто. Администратор исчез. Прошли по номерам. В некоторых ещё были целы стёкла.

Из одного номера доносился слабый крик. Когда отгребли песок от двери, нашли там болельщика из Тотьмы.

Вышли на улицу. Похолодало. Откопали раскладушку. Ложкин окоченел. Пришлось растирать его снегом. Удалов страшно волновался, потому что надвигался момент открытия, а неизвестно, где оркестр. К тому же предстояло разместить на трибунах почётных гостей.

На базарной площади образовалась гора. Земля вздрагивала и шевелилась. Ложкина пришлось переносить через трещину неизвестной глубины.

Уже возле парка догнали оркестр. Это были настоящие музыканты и болельщики. От оркестра остались скрипка и литавры. Далее шли, держась друг за друга. Совсем стемнело, и с неба срывались метеориты.

Настроение было приподнятое. Хотелось петь и смеяться. Удалов был почти убеждён, что команду Драконова – Змиева они одолеют.

По парку идти было трудно, потому что большая часть деревьев уже упала. Раскладушку бросили. Поддерживаемый товарищами и величием момента, Ложкин брёл сам.

У поляны их встретил Погосян, могучий человек, напарник Ложкина. Надпись на его спине оторвалась и металась под ветром, как белый флаг.

– Доложи, – попросил Удалов.

– Болельщики раскапывают столы, – сказал Погосян. – Хорошо, что оркестр привели.

К тому времени от оркестра остались только литавры, скрипку потеряли в буреломе.

– Драконов прибыл? – спросил Удалов.

– И Змиев тоже, – ответил Погосян. – У Змиева сломана рука.

– Надеюсь, не правая?

– Нет, левая, всё в порядке. Какие новости в городе?

– В городе всё в порядке. Город живёт ожиданием матча, – ответил Удалов.

Буря стихла. Выглянуло багровое солнце.

Природа переводила дух.

Болельщики – их набралось больше дюжины, хотя Удалов рассчитывал на большее, – уже прокопали в снегу и грязи траншеи к столу. Стол понадобится один: как оказалось, команды из Матейки и Глубокого Яра прибыть не успели. Может, прибудут позже.

Команды сели так: Ложкин напротив Погосяна, Драконов против Змиева. У Змиева левая рука была в лубках, он морщился от боли, но в глазах горел огонь. Драконов был, как всегда, мрачен и уверен в себе.

Удалов судил первую партию. Грубин ему ассистировал.

Решили, что победители будут сражаться с парой Грубин – Удалов.

Багровое солнце смотрело сверху.

Расклад оказался удачным для Ложкина.

Он ударил по столу первым.

Ледниковый щит Гренландии сполз на юг, и Атлантический океан хлынул на сушу. Луна сорвалась с орбиты и быстро пошла в открытый космос.

Погосяну пришлось пропустить ход. Драконов так рубанул по столу дублем тройки, что шестиметровая свая ушла сантиметров на десять в землю. Болельщик из Матейки кричал «ура!». Он болел за Драконова.

Густой зеленоватый туман окутал эту сцену.

Партия шла к концу, но исход её всё ещё был неясен.

К сожалению, небольшой вулкан, проснувшийся именно в районе парка, неожиданно взорвался. Сваи, игроки и судьи полетели в разные стороны.

Удалов очнулся на берегу моря – солёные валы били в берег. Атлантический океан добрался до Великого Гусляра.

Удалов помог подняться Драконову.

Они отступали от моря, стараясь не попасть под извержение вулкана.

– Доиграем завтра, – улыбнулся Удалов.

– Я расклад помню, – сказал Драконов. – У меня всё записано.

И они поползли искать соратников.

ПОЙМИ ТОВАРИЩА!

В последние дни в Великом Гусляре много говорили о том, что местная футбольная команда «Лесообработчик» имеет шансы попасть во вторую лигу. Со времён создания футбольной игры в Великобритании, когда рыцари играли черепами врагов на поле под Гастингсом, такого в Великом Гусляре ещё не случалось.

Некоторые полагали, что причина успехов гуслярской команды кроется в том, что она перестала опираться на варягов, а привлекла в свои ряды талантливую местную молодёжь, другие уверяли, что заслуга в том нового тренера Храбродеева, выпускника областных курсов, патриота родного края, который сам вырос на Пушкинской улице над рекой Гусь, здесь играл на травяной лужайке, отсюда сделал шаг в большой спорт, что выразилось в том, что он играл два сезона в первой лиге в составе костромской команды.

По мере того как «Лесообработчик» совершал медленное, но уверенное восхождение по ступенькам турнирной таблицы, разгромив тотьминскую «Стрелу», смешав с пылью (окончательный счёт встречи 7:0) «Восход» из Лесного Бора и добившись почётной ничьей с вологодским «Водником», трибуны гуслярского стадиона всё теснее наполнялись болельщиками. Сборы были столь велики, что всей команде заказали импортную форму. Даже те горожане, кто и не подозревал ранее, что футбол уже добрался и до Великого Гусляра, стали останавливать на улице знакомых вопросом:

– Как травма у Ниткина?

Или ещё проще, фамильярнее:

– Ножка у Володи выпрямляется?

Ниткин был нужен, очень нужен в решающих боях. Настолько нужен, что, когда из Котласа приехал охотник до чужих талантов тренер-администратор Вец, его выследили, вываляли в смоле и перьях и с позором вынесли из города. Правда, Ниткин был выше подозрений.

Даже профессор Минц, равнодушный к футболу, что неудивительно, так как знаменитый изобретатель был поглощён глубокими проблемами и ему было трудно выкроить время для посещения стадиона, заинтересовался успехами гуслярской команды. Это не означает, что Лев Христофорович ничего в футболе не понимал. Он разбирался в нём не хуже нормального болельщика, так как, работая и размышляя, любил включать телевизор и краем глаза наблюдать за кипением страстей на зелёном ковре стадиона. А если учесть, что у Льва Христофоровича фотографическая память, можно понять, почему он знал по фамилиям всех игроков высшей лиги, всех звёзд итальянского футбола и даже всех игроков швейцарской команды «Грассхопперс».

Так вот, в пятницу вечером, день был серенький, близкий к дождю, прохладный, к Минцу зашли его соседи Корнелий Удалов и Саша Грубин. Они собирались на стадион и предложили Льву Христофоровичу разделить с ними компанию. Лев Христофорович вздохнул, с некоторым сожалением отложил стенограмму конференции в Касабланке по вопросу о контактах с инопланетными цивилизациями, выключил компьютер, пригладил свою блестящую лысину, натянул замшевый пиджак, застегнул его на тугом животе и сказал:

– В путь, друзья!

Чем ближе они подходили к стадиону, тем гуще становилась толпа. Дорожки парка, на краю которого стоял стадион «Лесные дали», были залиты сплошным потоком людей, в основном мужчин, которые отказались от телевизора, рыбалки, охоты, домино, чтения ради того, чтобы поддержать земляков.

Пришлось минут двадцать стоять в очереди к кассе, но, так как наплыв зрителей был невиданным, а кассирша одна, за три минуты до начала матча директор стадиона махнул рукой и велел пускать всех без билетов. Место нашлось с трудом, в последнем ряду, но, так как рядов на стадионе двенадцать, места можно было считать приличными.

Команда «Солевар» из Мыльниц уже разминалась на поле. Поле в Гусляре хорошее, ровное, зелёное, вытоптанное лишь у ворот. За воротами «Солевара» уже устроился Миша Стендаль, корреспондент «Гуслярского знамени», с фотоаппаратом, а его коллега из мыльницкой районной газеты маялся за воротами «Лесообработчика». И такой расклад понятен, так как фотокорреспондентов интересуют лишь голы, забитые в чужие ворота.

Вскоре под неумолчный гул трибун, под аплодисменты и приветственные крики на поле выбежала команда «Лесообработчик». Зрители знали всех игроков в лицо, и появление Ниткина, как всегда бодрого и подтянутого, очень обрадовало гуслярцев. Тренер Храбродеев, а также запасные игроки, начальник команды и два мецената с лесокомбината уселись на лавочку недалеко от кромки зелёного поля. Судила матч бригада судей из Архангельска, люди строгие, неподкупные.

Свисток судьи возвестил о начале футбольного матча.

С первых же минут игры команда «Лесообработчик» начала давление на ворота соперника. Проходы крайнего нападающего гуслярской команды Ниткина и защитника Ефимова Сергея были острыми и опасными для ворот соперника, и, если бы не неточность завершающих ударов, счёт был бы открыт на первых же минутах. По всему было видно, что «Солевар» избрал выездную, защитную модель игры, рассчитывая на контратаки. Однако защита «Лесообработчика», в первую очередь Ефимов Сергей, свободный защитник и капитан команды, умело прерывала навесные передачи соперников, и усилия мыльницких футболистов выдыхались на дальних подступах к штрафной площадке соперника.

На восемнадцатой минуте первого тайма за снос Ниткина судья назначил штрафной в трёх-четырёх метрах от штрафной площадки «Солевара». Пробил сам пострадавший. Мяч был направлен в левый верхний угол ворот, однако пролетел рядом со штангой. Болельщики горячо поддерживали непрекращающиеся усилия «Лесообработчика», стадион неоднократно взрывался аплодисментами, и порой слышались ободряющие крики. В общем гуле тонули выкрики группы болельщиков из Мыльниц, которые приехали на матч на специальном автобусе и привезли большой транспарант «„Солевар“ – победа». Понятно, каким взрывом возмущения был встречен прозвучавший в момент относительной тишины нетактичный возглас одного из бо-

лельщиков «Солевара»: «Насыплем соли на хвост Бревну!» Неумное прозвище Бревно было придумано болельщиками из Мыльниц.

Если бы дело ограничивалось лишь выкриками и свистом, об этом не стоило бы писать художественное произведение. Однако в действительности вскоре начала складываться драматическая ситуация. Дело в том, что команда из Мыльниц также сохраняла теоретические шансы на переход во вторую лигу, и, как бы ни ничтожны были эти шансы по сравнению с вполне оправданными надеждами гуслярских болельщиков, «Солевар» не намерен был уступать. А так как реальных шансов победить в честной борьбе у команды не было, противники «Лесообработчика» прибегали к запрещённым приёмам.

Особенно доставалось неутомимому бесстрашному Ниткину, и без того лишь недавно оправившемуся после тяжёлой травмы. По крайней мере трижды в течение первого тайма защитники гостей валили его с ног, грубо толкали и норовили пробить щитки носками бутс. Ниткин, будучи настоящим, мужественным спортсменом, поднимался с земли, бил очередной штрафной и вновь занимал место в боевых порядках команды. Ниткин терпел.

Иное дело – болельщик. Болельщики громко требовали, чтобы судья проявил наконец решительность и суровость по отношению к злостным нарушителям спортивной этики. Судья дважды сделал предупреждение защитникам «Солевара», но такие меры их никак не останавливали.

Среди разгневанных гуслярцев не последним был Лев Христофорович. Он даже покраснел от возмущения.

– Таким не место на поле! – кричал он. – Мне стыдно за посёлок Мыльницы!

Многие его понимали и поддерживали. Но положение изменилось после того, как защитник «Лесообработчика» Ефимов Сергей, движимый как заботой о безопасности своих ворот, так и гневом против неспортивного поведения соперников, снёс у самой штрафной площадки нападающего гостей.

Сначала стадион взорвался аплодисментами, так как увидел в действиях Сергея справедливое отмщение. Затем загремел оглушительным свистом. Потому что неумолимый судья, ничего не понимавший в вопросах возмездия, показал жёлтую карточку и Ефимову Сергею, пригрозив, что в случае повторения он удалит его с поля.

Удалов, Грубин и прочие соседи Льва Христофоровича громко осудили решение судьи – и их можно понять. Но Лев Христофорович вдруг поднял свой голос, притом крайне неудачно.

– Грязный футбол, – заявил он, оглядываясь, чтобы как можно большее число людей услышало его филиппику, – всегда грязный футбол! Независимо от того, кто прибегает к таким махинациям. Я как честный человек категорически протестую против того, чтобы превращать красивую, артистичную игру в костоломание. Разве нам интересен результат встречи, если мы узнаем, что молодому, полному сил человеку сломали ноги или повредили мениск?

– Помолчи, лысый, – сказал сосед сверху.

Может быть, дело так и закончилось бы, но тут, как назло, Ефимов Сергей, возмущённый очередным грубым приёмом защитника гостей, свалил того с ног ударом локтя, за что был призван к судье.

Когда Ефимов Сергей, понурив золотую шевелюру, медленно брёл к судье, уже запустившему руку в нагрудный карман, на стадионе воцарилась страшная, удручающая тишина. Нет, никто не хотел верить в самое страшное.

Но самое страшное произошло.

Красная карточка появилась из судейского кармана, и, несмотря на стенания и свист стадиона, несмотря на то, что гуслярские футболисты тесной толпой окружили судью, молили его, просили, уговаривали, Ефимов Сергей был вынужден покинуть поле.

Судьи тоже люди. И очень разные. Бывают судьи обыкновенные. Эти всегда вежливее ведут себя по отношению к хозяевам стадиона. Они понимают, что на стороне команды ещё несколько сот, а то и тысяч взволнованных мужчин, которые не всегда могут совладать с чувствами. К тому же судья не лишён тщеславия. Ему приятнее, когда его действиям (удаление с поля гостя или назначение пенальти в ворота гостей) бурно аплодируют, когда он кажется зрителям молодым и красивым, нежели наоборот. Но бывает и иная категория судей, к которой, к сожалению, принадлежал и судья того матча. Их принципиальность порой докатывается до мазохизма. И чем более яростно их освистывают трибуны, тем отчаяннее они проводят в жизнь свою принципиальность, обрушивая всю тяжесть наказаний на хозяев площадки. Порой кажется, стадион бросится с мест и растерзает такого жестокого судью, а судья будто бы ждёт именно этого, чтобы потом

засудить весь город. Но такого в нашей стране не бывает. Более того, если подобное поведение допустит иностранный судья в международном матче, спортивная газета пожурит его, обвинив в предвзятости и сомнительном социальном происхождении. А местная газета в отчёте о матче никогда не заденет несправедливого судью, так как может обидеться весь судейский корпус, который выше подозрений.

Так вот, когда судья изгнал с поля Ефимова, гнев трибун, не могущий излиться на поле, обрушился на Льва Христофоровича, которого соседи сочли как бы представителем судьи в своих рядах.

Тут как раз наступил перерыв, смотреть было не на что. Минц мог бы, конечно, сбежать, но он, человек гордый и большой учёный, остался сидеть на месте, отдав себя на растерзание противникам.

– Значит, если нас, то да? – спрашивал Удалов, забыв о былой дружбе и респекте. – А если их, то пожалуйста.

– Нас и по ногам, нас и с поля? – наседал Саша Грубин.

И, надо сказать, это были наиболее мягкие, сдержанные обвинения.

В гуле страстей Минц сохранял относительное спокойствие. Порой, пользуясь паузой, он пытался вновь и вновь доказать свою мысль.

– Футбол! – кричал он. – Игра! Как шахматы! В шахматах под столом друг друга ногами не бьют!

После этого поднималась новая волна гнева, кто-то даже угодил Льву Христофоровичу по лысине огрызком яблока. Это, конечно, неприятный факт, но он говорит о накале страстей.

В сущности, все спорщики придерживались, как это бывает в спорах, почти идентичных позиций. Просто момент был неудачен для спокойного обсуждения этих позиций. Все были против грубости в спорте, но гуслярцев возмущал пацифизм профессора, а его – их патриотическая слепота.

Второй тайм матча прошёл при подавляющем преимуществе «Лесообработчика», хотя гуслярцы играли вдесятером, однако это преимущество не смогло реализоваться в голы. Ниткин заметно хромал и бил по мячу неуверенно, а остальные форварды за отсутствием Ефимова как-то сникли.

Нулевая ничья – результат этого матча – устраивала гостей из Мыльниц, но расстроила гуслярцев, так как теперь шансы на выход во вторую лигу уменьшились, а впереди предстоял последний и самый решительный матч с «Метеором» из Новостальска, основным

соперником за выход во вторую лигу, который подошёл к решающему матчу с тем же числом очков.

Домой возвращались молча. Было какое-то отчуждение. Словно, не проявив патриотизма, Лев Христофорович потерял моральное право именоваться гуслярцем. Раньше они об этом как-то не задумывались. Живёт человек, трудится, уважаемый человек, немолодой. Скорее свой, чем чужой. И вдруг на стадионе словно заглянули к нему в анкету, а там написано «марсианин». И сразу увидели, что он зелёный, на трёх ногах и с антеннами на затылке. Разумеется, никто не увидел в Минце марсианина, но в переносном смысле – увидели.

А Минц не навязывал своего общества. Он думал.

Надо сказать, что чем сложнее задача, поставленная жизнью перед великим учёным, тем энергичнее он мобилизует резервы мозга, тем глубже уходит в себя, чтобы решить эту загадку и принести очередную пользу человечеству.

На этот раз Минц думал о том, как вернуть футболу чистоту и непосредственность игры, как снять с него налёт делячества, цинизма, ведущего к грубости.

Он заперся у себя в кабинете, пил только кефир, ничего не ел, похудел за неделю на десять килограммов, но задача ускользала от решения. Она оказалась потруднее, чем создание антигравитации или путешествия во времени. Моральные проблемы всегда труднее чисто научных.

В чём, рассуждал Лев Христофорович, корень зла? В том, что футболист, бьющий товарища по ногам, совсем не думает о том, как тому больно. Зато, когда его самого бьют по ногам, он обижается.

– Ага! – воскликнул профессор на восьмой день. – Эврика!

И профессор Минц углубился в свои записи, а потом принялся доставать с полок банки, пакетики, колбы, коробки, стараясь отыскать некоторые редчайшие ингредиенты, которые в сумме должны дать нужный психотерапевтический эффект.

Работа над новым средством, а также опыты над окрестными собаками и соседской кошкой, давшие положительный эффект, были завершены как раз накануне решающего матча с «Метеором» из Новостальска.

Так как Лев Христофорович, помимо прочих учёных степеней, был ещё и доктором медицинских наук, единственным в Великом Гусляре

и даже во всём районе, то к нему с глубоким уважением относились в райздраве и городской больнице. И когда знаменитый профессор заглянул в райздрав и сказал, что хотел бы осмотреть перед матчем футболистов, так как получил по своим каналам сообщение о том, что из Европы надвигается новая волна вирусного гриппа, а потому намерен провести профилактический осмотр игроков, то его коллеги в райздраве, разумеется, на это согласились.

Тем же вечером, накануне матча, Корнелий Удалов постучал к профессору.

– Лев Христофорович, – сказал он, – завтра на футбол не пойдёшь?

Корнелий был уверен, что профессор на футбол больше никогда в жизни не пойдёт, да и лучше бы не ходил, так как его лицо запомнилось некоторым болельщикам и может вызвать раздражение. К удивлению Удалова, профессор ответил:

– Встретимся на трибуне.

– Значит, заходить за вами? – без энтузиазма спросил Удалов.

– Не надо, я раньше пойду, – сказал профессор.

Удалов приоткрыл рот, демонстрируя удивление, но, так как профессор хранил молчание, ему пришлось уйти ни с чем, если не считать недоброго предчувствия. Вроде бы и не могло случиться ничего дурного, но давний опыт общения с непредсказуемым профессором научил Удалова осторожности. Не раз уже светлые на первый взгляд и прогрессивные идеи Льва Христофоровича, призванные облагодетельствовать человечество, вели к обратным результатам.

Так уж устроен мир. Всё в нём взаимосвязано. Один человек решает оросить пустыню и проводит в неё воду из какого-нибудь заболоченного места. В результате вместо богатых урожаев хлопка в пустыне образуются солёные болота, а там, где были болота, богатые клюквой, образуются пыльные пустыни. Всегда, если хочешь принести добро человечеству, хорошенько подумай о побочных эффектах. Наполеон рассчитывал покорить весь мир во славу Франции, в результате разорил Францию и перебил множество людей. Мир же не покорился, потому что Наполеон не учитывал побочных эффектов в виде русских партизан.

С такими мыслями Удалов шёл на стадион, проталкиваясь сквозь толпу сограждан. Втуне он рыскал глазами по сторонам, разыскивая Минца.

И неудивительно. В эти минуты Минц уже находился в раздевалке футболистов. На гуслярском стадионе есть только одна раздевалка, общая комната, где игроки обеих команд оставляют свои вещи.

Минц был представлен игрокам, которые как раз завершали свой туалет, и обратился к ним с краткой речью касательно опасности вирусной инфекции. Он вкратце рассказал футболистам, как надо бороться с вирусом, а затем предложил всем принять профилактические пилюли.

Если уважаемый читатель заподозрил Льва Христофоровича в подлоге, в том, что он под видом профилактики всучил игрокам плоды своих изобретений, то он глубоко заблуждается. Пилюли на четыре пятых состояли именно из целебного профилактического препарата «Антигриппин-М». И лишь четверть объёма занимало изобретение Льва Христофоровича. Учтите, что Лев Христофорович – кристально честный человек и принципы медицины блюдёт превыше всего. В настоящее время вакцина «Антигриппин-М» (М означает Минц) уже принята к промышленному производству, и вскоре с гриппом будет покончено. А что касается футболистов, то за последние три года ни один из них не заболел гриппом, а также чумой, водянкой, бронхитом, подагрой и коклюшем.

Раздавал Минц таблетки странно. То есть странно для человека, который бы захотел понаблюдать за его действиями. Но единственный потенциальный наблюдатель – Корнелий Удалов – был ещё за пределами стадиона, а все остальные в раздевалке были слишком заняты своими проблемами, чтобы обращать внимание на то, что делает толстый доктор. Читает лекцию – значит, надо; раздаёт профилактические таблетки от гриппа – значит, надо. И дело с концом.

Затем Лев Христофорович попрощался и покинул раздевалку, пошёл на трибуну, где Корнелий Удалов занял ему место.

– Ну и что? – осторожно спросил Корнелий.

– Команды готовы к бою, – нарочито бодрым голосом ответил профессор Минц.

Глаза его лукаво вспыхнули, и озноб пробежал по коже Удалова. Он стал смотреть на поле, ожидая подвоха, хотя никакого подвоха сначала не было видно.

Как и положено, прозвучал судейский свисток, как и положено, гуслярская команда большими силами бросилась в наступление, а

команда гостей начала строить эшелонированную оборону. Внешне всё выглядело как обычно.

На самом же деле всё происходило необычно.

Но для того, чтобы ощутить эту необычность, следовало бы заглянуть в души футболистов.

Защитник «Лесообработчика» Ефимов Сергей должен был строго опекать нападающего Судковского из команды «Метеор». Защитник Ефимов Сергей отыскал глазами своего подопечного и двинулся ему навстречу, вспоминая на ходу, что Судковский не любит, если ему наступают на носок бутсы, и не выносит, когда его толкают локтем в бок. Об этом защитнику следовало помнить. Ведь вывести из себя центрального нападающего противника – его спортивная задача.

Как раз в эту минуту Судковский получил мяч от своего полузащитника и быстро пошёл по краю. Ефимов Сергей вырос у него на пути, как дубовый ствол, и, борясь за мяч, незаметно для судьи резко наступил гостю на носок.

Судковский сразу остановился и потерял мяч.

Ефимов ударил по мячу, посылая его в центр поля Ниткину, но удар получился неубедительным, мяч до Ниткина не долетел, потому что странное, незнакомое чувство охватило Ефимова Сергея. Он не только ощутил острую боль в носке правой ноги, но и чувство горя, беспомощности и возмущения в адрес людей, которые позволяют себе столь грубо обращаться со своими товарищами. Он понял, что его долг – немедленно принести свои извинения ни в чём не повинному Судковскому, и он тут же побежал поперёк поля к прихрамывающему Судковскому, но добежать не успел, так как рядом с ним катился мяч и инстинкт защитника заставил Ефимова Сергея подхватить мяч и броситься вперёд.

И Ефимов Сергей забыл об ощущениях, которые ему не принадлежали, а принадлежали вовсе Судковскому. Он мчался к чужим воротам. С замиранием сердца он увидел, как навстречу ему выдвигается защитник «Метеора» с решительным выражением на лице. «Будет валить», – мелькнула мысль в мозгу Ефимова Сергея.

Но вдруг странная гримаса исказила грубое, но выразительное лицо защитника, и тот, как бы сжавшись, уступил дорогу Ефимову Сергею. А Ефимов Сергей, продолжая нестись к воротам, успел ощу-

тить то глубокое человеческое понимание, что владело защитником, и даже успел крикнуть ему, проходя мимо: «Спасибо, друг!»

На трибунах, гремящих криками, никто не услышал этих добрых слов. Лишь профессор Минц, внимательно следивший за мельчайшими деталями поведения футболистов, удовлетворённо наклонил голову.

Ничто не могло уже остановить Ефимова Сергея. Он был в пределах штрафной площадки.

Лишь вратарь, наклонившись вперёд и широко расставив ноги, готовился кинуться ему под ноги.

«Сейчас вколотит! – послышалась в мозгу Ефимова мысль. Она принадлежала вратарю гостей, но Ефимов не знал, кому она принадлежала. – Какое несчастье! – продолжалась мысль. – У меня же сегодня день рождения, и он будет безнадёжно испорчен!»

Но, не поняв, кому принадлежит мысль, Ефимов Сергей тем не менее глубоко опечалился. Он видел перед собой не ворота, а приятное, доброе лицо вратаря, видел печаль и даже отчаяние в его больших карих глазах, и он понял, что такое лишний гол. Лишний гол – это житейская мелочь, ничто по сравнению с человеческими отношениями. И потому Ефимов ударил по мячу таким образом, чтобы не попасть в ворота и не испортить дня рождения вратарю. И он утвердился в своём интуитивном предположении, потому что увидел, каким горячим светом благодарности загорелись глаза вратаря.

И поэтому, пока мальчик за воротами бегал за мячом, он подошёл к вратарю гостей и сдержанно, по-мужски похлопал его по плечу.

– Поздравляю, – сказал он.

– Спасибо, дружище, – тихо ответил вратарь.

На трибунах не разобрались в смысле этой встречи, зрители свистели, не одобряя плохого удара.

– Что делается! – печалился Удалов. – Ну что же делается!

Он тоже ничего ещё не понял.

Если бы в таблетках, которые создал неуёмный гений Льва Христофоровича, содержалось бы лишь средство, делающее людей чуть добрее и отзывчивее, этим, может быть, удалось снизить число травм. Но Лев Христофорович – сторонник кардинальных методов. Он пошёл на шаг дальше. И на какой шаг! Каждый из футболистов ощущал травмы, нанесённые им своему сопернику, как свои собственные, осоз-

навал его страдания как свои. Его разочарование как своё. Именно таким образом Лев Христофорович хотел вернуть футболу очарование доброй и интересной игры. Лишить его малейшего налёта жестокости и грубости.

Возвращаясь трусцой на своё место в защите, Ефимов Сергей увидел, что мяч, выбитый далеко в поле вратарём гостей, опустился в центре, и к нему бросились нападающий «Лесообработчика» Ниткин и нападающий «Метеора» Судковский. Судковский промахнулся по мячу и попал по ноге Ниткина. Ниткин свалился на траву. Стадион возмущённо загудел. И тем более стадион загудел, когда увидел, что Судковский упал рядом с Ниткиным. Это была явная симуляция, направленная на то, чтобы разжалобить судью.

В самом же деле происходило иное.

Судковский и Ниткин лежали рядом на траве. И Судковский испытывал ту же боль и негодование, что и Ниткин. Но к боли и негодованию примешивалось сильное чувство собственной вины перед товарищем. Держась за ногу, испытывая боль, Судковский в то же время отлично понимал, что его нога невредима. Что это не его боль, а боль Ниткина. И потому, подползая к травмированному сопернику, Судковский жарко шептал:

– Прости, Ниткин, я никогда больше не буду.

Ниткин же, в свою очередь, удивлялся. Он должен был бы высказать этому грубияну Судковскому всё, что о нём думает. Кратко и выразительно. Но вместо этого он был во власти понимания, что Судковский искренне раскаивается и в самом деле страдает не меньше, чем Ниткин. Поэтому, всё ещё не поднимаясь с травы, он ответил:

– С кем не бывает!

Тут Судковский преодолел боль, поднялся и сам, прихрамывая, подошёл к судье.

– Прошу, – сказал он, – удалить меня с поля. Я недостоин того, чтобы представлять здесь честь новостальского футбола. Гнать надо таких, как я.

– Вот это, – ответил крайне удивлённый судья, так как в его практике такого ещё не случалось, – решаю здесь я. И больше чем на предупреждение ваш проступок не тянет.

– Нет, тянет! – закричал Судковский.

Стадион гремел и свистел. Стадион был убеждён, что Судковский вымаливает у судьи прощение. Тем более что те игроки «Метеора», что были поблизости, тоже подбежали к судье и стали требовать, чтобы Судковского за нетоварищеское поведение удалили. А те игроки «Лесообработчика», что оказались неподалёку, встали на защиту Судковского, потому что понимали, что он больше никогда не будет бить по ногам своих товарищей.

С трибун стадиона вся эта сцена выглядела, разумеется, иначе. Мы ведь часто видим не то, что происходит в действительности, а то, к чему привыкли наши глаза. И трактуем события ложно, потому что ложен бывает наш жизненный опыт. Если футболисты окружают судью и что-то доказывают ему, то мы знаем, что они отстаивают свои интересы. Но чтобы футболисты отстаивали интересы соперника – это явление редкое.

В конце концов футболисты разошлись, так и не уговорив судью. Ведь у судьи есть собственный гонор. Если он решил не удалять игрока с поля, то сам виновник инцидента никогда его на это не уговорит.

Игра продолжалась и далее. Но постепенно даже самые невнимательные из зрителей начали понимать: происходит что-то неладное. Во-первых, уже с середины первого тайма полностью прекратились грубости, подножки и толчки. А так как футболисту порой трудно избежать резких движений, то темп игры постепенно спал, игроки старались не приближаться друг к другу, а если и приближались, то лишь затем, чтобы пожать руку или похлопать по плечу, а то и пригласить в гости на чашку чая. Удары по воротам также почти прекратились. Если кому-то удавалось добраться до штрафной площадки противника, несмотря на явное нежелание это делать, то он обязательно бил таким образом, чтобы в ворота не попасть либо подкатить мяч к рукам вратаря. В какой-то степени матч начал напоминать пресловутую встречу команд Австрии и ФРГ на первенстве мира в Испании в 1982 году, когда обе команды, к разочарованию многомиллионной телевизионной аудитории, демонстрировали игру, целью которой было не забить ничего лишнего, так как иначе Австрия не попадала в финал.

Зрители на гуслярском стадионе заподозрили команды в сговоре. И свистом выражали неодобрение этому сговору. Хотя в этом таилась

Но чтобы футболисты отстаивали интересы соперника – это явление редкое.

загадка. Ведь в случае ничьей ни одна из команд не попадала во вторую лигу. А вместо них проходила вологодская команда.

В перерыве между таймами оба тренера устроили своим игрокам суровый разнос. Они требовали активности, волевого настроя и желания победить любой ценой. Игроки были задумчивы. Они не спорили с тренерами, но думали в этот момент о своих соперниках, понимая, что именно они самые близкие им, самые родные люди.

Так что после перерыва игра продолжалась в ещё более медленном, куртуазном темпе. И неизвестно, чем бы всё кончилось, если бы оба тренера не решили в середине второго тайма заменить своих нападающих. Вместо Ниткина вышел на поле Полянкин, а вместо Судковского – Швец. И тут произошло нечто совершенно невообразимое. Ведь ни Полянкин, ни Швец пилюли не употребляли и настоящих добрых чувств к противникам не испытывали. Поэтому Швец, подхватив мяч, кинулся к воротам противника, а Полянкин – за отсутствием других желающих – навстречу Швецу. Встретились они где-то в центре поля, и так как оба стремились отличиться, то Швец оттолкнул Полянкина, а Полянкин подставил ножку Швецу. Оба упали и, рассерженные, кинулись друг к другу.

В этот момент, прежде даже чем успел среагировать судья, Ефимов Сергей решительным жестом остановил Полянкина – своего Полянкина – и сказал:

– Полянкин, нашей команде за тебя стыдно.

В тот же момент вратарь «Метеора» выбежал к Швецу и сказал ему:

– Швец, ты грубишь.

Швец и Полянкин ничего не поняли. Они пытались оправдать свои действия интересами родных команд, но чем больше они горячились, тем резче выговаривали им свои же товарищи. И это понятно: ведь не мог же игрок «Метеора», полный сочувствия и понимания по отношению ко всем футболистам «Лесообработчика», поднять голос за Полянкина. И наоборот.

Тут уже не помог и судья. Несмотря на его возражения, команда «Лесообработчика» вывела с поля сопротивлявшегося Полянкина, а команда «Метеора» удалила Швеца.

Но когда команды вернулись на поле – а стадион, надо сказать, в полном обалдении замолк, – они уже поняли, что сам принцип фут-

бола ложен. Он направлен на то, чтобы выиграть у хороших людей, то есть доставить им неудовольствие. А этого допустить было нельзя. Так что игроки встали в круг посреди поля и стали аккуратно пасовать мяч друг другу, отрабатывая технические приёмы.

Вот тогда-то Корнелий Удалов обернулся к своему соседу профессору Минцу и строго спросил:

– Вы чего им давали, Лев Христофорович?

– Средство против грубости, – честно признался Минц. – Но я не предполагал, что оно настолько эффективно.

И Минц шёпотом рассказал о принципе действия пилюль.

Тогда Удалов поднялся со своего места и сказал профессору:

– Пойдём отсюда.

И в самом деле, игра фактически кончилась. Ни судья, ни тренеры не могли заставить футболистов нападать на своих соперников. Вот-вот под неумолчный свист трибун встреча будет прервана.

Удалов вывел несколько растерянного Минца со стадиона и, когда они уже были в парке, прервал молчание вопросом:

– Запасные пилюли остались?

– Штук десять, – сказал Лев Христофорович.

– Давайте сюда. Не бойтесь, не выброшу.

– А зачем вам?

– Покажу, где и как их надо было использовать. Наивный вы человек.

Держа на ладони таблетки, Удалов вошёл в гастроном.

В магазине шла обычная, даже не самая насыщенная жизнь. Кассирша вяло спорила с пожилой покупательницей, а очередь более или менее покорно ожидала исхода этого спора. Одна из продавщиц гляделась в зеркальце, другая выясняла отношения с рабочим, который только что принёс ящик с крупой. Остальных продавщиц не было видно, зато в магазине был слышен ропот покупателей.

– Сюда, – сказал Удалов, проходя за прилавок.

– Зачем, – попробовал возразить Минц. – Туда же не положено.

– Нам положено, – ответил Удалов, открывая дверь в кабинетик директорши. – Мы комиссия!

Ванда Казимировна оторвалась от ведомостей и обернула к посетителям полное суровое лицо.

– Здравствуй, Ванда, – сказал Удалов быстро.

– Чего нужно?

– Ничего, – ответил Удалов. – Надвигается грипп. Новая разновидность. Мозамбикский.

Он обернулся ко Льву Христофоровичу, и тот покорно кивнул.

– Вот наш профессор получил из-за рубежа профилактические пилюли. Большой дефицит. Я ему и говорю – в первую очередь надо обслужить торговлю. Если свалитесь от гриппа, кто будет нас кормить и поить?

– Дефицит, говоришь? – с некоторым недоверием сказала Ванда Казимировна, которая не всегда доверяла ближним.

– Вот. – Удалов осторожно высыпал пилюли на чистый лист бумаги. – По одной на душу. Не больше. Вызывай персонал.

Ванда Казимировна сдалась и вызвала персонал, который, узнав, что выдают дефицитную профилактику, быстро выстроился в очередь, не обращая внимания на нетерпеливый гул торгового зала.

Сама Ванда Казимировна тоже приняла пилюлю.

– Если что надо, – сказала она, и взгляд её начал смягчаться, – вы заходите. Прямо ко мне.

Но тут начала совершаться странная метаморфоза с её подчинёнными.

– Зачем же, – сказала продавщица из молочного отдела. – Я тоже всегда готова. Вы уж лучше не отвлекайте Ванду от её дел. Занятая она, трудно ей, ревизия на носу.

– Девочки! – вдруг воскликнула кассирша. – И чего же мы здесь стоим, прохлаждаемся! Там же люди ждут! Неужели мы будем их заставлять маяться, а сами будем здесь прохлаждаться?

Продавщицы даже застонали от стыда и, сшибая друг друга, бросились к выходу в торговый зал.

Минц и Удалов, чтобы избавиться от изъявления благодарности со стороны Ванды Казимировны, поспешили за продавщицами.

Зал сиял улыбками.

В зале воцарялась атмосфера взаимного расположения.

Минц и Удалов вышли из магазина.

– Понял? – спросил Удалов.

– Понял, – тихо улыбнулся великий изобретатель.

– Пошли домой, надо Ксению в магазин послать. Пускай порадуется.

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ ГАВРИЛОВ

Можно научиться играть на скрипке, жарить яичницу, ходить по канату и управлять космическим кораблём. Когда Коле Гаврилову исполнилось шестнадцать лет, он догадался, что можно научиться предсказывать судьбу. При условии, если к этому относиться, как к любому ремеслу, – трезво. И работать, не лениться.

Что такое судьба? Это наше будущее, чаще всего близкое. Оно определяется рядом факторов. Факторы можно вычислить и учесть. Машина этого сделать не может, у неё нет интуиции и воображения. У Гаврилова есть интуиция и воображение.

Почему это открытие пришло к Гаврилову именно в шестнадцать лет? Потому что раньше он об этом не задумывался. А тут подвернулся случай.

О нём следует рассказать.

В тот день Гаврилов входил в класс последним. Поэтому он увидел, что на полу, в двух шагах от двери, лежит в коридоре кусок банановой кожуры. Он мысленно отметил этот факт, но не придал ему значения. И неудивительно: его внимание тут же было поглощено тем, что рядом с Люсей Сахаровой сидел вернувшийся после болезни Матвей Пикуля, враг номер один и страшный соперник. Матвей застоялся за две недели и был полон желанием совершить громкие подвиги за чужой счёт. А Люся слишком весело хохотала, глядя на Матвея.

Следом за Гавриловым вошла Маруся.

Маруся два года как кончила институт и была полна желанием сеять разумное, доброе и вечное. Это стремление Маруси вызывало в Матвее Пикуле искреннее недоумение. Потому Маруся была готовой жертвой для его садистских наклонностей.

Не суть важно, как продолжался урок русского языка. Важно иное: при прямом попустительстве товарищей, даже тех, кто симпатизировал бедной белокурой Марусе, Матвей Пикуля довёл её до белого каления. Маруся подхватила классный журнал и кинулась вон из класса, чтобы пожаловаться директору.

И в этот момент Коля Гаврилов всё высчитал.

Он как бы побежал вместе с Марусей. Он выбежал вслед за ней в коридор и резко повернул в сторону директорского кабинета. Этот поворот обязательно заставит Марусю наступить на кожуру банана

и упасть. Причём скорость и направление её движения были таковы, что она обязательно заденет рукой огнетушитель, грохнется на правый бок и вывихнет большой палец.

То, что Маруся упадёт, догадаться было нетрудно. Но вот дополнительные детали... их угадать дано далеко не каждому. Тут нужен талант.

Поняв, что через двадцать секунд Маруся вывихнет палец на правой руке, Гаврилов вскочил с парты и закричал ей вслед:

– Маруся, стой! Сломаешься!

Прозвучало это так неуважительно по отношению к молодой и легко ранимой учительнице, что та тонко ахнула и побежала ещё быстрее. Класс захохотал так громко, что никто не слышал, как Маруся упала и вывихнула большой палец на правой руке.

Основные неприятности из-за этой истории пали на голову Гаврилова. Более всего за нелепый окрик: «Маруся!» Но что неприятности, когда стоишь на пороге открытия!

Гаврилов понял, что его дар требует тренировки, и всерьёз занялся этим, полагая, что принесёт пользу человечеству. После истории в школе он старался свой дар не рекламировать и ждал, пока овладеет им в полной мере.

Гаврилов внимательно следил за всеми окружающими людьми, а также деталями их жизни. А так как Великий Гусляр – город небольшой, то и деталей в нём не так много, как, допустим, в Москве.

Следует сказать, что чувство к Люсе Сахаровой, которое зародилось в сердце Гаврилова в седьмом классе, его не покидало и даже крепло. Но Гаврилов был человеком скромным, и потому ему было трудно соперничать с Матвеем Пикулей. В тот период Люся была увлечена Матвеем, ходила с ним в кино, а может быть, даже целовалась в парке.

К десятому классу Гаврилов достиг больших успехов в предсказаниях будущего, но был не удовлетворён собой. Дома он не раз удивлял мать и даже соседей. Был такой случай: Корнелий Удалов сидел во дворе, играл в домино. Жена его, Ксения, высунулась из окна второго этажа и крикнула:

– Корнелий, иди переодевайся! К Ариадне в гости идём, забыл, что ли?

Корнелий Удалов покорно отодвинул от себя костяшки и сказал партнёрам:

– Придётся идти.

– Не надо, дядя Корнелий, – сказал Гаврилов, который сидел у окна и читал «Анжелику». – Сейчас ваша Ариадна сама сюда прибежит. Не до гостей ей сейчас.

– Помолчал бы, – сказал Корнелий и встал из-за стола, потому что счёл слова подростка за шутку.

И в этот момент во двор вошла печальная Ариадна, родственница Ксении.

– Беда у меня, – сказала она громко.

Корнелий и его друзья так удивились, что не стали спрашивать Ариадну, что у неё за беда, а обернулись к окну Гаврилова. А Гаврилов пожал плечами. Ему всё было ясно.

Час назад он видел, как по улице бежала Ариаднина собачонка. Он автоматически вычислил скорость бегущей собаки и встречи, что ей предстоят в ближайшем будущем. Одна из встреч его встревожила: по расчётам выходило, что через два квартала собачонке предстоит встреча с мальчишкой Сочкиным из второго класса, вооружённым палкой.

Мальчишка Сочкин обязательно кинет в собаку палкой и перепугает до полусмерти. Собачонка с испугу бросится в сторону и упадёт в глубокую траншею, которую забыли засыпать водопроводчики. Там она и останется. Ариадна придёт домой, взволнуется, в течение тридцати двух минут будет бегать вокруг своего дома и тревожить криками соседей, а потом бросится к родственнику Удалову, чтобы он ей помог. Просто? Нет, этот рассказ – лишь приблизительное отражение мыслительных процессов Гаврилова, которые шли бесконтрольно, в подсознании, параллельно с подобными же процессами, касающимися других людей и животных городка.

Поэтому, пожав плечами, Гаврилов сказал:

– Ваш Кабыздох, Ариадна Тимофеевна, сидит в траншее на улице Тютчева.

И захлопнул окно, потому что прежде чем броситься на поиски собачонки, Ариадна обрушила на Гаврилова волну негодования, полагая, что это именно он забросил животное в траншею. В таком убеждении она осталась и после того, как собачонку они с Удаловым достали, и всегда грозила Гаврилову кулаком, если встречала на улице.

Даже из двух приведённых примеров видно, что судьба предсказателя не сахар. В девяти случаях из десяти объекты гавриловских предсказаний на него сердились.

А тем временем Гаврилов всё совершенствовал свои способности. И ему захотелось поделиться своим талантом с Люсей Сахаровой.

Как-то Гаврилов встретил её в парке, у эстрады, где она внимала игре Гоши-саксофониста. В ней пробудилась тяга к искусству, и Матвей Пикуля, несмотря на то, что с помощью своего отца, директора продовольственного магазина, обзавёлся мотоциклом «Ява», занимал всё меньше места в её мыслях.

Послушав Гошу-саксофониста, Гаврилов с Люсей пошли гулять на берег реки Гусь.

Августовский вечер был прохладным и свежим. Гаврилов накинул свою куртку на плечи Люси, а та не возразила, что означало шаг к взаимному сближению.

Тогда Гаврилов и признался в своём таланте. Люся сначала не поверила и даже смеялась. Тогда Гаврилов привёл ей доказательство:

– Когда ты придёшь сегодня домой, у твоего соседа сгорит курятник.

Нет нужды рассказывать, как Гаврилов вычислил это событие – с его методом мы уже знакомы. Важен факт: курятник сгорел, и Люся это видела. Она, правда, заподозрила сначала, что курятник поджёг Гаврилов, чтобы завоевать её сердце, но потом поняла, что Гаврилов не тот человек, который жжёт чужие курятники.

Честно говоря, способности Гаврилова, которые с тех пор он демонстрировал Люсе неоднократно, её не радовали. Ей казалось, что Коля слишком много знает о её жизни, даже когда его нет рядом. Был такой случай: Матвей уговорил её поехать с ним на мотоцикле, завёз к Дальнему бору, там сделал вид, что мотоцикл сломался, и полез к ней со своими поцелуями. Вырываясь из его объятий, Люся искренне закричала:

– Так он же за нами смотрит!

Матвей от неожиданности оставил свои домогательства, так и не поняв, в самом ли деле кто-то за ними наблюдал или Люся слукавила.

Но время брало своё. Постепенно Люся всё более увлекалась Гавриловым и находила в нём новые, отсутствующие в других сверстниках качества. Она уже верила в его талант предвидения, хотя предпочла бы, чтобы этого таланта не было.

Но так продолжалось недолго: верность предсказания обернулась против предсказателя.

Был один из последних тёплых дней. Весь городок, словно чувствуя, что лето сегодня закончится, выбрался на пляж. Там были и Гаврилов с Люсей, Гоша с саксофоном, а потом прикатил с рёвом и грохотом Матвей Пикуля, который принципиально ездил без глушителя.

Увидев Матвея, Гаврилов поморщился. В тот день его мучило какое-то неприятное предчувствие. А предсказатели знают, что пустых предчувствий не бывает: предчувствие – это необработанная информация.

Матвей тоже поморщился при виде Гаврилова. Не любил он его. И тут же стал звать Люсю за тридцать километров, на станцию Глубокий Яр, где должен был на три минуты остановиться поезд, везущий на гастроли в Котлас знаменитую певицу Аллу Пугачёву. Бил он в самое сердце меломанки Люси. Она робко и просительно поглядела на Гаврилова. Матвей спокойно ждал – наглая улыбка во всю красную рожу. Остальные знакомые изнывали от зависти.

И в этот момент информация, сложенная из наблюдений за облаками, расчётов скорости движения мотоцикла Пикули, знания характера соперника, понимания не только сути железнодорожного расписания, но и возможных в нём неполадок, озарила Гаврилова. И он сказал спокойно:

– Нет, ты не поедешь, Людмила.

Матвей захохотал.

Люся покраснела и сказала:

– Ну, знаешь!

И направилась к мотоциклу, что стоял за кустом.

– Постой! – взмолился Гаврилов. – Только два слова.

Людмила и одного слова слышать от Гаврилова не желала.

Но тут Матвей сказал:

– Иди, пускай говорит. Мне не страшно.

То ли эти слова возымели своё действие, то ли выражение глаз Гаврилова, но Люся отошла к кустам и остановилась там, глядя в землю.

– Люся, послушай, – сказал Гаврилов. – Ты веришь мне как предсказателю? Я тебя никогда не обманывал?

– Сейчас хочешь обмануть, – сказала Люся.

– Честное слово – нельзя ехать. Будет авария, и вы разобьётесь.

– Что же нас, разбойники подстерегают?

– Нет. Но получается так, что вы будете спешить к приходу поезда. Времени у вас мало... И тогда это случится! Синий самосвал... поворот у большой сосны... Я знаю! Останься.

Гаврилов это так убедительно сказал, что Люся поняла – ехать нельзя. И тут же сказала:

– Значит, я останусь, а он разобьётся?

– Он тоже не должен ехать. Хотя я его не выношу, но ехать он не должен.

– Пойди, скажи ему, – сказала Люся.

– Нарвусь на оскорбления. Но я должен спасти ваши жизни.

– Ой, Коля... я уж не знаю...

– Отвлеки его.

– Что будешь делать?

– Знаю. Только быстро. А то он уже идёт.

Люся побежала навстречу Матвею, а Гаврилов вытащил из кармана перочинный нож, нагнулся к мотоциклу и начал продырявливать шину.

Матвей его не увидел – Люся честно выполнила свой долг, но дружок Матвея, что проходил мимо кустов, всё видел и закричал:

– Матвей, твой неуловимый мститель тут шурует!

Матвей был сильнее Гаврилова. Значительно. Когда Гаврилов пришёл домой, мать ахнула – она решила, что её сын попал под асфальтовый каток. Матвей с помощью дружков избил его жестоко. И никто, кроме Люси, не сочувствовал Гаврилову, который, как полагало общественное мнение, из глупой ревности испортил чужой мотоцикл.

Единственное утешение: когда стемнело, пришла Люся. В дом не зашла, а остановилась под окном. Гаврилов выглянул в окно. Его сердце было полно благодарности, он старался не показывать Люсе наиболее пострадавшую сторону лица.

– Ну, теперь ты обещаешь никогда больше не предсказывать? – спросила Люся. Она чуть не плакала от жалости.

– Трудно.

– В следующий раз тебя кто-нибудь убьёт. И никто не пожалеет.

– А ты?

– Будет поздно.

– Ты права, – сказал Гаврилов. – Если ничего не произошло, то как доказать, что это могло произойти? Добро наказуемо, потому что недоказуемо.

Это был первый афоризм, сочинённый Гавриловым.

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

Новая модель машины времени, сооружённая профессором Львом Христофоровичем Минцем с помощью золотых рук Саши Грубина, помещалась на первом этаже, под лестницей дома № 16 по Пушкинской улице. Она была замаскирована дверью в чулан, чтобы никто из детей, играя, не провалился случайно в другую эпоху.

Представляя собой тончайшую ленту, машина времени облегала изнутри раму двери и была покрашена суриком, так что посторонний взгляд никогда бы не заметил этого величайшего изобретения.

Если ты, открыв дверь в чулан, переместишь стрелочку на потайном циферблатике, а потом нажмёшь синюю кнопочку, то окажешься в прошедшем времени.

Теоретически можно отправиться и к динозаврам, но только на это не хватало энергии, так что полвека были пределом.

Профессор Минц и узкий круг посвящённых в составе соседей по дому и друзей – Александра Грубина, Корнелия Удалова и старика Ложкина – машиной не злоупотребляли и её существование хранили в тайне. Полагали, что, когда наладят изобретение, отдадут его народу.

Порой кто-нибудь из экспериментаторов со всеми предосторожностями посещал прошлое. И это сходило с рук, пока не проштрафился Удалов.

Как-то вечером, с разрешения Минца, Корнелий Иванович решил заглянуть в пору собственного детства.

Минц контролировал опыт снаружи.

Удалов прошёл в дверь чулана, набрал на циферблате 1948 год, нажал на синюю кнопочку и оказался в том же чулане, но не таком пыльном и загромождённом. Отодвинув доску в задней стене, Удалов вышел во двор. Двор был почти таким же, как сегодня, только сирень ещё не разрослась и стол для домино был небольшим.

Одет был Удалов в соответствии с эпохой. Об этом позаботился старик Ложкин, который ничего никогда не выкидывал и потому смог ссудить Корнелию военный френч со споротыми петлицами и широкие брюки. В кармане лежали сорок пять рублей дореформенными деньгами, сделанные Минцем на дубликаторе.

Никем не замеченный, Удалов прошёл по улице и оказался в городском парке. Там играл духовой оркестр, а на веранде танцевали

молодые люди, не сносившие ещё своих гимнастёрок, и подростки, постриженные под полубокс. Но куда больше там было девушек и женщин.

Ноги сами взнесли Удалова на веранду. Играли «Рио-Риту», а потом «Розамунду». И тут Удалов увидел Леку, Леокадию.

И воспоминания ожгли сердце Удалова. В том году Удалову было чуть больше десяти лет, а Леке около тридцати. Она была первой, недоступной, сказочной любовью Корнелия.

Лека торговала мороженым на углу Пушкинской и Советской. У неё была повозка, похожая на сундук, голубого цвета. Сверху – крышки: под одной – мороженое, под другой – вафельные крышечки, под третьей – банка с водой. Лека брала в руку прибор, похожий на небольшой олимпийский факел, вкладывала в расширение круглую вафельку, потом окунала ложку в воду, зачерпывала ею мороженое и клала на вафельку. Затем Лека прикрывала мороженое другой вафелькой и выталкивала готовую порцию из факела. Мороженое было круглым, зажатым между вафельками, его можно было сначала облизывать вокруг, а уж потом кусать.

Других детей интересовало только само мороженое, а Удалова потрясал процесс его изготовления. Увлечение процессом он перенёс на саму Леку, большую, весёлую, зеленоглазую, рыжую и добрую.

У Леки, как говорили, убили на фронте жениха, но она его всё равно ждала.

Удалова Лека выделяла за верность. Она иногда предлагала ему порцию бесплатно, но Удалов и тогда уже был гордым. Даже если денег совсем не было, он терпел, но от подарка отказывался.

Через три года Лека вышла замуж за одного шахтёра из Караганды, который приезжал в Великий Гусляр в отпуск, к тёте. И уехала. И забылась.

И вдруг Удалов увидел её на танцверанде. И сразу узнал. Хоть она оказалась совсем небольшой, ему по ухо.

Лека танцевала с незнакомой девушкой. Удалов глядел на Леку и любовался ею. А Лека заметила настойчивый взгляд, сама подошла к нему после танца и сказала с улыбкой:

– Вроде ваше лицо знакомое, но не помню, кто вы. А вы всё смотрите на меня так настойчиво. Почему?

– Мы с вами когда-то встречались, – ответил Удалов.

Аккордеонист заиграл «Брызги шампанского», и они пошли танцевать. Удалов сначала не знал, о чём говорить, и спросил, как идёт торговля. Лека рассмеялась: «Какая там торговля! Одни детишки покупают!»

Когда танцы кончились, Удалов пошёл провожать Леку до дома. Они посидели на лавочке над рекой. Там, на дальнем берегу, ещё не было района пятиэтажек, а за Слободой виднелся лес. Он казался чёрной пилой, а над самыми зубьями плыла полная луна.

Удалов держал руку Леки в ладонях. Ему было хорошо. Потом Лека сказала, что ей пора, потому что у неё сердитая хозяйка квартиры.

Удалов проводил Леку по тёмному, совсем заснувшему городку. У фонаря, что горел на перекрёстке, они остановились. Лека сообщила, что дальше нельзя, хозяйка подсматривает из окна. Удалов вдруг произнёс, что умеет гадать по руке. Лека не удержалась, попросила погадать. Удалов сказал, что через три года она выйдет замуж за шахтёра из Караганды. Лека расстроилась. Три года показались ей бесконечным временем. А может быть, она ещё немножко ждала своего погибшего жениха.

Потом Лека поняла шутку, рассмеялась и спросила, придёт ли завтра Удалов на танцверанду.

– Я уже старый, – сказал Удалов.

– Я тоже не первой молодости, – улыбнулась Лека. – Мне уже под тридцать. И я предпочитаю солидных мужчин.

Она поцеловала Удалова в щёку и убежала. А Удалов пошёл домой и только у самого дома сообразил, что уже первый час ночи, что он пропал в прошедшем времени и Минц сходит с ума от беспокойства, а может, соображает спасательную экспедицию.

Но сходил с ума не Минц, а жена Удалова Ксения. Она ждала у выхода из чулана. Она уже выдавила из Минца всю правду об экспери-

менте. Сначала она обрадовалась мужу, но потом уловила запах духов «Красная Москва» и чуть было не убила Корнелия.

– Ясно теперь, какая у вас машина времени! – кричала она. – Я в партком пойду!

Минц еле уговорил Ксению подождать с походом в партком до утра.

Всю ночь Ксения прорыдала, собирала вещи, чтобы ехать к сестре в Саратов, а утром поставила ультиматум. Или её пустят в прошлое на проверку, или она будет убеждена, что Удалов подземным ходом бегает из чулана к своей неизвестной любовнице.

Пришлось взять с Ксении слово о неразглашении и передать ей сорок пять экспериментальных рублей.

Ксения переоделась в платье Ложкиной, которое принёс Ложкин, а экспериментаторы остались у двери в чулан и переживали.

Но Ксения вернулась, как и обещала, через час. В путешествие во времени она поверила в тот момент, когда издали увидела в 1948 году свою маму, которая гуляла с ней, с Ксенией, в сквере у церкви Параскевы Пятницы.

Денег она с собой не принесла, потому что забрела в коммерческий магазин, о котором смутно помнила как о райском месте. Раньше ей там не приходилось бывать, потому что её семья, как и большинство семей в городе, жила на карточки и бедствовала. А к коммерческому магазину она с подружками бегала поглядеть на изобилие в витрине. Так что было бы слишком жестоко корить Ксению за то, что она навела историческую справедливость, купив в коммерческом магазине банку красной икры, три банки крабов и шмат осетрины.

Когда Ксения признавалась в этом экспериментаторам, её глаза тихо светились удовлетворённым сиянием, будто у львицы, скушавшей толстую зебру.

Объяснять, как случилось, что на следующее утро о покупках Ксении узнала жена Ложкина, нет нужды. И так всё ясно. Но вот почему Ксения поведала об икре своей родственнице Антонине, которую не выносила, загадка. А как узнали о продуктах двоюродные сёстры Грубина – Шура и Оля, – догадаться можно.

С утра следующего дня профессор Минц попал в осаду. Друзья его покинули. Они уже проиграли свои битвы. Несколько женщин разного возраста сидели в его тесно заставленном книгами и приборами

кабинете и осыпали профессора несправедливыми упрёками. Минц понимал, что работы придётся прекратить и, ещё тщательнее засекретив, перенести за город. Но с женщинами надо было что-то делать. А так как Минц был добрым человеком, то придумал он следующее.

Коммерческий магазин образца 1948 года располагался на Пушкинской в старом особняке сосланного в Гусляр польского конфедерата пана Игнация Зомбковского. Теперь в помещении магазина устроили станцию юных авиамоделистов.

Во второй половине дня, когда авиамоделисты разошлись по домам, к дверям особняка подошли экспериментаторы.

Они споро прикрепили ко входу металлическую ленту машины времени. Так что теперь прошедший сквозь дверь немедленно оказывался в коммерческом магазине № 1 города Великий Гусляр в июле 1948 года.

Сделано так было потому, что Минц не мог допустить, дабы целый отряд наших современниц носился в поисках дефицита по улицам прошлого. Это неизбежно вызвало бы подозрения и скандал. Теперь же Минц запускал дам в магазин, минуя улицу. И можно было надеяться, что такой рейд не успеет привести к скандалу.

Всё было готово. Женщины, числом восемь человек, с сумками в руках, перешёптывались, волновались. Минц раздал им по сто рублей и сказал:

– Вести себя прилично, не ронять достоинства советского человека. Взяла – выходи, уступай очередь следующей.

По знаку Минца первой вошла в магазин Антонина. На улице было тихо. Из соседнего дома вышла любопытствующая старушка. Ложкина отрядили отвлечь её и увести из зоны.

Время шло. По расчётам Минца, покупки должны были занять пять минут. Но и через десять Антонина не появилась. Минц и Грубин не беспокоились, они понимали, что Антонина так просто из магазина не уйдёт. Но женщины с каждой минутой переживали всё более, опасаясь, что Антонина купит слишком много и остальным не хватит.

И когда прошло пятнадцать минут, произошёл неожиданный бунт.

С криком: «Мы не можем больше ждать!» – жёны, сёстры и матери смели Минца, сторожившего вход, и, сшибая друг дружку, пробились в дверь. Оказавшись в проёме, они исчезали. И когда исчезла последняя, старуха Ложкина, наступила трагическая тишина.

– Что делать? – спросил Удалов.

– А ничего, – ответил легкомысленный Грубин. – Купят, вернутся. Много денег вы им дали, Лев Христофорович. Раньше чем через полчаса ждать их не следует.

Грубин оказался прав. Наступила долгая пауза. И тянулась она более двадцати минут.

По истечении этого времени в проёме двери возник плотный молодой человек в военной форме с лейтенантскими погонами и в фуражке с бирюзовым околышем.

Он окинул наших современников грозным взглядом и спросил:

– Минц Лев Христофорович присутствует?

– Это я, – признался профессор.

– Оставаться на месте, – приказал лейтенант и тут же исчез снова.

Через минуту в проёме двери появился письменный стол. На нём стоял стул. Лейтенант двигался сзади стола, подталкивая его.

Затем лейтенант установил стул возле двери, уселся на него и сказал:

– Плохо ваше дело, гражданин Минц.

– Объясните! – воскликнул Минц. – Я ничего не понимаю.

– Вы признаётесь в организации антисоветского заговора? – спросил лейтенант. – Все ваши сообщницы уже признались.

Удалов ахнул. Он догадался, что Ксения попала в беду.

– В чём вы меня обвиняете? – произнёс Минц дрогнувшим голосом.

Откуда-то лейтенант извлёк папку с надписью «Дело № 2451». Раскрыл её.

– В обвинительном заключении говорится, – прочёл он, – «отправив в город Великий Гусляр диверсионную группу в составе восьми человек, гражданин Минц Л.Х. поручил диверсанткам под видом приезжих покупательниц икры отравить руководство города, а также взорвать мост через реку Гусь».

– Это чепуха! – возмутился Минц.

– Они признались, – кратко и даже печально отозвался лейтенант. – Здесь есть все их показания.

– Отпустите их, немедленно! – воскликнул Минц. – Они ни в чём не виноваты.

– Значит, признаёте? – Губы лейтенанта тронула улыбка.

– Я признаюсь в чём угодно, – сказал Минц. – Вам всё равно не понять.

– Следуйте за мной! – приказал лейтенант. – Заодно возьмите стол.

– Не ходи! – закричал Удалов. – Они не выпустят.

– Дело не во мне, – объяснил Минц. – Я отправил наших женщин в прошлое. Я несу за это ответственность.

– Но он же их не отпустит, – вмешался Грубин. – Они же с тобой по одному делу проходят.

– Разумеется, – сказал лейтенант. – Чрезвычайная тройка скажет своё слово. Если диверсантки невиновны, они вернутся к вам. Но если... – И с улыбкой лейтенант приложил ко лбу палец и щёлкнул языком.

Удалов пошатнулся от ужаса.

– Прощайте, товарищи, – сказал Минц Удалову и Грубину и сделал шаг к двери.

И тут они услышали голос Ложкина, который вернулся к двери.

– Что тут происходит? – спросил он.

– Вы, гражданин, проходите, не задерживайтесь, – приказал лейтенант. – А то тоже попадётесь.

– Постой, постой, – проговорил Ложкин.

– Они арестовали наших женщин, – сообщил Удалов. – И теперь Минц идёт жертвовать собой.

– Никуда он не идёт, – не согласился Ложкин.

– С дороги! – прикрикнул на старика лейтенант.

А тот произнёс:

– Узнаю, узнаю тебя, Коля.

– Что такое? Мы незнакомы.

– Мы ещё как знакомы, – сказал Ложкин. – Был у меня в молодости эпизод. Демобилизовавшись, я прослужил некоторое время в органах. Знакомьтесь!

И тут все поняли, что лейтенант и есть Николай Ложкин, только сильно помолодевший.

– Не верю, – сказал лейтенант.

– Придётся поверить. – Ложкин достал паспорт и протянул самому себе.

Лейтенант раскрыл паспорт, долго изучал фотографию, посмотрел на старика Ложкина. Закрыл паспорт.

– Чёрт знает что, – сказал он наконец, и что-то человеческое промелькнуло в его глазах.

– Так что, Коля, – заключил старик Ложкин, – я твоё будущее. Пенсионер районного масштаба. Честный, уважаемый человек.

– Ты тоже заговорщик! – сказал лейтенант неуверенно. – Тебя тоже к стенке нужно.

– А Верку уже бросил или ещё живёшь с ней? – спросил старик Ложкин.

– Я ничего не знаю!

– Верку Рабинович, свою тайную любовь, дочку репрессированного врага народа, бросил, спрашиваю? Я себе этого до сих пор простить не могу. Своей трусости.

Друзья смотрели на старика Ложкина в изумлении.

Знали они его уже много лет, всю жизнь он проработал бухгалтером... И вот, оказывается, эпизод!

– Бросил, – ответил лейтенант, потупив глаза.

– А к матери на могилку съездил, как дал себе клятву? Или всё дела, процессы, заговоры?

– Я съезжу, – пообещал лейтенант, и Удалов подумал, что он ещё не погибший человек, только исполнительный и недалёкий. Жертва эпохи.

– Так вот, слушай меня внимательно, – сказал Ложкин самому себе. – Никто, кроме тебя, этих женщин не видел и никто об этом липовом заговоре не знает.

Никакой карьеры ты на нём не сделаешь. Сейчас отпустишь их всех, в том числе, должен тебе сказать, собственную жену, на которой ты женишься в конце пятьдесят первого, но не здесь, а в Тюмени. И знаешь, почему в Тюмени?

– Почему? – упавшим голосом произнёс лейтенант Ложкин.

– Потому что сегодня же ты подашь в отставку по поводу раны, которая мучает тебя с сорок второго года. Уедешь в Тюмень и станешь работать бухгалтером. Тебе всё ясно? – Голос Ложкина-старшего стал громовым. – Исполняй, мальчишка!

– Есть.

Лейтенант оставил стол и стул и исчез в дверном проёме.

– Какой мерзавец, – сказал Ложкин-старший. – Неужели я так жил?

– Всё бывает, – сказал Минц устало. Он смотрел на дверь, ожидая, когда в ней появятся женщины. Но женщины не появлялись.

Удалову казалось, что кровь стучит в ушах, отбивая секунды.

– Так, – произнёс наконец Ложкин. – Этого я и опасался. В молодости во мне сидел мерзавец. Это бывает с людьми. Пока нет обстоятельств, мерзавец спит, а появится возможность сделать карьеру, начинает нашёптывать на ухо опасные слова. Я пошёл туда!

– Нет, – возразил Минц. – Это опасно.

– Если я не остановлю его, он получит награду, поднимется по служебной лестнице. И тогда уже не остановится. А куда мне тогда деваться?

И Ложкин сделал шаг к двери.

– Эврика! – закричал Минц. – Мы всё сделаем иначе.

Он достал из кармана маленький циферблат, осторожно кончиком ногтя подвинул назад стрелку.

– Поняли? – спросил он.

– Понятно, – улыбнулся Грубин.

– Сейчас я войду в магазин, но это сейчас будет не сейчас, а через секунду после того, как там окажутся наши женщины.

И с этими словами Минц скрылся в проёме двери.

И тут же началось невообразимое.

Одна за другой из двери начали вылетать женщины с сумками в руках. Они визжали, ругались, сопротивлялись, хватались руками за раму двери, стараясь вернуться в коммерческий магазин. Но Минц

в гневе может быть ужасен, а друзья его так быстро и ловко подхватывали женщин и так энергично оттаскивали их от магазина, что через три минуты все участницы путешествия во времени оказались в 1988 году. И разумеется, ни о каком лейтенанте они и слыхом не слыхивали. Затем вышел Минц.

Удалов с Грубиным утешали женщин, пытались объяснить им, какой ужасной участи они чудом миновали. Но женщин гневило более всего не то, что они остались без икры, а то, что Антонина, самая первая, успела купить икры на сто рублей старыми деньгами.

Удалов пустил в ход все свои дипломатические способности и кое-как уговорил Антонину поделиться икрой с товарками. Грубин быстро смотал с дверной рамы ленту машины времени, чтобы лейтенант Ложкин не вернулся за своим письменным столом.

А сам старик Ложкин обнял Минца и заплакал от радости. Ведь Минц спас его честь и биографию.

Но проницательный Грубин сказал:

– А я не особенно беспокоился. Ведь ты, Ложкин, среди нас. И честный пенсионер. А что это значит? А это значит, что лейтенант обязательно уйдёт в отставку и уедет в Тюмень искать свою супругу.

СВОБОДНЫЙ ТИРАН

Хоть горючее было на исходе, приземлился Удалов удачно: ничего не разбилось, и сам не пострадал.

Удалов поглядел в иллюминатор – дождя не было, температура плюс семнадцать. Удалов надел пиджак, проверил, не забыл ли бумажник с документами, и спустился по трапу на незнакомую планету.

Корабль стоял на пустоши, в кустах, засеянное поле удалось не повредить, и это Удалова порадовало. Он зашагал по пыльной дорожке к городу.

В городе у крайнего дома копался пожилой мужчина в серой куртке и серых штанах.

– Простите, – обратился к нему Удалов на космолингве, языке, понятном во всей цивилизованной Галактике. – Вы не скажете, где у вас продают топливо для космических кораблей?

– Нет у нас космических кораблей, – ответил местный житель.

– А керосин у вас есть? Мне, в крайнем случае, керосин подойдёт.

– Керосин есть, – ответил местный житель. – Только вам не продадут.

– Почему?

– Потому что вы нарушили. В зону спустились.

– Я с мирными целями, – сказал Удалов. – Пролётом. У меня все документы в порядке.

– Моё дело маленькое, – ответил местный житель. – Я просто заключённый.

И он снова принялся копать огород. А Удалов только тут заметил, что на груди и на спине поселянина нашит чёрный семизначный номер.

Эта новость несколько встревожила Удалова, но он продолжил путь. Встречались редкие прохожие. На Удалова они смотрели с любопытством, но вопросов не задавали. И он молчал. Все прохожие были в сером и с чёрными номерами.

Тут Удалов увидел человека со стопкой книг под мышкой. Удалов смело подошёл к нему, полагая, что с интеллигентом всегда легче договориться. Он задал ему вопрос о керосине. Человек ответил, что керосин достать трудно – в стране нет автомобильного и подобного транспорта. Ещё три года назад по приказу тирана все двигатели были уничтожены, чтобы злоумышленники не убежали, воспользовавшись ими, из зоны.

– Надо ли ваш ответ понимать так, будто я нечаянно опустился на территорию концлагеря, а вы все тут заключённые?

– Вы правильно рассуждаете, инопланетянин, – ответил интеллигент.

– За что же вы арестованы? – спросил Удалов.

– Кто за что! – уклончиво ответил интеллигент.

– А есть ли автомобили за пределами зоны?

– Я не могу ответить на этот вопрос, – сказал интеллигент, – так как я не знаю, что делается в остальном мире.

– Неужели без права переписки? – удивился Удалов.

Интеллигент кивнул.

– А как же семья?

– Нет у меня семьи, – вздохнул интеллигент и поспешил прочь.

Возможно, потому, что к Удалову приближался полицейский. Его можно было отличить по фуражке, палке в руке и высоким сапогам. В остальном он был одет как заключённый, и номер у него был тоже семизначный.

– Что происходит? – спросил полицейский.

Удалов сразу во всём признался и был арестован. Полицейский повёл его по главной улице лагерного города. Тот мало чем отличался от обыкновенного, лишь вместо названий улиц на углах висели номера блоков или зон, а вместо номеров домов – надписи «Барак № 456» или «Карцер № 24». Но это не мешало работать парикмахерским и извозчикам. Правда, даже на лошадях были лагерные номера.

В помещении лагерной комендатуры Удалова попросили подождать. Удалов уселся на лавку в узком коридоре. По одну сторону от него сидел оживлённый подросток, по другую – девица лёгкого поведения. Её профессию можно было угадать по укороченной серой юбке и глубокому вырезу в лагерной робе.

– Удивляет меня ваш лагерь, – сказал Удалов. – Все занимаются своими делами, и никто не перевоспитывается специфическим трудом.

Подросток угодливо засмеялся, а девица схватила мальчишку за вихры и принялась трясти. Она трясла подростка до тех пор, пока он не выплюнул часы Удалова. Как и многие проститутки, та девица в обыденной жизни была сердобольным человеком.

Вернулся полицейский и отвёл его к коменданту.

– Как? – удивился Удалов. – Вы тоже заключённый?

– Разумеется, – ответил комендант.

– И давно сидите?

– Давно, – ответил комендант. – Но вам припаяют куда больше.

– За что?

– За бегство.

– Но я никуда не бегал.

– Границу зоны пересёк? Значит, бегал.

– Но я же внутрь пересёк, а не наружу!

– Не всё ли равно, в какую сторону?

– А что же теперь делать?

– После обеда суд соберётся. А пока пойдите перекусите. Направо за углом неплохое кафе. Сам там питаюсь. У вас деньги есть?

– Межпланетные кредиты и советские рубли.

– Лучше рубли, – сказал комендант. – Устойчивей. Давайте разменяю.

– Но если я арестованный, – сказал Удалов, пока комендант разменивал деньги, – как же вы меня в кафе отпускаете?

– Я вас не отпускаю, – резонно ответил комендант. – Вы уже в заключении. И ваш срок уже идёт.

Девица лёгкого поведения ждала Удалова у комендатуры.

– Накормишь, кавалер? – спросила она.

Удалов не мог отказать доброй девушке. Она вела себя пристойно, а кафе оказалось чистым и кушанья добротными.

Говорили о пустяках. Удалов поведал о своих проблемах, а девушка рассказала о неудачно сложившейся судьбе.

Только Удалов, допив чай, собрался узнать побольше о заключённом городе, как в кафе вошёл генерал в эполетах, пришитых к тюремной робе.

Он сразу направился к Удалову и сказал:

– Инопланетного пришельца ждут в резиденции.

– Счастливый, – сказала девица, – на свободе побываешь.

Заключённый генерал посадил Удалова в карету с зарешеченными окошками, выглядывать наружу запретил, и они поехали в резиденцию.

Карета остановилась перед высокой решёткой, разделявшей надвое обширный газон. Двое часовых по приказу генерала отперли калитку в решётке, обыскали Удалова и запустили на свободную территорию.

Посреди газона под небольшим балдахином стоял письменный стол. За ним – золотое кресло. В кресле сидел тиран, разительно отличавшийся от всех, кого пришлось здесь увидеть Удалову. Он был облачён в пышный мундир, украшенный орденскими звёздами и аксельбантами.

– Простите, – сказал тиран, – что не приглашаю вас сесть. Не выношу, когда сидят в моём присутствии.

Удалов возражать не стал.

– Мне сказали, что вы ищете керосин, – сказал тиран. – Но вас задержали при нарушении границы лагеря. Теперь вам грозит длительное заключение. Я правильно излагаю?

С тиранами не спорят. Удалов кивнул.

Тиран поднялся с кресла, обошёл стол и протянул Удалову руку.

– Я вам сочувствую, – сказал он. – Мне приходится иметь дело с наивными людьми. Если они сами попали в лагерь, то они считают, что и наши гости тоже должны там сидеть.

Тиран захохотал и принялся трясти руку Удалова.

– А меня зовут Тиран Справедливый. Смешно, правда?

Потом они стали гулять по газону, и тиран упросил Удалова рассказать подробно о галактической обстановке, о новостях на других планетах, куда тирану давно хотелось слетать, но дела не пускали.

Установилась непринуждённая атмосфера, и Удалов спросил:

– Зачем же так много людей держать в лагере?

– К этому приводит логика жизни, – печально ответил тиран.

– Простите, но я не понимаю.

– Когда я победил в борьбе за власть, мне пришлось изолировать оппозицию. Не мог же я всех убить? Вскоре обнаружилось, что содержание лагерей для врагов очень дорого обходится моему любимому народу. Всё им подавай – и парикмахеров, и поваров, и палачей – и всем плати зарплату. – Тут тиран встал в позу, звякнул орденами и воскликнул: – Но недаром же я гений! Я арестовал нужное число парикмахеров, поваров и палачей. И всех посадил в лагерь. Пускай исполняют обязанности бесплатно. Ясно?

Удалов неопределённо наклонил голову. Тирану было достаточно такой похвалы. Он продолжал:

– Но чем их всех кормить? Во что одевать? Пришлось посадить в лагеря крестьянство и рабочих, инженеров и даже писателей вместе с типографиями. – Тиран удовлетворённо вздохнул. – Проблема была решена, – закончил он.

Они ещё немного погуляли. Потом тиран доверительно сообщил гостю:

– Дорого нам обходится правительство.

И тут же светлая идея пришла в голову тирану. Он кинулся к письменному столу и принялся писать указ. Дописав, вызвал заключённого генерала и рявкнул:

– Правительство арестовать! Зону расширить на соответствующий блок. А моего личного гостя отведите в зону и найдите ему койку в приличном бараке. Завтра я с ним продолжу беседу.

Генерал вывел Удалова в зону, запер калитку и тут же велел подбежавшим охранникам арестовать министров.

Затем отвёз Удалова обратно в центр и высадил у трёхэтажного здания, по фасаду которого протянулись чёрные буквы: «Барак № 21». А внизу поменьше, золотом и с финтифлюшками: «Отель „Каторга“».

Администратор в лагерной одежде велел охраннику проводить Удалова на второй этаж. Там ему открыли дверь «одиночки № 45». Карцер был уютный, с двуспальной кроватью. На рассвете Удалова разбудили. В карцере стоял заключённый генерал. Через руку у него висела серая одежда.

– Тиран Справедливый требует к себе заключённого номер 6789421! – гаркнул он. – Переодевайтесь.

Удалов послушно переоделся. Наверное, тиран забыл, что Удалов ещё свободный, придётся напомнить.

Когда Удалов с генералом проходили через холл, из-за колонны выскользнула девица лёгкого поведения.

– Здравствуй, – сказала она. – Наша фирменная одежда тебе к лицу. А я достала керосину. Тридцать гекалитров. До Альдебарана должно хватить.

Она была славной девушкой. И бескорыстной. Удалов пожелал ей скорейшего освобождения и счастья в личной жизни.

Договорились, что керосин девица подвезёт к кораблю. Потом Удалов вернулся к генералу, и они поехали в резиденцию.

– Как вчера прошли аресты? – спросил Удалов. – Удачно?

– Как положено, – сухо ответил генерал.

Они вышли на знакомый газон.

Середина его была обнесена решёткой. Внутри её размещались письменный стол и золотое кресло. За столом сидел тиран в красивом мундире и что-то писал. На остальной территории газона, отошедшей теперь к концлагерю, резвились дети и загорали заключённые няни.

Удалов остановился у входа в клетку.

– Заходи, – узнал его тиран. – Почувствуй себя свободным человеком. Ты уж прости, но мне пришлось тебя осудить. Всё-таки нарушение границы зоны – серьёзное преступление.

– Что же получается? – спросил Удалов. – Вы теперь один на свободе остались?

– Да! – твёрдо ответил тиран.

– Тогда я пошёл, – сказал Удалов.

Тиран сильно гневался вслед, но покинуть свободную клетку не решился.

Лагерную одежду с номером 6789421 Удалов оставил себе на память.

НАСТОЙ ЗАБВЕНИЯ

Этот настой профессор Минц не изобретал. Руслан Хабаев, народный медик из Нижнеселенгинска, прислал ему пучок травы кут на анализ. Лев Христофорович исследовал траву и подтвердил действие её сока на живые организмы – принявший настой этой травы забывал то, что с ним происходило ранее. В зависимости от дозы время провала памяти изменялось. От одного дня до одного месяца.

Определив химическим путём состав сока и выделив активный агент, Минц сделал для себя некоторый запас этого средства, но применения ему не придумал. В один прекрасный день Минц повстречал во дворе Ксению Удалову. Соседка вела сына в школу и была удручена.

– Что случилось, Ксюша? – спросил добрый Минц. – По глазам вижу, что беда.

– И не говорите, Лев Христофорович, – откликнулась Ксения. – Третий день жизни нет. Увидела я во сне страшный кошмар. Будто возвратилась домой, а мой Корнелий с актрисой Акуловой в одном неглиже распивают водку.

– Но ведь это неправда! Ваш супруг – примерный семьянин. А актрисе Акуловой в нашем городе нечего делать.

– Мама сервиз разбила, – сообщил Максимка. – О папину голову.

– Не может быть! – воскликнул Минц. – А зачем?

– Они же из него водку пили, – ответила Ксения.

– Но только во сне! Не на самом деле.

– Конечно не на самом деле! Но ведь пили! Сама видела.

– Давайте зайдём ко мне на минутку, – сказал Минц. – Может быть, я смогу быть вам полезен.

У себя в комнате Лев Христофорович отыскал на полке маленькую бутылочку с настоем забвения, накапал Ксении в стакан, разбавил водой и предложил выпить. Притом, чтобы не было недомолвок, разъяснил Ксении, что она забудет происходившее с ней в течение последних четырёх дней.

Поблагодарив, Ксения отвела Максимку в школу. Как назло, именно в тот день Алла Степановна, учительница по русскому, по прозвищу Марфута, женщина добрая, но уставшая от постоянных неуспехов Удалова-младшего, вызвала Максима к доске и осталась его ответом недовольна.

И тогда она предупредила, что на следующем уроке обязательно будет гонять мальчика по всем правилам грамматики, а в случае очередного прогула будет вынуждена вызвать в школу родителей.

Максим вышел из школы как в воду опущенный. Не потому, что раскаивался, а потому, что ему грозила катастрофа: через два дня день рождения – и обещанный велосипед. Завтрашний провал перечёркивает велосипед и грозит телесными наказаниями.

Максим брёл, волоча по пыли портфель, и даже начал подумывать, не взяться ли за учебники, но тут увидел во дворе профессора Минца, который сидел под кустом сирени и читал иностранный журнал. В тот миг утренние события проснулись в памяти Максимки. Он понял – надежда есть! Если Марфута забудет о своём злодейском намерении, велосипед можно спасти.

Максимка знал, что, когда Лев Христофорович читает, его и пушками не отвлечёшь. И ещё он знал, что дверь к Минцу никогда не запирается.

Через пять минут Максимка пошёл домой. В портфеле лежал заветный пузырёк.

За обедом, чтобы проверить профессора, Максим спросил маму:

– Как твой сон, не беспокоит?

– Какой сон? – не поняла Ксения.

– Об актрисе Акуловой.

Корнелий в ужасе прижал к губам палец.

Но Ксения не заметила этого отчаянного жеста.

– Ешь, сынок, а то остынет, – сказала она.

И Максимка поверил профессору Минцу.

После обеда Максим пошёл к дому Марфуты, решив, что не вернётся домой, пока не накапает ей в чай или в суп настоя.

Он хотел разыграть кающегося грешника, попросить о дополнительных занятиях. Всё равно она забудет.

Дверь открыла Марфутина мать, она сказала, что Алла Степановна уехала в Тотьму на совещание и вернётся только к ночи.

Это была трагедия. Не приходить же к учительнице ночью в виде кающегося грешника.

Расстроенный Максимка уселся на берегу речки и стал думать.

В реке текла вода, много воды, но в кран Марфуты эта вода не попадёт. А какая попадёт?

И тут Максим сообразил: вода попадает в дома из водопровода. Если найти, где водопровод начинается, влить туда пузырёк, то хоть капля доберётся до учительского дома.

Сообразительный мальчуган пробрался на городскую водопроводную станцию и, пользуясь доверием тамошнего дежурного, которому Максим рассказал, что готовит доклад о работе водопровода, был допущен к водозабору и вылил в городскую сеть пузырёк с настоем.

Это случилось в восьмом часу вечера. В десять Максим уже спал сном праведника. Ему снился велосипед, на котором каталась актриса Акулова.

Великий Гусляр просыпается рано. Идут на работу люди, тянутся к базару подводы и жигулята, спешат пассажиры к первым автобусам, с реки доносятся голоса матросов и рыболовов.

Семья Кобчиковых проснулась в предвкушении большого праздника. Пока Зина чистила зубы, мать всё поучала её через дверь в ванной:

– Всё начинается с ЗАГСа. Ты там должна им показать, кто в семье будет командиром.

– Ах оставь, мама! – отвечала Зиночка. – Он у меня ручной.

Белое платье висело на плечиках и блестело стеклярусом. Все уже сидели за столом, завтракали, пили чай, только Зиночка не могла оторваться от платья. Наступал её День.

Наконец она присоединилась к семье.

Отец, в чёрном костюме, при галстуке, тем временем уже встал из-за стола.

– Ты куда, папа? – спросила Зина, наливая себе из чайника.

– Куда-куда, на службу пора, – ответил папа.

И Зина весело рассмеялась.

– Разрядился как петух, – проворчала мать, отодвигая чашку. – Извозюкаешь костюм-то.

– Мама! – Зиночка сочла, что шутка идёт слишком далеко.

Она нервно пила чай.

– А ты чего? – спросила мать. – Весь техникум тебя ждёт не дождётся, пока ты на урок явишься.

– Мама! – Но тут возмущение Зиночки тем, что родители позволяют себе так шутить в день её свадьбы, уступило место беспокойству – в самом деле, не опоздать бы на занятия.

Зиночка побежала к себе одеваться и в изумлении увидела, что у её кровати на плечиках висит белое подвенечное платье.

– Мама! – закричала Зиночка. – Мама, ты что здесь повесила?

Мать вошла на крик и замерла в изумлении.

– Я не вешала, – сказала она.

– Я знаю! – обрадовалась Зиночка. – Это отец купил, сюрприз хотел сделать. Он знает, что я... что мы с Колей дружим.

– Он с ума сошёл! Так же сглазить можно!

– Красивое платье, – одобрила Зиночка. – А может, он в самом деле сделает мне предложение?

– Теперь деваться некуда, – сказала мать. – Платье куплено. Так что ты ему намекни.

Когда Зиночка подбежала к техникуму – она и в самом деле опоздала, – у входа маялся Коля. Несмотря на тёплый сентябрьский будний день, он был в новом чёрном костюме.

– Ты что разоделся? – спросила Зиночка.

– Сам не понимаю, – ответил Коля. – Состояние какое-то приподнятое. Будто тебя целый месяц не видал, а сейчас увидел. Понимаешь?

– Честно, Коля?

– Честно, Зина. А может, пойдём распишемся?

Нет, не зря таинственное белое платье появилось дома.

– Жди меня после техникума, – сказала Зиночка, – поговорим. Мне надо подумать.

А между тем Зинин отец Кобчиков, понимая, что напрасно надел чёрный костюм, шагал по улице и удивлялся – ещё вчера деревья стояли зелёные, а сегодня начали желтеть. Что с климатом делается! И всё из-за спутников.

С этими мыслями он вошёл в горуправление и поднялся к себе на второй этаж, заглянул по пути в приёмную к Батыеву, того ещё не было, но Людмила сидела за машинкой, красила ногти. Перед ней стоял какой-то приезжий и уныло повторял:

– Вы же вчера сказали, чтобы я пришёл.

– Не помню, – отвечала Людмила. – Никогда вас не видела.

А сам Батыев с утра поднялся злой. Почему – не знал, но злой. Стал собираться на работу. Подумал, что виноват в этом настроении Карась. Копает под него тихой сапой, а на вид – пальцем можно раз-

давить. И тут в дверь позвонили. Жена была на кухне, Батыев сам открыл. Там стоял почтальон, отдал заказное письмо.

Батыев расписался, разорвал конверт. В конверте почему-то лежали два билета на поезд Вологда – Туапсе на тридцатое сентября.

– Это что ещё такое? – взревел Батыев и кинулся на кухню. – Ты зачем билеты заказывала?.. Почему на тридцатое сентября? Мы же в отпуске в июле были.

– На тридцатое? – удивилась жена. – Какие билеты?

– Смотри!

И тут взгляд Батыева упал на отрывной календарь, что висел над кухонным столом. На календаре была дата – 28 сентября.

– Кто листки отрывает? – ещё больше рассердился Батыев. – Кто целый месяц оторвал? Ты совершенно за внуками не следишь!

– Васечке до календаря не дотянуться, – сказала жена, продолжая рассматривать билеты. – Может, ошибка?

– Знаю я, какая ошибка, – догадался Батыев. – Это Карась подстроил.

– Но зачем?

– А вот сейчас приеду на службу, вызову его и уволю! Хватит!

Снизу гуднула машина – пора ехать.

А у Карася в то время были свои неприятности. Он, как встал, полез в гардероб, в свой ящик, достать чистую сорочку. И вдруг пальцы его нащупали на самом дне нечто завёрнутое в бумагу. Ничего не понимая, Карась вытащил свёрток, развернул его. В бумаге была коробочка, на которой было написано по-французски. Это были духи. Почему французские духи лежат под его сорочками?

Карась хотел спросить об этом у жены, но жена уже вошла в комнату и сама увидела мужа с духами в руке.

– Это что такое? – спросила она.

– Я у тебя хочу спросить, что это такое? – искренне ответил Карась.

Разница между супругами заключалась в том, что Карась не помнил, как и почему французские духи оказались в его белье, а его жена была убеждена, что ей-то он никогда бы не купил французских духов. Значит, он купил другой, попался и теперь нагло лжёт.

Так что Карась на работу опоздал, и это было плохо, потому что надвигался последний этап борьбы с Батыевым. Не сегодня-завтра в

области должны принять решение, а пока надо таиться и не давать злобному, подозрительному Батыеву предлогов для расправы.

Карась добежал до управления, прижимая к глазу холодный пятак, пригнувшись, мелькнул коридором и юркнул за свой стол – справа от стола, за которым уже сидел Кобчиков в чёрном костюме, что само по себе было подозрительно.

– Батыев не проходил? – робко спросил Карась у Кобчикова, на что сослуживец ответил, что вроде бы только сейчас прошёл.

Пронесло, возрадовался Карась. Тут зазвонил телефон, и какой-то пенсионер начал кричать, что у них в доме уже месяц трубу никак не заварят, потоп. Карась обиделся, ответил, что про трубу стало известно только вчера, а пенсионер всё кричал: «Вы на календарь поглядите, бюрократы!» Карась поглядел на календарь – на календаре был конец сентября, чего быть не могло, потому что сентябрь только-только начинался. Кобчиков обернулся к соседу по столу и спросил:

– Карась, нам премию за август давали?

Карась понял, что не помнит. А вдруг он духи купил на премию? Но для кого? Неужели для Людмилочки, батыевской секретарши? Но ведь они же договорились тайно, что соединятся в тот день, когда он, Карась, займёт это место.

И тут по управлению разнёсся жуткий, зловещий рык.

В следующее мгновение в комнату ворвалась перепуганная Людмилочка и завопила:

– Карася к Батыеву, на полусогнутых!

Карась хотел перекреститься, но не посмел и потому попросил упавшим голосом Кобчикова:

– Пойдём со мной, а? Ты в месткоме, он при тебе меня съесть не посмеет.

Батыев стоял спиной к ним в собственной приёмной, перед собственной дверью. К двери была привинчена табличка: «С. КАРАСЬ». Батыев старался отколупнуть табличку ногтями, но винты не поддавались.

Карась зашатался от страха. Чья-то злая шутка, такая несвоевременная, могла стоить головы.

Кобчиков поддерживал осевшего Карася. Людмила рычала. В двери приёмной заглядывали другие сотрудники.

– Я вам гарантирую, – промямлил Кобчиков, – что Карась никогда и в мыслях...

Батыев оторвал табличку, метнул её в окно, потом полез, глядя на Карася оловянными глазами, в карман за платком. С платком из кармана выпала книжечка. Кобчиков подобрал её и протянул Батыеву.

– Это ещё что? – прорычал тот, раскрывая её. Прочёл, что там написано, выронил книжечку и упал в обморок.

Кобчиков книжечку подобрал. Она была пенсионной книжкой на имя товарища Батыева.

Пока Карася и Батыева откачивали, Кобчиков прошёл в кабинет и позвонил в область. И спросил в орготделе, кто у них в Гусляре начальник? И ему ответили, что начальник уже две недели как Карась, а Батыев на заслуженном отдыхе. О чём Кобчиков и сообщил сослуживцам.

Батыева повели вниз, на отдых, а Карась, собравшись с духом, вошёл в кабинет, занял место за большим столом и вдруг воскликнул:

– Здесь всё моё!

Остальные проверили: в самом деле, на столе были вещи Карася – папка, блокнот, ручки и даже фотография супруги с детьми.

– Кто помнит, как это случилось? – спросил Кобчиков.

Никто не помнил.

А Карась уже пришёл в себя и сказал незнакомым, батыевским голосом:

– Попрошу очистить мой кабинет. Работайте спокойно. Кого надо, вызову. А вы, Людмила Иосифовна, останьтесь.

– Это наваждение... любимый, – сказала Людмила, когда они остались вдвоём.

– Будут тебе духи, – пообещал Карась. – Но не сразу.

Несмотря на то, что подобные истории происходили в тот день в разных концах города, во всех домах и учреждениях, порой даже более трагические или куда более забавные, нежели те, о которых рассказано, жизнь продолжалась. Своим чередом.

Когда впоследствии профессор Минц размышлял, почему же город к вечеру смирился с пропавшим месяцем, он понял, что жизнь, за редкими исключениями, течёт однообразно и месяц сентябрь во всём схож с октябрём.

Наиболее лукавые чиновники с тех пор в критических ситуациях ссылаются на объективную забывчивость.

Среди гуслярцев была по крайней мере одна персона, которая ни о чём не забыла. Учительница русского языка Алла Степановна по утрам пьёт молоко. Так что, когда она пришла в школу и начался урок, первым делом к доске был вызван Максим Удалов. Оказалось, что грамматические правила ему неведомы. Она вызвала в школу Ксению Удалову, и Максим не получил велосипеда на день рождения.

И не огорчился. Он не помнил, что ему был обещан велосипед, а Корнелий Удалов, разумеется, не помнил, что обещал подарить велосипед сыну.

АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГАВРИЛОВА

– Перестань паять, – сказала мать Гаврилову. – Воняет. И дом спалишь.

– Сейчас, мам, – сказал Гаврилов. – Я Гоше обещал. У них сегодня концерт. Моё слово – кремень. Ты же знаешь.

– Для других кремень, – сказала мать. – А утюг дома вторую неделю перегоревший.

– Сделаю, – ответил с некоторым раздражением Гаврилов, который не выносил поручений и обязательств. И обычно делал то, чего делать не следовало.

Было жарко, тополиный пух мешал работать. В окно то одиночными выстрелами, то пулемётными очередями влетали звуки доминошного сражения.

– А в институт я за тебя поступать буду? – не отставала мать. – У меня денег на репетиторов нету.

– Подготовлюсь, – отмахнулся Гаврилов. – Мне репетиторы не нужны. Я страшно талантливый.

– Дурак, – сказала мать. – Обедать будешь?

Обедать Гаврилов сел только через час, когда с усилителем было покончено. Он включил его на полную мощность, некоторые соседи по двору закрывали окна, другие сердились.

Пообедав, Гаврилов понёс усилитель в парк, где ждал Гоша. Дружба с Гошей была выгодна, потому что Гоша был знаменитым человеком,

а Гаврилов обыкновенным. Гоша выступал в ансамбле, и Люся скорее полюбит человека, приближённого к Гоше, чем просто Гаврилова.

Жара не спадала. Усилитель был тяжёлый, Гаврилову надоело его тащить, и он сел на скамеечку у ворот парка, в тени.

Он закурил. Дома не покуришь, мать убьёт.

Рядом сел старик. Гаврилов не заметил, как он подошёл.

– Курить придётся бросить, – сказал старик.

Старик был древний, но подтянутый, жилистый.

Правда, одет кое-как, будто с чужого плеча.

– Брошу, – миролюбиво ответил Гаврилов. – Докурю и брошу.

– Тебе ещё нет восемнадцати, – сказал старик.

– Обязательно будет, – сказал Гаврилов.

– Восьмого сентября, – сказал старик.

Гаврилов удивился. Незнакомые старики не должны знать его дня рождения. Он даже присмотрелся к старику внимательнее, но старик в родственниках не значился.

– И что же вы ещё обо мне знаете? – спросил Гаврилов, затягиваясь.

– Очень многое, – сказал старик. – Знаю, что ты подаёшь документы в технологический, знаю даже, почему ты для Гоши усилитель чинил. Но, умоляю, забудь о Люсе. Она тебе не пара.

– Полный обвал, – сказал Гаврилов, который был человеком добродушным. Иной бы на его месте нагрубил старику, так нагло лезущему пальцами в человеческую душу.

– Мне надо с тобой очень серьёзно поговорить, – сказал старик, не дав Гаврилову опомниться. – Времени у меня в обрез. Второй встречи не будет. И от нашего разговора во многом зависит твоя судьба и судьба всего человечества.

– Вам бы отдохнуть, – сказал Гаврилов и выбросил сигарету. Старик не был сумасшедшим. Но, может, лучше, если бы он был сумасшедшим. Гаврилову вдруг захотелось убежать.

– От себя никуда не убежишь, – сказал старик нравоучительно, словно угадал мысль. – Сиди. Слушай.

– А как вас по имени-отчеству? – Гаврилов попытался перехватить инициативу. Но встречный удар опрокинул все его надежды.

– Я – Николай Иванович Гаврилов, – сказал старик.

– Тёзка, значит?

– Нет, я – это ты. Только через семьдесят лет. Не удивляйся, я тебя не разыгрываю. Я такие детали из твоей жизни могу напомнить – лопнешь от изумления.

И сказал это старик с лёгкой печальной улыбкой, а глаза его были такими серьёзными, что Гаврилов, словно ухнув в холодную воду, понял окончательно и бесповоротно: старик говорит правду.

А старик засучил правый рукав и показал родинку. Ту самую, что с рождения была на правой руке Коли. Родинка подросла, но места за семьдесят лет не сменила.

– Да, – продолжал старик, отвечая на вопрос Гаврилова, который тот не успел задать. – Путешествие во времени существует, и я его изобрёл. Вся энергия Земли ушла на то, чтобы я смог полететь во времена собственной молодости и встретиться с самим собой в переломный момент. Сегодня ты вступаешь на путь, который может привести тебя или к величию, мой мальчик, или к глубокому разочарованию.

– А вас к разочарованию привёл? – спросил Гаврилов, которому не хотелось шутить.

– Да. И виной тому мой, вернее, наш с тобой характер. Сколько ты уже потерял времени даром! Сколько мы с тобой ещё потеряем его! Знаешь ли ты, что я прогуливал лекции и на втором курсе засыпал сопромат из-за девушки, которая не заслуживала моей любви? Знаешь ли ты, что я три года потратил на пустую грызню с заведующим моей лабораторией... Я подсчитал, что из восьмидесяти семи лет, что я прожил на Земле, плодотворно я трудился только шесть. И только в зрелом, преклонном возрасте.

– И ничего не сделали?

– Способностями нас с тобой судьба не обошла. За эти шесть лет я изобрёл сплав легче воздуха, нуль-транспортировку, открыл четыре элемента... ну и эту... как её... прости, маразм... Машину времени! И это малая часть того, что я мог бы сделать. Что мне членство в сорока академиях и все мыслимые премии мира – я неудачник! Я профукал жизнь! Я в отчаянии. Моя последняя надежда, что я смогу увидеть тебя и всё тебе рассказать. Ты не должен повторить моих ошибок.

Из парка, продравшись сквозь густую листву, донеслись нестройные звуки – Гоша пробовал свой сакс. Гаврилов разглядывал себя старого. Академик! Люська бы узнала!

– Что же делать? – спросил он.

– Усилитель ты отдашь Гоше, – сказал Гаврилов-старый. Голос его дрогнул. – Вернёшься домой. Гитару подаришь Трубину. Возьмёшь физику Ландау и Лифшица. Она лежит на верхней полке, за «Анжеликой». Вставать будешь в шесть. Пробежка. Обтирание. Ни минуты даром.

Старик медленно растворялся в воздухе.

– Мне не хватало теоретической подготовки, – говорил он. – Я так боялся, что ты не поймёшь. Спасибо... только не кури... величие...

Гаврилов-старый поднял руку. Она была почти прозрачной. Сквозь неё зеленела листва. Потом он исчез.

Гаврилов достал сигарету. Последняя в жизни. Закурил.

Потом отнёс усилитель к эстраде. Поставил на край и сказал Гоше:

– Возьми, не надо мне твоего спасибо. Некогда.

Люся сидела у ног Гоши. Блик от начищенного сакса падал на её щеку. Она вроде бы и не заметила Гаврилова.

Это всё шелуха, сказал себе Гаврилов. Он пошёл прочь.

– Коля! – крикнула вслед Люся. – Я билеты взяла. На десять.

– Жизнь коротка, – ответил Гаврилов. – Надо заниматься.

– Жаль, – сказала Люся. По тону было ясно, что она разочарована...

В девять тридцать Гаврилов положил Ландау и Лифшица на шкаф и натянул куртку сафари. Домой вернулся перед рассветом. Поднимался по лестнице и нюхал ладонь – она сохраняла запах духов «Ландыш».

Было бы банально предположить, что, проснувшись утром, Гаврилов с раздражением отмахнулся от воспоминания о назойливом старике. Гаврилов старику поверил. Гаврилов был согласен, что с его характером великим учёным не станешь. Но вставать в шесть, обтираться холодной водой, не курить и забыть о Люсе – особенно последнее – было невыполнимой программой.

Две недели Гаврилов метался. Он даже на пляж брал с собой учебники. И неизвестно, чем бы всё кончилось, если бы Люся не сообщила, что решила поступать в стоматологический. Казалось бы, это не должно нарушать великих планов Гаврилова. Но в решении Люси была роковая деталь: ещё раньше туда подал документы наглый Матвей Пикуля.

Мать была потрясена, узнав, что Коля решил стать зубным врачом. Зубных врачей Коля не выносил.

– Я изучу там физиологию, – сказал Коля. – И строительство мостов. Это не менее важно...

И матери показалось, что в комнате раздался скорбный старческий стон, хотя никого, кроме неё и Коли, там не было.

ДАНТИСТ ГАВРИЛОВ

Неизвестно, кого студенты ненавидели больше – профессора Самойло или старичка Кикина. Тем более что эти совершенно разные люди сливались в их сознании в единого мучителя. Студенты были не одиноки. Гаврилов сам слышал в коридоре, возле кафедры, как незнакомый преподаватель говорил Самойло: «Вы путаете студентов с морскими свинками». – «Нет, не путаю, – возражал толстый Самойло, – хочу, чтобы они не считали свинками пациентов». Матвей Пикуля клялся Люсе Сахаровой, что в министерстве Самойле категорически отказали и что он всё сделал в обход постановлений. Гаврилов не удивился. Самойло готов игнорировать даже приказ министра.

Разумеется, Кикин был не единственным индуктором. К примеру, Гаврилову девочка с воспалением надкостницы доставила куда больше страданий. Но в девочке не было садизма. В Кикине садизм – основная черта характера.

В понедельник они должны были отрабатывать на Кикине местную анестезию. Когда Гаврилов проснулся и вспомнил об этом, у него участился пульс и подскочила температура. К сожалению, недостаточно, чтобы остаться в общежитии. К тому же Гаврилов понимал, что Самойло, при всей его первобытной жестокости, желает больным добра.

Гаврилов пришёл в аудиторию минут на десять раньше Кикина. Лаборантка уже раскладывала по столам приёмники. Тощий Гордеев бродил по проходу и спрашивал всех:

– Если у меня несварение желудка, всю ночь не спал, так при наложении может возникнуть летальный исход? Как думаешь, Самойло примет во внимание?

Ему не отвечали. Все знали, что не примет. Свой понос Гордеев придумал полчаса назад.

Гаврилов сел за свой стол и взял приёмник. Совершенно безвредная на вид машинка. Похожа на наушники, только вместо мембран

присоски к вискам и провод к коробочке самого приёмника. Он примерил прибор. Прибор был выключен, но Гаврилова буквально пронизала отвратительная мелкая дрожь – от предчувствия.

Сейчас придёт Самойло, приведёт очередного страдальца, усадит его в кресло, лаборантка опутает эту морскую свинку проводами, и студенты начнут страдать. Это ужасно, но мудро, думал Гаврилов. Он признавал, что в этом есть жестокая мудрость.

Краем глаза он заметил, что прибежала Люся, отрада его глаз, мечта его сердца. И сразу бросилась к Пикуле. Пошептались. В который раз Люся позавчера клялась, что к Пикуле испытывает чисто товарищеские чувства. Гаврилову было сомнительно существование товарищеских чувств как таковых. Это что, чувство локтя? Люся сидела рядом с Матвеем, вертела в руках его приёмник, потом они перешли к её столу и продолжали свои таинственные переговоры, а Гаврилов старался не смотреть в их сторону и, разумеется, смотрел.

Приплёлся Кикин. Махонький старичок с ватой в ушах, в большом пиджаке, на создание которого ушёл пуд ваты. Жёлтая кожа на ручках и лице кое-где провисала складками, а кое-где была натянута, и Гаврилову казалось, что туда тоже подложена вата. А клочки ваты над ушами образовали волосяной покров. Кикин со всеми поздоровался и вцепился в Гаврилова. Этого тот и боялся. Кикин почему-то из всей группы выделял именно Гаврилова.

– Я сегодня не спал, – сообщил он. – Совершенно замучил радикулит. Доходит до степени люмбаго.

За своё долгое общение с медициной Кикин нахватался разных слов и употреблял их почти правильно.

– Песочку, – буркнул Гаврилов. – Накалите на сковородке, в мешок и прикладывайте к спине. Народный способ. Многим помогает.

– Мне народные способы не помогают, – сказал Кикин. – Я по натуре аллопат. Отрицаю. Верхний правый резец меня сведёт с ума.

«Нас тоже сведёт с ума твой верхний правый резец», – чуть не ответил Гаврилов.

– Вы не представляете, – сказал он.

– Давно пора запломбировать, – сказал Гаврилов.

– А вы как же? Как же вы без меня? – удивился Кикин. – У меня четыре группы. С кем работать будете?

Он искренне считал, что жертвует собой ради Науки. Переубедить его было невозможно.

Вошёл толстый Самойло, окинул всех взглядом Наполеона перед Аустерлицем, хохотнул, сказал какую-то банальность о погоде. Гаврилов к нему не прислушивался. Он жил в ожидании кикинских страданий.

А сам Кикин – хоть бы что! Уже подбежал к креслу, придерживаясь лапкой за поясницу. Семьдесят два года. Приличная пенсия. Ну что ещё ему надо? Зачем культивировать в себе болезни и нести их людям, самой несчастной категории людей – студентам-стоматологам?

– Сегодня, – сказал Самойло, – занятие лёгкое и безболезненное. Местная анестезия. Считайте, что вам повезло.

– А общую анестезию нельзя? – спросил Гордеев.

– Шутка, – понял Самойло. И громко засмеялся. Но при том уже дал знак лаборантке, чтобы привинчивала ватного Кикина к креслу. Вбежал Мировольский, анестезиолог. Вообще-то обошлись бы и без него, но Самойле надо было, чтобы всё проходило на высшем уровне.

– Надеваем! – скомандовал Самойло, как на параде.

Гаврилов поглядел на Люсю. Она была прелестна и похожа на радистку партизанского отряда. В глазах её отражался великий ужас, потому что в любую минуту могли ворваться эсэсовцы, застукавшие передатчик. Пикуля ленивым движением поправил присоски на висках и откинулся на стуле, словно собирался посмотреть по телевизору передачу об испанской живописи в Эрмитаже.

Крепкая, короткопалая рука Самойло повисла над кнопками пульта. Включение приёмников он производил сам, после того как заметил, что некоторые слабовольные студенты забывают включить их добровольно.

Сейчас начнётся. Кикин морщился. Наверняка ныл правый верхний резец. Самойло смотрел на Кикина с сыновьей любовью – Кикин лукаво подмигнул ему в ответ. Рука Самойлы врубила кнопки. Гаврилов подскочил на стуле. Вся группа подскочила на стульях. Господи, за что такое мучение!

– Вот! – закричал Самойло. – Теперь вы понимаете, от чего мы должны спасать человечество!

Эти очень простые, можно сказать, элементарные приёмники были плодом неразумного творчества какой-то лаборатории в Киеве. Они улавливали болевые ощущения индуктора и точно передавали их перцепиенту. Род биоволн. Ничего этот приёмник не мог уловить – ни мыслей, ни чувств, только ощущения боли. И когда очкастый доктор наук привёз их в Москву в расчёте на мировую известность и стал внедрять в больницах, медики, будучи по натуре самыми консервативными и недоверчивыми людьми на свете, от использования прибора при диагностике временно воздержались. До отработки и утверждения. А вот Самойло, как узнал, буквально вцепился в приёмник. Ему было легче, чем другим, у него были морские свинки – студенты, беззащитные и покорные. С тех пор они уже полгода познавали симптомы различных болезней полости рта буквально на собственной шкуре. А Самойло, вкупе с мазохистом Кикиным – скопищем страданий в ватном нимбе, рассчитывал, что в светлом будущем ни один врач даже и разговаривать с пациентом не будет, не подключившись предварительно к его болевым центрам. «Нет больших путаников, чем больные, – утверждал Самойло. – Больному кажется, что его схватил гастрит, а у него в самом деле очаговый инфаркт. Он уверен, что ноет нижний клык, а в самом деле ничего подобного. Мы вступаем в новую эру медицины. И вы её предтечи, вы её пионеры... Не забудем и об этическом аспекте. Настоящий врач не имеет права абстрагироваться от страданий пациента. Он должен разделять их. Понятно?»

Ой, как понятно!

Как же Кикин терпит эти мучения?

– Стоп, стоп, стоп! – закричал Самойло. – Почему боль в пояснице?

– Меня радикулит схватил, – радостно сообщил Кикин. – А что, ощущаете?

Самойло держался за собственную поясницу, он ведь всегда работает вместе со всеми. Надо отдать ему должное – он терпел, как все.

– Надо было предупредить, – сказал Самойло. – Это искажает картину.

Ещё как искажает! Зуб Гаврилова ныл, спину ломило, а анестезиолог Мировольский, естественно, не спешил. Ему спешить было некуда, он не подключён.

Самойло потратил ещё пять минут на описание симптомов и рассказ о том, как они будут изменяться после укола. Гаврилов постепенно привык к боли и поглядел на Люсю. Но взгляд натолкнулся на Гордеева, человека большого, лобастого и удивительно ограниченного. Гордеев достал пачку аспирина и кидал таблетки в рот. Дурак, сколько ему говорили – нельзя лечить себя, если ощущаешь чужую боль! Но он твердил, что это ему помогает... Люся что-то писала. Это было невероятно. С её страхом перед болью – она даже хотела уйти из института, когда Самойло начал курс, – она писала! Неужели тоже аспирину наелась? Пикуля наклонился к ней через проход и что-то прошептал. Люся сложила записку и передала Пикуле. «Может быть, я чувствительнее других к боли, – подумал Гаврилов. – Я сейчас и слова бы не написал. Мне хочется вскочить и бегать по комнате, схватив себя за щеку».

Самойло наконец сделал знак Мировольскому, тот заставил Кикина открыть рот, и Гаврилов непроизвольно схватился за десну – почувствовал укол.

– Осторожнее, голубчик, – сказал Самойло Мировольскому. – Очень болезненно.

Марта в соседнем ряду всхлипнула. Она молчаливая, терпеливая эстонка, но сколько можно терпеть?

Боль постепенно отпускала. Но не так, как хотелось бы. Тем более что у всех разыгрывался радикулит.

– А радикулит убрать нельзя? – спросил Гордеев. – Он же к делу не относится.

– Глупо, – ответил Самойло. – Разве в реальной практике вам не встретится больной, отягощённый радикулитом? Или желудочными коликами? Надо быть ко всему готовым.

– Я отягощён, – сказал Гордеев. – Собственными коликами.

– Вы хотите покинуть аудиторию? – вежливо спросил Самойло.

– Потерплю, – ответил Гордеев.

Потом Самойло сам прочистил Кикину канал, запломбировал зуб. Гаврилов ассистировал. Анестезия на Кикина действовала плохо. Она всегда на него действовала плохо. Гаврилов с ужасом смотрел на зубы Кикина – они почти все свои и почти все нуждаются в лечении. Но Кикин тянет. Кикин хочет быть необходим науке. Бедные первокурс-

ники. Они ещё не подозревают, что их ждёт. Кикина хватит лет на десять.

Когда очередная страда мучений кончилась, Самойло, осыпав на прощание студентов вопросами, покинул аудиторию. (Кикин убежал первым в буфет, хоть ему это не положено. Гаврилов подозревал, что он нарочно будет там грызть кости, чтобы пломба вылетела.)

К Гаврилову подошла Люся и спросила:

– Больно было?

– А ты не знаешь? – спросил Гаврилов настороженно. Её близость к Пикуле ему не нравилась.

– Нет, не заметила, – сказала Люся с джокондовской улыбкой.

– Как так? – удивился Гаврилов.

– Людмила! – закричал из другого угла аудитории Пикуля. – Не забывайся.

Люся поспешила в коридор.

В курилке Гаврилов стал свидетелем, а потом и участником необычного разговора. Матвей, глядя прозрачными, наглыми глазами на Гордеева, спросил:

– Что бы ты отдал за то, чтобы забыть о Кикине?

– Всё, – ответил Гордеев. – Буквально. Полцарства и коня.

– Полцарства не нужно, – сказал Пикуля. – Десятку со стипендии – и гарантирую освобождение от грехов.

– Десятку за что? – не понял Гордеев.

– Ты надеваешь приёмник, а боли не чувствуешь.

– Это невозможно, – сказал Гордеев. – Пробовали уже.

– Пробовали на любительском уровне. А я взял под узды своего братца, он технарь, по жидким кристаллам работает, с ним вместе мы отыскали этого киевского инженера. Я брата представил как ещё одного потенциального испытателя. Инженер уши развесил, всё ему показал, даже разобрал, а дальше проще простого. Брат подумал и подсказал наивному медику, как это делается.

– Что делается? – спросил Гордеев.

– Болевые ощущения отключаются, вместо этого ощущаешь приятную теплоту во всём теле. Я в прошлый раз сам попробовал, а сегодня Людмиле дал. Спроси у неё, если не веришь.

– А зачем десятка? – Гордеев сохранил детскую непосредственность до двадцатилетнего возраста.

– На такси мы тратились? Тратились, – Пикуля был совершенно серьёзен. – Коньяк я брату покупал? Покупал.

– Но всего три занятия осталось! – вякнул Гордеев.

– Не хочешь, гуляй. Страдай.

– Может, пять рублей, а?

Гаврилов ушёл. Трудно объяснить, почему ушёл. Неприятно стало. Сколько раз он мечтал, чтобы придумать что-нибудь, сломать эту проклятую машинку, не слышать боли проклятого Кикина, не страдать за других... Если врач будет подключаться к чужой боли, он сам скоро помрёт. Это несправедливо...

Люся ждала Гаврилова у входа на скамейке, грызла яблоко.

– Что я тебе расскажу! – сказала она.

– Не надо. Знаю. Пикуля Гордееву уже продавал обезболивание.

– Продавал?

– А тебе он почему дал? За прекрасные глаза? Авансом?

– Не хами, я этого не люблю. Дал, потому что мой поклонник. Я и тебе могу устроить.

– Со скидкой?

– Не хочешь – не надо. Страдай дурью. Пошли, что ли?

Они пошли.

Гаврилов никак не мог сформулировать. Ну, Пикуля. Бог с ним. Он человек практичный, холодный, он никогда чужую боль слушать не станет. Но Люся! Ведь сама говорила, что это открытие гуманно...

Люся умела угадывать мысли Гаврилова.

– Тысячу лет врачи лечат без этих разделений боли, – сказала она. – И мы будем.

– Но если есть возможность! – закричал Гаврилов на всю улицу. – Если мы этим будем спасать людей!

– Зачем же за свой счёт?

– Слова Пикули?

Люся долго молчала. Потом сказала:

– Но ведь я устала. Это же больно.

Гаврилов не злился на неё. Он-то вытерпит. А Люсю жалко. Пускай пользуется... Тут Гаврилов понял, почему зол на Пикулю. Потому что люди думают, делают, стараются, чтобы другим лучше. А находится деловой человек, который как будто хочет кому-то добра. А в самом деле только себе. Вот почему Гаврилов был зол на Пикулю.

ПОВЕСТЬ О КОНТАКТЕ

Часть первая

Случилось это в застойные времена. Сам товарищ Чингисов обещал быть к открытию районного чемпионата по игре в домино. Открытие решено было проводить на площади перед Гордомом, у памятника Землепроходцам.

Все знали, как радеет Чингисов о вопросах благоустройства – если по маршруту следования увидит колдобину или рытвину, сразу слетает повинная голова. Поэтому задача номер один была: замостить площадь таким образом, чтобы горошина, пущенная с западного угла, где стоит памятник, без препятствий докатилась бы до восточного угла, где стоит Гордом.

Поручили операцию Корнелию Удалову.

Предварительно Батыев вызвал его к себе и долго «возил носом» по ковру. Чтобы Удалов проникся...

Удалов проникся. Перекрыли движение. Сняли асфальт. Стали копать глубже.

За два дня до приезда Чингисова ковш экскаватора натолкнулся на металл – чуть правее памятника, совсем близко к поверхности земли находился верх металлического предмета громадного размера.

Правда, про размер выяснилось к вечеру, когда предмет окопали с целью извлечения. Он оказался космическим кораблем неизвестного происхождения и возраста.

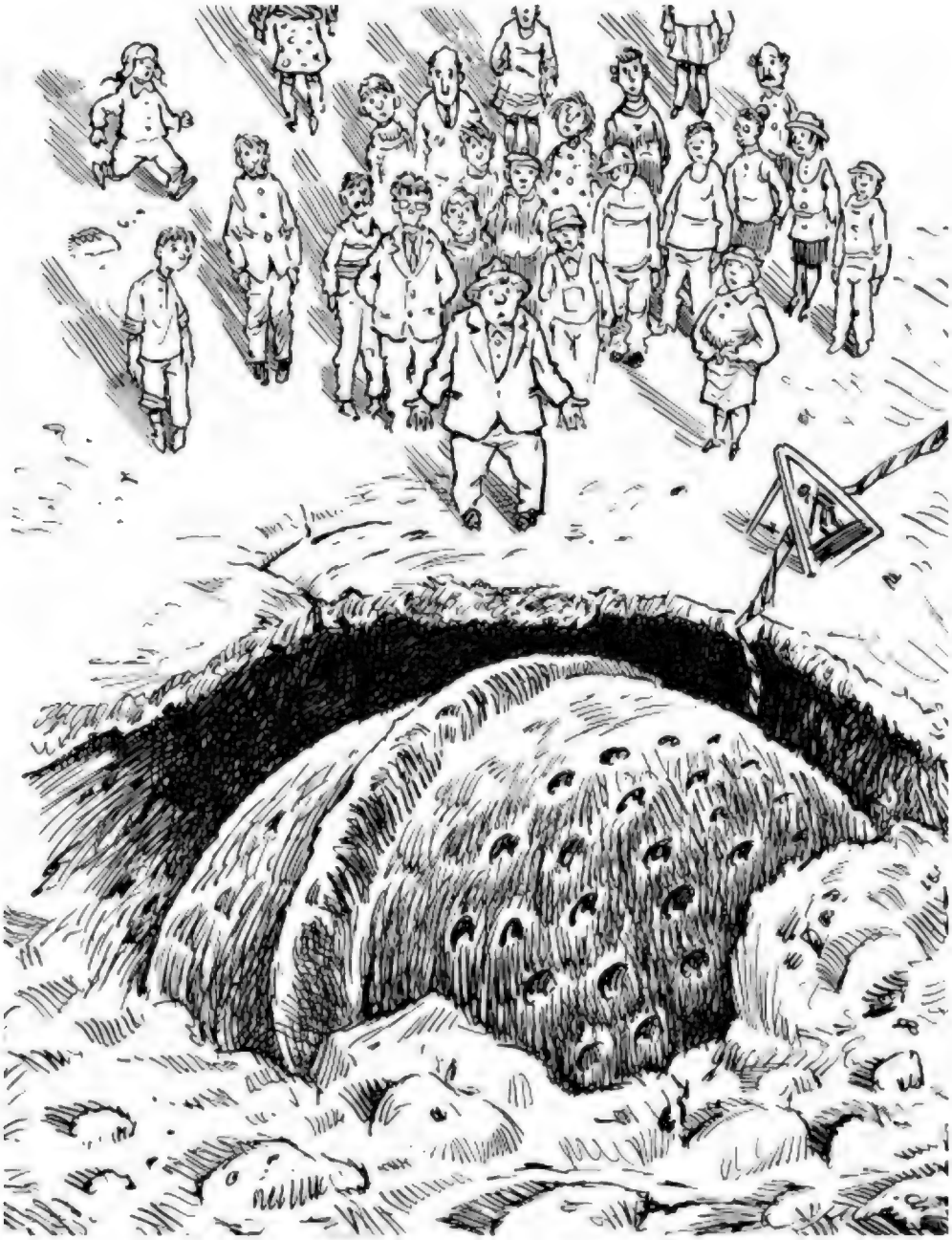
Батыев стоял у окна своего кабинета и гневался. Еще бы ему не гневаться. Если Чингисов увидит, до чего докатилось благоустройство в Великом Гусляре, без наказаний не обойтись.

– Засыпай! – крикнул Батыев из окна.

Удалов, который стоял на краю глубокой ямы и глядел на матовую, обожженную миллионами парсеков овальную поверхность космического корабля, поднял на крик голову и развел руками, потому что за его спиной сплоченной толпой стояла местная общественность. Общественность была готова к бою.

– Людмила, – приказал проницательный Батыев. – Прикажи немедленно закрыть почту и телеграф. На ремонт.

– Зачем? – спросила секретарша.



Удалов, который стоял на краю глубокой ямы и глядел на матовую, обожженную миллионами парсеков овальную поверхность космического корабля, поднял на крик голову и развел руками.

– А затем, что в любую минуту общественники начнут сыпать в Москву письма и телеграммы, чтобы к нам приехала комиссия.

– В ГАИ сообщить?

– Умница, – сказал Батыев и ласково ущипнул секретаршу. – Ни один интеллигент не покинет город.

А между тем из окна уже было видно, как общественность спускается к кораблю и постукивает кулаками по обшивке. Даже до кабинета Батыева долетал котельный гул.

Через десять минут профессор Минц, Елена Сергеевна из музея и провизор Савич от творческой интеллигенции попросились к Батыеву на прием.

Батыев демократично обошел стол, чтобы встретить их на полпути. Пожал всем руки. Мысленно пожелав им провалиться сквозь землю, спросил о здоровье и успехах.

– Как вы знаете... – начал профессор.

– Знаю, знаю, – вздохнул Батыев. – Рад бы вытащить, да нет у меня такого крана. И распилить нечем. Так что придется засыпать.

– Мы же не варвары? – спросила Елена Сергеевна.

– Если бы варвары, – сказал задумчиво Батыев, почесывая крепкую малиновую шею, – тогда бы взорвали к чертовой матери.

– Ах! – перепугалась Елена Сергеевна.

– Но мы не варвары! – воскликнул Батыев. – Мы сохраним это произведение природы. Для потомков.

– Правильно, – обрадовался провизор Савич. – Наш город прославится на весь мир. Еще бы – первый космический корабль с другой планеты.

– С другой? – насторожился Батыев и подошел к окну. – С чего вы решили, что с другой?

– Это же очевидно.

– Ничего не очевидно. Может, он здесь всегда лежал, – сказал Батыев. – Но заверяю вас: как только завершим соревнования по игре в домино, сразу же займемся исследованиями. Тем более что Родине нужен металл!

– Когда? – не понял Минц, – Когда займемся?

– По завершении. Не хотите же вы погубить репутацию города в глазах гостей и лично товарища Чингисова.

– Как можно сравнивать? – удивился профессор Минц. – Какое-то районное мероприятие и веху в истории человечества...

– Я тебе, Минц, так скажу, – ответил Батыев. – Лично для меня нет ничего выше интересов родного города, который дал мне жизнь, образование и достойный пост. Как патриот и гражданин приказываю засыпать этот метеорит, а когда соревнования завершатся, посмотрим. Может, и раскопаем.

– Мы будем жаловаться, – сказал Минц.

– Жалуйтесь... – ответил Батыев и по его тону было ясно, сколько слов он не договорил.

Как только общественность покинула кабинет, Батыев призвал Удалова.

– Почему не засыпаешь?

– Как же, засыплешь, – плачущим голосом сказал Удалов. – Там уже пионеры понабежали.

– Так, – подытожил Батыев. – Значит, иди домой, Удалов. Не оправдал ты доверия. Не быть тебе Начстроем.

Удалов ушел, а Батыев вызвал Слабенко и сказал, что из спецфондов Управления всем, кто будет ночью засыпать железяку, будет выдано по тридцать рублей и по бутылке...

Перед отъездом домой Батыев вышел на площадь и постоял на земляном валу, глядя вниз, на округлый бок космического корабля.

Потом растолкал толпу и поехал домой немного поспать, чтобы ночью лично выйти для руководства действиями. Думал, что сладит. Но он еще не знал, что общественники уже отрядили Сашу Грубина в область за подмогой. Грубина сквозь кордоны провез в багажнике «Жигулей» пригородный кооператор Силантьев – кордон он угостил недораспроданными на рынке дынями.

К сожалению, в любом городе найдутся темные силы, готовые порушить идею галактического контакта за тридцать рублей и бутылку водки. Общественность проморгала акцию – частично спала, а частично заседала на квартире у Минца.

Ранним утром люди снова начали стекаться к площади.

Площадь была неузнаваема. Она была залита свежим асфальтом. И обнесена заборчиком, чтобы никто этот асфальт раньше времени не топтал.

– Вы совершили тяжкое преступление! – закричал профессор Минц, стараясь пробиться на площадь мимо старшины Пилипенко.

– Какое преступление? – крикнул из окна Батыев.

– Здесь был космический корабль.

– Да вы с ума сошли! – крикнул в ответ Батыев. – В космосе жизни нет.

И тут на площадь въехала серая «Волга», остановилась перед Гордомом и из нее появились три пожилых человека. Они поднялись наверх, вошли к Батыеву.

– Я академик Вайнер, – сказал главный из пришедших. – Нам сообщили, что у вас раскопан древний космический корабль. Поздравляю!

Батыев послушно тряс руку академика, судорожно размышляя, что делать дальше.

Спас его Карась, который как раз находился в кабинете Батыева – они обсуждали, как приструнить общественность.

– Действительно нашли корабль! – подтвердил Карась радостно. – Только почему космический?

– А какой? – удивился академик.

– Поехали, – предложил Карась. – Сейчас покажем.

Батыев пошатнулся. Неужели даже Карась продаст?

Они спустились к подъезду. Академик задержался на секунду, с удивлением глядя на толпу людей, что рвались на огороженное пространство, громко конфликтуя с милиционерами.

– К кроссу готовимся, – быстро сказал Карась. – Сейчас старт будет. Бегом от инфаркта!

Машины не спеша добрались до пристани. Там стоял старый пароход, еще дореволюционный. Который год его собирались переделать под общежитие для туристов.

– Смотрите, – сказал Карась, подводя гостей к пароходу. – Он только на вид дряхлый. Мы нашли его, подняли со дна и теперь устроим здесь музей. Красиво? Хотите ознакомиться?

– Но нам сообщили, что космический... – пробормотал академик Вайнер.

– Если не секрет, кто сообщил? – быстро спросил Карась.

– Молодой человек, назвавшийся Александром Грубиным. Он привез письмо от профессора Минца. Кстати, мы хотим с ним поговорить.

– Ах, Грубин, Грубин, – вздохнул Карась. – Вечно он со своими розыгрышами. Хулиган.

– Хулиган, – согласился Батыев.

– Сам же провожал Минца в отпуск, – сказал Карась. – Позавчера. Отдыхает профессор.

Проводив до шоссе растерянных гостей, Батыев с Карасем победителями вернулись в город.

– Ну, спасибо, Карась, – сказал Батыев. – Помог ты мне.

– Себе тоже, – сказал Карась. – Мы с вами одной ниточкой повязаны. Если Чингисов увидит, что асфальта нет, обе головы полететь могут.

– Живем тихо, планы выполняем, культуру помаленьку развиваем, – произнес Батыев, – зачем нездоровое внимание?

– Еще, не дай бог, – сказал Карась, – примчатся иностранные корреспонденты...

– И шпионы, – понизив голос, сказал Батыев. – Обязательно.

– Я так думаю, – предложил Карась, – когда проведем соревнования по домино, надо будет этот корабль все же вытащить, распилить или взорвать.

– Правильно говоришь, – согласился Батыев. – Пока он таится под площадью, мы с тобой сидим на бомбе замедленного действия.

Машина подъехала к площади.

На площади было неладно.

Уже громадная толпа кишела в ее центре. Точно огромными скомканными пластами копировальной бумаги корежился на площади асфальт. Лопатами, кирками, а то и голыми руками население восстановило злополучную яму.

Открыв люк, Минц первым вошел в корабль. Там лежал в состоянии анабиоза вполне живой космонавт. Его перенесли в больницу и начали оживлять. А корабль на ночь заперли, чтобы никто не забрался внутрь.

Пока медицина возилась с космонавтом, на город опустилась летняя ночь. И никто не видел, как на площадь вышла массивная фигура Батыева. Он взял лопату и принялся засыпать яму.

Батыев работал до рассвета, но яма почти не уменьшалась.

Наступило утро, уже пошли на работу люди, местное радио передало второй бюллетень о состоянии здоровья пришельца, который раскрыл глаза и сказал всем спасибо. А Батыев все засыпал яму.

В девять часов к Батыеву присоединился Кобчиков из общего отдела. Он рассчитывал на повышение. Секретарша Людмила принесла Батыеву стакан чая с лимоном.

И тут на площадь выехала кавалькада машин во главе с товарищем Чингисовым.

Чингисов сидел на заднем сидении и уже перекатывал пальцами в кармане горошину, с помощью которой проверял, хорошо ли заботятся о дорогах и площадях во вверенных ему городах и поселках. И что же он увидел? На центральной площади Великого Гусляра зияла яма с пятиэтажный дом, в которой лежала железяка гигантского размера. Возле ямы стоял Батыев и пил чай с лимоном.

Именно эта деталь более всего взбесила Чингисова – районный руководитель не только довел мостовые до жуткого состояния, но еще и цинично распивал чаи.

Все это Чингисов высказал Батыеву. И не выслушав его объяснений, уехал.

Батыев уселся на краю ямы и первый раз в жизни заплакал.

А в больнице пришелец скушал чашку куриного бульона и сказал, что теперь положит жизнь, чтобы отблагодарить город.

Часть вторая

В кабинет осунувшегося Батыева вошел человек махонького роста, с зеленоватым личиком.

– Я пришел, – сказал он, – от имени цивилизованной Галактики высказать вам благодарность, как отцу города, за мое спасение.

– Садитесь, – сказал Батыев. – В ногах правды нет.

Батыев старался улыбаться, хотя улыбаться было не из-за чего – вот-вот в город должны нагрянуть корреспонденты и шпионы.

– Чем могу быть вам полезен? – спросил пришелец.

– Вас, наверное, тянет домой, – сказал Батыев. – К родным. Мы вас не задерживаем.

– Вы благородны, – сказал пришелец. – Но родные подождут. Они ждали восемьсот лет и ничего с ними не случится.

– Но ваш корабль мешает движению, – сказал Батыев.

– Разумеется, – согласился пришелец. – Десять минут назад я его перенес на берег реки.

Батыев метнулся к окну.

И в самом деле – корабля не было. И ямы не было. И площадь была гладкой, хоть катай горошины. Только не привычного асфальтового цвета, а розового, с жемчужным отливом.

Батыев ахнул.

– Если не возражаете – сказал пришелец, – я могу сделать покрытие для всех улиц вашего города.

Он полез в карман своего сиреневого комбинезона и достал мешочек.

– Здесь, – сказал пришелец, – затравка. Достаточно разбавить ее в стакане воды – один грамм, не более, а потом вот из этого пульверизатора разбрызгать смесь по улице, мысленно представляя себе, какой ширины должно быть покрытие. И улица замощена.

– Ну, молодец! – восхитился Батыев. – Чаю хочешь?

– Чаю не хочу, пил у Минца. Какую улицу будем мостить?

– Погоди, – сказал Батыев. – Вызовем Начстроя и решим.

– Слушай, Слабенко, – сказал Батыев Начстрою. – Вот тут товарищ имеет предложение по поводу благоустройства.

– Знаю, – сказал Слабенко, кивая пришельцу. – Площадь-то замостил в рекордные сроки. Плохо только, что без разрешения.

– Слабенко, не будь бюрократом! Лучше планируй как дальше работать. Чтобы город к завтрему был образцовым. А то приедут иностранцы – что увидят? Вы сколько у нас еще останетесь?

– Сколько надо, – ответил пришелец. – Но не связывайте мое пребывание с хозяйственными работами. Затравку я вам оставлю. И каждый сможет делать любые дороги и так далее...

– Что значит так далее? – насторожился Батыев.

– Можно дома строить...

– Какие дома?

– Любые, – сказал пришелец. – Берете затравку, смешиваете со стаканом воды, поливаете на землю и мысленно представляете, какой нужен дом. И он растет.

– А скобянка? А сантехника?

– Все будет как положено, – сказал пришелец.

Батыев прошелся по кабинету, затем поглядел на Слабенко:

– Сечешь? Выходим на первое место в области. А ты – пришельцы, пришельцы? Надо верить в космическое братство!

Батыев ласково положил руку на плечо пришельца.

– Так я пошел делать улицы? – спросил пришелец.

– Иди, – сказал Батыев. – С богом!

Пришелец ушел, а Слабенко, оставшись в кабинете с Батыевым, сказал:

– Кранты нам, товарищ Батыев.

– Ты о чем?

– Давно вы сидите начальником, а простых вещей не понимаете. Для чего я в городе?

– Чтобы строить, – сказал Батыев.

– Правильно. Поэтому у меня бухгалтеры есть, рабочий класс, кассиры – всего двести шестьдесят человек, не считая подразделений. И все при деле.

– И все план не выполняют! – перебил Начстроя Батыев. – Зачем только хлеб едите? Пришел вот один пришелец...

– Вот именно, – сказал Слабенко. – Не выполняем, но стараемся, принимаем социалистические обязательства, боремся. А теперь что? Куда мне девать аппарат?

Батыев задумался. Потом спросил:

– У тебя все?

– Нет, не все! Он дороги строит вечные. Их ремонтировать не надо. Понял, какая для нас катастрофа?

– Займешься жилищным строительством... – голос Батыева дрогнул.

– Жилищным? А ты посмотри в окно!

Они подошли к окну. Вдали, на берегу реки, медленно поднимался, этаж за этажом, белоснежный дом. На глазах поднимался. И окна уже были застекленные.

– К обеду жилищная проблема в городе будет решена, – сказал Слабенко. – Значит еще тысячу человек без работы оставим. А у тебя в конторе отделы промстроя, культстроя – куда их денешь? А меня куда денешь?

– Ну уж ты преувеличиваешь.

– Преувеличиваю? А знаешь, что он в интервью сказал?

– В каком?

– Он вчера интервью дал «Гуслярскому знамени». Он сказал, что покажет, как можно наладить производство тканей и обуви без фабрик и заводов. Он сказал, как можно навести порядок в бухгалтер-

ском учете, установив компьютер, который никогда не сломается... Это же провокация!

– Карась! – крикнул Батыев громовым голосом. – На выход!

И они втроем побежали по улице к растущим небоскребам.

А там пришелец уже показывал Удалову и другим гуслярцам, как можно самому построить за пять минут комфортабельный дом.

– Товарищ пришелец! – закричал Батыев. – Остановитесь!

– Чем могу служить?

– Это правда, что вы компьютер установите?

– Разумеется, но после обеда, – сказал пришелец.

Общественность, что сгрудилась вокруг, захлопала в ладоши.

– А как же бухгалтерия? – спросил Батыев. Он еще не до конца поверил пессимисту Слабенко. Но уже сильно боялся.

– Не нужна больше бухгалтерия, – сказал пришелец.

– И заводы автоматические построите?

– И заводы. И даже автоматические свинофермы. Зачем цивилизованному человеку заниматься таким отсталым трудом?

– Но чем же мы будем управлять? – спросил Батыев.

– А ничем, – сказал пришелец. – Все будет само делаться.

– А мы? А я? А они?

– Вы все займетесь творческим трудом, – сказал пришелец. – У нас на планете все занимаются творческим трудом и никто ничем не управляет.

Ужас охватил Батыева. Нет, он не сдастся!

– Товарищ пришелец, – сказал Батыев. – Как я понимаю, скоро корреспонденты приедут, надо бы нам с вами обсудить некоторые организационные вопросы.

– Пожалуйста, – сказал пришелец. – Сейчас я кончу небоскреб, гостиницу и освобожусь.

– Я займу тебя только на минут пять, – сказал Батыев твердо. – Проблемы есть.

– Хорошо, – согласился пришелец. – Корнелий Иванович, вы сможете кончить небоскреб без меня?

– Почему нет? – ответил Удалов. – Дело простое.

Он взял стакан с раствором и занялся строительством.

Батыев подхватил пришельца под одну ручку, Слабенко под вторую и они быстро поволокли его к реке.

У космического корабля остановились.

Слабенко уже понял, чего хочет Батыев. Он подтолкнул пришельца к раскрытому люку корабля и сказал:

– Давай, вали отсюда! Чтобы твоего духа не было!

– Я вас не понял, – промямлил пришелец. – Разве я нарушил какой-то ваш обычай?

Батыев испугался, что пришелец начнет звать на помощь общественность – тогда неприятностей не оберешься.

– Слушай, – сказал он как можно сердечнее. – Мы тебя очень просим, немедленно улетай и больше не прилетай.

– Но почему?

– Из гуманизма, – сказал Батыев. – Из любви к людям.

– Я не понимаю. Я все делаю из гуманизма. У меня нет других намерений, кроме космического сотрудничества.

– Мы, люди, – сказал Батыев, – привыкли жить в борьбе. Все, что сделано вокруг, – Батыев обвел рукой окрестности: недостроенное здание общежития, мусорную свалку, трубу, из которой лилась в реку вонючая жидкость, замусоренный пляж... – все добыто в труде и бою. Мы никогда ничего просто так не делаем. Мы за все боремся. Мы боремся с природой, мы выигрываем и проигрываем битвы за урожай, мы боремся даже за товарищеское отношение к женщинам. Что же ты, пришелец, нам предлагаешь – разоружиться? Опустить руки? Нет! Мы не сдадимся на милость прогресса, мы сами придем к высотам. И в этом есть великий гуманизм.

– Это странно, – сказал пришелец.

– Вы видели, сколько людей сидит в доме, где я работаю? – спросил Батыев. – Триста с лишним человек. И это только кажется, что они курят и пишут бумаги. Они борются и помогают бороться другим. Не лишайте нас права на бой!

– Давай, давай! – сказал Слабенко и как следует подтолкнул пришельца. Тот влетел в люк.

– Все же удивительно, – донесся его голос из корабля. – Я хотел как лучше...

Батыев собственноручно захлопнул крышку люка. Пришелец выглянул в иллюминатор, что-то говорил, но его уже не было слышно. Батыев властно показал пришельцу пальцем вверх. Тот кивнул и корабль взмыл к небу.

– Значит так, – сказал Батыев Слабенко. – Беги к Удалову, отними у него стакан, но не выбрасывай. Нам с тобой еще бы по даче построить.

– Понял, – лукаво улыбнулся Слабенко.

– И подготовь документы себе на премию за площадь и небоскреб. А я пойду звонить Чингисову, пускай приезжает, покатает горошину.

ПЕРПЕНДИКУЛЯРНЫЙ МИР

Вступление

Вначале Великий Гусляр развивался в пространстве. Почти каждый новый рассказ добавлял нечто к его географии. Возникали новые улицы, окрестные поселения и урочища...

Люди, которые появлялись в Гусляре, первые годы не вносили никакой динамики в городскую жизнь. И неважно было, какой рассказ повествует о событиях давних, а какой – о совсем свежих. Золотые рыбки могли появиться в зоомагазине и завтра, и вчера, а пришельцы заглядывали во двор к Удалову, не обращая внимания на календарь.

Какие-то персонажи в рассказах не приживались и покидали город или хотя бы Пушкинскую улицу, другие возникали вместо них. Некоторые появлялись лишь в одном рассказе, другие – в десятках. Уехал куда-то Василь Васильич, появился профессор Минц...

Но так не могло продолжаться бесконечно. С накоплением сведений о городе – с одной стороны, и с резкими переменами в нашей жизни – с другой, Великого Гусляра также коснулись бесконечные ветры современности. Растущие опасения редакторов имели под собой основания – фантастика вспомнила, что она – самый актуальный и оперативно откликающийся на проблемы общества вид литературного творчества, а это правомерно и по отношению к Великому Гусляру.

Перемены в стиле и содержании рассказов повлекли за собой нужду в хронологии. Оказалось, что Гусляр не может ограничиться двором дома № 16 и игрой в домино в узком кругу. В городе возникла нужда в руководителях различного уровня, а раз есть руководители, то есть и история. Потому что история – это наука о смене начальников.

Говоря обобщенно, в Великом Гусляре была своя эпоха застоя, которую после смутного времени сменила эпоха перестройки. Хронологические рамки этих эпох совпадают с подобными же рамками в советской истории.

Откуда же такая точность и совпадения?

Просто – я об этом раньше не задумывался, а теперь понял: для меня Великий Гусляр всегда был слепком нашей страны, младшим его близнецом. Так что социальные отношения, царившие в Гусляре, были сколком отношений в Советском Союзе.

Для тех читателей, которых интересует история как наука, я могу сообщить, что где-то с середины шестидесятых годов, когда я впервые познакомился с тем городом, там правил товарищ Батыев. Человек крутой, без затей, крепкий аппаратчик и по-своему патриот Великогуслярского района. Заместителем у него был некий Семен Карась, личность суетливая и ничтожная. Но что за дела творятся в высоких кабинетах – ни меня, ни читателей не интересовало.

Я сам узнал о существовании Батыева далеко не сразу. Точнее, когда писался сценарий кинофильма «Недостойный богатырь» и встал вопрос о гуслярской бюрократии.

В середине восьмидесятых, с падением Батыева и его областного покровителя тов. Чингизова, власть временно, но, к счастью, непрочно, захватил некто Пупыкин. Общественность сбросила его иго и избрала предгором Николая Белосельского, аборигена Великого Гусляра, соученика Удалова по классу, человека демократического и легкого на подъем, с именем которого гуслярцы со второй половины 80-х годов связывали надежды на лучшее будущее.

Некоторые другие представители городских властей – фигуры эпизодические и не все подолгу удерживаются на своих местах. Но есть среди них и старожилы, к числу которых относится редактор газеты «Гуслярское знамя» Малюжкин. Он всех начальников пережил и на пенсию не собирается. Такое творческое долголетие объяснимо умением Малюжкина искренне принимать руководящую точку зрения.

На мой взгляд, «Перпендикулярный мир» куда более отражает нашу действительность, чем предыдущие рассказы. Десять лет назад [вступление написано в 1997 году] я бы его и не понес в редакцию – зачем огорчать людей? А сегодня его фантастика во многом устарела – на эту тему написано немало фельетонов.

За десять минут до старта к народу вышел старик Ложкин.

Он был в длинных черных трусах и выцветшей розовой футболке с надписью «ЦДКА». В раскинутых руках Ложкин держал плакат с маршрутом. Маршрут меняли каждый день, чтобы было интересно бежать.

Участники пробега сгрудились, разглядывая сегодняшнюю задачу.

Бежать следовало в гору, до парка. Затем – по аллее до статуи девушки с веслом, вокруг летней эстрады, к строительной площадке нового цеха пластиковых игрушек и площадью Землепроходцев до пруда-бассейна за церковью Параскевы Пятницы. Финиш – перед городским музеем.

Без пяти восемь грянул духовой оркестр.

Оркестр стоял у самой реки, в начищенных трубах отражались зайчики от утренней ряби. С воды поднялись испуганные утки и понеслись к дальнему берегу.

Две пенсионерки, которые бегать не могли, но хотели участвовать, держали натянутой красную ленточку. Ложкин свернул плакат в трубку, передал его одной из старушек, а сам, приняв у нее мегафон, занял место во главе забега. В задачу Ложкина входил краеведческий комментарий о памятниках архитектуры и истории, которые встретятся на пути.

Отдаленно пробили куранты на пожарной каланче. Старушки опустили ленту, и толпа разноцветно и различно одетых бегунов двинулась в гору, к вековым липам городского парка.

Николай Белосельский бежал рядом с Удаловым. Бежал он легко, не скрывая счастливой улыбки. Ежедневные забеги здоровья перед началом трудового дня были его инициативой, и за последние два года он старался ни одного не пропустить.

Жилистый старик Ложкин не отставал. На бегу он обернулся и крикнул в мегафон:

– Оглянитесь назад! Полюбуйтесь, как мирно несет свои прозрачные, очищенные от промышленных отходов, воды наша любимая река Гусь. Даже отсюда видно, как резвятся в ней осетры и лещи!

Удалов послушно оглянулся. Осетров и лещей он не увидел, но подумал, что надо будет в субботу съездить на рыбалку на озеро Копенгаген. Позвать, что ли, Белосельского? Пора ему отдохнуть. Третий

год без отпуска. По самой середине реки весело плыли три дельфина. Дельфины были приписаны к спасательной станции, но работы у них было мало – к этой весне в Великом Гусляре обучили плаванию последних упрямцев.

Рядом с Белосельским бежала директорша музыкальной школы. Разговорчивая хохотушка Зина Сочкина. Удалов знал, что она опять доказывает предгору необходимость создания класса арф в ее учебном заведении. Но с арфами трудно, даже в области они – дефицит.

Бегуны растянулись по крутой тропинке. Оркестр заметно отстал. Только флейты держались в основной группе. Среди отставших оказался и профессор Минц, человек грузный и к физкультуре непривычный. Но упрямый. Он уже три недели бился над проблемой гравитации. И хоть утверждал, что гравитация нужна любимому городу в строительстве, Удалов подозревал, что действительная причина – желание с помощью такого изобретения прославиться в утренних забегах.

Удалова оттолкнул редактор городской газеты Малюжкин. Его небольшое квадратное тело несло громадную львиную голову. В двух шагах сзади бежал, сверкая очками, Миша Стендаль, корреспондент той же газеты. У Миши был редакторский портфель.

Малюжкин втиснулся между Белосельским и директоршей Зиной.

– Будем писать передовую? – строго спросил он.

Белосельский вздрогнул. Как и все в городе, он боялся Малюжкина, неукротимого борца за гласность, правду и демократию. Это «Гуслярское знамя», возглавляемое Малюжкиным, разоблачило коррупцию на городском рынке, добилось регулярной подачи горячей воды в баню N 1, свалило презиравшего экологию директора фабрики игрушек, поддержало по крайней мере шесть смелых инициатив и раскрыло несколько случаев очковтирательства, включая приписки на звероферме. В последнем случае досталось, и за дело, самому профессору Минцу. Это он вывел для зверофермы новую породу чернобурых лис с двумя хвостами, но не удосужился отразить в печати свое изобретение. А Пупыкин, который после снятия с должности предгора работал директором зверофермы, каждую лису сдавал государству за две, отчего перевыполнил все планы, получил множество премий и еще приторговывал хвостами на стороне. Борец за правду Малюжкин опирался на широкие круги разбуженной общественности, а общест-

Белосельский нагнал Удалова на главной аллее, у статуи девушки с веслом.

венность опиралась на Малюжкина. Белосельский, как исполнительная власть в городе, от Малюжкина нередко страдал.

– Передовую писать не буду, – откликнулся Белосельский, переходя на спринтерскую скорость. Он нарушил маршрут и свернул на узкие дорожки биологического городка, где были воспроизведены для детишек ландшафты планеты. Заверещали макаки, разинул пасть крокодил. Белосельский обогнул баобаб и полагал, что в безопасности, но тут ему дорогу перекрыли три мамонта, выведенные методом ретрогенетики и сбежавшие по недосмотру зоотехника Левочки из пригородного хозяйства. Белосельский затормозил, Малюжкин настиг его и приставил диктофон к лицу Белосельского. Предгор был готов сдаться на милость прессы, но, к счастью, одна из макак выхватила магнитофон у Малюжкина.

Белосельский нагнал Удалова на главной аллее, у статуи девушки с веслом.

– Трудно? – спросил Корнелий Иванович.

– Нелегко, – согласился Белосельский. – Но трудности нас закаляют. Сделаем рывок до музея? На время?

«И не подумаешь, что в одном классе учились, – вздохнул Удалов. – На вид он лет на десять моложе. Вот что значит активная жизнь и умеренность во всем».

– На рыбалку в субботу поедем? – спросил Удалов, стараясь не сбить дыхание.

– В субботу? В субботу у меня жюри. Конкурс детских танцев. Потом будем на общественных началах палаты купца Демушкина реставрировать. Давай в эту субботу вместе переставрируем, а на рыбалку через неделю?

Удалов не ответил, потому что перед ним затормозил Ложкин и начал кричать в мегафон:

– Дорогие товарищи бегающие! Вы видите бывший пруд у памятника шестнадцатого века церкви Параскевы Пятницы. Этот пруд стараниями общественности и учащихся речного техникума превращен в лучший в области открытый бассейн. На нем установлена девятиметровая вышка. Желающие прервать забег могут нырнуть с вышки.

Белосельский сразу побежал на вышку прыгать. А Удалов вспомнил, что у него в девять совещание в стройконторе, которой он руководил. А он еще не завтракал.

Удалов повернул на Цветочную, чтобы срезать квартал у рынка. К рынку тянулись подводы и автомашины – окрестные жители везли продукты и цветы на продажу.

Вот и Пушкинская. Скоро дом.

Хлопнула калитка. Из палисадника выскочил бывший предгор и завзверофермой Пупыкин. Был он в тренировочном костюме фирмы «Адидас», который некогда привез из командировки в Швейцарию. Он догнал Удалова и спросил:

– Белосельский участвовал?

– И Малюжкин тоже, – ответил Удалов, прибавляя ходу. Пупыкина он не выносил – пустой человек, мелкий склочник и нечист на руку. Правильно сделали, что отправили его на пенсию.

– Скажешь Белосельскому, что я тоже участвовал, – сказал Пупыкин. – Я тренируюсь по индивидуальной программе.

Произнеся эти лживые слова, Пупыкин взмахнул руками, как крыльями, сделал разворот и потрусил обратно к дому.

«Всегда у него так, – подумал Удалов. – Даже в добровольном кроссе втирает очки».

Удалов перешел на шаг. Надо привести в норму дыхание.

Солнце поднялось высоко, припекало. От быстрорастущих кедров, которыми была засажена Пушкинская, на розовые и голубые плитки мостовой падала рваная тень. Белка соскочила с нижней ветки и перебежала улицу. Удалов наклонился над фонтанчиком, который предлагал прохожему газированную воду, и напился.

Римма Казачкина, непутевая пышногрудая девица из соседнего дома, по слухам новая пассия архитектора Оболенского, проходя мимо, умудрилась задеть Удалова крутым бедром. Удалов сделал вид, что не заметил намека.

Появился профессор Минц.

Минц устал, лысина блестела от пота. Он сопел и кашлял.

– Каждый забег, – сообщил он Удалову, – прибавляет мне день жизни. Я теряю четыреста граммов.

– Это пустое, Лев Христофорович, – возразил Удалов, входя вместе с профессором во двор дома шестнадцать. – За первым же обедом вы прибавляете полкило.

Минц насупился. Никто не любит горькой правды.

Ксения Удалова высунулась из окна второго этажа и крикнула:

– Два раза из конторы звонили. Каша тоже остыла.

Удалов взбежал по лестнице, легко перепрыгивая через две ступеньки.

– Ну как козел, – сказала Ксения, открывая дверь. – Для кого молодишься?

– А ты займись, – сказал Удалов, проходя в ванную. – Тоже помолодеешь.

– Нам это не надо, – возразила Ксения.

Она ценила свое тело, круглое, налитое, солидное.

– Максимка в техникуме? – спросил Удалов.

– Ты бы ему велел патлы остричь, – сказала Удалова. – Люди на улицах показывают пальцами.

– Перебесится, – ответил Удалов. – Ты тоже в мини-юбке ходила.

Снизу негромко застучало – значит, сосед Грубин включил вечный двигатель. Он у него по ночам отдыхал. Под окном гуднула машина, что развозила по квартирам молоко и сметану. Ксения брякнула на стол тарелку с кашей и побежала вниз.

Начинался трудовой день в городе Великий Гусляр.

* * *

Удалов и Минц вместе пошли на совещание к Белосельскому.

Минц достал платок и высморкался.

– Боюсь, – сказал он, – что я сегодня простудился. Не надо было мне прыгать с вышки.

Площадь перед Гордомом была запружена народом.

Ближе всех к дверям стояли пенсионеры. Тесной, крепкой толпой. Две бабушки, которых Удалов видел утром, развернули длинный плакат: «Спасем родной Гусляр от варварства!» Старик Ложкин уже в черном костюме, но с тем же мегафоном, медленно шел вдоль лозунга и проверял, нет ли грамматических ошибок.

Студенты речного техникума плакатов не принесли. Им достаточно было портретов архитектора Оболенского. Портреты были увеличены из паспортных фотографий, к ним были пририсованы усы, а сорочка с галстуком замарана зеленым, так что получался френч. Фотографии покачивались на палках, и при виде этого зрелища Удалов перенесся мыслями назад, в годы своего детства, когда первомайская демонстра-

ция в Гусляре текла к трибуне на центральной площади, а над ней покачивались портреты вождя.

Удалов подумал, что студенты зашли слишком далеко. О чем и сказал профессору Минцу, который тоже шел на совещание в горисполком.

– Мы с вами – люди старшего поколения, – ответил профессор. – Чувство юмора мы склонны рассматривать как чью-то провокацию.

– Это уже не юмор, – откликнулся старик Ложкин. – Это недопустимый сарказм. Я думаю, что нам придется размежеваться с молодежью.

– Сейчас? – удивился Минц.

– Нет. Как только победим бездушных бюрократов!

Удалову стало стыдно под горящим савонароловским взглядом Ложкина. Но тут на площадь влетели рокеры на ревущих мотоциклах. Они тоже были одержимы гражданским чувством. Они носились вокруг толпы и выкрикивали нечто революционное. Сержант Пилипенко, который должен был следить за порядком, побежал к ним, размахивая жезлом, но рокеры умело уклонялись от его увещеваний.

В стороне от входа, без лозунгов и плакатов, но настроенная решительно, стояла интеллигенция – общество охраны памятников, общество любителей книги, общество защиты животных, общество защиты детей... Их Удалов всех знал, ходил в гости. Но сейчас чувствовал отчуждение.

Нет, хотелось крикнуть ему, нет! Я всей душой с вами! Я желаю охранять и множить памятники древности! Но я вынужден выполнять приказы вышестоящего начальства, я должен экономить народные деньги и продвигать наш город по пути прогресса. В нашем городе за годы Советской власти уже снесли семнадцать церквей и сто других памятников, зато почти решили жилищную проблему.

Тут Удалов оборвал этот внутренний монолог, потому что понял, что монолог этот принадлежит не ему: это буквальное воспроизведение речи начстроя Слабенко на последнем совещании.

А вот и Пупыкин! Он что здесь делает?

Пупыкин стоял в сторонке, с ним его семья – Марфа Варфоломеевна и двое детей. Все в зеленом, даже лица зеленые. Дети держат вдвоем портрет неприятного мужчины в папахе.

Пупыкин нервно схватил Удалова за рукав и спросил шепотом:

– Ты ему сказал, что я участвовал в забеге?

– Скажу, – пообещал Удалов. – А ты что, покрасился?

– Мы всей семьей, – сообщил Пупыкин, – организовали неформальное объединение: партию зеленых. Мы охраняем природу.

– Похвально, – сказал Минц. – А чей это портрет? Что-то не припомню такого эколога.

– Это самый главный зеленый, – сообщил Пупыкин. – Мы его в книжке нашли. Атаман Махно.

– Пупыкин, советую, спрячь портрет. Этот зеленый экологией не занимался, – сказал Удалов.

– А чем занимался? – спросил Пупыкин.

– Совершал ошибки.

К тому времени, когда Удалов вошел в дом, Пупыкины успели растоптать портрет.

Минц с Удаловым поднялись по неширокой лестнице в кабинет Белосельского. Дверь была настежь. У Белосельского всегда так – дверь настежь.

Внутри уже действовал главный архитектор города, подтянутый, благородный Елисей Оболенский. С помощью юной архитекторши он прикнопливал к стене виды проспекта Прогресса.

Редактор Малюжкин стоял в отдалении, смотрел на перспективы в бинокль. Миша Стендаль записывал что-то в блокнот.

Начстрой Слабенко уже сел и крепко положил локти на стол. Он был готов к бою.

Музейная дама Финифлюкина смотрела ему в спину пронзительным взглядом, но пронзить его не могла.

– Начнем? – спросил Белосельский.

Начали рассаживаться. Разговаривали, кто-то даже пошутил. Происходило это от волнения. Предстояла борьба.

«Живем в обстановке гласности, – подумал Удалов. – Вроде бы научились демократии, пожинаем плоды. А силы прошлого не сдаются».

Сила прошлого в лице главного архитектора Оболенского получила слово, взяла в руку указку из самшита и подошла к стене.

Оболенский любил и умел выступать. Но сначала спросил:

– Может, закроем окна? Мы ведь работать пришли, а не с общественностью спорить.

– Ничего, – ответил Белосельский. – Нам не впервой. Чего нам народа бояться?

Часть толпы роилась за окнами. Шмелями жужжали винты, прикрепленные к наспинным ранцам. Эти летательные аппаратики, что продавались в спортивном отделе универмага под названием «Дружок Карлсон», были изобретены Минцем по просьбе туристов для преодоления водных преград и оврагов. Были они слабенькие, но, как оказалось, полюбились народу. И не все использовали их в туристических целях. Некоторые школьники забирались с их помощью в фруктовые сады, некий Иваницкий выследил свою жену в объятиях Ландруса на третьем этаже, были и другие нарушения. Удалов с грустью подумал: насколько гениален его сосед по дому Лев Христофорович! Все подвластно ему – и химия и физика. Но последствия его блестящих изобретений, как назло, непредсказуемы. Только вчера птеродактиль, выведенный методом ретрогенетики из петуха, искусал липкинского доберман-пинчера, который своим лаем мешал птеродактилю отдыхать на ветвях кедра. Хорошо еще, что не самого Липкина. А взять скоростные яблони – шестнадцать урожаев собрали прошлым летом в пригородном хозяйстве. В результате лопнула овощная база, не справившись с нагрузками. Нет, за Минцем нужен глаз да глаз.

Оболенский держал указку как шпагу и в поисках моральной поддержки посмотрел на начстроя Слабенко. Тот еще крепче сплел свои крепкие пальцы и едва заметно кивнул союзнику. Бой начался.

– Вы видите, – сказал Оболенский, – светлое будущее нашего города.

Широкий проспект был застроен небоскребами с колоннами и портиками и усажен одинаковыми подстриженными липами, которые водятся только в версалях и на архитектурных перспективах.

Над проспектом расстилалось синее небо с розовыми облаками. В конце его возвышались голубые горы со снежными вершинами. Неужели он хочет свой проспект дотянуть до Кавказа, испугался Удалов. Но потом спохватился, понял, что это – архитектурная условность.

В комнате царило молчание. Проспект гипнотизировал.

Оболенский победоносно окинул взглядом аудиторию, ткнул указкой в первый из небоскребов и заявил:

– Здесь мы расположим управление коммунального хозяйства.

* * *

Архитектор Елисей Оболенский в Гусляре человек новый, но уже укоренившийся.

Его импортировал Пупыкин.

Случилось это лет пять назад, когда Пупыкин совершал восхождение по служебной лестнице. Но пределов еще не достиг.

Как-то он прибыл в Москву, в командировку.

Помимо целей деловых, были у него идеалы. Хотелось найти в столице единомышленников, друзей. Особенно среди творческой интеллигенции. Пупыкин и сам был интеллигентом – учился в текстильном техникуме в Вологде, а затем на различных курсах. Он регулярно читал журналы и прессу.

Повезло Пупыкину на третий день. Он познакомился в гостиничном буфете с литературным критиком из Сызрани. Тот прибыл в Москву на семинар по реализму и хотел укрепиться в столице, потому что в Сызрани трудно развернуться таланту. Критик с Пупыкиным друг другу понравились, вместе ходили в шашлычную и в кино, а потом критик повез его к своему покровителю, молодежному поэту. У поэта сильно выпили, говорили о врагах и национальном духе. Поэт громко читал стихи о масонах, а когда жена поэта всех их выгнала из дома, поехали к Елику Оболенскому.

Елик Оболенский, разведясь с очередной женой, жил в мастерской. Мастерская располагалась в подвале, по стенам висели иконы и прялки, в углах много пустых бутылок. Сам Елик Оболенский с первого взгляда Пупыкину не понравился. Показался духовно чужим по причине высокого роста, меньшевистской бородки, худобы и бархатной кофты. Оболенский курил трубку и грассировал.

Но товарищи сказали, что Оболенский – свой парень, из князей, рюрикович. В мастерской тоже пили, ругали масонов, захвативших в Москве ключевые посты, поэт читал стихи о Перуне и этрусках, от которых, как известно каждому культурному человеку, пошел русский народ. Потом поэт с критиком, обнявшись, уснули на диванчике, а Оболенский показал Пупыкину свои заветные картины. Город будущего.

Эти картины Оболенский показывал только близким друзьям.

Картины были плодом двадцатилетнего творческого пути, который начался еще в средней школе.

Однажды мальчик Елик Залипухин – фамилию отчима Оболенского он примет лишь при получении паспорта, пошел с мамой на Выставку достижений народного хозяйства. Они гуляли по аллеям, любовались павильонами, сфотографировались у фонтана «Золотой колос». Так Елик ознакомился с архитектурой. И заболел ею. В тетрадках по алгебре он рисовал колоннады и портики, стену над своей кроватью обклеил фотографиями любимых памятников архитектуры – выставочных павильонов, греческих храмов, вокзалов на Комсомольской площади и станций кольцевой линии московского метро. Даже гуляя по городу с любимой девушкой, Елик всегда приводил ее в конце концов на ВДНХ, где забывал о девушке, очарованный совершенством линий павильона Украинской ССР.

Поступил он, конечно, в АХИ, то есть в Архитектурный институт, поступал четыре года подряд и все неудачно. Но настолько за эти годы примелькался в институте, что постепенно все, включая директора, уверовали в то, что Оболенский – давнишний студент. У него принимали зачеты и посылали в подшефный колхоз на картошку. Вскоре он стал первым специалистом по отмывкам классических образцов. Никто не мог лучше него изобразить светотень на бюсте Аполлона.

Оболенский стал своего рода знаменитостью.

В иные времена завершил бы образование с блеском, но тут для романтиков наступили тяжелые времена. В архитектуру стало внедряться типовое проектирование, а студенты принялись изучать творчество неприемлемых оболенскому сердцу Нимейеров и Корбюзье.

Успеваемость Оболенского пошла под уклон, он затерялся в толпе середнячков, обзавелся хвостами, а как раз перед дипломом обнаружилось, что в институте он не числится, как не прошедший по конкурсу.

Без сожаления Оболенский оставил институт, не отказавшись от своей великой мечты – перестроить должным образом все города мира. Устроился он не по специальности, но работал с удовольствием: изобретал и проектировал торты на кондитерской фабрике. Он соединил в тортах крем и архитектуру и тем прославился в кондитерских кругах. Ему персонально заказывали юбилейные торты для министров и народных артистов.

Но для интеллигентных друзей Елик Оболенский оставался архитектором и князем. Раздобыв через свою любовницу, что работала в

отделе нежилых помещений, подвал и устроив там мастерскую, Оболенский подружился с борцами за национальный дух. В его мастерскую всегда можно было приехать с другом или девочкой, выпить и поговорить о насущных проблемах. Проекты городов будущего Оболенский показывал только близким, доверенным лицам, а молодежные поэты довольствовались лицезрением икон и прялок.

Как только Пупыкин стал предгором, он тут же выписал Оболенского. Дал ему квартиру и пост главного архитектора города. Оболенский привез с собой вагон планшетов и начал лихорадочно готовить снос и воссоздание Великого Гусляра. Но не успел: Пупыкин потерял свой высокий пост и неудержимо покатился вниз.

Оболенский, которому некуда было деваться, остался в главных архитекторах, может потому, что не завел себе врагов, если не считать обиженных мужей и брошенных девиц, может, потому, что сблизился с начстроем Слабенкой. Слабенке тоже хотелось снести Великий Гусляр, мешавший начстрою развернуться. Правда, от полной переделки Гусляра пришлось отказаться, но одну магистраль Оболенский со Слабенкой надеялись пробить.

Магистраль должна была разрезать город пополам и тем сразу решить все транспортные проблемы, а также обеспечить СУ-1 впечатляющей работой на десятилетку. Замыслил ее Пупыкин, чтобы возить по ней областные и иностранные делегации. Но общественность давно уже подняла свою многоголовую голову и начала возражать. Так что магистраль, ради которой надо было снести шесть церквей, последний гостиный двор и шестнадцать зданий позапрошлого века, оказалась под угрозой.

– Без магистрали, – говорил Оболенский, расхаживая вдоль перспективы и иногда указывая на тот или иной ее участок, – наш город обречен задохнуться в транспортных проблемах и оказаться за бортом прогресса. Некоторые мои оппоненты твердят, что историческое лицо города разрушится. Это не то лицо, которое нам нужно. Позвольте спросить – хотят ли они тащиться на работу по узким кривым уличкам наших дней или желают мчаться к воротам родного предприятия на скоростном автобусе по прямому проспекту...

Когда Оболенский кончил свою речь, в трубке раздался твердый голос Слабенко:

– Мы согласны.

Сам строитель, хоть и небольшого масштаба, Удалов понимал, что Слабенко куда удобнее и выгоднее получить для застройки большую, в полгорода, площадку и одним ударом развернуть эпопею. Когда куешь эпопею, не надо мелочиться. Что за жизнь у Слабенки сегодня? То на Грязнухе детский садик, то новый корпус для общежития, то втискиваешь жилой квартал над парком, то срываешь ремонт музыкальной школы – вот и бегаешь вдоль плотины, как тот самый голландский мальчик с вытянутым пальчиком. А вокруг бушуют зрители – то есть общественность, и все недовольны, что не так затыкаешь, как им хочется.

Ох и сердит Слабенко на общественность, ох и недоволен он Белосельским, который пошел у нее на поводу, развел гласность без пределов. Даже секретаршу отменил. Дверь не запирает. А если враг проникнет?

Клевреты спешат подражать предгору. Малюжкин, главный редактор газеты, уже второй год как переметнулся на сторону гласности. Пошел даже дальше, чем городское руководство. Сорвал с петель дверь в свой кабинет и выкинул на свалку. А над дверным проемом прикрепил неоновую вывеску: «Прием в любое время суток!» В «Гуслярском знамени» любое начинание поддерживают. Правда, Малюжкин всегда сначала позвонит Белосельскому: «Как, Николай Иванович, есть мнение?» И каждый раз отвечает ему Белосельский: «А как твое мнение?» Тогда Малюжкин смело идет вперед.

– Сколько лет горе-проектировщики измываются над нашим городом? – воскликнул, поднимаясь, Малюжкин. – У меня в руках печальная статистика тридцатых и сороковых годов. Снесено несчетное количество памятников архитектуры. В оставшихся устроены склады, а колокольня собора превращена в парашютную вышку...

– Разве мы пришли сюда слушать лекцию о парашютах? – спросил Слабенко.

– При чем тут парашюты! – закричал Малюжкин. – Вы меня не сбивайте. Вы лучше ответьте народу, зачем в позапрошлом году затеяли реконструкцию под баню палат купца Гамоватого?

– Под сауну, – поправил Слабенко. – Для сотрудников зверофермы. Труженики хотели мыться.

– Под личную сауну для пресловутого Пупыкина, – подала реплику директорша библиотеки.

Кипел большой бой.

Трижды он прерывался, потому что массы под окнами требовали информации о ходе совещания, и эту информацию массам, разумеется, давали, потому что в Великом Гусляре не бывает тайных дискуссий и закрытых совещаний.

Трудность была в том, что даже самые страстные ревнители города понимали: магистраль строить придется – иначе с транспортом не справиться. Но даже если отвергнуть планы Оболенского, часовня святого Филиппа и три старых особняка окажутся на ее пути.

На втором часу дискуссии Белосельский обернулся к профессору Минцу и спросил:

– А что думает городская наука? Неужели нет никакого выхода?

– Я держу на контроле эту проблему, – сказал Минц, – конечно, неплохо бы построить туннель под городом, но, к сожалению, бюджет Великого Гусляра этого не выдержит.

– Вот видите, – сказал Оболенский. – Даже Лев Христофорович осознает.

– Есть ли другой путь? – спросил Белосельский.

– Есть, и кардинальный, – сказал Минц.

– Подскажите, – попросил Белосельский.

– Гравитация, – сказал Минц. – Как только мы овладеем силами гравитации, мы сможем подвинуть любой дом и, кстати, обойтись без подъемных кранов.

– За чем же дело стало?

– К сожалению, антигравитацию я еще не изобрел, – виновато ответил Минц. – Теоретически все получается, но на практике...

– Чем вам помочь? – спросил Белосельский, переждав волну удивленных возгласов. – Может, нужны средства, помощники, аппаратура?

– Вряд ли кто-нибудь в мире сможет мне помочь, – ответил Минц и чихнул. – Второго такого гения Земля еще не родила... – Минц замолчал, медленно закрыл рот и задумчиво опустился на стул.

– Что с вами? – спросила Финифлюкина. – Может, воды принести?

Минц отрицательно покачал головой.

С минуту все молчали. Лишь с площади доносился ровный шум толпы. Наконец Минц поднял голову и оглядел присутствующих.

– Завтра я дам ответ.

– Это чепуха! – сказал Оболенский. – Это шарлатанство. Ни один институт в мире этого не добился, даже в Японии нет никакой гравитации. Надо хорошо проверить, из чьего колодца черпает Минц свои сомнительные идеи.

Слабенко лишь саркастически улыбался.

И тогда Белосельский сказал так:

– Я надеюсь, присутствующие здесь товарищи и представители общественности согласятся, что вопрос настолько серьезен, что лучше отложить его решение на два дня. Я лично глубоко верю в гений товарища Льва Христофоровича. Он не раз нам это доказывал.

Когда Оболенский стал выковыривать кнопки, чтобы снять свои радужные перспективы, Белосельский сказал:

– А вы, Елисей Елисеевич, оставьте эти произведения здесь. Пусть люди ходят в мой кабинет, смотрят, создают мнение.

* * *

Удалов проводил Минца до дома. Тот совсем расклеился. Чихал, хрипел – утренний пробег роковым образом сказался на его здоровье, подорванном мыслительной деятельностью.

– Вы что замолчали, Лев Христофорович? – спросил Удалов. – Что за светлая идея пришла вам в голову?

– А вы догадались? – удивился профессор. – Я думал, что никто не заметил.

– Я вас хорошо знаю, сосед, – сказал Удалов. – Вспомните, сколько мы с вами всяких приключений пережили!

Удалов остановился, приложил ладонь ко лбу профессора и сказал:

– Лев Христофорович, у вас жар. Сейчас примите аспирина и сразу в постельку.

– Нет! – воскликнул Минц. – Ни в коем случае! Я должен немедленно ехать... идти... перейти... Я дал слово. Город ждет!

– Лев Христофорович, – возразил Удалов. – Вы не правы. В таком состоянии вы ничего сделать не сможете. И если надо куда-то съездить, вы же знаете – я всегда готов. Тем более для родного города.

– Нет, – сказал Лев Христофорович, пошатываясь от слабости. Простуда брала свое. – Предстоящее мне путешествие очень опасно. Совершенно непредсказуемо.

– Путешествие?

– Да, своего рода путешествие.

Они дошли до ворот дома шестнадцать. Погода испортилась, начал накрапывать дождик. Желтые листья срывались с деревьев и приклеивались к мокрому асфальту. Минц остановился в воротах и сказал:

– Вам, Корнелий, я могу открыть опасную тайну, которая не должна стать достоянием корыстных людей и милитаристских кругов.

– Погодите, – перебил друга Корнелий. – Сначала мы пойдем домой, чайку согреем, аспиринчику хлопнем, а потом поговорим.

– К сожалению, у нас нет времени, – упирался Минц. – Вы же видите, в каком критическом положении оказался наш город. Слабенко имеет поддержку в области... От меня ждут быстрых решений. Я дал слово...

Все же Удалову, который был помоложе, удалось затащить Минца в подъезд. Он оставил его перед дверью в его квартиру и велел переодеться, а сам обещал тут же прийти.

Тут же прийти, конечно, не удалось. Пока сам умылся, да рассказал все Ксении...

За обедом включил телевизор, местную программу. Показывали общественный суд над Передоновым, который кинул на мостовую автобусный билет. Прокурор требовал изгнания из Гусляра, защитник нажимал на возраст и славную биографию. Преступник рыдал и клялся исправиться. Ограничились строгим порицанием. Потом была беседа с сержантом Пилипенко о бродячих кошках. Пилипенко полагал, что это происходит от недостаточной нашей любви к кошкам. Если кошку ласкать, она не уйдет из дома.

Вдруг словно звякнул внутри звоночек. Как там Минц? А вдруг он, презрев температуру, уйдет из дома?

В одну секунду Удалов сбросил домашние туфли, натянул ботинки и накинул пиджак. Еще через минуту он уже был у Минца, который без сил лежал на диване.

– Сейчас я согрею вам чаю, – сказал Удалов, включая плиту. – Вам нужен постельный режим.

– Нет! – закричал Минц.

Он попытался встать, но ноги его не держали.

Удалов принес чай и таблетки. Минц сдался. Он покорно выпил горячего чая, проглотил таблетки, и только потом Удалов согласился его слушать.

* * *

– Я знаю, – сказал Минц слабым голосом, – что за два дня проблему гравитации мне не решить. Слишком много еще не сделано. Но есть надежда, что один человек ближе меня подошел к решению загадки.

– И вы к нему собирались ехать?

– Вот именно.

– И куда, если не секрет? В Японию? В Конотоп?

В голосе Удалова звучала ирония. Уж он-то знал, что на Земле нет никого, кто сравнился бы гениальностью с профессором Минцем.

– Еще дальше, – улыбнулся Минц.

– Разумеется, за лесом вас ждет космический корабль.

– Вы почти угадали, мой друг, – сказал Минц.

– И как же зовут этого вашего благодетеля?

– Минц, – ответил профессор. – Его зовут Лев Христофорович Минц.

– Бредите, что ли? – испугался Удалов.

– Нет, я в полном сознании. Я хочу воспользоваться фактом существования параллельных миров.

– А они есть?

– Есть, и множество. Но каждый чем-то отличается от нашего. Я обнаружил тот из них, что развивается вместе с нами и различия которого с нашим минимальные.

– То есть существует Земля, – сразу сообразил Удалов. – Где есть Великий Гусляр, есть профессор Минц...

– И даже Корнелий Удалов, – сказал профессор.

– Это точно?

– Это доказано теоретически.

– И вы хотите поехать туда?

– Вот именно. Там живет мой двойник.

– Но если вы не изобрели этой самой гравитации, почему вы решили, что он изобрел гравитацию?

– Параллельный мир, назовем его Земля-2, не совсем точная наша копия. Кое в чем он отличается. И если верить моим расчетам, он движется во времени на месяц впереди нашего. А уж за месяц я наверняка изобрету антигравитацию.

– Ну и отлично, – сказал Удалов, который умом, конечно же, согласился с очередным открытием Минца, но душа его такого оборота

событий не восприняла. Трудно представить, что где-то за миллиарды галактик или миллионы световых лет живешь ты сам, и жена твоя Ксения, и профессор Минц, и даже товарищ Белосельский.

– Не верите? – спросил Минц.

– Верю-то верю, да не знаю... А далеко до него?

– Этого наука сказать не может, – ответил Минц. – Потому что существование параллельных миров подразумевает многомерность Вселенной. Она изогнута так сложно, что параллельные миры фактически соприкасаются и в то же время отстоят на миллиарды световых лет. Нет, это выше понимания человека!

– Ну раз выше, то не надо объяснять, – согласился Удалов. – Выздоровеете, отлежитесь и отправляйтесь в ваш параллельный мир, поговорите с самим собой, может, и в самом деле поможет.

– Вы ничего не поняли! – воскликнул простуженный профессор. – Я же дал слово! Город ждет! Если через два дня я не изобрету антигравитацию, Оболенский начнет...

Голос профессора прервался.

– Не переживайте, – возразил Удалов. – Вы не один. С вами общественность.

– Я обещал, – слабым голосом повторил профессор.

Тут он принялся биться, бредить и довел Удалова своими стенаниями до того, что он заявил:

– Ладно уж, схожу вместо вас.

– Нет, это опасно!

– Почему?

– Мы не знаем, в чем разница между нашим и тем миром.

– А какая может быть разница, если миры параллельные?

– Параллельные, но не обязательно идентичные.

– Тогда тем более интересно.

– Я не могу взять на себя ответственность.

– Утречком, до работы и схожу.

– А если придется задержаться?

– Перекушу там. Деньги небось одинаковые?

– Удалов, вы задаете бессмысленные вопросы! – рассердился профессор. – Я там не был, никто там не был. Проголодаетесь, зайдите к самому себе, неужели не накормят?

– Значит, можно идти налегке, – сказал Удалов.

– По моим расчетам, путешествие займет часа два. Вам надо заглянуть в собственный дом, встретить меня, поговорить, все объяснить, взять формулы гравитации, если они есть, – и тут же обратно.

– Вот и договорились, – обрадовался Удалов. – Отдыхайте. Может, все же врача вызвать?

– Нет, мой организм справится, – ответил Минц.

– Дайте мне слово, что до утра с дивана не встанете!

После некоторого колебания Минц дал слово, и Удалов ушел к себе успокоенный. Слово Льва Христофоровича нерушимо.

* * *

К путешествию в параллельный мир Удалов отнесся без паники. Ему уже приходилось путешествовать. И в другие галактики, и в Вологду, и даже в Неаполь. Правда, новое путешествие давало пищу для размышлений. И Удалов размышлял.

В тот вечер они пошли с Ксенией в отреставрированный городской театр, где давал концерт камерный оркестр под управлением Спивака. Теперь, когда духовная жизнь Великого Гусляра оживилась, туда приезжали многие выдающиеся артисты, даже из-за рубежа. На некоторые концерты было трудно попасть. Например, на вечер Адриано Челентано съехались зрители со всего района, даже из Тотьмы и Пьяного Бора.

Гастролеры также были довольны Гусляром. И его памятниками старины, и мирным добродушным гуслярским населением, и энтузиазмом любителей искусства. Но больше всего они ценили гуслярский театр, построенный в конце XVIII века радением купца Семибратова, правда, к концу прошлого века, обветшавший и заброшенный. В годы первых пятилеток в нем был склад, затем его перестроили под галошную артель. Пупыкин, в краткую бытность свою главой города, хотел сделать в бывшем театре дом Приемов, но Оболенский уговорил его театр снести и на его месте воздвигнуть дом Приемов из белого мрамора. К счастью, Пупыкина сняли, а театр восстановили методом народной стройки. Каждый второй гуслярец выходил на эту стройку добровольно, а кто не мог выйти, способствовал в меру сил шитьем портьер, изготовлением бронзовых дверных ручек или выпиливанием деревянных деталей. Когда театр, скромный, уютный, открыл свои двери, специалисты всего мира были поражены его акустикой. Даже

шуршание актерских ресниц долетало до последнего ряда, облагораживаясь в полете.

А что касается музыкальных инструментов, то их звучание в зале, созданном руками безвестных гуслярских умельцев, резко менялось к лучшему. Стоявший на сцене рояль фабрики «Красный Октябрь» звучал чуть-чуть лучше «Стенвея», а скрипки... Страдивари умер бы от зависти!

Удалов с Ксенией сидели в третьем ряду, наслаждаясь музыкой, вернее, Ксения наслаждалась, а Удалов думал. Если в том мире с гравитацией не выгорит, придется, видимо, искать еще один – ведь их бесконечное множество. Если с первого раза не удастся, придется взять отпуск за свой счет. Да, прав Минц: параллельные миры должны оставаться государственной тайной. Не дай бог, если мерзавец решит воспользоваться ими для своих целей... А что, если уже воспользовались? Что, если где-то другой Минц уже разработал такое путешествие, но у него нет верного друга в лице Удалова? Доверился он какому-нибудь проходимцу, и тот уже здесь... Зачем он здесь? А затем, чтобы похитить ценную вещь из музея!

Эта мысль Удалова испугала, и он стал крутить головой, опасаясь увидеть пришельца. Потом понял – не увидишь. Ведь все пришельцы – двойники. Ты смотришь на него, думаешь: вот провизор Савич со своей супругой Вандой Казимировной. А на самом деле это дубль Савича и дубль его супруги. Или еще хуже – дубль Савича, а супруга настоящая... Постой, постой, а как же с Ксенией? Значит, там есть вторая Ксения? Такая же или чуть другая?

Удалов поглядел на свою жену. Она ничего не видела вокруг, сжимала в пальцах платок – печальная музыка Сибелиуса привела ее в состояние экстаза.

Когда они шли домой из театра, Удалов сказал Ксении, что завтра поедет в местную командировку, может задержаться.

– Куда? – спросила Ксения рассеянно. Она все еще находилась во власти искусства.

– Ты мне теплые носки приготовь. И пуговицу к плащу пришей.

Если бы не музыка, Ксения, конечно бы, выпытала у Удалова, куда он собрался. Но сейчас ей не хотелось ничего выпытывать. Вечер был тихий, чудесный, дождь перестал, ветер стих. По разноцветным плиткам новой мостовой медленно гуляли жители города, обогащенные

искусством. Уютно светились витрины магазинов и кооперативных кафе. По дороге Удалов с Ксенией заглянули в гастроном, купили сервелата, немного красной икры, бананов и сливок – на завтрак. Продавщица Дуся очень жалела, что не смогла побывать на концерте, но говорили, что Спивак обещал дать утренний концерт для тех, кто не смог послушать его вечером.

Отослав Ксению с покупками домой, Удалов осторожно заглянул к Минцу.

Минц спал. Во сне он шевелил губами, бормотал, волновался.

* * *

Утром Удалов чуть было все не погубил. Когда оделся, сделал уже шаг к двери, обернулся, поглядел на Ксению и подумал: а вдруг я ее больше не увижу? Потому он вернулся, обнял жену и поцеловал.

Эта нежность встревожила Ксению.

– Ты что? – испугалась она. – Ты куда?

– К вечеру вернусь, – сказал Удалов, но голос его дрогнул.

– Что-то тут неладно, – сказала Ксения. – Признавайся, кто она?

– Клянусь тебе, Ксюша, – ответил Удалов. – Отправляюсь в деловую командировку, в интересах города. А поцеловал тебя от возникшего чувства. Неужели этого не может быть?

– Что-то раньше ты меня по утрам не целовал, – резонно ответила Ксения. – А раз раньше не целовал, а теперь полез, значит, дело нечисто.

– Господи! – возмутился Удалов. – Собственную жену уже поцеловать нельзя без скандала!

Обиделся он на Ксению.

Ушел, хлопнул дверью. Чем, правда, Ксению несколько успокоил.

К Минцу Удалов вошел шумно, распахнул дверь, чуть не свалил этажерку с журналами.

Минц уже проснулся, он сидел на диване, закутанный в одеяло.

– Удивительное дело, – сказал он при виде Удалова. – Не могу встать. Слабость такая, даже стыдно.

– Ничего, – ответил Удалов. – Давайте не будем терять времени даром. Лекарства принимали?

Удалов скинул плащ, быстро согрел чайник, по-товарищески приготовил завтрак, а тем временем Минц рассказал ему, что надо делать.

Переходить в параллельный мир придется в особой точке, которую вычислил Минц. Находится она в лесу, за городом, на шестом километре. И это хорошо, потому что переход сопровождается выбросом энергии, а выбрасывать ее лучше в безлюдном месте, чем среди людей, которых можно повредить. Для перехода надо вынуть из чемодана набор ограничителей, похожих на столовые ножи, воткнуть их в землю вокруг себя, затем нажать на кнопку энерготранслятора. Там, в параллельном мире следует также оградить место входа ограничителями и запомнить место – в другом не перейдешь.

Выслушав инструкции, сложив в портфель набор ограничителей и прикрепив к рубашке маленький энерготранслятор, Удалов был готов к походу.

– Учтите, мой друг, – сказал Минц. – Перейти может только один человек. Я не смогу прийти к вам на помощь. Но я убежден, что в любом параллельном мире профессор Минц останется таким же профессором Минцем, а Корнелий Удалов – таким же отважным и добрым, как здесь. Так что при любых трудностях обращайтесь ко мне или к себе.

Минц приподнял слабую руку.

– Жду! – сказал он вслед Корнелию. – Со щитом, но не на щите.

Удалов вышел, раздумывая над смыслом неизвестной ему поговорки. Что интересно имел в виду профессор под щитом? Но вскоре он выкинул эту мысль из головы и поспешил к автобусу.

Автобус был полон – час пик, все спешат на работу. Он долго крутил по узким улицам, минут пять стоял на перекрестке – такое интенсивное движение было в Гусляре. И Удалов проникся важностью своей миссии. Именно он призван разгрузить транспортные потоки и спасти город. Народу трудно.

У гастронома в автобус влез Пупыкин. Как всегда, подобострастный, улыбающийся.

Как странно, подумал Удалов, что этот человечек с потными ладошками целый год пробыл во главе города и, не возмутись общественность, не наступи эра демократии, сейчас продолжал бы сживать со света честных людей.

– Корнелий Иванович! – пискнул Пупыкин. – Какое счастье. А я на утренний пробег спешу. Вы не бежите сегодня?

– Дела, – сказал Удалов. – Некогда сегодня. Завтра побегу.

– Ах, у меня тоже дела, – признался Пупыкин. – Но надо показаться товарищу Белосельскому. Он может подумать, что я манкирую своим здоровьем. Правда?

– Не знаю, что думает товарищ Белосельский, – ответил Удалов. – У него и без вас забот много.

– Да, Николай Иванович страшно занят! Я лучше любого другого могу понять и разделить его заботы. Я слышал, что в управлении охраны природы ищут инструктора по пернатым. Вы не могли бы замолвить за меня словечко?

– Но я-то при чем? – с тоской спросил Удалов, глядя в окно автобуса.

– Вы имеете связи, – сказал Пупыкин убежденно. – Сам товарищ Белосельский с вами советуется.

– Какие уж там связи...

– Нет! – взвизгнул Пупыкин и попытался игриво ткнуть Удалова пальчиком в живот. – Есть связи, есть! А мне на пенсию рано. Бурлит энергия, хочу внести вклад!

Тут автобус остановился и водитель произнес:

– Пристань. Следующая остановка – городской парк.

Удалов сильно подтолкнул Пупыкина к выходу, и тот пропал в толпе.

Еще недавно ты был другой, подумал Удалов, совсем другой. А что настоящее? Этот Пупыкин или тот, кто вызывал Удалова на ковер и прочищал ему мозги?

* * *

В лесу на шестом километре Удалов отыскал нужное место.

Там Минц уже пометил мелом два ствола, между которыми надо ставить ограничители.

Он открыл портфель. В лесу было тихо, даже птицы не пели. Осень. Только случайный комар крутился возле уха.

Будем надеяться, сказал себе Удалов, что там, в параллельном, тоже нет дождя.

Он расставил ограничители, воткнул их поглубже в землю, чтобы кто из грибников не польстился на блестящие ножики, забросал их бурыми листьями.

Потом вошел в круг, нащупал у воротника кнопку на энерготрансляторе и, зажмурившись, нажал на нее.

И тут же его куда-то понесло, закрутило, он потерял равновесие и стал падать, ввинчиваясь в пространство.

В самом же деле он никуда не падал, и если бы случайный прохожий увидел его, то поразился бы полному, средних лет, человеку, который отчаянно машет руками, будто идет по проволоке, но притом не двигается с места. И постепенно растворяется в воздухе.

Когда верчение и дурнота пропали, Удалов открыл глаза.

Путешествие закончилось. А может, и не начиналось.

Потому что вокруг стоял такой же тихий лес, и точно так же звенел у уха поздний комар.

Потом далеко-далеко закуковала кукушка. Удалов стоял, слушал, сколько лет ему осталось прожить. Получалось тринадцать. Приемлемо. Как раз до пенсии. Откуда-то донеслись выстрелы. Неужели и здесь не истребили браконьеров?

Удалов огляделся, посмотрел, стоят ли ограничители.

Ограничителей не было. Земля пустая. А раз сказок и чудес на свете не бывает, значит, Удалов уже в параллельном мире. И надо его тоже пометить ограничителями.

Что Удалов и сделал. И так же, как в своем мире, он засыпал их сухими листьями.

Потом посмотрел на небо. Небо было пасмурным, дождь мог начаться в любую минуту. Куда идти?

«Глупый вопрос, – ответил сам себе Удалов. – Идти надо в город к себе домой».

Удалов решительно пошел к шоссе.

Первое различие с собственным миром Удалов заметил на автобусной остановке.

Сама остановка была такая же – бетонная площадка, на ней столб с номером и расписанием. Только столб покосился, а расписание было настолько избито дождями и ветрами, что не разберешь, когда ждать автобуса.

Время шло, автобус не появлялся. Мимо проехало несколько машин, но ни одна не остановилась, чтобы подобрать Удалова.

Тогда Удалов пошел пешком. До города шесть километров, но километра через два будут Выселки, а оттуда ходит двадцатка до самой Пушкинской.

Шагая, Удалов внимательно осматривался, отыскивая различия.

И тут же его куда-то понесло, закрутило, он потерял равновесие и стал падать, ввинчиваясь в пространство.

Различий было немного. Например, шоссе. В нашем мире его еще прошлой весной привели в порядок. Здесь, видно, недосуг это сделать. Встречались выбоины, ямы, кое-где большие трещины. Как специалист, Удалов понимал, что если не заняться шоссе в ближайшее время, придется вкладывать в ремонт большие деньги. Надо будет сказать... А кому сказать? Скажу Удалову, решил Удалов.

Наконец впереди показались крыши Выселков.

Удалов вышел на единственную улицу поселка. У магазина на завалинке сидели два грустных местных жителя. Дверь в магазин была раскрыта. На автобусной остановке ни души.

Удалов подошел к магазину и спросил у местного жителя:

– А автобус давно был?

– Автобус? – человек поглядел на Удалова, как на психа. – Какой тебе автобус?

– До центра, – сказал Удалов.

– Ему нужен автобус до центра, – сообщил человек своему напарнику.

– Бывает, – ответил тот.

Из дверей вышел еще один человек, постарше. Он нес в руке темную бутыль.

– Есть политура, – сказал он и быстро пошел прочь.

Собеседники Удалова помчались вслед за обладателем бутылки.

Удалов закричал:

– Автобус когда будет?

Мужчины не ответили, но старушка, что вышла из магазина вслед за человеком с бутылью, сказала:

– Не будет автобуса, милок. Отменили.

– Как отменили? Надолго?

– В виде исключения по просьбе трудящихся.

– А когда он придет?

– Никогда он не придет, – сказала старушка. – Зачем ему приходить, если у нас есть такая просьба, чтобы он не приходил.

– Но до города четыре версты пехом!

– А ты не спеши, воздухом дыши. Потому автобус и отменили, чтобы люди больше воздухом дышали. Для здоровья.

– Ты, бабушка, не шутишь?

– Не дай Бог! Васька Иванов пошутил. Где он теперь? Молчишь? То-то.

Удалов не знал ни Васьки, ни его местопребывания. Но спрашивать не стал. Пошел дальше.

Четыре километра не такое большое расстояние. Тем более, когда дождя нет, ветер не дует, погода прохладная.

Вскоре Удалов догнал молодую женщину с рюкзаком и чемоданом.

Женщина была одета в ватник и лыжные штаны. На ногах мужские башмаки, голова закутана серым платком.

– Помочь? – спросил Удалов, поравнявшись.

– Не надо, – ответила женщина, отворачиваясь.

Чем-то ее лицо Удалову было знакомо. Он пошел рядом, стараясь вспомнить.

– Чего смотрите? – спросила женщина, не глядя в его сторону. – Не признаете, что ли?

– Знакомое лицо, – сказал он. – Недавно видел... Вы простите, конечно, но одежда совсем у вас непривычная.

– Ну, Удалов! – рассмеялась тут женщина. – Ну, вы осторожный!

И по тому как женщина произнесла слова, и как улыбнулась, и как блеснула стальная коронка в правом углу рта, Удалов признал Зиночку Сочкину – хохотушку, резвушку, директоршу музыкальной школы и активную общественницу. Еще вчера они бежали рядом в утреннем забеге и она требовала открыть класс арф. Но перемена, произошедшая в этой милой интеллигентной женщине, была столь разительна, что ее не сразу узнал бы собственный отец. Лицо ее осунулось, обгорело под солнцем, покрылось сеточкой ранних морщин. Вчера еще курчавые волосы были скрыты под платком, ресницы не покрашены, губы обкусаны. Да и взгляд пустой, без смелости и озорства.

– Нет, – сказал Удалов, – я честно не узнал, Зиночка. Я же тебя совсем другой знаю. Что с тобой произошло?

И тут же Удалов спохватился: ты не дома, Корнелий, ты в параллельном мире! И изменение в Зиночке – еще одно отличие мира тутошнего от нашего.

– Шутите? – спросила Зина, спрятав улыбку. – Вам легко шутить.

И так горько сказала, что Удалов понял – допустил нетактичность.

Но сейчас ему было не до дипломатии. Считай, что повезло, встретил знакомую, которая тебя узнала. Надо осторожно вытащить из нее

информацию, так, чтобы не поставить под удар собственного двойника, который и не подозревает, что ты разгуливаешь по его Великому Гусляру.

– Откуда возвращаетесь? – спросил Удалов.

При этом он сделал еще одну попытку отобрать у молодой женщины чемодан. Видно, от неожиданности она чемодан отпустила, но тут же спохватилась и стала тащить на себя. Чемодан был тяжелый, Удалов сопротивлялся и повторял:

– Я же только помочь хочу, понимаешь?

Но женщина упрямо продолжала тянуть чемодан, и тот не выдержал такой борьбы, распахнулся, и из него покатилась по асфальту картошка – мокрая, грязная...

Женщина в ужасе отпрянула, закрыла глаза руками и зарыдала.

– Ты прости, я не знал, – сказал Удалов. – Я не хотел.

Он поставил открытый чемодан на дорогу и, нагнувшись, стал собирать в него картошку.

Раздался скрип тормозов.

– Ты чего здесь расселся, мать твою так-перетак!

Удалов поднял голову.

Над ним стоял мотоцикл. В седле, упершись одной ногой об асфальт, сидел старый знакомый – сержант Пилипенко. Только он был при усах и в капитанских погонах.

– Ты что, не знаешь, какая это трасса! Я тебя живо изолирую!

– Сема, Пилипенко! – удивился Удалов. – Какая трасса!

– А, это ты, – сказал Пилипенко. Узнал все-таки. – Ты чего вырядился...

А ничего странного на Удалове не было надето – модный плащ, сделанный в Гусляре кооперативной фабрикой «Мода Парижской Коммуны», голландская шляпа, купленная в универмаге, и знаменитые армянские штиблеты – одежда как одежда.

– Что ты здесь делаешь? – спросил с подозрением бывший сержант, а ныне капитан Пилипенко.

– Видишь же, – ответил Удалов. – Картошку рассыпал.

– Картошку? Откуда взял?

– Послушай, Пилипенко, что ты себе позволяешь? – спросил Удалов. – Я же тебя с детства знаю.

Удалов оглянулся в поисках Зины, но ее нигде не было, и потому он решил взять все на себя – хуже не будет.

– Моя, – ответил Удалов, почти не колеблясь.

– Ты меня удивляешь, – сказал Пилипенко. – В твоем-то положении.

– А чем тебе не нравится мое положение?

– Шутишь?

– Не шучу – спрашиваю.

– Давай, скорей собирай, чего дорогу занимаешь? – совсем осерчал Пилипенко. Отталкиваясь правой ногой, он подкатил мотоцикл и стал подгонять носком сапога картофелины поближе к Удалову.

Вдали послышался тревожный вой.

– Долой! – взревел Пилипенко. Удалов, так и не закрыв чемодана, оттащил его в сторону.

– Закрывай! – крикнул Пилипенко и нажал на газ. Мотоцикл подпрыгнул и понесся вперед.

Удалов закрыл чемодан и распрямился.

Тут же из-за поворота вылетела черная «Волга» с двумя флажками, как у посольской машины – справа государственный, слева с гуслярским гербом: ладья под парусом, на корме сидит певец с гуслями, а над мачтой – медвежья нога под красной звездочкой.

В машине мелькнул чей-то знакомый профиль, на мгновение голова повернулась, и глаза уперлись в лицо Удалова. Удалов не успел угадать – кто же едет.

За первой машиной мчались еще две «Волги», серая и зеленая, потом «жигуленок» и напоследок – мотоциклист в милицейской форме.

Кортеж пролетел мимо и растворился, оставив газовый туман и ошметки пронзительных звуков.

Удалов обернулся к кустам у дороги, спросил:

– Зина, ты здесь?

– Я здесь, – послышалось в ответ.

Сочкина выбралась из кустов. Она была бледной, даже руки тряслись.

– Кто это был? – спросил Удалов.

– Он, – ответила Зина, – с охоты возвращаются. Неужели не догадались?

– Я пошутил, – сказал Удалов.

– А мне было не до шуток, – сказала Зиночка. – Думала, конец мне пришел.

– Да ты что? – удивился Удалов. – Что ты такого сделала, чтобы пугаться?

– А не понимаете?

– Ума не приложу.

– Корнелий Иванович, – сказала с укором Зиночка. – Вы со мной в одном городе живете, ваша роль мне, к сожалению, известна. Мне одно непонятно – почему вы на себя мое преступление взяли, головой рискуете?

– Ничем я не рискую, – признался Удалов, – но многого не понимаю.

Он поднял чемодан и пошел по шоссе. Зина шла рядом.

– Я знаю, в чем дело, – сказала она. – В вас совесть заговорила. Мне Ксения говорила, что вы не такой подонок, как кажетесь. Я ей не поверила.

– Где же она тебе это говорила?

Тут Зина остановилась, поглядела на Удалова и сказала загадочно:

– Там, где картошка растет. – И вдруг взъярилась: – Лицемер проклятый! Отдайте мне чемодан!

Удалов вернул чемодан.

– А теперь уходите, – сказала Зина. – Я не знаю, может, у вас в душе и шевельнулось что-то, но, скорее всего, – это страх перед расплатой. Прощайте. Я вас не видела, вы меня не видели. И в город я не ходила.

Удалову стало ясно, что вопросов лучше больше не задавать. Чего-то он не понимает, за что-то Зина его не любит. А ведь еще вчера у них были чудесные отношения. Правда, не здесь.

Зина свернула с шоссе на тропинку, а Удалов вошел в Великий Гусляр.

* * *

Начались одноэтажные домики окраины, спрятанные в облетающих садах, дальше – темная чаща городского парка. За ним дома повыше, колокольни и купола церквей. Издали – похоже на родной город.

Вот и первая, куда как знакомая Удалову улица. В нее превращается, вливаясь в город, шоссе. Ленивая улица – так ее испокон века кличут. Вряд ли потому, что на ней жили ленивцы или лентяи – просто, течет эта улица лениво, чуть изгибаясь, как речка.

На первом же заборе Удалов увидел свежую табличку. Белую, с черной строгой надписью: «Ул. Трудящаяся».

Еще одно различие, подумал Удалов. И внутренне согласился – пожалуй, давно пора переименовать, а то приезжают туристы, иностранные делегации, могут составить превратное представление о характере гуслярцев. Надо будет и у себя поднять вопрос.

Поперек улицы висел широкий красный транспарант. На нем белыми буквами: «Превратим наш город в образцовый!» Удалов и против такого призыва не возражал. К этому всегда надо стремиться.

Заборы были недавно покрашены, красиво, в зеленый цвет. Одинаково. И этому Удалов нашел объяснение: видно, бывают здесь с масляной краской перебои, а тут завезли зеленую, приятную для глаза, вот обыватели и покрасились. Мысль о том, что заборы покрашены, чтобы радовать глаз проезжающего после охоты начальства, ему в голову не пришла.

Тротуаров нет – пыльные тропинки среди пыльных лопухов. Тут у вас отставание, – подумал Удалов. Мы это все в позапрошлом году замостили. Ему было интересно идти и сравнивать. Как на картинке, какие бывают в детских журналах: отыщите десять различий в двух одинаковых рисунках. Вот и ломаешь голову – на одной стул с длинной ножкой, а на второй с короткой, на одной три птицы летят, на второй – четыре.

На пересечении бывшей Ленивой улицы с Торговым переулком, который здесь, как установил Удалов, именовался «Проспектом Бескорыстия», стоял большой деревянный щит на ножках. Щит изображал девицу в народном костюме с громадным снопом, который она прижимала к груди, как доброго молодца. Над ней надпись: «Завалим родную Гуслярщину хлебами!» Удалов вздохнул: у этих оформителей порой не хватает образования. Они, конечно, хотели как лучше, но получилось неточно.

Здесь надо повернуть налево, вспомнил Удалов. Так короче выйти к Горной. Мимо рынка, задами артели инвалидов.

Он свернул в проход: сейчас перед ним откроется бурная, привычная глазу картина продовольственного рынка.

Удалов обрадовался, углядев дыру в рыночном заборе, точно такую же, как дома. Единственная разница – там дыра как дыра, а здесь над ней небольшая надпись: «Проход воспрещен».

Тут Удалов увидел, как из прохода вылезает парнишка с соломенным веником в руке. Лицо вроде знакомое. Парнишка даже кивнул Удалову, и Удалов ему кивнул. Потом сообразил: вчера только его видел – длинноволосым рокером – младший брат Гаврилова! Но этот парень был коротко подстрижен, почти под нуль, а вместо кожаной куртки серый пиджачок. Вот и не узнал сразу.

Осмелев, Удалов тоже преодолел дыру и оказался на рынке.

С первого же взгляда рынок поразил Удалова. Если где и чувствовалась разница с нашим Гусляром, так это на рынке.

На нашем рынке жизнь кипит. Ближе к дыре должны быть ряды картофельные, свекольные и капустные. Там картошка одна к одной, отборная, рассыпчатая, кочаны крепкие, белые. Дальше ряд фруктовый. Там свои яблоки, да груши, персики, и хурма из экспериментального тепличного хозяйства, поздняя малина, и банки с вареньями, соленьями, маринадами. Тут же гости с юга: узбеки с виноградом «дамские пальчики», грузины с сухим вином и мандаринами, армяне с персиками славной формы и вкуса, индусы с кокосовыми орехами и плодами манго, китайцы... нет, китайцы большей частью в мясном павильоне. Там они торгуют пекинскими утками, мясом трепангов и особенной кисло-сладкой свининой. Рядом с датчанами – те привозят на гуслярский рынок лучшее в мире масло, да с исландцами – кто лучше их засолит селедочку?

Эти мысли пронеслись в голове Удалова, вызвав обычный образ обычного гуслярского рынка и даже вызвали слюноотделение. Но параллельная действительность предстала совсем иной.

Картофельный и свекольный ряды были пусты, если не считать одной женщины, что торговала семечками. Удалов подошел к ней, спросил:

– Попробовать можно?

Та пожала плечами.

Удалов взял семечко – было оно горелым и пересушенным.

– Плохо, – сказал он.

– Скажи спасибо, что такое есть.

Удалов направился мимо пустых прилавков, где не видно было ни кокосов, ни яблок, к мясному павильону, но увидел над ним яркий плакат: «Выставка-продажа вениковъ».

И в самом деле – внутри торговали вениками, шибко торговали, люди в очереди стояли. А мяса не было и в помине.

«В неудачный день я попал», – подумал Удалов. Он взглянул на прилавки, где обычно продавали молоко, сметану и творог.

Там стоял одни мужик мрачного вида, перед ним – банки.

– Что есть? – спросил Удалов, полагая, что масло и сметана таятся под прилавком.

– Как что? – удивился мужик. – Не видишь, что ли? Банки.

– Пустые?

– А тебе полные, что ли, подавай?

– Понял, – сказал Удалов и пошел дальше. Присмотрелся к очереди за вениками, нашел в ней знакомые лица. Даже возникло желание – купить веник Ксюше. Правда, дома веник есть, но раз все стоят, очень хочется встать. Это атавизм, понял Удалов, превозмогая себя. Атавизм, оставшийся с тех времен, когда еще был дефицит. Это надо выдавливать из себя по капле, – так, кажется, учил писатель Чехов.

Удалов ничего на рынке не приобрел. Но от этого проголодался. Вроде бы обедать рано, но когда видишь, что пищи вокруг нет – начинает мучить голод. Удалов не стал заходить в музей рынка, что стоял на месте кооператива «Розы и гвоздики», а поспешил к выходу. Там, направо от входа, есть столовая «Пышка», славная столовая, сытная, недорогая, на семейном подряде Муссалимовых.

У выхода Удалов нагнал знакомого провизора Савича. Савич нес два веника.

– Никита! – позвал Удалов. – Ты почему не на службе?

Это он так сказал, в шутку.

– Что? – Савич испуганно оглянулся. – Я имею бюллетень!

Но тут узнал Удалова и оттаял.

– Чего пугаешь? – сказал он. – Так и до инфаркта довести недолго. Я уж решил, что дружинник.

Лицо у Савича было потное, мучнистого цвета. Свободной рукой он стянул с лица шляпу и начал вытирать ею лоб и щеки.

– Прости, – сказал Удалов. – Я и не подумал, что тебя испугаю. Вижу ты – вот, думаю, хорошо, родную душу встретил. Ты веники покупал?

– Вот, выкинули, – сказал Савич.

– Хорошие веники, – вежливо сказал Удалов. – А как вообще жизнь?

– Ты же знаешь, что жизнь отличная, лучшая жизнь, – сказал Савич странным, срывающимся голосом.

– Это правильно, – сказал Удалов. – В утренних забегах участвуешь?

– Ты что имеешь в виду? – насторожился Савич.

Они уже вышли с рынка и остановились.

– Так, к слову пришлось, – сказал Удалов, поняв, что опять проговорился.

– Корнелий Иванович, – сказал вдруг Савич. – Тебе направо, мне налево. Нехорошо, если нас вместе увидят.

– Чего в этом плохого?

– Не хочешь – как хочешь, – сказал Савич уныло. – Только учти – у меня бюллетень. Все по закону. И за Ванду я не обижаюсь.

– А что с Вандой? – спросил Удалов.

– С Вандой? Ты еще спрашиваешь? – лицо Савича было трагическое, вот-вот заплачет.

– Ну, привет ей передавай, – сказал Удалов. Пора прощаться, пока не наговорил еще чего лишнего.

– Ей? Привет? От тебя?

Савич повернулся и побежал прочь, волоча за собой два веника, как ненужный букет.

Надо срочно поговорить с самим собой, решил Удалов. Без этого тайны только накапливаются.

Поэтому он повернул направо. В сторону Пушкинской улицы.

Прошел под плакатом, натянутым над улицей: «Хозяйство должно быть хозяйственным!» Не понял его, посмотрел направо, где должен был стоять кооператив «Пышка». Кооператива там не было. На месте вывески – скромная надпись: «Прокат флагов и лозунгов».

Прохожих на улице было немного, некоторые лица знакомые, с ними Удалов по инерции раскланивался. Люди кланялись в ответ,

но кое-кто при виде его прятал глаза долу и спешил мимо с опущенной головой.

Тут должен быть гастроном, сказал себе Удалов. Зайду, куплю своему двойнику что-нибудь. Ведь неудобно в гости сваливаться без подарка. Икорки возьму, шампанского – впрочем, неизвестно, что здесь есть, чего нет. Возьму, что есть.

Витрина гастронома обрадовала Удалова. Наконец-то все вернулось на свои места. Она почти такая же, как в родном Гусляре. Грудой лежит посреди витрины бычья туша, по бокам поленницами разные колбасы, за колбасами разделанная осетрина и лососина. Именно лососина Удалова и обрадовала, потому что такой розовой и крупной он давно не видел. Значит, с рынком ложная тревога – второй Гусляр кое в чем нас даже обогнал.

Удалов вошел в магазин и удивился его пустынности. Смотри-ка, сказал он себе: свято здесь соблюдают рабочее время. Даже домашние хозяйки по магазинам в рабочее время не ходят. А может быть, здесь разработана всеобщая система доставки товаров на дом?

Удалов подошел к рыбному отделу. Но на прилавке не обнаружил ни лососины, ни осетрины. Даже шпротов не было.

– Девушка! – позвал он продавщицу, что вязала в углу.

– Чего? – спросила она, поднимая голову.

Господи! – понял Удалов, это же Ванда Казимировна, жена Савича, директор универмага.

– Вандочка! – воскликнул Удалов в большой радости. – Ты что здесь делаешь?

– Корнелий? – Ванда отложила вязание. И замолчала, глядя враждебными глазами.

– У тебя неприятности? – спросил Удалов. – Я сейчас Никиту встретил на рынке, он веники покупал. Я его про тебя спросил, а он мне ничего не рассказал.

– И что же прикажете рассказывать? – спросила Ванда.

Она осунулась, выглядела лет на десять старше, глаза тусклые.

Удалов осознал: беда. Каждый торговый работник живет под угрозой ревизии. У нас в Гусляре милиции и общественности пришлось потрудиться, прежде чем всех торговых жуликов разогнали. Но Ванда! Ванда всегда честной была! Ее универмаг первое место в области занял! И хор продавщиц в Москву выезжал!

Здешняя Ванда была совсем другой. Может, согрешила? Человек слаб...

– Чего вам надо, Корнелий Иванович? – спросила Ванда.

– Я там на витрине лососину видел, – сказал Удалов. – Ты мне не свешаешь грамм триста?

– Что? – тихо спросила Ванда. Так, словно Удалов сказал неприличное слово, к которому она не была приучена.

– Грамм триста, не больше.

– И, может, еще осетрины захотел, провокатор? – спросила Ванда угрожающе.

– Кончилась, да? – спросил Удалов миролюбиво. – Если кончилась, я понимаю. Но ты мне можешь и с витрины снять.

– Слушай, а пошел ты... – и тут Ванда произнесла такую фразу, что не только сама знать ее не могла, но и Удалов лишь подозревал, что люди умеют так ругаться. – Мне терять нечего! Так что можешь принимать меры, жаловаться, уничтожать... Не запугаешь!

– Ванда, Вандочка, но я-то при чем? – лепетал Удалов. – Я шел, вижу продукты на витрине лежат...

– Какие продукты? Картонные продукты лежат, из папье-маше продукты лежат, на случай иностранной делегации или областной комиссии...

Тут Ванда зарыдала и убежала в подсобку.

Удалов стоял в растерянности.

Вокруг было тихо. И тут до Удалова дошло, что немногочисленные посетители магазина, стоявшие в очереди в бакалейный отдел за кофейным напитком «Овсяный крепкий», обернулись в его сторону. Смотрели на него и продавцы. Все молчали.

– Простите, – сказал Удалов. – Я не знал...

И он вышел из магазина.

С улицы он еще раз посмотрел на витрину. И понял, что только наивный взор человека, привыкшего к продуктовому изобилию – скажем, взор бельгийского туриста или жителя нашего, настоящего Гусляра, мог принять эти муляжи за настоящую лососину.

«Ой, неладно, – подумал Удалов. – Пожалуй, хватит гулять по городу. Скорей бы добраться до дома и все узнать у себя самого».

Изнутри к стеклу витрины прижались лица покупателей и продавцов – все смотрели на Удалова. Как голодные рыбки из аквариума.

Удалов поспешил домой.

Правда, ушел он недалеко. Дорогу ему преградила длинная колонна школьников. Они шли по двое, в ногу, впереди учительница и сзади учительница. Школьники несли флажки и маленькие лопатки.

Они хором пели:

Наш родной счастливый дом
Воздвигается трудом,
Чем склонения зубрить,
Лучше сваю в землю вбить.
Левой – правой, левой – правой!
География отрава,
Все науки ерунда,
Без созида-ательного труда.

Учительница подняла руку. Дети перестали петь и приоткрыли ротики.

– Безродному Чебурашке! – закричала она.

– Позор, позор, позор! – со страстью закричали детишки.

– Тунеядцу Карлсону! – закричала вторая учительница, что шла сзади.

– Долой, долой, долой! – вопили дети.

Движение колонны возобновилось, и Удалов пошел сзади, размышляя над словами детей.

Но ему недолго пришлось сопровождать эту охваченную энтузиазмом колонну. Дети вышли на площадь. На такую знакомую площадь, ограниченную с одной стороны торговыми рядами, с другой – Городским домом. Там должна возвышаться статуя землепроходцам, уходившим с незапамятных времен из Великого Гусляра, чтобы открывать Чукотку, Камчатку и Калифорнию. Тут Удалова ждало потрясение. Статуи – коллективного портрета землепроходцев, сгрудившихся на носу стилизованной ладьи, – не было. Остался только постамент в виде ладьи. А из ладьи вырастали громадные бетонные ноги в брюках. Ноги сходились на высоте трехэтажного дома. Дальше монумент еще не был возведен – наверху суетились бетонщики.

Площадь вокруг монумента была перекопана. Бульдозеры разравнивали землю, экскаваторы рыли траншеи, множество людей трудилось, разгружая саженцы и внедряя их в специальные ямы. Школь-

ников, с песней вышедших на площадь, сразу погнали в сторону, где создавались клумбы. И школьники, достав лопаточки, принялись вскапывать почву.

На балконе Гордома сгрудился духовой оркестр и оглашал окрестности веселыми маршевыми звуками.

Удалов стоял, как прикованный к месту, и лихорадочно рассуждал: кто из великих людей проживал в Гусляре или хотя бы бывал там проездом? Пушкин? Не было здесь Пушкина. Толстой? А может, Ломоносов на пути из Холмогор? Но зачем для этого свергать землепроходцев?

Тут Удалов узнал бульдозериста. Это был Эдик из его ремстройконторы.

Удалов пошел к бульдозеру, понимая, что вопрос следует задавать не в лоб, осторожно.

Бульдозерист Эдик тоже увидел своего начальника и удивился:

– Корнелий Иваныч, почему не в спецбуфете?

По крайней мере, Эдик на Удалова не сердился.

– Расхотелось, – сказал Удалов. – Как дела продвигаются?

– С опережением, – сказал бульдозерист. – Взятые обязательства перевыполним! Сделаем монумент на три метра выше проекта!

– Сделаем, – согласился Удалов, понимая, что к разгадке монумента не приблизился. Конечно, надо уходить, не маячить же на площади. Но любопытство – страшный порок.

– Внушительно получилось, правда? – спросил он.

– Чего внушительно?

– Фигура внушительная.

– Вам лучше знать, Корнелий Иванович, – ответил бульдозерист.

– Крупная личность? Большой ученый?

– Это вам виднее, – неуверенно ответил бульдозерист.

Значит, не ученый. Или писатель, или политический деятель.

– А когда он умер, не помнишь? – спросил Удалов, показывая на памятник.

Взгляд бульдозериста был дикий. Видно, Удалов сморозил глупость. И дата смерти человека, нижняя половина которого уже стояла на площади, была известна каждому ребенку.

– Нет, ты не думай, – поспешил Удалов исправить положение. – Я знаю, конечно, когда он умер. Просто тебя проверить хотел.

– Проверить?

Но тут бульдозер начал медленно разворачиваться лопатой на Удалова. В движении была какая-то угроза.

– Если бы не очередь на квартиру, – сказал без улыбки Эдик, – я бы иначе с тобой поговорил.

– Все! – закричал Удалов. – Ухожу. Я пошутил.

Он быстро пошел в сторону, стараясь не попасть под лопату бульдозера, и чуть не наступил на девчушку, которая ручками размельчала комья земли на будущей клумбе.

– Девочка, девочка, как тебя зовут? – спросил Удалов.

– Ниночка, – ответила девочка.

– Молодец, а ты в садик ходишь?

– В садик, – сказала девочка. – А ты кто?

– А я на работу хожу, – признался Удалов. – Скажи, крошка, это какому дяде памятник делают?

– Хорошему дяде, – сказала девочка уверенно.

– Он книжки пишет? – спросил Удалов.

– Книжки пишет, – подтвердила девочка.

– Он с бородой? – спросил Удалов.

– С бородой, – сказала девочка покорно.

– Это дядя Толстой? – догадался Удалов.

– Ой! – сказала девочка, дивясь такой догадливости Удалова.

Она вскочила и побежала к воспитательнице, которая в окружении других малышей высаживала в землю кусты роз.

– Марья Пална! – закричала девочка, – Марья Пална! А этот дядя говорит, что наш памятник толстый!

– Гражданин! – воспитательница оказалась статной красивой женщиной ниже среднего роста. – Вы что здесь делаете?

– Не обращайте внимания, – сказал Удалов. – Я обедать иду. Хотел девчушке помочь – пускай воспитывается. А она у вас молодчина. Знает, что памятник Толстому возводится.

– Что? – женщина дернула девочку к себе, чтобы добрая рука Удалова не успела опуститься на ее головку. – Уйдите! Не травмируйте ребенка! Я буду жаловаться!

На крик стали оборачиваться люди, и Удалов быстрыми шагами пошел к пьедесталу. Сзади был шум, какие-то объяснения, вроде бы готовилась погоня.

Он обогнул пьедестал и увидел, что там лежит отдельно громадная бетонная рука с зажатым в ней портфелем, другая рука с раскрытыми пальцами, куски бюста, но главное, под большим брезентом – голова. Шар в рост человека.

Ноги сами понесли Удалова посмотреть на голову. Хоть и призналась девочка, что памятник будет Толстому, все равно хотелось проверить.

Удалов деловито подошел к голове, протянул руку, приподнял край тяжелого брезента, но увидел только ухо. И в этот момент сзади раздался пронзительный свист – к нему бежал милиционер, за ним – другие люди и дети.

Удалов понял: дело плохо. Он кинулся бежать с площади.

Но далеко не убежал – с другой стороны уже ехала «скорая помощь». Она затормозила у раскопанной траншеи, оттуда выскочили санитары с носилками и также кинулись к Удалову. Удалов, как заяц, метался по полю, перепрыгивая через ямы, но кольцо преследователей все сужалось.

Удалова поймали бы, если бы не неожиданное отвлечение.

Внезапно воздух потемнел, на город наползла черная туча.

– Красная игрушка! – раздались крики в толпе. – Красная игрушка!

И тут же люди побежали прочь, ища укрытия, подхватывая на пути детишек.

Через полминуты Удалов остался один посреди площади.

Гроза идет, понял он и, благодаря природу за своевременное вмешательство, поспешил к торговым рядам, чтобы укрыться там. Но далеко отойти не успел, потому что все время оглядывался.

И с неба сорвались первые капли влаги.

Капли были черными, едкими, они жгли лицо и проникали сквозь одежду. Удалов побежал быстрее, но дождь становился все гуще. К тому времени, когда Удалов добежал до какого-то пустого подъезда, все тело горело от ожогов, а одежда начала расползаться и слезать с тела.

«Черт знает что, – рассердился Удалов. – Знал бы, никогда бы не согласился на такое путешествие. Вечно этот Минц с его открытиями!» Но внутренний голос поправил Удалова: Корнелий, сказал он,

тебя никто не заставлял бегать по площадям и задавать вопросы. Пошел бы прямо на Пушкинскую, уже, наверное, возвратился бы обратно домой с формулами в руках. Сам виноват.

Удалов согласился с внутренним голосом, хотя ему было жалко костюма, плаща и шляпы, не говоря уж о ботинках.

Кислотный дождь прекратился, но туча еще висела над городом, и улицы были пустынными. Удалов побежал домой.

Бежал он с трудом. Тротуары были скользкими и черными от зловонной жижи, плащ расползся, костюм держался еле-еле, у правого ботинка отклеилась подошва, а брюки пришлось поддерживать руками.

В таком плачевном виде Удалов пробежал по Пушкинской, влетел в ворота своего дома и сразу нырнул в подъезд.

Вот и родная лестница, вот и привычная дверь.

Удалов нажал на кнопку и услышал столь знакомый звон, прозвучавший в квартире.

* * *

Дверь открылась далеко не сразу.

В дверях стояла чем-то знакомая молодая блондинка. Приятной внешности, в цветастом халатике, натянувшемся на высокой груди.

– Корнелий! – воскликнула молодая женщина. – Как же ты не уберегся!

– Я... понимаете... понимаешь... – тут Удалов совсем смешался, потому что ожидал встретить совсем другую женщину. Бывает, смотришь на человека и понимаешь: где-то ты его видел, или в детском саду с ним состоял, или в школу ходил, или в Ялте отдыхал. Но кто она? Кто она? Почему она здесь? Где Ксюша?

– Тебе лучше не заходить, – сказала молодая женщина, загораживая проход. – Сначала погуляй, обсохни.

– Я с тобой не согласен, – возразил Удалов. У него зуб на зуб не попадал.

– Только в комнаты не заходи, – женщина отступила, не скрывая отвращения от запаха и вида Удалова. – Все здесь сбрасывай и сразу в ванную!

Перед Удаловым стояла трудная проблема. Ему предлагали раздеться догола, полагая, что он не тот Удалов. Причем, ладно бы пред-

лагала Ксюша – перед Ксюшей, даже чужой, можно было не стесняться. Но с этой молодой красоткой... как при ней разденешься?

– Ты что? – спросила молодая женщина. – Оробел, что ли, мой орел общипанный?

– Знаешь, – сказал Удалов, – я лучше так в ванную пройду. Там я разденусь.

– Чтобы всю ванную провонял? У меня там импортные шампуни стоят.

В голосе молодой женщины послышались пронзительные нотки, и этим она напомнила Удалову Ксению. Но только напомнила. Была она лет на двадцать моложе его жены, глаза намазаны, щеки подрумянены, во взгляде поволока...

Удалов, возя ногой по ноге, стянул с себя распадающиеся ботинки, с ними сошли и носки. Потом все же двинулся к двери в комнату.

– Стой! – молодая женщина загородила руками проход. – Убью!

Халат ее распахнулся, обнаружив кружевное нижнее белье, но это совсем не смутило красотку.

Тогда Удалов, понимая, что выхода нет, начал стаскивать с себя остатки костюма, делая это очень медленно, оттягивая время, в надежде, что другой Удалов придет и освободит его от позорного действия, и в то же время опасаясь, что другой Удалов может его неправильно понять.

– Ты чего домой пришел? – спросила тем временем красотка.

– Я... я обедать пришел, – вспомнил Удалов.

– Обедать? Домой? Ты же в спецбуфете обедаешь! Откуда у меня для тебя обед?

Костюм упал на пол, Удалов остался в трусах и майке – хорошо, что они не расползлись от кислотного дождя. Но были ветхими, ненадежными. Приходилось поддерживать трусы руками.

Удалов готов был сгореть от стыда, но понимал: если он сейчас признается, что он – не настоящий Удалов, может произойти трагедия.

От страха и полной растерянности Удалов стал агрессивным. Ну что за отношение к нему в собственном доме? Куда-то дели родную жену и еще приказывают!

– Дай мне халат какой-нибудь, – сказал Удалов.

– Вымоешься, получишь халат, – сказала молодая женщина.

А вдруг это моя новая жена, подумал Удалов. Все в этом мире так же как в нашем, только жена у меня не Ксения, а молодая и красивая.

И как только он об этом подумал, он поглядел на женщину совсем другими, можно сказать, хозяйскими глазами. Но в этом выборе что-то смущало, и было неловко перед Ксенией.

– Дай халат, – сказал он, делая еще один шаг вперед.

Женщина отступила, но не столько от страха перед Удаловым, сколько от нежелания о него испачкаться.

Прихожая в доме Удаловых невелика, так что в три шага Удалов достиг входа в комнату и повторил еще громче и смелее:

– Дай халат!

Тут произошло совсем уж странное событие – его халат возник в приоткрытой двери. Он двигался по воздуху, потому что его держала обнаженная мужская рука.

Удалов принял из мужской руки халат и увидел в щели главного архитектора города Оболенского, можно сказать, в одних кальсонах.

– Это что? – спросил Удалов, полностью переключаясь на роль своего двойника.

– А что? – спросила молодая женщина, стараясь закрыть спиной дверь.

«Может, не жена? – подумал Удалов. – Я тут бушую, а она, может, и не жена, а вовсе жена архитектора Оболенского?»

– Что Оболенский там делает? – спросил Удалов.

– Оболенский? – удивилась молодая женщина. – Какой-такой Оболенский?

– Архитектор! – воскликнул Удалов и, отодвинув женщину, распахнул дверь в комнату.

В окне мелькнула темная тень, послышался треск ветвей и глухой удар о землю.

Удалов кинулся к окну.

Оболенский с трудом поднялся с земли и, прихрамывая, заковылял к воротам. Он был полураздет, под мышкой нес недостающую одежду.

– Эй! – крякнул ему Удалов. – Стой! Поговорить надо.

Но архитектор Оболенский даже не обернулся.

Тогда Удалов обернулся к молодой женщине.

– Попрошу объяснений, – сказал он.

– Объяснения? – женщина была возмущена. – Кто ты такой, чтобы давать тебе объяснения!

– А вот такой! – ответил Удалов, потому что не знал, кто он такой.

– Человек в гости пришел, чаю попить.

Видно, не хватило наглости у молодой женщины – в голосе прозвучала попытка оправдаться.

– Чаю попить? – закричал Удалов. – Чаю попить в халате?

– А у него горячей воды нет, – ответила женщина, отступая перед яростью Удалова. – Воды нет, вот и пришел ванну принять. И в конце концов – какое твое дело?

– Какое мое дело? – Удалов понял, что открылась возможность выяснить, кем ему приходится эта женщина. – Ты мне жена или не жена?

– Ну, жена, – ответила женщина. – Ну и что?

– А то, что таких жен душат на месте!

– А ты придуши, придуши, Отелло! Посмотрим, какой ты завтра будешь!

– А мне плевать, какой я буду завтра! – зарычал Удалов и, подняв растопыренные руки, пошел на молодую жену.

Молодая жена отступала в комнату, нагло хихикая и покачивая бедрами. И по этим бедрам Удалов узнал непутевую Римку, что заигрывала с ним на улице. Может показаться невероятным, что Удалов не сразу узнал ее, увидев дома. Но встаньте на его место – придите домой, найдите там молодую малознакомую соседку, облаченную в халат вашей жены, еще посмотрим, сразу ли вы ее узнаете.

Тут Римма завопила, словно он ее уже начал душить.

Бешеными глазами она уставилась за спину Удалова.

А от двери послышался удивленный голос:

– Что такое?

Рот Риммы раскрылся, глаза закатились, и она медленно опустилась на пол.

Удалов тоже оглянулся и увидел, что в дверях стоит он сам, собственной персоной. Только в плаще, костюме и кепке, надвинутой на уши.

– Ты кто такой? – грозно спросил пришедший Удалов.

– Стой, стой, стой! – закричал первый Удалов. – Все в порядке! Все путем. Навожу порядок в нашей семье.

Но тут пришедший Удалов узнал первого Удалова.

Он, конечно, не поверил собственным глазам, потому что зажмурился и долго не разожмуривался.

А молодая жена лежала на ковре у его ног и почти не дышала.

– Слушай меня внимательно! – быстро сказал первый Удалов своему двойнику. Говорил он напористо, чтобы не дать двойнику опомниться. – Я – это ты, тут никакой мистики, одна наука. Все объясню потом. Возьми себя в руки, Корнелий.

– А она? – спросил, не разожмуриваясь, двойник.

– Римма пускай полежит в обмороке, – сказал Удалов. – Ничего не случится. Есть дела более важные.

– Вот это ты брось! – двойник открыл глаза. Характер у него был удаловский, упрямый.

Он резким движением сбросил плащ, присел на корточки возле молодой женщины и взял ее пальцами за кисть руки. Слушал пульс.

– Ну что я тебе говорил? – спросил Удалов. – Нормальный пульс?

– Пульс слабый, – ответил двойник.

– Давай ее на диван положим, – сказал Удалов.

– Я сам, – сказал двойник. – Ты же грязный.

Он поднатужился, поднял крепкое молодое тело и дотащил его до дивана. Молодая жена не проявляла признаков жизни.

Сделав это, двойник обратился к Удалову:

– Ты чего здесь в одних трусах делаешь?

В голосе его прозвучала ревность.

– Не по адресу обращаешься, – ответил Удалов. – Ты не меня подозревай, а того, кто через окно сбежал.

– Через окно? – двойник бросился к окну.

– Нет его там, – сказал Удалов.

– А кто был?

– Кто? Сам небось знаешь.

– Честное слово, не знаю, – ответил двойник.

– Архитектор Оболенский.

– Так я и знал! – сказал двойник. – Козел старый!

– А ты чего хотел? – вскинулся Удалов. – Если старую жену на молодую поменял, учитывай риск. Сам небось не Аполлон.

– Да помолчи ты! – огрызнулся двойник. Он смотрел на свою молодую жену со странным чувством, которого Удалов разгадать не смог.

– Она думала, что ты обедать будешь в буфете, – сказал Удалов.

– Буфет кислотным дождем затопило. Сквозь крышу просочилось. Даже Сам без обеда остался, – ответил двойник. – А ты откуда?

– Знаешь что, – сказал Удалов, – можно, я помоюсь сначала?

– У тебя что, дома своего нет? – спросил двойник.

– Есть, но далеко, в трусах не добежать, – сказал Удалов. – А мне с тобой поговорить нужно.

– О чем? – видно, двойник все еще был в шоке.

– Пойдешь со мной, – сказал Удалов. – Побудешь со мной в ванне, пока я буду мыться.

– Не хочу. Мне на совещание надо.

– Корнелий, не спорь, – разговор у нас секретный. А секретные разговоры лучше вести в ванной, когда там вода течет и никто подслушать не может.

Удалов решительно пошел в ванную, двойник колебался. Молодая неверная жена лежала без чувств, неизвестно было, то ли ее жалеть, то ли убить.

Для начала он накрыл ее пледом, потом все же пошел в ванную.

Удалов включил газовую горелку, разделся. Двойника он не стеснялся. Двойник с удивлением смотрел на большую родинку под правым плечом. Понятно почему – наверняка у него такая же.

– Потерпи, – сказал Удалов двойнику. – Сначала ополоснусь.

– А ты Оболенского точно видел? – спросил двойник.

– Точно, – ответил Удалов. Щадить двойника он не хотел.

– Этого не может быть, – сказал двойник. – Она меня любит.

– Дверь закрой на крючок, – сказал Удалов. – Чтобы Римма случайно не заглянула.

– Объясни, прошу, что это значит? – взмолился двойник.

– Все в свое время, – ответил Удалов, садясь на край ванны и указывая двойнику на табуретку. Теперь они могли говорить, сблизив головы. Головы отражались в зеркале – это было видно обоим, и оба этому дивились. «Ох и молодец Минц, – думал Удалов. – Вот гений человечества!» – «Что творится, – думал второй Удалов. – Неужели я сплю? Или это вражеская провокация?» Но когда он попытался ущипнуть себя, Удалов сказал ему:

– Не старайся, все это объективная реальность. Я – твой двойник из параллельного мира.

– Ага, – согласился двойник, но вроде бы не понял.

– Где Ксения? – спросил Удалов.

– Развод, – ответил двойник.

– А я в нашем мире с ней живу. И разводиться не собираюсь.

– Долг выше привычки, – сказал двойник.

– Ты меня удивил. Я, конечно, понимаю, что наша Ксения – не подарок. Но когда четверть века отбарабанили вместе... А где Максимка?

– С ней, – кратко ответил двойник. Говорить ему об этом не хотелось. «Ну ладно, – решил Удалов, – мы еще вернемся к этой проблеме».

– А новая, Римма? – спросил он. – Как она тебя подцепила?

– Она секретаршей была. У Самого. А когда я развелся, он мне ее рекомендовал.

– Кто, Белосельский?

– Белосельский?

– Ты что, Колю Белосельского не знаешь? Мы же с ним в одном классе учились. Он у нас предгор!

– Не знаю, – сказал двойник, косясь на дверь. – Тебе уходить пора.

– Что-то у вас здесь неладно, – сказал Удалов. – Я, когда сюда приехал, думал, что все, как у нас. А вижу, что у вас не параллельный мир, а в некотором смысле... перпендикулярный.

– Какой еще мир? Что ты городишь?

– Ты о параллельных мирах разве не слыхал? Известная теория. Наш профессор Минц ее разработал и отправил меня к вам, чтобы одно дельце решить... Ты что отворачиваешься?

– Не знаю никакого профессора Минца, – ответил ему двойник.

– Вот это ты брось, – сказал Удалов. – Этот номер у тебя не пройдет. Сейчас пойду к Минцу, он мне все объяснит.

– Не ходи.

– Почему?

– Нет там Минца.

– Как так нет Минца?

– Нет и – с концами.

– А где же он?

– Где положено.

– Мне трудно поверить глазам, – сказал Удалов. – Ты – это я. И в то же время ты – это не я. Как это могло произойти? У нас и мама

с папой одинаковые, и в школы мы ходили одинаково. И характер должен быть одинаковый.

– Я не хочу тебя слушать, – сказал двойник.

– Почему?

– Потому что надо разобраться, на чью мельницу ты льешь воду.

– Ну – воще! – возмутился Удалов. – Сейчас же говори, что произошло в Гусляре, что за катаклизмы такие? И почему ты изменился? То-то я чувствую – Ванда на меня волком смотрела. И Савич. Они не на меня волком смотрели – они на тебя волком смотрели.

– Открой! – раздался голос за дверью. – Открой, мне надо!

Голос принадлежал Римме-секретарше.

– Подожди, кисочка! – испугался двойник. – Подожди, я к тебе выйду.

– Открой, тебе говорят! – воскликнула Римма.

– Что будет, что будет? – двойник стал крутить головой, искать, куда бы спрятать Удалова. Над их головами было небольшое окошко – оно вело на черную лестницу.

– Лезь туда! – шепотом приказал двойник.

– Не полезу!

– Лезь, ты погубить меня хочешь?

Дверь зашаталась – видно, Римма пыталась ее сломать.

– Открой, мерзавец! – вопила она. – Довел меня до инфаркта, это тебе даром не пройдет!

Двойник буквально на руках поднял Удалова, стараясь выпихнуть его через окошечко, но пролезала только голова. Двойник был в такой панике, что не понимал этого, а только шипел:

– Ну же! Скорей! Скорей!

Тут дверь все же распахнулась – не выдержал крючок, и Римма увидела, как ее муж пытается себя же, только совершенно голого, поднять на руках, как Атлант Землю.

От неожиданности двойник выпустил Удалова, тот упал в ванну, двойник на него, а Римма завопила, как зарезанная, и выпала из ванной на спину – снова в обморок.

Удалов поднялся, скользя по мокрой ванне, потер ушибленный бок и помог выбраться из ванны своему обалдевшему двойнику.

Тот лишь вздыхал, охал и не мог сказать ни слова.

И тут со двора послышался резкий звук сирены.

– Меня, – сказал двойник, глядя на распростертое тело жены. – Вызывают. Уже актив начинается, а я здесь...

И в голосе его была полная безнадежность.

Со двора снова донесся звук сирены.

– А ты пойди, – посоветовал Удалов. – Скажи, что не можешь, жена заболела.

– Да ты что? – удивился двойник. – Меня же вызывают! Я опоздал!

– Ну тогда я скажу, – заявил Удалов.

Двойник повис на нем, как мать, которая не пускает сына на фронт. Волоча двойника на себе, Удалов дошел до середины комнаты, но тут вспомнил о своем внешнем виде и, сбросив двойника, завернулся в штору – только голова наружу. Высунулся в окно.

Под окном стоял мотоцикл с коляской. В нем капитан Пилипенко. Давил на сигнал.

– Ты чего? – спросил Удалов. – Весь дом перепугаешь.

– Удалов! – ответил Пилипенко. – Личное приказание – тебя на ковер. Садись в коляску!

– Я не могу, я из ванны! – ответил Удалов. Он почувствовал, что сзади шевелится, вот-вот вылезет на свет двойник, и, не оборачиваясь, оттолкнул его подальше, а сам, сбросив штору, предстал перед капитаном в полной наготе.

– Видишь?

– Мне плевать, – ответил Пилипенко. – Если сам не спустишься, под конвоем поведу.

Тут, видно, нервы у двойника не выдержали, потому что за спиной Удалова раздался крик:

– Иду, спешу! Сейчас!

И послышался топот.

Удалов понял, что в таком состоянии его двойник – не боец. Нет, не боец. Он догнал его у дверей ванной, где двойник замер над распростертым телом Риммы.

– Послушай, – сказал Удалов. – Давай рассуждать спокойно. Нельзя тебе в таком состоянии на актив. Отговорись чем-нибудь.

– Ты ничего не понимаешь! Дело идет о жизни и смерти!

Под окном стоял мотоцикл с коляской. В нем капитан Пилипенко. Давил на сигнал.

Римма пошевельнулась, попыталась открыть глаза.

– Сейчас она в себя придет, – сказал Удалов. – Если ты ей не сможешь доказать...

– Она к нему побежит! Она меня погубит!

– Не рыдай, – сказал Удалов. – Есть выход. Я сейчас с Пилипенко поеду на этот самый актив. И отсижу там...

– Тебя узнают!

– Кто меня узнает? Я же – ты.

– Но тебе надо будет говорить, и они догадаются!

За окном снова взревела сирена.

– Я буду молчать. Не впервой отмалчиваться на совещаниях. Я привычный. У тебя специфических грехов нету?

– У меня вообще грехов нету!

Римма снова пошевелилась, и двойник вздрогнул.

– Улаживай свои семейные дела, и – бегом на центральную площадь. Затаись там, за памятником. Я в перерыве к тебе выбегу, и ты меня заменишь. Ясно?

Двойник кивнул и лихорадочно прошептал:

– Только молчи! Кивай и молчи. Ты ничего не знаешь, а погубить меня – проще простого.

Удалов не стал тратить времени даром, кинулся в комнату, распахнул шкаф. Слава богу – шкаф на месте и вещи лежат, как положено. Вытащил выходной костюм, тот, что Ксюша в Вологде покупала, начал было натягивать на голое тело, сообразил, вытащил белье – и с бельем в руке, как с белым флагом, выскочил к окну, помахав Пилипенко:

– Айн минут! – крикнул ему.

Сжимая галстук в кулаке, вбежал в коридор. Его двойник сидел на корточках перед своей молодой женой – ничего не соображал.

Удалов повторил:

– За памятником! Черные очки надень, помнишь, где лежат?

И выбежал на лестницу.

Но не сразу вниз: метнулся по коридору до минцевской квартиры, хотел предупредить Минца, что скоро придет, потом остановился в изумлении: на месте замочной скважины – веревочка, на ней пластилиновая пломба – опечатана квартира. Значит, и в самом деле – умер старик? Да какой он старик? Шестидесяти нет. Но что случилось? Сердце у Льва Христофоровича как мотор... Эх, зря связался со спа-

сением двойника – скорее надо узнать, что произошло с профессором – ведь такая же опасность ему может грозить и в нашем мире. Не думаем мы о здоровье, а потом становится поздно.

С этой мыслью, под вой сирены Пилипенко, Удалов выбежал во двор, с ходу вскочил в коляску. Пилипенко лишь рявкнул:

– Убью! – и дал газ. Мотоцикл, как норовистый конь, выскочил на улицу.

С Пилипенко говорить невозможно: мотоцикл ревет, Пилипенко матерится, люди шарахаются с улицы.

В пять минут долетели до Гордома, Пилипенко затормозил так, что Удалов вылетел головой вперед из коляски, и его подхватил какой-то незнакомый молодой человек.

– Эх, Корнелий Иванович! – сказал он укоризненно, помогая Удалову подняться. – Ждут вас, серчают. – И он буквально поволок Удалова наверх по знакомой лестнице, к кабинету предгора. Удалов старался на ходу завязать галстук.

В приемной было тесновато – три стола, за ними три секретарши. Все молодые, яркие, наглые, наманикюренные, перманентные, все похожи на Римму.

А у двери, обитой натуральной кожей, по обе стороны стояли два молодых спортсмена в серых костюмах, как часовые джинны из восточной сказки, но с красными повязками дружинников на рукавах.

Молодой человек подтолкнул Удалова.

Один из спортсменов быстро подтянул его к себе, второй провел ручищами по бокам.

– Ты чего? – удивился Удалов. А спортсмены даже не стали отвечать, правда, может, и не умели. Молодой человек раскрыл дверь, и спортсмены втолкнули Удалова внутрь кабинета.

Там сразу насупила тишина.

* * *

Знакомо, буквой «т», стояли полированные столы.

За главным столом, на месте Белосельского, сидел Пупыкин.

Именно Пупыкин, никто другой.

Оттого, что он сидел, он казался крупнее, даже выше ростом. Но Удалову настоящий рост Пупыкина был известен.

Пупыкин здешний от нашего Пупыкина отличался разительно.

И не только потому, что отрастил усы и еще более облысел, и не только потому, что одет был в строгий черный костюм с красным галстуком – но взгляд – Боже мой, у него же другой взгляд! Разве такой человек смог бы участвовать в утренних забегах и пресмыкаться перед Удаловым? Разве такой Пупыкин мог бы таиться на краю общественности, измазанный зеленкой, и ратовать за сохранение часовни Филиппа? Взгляд у Пупыкина был тигриный, тяжелый, из-под сведенных бровей.

Другой Пупыкин, куда добрее, с лукавой усмешкой, глядел на Удалова с большой картины, что висела на стене, за живым Пупыкиным. На картине он принимал букет роз от девчушки, в которой Удалов сразу угадал младшую дочку Пупыкина. На заднем плане толпились рукоплещущие зрители, среди них, как ни странно, и сам Удалов.

Тяжелым взглядом Пупыкин уперся в Удалова.

И все люди, что сидели за ножкой буквы «т», тоже уперлись в Удалова тяжелыми взглядами.

Встречаясь с этими взглядами, Удалов узнавал их обладателей, но порой с трудом.

Вот смотрит на него главстрой Слабенко. Ох и тяжел этот взгляд! Вот уставился, наглец какой, архитектор Оболенский. Забыл уже, как из окна выпадал? А это взгляд редактора Малюжкина. Тоже не без тяжести. Неужели и Малюжкин, радетель за гласность, так переменился? Вот смотрит Финифлюкина, директорша музея, – куда делась приветливость во взоре? А старик Ложкин...

Удалов не успел рассмотреть остальных, как Пупыкин открыл рот, медленно открыл, с оттяжкой, показал неровные мелкие зубы и рявкнул:

– Садись, с тобой потом разберемся!

И тут же все отвернулись от Удалова. Будто его и не было.

Удалов нашел место с краю стола, сел, а Малюжкин, что был рядом, отодвинулся, скрипнув стулом.

И наступила тишина.

– Нас прервали, – сказал Пупыкин. – Но мы продолжим.

И Удалов вздрогнул от угрозы в голосе Пупыкина.

– Продолжай, Мимеонов, – сказал Пупыкин.

– Спонтанный выброс в атмосферу незначительного количества загрязненного воздуха, – сказал, покорно поднявшись, Мимеонов,

уже год как снятый с должности директора фабрики пластмассовых игрушек, потому что был ретроградом; он принялся перебирать бумажки, что держал в руках.

– А ты нам не по бумажке, – сказал Пупыкин. – По бумажке каждый наврет, недорого возьмет. Бумажки ты для ревизии подготовь, а с нами, со своими товарищами, говори открытым текстом. Опозорился?

– Опозорился, – сказал Мимеонов, – но имею объективные причины. – Он все же развернул бумажку и быстро начал читать: – За прошедший год вверенная мне фабрика перевыполнила план на два и три десятых процента, выпустив для нужд населения изделий номер один – шестьсот двадцать пять, изделий номер два-бис – двести тридцать четыре, в том числе восемнадцать сверх плана. Изделий номер пять...

– Стой! – остановил Мимеонова Пупыкин.

– Расшифровать?

– Ты с ума сошел! Ты лучше расскажи, почему ты наш родной город чуть не погубил.

– А я неоднократно писал, говорил даже вам, Василий Парфеныч, – сгнили фильтры, кончились. Надо из Вологды специалистов звать, производство останавливать. Сами знаете...

– Какие будут предложения? – спросил Пупыкин.

– Я думаю, что сделаем фельетон, – предложил Малюжкин. – О некоторых хозяйственниках. Не пощадим.

– Хорошая мысль, – согласился Пупыкин. – Пускай народ знает, что мы ни одного отрицательного факта без внимания не оставим.

– А вдруг в области прочтут? – спросил Оболенский, нагло улыбаясь. – И комиссию к нам, а?

– А пускай прочтут. Нам гласность не страшна, – ответил Пупыкин твердо. – Пускай весь мир читает.

– И там тоже? – выкрикнул старик Ложкин. – Империалисты тоже?

– Это ты, Ложкин, брось! – рассердился Пупыкин. – Тебя здесь как ветерана держат, а не как провокатора.

– У меня есть предложение, можно? – спросил Савульский, – его Удалов тоже знал, он работал санитарным главврачом.

– Говори. Только короче, надоел ты нам со своими речами, – поморщился Пупыкин.

– Я буду краток, – сказал Савульский и потер ладоши, – факт вопиющий. Он еще почему вопиющий – многие не ожидали, попали под дождик и потеряли одежду. А при том напряженном положении, которое существует в торговле...

– Савульский, я тебе сказал, – пригрозил Пупыкин. – Не рассусоливай. Про положение в торговле я лучше тебя знаю и знаю, что оно улучшается, правда?

Пупыкин взглянул на начальника торга, и тот сразу с места ответил:

– Принимаем меры!

– Видишь, человек меры принимает, а ты обезоруживаешь. Ты к делу. Но учти, если твое предложение будет неподходящим, головы тебе не сносить. Давно уже общественность тобой недовольна, плохо ты охраняешь нашу экологию. Так что на растерзание тебя можно в любой момент кинуть, правда, Малюжкин?

Лицо редактора газеты озарила лукавая усмешка.

– Фельетон уже готов, – сообщил он. – Лежит у меня в столе.

Савульский побледнел и качнулся.

– Ничего, продолжай. Что ты нам хотел сказать?

– Мы провели анализы, – сказал Савульский глухо, будто набрал полон рот картошки. – И выяснили, что выброса с завода детской игрушки не было.

– Вот это да! – даже Пупыкин удивился.

– А что же было?

– А была туча неизвестного происхождения, которая прорвалась в наше родное небо из-за пределов района.

– А что, идея? – спросил Пупыкин.

– Можно поправку? – спросила директорша музея.

– Только по делу.

– Мне кажется, что туча могла прийти и из-за пределов нашей области.

– Слушай, а что если... – голос Пупыкина замер.

И тут Удалова черт дернул за язык.

– Я думаю, – сказал он, – что этот дождик вернее всего к нам приплыл из Южно-Африканской республики, от тамошних расистов.

– А что? – Пупыкин даже привстал в кресле. – А что? Расисты – они плохо к народу относятся... – Но тут до него дошло, что Удалов шутит и допускает перебор. Он сел обратно, насупился и сказал:

– Ладно. Ты, Малюжкин, подготовь материал про тучу из Тотемского района. А ты, Удалов, считай, уже допрыгался.

Люди стали отодвигать стулья подальше от Удалова, а тот себя проклинал: ведь ему-то что – он сегодня дома будет, а все неприятности достанутся его двойнику.

– И учти, Мимеонов, – закончил Пупыкин, – твой вопрос с повестки дня не снят. Допустишь еще такой выброс – выброшу тебя из города. Сам знаешь куда.

– Но ведь план...

– А план ты нам дашь. И с перевыполнением. Какой следующий вопрос?

– Градостроительство, – сказал Оболенский.

– Вот это мне по душе. Это настоящий прогресс. Давай сюда изобразительную продукцию.

По знаку Оболенского молодой порученец открыл дверь. Десять юношей и девушек втащили десять стендов и установили их рядком, чтобы было общее ощущение.

Удалов с ужасом понял, что позывы и надежды Оболенского, который хотел в нашем мире изгадить магистраль, здесь достигли сказочных масштабов.

– Вот наша главная улица. Наше завтра, – сказал Оболенский тихо и радостно. Но непроизвольно почесал ушибленное бедро.

– Улица имени Василия Пупыкина, – прошелестел чей-то голос.

– Кто сказал? – нахмурился Пупыкин. – Молчите? А ведь знаете, чего я не терплю. Ты, Ложкин?

Пойманный на месте преступления Ложкин потупился, встал, как нашкодивший первоклассник, и сказал:

– Вы, Василий Парфенович, не терпите лести и подхалимства.

– И заруби себе это на носу. Народ будет решать, как назвать наш проспект. Народ, а не ты, Ложкин.

– Ну, это вы неправы! – вдруг взвился Малюжкин. – Ложкин – представитель народа. Лучшей его части, ветеран труда.

– Ладно, ладно, без прений, – смилостивился Пупыкин, – Садись, ветеран, чтобы больше с такими предложениями не лез.

Оболенский дождался паузы и обернулся к перспективе.

Через весь город, как стало ясно Удалову, протянется широкая магистраль. Шириной в полкилометра. По обе стороны ее возвысятся

различные, но чем-то схожие здания. Каждое здание опирается на множество колонн, над каждым рядом колонн – портики с одинаковыми фигурами. На крышах зданий также стоят статуи. Все здания при этом украшены финтифлюшками и похожи на торты, сделанные к юбилею древнегреческой церкви.

Как же пройдет у них эта магистраль? – лихорадочно старался представить Удалов. Видно, от всего центра ничего не останется.

Конечно же – вот она, центральная площадь, вот он, выросший вдесятеро, напоминающий одновременно египетскую пирамиду и китайскую пагоду Гордом, вот она – десятиэтажная статуя в центре... Уже с головой, с портфелем... Статуя самого Пупыкина!

Удалов говорил себе: только не смеяться! Только не улыбаться. Все это меня не касается, а засмеюсь – накажут двойника.

– Мы с вами шествуем, – донесся до обалдевшего Удалова голос архитектора Оболенского, – мимо городского театра. Здание его, прекрасное, выдержанное в стиле гуслярского социалистического ампир-барокко, встанет на месте устаревшей развалюхи, которая была построена космополитически настроенными купцами...

«Молчи, Корнелий, – повторял про себя Удалов, – молчи, крепись...» Но язык его предал.

Язык сам по себе сказал:

– В старом театре лучшая в мире акустика. Сюда симфонические оркестры приезжают.

Оболенский поперхнулся.

– Вы что хотите сказать, Корнелий Иванович, – мягко спросил он, – наш новый театр хуже старого?

Что здесь поднялось! Как все накинулись на Удалова! Он оказался ретроградом, отсталым элементом и уж, конечно, чьим-то наймитом. Слово «наймит» носилось по воздуху и било наотмашь Удалова.

Но язык Удалова – о враг его! – не выдержал снова и, выискав паузу в хоре осуждения, крикнул:

– Это бред, а не проект!

– Что? Он ставит под сомнение мою компетентность?

Оболенский так растерялся, что обернулся за поддержкой к Пупыкину. А Пупыкин молча покручивал ус, ждал, хотел, видно, чтобы Удалов окончательно высказался.

– Меньше по чужим женам бегать надо! – крикнул неуправляемый Удалов. – Лучше бы архитектуре учился!

Тут и у Оболенского нервы не выдержали.

В наступившей роковой тишине он закричал в ответ:

– Она меня любит! У нас любовь! Ты ее недостоин!

– Поговорили? – раздался громовой голос.

Удалов взглянул на Пупыкина и понял, что говорит тот в мегафон – достал откуда-то трубу раструбом. Видно, берег для особых случаев. – Поговорили и хватит! Всем сидеть!

Все сели. И замолчали.

– Оболенский, сядь. С тобой все ясно, старый козел. Заключительное слово по данному вопросу имеет товарищ Слабенко. После этого перерыв. После перерыва обсуждение персонального дела бывшего директора стройконторы, бывшего члена городского президиума, бывшего, не побоюсь этого слова, моего друга, Корнелия Удалова.

И так всем стало страшно, что даже твердокаменный Слабенко не сразу смог начать свою речь. Он отпил воды из графина, стоявшего перед ним, и руки его дрожали.

А от Удалова не только все отодвинулись, но даже стол отодвинули. Он теперь сидел один на пустынном пространстве ковра.

– Снос, – сказал Слабенко, – начинаем с понедельника. Мобилизуем общественность. Она уже подготовлена, радуется.

– Это хорошо, – сказал Пупыкин. – Пресса, от тебя зависит многое. Если что не так – ответишь головой!

– Я вам завтра полосу принесу, – сказал Малюжкин. – У меня уже голоса народа подготовлены, пожелания трудящихся, все как надо. Народ жаждет преобразований.

– За полгода управимся, – сказал Слабенко.

– Что? За полгода?

– Техники маловато. К тому же эти чертовы эксплуататоры из кирпича строили...

– Взорвать! – сказал Пупыкин.

– Там жилые кварталы – трудно.

– Выселить, – сказал Пупыкин. – Пилипенко ко мне вызовешь и прокурора, подумаем, как оформить. Чтобы за две недели центр снести.

– Постараемся, конечно, – Слабенко сомневался.

Удалов поглядел на Оболенского. Оболенский прожигал его ненавидящим взором и скалился, но укусить не мог – далеко.

– Ты мне не старайся, ты сделай. Сносить это барахло будем методом народной стройки. Главное – энтузиазм, ясно, Малюжкин?

– Надо будет трудящимся перспективу дать, – сказал Малюжкин. – Надо будет сообщить, что всем нуждающимся на проспекте вашего имени будут отдельные квартиры.

– Этого делать нельзя, – вдруг возразил Ложкин. – Это будет неправда. Народ нас не поймет. У нас же на проспекте только общественные здания.

– Как так общественные? – вскинулся Оболенский. – А жилой дом для отцов города?

– Но это же один дом... и для отцов.

– Ложкин, – перебил его Пупыкин. – Учти, что у нас в Гусляре нет проблемы отцов и детей, и даже конфликтов таких нету. Они надуманные. Так что если мы строим для отцов города, значит, строим и для детей. У меня у самого двое детей. Все знают.

Тут людей прорвало, все начали аплодировать, а когда отаплодировали, постановили намекнуть на квартиры в следующем номере газеты. Без деталей.

Хотелось, конечно, Удалову встать и объяснить, что он думает, но удерживался – и без того уже погубил карьеру своего двойника.

Потом выступали другие отцы города. Каждый рапортовал, какую лепту внесет в общий котел. Тут Удалову открылась тайна – что же за изделия изготавливались на фабрике пластмассовых игрушек, которая чуть не отравила город. Оказалось, что изделие номер один – это статуя Пупыкина в полный рост для украшения крыш на проспекте, а изделие номер два – Пупыкин в детстве. Такие статуи народ требовал для детских садов. И делали те статуи не из гипса, а из долговечного пластика под мрамор. Вот и работала фабрика с таким напряжением, что допускала выбросы в атмосферу.

Потом Слабенко снова выступил по вопросу о главной статуе, что возводилась на главной площади.

– Саботаж, – произнес он твердо, – до которого докатился так называемый якобы профессор Минц, поставил нас в тяжелое положение.

– Тяжелое, но не безвыходное, – сказал Пупыкин.

– Безвыходных положений, конечно, не бывает, – согласился Слабенко. – Но как нам, простите, вашу голову поднять на такую высоту, куда ни один кран не достанет – мы еще не решили. Без этого, гравитатора, не уложимся. Да и в сооружении проспекта он нам нужен.

– Мы эти речи слышали, – поморщился Пупыкин. – Я бы назвал их капитулянтскими. Тысячи лет различные народы строили великие сооружения и без башенных кранов, а тем более – без профессора Минца.

– Еще надо выяснить, на какую разведку он работает, – крикнула с места директорша музея Финифлюкина.

– Ясно на какую, – сказал Ложкин. – На сионистскую.

«Господи, – испугался Удалов. – Что же это происходит? Даже Ложкин – милый сварливый старик, всю жизнь рядом прожили! Он же Минца как брата уважает». Но тут же Удалов себя поправил – ведь это в нашем мире. А тут перпендикулярный.

– С Минцем ведется разъяснительная работа, – сказал Пупыкин. – Мы не теряем надежд. Однако должен предупредить тебя, Слабенко, что пирамиды в Египте и колокольня Ивана Великого строились без башенных кранов.

– Так на них голов нету, – неудачно возразил Слабенко.

На него так зашикали, что ему пришлось сесть.

И тут Пупыкин объявил перерыв.

– Идите в буфет, – сказал он, – крышу починили, икру привезли. А ты, Удалов, задержись.

Удалов задержался. Те, кто спешил в буфет есть икру, обходили Удалова по стенке.

– Что-то ты у меня сегодня не трепещешь? По глазам вижу, что не трепещешь, – сказал Пупыкин.

«Проницательный, черт, – подумал Удалов. – И в самом деле не трепещу. Но по какой причине – ему не догадаться. А ведь жил бы я здесь, наверное бы, трепетал. У него весь город в руках».

– Для меня твое провокационное выступление на активе не неожиданность, – сказал Пупыкин, задумчиво покручивая усы. – С утра мне сигналы на тебя поступают. Но я тебе не враг, мы с тобой славно вместе поработали – ты от меня ничего, кроме добра, не видел. Потому хочу сначала разобраться. Может быть, обойдемся без персонального дела, как ты думаешь?

Удалову стало жалко своего двойника, и он ответил:

– Лучше, чтобы без персонального.

– Ну и молодец, Корнюша, – сказал Пупыкин. – Ты садись, в ногах правды нет.

Пупыкин подождал, пока Удалов сел, и сам уселся напротив Удалова.

– Смешно прямо, – сказал он, – как барбосы, ну прямо, как барбосы. Стоило мне неудовольствие к тебе выразить, как они уже тебя растерзать готовы. А я понимаю – у тебя душевный стресс. В самом деле Оболенского с Римкой поймал?

– Поймал, – признался Удалов. – Он в окно выскочил, со второго этажа.

– То-то хромает, бес в ребро! Я-то, когда тебе Римку передавал, можно сказать, с собственного плеча, думал, что достигнешь ты простого человеческого счастья. А сейчас вижу – ошибся я. Виноват, я свои ошибки всегда признаю. Жаль только, что другие не следуют моему примеру. Знаешь что, ради дружбы я тебе Верку уступлю. Огонь-баба – блондинка. А хочешь, Светку? Она справа сидит, новая, у нее в роду цыгане были, честное слово! Ты ее дома запрешь, чадру повесишь, как занавеску. В виде исключения. А если нужно справку – директор поликлиники выдаст: экзема лица. Ну как, подходит? А Римку мы Оболенскому всучим. Лежалый товар!

И Пупыкин зашелся в смехе, совсем под стол ушел, такой махонький стал, одним ногтем придавить можно.

– Не в этом дело, – сказал Удалов. – Мне и с Ксюшей неплохо было.

– Ну это ты брось! Нам такие Ксюши не нужны. Пускай знает свое место. Нет, дорогой, мы с тобой еще молодые, мы еще дров наломаем, на всю Землю прославимся. Так что об этой интриганке забудь!

«Ага, – подумал Удалов, – значит, Ксения чем-то Пупыкину не угодила. Может, двойник ее все же любит? Хорошо бы любил – приятнее так думать».

– Чего задумался? Не согласен?

– Как скажете, – ответил Удалов.

– В покорность играешь? Ой, непрост ты, Удалов, ой непрост. Скажи мне, дружище, ты чего сегодня утром на шоссе картошку собирал? Или тебе из распределителя мало картошки выдают?

– А вы как думаете? – нашелся Удалов.

– Есть у меня подозрение, – сказал Пупыкин. – Но такое тяжелое, такое, можно сказать, страшное, что и не смею сказать.

– А вы скажите.

– А я скажу. Я скажу, что, может быть, ты врагам нашего народа картошку носил?

– Каким таким врагам?

– Вот, видишь, таишься, значит – врешь! По глазам вижу, что врешь! Кому носил? Все равно донесут, все равно дознаюсь!

– Нет, просто так, – решил спасти своего двойника Удалов. – Увидел, что рассыпанная, вот и собрал.

– Это чтобы в моем городе кто-то картошку рассыпал? опять врешь. И что делал в такое время на шоссе – тоже забыл?

– Гулял, – сказал Удалов.

– А о чем с Савичем на рынке разговаривал? – Пупыкин вскочил и побежал по комнате. Удалов увидел, какие у него высокие каблуки. Вопросы сыпались из него быстро, один за другим: – Зачем в магазине изображал черт знает что? Зачем хотел картонную лососину покупать? В оппозицию играешь? А на площади, у моего монумента, зачем крутился? Зачем народ агитировал, что я уже умер?

– Я Льва Толстого имел в виду.

– Кто у нас предгор? Я или Толстой?

– Вы.

– Ты меня свалить захотел?

– Все – набор случайностей.

– Случайность – это осознанная необходимость, – сказал Пупыкин. – Учить теорию надо. Ну что, будешь каяться или разгромим, в пример другим маловерам?

– Как знаете, – сказал Удалов и посмотрел на часы. Скоро перерыв кончится. А надо еще настоящего Удалова предупредить, что его ждет.

– Тогда идейный и организационный разгром, – подвел итог беседе Пупыкин.

– Ну, вы прямо диктатор, – сказал Удалов.

– Не лично я диктатор, – ответил Пупыкин, – но осуществляю диктатуру масс. Массы мне доверяют, и я осуществляю.

– Ох, раскусят тебя массы, – сказал Удалов.

Он тоже поднялся, и от этого движения Пупыкин метнулся в угол, протянул руку к кнопке.

– Не зови свою охрану, – сказал Удалов. – Я пойду перекушу в буфет.

– А вот в буфет тебе вход уже закрыт, – осклабился Пупыкин. – Мне на таких, как ты, тратить икру нежелательно.

– Значит, еще до начала разговора со мной знал, чем он кончится?

– А моя работа такая – знать заранее, что чем кончится. Подожди в приемной, далеко не отходи. Никуда тебе от меня не скрыться.

Удалов вышел из кабинета. Спортсмены с повязками дружинников его пропустили. Удалов поглядел на секретарш. Вот черненькая – могла бы стать его женой и таить личико под занавеской, а вот и беленькая – тоже мог получить. Где же ты, Ксюша, где же ты, родная моя? И Удалов затосковал по Ксюше за двоих – за себя и за своего двойника.

* * *

На улице моросил дождик, но работы вокруг монумента не прекращались. Детишки вскапывали клумбы, воспитательницы сажали рассаду, монтажники крепили к боку статуи руку с портфелем, бригада дорожников сыпала щебенку под асфальтовое покрытие.

Удалов, отворачиваясь от людей, быстро прошел к памятнику. За массивным постаментом таился невысокий полный мужчина в плаще с поднятым воротником, в шляпе, натянутой на уши, и в черных очках. Значит, вот как я выгляжу со стороны, подумал Удалов и подошел к двойнику.

– Ждешь? – сказал он.

– Тише! Тут люди рядом. Ты куда пропал?

– Пупыкин меня допрашивал.

– Ой, тогда я пошел! Лучше сразу в ноги!

– Погоди, разве не хочешь послушать, что тебя ждет?

– А что?

– И переодеться не хочешь?

– Зачем?

– Затем, что Удалов не может выйти на перерыв из кабинета в одном костюме, а вернуться в другом. Вижу, ты, мой брат, совсем поглупел.

– Тогда бежим – вон там подсобка, вроде пустая.

Удалов, отворачиваясь от людей, быстро прошел к памятнику. За массивным постаментом таился невысокий полный мужчина в плаще.

– Бежим.

Они побежали, а Удалов сказал по пути двойнику:

– Ты хорошенько подумай, прежде чем туда возвращаться.

– А что?

– Как только они икру съедят...

– Сегодня икру в буфете дают? – с тоской спросил двойник. С такой искренней тоской, что Удалов даже остановился.

– Ты что, серьезно?

– Но мне же положено, – сказал двойник.

– А раз положено, надо взять?

– Как же не взять, раз положено?

Они побежали дальше, забрались в вагончик. Он в самом деле был пуст. На крючках висели пиджаки, на столике стояли пустые миски.

Двойник сразу начал раздеваться. Удалов последовал его примеру.

– Смотрю я на тебя, – сказал он, – и думаю: если ты, мой полный двойник, смог так превратиться в такое... значит, и во мне это сидит?

– Что сидит? – не понял двойник.

– Рабство. Лакейство.

– Я, прости, не раб и не лакей, – ответил второй Удалов, – я на ответственной работе, не ворую, морально устойчив...

– И воруешь и морально неустойчив, – отрезал Удалов. – Только сам уже этого не замечаешь. Если икру тебе в буфете дают, а другим не положено, значит, ты ее воруешь. Понял?

– Ты с ума сошел! Разве ты не понимаешь, что мы, руководящие работники, должны поддерживать свои умственные способности? У нас же особенная работа, организационная!

– А в детском саду икру дают?

– Не знаю. Там молоко дают.

– Ну и погряз ты, Корнелий, – не ожидал я от тебя.

– А чем ты лучше?

– Я светлое будущее строю.

– Я тоже. Под водительством товарища Пупыкина. А ты под чьим водительством?

– Дурак ты, Корнелий. У нас водительство демократическое.

– У нас тоже.

– Не путай демократию с круговой порукой.

Второй Корнелий начал натягивать брюки. Разговор с двойником его встревожил и даже разозлил.

– Может, у вас и демократия, – сказал он. – Только твоей заслуги в том нет. Не прижали тебя, вот и гордый. А попал бы на мое место, куда бы делся? Некоторые сопротивлялись. Что это им дало? Что это дало народу? Где Стендаль? Где Клава? Где Минц? Где Ванда?

– Где?

– В разных местах. Наш народ еще не дорос до демократии. Нам твердая рука нужна. Хорошо служишь – тебя ценят.

– Как ценят, не знаю, но сейчас будут разбирать твое персональное дело.

– Чего? – двойник сжался, как от удара в живот.

– Не чевокай, а слушай. Меня утром на шоссе видели, что я картошку собирал. Решили, что это ты.

– А зачем ты картошку собирал?

– Зиночке Сочкиной помочь хотел. Она ее в город несла.

– Это же преступление! Картошка по талонам, а она ее с поля украла!

– Помочь человеку, учти, это никогда не преступление. Потом я в магазине хотел купить лососины...

– Откуда лососина в магазине? Что за глупость?

– Я и говорю, что нет лососины в магазине. Так что эту глупость тебе припишут. Потом я на этой площади сказал, что Пупыкин уже помер...

– Я тебя убью! Ты меня погубить вздумал?

– Откуда я знал, что у вас такие порядки? Но главное то, что я на вашем активе Оболенскому про его моральный уровень сообщил.

– Ну кто тебя просил! Оболенский же пупыкинский друг!

– А никто меня не просил, кроме чувства собственного достоинства. Честь твою защищал.

– Что ты понимаешь в чести!

– А ты?

– Я-то понимаю. Честь – это дисциплина.

– Вот именно. В этом у нас расхождение. Так пойдешь на свою казнь или смоемся, пока не поздно?

– Я все объясню. Василий Парфенович меня простит.

– Ты там от всего отпирайся, – посоветовал Удалов. – Я не я, корова не моя.

Но двойник уже не слушал. Он рвался прочь.

– Погоди! – крикнул ему вслед Удалов. – Где мне Минца отыскать?

Двойник ничего не ответил. Ежась от дождя, он бежал через площадь к входу в Гордом, навстречу своей горькой судьбе.

Тогда Удалов, избегая людных мест, поспешил к своему дому. Он знал, кого ему искать. Старый друг и сосед, изобретатель Грубин не мог измениться.

* * *

Но и Грубин изменился.

Удалов заглянул к нему со двора. Комната была еще более захламлена, чем обычно. В ней почему-то было много частей человеческого тела, изготовленных из белой пластмассы, и Грубин сидел на продавленной кровати, держал голову в руках, будто хотел отвинтить. И медленно раскачивался.

Наверное, зубы болят, решил Удалов и постучал в окно.

Грубин поднял голову, посмотрел на Удалова тупым взглядом и вновь опустил голову.

Удалов тихонько вошел в дом, поглядел наверх – не смотрит ли кто со второго этажа – и толкнул дверь к Грубину. К счастью, она была открыта.

Удалов вошел в комнату и сказал:

– Привет, Саша. Ты чем-то расстроен?

– А ты не знаешь? – спросил Грубин, не поднимая головы.

– Пытаюсь понять.

– Тебе все ясно, – ответил Грубин. – Ты нашел свое место.

– А ты?

– Вот в том и ужас! – закричал Грубин. – Как же я так мог попасться? Ты мне скажи, как я мог попасться? Ну ладно, ты человек слабый, угодил в силки, даже биться не стал. Куда несут, туда и идешь. Но я-то творческая интеллигенция, всю жизнь гордился своей независимостью. И вот – стал соучастником преступления!

– Погоди, не все сразу, – сказал Удалов. – Давай по порядку.

Удалову захотелось понять, что произошло с Грубиным. Может быть, изменения только внешние, тогда еще не все потеряно.

– Мне с тобой говорить не о чем, – сказал Грубин.

– Почему же?

– Сам знаешь. Ты – номенклатура. Я – продавшаяся интеллигенция.

– А ты все-таки скажи. Допусти, что перед тобой не Удалов, а какой-то другой человек.

– Какой-то другой к Пилипенко доносить не побежит. А Удалов побежит.

– Не побегу, – сказал Удалов. – Честное слово.

– Ты правды захотел? Тогда держись! Скажу тебе, Корнелий, что за последние три года ты сильно изменился. С тех пор как тебя этот Пупыкин приблизил, ты сам на себя не похож. Готов землю за ним лизать. А с Ксенией что вы сделали?

– А что?

– Только не говори, что ты подчинился силе! Другой бы никогда жену не отдал. Залег бы в прихожей с пулеметом, отбивался бы до последнего патрона. А ты выбрал Пупыкина. Ну, выбрал и пресмыкайся.

– А еще что? – спросил Удалов. Горько ему было слушать такие слова о своем двойнике. Но надо слушать. На чужих ошибках учатся.

– А с Минцем ты как поступил? Ты зачем Минца топил?

– Я? Минца?

– Зря я с тобой разговариваю – время впустую трачу. Только удивительно – как быстро меняются люди.

– Тогда слушай ты, – сказал Удалов. – И постарайся мне поверить.

Он произнес эти слова так значительно, что Грубин в удивлении уставился на него...

– Я не Удалов, – сказал Корнелий Иванович. – То есть я Удалов, но вовсе другой Удалов. А настоящий Удалов сидит сейчас в Гордоме, на активе, и соратники топчут его ногами.

Вот что удивительно – Грубин поверил Удалову мгновенно!

– У тебя глаза другие, – сказал он. – У тебя глаза прежние. Может, даже смелее. Объясни.

И Удалов объяснил. И про изобретение Минца и про то, как Минц простудился и пришлось Удалову идти в параллельный мир вместо друга.

По мере того как он рассказывал, лицо Грубина светлело, морщины разглаживались, даже волосы начали завиваться.

Грубин вскочил, принялся бегать по комнате, опрокидывая предметы и расшвыривая пластиковые руки и ноги.

– Сейчас же! – закричал он, не дав Удалову договорить. – Сейчас же обратно! Беги отсюда! Тебе здесь не место. И если можешь, возьми меня с собой. Больше я здесь жить не могу!

– Спокойно, – сказал Удалов. – Без паники. У меня задача – найти Минца. И вторая – во всем разобраться. А как исправлять положение, подумаем вместе. Рассказывай. Коротко, внятно. Начинай!

Последнее слово прозвучало приказом, и Грубин подчинился ему. Он остановился у стола, задумался и сказал:

– Даже не знаю, как начать. Произошло это три с половиной года назад. Был у нас предгором Селиванов.

– Помню, – сказал Удалов. – У нас он тоже предгором был. Потом на пенсию ушел.

– И занял то место его заместитель Пупыкин, Василий Парфеныч.

– У нас тоже, – сказал Удалов. – Все пока сходится.

– Времена, ты знаешь, были тихие, ни шатко ни валко... Утвердили Пупыкина предгором, он сначала ничего вроде бы и не делал. Все повторял: как нас учил товарищ Селиванов... продолжая дело товарища Селиванова...

– Смотри-ка, у нас тоже так начинал!

– Потом начались кадровые перестановки. То один на пенсию, то другой, того с места убрали, того на новое место назначили... и тон у Пупыкина менялся. Уверенный тон становился. Ботинки заказал себе в Вологде на высоких каблуках... Пилипенко приблизил... Это наш старшина милиции.

– Знаю, у нас он и до сих пор старшина. Простой мужик, душевный. Председатель общества охраны животных.

– Против Пупыкина боролись. Был у нас такой Белосельский, не знаешь? Коля? В классе с нами учился.

– Еще бы не знать, – улыбнулся Удалов.

– Так этот Белосельский выступил. Потребовал, чтобы покончить с приписками и обманом, а развивать трудовую инициативу и демократию... да, демократию...

Удалов кивнул. Он эту историю отлично помнил.

– Не знаю уж каким образом, все было сделано тихо – куда-то Пупыкин написал, кому-то позвонил, что-то против Белосельского

раскопал. Только слетел Белосельский со своего места. И пришлось ему уехать за правдой в область. Не знаю уж, отыскал он ее там или нет – только в город он не вернулся. А для многих его поражение стало хорошим уроком. Поняли: опасно идти против Пупыкина.

– Вот как у вас дело повернулось, – вздохнул Удалов. – Теперь мне многое понятно.

– А дальше – пошло, покатилось. Пупыкин всюду выступал, говорил, какие мы счастливые, как наш город движется вперед семимильными шагами. И чем меньше товаров в магазинах становилось, тем громче выступал Пупыкин. И что грустно – как только люди убедились, что Пупыкин твердо сидит, не сковырнуть его, они по углам разбежались, каждый у себя дома боролся за демократию и гласность, а на собраниях голосовали, как надо.

– Понятно, – сказал Удалов.

– Через год и ты, прости, Корнелий, сообразил, что лучше быть при начальнике, чем против. Как-то на собрании ты выступил против Пупыкина. И тут же тебе – выговор за выговором, а потом открыли против тебя уголовное дело за хищение стройматериалов.

– Да чтобы я похищал!

– Верю, что не похищал. Только ты после этого сник, со мной даже разговаривать перестал, а стал рядом с Пупыкиным на трибуне стоять.

– Быстро вы ко всему привыкли!

– А что откладывать в долгий ящик? Если тебе с утра до вечера объясняют, как повезло тебе с таким хорошим начальником, то лучше согласиться.

– И ты тоже согласился?

– В этом мое преступление! – воскликнул Грубин. – Ты же знаешь, я неплохой изобретатель. Я предложение сделал, чтобы пластмассу усовершенствовать, из которой игрушки на фабрике делали. И формы новые изобрел – думал сделать для дома отдыха шахматы в виде рыцарей ростом в человека, но легкие. А директор фабрики Мимеонов в то время решил Пупыкину угодить – наладить массовое производство его бюстов. Для того чтобы в каждом учреждении и в каждой квартире стояли. Вот он этим способом и воспользовался. Пупыкину эта инициатива понравилась. Меня консультантом на фабрику пригласили, премию дали. А когда Мимеонов начал для

будущего счастливого города Великого Пупыкина статуи в натуральную величину изготавливать, приложил я руку к этому безобразию. Теперь мучаюсь.

– Значит, другие не мучились и воспевали, а ты мучился, но тоже воспевал? – спросил Удалов.

– Только не надо иронии, – сказал Грубин. – Я же все понимал. И даже предупреждал Мимеонова – умерь свой пыл! Фильтров на заводе нету, отбросы у нас вредные, прорвет – весь город погубим. Ты когда к нам приехал?

– Сегодня утром. Видел я, до чего ваша деятельность довела. Костюм погубил и вообще всю одежду.

– Больше я на фабрику не выйду! Лучше пусть меня выселяют на сельское шефство, лучше на принудотдых... Что угодно – больше я с ними вместе шагу не сделаю.

– Погоди, не части, – сказал Удалов. – Мне ваша система не совсем понятна.

– А у вас иначе?

– Мне сейчас некогда тебе объяснять – скажу только, что твой Пупыкин уже на пенсии, уголовное дело против него возбуждено...

– Что? Не может быть! Какое счастье!

– Не суетись. Будет время – расскажу. Мне сейчас главное – узнать, где Минц, что с ним, здоров ли, почему его дверь опечатана?

– Не знаешь? Он же на принудотдыхе. За саботаж.

– Минц? За саботаж?

– Он не оправдал. Гравитационный подъемник собственными руками сломал, чтобы статую не воздвигать.

– Говоришь, гравитацию изобрел?

– Точно знаю – изобрел, мы с ним вместе испытывали.

– А для Пупыкина – ни-ни?

– Он принципиальный.

– Значит, есть все-таки принципиальные?

– Принципиальные, конечно, есть. Немного, но есть, – признался Грубин. – Но за принципы приходится дорого платить. И Минц заплатил. И Ксюша твоя...

– Да, совсем забыл. Что это за история с Риммой?

– Когда Ксюшу на сельхозшефство отправили...

– Понятнее!

– У нас сельское население разбежалось, – объяснил Грубин. – По другим областям. Хозяйства обезлюдели. А Пупыкин в область всегда рапортует, что у нас постоянный прогресс. Что ни год, сеем на пять дней раньше, собираем на три дня раньше, и растут урожая на три процента в год. Поставки он всегда выполняет. Только из-за этого в городе жрать нечего, а в поле работать отправляют всех, кто несогласный или подозрительный или кто не нужен. Половину учителей отправили, врачей больше половины, весь речной техникум там копает и пропалывает... А из футболистов и самбистов Пупыкин создал дружины, которые людей придерживают. Их на усиленном питании держат.

– Значит, крепостное хозяйство?

– Нет, это сельхозшефством у нас называется. Но что странно, Корнелий, – те, кто в городе остался, считают, что с сельским хозяйством все нормально. Потому что каждый день в газете нам рассказывают, как мы хорошо живем.

– А что случилось с Ксюшей?

– Как-то товарищ Пупыкин лично к тебе домой, то есть к Удалову, приехал, чтобы показать свое к нему расположение. А Ксения вместо обеда ему скандал закатила, всю правду выложила. Ты знаешь Ксению – она неуправляемая. Обиделся Пупыкин, на следующее утро ее скрутили, посадили на мотоцикл к Пилипенко – и в деревню, перевоспитываться, на сельхозшефство без права возвращения в город.

– А я? То есть, а он?

– А он... он побежал к Пупыкину, просит – верни мою жену! А Пупыкин, говорят, погладил его по головке и говорит: не нужна тебе такая старая и непослушная жена. Она меня не уважает, значит, и тебя не уважает, и нашу великую родину не уважает. Мы тебе сделаем сегодня же развод, и отдам я тебе любую из своих секретарш. Так и сделал. Развел, на Римке женил. Она мне сама рассказывала.

– Ясно, – сказал Удалов. – Общая картина мне понятна. Пошли к Минцу. Где он отдыхает?

– Принудотдых, Корнелий, это по-старому тюрьма. Находится она в подвалах под гостиным двором, где раньше склады были. Там особо недовольные отдыхают.

– Ты хочешь сказать, что профессор Лев Христофорович Минц, лауреат двадцати премий, профессор тридцати университетов находится в подвалах инквизиции?

– Ну, не то, чтобы инквизиции, – смутился Грубин. – Но в подвалах...

– Срочно едем в область! Это не должно продолжаться.

– До области ты не доедешь, – сказал Грубин. – Некоторые пытались. В область специальное разрешение нужно. Его лично Пилипенко подписывает. Только проверенные оптимисты туда попадают. Так что в области о Великом Гусляре самое лучшее представление.

– Но ведь кто-то приезжает!

– Если приезжает, то на витрины с картонной лососиной смотрят, а потом в предгорском буфете обедают. Ясно?

– Минца надо освободить!

– Надо. Но не знаю, как.

– Может, прессу поднять?

– Малюжкина? Ты сам видел. Его голове нужна ясность. А ясность он получает сверху.

– Ну что ж, – сказал Удалов, – тогда пошли в подвал.

– Подвалы заперты, там дружинники.

– Саша, ведь недаром я столько лет ремонтами занимаюсь. Неужели мне подземные ходы в этом городе неизвестны?

– А есть ход?

– Должен быть. По крайней мере, в моем мире есть и даже расчищен археологами. Его воры в пятнадцатом веке прокопали – тюки из гостиного двора выносили.

Когда они с Грубиным вышли во двор, Удалов вдруг услышал:

– Корнелий, ты куда? Ты почему домой не идешь?

Голос был женский, жалобный.

Удалов поднял голову. В окне его квартиры стояла молодая жена Римма, неглиже, лицо опухло от слез.

– Я раскаиваюсь! – крикнула она. – Это была минутная слабость. Он старался меня безуспешно соблазнить. Вернись, Корнелий. И не верь клевете Грубина. Он тебе завидует! Вернись в мои страстные объятия!

– Не по адресу обращаетесь, гражданка, – ехидно ответил Удалов.

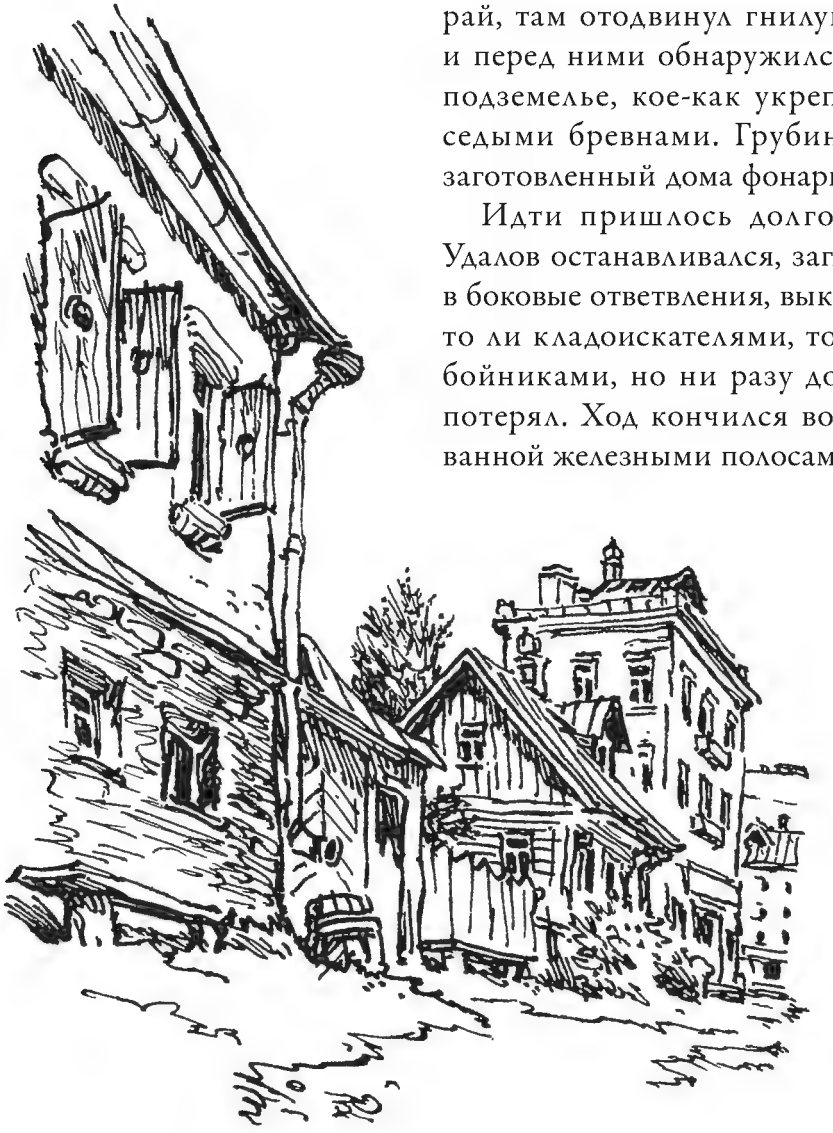
А Грубин добавил:

– Чего на тебя клеветать? На тебя клевещи, не клевещи – пробы ставить некуда.

И молодая жена Римма плюнула им вслед.

* * *

По бывшей Яблоневой, а ныне Прогрессивной улице мимо лозунга на столбах: «Пупыкин сказал – народ сделает!», мимо дома-музея В. П. Пупыкина друзья спустились к реке, в том месте, где к обрыву примыкают реставрационные мастерские. В удаловском мире эти мастерские кипят жизнью и деятельностью. В этом они стояли пустынные, ворота прикрыты, всюду грязь.



Удалов уверенно прошел за сарай, там отодвинул гнилую доску, и перед ними обнаружился вход в подземелье, кое-как укрепленный седыми бревнами. Грубин достал заготовленный дома фонарик.

Идти пришлось долго, порой Удалов останавливался, заглядывал в боковые ответвления, выкопанные то ли кладоискателями, то ли разбойниками, но ни разу дороги не потерял. Ход кончился возле окованной железными полосами двери.

Ход кончился возле окованной железными полосами двери.

– Здесь, – сказал Удалов. – Теперь полная тишина!

И тут же раздался жуткий скрип, потому что Удалов стал открывать дверь, которую лет сто никто не открывал.

К счастью, никто скрипа не услышал.

Его заглушил отчаянный человеческий крик.

Они стояли в подземных складах гостиного двора, превращенных волей Пупыкина в место для изоляции и принудотдыха.

Впереди тянулся низкий сводчатый туннель, кое-где освещенный голыми лампочками. Крик доносился из-за одной из дверей – туда и поспешили друзья, полагая, что именно там пытают непокорного профессора.

Но они ошиблись.

Сквозь приоткрытую дверь они увидели, что в побеленной камере на стуле сидит удрученный Удалов. Перед ним, широко расставив ноги, стоит капитан Пилипенко.

Пилипенко Удалова не бил. Он только читал ему что-то по бумажке.

– Нет! – кричал Удалов. – Не было заговора! И долларов я в глаза не видал.

Пилипенко подождал, пока Удалов кончит вопить, и спокойно продолжал чтение.

Было слышно:

«Получив тридцать серебряных долларов от сионистского агента Минца, я согласился поджечь детский сад номер два и отравить колодец у родильного дома...»

– Нет! – закричал Удалов. – Я люблю детей!

– Ну что, освободим? – спросил шепотом Удалов у Грубина.

– Не стоит тебя освобождать, – искренне возразил Грубин. – Не стоишь ты этого. А то вмешаемся в драку, сами погибнем и Минца не спасем.

Нельзя сказать, что Удалов был полностью согласен с другом. Трудно наблюдать, когда тебя самого заточили в тюрьму и еще издеваются. Но Удалов признал правоту Грубина. Есть цель. И цель благородная. Она – в первую очередь.

Они прошли на цыпочках мимо камеры, в которую угодил двойник Удалова, и остановились перед следующей, которая была закрыта на засов.

Грубин резко отодвинул засов и открыл дверь.

Сквозь приоткрытую дверь они увидели, что в побеленной камере на стуле сидит удрученный Удалов.

В камере было темно.

– Лев Христофорович, – позвал Грубин. – Вы здесь?

– Ошиблись адресом, – ответил спокойный голос. – Лев Христофорович живет в следующем номере. Имею честь с ним перестукиваться.

– А вы кто? – спросил Удалов.

– Учитель рисования Елистратов, – послышалось в ответ.

– Семен Борисович! – воскликнул Удалов. – А вас за что?

– За то, что я отказался писать картину «Пупыкин обозревает плодородные нивы», – ответил учитель.

– Выходите, пожалуйста, – попросил Грубин.

– Это официальное решение?

– Нет, мы хотим вас освободить.

– Простите, я останусь, – ответил учитель рисования. – Я выйду только после моей полной и абсолютной реабилитации.

– Тогда ждите, – сказал Удалов.

Времени терять было нельзя. В любой момент в коридоре могли появиться охранники. Они перебежали к следующей двери. Грубин открыл и ее.

– Лев Христофорович?

– Собственной персоной. Вы почему здесь, Саша?

– Я к вам гостя привел, – сказал Грубин.

Они вошли в камеру, закрыли за собой дверь. Грубин посветил фонариком. Профессор Минц, сидевший на каменном полу, подстелив под себя пиджак, прикрыл глаза ладонью.

– Потушите, – сказал он. – Мои глаза отвыкли от света.

– Я к вам гостя привел, – сказал Грубин.

– Кого? Кто осмелился залезть в это узилище? Кто мой друг?

– Это я, Корнелий, – сказал Удалов.

– Отказываюсь верить собственным ушам! Разве не вы первый на разборе моего персонального дела предложили изолировать меня в этом доме подземного отдыха?

– Нет, не я, – честно ответил Удалов.

– Не вы ли заклеймили меня званием врага народа и иностранного агента?

– Нет, не я.

– Вы лжец, Удалов! – сказал Минц. – И я не намерен с вами разговаривать.

– Тот Удалов, который голосовал и призывал, – ответил Корнелий, – сейчас сидит через две камеры от вас. Пилипенко ему террористический заговор шьет. А я – совсем другой Удалов.

– Не понял!

– Я живу в параллельном мире. Меня послал сюда наш Лев Христофорович. По делу. Но когда я узнал, что у вас творится...

– Стойте! – закричал профессор. – Это же великолепно! Грубин, посветите фонариком.

И Минц бросился в объятия к Удалову.

– Значит, параллельные миры существуют! – радовался ученый. – Значит, мои предположения и теоретические расчеты были правильны. Да здравствует наука! И что же просил передать мой двойник?

– Лев Христофорович стоит перед проблемой, – сказал Удалов. – Нам нужно прокладывать магистраль через Гусляр, а у него никак не получается с антигравитацией. Он сам простудился и просил меня сгонять к вам и взять расчеты.

– Вы говорите правду? – насторожился Минц.

– А зачем мне врать?

– А затем, что это может быть дьявольской выдумкой Пупыкина. Ему нужна моя гравитация. Ради нее он пойдет на все. Он способен даже выдумать параллельный мир.

– Нет, Удалов правду говорит! – сказал Грубин. – Я верю.

– А я не верю! – сказал Минц. – Если в вашем параллельном мире тоже прокладывают магистраль, мой двойник никогда не согласится участвовать в преступлении против нашего города. Он бы, как и я, предпочел бы кончить свои дни в темнице, но не пошел в услужение к варварам.

– Но в нашем мире, – возразил Удалов, – антигравитация нужна, чтобы подвинуть часовню Филиппа и не разрушить памятники.

Минц все еще колебался.

Тогда Грубин сказал:

– Есть выход. Хотите доказательства?

– Хочу.

– Тогда пошли с нами, я покажу второго Удалова.

Минц поднялся и, поддерживаемый Грубиным, вышел в коридор.

Через минуту они были у камеры, где Пилипенко допрашивал второго Удалова.

Минц заглянул в дверь, потом обернулся к Удалову и сказал:

– Простите, что я вам не поверил. Но доверчивость нам слишком дорого обходится.

– Как мне приятно это слышать, – сказал Удалов. – Я сначала испугался, что здесь все смирились с тираном.

– Это не тиран. Это мелкий бандит, – сказал Минц. – Тираны отжили свой век, но тиранство еще живет.

Последние слова он произнес слишком громко. Пилипенко услышал шум в коридоре, метнулся к двери, отворил ее и увидел Минца.

– Выскочил? Бежать вздумал? – заревел капитан, засовывая руку в кобуру.

Минц оторопел. Он не знал, что делать в таких случаях. Но Удалов, который вырос без отца, на улице, отлично знал, что надо в таких случаях делать. Он отодвинул в сторону Минца, шагнул вперед и сказал:

– Все, Пилипенко. Доигрался ты.

У Пилипенко отвисла челюсть. Он, как кролик на удава, смотрел на Удалова. Потом метнул глазами в открытую дверь и увидел там второго Удалова.

– Аааа, – лепетал Пилипенко...

Грубин не терял времени даром.

– Корнелий! – крикнул он двойнику Удалова. – Выходи!

А первый Корнелий тем временем отобрал у оторопевшего милиционера пистолет, а самого его затолкал в камеру и закрыл дверь на засов. Пилипенко даже не возражал.

– Теперь бежать! – сказал Грубин.

Они побежали по коридору к подземному ходу.

И вовремя. Потому что Пилипенко опомнился, стал молотить в дверь, звать на помощь и издали послышались шаги – от входа в подземелье бежали дружинники-самбисты.

Но дверь в подземелье уже была закрыта и, незамеченные, наши герои поспешили к реставрационным мастерским.

* * *

Если погоня и была, она их потеряла.

Без приключений они выбрались из-под земли, уселись за сараем, чтобы перевести дух.

Был хороший осенний вечер. Солнце уже спряталось за строениями, небо прояснилось, было бесцветным, а редкие облака подсвечивало золотом по краям, словно они были большими осенними листьями.

Удалов смотрел на своего двойника – у того синяк под глазом, царапина на щеке, и вообще вид потрепанный.

– Били? – спросил Удалов с сочувствием.

– Пилипенко, – сказал двойник. – Я до него доберусь.

– Нет, – сказал профессор Минц. – Судить его будет народ.

– Кто? – вздохнул двойник Удалова. – Прокурор? Судья? Так они все у Пупыкина в кармане.

– Бригаду пришлют, из области, – сказал Грубин. – Или даже из Москвы. Неподкупную.

– Революция! – сказал Удалов-двойник мрачно. – Только революция сможет смести этот вертеп.

– Революцию устраивать нельзя, – сказал Грубин. – Мы живем в социалистическом государстве, у нас законы, профсоюзы, против кого ты хочешь революцию устраивать?

– Без революции не обойтись.

– А как ты ее организуешь? – спросил Грубин.

– Пойду к народу, раскрою ему глаза.

– Скажи, – спросил Грубин, – а у тебя до сегодняшнего дня глаза что, закрыты были?

– Нет, я видел, конечно, недостатки... – Удалов смешался, замолчал.

– И заедал их черной икрой из спецбуфета, – закончил за него фразу Грубин. И горько улыбнулся. И все улыбнулись, потому что в словах Грубина была жизненная правда.

– Надо писать, – сказал Минц, – пришлют комиссию.

– Многие писали, – сказал Грубин. – Только все письма на почте перехватывают, а потом где этот писатель? На трудовом шефстве. Да еще, как назло, наш город железной дороги не имеет и окружен непроходимыми лесами.

– Не такими уж непроходимыми, – сказал Удалов.

– Я боюсь, Пупыкин справится с любой комиссией. У него по этой части опыт. У него документация отработана. Комар носу не подточит.

– Странно мне смотреть на вас, друзья, – сказал Удалов. – Вы все такие же самые, как и в настоящем мире. И внешне, и по голосу. И

в то же время – не такие. Ну, мог ли я когда предположить, что Корнелий Удалов, человек честный, прямой и даже добрый, может стать прислужником у мелкого диктатора?

– Не надо, – сказал двойник. – Это в прошлом. Я все осознал.

– Что же, одного Пупыкина достаточно, чтобы вы из энтузиастов, строителей светлого будущего, превратились в болото.

– Пупыкин не один, – сказал Минц. – Это целое направление: пупыковщина. Подлая личность не может изменить историю, если не сколотит банду таких же подлецов. У них на словах все так же, как в нормальных местах. А бумаги фиксируют счастье и прогресс. Пупыкин многим нужен. При Пупыкине можно не думать. А служить. Хорошо служишь – все имеешь. Даже жену молодую тебе могут на дом доставить. Не проявляешь верности... сами понимаете. И с каждым днем становится все больше верных служителей. И пресса у него в руках.

– Вернусь домой – скажу Малюжкину, какую он роль играет при Пупыкине, – он меня убьет, собственными руками убьет. Он же жизнь отдаст за свободу и демократию, – сказал Удалов.

– И ветераны, – продолжал Минц.

– Вы Ложкина не знаете – он вчера на площади демонстрацией руководил за спасение часовни Филиппа!

– Нет, я сам видел, как Ложкин эту часовню собственными руками на субботнике рушил, – возразил Грубин.

– А ты, Грубин, молчи. Я-то знаю, на что ты в самом деле способен. Весь наш город гордится твоими изобретениями!

Стало прохладно. Облака потемнели, снова подул ветер.

– Мне пора возвращаться, – сказал Удалов. – Только желательно от Минца формулы получить.

– Формулы у меня в голове, – сказал Минц, – я все бумаги сжег.

Ситуация была какая-то ненастоящая, мистическая, словно приснилась. Стоял Удалов в своем родном Гусляре, окруженный не только друзьями, но и самим собой. Сейчас бы пойти посидеть в кафе или в театр махнуть, как культурные люди. А вместо этого они таятся за сараем на опустевшей базе реставраторов и даже не знают, куда деться и что делать дальше.

– Я в подшефное хозяйство пойду, – сказал вдруг двойник Удалова. – Пойду Ксюшу проведаю. Мне ведь тоже домой нельзя.

Слова двойника Удалова обрадовали – значит, все же не чужие они люди.

И он принял решение.

– Значит, так, – сказал он, и все его внимательно слушали.

Потому что Удалов приехал из нормального мира.

– В наш мир сейчас отправится Лев Христофорович. Он сразу пойдет к нашему Минцу и все ему расскажет. Заодно и формулы сообщит. У Минца голова государственная, что-нибудь придумает. А два Минца тем более придумают. Если нужно, сходите к Белосельскому, он может подсказать, к кому в области обращаться. А то и в Москву. Как решите – сразу обратно. Мы будем ждать.

– А вы, Корнелий Иванович? – спросил Минц.

– А я вместе с моим близнецом на сельскохозяйственные работы отправлюсь. Боюсь, что ему без меня у Ксюши прощения не получить.

– Спасибо, ты настоящий друг, – сказал второй Удалов, и скупая слеза покатилась по его грязной исцарапанной щеке.

Удалов достал платок, вытер ему слезу.

– А мне что делать? – спросил Грубин. – Я тоже хочу участвовать.

– Ты будешь ждать. В резерве, – сказал Удалов. – Веди пропаганду в народе, готовь перевыборы.

Все послушались Удалова и, выйдя из-за сарая, стали подниматься вверх, переулком, чтобы не попасться на глаза противникам.

Уже поднялись до половины склона, как вдруг Минц остановился.

– То, что вы предложили, Корнелий, – сказал он, – очень разумно. В каком-нибудь фантастическом романе, наверное, так бы и произошло. Я бы отправился в параллельный мир, оттуда получил бы совет и помощь, вы бы с Удаловым подняли восстание в подшефном хозяйстве, где много горючего человеческого материала. И был бы счастливый конец. Но я сейчас сообразил: мы же не в романе!

– Ты прав, Лев Христофорович, – сказал Грубин. – Мы в реальной жизни. И действовать должны, как будто никаких параллельных миров и нет. Может, их и в самом деле нет?

– Как так? А я? – спросил Удалов.

– А ты нам только снишься, – сказал Грубин.

– Точно, – сказал второй Удалов. – Ты прав, Саша. Сами мы Пупыкина вырастили, сами и ликвидируем.

– У нас не может быть революции! – напомнил Удалов.

– Кто говорит о революции? – ответил Минц. – Мы собираемся навести порядок в своем доме.

Трое друзей переглянулись и согласно кивнули головами.

– Минутку, – сказал Минц и вытащил из кармана записную книжку. Быстро набросал на ней три строчки цифр и сказал Удалову:

– Вот это передай моему двойнику. Это, конечно, не расчеты, но если бы я был на его месте, то обязательно бы догадался, каким путем идти.

– Спасибо, – сказал Удалов. – Хотя все равно считаю, что вас, как ведущего ученого, мы должны эвакуировать в наш мир.

– Эвакуировать пришлось бы весь город, – ответил Минц. Он протянул Удалову руку и добавил: – Спасибо, что к нам заехали. Вы нам сильно помогли. Действием и примером.

– Спасибо, Корнелий, – сказал Грубин, прощаясь с Удаловым. – Рад был встретиться.

Последним с ним попрощался двойник.

– Надеюсь, что Ксения поймет, – сказал он.

– Все образуется, – успокоил его Удалов. – Она у нас отходчивая.

И они втроем, как три мушкетера, так и не объяснив Удалову, что намерены делать, быстро пошли вверх по улице.

Страшно за них было. И приятно смотреть на мужскую дружбу. Прямо, как крейсер «Варяг», подумал Удалов, когда он уходит в свой последний неравный бой.

Удалову стало одиноко.

Он сложил вчетверо бумажку с формулами, спрятал в ботинок. Если задержат, может, не найдут.

Когда распрямлялся, услышал сверху короткий хлопок.

Выстрел?

Он вгляделся. Нет, не выстрел. Это хлопнула калитка. Кто-то вышел на улицу и пошел рядом с тремя мушкетерами.

Удалов потоптался на месте еще с минуту...

И припустил в гору за друзьями, которые уже скрылись за ее гребнем.

А когда догнал их, увидел, что рядом с ними идет человек десять, не меньше. А двери и калитки все раскрываются...

СПОНСОРА!

В последние годы, видно обеспокоенные нашими земными событиями, пришельцы осмелели. Мало им Великого Гусляра, принялись кружить над Брюсселем, Бангладешем и Выхино-Владыкино.

В западном зажравшемся мире многие относятся к пришельцам без интереса, а нам они внушают надежды. Нам нужна валюта, нам нужен ширпотреб, нам нужны спонсоры. Например, вчера по телевизору передавали объявление: «Уважаемые дамы, господа и товарищи! Ассоциации матерей-одиночек и девушек-идеалисток ищут спонсоров, обладающих скромными запасами конвертируемой валюты. Предложения инопланетян рассматриваются с интересом. Отечественных рублей или купонов не предлагать».

...Корабль пришельцев опустился якобы отдохнуть и для мелкого ремонта на старой лесосеке за озером Копенгаген, как раз когда Корнелий Удалов собирал там лисички. Удалов поздоровался, а пришельцы предложили ему сыграть с ними в карты, для отдыха. Играли в «дурака»; они втроём, а Корнелий – один. И, надо сказать, Удалову притом подливали.

Сначала Удалов проиграл корзинку с лисичками, но это ещё полбеды. Потом Удалов проиграл пиджак, хороший, почти новый. К тому времени Удалов вошёл в азарт, достал бумажник и выгреб из него все свои деньги, которые откладывал на спиннинг, но всё не мог купить – то спиннингов нет, то снова подорожали. Но пришельцы на деньги играть не согласились.

– Что мы с твоей мелочью на Альдебаране делать будем? – спросили они. И даже засмеялись. – Давай играть на твои брюки.

Тут уж Удалов заартачился. Он человек солидный, ему домой через весь город идти.

– Тогда, – сказал главный пришелец, – сыграем на недвижимость.

– Ну какая у меня недвижимость, – вздохнул Удалов.

– Давай играть на Землю. Ты Землю ставишь на кон, а мы – наш космический корабль.

Удалов вошёл в азарт. И согласился.

Ему бы подумать, зачем пришельцам Земля со всеми её людьми и природными ресурсами. А он:

– Раздавай карту!

Ну и проиграл.

Потом опечалился и спросил:

– Зачем вам наша родная Земля?

– А она нам нужна, чтобы её поработить. Мы заставим вас гнуть на нас спину, мы обесчестим ваших женщин, мы подчиним себе вашу экономику и вывезем ваши природные богатства, завалив вас в ответ дешёвым никому не нужным ширпотребом.

– А выкупить назад её у вас можно? – спросил Удалов.

Пришельцы посчитали на своём компьютере и ответили:

– Если ты к завтрашнему вечеру достанешь сто сорок три тысячи рублей с копейками, возвратим тебе Землю. А нет – не обессудь. У нас всё по-честному.

Тут начало темнеть, пришельцы улетели, чтобы засветло успеть на свою базу на обратной стороне Луны, а Удалов поехал домой. Без грибов, без пиджака, и ещё проиграл Землю в карты.

Приехал домой туча тучей. А Ксения учуяла запах спиртного и увидела отсутствие пиджака. Ей бы догадаться, что произошла трагедия, а она говорит:

– Опять заместо рыбалки бегал к этой Римке? Лысый уже, а как был козлом, так и помрёшь.

– Нет, – отвечал Удалов. – Дело куда хуже. Я Землю пришельцам в карты проиграл.

Ксения рассердилась на такую ложь, стала бить посуду, но Удалов понимал: Ксюша-то побуйствует и успокоится, а ему надо завтра сто сорок три тысячи рублей достать.

– Ксюша, – спросил Удалов, – а что у нас на книжке?

– А ты не знаешь? – сказала Ксюша и саркастически расхохоталась. – Ветер гуляет у нас на книжке, не на что ребёнку велосипед купить. Так что неоткуда взять нам денег ей на драгоценности!

– Ты всё о том же, – вздохнул Удалов и пошёл к соседу, профессору Льву Христофоровичу Минцу, великому изобретателю.

Профессор отдыхал: давал сам себе сеанс одновременной игры в шахматы на двенадцати досках.

– Погоди, – сказал он Удалову, – кажется, наметился вечный шах.

– Некогда годить, – сказал Удалов. – Над планетой нависла беда. Я проиграл Землю в карты.

– Кому? – спросил профессор.

– Пришельцам.

– Откуда?

– Чёрт их знает. Зелёные, в военной форме.

– Ну что ж, – сказал Минц, ставя себе мат на шестой доске. – Я давно хотел тебя спросить, Корнелий, ты кто будешь по национальности?

– Местный.

– Странно. Если бы ты был евреем, я бы понял: сначала продали Христа, потом Россию, теперь – Землю. Но от русского человека я такого не ждал.

– Я в азарт вошёл, – признался Удалов. – Если я завтра к вечеру сто сорок три тысячи не наберу, они нас поработят.

– Значит, это не пришельцы, – сказал Минц и поставил себе мат на восьмой доске. – Пришельцы умеют считать. Они отлично знают, что Земля стоит дороже, чем сто сорок три тысячи. Во много раз.

– А кто же они?

– Переодетые хулиганы. Из Вологды.

– Настоящие, – возразил Удалов. – Метр ростом, три ноги, глаз посреди лба, ну как в такого переоденешься?

– Нет. Это авантюра. И не вмешивайся ты в неё.

– Так не дадите взаймы? Я верну при первой возможности.

– Не из чего тебе такую сумму отдавать. Лучше иди спать.

– Неужели вам Землю не жалко?

– Мне её ещё вчера жалко было. Может быть, к лучшему, если её захватят пришельцы?

– Что вы говорите, Лев Христофорович! Ведь они же не скрывают, что поработят нас, обесчестят наших женщин, расхитят наши природные ресурсы.

– Что-то не вижу разницы, – сказал профессор и сыграл с собой вничью на третьей доске.

Удалов попрощался и пошёл к Саше Грубину. «Всё-таки хороший человек Минц, образованный, – думал он, – а еврейская национальность сказывается. Ему всё равно – порабощённые мы или нет. А русскому сердцу порабощение недопустимо!»

Так он и сказал Саше Грубину, когда отвлёк его от изобретения вечного двигателя.

– У меня денег нет, – сказал на это Саша, запустил пальцы в свои патлы и начал бегать по комнате, сшибая приборы. – Но если бы были... не знаю, дал ли бы я их тебе.

– И ты тоже?

– Нет, тут не национальная проблема, – сказал Грубин. – Евреи и татары тоже бросались на дзоты. Тут вопрос в том, что у нас в магазине совсем электрические лампочки кончились.

– А разве что-то не кончилось? – удивился Удалов.

– Резиновые сапоги были, – сказал Грубин. – Сорок шестого размера.

– Это вчера были, – ответил Удалов. – Сегодня утром и они кончились. Значит, не дашь денег?

– А может, пускай поработят? – вопросом на вопрос ответил Грубин. – Хоть какая надежда.

Удалов ушёл от Грубина. У Корнелия были принципы, и ему невозможно было от них отказаться. Его любимым героем в детстве был Иван Сусанин.

Ночью Удалов спал плохо. Ему снились эротические кошмары про то, что делают с нашими девушками инопланетяне. Проснулся он на рассвете полный решимости погибнуть, но спасти Землю от порабощения.

Он взял письменный стол сына Максимки, вынес его на Советскую площадь, на газон у памятника землепроходцам, рядом вбил в землю лопату, к черенку которой было прикреплено:

«Сбор средств на спасение Земли
от инопланетного покорения».

Вскоре стали появляться первые прохожие. Они останавливались, задавали вопросы, и всем без исключения Удалов честно отвечал: так-то и так, проиграл Землю в карты, нужно сто сорок три тысячи, чтобы спасти её от порабощения.

Нельзя сказать, чтобы сильно осуждали, хотя конечно же и не одобряли. «Сегодня ты Землю в карты проиграешь, а завтра ещё за что возьмёшься – проигрывал бы собственную жену!» Тут все начинали смеяться. Понимали, что далеко не каждый пришелец захочет выигрывать Ксюшу с её характером.

Подавали немного, Ложкин положил в банку из-под растворимки несколько монет, потом, возвращаясь из магазина, взял одну монету обратно. Школьники пробегали – сложились на сто рублей. Проходил Пупыкин, он теперь работает в малом предприятии «Удавка» – собирается разводить удавов на шкуры. Он вложил в благородное дело пожелание успехов.

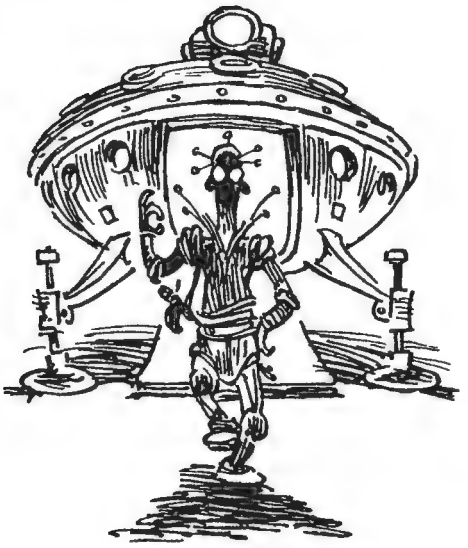
Больше интересовались – какие условия порабощения, когда сдавать Землю, как обещали угнетать. Римма, старая приятельница Удалова, которую не любит Ксения, всё пыталась узнать, как пришельцы её обесчестят. А если обесчестят, то будет компенсация или только для удовольствия.

К обеду накопилось тысячи две пожертвований, а паники в городе всё не было. Удалов, который нервничал, относил это спокойствие за счёт фатализма: ведь куда убежишь – Земля круглая и проиграна целиком.

Тогда Удалов пошёл в горсовет, но там было закрыто – все уехали в Вологду на курсы менеджеров. В горвоенкомате сочувствие выразили, бывший полковник Иван Потапыч решил пожертвовать собой, взял учебный автомат, с дыркой, вызвался сопровождать Удалова на последний бой.

В последний момент присоединился Пупыкин. Принёс с собой недопитую бутылку. Выпили и втроём пошли в лес.

Шли пешком до самого озера Копенгаген. Любопытных, что увязались следом, Удалов шуганул обратно – в предстоящем бою может задеть случайной пулей. В шесть сорок добрались до старой лесосеки.



Тут и спустилось летающее блюдце. Медленно и зловеще открылся люк. В нём появился главный пришелец. В руке он держал бластер. За его спиной ещё пришельцы, тоже вооружённые, так что наши оказались в меньшинстве, но не отступили.

– Погоди стрелять, – сказал пришелец. – Может, договоримся. Мы согласны на денежную компенсацию.

Удалов показал банку из-под растворимки. Пришелец пересчитал деньги.

– Мало, – обиделся пришелец.

– Я сам понимаю, что мало, – сказал Удалов. – Но вот мы решили сопротивляться до последней капли.

Он показал на спутников. Спутник был один, Иван Потапыч с учебным автоматом. Пупыкин уже убежал.

– Так мы не согласны, – сказал пришелец. – Давай сюда сколько есть, автомат и живите как хотите. Мы к таким больше прилетать не будем.

И пришелец повернулся, чтобы уйти.

И в этот момент раздались громкие крики и топот многих тысяч ног. Удалов понял: народ поднялся на борьбу, хоть и поздно, но бежит сопротивляться.

– Не надо, граждане! – закричал Удалов, оборачиваясь к толпе сограждан. – Они улетают! Мы победили!

Но тут случилось непредвиденное. Ревущие толпы гуслярцев отрезали пришельцев от корабля. Девушки размахивали плакатами «Обесчести меня, пришелец!» и ещё «Я готова, я всё отдам!». Пенсионеры кричали: «Унизьте нас пенсией, оскорбите нас сыром и колбасой!» Кооператоры волокли торты, на которых кремом было выведено: «Кушай нас, угнетатель, мы вкусные и дешёвые!» Вся эта толпа громко, утробно, зловеще скандировала:

– Спóнсора! Спóнсора! Спóнсора!

Люди начали хватать пришельцев и кидать в воздух. Некоторые качали и Удалова с криками:

– Спасибо, что ты нашёл нам спонсоров!

Удалов взлетел в небо рядом с главным пришельцем.

– Странные люди! – крикнул пришелец.

– И я не ожидал! – согласился Удалов.

Когда их снова подкинули, Удалов крикнул:

– Мне обидно!

– Почему?

– Мы, русские, очень свободолюбивый народ.

– Я и вижу! – крикнул в ответ пришелец, но тут их с Удаловым уронили на землю и забыли, потому что в корабле открылся товарный люк и землян начали унижать жалкими подачками ширпотреба.

– А я не возьму! – сказал Удалов, поднимаясь с травы. – Умру с голода, босой и голый, но не продам свободу.

– Это ты брось, – рассердился пришелец. – Ты теперь порабощённый. Забудь о воле.

И Удалов, последний свободный человек в Гусляре, глотая слёзы, сдался и унизил себя банкой чёрной икры.

ТИТАНИЧЕСКОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Удалов вошел в кабинет к Николаю Белосельскому. Вернее ворвался, потому что был вне себя.

– Коля! – воскликнул он с порога. – Я больше не могу.

Предгор Белосельский отложил карандаш, которым делал пометки на бумагах, пришедших с утренней почтой, ласково улыбнулся и спросил:

– Что случилось, Корнелий?

Когда-то предгор учился с Удаловым в одном классе, и их дружеские отношения, сохранившиеся в зрелые годы, не мешали взаимному уважению и не нарушали их принципиальность.

– Я получил сегодня утром восемь новых форм отчетности, четыре срочных анкеты по шестьсот пунктов в каждой, не считая сорока трех прочих документов и инструкций.

С этими словами Удалов поставил на стол предгора объемистый портфель, щелкнул замками, наклонил, и гора бумаг вывалилась на стол.

– Ну, чем я могу тебе помочь, – вздохнул Белосельский, который сразу все понял. – Я сам завален бумагами – работать некогда.

– Так мы перестраиваемся или не перестраиваемся? – спросил Удалов. – Неужели ты не понимаешь, Коля, что бюрократы нас скоро погребут под бумагами? Бумаги нужны им для того, чтобы оправдать свое бессмысленное существование. А мы терпим.

– Мы боремся, – сказал Белосельский. – Три дня назад мы уговорили горагропром сократить на шесть процентов квартальную отчетность. После долгого боя они согласились.

– Ну и что?

– А то, что оставшиеся девяносто четыре процента они увеличили втрое в объеме.

– Надо разогнать, – сказал Удалов.

– Мы не можем разогнать, – сказал Белосельский. – Все наши организации подчиняются вышестоящим организациям, а все вышестоящие организации подчиняются очень высоко стоящим организациям, и так до министерств...

– Тогда подаю заявление о пенсии, – сказал Удалов. – Я уже три дня не был на стройплощадке. У меня рука сохнет.

– Так не пойдет, – сказал Белосельский. – Своим капитулянтским шагом ты лишаешь меня союзников. Мы должны думать, а не плакать.

– Тогда думай! – закричал Удалов. – Тебя же для этого сделали городским начальником.

– Если бы я знал! – с тоской произнес Белосельский и, подойдя к окну, вжался горячим лбом в стекло. Ему хотелось плакать.

– Простите, друзья, – раздался голос от двери. Там стоял незаметно вошедший в кабинет профессор Лев Христофорович Минц.

– Заходите, Лев Христофорович, – откликнулся Белосельский. – Беда у нас общая, хоть от вас и далекая.

– Я все слышал, – сказал Минц. – Но не понимаю, почему такая безысходность?

– Бюрократия непобедима, – ответил Белосельский.

– Вы не правы, – сказал Минц. – К этой проблеме надо подойти научно, чего вы не сделали.

– Но как?

– Отыскать причинно-следственные связи, – пояснил профессор. – К примеру, если я собираюсь морить тараканов, я первым делом выявляю круг их интересов, повадки, намерения. И после этого бью их по самому больному месту.

– Так то же тараканы! – сказал Удалов.

– А тараканы, должен вам сказать, Корнелий Иванович, не менее живучи, чем бюрократы.

– Что же вы предлагаете? – спросил Белосельский.

– Я предлагаю задуматься. В чем сила бюрократа?.. Ну? Ну?

Друзья задумались.

– В связях, – сказал, наконец, Белосельский.

– В нежелании заниматься делом, – сказал Удалов.

– Все это правильно, но не это главное. Объективная сила бюрократии заключается в том, что она владеет бумагой. А бумага, в свою очередь, имеет в нашем обществе магическую силу. Особенно, если она снабжена подписью и печатью. При взгляде на такую бумагу самые смелые люди теряют присутствие духа, цветы засыхают, заводы останавливаются, поезда сталкиваются с самолетами, писатели, вместо хороших книг, пишут нужные книги, художники изображают на холстах сцены коллективного восторга, миллионы людей покорно снимаются с насиженных мест и отправляются в теплушках, куда велит бумага...

– Понял, – перебил профессора Удалов. – Нужно запретить учить будущих бюрократов читать и писать. Оставим их неграмотными!

– Они уже грамотные, – сказал Белосельский. А Минц добавил:

– К тому же, бюрократами не рождаются. Ими становятся. И опять же, по велению бумаги. Потому я предлагаю лишить нашу бюрократию бумаги!

– Как так лишить? – удивился Белосельский.

– Физически. Не давать им больше бумаги. А не будет бумаги, им не на чем будет писать инструкции и запреты, а вам не на чем будет составлять для них отчетность.

– Но как?

– Вы не можете закрыть все учреждения, вы не можете выгнать бюрократов на улицу. Но в вашей власти отказать им в бумаге. Вся власть Советам!

Слова мудрого Льва Христофоровича запали Белосельскому в душу. Не сразу, а собрав вкруг себя сторонников, обдумав процедуру, он издал указ, радостно встреченный всем населением.

«Отныне и навсегда ни одно учреждение города Великий Гусляр не имеет права держать в своих стенах никакой бумаги, кроме туалетной и предназначенной для написания заявления об уходе (по листку на каждого чиновника)».

Мы не будем описывать здесь, как сложно было перекрыть доступ бумаге в учреждения и конторы, как хитрили и изворачивались руководители этих контор, как пришлось ставить добровольцев на городских заставах, чтобы пресечь контрабанду бумаги из области и даже из Москвы. Но если народ решил, то народ справится!

Бумажный поток был перекрыт. Город вздохнул свободно. Бравые патрули перехватывали врывающийся в город поток бумаг и тут же сдавали в макулатуру. Уже через две недели на эту макулатуру каждый житель города получил по книге Дюма и собранию сочинений писателя Пикуля.

С каким наслаждением шел утром на работу Корнелий Удалов, а также все его сограждане! Они были уверены, что никто не будет отвлекать их от созидательного труда. А производительность этого труда между тем резко возросла.

Учреждения затаились. В их недрах шли бесконечные совещания, но так как протоколы приходилось вести на туалетной бумаге, они оказывались недолговечными, и наутро приходилось совещание повторять, так как совещание, не оформленное протоколом, считается недействительным.

Удалов с Белосельским со дня на день ждали светлого момента, когда откроются двери Горснаба, Горстата, Горотчета, Горпромпроса, Горплана и других контор, откуда выйдут сотрудники и сотрудницы, чтобы сдаться на милость победителей и перейти наконец к станкам, больничным койкам, классным доскам и прочим местам, где так не хватает людей. Но двери не открывались.

Прошла неделя. И вдруг Удалов, проходя по Пушкинской, увидел скромное объявление. Оно звучало так: «Горотчету на постоянную работу требуются каменщики, ткачи, вышивальщики, граверы и чеканщики. Оплата по ставкам ведущих экономистов, тринадцатая зарплата гарантирована».

Сердце тревожно забилось. Но еще тревожней стало Удалову, когда он на следующей улице увидел такое же объявление, вывешенное Горпромпланом.

Худшие подозрения Удалова подтвердились в тот же день. Примерно за час до обеда к нему в контору вошли три дюжих молодца. Они волокли большую гранитную плиту. На плите были тщательно выбиты буквы:

ИНСТРУКЦИЯ
ПО УЧЕТУ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ АРМАТУРЫ
В ПЕРЕСЧЕТЕ НА ПОГОННЫЕ МЕТРЫ И КУБИЧЕСКИЕ САНТИМЕТРЫ.

Для служебного пользования.

Срочно.

Ответ предоставить в течение 24 часов под личную ответственность.

Молодцы поставили плиту к стене. Солнце, заглянувшее в комнату, осветило своими теплыми лучами глубоко выбитые строчки.

– Распишитесь в получении, – сказал один из молодцов, протягивая Удалову медный лист и молоток с долотом. – Вот тут выбейте свою фамилию.

До обеда Удалов выбивал по меди свою фамилию. А из соседних фабрик, контор, магазинов и учебных заведений ответно постукивали молотки – руководители и директора расписывались в получении инструкций.

Вместо обеда Удалов кинулся к Белосельскому.

Тот был в трауре: стены его кабинета были заставлены разного рода каменными плитами, медными и железными листами, на столе лежали грудой шелковые и хлопчатобумажные свитки с вышитыми на них запросами, жалобами, анкетами и рекомендациями.

Посреди кабинета стоял профессор Минц и сдержанно улыбался.

– Ну, что вы улыбаетесь! – завопил Удалов с порога. – Они нас победили! Лучше я буду расписываться на бумаге, чем, как египетский раб, выбивать свою фамилию на твердых предметах.

– Не падайте духом, Корнелий, – произнес Лев Христофорович. – И вы не падайте, товарищ Белосельский. Враг пошел на последние, крайние меры. Значит, он слабеет.

– Да вы посмотрите в окно, – сказал Николай. – Отсюда видно – они беспрерывно куют и вышивают! Они все при деле! Они расширяют штаты.

– А мы хитрее, – сказал Минц. – На прошлом заседании вы отказали в создании кооператива гранильщиков, кооператива вышивальщиц, артели чеканщиков?

– Мы не отказали. Мы перенесли вопрос на будущее, потому что не были подготовлены нужные бумаги.

– Вот именно! Бумаги! А теперь у нас нет бумаг!

– А как же...

– И ты туда же, Коля? – строго спросил Удалов.

Лицо Белосельского озарила лукавая усмешка.

– Верочка! – позвал он секретаршу. – Вы можете вызвать ко мне председателей всех кооперативов? Сейчас. Спасибо.

Через час, без единой бумаги, оперативно и решительно в городе были организованы кооперативы чеканщиков, гранильщиков, каменщиков, вышивальщиц и прочие добровольные организации, готовые внести свой вклад в развитие экономики и заработать при этом больше, чем могли заплатить городские учреждения, даже с учетом тринадцатой зарплаты.

Бюрократия лишилась рабочих рук.

Прошло еще пять дней. Жизнь в городе текла спокойно. Новые инструкции не появлялись.

Утром во вторник Удалов сказал жене Ксении:

– Ксюша, наша титаническая борьба с бюрократией кончилась в нашу пользу. Бюрократия потерпела поражение!

Тут из другой комнаты вышел сын Удалова, подросток Максимка.

– Папа, – сказал он. – Мы в поход не пойдем.

– Почему же? – удивился Корнелий. – Ты же так готовился.

– Вчера приходил к нам один дядя из Горпромплана и всем нам предложил заработать.

– Вам? На каникулах?

– Папа, – сказал Максимка. – Ты совершенно не следишь за дискуссиями о просвещении. Пора, наконец, приблизить школу к жизни. Наше образование находится в критическом положении. Я не хочу быть недорослем! Мой сверстник в Соединенных Штатах зарабатывает на каникулах сотни и даже тысячи долларов, разнося молоко и газеты!

– Остановись! – закричал Удалов. – Все стали образованные! Иди, зарабатывай. Но честным трудом!

– Я понял, папа, – сказал Максимка, – если мне предложат что-то бесчестное, я откажусь, даже если на эти деньги я мог бы купить мотороллер.

Вечером они встретились с сыном за ужином.

– Ну что, сынок? – спросил Удалов.

– Очень интересная идея, – ответил Максимка. – Все мы будем работать курьерами.

Удалов искренне рассмеялся.

– Какими же вы будете курьерами, если бумаг нету?

– А мы и будем бумагами, – ответил сын. – Каждый из нас получает номер. Я, например, исходящий 18–24 от 14 июня. Состою из шестидесяти пунктов, и завтра с утра направляюсь в область.

– Не выйдет, – ответил Удалов, все еще не в силах поверить в дьявольскую выдумку Горпромплана. – Ты не запомнишь все пункты.

– Запомню, – улыбнулся подросток.

Он вытащил из кармана длинную тонкую веревку, от которой отходили короткие веревочки со множеством узелков.

– Письмо туземцев майя, – пояснил он отцу. – Докладывая мое содержание, я пользуюсь этим письмом как подсказкой. Показать?

– Ну... – неуверенно сказал Удалов.

Максимка встал в позу, потянул пальцами конец веревки и монотонно заговорил: «Исходящий 18–24 от 14 июня. В областное управление Главпромпланстройкомплекта заместителю подзаведующего сектором вторичного учета товарищу Богаткину Гы Мы...»

– Хватит, – махнул рукой Удалов. – Сдаюсь. Боюсь только, что они там тебя заприходуют, пришьют к делу, положат на полку и забудут покормить.

Сын только отмахнулся. Он ходил по комнате, перебирал пальцами веревочки и тихо бубнил.

Наутро Удалов, проходя мимо открытых окон Горучетинспекции, услышал доносящееся оттуда бормотание. Он остановился, заглянул внутрь. Перед начальственным столом стояла девчушка, лет десяти, и послушно повторяла за начснабом Лапкиным, которого Удалов давно знал: «Пункт третий: поручить руководителям нижних управленческих звеньев... Не упадочнических, а управленческих, девочка! Если не запомнишь до обеда – лишишься компота».

На автобусной остановке, в ожидании машины в область, томилось два десятка школьников с веревочками в руках...

Трое юношей и первоклассник в очках ждали Удалова в конторе.

Они были вежливы, но настойчивы. Удалову пришлось выслушать их тексты и послания соответствующих организаций. Затем Удалов покорно спросил:

– А где расписываться в получении?

– Если есть круглая печать, – ответил один из ходячих документов, – ставьте мне на лоб.

– На лоб?

– Разумеется, чтобы видно было.

Удалов улыбнулся. Он достал из стола круглую печать, густо намазал ее чернилами и злорадно припечатал круглые лобики детей.

– Пускай теперь вас папы с мамами отмывают! – сказал он.

Но когда подошел к очкастому первокласснику, рука его не поднялась.

– А еще куда можно? – спросил он.

Мальчик протянул ему ладошку. И Удалов припечатал ладошку.

Весь день по городу шастали входящие и исходящие. У некоторых детишек на лобиках стояло уже по три-четыре печати. А на щеках были подписи фломастерами.

Удалов перестал улыбаться.

А когда вечером вернулся из города усталый Максимка, лоб и щеки которого были густо разукрашены штампами и печатями, он собственноручно, несмотря на громкие вопли мальчика, который лишался честно заработанных денег, отмыл его в ванной так, что только кожа не слезла.

Впрочем, та же сцена повторилась во многих домах, что сильно обесценило детей в качестве документов.

А на следующий день после короткого и бурного совещания в Гордоме все дети города были отправлены в палаточный лесной городок, который мгновенно выстроили родители.

– Ну вот, вроде и все, – сказал Удалов еще через день.

Ему только что позвонил Коля Белосельский, который сообщил, что к нему прорвались курьеры из области. Один принес инструкцию, вырезанную из березовых листьев, второй прямо в кабинете снял майку и показал письмо, написанное на его животе. Следовательно, в других городах и даже в области почин великогуслярцев был подхвачен.

– Титаническая борьба подошла к концу, – сказал Удалов жене, уходя на службу.

– Ты мне это уже говорил, – ответила Ксения. – Погоди, они еще не сдались.

Удалов только отмахнулся от пророческих слов супруги.

Светило солнце, пели птицы, впереди гудели автомобили.

На центральной площади города, обширной и заасфальтированной, что-то происходило.

Машины и автобусы, которые намеревались было пересечь площадь, вынуждены были остановиться.

Туда, на площадь, чиновники из различных учреждений, здания которых и окружали площадь, выносили свои столы. Сотни столов, тысячи столов...

Руководители учреждений и контор, руководствуясь планчиками, нарисованными на клочках туалетной бумаги, указывали, где ставить столы.

Удалов остановился на краю площади среди зевак, стараясь понять, что же замыслила гибнущая бюрократия.

Постепенно стал вырисовываться рисунок, согласно которому устанавливались столы. В сумме они составили три громадные буквы:

«SOS»

Затем по команде сотрудники уселись за столы и стали смотреть в небо.

Удалов тоже посмотрел в небо. Небо было голубым и пустым.

– Чего вы хотите? – спросил он у ближайшего чиновника.

– Нам не объясняли, – ответил тот. – Сказали, чтобы сидеть и ждать. Начальству виднее.

Начальство с Удаловым разговаривать не стало.

Удалов поднялся к Белосельскому. Белосельский был встревожен. Они стояли у окна, и буквы «SOS» были отлично видны.

Подошел Минц.

– Глупо, – сказал он. – Если они надеются на область, то там идут те же процессы.

– Знаю, – сказал Белосельский. – По всей стране идут процессы. Но все равно на сердце тревожно.

И в этот момент сверху послышался ровный нарастающий гул.

Темные быстрые тени мелькнули над площадью.

Одна за другой между буквами тревожного послания опускались летающие тарелочки. На них были опознавательные знаки, которые были Удалову знакомы.

– Эта с Альдебарана, – сказал он, глядя, как открывается люк, и из первой тарелочки выходят трехногие зеленые пришельцы с портфелями. – А это с Альфы Водолея.

Из второй тарелочки выползли крабовидные существа в черных костюмах.

Вот открываются люки в третьей, пятой, двадцатой тарелочках...

Один из пришельцев, крупного размера, с четырьмя щупальцами, вынул из-за пазухи микрофон, и его голос раскатился над площадью:

– Дорогие братья! Узнав о том, в каком катастрофическом положении вы находитесь, и увидев ваш сигнал бедствия, мы по зову сердец откликнулись на вашу беду. Мы, представители могучих организаций и учреждений Альдебарана, Сириуса, Паталипутры и многих других разумных миров, доставили нашу скромную помощь. Вы не одиноки, друзья и коллеги!

Под аплодисменты гуслярских чиновников пришельцы стали выносить из тарелочек толстые стопки бумаги, копирки, ксероксы, новенькие печатные машинки...

Чиновники смирно и деловито выстраивались в очередь, и каждый из них получил достаточно бумаги, чтобы завалить Удалова с головой.

– Да, – сказал Минц, – мы потерпели поражение.

– Титаническое поражение, – сказал Удалов.

Белосельский не выдержал. Он заплакал.

– Коля, – сказал Удалов, кладя руку на плечо другу. – Не падай духом. И на Альдебаране мы с тобой отыщем союзников.

– А они... они... из соседней Галактики...

– Мы и до соседней Галактики доберемся.

КОВАРНЫЙ ПЛАН

Новые веяния в спорте порой определяются капризами моды, порой истинной логикой его развития. Поглядите на старые фотографии: пловцы в полосатых купальных костюмах по колено, фигуристки в длинных платьях и шляпах – зрелище странное для нашего взора, но объяснимое. Времена меняются. Меняются нравы и моды, и не всегда к худшему. Но длина футбольных трусов на качество паса не влияет. А вот, к примеру, фибергласовый шест для прыжков или тартановая дорожка – это уже следствие прогресса, а не моды. Но, вообще-то говоря, спорт – явление консервативное. Что принципиально нового появилось в нем за последние десятилетия? Стиль плавания

«дельфин»? Дельтапланы? Ну еще два-три события... Так что в этом направлении творческой мысли есть где разгуляться. Скорее всего с помощью науки и техники. А что, если оглянуться в прошлое? Может, и там можно заимствовать что-нибудь полезное?

Надо сказать, что мыслители, ломающие себе голову над подобными проблемами, живут не только в столицах. Например, в городке Великий Гусляр, что затерялся в северных лесах, есть такой интересный человек Стропилов из местного отделения общества «Труд». Сам он бывший борец, силач, активист, всегда куда-то спешит и что-нибудь изобретает. Не ради славы, а ради максимального охвата физкультурой и спортом жителей Великого Гусляра.

И вот именно с ним случилась трагедия, о которой надо рассказать. И случилась в момент осуществления его заветной мечты.

Стропилову давно хотелось возродить некоторые российские традиции.

И он придумал вот что.

Еще тысячу лет назад в русских поселениях было принято собираться по праздникам большими компаниями и идти «стенка на стенку». Деревня на деревню, улица на улицу.

Такие кулачные бои были неоднократно описаны в художественной литературе.

Сначала соперничающие группы выстраивались одна против другой. Они начинали дразнить соперников, обидно шутить над их физическими недостатками и моральным уровнем. Тем временем из рядов бойцов выбегали мальчишки и затевали быстрые схватки. Затем, когда атмосфера накалялась, в дело вступали взрослые, и бой шел до тех пор, пока одна из сторон не пускалась в бегство. В таких боях бывало немало синяков, ссадин, а то и поломанных ребер. И естественно, что с развитием более цивилизованных видов спорта эти бои канули в историю.

Стропилов, одержимый желанием обогатить спорт, решил возродить древнюю традицию, но на новом уровне. Первым делом он решил назвать кулачные компании командами, что сразу придает драке спортивный характер. Затем он предложил снабдить членов команд защитными жилетами и боксерскими перчатками во избежание травм и, что самое главное, придумал название спорту: «колбокс», то есть коллективный бокс, а самих спортсменов предложил называть колбоксистами.

Первые письма, которые он рассылал на эту тему по спортивным клубам, большого впечатления не произвели. Клубы и федерации были заняты распространением бадминтона, тенниса и метания диска. Но, как известно, капля камень точит. А Стропилову нельзя отказать в определенных дипломатических данных.

Однажды, когда в городе проходила школьная эстафета, и на нее приехали спортивные деятели из области, Стропилов у самого финиша, куда подбегали школьники, выстроил разделенную на две партии городскую боксерскую секцию, одетую в русскую одежду шестнадцатого века, но в боксерских перчатках. Две нестройные линии бояр, помахивая черными толстыми перчатками, пересекали площадь. По знаку Стропилова между линиями появились воспитанники городского детского сада, которые начали дразнить взрослых по написанному и заверенному в гороно сценарию. Затем, когда Стропилов махнул белым платком, молодые талантливые боксеры двинулись вперед. Бой получился нешуточным, веселым, чему способствовали длинные одежды участников и их неумение выступать в коллективе.

Сначала спортивное начальство стояло, широко открыв глаза и ничего не понимая, но по ходу боя оно увлеклось, и товарищ Плетнев из Вологды лично бросился в гущу схватки, забыв, что у него нет перчаток, и был нечаянно нокаутирован, но не обиделся.

После первого удачно проведенного боя Стропилов решил, что путь новому виду спорта открыт и скоро его включат в программу олимпийских игр. Гуслярская боксерская секция выезжала в полном составе в поселок Пьяный Бор, где сражалась на городской площади с местными боксерами и победила по очкам. Постепенно увлечение колбоксом распространилось далеко за пределы района, и наступило время созвать в Великом Гусляре первые областные соревнования.

Соревнования должны были начаться в пятницу 6 июля.

Но они не начались.

Нет, колбоксисты из других городов и сел не игнорировали соревнований. Все они приехали. Их разместили в общежитии речного техникума. Но в назначенный час на площадь, окруженную народом, пришли лишь колбоксисты Великого Гусляра.

Они шумно разминались на площади, притопывая сафьяновыми сапожками и сдвинув лихо на затылок высокие шапки.

Их соперники не пришли.

Тогда встревоженный Стропилов послал гонцов в общежитие. Гонцы не вернулись.

Стропилов послал других, более ответственных гонцов.

Гонцы не вернулись.

Зрители возмущались и постепенно расходились с площади.

Так как у Стропилова не оставалось более гонцов, он отправил за гостями своих колбоксистов.

Ни один из них не вернулся на площадь.

Отчаявшийся Стропилов закрыл соревнования и сам пошел искать пропавших.

Чувствуя неладное, он в общежитие не вошел, а принялся кричать с улицы.

Через несколько минут из окна высунулся его заместитель Бегунков и сказал:

– Стропилов, не отвлекай.

После этого окно закрылось.

Стропилов предпринял попытку проникнуть в общежитие. Но дверь была заперта.

Тогда Стропилов, отличавшийся силой воли и тела, забрался в окно второго этажа и проник в комнату, где скопились колбоксисты.

Все они были заняты странным делом.

Каждый держал в руках шар размером с помидор. Шары казались перламутровыми – они переливались и меняли цвет. Молодые люди задумчиво крутили шары, вид у них был отстраненный.

– Что происходит? – спросил Стропилов, пытаясь владеть собой.

Один из гостей города протянул ему лишний шар и сказал:

– Создай узор.

Стропилов пригляделся и понял, что колбоксисты решают какую-то головоломку. Надо было ухватить смысл переливчатости красок, направить по нужному пути, чтобы получился узор, необъяснимый, но несказанно приятный для взора.

Стропилов попробовал... Когда спохватился, обнаружил, что провел за этим занятием более двух часов. Осознав, сунул шар в карман и попытался привлечь внимание колбоксистов. Он соблазнял спортсменов ужином, грозил порицанием, пытался отобрать шары. Последнее было ошибкой, потому что боксеры умели сопротивляться.

С синяком под глазом, возмущенный и подавленный, Стропилов покинул общежитие, борясь с желанием вынуть из кармана шарик. Чувство долга позволило ему отказаться от этой мысли и добежать до дома N 16 по Пушкинской улице.

– Где профессор? – спросил он у жильцов дома, игравших во дворе в домино.

– Дома, – сказал начальник стройконторы Корнелий Удалов. – Что случилось?

Не ответив, Стропилов взбежал по лестнице и оказался в кабинете профессора Льва Христофоровича Минца, великого изобретателя и ученого, временно проживающего в Великом Гусляре.

Корнелий Удалов бросил домино и поднялся вслед за Стропиловым к профессору. Он был встревожен: Стропилов не такой человек, чтобы из-за пустяков носиться по городу.

Сбиваясь, запинаясь, Стропилов изложил как мог профессору Минцу свою беду.

– Поглядим, – сказал Лев Христофорович, взяв шар и подойдя поближе к свету. Соседи тоже двинулись к окну.

– Только осторожнее, – сказал Стропилов. – Не заразитесь.

Минц снисходительно усмехнулся: заразиться он не боялся.

– Значит, – сказал он, – принцип такой: создать композицию, чтобы зеленый был за красным, а синий переливался в оранжевый.

Профессор со свойственной ему проницательностью сразу ухватил принцип игры.

Руки его начали нежно и уверенно покачивать и вертеть шарик, краски внутри которого пришли в движение, завораживая зрителей. Прошло две минуты, три, пять...

– Нет, – сказал Корнелий Удалов, который глядел профессору через плечо. – Левее качай. Левее, говорю!

– Отстань, – сказал Минц.

Удалов ломал пальцы от желания участвовать в игре.

Стропилов глубоко вздохнул и насупился. Он понял, что и здесь ему помощи не дождаться.

Прошло еще полчаса. Профессор Минц уже был близок к завершению игры, но в этот момент Удалов не выдержал, вырвал у него шарик и принялся покачивать его, закрывая от прочих спиной.

Минц потряс головой, словно пытаясь избавиться от воды, попавшей в уши, потом неуверенно улыбнулся и сказал:

– Кажется, я увлекся.

– Знал бы я, – сказал Стропилов печально, – принес бы вам десяток. У них в общежитии этих шариков целая коробка.

– Но я не увлекся, – сказал Минц. – Разумный человек может устоять.

– А знаете, сколько времени прошло с тех пор, как я вам этот шарик всучил? – спросил Стропилов.

– Минута... может, две.

– Полчаса, – ответил Стропилов. Он не обвинял, не корил, он уже смирился с тем, что колбоксу не жить на свете.

Минц не сразу поверил в собственный промах. Но потом поглядел на часы и, как человек объективный, должен был признать, что не заметил, как пронеслись полчаса. И это его ужаснуло.

– Что плохо, – сказал между тем Стропилов, пытаясь отнять шарик у Удалова, – мои спортсмены не едят. Никто на обед не пошел.

Ему удалось пересилить Корнелия, и он спрятал шарик в карман.

– Эффект почти гипнотический, – сказал Минц. – Очень опасный эффект. А откуда эти шарики появились?

– Сам не представляю. Вчера их не было. Вчера мы гостей встречали, они обыкновенные были, перчатки примеряли, площадку изучали. Цветы от пионеров принимали. Все как положено.

– А утром исчезли?

– Утром исчезли. И все, кого я за ними посылал, тоже исчезли. То есть не совсем исчезли – сидят по комнатам, но для человечества они потерянные люди.

Удалов уже пришел в себя. Ему было стыдно.

– Я вам вот что скажу, товарищи, – заметил он. – Вчера по телевизору показывали первенство мира по кубику Рубика. Но шарик, скажу я вам, куда опаснее.

– И кому это нужно! – воскликнул Стропилов. – Кому это нужно!

– Вот именно, – подхватил Минц. – Об этом я и думаю. Хорошо, когда такие забавы возникают в мире капитализма. Там некоторым торговцам и магнатам выгодно, чтобы трудящиеся отвлекались от насущных проблем. Но кому это нужно в городе Великий Гусляр?

– Я сначала подумал на Мхитаряна, – сознался Стропилов.

– Это кто?

– Один человек. Он на межрайонном совещании заявил, что колбокс – его изобретение. Может, из зависти... а?

– Дайте сюда шарик.

Стропилов отдал шарик профессору. Удалов задрожал от желания отнять игрушку и убежать на чердак. И это было странно, так как Удалову уже исполнилось сорок восемь лет.

– Где же, позвольте вас спросить, – рассуждал Минц вслух, – ваш друг Мхитарян мог изготовить такой шарик? Он где обитает?

– В Потьме.

– Это крупный индустриальный центр?

– Ну что вы, Лев Христофорович!

– Я пошутил. Всем ясно, что в Потьме эти шарики не делают. Значит, будем искать дальше.

– Может, это... шпионы империализма? – спросил Удалов неуверенно.

– Конечно, колбокс – угроза серьезная, – сказал Минц. – Но вроде бы шпионов у нас в последние годы не бывало. Так, Удалов?

– Шпионов-то не бывало, – ответил Корнелий... – но есть у меня одно подозрение.

Он подошел к открытому окну и громко, на весь двор, спросил:

– Эй, соседи, что подозрительного и необыкновенного случилось за последние дни в нашем городе?

Из различных окон выглянули головы соседей.

– Вроде ничего, – сказала Гаврилова.

– Золотых рыбок в зоомагазин привозили, – сказал Василь Васильевич, который по приказу супруги развешивал во дворе белье. – Они желания исполняли.

– Это давно, это в прошлом году, – отрезал Удалов. – Еще что было? Думайте, думайте!

– Крокодила в озере Копенгаген видели, – сказал кто-то.

– Крокодил нас сейчас не интересует.

– Вулкан на Грязнухе! – крикнул снизу Саша Грубин.

– Нет, не годится!

– Дядя Корнелий, – сказал подросток Гаврилов, выключая магнитофон. – Мне ребята говорили, что за слободой вчера утром космический корабль приземлился. Инопланетный.

– Тоже невидаль! – рассердилась мама подростка. – Корнелий же спрашивает: что необычайного? А ты – космический корабль. Да мало ли их у нас приземляется! На весь мир этим прославились.

– Вчера говоришь? – спросил Удалов. – А пришельцы из него вылезали?

– Ребята видали. Говорят, один обыкновенный, на трех ногах, зеленый.

– Корнелий Иванович, – Минц крепко обнял Удалова. – Я преклоняюсь перед вашей логикой. Пошли немедленно.

– Куда? – не понял Стропилов.

– К космическому кораблю. Девяносто процентов за то, что шарики привезены к нам из космического пространства.

– Зачем же? – Стропилов все еще не мог понять. – Пришельцы, как известно, прилетают на Землю по поводу братской дружбы и обмена опытом. Зачем пришелец с какой-нибудь отдаленной звезды будет нам подсовывать шарики?

– А если он наивный? – спросил Удалов. – А если он думает, что он нас развлекает? Ты же знаешь, какие отсталые бывают гости из космоса...

И они все вчетвером отправились в лес за слободу, где мальчишки видели космический корабль.

Корабль стоял на полянке. Был он обыкновенный, в форме летающей тарелочки.

На стук из люка выглянул пришелец. Он был и в самом деле зеленым, худеньким, сутулым, на трех ногах. Что-то в его лице, скрытом за черными очками, было зловещее. Другими словами, он отличался от прочих, мирных, добрых, по-братски настроенных пришельцев, которые чаще всего прилетали на Землю.

– Зачем побеспокоили? – спросил пришелец недружелюбно.

– Здравствуйте, как вам у нас нравится? – сказал в ответ Удалов, считавший, что независимо от обстоятельств следует проявлять вежливость к гостям.

– Пока не нравится, – сказал пришелец. – Надеюсь, скоро будет лучше.

Наступила пауза. Пели птички, в черных очках пришельца отражались кучевые облака.

Корабль стоял на полянке. Был он обыкновенный,
в форме летающей тарелочки.

– Зачем пожаловали? – спросил Удалов. – С культурными целями или просто из любопытства?

– Просто мы не летаем, – сказал пришелец. – Готовлю завоевание Земли.

Цинизм пришельца объяснялся, видимо, тем, что он ощущал себя высшим существом, а людей – туземцами.

Стропилов осознал это и потому решил обойтись без околичностей. Он достал из кармана переливающийся шарик и спросил:

– Это вы сюда привезли?

– Мой шарик, – признался пришелец.

– Зачем? – спросил Минц.

– Знаете и без меня, – ответил пришелец. – С целью покорения Земли.

– А ведомо ли вам, – рассердился Стропилов, – что вы сорвали межрайонные соревнования по колбоксу?

– Ведомо, – сказал пришелец.

– Но если вы готовите завоевание Земли, что само по себе аморально, – сказал Лев Христофорович, – зачем же вам было направлять первый удар против спортсменов-колбоксистов?

– Проще простого, – сказал пришелец, спрыгивая на траву. – Для того чтобы подорвать боевой дух землян, мы должны в первую очередь ликвидировать их интерес к спорту, к подвижной многогранной физической деятельности. Нам нужны безвольные, малоподвижные, слабые духом и телом туземцы. В таких мы и хотим вас превратить.

– Так завоевывали бы просто, – заметил Удалов. – Честно. Мы бы сразились с вами один на один.

– Ничего не выйдет, – сказал пришелец. – Тогда вы наше вторжение наверняка отразите. А вот если в момент вторжения все жители Земли будут раскладывать кубики или вертеть в руках шарики, они просто не заметят завоевания.

– Это, простите, бесчеловечно! – воскликнул Удалов.

– Может быть, – согласился пришелец. – Но, во-первых, мы не люди, а во-вторых, если человечество так легко может поддаться на нашу провокацию, то оно недостойно быть свободным. Соревнования колбоксистов мне показались идеальным полигоном для испытания нового способа нейтрализации человечества...

– Так, – произнес Минц, почесывая кончик носа. – Следует ли из всего вышесказанного сделать вывод, что история с перламутровым шариком не первая ваша попытка оболванить человечество?

– Не первая, – ответил пришелец, и зловещая улыбка растянула его тонкие синие губы.

– Например, кубик Рубика... – подсказал Минц.

– Правильно. Во сне гипнотическим путем мы подсказали такое решение венгерскому изобретателю. К сожалению, значительная часть населения вашей планеты не захотела крутить кубик. Тогда мы нашли новый наркотик такого рода. Считайте, что завоевание уже началось. Как только я доложу о нашем успехе, тысячи кораблей привезут сюда запасы шариков, и человечество спокойно вымрет. Люди перестанут пить, есть и размножаться. Они будут с утра до вечера крутить шарики...

– Я вас убью! – сказал тогда Стропилов.

– Я защищен силовым полем, – ответил пришелец. – К тому же на мое место придут другие. Встанут новые диверсанты.

– Мы сообщим в Москву! – сказал Удалов. – Вас выгонят с Земли.

– Попробуйте, – ответил пришелец. – Я знаю ваши обычаи. Приедет комиссия ученых, которая первым делом сделает вам выговор за то, что вы стоите на пути космического братства. Я же заявлю, что прилетел по программе культурного обмена, что я намерен внедрить на Земле новый вид спорта – шарик-тумарик с целью организовать межзвездные соревнования...

– Какой же это спорт, если люди будут вымирать от него?

– Пока комиссия разберется, – цинично ответил пришелец, – она сама вся вымрет. Я ведь каждому члену комиссии в подарок дам по шарику. У меня их на корабле около тысячи. Как только я погублю город Великий Гусляр, я займусь другими населенными пунктами, а также опубликую в журналах, как сделать этот шарик самому. Нет, простите, дорогие земляне, но вы обречены.

Стропилов вскочил, размахнулся и совершил поступок, совершенно неприемлемый с точки зрения космической дружбы. Он ударил своим кулачищем по лицу пришельца.

Ударил так, что разбил в кровь костяшки пальцев о силовое поле, которое даже не прогнулось.

– Кулаками делу не поможешь, – печально сказал профессор Минц.

– Не поможешь, – согласился Удалов. – Надо поднимать общественность.

– Поднимайте, – ответил пришелец. – Я всей общественности дам по шарику – и нет общественности.

С этими словами пришелец поднялся, исчез в корабле, а через несколько секунд возник снова в люке и кинул на траву несколько переливающихся шариков.

– Берите, пользуйтесь! – сказал он, усмехаясь.

Удалов потянулся было к шарику – уж очень он соблазнительно переливался. Но Минц схватил его за руку, а Стропилов подошел к шарикам и методично, один за другим раздавил их тяжелым башмаком. Шарики с треском лопались, и находившаяся в них неприятно пахнущая жидкость быстро впитывалась в землю.

– Безобразие! – кричал из люка пришелец. – Где же ваше хваленое русское гостеприимство? Вы не имеете права!

Никто ему не ответил. Люди понуро и подавленно побрели к городу.

Общежитие речного техникума, обиталище пятой колонны, было заперто. Изнутри не доносилось ни звука. Еще недавно отважные и сильные колбоксисты таились по углам и, забыв о еде и отдыхе, крутили шарики-тумарики.

– Это хуже алкоголя и наркотиков, – сказал Удалов.

– А за руку его не схватишь, – вздохнул профессор Минц.

– Это же зараза!

– Докажи, что зараза. Игрушка. Понимаешь, нам подарили игрушку.

– Товарищи, мы не можем опускать руки. Гибнут спортсмены. Славные ребята! – воскликнул Стропилов.

– Не знаю, просто не представляю. Очевидно, это первый случай в моей жизни, которому я не нашел противоядия, – вздохнул Минц.

– Тогда последний, – сказал Удалов. – Боюсь, что вам, Лев Христофорович, нового не представится, потому что человеческая цивилизация погибнет.

– Но возможны компромиссы, – сказал профессор. – В определенном смысле этот пришелец – цивилизованное существо. Значит, можно договориться...

– Договориться можно и с крокодилом, – сказал Стропилов. – Но сначала он вас скушает.

На этом и расстались.

Удалов не стал рассказывать о страшных событиях своей супруге – пожалел ее. Если настанет тяжкая година, Ксюша все равно узнает. Он был грустен, погладил по голове сына Максимку, а когда тот, почувствовав в отце слабину, попросил купить двухколесный велосипед, тихо сказал:

– Не быть тебе, сынок, спортсменом.

Ночью Удалов не спал. Думал, искал пути. Путей не было. Даже если удастся как-то выгнать пришельца, то он перелетит в другое место и продолжит свое черное дело. Или опубликует в популярном журнале статью «Сделай сам!». Люди слабы и любопытны.

Часов в пять утра он услышал за стенкой шаги: профессор тоже не спал. Робкая надежда посетила Удалова. Может, Минц что-нибудь придумал? Тогда Великий Гусляр и человечество спасены.

В абсолютной тишине Удалов услышал, как дверь в соседнюю квартиру открывается.

Удалов быстро спустил ноги с кровати, побежал на цыпочках к двери, отворил ее и выглянул в щель. Он увидел спину профессора. Что-то заставило Удалова промолчать. Он всей кожей ощутил, что Минц не хочет, чтобы его окликали.

Удалов вернулся в комнату, сунул ноги в ботинки и как есть, в пижаме, выбежал во двор. Минц уже был на улице. Он шел крадучись, что-то зловещее ощущалось в его походке. Минц пошел к лесу.

Раза два он останавливался, оглядывался, прислушивался, но Удалов успевал отпрыгнуть в глухую тень заборов.

Небо уже начало голубеть, на опушке леса запела первая птица, но под деревьями было еще совсем темно. Роса промочила пижамные штаны почти до колен, ботинки промокли и хлюпали. Удалов старался не чертыхаться, когда ударялся о торчащий корень или когда по лицу стегала еловая ветка.

Поляна, на которой находился корабль, была покрыта туманом. Минц постучался в люк корабля. Удалов замер в кустах. Трудно передать чувства, владевшие им. Всегда горько разочаровываться в людях. В друге – горько стократ.

Удары минцовского кулака далеко разносились по лесу.

Люк медленно открылся.

Заспанный пришелец, прилаживая на нос темные очки, выглянул в щель.

– Чего надо? – спросил он сварливо.

– Доброе утро, – произнес Минц заискивающим голосом. – Простите, что я побеспокоил вас так рано. Но мне не хотелось, чтобы меня увидели.

– Почему? – нагло спросил пришелец, шире приоткрывая люк и шаря глазами по поляне, видно в опасении подвоха.

– Потому, что настоящий ученый и цивилизованный человек должен уметь смиряться с неизбежным.

– Вам что, шарик дать? – спросил пришелец.

– Нет, – ответил Минц. – Я пришел вам помочь.

– Я не нуждаюсь в помощи. Я один справлюсь с вашей планетой.

– Я не сомневаюсь... – Удалову был отвратителен вид профессора Минца, трепещущего перед жалким диверсантом.

– Я не сомневаюсь, – промурлыкал Лев Христофорович. – Но есть возможность ускорить процесс покорения Земли.

«Сейчас я выйду и скажу ему: «Мерзавец! Предатель! Иуда!» – думал Удалов. Но здравый смысл уговаривал его остаться на месте.

Чем больше он услышит сейчас, тем лучше он будет подготовлен к последующей борьбе.

– Сомневаюсь, – сказал пришелец. – Какой из тебя толк? Сегодня ты предашь свою планету, завтра меня. Чего ты желаешь в обмен на помощь?

– Благодарности, – ответил Минц. – Нет, не сегодня, потом, когда Земля будет благополучно завоевана.

– Уж очень ты скор, – сказал пришелец.

– Я вам открою еще одну тайну, – быстро сказал Минц. – Я ученый. Мне нужна тишина для того, чтобы сосредоточиться. Я ненавижу шум и быстрое движение. Утром я включаю радио и слышу: «На зарядку становись!» Я выглядываю в окно и вижу, как с дикими криками молодые люди несутся по улице и называют это хулиганство эстафетой. Главная площадь запружена народом – все спешат на так называемый футбол... И тут еще это отвратительное изобретение Стропилова – колбокс! Представляете, насколько увеличится уровень шума и суеты в моем тихом городке?

Минц говорил страстно, голос его срывался, пришелец даже снял черные очки и внимательно приглядeлся к гладкому большелобому лицу профессора. А Удалов думал: «Нет, вы только подумайте, какое лицемерие! Еще вчера он доказывал мне, что движение «бегом от инфаркта» величайшее изобретение этого века. Не он ли на той неделе призывал к созданию секции моржей, предлагая соседям с наступлением зимы купаться в проруби? И вот, поглядите, какое гнусное перерождение!»

– В чем же твое предложение, ренегат? – спросил пришелец.

– Это тайна, – сказал Минц.

– Какие могут быть тайны от благодетеля?

– Мы должны договориться о гонораре.

– Ничтожный пораженец! – захохотал пришелец.

«Правильно охарактеризовал», – подумал Удалов.

– Ну что ж... – Минц повернулся и пошел прочь от корабля.

Пришелец смотрел ему вслед, ожидая, что тот обернется. Но Минц не оборачивался. Тогда пришелец крикнул:

– Ладно уж, заходи в корабль, посекретничаем!

Удалов только прицелился, чтобы перехватить Минца, но тот с неожиданной для его возраста и комплекции резвостью кинулся обратно к кораблю и исчез внутри.

Люк захлопнулся.

Было очень холодно и мокро. В носу свербело.

Удалов раздумывал, что делать дальше. То ли бежать звать Стропилова, то ли обратиться в милицию? Но что скажешь дежурному? Что уважаемый профессор Минц продался инопланетным пришельцам, которые с помощью головоломок стараются отвратить население планеты от спорта и труда? Да и бежать сейчас в город – значит вообще упустить последний шанс. Минц может скрыться...

В этих тяжелых мыслях Удалов провел несколько минут. Может, полчаса. Он думал так напряженно, что не замечал течения времени.

Совсем рассвело. Птицы пели, и летали насекомые. Комары кусали Удалова за мокрые ноги.

Наконец он принял решение. Он надумал взять корабль штурмом.

Удалов уверенно подошел к кораблю. Остановился. Сейчас он скажет: «Выходи, подлый изменник. Ты разоблачен. Следуй за мной...» Вроде звучит убедительно. Злодеи должны будут испугаться. Правда,

они могут и пристрелить разоблачителя. Но Удалов готов был даже и на это. Если его труп будет обнаружен возле корабля, милиция выполнит свой долг и заговорщикам несдобровать.

Удалов прислушался. Внутри корабля было тихо.

Удалов поднял кулак, размахнулся, потом сообразил, что он не дикарь, потому удержался и осторожно постучал в люк костяшками пальцев.

Никакого ответа.

Удалов еще раз постучал, громче.

Никакого ответа.

Тогда Удалов бухнул кулаком по люку так, что корабль содрогнулся и котельный гул покатился по лесу.

Люк распахнулся. В люке возник Минц.

– Выходи, подлый изменник! – воскликнул Удалов. – Ты разоблачен!

– Тишшше! – Минц прижал палец к губам. – Не отвлекай.

– Следуй за мной! – сказал Удалов.

– Одну минутку, – сказал тогда Минц. – Я иду. Не шуми, весь город перебудишь.

С этими словами Минц вновь исчез в корабле и, пока Удалов раздумывал, что ему делать дальше, вытащил к люку большой металлический контейнер и высыпал из него на мокрую траву тысячи шариков.

– Топчи, – сказал он. – Я тебе сейчас помогу.

Минц спрыгнул на землю, закрыл за собой люк и принялся топтать шары, которые лопались с легким треском.

– Ты чего, – спросил Удалов, топча шары и поглядывая с опаской на закрытый люк, – не боишься?

– Чего бояться? – спросил Минц, топча шары. – Борьба есть борьба.

– Сначала нас продал, потом его продал, а потом что?

– О военной хитрости слыхал когда-нибудь? – спросил Минц.

– Что-то я не видел военной хитрости в твоем поведении, Христофорыч.

– А чего же видел?

– Трусость, низкую подлость. Желание поторговаться.

– Видишь, как хорошо я сыграл роль. Даже ты не догадался. Значит, хитрость удалась. Ну ладно, вроде все шарики потоптали. Пошли домой, ты уже носом шмыгаешь. Не хватало еще, чтобы ты простудился.

Удалов вынужден был признать, что Лев Христофорович прав.

Они пошли домой.

Встало солнце. Парило, но было еще прохладно.

– А как он хватится? – спросил Удалов, которому хотелось верить в то, что профессор не предатель.

– Надеюсь, не хватится, – сказал Минц.

– Так расскажи же!

– Все гениальное просто. Нужна наблюдательность и острый, ясный ум. Такой, как у меня.

– Короче, Христофорыч!

– Куда уж короче. В общем, я при первой же встрече обнаружил, что пришелец – существо хилое, незакаленное. Сплошной сидячий образ жизни.

– Допускаю, – сказал Удалов. – И что же?

– Чего мы больше всего боимся? – задал Минц риторический вопрос. – Каждый на этот счет имеет свою точку зрения.

– Правильно, – сказал Удалов.

– Допустим, ты боишься кошек.

– Я пауков боюсь.

– И если ты боишься пауков, ты думаешь, что все должны бояться пауков.

– Нет, я так не думаю.

– Не перебивай, я упрощаю. Я хочу сказать, что мы всегда стараемся подсознательно или сознательно навязать окружающим свои проблемы. Я подумал, почему они нам предложили головоломку, да еще не одну, а с упорством, достойным лучшего применения, все время подсовывают нам то кубики, то шарики. Не оттого ли, что сами подвержены такой болезни?

– Ты думаешь, они сами...

– Только гипотеза, мой друг, только гипотеза. Но подумай, есть враждебная агрессивная инопланетная цивилизация. Хочет она покорить Землю. Другая бы цивилизация избрала для этого каких-нибудь микробов или лучи смерти. А эта – головоломки. Моя гипотеза потребовала проверки.

– Какой?

– Экспериментальной. Я нашел оружие против пришельца, но для того, чтобы его испытать, я должен был втереться к нему в доверие. А для этого мне нужно было проникнуть на корабль. В качестве кого?

– В качестве ренегата, – сказал Удалов.

– Правильно, мой друг. Как только придешь домой, немедленно переоденься.

– Дальше, Лев Христофорович!

– А дальше что? Дальше надо будить Стропилова, брать штурмом общежитие речного техникума и уничтожать те шарики, что еще находятся в руках неопытных и доверчивых спортсменов.

– Что за оружие? Скажи.

– Скажу, обязательно скажу. В свое время. Когда победим.

Тут начались первые дома города, на Удалова напал необоримый приступ насморка, и он страдал от него так, что даже в штурме речного техникума принимал лишь пассивное участие.

Минц выбрал для штурма раннее утро по двум причинам. Во-первых, город еще спал и не будет любопытных; во-вторых, большинство обессиленных спортсменов дремало, не выпуская из рук шариков.

Высадили дверь. Сломили вялое сопротивление тех, кто так и не заснул, уничтожили заразу. Потом Стропилов принялся кормить подростков глюкозой и отпаивать сливками.

Соревнования пришлось отложить на три дня, но тем не менее они прошли успешно. При большом стечении народа команды – по двадцать колбоксистов с каждой стороны – сходились, размахивая перчатками. Играли оркестры. Гуслярцы, конечно, победили.

И лишь после окончания соревнований Минц согласился открыть последнюю страницу тайны. Он пригласил Стропилова и Удалова посетить поляну с кораблем.

На поляне было тихо. Люк был закрыт.

Минц первым вошел в корабль, потом позвал друзей.

В кабине корабля пахло пылью и запустением. Пришелец сидел уронив голову на стол. Вокруг были разбросаны игральные карты.

Минц пощупал у него пульс и сказал:

– Наш враг обессилел.

После этого он подошел к приборам, пощелкал выключателями и нажал на соответствующие кнопки. Приготовил корабль к автоматическому взлету.

Они вышли на поляну.

Корабль стал медленно подниматься в небо.

– Что это было? – спросил Удалов, хотя уже знал ответ на вопрос.

– Пасьянс моей бабушки, – сказал Минц. – Она – единственная на Земле, у кого он складывался. Бабушка потратила на это шестьдесят лет. Я, при всей моей гениальности, решить его не смог. Я предложил его пришельцу как дополнительное средство одурманивания человечества, но умолчал о том, насколько сложно решить задачу. Через три минуты после моего прихода он уже не видел ничего кроме пасьянса. И, видно, болезный, не отрывался от него последующие четыре дня.

– А если он вернется? – спросил Удалов.

– Ну, во-первых, он, как только отоспится, снова примется за пасьянс. Хорошо еще, если долетит живым до своей планеты. Думаю, при желании мы могли бы теперь взять их голыми руками.

Они посмотрели в небо. Небо было чистым.

– Пускай только попробуют вернуться, – сказал мрачно Стропилов. – Я ему такую шахматную задачку подготовлю, что вся их армия не разгадает.

САПОЖНАЯ МАСТЕРСКАЯ

«Если ловить рыбу, осушив поток, улов будет богатым, но на следующий год рыба исчезнет. Если охотиться, выжигая леса, добыча будет обильной, но на следующий год дичи не станет».

«ВЕСНА И ОСЕНЬ ЛЮЯ»
Китай III в. до н. э.

Долгие годы в городе Великий Гусляр был только один ресторан – при гостинице. Он пользовался сомнительной славой, потому что туда, как бывает в небольших провинциальных городах, никто не ходил питаться, а ходили – гулять. Правда, порой белыми воронами возникали в нем гостиничные постояльцы. Они хотели кефира и яичницы. Они получали бифштекс и сто граммов коньяка.

Два года назад положение изменилось, потому что открылся новый ресторан, ресторан-баржа, при общежитии для туристов. У ресторана было игривое название «Гусь лапчатый» и он был оформлен в русском стиле. На стенах трюма висели прялки, грабли и чеканенные по меди домашние животные. Здесь туристов кормили комплексными обедами, в днище баржи стучала вода и если поднимался ветер, баржу слегка покачивало. За рекой начинались дремучие леса – место было

романтическое и там можно было проводить время, а не только – гулять.

Сюда директор кожевенного завода пригласил милого, еще молодого, склонного к полноте и романтике Мирона Ивановича, городского архитектора, на обед.

Обед должен быть приятным, но деловым, а дело было деликатным. Завод строил корпус заводоуправления, рядом положено быть проходной и стоянке для машин.

На месте стоянки и проходной торчала и всем мешала старая развалюха-часовня, которую занимала сапожная мастерская. Часовню надо было снести, но мешала общественность во главе с Еленой Сергеевной, директоршей городского музея. Сейчас директорша уехала в отпуск и надо было снести развалюху, пока она не вернулась.

– Я же не против, – Мирон Иванович и не скрывал своей позиции. – Часовня вылезает на мостовую, мешает движению.

– Не только мешает, а нарушает, – говорил директор завода, сводя к переносице схожие с черными мохнатыми гусеницами брови. – Нарушает общий вид твоего проекта. Ну представь себе, ты же творческий человек, что останется от вида, если она будет высовываться? Ты кушай рыбку, Мирон, хорошая рыбка. Ничего, что я к тебе попросту?

Завод был намерен построить два типовых дома, Мирон Иванович их привязывал к местности и рассчитывал на квартиру в одном из них. Житейская история. И часовня была обречена, ничто ее уже не могло спасти. Есть маленький город, в нем относительно крупный завод, городу завод нужен. К тому же эстетический момент тоже играл роль – городу хотелось иметь новое здание из стекла и сборного железобетона.

– Спасибо, рыбка вкусная, – отвечал Мирон Иванович. – Архитектурной ценности часовня не представляет. Я осматривал.

– Видишь, даже осмотрел, – сказал заместитель директора, при первом же взгляде на которого было ясно, что он шалун и страстный рыбак. – Значит проявил ответственность. А что ты завтра делаешь, в субботу?

– Не планировал, – ответил Мирон Иванович.

– Завтра нас Степанцев на рыбалку зовет. Присоединишься?

Мирону Ивановичу, человеку в городе сравнительно новому, было приятно общаться с городской элитой.

– Я, честно говоря, совсем не имею опыта, – сказал Мирон Иванович.

– А мы рыбку с собой возьмем, – засмеялся директор густым голосом. – Степанцев свиными шашлыками обеспечит.

Степанцев был заведующим свинофермой.

Мирон Иванович глядел на своих собеседников и ему было приятно. И от несильного опьянения, и от забавных мыслей, которые неожиданно посещали его. Например, мысль о том, что Степанцев, директор свинофермы, который пригласил их на рыбалку, совсем непохож на заведующего свинофермой. А похож на писателя Гоголя и даже пишет стихи. А директора завода зовут в область, на новый пост, а он всем говорит: «Лучше первым парнем на деревне, понимаешь?»

Они выпили еще, за прогресс. Заместитель директора сказал, что будь он архитектор, он бы половину города снес. Эти подслеповатые хибары, в которых жили купцы, только портят пейзаж. Директор не дал Мирону Ивановичу возразить, он сам ответил.

– Ты что же думаешь, Сергей, – сказал он. – Туристы едут с разных концов нашей родины только чтобы твоим заводом полюбоваться? Им дорога история.

– Правильно, – поддержал директора Мирон Иванович. – Вы в самую точку попали. Я потому и согласился поехать в Великий Гусляр, что здесь удивительное сочетание старины и новизны. Мы должны сохранять память о культуре. Это живая нить.

– Живая нить на живую нитку, – пошутил заместитель.

Мирон Иванович заметил краем глаза, что за соседним столиком сидит девушка в голубом платье, одна и прислушивается к его словам. Незаметно для себя он повысил голос.

– Отсюда уходили на восток землепроходцы, которые несли память о Великом Гусляре к берегам Камчатки и Ледовитого океана.

Директор не смог более терпеть – ему тоже хотелось сказать. Он остановил Мирона Ивановича мягким, но властным движением ладони и подытожил:

– Туристы едут с разных сторон нашей родины не только чтобы нашим заводом полюбоваться. Им дорога и история.

Тут заместитель директора догадался, что можно уточнить. И он сказал, тоже подняв ладонь, мягко, но решительно, чтобы Мирон Иванович не вмешался:

– Но им дорог и наш завод. Потому что это – завтрашний день Великого Гусляра. Им будет чем любоваться.

Мирон Иванович взглянул на девушку в голубом. Она смотрела на него.

– С другой стороны! – решительно произнес он.

Но тут директор снова остановил его движением ладони, которого Мирон Иванович не мог ослушаться и добавил:

– Но это не исключает.

После этого Мирону Ивановичу нечего было добавить.

В голове приятно шумело и захотелось покурить. Но курить в трюме баржи нельзя, а спутники его были некурящими, так что он извинился и пошел наверх, на палубу, где был прибит железный лист и стояло ведро для окурков.

Мирон Иванович стал глядеть вниз по реке. Вечерело, оттуда тянуло сырым, еловым воздухом и он представил себе, как завтра рано утром они поплывут на катере к Веселому омуту. По реке будет плыть утренний туман, а потом они будут есть шашлыки и весело беседовать.

И тут он уловил движение у поручней. Он быстро поглядел в ту сторону и увидел, что девушка, та самая, взгляд которой он перехватил в ресторане, стоит совсем близко. И в этом не было ничего удивительного, потому что бывают счастливые вечера, когда все в жизни получается, когда судьба идет тебе навстречу, даря славных собеседников и неожиданную щемящую встречу.

– Вы курите? – спросил Мирон Иванович, обычно крайне стеснительный с девушками. Но сейчас в нем жило глубокое убеждение, что девушка вышла на палубу именно из-за него, что она ждет, когда он осмелится к ней обратиться и не возмутится такой прямоте.

– Нет, спасибо, – сказала девушка, – я не курю.

– Душно стало? – спросил Мирон Иванович, смело разглядывая девушку и удивляясь ее тонкости, изяществу, хрупкой и угловатой линии плеч и рук, светящейся в полутьме голубизне платья, а главное, естественной воздушности небрежно парящих над плечами русых волос.

– Нет, – ответила девушка, поглядев на него в упор, и Мирон Иванович осознал ее глаза – они раскрылись навстречу ему, голубые, а может серые, но впитавшие в себя отблески бесцветного сумеречного неба, большие и доверчивые.

– А почему? – вдруг защекотало в груди. Она должна сейчас ответить, и от этого ответа в его жизни все может перемениться – то был момент сладкого страха, вызвавшего такую слабость в ногах, что Мирон Иванович быстро выкинул сигарету за борт и вцепился в поручень.

– Я вышла вслед за вами.

– А, – сказал Мирон Иванович. Стеснение и щекотание в груди не прошло, а усилилось, но никакого ответа он придумать не смог.

– Мне надо с вами поговорить, – сказала девушка и чуть приблизилась к нему, можно было протянуть руку и дотронуться до ее тонких пальцев. Но конечно Мирон Иванович не посмел этого сделать.

Мирон Иванович молчал. Девушка заговорила тихо, как будто они были на свидании, когда близко злые любопытствующие уши и нельзя им открыться.

– О чем... поговорить?

– О вас, Мирон Иванович.

– А вы откуда знаете, как меня зовут?

– Я вас увидела еще вчера, – сказала она, – и узнала ваше имя.

Трап, ведущий на палубу, заскрипел, кто-то поднимался. Девушка еще тише, настойчивее чем прежде, сказала:

– Я вас буду ждать на берегу. Не спешите, я дождусь.

На палубу поднялся заместитель директора.

– Ты здесь, – сказал он, – а я уж решил, что утонул. – Он подошел к Мирону Ивановичу, обняв его за плечо мягкой несильной рукой. – Пошли вниз. Директор хочет тост сказать.

Девушки на палубе не было.

Мирон Иванович вырвался из дружеской компании только через полтора часа.

Мирон не мог сказать старшим товарищам, что у него свидание с девушкой, имени которой он не знает. Впрочем, для себя он не называл встречу с девушкой свиданием – это было не свидание, а нечто высшее – как юношеская мечта.

Он извелся за последний час, потому что официантка не спешила со счетом, а директор желал, чтобы к кофе принесли ликер, которого в ресторане не было.

После каждой досадной задержки Мирон Иванович представлял себе, как девушка смотрит на часы и уходит, растворяется в синей

тьме, навсегда. Она же не местная! Мирон Иванович работает здесь второй год, но никогда ее не видел.

Может приехала к кому-нибудь на студенческие каникулы? Или туристка?

На выходе из трюма висело зеркало и пока его спутники получали в гардеробе шляпы, он украдкой поглядел на себя. Обычно он не переоценивал своих мужских качеств и зеркал не замечал. Но сейчас посмотрел, даже расправил плечи и убрал недавно приобретенный животик. И тут же пожалел, что поддался слабости.

На берегу Мирон Иванович крутил головой, стараясь увидеть девушку. На высокий берег тянулась деревянная лестница. Наверху горели огоньки окраинных домов, по откосу росли кусты – но девушки нигде не было. Мирон Иванович огорчился и чуть не дал себя отвезти домой на директорской машине. Но наверху лестницы он вдруг заупрямился и заявил, что пойдет домой пешком.

– Ладно, – сказал директор, – гуляй, пока молодой, в машине еще наездишься.

Заместитель директора засмеялся этой шутке.

Машина уехала, Мирону Ивановичу не хотелось уходить, надо было справиться с разочарованием. И тут он услышал голос:

– Вы заставляете себя ждать.

– Ой, – обрадовался Мирон Иванович. – Неужели вы меня дождались? Я этого даже не ожидал. Знаете, это как... как небо в алмазах.

– Преувеличение, – сказала девушка и в ее голосе Мирон Иванович уловил улыбку. – Вы меня проводите?

– Если бы вы знали, – сказал Мирон Иванович доверчиво. – Как было трудно уйти. Вы поймите меня правильно. Они такие милые люди, а иногда чувствуешь необходимость общения.

– Милые? – сказала девушка, будто в сомнении.

Она пошла по набережной, Мирон Иванович в два шага догнал ее и стал размышлять, имеет ли он моральное право взять ее под руку или это будет нетактично.

– Вы их не знаете? – сказал Мирон Иванович. – Вы местная?

– Нет.

– А как вас зовут? А то получается смешно, вы меня знаете, а я вас нет.

– Меня зовут Таней, – сказала девушка.

– Вы на каникулы приехали?

– Простите, Мирон Иванович, – сказала девушка, – но разговор сейчас не обо мне.

– Конечно, – согласился Мирон Иванович и вдруг понял, что ему нельзя взять девушку под руку – что-то в ее голосе запретило ему это сделать.

– О чем же? – спросил он.

– Разговор пойдет о ваших ошибках, – сказала девушка.

– Правильно, – согласился Мирон Иванович. – Грешен. Ошибался.

– Вы еще можете исправиться, – сказала девушка.

– Надеюсь, – сказал Мирон Иванович и взял девушку под руку.

Та освободила руку, без враждебности, но очень равнодушно, словно смахнула бабочку.

– Я весь внимание, – сказал Мирон Иванович, совсем не обидевшись.

– Сегодня вы наконец-то решились снести часовню.

– Часовню? А, часовню? Это непринципиально.

– Вам ее не жалко?

– Жалко, – сказал Мирон Иванович. – Очень жалко. Она такая милая. Чудесная часовня. Но мешает движению.

– Так вот, Мирон Иванович, – сказала девушка. – Часовню мы вам сносить не дадим.

– Ну и отлично, – согласился Мирон Иванович. Ему совсем не хотелось ссориться с девушкой. – А у вас платье так нежно светится. Как вы этого добиваетесь?

– Вы меня поняли?

– Я вас понял. Пускай стоит.

– Значит вы ничего не поняли. Вы отлично знаете, что в понедельник, пользуясь вашим потворством, директор завода часовню снесет. А вы потом, когда приедет Елена Сергеевна или когда к вам прибегут возмущенные пенсионеры, разведете руками, и будете отчаянно доказывать, что часовни и не было, а если была, то никому не нужна.

– Не было? А может мальчика и не было? – Мирону Ивановичу эта мысль понравилась. Он даже засмеялся. Потом он сказал:

– А Елену Сергеевну вы тоже знаете? Чудесная женщина. Такая патриотка. На пенсию ей пора.

– Елена Сергеевна вам мешает, – согласилась задумчиво девушка. – И очень хорошо делает.

– Нехорошо, – сказал Мирон Иванович, – она стоит на пути прогресса. Безобразие какое-то. Такая чудесная, а стоит на пути прогресса.

Они вышли на замощенную часть набережной. Одноэтажные домики, глядевшие на речку маленькими, светящимися голубым телевизионным светом глазками, кончились. Пошли дома каменные, двухэтажные. Пока они еще стояли редко, – потеснее они столпятся у центра, за гостиными рядами. С речки тянуло холодком, комары не приставали, набережная была совсем пустой, никто не гулял, потому что по телевизору показывали третью серию французского фильма о любовных связях Берлиоза.

Они миновали церковь Святого духа, повернули на Гоголевскую улицу. И тогда Мирон Иванович понял, что они гуляют не без цели, а приближаются к часовне. Ему показалось, что приход сюда был его инициативой и потому он сказал:

– Вот о ней мы и спорили. Никакой ценности, а углом вылезает на улицу.

Купол часовни давно исчез, она была крыта двухскатной железной крышей и покрашена в желтый казенный цвет. Над дверью, сохранившей еще лепнины, была прибита вывеска: «Мастерская по ремонту обуви». А по сторонам двери, у маленьких окошек были прикреплены щиты, где были изображены всякие виды обуви и написано «Ремонт срочный и в течение недели». Часовня вылезала углом на проезжую часть, потому что построили ее, когда улица была куда уже. За часовней начинался забор, за которым стоял кран – там была строительная площадка заводоуправления. Фонарь, горевший на вершине крана, казался звездочкой.

– Я вам честно скажу, Таня, – произнес Мирон Иванович. – У меня есть тщеславие. Вы думаете – вот архитектор, наверное неудачник, живет в городишке, черт знает где – это неправильно. Я как настоящий полководец – я ношу в сумке маршальский жезл.

И Мирон Иванович похлопал себя по карману пиджака.

– А зачем? – спросила девушка.

Они стояли перед сапожной мастерской, порывы ветра дергали за край плохо прикрепленной вывески и та мелко дрожала, а иногда била по штукатурке.

Они миновали церковь Святого духа, повернули на Гоголевскую улицу.

– Другие мои сверстники, даже более талантливые, просиживают штаны в больших душных комнатах столичных мастерских, воплощая чужие идеи. В тридцать, в сорок лет они остаются мальчиками на побегушках. А ради чего? Чтобы перейти площадь и попасть в зал Чайковского на симфонический концерт? Нет, я хочу всегда быть первым. Сегодня в Великом Гусляре, завтра в области. И я вернусь в Москву – победителем!

– Я сделаю все, чтобы так не случилось, – сказала девушка.

Мирон Иванович не понял, надо ли улыбнуться или обидеться, но предпочел улыбнуться, хотя улыбка вышла неуверенной.

– Если вы решили оставить меня здесь, потому что сами остаетесь, я не возражаю, – сказал он и снова протянул руку, но Таня сделала маленький шаг в сторону, будто ветер отнес ее как лепесток. Рука Мирона Ивановича повисла в воздухе, потом он указал ею на часовню и сказал:

– Что ее стоило снести сто лет назад? Никто бы не возмущался, никто бы не бил в барабаны общественности. Старое должно уступать дорогу.

– Чему?

– Новому.

– Вот этому? – Таня показала на забор, за которым спал подъемный кран.

– Именно. Хотите посмотреть? Там уже вышли на нулевую отметку.

– Нет, не хочу, – сказала девушка. – Мне некогда.

– А я думал, что мы гуляем.

– Это вы гуляете.

– Странно. Самое удивительное свидание, которое было в моей жизни.

– Теперь послушайте меня, – сказала Таня. – А то вы все говорите, а дело не двигается.

– Пожалуйста, – согласился Мирон Иванович. – Пойдем тогда в сквер. Там лавочки.

– Что вы знаете об этой часовне? – спросила Таня будто не слышала приглашения.

– Старая, – сказал Мирон Иванович серьезно, так как вопрос был задан серьезно. – Если что и было, то ничего не осталось. И очень нам мешает.

– Эта часовня, – Таня подошла к ней поближе и дотронулась до обрамления узких окошек, – одно из первых каменных зданий такого рода на севере России. Построена она в четырнадцатом веке. Уже поэтому она уникальна. Это самое старое каменное здание в городе.

– Вы архитектор или историк? – спросил Мирон Иванович.

– Я генетик, – ответила Таня, – часовню, конечно, перестраивали, но внутренний план и стены, к счастью, полностью сохранились. Зайдите внутрь.

– Нельзя, – сказал Мирон Иванович. – Заперто. Там чужие ботинки лежат. – И он тихо засмеялся.

– Нам с вами не нужны чужие ботинки, – строго возразила девушка. Она подошла к двери, что-то сделала с замком и дужка его послушно отвалилась.

Таня вынула дужку из скобы и отворила дверь. Дверь тяжко заскрипела и Мирон Иванович вдруг захотел убежать, потому что никогда еще не взламывал дверей.

– Таня! – прошептал он, – не надо.

– Заходите, – сказала Таня, входя в сапожную мастерскую и уверенно зажигая свет, как зажигают, вернувшись домой.

Часовню пополам разделяла стойка, по эту сторону стояли стулья для тех заказчиков, которые в ожидании срочного ремонта сидят, поджав под себя ноги или поставив носки на газеты, расстеленные на полу. За стойкой были видны два станка, рабочие столы сапожников и во всю заднюю стену – полки с ячейками. В ячейках, выставив носки наружу, стояли парами ботинки и туфли.

Мирону Ивановичу приходилось здесь бывать, но только днем, когда заходил починить ботинки, тогда здесь было шумно, людно, сильно пахло лаком и кожей. Сейчас почему-то даже запахи сапожной мастерской куда-то исчезли.

– Таня, – сказал Мирон Иванович. – Там на стройке есть сторож. Он услышит и будут неприятности.

– Посмотрите на потолок. Видите эти своды? – сказала Таня.

Мирон послушно посмотрел наверх и подумал, что потолок давно пора покрасить. Он в самом деле был сводчатым и в плавных линиях его была неправильность, будто его не выкладывали из кирпичей, а лепили из глины.

– Таня, – сказал Мирон Иванович, – давайте там, в сквере поговорим.

При ярком свете лампы Таня была куда менее романтичной, чем в ресторане или на улице. И глаза у нее оказались меньше, чем десять минут назад. И в движениях девушки была какая-то сухость, точность, словно яркий свет сорвал с нее вуаль и ограничил ее в пространстве жесткими линиями. И платье не светилось. Обычное голубое платье.

– Под моими ногами, – сказала Таня, топнув по истертым, крашеным в шоколадный цвет доскам пола, – на глубине полуметра находится настоящий пол часовни. Он представляет собой мозаику. Уникальную мозаику конца четырнадцатого века. Это вам что-нибудь говорит?

– Я ухожу, – сказал Мирон Иванович.

– Сейчас пойдем, не волнуйтесь. Сторож спит. А если снять все эти слои белил и штукатурки со стен, то вы увидите чудесные фрески, повествующие о жизни Николая Мирликийского. А почему именно Николая?

– Ума не приложу, – сказал Мирон Иванович, глядя на голубые стены, покрашенные масляной краской до уровня груди.

– Потому что Николай-угодник – покровитель моряков и путешественников. А эта часовня была знаменита тем, что именно сюда приходили те отважные путешественники, что уходили из Великого Гусляра в Сибирь или на Камчатку. Здесь они просили покровительства у святого. Здесь они проводили последние минуты. Неужели у вас не дрогнуло сердце?

Мирон Иванович пошел к двери и, выйдя, вкусил свежий ночной воздух, пропитанный ароматом цветущей липы, закурил, глядя на синее звездное небо.

Ему было грустно, потому что лучше бы он поехал на машине вместе с директором завода, посидели бы у него, поговорили. Любая романтика не выдерживает яркого света, сказал он себе. И это очень обидно. Не хватало еще очередной краеведши, которая решила обольстить архитектора ради никчемной часовни.

Он услышал, как Таня запирает часовню.

– Давайте я вас провожу домой, – сказал он скучным голосом.

– Лучше я вас провожу, – ответила Таня так, что Мирон Иванович сразу подчинился и даже обрадовался такому предложению, потому

что ему очень хотелось домой и он уже боялся, что не успеет выспаться перед завтрашней рыбалкой.

Они пошли по улице и Таня шла уверенно, словно знала, где живет Мирон Иванович, впрочем он не удивился бы теперь и этому – в Тане была очевидная, никак не связанная с романтикой, цель и эта цель была неприятна Мирону Ивановичу. Он шел на некотором расстоянии от Тани, как бы показывая, что не испытывает к ней никакого влечения, а если ей и показалось что-то ранее, то это была ошибка.

– У меня такое впечатление, – сказала Таня, – что я вас не убедила.

– В чем?

– В том, что часовню нельзя сносить.

– Почему нельзя? Потому что вы придумали сказку о мозаичном поле и каких-то фресках? Я могу такое придумать про любую развалину в этом городишке.

– Елена Сергеевна еще не все знает об этой часовне, но она уже нашла документы о ее освящении.

– Елена Сергеевна найдет любые документы, – Мирон Иванович старался не раздражаться, – потому что ее святая цель превратить Великий Гусляр в мертвый музей, куда бы приезжали оголтелые туристы, ехали и щелкали аппаратами.

– Почему же оголтелые?

– Да потому что турист у себя дома живет в нормальном высотном доме, пользуется водопроводом и ездит по широким улицам. Ему и в голову не приходит, что здесь тоже живут люди, не менее его склонные к комфорту и прогрессу.

– Кто вам мешает строить дома не на месте старых, а в стороне?

– А вам известно, Танечка, – слово Танечка было лишено всякой ласки, оно было куда официальнее нежного – Таня, – что такое коммуникации? Вам известно, сколько стоит городское строительство, вы слышали что-нибудь о транспорте? Знаете что, – наконец-то Мирону Ивановичу удалось распалить себя справедливым негодованием, – занимайтесь своей генетикой и не мешайте тем, кто строит вам дома. Если каждый будет лезть в чужие дела, мы ни черта не сделаем!

– Это не чужое дело, – сказала Таня и чуть улыбнулась при этом. – Это наше общее дело.

– Если вы намерены читать мне лекцию, можете сэкономить время и усилия. Я все читал. Я все знаю. Я не меньше вас берегу природу и

культурное наследие. Но нельзя же держаться за это культурное наследие, как за соску. Мы выросли из колыбели!

– Ах, вот вы какой! – сказала Таня заинтересованно. – А на вид кажетесь мягким, даже растяпой.

– Спасибо.

– Вы знаете, что будет на месте этой часовни?

– Знаю. Стоянка для автомобилей. К тому же мы наконец-то сможем спрямить улицу.

– А палаты, которые стояли раньше за часовней, вы уже снесли.

– Какие, к черту, палаты? Там стоял барак.

– Не надо мне врать, – сказала Таня учительским голосом. – Вам удалось их снести, потому что вы вместе с вашими новыми друзьями смогли доказать, что реставрировать их обойдется дороже, чем построить заново. И вы победили Елену Сергеевну.

– Вот видите! – сказал Мирон Иванович.

Такая осведомленность девушки была безобразной, потому что решение о сносе каменных бараков, которые Елена Сергеевна упорно именовала палатами, не было обнародовано.

– Ну вот и ваш дом, – сказала Татьяна.

Они дошли до трехэтажного типового дома, в котором у Мирона Ивановича была небольшая квартира. А он и не заметил, как дошли.

– Тогда спокойной ночи, – сказал Мирон Иванович.

– Может посидим на скамеечке? Или вам уже расхотелось?

– Мне спать пора.

– Чтобы завтра браконьерствовать?

– Не надо громких слов. Завтра мы едем на рыбалку.

– Знаю я эту рыбалку, – сказала Таня и села на скамеечку. – Садитесь.

– Нет.

– Я вам сказала – садитесь! Пока вы надеялись, что будете со мной целоваться, вы никуда не спешили.

– Пять минут, – сказал Мирон Иванович.

Он сел.

– Знаете что, – сказала Таня. – Если вы согласитесь не сносить часовню, я вас поцелую. Честное слово.

– Дешево цените мою принципиальность, – сказал Мирон Иванович.

– Да поймите же, принципиальный архитектор. Я знаю куда больше вас. Я знаю, что часовню вы не снесете, мы вам этого не позволим. Я знаю, что вы не поедете завтра на рыбалку, потому что в шесть утра вам позвонит этот толстяк – ну как его, заместитель директора, и все отменит.

– Не думайте, что вы меня заинтриговали, – Мирон Иванович в самом деле не был заинтригован. Он клял себя за слабость – надо было сразу резко сказать ей – ухожу! – и уйти.

– Я не интригую. Неужели вы думаете, мы будем тратить время и силы для того, чтобы я сидела с вами на лавочке или гуляла под луной?

– Тогда идите спать.

– Последний раз обращаюсь к вашему разуму – спасите часовню.

– Глупости. Часовня нам мешает. Она никому не нужна. Мы возводим города будущего, башни из стекла и сборного бетона.

– Я вам гарантирую, что эта часовня переживет ваши шедевры из сборного бетона, потому что они, в сущности, времянки. Стандартные времянки, собранные за неимением лучшего. Пройдет совсем немного времени и строительство снова станет созданием прекрасного.

– У нас с вами разные вкусы.

– Не сравнивайте, потому что у вас нет никакого вкуса. Откуда быть вкусу у человека, лишенного корней?

– Все, – сказал Мирон Иванович. – Мне это надоело.

– Если бы вы знали, как вы мне надоели, – сказала девушка. – Ведь такие уроды как вы, думающие только о сегодняшней выгоде, о том, чтобы посидеть в ресторане с заказчиком и выполнить план, это они снесли в этом городе шесть церквей, гостиные ряды и не счесть сколько старых домов, созданных людьми, которые знали что такое красота.

– Зачем же обвинять меня в перегибах тридцатых годов? – удивился Мирон Иванович. – Это нечестно. Я сам выступал за реставрацию крепостной башни.

– К счастью, ваше поколение – последние истребители русской культуры.

– Вы надеетесь, что придут другие? Лучше?

– Я убеждена.

– Что ж, подождем, – сказал Мирон Иванович. – Спокойной ночи. – Он не знал, надо ли прощаться за руку, потом решил, что не надо, кивнул и пошел к подъезду.

Таня догнала его в дверях.

– Погодите, – сказала она. – Я вам только покажу один снимок. Надеюсь, это останется между нами.

Она протягивала ему цветную фотографию размером в открытку. В подъезде было светло и Мирон Иванович явственно разглядел картинку – небольшую приземистую белую церквушку, с куполом, двумя узкими стрельчатыми, в глубоких нишах, окошками и низкой дверью под тяжелым, будто витым из ветвей, порталом.

– И что? – спросил он.

– Это она, – сказала Таня. – Нравится?

Мирон Иванович сразу догадался, что если иначе сделать окна, восстановить портал, да еще восстановить барабан и купол, то из сапожной мастерской получится памятник архитектуры.

– Пришлось снять метр земли, – сказала Таня, – ведь культурный слой здесь довольно толстый – зато сразу изменились пропорции, правда?

Мирон Иванович заметил, что за часовней, там, где должен возвышаться корпус заводоуправления, видны только зеленые деревья.

– Липа, – сказал он уверенно.

– Почему?

– Здания нет. Рисуете, так соблюдайте историческую правду. Где заводоуправление?

– Снесли, пока совсем не развалилось.

– Снесли? В прошедшем времени?

Почему-то Мирон Иванович подумал о том, какие тонкие в доме стены и соседи услышат, как он поздно вечером беседует с девушкой, причем на странные темы. Поэтому конец вопроса он произнес шепотом.

Девушка ничего не сказала, в руке у нее было еще две фотографии. Одна изображала какой-то довольно грубый орнамент, вторая – белесую картинку с наивными волнами и кораблем, полным примитивных человечков.

– Это мозаичный пол, – сказала девушка, – и фреска. Как видите, я вас не обманывала.

– Я не знаю, зачем вы все это нарисовали, – сказал шепотом Мирон Иванович, – но на мое решение эти фальшивки не окажут никакого влияния.

Он чувствовал себя оскорбленным судьбой заводоуправления. Совсем неплохое получилось здание, с просторными кабинетами, столовой, залом заседаний – такое здание не стыдно построить и в крупном городе.

– Это не фальшивки, – сказала Таня, – фотографии.

– Тогда они не могут существовать.

– Почему?

– А когда же, простите, их сделали? Где, простите, – Мирон Иванович не скрывал сарказма, – вы увидели купол над сапожной мастерской?

– Через сто двадцать лет, – сказала Таня.

– Элегантно.

– Эти фотографии будут сделаны через сто двадцать лет.

Неестественность и в то же время окончательность этого ответа заставила Мирона Ивановича забыть, что он не хочет терять ни минуты на пустые разговоры. Если допустить совершенно невероятное, если счесть, что ты не жертва дурного розыгрыша, а очевидец невероятного события... впрочем, в самом облике этой девушки с самого начала виделось нечто неземное и совершенно необыкновенное, иначе почему Мирона Ивановича, человека сдержанного и никак не влюбчивого, потянуло к этой девушке как мотылька к яркому свету?

И пока эти спутанные и неосознанные мысли прыгали по мозгу как кузнечики в высокой траве, Мирон Иванович так и стоял с фотографиями, не желая глядеть на них и в то же время не смея поднять глаз на Таню, и потому Архипов, его сосед по этажу, который в этот поздний час шел из гостей и очень удивился, столкнувшись с городским архитектором в слишком юной компании, вынужден был подвинуть Мирона Ивановича, так как тот не ответил на приветствие, и был похож на человека, парализованного горем.

Когда Мирон Иванович привел в порядок мысли и поднял голову, Архипов уже прошел к себе в квартиру, кинув сверху лестничного марша оценивающий взгляд на Таню.

– Что же вы предлагаете? – спросил Мирон Иванович.

– Не сносить часовню.

– Но ведь ее и так не снесут.

– Правильно. Но мы еще не знаем, какой ценой.

Таня поглядела в пустые от шока глаза Мирона Ивановича, взяла его за руку и вывела в летнюю ночь. Мирон Иванович покорно сел на лавочку.

– Я отказываюсь понимать, – сказал он, наконец, возвращая фотографии.

– Вы все понимаете.

– Так чего же вы раньше ждали?

– Все очень просто – мы на пределе проникновения.

– Проникновения к нам? – догадался Мирон Иванович.

– Да, глубже мы опуститься в прошлое не можем – сто двадцать лет – предел.

– И вы столько всего упустили?

– Сегодня нас очень мало, – сказала Таня. – Единицы. Завтра будет больше. Пока на это уходит три четверти энергии всей Земли.

– Ну зачем так много! – потрясение боролось с недоверием в душе Мирона Ивановича.

– Неужели вы не поняли? Мы живем в мире, который сделан вами. Сделан вами вчера и сегодня. Построен или разрушен. Облагорожен или загажен. Если мы можем остановить дурное – мы будем это делать. Завтра, послезавтра, каждый день. Сегодня – один из самых первых дней.

Таня положила узкую ладонь на руку Мирону Ивановичу, как бы успокаивая его.

– Вы не волнуйтесь, – сказала она. – Мы вообще стараемся не говорить людям прошлого. Но вы были такой упрямый.

– Впрочем, эта часовня – пустяк, – оживился Мирон Иванович. Он вдруг не только поверил – внутренне, искренне, окончательно, что именно его избрали в качестве интеллигентного доверенного собеседника, но и понял, что они поступили верно. – С ней вы справитесь. Я вам должен сказать, что есть куда более важные проблемы. Беспрерывно загрязняются водоемы, леса – знаете как идет рубка и сплав леса? А загрязнение атмосферы? Вам же этим надо дышать. Или вы занимаетесь только культурой?

– Мы занимаемся всем.

– Вот вы и займитесь. Это не терпит отлагательства.

– Мирон, милый, – сказала Татьяна и глаза ее светились ярче голубого платья. – Вы, по-моему, не все поняли. Мы вам не няньки. Мы –

это вы – только завтра. Не нам, а вам надо остановиться и не травить себя и нас.

– Конечно, – сказал Мирон Иванович. – Разумеется. Это очень точно о нашей общей ответственности.

– Я тут всего несколько дней и меня, честно говоря, потрясает пропасть между благими пожеланиями и вашими каждодневными действиями. Вы все согласны не губить лесов и не травить рек. Вы все согласны не сносить древних памятников и не кидать в траву консервные банки. Но когда это касается именно тебя, когда ты совершенно один, и никто не видит и не может схватить тебя за руку – почему ты кидаешь консервную банку и глушишь рыбу динамитом? Почему?

Мирон Иванович держал в руке окурок, который он намеревался бросить в кусты. Окурок жег пальцы, но бросить его было как-то неловко.

– Рыбу я не глушу, – сказал он, поджимая, чтобы не обжечь, пальцы.

Он понял, что надо спешить. Таня уйдет. В любой момент. Ей Мирон не нужен. Добьется своего и уйдет.

– Мне надо узнать, я никому не скажу. Пожалуйста, в виде исключения. Я конечно понимаю, что заводоуправление сто лет не продержится. Материалы оставляют желать лучшего. Но ведь в будущем я перейду на монолит. У меня есть кое-какие задумки. Мне очень важно знать, что я осуществлю. Скажи, пожалуйста.

Сигарета обожгла пальцы и Мирон Иванович кинул ее в кусты.

– Я только знаю, что заводоуправление снесут. Это еще до меня случится. А больше я ничего не знаю.

– Жалко, – сказал Мирон Иванович. – Впрочем, архитекторов везде забывают. А часовню будем беречь.

– Хорошо, – сказала Таня. – На той неделе вы вступите в общество охраны памятников. Не формально, а как его активный член.

– Разумеется, – сказал Мирон Иванович. – Можно личный вопрос?

– Я не замужем.

– Нет, я про часовню. Понимаете, я здесь человек относительно новый и мне, скажем, не всегда легко вжиться, здесь уже свои отношения... – Мирону Ивановичу показалось, что наверху приоткрылось окно. Может кто-то подслушивал. Он опять перешел на шепот.

– Вот вы мне показали фотографии и это означает, что часовня обязательно сохранится. И доживет до ваших дней. Мне лично это

очень приятно. Но если в этом есть уже определенность, как бы закон вечности – можно мне в этом не участвовать?

– Как так?

– Лично не участвовать. Представьте себе, мы сегодня так хорошо посидели с моими заказчиками, с ними мне и дальше придется работать – завод в городе – это сила. А если я завтра приду и скажу им, что я отказываюсь, потому что ко мне пришла одна девушка из будущего...

– Этого вы никогда не скажете. Вы не дурак. Вам не поверят и правильно сделают. Вы объясните, что как городской архитектор...

– Погоди, Танюш, пойми – если все равно эта проклятая сапожная мастерская сохранится, то значит мне можно ничего им не говорить?

– Ах вот вы о чем! – Таня так громко это сказала, что Мирону Ивановичу захотелось зажать ладонью ее пухлые губы. – Значит я в принципе за, но свою драгоценную задницу ради этого я не приподниму.

– Ну зачем так грубо! Ты здесь чужой человек – пришла-ушла, а мне жить. Они же мне не простят, я лишусь их доверия.

– А ведь нет доверия.

– Есть. Есть добрые человеческие отношения. Я буду совершенно откровенен – мы сдаем заводской дом. Улучшенной планировки. В нем они дают мне двухкомнатную квартиру. Это не аргумент для такого светлого будущего – там у вас проблем может и нет – сколько у тебя комнат?

– Не скажу. Я тебе больше ничего не скажу.

– Но ведь часовня все равно будет стоять! Значит кто-то другой примет меры. Кто-то более высокостоящий.

– Архитектор, – и тут Мирон увидел, как глаза Тани зажигаются голубоватым, ослепительным прожигающим светом, – ты ничего не понял. Часовня будет спасена, именно потому что ты ее спасешь.

– Нет, – Мирон покачал головой. – Не я.

– И если ты не спасешь ее добром, мы перейдем к действиям.

– К каким же, простите, вы приступите действиям в чужом веке? Вы здесь, мадам, простите, не прописаны.

– Слушайте. Я сейчас ухожу. И больше тратить времени на вас не буду. Я все объяснила. Я сказала, что мы идем в прошлое, чтобы спасти свое настоящее – и ваше будущее. Мы знаем – кто конкретно виновен в том или ином проступке против земли, воздуха, планеты, лю-

дей. Мы идем к этим людям. Мы говорим с ними добром. Но бывают случаи, когда нам попадается темный эгоист, себялюбец, преступник.

– Таня!

– И тогда мы принимаем другие меры. Неужели ты полагаешь, что ради будущего всей Земли мы пощадим нескольких подонков?

– Я тебе не давал повода!

– Я виновата. Я подумала – ах, какой милый человек! Он все поймет.

– Я все понимаю – ты не хочешь понять меня!

– Ты завтра же скажешь, что часовня остается. Даже если рискуешь потерять новую квартиру и собутыльников.

– А если нет, убьете?

Мирон Иванович сказал это роковое слово будто в шутку, но глаза Татьяны были колючими как обломки льдинок.

– Да, – сказала она.

– Мы для вас... так? Ничто?

– Я пошутила. Но подумай о судьбе Степанцева.

– Кого?

– Заведующего свинофермой.

Таня быстро поднялась, словно взлетела над скамейкой.

И побежала прочь.

Мирон Иванович ринулся было за ней, но понял, что бессмысленно бегать. Ему было обидно. Он не хотел ничего дурного – он хотел только, чтобы его поняли – каждый человек хочет, чтобы его понимали.

Вдали за кустами светлячком мелькнул голубой огонь.

Мирон Иванович поднялся к себе в малогабаритную однокомнатную квартиру, – иной не будет – лег спать и сразу заснул, хотя полагал, что будет всю ночь думать.

Ему казалось, что он только прилег, как раздался телефонный звонок. Он гремел как колокол – он заставил вскочить, кинуться к телефону, еще не вспомнив о вчерашнем.

– Что? Кто?

– Спишь? Прости, старичок, – это был голос заместителя директора завода. – Я думал, ты уже во дворе стоишь с рюкзачком.

– Здравствуйте. А сколько времени?

– Скоро семь.

– Я сейчас. Сейчас выйду.

– Не спеши, отдыхай. Отменяется путешествие. И шашлыки тоже.

– А что?

– Через час дамбу прорвет.

– Какую дамбу? – Мирон Иванович уже проснулся, но никак не мог вспомнить никакой дамбы в Великом Гусляре.

– Не знаешь ты еще нашей специфики, Мироша, – сказал заместитель и вздохнул. – Дамба у Степанцева на свиноферме, где пруд с отходами. Все никак не наладит вывоз на поля – вот этот пруд каждый год переполняется и уух! – прорывает! Черт знает что – надо же чтобы сегодня!

– Куда прорывает?

– В реку – куда же. Каждый год. Так что до завтрашнего дня к реке не подходи. А какая рыба сбежит от этого навоза, ей надо недели две, чтобы вернуться. Усек? Вся рыбалка прикрывается. И к реке не подходи!

– Надо же принять меры.

– Какие?

– Всех мобилизовать – молодежь, школьников, чтобы дамбу укрепить.

– Во-первых, там вонь – с мобилизацией не выйдет. Во-вторых, зачем ее укреплять? Ее укрепишь – через две недели все равно прорвет – еще хуже. Нет – стихийное бедствие должно быть ограничено. Ты спи, отдыхай, только к реке сегодня не ходи.

Заместитель хихикнул, но как-то невесело, и повесил трубку. Мирон Иванович отдыхать не стал. Он уже окончательно проснулся и все вспомнил. И вчерашнюю Таню, и сомнительную – теперь ярким утром она казалась сомнительной – историю с фотографиями. Почему он поверил ей? Это же чепуха. Может потому что светилось платье?

Ему захотелось выйти к реке. Пока еще можно.

Он оделся и пошел. У скамейки остановился – как будто там мог остаться след Тани. Никакого следа не было. Потом он пошел вниз к реке. Сапожная мастерская еще была закрыта, но за забором на стройке шумела машина – стройку гнали в две смены. Он поглядел на сапожную мастерскую, но угадать в ней той часовни с фотографии не смог. И это еще более укрепило его в мысли о том, что он стал объектом злого розыгрыша и стало стыдно, что он унижался перед этой студенткой.

Он остановился на высоком берегу реки. Далеко справа была видна баржа-ресторан. Если прорвет, подумал он, то на баржу тоже не

поедешь. И он начал раздражаться против этого заведующего – как его фамилия – Степанцев? А что говорила Таня – подумай о судьбе Степанцева. Она знала о нем. Значит она имела в виду прорыв дамбы. И штраф, который тот Степанцев заплатит рыбоохране. И Мирон Иванович снисходительно улыбнулся, потому что Степанцев каждый год платит эти штрафы – привык. Наверное субъективно, подумал Мирон Иванович, Степанцеву, как рыбаку, горько сознавать, сколько рыбы гибнет – но что поделаешь? Через час прорвет? Час уже прошел. Может пойти, поглядеть на дамбу, что-то придумать – он же главный архитектор города. Но тут Мирон Иванович подумал об отвратительном запахе, который исходит от того пруда. Нет, туда он не пойдет.

Река текла чистая, только ближе к берегу тянулась как всегда полоса рыжей воды – от кожевенного завода. Мы можем быть жестокими – говорила Татьяна или ему померещилось? Интересно, эту дамбу прорывает сразу, с шумом, или она просто расползается?

Стоять на берегу и ждать стихийного бедствия надоело.

Мирон Иванович пошел домой – все равно день получался какой-то неустроенный. Куда же девалась эта Таня? Кого-нибудь еще пугает? Нет, голубушка из так называемого будущего, нас не запугаешь! Вам нужны великие потрясения – нам нужна Великая Россия!

Ему понравилась последняя фраза. Как будто сам ее сочинил. Но будучи честным человеком, Мирон понимал, что фразу сочинили раньше – кто-то из классиков. Может быть сам Маркс.

Дома он позавтракал – холостяцкая яичница, да простокваша из скисшего молока. Скромно жил Мирон Иванович, да и не бегал за богатством.

Тут снова позвонил телефон. Снова на проводе был заместитель директора завода.

– Ты не спишь, Мирон? – спросил он.

– Нет, не сплю.

– А тут такое дело...

Голос заместителя Мирону не понравился. Беспокойный был голос.

– Говорите, – потребовал Мирон.

И уже заранее знал – что-то, связанное с этой Татьяной, принесла ее нелегкая в наше время. Хотя вернее всего она и не из будущего, а из-за самого элементарного кордона. Враг.

– Прорвало дамбу. Слышишь?

– Так вы же предупреждали.

– Предупреждал, но не в той форме.

– Говорите же!

– Понимаешь, не в ту сторону прорвало. Должно было в речку прорвать, как всегда, а прорвало наверх, к лесу, такого и быть не может.

– Ну и слава богу, – сказал с чувством Мирон, – значит едем?

– Куда?

– На рыбалку.

– Чудак-человек. Дослушай сначала, а потом говори. В том направлении дом Степанцева стоит. У самого леса, со стороны господствующего ветра, чтобы амбрэ не достигало...

– И пострадал?

– Степанцев?

– Дом пострадал?

– Дом затопило, говорю! До второго этажа. И ковры, и мебель, и картину в раме. Степанцев как увидел, что на него девятый вал от фермы идет, успел пожарную команду вызвать, но те остановились, не доехали, издали смотрели.

– А Степанцев?

– Степанцев? Что Степанцев... тело достали, тело вынесло на лужайку. Но откачать не смогли. В противогазах откачивали, а не смогли.

– Что? Утонул?

– Царство ему небесное. Несчастный случай. Во цвете лет... Ты чего замолчал?

– Так... думаю.

– Чего думать? Мы его не возвратим. Хороший хозяйственник был, смелый. И человек хороший. Бутылку из горла за минуту выпивал. По часам.

– А там никого не заметили посторонних?

– Думаешь акция?

– Не знаю.

– Погоди, не вешай трубку. Я тебе что звоню. Ты насчет сапожной мастерской придумал аргументы? Ты не тяни, думай. В понедельник общественность ломать будем. Какой-то мерзавец Елену Сергеевну из отпуска вызвал. Телеграммой. Она завтра приезжает. Молнию нам отбила, «иду на вы!». Эх, не люблю я некоторых... Бой будет как под Полтавой. Чтобы порох был сухим, понял?

Мирон молчал... полминуты молчал и его собеседник, слушал его частое дыхание, ждал.

– Я вот думал, – сказал Мирон Иванович наконец. – Все-таки постройка четырнадцатого века, культурное наследие... не исключено, что под полом есть мозаика.

– Мироша, ты себе цену не набивай, – сухо ответил заместитель директора. – Ты и вчера знал, какая ценность. В случае надобности мы тебя прикроем, в другой район переведем. А в случае ненадобности – берегись!

– Вот и Степанцев берегся.

– Степанцев утонул как крейсер «Варяг». В бою. За что ему слава.

– Крейсер «Варяг» в воде утонул.

– Думай до понедельника, – сказал спокойно заместитель директора. – И учти, мы всегда побеждаем.

Мирон попрощался, повесил трубку, медленно подошел к окну. День был светлый, ветреный, солнечный. Сквозь листву был виден угол крыши сапожной мастерской. Заныл зуб. А вчера еще было все так просто...

Оглавление

ВЕЛИКИЙ ГУСЛЯР т. I
ОТ АВТОРА 6
ВСТУПЛЕНИЕ 9
ОТ АВТОРА 2 12
СВЯЗИ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА 14
ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ 24
ОТВЕТНОЕ ЧУВСТВО 46
КЛАДЕЗЬ МУДРОСТИ 69
КАК ЕГО УЗНАТЬ? 83
НАДО ПОМОЧЬ 97
НЕДОСТОЙНЫЙ БОГАТЫРЬ 105
СЪЕДОБНЫЕ ТИГРЫ 144
РАЗУМ В ПЛЕНУ 170
ДОМАШНИЙ ПЛЕННИК
Предисловие 190
ГЛАВА ПЕРВАЯ 192
ГЛАВА ВТОРАЯ 195
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 199
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 205
ДВЕ КАПЛИ НА СТАКАН ВИНА 207
НУЖНА СВОБОДНАЯ ПЛАНЕТА *повесть*
ПРИСКОРБНЫЙ СКИТАЛЕЦ 226
ПЕРВАЯ ПЛАНЕТА 230
ВТОРАЯ ПЛАНЕТА 236
ТРЕТЬЯ ПЛАНЕТА 247
ЧЕТВЁРТАЯ ПЛАНЕТА 253

ПЯТАЯ ПЛАНЕТА ... 264
ШЕСТАЯ ПЛАНЕТА, И ПОСЛЕДНЯЯ ... 270
СНОВА ЧЕТВЁРТАЯ ПЛАНЕТА ... 273
ЗАКЛЮЧЕНИЕ ... 278

ЛЮБИМЫЙ УЧЕНИК ФАКИРА ... 281

КОГДА ЧАПАЕВ НЕ УТОНУЛ ... 300

ВОЗВЫШЕНИЕ УДАЛОВА ... 310

Водевиль в одном действии с прологом

СРЕДСТВО ОТ ДАВЛЕНИЯ ... 339

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Предисловие ... 358
БРАТЬЯ В ОПАСНОСТИ! ... 360
АГЕНТ ЦАРЯ ... 364
ЭДИСОН И ГРУБИН ... 367
КИРПИЧНЫЙ ЗАВОД ... 370
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ БОРЬБЫ С СУЕВЕРИЯМИ ... 377
ХРОНОФАГИ ... 379
ГЛАВНАЯ ТАЙНА ТОЛСТОГО ... 382
БОГОМОЛЬЦЫ ДОЛЖНЫ ТРУДИТЬСЯ! ... 386
ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ... 387
УЧАСТНИКАМ ФЕСТИВАЛЯ ФАНТАСТИКИ «БЕЛОЕ ПЯТНО» ... 388

ПО ПРИМЕРУ БОМБАРА ... 389

КОСМИЧЕСКИЙ ДЕСАНТ ... 402

РЕТРОГЕНЕТИКА ... 409

СИЛЬНЕЕ ЗУБРА И СЛОНА ... 420
ГЛАВА ПЕРВАЯ ... 420

ГЛАВА ВТОРАЯ 423
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 424
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 429

ЛЕНЕЧКА-ЛЕОНАРДО
Предисловие 431
ЛЁНЕЧКА-ЛЕОНАРДО 432

О ЛЮБВИ К БЕССЛОВЕСНЫМ ТВАРЯМ 439

ПАРОВОЗ ДЛЯ ЦАРЯ 448

ВОСПИТАНИЕ ГАВРИЛОВА 459

ОБИДА 465

ГРАДУСНИК ЧУВСТВ 474

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ МИКРОБ *повесть* **..... 483**
ГЛАВА ПЕРВАЯ 483
ГЛАВА ВТОРАЯ 484
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 489
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ 494
ГЛАВА ПЯТАЯ 497
ГЛАВА ШЕСТАЯ 501
ГЛАВА СЕДЬМАЯ 506
ГЛАВА ВОСЬМАЯ 512
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ 519
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ 523
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ 527
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ 533
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ 540
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ 543
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ 548
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ 557

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ 560
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ 566
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ 572
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ 579
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ 586
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ 599
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ 605
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ 609
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ 615

ГУСЛЯР – НЕАПОЛЬ 619

БЕРЕГИСЬ КОЛДУНА! 632

СНЫ МАКСИМА УДАЛОВА 640

ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ 649

УПРЯМЫЙ МАРСИЙ 661

Краткий отчёт о маловероятных событиях,
имевших место в городе Великий Гусляр за последний год.

ЧЕРНАЯ ИКРА

Предисловие 664
ЧЁРНАЯ ИКРА 664

ДВА ВИДА ТЕЛЕПОРТАЦИИ 672

ДАР ДАНАЙЦА 677

ПРОЩАЙ, РЫБАЛКА 684

ЖИЛЬЦЫ 704

СВОБОДНЫЕ МЕСТА ЕСТЬ 718

ЯБЛОНЯ 729

СОБЛАЗН

ГЛАВА ПЕРВАЯ 737
ГЛАВА ВТОРАЯ 742

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ... 743
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ... 744
ГЛАВА ПЯТАЯ ... 745
ГЛАВА ШЕСТАЯ ... 747
ГЛАВА СЕДЬМАЯ ... 750

РОДИМЫЕ ПЯТНА ... 752

КОПИЛКА ... 764

ПОДОПЛЁКА СКАЗКИ ... 772

ДВА САПОГА – ПАРА ... 792

КАЖДОМУ ЕСТЬ ЧТО ВСПОМНИТЬ ... 800

ТЕХНОЛОГИЯ РАССКАЗА ... 813

ОПОЗОРЕННЫЙ ГОРОД ... 828

ОНИ УЖЕ ЗДЕСЬ! ... 841

РАЙОННЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ ПО ДОМИНО ... 847

ПОЙМИ ТОВАРИЩА! ... 854

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ ГАВРИЛОВ ... 871

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ ... 877

СВОБОДНЫЙ ТИРАН ... 886

НАСТОЙ ЗАБВЕНИЯ ... 893

АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГАВРИЛОВА ... 900

ДАНТИСТ ГАВРИЛОВ ... 904

ПОВЕСТЬ О КОНТАКТЕ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ... 911
ЧАСТЬ ВТОРАЯ ... 917

ПЕРПЕНДИКУЛЯРНЫЙ МИР *повесть*
Вступление ... 922
ПЕРПЕНДИКУЛЯРНЫЙ МИР ... 924

СПОНСОРА! 1008
ТИТАНИЧЕСКОЕ ПОРАЖЕНИЕ 1014
КОВАРНЫЙ ПЛАН 1023
САПОЖНАЯ МАСТЕРСКАЯ 1041

Кир Булычёв

ВЕЛИКИЙ ГУСЛЯР
ТОМ I

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Том 307

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010 не требуется знак информационной продукции, так как данное издание классического произведения имеет значительную историческую, художественную и культурную ценность для общества

Компьютерная верстка, обработка иллюстраций
Е. Гезенцвея

Дизайн обложки, подготовка к печати
А. Яскевича

Гарнитура Гарамонд Премьер Про
13 кегль

Сдано в печать 14.10.2024
Объем 67 печ. листов
Тираж 2000 экз.
Заказ №

Бумага
Сыктывкарская книжная кремовая офсетная 60 г/м^2

ООО «СЗКЭО»
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru
Интернет-магазин: www.сзкэо.рф

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А,
www.pareto-print.ru

Кир Булычёв (1934–2003) — советский и российский писатель, переводчик, сценарист и востоковед, хорошо известный многим поклонникам фантастики. Свой творческий псевдоним Игорь Всеволодович Можейко составил из имени жены Киры Сошинской и девичьей фамилии своей матери — Марии Булычёвой. Можейко родился в Москве. В детстве мальчик любил читать, особенно он увлекался произведениями таких писателей-фантастов, как Александр Беляев и Иван Ефремов. По окончании школы Можейко поступил в Московский государственный институт иностранных языков, где выучил английский и бирманский. Позднее он окончил аспирантуру Института Востоковедения АН СССР и там же остался работать. Можейко защитил кандидатскую и докторскую диссертации по истории Бирмы, занимался переводами и писал историко-географические очерки для различных журналов. В научных кругах Игорь Всеволодович был известен своими публикациями по истории Юго-Восточной Азии. Фантастические рассказы и повести писатель публиковал исключительно под псевдонимом: в научной среде фантастическая литература считалась литературой несерьёзной, и Можейко мог столкнуться с осуждением коллег. Литературная деятельность Игоря Всеволодовича отличалась многообразием: он издавал научные труды, публицистические статьи и художественные произведения. Особенную слабость Булычёв питал к циклам сочинений, объединённых общими героями, локациями или тематикой. К ним можно отнести серии о докторе Владиславе Павлыше, о находчивой девочке из будущего Алисе и о необыкновенном городе Великий Гусляр, в котором реальность тесно переплетается с фантастикой. Прообразом Великого Гусляра стал Великий Устюг, который Булычёв посетил ещё до того, как начал заниматься художественной литературой. Город так поразил писателя, что несколько лет спустя он запечатлел его облик в первом своём рассказе из гуслярской серии — «Связи личного характера». С тех пор на протяжении длительного периода времени Булычёв продолжал выпускать рассказы и повести о дивном городе и незаурядных людях, его населяющих. Данное издание — первый том собрания сочинений о Великом Гусляре. В него вошло шестьдесят рассказов и три повести Булычёва.

Рисунки к текстам сборника выполнили советские и российские мастера книжной графики. Евгений Тихонович Мигунов (1921–2004) — прославленный иллюстратор, мультипликатор и карикатурист. Виктор Михайлович Минеев — книжный иллюстратор, занимавшийся оформлением множества различных изданий, в том числе периодических.